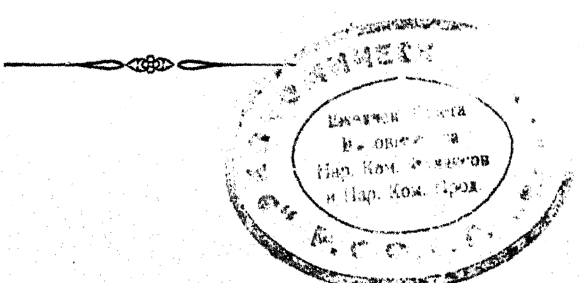
НЕ КОПИРОВ.

С. К. Рогель

Приватъ-Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Вопросы уголовнаго права, процесса и тюрьмовѣдѣнія.

СОБРАНІЕ ИЗСЛѢДОВАНІЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1906.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1695
29

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Вопросы уголовнаго права.

стр.

1. Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія. 1
2. Проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія. 59
3. О замѣнѣ ссылки въ Сибирь другимъ наказаніемъ. 80
4. Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ. 120
5. Условное осужденіе въ Германіи. 152
6. О желательности и возможности введенія въ Россіи института условнаго осужденія. 158
7. Проектъ закона объ отсрочкѣ наказанія. 197
8. Рѣчь въ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества 6 ноября 1904 объ условномъ осужденіи. 201
9. Новое ученіе о преступленіи и наказаніи. 208
10. Предметъ науки уголовнаго права. 223
11. Единство дѣйствія въ уголовномъ правѣ. 232
12. Юридическая сторона вопроса о торговлѣ бѣлыми женщинами въ цѣляхъ разврата. 250

II. Вопросы уголовнаго процесса.

1. Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи. 261
2. Коренныя особенности постановки суда присяжныхъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ. 352
3. Необходима ли реформа суда присяжныхъ. 370
4. Судебные уставы 1864. Значеніе ихъ въ исторіи русской культуры. 377

стр.
5. По поводу проекта судебной реформы 1900 г. 413
6. Къ вопросу объ обремененіи нашего судебнаго вѣдомства работою. 453
7. Проектъ реформы уголовнаго процесса въ Германіи. 462

III. Вопросы тюрьмовѣденія.

1. О наложеніи оковъ на арестантовъ. 477
2. Значеніе тюремнаго заключенія какъ наказанія въ прошлое и настоящее время. 486
3. Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. . 497
4. О развитіи правильной постановки попроната въ Россіи. . . . 609
5. Объ удаленіи невинныхъ дѣтей изъ тюремъ. 633

Собранныя здѣсь отдѣльныя изслѣдованія выходили въ свѣтъ въ разное время въ теченіе 13 лѣтъ (1893—1906). Большинство затронутыхъ въ этихъ изслѣдованіяхъ вопросовъ, можно сказать, даже почти всѣ, еще очень далеки отъ благопріятнаго разрѣшенія, а поэтому и сами изслѣдованія сохранили то же, весьма скромное, конечно, значеніе, которое они имѣли и вначалѣ.

Первой по времени напечатанія является работа, посвященная вопросу о необходимости снятія оковъ съ арестантовъ, какъ мѣры безполезной и жестокой. Всѣ дальнѣйшія работы объединяетъ въ сущности та же идея—необходимости отказаться отъ жестокихъ и безполезныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступностью, желательности снять оковы и путы, наложенныя рутиною, устарѣвшими взглядами и устарѣвшими научными теоріями на живое дѣло: приблизить науку права, процесса и тюрьмовѣденія къ жизни, обезпечить удовлетвореніе безспорныхъ требованій гуманности и уваженія къ человѣческой личности, даже если эта личность нравственно пала или близка къ паденію, замѣнить по возможности репрессію превенціей, привлечь общество къ участію въ общемъ, истинно общественномъ, дѣлѣ.

Вопросы уголовнаго права.

Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія [1]).

Каждый новый уголовный кодексъ, выработанный въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ, съ момента появленія его на свѣтъ въ видѣ проекта, сосредоточиваетъ на себѣ больше всякаго другаго законодательнаго акта вниманіе всей Европы и въ особенности ея законодателей, политиковъ, ученыхъ и юристовъ.

---

[1]) Напечатана работа въ Журналѣ Мин. Юст. 1898 (мартъ и апрѣль). Хотя проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія и до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно не обращенъ въ законъ его значеніе въ смыслѣ смѣлой, передовой, оригинальной законодательной мѣры останется на долгое время въ полной силѣ.

Изданія и отдѣльныя сочиненія, которыми авторъ пользовался при составленіи настоящей работы: Garl Stooss—Die Grundzüge des Schweizerischen Strafrechts, 1892—93. Vorentwurf zu einem Schweizerischen Strafgesetzbuch. Allgemeiner Theil ausgearb. v. Garl Stooss, 1893. Motive zu dem Vorentwurf. Allg. Th., 893, Schweizerisches Strafgesetzbuch. Vorentwurf mit Motiven 1894. Vorentwurf z. einem Schweizerischen Strafgesetzbuch nach den Beschlüssen der Experten-Kommission, 1896. Schweizerisches Strafrecht. Verhandlungen der Experten-Kommission I и II B., 1896. Strafgesetzbuch f. das Königreich Italien übertragen u. erläutert voz. Dr. Richard Stephan, 1890. Das niederländische Strafgesetzbuch vom 3 Märt 1881. Strafgesetzbuch f. das deutsche Reich, 1881 (Elf. Ausg). Fr. V. Liszt—Die Forderungen der Kriminalpolitik und der Vorentwurf eines schweizerischen Strafgesetzbuchs. Archiv. f. sociale Gesetzgebunrg, VI, стр. 394 и слѣд. Dr. Eduard. Thurneysen (Zeitschrift f. Scheweiz. Straft., 1893 S. 369); тамъ же, Dr. l. Guillaume—Les récidivistes et le code pénal suisse, p. 292. Тотъ же журналъ, 1894 г., Alfred Gautier—Deux projets. La reforme pénale en France et en Suisse. Тамъ же, Prof. Merkel—Ueber Herrn Thurneysen Kritik des Vorentwurfes zu einem schweiz. Strafg. Тотъ же журналъ 1895, Prof. Lammasch—Der Entwurf eines schweiz. Strafg. Prof. Dr. v. Lilien-

Какъ справедливо говоритъ извѣстный нѣмецкій юристъ Меркель, «уголовное право всегда остается позади общаго культурнаго уровня страны; не успѣютъ совершить, благодаря выдающимся умамъ, необходимыя реформы, какъ оказывается, что опозданіе опять на-лицо. Причиной такого отставанія является, съ одной стороны, то, что задачи государства въ этомъ отношеніи все усложняются, по мѣрѣ развитія общественныхъ отношеній и жизни, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ усиливается разнообразіе и противоположность различныхъ интересовъ, а слѣдовательно, и частота столкновеній противоположныхъ интересовъ, что является, разумѣется, источникомъ преступленій; съ другой стороны, вмѣстѣ съ развитіемъ науки и гуманности и повышеніемъ значенія низшихъ классовъ общества, усиливается требованіе на болѣе уравнительное правосудіе, большее сожалѣніе къ преступникамъ и усиленіе соціальнаго чувства отвѣтственности за тѣ условія общественной организаціи, которыя сами являются причиной преступленій».

Если вспомнить единообразность внутренняго строя европейскихъ государствъ, проистекающее отсюда большое сходство задачъ внутренней политики, достигающее полнаго тождества въ области уголовныхъ политики и законодательства, какъ имѣющихъ цѣлью огражденіе самыхъ основныхъ,

---

thal—Der Stoosssche Entwurf eines schw. Strafg. Zeitsch. f. d. gesam. Strafwissen, 1895, тотъ же журналъ 1896. Dr. E. Beling—Das Internationale. Strafrecht im Vorentwurf z. einem Schweiz. Strafg. Тамъ же, Fr. v. Liszt—Die psychologischen Grundlagen der Kriminalpolitik. Тамъ же, Fr. v. Liszt—Die Strafrechtliche Zurechnungfähigkeit. Тамъ же, Dr. T. Oetker—Der Versuch u. d. schweiz. Strafgesetzentwürfe. Dr. X. Gretener—Die Zurechnungsfähigkeit als Gesetzgebungsfrage mit besond. Rücksicht auf den Schweiz. u. Russischen Strafgesetzentwurf, 1897. Rivista penale Gennaio 1897, Luigi Lucchini—Il progetto del codice penale svizzero. Schweiz. Z. f. Strafrecht, 1896, Carl Stooss V.—Liszts Angriffe auf die Zurechnungsfähigkeit. В. В. Пржевальскій—Объединеніе уголовнаго законодательства въ Швейцаріи, Сб. прав. и общ. зн. Моск. Юр. Общ., т. IV.

Prof. Zücker—Der schweizerische Strafgesetzentwurf u. die strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit jugendlicher Personen, Der Gerichtssaal, 1897, II, 5 6.

Dr. Damme—Der Entwurf eines schweizerischen Strafgesetzbuches als Kulturniederschlag v. Ende des 19 Jahrhunderts, Preussische Jahrbücher, 1897, April.

Albert Teichmann—Zur Lehre von der Urkundenfälschung, Revue pénale suisse, 1897, 3. Heft.

Dr. Placid Meyer v. Schauensee—Zur Geschichte und Kritik des Stoosssschen Entwurfes f. ein schweizerisches Strafgesetz (недостойный судьи по горячности памфлетъ въ защиту выраженныхъ имъ въ комиссіи экспертовъ взглядовъ), 1897.

общепризнанныхъ во всѣхъ государствахъ, стоящихъ на одной и той же ступени развитія, интересовъ и правъ, полное единство европейской науки, и наконецъ то, что спеціально наука уголовнаго права, какъ и другія юридическія науки, главнымъ образомъ занимается толкованіемъ дѣйствующаго права, которое ей даетъ, такимъ образомъ, главное содержаніе и съ измѣненіемъ котораго измѣняется и ея содержаніе, то станетъ понятно, почему всякій новый уголовный кодексъ сосредоточиваетъ на себѣ въ такой степени вниманіе всей Европы; законодатель ищетъ въ новомъ кодексѣ указаніе или даже прямо опытъ разрѣшенія тѣхъ же задачъ которыя занимаетъ и его, ученый указаніе, новыхъ путей въ наукѣ, новыхъ пріемовъ въ обработкѣ и формулировкѣ права, наконецъ юристъ новыхъ задачъ для правосудія. Но проектъ швейцарскаго уложенія сосредоточилъ на себѣ особенное вниманіе благодаря тому, что авторъ его профессоръ Карлъ Штоосъ является несомнѣнно изъ ряда вонъ талантливой личностью, высокимъ, глубокимъ, просвѣщеннымъ умомъ; благодаря талантамъ составителя, и самое его произведеніе сдѣлалось сразу, съ момента выхода его въ свѣтъ, выдающимся, крупнѣйшимъ общественнымъ явленіемъ, которое заслуживаетъ самаго всесторонняго, внимательнаго изученія. Ученые всѣхъ странъ Европы вотъ уже 4 года какъ изучаютъ это замѣчательное произведеніе и все находятъ новыя стороны для изученія; написанъ цѣлый рядъ монографій и статей; громадное большинство, почти всѣ писавшіе объ уложеніи, отзываются о немъ какъ о выдающемся, великолѣпномъ произведеніи; даже тѣ, которые, какъ, напримѣръ, извѣстный издатель *Rivista penale*, проф. Luigi Lucchini, далеко не раздѣляютъ взглядовъ на основные вопросы права, осуществленныхъ и проведенныхъ въ новомъ уложеніи, и тѣ признаютъ, что это «importante opera legislativa assaia promettente per il paese, a cui é destinato». Громадное же большинство писавшихъ о швейцарскомъ уложеніи несомнѣнно раздѣляетъ взглядъ на этотъ проектъ профессора Ламмаша, который высказалъ слѣдующія соображенія (l. c.): Какъ пограничные камни на пути историческаго развитія уголовнаго права стоятъ въ началѣ 19-го столѣтія австрійское уголовное уложеніе 1813 г., code pénal 1810 г. и баварское уголовное уложеніе 1813 г. Надо полагать, что при исходѣ того же столѣтія первое общее для всего швейцарскаго союза уголовное уложеніе въ обработкѣ К. Штоосса и норвежское уложеніе въ обработкѣ Б. Гетца будутъ свидѣтельствовать о прогрессѣ за эти три поколѣнія человѣческихъ знаній, желаній и умѣнья. Законы, которые возникли въ промежутокъ времени между первыми и послѣдними кодексами: германское уголовное уложеніе, нидерландское и даже итальян-

ское будутъ, въ сравненіи съ двумя вышеупомянутыми проектами, забыты тотчасъ же, какъ только потеряютъ силу дѣйствующаго закона, продолжительный слѣдъ во всякомъ случаѣ они едва-ли оставятъ».

Такъ выражается нѣмецкій профессоръ отдавая столь сильное предпочтеніе чужестранному передъ своимъ.

Въ нашей литературѣ имѣется, насколько мнѣ извѣстно, лишь изслѣдованіе В. В. Пржевальскаго—«Объединеніе уголовнаго законодательства Швейцаріи» (Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній Московскаго Юридическаго Общества, т.IV, 1895 г.). Изслѣдованіе это, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, знакомитъ лишь съ исторіею составленія проекта и общею частью проекта; между тѣмъ въ настоящее время мы можемъ уже изучать и протоколы комиссіи экспертовъ, разсматривавшей первоначальный проектъ Штоосса, и измѣненный по указаніямъ комиссіи самимъ же Штооссомъ проектъ въ цѣломъ, т. е. и общую, и особенную его часть и отдѣлъ о нарушеніяхъ.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ желательности и необходимости для ученыхъ, законодателей и юристовъ-практиковъ всякаго цивилизованнаго государства въ изученіи этого проекта,—это несомнѣнно выдающійся законодательный памятникъ. Въ немъ столько заложено и проведено совершенно новыхъ оригинальныхъ идей, онъ настолько не похожъ на все существующее въ области уголовнаго законодательства, что уже по этому одному онъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ виду работы г. Пржевальскаго, къ которой я отсылаю читателя, я позволю себѣ не касаться исторіи зарожденія и выработки этого проекта, какъ равно не буду постатейно передавать содержаніе общей части, хотя, разумѣется, здѣсь каждая почти статья достойнѣе изученія многихъ курсовъ и монографій. Прежде чѣмъ остановиться на общей характеристикѣ и выдающихся сторонахъ всего проекта и на особенной его части, я позволю себѣ замѣтить, что при изученіи проекта ясно и отчетливо выказываются тѣ «силы», тѣ начала, которыя явились образовательными, созидающими.

Несомнѣнно, что проектъ въ значительной степени представляетъ осуществленіе самыхъ передовыхъ мыслей новѣйшихъ школъ уголовнаго права или, лучше сказать, одной изъ нихъ—Международнаго союза криминалистовъ, школы Листа и ея представителей, подчасъ создавая, однако, многое такое, что, соотвѣтствуя направленію этой школы, даже въ общихъ чертахъ не было ими намѣчено. Напрасно однако было бы думать, что проектъ уложенія представляетъ собою разбитую на статьи теорію; громадная и великолѣпная работа Штоосса по систематическому, по преступленіямъ и общимъ вопросамъ, сопоставленію всѣхъ дѣйствующихъ ко-

дексовъ кантоновъ швейцарскаго союза [1]) не прошла безслѣдно для новаго проекта, наоборотъ, значительная часть дѣйствительно «объединена», хотя даже по существу нѣкоторыя заимствованія изъ кантональнаго права не согласуются съ общимъ новымъ духомъ и направленіемъ всего проекта. Наконецъ, я думаю — это само собой понятно, и талантливая личность самого составителя, который одинъ лично составилъ весь проектъ, ярко въ немъ отразилась, стремясь соединить «новыя начала» съ началами кантональными и объединяя ихъ въ своемъ твердомъ, рѣшительномъ недовѣріи къ господствующимъ и въ теоріи, и въ дѣйствующихъ кодексахъ направленіямъ возмездія, устрашенія и казуистически-юридической систематизаціи, какъ рѣзко расходящимся съ дѣйствительною, реальною жизнью и ея потребностями, которыя Штоссъ лично стремится поставить совершенно законно на первый планъ.

I.

Этому стремленію не упускать изъ виду жизнь, работать для нея, и пригодными, разумѣется, для этого орудіями, съ тѣмъ, чтобы въ этой же реальной жизни достичь извѣстныхъ опредѣленныхъ результатовъ, и обязано, главнымъ образомъ, во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ принципамъ и указаніямъ новыхъ криминалистическихъ школъ, швейцарское уложеніе одною изъ самыхъ крупныхъ, если не самою выдающеюся своею особенностью — тѣмъ духомъ энергіи, борьбы, которымъ оно все проникнуто и освѣщено. Этотъ духъ, или чувство энергіи, отмѣчаетъ и нерасположенный къ проекту итальянецъ Луккини, смотря на него по поводу нѣкоторыхъ статей, какъ на увлеченіе. А между тѣмъ это вовсе не увлеченіе, это сознательное и рѣшительное осуществленіе оригинальныхъ, новыхъ, глубокихъ взглядовъ на преступленіе и наказаніе, на этотъ фундаментъ, всякой теоріи уголовнаго права и всякаго дѣйствующаго уголовнаго кодекса. «Преступленіе должно быть наказано»—вотъ основное начало положенія дѣйствующей теоріи и дѣйствующихъ кодексовъ, должно быть наказано въ видахъ охраненія правоваго порядка, въ видахъ того, чтобы не нарушался основной принципъ правоваго государства, въ которомъ преступленія не оставляются безнаказанными, причемъ задача собственно уголовнаго кодекса, а тѣмъ болѣе теоріи и состоитъ въ этой логической работѣ, въ поддержаніи силлогизма, въ которомъ первымъ положеніемъ

[1]) Carl Stooss—Die Grundzüge des Schweizerischen Strafrechts, 1892—1893 гг.

является неподлежащее, повидимому, никакому сомнѣнію и оспариванію требованіе «преступленіе должно быть наказано»; что затѣмъ происходитъ, за удовлетвореніемъ и выполненіемъ этого силлогизма,—это уже несущественно, во всякомъ случаѣ не относится къ области уголовнаго права и уголовныхъ кодексовъ.

Не такъ смотритъ на эти вопросы Штооссъ: онъ самъ говоритъ: «Это (проведенное въ проектѣ) презрѣніе къ криминалистической школьной премудрости возбудитъ неодобреніе не одного ученаго спеціалиста. Составитель разсчитываетъ, однако, на сочувствіе тѣхъ, которымъ измѣненіе къ лучшему нашего современнаго положенія въ отношеніи преступности особо дорого, однимъ словомъ на сочувствіе швейцарскаго народа». Вотъ кого имѣлъ въ виду авторъ проекта, онъ поставилъ себѣ задачею дать въ руки этого народа орудіе, средство для измѣненія современнаго положенія преступности въ странѣ къ лучшему, для борьбы. Но съ чѣмъ? Не съ преступленіемъ, разумѣется, съ которымъ въ сущности, какъ съ совершившимся дѣяніемъ, отошедшимъ въ прошедшее и не подлежащимъ ни отмѣнѣ, ни измѣненію, бороться нечего и нельзя (въ сущности и карать его нельзя), а съ живымъ человѣкомъ, который совершилъ преступное, вредное для общества дѣяніе и представляетъ опасность, зло для этого общества.

При такомъ измѣненіи взглядовъ на преступленіе, преступника и наказаніе, естественно измѣняется взглядъ и на задачи государственной дѣятельности, направленной на борьбу съ преступностью.

И прежде всего, признается, что можно бороться съ лицами, совершающими, или хотя бы единый разъ совершившими преступленіе и что государство должно принимать мѣры для огражденія общества отъ этихъ лицъ, какъ представляющихъ опасность, зло для общества. Но понятно, что если автоматическое и безцѣльное караніе замѣняется борьбой, то всему такъ сказать уголовному аппарату придается движеніе, всякая мѣра получаетъ оцѣнку и освѣщеніе съ точки зрѣнія цѣлесообразности ея, стремятся, а главое надѣются, достигнуть извѣстныхъ цѣлей, а потому и выбираютъ такія мѣры, которыя приводили бы къ намѣченной цѣли. Но цѣль не одна: съ оставленіемъ, какъ предметъ каранія, отвлеченнаго понятія преступленія и съ замѣною его живымъ преступникомъ, оказалось, что преступленія совершаются не по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ, не въ силу только одной преступности натуры, понятія неопредѣленнаго и въ сущности не передающаго чего-либо въ дѣйствительностй существующаго, а въ силу крайне резнообразныхъ причинъ: юношескаго неумѣнья владѣть собой, наклонности къ разгулу, увлеченія, несчастнаго стеченія

обстоятельствъ, привычки къ преступленію и т. д.: лѣчить всѣхъ этихъ лицъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ, разумѣется, совершенно немыслимо и вотъ Штоессъ приспособилъ прежнія мѣры для новыхъ цѣлей и ввелъ еще цѣлый рядъ новыхъ мѣръ. Наказаніе въ смыслѣ причиненія внѣшняго матеріальнаго зла путемъ главнымъ образомъ однообразнаго, всюду одинаково примѣняемаго, лишенія свободы заняло только извѣстное мѣсто среди ряда другихъ мѣръ. По справедливому замѣчанію проф. Лиліенталя, наказанія лишеніемъ свободы примѣняются въ проектѣ весьма экономно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть основанія ожидать дѣйствительныхъ результатовъ. Объясняя въ комиссіи экспертовъ [1]), разсматривавшей проектъ, предложенную имъ систему наказанія, Штоессъ заявилъ, что онъ изучилъ и литературу по данному вопросу, и швейцарскія мѣста заключенія, и пришелъ къ заключенію, что по устройству и состоянію этихъ мѣстъ въ Швейцаріи можно осуществить только два вида наказанія лишеніемъ свободы: каторжную тюрьму (Zuchthaus) и окыкновенную тюрьму (Gefängniss); чѣмъ больше выставить въ законѣ наказаній, тѣмъ будетъ красивѣе на видъ, но такимъ путемъ будетъ удовлетворена только академическая, теоретическая надобность (Verhandlungen, т. I, стр. 142). Эти замѣчательно трезвыя, жизненныя разсужденія склонили въ пользу Штоесса членовъ комиссіи, изъ которыхъ нѣкоторые мечтали о custodia honesta, для примѣненія которой въ дѣйствительности представляется очень мало случаевъ. Но, ограничившись двумя видами лишенія свободы (кромѣ того для нарушеній установленъ арестъ), Штоессъ настаивалъ, чтобы они отбывались въ различныхъ помѣщеніяхъ; иначе, какъ справедливо замѣтилъ онъ, между этими двумя наказаніями не будетъ различія. Для того, чтобы лишеніе свободы въ этихъ мѣстахъ заключенія достигло не только запиранія, но извѣстныхъ дѣйствительныхъ результатовъ, въ смыслѣ борьбы съ порочными наклонностями заключенныхъ, вводится заключеніе на первые три мѣсяца содержанія въ одиночной кельѣ и, что главное, обязательный трудъ.

Послѣ этихъ мѣръ для поднятія значенія наказанія лишеніемъ свободы Штоессъ измѣнилъ и самый характеръ назначенія этого наказанія; предоставляя судьямъ колоссальный просторъ въ назначеніи размѣра наказанія, Штоессъ, однако, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ признаетъ желательной

[1]) Комиссія экспертовъ была созвана союзнымъ департаментомъ юстиціи и полиціи, состояла изъ ряда извѣстныхъ профессоровъ, Фаве, Готье, Гретенера, Цюрхера, самого Штоесса и изъ выдающихся мѣстныхъ судебныхъ и тюремныхъ дѣятелей и засѣдала съ большими перерывами въ 1893, 1894 и 1895 г.г. Протоколы ея засѣданій (1896 г.) весьма интересны.

особенно сильную репрессію, повышаетъ максимумъ размѣра, до котораго можетъ доходить судья, въ такихъ предѣлахъ, которыхъ не знаютъ другія законодательства; при сравненіи швейцарскаго проекта съ другими уложеніями получается такое впечатлѣніе, какъ отъ сравненія писанія съ подчеркнутыми въ извѣстныхъ мѣстахъ словами съ письмомъ ровнымъ, спокойнымъ, безъ подчеркиваній. Такъ, напримѣръ, останавливаясь на укрывательствѣ похищеннаго (все равно—путемъ кражи, грабежа или другаго преступленія) и считая, совершенно правильно, это преступленіе особо опаснымъ (въ дѣйствительности гораздо болѣе опасное, чѣмъ самое совершеніе кражъ, напримѣръ), Штооссъ въ ст. 78 назначаетъ до 3 лѣтъ цухтгауза за простое укрывательство, до 5 лѣтъ, когда обвиняемый судился за то же преступленіе въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ, то же наказаніе за занятіе укрывательствомъ въ видѣ промысла; въ то же время итальянское уложеніе (ст. 421) назначаетъ reclusione до 2 лѣтъ, нидерландское (ст. 416) до 3 лѣтъ въ тюрьму, русскій проектъ (ст. 520 изд. 1895 г.) исправительный домъ до 3 лѣтъ при занятіи въ видѣ промысла. Считая далѣе преступленія, совершаемыя съ помощью взрывчатыхъ веществъ, особо обще-опасными, проектъ, въ статьѣ 155, назначаетъ за употребленіе этихъ веществъ для преступныхъ цѣлей цухтгаузъ до 10 лѣтъ, и даже за доставку (ст. 156) этихъ веществъ лицомъ, знающимъ, что таковыя назначаются для преступныхъ цѣлей,—цухтгаузъ до 5 лѣтъ; можно было бы привести еще много подобныхъ же статей, въ особенности, напримѣръ, изъ отдѣла преступленій противъ нравственности, къ которымъ составитель проекта отнесся съ особой строгостью.

Но и эти строгости могутъ не помочь, авторъ проекта вѣдь рѣшился на борьбу, а не на удовлетвореніе логическаго силлогизма, въ которомъ одно изъ положеній гласитъ «преступленіе должно быть наказано», онъ поставилъ себѣ задачею принять противъ каждаго вида преступниковъ соотвѣтствующія мѣры. Съ свойственной ему откровенностью и прямотой Штооссъ заявилъ въ комиссіи, что наказаніе лишеніемъ свободы на извѣстные опредѣленные сроки не оказываетъ вліянія на закоренѣлыхъ рецидивистовъ, а безконечный рецидивъ больше всего подрываетъ довѣріе къ правосудію, т. е., иначе говоря, вѣру въ дѣйствительность и полезность тѣхъ мѣръ, которыя принимаетъ правосудіе въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Нельзя въ то же время забывать, что болѣе строгихъ мѣръ, чѣмъ лишеніе свободы, въ проектѣ нѣтъ, смертная казнь въ проектъ не введена, несмотря на неблагопріятное такой отмѣнѣ голосованіе швейцарскаго народа въ 1879 году и введеніе послѣ этого года въ 9 кантонахъ вновь наказанія смертной казнью. Надо, однако, надѣяться, что Штооссъ не ошибся

въ расчетахъ и предположеніяхъ, что взгляды швейцарскаго народа на этотъ вопросъ измѣнились; по крайней мѣрѣ въ комиссіи экспертовъ изъ 19 присутствовавшихъ членовъ всего 4 высказалось за включеніе въ проектъ смертной казни, причемъ изъ этихъ 4 одинъ защищалъ ее только, такъ сказать, принципіально, не рѣшаясь рекомендовать введеніе смертной казни, за то такіе судебные дѣятели, какъ Meyer von Schauensee и Cornaz (составитель Невшательскаго уложенія), ссылались на свою личную судебную практику въ подтвержденіе доводовъ противъ смертной казни.

Необходимо также принять во вниманіе, что Швейцарія не владѣетъ колоніями, а потому у составителя проекта уложенія не могло возникать предположеній о введеніи ссылки въ систему мѣръ наказанія.

И вотъ, разрѣшая дилемму, какъ относиться къ рецидиву, который въ Швейцаріи не менѣе развитъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, причемъ, какъ показываютъ печатаемыя въ Zeitschrift f. Schweizer Strafrecht, издаваемой тѣмъ же Штооссомъ, статистическія свѣдѣнія, встрѣчаются своего рода знаменитости, судившіяся въ своей жизни до 132 разъ и еще продолжающія дѣйствовать, Штооссъ правильно призналъ, что наказанія лишеніемъ свободы безсильны въ данномъ случаѣ, что надѣяться на устрашеніе, исправленіе, на возвращеніе вообще въ ряды нормальнаго общества нѣтъ основаній [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ общество въ правѣ принять мѣры обезвреженія на болѣе продолжительные сроки, этой цѣли и отвѣчаетъ интернированіе, предложенное Штооссомъ (его прежде него предлагалъ Листъ) и введенное имъ въ проектъ: интернированные «сохраняются», содержатся, въ особыхъ заведеніяхъ въ теченіе не менѣе 10 и не болѣе 20 лѣтъ, хотя и для интернированныхъ не потеряна совсѣмъ надежда на освобожденіе; по истеченіи 5 лѣтъ, при добромъ поведеніи и благопріятныхъ увловіяхъ они могутъ быть досрочно, условно, освобождены. Одинъ изъ членовъ комиссіи Фаве справедливо замѣтилъ, что основная мысль интернированія та же, что и французской релегаціи.

Члены комиссіи, отнесшіеся къ принципу интернированія вполнѣ со-

---

[1]) Были запрошены директора всѣхъ швейцарскихъ тюремъ, и всѣ признали, что среди осужденныхъ преимущественно за кражу, мошерничество и преступленія противъ нравственности имѣются арестанты, на исправленіе которыхъ разсчитывать трудно, почти 1/4 осужденныхъ принадлежитъ къ этой категоріи; для нихъ необходимо устройство особыхъ мѣстъ заключенія. Revue pénale suisse, 1893, Dr. L. Guillaume—Les récidivistes et le code pénal suisse.

чувственно, настояли, однако, на томъ, чтобы было сдѣлано перечисленіе тѣхъ преступленій, при осужденіи за которыя возможно примѣненіе интернированія, и статья (44), опредѣляющая назначеніе интернированія, читается такъ:

«§ I. Въ томъ случаѣ, когда присуждается къ наказанію лишеніемъ свободы за преступленіе противъ жизни, здоровья, имущества, нравственности или свободы, за подлогъ, за общеопасное преступленіе (поджогъ и т. п.) лицо, которое уже неоднократно присуждалось къ наказанію лишеніемъ свободы за одно изъ вышеуказанныхъ преступленій, причемъ преступленіе, за которое оно судится, совершенно имъ до истеченія 3-хъ лѣтъ со времени отбытія имъ послѣдняго изъ назначавшихся ему наказаній лишеніемъ свободы, то судъ, разсматривающій дѣло, можетъ возбудить предъ подлежащимъ союзнымъ учрежденіемъ вопросъ объ интернированіи такого лица, если судъ убѣжденъ, что подсудимый, въ случаѣ присужденія къ обыкновенному наказанію, по освобожденіи вновь совершитъ преступленіе, и что, такимъ образомъ, интернированіе представляется необходимымъ». Разрѣшеніе вопроса предоставлено не судамъ, а одному союзному учрежденію (состоящему изъ лицъ административнаго и судебнаго вѣдомства) въ видахъ достиженія однообразія въ примѣненіи предположенной мѣры; это учрежденіе разслѣдуетъ въ свою очередь прошлое предположеннаго къ интернированію; въ случаѣ несогласія союзнаго учрежденія, «судъ назначаетъ общее наказаніе».

Несомнѣнно, что интернированіе представляется мѣрою весьма суровою и чрезвычайно рѣшительною, но созданіе ея является только дальнѣйшимъ развитіемъ основной мысли проекта, что не можетъ быть общаго, одного средства для борьбы со всѣми преступленіями, со всѣми видами преступниковъ, что для каждаго типа и вида нужно создать соотвѣтствующую мѣру и примѣнять ее только постольку, поскольку она достигаетъ цѣли.

Въ отношеніи рецидивистовъ нѣтъ основаній надѣяться на исправленіе, на возвращеніе ихъ въ ряды нормальнаго общества, а потому и нечего держать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ заключенія, которыя приспособлены для исправленія и исправляющихся; въ отношеніи ихъ обществу остается только сдѣлать одно, и на это оно имѣетъ полное и безспорное право— лишить ихъ возможности въ дальнѣйшемъ продолжать вредить обществу: запереть ихъ и такимъ образомъ обезвредить.

Но не одни рецидивисты выведены изъ общихъ мѣстъ заключенія.

Выведены оттуда въ силу ст. 50 и случайные преступники, присужденные впервые къ наказанію лишеніемъ свободы на время не свыше 6 мѣ-

сяцевъ, совершившіе преступленія не изъ низменныхъ мотивовъ,—такія лица условно осуждаются. По справедливому заключенію покойнаго члена союзнаго совѣта Ruchonet, условное осужденіе предположено Штооссомъ въ слишкомъ нерѣшительной формѣ (trop timide); въ особенности слишкомъ ограничительно указаніе на низменный мотивъ; неужели же не примѣнять его при кражахъ?

Выведены изъ тюрьмы и малолѣтніе, пребываніе ихъ въ тюрьмѣ было бы явнымъ нарушеніемъ самыхъ скромныхъ требованій правосудія въ борьбѣ съ преступленіемъ, въ особенности при той цѣлесообразной постановкѣ мѣръ борьбы, какая дѣлается проектомъ; для малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 14—18 лѣтъ (ранѣе 14-лѣтняго возраста малолѣтніе не преслѣдуются въ уголовномъ порядкѣ) создается совершенно самостоятельное учрежденіе (ст. 10), они помѣщаются или въ особыя исправительныя колоніи, или въ особыя мѣста заключенія, для нихъ однихъ создаваемыя, гдѣ они отбываютъ одиночное заключеніе на сроки отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ. Наконецъ для нихъ же, въ случаѣ обнаруженія признаковъ особой нравственной испорченности, предполагается устройство особыхъ учрежденій для интернированія подобно интернированію взрослыхъ, на сроки отъ 3 до 15 лѣтъ. Наконецъ, если въ возрастѣ (ст. 23) отъ 18 до 20 лѣтъ несовершеннолѣтній попадаетъ въ тюрьму, то въ ней онъ содержится отдѣльно отъ взрослыхъ. Такимъ образомъ, приняты мѣры для предохраненія отъ заражения въ дурной нравственной обстановкѣ тюрьмы случайно, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, или по молодости соприкоснувшихся съ преступленіемъ.

Но съ выводомъ изъ общихъ мѣстъ заключенія рецидивистовъ, случайныхъ преступниковъ и малолѣтнихъ, остается все же еще рядъ лицъ, для которыхъ содержаніе въ этихъ мѣстахъ заключенія недостаточно или вовсе излишне; какъ показываетъ практика и жизнь, преступленія, въ особенности извѣстной категоріи, совершаются далеко не исключительно вслѣдствіе порочности натуры, а также вслѣдствіе наклонности къ разгульной жизни, лѣности, наконецъ, вслѣдствіе пьянства, обратившагося въ привычку, въ болѣзнь, хотя и не сопровождающуюся еще психическимъ разстройствомъ; и вотъ этихъ всѣхъ лицъ надо лѣчить соотвѣтственными ихъ болѣзнямъ средствами; поэтому проектъ (ст. 26) предоставляетъ судьѣ наклонныхъ къ разгулу и праздности вмѣсто тюремнаго заключенія, или въ дополненіе къ послѣднему, заключать въ рабочіе дома на время отъ 1 до 3 лѣтъ; привычныхъ пьяницъ судья на основаніи ст. 28 проекта можетъ, въ случаѣ присужденія ихъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе года, по пред-

варительномъ испрошеніи заключенія врачей, послать въ спеціальныя лѣчебницы для пьяницъ на время до 2-хъ лѣтъ.

Выведены, наконецъ, изъ тюрьмы и лица, присуждаемыя взамѣнъ денежныхъ взысканій къ тюремному заключенію, въ виду несостоятельности ихъ къ уплатѣ этого взысканія (штрафы, назначаемые за нарушенія, тоже не замѣняются арестомъ); объясняя эту мѣру въ комиссіи, Штооссъ заявилъ, что при нынѣшней системѣ замѣны денежныхъ взысканій, въ концѣ концовъ, въ мѣстахъ заключенія содержится большее число лицъ присужденныхъ къ денежному взысканію, чѣмъ присужденныхъ къ заключенію; при такихъ условіяхъ наказаніе лишеніемъ свободы теряетъ свое важное значеніе, а отбывающіе наказаніе взамѣнъ денежнаго взысканія принуждаются къ бездѣлью на казенный счетъ. И такимъ образомъ наказаніе лишеніемъ свободы, не являясь болѣе цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ преступленій, получило достодолжный характеръ спеціальнаго средства для борьбы съ натурами преступными (а не порочными лишь), но еще окончательно неиспорченными, на исправленіе коихъ можно надѣяться и которыя нуждаются въ устраненіи путемъ срочнаго заключенія.

Въ то же время и другому виду наказанія—денежному взысканію—возвращено самостоятельное, собственное, такъ сказать, значеніе особой мѣры, имѣющей цѣлью спеціально, въ желательномъ для правосудія размѣрѣ, вліять на имущественныя средства осужденнаго, и поэтому прежде всего не указано предѣла, до котораго можетъ идти судья въ опредѣленіи размѣра денежнаго взысканія, послѣднее можетъ и должно быть соразмѣрено со средствами подсудимаго (ст. 38); и здѣсь такимъ образомъ приходится отмѣтить эту ноту энергіи, желанія не только исполнить требованіе формальное о наказаніи преступленія, но дать почувствовать и богатому неисполнителю законныхъ требованій государственной власти силу этой власти. Входя опять-таки далѣе въ жизненныя условія и признавая, что, несмотря на соотвѣтствіе назначеннаго взысканія средствамъ осужденнаго, онъ, тѣмъ не менѣе, можетъ быть не въ состояніи сразу выплатить цѣликомъ все взысканіе, проектъ предоставляетъ судьѣ право разсрочивать платежъ. Наконецъ, въ видахъ практическаго, дѣйствительнаго, осуществленія этого наказанія, въ случаѣ невозможности для осужденнаго уплатить, взысканіе отработывается осужденнымъ въ особыхъ учрежденіяхъ, безъ лишенія свободы, и то, что назначено, получается. Но и этимъ не ограничивается оригинальность постановки денежнаго взысканія въ проектѣ. Имѣя въ виду, что дѣятельность государства въ борьбѣ съ преступниками ставитъ себѣ задачею оградить различные блага и интересы гражданъ: жизнь, здоровье, честь, имущество и т. д., что между тѣмъ часто государство, выступая,

въ виду нарушенія какого-нибудь изъ этихъ благъ, и наказывая преступника денежнымъ взысканіемъ, не принимаетъ почти никакихъ мѣръ для того, чтобы заставить преступника загладить то зло, которое имъ причинено потерпѣвшему, и, мало того, бываютъ случаи, когда преступникъ, за уплатой денежнаго взысканія (какъ мѣры наказанія), оказывается въ дѣйствительности не въ состояніи удовлетворить потерпѣвшаго, Штооссъ, не упуская изъ виду жизненныхъ задачъ наказанія, ввелъ въ проектъ (ст. 31) правило, въ силу котораго судья, предвидя невозможность полученія съ обвиняемаго особаго вознагражденія за убытки, причиненные потерпѣвшему, можетъ постановить, что часть или даже и все назначенное съ осужденнаго взысканіе поступаетъ въ пользу потерпѣвшаго.

Нельзя не упомянуть еще о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя судья уполномочивается принимать до совершенія преступленія въ отношеніи лицъ, внушающихъ опасеніе нарушенія мира. Такъ, прежде всего, въ силу ст. 37 судья имѣетъ право обязать лицо, угрожавшее совершить преступленіе (если имѣются основанія опасаться осуществленія угрозы), дать обѣщаніе воздержаться отъ преступленія и даже представить особое поручительство, залогъ въ обезпеченіе вѣрнаго исполненія обѣщанія, который и сохраняется у судьи въ теченіе 2-хъ мѣтъ. Въ случаѣ, если угрожавшій откажется отъ дачи обѣщаніи и представленія залога, то судья можетъ подвергнуть его задержанію на срокъ до 6 мѣсяцевъ.

Судья можетъ также, въ силу ст. 13, въ установленномъ закономъ порядкѣ, распорядиться о помѣщеніи невмѣняемаго вполнѣ или отчасти лица въ больницу для душевно-больныхъ, въ случаѣ, если такое лицо представляетъ опасность для общества. Тотъ же судья можетъ наложить на привычнаго пьяницу, совершившаго преступленіе, сверхъ наказанія, запрещеніе посѣщать кабаки на время отъ 1 до 5 лѣтъ. Мѣра эта практикуется уже и нынѣ въ нѣкоторыхъ кантонахъ, и соблюденіе ея въ неболшихъ центрахъ, повидимому, возможно.

Если теперь остановиться на перечисленныхъ выше мѣрахъ и вспомнить, что проектъ знаетъ особыя мѣры относительно слѣдующихъ видовъ преступниковъ: 1) рецидивистовъ, 2) случайныхъ преступниковъ, 3) малолѣтнихъ, 4) совершающихъ преступленія вслѣдствіе наклонности къ разгулу и праздности, 5) преступниковъ вслѣдствіе наклонности къ пьянству; если вспомнить еще цѣлый рядъ другихъ мѣръ, вновь создаваемыхъ проектомъ, и измѣненій существующихъ въ настоящее время мѣръ, то едва ли останется сомнѣніе, что принципъ цѣлесообразной борьбы съ преступниками проведенъ замѣчательно послѣдовательно и широко. Но что токое весь этотъ рядъ мѣръ? Не слѣдуетъ ли различать среди этихъ мѣръ, на-ряду съ ос-

тавшимися отъ прежняго строя классическими наказаніями лишеніемъ свободы, мѣры «превентивныя», тѣмъ болѣе, что и самый отдѣлъ называется «Strafen u. sichernde Massnahmen» [1])?

Вѣрно ли, однако, будетъ считать, что, хотя въ части, но прежнія наказанія лишеніемъ свободы остались, тѣ ли это наказанія, или только осталось названіе, а самый смыслъ измѣнился? Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, какое громадное число лицъ и, главное, категорій лицъ, содержавшихся до сихъ поръ и нынѣ еще содержащихся въ мѣстахъ заключеній, выводится оттуда благодаря проекту, если имѣть также въ виду, что швейцарскій союзъ уголовнаго права и тюрьмовѣдѣнія, въ своихъ засѣданіяхъ 14 и 15 октября 1895 г. обсуждавшій вопросъ о мѣрахъ, принятіе которыхъ необходимо для осуществленія проекта на практикѣ, въ смыслѣ устройства различныхъ мѣстъ заключенія, не только выразилъ сочувствіе тому предположенному проектомъ процессу, который я назвалъ въ другомъ мѣстѣ «распаденіемъ тюрьмы», но пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи, то станетъ понятно, что лишеніе свободы, въ смыслѣ общаго наказанія за всѣ преступленія или, иначе, въ смыслѣ мѣры кары для всѣхъ, самыхъ различныхъ категорій преступниковъ, перестало существовать и оставлено только для спеціальнаго вида преступниковъ и въ видѣ, разумѣется, спеціальной мѣры, отвѣчающей по строго проведенному принципу цѣлесообразности потребностямъ даннаго случая, данныхъ условій.

Противъ предложенной Штооссомъ системы мѣръ въ борьбѣ съ преступниками много возражали и будутъ возражать, и прежде всего въ смыслѣ ея дороговизны; всякая спеціализація, а въ особенности такъ тонко проведенная, обходится не дешево; вспомнимъ, что для однихъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ надо 4 рода учрежденій: исправительныя колоніи, тюрьмы одиночнаго заключенія, интернаты и, наконецъ, въ общихъ тюрьмахъ особыя помѣщенія для несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 18—20 лѣтъ; что, далѣе, необходимы и интернаты для взрослыхъ рецидивистовъ, рабочіе дома для совершающихъ преступленіе въ праздности, по наклонности къ бездѣлью и разгулу, особыя больницы для преступниковъ-пьяницъ и т. д.. Съ перваго раза можно ужаснуться громадности затратъ, на которыя не согласится ни одно государство, но если вспом-

---

[1]) Ф. Листъ (Archiv f. sociale Gesetzgebung u. Statistik, VI) замѣтилъ по поводу швейцарскаго проекта, что время строгаго раздѣленія между мѣрами предупрежденія и наказанія настолько прошло, что теперь вовсе не удивительно встрѣтить въ уголовномъ кодексѣ мѣры простой полиціи безопасности.

нить, сколько ненужныхъ нормальныхъ наказаній сохраняютъ и предполагаютъ сохранить лѣстницы наказаній въ другихъ государствахъ, какія суммы тратятся на ссылку въ отдаленныя колоніи (у насъ содержаніе одного каторжника на Карѣ и Сахалинѣ обходится болѣе 200 рублей въ годъ) и тратятся непроизводительно, какое громадное сокращеніе тюремнаго населенія дастъ разумное, все расширяющееся, примѣненіе условнаго осужденія и выводъ изъ тюремъ лицъ, заключенныхъ взамѣнъ денежныхъ взысканій въ виду ихъ несостоятельности, то предположенная система мѣръ уже едва-ли вызоветъ сильныя, а тѣмъ болѣе основательныя опасенія дороговизны, въ особенности въ виду совершенной возможности постепеннаго ея осуществленія. И въ Швейцаріи предполагается постепенное осуществленіе этой системы, несмотря на то, что тамъ уже существуютъ и рабочіе дома, и заведенія для пьяницъ.

При оцѣнкѣ предположенной Штооссомъ системы не надо забывать и ея, такъ сказать, національной окраски. Штоссъ стремился къ созданію и осуществилъ въ значительной степени свои намѣренія народнаго уголовнаго кодекса, который бы представлялъ собой средство для борьбы съ преступленіемъ, отвѣчающее взглядамъ и воззрѣніямъ швейцарскаго народа; поэтому, можетъ быть, форма окончательная, въ которую вылились мысли и соображенія Штоосса, не привьется въ другой странѣ, но существенная заслуга проекта въ отдѣлѣ наказаній—указаніе новаго принципа—борьбы съ преступленіемъ путемъ соотвѣтствующихъ каждому виду преступниковъ особыхъ мѣръ, причемъ и принципъ каждой отдѣльной мѣры (не окончательная форма осуществленія) выраженъ замѣчательно вѣрно, а вся система въ цѣломъ производитъ положительно бодрящее, освѣжающее впечатлѣніе глубоко продуманнаго, полнаго надеждъ на успѣхъ плана борьбы съ преступностью во всѣхъ ея проявленіяхъ и видахъ.

Въ предположенныхъ ихъ мѣрахъ Штоссъ явился провозвѣстникомъ положеній и идей международнаго тюремнаго конгресса въ Парижѣ въ 1895 г.; это авторитетное собраніе, засѣдавшее черезъ два года послѣ того, что впервые появился въ свѣтъ (въ первой редакціи) проектъ Штоосса, пришло къ тѣмъ же выводамъ, что и онъ (См. V Congrés pénitentiaire international 1895. Rapports de la première section (уголовное) et de la quatrième (малолѣтніе). Compte rendu des séances des quatres sections. Assemblées générales). Мало того, конгрессъ, имѣвшій въ въ виду, какъ и его предшественники, законодательства различныхъ странъ, былъ менѣе рѣшителенъ, чѣмъ Штоссъ въ своихъ резолюціяхъ.

Такъ же, какъ и Штоссъ, конгрессъ призналъ, что преступники, не

достигшіе 18-лѣтняго возраста, могутъ, взамѣнъ общихъ наказаній лишеніемъ свободы, при извѣстныхъ условіяхъ, отдаваться въ исправительно-воспитательныя заведенія, что вообще для преступниковъ въ этомъ возрастѣ желательны не наказанія, а воспитаніе, но тѣмъ не менѣе, когда зашелъ вопросъ о точномъ опредѣленіи предѣльнаго возраста, до достиженія котораго преступники совершенно изъяты отъ наказанія, то конгрессъ отвергъ предложеніе Тири, явившееся выводомъ изъ заключительной рѣчи Бонжана, и не согласился опредѣлить этотъ возрастъ 15 годами, а ограничился 12 (швейцарскій проектъ—14 л.).

По вопросу о рецидивистахъ, конгрессъ, признавая въ принципѣ, что обыкновенныя мѣры наказанія для рецидивистовъ не годятся, не рѣшился высказаться опредѣленно, какія же именно мѣры были бы желательны относительно этого вида преступниковъ.

Вопросъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ тоже, въ особенности въ виду докладовъ Гарофало, Пьерантони и другихъ, сосредоточилъ на себѣ особенное вниманіе конгресса, но послѣдній не зашелъ такъ далеко, какъ Штооссъ, и, признавъ желательнымъ, чтобы прокуроръ поддерживалъ на судѣ гражданскія требованія потерпѣвшаго и чтобы судебныя издержки и казенныя взысканія не имѣли *преимущества* при взысканіи передъ вознагражденіемъ потерпѣвшаго (Штооссъ рѣшился на устраненіе казенныхъ взысканій въ извѣстныхъ случаяхъ), конгрессъ постановилъ отложить до будущаго конгресса вопросъ о вознагражденіи потерпѣвшаго изъ доходовъ отъ труда осужденнаго.

Вопросы о мѣрахъ противъ праздныхъ и гулящихъ людей, а равно пьяницъ, привели конгрессъ къ тѣмъ же выводамъ, что и Штоосса.

II.

Это разнообразіе мѣръ уже само собою предполагаетъ разнообразіе объектовъ, на которые эти мѣры направляются, и указываетъ на совершившійся предъ тѣмъ переворотъ во взглядахъ на преступника; какъ индивидуализація наказанія предполагаетъ распаденіе стараго наказанія—одного цѣльнаго, равномѣрно и равнодушно распредѣлявшагося направо и налѣво, нужно ли или не нужно, такъ и новые взгляды на преступника разрушаютъ прежнее (къ сожалѣнію, существующее еще и доселѣ), такъ сказать, алгебраическое понятіе преступника, которое было удобно для всякаго уравненія, для всякой логической эквилибристики, такъ какъ въ сущности совсѣмъ оставляло безъ выясненія и опредѣленія природу пре-

ступника, а тѣмъ болѣе тѣ причины и условія, благодаря которымъ преступленія совершаются людьми, и вотъ вторая особенность и въ то же время и громадная заслуга швейцарскаго проекта—въ индивидуализаціи, такъ сказать, понятія преступника, въ выясненіи и попыткѣ опредѣлить въ законѣ значеніе различныхъ индивидуальныхъ особенностей, психическихъ индивидуальностей преступниковъ, для государственной власти, ведущей борьбу съ преступностью въ странѣ, и для судьи, отправляющаго правосудіе.

Уже самое созданіе различныхъ видовъ наказаній указываетъ, что Штооссъ имѣлъ въ виду различныя категоріи преступниковъ и придавалъ этому различію существенное и рѣшительное значеніе. Въ общемъ дѣленіе преступниковъ на виды, положенное имъ въ основу системы наказаній немногимъ отличается отъ общепризнанныхъ уже въ современной наукѣ съ Вальберга, Ферри, Листа и др. дѣленій. Дѣйствительно, мы видимъ случайныхъ преступниковъ, которые опредѣляются согласно съ ст. 50 какъ лица, не наказанныя до того ни въ Швейцаріи, ни за границей лишеніемъ свободы, совершившія преступленіе nicht aus niedriger Gesinnung, причемъ niedrig замѣнило прежде стоявшее слово gemein, т. е. не вслѣдствіе низменныхъ побужденій и готовыхъ загладить причиненный ими потерпѣвшему вредъ.

Другая противоположность—это многократно судившіеся, на исправленіе которыхъ надѣяться нельзя (ст. 24 и 44). Листъ замѣчаетъ, что и безъ предварительной неоднократной судимости могутъ быть лица, которыя занимаются преступленіемъ ремесленно и прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ выполненія умысла, что не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ неисправимости; несомнѣнно, однако, что сужденіе о неисправимости, хотя бы даже ремесленно занимающихся преступленіемъ, будетъ преждевременно и менѣе твердо, чѣмъ принятый въ проектѣ признакъ прежней судимости; къ тому же, какъ говоритъ Штооссъ (въ объяснительной запискѣ къ проекту редакціи 1894 г., стр. 139 и сл.), бродяги, нищіе, публичныя женщины и другіе разгульные, обратившіе разгулъ и бездѣлье въ привычку и даже въ ремесло, могутъ быть заключены въ рабочій домъ. Въ статьѣ (44) перечислены преступленія, за которыя можетъ быть назначено интернированіе,—это преступленія противъ жизни, здоровья, имущества, нравственности, свободы, подлогъ; преступленія эти, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, потому и являются исключительно Verwahrungsverbrechen, что они причиняютъ тяжкій вредъ и являются прямой опасностью для общества и въ то же время, какъ показываетъ опытъ, совершаются большею частью въ видѣ промысла.

Наконецъ третью группу, для которой предполагаются тюрьма и цухтгаузъ, составляютъ всѣ остальные, т. е. преступники, совершающіе преступленія по самымъ различнымъ мотивамъ, представляющіе весьма разнообразные оттѣнки характеровъ и наклонностей, но которые для государства и государственныхъ цѣлей борьбы съ преступленіемъ могутъ быть объединены въ одну группу лицъ, совершившихъ преступленіе не случайно, не подъ вліяніемъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, а въ виду несдержанности и порочности своей натуры, однако же, въ то же время не лишающихъ государственную власть надежды на исправленіе ихъ, на введеніе ихъ въ границы, требуемыя общежитіемъ, условіями нормальнаго общества. И вотъ на этихъ лицъ предполагается воздѣйствовать двумя видами лишенія свободы: менѣе и болѣе строгимъ; насколько такое воздѣйствіе будетъ успѣшно—это вопросъ другой, но именно для этой стадіи развитія преступности, для этой группы преступниковъ признается необходимой острастка, устрашающе-исправительный режимъ мѣстъ заключенія, который, такъ сказать, получаетъ особую задачу, особую функцію—средства для борьбы съ извѣстнымъ видомъ преступниковъ.

Это тройное дѣленіе преступниковъ: на случайныхъ, неисправимыхъ и среднюю группу и общепризнано въ наукѣ и имѣетъ за себя, такъ сказать, большой внутренній логическій смыслъ, научность. Но Штооссъ мало стремился заслужить похвалы науки и ея представителей и мало заботился о логической систематизаціи, когда жизнь требовала иного. И вотъ поэтому рядомъ съ такими глубокими принципіальными различіями Штооссъ выставилъ еще двѣ группы: людей, совершающихъ преступленія, благодаря пьянству, которое у нихъ обратилось въ привычку, и затѣмъ лицъ, совершающихъ преступленія, благодаря наклонности къ праздности, разгулу и нерасположенію къ работѣ,—послѣдняя группа очень велика, въ нее Штооссъ включаетъ бродягъ, нищихъ, публичныхъ женщинъ и другихъ разгульныхъ людей. Несомнѣнно, обѣ группы могли бы быть включены въ ту общую группу, которую я назвалъ выше среднею, а отчасти можетъ быть попали бы и въ группу неисправимыхъ; принципіально онѣ въ сущности отъ этихъ группъ не отличаются, но вопросъ вѣдь не въ принципіальной классификаціи для созданія научной системы, а въ организаціи наиболѣе цѣлесообразной борьбы съ преступленіемъ, а это-то соображеніе цѣлесообразности указываетъ на желательность принятія особыхъ мѣръ въ отношеніи двухъ группъ преступниковъ, изъ которыхъ въ каждой стимуломъ совершенія весьма различныхъ преступныхъ дѣяній является одна и та же порочная наклонность, которая и объединяетъ въ отдѣльную группу разнообразныхъ ея представителей. Несомнѣнно, что, если начать

объединеніе и выдѣленіе въ отдѣльныя группы всѣхъ дѣйствующихъ подъ вліяніемъ одной и той же страсти или порочной наклонности, то средняя группа распадется и образуется много новыхъ; съ точки зрѣнія логической систематизаціи это будетъ правильнѣе, но съ практической стороны это будетъ совершенно безцѣльно, ибо какихъ-либо особыхъ средствъ борьбы для этихъ группъ пока не изобрѣтено.

Итакъ, вотъ подраздѣленія преступниковъ на категоріи, которыя Штоссъ призналъ необходимымъ сдѣлать, такъ сказать, для государства въ видахъ организаціи правильной системы наказаній.

Но несомнѣнно, однако, что судья, примѣняющій законъ и опредѣляющій *размѣръ* наказанія или даже дѣлающій выборъ между тѣмъ или другимъ наказаніемъ, не можетъ удовольствоваться этими подраздѣленіями,— они слишкомъ крупны, въ особенности средняя группа; поэтому въ цѣляхъ правосудія и правильнаго примѣненія общаго закона къ отдѣльнымъ случаямъ необходима дальнѣйшая индивидуализація, дальнѣйшее дробленіе понятія «преступникъ», необходимо принятіе въ соображеніе тѣхъ многообразныхъ различныхъ «мотивовъ» дѣйствія, съ перемѣною которыхъ совершенно, въ корень, измѣняется значеніе и смыслъ того объективнаго основанія наказанія преступнаго дѣянія, которое одно только и принималось старой школой во вниманіе.

И вотъ въ области освѣщенія и принятія въ соображеніе мотивовъ, внутренней, нравственной стороны лица, совершившаго преступленіе, проектъ дѣлаетъ громадный скачокъ впередъ, оставляя совершенно позади всѣ дѣйствующіе кодексы уголовные и всѣ другіе проекты.

Какъ замѣчаетъ цитированный уже выше проф. Ламмашъ, «два момента въ особенности выдѣляютъ и выгодно отличаютъ отъ другихъ швейцарскій проектъ: одинъ изъ нихъ внутреній, другой внѣшній. Съ одной стороны, вышедшая изъ употребленія въ современномъ законодательствѣ простота, краткость и народность выраженій, которыя такъ выгодно отличаютъ лучшіе законодательные памятники начала нынѣшняго столѣтія отъ многословныхъ и часто, несмотря на это, ничего не говорящихъ законодательныхъ произведеній послѣдующихъ десятилѣтій, а съ другой стороны— серьезное и увѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе привести по возможности въ связь и соглашеніе юридическую квалификацію дѣяній съ нравственной оцѣнкой ихъ и, такимъ образомъ, возвратить уголовному правосудію то высшее значеніе и вѣсъ, которые оно къ вреду для своей дѣйствительности въ жизни потеряло во многихъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ законодательства, чуждаго народнымъ воззрѣніямъ».

На этой второй части замѣчанія Ламмаша о введеніи нравственнаго

элемента въ проектъ. я теперь же и остановлюсь (къ первой я вернусь еще впослѣдствіи). Дѣйствительно, такой элементъ введенъ и притомъ въ значительной степени. Статья 38, которая носитъ названіе «опредѣленія размѣра наказанія», читается такъ: «судья опредѣляетъ размѣръ наказанія, указаннаго въ законѣ за данное преступленіе, смотря по степени виновности, а денежное взысканіе и сообразно со средствами обвиняемаго, и кромѣ того выясняетъ и принимаетъ во вниманіе мотивъ совершенія преступленія (Beweggründe), предыдущую жизнь и личныя отношенія обвиняемаго». Вся эта статья обращаетъ на себя большое вниманіе своимъ широкимъ указаніемъ судьѣ на необходимость самаго подробнаго выясненія личности обвиняемаго, его характеристики и на значеніе индивидуальности обвиняемаго для опредѣленія размѣра назначаемаго ему наказанія. Въ числѣ этихъ личныхъ моментовъ указанъ и мотивъ совершенія преступленія; но затѣмъ, кромѣ этого общаго предписанія, во всемъ проектѣ разсыпаны указанія на значеніе отдѣльныхъ разнообразныхъ мотивовъ для опредѣленія размѣра наказанія. Такъ, въ слѣдующей же ст. 39, мы встрѣчаемъ указанія, что наказаніе можетъ быть понижено, когда обвиняемый совершилъ преступленіе по достойнымъ уваженія мотивамъ, когда онъ былъ вызванъ на преступленіе нанесеніемъ ему тяжкаго оскорбленія или насилія, безъ всякаго съ его стороны повода, когда онъ находился въ состояніи законнаго возмущенія по поводу совершеннаго другимъ лицомъ преступленія. Здѣсь сразу выставленъ цѣлый рядъ новыхъ положеній, въ особенности же указаніе на достойные уваженія мотивы. Это выраженіе встрѣчаемъ мы также въ ст. 53 объ убійствѣ: когда убійство совершено по требованію убитаго (наказаніе можетъ быть понижено до 1 мѣсяца тюрьмы), и въ ст. 127 о поддѣлкѣ актовъ о состояніи (какъ часто продѣлываютъ родители, чтобы избавить дочь отъ стыда за прописаніе незаконнаго ребенка и т. д.).

Въ особенной части встрѣчаются слѣдующія указанія на мотивы.

Статья 70 объ истребленіи чужого имущества говоритъ: «если же виновный дѣйствовалъ подъ вліяніемъ низменныхъ побужденій, въ особенности изъ наклонности къ мести, зависти, злобы, находя удовольствіе въ причиненіи другому вреда или въ разрушеніи, то наказаніе значительно повышается»; въ статьѣ 68 (замѣчательной вообще) о злоупотребленіи силы лицъ подчиненныхъ сказано: «если кто изъ своекорыстія, эгоизма или злости..... (въ смыслѣ характера)»; выраженіе «Roheit» грубость встрѣчается въ статьѣ 250, трактующей о мученіи животныхъ; въ статьѣ 52 объ убійствѣ предумышленномъ изъ низменныхъ мотивовъ сдѣлано указаніе на совершеніе преступленія (какъ квалификація дѣянія) «изъ

жажды убійства, алчности или сопровождая жестокостями, изъ засады»; указаніе на корыстные мотивы встрѣчается въ цѣломъ рядѣ статей и даже въ различныхъ выраженіяхъ, при чемъ, напримѣръ, при кражѣ требуется не только намѣреніе присвоенія, но, въ угоду народнымъ воззрѣніямъ, намѣреніе обогатиться.

Нельзя также не отмѣтить указанія на мотивы, хотя и не achtungswerthe, но все же дающіе основаніе къ извѣстному смягченію, такъ напримѣръ, aus Unbedacht, не подумавъ, aus Mutwillen—особое юношеское легкомысліе, ухарство, необдуманность и т. д.

Если указаніе на отдѣльные мотивы обобщить, то увидимъ, что подъ мотивомъ для совершенія преступленія Штоосъ подразумѣваетъ совсѣмъ не цѣль преступленія, не то, къ чему преступникъ стремится, а натуру самого преступника, его психическія свойства, которыя только въ данномъ отдѣльномъ дѣяніи проявились: благородный характеръ, увлекающійся, злобный, завистливый и т. д. Такимъ образомъ въ рамкахъ общихъ группировокъ, съ которыми считается государственная власть, предполагается дальнѣйшая индивидуализація, при чемъ оцѣнка индивидуальныхъ достоинствъ происходитъ уже съ точки зрѣнія нравственной.

За это между прочимъ упрекаетъ Штоосса профессоръ Листъ, заявляя (Die psychologischen Grundlagen der Kriminalpolitik Z. f. d. g. Strafwissenschaft, Siebzehnter Band, Viertes Heft), что законодатель долженъ оцѣнивать мотивы съ точки зрѣнія опасности для государства, а не съ точки зрѣнія нравственной. Тутъ же Листъ дѣлаетъ Штооссу и другіе упреки: онъ находитъ, что если собрать всѣ указанія на мотивы, разбросанные въ проектѣ, то окажется, что не предусмотрѣны всѣ мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ преступники дѣйствуютъ, что есть большіе пробѣлы сравнительно, напримѣръ, съ предложенной имъ, Листомъ, группировкой мотивовъ; что если даже допустить, что эти пробѣлы заполняются указаніями на достойные уваженія мотивы, то необходимо признать все-таки, что это выраженіе, какъ слишкомъ общее, вовсе далѣе подробнѣе неопредѣленное, недостаточно, и указываетъ вообще на недодѣлку, которая въ судьяхъ должна вызвать смущеніе: что признавать и что не признавать заслуживающими уваженія мотивами?

Что касается до предложенной Листомъ группировки, то онъ самъ ею недоволенъ, и нельзя отрицать, что она содержитъ слишкомъ много группъ и что несоотвѣтствіе этой группировкѣ едва-ли можетъ быть поставлено въ вину проекту. Но Штоосс. какъ я уже неоднократно указывалъ выше и какъ мнѣ еще подробно придется излагать ниже, вовсе не стремился создать научной группировки мотивовъ и притомъ такой, которая бы да-

вала полную картину психической стороны дѣятельности и дѣйствій вообще человѣка; опредѣляя и квалифицируя преступленіе, онъ накладывалъ такъ сказать, «блики», оттѣнялъ мотивы преступленій тамъ, гдѣ это представлялось особенно существеннымъ для правильной оцѣнки дѣянія. Указанія на то, что судьи не будутъ знать, что подразумѣвать подъ выраженіемъ «достойные уваженія мотивы», и что нравственная точка зрѣнія для оцѣнки мотивовъ не у мѣста, тоже совершенно неправильны. Если при составленіи уголовнаго кодекса разрѣшается, съ точки зрѣнія вреда или опасности для государства и вообще по соображеніямъ цѣлесообразности, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли преслѣдовать извѣстный рядъ дѣяній или нѣтъ, или можно эти дѣянія оставить безъ преслѣдованія, хотя бы они съ точки зрѣнія нравственной заслуживали порицанія и указывали на дурныя стороны совершившаго данное дѣяніе, то для правосудія, *примѣняющаго* уже *созданный* кодексъ и стремящагося опредѣлить степень виновности даннаго субъекта въ дѣяніи, осужденномъ и кодексомъ, и общественною моралью (въ отдѣлѣ о преступленіяхъ (а не о проступкахъ) такое единодушіе во взглядахъ закона и морали всегда имѣется), субъективная, нравственная, точка зрѣнія совершенно необходима. Эту нравственную оцѣнку обвиняемаго на основаніи господствующихъ въ данное время взглядовъ (см. подробнѣе мою работу — «Судъ присяжныхъ и экспертиза») вносятъ въ судъ представители народной совѣсти, присяжные засѣдатели, эта точка зрѣнія объединяетъ разнородные элементы въ одну коллегію присяжныхъ, выносимые ею оправдательные вердикты указываютъ на несоотвѣтствіе уголовнаго кодекса народнымъ воззрѣніямъ на нравственное и безнравственное, запрещенное и незапрещенное и вызываютъ въ концѣ концовъ рано или поздно соотвѣтственныя измѣненія уголовнаго законодательства. Такимъ образомъ, нравственная оцѣнка личности преступника совершенно у мѣста, да въ сущности никакого антагонизма или противорѣчія между государственной и нравственной точками зрѣнія нѣтъ; если государство, по соображеніямъ цѣлесообразности, оставляетъ безъ преслѣдованія извѣстныя безнравственныя дѣянія, то нельзя видѣть въ этомъ одобреніе или даже равнодушіе съ его стороны; уголовная репрессія все-таки средство грубое, его не всюду можно примѣнять; какъ остроумно, хотя и не точно, говоритъ Gautier (Deux projets) — «законодатель имѣетъ въ виду преступленіе, судья—преступника!» Вышеизложенныя соображенія опровергаютъ указаніе Листа и на то, что судьи не будутъ знать, что понимать подъ достойными уваженія мотивами — народная нравственность, которой они являются представителями, подскажетъ и разъяснитъ имъ съ достаточной ясностью всѣ сомнѣ-

нія, да и сомнѣній не будетъ, и теперь уже судьи руководятся той же нравственностью, и нельзя, поэтому, не отдать должнаго высокому и глубокому уму Штоосса, который не просмотрѣлъ изъ-за научныхъ построеній и логическихъ систематизацій великую силу, одухотворяющую всякое здоровое уголовное законодательство,—народную нравственность.

Но и этимъ Штооссъ не ограничился и на почвѣ большей индивидуализаціи и субъективизма сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. Въ статьяхъ 14 и 15 швейцарскаго проекта, такъ же какъ и въ итальянскомъ (ст. 45) и отчасти русскомъ проектѣ (ст. 40) (въ германскомъ и нидерланскомъ нѣтъ соотвѣтственныхъ положеній), сказано, что наказывается тотъ кто дѣйствуетъ умышленно, тѣ же случаи, въ которыхъ карается и неосторожная вина, особо обозначены въ законѣ; такихъ случаевъ названо сравнительно немного: неосторожное убійство (ст. 61), причиненіе тѣлеснаго поврежденія (69), банкротство (88), поджогъ (154), поврежденіе взрывчатыми веществами (158), распространеніе болѣзней (161, 162), причиненіе вреда дурными продуктами (165), поврежденіе путей сообщенія желѣзнодорожныхъ путей, телеграфовъ, телефоновъ (166, 169, 170), невѣрное свидѣтельское показаніе и невѣрный переводъ (195, 198), кромѣ того нѣсколько случаевъ «Unbedacht», что сводится тоже къ неосторожному совершенію преступленій и проступковъ.

Какъ бы въ подтвержденіе основнаго правила, что караются только дѣянія, совершенныя умышленно, въ нѣсколькихъ статьяхъ (при вытравленіи плода и тѣлесныхъ поврежденіяхъ, ст. 56, 63, 64, 65, 66), говорится, что и при умышленныхъ преступленіяхъ виновникъ наказывается только за тѣ объективныя послѣдствія своего дѣянія, которыя онъ могъ предвидѣть; едва ли однако эти послѣднія указанія закона получатъ большое примѣненіе: лицо, вытравляющее плодъ, всегда ясно предвидитъ возможность наступленія смерти матери, лицо, наносящее другому сильныя тѣлесныя поврежденія, всегда должно предвидѣть болѣе серьезный результатъ и даже самую смерть.

Во всякомъ случаѣ и эти попытки осуществляютъ самимъ же Штоосомъ выраженныя въ комиссіи безусловныя требованія, чтобы при опредѣленіи мѣры вины не принимались вовсе въ разсчетъ объективныя послѣдствія дѣянія, поскольку они въ той или другой степени не являются осуществленіемъ умысла виновнаго (умыселъ прямой и такъ называемый альтернативный), при чемъ въ этомъ пунктѣ онъ нашелъ возможность даже рѣшительно разойтись съ народными воззрѣніями.

Тотъ же принципъ—считаться не съ дѣяніями и фактами, а съ лицами, и принимать противъ послѣднихъ мѣры только въ томъ случаѣ, если

дѣяніе является проявленіемъ порочной и опасной натуры,—руководилъ Штооссомъ и при составленіи весьма оригинальной и широко задуманной статьи 15 объ ошибкѣ; въ силу этой статьи судья, оцѣнивая данное дѣяніе, становится на точку зрѣнія лица, совершившаго его, т. е. принимаетъ во вниманіе, какъ этому лицу, въ моментъ совершенія, представлялись фактическія обстоятельства и какъ ему представлялось задуманное имъ дѣяніе съ точки зрѣнія законности его. Въ первомъ случаѣ представленіе лица о фактическомъ положеніи принимается судьей въ основу приговора (развѣ такая оцѣнка была бы неблагопріятна виновному, напримѣръ, преступленіе, совершенное надъ негоднымъ объектомъ), во второмъ незнаніе закона, въ отмѣну прежняго суроваго правила о томъ, что ignorantia juris semper nocet даетъ основаніе для смягченія наказанія.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору самой крупной отличительной черты проекта—его простоты, внутренней по содержанію и внѣшней по формулировкѣ—и обзору особенной части, я остановлюсь на постановкѣ въ проектѣ двухъ вопросовъ, значеніе которыхъ обусловливается современными условіями жизни европейскихъ государствъ; это, во-первыхъ, вопросъ о взаимности и общности интересовъ европейскихъ государствъ въ законномъ преслѣдованіи преступленій, совершенныхъ на территоріи одного изъ европейскихъ государствъ, вопросъ, такъ сказать, международный, и, во-вторыхъ, вопросъ о защитѣ болѣе слабыхъ экономически группъ и личностей отъ эксплоатированія и экономическаго и всякаго другаго порабощенія.

Первый вопросъ находится въ состояніи почти безпрерывныхъ перемѣнъ, отвѣчающихъ постепенному сближенію европейскихъ государствъ между собою по цѣлому ряду вопросовъ внутренней политики, при чемъ все больше и больше растутъ обязанности отдѣльныхъ европейскихъ государствъ въ качествѣ членовъ европейской международной семьи въ дѣлѣ борьбы съ преступностью.

По справедливому замѣчанію приватъ-доцента Бреславльскаго университета Белинга, проектъ швейцарскаго уложенія прекрасно обезпечиваетъ исполненіе союзомъ своихъ международныхъ обязанностей. Подобно другимъ новымъ кодексамъ (нидерландскому, итальянскому, русскому проекту), швейцарскій проектъ въ преслѣдованіи преступленій и преступниковъ не ограничивается швейцарскими подданными и территоріей швейцарскаго союза (здѣсь нельзя не замѣтить, что проектъ, какъ имѣющій цѣлью служить правовому объединенію швейцарскаго народа и всѣхъ кантоновъ, твердо противополагаетъ Швейцарію и швейцарцевъ, какъ единое государство и единый народъ, иностраннымъ государствамъ и иностран-

нымъ народамъ). Швейцарецъ карается на основаніи проекта какъ за преступленіе, совершенное на территоріи союза, такъ и внѣ ея, за-границей, въ послѣднемъ случаѣ преступленіе должно быть настолько серьезно, чтобы по существующимъ конвенціямъ возможна была выдача. Иностранецъ однако тоже карается и не только за преступленія, совершенныя имъ на территоріи союза, но и заграницей; въ послѣднемъ случаѣ проектъ однако точно указываетъ тѣ преступленія, за которыя возможно преслѣдованіе иностранца, совершившаго преступленіе за-границей, а именно (ст. 4, 5, 171, 174); всякая попытка силой измѣнить основные государственные акты (конституція) союза, кантона, смѣстить законныхъ государственныхъ представителей власти или лишить ихъ возможности пользоваться предоставленной имъ властью, отторгнуть часть территоріи союза, всякая измѣна дипломатическая (выдача секретовъ), совершеніе хотя-бы и за-границей преступленій, но надъ швейцарскими подданными (если возможна выдача), или же поддѣлка швейцарскихъ денегъ, банковыхъ билетовъ или другихъ цѣнныхъ бумагъ, совершеніе умышленныхъ преступленій съ помощью взрывчатыхъ веществъ и, наконецъ, торговля дѣвушками (дѣлается оговорка, что преслѣдованіе по швейцарскимъ законамъ наступаетъ, если не было предъявлено требованія о выдачѣ и послѣднее не было удовлетворено).

Значеніе иностранной юстиціи, подразумѣвая подъ послѣдней и приговоры, и распоряженія иностранныхъ матеріальнаго и процессуальнаго права, очень широко. Только въ четырехъ случаяхъ лицо, судившееся и наказанное за границей, все-таки вновь судится въ Швейцаріи, и только ему засчитывается наказаніе, отбытое за границей, а именно: въ случаѣ попытки совершить государственный переворотъ, дипломатической или военной измѣны и покушенія на независимость союза (стр. 171—174). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ распоряженія органовъ судебной власти иностраннаго государства о преступникѣ, совершившемъ преступленіе на территоріи, подвѣдомственной этимъ властямъ, а не союзу, сохраняютъ свою силу и признаются законными въ Швейцаріи. Такъ поступаютъ, если преступникъ мѣстнымъ судомъ оправданъ или помилованъ, или если по мѣстнымъ законамъ требуется жалоба, но она не принесена, если истекла давность по мѣстнымъ законамъ, или, наконецъ, обвиняемый отбылъ все наказаніе, назначенное ему иностраннымъ судомъ; если же онъ отбылъ только часть этого наказанія, то отбытая часть при сужденіи его въ Швейцаріи ему засчитывается. Уже и эти распоряженія идутъ гораздо дальше соотвѣтственныхъ предписаній другихъ кодексовъ (даже итальянскаго—наиболѣе полнаго въ этомъ отношеніи) по пути признанія авторитета иностран-

ныхъ судебныхъ учрежденій. Но швейцарскій проектъ этимъ не ограничивается и, осуществляя мысль простую и всѣми признаваемую, что отъ перехода черезъ границу лицо не становится ни нравственнѣе, ни менѣе преступнымъ, и что поэтому слѣдуетъ принимать въ разсчетъ «дѣятельность» такого лица за границей, постановляетъ, что приговоры иностранныхъ судовъ будутъ приниматься въ разсчетъ такъ же, какъ и приговоры мѣстныхъ судовъ, при опредѣленіи размѣра наказанія (38), для признанія новаго преступленія повтореніемъ (ст. 42), при разрѣшеніи вопроса о возможности примѣненія условнаго осужденія (ст. 50).

Вышеизложенное показываетъ, что отдѣлъ о международныхъ отношеніяхъ разработанъ въ проектѣ широко и правильно, съ полнымъ вниманіемъ къ тому новому положенію, благодаря которому сколько-нибудь изолированное существованіе для европейскаго государства невозможно и оно volens nolens должно принимать участіе въ общей жизни Европы и, благодаря этому, страдать не только отъ того же рода преступленій, но и отъ однихъ и тѣхъ же преступниковъ.

Нельзя также не отмѣтить мѣръ, содержащихся въ проектѣ, и по другому вопросу,—о защитѣ экономически слабыхъ отъ эксплоатированія и даже порабощенія болѣе сильными экономически. Это вполнѣ современная тема, постановка которой на очередь стала и желательной, и возможной не только вслѣдствіе увеличенія населенія европейскихъ государствъ и усиленія и обостренія вслѣдствіе этого борьбы за существованіе, но и потому, что европейскія государства отказались какъ въ своей внѣшней, такъ и въ своей внутренней политикѣ отъ принциповъ laissez faire, laissez passer и перешли къ соціальному законодательству.

И въ этомъ направленіи швейцарскимъ проектомъ вносится много новаго.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе формулировка ст. 19 о необходимой оборонѣ; только въ швейцарскомъ проектѣ мы встрѣчаемъ такую ограничительную, сравнительно съ другими кодексами, постановку необходимой обороны; дѣйствительно, здѣсь сказано: «кто настоящее или неминуемо грозящее противозаконное нарушеніе своего права отразилъ *соотвѣтственнымъ* обстоятельствамъ способамъ (in einer den Umständen angemessener Weise)» и т. д.; Штоссъ обратилъ особое вниманіе комиссіи на такую постановку, а коментаторы справедливо указываютъ, что такой статьею не можетъ защищаться, напримѣръ, хозяинъ, избивающій до полусмерти мальчика, похищающаго у него изъ сада яблоки, и другія лица, переходящія при защитѣ своей собственности всякіе предѣлы необходимаго уваженія къ чужой жизни, здоровью и другимъ благамъ.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить статью, впервые появляющуюся въ уголовныхъ кодексахъ и носящую заглавіе „о злоупотребленіи силами лицъ зависимыхъ", читается она (ст. 68) такъ: кто злоупотребитъ до излишняго напряженія силами малолѣтняго или женщины, которые ему подчинены въ качествѣ работника, ученика, слуги, воспитанника или опекаемаго, и притомъ въ такой степени, что здоровье этихъ лицъ пострадаетъ или даже будетъ серьезно повреждено, тотъ....

Если же это излишнее напряженіе произошло благодаря преступному равнодушію хозяина, то.... (наказаніе все-таки строгое, до 5 тысячъ франковъ). Не менѣе оригинальны статьи 115 и 118. Онѣ гласятъ: первая—кто воспользуется нуждою или зависимостью женщины для того, чтобы склонить ее къ сожитію, тотъ карается тюрьмой, и вторая: кто хитростью, угрозой или силою пытается доставить женщину для разврата, тотъ карается цухтгаузомъ (далѣе отягчающія обстоятельства): дѣяніе это названо—торговля дѣвушками (Mädchenhandel)—преступленіе составляетъ несомнѣнную, а не отошедшую въ исторію (какъ упоминаемая до сихъ поръ нѣкоторыми кодексами торговля рабами) злобу дня въ наше время, но преслѣдуется, однако, къ сожалѣнію, не всѣми еще кодексами.

Нельзя также не обратить вниманія и на двѣ статьи, составляющія тоже новость въ законодательствѣ (недавно регулирована конкурренція германскимъ законодательствомъ). Первая (ст. 80) назначаетъ наказаніе за нечестную конкурренцію, выражающуюся въ отвлеченіи изъ личныхъ взглядовъ покупателей отъ другаго торговца путемъ коварныхъ хитростей (крючковъ) ложныхъ рекламъ и злонамѣренныхъ заподозрѣваній и другими нечестными пріемами.

Ст. 85 предусматриваетъ случай, когда кто-либо, пользуясь затруднительнымъ матеріальнымъ положеніемъ, непониманіемъ, слабостью характера, легкомыслiемъ, неопытностью или зависимостью другаго, увлечетъ послѣдняго въ биржевую или другую азартную игру. Почти такъ же въ предыдущей статьѣ редактировано ростовщичество.

Несомнѣнно, вышеприведенными статьями не регулирована вся шрокая область соціальнаго законодательства, но проектъ указалъ впервые нѣсколько пунктовъ, подлежащихъ, прежде другихъ, регулированію и вызывающихъ вмѣшательство со стороны государственной власти.

Предположеніе Штоосса о регламентаціи международно-уголовныхъ отношеній и разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ нравственно-соціальныхъ нашло отголосокъ и аналогичное разрѣшеніе на Парижскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ; этотъ конгрессъ, хотя и менѣе рѣшительно, чѣмъ Штоосъ, въ виду разнообразія отдѣльныхъ законодательствъ,

постановилъ (Assemblées générales, p. 118), что судья при опредѣленіи подсудимому наказанія можетъ принимать во вниманіе (tenir compte) судимость обвиняемаго за-границей; тотъ же конгрессъ (7-й вопросъ 1 секціи), коснувшись l'embauchage des filles pour la prostitution, выразилъ мнѣніе, что это преступленіе должно строго караться.

III.

Перехожу къ выясненію самой крупной типичной особенности проекта швейцарскаго уложенія—его простотѣ по содержанію и формѣ, той простотѣ, которой отличаются только выдающіяся произведенія человѣческаго ума и человѣческаго творчества вообще. Это та же простота, которая поражаетъ васъ при созерцаніи художественной вазы, высѣченной изъ мрамора: никакихъ украшеній, простота, доведенная повидимому до бѣдности и сухости, и въ то же время глазъ нельзя оторвать,—такъ глубоко гармоничны, симметричны линіи контура, такое получается сильное наслажденіе и удовлетвореніе заложеннаго въ душѣ каждаго чувства изящнаго, гармоничнаго.

Уже самые размѣры уложенія указываютъ, что произведено громадное упрощеніе и соотвѣтственное сокращеніе: въ проектѣ всего 256 статей, сюда включены и общее уложеніе, и отдѣлъ о нарушеніяхъ, и правила объ отвѣтственности редакторовъ и издателей за несоблюденіе различныхъ предписаній (полицейскаго характера); въ сравнительно наиболѣе короткомъ германскомъ уложеніи 370 статей, въ нидерландскомъ—479, въ итальянскомъ—498. Для того, чтобы достигнуть такого сокращенія необходимо было произвести громадныя упрощенія, какъ по содержанію, по внутренней разработкѣ и постановкѣ различныхъ институтовъ уголовнаго права, такъ и по формѣ, въ изложеніи. По замѣчанію профессора Ламмаша (l. c. p. 129), «все показываетъ, что проектъ поставилъ себѣ задачей не разрѣшеніе по извѣстнымъ знаменитымъ образцамъ, перешедшихъ къ намъ отъ предшественниковъ школьныхъ (въ смыслѣ научномъ) споровъ, но что цѣль его—создать законъ, отвѣчающій потребностямъ практики».

Другой критикъ, профессоръ Лиліенталь (l. c. p. 316), замѣчаетъ: «какъ общая, такъ и особенная часть проекта отличаются стремленіемъ къ общепонятности и содержательной краткости. Ясныя основныя идеи и какъ можно меньше казуистики; такимъ путемъ достигается наказаніе дѣйствительно опасныхъ для общества дѣяній, и тѣмъ не менѣе размѣръ

законопроекта остался въ такихъ предѣлахъ, которые дѣлаютъ возможнымъ переходъ его въ плоть и кровь народа».

Уже эти два заключенія извѣстныхъ нѣмецкихъ криминалистовъ указываютъ на тотъ путь, который Штоссъ избралъ, чтобы достигнуть и упрощенія, и сокращенія.

Это упрощеніе по содержанію и по формѣ можно прослѣдить и въ общей части уложенія на основныхъ, большой теоретической важности вопросахъ и въ особенной, въ характеристикахъ того или другаго преступленія.

Прежде всего, въ самомъ раздѣленіи преступныхъ дѣяній швейцарскій проектъ отступилъ отъ сложнаго дѣленія французскаго на три вида и подобно уложеніямъ нидерландскому, итальянскому, невшательскому и проекту норвежскому, усвоилъ двухчленное дѣленіе. Принципъ двухчленнаго дѣленія былъ принятъ въ комиссіи экспертовъ, разсматривавшей проектъ, единогласно, какъ предложеніе, не вызывающее никакихъ сомнѣній. Парижскій конгрессъ, благодаря присутствію громаднаго числа французовъ, горячо защищавшихъ дѣленіе преступныхъ дѣяній въ Code pénal, высказался нерѣшительно, признавъ, что обѣ системы дѣленія имѣютъ свои преимущества и что поэтому каждому государству слѣдуетъ оставаться при дѣйствующей у него системѣ. Такъ какъ нарушенія выдѣлены въ особый отдѣлъ, особый уставъ, то все швейцарское уложеніе, собственно, посвящено одному и единственному виду преступныхъ дѣяній; такимъ образомъ достигается, несомнѣнно, простота и устраняется лишній совершенно поводъ для затрудненія и смущенія судей.

Если этотъ вопросъ внѣшняго, такъ сказать, распорядка былъ разрѣшенъ комиссіей легко и единогласно, то другія предложенія Штоосса болѣе внутренняго характера вызвали горячіе споры, въ особенности предложеніе, которымъ проектъ въ правѣ гордиться, какъ громаднымъ и выдающимся упрощеніемъ и устраненіемъ излишней казуистики—опредѣленіе невмѣняемости было принято лишь послѣ горячихъ и долгихъ дебатовъ, но и послѣ принятія самый горячій въ комиссіи противникъ предложенія Штоосса, профессоръ бернскаго университета Гретенеръ, написалъ цѣлую книгу—Die Zurechnungsfähigkeit als Gesetzgebungsfrage, 1897, въ которой силился доказать неправильность, принципіальную и практическую принятаго комиссіей опредѣленія невмѣняемости.

Ст. II проекта читается такъ: «Кто во время совершенія преступнаго дѣянія былъ душевно боленъ, или слабоуменъ, или въ безсознательномъ состояніи, тотъ ненаказуемъ.

«Если душевное здоровье или сознаніе виновнаго только поколеблено,

или если онъ умственно недоразвитъ, то судья смягчаетъ наказаніе по усмотрѣнію».

Главныя возраженія были направлены противъ первой части этой статьи; Гретенеръ и сочувствовавшіе ему находили, что мало назвать состояніе обвиняемаго, необходимо еще указать и въ чемъ оно проявлялось, т. е. непониманіи значенія совершаемаго, невозможности руководить своими поступками и т. д.

Для того, чтобы яснѣе было, для чего именно Гретенеру нужны эти добавленія (онъ, впрочемъ, и самъ не скрываетъ), полезно сравнить разбираемую статью съ соотвѣтственными статьями другихъ уголовныхъ кодексовъ:

Нидерландскій (ст. 37) говоритъ: «ненаказуемъ тотъ, кто совершаетъ дѣяніе, которое ему не можетъ быть вмѣнено, въ виду недостаточности развитія или болѣзненнаго пораженія его умственныхъ способностей»...

Итальянскій (ст. 46): «ненаказуемъ тотъ, кто въ моментъ совершенія преступленія былъ въ такомъ состояніи болѣзненнаго нарушенія душевныхъ способностей (Zustand von Geisteskrankheit), что онъ былъ лишенъ сознанія или свободы (?) дѣйствій».

И наконецъ, германское уложеніе (ст. 51) говоритъ: «дѣяніе ненаказуемо, когда виновникъ во время совершенія дѣянія находился въ состояніи безсознательности или болѣзненнаго пораженія душевной дѣятельности, благодаря каковому состоянію не могло быть у него свободнаго направленія воли».

Я нарочно поставилъ статью германскаго кодекса въ концѣ, такъ какъ въ ней уже вполнѣ ясно выражено то понятіе «свободной воли», которое только чувствуется въ статьяхъ нидерландскаго и итальянскаго кодексовъ, а безъ свободной воли, по мнѣнію Гретенера и сочувствующихъ ему, не можетъ быть вмѣненія, а, слѣдовательно, не можетъ быть и наказанія, опять-таки въ томъ классическомъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Гретенеръ, т. е. въ смыслѣ возмездія, кары. Какъ говоритъ Гретенеръ, слѣдуетъ выбрать одно изъ двухъ: или стать на точку зрѣнія итальянской школы и признать, что различеніе сумасшедшаго преступника отъ умственно здороваго преступника для цѣлей правосудія значенія не имѣетъ, ибо какъ относительно одного, такъ и относительно другого необходимо принять тѣ же самыя мѣры безопасности; или же слѣдуетъ стать на другую точку зрѣнія: смотрѣть на наказаніе не какъ на мѣру безопасности, а какъ на кару, возмездіе за нарушеніе закона, а возмездіе возможно лишь по отношенію къ человѣку, который можетъ быть признанъ вмѣняемымъ, а вмѣняемъ лишь тотъ, у котораго воля свободна,

тотъ, который въ своей свободной волѣ захотѣлъ совершить данное преступленіе. Невмѣняемость,—говоритъ Гретенеръ,—есть понятіе не медицинское, а юридическое, а потому и должно быть опредѣлено законодательнымъ путемъ, поэтому-то и надо ввести въ опредѣленіе «психологическій» моментъ или, лучше сказать, психологическія проявленія тѣхъ состояній, которыя лишь названы въ проектѣ. Такимъ образомъ, подъ требованіемъ о введеніи, повидимому, несущественнаго дополненія скрывается горячая принципіальная борьба двухъ школъ: свободной воли и возмездія съ одной стороны, и цѣлесообразности наказанія, какъ мѣры огражденія,—съ другой. Борьба эта длится уже довольно давно и не разрѣшена и посейчасъ окончательно, хотя побѣда клонится на сторону отрицающихъ свободу воли, на сторонѣ которыхъ всѣ представители естественныхъ наукъ. Вопросъ во всякомъ случаѣ сложный, запутанный, и едва ли уголовному кодексу слѣдуетъ вмѣшиваться въ его разрѣшеніе въ томъ или другомъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ и понялъ свои обязанности Штооссъ, заявивъ въ комиссіи, что напрасно считаютъ, что тотъ, кто за проектъ, тотъ противъ свободы воли; онъ указалъ на важныя неудобства, признаваемыя и Гретенеромъ, отъ введенія психологическаго момента въ опредѣленіе и на полную возможность обойтись безъ введенія дополненій. При этомъ Штооссъ сослался на авторитетное мнѣніе швейцарскихъ психіатровъ, обсуждавшихъ на съѣздѣ въ Chur (22 и 23 мая 1893, напечатано въ Revue pénale suisse, 7-й томъ), всѣстѣ съ Штооссомъ, вопросъ о вмѣняемости и о томъ, какъ формулировать таковую въ проектѣ: съѣздъ призналъ предложенную Штооссомъ редакцію и высказалъ при этомъ, что всякое введеніе психологическаго момента и опредѣленій о процессахъ психологическихъ, вызывающихъ и сопровождающихъ состояніе невмѣняемости, всегда будутъ неточны съ научной точки зрѣнія и вызовутъ возраженія ученыхъ медиковъ и психіатровъ и юристовъ-практиковъ. Что касается до послѣднихъ, то въ комиссіи экспертовъ профессоръ Цюрхеръ, ссылаясь на свою практику въ качествѣ судьи, заявилъ: «Здѣсь много лицъ, которыя не признаютъ существованія свободной воли, есть много судей, которые тоже не признаютъ ея, и имъ приходится не обращать вниманія на законъ; такъ и я поступалъ». При такой запутанности вопросовъ о свободѣ воли и психологическихъ процессахъ, обусловливающихъ вмѣняемость, слѣдуетъ отдать справедливость Штооссу, который правильно призналъ, что для основъ практической борьбы съ преступниками вовсе нѣтъ надобности такъ или иначе разрѣшать эти запутанные вопросы и что практическая дѣятельность можетъ удовлетвориться простой постановкой вопроса: нормально ли данное лицо психически

или нѣтъ, ибо всякое нормальное психически лицо признается «вмѣняемымъ».

Положеніе швейцарскаго проекта, когда онъ говоритъ: «невмѣняемъ тотъ, кто совершилъ преступленіе въ состояніи душевной болѣзни, идіотизма или безсознательности», совершенно ясное и несомнѣнное для всѣхъ, причемъ понятіе невмѣняемости въ общеупотребительномъ смыслѣ тоже не вызываетъ никакихъ сомнѣній; въ самомъ дѣлѣ, нельзя считаться съ дѣйствіями сумасшедшаго, идіота или находящагося въ безсознательномъ состояніи, какъ съ дѣйствіями нормальнаго человѣка, это совершенно непреложно и ясно для всѣхъ съ перваго раза. Но если только вступить на путь опредѣленій, пожелать на основаніи научныхъ данныхъ выяснить понятіе нормальнаго человѣка, а главное, выясненное включить въ краткія и точныя рамки юридическаго опредѣленія, то возникнетъ рядъ совершенно непреодолимыхъ затрудненій; гдѣ граница нормальнаго и ненормальнаго и въ чемъ именно проявляется нормальное состояніе и функціонированіе душевныхъ способностей, когда начинается болѣзненное функціонированіе тѣхъ же способностей? Спеціалисты психіатры отказываются дать такое опредѣленіе; по мнѣнію профессора Балинскаго, нѣтъ вполнѣ нормальныхъ людей, однако же, опять-таки всѣмъ понятно, что извѣстная степень ненормальности, отклоненія отъ той нормы, которая существуетъ, повидимому, только въ идеѣ, какъ математическія линіи и точки, выдѣляетъ человѣка изъ ряда обыкновенныхъ, нормальныхъ людей, живущихъ въ рамкахъ общежитія. Опредѣлить эту степень можно только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при содѣйствіи и спеціалистовъ, и людей жизни. Къ чему приводятъ всякія попытки будто бы научнаго, а главное, принципіальнаго разрѣшенія этого вопроса, да еще такого, чтобы положить полученное опредѣленіе въ основу всей уголовной политики и дѣйствующихъ кодексовъ,—показываетъ ясно длинная, тяжелая и утомительная для знакомящагося съ нею исторія научныхъ споровъ о существованіи свободы воли и, наконецъ, самый послѣдній споръ такихъ двухъ свѣтилъ, какъ Листъ и Штооссъ, предъ авторитетомъ котораго, какъ автора проекта швейцарскаго уложенія, можно дѣйствительно склоняться.

Профессоръ Листъ остановился на вопросѣ о вмѣняемости въ докладѣ, сдѣланномъ имъ международному психологическому конгрессу, засѣдавшему въ Мюнхенѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1896 г. (Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft, B. 17, H. 1).

Отказываясь прямо отъ понятія о свободной волѣ, какъ основанія для вмѣняемости, отъ понятія о разумѣніи (Einsicht германскаго уголовнаго кодекса), какъ оставляющемъ безъ вниманія состояніе воли, онъ

останавливается на опредѣленіи состоянія вмѣняемости, какъ нормальнаго реагированія на мотивы, т. е. въ сущности на мотивированности поступковъ. Но и это опредѣленіе не удовлетворяетъ Листа, есть, по его мнѣнію, цѣлый рядъ неточностей и пробѣловъ.

Что значитъ нормальное реагированіе? Понятіе нормальнаго душевнаго состоянія совершенно безбрежно.

Далѣе, если считать при такомъ опредѣленіи вмѣняемости, что наказаніе устрашаетъ или исправляетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является, слѣдовательно, однимъ изъ вліяній, которыя создаютъ мотивы дѣятельности, то необходимо будетъ признать, что «чувствительность къ преслѣдуемому путемъ наказанія внушенію мотивовъ» явится, съ одной стороны, необходимымъ условіемъ для наступленія и дѣйствительности наказанія, а съ другой — необходимымъ признакомъ для разграниченія преступленія отъ сумасшествія, цухтгауза отъ дома для умалишенныхъ. Но что же мы видимъ? Оказывается, что есть категорія неисправимыхъ, которые не сумасшедшіе, но на которыхъ наказаніе обыкновенно не дѣйствуетъ, не внушаетъ имъ никакихъ мотивовъ и которые, поэтому, согласно швейцарскому проекту, подвергаются интернированію; но чѣмъ такое интернированіе отличается отъ дома для умалишенныхъ? Тотъ же режимъ сохраняется. Заканчиваетъ статью Листъ совершенно неожиданно: онъ не совѣтуетъ помѣщать арестантовъ неисправимыхъ въ интернаты, а оставлять ихъ въ цухтгаузахъ, такъ какъ будто бы это болѣе согласно съ воззрѣніями народа. Но воззрѣнія будутъ мѣняться, и настанетъ время, когда понятіе преступленія, грѣха и искупленія останутся лишь въ области поэзіи, когда стѣна, раздѣляющая преступленіе и сумасшествіе падетъ, и если цухтгаузъ и будетъ составлять особое отдѣленіе больницы для опасно больныхъ, то духъ милосердія и состраданія будетъ царить и тамъ и тутъ.

Возражая Листу (Revue pénale suisse, a. 9, c. 6), Штооссъ проводилъ различіе между verbrechensunfähig u. strafunfähig (различеніе, несомнѣнно, скорѣе схоластическое): первый невмѣняемый, а второй неисправимый; неисправимые вмѣняемы и потому подлежатъ наказанію. Листъ, по мнѣнію Штоосса, измѣнилъ своимъ прежнимъ взглядамъ, которые были правильны. Описывая состояніе душевныхъ способностей преступника въ моментъ совершенія преступленія, Листъ прежде совершенно справедливо указывалъ, что должно быть принято во вниманіе не только состояніе умственныхъ способностей преступника, но и его нравственная сопротивляемость влеченію къ преступленію; а теперь совершенно неправильно обосновалъ вмѣняемость на чувствительности къ наказанію и внушаемымъ

наказаніемъ мотивамъ, чувствительности, которая наступаетъ послѣ, а не до совершенія преступленія. Заключаетъ свое возраженіе Штооссъ такими опредѣленіями. Если виновникъ во время совершенія преступленія обладалъ разумѣніемъ (Einsicht) и нравственною силою сопротивленія въ томъ размѣрѣ, какъ это обыкновенно присуще взрослому человѣку, то онъ долженъ быть признанъ вмѣняемымъ. Если разумѣніе или нравственная сопротивляемость были нарушены (душевною болѣзнью, идіотизмомъ или безсознательнымъ состояніемъ), то онъ невмѣняемъ.

Этимъ споръ еще не закончился. Листъ въ новѣйшей своей работѣ о вмѣняемости (Die straftechtliche Zurechnungsfähigkeit. Eine Replik Zeitschr. f. d. g. Strafwiss. 18 B. 2 и 3 Heft, 1893), возражая на замѣчанія, сдѣланныя Гефлеромъ, Лефлеромъ, Штооссомъ, Ламмашемъ, Кальнеромъ и другими по поводу его доклада психологическому конгрессу въ Мюнхенѣ, утверждаетъ, что понятіе уголовной вмѣняемости лишено всякаго значенія и такое свое утвержденіе основываетъ на признаваемой и имъ уже теперь невозможности дать точное опредѣленіе невмѣняемости, которое бы служило общимъ правиломъ и руководствомъ для судьи. Изъ этого послѣдняго положенія можетъ быть сдѣланъ только одинъ выводъ, который и дѣлается между прочимъ Листомъ, что судьѣ должно быть предоставлено право разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, слѣдуетъ ли примѣнить наказаніе или мѣры безопасности. Но Листъ безусловно не правъ, когда только на томъ основаніи, что въ законѣ нельзя дать точнаго опредѣленія вмѣняемости, какъ нельзя дать вполнѣ точнаго опредѣленія признаковъ «нормальнаго» и ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей человѣка, онъ отрицаетъ всякое значеніе для уголовнаго законодательства понятія вмѣняемости и утверждаетъ, что преступное дѣяніе, совершенное ребенкомъ или сумасшедшимъ, возмущаетъ общество въ той же степени, какъ и дѣяніе умственно здороваго человѣка (мы хвалимъ, говоритъ Листъ, красоту и умъ въ человѣкѣ, хотя это не его заслуга, а даръ природы).

Несомнѣнно, съ оставленіемъ теоріи возмездія, какъ основанія наказанія, значеніе вопроса о вмѣняемости нѣсколько утратило свою важность; несомнѣнно, что государство, считая возможнымъ бороться съ преступленіемъ и вступая въ эту борьбу, не ограничивается наказаніемъ вмѣняемыхъ, а принимаетъ извѣстныя мѣры и въ отношеніи невмѣняемыхъ, но эти послѣднія мѣры ничего общаго съ мѣрами, принимаемыми въ отношеніи вмѣняемыхъ, не имѣютъ и именно съ точки зрѣнія новаго взгляда на наказаніе, съ точки зрѣнія цѣлесообразности; не считая себя призваннымъ карать за безнравственныя, но не преступныя дѣянія, государство не

можетъ не считаться съ различеніемъ нравственнаго и безнравственнаго по народнымъ воззрѣніямъ, не можетъ не принимать въ соображеніе, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло: съ человѣкомъ больнымъ или съ человѣкомъ безнравственнымъ. Это послѣднее различеніе потеряетъ значеніе лишь тогда, когда перестанутъ признавать то, что признаетъ даже такой детерминистъ, какъ Варга,—борьбу въ человѣкѣ между побужденіями идейными, заложенными въ мозговой корѣ, и побужденіями чувственными, субкортикальными, когда откажутся совершенно отъ всей дѣйствующей лѣстницы наказаній, основанной на причиненіи извѣстнаго внѣшняго матеріальнаго вреда и на соображеніи о цѣлесообразности такого причиненія въ извѣстныхъ случаяхъ и къ извѣстнымъ субъектамъ, не стоящимъ еще, какъ преступники по ремеслу, на границѣ между помѣшательствомъ и умственнымъ здоровьемъ. Никакихъ указаній на то, чтобы Листъ отказывался совершенно отъ дѣйствующей лѣстницы наказаній и ихъ принципа не имѣется, а при такихъ условіяхъ высказанныя имъ соображенія о значеніи вмѣняемости не согласованы съ общими его взглядами.

Мнѣ кажется, что сопоставленіе только-что изложенныхъ разсужденій можетъ привести только къ одному выводу, что попытки дать опредѣленіе понятія вмѣняемости и невмѣняемости въ наше время, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи науки, преждевременны; онѣ скорѣе напоминаютъ древнія философскія теоріи, стремившіяся объяснить все существующее, хотя это «все» не изучено вполнѣ еще и въ наше время. Понятіе вмѣняемости нормальнаго состоянія человѣка тоже крайне широко, еще многое въ этомъ нормальномъ, а въ особенности ненормальномъ состояніи не изучено и еще много времени пройдетъ, пока можно будетъ провести одну общую границу между нормальнымъ и ненормальнымъ.

Нельзя не отмѣтить далѣе еще одного упрощенія—это именно отказъ швейцарскаго проекта опредѣлить, что такое покушеніе на преступленіе; ст. 17 гласитъ: «кто покушается на совершеніе преступленія» и т. д. Несомнѣнно, покушеніе—понятіе совершенно ясное, которое можетъ быть только, какъ и понятіе о вмѣняемости, затемнено всякими опредѣленіями; еще германское уложеніе (въ ст. 43) содержитъ въ себѣ подробное опредѣленіе покушенія, всѣ послѣдующіе кодексы и проекты все больше устранялись отъ такихъ опредѣленій, но швейцарскій проектъ пошелъ въ этомъ направленіи значительно дальше другихъ.

Постановленія проекта объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ выгодно выдѣляютъ его среди другихъ кодексовъ именно по своей простотѣ. Остановившись на вполнѣ ясной и простой мысли, что при сужденіи о поступкахъ малолѣтнихъ вопросъ идетъ вовсе не о discer-

nement, умѣньи различать добро отъ зла, которое рѣдко у кого изъ дѣтей отсутствуетъ, въ особенности послѣ достиженія ими 14-лѣтняго возраста, а о зрѣлости характера, о степени, въ которой ребенокъ пріучился уже руководить своими поступками—способность, которая и у вполнѣ развитого и нормальнаго человѣка развивается постепенно, съ годами.—Штооссъ совершенно правильно призналъ, что лицъ незрѣлыхъ — карать, наказывать, въ особенности современными, безчестящими наказаніями не слѣдуетъ, ихъ слѣдуетъ отдѣлить отъ взрослыхъ и по возможности перевоспитать. Эта простая и вѣрная мысль дала Штооссу возможность избѣгнуть тѣхъ многообразныхъ подраздѣленій возраста, которыя знаютъ другіе кодексы (хотя бы, напримѣръ, итальянскій въ ст. 54, 55), и установить ясную систему мѣръ, а въ то же время избавить судей отъ разрѣшенія всякихъ непосильныхъ и ненужныхъ задачъ.

Нельзя не замѣтить и значительнаго упрощенія сравнительно съ другими кодексами лѣстницы нормальныхъ наказаній, предположенной проектомъ: въ ней всего два вида лишенія свободы, и судьѣ нечего ломать голову надъ оттѣнками, въ дѣйствительности не существующими и не имѣющими никакого значенія.

Наконецъ, въ пользу достигнутаго проектомъ упрощенія говоритъ статья объ участіи и въ особенности статья о рецидивѣ (41), вводящая для преступленій, караемыхъ цухтгаузомъ или тюрьмой (для болѣе легкихъ рецидивовъ нѣтъ вовсе), такъ называемый общій рецидивъ: совершеніе преступленія, все равно какого, въ извѣстный срокъ послѣ отбытія наказанія лишеніемъ свободы (не менѣе 6 мѣсяцевъ), между тѣмъ какъ большинство европейскихъ кодексовъ устанавливаетъ систему повторенія тождественнаго или чаще однороднаго преступленія, причемъ для опредѣленія, что должно считать однородными преступленіями, тратитъ, какъ, напримѣръ, итальянскій кодексъ, 5 статей (80 — 85) и болѣе 80 строчекъ! Вотъ одно изъ объясненій, какимъ образомъ достигается упрощеніе и сокращеніе; нельзя къ тому же сказать, чтобы понятіе общаго рецидива, при своей простотѣ, было неправильно: совершеніе новыхъ преступленій послѣ отбытія наказанія за прежнія, и притомъ наказанія лишеніемъ свободы, указываетъ съ совершенною несомнѣнностью, что правосудіе имѣетъ дѣло съ натурою, не имѣющей и не желающей подчиняться существующему въ государствѣ строю и не понимающей въ достаточной мѣрѣ значенія государственнаго запрета.

Въ этомъ смыслѣ разрѣшилъ вопросъ о рецидивѣ и парижскій тюремный конгрессъ, который призналъ возможнымъ допустить спеціальный

(т. е. требованіе повторенія того же дѣянія) рецидивъ только для совсѣмъ маловажныхъ нарушеній.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ, какимъ путемъ Штоссъ достигъ въ проектѣ упрощенія и сокращенія, необходимо остановиться на особенной части уложенія; она начинается, вопреки примѣру другихъ кодексовъ, съ отдѣла о преступленіяхъ противъ жизни и здоровья (собственно gegen Leib u. Leben); въ немъ мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же положенія, какъ и въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ другихъ кодексовъ [1]). Какъ отличіе, и притомъ въ смыслѣ упрощенія, можно указать на то, что проектъ не различаетъ и не квалифицируетъ преступленія по жертвамъ убійствъ, вовсе не перечисляя ихъ, какъ дѣлаютъ другіе кодексы. Въ комиссіи Штоссъ заявилъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ основаній усиливать наказаніе за убійство родителей, чиновниковъ и т. д.: въ Швейцаріи нѣтъ чиновниковъ, какъ особаго класса, который бы слѣдовало особо ограждать (чиновники, все выбранные на срокъ), а нѣкоторые родители обращаются съ своими дѣтьми такъ безсердечно, что совершенно уничтожаютъ всякій нравственный союзъ.

Когда при обсужденіи статьи о дуэли, Гретенеръ настаивалъ на включеніи особаго упоминанія объ американской дуэли, то Штоссъ возразилъ, и съ нимъ согласилась коммисія, что случаи американской дуэли чрезвычайно рѣдки, и что поэтому не стоитъ безцѣльно загромождать законопроектъ ненужными подробностями.

Обращаетъ на себя вниманіе статья о дракѣ. Она редактирована и просто, и удачно (ст. 67): «кто принимаетъ участіе въ дракѣ, и не только защищается или разнимаетъ, наказывается тюрьмой; кромѣ того, примѣняются статьи закона о тѣлесныхъ поврежденіяхъ». Въ этихъ трехъ строчкахъ сказано все, что можно вложить въ понятіе драки, нѣтъ отвѣтственности участниковъ драки за объективныя послѣдствія, въ которыхъ можетъ быть большинство изъ нихъ неповинно, что называется, ни душой, ни тѣломъ; а между тѣмъ, крайне объективную статью 1465 нашего нынѣшняго уложенія почти повторяетъ одинъ изъ новѣйшихъ кодексовъ—итальянскій (ст. 378). Духомъ субъективизма, замѣчаемымъ въ этой статьѣ, проникнутъ весь отдѣлъ о преступленіяхъ противъ жизни и здоровья; таковы,

[1]) Убійство умышленное, убійство корыстное и др. мотивы, въ запальчивости, убійство по просьбѣ убитаго, пособничество къ самоубійству, убійство ребенка, вытравленіе плода, оставленіе въ опасности, дуэль, поставленіе въ опасное положеніе, возведеніе построекъ опасныхъ для жизни, неосторожное убійство, тѣлесное поврежденіе простое, очень тяжкое, съ смертнымъ исходомъ, неосторожная драка, перенапряженіе силъ подчиненнаго.

напримѣръ, какъ я указывалъ выше, постановленія о предвидѣніи послѣдствій тѣлесныхъ поврежденій и т. д.

Отдѣлъ о преступленіяхъ противъ имущества отличается тою же простотою, краткостью и, въ то же время, исчерпывающей полнотой. Для состава преступленія кражи, какъ и въ другихъ новыхъ законахъ и проектахъ, не требуется тайности похищенія, и кромѣ того—что уже составляетъ особенность швейцарскаго проекта, встрѣчающую большое сочувствіе критиковъ—«движимости» похищаемаго предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Штоосъ не удовлетворился указаніемъ на цѣль присвоенія, и согласно, какъ онъ объяснилъ, народнымъ воззрѣніямъ, опредѣлилъ кражу, какъ похищеніе «съ цѣлью незаконнаго обогащенія». Упрощеніе далѣе особенно замѣтно на перечисленіи случаевъ квалифицированныхъ кражъ; въ то время, какъ другіе кодексы, напримѣръ, итальянскій, знаютъ до 20 квалифицирующихъ обстоятельствъ, швейцарскій проектъ ограничивается указаніемъ въ той же статьѣ на совершеніе кражи въ видѣ промысла шайкою или опаснымъ и дерзкимъ способомъ, и ничего больше; нѣтъ даже указаній на цѣну похищеннаго (какъ въ германскомъ и нидерландскомъ). Какъ и всѣ новые кодексы, швейцарскій проектъ въ ст. 78 возводитъ, совершенно правильно, укрывательство похищеннаго въ самостоятельное преступленіе, безразлично, какимъ образомъ совершенно похищеніе, путемъ ли кражи, грабежа и т. д., и облагаетъ это преступленіе весьма строгимъ наказаніемъ.

Обманъ (Betrug, 81) редактированъ очень оригинально, тоже, какъ объяснилъ Штоосъ, согласно народнымъ воззрѣніямъ: «кто другого введетъ въ заблужденіе путемъ представленія ложныхъ или сокрытія истинныхъ обстоятельствъ съ тою цѣлью, чтобы самому обогатиться или обогатить другого, тотъ наказывается»... Такимъ образомъ, обманъ совершонъ, если даже вредныхъ послѣдствій, для имущества потерпѣвшаго, не наступило, и на этой точкѣ зрѣнія настаивалъ Штоосъ въ коммисіи. Вопреки другимъ кодексамъ, и здѣсь квалифицирующихъ моментовъ только два: большой вредъ (grosser Schaden) и дерзкій способъ совершенія, опять-таки большое упрощеніе.

Грабежъ и разбой сливаются въ одно преступленіе, выражающееся въ насиліи, и притомъ серьезномъ, причиненномъ для совершенія кражи или ввиду поимки на кражѣ.

Растрата преслѣдуется только по жалобѣ потерпѣвшаго, которому лучше знать, нарушено ли его довѣріе. Затѣмъ мы встрѣчаемъ семейные: кражу, обманъ, растрату; имѣются особыя статьи о вымогательствѣ, ростовщичествѣ, о нечестной конкурренціи (см. выше), эксплоатированіи

путемъ биржевой игры (см. выше), злостномъ банкротствѣ, преступленіяхъ по конкурсу и т. д.

Изъ отдѣла о преступленіяхъ, нарушающихъ спокойствіе и личную безопасность (тутъ и нарушенія домашней тишины, Hausfriedensbruch, и нарушенія профессіональной тайны и пр.), слѣдуетъ отмѣтить ст. 101, какъ единственную, карающую преступленія противъ религіи. Она читается такъ: «кто прерветъ, или воспрепятствуетъ богослуженію или религіозному обряду, кто осквернитъ предметъ, предначначенный для богослуженія или религіознаго обряда, въ то время, когда этотъ предметъ еще выполняетъ свое назначеніе и на мѣстѣ предназначенія, тотъ»...

Была еще первая часть этой статьи: «кто публично выкажетъ презрѣніе, или осмѣетъ въ выраженіяхъ, вызывающихъ раздраженіе, чужую религію», но эту часть статьи коммисія исключила (большинствомъ 10 противъ 8 голосовъ), находя, что это стѣснитъ свободную критику религіозныхъ взглядовъ. Изъ другихъ кодексовъ ни итальянское, ни нидерландское уложенія не имѣютъ особыхъ отдѣловъ о преступленіяхъ противъ религіи, германское же хотя и имѣетъ особый отдѣлъ изъ трехъ статей (166, 167, 168), но изъ нихъ послѣдняя относится къ разрытію и осквернѣнію могилъ, въ первыхъ же двухъ статьяхъ содержится тѣ же предписанія, что въ обѣихъ (отмѣненной и неотмѣненной) частяхъ ст. 101 швейцарскаго проекта; итальянское содержитъ тѣ же предписанія, въ отдѣлѣ нарушеній основныхъ правъ гражданъ.

Преступленія противъ нравственности предусмотрѣны въ двухъ главахъ, озаглавленныхъ: преступленія противъ свободы, и преступленія противъ половой нравственности и половой свободы. Этотъ отдѣлъ разработанъ особенно подробно, карательная санкція чрезвычайно возвышена, и въ этомъ, Штоосъ является лишь выразителемъ взглядовъ швейцарскаго народа, разбитаго на небольшіе кантоны (причемъ въ нѣкоторыхъ, весь народъ собирается для разсмотрѣнія законовъ, и во всѣхъ, существуетъ referendum—голосованіе всѣми гражданами поголовно конституціонныхъ законовъ), въ которыхъ идетъ тѣсная, скромная жизнь, всякое безнравственное дѣяніе легко оглашается, нарушаетъ эту жизнь и оскорбляетъ народную нравственность.

Проектъ различаетъ уводъ (обольщеніе) женщины для безнравственныхъ цѣлей, уводъ для вступленія въ бракъ (караемый всего тюрьмой), уводъ дѣтей для безнравственныхъ цѣлей. Рядомъ съ изнасилованіемъ женщины (и дѣтей), причемъ проектъ не выдѣляетъ, какъ дѣлаетъ итальянскій кодексъ (350), публичныхъ женщинъ, и Штоосъ настаивалъ на такой постановкѣ въ коммисіи, проектъ знаетъ насильственное принужденіе

«лица», безъ опредѣленія пола, къ сладострастнымъ дѣйствіямъ. Штоосъ хотѣлъ этимъ удовольствоваться и не помѣщать особой статьи о педерастіи, какъ особо непристойномъ преступленіи, но коммисія заставила его внести соотвѣтственную статью (124). За любострастныя насильственныя дѣйствія съ дѣтьми до 15 лѣтъ—Zuchthaus до 10 лѣтъ, а за покушеніе на совокупленіе—цухтгаузъ не ниже 2 лѣтъ; при этомъ, если внѣшній видъ и физическое развитіе ребенка могли дать основаніе считать его болѣе взрослымъ, то можетъ быть смягчено наказаніе на основаніи правилъ объ ошибкѣ. Особо караются сладострастныя дѣйствія съ опекаемыми, съ идіотами, сумасшедшими. Выше уже указано было на двѣ статьи 115 и 118, карающія пользованіе нуждой женщины для принужденія ея къ совокупленію, и торговлю дѣвушками. Какъ особенность, необходимо указать, что коммисія почти единогласно рѣшила, что всѣ преступленія изнасилованія, сладострастныя дѣйствія въ различныхъ видахъ, преслѣдуются въ публичномъ порядкѣ, безъ частной жалобы; было высказано, что хотя, можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, потерпѣвшія отъ преступленія благодаря этому пострадаютъ вдвойнѣ, но государство слишкомъ заинтересовано, чтобы не оставались безнаказанными насилователи; всякія денежныя сдѣлки съ богатыми противорѣчатъ соціальнымъ взглядамъ и нарушаютъ правовой порядокъ.

Сурово караются всякія публичныя, неприличныя дѣйствія, выставленіе неприличныхъ картинъ, изображеній, сводничество; за содержаніе публичнаго дома, или доставленіе публичныхъ женшинъ—цухтгаузъ до 5 лѣтъ, а за повтореніе того же дѣянія—до 10 лѣтъ цухтгауза.

Отдѣлъ о преступленіяхъ противъ союза семейственнаго весьма кратокъ, но тѣмъ не менѣе мы находимъ здѣсь и многократный бракъ (mehrfache Ehe), и поддѣлку актовъ о состояніи, и прелюбодѣяніе; противъ наказанія послѣдняго (преслѣдуется по частной жалобѣ) много возражалъ Готье и др., ссылаясь на примѣръ Англіи и Женевы, гдѣ это преступленіе не наказывается; указывали, что благородная женщина не станетъ такимъ образомъ мстить за измѣну, но Штоссъ и здѣсь сослался на народныя воззрѣнія.

Заслуживаетъ особаго вниманія статья 129: «Родители, отчимъ и мачиха, усыновители, опекуны и воспитатели, которые совсѣмъ не заботятся о порученныхъ ихъ попеченію и воспитанію дѣтяхъ или обращаются съ ними жестоко, наказываются тюрьмой не ниже 1 мѣсьца. Если благодаря этому здоровье или развитіе ребенка серьезно пострадало или даже подверглось опасности, то цухтгаузъ до 5 лѣтъ».

«Если ребенокъ умеръ вслѣдствіе лишенія необходимаго ухода или

жестокаго обращенія и виновный могъ предвидѣть такой исходъ, то цухтгаузъ до 10 лѣтъ».

«Судья предлагаетъ администраціи помѣстить ребенка куда-нибудь въ другое мѣсто, обвиняемый лишается родительской или опекунской власти на время отъ 10 до 15 лѣтъ».

Эта статья тоже могла бы быть зачислена въ соціальное законодательство современнаго государства, понимающаго свои интересы въ правильной постановкѣ воспитанія и вообще выращиванія дѣтей, будущихъ гражданъ, и признающаго за собой право регламентировать даже и эту сферу, считавшуюся до сихъ поръ сферой чисто-личнаго индивидуальнаго вліянія.

Отдѣлъ объ оскорбленіяхъ (gegen die Ehre, guten Ruf u. Kredit) заслуживалъ бы постатейнаго перевода,

Проектъ различаетъ клевету—какъ взведеніе позорящихъ обстоятельствъ завѣдомо ложное, диффамацію—какъ взведеніе тѣхъ же обстоятельствъ, хотя истинность взводимаго нельзя доказать. Виновный можетъ и при клеветѣ, и при диффамаціи представлять доказательства истинности и, если докажетъ, то освобождается отъ наказанія, за исключеніемъ, однако, случаевъ, когда взведеніе и распространеніе обстоятельствъ производилось виновнымъ изъ зависти, мести или изъ удовольствія причинить непріятность, тогда, и при доказанной справедливости взведеннаго, виновный отвѣчаетъ за оскорбленіе.

Представленіе доказательствъ однако же не допускается, когда взведеніе позорящихъ обстоятельствъ касается супружеской или семейной жизни, развѣ только взводится обвиненіе въ преступленіи.

Если виновный въ диффамаціи распространялъ позорящія свѣдѣнія вслѣдствіе простительной ошибки и затѣмъ на судѣ откровенно призналъ невѣрными распространенныя имъ свѣдѣнія, то онъ освобождается отъ наказанія.

Ст. 133 читается такъ: «кто другого оскорбитъ словомъ или дѣйствіемъ, въ случаѣ жалобы, наказывается денежнымъ взысканіемъ до 5 тысячъ франковъ, или тюрьмой до 1 мѣсяца. Если оскорбленный самъ подалъ поводъ къ оскорбленію своимъ недостойнымъ или даже преступнымъ поведеніемъ, то оскорбитель отъ наказанія освобождается».

Нельзя не сказать, что эти постановленія отличаются жизненностью прямотой и простотой; въ отдѣлѣ имѣются еще статьи о поврежденіи кредита и объ отвѣтственности редактора за клевету, диффамацію, оскорбленіе или подрывъ кредита въ печати. Штооссъ доказывалъ, что не можетъ быть особыхъ преступленій въ печати и особаго порядка отвѣт-

ственности и достаточно сказать «pressöffentlich», но съ нимъ не вполнѣ согласились и установили особый порядокъ отвѣтственности за эти преступленія: отвѣчаетъ издатель, когда авторъ не названъ, а когда авторъ назовется или издатель назоветъ его (къ чему, однако, онъ не обязанъ), то отвѣчаютъ оба; какъ видно, однако, установивъ особый порядокъ отвѣтственности, и комиссія не признала, что возможно совершеніе путемъ печати какихъ либо особыхъ, не предусмотрѣнныхъ статьями уложенія преступленій.

Отдѣлъ о подлогѣ озаглавленъ «преступленія противъ общественныхъ вѣрности и довѣрія».

Онъ начинается совершенно правильно не съ отдѣльнаго вида подлога, хотя бы можетъ быть и очень важнаго, какъ, напримѣръ, поддѣлка государственныхъ денежныхъ знаковъ, а съ общаго опредѣленія понятія подлога. Подлогомъ признается: 1) составленіе новаго подложнаго документа, или подложное исправленіе настоящаго, или составленіе подложнаго документа чрезъ злоупотребленіе настоящей подписью и одновременное употребленіе такихъ завѣдомо подложныхъ документовъ въ цѣляхъ обмана и 2) употребленіе въ цѣляхъ обмана завѣдомо подложныхъ документовъ. Интересно въ этой статьѣ понятіе документа: «документы суть письменныя произведенія (Schriften), которыя предназначаются или могутъ служить для удостовѣренія фактовъ, имѣющихъ юридическое значеніе». Къ письменнымъ произведеніямъ приравниваются и другіе предметы (подразумѣвается: могущіе служить для удостовѣренія фактовъ, имѣющихъ юридическое зваченіе). Такое опредѣленіе, несомнѣнно, весьма широко и обнимаетъ все, что можно себѣ представить въ этой области, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ Тейхманъ, можетъ быть и нѣсколько неопредѣленно. По объясненію Штоосса, подъ его опредѣленіе подойдутъ и частныя письма, которыя приняты судомъ во вниманіе при разрѣшеніи дѣла, какъ доказательство.

Но и это общее широкое опредѣленіе дополняется проектомъ ст. 141, въ которой весьма остроумно, какъ и въ германскомъ кодексѣ (ст. 277 п. 2), приравнены къ подлогу снятіе, уничтоженіе, сглаженіе или же ложная невѣрная постановка, съ противозаконной цѣлью, пограничнаго знака. Какъ и русскій проектъ, швейцарскій включаетъ постановленія о поддѣлкѣ всякаго рода государственныхъ и общественныхъ денежныхъ знаковъ въ отдѣлъ о подлогѣ.

Оригинально и вѣрно редактирована ст. 138: «кто чиновника или лицо, облеченное общественнымъ довѣріемъ, побудитъ удостовѣрить или посвидѣтельствовать фактъ, имѣющій юридическое значеніе, напримѣръ,

подлинность подписи или вѣрность копіи, не смотря на то, что онъ знаетъ, что таковыя подложны,—тотъ и т. д.». Въ другихъ законодательствахъ мы встрѣчаемся съ выраженіемъ «удостовѣритъ предъ общественной властью», вмѣсто принятаго проектомъ выраженія «побудитъ»; послѣднее выраженіе представляется, однако, и шире, и болѣе соотвѣтствующимъ жизненнымъ условіямъ; виновникъ можетъ не только сдѣлать ложное заявленіе и ввести тѣмъ лицо удостовѣряющее въ заблужденіе, но онъ можетъ его уговорить сдѣлать ему одолженіе, можетъ быть, и безъ корыстной цѣли, можетъ воспользоваться извѣстной небрежностью лица удостовѣряющаго и т. д.

Чтобы оцѣнить достоинства редакціи швейцарскаго проекта, слѣдуетъ сравнить его съ итальянскимъ и индерландскимъ кодексами; первый (ст. 280) говоритъ: «кто частное письменное произведеніе поддѣлаетъ или измѣнитъ настоящее подлинное, такъ что изъ этого можетъ возникнуть вредъ для общества или частнаго лица, въ случаѣ, если онъ или другое лицо употребитъ такое произведеніе, тотъ»... Передъ этою статьею, вмѣсто общаго опредѣленія о подлогѣ, итальянскій кодексъ содержитъ рядъ статей о должностномъ подлогѣ.

Нидерландское уложеніе (ст. 225 и сл.) говоритъ: «кто поддѣлаетъ документъ, который можетъ дать основаніе для права, обязательства или освобожденія отъ долга, или который можетъ служить для доказательства какого-нибудь обстоятельства (einer Thatsache)»...

Несомнѣнно, что эти обѣ редакціи значительно уступаютъ редакціи швейцарскаго проекта.

Въ отдѣлъ швейцарскаго проекта о подлогѣ включены и статьи о поддѣлкѣ вѣсовъ, мѣръ. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать этому отдѣлу,—это нѣкоторая излишняя растянутость въ регламентированіи поддѣлки отдѣльныхъ видовъ денежныхъ знаковъ, цѣнныхъ бумагъ и т. д.

Особый отдѣлъ о преступленіяхъ противъ общественной безопасности находитъ себѣ совершенно аналогичные отдѣлы и по названію, и по содержанію въ другихъ кодексахъ: германскомъ (общеопасныя преступленія), нидерландскомъ (преступленія, сопровождающіяся нарушеніемъ безопасности) и др.

Отдѣлъ содержитъ въ себѣ статьи о поджогѣ, различныхъ преступленіяхъ съ помощью взрывчатыхъ веществъ (особенно строгія кары), о потопленіи, о распространеніи болѣзней и на людяхъ, и на животныхъ, порчѣ предметовъ потребленія.

Статья о поджогѣ (153) говоритъ такъ: Wer vorsätzlich éine

Feuersdrunst verursacht....»; понятію Feuersbrunst Штоосъ придаетъ особенное значеніе, передавая въ немъ, какъ онъ объяснилъ въ комиссіи, народныя воззрѣнія, въ силу которыхъ карается не поджогъ собственно, какъ извѣстное дѣйствіе, коимъ начинается пожаръ, а, такъ сказать, призваніе къ дѣйствію неукротимой силы огня, которая уже дѣйствуетъ какъ стихійная сила, часто непобѣдимая; однимъ словомъ, если передавать это русскими выраженіями—возбужденіе «пожара» въ противоположность простому огню.

Нельзя въ этомъ отдѣлѣ не отмѣтить также статьи 161: «кто умышленно распространяетъ общеопасную заразительную человѣческую болѣзнь, тотъ карается цухтгаузомъ, кто такую болѣзнь распространяетъ по небрежности—тюрьмой».

Редакція эта шире редакціи другихъ кодексовъ: здѣсь вовсе не ставится наказаніе въ зависимость отъ нарушенія существующихъ на этотъ предметъ распоряженій; съ нарушеніемъ ли правилъ о мѣрахъ предосторожности или безъ такового, распространеніе возможно, и современныя наши научныя познанія рекомендуютъ принятіе строгихъ мѣръ въ огражденіе.

Особенно выдѣляетъ швейцарскій проектъ изъ ряда другихъ уголовныхъ кодексовъ постановка отдѣловъ о преступленіяхъ государственныхъ, о преступленіяхъ, нарушающихъ политическія права гражданъ, противъ государственной власти и, наконецъ, преступленіяхъ, нарушающихъ правильное отправленіе правосудія; эти отдѣлы поражаютъ своею краткостью, при совершенно исчерпывающей данный матеріалъ полнотѣ. Разница въ этомъ отношеніи между проектомъ и другими кодексами громадная: въ швейцарскомъ проектѣ 4 отдѣла, состоящихъ всего изъ 29 статей на 7 страничкахъ, тогда какъ въ итальянскомъ кодексѣ 75 статей, столько же приблизительно въ германскомъ кодексѣ; въ нидерландскомъ, въ общемъ можетъ быть и меньше статей, но изложенъ онъ дробно. Надо при этомъ замѣтить, что такая краткость проекта вовсе не можетъ быть проведена въ связь съ республиканской формой правленія швейцарскаго союза: такимъ путемъ можетъ быть объяснено отсутствіе двухъ-трехъ статей, остальной весь матеріалъ на-лицо и въ швейцарскомъ проектѣ, конечно онъ иначе распредѣленъ и иначе формулированъ.

Швейцарскій проектъ не раздѣляетъ на особые отдѣлы мятежа и измѣны, какъ это дѣлаетъ итальянскій кодексъ, а также смуты и противодѣйствія власти: мятежъ и смута (какъ въ нидерландскомъ и германскомъ) соединены въ одинъ отдѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, при чемъ тутъ мы встрѣчаемся и съ Hochverrat, Angriffe auf die Unab-

hängigkeit der Eidgenossenschaft, militärischer Landesverrat, Beschimpfung eines fremden Volkes, Feindselikgkeit an nationalen Zeichen befreundeter Staaten, Gebietsverletzung.

Каждая статья этого отдѣла заслуживала бы особаго вниманія.

Статья о Hochverrat читается такъ: «кто попытается силою измѣнить государственный строй (основные конституціонные законы — Verfassung) союза или отдѣльнаго кантона, смѣстить избранныя законнымъ порядкомъ государственныя власти, или сдѣлать имъ невозможнымъ пользованіе своими полномочіями, или же отторгнуть часть швейцарской территоріи, отъ союза, тотъ»... Едва ли можно полнѣе редактировать опредѣленія понятія государственнаго преступленія, нарушающаго государственный строй, существенныя условія правильной государственной жизни на почвѣ существующаго въ данное время порядка. Штооссъ желалъ ввести указаніе, что въ случаѣ, если преступленіе совершено по заслуживающимъ вниманія основаніямъ, наказаніе смягчается, но коммисія не согласилась, находя, что въ демократическомъ строѣ такихъ достойныхъ уваженія мотивовъ для политическихъ преступленій быть не можетъ. За-то однако коммисія, надѣясь на тотъ же строй, нашла ненужнымъ особо карать оскорбленіе швейцарскаго народа и властей и признала, что достаточно общей статьи объ оскорбленіи (частныхъ лицъ). Такіе взгляды не помѣшали однако Штооссу и коммисіи посвятить три статьи огражденію чести и правъ дружественнаго народа, его флага, герба и т. д. и, наконецъ, его территоріи; «кто,—говоритъ статья 177,—умышленно нарушитъ территорію дружественнаго государства»... Эти статьи составляютъ дополненіе къ тому, что выше сказано о заботахъ швейцарскаго проекта поставить союзъ правильно въ качествѣ члена международной семьи; послѣдняя статья составляетъ совершенное нововведеніе въ европейскихъ законодательствахъ и вызвала большія похвалы со стороны профессоровъ международнаго права.

Нельзя не остановиться еще на одной статьѣ этого отдѣла о militärischer Landesverrat—которая представляетъ поразительный образчикътого, какъ справляется швейцарскій проектъ въ одной статьѣ съ тѣмъ же матеріаломъ, который расплывается въ другихъ кодексахъ въ рядъ статей и пунктовъ.

Статья эта читается такъ: «кто совершаетъ дѣяніе, которымъ онъ умышленно наноситъ вредъ или даже подвергаетъ опасности интересы союза на случай войны или во время войны»... (Вторая часть статьи составляетъ самостоятельное преступленіе, предусматриваемое другими иностранными кодексами въ другихъ статьяхъ, — подстрекательство иностраннаго государства къ войнѣ съ союзомъ).

Другіе кодексы не выдерживаютъ сравненія по полнотѣ и краткости этихъ положеній: германскій кодексъ (ст. 88, 89, 90—6 пунктовъ, 91) въ этомъ отдѣлѣ крайне казуистиченъ, при чемъ особо выдѣляется доставка провіанта непріятелю, особо оружія; итальянское уложеніе, излагая тотъ же матеріалъ, тоже выдѣляетъ доставку провіанта во время войны непріятелю (ст. 114), полученіе орденовъ отъ государства, съ которымъ Италія ведетъ войну (ст. 116), и т. д.; послѣдній случай даже не академическій, а просто немыслимый—это статья для совершенно глупыхъ людей, но подобныхъ людей не избираютъ для совершенія такого во всякомъ случаѣ тонкаго, хотя и недостойнаго дѣла, какъ измѣна. Всѣ пунктики иностранныхъ кодексовъ съ полною легкостью и совершенно въ интересахъ дѣла могутъ быть подведены и поглощены статьею швейцарскаго проекта.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, входящемъ въ разсматриваемую нами группу и имѣющемъ предметомъ преступленія, нарушающія политическія права, всего 2 статьи; коммисія же согласилась на включеніе предложенной Штооссомъ статьи объ огражденіи рабочихъ, которымъ хозяева не позволяютъ вступать въ непріятные имъ союзы, находя, что не дѣло уголовнаго кодекса вмѣшиваться въ борьбу политическихъ партій.

Въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ государственной власти (той же группы) проектъ не различаетъ смуты отъ простаго сопротивленія, признавая, что дѣйствія путемъ «скопища» могутъ являться лишь моментомъ осложняющимъ; на существѣ преступнаго сообщества проектъ вовсе не останавливается. Въ этомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемся, кромѣ статей о сопротивленіи, съ положеніями объ освобожденіи арестантовъ, о возмущеніи арестантовъ, о неповиновеніи распоряженіямъ властей, о присвоеніи власти чиновника, о незаконной вербовкѣ швейцарцевъ въ чужія войска, о противодѣйствіи или затрудненіи дѣйствій національныхъ войскъ, взломѣ печати, сорваніи ярлыка или другого знака описи съ арестованнаго имущества, незаконномъ возвращеніи послѣ запрещенія въ предѣлы союза. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить статьи 185: «кто чиновнику предлагаетъ, обѣщаетъ или даетъ подарки или другія выгоды съ той цѣлью, чтобы онъ нарушилъ свои служебныя обязанности»...

Въ какой мѣрѣ казуистичны и дробны положенія другихъ кодексовъ въ этомъ отдѣлѣ—можетъ показать примѣръ германскаго кодекса, двѣ статьи котораго гласятъ:

Ст. 113: «кто чиновнику, который призванъ для исполненія законовъ, распоряженій, приговоровъ, при законномъ исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, окажетъ угрозой или силой сопротивленіе, или такому чиновнику при такихъ же условіяхъ причинитъ насилія»...

Ст. 114: «кто попытается угрозой или силой какое-либо правительственное учрежденіе или чиновника принудить къ совершенію или воздержанію отъ какого либо должностнаго дѣянія, тотъ....» и наказаніе та же тюрьма.

Въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ правосудія, (послѣдній отдѣлъ разбираемой группы), мы встрѣчаемся и съ ложнымъ доносомъ, и съ ложнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, и съ Begünstigung—укрывательство преступника, которое карается гораздо мягче, чѣмъ Hehlerei, укрывательство похищеннаго, караемое, какъ мы видѣли выше, крайне сурово, и другими преступленіями, включаемыми обыкновенно въ этотъ отдѣлъ.

Отдѣлъ о преступленіяхъ должностныхъ тоже выгодно выдѣляетъ проектъ среди другихъ уголовныхъ кодексовъ благодаря тому, что автору проекта удалось найти такую объединяющую, общую редакцію, которая сразу дѣлаетъ излишними рядъ статей и пунктовъ, на которые разбитъ тотъ же матеріалъ въ другихъ кодексахъ, при чемъ, въ концѣ концовъ, всякія дробныя перечисленія являются менѣе исчерпывающими матеріалъ, чѣмъ статьи съ обобщенной редакціей.

Въ отдѣлѣ имѣется всего 10 статей, и, кромѣ того, положеніе о растратѣ должностной вынесено въ видѣ особаго, отягчающаго момента въ общую статью о растратѣ (73).

Особенно оригинальны и широки въ отдѣлѣ двѣ статьи:

Ст. 201: «чиновникъ, который умышленно злоупотребляетъ ввѣренной ему властью»...

Ст. 202: «чиновникъ, который своекорыстно извлекаетъ выгоды (собственно, ausbeutet—эксплоатируетъ), изъ своей должности»....

Какъ много выражено въ этихъ двухъ статьяхъ: въ концѣ концовъ, ст. 201 такъ хорошо редактирована, что она могла бы совсѣмъ замѣнить отдѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ, ибо всякое должностное преступленіе представляетъ собою злоупотребленіе властью, а виды этихъ злоупотребленій такъ же разнообразны и многочисленны, какъ виды всевозможныхъ отраслей службы, имѣющихъ каждая свои особенности, свои особенно важныя обязанности; всякія перечисленія нарушеній этихъ обязанностей будутъ прямо затемнять вопросъ, вселяя убѣжденіе, что только эти виды должностныхъ нарушеній караются, и на службѣ въ другомъ вѣдомствѣ невозможны злоупотребленія; отъ этого недостатка, къ сожалѣнію, не вполнѣ свободенъ даже швейцарскій проектъ, предусматривающій, почему-то спеціально, преступленія чиновниковъ почтовыхъ, телеграфныхъ, телефонныхъ.

Особая статья предусматриваетъ бездѣйствіе власти и нарушеніе служеб-

ной тайны. Лихоимство чиновниковъ и принятіе подарковъ судьями, присяжными засѣдателями и шеффенами соединено въ одну статью, озаглавленную «sich bestechen lassen», а такъ какъ имѣется еще, какъ мы видѣли выше, ст. 185, карающая за подкупъ чиновниковъ, то замѣчаніе Луккини о томъ, что швейцарскій проектъ не предусматриваетъ лихоимства, является совершенно неправильнымъ; приведенная же выше статья объ извлеченіи незаконныхъ выгодъ смѣло можетъ быть примѣнена и въ случаѣ вымогательства.

Статья о должностномъ подлогѣ составлена, въ сущности, слишкомъ узко; она почти и исключительно предусматриваетъ случаи посвидѣтельствованія или удостовѣренія ложнаго по содержанію или подписи документа; широкій смыслъ ст. 362 нашего дѣйствующаго Уложенія, которая предусматриваетъ ложное донесеніе чиновника начальству, хотя оно писано и подписано самимъ чиновникомъ, несомнѣнно имѣетъ много жизненной правды за себя.

Отдѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ въ другихъ кодексахъ поражаетъ своею казуистичностью, дробностью и, по этому самому, неполнотой. Какъ и всегда, особенные дефекты проявляетъ итальянскій—этотъ громоздкій, «неталантливый», кодексъ. По всему кодексу разбросаны положенія о служебныхъ преступленіяхъ; особый отдѣлъ (ст. 168 и слѣд.) трактуетъ о растратѣ, вымогательствѣ, подкупѣ, злоупотребленіи властью и т. д.; затѣмъ въ отдѣлѣ о подлогѣ, помѣщены статьи о должностномъ подлогѣ (275, 276, 277), кромѣ того, особыя статьи объ особомъ видѣ должностнаго подлога: подлогѣ паспортовъ и подлогѣ свидѣтельствъ (287, 290); далѣе, въ отдѣлѣ о растратѣ предусмотрѣна должностная растрата въ видѣ особо отягчающаго обстоятельства (ст. 419); наконецъ, имѣются еще особыя статьи (150, 151, 152, 153) о преступленіяхъ тюремнаго чиновника по предмету незаконнаго лишенія свободы.

Постановленія германскаго кодекса (331—359) тоже крайне дробны: тутъ и принятіе подарковъ—законное и лихоимство—незаконное, тутъ и особо лихоимство судьи и разрѣшеніе имъ дѣла—незаконно въ пользу одной изъ сторонъ, а затѣмъ, напримѣръ, особыя статьи о чиновникѣ, который нарушаетъ домашнюю тишину (Hausfriedensbruch), вынужденіе слѣдователемъ, путемъ насилія, показанія и т. д., какъ будто-бы чиновникъ можетъ, при исполненіи обязанностей службы, совершить только эти преступленія, а не еще много другихъ. Не менѣе дробны и постановленія нидерланскаго уложенія (355—380).

Вмѣстѣ съ общимъ уложеніемъ выработанъ и особый отдѣлъ о нарушеніяхъ. Разбирая швейцарскій проектъ, Луккини, въ цитированной уже мной неоднократно статьѣ, доказываетъ, что выдѣленіе въ этотъ отдѣлъ проступковъ не можетъ оправдываться принципіально, что не положено въ основаніе размежеванія между уложеніемъ и отдѣломъ о нарушеніяхъ какихъ-нибудь твердыхъ и ясныхъ общихъ положеній, и что поэтому такое произвольное раздѣленіе вызоветъ смѣшеніе понятій и недоразумѣній.

Что полнаго принципіальнаго различія между Verbrechen и Uebertretung нѣтъ — этого не отрицаетъ и самъ Штооссъ, который со свойственной ему откровенностью заявляетъ въ мотивахъ (проектъ 1894 г., стр. 136): «нарушенія не вполнѣ, по роду, отличаются отъ преступленій; наоборотъ, предусмотрѣнныя въ проектѣ нарушенія, какъ и преступленія, большею частью, представляютъ собою нарушенія права и дѣянія опасныя, а не только неисполненіе полицейскихъ предписаній; но это безъ исключенія случаи болѣе легкіе изъ числа нарушеній права, достойныхъ наказанія, которые заслуживаютъ болѣе мягкаго наказанія».

Въ этомъ отношеніи, однако Штооссъ и не дѣлаетъ нововведенія: самостоятельный отдѣлъ о нарушеніяхъ существуетъ во всѣхъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ, и въ германскомъ, и въ нидерландскомъ, и въ итальянскомъ; образованіе такого отдѣла объясняется опять-таки тѣми жизненными потребностями, которыя Штооссъ не упускаетъ изъ виду и ставитъ на первомъ планѣ. Этого требуютъ соображенія процессуальныя болѣе легкаго, удобнаго и даже необходимаго разграниченія подсудности; этого требуютъ соображенія удобопонятности и легкости разъясненія соотвѣтствующихъ статей и усвоенія роднаго права, которое, при смѣшеніи въ тѣхъ же отдѣлахъ и даже главахъ серьезныхъ преступленій съ пустыми нарушеніями, положительно теряетъ всякій симметрическій обликъ; наконецъ, этого требуютъ, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Ламмашъ при разсмотрѣніи проекта норвежскаго уложенія Гетца (Zeitschrift f. die gesammte Strafwissenschaft, B. XIV, S. 505),—народныя воззрѣнія, которыя не могутъ помириться съ тѣмъ, чтобы кража дровъ для отопленія, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ для пропитанія и т. д. наказывались наравнѣ съ различными кражами, какъ серьезное преступленіе. И дѣйствительно, и въ швейцарскомъ проектѣ, какъ и въ проектѣ норвежскомъ Гетца, изъ кражи выдѣлены въ отдѣлъ о нарушеніяхъ дѣянія, называемыя въ первомъ проектѣ Entwendungen, въ которыхъ хотя и проявляется намѣреніе присвоить, но нѣтъ и не можетъ быть намѣренія обогащенія, корысти; «кто похититъ,—говоритъ ст. 221 швейцарскаго проекта,—предметъ ничтожной стоимости, который принадлежитъ другому,

по нуждѣ или юношескому легкомыслію (Mutwillen) или для удовлетворенія каприза»... Проектъ Гетца прямо перечисляетъ: «срываніе плодовъ, орѣховъ, цвѣтовъ и т. д. на неогороженныхъ мѣстахъ, похищеніе предметовъ пропитанія, одѣянія, отопленія, если стоимость ихъ не выше 5 кронъ».

Кромѣ кражи, въ отдѣлѣ о нарушеніяхъ представлены и другія преступленія въ легчайшихъ ихъ проявленіяхъ: напримѣръ, нанесеніе побоевъ безъ тѣлесныхъ поврежденій, растрата и поврежденія имущества на ничтожныя суммы, подлоги проходныхъ свидѣтельствъ и т. п., даже легкія должностныя преступленія, вродѣ посвидѣтельствованія по небрежности ложныхъ удостовѣреній и т. д.

Заслуживаютъ вниманія, между прочимъ, статья 243: «если тотъ, кому порученъ надзоръ за опаснымъ сумасшедшимъ, по небреженію не будетъ исполнять своихъ обязанностей», а также ст. 248: «кто благодаря наклонности къ праздности и разгулу не справляется съ своею обязанностью поддерживать семью, тотъ, послѣ напоминаній, если таковыя останутся безъ результата, наказывается арестомъ. Если не прошло еще года, какъ обвиняемый былъ наказанъ за небреженіе объ интересахъ семьи, то онъ можетъ быть помѣщенъ на время отъ 1—3 лѣтъ въ рабочій домъ, а, въ случаѣ надобности, и въ больницу для пьяницъ».

Есть особая статья о бродяжничаньи и нищенствѣ, наконецъ, рядъ статей, имѣющихъ предметомъ нарушенія чисто-полицейскаго характера.

Другіе кодексы содержатъ тоже въ отдѣлѣ о нарушеніяхъ рядомъ съ полицейскими нарушеніями и легчайшіе виды преступленій: такъ, съ Entwendung мы встрѣчаемся въ германскомъ кодексѣ (ст. 370 п. 5), съ легкими должностными преступленіями въ нидерландскомъ и т. д.

Сдѣланный выше бѣглый обзоръ общей и особенной части проекта швейцарскаго уложенія долженъ, я думаю, всякаго безпристрастнаго изслѣдователя привести къ убѣжденію въ полнотѣ этого проекта, въ томъ, что въ немъ не только нѣтъ пробѣловъ сравнительно съ другими кодексами, но что, наоборотъ, онъ предусматриваетъ цѣлый рядъ новыхъ случаевъ, вмѣшивается въ такія сферы, которыя оставались до него безъ регулированія, и при всемъ томъ является кратчайшимъ изъ всѣхъ существующихъ и предположенныхъ къ осуществленію уложеній.

Какимъ путемъ достигается эта краткость—мы тоже видѣли выше: путемъ упрощенія по содержанію и по формѣ. Что касается до упрощенія по формѣ, то послѣднее достигается исключительно благодаря несомнѣнному, громадному литературному таланту Штоосса, сумѣвшему найти

рядъ новыхъ общепонятныхъ и общедоступныхъ выраженій взамѣнъ прежнихъ техническихъ, часто, если не всегда, вымученныхъ и неточныхъ, причемъ эти новыя выраженія гораздо болѣе общи, обнимаютъ больше, менѣе казуистичны, чѣмъ прежнія. «Нѣкоторыя опредѣленія,—говоритъ Ламмашъ,—по простотѣ и мѣткости могутъ быть признаны образцами стилистическаго искусства; таковы опредѣленія вымогательства, грабежа; хорошо устраненіе передававшихся изъ одного кодекса въ другой ненужныхъ выраженій, напримѣръ, выраженіе «движимой» вещи при кражѣ; наконецъ рядъ замѣчательно мѣткихъ выраженій: въ статьѣ объ эксплоатаціи силъ подчиненныхъ durch frevelhafte Gleichgütigkeit—изъ преступнаго равнодушія, въ статьѣ о поврежденіи имущества—изъ «юношескаго» легкомыслія, выраженіе Planmässigkeit, т. е. по обдуманному плану, системѣ, при эксплоатированіи чрезъ биржевыя спекуляціи, при клеветѣ; выраженіе «слабость характера» потерпѣвшаго въ статьѣ о ростовщичествѣ и т. д.

Упрощеніе внутреннее достигается какъ упрощеніемъ основныхъ принципіальныхъ положеній—фундамента всякаго уголовнаго кодекса, такъ и процессомъ обобщенія и воздержанія отъ казуистичности. Этотъ послѣдній процессъ мы могли изучить при ознакомленіи съ общей и особенной частью проекта, онъ примѣняется очень широко. Опредѣляя рецидивъ, проектъ довольствуется одной короткой статьей, тогда какъ итальянскій употребляетъ на то же рядъ статей и пунктовъ для подробнаго указанія, какія преступленія должны быть признаны одного и того же рода; при опредѣленіи кражи проектъ довольствуется указаніемъ трехъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, въ то время, какъ другіе кодексы указываютъ десятки (такъ итальянскій до 20). То же самое происходитъ при опредѣленіи убійства: проектъ не указываетъ вовсе существующихъ въ другихъ кодексахъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, смотря по жертвѣ преступленія; мы видѣли, какъ на предложеніе внести въ проектъ и спеціально въ статью о дуэли, въ видахъ академической полноты, упоминаніе объ американской дуэли, Штооссъ отвѣтилъ отказомъ, заявляя что случаи этой дуэли такъ чрезвычайно рѣдки, что не зачѣмъ загромождать законопроектъ. Статьи о должностныхъ преступленіяхъ, опредѣленія злоупотребленія властью и т. д. даютъ яркіе примѣры того, какъ широко примѣнилъ Штооссъ процессъ обобщенія. Напрасно, однако, было бы думать, что, устраняя изъ кодекса всѣ квалифицирующія обстоятельства, Штооссъ предполагалъ, что наличность или отсутствіе этихъ обстоятельствъ не будутъ имѣть никакого вліянія на оцѣнку судьями даннаго дѣянія; правда, въ ст. 39 перечислены основанія для смягченія, но они

указаны факультативно, а рядомъ въ § 2 ст. 40 предоставлено судьѣ право неограниченнаго смягченія по своему усмотрѣнію; правда, въ ст. 41 указано обязательное для судьи повышеніе наказанія въ случаѣ повторенія преступленія въ извѣстный срокъ, но остается еще рядъ основаній для повышенія наказанія, и тутъ руководствомъ судьѣ является ст. 38, говорящая, что «судья опредѣляетъ размѣръ наказанія, назначеннаго за преступленіе, смотря по виновности (Schuld), а денежное взысканіе и по размѣрамъ средствъ виновнаго, и принимаетъ при этомъ во вниманіе побудительные мотивы, прошедшее и личныя отношенія обвиняемаго».

Болѣе широкой статьи не содержитъ ни одно уложеніе; проектъ даетъ громадный, не имѣющій до сихъ поръ примѣра, просторъ судьѣ, а слѣдовательно, и предполагаетъ совершенную возможность того, что судья— опытный, прекрасный судебный дѣятель, который не нуждается въ указаніяхъ, что достаточно законодателю намѣтить въ общихъ чертахъ свои взгляды и опредѣлить, что́ желательно карать, а что́ можно оставить безъ наказанія, и судья уже, примѣняя законъ, разовьетъ этотъ набросокъ въ цѣлую подробную систему тѣсно связанныхъ мѣръ.

Профессоръ Готье, сравнивая два проекта уголовныхъ кодексовъ— швейцарскій и французскій,—говоритъ: «французскій проектъ все предвидитъ и регламентируетъ, швейцарскій даетъ громадную свободу судьямъ, вѣритъ имъ, такъ что французы находятъ, что, связавъ подсудимаго, онъ отдаетъ его судьямъ на полный ихъ произволъ».

Не въ одной редакціи статей проявляется швейцарскимъ проектомъ это довѣріе къ судьямъ. Довѣріе это проявляется въ крайнемъ, чрезвычайномъ расширеніи предѣловъ наказанія: такъ, Zuchthaus назначается на срокъ отъ 1 до 15 лѣтъ, тюрьма на срокъ отъ 8 дней до 2 лѣтъ, просторъ для судьи громадный, для денежнаго взысканія опредѣленъ только низшій предѣлъ 3 франка. Довѣріемъ могутъ быть объяснены тѣ чрезвычайныя полномочія, которыя даются судьѣ общей частью уложенія: право признать обвиняемаго совершающимъ преступленія по наклонности къ праздности и разгулу и въ виду такого признанія назначить ему, сверхъ общаго наказанія, заключеніе въ рабочій домъ на время отъ 1 до 3 лѣтъ, право заключить подъ стражу (ст. 37) даже человѣка, не совершившаго никакого преступленія, но внушающаго опасенія своими угрозами или другимъ путемъ въ совершеніи преступленія, въ случаѣ, если это лицо не захочетъ связать себя обѣщаніемъ и не представитъ поручительства въ обезпеченіе добраго своего поведенія въ будущемъ; далѣе, право о признаніи неисправимымъ (вопросъ, отчасти разрѣшаемый судомъ, отчасти смѣшаннымъ судебно-административнымъ учрежденіемъ) и т. д. Весь

проектъ проникнутъ этимъ громаднымъ, неограниченнымъ довѣріемъ къ судьямъ, и въ силу этого довѣрія предоставляетъ судьямъ громадныя, неограниченныя права. Несомнѣнно, путь, избранный въ этомъ отношеніи швейцарскимъ проектомъ, есть путь вѣрный, путь, по которому въ той или другой мѣрѣ, идутъ всѣ законодательства. Путь этотъ извѣстенъ: по мѣрѣ того, какъ отказываются отъ системы предустановленныхъ доказательствъ и признаютъ необходимымъ призвать къ участію въ отправленіи правосудія присяжныхъ засѣдателей, какъ представителей общественной совѣсти, для которыхъ никакая система предустановленныхъ доказательствъ не обязательна, по мѣрѣ того, какъ измѣняется взглядъ на самый объектъ репрессіи и абстрактное дѣяніе замѣняется живымъ лицомъ—преступникомъ, по мѣрѣ роста сознанія, что врагъ не одинъ—преступное дѣяніе, а много различныхъ типовъ преступниковъ, съ которыми можно бороться различными, многообразными мѣрами, предписать которыя заранѣе на всякій данный случай или по крайней мѣрѣ за извѣстный родъ дѣяній нельзя, по мѣрѣ, однимъ словомъ, возникновенія потребности въ индивидуализаціи понятія преступника и мѣръ борьбы съ нимъ, центръ тяжести въ борьбѣ съ преступностью переходитъ отъ законодателя къ судьѣ; законодатель все больше сокращаетъ свою дѣятельность, все больше старается дать возможно общую систему, которая бы не стѣсняла судью—дѣйствительнаго и главнаго представителя въ борьбѣ съ преступленіемъ. Но право на такое усиленіе своего значенія судья пріобрѣтаетъ, однако, не въ силу перечисленныхъ выше причинъ; этого бы было мало, необходимы еще перемѣны въ положеніи самаго судьи. Усовершенствованіе судебнаго устройства обезпечиваетъ мало-по-малу, съ одной стороны, замѣщеніе судейскихъ должностей лицами, стоящими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи вполнѣ на высотѣ ихъ труднаго и благороднаго призванія, а съ другой стороны—полную, несомнѣнную независимость этихъ самыхъ судей отъ всякихъ посторонніхъ вліяній, такъ что они являются дѣйствительными представителями общественной совѣсти и руководятся исключительно своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, не взирая на лица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ и усиленіе общественнаго контроля еще болѣе, чѣмъ самая правильная и хорошая организація судебнаго строя, обезпечиваютъ дѣйствительную и несомнѣнную независимость судей отъ самыхъ скрытыхъ, самыхъ «естественныхъ» посторонніхъ вліяній. Но и на самое отправленіе правосудія, на судей, сила общественнаго котроля оказываетъ въ высшей степени благодѣтельное вліяніе; дѣйствуя за одно, совокупными силами, хорошій судебный строй и общественный контроль

устраняютъ всякую возможность судейскаго произвола въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е., иначе говоря, всякое вліяніе на отправленіе правосудія личныхъ мотивовъ и побужденій, не вытекающихъ изъ общественныхъ интересовъ. Подъ личными мотивами здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать и мотивы личнаго интереса постороннихъ лицъ и самого судьи, и мотивы личнаго темперамента (не его совѣсти) судьи, которые могутъ оказать нежелательное вліяніе на отношеніе его къ подсудимому, при чемъ послѣдній можетъ пострадать не въ мѣру содѣяннаго, не настолько, насколько этого могутъ требовать интересы общества, и не въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ.

И вотъ, когда, благодаря хорошей судебной организаціи, могущественному, установившемуся общественному контролю, отправленіе правосудія достигаетъ того совершенства, при которомъ всякія сомнѣнія въ качествахъ судей, въ ихъ *независимости*, и въ томъ, что они служатъ только интересамъ общества въ предѣлахъ закона, невозможны и послѣдніе вполнѣ заслуженно пользуются совершенно неограниченнымъ довѣріемъ общества, тогда только въ полной мѣрѣ возможно осуществленіе всѣхъ новыхъ стремленій къ индивидуализаціи и то громадное, въ сущности, въ будущемъ не имѣющее предѣловъ, расширеніе правъ и полночій судьи, которое необходимо для осуществленія задачи индивидуализаціи во всемъ размѣрѣ; только при этихъ условіяхъ, при такомъ развитіи силы общественнаго контроля, а вслѣдствіе того и при такомъ законномъ и громадномъ довѣріи къ судьямъ и возможно безъ вреда для общества и правосудія чрезвычайное расширеніе правъ судьи.

Нѣтъ никакихъ основаній, впрочемъ, сомнѣваться въ томъ, что правосудіе въ Швецаріи поставлено именно такъ, какъ желательно, и вполнѣ оправдываетъ то довѣріе, которое ему желаетъ оказать Штооссъ и его проектъ. Законодателямъ же другихъ странъ, несомнѣнно, на пути къ обобщенію и расширенію правъ судей придется считаться съ уровнемъ развитія страны въ вышеуказанномъ нами смыслѣ и, постепенно разставаясь съ современными, подробно все регламентирующими кодексами, которые являются, по словамъ Листа, своего рода magna charta libertatum преступниковъ, ограждающими ихъ отъ преслѣдованія въ случаяхъ, закономъ не указанныхъ, и превыше мѣры содѣяннаго, переходить къ тому, несомнѣнно, улучшенному и даже прямо высшему положенію, которое создается проектомъ швейцарскаго уложенія.

Если теперь, послѣ ознакомленія съ выдающимися особенностями швейцарскаго проекта уложенія, мы остановимся на значеніи его вообще и въ

особенности для науки, законодательства и правосудія европейскихъ государствъ, то необходимо будетъ прежде всего замѣтить, что непосредственное, практическое значеніе въ качествѣ дѣйствующаго въ одномъ изъ европейскихъ государствъ кодекса проектъ Штоосса не скоро еще будетъ имѣть. Причина этого не въ самомъ проектѣ или хотя бы въ отдѣльныхъ его положеніяхъ; наоборотъ, при разсмотрѣніи въ комиссіи экспертовъ, состоявшей изъ выдающихся ученыхъ, судебныхъ и административныхъ дѣятелей Швейцаріи, онъ былъ принятъ весьма сочувственно и потерпѣлъ очень ничтожныя измѣненія, причемъ никакихъ сомнѣній не возникало въ полной возможности его примѣненія на практикѣ. Если проектъ не скоро еще обратится въ законъ, то случится это въ силу мѣстныхъ причинъ, въ силу того, что еще до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно союзнымъ народнымъ собраніемъ вопросъ о введеніи единства въ правѣ уголовномъ и гражданскомъ, которыя до настоящаго времени представляются въ каждомъ кантонѣ самостоятельными кодексами. Союзный совѣтъ въ 1896 году обратился къ союзному народному собранію съ длиннымъ посланіемъ (Revue pénale suisse, 1896), въ которомъ весьма краснорѣчиво и доказательно развивается мысль о крайней необходимости такого единенія, но и до настоящаго времени, какъ сообщилъ мнѣ профессоръ Штоссъ въ письмѣ отъ 26 октября 1897 г., затрудненія не устранены: еще предстоитъ голосованіе этого вопроса въ кантональныхъ собраніяхъ, и какъ и когда можетъ быть рѣшенъ вопросъ о единеніи, а, слѣдовательно, и вопросъ о разсмотрѣніи уложенія союзнымъ собраніемъ—неизвѣстно. Но если даже проектъ и совсѣмъ, въ виду вышеуказанныхъ причинъ, не получитъ силы закона и не будетъ введенъ въ дѣйствіе, то и въ такомъ случаѣ громадное, прямо, можно сказать, колоссальное значеніе его для постановки уголовнаго правосудія—какъ дѣла борьбы съ преступностью—въ Европѣ ничуть не умалится.

Важнѣйшая заслуга Штоосса, несомнѣнно, состоитъ въ томъ, что онъ, въ отступленіе отъ всѣхъ прежнихъ традицій, и забывая принадлежность свою къ ученому сословію, вѣрно и правильно призналъ, что уголовный кодексъ не можетъ быть ученымъ и академическимъ произведеніемъ, даже не технически-юридически-спеціальнымъ, что уголовный кодексъ предназначается для практической жизни и долженъ заключать въ себѣ систему мѣръ практической борьбы съ преступленіемъ, что онъ долженъ быть произведеніемъ живымъ, жизненнымъ, народнымъ и только при такомъ условіи онъ будетъ дѣйствительно полезенъ этому народу. Это глубокая, оригинальная идея, положенная въ основу и опредѣлившая весь стиль, всю систему проекта.

Осуществляя эту основную мысль, Штооссъ позаботился передѣлать по своему всю лѣстницу наказаній; въ его проектѣ она уже болѣе не система наказаній въ смыслѣ кары, возмездія за преступленіе, а система цѣлесообразныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступленіемъ; немного осталось въ этой лѣстницѣ отъ прежняго, многое выстроено совсѣмъ заново.

Благодаря той же основной мысли проектъ совершенно отступаетъ отъ взглядовъ дѣйствующихъ кодексовъ на объектъ карательной дѣятельности государства; не съ преступленіемъ, какъ нынѣ, предполагается бороться въ проектѣ, а съ живымъ преступникомъ во всѣхъ его многоразличныхъ разновидностяхъ, причемъ, насколько только это осуществимо въ уголовномъ кодексѣ, какъ рядѣ общихъ, разъ навсегда установленныхъ положеній, судьѣ дана возможность сообразоваться съ каждою такою разновидностью, оцѣнить ее и измѣрить особой мѣркой.

Развитіемъ той же основной мысли являются всѣ измѣненія въ смыслѣ упрощенія внутренняго и въ формѣ. Признавая, что кодексъ не призванъ вовсе разрѣшать теоретическихъ споровъ о свободѣ воли, объ основаніяхъ вмѣненія и другихъ неразрѣшенныхъ наукою, а можетъ быть и вовсе неразрѣшимыхъ вопросовъ и что, мало того, разрѣшеніе этихъ вопросовъ для практическихъ цѣлей кодекса вовсе и не нужно, Штооссъ смѣло и открыто обошелъ всѣ эти споры, и въ этомъ его громадная заслуга передъ европейскимъ правосудіемъ. Считая далѣе, что кодексъ не академическое произведеніе, Штооссъ вовсе не заботился объ академической полнотѣ его и даже прямо тщательно устранилъ изъ него всѣ «школьные» вопросы, а вѣдь ихъ въ теоріяхъ много, да и въ кодексахъ ихъ не мало, въ родѣ невѣроятной статьи итальянскаго кодекса о наказаніи за полученіе ордена отъ той иностранной державы, съ которою отечество получившаго въ моментъ полученія имъ ордена воюетъ, такихъ преступленій «умыслить» можно много и загромоздить ими кодексъ до полной невозможности усвоить его.

Наконецъ, въ удовлетвореніе той же идеи о томъ, что кодексъ долженъ быть произведеніемъ жизненнымъ, живымъ и народнымъ, а не юридическимъ трактатомъ, Штооссъ постарался устранить изъ проекта по возможности всѣ техническія юридическія выраженія, сохраняющіяся въ кодексахъ только, такъ сказать, исторически, и изложить его блестящимъ, народнымъ, общепонятнымъ языкомъ, достигнувъ, благодаря своему личному литературному таланту, несомнѣнно, изъ ряду вонъ счастливыхъ результатовъ.

Сдѣлавъ свое произведеніе живымъ и жизненнымъ, Штооссъ не отвернулся отъ задачъ дѣйствительно живыхъ, жизненныхъ; современныхъ, не

отождествлялъ вовсе, какъ это свойственно академическимъ схоластикамъ, въ особенности нѣмецкой школы, современнаго съ незрѣлымъ, не доразвившимся до юридической формулировки; въ его проектѣ современные люди найдутъ лучшее разрѣшеніе задачъ нашего времени, возможное, разумѣется, путемъ уголовнаго законодательства. Во время обзора общей и особенной частей я указалъ на цѣлый рядъ отношеній, которыя до сихъ поръ совсѣмъ не регулировались уголовнымъ законодательствомъ или не въ той мѣрѣ, какъ въ проектѣ: таковы международныя отношенія, соціальныя, экономическія, семейныя и т. д.

Какъ жизненное и народное произведеніе, проектъ отвѣчаетъ, разумѣется, современнымъ взглядамъ общества и не только швейцарскаго, но, за немногими измѣненіями, и общеевропейскаго и, разумѣется, прежде всего взглядамъ этого общества на нравственное и безнравственное. Путемъ такого приведенія въ соотвѣтствіе съ народными воззрѣніями разрѣшена одна изъ труднѣйшихъ и наисущественнѣйшихъ задачъ правильной постановки правосудія. Когда уголовный кодексъ перестаетъ отвѣчать взглядамъ общества на преступное—онъ въ сущности перестаетъ дѣйствовать; не въ томъ лишь бѣда, что представители народной совѣсти—присяжные засѣдатели—оправдываютъ и что получается такимъ путемъ съ точки зрѣнія государственной политики нежелательное положеніе, при которомъ дѣяніе, предусмотрѣнное въ уголовномъ кодексѣ, остается безъ наказанія, а въ томъ бѣда, что и обвинительные приговоры судовъ являются въ глазахъ общества не актами правосудія, а актами грубаго, насилія, начинается сочувствіе преступникамъ,—проявленія, которыя не могутъ и не должны быть терпимы ни въ какомъ здоровомъ государственномъ организмѣ, ибо они совершенно подрываютъ правильное функціонированіе государственной машины.

Въ проектѣ швейцарскаго уложенія имѣются свои національныя, мѣстныя особенности, на которыя я попутно и указывалъ, но большая часть его является несомнѣнно достояніемъ всей Европы, законодатели, юристы и ученые которой долгое еще время будутъ учиться на этомъ проектѣ, будутъ черпать изъ него разъясненія и прямыя указанія, какъ разрѣшать затрудняющія ихъ задачи, будутъ видѣть въ немъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться.

Строй народной жизни, въ особенности европейскихъ государствъ, не есть что-либо постоянное, неизмѣняющееся, наоборотъ, перемѣна слѣдуетъ за перемѣной, измѣняются потребности, измѣняются и задачи, разрѣшеніе которыхъ необходимо для удовлетворенія новыхъ народившихся потребностей; въ этомъ отношеніи, поэтому, законодатель не можетъ разсчиты-

вать создать что-либо вѣчное, пригодное для цѣлаго вѣка или даже нѣсколькихъ поколѣній, но несомнѣнно, что въ указанныхъ предѣлахъ Штоосу удалось создать крупное, выдающееся, историческое произведеніе, въ которомъ нашли себѣ осуществленіе всѣ самые лучшіе современные взгляды, все, до чего въ этой области додумалось человѣчество въ 19-омъ столѣтіи.

Проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія [1]).

„Il se produit aujourd'hui un mouvement général ayant pour objet de détacher le droit des formules purement abstraites qui, pour le vulgaire tout au moins, paraissent le soustraire au contact de la vie".

R. Saleilles—L'individualisation de la peine, étude de criminalité sociale. 1898, p. 5.

Въ 1898 году появился первый переводъ проекта норвежскаго уложенія на одинъ изъ общеевропейскихъ всѣмъ доступныхъ языковъ. Международный союзъ криминалистовъ выпустилъ въ своемъ сборникѣ (7 томъ, первая тетрадь) нѣмецкій переводъ этого проекта, сдѣланный проф. въ Галле, Е. Розенфельдомъ, и норвежцемъ, товарищемъ прокурора въ Тромсё, А. Урбіе.

Разработка этого проекта въ особой комиссіи (учрежденной королевскимъ указомъ 14 ноября 1885 г.) подъ предсѣдательствомъ проф. въ Христіаніи доктора Гетца, нынѣ генералъ-прокурора, продолжалась съ перерывами 11 лѣтъ. Комиссія явилась собственно такъ же, какъ и при выработкѣ швейцарскаго проекта, органомъ критики и оцѣнки, самый же проектъ созданъ былъ Гетцомъ, перу котораго принадлежитъ главнымъ образомъ и новый норвежскій уставъ уголовнаго судопроизводства, вступившій въ дѣйствіе 1 января 1890 г. До выхода въ свѣтъ нѣмецкаго пе-

[1]) Статья напечатана въ Журн. Мин. Юст. 1889 (Февраль). Проектъ обратился въ законъ 22 Мая 1902 г., измѣненія указаны въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ревода о проектѣ имѣлись въ европейской литературѣ только отрывочныя свѣдѣнія [1]); тѣмъ временемъ появился проектъ швейцарскаго уложенія и сразу сдѣлался достояніемъ всей Европы, вызвавъ цѣлую литературу. При такихъ условіяхъ первенство провозглашенія новыхъ началъ во всякомъ случаѣ останется за швейцарскимъ кодексомъ; за нимъ же останется и неподражаемая по простотѣ, ясности и краткости выработка формы, формулировка.

Несомнѣнно однако же, что норвежскій криминалистъ Гетцъ, работая вполнѣ самостоятельно и даже раньше автора проекта швейцарскаго уложенія Штоосса, положилъ въ основу своего труда тѣ же начала, опредѣлилъ такъ же задачи уголовнаго кодекса и даже остановился почти на тѣхъ же средствахъ борьбы съ преступниками и преступностью, какъ соціальнымъ зломъ, что и Штоосъ. Такое сходство можетъ быть объяснено не только сходствомъ во взглядахъ обоихъ выдающихся мыслителей, но и главнымъ образомъ почти полнымъ единообразіемъ положенія дѣла борьбы съ преступностью во всѣхъ европейскихъ государствахъ въ настоящее время и общимъ реформаціоннымъ движеніемъ въ этой области, которое считаетъ въ своихъ рядахъ всѣхъ наиболѣе выдающихся криминалистовъ-теоретиковъ и практиковъ современной Европы.

Лозунгъ этого движенія въ самой общей его формѣ прекрасно выразилъ въ приведенномъ выше эпиграфѣ авторъ талантливыхъ лекцій въ «Свободной школѣ соціальныхъ наукъ» въ Парижѣ, Р. Салейль, сказавъ, что «въ настоящее время существуетъ всеобщее движеніе, которое ставитъ себѣ задачею вырвать право изъ отвлеченныхъ формулъ, разобщающихъ его, по крайней мѣрѣ въ глазахъ лицъ непосвященныхъ, съ жизнью».

Приблизить право къ жизни, сдѣлать изъ уголовнаго кодекса,—который въ большинствѣ случаевъ является до сихъ поръ разбитою на параграфы господствующею въ данное время теоріею,—систему практическихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ борьбы съ преступниками и преступностью въ данной странѣ—вотъ настоящая, истинная и *современная* задача криминалистовъ всѣхъ странъ.

Въ виду такого опредѣленія самой задачи современнаго законодательства въ уголовномъ дѣлѣ получаетъ громадное, рѣшающее значеніе общая часть уложеній и въ особенности статьи, посвященныя лѣстницѣ наказаній и мѣрамъ карательно-предупредительнымъ. Къ особенной части, содер-

---

[1]) Die Gesetzgebung in Norwegen im Iahre 1889 v. Getz—Zeitschrift f. die gesammte Strafwissenschaft B. XI, S. 428. Der Norwegische Strafgesetzentwurf v. prof. Lammasch, тамъ же B. XIV, стр. 505 и слѣд.

жащей въ себѣ опредѣленія отдѣльныхъ преступленій, предъявляется главнымъ образомъ одно требованіе—возможно простой, ясной и общей, не дробной формулировки,—требованіе скорѣе литературное. Содержаніе особенной части сравнительно мало измѣняется и во времени, и въ пространствѣ: объемъ запрещенныхъ дѣяній остается почти безъ измѣненій многіе десятки лѣтъ и почти тождественъ (опять-таки за небольшими исключеніями) въ разныхъ государствахъ.

Поэтому понятно, что не въ этой части всякаго новаго проекта слѣдуетъ искать чего либо дѣйствительно новаго, не эта часть, какъ бы хорошо она ни была формулирована, можетъ искупить недостатки, промахи, несвоевременность или несоотвѣтствіе жизненнымъ потребностямъ и задачамъ общей части:—эта послѣдняя составляетъ центръ тяжести всякаго проекта, въ ней осуществляются и проводятся всѣ нововведенія, всѣ оригинальныя и новыя воззрѣнія на задачи уголовнаго кодекса и средства для достиженія этихъ задачъ. Разумѣется, въ виду указанной уже выше задачи новыхъ кодексовъ—сблизить право съ жизнью,—и въ этой общей части особенно важное значеніе имѣютъ жизненность, реальность и осуществимость предположенныхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, авторы обоихъ проектовъ, швейцарскаго и норвежскаго, пришли совершенно къ тѣмъ же выводамъ. Они отлично поняли, что длинная, состоящая изъ многихъ ступеней лѣстница наказаній, удовлетворяя, можетъ быть, академической полнотѣ, непримѣнима на практикѣ, ибо многообразныхъ мѣстъ заключенія ни въ какомъ современномъ европейскомъ государствѣ не существуетъ и на устройство такихъ мѣстъ нѣтъ и никогда не будетъ средствъ. Вотъ почему, понятно, Гетцъ, такъ же какъ и Штооссъ, стремясь создать раціональную систему мѣръ борьбы съ преступностью въ странѣ, принялъ во вниманіе не только академическія требованія, но и дѣйствительную наличность существующихъ въ странѣ мѣстъ заключенія и упростилъ донельзя предположенную имъ лѣстницу наказаній; она состоитъ всего изъ трехъ наказаній: тюрьмы, ареста и денежнаго взысканія; только при условіи *такой полной простоты вся лѣстница наказаній получаетъ дѣйствительное, реальное значеніе.*

Сокращая число видовъ наказанія, норвежскій проектъ, такъ же, какъ и швейцарскій, старается зато каждому изъ допущенныхъ видовъ придать особое и притомъ реальное значеніе.

Такъ, прежде всего, для того, чтобы судья имѣлъ дѣйствительную возможность соразмѣрять сроки наказанія лишеніемъ свободы со степенью

и даже оттѣнками вины осужденнаго, проектъ указываетъ весьма широкіе предѣлы, въ которыхъ можетъ быть назначено лишеніе свободы: тюрьма отъ 21 дня до 15 лѣтъ, а въ случаѣ совокупности и пожизненно (§ 17) и арестъ отъ 21 дня до 20 лѣтъ (§ 22).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботясь о томъ же реальномъ значеніи вводимыхъ наказаній, норвежскій законодатель одновременно съ проектомъ уложенія выработалъ и проектъ особаго закона объ устройствѣ тюремъ и о порядкѣ исполненія наказаній лишеніемъ свободы [1]).

Предполагается три вида тюремъ: двѣ центральныхъ (Landesgefängnisse) для присужденныхъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе 6 мѣсяцевъ; окружныя (надлежащее число) для присужденныхъ къ заключенію на менѣе продолжительный срокъ; наконецъ, вспомогательныя тюрьмы для окружныхъ, гдѣ это представляется необходимымъ. Арестъ отбывается въ окружныхъ тюрьмахъ. Во главѣ тюремъ поставлены директоры и совѣты; въ составъ послѣднихъ входятъ лица прокурорскаго надзора и судьи.

Арестанты должны постоянно быть заняты работою; при выборѣ работъ принимаются во вниманіе способности и знанія арестантовъ; доходъ отъ работъ поступаетъ въ казну, арестанту же въ награду за особое прилежаніе можетъ быть назначено небольшое вознагражденіе. Арестанты въ возрастѣ до 18 лѣтъ обязательно проходятъ курсъ народныхъ школъ, болѣе возрастные проходятъ этотъ курсъ только въ случаѣ, если въ этомъ представляется надобность. Заключеніе на срокъ менѣе двухъ лѣтъ отбывается въ одиночномъ заключеніи, развѣ бы здоровье арестанта не допускало примѣненія, этого вида заключенія. Выработанъ цѣлый рядъ дисциплинарныхъ мѣръ; тягчайшей является тѣлесное наказаніе, которому, однако, могутъ быть подвергнуты только лица, не достигшія 18 лѣтъ или же лишенныя правъ. Какъ эта мѣра, такъ и наложеніе оковъ на арестантовъ, возбудившихъ подозрѣніе въ желаніи бѣжать, могутъ быть, примѣнены директоромъ не иначе, какъ съ согласія тюремнаго совѣта. Порядокъ содержанія подъ арестомъ гораздо мягче въ смыслѣ выбора работъ, свиданій и т. д. Введено наконецъ условное досрочное освобожденіе для тюремнаго заключенія) по отбытіи $^2/_3$ наказанія и не менѣе одного года; отбывшій все наказаніе препровождается на родину, и администрація пріискиваетъ ему занятіе.

Далѣе, норвежскій проектъ, какъ и швейцарскій [2]), принимаетъ особыя

[1]) Blätter f. Gefängnisskunde, 30 томъ 1896 г., стр. 354 и смѣд., переводъ сообщенъ главнымъ директоромъ тюремъ въ Христіаніи Вокселомъ.

[2]) Для этой и послѣдующихъ ссылокъ на швейцарскій проектъ см. мою работу «Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія».

мѣры для того, чтобы денежное взысканіе было дѣйствительною карою для лицъ, различныхъ состояній; поэтому предѣлы, въ которыхъ можетъ быть назначено денежное взысканіе (§ 27 проекта), крайне широки: отъ 3 до 20000 кронъ при преступленіяхъ и отъ 1 до 10000 кронъ при нарушеніяхъ [1]); ктомѣ того судьѣ указано опредѣлять размѣръ взысканія такъ, чтобы оно равнялось не менѣе чѣмъ двухдневному и не болѣе чѣмъ трехмѣсячному доходу осужденнаго при преступленіяхъ, и не менѣе чѣмъ полдневному и не болѣе чѣмъ 1 1/2 мѣсячному доходу осужденнаго за нарушеніе; при этомъ обращается вниманіе и на размѣры ежедневныхъ расходовъ и на другія жизненныя условія караемаго.

Денежное взысканіе можетъ уплачиваться частями, можетъ отработываться на работахъ въ пользу государства, можетъ пополняться продажею части имущества, безъ нарушенія однако возможности зарабатывать средства существованія, или, наконецъ, замѣняться, соотвѣтственно размѣру неуплаченной части, лишеніемъ свободы.

Несомнѣнно, что всѣ создаваемыя проектомъ условіяс ильно подымутъ значеніе денежнаго взысканія, которое теперь было совсѣмъ нечувствительно для богатыхъ, а для менѣе достаточныхъ слишкомъ легко замѣнялось лишеніемъ свободы.

Но, опредѣливъ нормальную лѣстницу наказаній, норвежскій проектъ, подобно швейцарскому, не могъ не признать необходимымъ считаться съ наличностью особаго вида преступниковъ, отличающихся своею развращенностью и представляющихъ крайнюю опасность для общества. Не создавая однако, подобно швейцарскому проекту, особаго вида мѣстъ заключенія для «сохраненія» (Verwahrung) подобныхъ преступниковъ, проектъ устанавливаетъ (§ 65) для такихъ преступниковъ содержаніе въ общихъ тюрьмахъ, но на *неопредѣленные сроки*, настолько,—говоритъ проектъ—насколько это окажется необходимымъ, но во всякомъ случаѣ по отбытіи установленнаго по закону срока не долѣе, какъ на срокъ въ три раза большій, чѣмъ это отбытое наказаніе и не дольше, чѣмъ на 15 лѣтъ по отбытіи нормальнаго наказанія.

Вводя эту мѣру, комиссія приняла во вниманіе [2]), что прежде опасныхъ прсступниковъ устраняли очень легко различными тяжкими нака-

---

[1]) Согласно редакціи этого параграфа въ утвержденномъ уложеніи размѣры взысканія высшіе уменьшены наполовину. Ср. Mitt. der Intern. Krinm. Verein. B. 12 H. 1.

[2]) Andreas Urbye—Les sentences indéterminées dans le nouveau projet de g ode pénal norvégien. Revue pénale suisse, 11 годъ, тет. 1 и 2, стр. 72 и 76.

заніями, кончая смертной казнью, нынѣ наказанія болѣе мягки, и отбывшіе срочныя наказанія особенно серьезные преступники представляютъ часто громадную опасность для общества. Обсуждая признаки, по которымъ преступникъ можетъ быть отнесенъ къ категоріи опасныхъ, комиссія находила, что прежняя судимость сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ для классификаціи, какъ признакъ формальный; всякое опредѣленіе числа осужденій, при которомъ преступникъ можетъ считаться неисправимымъ, будетъ произвольнымъ. Комиссія вообще находила, что существованіе особаго класса неисправимыхъ преступниковъ едва ли доказано, и приравненіе такихъ преступниковъ къ душевно-больнымъ совершенно неправильно.

Поэтому для признанія преступника опаснымъ комиссія установила слѣдующія условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гарантіи интересовъ и правъ преступниковъ.

Согласно § 65 въ случаяхъ, когда подсудимые обвиняются въ тягчайшихъ преступленіяхъ (поджогѣ, потопленіи, учиненіи крушенія судна или желѣзнодорожнаго поѣзда, употребленіи взрывчатыхъ веществъ, отравленіи, убійствѣ, нанесеніи тяжкихъ поврежденій, изнасилованіи, разбоѣ, вооруженной кражѣ, поддѣлкѣ монетъ), и притомъ въ совершеніи нѣсколькихъ такихъ преступленій или покушеній на оныя одновременно или послѣ прежней судимости за такія же преступленія,—судъ можетъ поставить присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ, не представляетъ ли виновный, въ виду характера учиненныхъ имъ преступленій, мотивовъ, руководившихъ имъ при этомъ, или проявившейся при этомъ безнравственности его взглядовъ, особенной опасности для общества или для жизни, здоровья и благосостоянія отдѣльныхъ личностей? Только въ случаѣ утвердительнаго отвѣта судъ примѣняетъ къ осужденному неопредѣленное наказаніе; такое примѣненіе выражается въ томъ, что судъ присуждаетъ подсудимаго къ нормальному по закону наказанію и оговариваетъ возможность продолженія этого наказанія.

Но присужденіе къ содержанію въ тюрьмѣ на неопредѣленный срокъ не отдаетъ осужденнаго на произволъ тюремныхъ властей; § 24 проекта закона о порядкѣ исполненія наказаній лишеніемъ свободы устанавливаетъ, что осужденный въ порядкѣ § 65 уголовнаго кодекса, по отбытіи той части наказанія, которая въ приговорѣ назначена опредѣленно, можетъ немедленно, если это оправдывается его поведеніемъ въ тюрьмѣ, быть освобожденъ на испытаніе; въ случаѣ если въ теченіе 5 лѣтъ освобожденный не будетъ вновь заключенъ въ тюрьму или задержанъ для заключенія, освобожденіе считается окончательнымъ, въ противномъ случаѣ (только

если не освобожденъ по прошествіи 5 лѣтъ) по истеченіи каждаго года возбуждается вопросъ объ освобожденіи на испытаніе; неосвобожденный по истеченіи 5 лѣтъ можетъ быть заключенъ въ рабочій домъ (Zwangsarbeitshaus).

Въ предположенной проектомъ мѣрѣ нельзя не видѣть крайне оригинальнаго разрѣшенія сложнаго вопроса о недостаткахъ современнаго срочнаго и даже большею частью краткосрочнаго наказанія. Неопредѣленныя наказанія [1]) примѣняются въ настоящее время только въ двухъ государствахъ и даже только въ двухъ тюрьмахъ: въ знаменитой тюрьмѣ Эльмира въ Нью-Іоркѣ и въ «Concord Reformatory» въ Массачузетсѣ при чемъ по отчетамъ (къ сожалѣнію не внушающимъ полнаго довѣрія) результаты примѣненія въ Эльмирѣ блестящи; но надо сказать, что условія примѣненія института въ Америкѣ совершенно другія, если не прямо противоположныя условіямъ, предположеннымъ въ проектѣ норвежскаго уложенія. Въ Эльмирѣ, а отчасти и въ Конкордѣ, стараются принимать элементы, на исправленіе которыхъ есть серьезныя основанія надѣяться, такъ, въ Эльмиру принимаютъ лишь лицъ въ возрастѣ отъ 16 до 30 лѣтъ; прежде не судившихся, мужскаго пола, обвиняемыхъ въ важномъ преступленіи, но, однако, при условіи, что судья признаетъ подсудимаго натурою неиспорченною; въ Конкордѣ условія менѣе строгія, но принятіе тоже обусловливается признаніемъ судьею подсудимаго подающимъ надежды на исправленіе. Въ проектѣ норвежскомъ совершенно наоборотъ: неопредѣленныя наказанія предназначены для преступниковъ опасныхъ, совершившихъ нѣсколько тяжкихъ преступленій одновременно или послѣ прежней судимости.

Вопросъ о неопредѣленныхъ наказаніяхъ вызвалъ цѣлую литературу (Ашроттъ, Листъ, Вахъ, Цуккеръ, Ламмашъ, Тардъ, Готье и др.); съ нѣкоторыми натяжками можно признать, что новый видъ наказаній не противорѣчитъ принципамъ обоихъ современныхъ главныхъ теченій въ наукѣ и политикѣ уголовнаго права—направленія, видящаго въ наказаніи возмездіе, путь для искупленія, и направленія, смотрящаго на наказаніе, какъ на средство борьбы съ преступниками и преступностью, и придерживающагося начала цѣлесообразности; можно даже далѣе признать, что законодателю удастся устранить всякую возможность произвола въ комиссіяхъ и совѣтахъ, которые будутъ судить о поведеніи арестанта въ тюрьмѣ и о степени необходимости продолжить испытаніе. Но, и при всемъ томъ, остается

[1]) Подробнѣе большая статья проф. A. Gautier въ Revue pénale suisse, 1893, 2 тет.,—Pour et contre les peines indéterminées.

вопросомъ, удастся ли устранить главныя сомнѣнія и главныя возраженія противъ новаго вида наказаній: сомнѣнія въ томъ, чтобы какая-либо комиссія или даже судъ могли правильно, по внѣшнимъ признакамъ, а судъ и по мимолетномъ лишь знакомствѣ опредѣлить опасность преступника.

Норвежскій проектъ пытается устранить эти возраженія тѣмъ, что предоставляетъ разрѣшеніе вопроса объ опасности суду присяженыхъ, представителямъ людей жизни и знанія:—вопросъ на судѣ такимъ образомъ будетъ въ вѣрныхъ рукахъ. Правильность, далѣе, разрѣшенія вопроса объ опасности при примѣненіи наказанія обезпечивается хорошимъ составомъ комиссій, какъ онъ предположенъ проектомъ закона о порядкѣ исполненія наказаній лишеніемъ свободы. Норвежскій проектъ дѣлаетъ первый опытъ въ этомъ направленіи, и предсказывать результаты въ настоящее время рано; однако, нѣтъ основаній опасаться, что опытъ ухудшитъ настоящее положеніе вопроса о борьбѣ съ важными и опасными преступниками; мѣра эта, не ослабляя репрессіи, создаетъ для такихъ преступниковъ новый и громадный стимулъ къ исправленію, самый срокъ заключенія поставленъ въ зависимость отъ ихъ поведенія и изъявленія желанія исправиться, и въ этомъ отношеніи норвежскій проектъ послѣдовательнѣе швейцарскаго, который назначаетъ для сохраненія опасныхъ преступниковъ (Verwahrung) болѣе опредѣленные и даже сравнительно короткіе сроки.

Для характеристики карательной системы по проекту необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующія постановленія.

Лишеніе правъ сопутствуетъ наказанію тюремнымъ заключеніемъ на срокъ болѣе года; впрочемъ, судъ можетъ и навсегда лишить права выполнять обязанности соотвѣтствующія извѣстному призванію; лишенія правъ (въ смыслѣ способности пріобрѣтать права) срочныя; лишенные правъ, при условіи одобрительнаго поведенія, по отбытіи наказанія, имѣютъ право на реабилитацію; сроки для этого, смотря по тяжести отбытаго наказанія, различны (3, 5 и 10). Институту реабилитаціи приданъ судебный характеръ, просьбу о возстановленіи правъ разрѣшаетъ судебная палата (§§ 29, 75, 76).

Замѣтимъ, далѣе, что Норвежскій проектъ, по примѣру многихъ современныхъ государствъ, вводитъ институтъ условнаго осужденія; собственно проектъ даетъ новую нормировку этого института, который существуетъ уже въ Норвегіи съ 1894 г. Новая постановка должна быть признана весьма удовлетворительной. Условное осужденіе допускается проектомъ (§ 52 — 54) при назначеніи судомъ наказанія: денежнаго взысканія, ареста до 6 мѣсяцевъ или тюрьмы до 3 мѣсяцевъ. Судъ не стѣсненъ какими-либо особыми требованіями закона въ примѣненіи условнаго осужде-

нія, но на него возлагается обязанность обратить вниманіе, при разрѣшеніи вопроса о предоставленіи этой льготы, не только на важность преступнаго дѣянія, но и на возрастъ и предшествующій образъ жизни обвиняемаго, на чистосердечность его сознанія, на то, въ какой мѣрѣ онъ возмѣстилъ или, по крайней мѣрѣ, выразилъ готовность возмѣстить причиненный имъ потерпѣвшему вредъ.

Срокъ исполненія опредѣленъ въ три года; въ случаѣ новаго осужденія за дѣяніе умышленное и назначенія въ наказаніе тюремнаго заключенія испытаніе признается неудавшимся, въ случаѣ же совершенія дѣянія не умышленнаго или караемаго наказаніемъ менѣе строгимъ, чѣмъ тюремное заключеніе, судъ обсуждаетъ вопросъ о возможности продолженія испытанія.

Норвежскій проектъ, подобно швейцарскому, знаетъ также превентивныя мѣры. Если судъ найдетъ, говоритъ § 39, что обвиняемый, который оправданъ или присужденъ къ наказанію въ меньшемъ размѣрѣ, благодаря признанію его находившимся въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія (не сдѣлано различія между преступленіемъ и нарушеніемъ) въ состояніи душевнаго возбужденія, опьяненія или вообще въ ненормальномъ душевномъ состояніи, представляетъ, въ виду его состоянія полной или частичной невмѣняемости, опасность для общественнаго спокойствія, то судъ можетъ отдать его въ домъ для умалишенныхъ или въ пріюты для пьяницъ, или въ особыя отдѣленія рабочихъ домовъ. Принятая мѣра отмѣняется административнымъ начальствомъ, если врачи дадутъ заключеніе, что эта мѣра болѣе не нужна. Въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, имъ предлагается соотвѣтственный вопросъ.

Такой же превентивной мѣрой является предоставленіе суду права (§ 33) запретить осужденному вовсе или на опредѣленное время жительство въ извѣстной мѣстности въ томъ случаѣ, если характеръ или мотивы преступленія, совершеннаго осужденнымъ, указываютъ, что пребываніе его въ той же мѣстности связано съ опасностью для личности или имущества извѣстнаго лица.

Такова система мѣръ борьбы съ преступниками, выработанная въ проектѣ норвежскаго уголовнаго уложенія; она, несомнѣнно, крайне проста и въ то же время чрезвычайно цѣлесообразна и легко и удобно примѣнима на практикѣ. Кромѣ лѣстницы наказаній, въ общей части уложенія необходимо отмѣтить еще рядъ постановленій, которыя по своей простотѣ и вѣрности основной мысли являются украшеніемъ проекта и сближаютъ его опять-таки съ швейцарскимъ проектомъ. Такъ, прежде всего проектъ принялъ двухчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній—это, несомнѣнно, вполнѣ правильное рѣшеніе. Трехчленное дѣленіе отвѣчаетъ развѣ требованіямъ

академической полноты, никакихъ практическихъ, дѣйствительныхъ удобствъ оно не представляетъ, ибо на практикѣ вовсе не облегчаетъ опредѣленія подсудности; ни одно изъ дѣйствующихъ законодательствъ, какъ это выяснилось и на парижскомъ тюремномъ конгрессѣ, не проводитъ вполнѣ послѣдовательно распредѣленія подсудности примѣнительно къ трехчленному дѣленію: наоборотъ, допускается очень много исключеній, и такимъ образомъ практическое значеніе трехчленнаго дѣленія теряется, теоретически же это дѣленіе также признается несостоятельнымъ.

Остановившись на двухчленномъ дѣленіи, проектъ сдѣлалъ и еще одно весьма существенное упрощеніе въ распредѣленіи всего матеріала, создавъ особый отдѣлъ нарушеній. Эта мѣра въ высшей степени обезпечиваетъ простоту и удобопримѣнимость уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ, во-первыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ кодексѣ (о преступленіяхъ—одинъ, о нарушеніяхъ — другой) говорится только объ одномъ видѣ преступныхъ дѣяній и, во-вторыхъ, благодаря этому, устраняется въ высшей степени нежелательное смѣшеніе въ одной и той же главѣ тягчайшихъ преступленій съ полицейскими нарушеніями. Такое смѣшеніе до крайности затрудняетъ, въ особенности для юриста-практика, не имѣющаго возможности по всякому дѣлу прибѣгать къ широкимъ теоретическимъ разъясненіямъ или къ объясненіямъ составителей, оцѣнку удѣльнаго, такъ сказать, вѣса каждаго преступнаго дѣянія относительной важности его, дѣлая въ то же время крайне нелегкимъ розысканіе необходимаго закона, относящагося къ данному единичному случаю.

Нельзя не отмѣтить статей, посвященныхъ опредѣленію пространства дѣйствія будущаго кодекса (§12—§ 14); онѣ такъ же широко опредѣляютъ это пространство, какъ и швейцарскій проектъ. Сомнительно немного, чтобы былъ правиленъ п. 2 § 12. Первый пунктъ этого параграфа правильно причисляетъ къ «Inland», территоріи норвежскаго гасударства, и норвежскія суда, находящіяся въ открытомъ морѣ; зато п. 2 распространяетъ дѣйствіе будущаго уложенія на всю судовую команду, гдѣ бы судно не находилось. Такое распространеніе, въ особенности на суда коммерческія, находящіяся въ иностранномъ портѣ, представляется неправильнымъ, ибо по господствующимъ въ наукѣ и законодательствѣ взглядамъ подсудность національная возстановляется при этихъ условіяхъ только въ такомъ случаѣ, если правительство того государства, въ коемъ расположенъ портъ, отказывается отъ своего права преслѣдованія, признавая, что преступленіе, учиненное на иностранномъ суднѣ, не нарушило тишины порта. Соотвѣтственныя этимъ взглядамъ распоряженія включены и въ наши консульскія конвенціи (ст. 11 этихъ конвенцій).

При широкомъ опредѣленіи территоріальной подсудности новому уложенію проектъ такъ же, какъ и швейцарскій проектъ, отдаетъ должное общности интересовъ современныхъ государствъ въ преслѣдованіи преступниковъ, которые такъ легко переходятъ съ территоріи одного государства въ другое, и поэтому опредѣляетъ (§ 61 ч. 2), «что судъ при обсужденіи вопроса объ усиленіи наказанія подсудимому принимаетъ въ разсчетъ въ равной степени какъ судимость его національную, такъ и судимость заграничную».

Вопросъ объ отвѣтственности малолѣтнихъ разрѣшенъ проектомъ просто, даже слишкомъ коротко: до 14 лѣтъ молодые преступники освобождаются отъ наказанія, послѣ 14 и до 18 л. они наказываются мягче, чѣмъ взрослые; никакихъ дальнѣйшихъ предписаній объ отвѣтственности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ за учиненныя ими преступныя дѣянія проектъ не содержитъ.

Понятіе невмѣняемости опредѣлено проектомъ далеко не такъ просто, какъ въ швейцарскомъ проектѣ, и вызоветъ на практикѣ, вѣроятно, немалыя затрудненія. Посвященный этому опредѣленію § 44 гласитъ: «Дѣяніе не преступно, если учинившій его во время совершенія, благодаря недостаточному развитію или ослабленію душевныхъ способностей, не могъ уразумѣть существа этого дѣянія и незаконнаго его характера, или если онъ, благодаря ли одной изъ вышеуказанныхъ причинъ, или угрожающей опасности, или особаго душевнаго состоянія, не владѣлъ собою».

Не говоря о многословіи этого опредѣленія и крайней неопредѣленности и неточности выраженія «владѣть собою» [1]), слѣдуетъ замѣтить, что въ это опредѣленіе введенъ, какъ выразился Гретенеръ (писавшій объ опредѣленіи понятія невмѣняемости въ швейцарскомъ проектѣ), «психологическій моментъ», т. е. указаніе, въ чемъ проявляется ненормальность обвиняемаго—въ непониманіи и невозможности владѣть собою. Но такое указаніе, являясь болѣе чѣмъ спорнымъ съ точки зрѣнія психіатріи, составляетъ не болѣе какъ неудачное разрѣшеніе — и притомъ совершенно излишнее въ предназначенномъ для практическаго примѣненія уголовномъ кодексѣ— теоретическаго вопроса о границахъ и признакахъ нормальнаго и ненормальнаго въ человѣкѣ.

Необходимая оборона допускается проектомъ въ такихъ же тѣсныхъ

---

[1]) При обсужденіи этой статьи проекта въ собраніи норвежской группы Международнаго союза криминалистовъ высказывалось, что новое опредѣленіе невмѣняемости поставитъ въ затруднительное положеніе добросовѣстныхъ экспертовъ, которые могутъ отвѣтить на вопросъ: нормаленъ ли обвиняемый, а не на то: владѣетъ ли онъ собой (сообщ. Межд. союза кримин. 7 кн., т. 1, стр. 98).

предѣлахъ, какъ и швейцарскимъ проектомъ; въ опредѣленіе (§ 48) введенъ цѣлый рядъ ограничительныхъ выраженій: необходимая оборона допускается, сказано здѣсь, если, во вниманіе къ опасности нападенія, къ винѣ нападающаго, а равно во вниманіе къ важности того блага (Rechtsgut), которому угрожаетъ опасность, не должно быть признано безусловно недопустимымъ причиненіе такого большаго зла, какъ то, которое должно послѣдовать отъ задуманнаго дѣйствія.

Проф. Ламмашъ [1]) особенно высоко ставитъ такую постановку необходимой обороны, усматривая въ этомъ стремленіе не допустить нарушенія соціальнаго равенства; при такой постановкѣ необходимой обороны собственникъ, въ защиту какого нибудь незначительнаго принадлежащаго ему блага, не въ правѣ прибѣгнуть къ оружію.

Тотъ же Ламмашъ признаетъ, что вообще проектъ норвежскаго уложенія пытается приблизить право къ народнымъ воззрѣніямъ, съ которыми современное законодательство, находящееся подъ сильнымъ вліяніемъ отвлеченныхъ теоретическихъ ученій и взглядовъ, сильно разошлось, и находитъ подтвержденіе высказываемому въ двухъ особенностяхъ проекта: во-первыхъ, въ томъ, что въ согласіи съ народными воззрѣніями проектъ признаетъ наказуемымъ и покушеніе надъ негоднымъ объектомъ и съ негодными средствами и, во-вторыхъ, что тоже согласно народнымъ взглядамъ, допускаетъ наказаніе подстрекателя, хотя бы то дѣяніе, къ совершенію котораго онъ подговаривалъ, не было совершено. Надо, однако, сказать, что правильность этихъ указаній Ламмаша должна быть оставлена на его отвѣтственности, ибо объяснительная записка, изъ которой имъ, повидимому, заимствованы указанныя соображенія, не переведена на какой-либо обще-европейскій языкъ, а текстъ закона не содержитъ прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ.

Несомнѣнно однако, что, въ согласіи и въ этомъ съ швейцарскимъ проектомъ, норвежскій проектъ стоитъ на субъективно-индивидуалистической точкѣ зрѣнія. Проектъ признаетъ наказуемыми только дѣянія умышленныя, неосторожныя же дѣянія караются лишь въ видѣ исключенія въ точно закономъ указанныхъ случаяхъ.

Въ согласіи съ этимъ основнымъ положеніемъ—карать только за то, чего дѣйствительно и сознательно хотѣлъ обвиняемый,—проектъ подробно регулируетъ понятіе ошибки въ фактѣ и въ правѣ.

Ошибка при учиненіи извѣстнаго дѣянія относительно обстоятельствъ, которыя обусловливаютъ наказуемость дѣянія или вліяютъ на строгость

---

[1]) 1 c.

наказанія, толкуется въ пользу обвиняемаго; если ошибка вызвана небрежностью обвиняемаго и небрежность карается въ данномъ случаѣ, виновный не избавляется отъ нормальнаго наказанія (§ 42).

Ошибка въ правѣ, т. е. ошибка виновнаго при учиненіи дѣянія относительно запрещенности и незаконности этого дѣянія толкуется тоже въ пользу обвиняемаго; если онъ не оправдывается совершенно, то наказаніе ему смягчается (§ 57).

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что проектъ устанавливаетъ полный или частичный зачетъ въ приговорѣ времени, проведеннаго осужденнымъ въ подслѣдственномъ заключеніи, если таковое не было вызвано его поведеніемъ (т. е. очевидно попыткою бѣжать, бродяжествомъ и т. п.), и вводитъ общій (генеральный) рецидивъ, признавая повтореніемъ преступленіе, совершенное до истеченія 6 лѣтъ послѣ отбытія наказанія за преступленіе и ранѣе 2 лѣтъ въ случаѣ осужденія за нарушеніе.

Обзоръ общей части проекта, такимъ образомъ, приводитъ насъ къ выводу, что Гетцу удалось сдѣлать очень многое для достиженія правильно поставленной цѣли: приблизить уголовный кодексъ къ жизни, сдѣлать его системою мѣръ вполнѣ осуществимыхъ на практикѣ и притомъ цѣлесообразныхъ, такъ какъ онѣ несомнѣнно будутъ значительно способствовать осуществленію основной цѣли всякаго уголовнаго кодекса—успѣшной борьбѣ съ преступниками и преступностью.

Обзоръ особенной части и отдѣла о нарушеніяхъ убѣждаетъ, что и здѣсь достигнуты большіе результаты; Гетцу удалось и въ этой части осуществить въ значительной степени основной свой принципъ, высказанный имъ въ объяснительной запискѣ [1]): «избѣгать всего, что могло бы нарушить или ослабить совмѣстное дѣйствіе права и нравственности, такъ какъ это совмѣстное дѣйствіе и составляетъ главную основу правового порядка». Къ преступленіямъ противъ нравственности, противъ обязанностей семейственныхъ и человѣколюбія, проектъ отнесся съ особеннымъ вниманіемъ, посвятивъ этимъ преступленіямъ не только два самостоятельныхъ отдѣла, но и много статей въ другихъ отдѣлахъ.

Въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ нравственности (гл. 19 § 191—214) обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія постановленія. Вводится спеціальная статья о мужеложствѣ (§ 213), хотя преслѣдованіе ограничивается случаями, когда общія соображенія требуютъ этого allgemeine Rücksichten es erfordern); вмѣстѣ съ тѣмъ въ статьяхъ о безстыдныхъ дѣйствіяхъ, объ изнасилованіи нигдѣ не говорится о Frauensperson и

---

[1]) Ламмашъ. 1., с. стр. 512.

вообще не упоминается о полѣ лица потерпѣвшаго. Далѣе, статьи, посвященныя плотскимъ сношеніямъ съ дѣтьми въ возрастѣ до 13 л. и отъ 13 до 16 л. (§ 195 и 196), правильно не дѣлаютъ различія и не упоминаютъ даже о томъ, какими средствами обвиняемый достигъ покорности со стороны ребенка: силою или хитростью, воспользовавшись невинностью потерпѣвшаго или другимъ образомъ; ребенокъ слабъ и физически, и душевно и нуждается въ особенномъ огражденіи.

Строго карается тотъ (§ 201), кто способствуетъ плотскимъ сношеніямъ съ лицами, не достигшими 14 лѣтъ; такъ же строго карается тотъ, кто вовлекаетъ другое лицо въ занятіе развратомъ въ видѣ промысла (§ 202); введено спеціальное постановленіе, угрожающее тюрьмою до двухъ лѣтъ тому, кто удерживаетъ лицо, занимающееся развратомъ въ видѣ промысла, отъ оставленія этого ремесла (§ 203); такое же строгое наказаніе грозитъ тому, кто изъ корыстныхъ цѣлей способствуетъ плотскимъ сношеніямъ другихъ лицъ и тому, кто изъ такихъ сношеній другихъ лицъ извлекаетъ матеріальныя выгоды.

Въ особой статьѣ (въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ личной свободы, § 224) предусмотрѣна такъ называемая la traite des blanches, т. е. закабаленіе силою, угрозами или хитростью кого либо подъ свою или чужую власть съ цѣлью вывезти это лицо за-границу для цѣлей разврата (въ этой же статьѣ предусмотрѣны тѣ же дѣйствія и для другихъ подобныхъ цѣлей: передача въ плѣнъ, въ иностранную военную службу, для поставленія въ положеніе лица зависимаго).

Оскорбленіе общественной нравственности безстыдными, публично учиненными (хотя бы въ присутствіи одного лица) дѣйствіями отнесено не къ нарушеніямъ, а къ преступленіямъ и карается тюрьмой до одного года.

Оригинальна, далѣе, статья (§ 214), которая освобождаетъ отъ наказанія въ случаяхъ, когда лицо, совершившее преступленіе противъ нравственности, вступитъ съ потерпѣвшимъ лицомъ въ бракъ; впрочемъ, такая льгота не распространяется на тягчайшіе виды этихъ преступленій (такъ, льгота распространяется на изнасилованіе путемъ угрозъ и не распространяется на изнасилованіе путемъ примѣненія насилія или угрозъ, которыя могутъ вызвать въ потерпѣвшемъ страхъ за жизнь или здоровье).

Придавая такое громадное значеніе браку, проектъ примѣняетъ строгія мѣры противъ лицъ, которыя искажаютъ эти правильныя семейныя отношенія, и въ особенности, какъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, выступаетъ въ защиту дѣтей и лицъ зависимыхъ.

Особенно оригинальны въ этомъ отдѣлѣ статьи 218 и 219.

Первая караетъ тюремнымъ заключеніемъ до года того, кто занимаетъ дитя, не достигшее 16 лѣтъ и находящееся подъ его властью или на его попеченіи, такимъ трудомъ, который вредитъ его здоровью, нравственности или его честности, или хотя бы допускаетъ такое занятіе.

Вторая (219) статья особенно оригинальна. Она караетъ тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ, а если потерпѣвшее лицо получило тѣлесное поврежденіе или разстроило свое здоровье, то и до 5 лѣтъ [1]), того, кто ставитъ лицо, входящее въ его домашній штатъ (Hausstand, т. е. и родные, и служащіе), въ положеніе крайней нужды, отказываясь отъ исполненія обязанности доставлять необходимыя средства къ существованію; также точно карается и тотъ, кто грубо и часто нарушаетъ свои семейныя обязанности, лишая супруга, дѣтей, лицъ, принадлежащихъ къ его домашнему штату или состоящихъ подъ его опекою, надлежащихъ заботъ, оставляя ихъ въ положеніи заброшенности или дурно обращаясь съ ними.

Эта статья, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть громадное значеніе; для того, чтобы оцѣнить ее по достоинству, стоитъ только вспомнить тѣ ужасныя и возмутительныя сцены, при которыхъ каждому изъ насъ приходилось присутствовать у насъ въ Россіи и именно въ большихъ нашихъ городахъ, въ столицахъ и ихъ пригородахъ. Виновникъ этихъ сценъ—какой нибудь совершенно неграмотный или полуграмотный крестьянинъ, вышедшій изъ подъ вліянія всѣхъ властей, прежде его угнетавшихъ, въ томъ числѣ и изъ-подъ юрисдикціи волостного суда, вмѣшивающагося иногда по-своему въ подобныя дѣла (насколько хорошо, я оставляю этотъ вопросъ открытымъ); онъ живетъ въ качествѣ горожанина, не имѣя для этой новой вольной жизни никакихъ нравственныхъ или умственныхъ устоевъ; онъ пропиваетъ или просто прокучиваетъ въ компаніи себѣ подобныхъ все, что есть въ домѣ и что въ этотъ домъ поступаетъ: свой заработокъ, женинъ, дѣтей, всѣхъ ихъ онъ изо-дня въ день бьетъ, заставляетъ непосильно работать (напр., беременную жену возить бочку съ водой, таскать дрова и другія тяжести, семидесятилѣтнюю старуху-мать таскать камни и мостить улицы), по временамъ онъ бьетъ домашнихъ до того, что они всѣ разбѣгаются. И за все это онъ неотвѣтственъ, ненаказуемъ, ибо побои его не переходятъ въ истязанія, а образъ его жизни и поведенія относится къ «нравамъ», закономъ не регулируемымъ. Онъ вовсе не алкоголикъ, онъ совершенно здоровый, но распущенный и

[1]) По утвержд. улож. до 6 л.

распустившійся человѣкъ, который, благодаря полному своему невѣжеству, не умѣетъ цѣнить своей свободы и котораго безнаказанность поощряетъ и ослѣпляетъ. Что дѣлать окружающимъ такую семью лицамъ интеллигентнымъ? Попробовать, быть можетъ, его урезонить, не выдавать ему на руки жалованья, но это вызоветъ бурныя и оскорбительныя сцены, за которыя разумѣется не вознаградитъ приговоръ мирового судьи, присуждающій виновнаго къ нѣсколькимъ днямъ ареста; прогнать всю семью, но это значитъ лишить ее заработка, лишить жену и дѣтей куска хлѣба, а это средство едва ли кому либо симпатично. Что же дѣлать? Безсильно оставаться зрителемъ этого возмутительнаго произвола человѣка, который не дорось до свободы? Вотъ тутъ, то и вспоминаешь и англійскіе законы (Married Women 58 and 59 Vict. chap. 39. An Act to amend the law relating to the summary jurisdiction of Magistrates, in reference to Married Women 6-th July 1895), которые даютъ возможность англійской женщинѣ, страдающей отъ подобнаго мужа, легко, посредствомъ рѣшенія мирового судьи, постановленнаго притомъ же въ сокращенномъ порядкѣ (summary jurisdiction), получить разрѣшеніе жить отдѣльно отъ мужа и получать отъ него на содержаніе себя и дѣтей [1]), и проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія. Можно замѣтить, что тюрьма можетъ быть не совсѣмъ желательна въ данномъ случаѣ, что было бы достаточно рабочаго дома съ желѣзною дисциплиною, большимъ количествомъ работы, жесткими условіями жизни безъ вина и табаку, для того, чтобы такой субъектъ понялъ, что и въ самой свободной странѣ онъ не «*воленъ*» отказываться отъ исполненія самыхъ священныхъ своихъ обязанностей.

Но этими постановленіями проектъ не ограничивается и въ отдѣлѣ о нарушеніяхъ, въ главѣ, тоже посвященной нарушеніямъ требованій нравственности, мы находимъ рядъ статей, защищающихъ малолѣтнихъ и слабосильныхъ членовъ семьи отъ эксплоатированіи и дурного обращенія главы и старшихъ.

Тотъ,—говоритъ § 380,—кто, злоупотребляя своею властью или пренебрегая своими обязанностями по попеченію надъ лицомъ, ему подчиненнымъ или принадлежащимъ къ его домовому штату, ставитъ это лицо въ такое положеніе (собственно въ такія отношенія—Verhältnisse), которое очевидно представляетъ опасность для нравственности или честности этого лица, карается денежнымъ взысканіемъ или тюремнымъ заключеніемъ до 3 мѣсяцевъ.

---

[1]) См. подробно объ этомъ законѣ мою замѣтку въ «Жур. Мин. Юст.» 1896 г. № 5, стр. 280 (Обзоръ иностраннаго законодательства).

Кто,—говоритъ слѣдующая статья,—поручаетъ ребенку, не достигшему 16 лѣтъ, исполненіе обязанностей кельнера или другой подобнаго рода прислуги въ мѣстахъ, гдѣ продаютъ распивочно спиртные напитки, или безъ особаго на то разрѣшенія начальства выпускаетъ его на подмостки въ театральныхъ представленіяхъ или другихъ общественныхъ зрѣлищахъ, или же для тѣхъ же цѣлей предоставляетъ его въ распоряженіе другого лица, тотъ карается денежнымъ взысканіемъ или тюрьмою до 3 мѣсяцевъ.

Тому же наказанію подвергается лицо, которое на общественномъ представленіи или для подготовленія къ таковому упражняется съ ребенкомъ, не достигшимъ 16 лѣтъ, въ опасныхъ или неестественныхъ тѣлодвиженіяхъ, или которое предоставляетъ ребенка для этой цѣли другимъ.

Эти статьи говорятъ сами за себя, устраняя возможность столь частыхъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время, опасныхъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи положеній, въ которыя безсердечіе, своекорыстіе и безнравственность лицъ взрослыхъ ставитъ зависящихъ отъ нихъ дѣтей.

Для дополненія обзора постановленій проекта по нарушеніямъ требованій нравственности нельзя не отмѣтить еще одной, такъ сказать, нравственной мѣры, включенной въ одновременно выработанный проектъ о борьбѣ съ нищенствомъ, тунеядствомъ и пьянствомъ. Здѣсь, между прочимъ, опредѣлено, что наказывается тюремнымъ заключеніемъ всякій, кто, имѣя возможность работать и не имѣя работы, не ищетъ ея и, не исполняя другихъ обязанностей, не исполняетъ и лежащей на немъ обязанности содержать ребенка, не достигшаго 15 лѣтъ; такое лицо можетъ быть вызвано въ судъ и принуждено дать объясненія о средствахъ своего существованія.

Отдѣлъ о преступленіяхъ и нарушеніяхъ противъ правилъ нравственности наиболѣе разработанъ и наиболѣе оригиналенъ, но и въ другихъ отдѣлахъ проекта имѣется рядъ статей, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Такъ, оригинально, хотя безъ объяснительной записки и не совсѣмъ ясно, приравненіе, по тяжести наказанія, поддѣлки иностранной монеты поддѣлкѣ національныхъ денежныхъ знаковъ (§ 174 и слѣд.).

Далѣе, хорошо и широко опредѣленіе подлога; подобно швейцарскому проекту и норвежскій подводитъ подъ понятіе документа не только письменные акты, но и всякіе другіе предметы, которые могутъ служить доказательствомъ для установленія извѣстнаго права или для освобожденія отъ извѣстной правовой обязанности (§ 179).

Жизненно вѣрно постановленіе (§ 235), въ силу коего наказаніе можетъ быть понижено совершенно внѣ указанныхъ въ законѣ предѣловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство совершено съ согласія убитаго, или когда убійство совершено изъ сожалѣнія къ безнадежно больному человѣку.

Оригинальны и тоже вполнѣ вѣрны съ точки зрѣнія жизненной правды статьи 240 и 241 (§§), въ которыхъ видно очевидное желаніе законодателя распредѣлить болѣе справедливо уголовную отвѣтственность за убійство незаконно-прижитыхъ дѣтей. Въ настоящее время вся отвѣтственность падаетъ на мать, а такъ какъ положеніе такой матери достойно во всѣхъ отношеніяхъ особаго сожалѣнія, то дѣла по обвиненію ихъ кончаются крайне часто, если не всегда, оправданіемъ. Между тѣмъ дѣйствительный виновникъ всего происшедшаго, незаконный отецъ, не пожелавшій жениться, оставившій обезчещенную женщину на позоръ, голодъ и нищету и доведшій такимъ образомъ эту женщину до преступленія, остается не только въ тѣни, но совершенно безнаказаннымъ. И вотъ норвежскій проектъ предполагаетъ карать этого незаконнаго отца, если онъ не подалъ родильницѣ помощи во время родовъ и послѣдствіемъ этой неподачи было то тяжкое состояніе, физическое и душевное, въ которомъ она и умертвила ребенка. Предполагается, далѣе, карать незаконнаго отца, который, зная, что забеременившая отъ него женщина намѣревается умертвить при рожденіи своего незаконнорожденнаго ребенка, не приметъ мѣръ для недопущенія этого (тюрьма до 2 лѣтъ); если же послѣдствіемъ этого была смерть ребенка, то незаконный отецъ карается тюремнымъ заключеніемъ до 4 лѣтъ.

Изъ постановленій о преступленіяхъ корыстныхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на прекрасное и широкое опредѣленіе ростовщичества (§ 295): «кто при совершеніи какой нибудь гражданской сдѣлки (Rechtsgeschäft) воспользуется стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ, легкомысліемъ, малымъ развитіемъ (Verständnisschwäche) или неопытностью друго лица для того, чтобы получить отъ него или обязать его къ предоставленію такой выгоды (Gegenleistung—извѣстное дѣйствіе съ его стороны), которая совершенно и рѣзко несоразмѣрима съ предоставляемой имъ самимъ этому лицу выгодой, или кто этому способствуетъ,—тотъ наказывается за ростовщичество денежнымъ взысканіемъ.

При осложняющихъ обстоятельствахъ (между прочимъ, когда такимъ образомъ полученъ вексель или обвиняемый уже судился за ростовщичество) виновный наказывается денежнымъ взысканіемъ или тюремнымъ заключеніемъ до 6 мѣсяцевъ.

Укрывательство преступленій растраты, кражи и грабежа поставлено не только какъ самостоятельное, sui generis, преступленіе, но ему посвящена особая глава; укрывательство на основаніи § 317 опредѣляется такъ: виновенъ въ укрывательствѣ тотъ, кто, зная, что предметъ добытъ путемъ растраты, кражи или грабежа, покупаетъ его, принимаетъ его въ залогъ или для употребленія, прячетъ, сохраняетъ или употребляетъ его, а равно и тотъ, кто содѣйствуетъ отчужденію или залогу этого предмета

Простое укрывательство наказывается тюремнымъ заключеніемъ до 3 лѣтъ, ремесленное—до 6 лѣтъ.

Укрывательство собственно самого преступника и преступленія (ибо § 317 и слѣдующіе предусматриваютъ только укрывательство плодовъ преступленія) предусмотрѣно въ особой статьѣ (§ 132) отдѣла преступленій противъ государственной власти; тутъ же предусмотрѣно и содѣйствіе преступнику къ побѣгу; наказаніе гораздо мягче (тюрьма до 2 лѣтъ)— повидимому проектъ смотритъ на это преступленіе, какъ на безкорыстное.

Отдѣлъ о нарушеніяхъ содержитъ почти тѣ же главы, что и отдѣлъ о преступленіяхъ, причемъ нельзя не замѣтить, что различіе преступныхъ дѣяній разныхъ отдѣловъ, но сходныхъ по составу, проведено далеко не точно и послѣдовательно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ объяснительной записки даже непонятно.

Изъ отдѣла о нарушеніяхъ нельзя не отмѣтить спеціальной главы, посвященной нарушеніямъ, вытекающимъ изъ отношеній хозяевъ и наемной прислуги. Содержащіяся въ этой главѣ постановленія караютъ съ одной стороны, служащихъ, нанявшихся и не поступающихъ на мѣсто или самовольно удалившихся, или самовольно отлучающихся; съ другой стороны, карается и хозяинъ, который безъ законныхъ основаній отказывается принять къ себѣ на службу прислугу или самовольно увольняетъ ее. Наказаніе въ обоихъ случаяхъ — денежное взысканіе; впрочемъ, если прислуга оставляетъ службу при особо отягчающихъ обстоятельствахъ (какихъ, не сказано), можетъ быть назначено тюремное заключеніе до 3 мѣсяцевъ; съ другой стороны, и хозяинъ можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію до 3 мѣсяцевъ въ случаѣ, если, уволивъ незаконно прислугу или также незаконно не принявъ нанятую, онъ поставитъ ее, благодаря этому, въ опасное или крайне затруднительное положеніе.

Нельзя не замѣтить, что бо́льшая точность въ редакціи только что приведенныхъ статей была бы крайне желательна и даже необходима.

Нельзя также не указать, что на-ряду съ совершенно вѣрными постановленіями отдѣла о нарушеніяхъ, имѣющими цѣлью поддержать силу

судебнаго рѣшенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оградить спокойное пользованіе имуществомъ, основанное на законѣ и судебномъ рѣшеніи,—таковы статьи (§ 343 и 344), карающія денежнымъ взысканіемъ или тюрьмою за растрату арестованнаго по судебному рѣшенію имущества и за самовольное завладѣніе или пользованіе недвижимымъ имуществомъ или кораблемъ послѣ выселенія изъ оныхъ по судебному рѣшенію,—въ проектѣ встрѣчается рядъ постановленій (въ отдѣлѣ о нарушеніяхъ правъ по имуществу), которыя тоже грозятъ не только денежнымъ взысканіемъ, но и тюрьмою за дѣянія чисто-гражданскія уголовно-ненаказуемыя; таковы, напр., нарушенія чужого владѣнія недвижимымъ имуществомъ (уст. гражд. суд. ст. 29, пп. 4 и 5), выражающіяся или въ захватѣ чужого участка, или въ обработкѣ и обсѣмененіи чужого поля (§ 395, § 396), или въ пользованіи однимъ изъ совладѣльцевъ своими правами въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ опредѣлено по закону (§ 397), или, наконецъ, въ поведеніи, несогласномъ съ сосѣдскими отношеніями (§ 398, п. 2). Такія постановленія едва ли вѣрны по существу, а нѣкоторыя изъ нихъ такъ неясно и неточно редактированы, что безъ объяснительной записки даже и непонятны.

Вообще редакція какъ особенной части проекта (а какъ мы видѣли выше и нѣкоторыхъ статей общей части), такъ и отдѣла о нарушеніяхъ далеко уступаетъ по краткости, точности и ясности швейцарскому проекту. Такъ, напр., опредѣленіе отягчающихъ вину обстоятельствъ при кражахъ сдѣлано швейцарскимъ проектомъ (ст. 70) въ нѣсколькихъ словахъ: «въ видѣ ремесла, шайкою или опаснымъ и дерзкимъ способомъ, а также въ виду прежней судимости»; для этого норвежскому проекту понадобилось три статьи и 8 пунктовъ крайне растянутой и потому самому не исчерпывающей редакціи. То же самое повторяется и при опредѣленіи отягчающихъ моментовъ при подлогѣ (гдѣ, напр., швейцарскій проектъ вмѣсто перечисленія всѣхъ легкихъ случаевъ подлога употребляетъ мѣткое выраженіе—(*въ незначительныхъ случаяхъ*), обманѣ и т. д.

Недостатки редакціи отразились и на размѣрѣ проекта: въ немъ 435 статей, тогда какъ въ германскомъ 370, а въ проектѣ швейцарскомъ 256 статей.

Нельзя не обратить еще вниманія на излишнюю широту опредѣленія родственныхъ узъ (Angehorige); къ такимъ причислены (§ 5) не только родственники по прямой восходящей и нисходящей линіи и супруги, но двоюродные братья и свойственники до второго колѣна. Значеніе такого черезчуръ широкаго опредѣленія родства будетъ ясно, если обратить вниманіе, что укрывательство родственныхъ преступниковъ ненаказуемо (§ 132),

что, далѣе (§ 167), ложное показаніе безъ присяги на судѣ по дѣлу родственника ненаказуемо, въ случаѣ если заявленіе правды повлекло бы для этого родственника наказаніе или потерю общественнаго уваженія.

Несмотря на эти и другіе существенные недостатки, проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія будетъ имѣть большое значеніе и для европейскаго законодательства, и для науки уголовнаго права; онъ поставилъ на очередь много новыхъ вопросовъ и предложилъ рядъ новыхъ и оригинальныхъ рѣшеній вопросовъ первостепенной важности. Предложеніе внести неопредѣленныя наказанія есть уже смѣлая попытка разрѣшенія одного изъ важнѣйшихъ и наиболѣе жгучихъ вопросовъ уголовнаго дѣла въ Европѣ, но, какъ мы видѣли выше, норвежскій проектъ даетъ еще не мало такихъ же смѣлыхъ, оригинальныхъ, и въ то же время глубокопродуманныхъ постановленій, основанныхъ на широкомъ знаніи и современнаго положенія уголовнаго дѣла, и общихъ условій современной жизни и науки права. Поэтому справедливо замѣчаніе Ламмаша «что при исходѣ 19 столѣтія первое общее для всего швейцарскаго союза уголовное уложеніе въ обработкѣ К. Штоосса и норвежское уложеніе въ обработкѣ Б. Гетца будутъ свидѣтельствовать о прогрессѣ за эти три поколѣнія человѣческихъ знаній, желаній и умѣнья» [1]). Значеніе этихъ двухъ проектовъ, правда, будетъ несовсѣмъ равное; и въ томъ, и въ другомъ проектѣ заложены новыя начала, но если въ норвежскомъ они проведены въ нѣкоторыхъ частяхъ, отдѣльныхъ положеніяхъ, то въ швейцарскомъ они разработаны систематически послѣдовательно въ цѣлое стройное зданіе удивительной техники.

---

[1] Prof. Lammasch. Der Entwurf eines schweizerischen Strafgesetzbuches zeitschr. f. Sehweizer Strafrecht. 1895.

О замѣнѣ ссылки въ Сибирь другимъ наказаніемъ [1]).

Высочайшимъ повелѣніемъ 6 мая 1899 года, отмѣнившимъ ссылку въ Сибирь во всѣхъ ея видахъ, несомнѣнно разрѣшенъ одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ современной русской жизни: не было и не могло быть двухъ мнѣній о необходимости упразднить ссылку въ Сибирь въ ея нынѣшнемъ видѣ. Занимая видное мѣсто въ лѣстницѣ наказаній и являясь, въ то же время, мѣрой превентивной въ качествѣ ссылки административной (по приговорамъ общества объ удаленіи за порочное поведеніе и о непринятіи обратно въ свою среду), современная ссылка состояла въ томъ, что людей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣвшихъ нѣкоторое недвижимое имущество, извѣстныя родственныя связи, которыя давали имъ нѣкоторую возможность при желаніи работать честно, хотя и не всегда удерживали ихъ отъ преступленія, вырывали разъ навсегда изъ этихъ условій, перевозили за нѣсколько тысячъ верстъ въ предѣлахъ той же Россіи и въ новомъ мѣстѣ, въ административномъ и общественномъ, а частью и культурномъ, отношеніи, ничѣмъ не отличавшемся отъ прежняго мѣста, выпускали на свободу, номинально приписывая ихъ къ волости и селенію, а въ дѣйствительности оставляя ихъ совершенно на про-

[1]) Статья эти впервые появилась въ „Журн. Министерства Юстиціи“ 1899 г. (ноябрь) т. е. до закона 12 іюня 1900 г., коимъ установлены карательныя мѣры (исправит. отдѣленіе) взамѣнъ ссылки. Если ссылка въ особенности въ томъ видѣ, какъ она существовала, являлась безпорядкомъ, то простое помѣщеніе всѣхъ ссыльныхъ въ арестантскія отдѣленія безъ всякой реорганизаціи тюремнаго дѣла и даже безъ приспособленія достаточнаго помѣщенія какъ оказалось потомъ на дѣлѣ и какъ предвидѣли всѣ знающіе дѣло и ранѣе, явилось ничѣмъ инымъ какъ замѣною одного безпорядка другимъ. Объ этой работѣ кромѣ отзывовъ русскихъ журналовъ. былъ отзывъ въ особой статьѣ проф. Легра въ Revue penitentiaire.

изволъ судьбы, предоставляя имъ устраивать свою судьбу какъ угодно: безъ земли, которой у нихъ не было, безъ родственной помощи, безъ средствъ существованія и наконецъ безъ надзора. Общество, къ которому приписывались ссыльные, могло фактически или вовсе ве надѣлить имъ земли по неимѣнію или надѣлить совершенно негодную, но и безъ того у ссыльныхъ не было ни хаты, ни скота, ни самыхъ необходимыхъ орудій, ни тѣмъ менѣе средствъ для пріобрѣтенія таковыхъ, всего этого никто имъ не давалъ и никто не обязанъ былъ дать; при такихъ условіяхъ номинальный и единственный надзоръ за ссыльными обществъ, къ которымъ они приписывались, не могъ ихъ удержать на новомъ мѣстѣ, и ссыльные исчезали съ мѣстъ, погибая въ сибирскихъ лѣсахъ, превращаясь въ преступниковъ, бродягъ и т. д.; по свѣдѣніямъ изслѣдователей сибирской ссылки, какъ Сипягинъ и другіе, въ неизвѣстномъ отсутствіи числилось около 60% всѣхъ ссыльныхъ.

Такое насильственное превращеніе людей болѣе или менѣе осѣдлыхъ въ бродягъ безкровныхъ, разумѣется, не можетъ называться «системой»— это былъ просто безпорядокъ, слишкомъ долго терпѣвшійся. Разумѣется, что это въ сущности не была и ссылка въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову въ европейскомъ законодательствѣ и европейской литературѣ, гдѣ знаютъ ссылку колонизаціонную или штрафную, но во всякомъ случаѣ организованную, при которой предполагается устройство ссыльнаго на мѣстѣ ссылки, отведеніе ему участка земли, предоставленіе ему всѣхъ необходимыхъ средствъ для обработки и обсѣмененія земли, обезпеченіе его существованія до полученія имъ необходимаго съ земли и, наконецъ, организованный надзоръ за нимъ, однимъ словомъ, все то, что до извѣстной степени осуществляется на островѣ Сахалинѣ въ отношеніи переходящихъ съ каторги на поселеніе. Если непредоставленіе всего этого ссыльнымъ въ свое время можетъ быть сочтено ошибкой, то предоставленіе тѣхъ же преимуществъ ссыльнымъ въ Сибири въ настоящее время,—когда Сибирь, благодаря великому сибирскому пути и ряду реформъ, становится постепенно культурной страной и является въ силу этого мѣстомъ, куда стремится переселиться изъ Европейской Россіи непреступное населеніе, не лишенное нѣкоторыхъ средствъ и представляющее вполнѣ надежный элементъ, которому лишь тѣсно на родинѣ,—было бы, несомнѣнно, несвоевременно и не вполнѣ справедливо въ отношеніи честнаго населенія, которому въ такомъ размѣрѣ помощь не оказывается.

Но если вопросъ объ упраздненіи ссылки въ Сибирь является вполнѣ созрѣвшимъ, то вопросъ о замѣнѣ ссылки совершенно открытъ, и для разрѣшенія его предстоитъ еще положить много труда и средствъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, вопросъ о замѣнѣ ссылки стоитъ въ тѣсной и неразрывной связи съ вопросомъ тюремнымъ, съ вопросомъ объ устройствѣ, внутреннемъ строѣ нашихъ мѣстъ заключеній и о необходимыхъ, неотложныхъ и возможныхъ, не говоря уже о всѣхъ желательныхъ, реформахъ въ нашемъ тюремномъ строѣ.

Въ сущности, съ отмѣной и вымираніемъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній въ лѣстницахъ наказаній европейскихъ уголовныхъ кодексовъ остались только ссылка и тюрьма со всѣми разновидностями (каторжной, срочной, исправительной, слѣдственной), причемъ разочарованіе или невозможность примѣненія ссылки заставляютъ европейскихъ законодателей обращаться къ тюрьмѣ, а разочарованіе въ тюрьмѣ обратно къ ссылкѣ.

Въ настоящую минуту континентальная Европа переживаетъ именно такое увлеченіе ссылкой; по выраженію одного изъ горячихъ поборниковъ ссылки Левеллье: «les peuples qui n'ont pas de colonies, colonisent sur la carte».

Познакомиться съ этимъ движеніемъ въ пользу ссылки, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію нашего тюремнаго вопроса, представляется интереснымъ потому, что это движеніе является критическимъ по отношенію къ образцовой, сравнительно съ нашей, европейской тюрьмѣ и что, такимъ образомъ, приспособляя нашъ тюремный строй, мы будемъ знать, чему стоитъ подражать въ европейскомъ строѣ, что въ немъ, по нѣмецкому выраженію, hat sich gut bewährt, т. е. доказало свою жизнеспособность и годность.

I.

Движеніе въ пользу ссылки стало замѣтно во Франціи въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (законъ о релегаціи), а затѣмъ въ половинѣ нынѣшняго десятилѣтія въ континентальной Европѣ произошелъ настоящій взрывъ симпатій къ ссылкѣ, выразившійся въ рѣшеніяхъ такихъ двухъ авторитетныхъ собраній, какъ международнаго тюремнаго конгресса въ Парижѣ въ 1885 г. и международнаго союза криминалистовъ въ Лиссабонѣ въ 1897 г.

Резолюція перваго конгресса гласитъ:

«Ссылка въ разнообразныхъ видахъ при всѣхъ тѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя уже осуществлены относительно примѣненія ея и которыя еще осуществимы, является полезной для исполненія продолжительныхъ наказаній за тяжкія преступленія или для наказанія преступниковъ про-

мысловыхъ и рецидивистовъ» [1]). Хотя это рѣшеніе постановлено громаднымъ большинствомъ голосовъ, но противники его утверждали, что оно дѣло подавляющаго числа французскихъ участниковъ, находившихся подъ вліяніемъ извѣстнаго французскаго профессора Левелье, горячаго защитника ссылки [2]).

Тому же вліянію Левелье было приписано, и уже гораздо менѣе основательно, рѣшеніе Лиссабонскаго конгресса международнаго союза криминалистовъ 20—24 апрѣля 1897 года. Резолюція этого конгресса гласитъ: «Международный союзъ криминалистовъ, собравшись въ Лиссабонѣ, присоединяется къ рѣшенію Парижскаго международнаго тюремнаго конгресса 1895 г. и одобряетъ въ принципѣ ссылку. Ссылкѣ присущи всѣ качества, необходимыя для наказанія; въ то же время ссылка можетъ, хотя бы въ качествѣ второстепенной силы, способствовать возникновенію колоній» [3]). Резолюція эта, правда, была предложена тѣмъ же Левелье, но принята большинствомъ 38 голосовъ противъ 5. Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой резолюціи и выяснить, въ какой мѣрѣ она выражаетъ не мнѣніе только французовъ (изъ присутствовавшихъ на конгрессѣ двое французовъ, Жоли и Ривьеръ, высказались противъ ссылки)—необходимо остановиться на докладахъ, которые были представлены конгрессу по этому вопросу.

Конгрессу было представлено 7 докладовъ: три нѣмцами, одинъ французомъ, одинъ итальянцемъ, одинъ португальцемъ и одинъ русскимъ; изъ этихъ семи лишь послѣдній, представленный Д. А. Дриллемъ, высказывался противъ ссылки. Розенфельдъ, членъ суда въ Берлинѣ и ученикъ Листа, находилъ, что ссылка желательна, но не безсрочная, а на время, пока трудомъ ссыльныхъ будетъ подготовлена почва для свободной, не преступной колонизаціи; тогда ссылаемые возвращаются назадъ въ отечество. Впрочемъ, и въ этихъ предѣлахъ ссылка должна быть примѣняема только послѣ того, какъ будутъ разработаны различные пустыри въ самой Европѣ и будетъ восполненъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ для сельскаго хозяйства.

Рѣшительнѣе выступилъ Фрицъ Фрейндъ (изъ Кобленца); онъ доказывалъ, что невозможно ввѣрять все дѣло реклассированія отбывшихъ наказаніе обществамъ патронатства, они не справятся съ этимъ дѣломъ;

---

[1]) V-e Congrés Pénitentiaire. Rapports de la premiére section 1896 p. 133

[2]) Всѣ три доклада, представленные конгрессу французами Пти и Бабине и Н. С. Таганцевымъ, съ которымъ не согласилось С.-Петербургское Юридическое общество, высказались за ссылку, хотя и съ тѣми или другими ограниченіями (тамъ же, стр. 103—133).

[3]) „Жур. Мин Юст " 1897 г, сентябрь, стр. 285

*

что ссылка можетъ имѣть существенное значеніе въ такомъ реклассированіи, но только подъ условіемъ, чтобы ссылаемые отбывали и каторжныя работы или вообще заключеніе въ мѣстѣ ссылки, и въ ссылкѣ на мѣстѣ оставлялись бы не совершенно негодные элементы, а тѣ, которые проявили склонность къ земледѣльческимъ работамъ.

Наиболѣе горячо высказался Бреславльскій профессоръ Брюкъ, рекомендуя ссылку въ цѣляхъ политико-уголовныхъ, колоніальныхъ и соціальныхъ (подробнѣе о его взглядахъ ниже). Также горячо защищалъ, разумѣется, ссылку профессоръ Левелльe.

Итальянецъ Фани признавалъ одиночное заключеніе на продолжительные сроки и негуманнымъ, и недостаточно исправительнымъ, желалъ соединенія ссылки съ предварительнымъ заключеніемъ на короткій срокъ для болѣе важныхъ преступленій. По мнѣнію Фани, ссылка, являясь наказаніемъ, въ то же время отдаетъ должное и общественной природѣ человѣка, и поэтому ссылкѣ предназначено разрѣшить труднѣйшую задачу пенитенціарной науки.

Наконецъ, португалецъ Фразао изложилъ, въ какомъ большомъ размѣрѣ примѣняется ссылка въ его отечествѣ; здѣсь она комбинируется въ различныхъ видахъ съ заключеніемъ и составляетъ также вторую альтернативную лѣстницу наказаній, къ которой судья можетъ переходить по своему усмотрѣнію. Кромѣ того, особый законъ 1892 г. предоставилъ судьямъ представлять въ распоряженіе правительства для высылки всѣхъ лицъ отъ 18 до 60 лѣтъ, которыя осуждены за особо тяжкія преступленія или являются рецидивистами или бродягами.

Какъ будто бы противорѣчащимъ и даже опровергающимъ такое сочувствіе европейскихъ мыслителей къ ссылкѣ является рѣшеніе 24 съѣзда нѣмецкихъ юристовъ (XXIV Juristentag), собравшагося въ Познани въ сентябрѣ 1898 г.; съѣздъ призналъ, что ссылка не годится для Германіи, какъ одно изъ наказаній, и нельзя рекомендовать опыта съ введеніемъ ея.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ съѣздѣ имѣются довольно отрывочныя, не объясняющія, какимъ образомъ было постановлено это рѣшеніе. Извѣстно лишь, что главный защитникъ ссылки въ Германіи, профессоръ Бреславльскаго университета Брюкъ, отсутствовалъ и былъ замѣненъ совершенно неожиданно почти наканунѣ дня засѣданія неизвѣстнымъ Вильке. Послѣдній, однако, сдѣлалъ докладъ въ пользу ссылки, указывая, какъ на одну изъ главныхъ причинъ желательности введенія ея въ Германіи, на разстройство современной пенитенціарной системы.

Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе съѣзда едва ли выражаетъ мнѣніе большин-

ства нѣмецкихъ юристовъ, которые проявили интересъ къ этому вопросу въ цѣлой литературѣ.

Здѣсь прежде всего нельзя не отмѣтить горячаго піонера ссылки, профессора Бреславльскаго университета Феликса Фридриха Брюка (Brück); его работы—«Fort mit den Zuchthäusern» (1894), «Neu-Deutschland und seine Pioniere» (1895), «Die gesetzliche Einführung der Deportation im Deutschen Reiche» (1897)—обратили на себя особое вниманіе германскихъ юристовъ; какъ видно изъ возраженія его въ послѣдней изъ поименованныхъ брошюръ графу Пфейль, споръ уже идетъ между многими не о принципѣ и желательности ссылки для Германіи, а о мѣстѣ, куда ссылать, въ какую часть Африки.

Брюкъ, точно также какъ и другіе, мотивируетъ необходимость прибѣгнуть къ ссылкѣ именно разстройствомъ современной системы наказаній. Онъ указываетъ (стр. 5 и слѣд. «Fort mit den Z.») на трудность реклассированія послѣ заключенія, на «Stumpfheit», которая является результатомъ продолжительнаго заключенія, въ особенности одиночнаго, на усиленіе рецидива, на постепенное вырожденіе много разъ судившихся преступниковъ, на предложеніе всѣми выдающимися современными криминалистами (указываетъ на Вальберга, Листа, Ламмаша) особаго наказанія для такихъ преступниковъ; такое предложеніе само по себѣ является, по мнѣнію Брюка, признаніемъ негодности дѣйствующей системы наказаній. По мнѣнію Брюка, ссылка будетъ избавлять метрополію отъ рецидивистовъ и тѣмъ однимъ уже будетъ себя окупать сравнительно съ громадными расходами на тюрьмы, въ особенности по системѣ одиночнаго заключенія; въ ссылку, по мнѣнію автора, надо именно направлять всѣхъ (за исключеніемъ дѣтей и стариковъ) преступниковъ по ремеслу, рецидивистовъ и особо опасныхъ. Онъ ссылается на прекрасные результаты, которыхъ достигаетъ португальское [1]) правительство въ Африкѣ и англійское въ Индіи на Андаманахъ и Никобарахъ (авторъ цитируетъ данныя, собранныя Элерсомъ въ 1891 году). Увѣренный въ своемъ успѣхѣ, Брюкъ составилъ даже проектъ закона о введеніи ссылки въ Германіи (Die gesetzliche Einführung etc.), предполагая ссылку устроить пожизненной; тюремъ въ мѣстѣ ссылки не надо, осужденные содержатся въ баракахъ ночью, а днемъ работаютъ на крупныхъ общественныхъ, тяжелыхъ работахъ.

Слѣдуетъ далѣе отмѣтить обстоятельную статью Карла фонъ-Штенгеля, въ Beilagen zur Münchener Allgemeiner Zeitung за 1896 г.

---

[1]) Brück, Die gesetzliche Einführung etc., стр. 45.

№№ 154, 155, 157, подъ названіемъ «Die Anlegung der Strafcolonien in den deutschen Schutzgebieten»; авторъ, послѣ обязательной во всѣхъ такихъ работахъ исторіи англійской и французской ссылки, останавливается на Германіи и рѣшительно высказывается въ пользу ссылки въ германскія колоніи.

Съѣзду нѣмецкихъ юристовъ (Juristentag) были представлены три доклада: прокуроромъ суда въ Берлинѣ докт. Корномъ [1]), профессоромъ Берлинскаго университета Конрадомъ Борнгакомъ [2]) и членомъ областного правленія въ Кобленцѣ Фрицемъ Фрейндомъ [3]). Изъ этихъ трехъ докладовъ только первый неблагопріятенъ ссылкѣ, но и авторъ этого доклада Корнъ признаетъ, «что за послѣдніе годы замѣчается движеніе, которое требуетъ введенія ссылки, какъ лучшаго средства реформы уголовнаго дѣла. Причина, вызывающая это движеніе, ясна: это безспорный фактъ, что наши тюрьмы и цухтгаузы не въ состояніи были предотвратить впаденіе въ новыя преступленія наказанныхъ преступниковъ».

Отвѣтъ Корна собственно разсчитанъ на первый предложенный съѣзду вопросъ: «Слѣдуетъ ли допустить условное помилованіе, если осужденный выселяется»? на этотъ вопросъ всѣ дававшіе заключеніе дали отрицательный отвѣтъ; собственно къ ссылкѣ Корнъ принципіально не относится отрицательно, но поясняетъ, что она трудно осуществима, что отбывшіе наказаніе, истощенные преступники не годны для тяжелыхъ работъ, что расходы на ссылку крайне велики. Корнъ находитъ, что даже и тѣ страны, которыя ссылаютъ, распространяютъ ссылку на сравнительно небольшое число преступниковъ; такъ, по мнѣнію Корна, высылка изъ Франціи 1.768 и Португаліи 300 человѣкъ ежегодно крайне мала по размѣру.

Изъ двухъ благопріятныхъ ссылкѣ докладовъ: профессора Борнгака (который осуждаетъ помилованіе подъ условіемъ выселенія, говоря, что введеніе въ такомъ видѣ ссылки дастъ только орудіе въ руки противниковъ ссылки) и члена областного правленія въ Кобленцѣ Фрейнда, особенно интересенъ послѣдній. Фрейндъ (стр. 55) прямо заявляетъ, что ссылка необходима, благодаря разстройству пенитенціарной системы въ Германіи. Главное средство борьбы въ этой системѣ—одиночное заключеніе—не осуществлено еще въ желательныхъ размѣрахъ: въ 1874 г. еще недоставало 23.000 камеръ, стоимость которыхъ высчитывалась въ 69

---

[1]) Juristenzeitung, 1 September 1898.

[2]) Verhandlungen des Vierundzwanzigsten Deutschen Juristentages. 1897, стр. 3—15.

[3]) Тамъ же, стр. 53—104.

милліоновъ марокъ (т. е. въ 3 тысячи марокъ или въ 1500 рублей каждая отдѣльная камера). Но даже если бы система одиночнаго заключенія и была проведена болѣе послѣдовательно, то остается два крупныхъ пробѣла въ германской пенитенціарной системѣ, *а именно крайне ничтожное развитіе арестантскаго труда въ тюрьмахъ и совершенно слабая, малоуспѣшная дѣятельность обществъ патронатства;* при такихъ условіяхъ, понятно, двѣ главныя цѣли всякой пенитенціарной системы—исправленіе преступника и затѣмъ реклассированіе его въ рядѣ нормальнаго общества—не достигаются совершенно. Изобрѣтаются особыя мѣры для сохраненія опасныхъ и неисправимыхъ преступниковъ, а вмѣсто этого надо ссылать. Ссылкѣ подлежатъ, по мнѣнію Фрейнда, лица, присужденныя къ заключенію на 5 лѣтъ и дольше, и которымъ судъ призналъ возможнымъ замѣнить нормальное наказаніе ссылкой.

Что касается до вопроса объ издержкахъ на организацію и осуществленіе ссылки, то эти издержки въ значительной степени будутъ уменьшены правильнымъ и хозяйственнымъ эксплоатированіемъ колоніи, подготовкой почвы для высшей культуры трудомъ арестантовъ и несомнѣннымъ уменьшеніемъ ущерба, который причиняется обществу рецидивистами.

Для того, чтобы устранить дѣлаемый ссылкѣ упрекъ, что она (стр. 103), освобождая метрополію отъ вредныхъ и негодныхъ элементовъ, подвергаетъ той же опасности колонію, авторъ предлагаетъ, чтобы ссылаемые въ мѣстѣ ссылки принудительно исполняли извѣстныя тяжкія въ пользу государства работы въ теченіе всего того времени, на которое они нормально приговорены были къ заключенію; затѣмъ, по истеченіи сего срока, въ колоніи могутъ быть оставлены только исправившіеся и подающіе надежды на то, что, при надѣленіи ихъ землею, они станутъ полезными колонистами, всѣ же неудавшіеся возвращаются назадъ на родину.

Всѣ изложенные проекты, мнѣнія и соображенія имѣютъ значеніе симптоматическое; они съ несомнѣнностью указываютъ на то, что дѣйствующая въ *континентальной* Европѣ пенитенціарная система страдаетъ крупными недостатками. Весь вопросъ состоитъ только въ томъ неисправимы ли эти недостатки, и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ ссылкѣ, а если исправимы, то въ какомъ направленіи должно послѣдовать исправленіе. На этотъ вопросъ, освѣщая ярко все движеніе въ пользу ссылки, и отвѣчаетъ приватъ-доцентъ въ Гейдельбергѣ, В. Миттермайеръ, въ талантливой работѣ подъ заглавіемъ «Kann die Deportation im deutschen Strafensystem Aufnahme finden» (Zeitsch. f. die gesam. Strafrechtswissenschaft, 19 томъ, 1898 г., стр. 85). Миттермайеръ исходитъ изъ очень вѣрнаго положенія (стр. 108 и слѣд.),

что увлеченіе ссылкой возникло исключительно въ виду неудовлетворительности современнаго положенія дѣла борьбы съ преступленіемъ.

Преступность несомнѣнно увеличивается, на это увеличеніе вліяетъ въ особенности чрезвычайный переворотъ въ области техники и всего хозяйственнаго строя, переворотъ, который измѣняетъ всѣ пути заработка, разрушаетъ старые планы и создаетъ новые, вызываетъ цѣлый рядъ неудачъ, неудовольствій, всеобщую неврастенію. Затѣмъ у насъ громадная армія слабохарактерныхъ, которая пополняетъ ряды преступниковъ. Съ другой стороны, наша система наказаній имѣетъ крайне много недостатковъ. Тутъ и недостаточность, и неудовлетворительность мѣстныхъ тюремъ, и переполненіе крупныхъ, и недостаточность тюремнаго персонала, и недостаточность разъединенія арестантовъ; тутъ далѣе и неудовлетворительное обращеніе съ малолѣтними преступниками, неправильное отношеніе къ учинившимъ преступленіе въ первый разъ, шаблонный способъ заключенія способныхъ исправиться и явно негодныхъ для общежитія элементовъ по одному и тому же рецепту, недостаточное развитіе системы наказаній, замѣняющихъ лишеніе свободы, и *малое развитіе патронатства.* Необходимо, чтобы новая система наказаній исходила изъ яснаго пониманія причинъ роста и убыли преступленій, *чтобы было ясно сознано ограниченное значеніе мѣръ репрессіи рядомъ съ мѣрами предупрежденія преступленій*, чтобы не сомнѣвались болѣе въ томъ, что никакое наказаніе не поможетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда соціальныя отношенія плохи; чтобы осуществлена была индивидуализація наказаній. Главная цѣль наказаній—не улучшеніе матеріальнаго положенія преступника, а оказаніе давленія на его антисоціальный характеръ. Но развѣ эти задачи не могутъ быть осуществлены, развѣ наша система наказаній не можетъ быть улучшена; наоборотъ, ближайшее знакомство съ этой системой указываетъ ясно, въ чемъ возможно улучшеніе; только для этого надо произвести затраты денежныя. Развивая далѣе свою мысль, авторъ особенно настаиваетъ на правильномъ принудительномъ воспитаніи преступныхъ дѣтей, на попеченіи надъ изгнанными изъ школы дѣтьми, *на правильной, не фабричной, постановкѣ работъ въ тюрьмахъ, на системѣ производства арестантскихъ работъ за счетъ государства* (régie), *на развитіи полевыхъ и огородныхъ работъ при тюрьмахъ, на умственномъ развитіи арестантовъ,* на принятіи во вниманіе системы американскихъ реформаторій. Нельзя также забывать, что многое можно сдѣлать на пути надлежащей индивидуализаціи наказаній Еще не изученъ надлежаще преступникъ, не примѣняется, благодаря трусливости нашего чиновничества (unserer ängstlichen Bureaukratie),

условное осужденіе. Всѣ эти мѣры тамъ, гдѣ онѣ хотя отчасти были испробованы, дали хорошіе результаты. И несомнѣнно слѣдуетъ скорѣе прибѣгнуть къ вполнѣ осуществимымъ улучшеніямъ дѣйствующей системы наказаній, чѣмъ къ ссылкѣ, которая есть шагъ въ неизвѣстное, ибо прошлое не подкрѣпляетъ надеждъ на ссылку, а примѣръ современной Франціи указываетъ, что всякія улучшенія крайне дорого стоятъ. Ссылка во всякомъ случаѣ не годится для какого либо индивидуализированія наказаній, развѣ бы пришлось въ колоніяхъ строить всѣ тѣ дорого стоющія и здѣсь строенія, но тогда зачѣмъ это дѣлать въ колоніи, а не въ отечествѣ.

Главное возраженіе противъ ссылки, говоритъ авторъ, состоитъ въ слѣдующемъ (стр. 115): «Не въ почвѣ и не въ воздухѣ колоніи заключается оживляющая людей сила, а въ богатствѣ, которое легко создается собственнымъ *свободнымъ* трудомъ работника; эта живительная сила заключается въ той полной надеждъ и стремящейся впередъ свободѣ дѣятельности и перемѣщенія, при которой съ каждымъ днемъ для работника замѣтенъ успѣхъ его трудовъ. Но всего этого недостаетъ ссылкѣ. Брюкъ (вышеупомянутый бреславльскій профессоръ) требуетъ строгаго режима и неутомимаго надзора въ такой степени, что упрекъ въ жестокости, дѣлаемый имъ современной системѣ наказаній, съ большимъ основаніемъ можетъ быть сдѣланъ его собственной системѣ».

Если же въ ссылкѣ неполная свобода, и придется часто прибѣгать къ мѣстамъ заключенія, то всѣ затрудненія дѣйствующей системы повторятся въ ссылкѣ въ еще большей степени, ибо очевидно, что всѣ улучшенія, какъ въ устройствѣ зданій, такъ и подборѣ персонала для надзора и въ другихъ отрасляхъ, неизмѣримо труднѣе будетъ осуществить въ колоніи при ея сравнительной бѣдности и некультурности, чѣмъ въ метрополіи.

Къ этимъ новымъ возраженіямъ противъ ссылки авторъ присоединяетъ и тѣ выраженія, которыя высказывались и до него и которыя, къ сожалѣнію, всѣ новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ: крайняя дороговизна ссылки, трудность образованія въ ссылкѣ семьи, крайне печальныя послѣдствія ввоза проститутокъ для вступленія въ бракъ съ ссыльными, общая крайняя распущенность нравовъ, неприспособленность ссыльныхъ къ выпавшимъ на ихъ долю тяжелымъ работамъ и т. д.

Изложенные взгляды Миттермайера и новы, и вѣрны. Авторъ вѣрно и ясно указалъ истинную причину движенія въ пользу ссылки—неудовлетворительность нынѣшняго положенія въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ. Но, спокойно обсуждая нынѣшнее положеніе, онъ не смотритъ на дѣйствующую въ Европѣ систему наказаній безнадежно; вѣрно понимая всѣ ея недостатки, онъ ищетъ практическаго исхода изъ настоящаго положе-

нія, притомъ исхода, который былъ бы основанъ на богатомъ опытѣ европейскихъ государствъ, не щадившихъ труда, талантовъ, преданности и средствъ на дѣло борьбы съ преступленіемъ, и исходъ, указываемый имъ, въ сущности одобряется большинствомъ лучшихъ европейскихъ криминалистовъ. Одинъ изъ нихъ, европейски извѣстный, бельгійскій ученый A. Prins въ только-что вышедшемъ капитальномъ трудѣ «Science pénale et droit positif» (стр. 427 — 430) очень выпукло и вѣрно опредѣляетъ значеніе ссылки; ссылка была возможна, когда были страны совсѣмъ некультурныя, куда свободные люди не хотѣли переселяться и куда для водворенія началъ культуры было желательно переселять преступниковъ на условіяхъ свободныхъ колонистовъ взамѣнъ долгосрочныхъ или даже пожизненныхъ наказаній; но съ той минуты, когда колоніи стали превращаться въ культурныя страны, высылка туда на условіяхъ свободныхъ колонистовъ тяжкихъ преступниковъ становится въ такой же мѣрѣ немыслимой, какъ выпускъ этихъ же преступниковъ на свободу взамѣнъ наказаній въ метрополіи. Переселеніе же такихъ преступниковъ съ тѣмъ, чтобы въ колоніи ихъ содержать въ мѣстахъ заключенія и только выпускать на извѣстное время на работы, сопряжено съ крупными расходами и затрудненіями и въ сущности не имѣетъ уже смысла, такъ какъ это уже не ссылка, а повтореніе при худшихъ условіяхъ въ колоніи того, что можно съ успѣхомъ примѣнять въ метрополіи; потому-то Англія первая удачно примѣнила ссылку и каторгу въ такомъ видѣ у себя дома, устроивъ всевозможныя государственныя работы для содержащихся въ мѣстахъ заключенія въ Портсмутѣ, Портландѣ, Чатамѣ. Но, признавая ссылку несвоевременной, Принсъ не идеализируетъ и тюрьмы. «Наука тюрьмовѣдѣнія»—говоритъ онъ (стр. 401)—«впадала въ увлеченіе, видя въ тюрьмѣ рѣшительное средство противъ всякой преступности». Но время идеализаціи прошло, тюрьма не можетъ быть, точно также какъ и всѣ другіе виды наказанія, признана идеальнымъ наказаніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ нашимъ временемъ къ наказанію, и въ то же время значеніе вообще наказаній, какъ средства борьбы съ преступленіемъ, значительно пало. Тотъ же Принсъ въ другомъ мѣстѣ названнаго своего сочиненія (стр. XLV предисловія) говоритъ: «Несомнѣнно, что соціальные предупредительные законы гораздо болѣе дѣйствительны въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ, чѣмъ самые лучшіе карательные законы».

Съ ростомъ недовѣрія въ силу и цѣлительное значеніе вообще наказаній упала вѣра и въ тюрьму, которую весь XIX вѣкъ считалъ лучшимъ и незамѣнимымъ средствомъ. Но затѣмъ въ тюрьмѣ разочаровались и по

многимъ другимъ причинамъ, причемъ эти причины можно раздѣлить на такъ сказать обще-европейскія и на спеціальныя, континентально-европейскія, съ исключеніемъ въ этомъ второмъ случаѣ Англіи. Различеніе это имѣетъ громадное значеніе, ибо во всемъ движеніи въ пользу возстановленія ссылки Англія не участвовала, въ ней не слышно голосовъ за ссылку, въ ней довольны тюрьмой въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она примѣняется и, повидимому, имѣютъ основанія быть довольными.

II.

Обще-европейскія нареканія на тюрьму объясняются черезчуръ большой вѣрой въ тюрьму въ концѣ прошлаго столѣтія, когда стали считать тюрьму панацеею отъ всѣхъ золъ, между тѣмъ какъ на практикѣ тюрьма оказалась не полезной, а вредной для нѣкоторыхъ категорій преступниковъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на полное удаленіе изъ тюремъ малолѣтнихъ преступниковъ; повсемѣстно во всей Европѣ — для нихъ создаются или созданы уже особыя мѣста заключенія и исправленія.

Далѣе, изъ тюрьмы удалены въ большинствѣ европейскихъ государствъ впервые осужденные за извѣстныя маловажныя преступленія, благодаря почти повсемѣстному распространенію условнаго осужденія, за исключеніемъ, однако, именно той Германіи, изъ которой столько голосовъ раздается въ пользу ссылки.

Но и затѣмъ тюрьмой въ континентальной Европѣ недовольны. Ей приписываютъ въ Европѣ страшное возрастаніе какъ общей преступности, такъ и грознаго зла рецидива, ее считаютъ мѣстомъ нравственной заразы. Для объясненія этого недовольства необходимо остановиться на тюремномъ строѣ континентальной Европы. Онъ не всюду одинаковъ. Въ Бельгіи мы встрѣчаемся съ строго проведенной системой одиночнаго заключенія и притомъ на долгіе сроки, на нѣсколько десятилѣтій; здѣсь жалуются, и вполнѣ справедливо, на то, что одиночная камера на долгій срокъ притупляетъ умственныя и физическія способности человѣка, дѣлаетъ его совершенно негоднымъ для жизни (le coup de la cellule).

Трудъ арестантскій при устройствѣ тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія можетъ быть организованъ только на началахъ фабричнаго труда, крайне спеціализированнаго, механическаго, отучающаго совершенно арестанта отъ обыкновенныхъ работъ и ремеселъ и тѣмъ болѣе заставляющаго арестанта совершенно забыть полевой трудъ. Въ этомъ отношеніи особенно многознаменательно заключеніе такого авторитета, какъ Принсъ;

будучи профессоромъ Брюссельскаго университета, онъ въ то же время состоитъ инспекторомъ бельгійскихъ тюремъ, и вотъ онъ признаетъ (стр. 439 и слѣд. назв. соч.) всѣ перечисленные недостатки строгой системы одиночнаго заключенія, принятой въ Бельгіи, *и отдаетъ преимущество прогрессивной системѣ, принятой въ англійскихъ тюрьмахъ.* Какъ на одинъ изъ недостатковъ бельгійскихъ тюремъ можно указать, что здѣсь нѣтъ совершенно наружныхъ работъ, что стоитъ въ прямой связи съ системой заключенія, — между тѣмъ эти наружныя работы въ высшей степени важны для здоровья арестантовъ и кромѣ того имѣютъ большое значеніе въ виду того, что многіе арестанты происходятъ изъ сельскаго населенія и знаютъ только сельскія работы, между тѣмъ обученіе ремесламъ какъ бы искусственно переводитъ сельское населеніе въ городское.

Но въ общемъ Бельгія стоитъ по своему тюремному строю на недосягаемой высотѣ по сравненію съ другими странами континентальной Европы. Одиночное заключеніе во Франціи, Германіи и Австріи осуществлено въ незначительной степени лишь въ немногихъ центральныхъ тюрьмахъ: одиночнымъ заключеніемъ здѣсь не только не злоупотребляютъ, какъ въ Бельгіи, но его слишкомъ мало примѣняютъ, и нѣтъ средствъ ввести его въ надлежащемъ размѣрѣ, а между тѣмъ несомнѣнно, что одиночное заключеніе, примѣняемое на сравнительно недолгій срокъ (нѣсколько мѣсяцевъ) въ началѣ отбытія арестантомъ наказанія, производитъ на преступника благотворное, отрезвляющее впечатлѣніе и, устрашая его, въ то же время заставляетъ его сосредоточить вниманіе на себѣ и на послѣдствіяхъ, къ которымъ привело его преступленіе.

Но въ европейскихъ континентальныхъ тюрьмахъ, за исключеніемъ Бельгіи, въ сравнительно очень недостаточной степени осуществлено и другое необходимое основаніе всякаго правильнаго тюремнаго строя—занятія арестантовъ полезнымъ, производительнымъ трудомъ.

Правда, въ центральныхъ тюрьмахъ Пруссіи [1]), Франціи и Австріи большая часть арестантовъ занята работами, но за то во всѣхъ такъ называемыхъ мѣстныхъ тюрьмахъ (провинціальныя: губернскія и уѣздныя) работъ нѣтъ или вовсе, или, если онѣ и производятся, то въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что объ этомъ и упоминать не стоитъ; въ этомъ отношеніи Бельгія (какъ и Англія) составляетъ исключеніе. А между тѣмъ населеніе мѣстныхъ тюремъ значительно больше населенія центральныхъ

[1]) См. мою работу „Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ“.

тюремъ. Въ 1894 году было въ австрійскихъ центральныхъ тюрьмахъ 10,351 арестантовъ, а въ мѣстныхъ—13,863, во Франціи соотвѣтственныя цифры составили 13,329 и 26,741, въ Пруссіи—26,281 и 33,734; это сопоставленіе ясно показываетъ, какое значеніе имѣетъ отсутствіе работъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Это значитъ, что большая часть тюремнаго населенія въ такихъ мѣстахъ заключенія, гдѣ начинаютъ свои «карьеры» всѣ преступники, остается безъ работы, т. е. безъ того условія, безъ котораго немыслимъ никакой правильный тюремный режимъ; безъ такого мѣрила, какъ трудъ, по которому можно судить объ усердіи арестанта, его доброй волѣ и желаніи исправиться, вся система наградъ и взысканій теряетъ свое основаніе, арестанты остаются въ бездѣліи и праздности и при одиночномъ заключеніи, сколько-нибудь продолжительномъ, безъ труда могутъ сойти съ ума, а при общемъ заключеніи въ конецъ развращаются.

Не то мы видимъ въ Англіи. Тюремный режимъ, или даже правильнѣе сказать, дѣло борьбы съ преступленіемъ въ Англіи имѣетъ такія громадныя преимущества предъ постановкой того же дѣла на континентѣ Европы, что становится совершенно понятнымъ, почему въ континентальной Европѣ недовольны положеніемъ дѣла и ищутъ исхода хотя бы въ ссылкѣ, а въ Англіи исхода не ищутъ и довольны нынѣшнимъ положеніемъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего надо замѣтить, что въ Англіи, несмотря на всѣ усовершенствованія, поставившія англійскую тюрьму на недосягаемую высоту, отлично и вѣрно поняли, что тюрьмы и вообще наказанія недостаточны для борьбы съ преступленіемъ. Не менѣе, если не болѣе, важны другія мѣры; не разсчитывая только на перерожденіе преступныхъ людей въ тюрьмахъ, англичане (ср. въ этомъ отношеніи отчетъ тюремной комиссіи подъ продсѣдательствомъ Герберта Гладстона, 1895) совершенно вѣрно поняли, что необходимо въ возможно большей степени затруднить и сократить увеличеніе преступнаго контингента, предупредить самое впаденіе въ преступленіе: вотъ почему они такъ давно, уже многіе десятки лѣтъ, и такъ широко поставили у себя патронатство въ широкомъ смыслѣ этого слова patronage avant et après le crime [1]).

Особенно вѣрно оцѣнено громадное значеніе патроната надъ дѣтьми: изъ дѣтей формируются взрослые, изъ нихъ же формируются и преступники, и вотъ Англія знаетъ Industrial Schools съ населеніемъ болѣе 17 тысячъ человѣкъ для дѣтей, заброшенныхъ, но еще не преступныхъ; для

[1]) A. Fuchs, Die Gefangenen-Schutzthätigkeit und die Verbrechens-Prophylaxe. 1898 г. стр. 152—185; Aschrott,, Dis Fürsorge f. Strafentlassene in England, Schweizerische Zeitschrift, 12 к. 1 и 2 тетр., Revue pénitentiaire, 1899, Juin, p 829 и сл.

преступныхъ имѣются свои Reformatory Schools, которымъ соотвѣтствуютъ на континентѣ Европы исправительныя колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Во всей Европѣ, не исключая и Бельгіи съ ея «écoles de bienfaisance de l'Etat», нѣтъ соотвѣтственнаго количества подобныхъ школъ для принудительнаго воспитанія дѣтей, а, главное, нигдѣ въ Европѣ не поставленъ такъ твердо и рѣшительно принципъ принудительнаго воспитанія, нигдѣ не предоставлено судьѣ такого широкаго права помимо желанія родителей, не заботящихся о воспитаніи своихъ дѣтей, или же просто преступныхъ, распорядиться объ отдачѣ дѣтей въ заведенія принудительно-воспитательныя.

Въ этомъ отношеніи нѣмцы даже и въ новомъ германскомъ гражданскомъ уложеніи [1]) не получатъ желаннаго усиленія правъ судебной власти; во Франціи со времени закона 24 іюня 1889 г. (англійскія школы существуютъ болѣе 100 лѣтъ) судебная власть имѣетъ право лишать родительской власти такихъ лицъ, дѣти которыхъ оказались заброшенными, и отдавать послѣднихъ въ принудительныя воспитательныя заведенія, но, надо сказать, что такія заведенія имѣются пока лишь въ очень небольшомъ числѣ.

Значеніе такого пресѣченія одного изъ главныхъ источниковъ, изъ которыхъ пополняется контингентъ преступниковъ въ странѣ, имѣло совершенно наглядныя послѣдствія для Англіи: число осужденныхъ малолѣтнихъ, быстро возрастающее въ другихъ странахъ, здѣсь понизилось.

Другой источникъ, изъ котораго тоже пополняется преступный контингентъ,—это сами преступники, возвращающіеся по отбытіи наказанія вновь къ преступленію, это страшное зло рецидива, заставляющее Европу мечтать о неопредѣленныхъ наказаніяхъ (проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія), «о сохраненіи неисправимыхъ» (швейцарскій проектъ уложенія) и т. д.

И съ этимъ зломъ Англія сравнительно успѣшно борется путемъ правильно организованнаго патронатства въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. обществъ, обезпечивающихъ выходящимъ изъ тюрьмы вступленіе вновь въ ряды нормальнаго общества, пріисканіемъ имъ работы и занятій и предоставленіемъ имъ средствъ существованія до полученія мѣста. Въ Англіи такихъ обществъ патронатства гораздо больше, чѣмъ тюремъ (тюремъ 61); они обладаютъ громадными средствами; правительство уплачиваетъ имъ 40 тысячъ рублей въ годъ и предоставляетъ имъ доходъ отъ различныхъ завѣщанныхъ пожертвованій, цѣль которыхъ стала по какой-либо при-

[1]) Fuchs, l. c., стр 155.

чинѣ неосуществима, что даетъ этимъ обществамъ болѣе 20 тысячъ рублей; наконецъ въ кассу общества поступаютъ много пожертвованій и членскіе взносы.

Новымъ административнымъ циркуляромъ главнаго управленія тюремъ 12 октября 1897 г. патронатствамъ предъявлены общія одинаковыя требованія; для полученія пособій отъ правительства они впредь должны представлять свои уставы на утвержденіе; при каждой тюрьмѣ одно изъ патронатствъ, преслѣдующее общія цѣли патронатства, не стѣсненныя конфессіональными задачами, становится во главѣ, остальныя, не имѣя самостоятельной роли, могутъ оказывать только содѣйствіе главному обществу. Въ составъ такого главнаго общества патронатства обязательно входятъ начальникъ, духовникъ тюрьмы и представитель отъ мировыхъ судей; патронатство должно дѣйствовать въ возможномъ согласіи съ первыми двумя членами ex officio. Патронатство не имѣетъ права отказать въ помощи ни одному изъ освобождаемыхъ изъ данной тюрьмы, оно должно входить въ сношенія съ различными благотворительными учрежденіями, представлять отчетъ о своей дѣятельности, нанимать агентовъ для посѣщенія арестантовъ въ тюрьмѣ и пріисканія имъ занятій. Такимъ образомъ, патронатство получило полуоффиціальную организацію. Но и до того уже давно въ одной лишь Англіи можно было съ увѣренностью сказать, что почти ни одинъ изъ освобождаемыхъ изъ тюрьмы и нуждающійся въ помощи для опредѣленія на мѣсто, а до такого опредѣленія въ средствахъ существованія, не оставался безъ таковой помощи [1]). Ни въ какой другой странѣ такого блестящаго положенія не было и нѣтъ до сихъ поръ. Наиболѣе дѣятельныя въ континентальной Европѣ патронатства—бельгійскія—возникли лишь со времени закона 1888 г. объ условномъ осужденіи; они быстро развились, такъ что, по свѣдѣніямъ 1894, г. въ одномъ только уѣздѣ (arrondissement) не было патронатства; получаютъ они помощь отъ государства, но едва ли, разумѣется, располагаютъ такими крупными средствами, какъ англійскія, а слѣдовательно, и едва ли могутъ оказывать помощь освобождаемымъ въ такомъ же размѣрѣ. Во Франціи, Пруссіи и Австріи число обществъ патронатства неизмѣримо меньше числа тюремъ.

Всякому сколько нибудь знакомому съ судебнымъ дѣломъ извѣстно, какое громадное, рѣшающее значеніе имѣетъ помощь въ первое время послѣ

[1]) Согласно докладу Rev. G. P. Merrick (Report to Her Majesty's Commissioners on the operations of discharged prisoneers' aid societies, 1896 г. стр. 5) изъ числа освобожденныхъ въ отчетный годъ—169.137 человѣкъ—воспользовались помощью патронатствъ 26.000 человѣкъ.

освобожденія, когда судимость и въ особенности пребываніе въ тюрьмѣ совершенно лишаютъ выпущеннаго возможности получить какой либо заработокъ, въ виду всеобщаго къ нему недовѣрія, и какъ бы наталкиваютъ на преступленіе; какой громадный процентъ общаго числа рецидивовъ обусловливается именно невозможностью получить честное занятіе послѣ тюрьмы.

Но англійскія общества патронатства не ограничиваютъ своей дѣятельности попеченіемъ надъ выпускаемыми изъ тюремъ, они опекаютъ, помогаютъ и надзираютъ за условноосужденными, и благодаря этому только судьи англійскіе признавали возможнымъ примѣнять этотъ полезный институтъ въ 1896 г. въ 39.907 случаяхъ [1]).

Этимъ не ограничиваются, разумѣется, виды широко и могуче развившагося въ Англіи патронатства до и послѣ преступленія; оно тѣсно связано съ многообразными благотворительными учрежденіями.

Нельзя не упомянуть также о стройной организиціи рабочихъ домовъ и всего попеченія о бѣдныхъ (poor law), имѣющихъ бюджетъ около 90 милліоновъ рублей въ годъ. Такая стройная постановка попеченія о бѣдныхъ несомнѣнно въ значительной степени закрываетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ преступности—нищету. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что не даромъ инспекторъ лучшихъ въ континентальной Европѣ тюремъ—бельгійскихъ—Адольфъ Принсъ признаетъ англійскія тюрьмы образцовыми и выше бельгійскихъ.

Въ нихъ есть то, чего въ значительной мѣрѣ (въ бельгійскихъ благодаря злоупотребленію одиночною формой заключенія) нѣтъ вовсе въ тюрьмахъ и тюремномъ режимѣ континентальной Европы,—системы, которая бы такъ, какъ въ Англіи, была проникнута извѣстными педагогическими цѣлями—исправленія хотя и не малолѣтнихъ, а взрослыхъ людей.

Система эта состоитъ [2]) въ томъ, что присужденныхъ къ сколько нибудь продолжительному заключенію первые 9 мѣсяцевъ выдерживаютъ въ одиночномъ заключеніи и почти безъ производительной работы, затѣмъ работа является во второмъ періодѣ уже въ видѣ благодѣянія. Долгосрочныхъ большею частью наряжаютъ на государственныя общественныя работы (public works) на открытомъ воздухѣ (Чатамъ, Пиркхерстъ, Портландъ, Портсмутъ, Вокингъ). Третій періодъ—это періодъ досрочнаго условнаго освобожденія. Поведеніе арестанта отмѣчается марками и слу-

---

[1]) Aschrott.

[2]) Подробнѣе см. мою работу «Арестантскій трудъ», Prins, указ. соч., стр. 38 и слѣд.

житъ основаніемъ не только для наградъ, но и для вознагражденія за работу; вознагражденіе это, однако, не выдается на руки, а передается обществу патронатства. Вся система называется прогрессивной, съ переходомъ изъ класса въ классъ по числу марокъ за поведеніе, вся она разсчитана такъ, чтобы арестантъ видѣлъ, что собственными добрыми усиліями и стараніями онъ можетъ улучшить свое положеніе, перейти въ классъ, гдѣ больше свободы и довѣрія, перейти отъ безработицы къ работѣ на свѣжемъ воздухѣ и, наконецъ, заслужить довѣріе для досрочнаго освобожденія. Это цѣлая система возрожденія, строго, послѣдовательно проведенная, съ занятіемъ трудомъ 87% общаго числа арестантовъ въ каторжныхъ тюрьмахъ и $75^{6}/_{7}$% въ мѣстныхъ (несмотря на то, что здѣсь содержатся и подслѣдственные). Такимъ образомъ, если теперь подвести итоги преимуществамъ Англіи, то мы должны отнести къ таковымъ. образцовый тюремный режимъ, систему въ мѣрахъ наградъ и дисциплины, установленіе всѣхъ дисциплинарныхъ наградъ и взысканій на единственномъ вѣрномъ мѣрилѣ добрыхъ наклонностей арестанта—трудѣ; правильную, здоровую и согласную съ государственными и общественными интересами постановку арестантскаго труда. Одиночное заключеніе—эта недоступная континентальной Европѣ (за исключеніемъ Бельгіи) по дороговизнѣ мѣра—примѣняется въ Англіи въ сравнительно очень ничтожной степени; только извѣстную небольшую части заключенія проводятъ арестанты въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ весь день и все время работы проводятъ вмѣстѣ и только на ночь разъединяются; для разъединенія же на ночь, какъ извѣстно, есть цѣлый рядъ способовъ (клѣтки и т. д.), которые устраняютъ необходимость въ устройствѣ одиночныхъ камеръ. Рядомъ съ тюрьмой и съ не меньшимъ значеніемъ для дѣла борьбы съ преступленіемъ выступаютъ мѣры предупредительно-попечительныя; всякій безъ исключенія выходящій изъ тюрьмы и нуждающійся въ помощи пристраивается правильно организованными обществами патронатства къ честному занятію и усиліями этихъ патронатствъ возвращается въ ряды нормальнаго общества; далѣе, благодаря industrial schools и reformatory schools, образцово разрѣшенъ важный вопросъ о сокращеніи дѣтской преступности и, вообще, о возможномъ суженіи неизбѣжнаго процесса пополненія контингента преступниковъ изъ рядовъ заброшенныхъ, лишенныхъ нравственнаго и физическаго воспитанія лѣтей. Это, собственно, главное, что сдѣлано непосредственно для борьбы оъ преступленіемъ, косвенно же могущественно вліяетъ на это дѣло правильная постановка попеченія о бѣдныхъ и другія филантропическія мѣропріятія.

Теперь становится яснымъ, почему англичане не увлекаются ссылкой; результаты ихъ тюремной системы, дѣйствующей съ 1877 г., дѣйствительно блестящи, тюремное населеніе, какъ каторжныхъ, такъ и мѣстныхъ тюремъ не только не уволичилось за время съ 1878 года, а уменьшилось болѣе, чѣмъ на 40%. Лучшаго и желать нельзя и такимъ образомъ въ Англіи найдено средство противъ рецидива, противъ усиленія вообще преступности въ странѣ, а то, что существуетъ въ Англіи, возможно осуществить и въ другихъ европейскихъ государствахъ, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и средствамъ, а развивая и улучшая существующее. Это и можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ взгляда Миттермайера и другихъ, что причина современныхъ неудачъ континентальной Европы въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ не въ тюрьмѣ, а въ неправильной организаціи тюрьмы и необходимыхъ дополняющихъ ее органовъ: патронатства и т. д.

III.

Обращаясь послѣ этихъ предварительныхъ соображеній къ вопросу, поставленному, въ виду Высочайшаго повелѣнія 6 мая 1899 г., всѣмъ русскимъ образованнымъ юристамъ и тюрьмовѣдамъ о томъ, чѣмъ замѣнить сибирскую ссылку, я позволю себѣ остановиться на слѣдующихъ данныхъ. Отчеты по Главному Тюремному Управленію (если даже остановиться на двухъ послѣднихъ — за 1896 и 1897 гг.) указываютъ, что въ Сибирь черезъ Тюменскій трактъ слѣдуютъ ежегодно 2000 съ небольшимъ ссыльно-поселенцевъ, т. е. присужденныхъ къ ссылкѣ какъ наказанію судебными установленіями Имперіи, около 200 бродягъ, около 150 ссылаемыхъ на житье по приговорамъ судовъ и затѣмъ въ административномъ порядкѣ около 1500 непринятыхъ обществами обратно въ свою среду послѣ отбытія наказанія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи и около 2000 удаленныхъ обществами по приговорамъ за порочное поведеніе.

Всѣ эти различныя категоріи лицъ, которыя сливались въ сущности въ сибирской ссылкѣ, не могутъ быть подведены подъ одни и тѣ же условія при замѣнѣ для нихъ ссылки другими мѣрами. Обращаясь прежде всего къ двумъ послѣднимъ категоріямъ, необходимо, казалось бы, прійти къ заключенію, что ни удаленные за порочное поведеніе, ни непринятые обратно послѣ судимости, не могутъ быть въ силу только приговоровъ обществъ, какъ бы къ такимъ приговорамъ ни относиться, заключаемы взамѣнъ ссылки въ тюрьмы, и нынѣ они считались собственно не наказанными и не сосланными, а водворенными на житье.

Съ другой стороны, едва-ли возможно будетъ лишить права удаленія и непринятія обратно и крестьянскія общества, въ виду той отвѣтственности, которую эти общества несутъ за своихъ членовъ и въ настоящее время, а также той общности интересовъ, которая объединяетъ дѣйствительно въ одно, не фиктивное лишь, юридическое, лицо все общество, въ случаѣ нарушенія какимъ-либо преступленіемъ, въ особенности кражей, интересовъ хотя бы одного изъ членовъ общества; все общество въ такихъ случаяхъ считаетъ себя потерпѣвшимъ, а извѣстно, что у насъ, благодаря малочисленности и неудовлетворительности органовъ полиціи, потерпѣвшему нерѣдко приходится самому ловить преступника и защищать свои интересы. Результатомъ такого положенія являются частые самосуды, кончающіеся судомъ въ свою очередь надъ нѣсколькими десятками крестьянъ, находящихся, какъ показываетъ слѣдствіе, положительно въ состояніи какого-то безумнаго и искренняго увлеченія правотою своихъ дѣйствій; не считаться съ этимъ нельзя.

Разумѣется, правильная постановка патроната значительно сократитъ, а можетъ быть и совсѣмъ устранитъ, категорію непринятыхъ обратно въ общество, такъ какъ патронатъ можетъ устроить освобожденныхъ внѣ ихъ обществъ; но категорія удаленныхъ остается во всей силѣ и ей можетъ быть найдено мѣсто только въ рабочихъ домахъ, устроенныхъ по примѣру хотя бы существующаго у насъ въ Ригѣ. Если считать, что такіе удаленные обществомъ за порочное поведеніе могутъ подвергаться выдержанію въ рабочемъ домѣ до двухъ лѣтъ, то все таки въ общемъ на всю Россію необходимо въ разныхъ мѣстахъ устроить рабочіе дома приблизительно всего на 4000 человѣкъ (2000 ежегодно, 2 года—4000—максимумъ). Въ этомъ дѣлѣ вѣроятно можно будетъ разсчитывать на помощь благотворительныхъ учрежденій, какъ и во многихъ другихъ близко соприкасающихся съ тюремнымъ дѣломъ. Во всякомъ случаѣ и удаленные, и непринятые обратно обществами, едва ли должны быть включаемы въ соображенія по измѣненію и дополненію собственно тюремной системы.

Далѣе, категорія бродягъ при совершенной отмѣнѣ сибирской ссылки сократится несомнѣнно значительно; желаніе увидѣть семью, родную сторону, послѣ отбытія наказанія или выдержанія въ рабочемъ домѣ, будетъ осуществимо безъ нарушенія требованій закона, а за отпаденіемъ просто желающихъ повидать семью, въ этой категоріи останется 40, 50 человѣкъ закоренѣлыхъ преступниковъ, упорно отказывающихся объявить о своемъ состояніи; ихъ вѣроятно придется ссылать на островъ Сахалинъ, ибо это самая закоренѣлая, не желающая вовсе возвращенія въ ряды нормальнаго общества категорія преступниковъ.

*

Такимъ образомъ къ распредѣленію и помѣщенію останется 2000 съ небольшимъ въ годъ присужденныхъ по суду къ ссылкѣ и около 150 ссыльныхъ на житье; въ общемъ приблизительно около 2200—2300 человѣкъ въ годъ. Прежде однако выясненія вопроса о размѣщеніи этихъ лицъ въ нашихъ мѣстахъ заключенія, необходимо остановиться на общемъ характерѣ нашихъ мѣстъ заключенія. Ближайшее ознакомленіе съ внутреннимъ строемъ нашихъ мѣстъ заключенія путемъ какъ личныхъ посѣщеній тюремъ, такъ и изученія отчетовъ Главнаго Тюремнаго Управленія и мѣстныхъ привело меня къ убѣжденію въ томъ, что сдѣланныя въ законѣ разграниченія на каторжную тюрьму, арестантское отдѣленіе, губернскую и уѣздную тюрьму въ дѣйствительности на практикѣ не проведены [1]). Каторжныхъ работъ у насъ въ дѣйствительности нѣтъ; я позволилъ себѣ это высказать въ 1897 году, и съ тѣхъ поръ оффиціальныя свѣдѣнія только подтвердили этотъ прискорбный фактъ; затѣмъ провести различіе въ режимѣ между арестантскимъ отдѣленіемъ и каторжной тюрьмой (содержаніе каторжныхъ въ кандалахъ при сколько-нибудь правильной работѣ совершенно невозможно) не только не удалось, но я думаю, что я не встрѣчу возраженія, если скажу, что режимъ арестантскихъ отдѣленій не менѣе строгъ, чѣмъ режимъ каторжныхъ тюремъ и вообще въ арестантскихъ отдѣленіяхъ режимъ лучше выдержанъ, чѣмъ въ другихъ нашихъ мѣстахъ заключенія; это единственное мѣсто заключенія, гдѣ работой занято приблизительно около 50% наличнаго состава арестантовъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ каторжныхъ, какъ, напр., въ Тобольской № 1, было занято въ 1894 году всего 25% наличнаго состава.

Заботы о помѣщеніи въ наши мѣста заключенія прибывающимъ ежегодно въ числѣ болѣе 2000 человѣкъ могутъ поставить на очередь вопросъ и о желательности сохраненія этихъ различныхъ категорій мѣстъ заключенія.

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли надобность сохранить это различіе, когда на практикѣ его осуществить не удалось да и не удастся, ибо въ государствахъ, гдѣ сравнительно неизмѣримо больше тратятъ на тюремное дѣло, чѣмъ у насъ, удалось осуществить только два типа мѣстъ заключенія; одинъ—центральныхъ (ихъ называютъ каторжными, уголовными, цухтгатзами и т. д.) и другой—мѣстныхъ тюремъ. Въ возможности осуществленія только этихъ двухъ типовъ составилось такое твердое убѣжденіе, что, по приглашенію комитета, всѣ государства доставили къ парижскому тюремному конгрессу 1895 г. свѣдѣнія о состояніи своихъ тюремъ,

[1]) См. мою работу „Арестантскій трудъ“.

подводя ихъ подъ двѣ категоріи: центральныхъ и мѣстныхъ. Съ замѣной ссылки заключеніемъ, оставаясь строго послѣдовательнымъ и вѣрнымъ дѣйствующей системѣ, пришлось бы создать новый типъ тюрьмы «ссыльной», которая бы все таки соотвѣтствовала тяжести одного изъ двухъ имѣющихся въ нашей лѣстницѣ «уголовныхъ» наказаній и была бы по своему строю строже арестантскаго отдѣленія и легче каторжной тюрьмы. Какъ видно изъ предыдущаго, это однако неосуществимо.

Исходъ изъ этого положенія можетъ быть найденъ только въ томъ, чтобы отступить отъ нынѣшнихъ различеній и остановиться на двухъ типахъ мѣстъ заключеній: центральнаго и мѣстнаго; къ этому пришли всѣ новѣйшіе проекты уголовныхъ уложеній, всѣ новѣйшіе тюремные законы, къ этому приводитъ сама жизнь и европейская, и наша собственная. Если бы на такомъ предположеніи остановились, то наша лѣстница наказаній не стала бы отъ этого ни богаче, ни бѣднѣе, чѣмъ теперь. Въ ней все-таки на первомъ мѣстѣ для присужденныхъ къ каторгѣ на наиболѣе долгіе сроки остался бы островъ Сахалинъ. Какъ бы ни смотрѣть принципіально на ссылку, едва ли возможно будетъ въ сколько нибудь близкомъ будущемъ отказаться отъ замѣчательно благопріятныхъ условій, которыя представляетъ этотъ островъ для отбытія каторги и ссылки. Это именно прежде всего островъ, съ котораго побѣговъ почти не бываетъ. Это островъ въ культурномъ отношеніи дикій; здѣсь нѣтъ культурнаго населенія которое бы имѣло право претендовать на заселеніе острова преступниками. Далѣе, это—мѣсто, устройство котораго обошлось уже въ 29 милліоновъ рублей; вложивъ такія крупныя суммы въ Сахалинъ, не только желательно, но съ точки зрѣнія государственной совершенно обязательно извлечь изъ этого острова всѣ возможныя выгоды; это использованіе острова Сахалина въ смыслѣ прекрасной пенитенціарной колоніи вполнѣ возможно; заключеніе инспектора сельскаго хозяйства на островѣ Сахалинѣ, фонъ-Фрикена, обязательно и вполнѣ добросовѣстно повторяемое имъ всякому посѣщающему островъ, что о количествѣ годныхъ для обработки на островѣ земель онъ высказаться не можетъ, такъ какъ для этого надо обслѣдовать неизслѣдованныя земли, можетъ, казалось бы, служить основаніемъ для одного только вывода: слѣдуетъ г. инспектору дать надлежащія средства въ смыслѣ помощниковъ и т. д. для выясненія размѣра годныхъ земель и тогда составить примѣрныя предположенія, но никакъ не отмѣнять ссылку на Сахалинъ. Несомнѣнно далѣе, администрація острова можетъ стать на болѣе промышленную ногу и начать не начатую еще организацію промысловъ рыбнаго, капустнаго (въ смыслѣ удобренія), сдѣлать болѣе подробные розыски минеральныхъ богатствъ

и т. д. При обсужденіи вопроса о сохраненіи ссылки на сахалинскую каторгу нельзя не принять во вниманіе, что съ окончаніемъ сибирскаго пути одно изъ главныхъ возраженій противъ сахалинской каторги—дороговизна доставленія на Сахалинъ арестантовъ—падетъ. [1]).

Слѣдующимъ въ лѣстницѣ наказаніемъ могла бы явиться «каторжная» тюрьма; въ ней могли бы объединиться современная каторжная работа и современное исправительное арестантское отдѣленіе, въ ней бы могли найти помѣщеніе и лица, которыя нынѣ присуждены были бы къ ссылкѣ. Для опредѣленія числа «мѣстъ», которыя потребуются при замѣнѣ ссылки заключеніемъ, могутъ послужить слѣдующія соображенія. Ссылка по дѣйствующему уложенію—безсрочная, но затѣмъ для лицъ, сосланныхъ на поселеніе до воспослѣдованія Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 15 мая 1883, 14 ноября 1894 и 14 мая 1896 г., срокъ пребыванія въ ссылкѣ опредѣленъ въ 14 лѣтъ. Если затѣмъ принять во вниманіе значительное отягощеніе участи осужденныхъ, которое послѣдуетъ отъ замѣны пребыванія въ ссылкѣ—на условіяхъ въ сущности совершенно свободныхъ гражданъ—заключеніемъ въ тюрьмѣ, то нельзя не признать, что заключеніе это должно быть назначено на срокъ не свыше 7 лѣтъ. При этомъ условіи ежегодное поступленіе ссыльныхъ въ количесткѣ 2,000 человѣкъ дастъ черезъ 7 лѣтъ 14000 человѣкъ, и это будетъ максимумъ; дальше преступленіе будетъ уравновѣшиваться освобожденіемъ. Вычисленіе это разумѣется приблизительное; чѣмъ длиннѣе будетъ назначенъ срокъ заключенія взамѣнъ ссылки тѣмъ большее число мѣстъ понадобится; во всякомъ случаѣ и указанное число мѣстъ понадобится не сразу, а въ теченіе 7 лѣтъ, ежегодное же увеличеніе потребуется на 2,000 мѣстъ;—это важно въ финансовомъ отношеніи. Затѣмъ, съ примѣненіемъ необходимаго при правильномъ тюремномъ режимѣ института досрочнаго освобожденія, число содержащихся взамѣнъ ссылки еще болѣе значительно сократится.

Чѣмъ же должна быть новая «каторжная» (или центральная, главная) тюрьма, сколько ихъ должно быть и гдѣ онѣ должны быть? Въ этомъ отношеніи представляется, казалось бы, правильнымъ послѣдовать примѣру западно-европейскихъ тюрьмовѣдовъ, и какъ они, не увлекаясь невозможнымъ, стараются найти исходъ въ улучшеніяхъ частичныхъ нынѣшняго положенія, такъ и намъ слѣдуетъ искать этотъ исходъ въ возможныхъ постепенныхъ улучшеніяхъ нашего неизмѣримо болѣе несовершеннаго, чѣмъ западно-европейскій, тюремнаго строя. Въ этомъ отношеніи умѣренное примѣненіе одиночнаго заключенія въ такомъ совершенномъ тюремномъ строѣ, какъ англійскій, значительно облегчаетъ нашу задачу,

[1]) Всѣ эти соображенія нынѣ падаютъ.

избавляя насъ отъ необходимости сдѣлать наши новыя «каторжныя» тюрьмы одиночными,—это важно потому, что сдѣлать этого мы бы не могли; одиночныхъ камеръ у насъ менѣе 6.000 при среднесуточномъ составѣ отъ 77.000 до 100.000 человѣкъ, а постройка ихъ обходится и нынѣ около 1.300 р. и больше за камеру; такимъ образомъ постройка одиночныхъ тюремъ, хотя бы только для заключенныхъ взамѣнъ ссылки, обходилась бы въ теченіе первыхъ 7 лѣтъ (при принятіи вышеприведеннаго разсчета) около трехъ милліоновъ въ годъ.

Съ другой стороны, едва ли правильно было бы отказываться вовсе отъ одиночнаго заключенія въ каторжныхъ тюрьмахъ,— это слишкомъ важное средство во всякой правильной тюремной системѣ.

Поэтому желательно было бы установить, что всѣ долгосрочные арестанты (всѣ присужденные къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ) первые полгода обязательно проводятъ въ одиночномъ заключеніи. При такомъ умѣренномъ примѣненіи одиночнаго заключенія число необходимыхъ одиночныхъ камеръ значительно уменьшится; такъ, собственно для осужденныхъ взамѣнъ ссылки было бы достаточно всего 1.000 камеръ (каждый арестантъ—полгода, всего въ годъ 2.000).

Не останавливаясь на вопросѣ о возможности примѣненія для этой цѣли существующихъ одиночныхъ тюремъ, я позволю себѣ высказать по вопросу, такъ сказать, строительному, о помѣщеніи вновь прибывшихъ взамѣнъ ссылки и о приспособленіи вообще существующихъ мѣстъ заключенія для новыхъ условій, что едва ли желательно строить новыя тюрьмы на новыхъ мѣстахъ. Коренной и неисправимый грѣхъ нашего тюремнаго дѣла—это колоссальное число тюремъ: по отчету за 1897 г.—ихъ 889, при населеніи въ 77.000 человѣкъ [1]), еще въ 1894 году ихъ было 883, при населеніи въ 100.000 человѣкъ, слѣдовательно, число тюремъ увеличивается, несмотря на уменьшеніе населенія; между тѣмъ въ Англіи всего 61 тюрьма при населеніи въ 18 тысячъ человѣкъ, такъ что сообразно съ размѣрами тюремнаго населенія у насъ должно было бы быть не болѣе 200 — 300 тюремъ; объясняется это тѣмъ, что кромѣ численности тюремнаго населенія важное и рѣшающее значеніе въ чрезмѣрномъ увеличеніи числа тюремъ имѣютъ колоссальные размѣры нашей территоріи, громадность разстояній и неустройство путей сообщенія; съ этими факторами придется всегда считаться.

---

[1]) Цифра ненормально малая, объясняемая исключительно примѣненіемъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ 14 ноября 1894 г. и 14 мая 1896 года, значительно сократившихъ время содержанія долгосрочныхъ арестантовъ и освободившихъ много краткосрочныхъ.

Для того, чтобы располагать такимъ громаднымъ числомъ тюремъ и въ то же время осуществить въ нихъ самыя скромныя требованія тюремныхъ архитектуры и благоустройства, у насъ, разумѣется, нѣтъ средствъ; даже такая богатая страна, какъ Англія, приступая къ осуществленію плана тюремной реформы въ 1877 году, прежде всего сократила число тюремъ почти на треть и затѣмъ продолжала постепенно сокращать число оставшихся, такъ что теперь всего 61 тюрьма.

Если мы будемъ строить новыя тюрьмы на новыхъ мѣстахъ, то или мы бросимъ прежнія тюремныя строенія, или будемъ содержать все большее и большее число тюремъ; поэтому-то желательно не отстраивать новыя тюрьмы, а воспользоваться существующими постройками и расширить ихъ, пристроивъ къ нимъ новые флигеля. Но это желательно еще и по другимъ соображеніямъ; новая каторжная тюрьма объединитъ въ себѣ и нынѣшнюю каторжную и нынѣшнее арестантское отдѣленіе; каторжныхъ тюремъ у насъ 7, арестантскихъ отдѣленій 32; эти мѣста заключенія разбросаны по всей территоріи имперіи: такимъ образомъ расширеніе ихъ удовлетворитъ мѣстнымъ потребностямъ различныхъ частей имперіи; вмѣстѣ съ тѣмъ работы по расширенію и постройкѣ тюремныхъ зданій составятъ прекрасное, съ точки зрѣнія пенитенціарной, занятіе для арестантовъ соотвѣтственныхъ каторжныхъ тюремъ и арестантскихъ отдѣленій, такъ какъ эти работы предназначаются не для частныхъ лицъ и не въ видѣ конкуренціи частному труду, а будутъ производиться для государства, спеціально для самихъ же арестантовъ; при производствѣ этихъ работъ трудомъ арестантовъ возведеніе всѣхъ необходимыхъ построекъ обойдется гораздо дешевле, а эту сторону нельзя упускать изъ вида.

При тѣхъ же болѣе экономныхъ условіяхъ окажется, вѣроятно, возможнымъ къ существующимъ зданіямъ пристроить флигеля съ одиночными камерами, такъ, чтобы постепенно въ каждой тюрьмѣ была часть камеръ одиночныхъ и чтобы уже въ самомъ зданіи была видна система, идея; одновременно могли бы быть расширены и существующія мастерскія, такъ чтобы въ дѣйствительности можно было въ такое время года, когда наружныхъ работъ нѣтъ, занимать трудомъ всѣхъ, а не часть отбывающихъ наказаніе арестантовъ.

Я не буду останавливаться здѣсь подробнѣе на выгодности возведенія тюремныхъ построекъ трудомъ арестантовъ, на выгодности для тюремъ возведенія собственныхъ кирпичныхъ заводовъ и др. — все это доказано уже опытомъ самихъ тюремъ (подробно въ моей работѣ «Арестантскій трудъ»). Скажу лишь, что при требованіи содержанія всѣхъ долгосрочныхъ арестантовъ (нынѣшняя каторга, ссылка, арестантское отдѣленіе)

лишь первые полгода въ одиночномъ заключеніи и при возможности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости отъ арестантскаго отдѣленія (или даже въ томъ же городѣ) имѣется одиночная тюрьма, воспользоваться камерами этой тюрьмы, явится необходимость не болѣе чѣмъ въ 8 тысячахъ одиночныхъ камеръ, которыя даже при возведеніи наемнымъ трудомъ, а не трудомъ арестантовъ и не хозяйственнымъ путемъ, обойдутся около 10 милліоновъ рублей, а въ дѣйствительности значительно дешевле.

Переходя отъ зданій къ самому внутреннему строю новой тюрьмы, надо сказать, что если въ отношеніи зданій можно было въ значительной степени воспользоваться старымъ, то въ отношеніи режима надо желать полнаго обновленія.

Надо прежде всего, чтобы въ этотъ строй была внесена система, чтобы ясно была поставлена цѣль: не лишеніе лишь арестанта на время свободы дѣйствія, а исправленіе его, подготовленіе его къ возвращенію въ ряды нормальнаго, честнаго общества, чтобы ясно и точно была намѣчена и программа дѣйствій для достиженія указанной цѣли. Введеніе системы въ тюремный режимъ не потребуетъ расходовъ, развѣ прійдется нѣсколько поднять уровень развитія и подготовки тюремныхъ начальниковъ и надзирателей, устроивъ для этого спеціальную школу и возвысивъ нѣсколько вознагражденіе, получаемое этими лицами.

Первымъ звеномъ этой системы, какъ я указалъ уже выше, могло бы быть одиночное заключеніе на полгода; это звено будетъ имѣть очень важное значеніе, оно, главнымъ образомъ, будетъ исполнять роль необходимаго устрашителя послѣ совершенія преступленія; оставляя арестанта въ тоскливомъ, удручающемъ, въ особенности славянскую впечатлительную натуру, одиночествѣ, оно заставитъ его задуматься и надъ собою, и надъ совершеннымъ; изъ небольшаго сравнительно опыта русскихъ тюремъ мнѣ извѣстны потрясающіе примѣры такого воздѣйствія одиночнаго заключенія, вызвавшаго раскаяніе въ совершенномъ и сознаніе въ цѣломъ рядѣ другихъ, остававшихся не обнаруженными, преступленій.

Такимъ образомъ, первая стадія — одиночное заключеніе — устрашая арестанта, будетъ подготовлять почву для второй стадіи, которая уже будетъ посвящена исправленію.

Въ этой стадіи одиночное заключеніе можетъ быть съ успѣхомъ замѣнено разъединеніемъ на ночь путемъ клѣтокъ и другихъ приспособленій.

Самое же исправленіе преступника достигается правильнымъ примѣненіемъ системы, извѣстной въ наукѣ подъ именемъ «прогрессивной», той системы, которая съ такимъ успѣхомъ примѣняется въ англійскихъ тюрь-

махъ, которая отчасти дѣйствуетъ у насъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, и къ полному введенію которой у насъ не имѣется никакихъ препятствій. Эта система вся разсчитана на постепенное возрожденіе арестанта, на развитіе въ немъ сознанія, что онъ не погибъ еще, что онъ можетъ усовершенствоваться, можетъ снискать уваженіе и возвратиться въ ряды нормальнаго общества, и что для этого надо лишь честно, добросвѣстно и охотно трудиться. Вся система наградъ и взысканій основана на правильномъ примѣненіи арестантскаго труда, на занятіи арестантовъ работой.

Такое полное, поглощающее большую часть времени занятіе арестанта трудомъ я считаю совершенно возможнымъ и у насъ независимо вовсе отъ введенія одиночнаго заключенія и даже въ большинствѣ случаевъ при самомъ небольшомъ расширеніи или исправленіи современныхъ зданій. Всякія сомнѣнія въ томъ, что въ русскихъ тюрьмахъ можетъ быть примѣненъ арестантскій трудъ весьма широко, исчезли для меня съ тѣхъ поръ, какъ, ознакомившись съ подлинными отчетами губернаторовъ за 1894 г., я убѣдился, что въ цѣломъ рядѣ уѣздныхъ тюремъ, совсѣмъ бѣдно обставленныхъ, гдѣ содержится около 28% подслѣдственныхъ арестантовъ, были достигнуты прекрасные результаты и было занято работой до 61% арестантовъ; таковы тюрьмы: Струнская (витебской губерніи), Яренская, Устьсысольская, Духовщинская (смоленской) и другія. Ознакомленіе съ ходомъ работъ въ этихъ тюрьмахъ не указываетъ вовсе на какія-либо особо благопріятныя мѣстныя условія, на какой-либо особый составъ арестантовъ или на какую-либо особую изобрѣтательность несомнѣнно усерднаго начальника тюрьмы, это все производство кирпичей, бондарскія издѣлія, строганіе палочекъ для спичекъ, плетенье изъ соломы, обычныя работы портняжныя, кузнечныя, столярныя, починка арестантской одежды. Далѣе нѣкоторыя арестантскія отдѣленія почти превращены въ ткацкія мастерскія по изготовленію холста для тюремъ. Рядомъ съ этими отдѣльными случаями хорошей постановки арестантскихъ работъ мы встрѣчаемся съ такъ называемыми «тюремными фабриками» Царства Польскаго, устроенными на основаніи указа императора Николая I. Не будучи вовсе фабриками, а являясь лишь благоустроенными мастерскими съ надлежащими приспособленіями въ смыслѣ станковъ и съ наемнымъ мастеромъ во главѣ, онѣ занимаютъ большое число рукъ, готовятъ одѣяла, холстъ, сукно *для тюремъ*, а въ случаѣ ненадобности для богоугодныхъ заведеній; работы эти вполнѣ окупаются, направлены на удовлетвореніе потребностей тюрьмы и общества и, слѣдовательно, вполнѣ устраняютъ нареканіе въ конкуренціи вольному труду. Единственное въ сущности ихъ

отличіе отъ обыкновенныхъ тюремныхъ мастерскихъ—наемъ мастера, подъ руководствомъ котораго арестанты работаютъ. Глубокая и правильная «система», положенная въ основу указа императора Николая I, съ успѣхомъ можетъ быть примѣнена и въ другихъ мѣстахъ Имперіи [1]) Въ сущности она отчасти находитъ уже себѣ примѣненіе въ привлеченіи арестантовъ къ работамъ на Великомъ Сибирскомъ пути и изрѣдка въ отдѣльныхъ случаяхъ при другихъ общественныхъ работахъ. Желательно, однако, чтобы въ Россіи, гдѣ столько вѣтвей широко развившейся администраціи, гдѣ такъ велики армія и флотъ, послѣдовали отчасти примѣру Англіи и Бельгіи, которыя значительную часть арестантскаго труда примѣняютъ на возведеніе крѣпостей и другихъ государственныхъ сооруженій, на изготовленіе различныхъ предметовъ для арміи и флота. При примѣненіи этого принципа и при выдержаніи правила, въ силу котораго все необходимое для тюрьмы изготовляется обязательно арестантскимъ трудомъ, для послѣдняго будетъ найдено достаточное и правильное примѣненіе, въ особенности для каторжныхъ тюремъ [2]).

Ознакомленіе съ положеніемъ арестантскаго труда въ русскихъ тюрьмахъ приводитъ къ убѣжденію, что если этотъ трудъ пока мало развитъ, то не потому, что существуютъ какія-либо непреодолимыя препятствія для его развитія, а по другимъ причинамъ.

Первая и главная причина та, что правильной постановкой работъ—недостаточно интересовались, не сознавалась въ достаточной мѣрѣ вся громадная первостепенная важность для тюрьмы и здороваго тюремнаго

---

[1]) Ближайшія подробности въ работѣ моей «Арестантскій трудъ».

[2]) Подобное же устройство работъ мы находимъ и въ Румыніи.

Присужденные къ каторжнымъ работамъ (munca silnica) отбываютъ наказаніе при государственныхъ солеваряхъ; здѣсь въ 1897 г. (Raport general asupra Inchisorilor centrale 1898, стр. 38 и 50) нашли себѣ примѣненіе всѣ 1.125 человѣкъ, присужденные къ каторжнымъ работамъ.

Для присужденныхъ къ исправительной тюрьмѣ (1 753 чел.) и заточенію (reclusionari — 761 чел.) устроены при различныхъ тюрьмахъ государственныя мастерскія: переплетная, работающая для различныхъ вѣдомствъ (Вакаресци), ткацкая (Платоресци)—для тюремъ, портняжная (Вакаресци) тоже для тюремъ, рогожная и матная, тамъ же; затѣмъ имѣется еще нѣсколько мастерскихъ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ для занятія арестантовъ.

Кромѣ того, арестанты исправительныхъ тюремъ занимаются обязательно (Lege asupra Regimuli Inchisorilor 1896, Regulament general pentru penitenciarele centrale art 83) сельскими работами на спеціально отведенныхъ участкахъ; въ ежегодныхъ отчетахъ, однако, объ этихъ работахъ не упоминается.

режима правильной постановки арестантскаго труда. Всѣ остальныя причины являются, такъ сказать, послѣдствіемъ этой первопричины.

Все дѣло веденія работъ было оставлено на полное попеченіе начальника тюрьмы, предоставлено его энергіи и любви къ дѣлу, ни контроля, ни помощи не было. При такихъ условіяхъ положеніе начальника тюрьмы было очень затруднительное.

Дѣйствительно, онъ не зналъ и не могъ знать, какія работы производятся даже въ сосѣднихъ тюрьмахъ, ибо не было органа, который бы собиралъ, объединялъ и сообщалъ эти свѣдѣнія.

У него не было никакихъ заказовъ постоянныхъ (большею частью), ибо объ этомъ тоже центральное вѣдомство, которое одно могло бы войти въ сношеніе съ другими вѣдомствами, не заботилось, и даже весьма многое для надобностей самаго тюремнаго вѣдомства изготовлялось не трудомъ арестантовъ, а по заказу у частныхъ лицъ. У него не было (большею частью) ни по одному изъ ремеселъ никакихъ инструментовъ.

И, наконецъ, у него не было никакого оборотнаго капитала, который бы давалъ ему возможность пріобрѣсти необходимые инструменты и матеріалъ для обработки. При такихъ условіяхъ тюремныхъ работъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не было, а портные, столяры, щеточники и т. д., попадавшіе въ тюрьму за какое-либо преступленіе, поступали туда со своими инструментами и исполняли своими инструментами заказы частныхъ лицъ, которыя приносили и свой матеріалъ.

Перечисленныя причины вполнѣ объясняютъ, почему въ нашихъ тюрьмахъ не было и нѣтъ работъ, но не можетъ быть сомнѣній, что все это причины вполнѣ и легко устранимыя, разъ только будетъ устранена главная причина, т. е. разъ будетъ признано, что заведеніе въ тюрьмахъ работы столь же важно и необходимо, какъ шитье бѣлья и платья, прокормленіе арестантовъ и т. д.

Тогда, разумѣется, весьма легко будетъ собрать отъ начальниковъ тюремъ свѣдѣнія о производящихся въ тюрьмахъ работахъ, составить систематическій обзоръ всѣхъ производящихся работъ и условій ихъ производства. По выясненіи, что и какъ могутъ производить тюрьмы, можно составить и общій планъ распредѣленія работъ для надобностей тюремнаго вѣдомства, принять и добиться заказовъ.

Разъ это будетъ сдѣлано, останется только купить необходимые инструменты и матеріалъ и нанять для извѣстныхъ болѣе сложныхъ работъ мастеровъ. Для этого нужно, очевидно, имѣть оборотный капиталъ, но его пока нѣтъ, ибо «фондъ для развитія арестантскихъ работъ» во всѣхъ 889 тюрьмахъ имперіи равнялся въ 1897 г.—395, 910руб. 80 коп.;

это, разумѣется, капиталъ недостаточный для веденія работъ при 5060 тысячахъ рабочихъ.

Но можетъ ли возникать сомнѣніе въ согласіи на ассигнованіе такого капитала, когда бѣдная Италія ассигновала для этой цѣли около двухъ милліоновъ франковъ, когда есть полное основаніе разсчитывать на возмѣщеніе этого капитала, когда арестантскій трудъ доставитъ государству въ лицѣ различныхъ отраслей администраціи, и прежде всего тюремной, громадныя выгоды, когда наконецъ устройство правильныхъ арестантскихъ работъ есть главное условіе, чтобы тюрьмы наши изъ разсадниковъ порока и нравственной заразы превратились въ значительной мѣрѣ въ заведенія исправительныя, способствующія государству въ его борьбѣ съ преступленіемъ.

Въ 1894 году, за который мною подведены были итоги въ моей работѣ объ арестантскомъ трудѣ, получено было отъ арестантскаго труда чистаго дохода 1,081,000 рублей; это былъ самый большой доходъ за все время существованія тюремнаго управленія, и тѣмъ не менѣе въ общемъ только въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ въ среднемъ было занято около 50% наличнаго состава арестантовъ, въ каторжныхъ значительно меньше (а въ одной даже всего 25%), въ губернскихъ 28% и въ уѣздныхъ $20^{19}/_{20}$%.

Нынѣ доходъ этотъ значительно понизился и опредѣлился въ 1897 г. въ суммѣ—988 тысячъ, но и притомъ въ доходъ казны отчислено 288,388 рублей. Казалось бы, не можетъ быть сомнѣнія, что такой крупный производитель заслуживаетъ государственнаго кредита и притомъ кредита для улучшенія постановки работъ.

Несомнѣнно, что при систематичности веденія работъ самою тюремною администраціей занятіе арестантовъ съ 50% и даже съ 28% удастся довести до 80% занятыхъ арестантовъ изъ наличнаго состава. Разумѣется, при такомъ усиленіи занятій арестантовъ не слѣдуетъ преслѣдовать однѣ промышленныя выгоды; главная цѣль арестантскаго труда все-таки, съ одной стороны, воздѣйствіе на арестанта въ видахъ пріученія его къ повиновенію, къ честному, труду а съ другой стороны—ознакомленіе его съ какимъ нибудь ремесломъ, которое ему давало бы возможность по выходѣ изъ тюрьмы найти себѣ занятіе [1]).

Рядомъ съ трудомъ въ этомъ исправительномъ періодѣ заключенія

---

[1]) Въ упомянутой моей работѣ я сдѣлалъ попытку представить планъ, какія работы ,предпочтительно могутъ вестись съ успѣхомъ въ нашихъ тюрьмахъ и какія ведутся нынѣ.

совершенно необходимы религіозныя наставленія, школа и библіотека, все это, разумѣется, въ скромныхъ размѣрахъ первоначальнаго образованія котораго у большинства арестантовъ не имѣется. Если трудъ представленъ въ нашихъ тюрьмахъ пока слабо, то удовлетвореніе религіозныхъ и умственныхъ потребностей совсѣмъ отсутствуетъ, а между тѣмъ изъ свѣдѣній, сообщавшихся своевременно въ «Тюремномъ Вѣстникѣ.» въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда пытались устраивать бесѣды, поученія, школы, чтенія съ фонарями, библіотеки—все это вызывало неописуемый восторгъ и благодарность арестантовъ, проявлявшихъ поразительное вниманіе и прилежаніе.

И выше всего этого должна быть поставлена отсутствующая «система» въ самихъ отношеніяхъ къ арестанту, въ веденіи его; «система», которая проявится и въ разницѣ заданнаго ему работнаго урока, и въ наградѣ, и во взысканіи съ него, и въ оказываемомъ ему по сравненію съ другими арестантами довѣріи и т. д., но все это систематично, выдержанно, такъ, чтобы система составляла душу всего дѣла, и трудъ, развивательныя и поучительныя средства, дисциплинарныя взысканія и возможно разнообразныя награды были бы средствами для достиженія одной общей цѣли—постепеннаго возрожденія арестанта, убѣжденія его въ томъ, что онъ можетъ исправиться и вновь пріобрѣсти уваженіе согражданъ, вновь стать нормальнымъ гражданиномъ. что ему нечего смотрѣть на себя и свою судьбу безнадежно и считать всякія старанія излишними, никуда не ведущими. Тутъ возможно установленіе «отрядовъ», какъ у насъ въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, или классовъ, какъ въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, и постепенный переводъ изъ класса въ классъ, возможна выработка и одного общаго для всѣхъ тюремъ дисциплинарнаго устава, но въ то же время многое въ подробностяхъ примѣненія системы слѣдуетъ довѣрить такту и умѣнью начальника тюрьмы.

Послѣдней стадіей въ тюремной системѣ—должно быть досрочное условное освобожденіе. Институтъ этотъ самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ, образомъ связанъ со всей прогрессивной системой тюремнаго режима, такъ какъ досрочное освобожденіе составляетъ высшую награду въ той системѣ наградъ, которая примѣняется тюремнымъ начальствомъ для того, чтобы вызвать желаніе у арестанта исправиться, трудиться, хорошо вести себя, это высшая приманка, вліяніе которой на всѣхъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ закоренѣлыхъ, вполнѣ неотразимо, это логическій выводъ изъ всей прогрессивной системы; такъ какъ самая главная цѣль тюремнаго заключенія не безцѣльное каранье, а исправленіе арестанта, то съ того момента, когда преступникъ признается исправившимся, его не

надо болѣе держать въ тюрьмѣ, а слѣдуетъ освободить. Несомнѣнно, что досрочное освобожденіе—громадная сила въ рукахъ тюремнаго начальства, что этимъ путемъ начальникъ можетъ оказывать громадное психическое вліяніе на арестантовъ, и что поэтому, разумѣется, желательно не лишать этой силы и нашихъ начальниковъ тюремъ.

Никакихъ затрудненій къ введенію этого института (при одномъ условіи, о которомъ я скажу ниже) у насъ въ Россіи я не вижу, я не сомнѣваюсь, что и при нынѣшнемъ составѣ начальниковъ тюремъ и тюремныхъ надзирателей онъ могъ бы вполнѣ успѣшно примѣняться; тѣмъ болѣе успѣхъ его будетъ обезпеченъ при условіи нѣкотораго поднятія уровня образованія, развитія и обезпеченія этихъ лицъ.

Институтъ досрочнаго освобожденія примѣняется во всей Европѣ: въ Англіи съ 1853 г., Саксоніи съ 1862, Германіи съ 1871, Даніи съ 1873, въ Голландіи съ 1881, во Франціи съ 1885, Бельгіи 1888; и Италіи 1889; вездѣ этотъ институтъ далъ прекрасные результаты. Нигдѣ сила репрессіи отъ этого не пострадала и пострадать не могла, ибо досрочно освобожденный изъ тюрьмы только въ такомъ случаѣ освобождается отъ части наказанія, если поведеніе его въ періодъ испытанія, на свободѣ, было одобрительно; въ противномъ случаѣ онъ отбываетъ не только отсроченное ему наказаніе, но и наказаніе за новое преступленіе; такимъ образомъ репрессія ничего не теряетъ.

Нѣкоторыя законодательства, какъ, напр., бельгійское (въ новомъ внесенномъ бельгійскимъ министромъ юстиціи Бегремомъ 17 января 1899 г. въ палату проектѣ измѣненія закона 1888 г.), предлагаютъ опредѣлять испытательный періодъ не размѣромъ той части наказанія, которая отсрочена, а на другихъ основаніяхъ не менѣе двухъ лѣтъ при наказаніи за первое преступленіе и не менѣе 5 лѣтъ для рецидивистовъ. Это уже вопросъ подробностей, который не измѣняетъ сути дѣла.

Не касаясь поэтому вопроса о томъ, въ какой именно формѣ можетъ быть введенъ въ Россіи институтъ досрочнаго освобожденія, я позволяю себѣ только выразить увѣренность въ полной возможности такого введенія при одномъ условіи—это условіе—созданіе у насъ обществъ патронатства при каждой тюрьмѣ.

Значеніе патронатства, котораго у насъ пока въ Россіи совсѣмъ нѣтъ (у насъ нѣтъ даже 10 обществъ патронатства), не исчерпывается, разумѣется, возможностью при существованіи патронатства вполнѣ спокойно и увѣренно освобождать арестантовъ досрочно; значеніе патронатства такъ велико, что можно смѣло утверждать, что какъ бы хороша ни была тюрьма, она безъ патронатства принесетъ вредъ, а не пользу. Несомнѣнно, что

связь обоихъ учрежденій велика. Чѣмъ лучше тюрьма, чѣмъ больше въ населеніи увѣренности, что въ тюрьмѣ не развращаютъ, а исправляютъ преступниковъ. тѣмъ, разумѣется, легче для патронатства выполненіе его задачи по реклассированію, по возращенію въ ряды нормальнаго общества бывшихъ преступниковъ, отбывшихъ наказаніе или досрочно освобожденныхъ. Но все же, какъ бы хороша ни была тюрьма, самое существо этого наказанія состоитъ въ томъ, что оно вырываетъ преступника изъ нормальной жизни, отчуждаетъ его еще больше, чѣмъ совершенное имъ преступленіе, отъ этой нормальной жизни, порывая всѣ его связи съ знакомыми, близкими и даже отчасти и семьею; а затѣмъ, выхвативъ его изъ жизни, ставитъ его въ постоянное и продолжительное соприкосновеніе съ самыми негодными, самыми преступными элементами во всей странѣ. Понятно, почему при такихъ условіяхъ на вышедшемъ изъ самой совершенной тюрьмы имѣется какъ бы «клеймо» тюремнаго сидѣльца, почему мирные и вполнѣ естественно нѣсколько трусливые граждане относятся съ недовѣріемъ къ тюремному сидѣльцу, почему, наконецъ, при этомъ недовѣріи лицъ совершенно для нихъ чужихъ, при утерѣ ими тѣхъ немногихъ знакомствъ и связей, благодаря которымъ единственно и человѣку вполнѣ незапятнанному едва удается пріискать себѣ занятіе и средства къ существованію, освобожденному не только трудно, но прямо невозможно пріискать себѣ честное занятіе, а не пріискавъ честнаго занятія и не имѣя никакихъ средствъ существованія (какъ показываютъ статистическія данныя, приведенныя у Варга и другихъ, въ числѣ преступниковъ—подавляющее большинство неимущихъ), остается, чтобы не умереть съ голоду, идти вновь на преступленіе, идти въ рабочіе къ тѣмъ мастерамъ воровскаго и всякаго другаго преступнаго промысла, которые занимаются этимъ промысломъ чрезъ наемныя руки, нанимая такихъ оставшихся безъ работы и безъ средствъ существованія для совершенія преступленія и отбирая потомъ отъ нихъ $^{9}/_{10}$ добытаго преступленіемъ.

Въ этомъ положеніи тюрьма, самая совершенная, ничего не поможетъ, а между тѣмъ помочь въ эту минуту человѣку, котораго судьба, весь строй нашей жизни, какъ бы насильственно, умышленно толкаетъ на преступленіе, найти ему честное занятіе, а до пріисканія таковаго дать ему средства просуществовать—необходимо; эту благородную задачу можетъ исполнить только патронатство, какъ союзъ изъ людей, являющихся представителями того же общества, которое не принимаетъ обратно въ свою среду выпущеннаго изъ тюрьмы. Оно одно въ состояніи замѣнить ему недостающія связи, познакомившись съ нимъ предварительно въ тюрьмѣ, убѣдившись, что онъ имѣетъ серьезное намѣреніе честно трудиться, со-

знательно и вполнѣ добросовѣстно рекомендовать его хозяевамъ, руководить имъ въ первое время послѣ освобожденія; только такой союзъ имѣетъ и возможность побороть предубѣжденіе и совершить великое, важное дѣло реклассированія бывшаго преступника, для какового дѣла тюрьма является лишь подготовительнымъ и вспомогательнымъ учрежденіемъ.—Но если патронатство и имѣетъ столь важное значеніе для дѣла борьбы съ преступленіемъ, то, можетъ быть, зато устройство обществъ патронатства и обезпеченіе успѣшной ихъ дѣятельности требуютъ такихъ особенныхъ условій и такихъ громадныхъ средствъ, что введеніе патронатства въ Россіи было бы такъ же затруднительно, какъ превращеніе всѣхъ нашихъ тюремъ въ одиночныя? Наоборотъ, для введенія патронатства никакихъ препятствій нѣтъ, никакихъ подготовленій не надо, а затраты, сравнительно съ громаднымъ нашимъ тюремнымъ бюджетомъ, были бы самыя незначительныя.

Если патронатства у насъ въ Россіи нѣтъ до сихъ поръ, то не потому, что къ этому существовали особыя препятствія, или, что русское общество не сознавало надобности въ участіи общества въ этомъ дѣлѣ, а потому, что не было создано формъ, въ которыя могло бы вылиться такое участіе, что это участіе не было предусмотрѣно закономъ, а въ то же время своимъ мнимымъ существованіемъ (на бумагѣ) губернскіе и уѣздные комитеты общества попечительнаго о тюрьмахъ занимали то мѣсто, которое могло, которое должно было быть предоставлено живымъ и желающимъ дѣйствовать обществамъ патронатства. Занятіе мертвою формою попечительнаго общества мѣста является причиною, почему у насъ дѣти арестантовъ содержатся при родителяхъ въ тюрьмѣ и культивируются въ будущихъ преступниковъ, почему у насъ такъ мало исправительныхъ колоній, почему у насъ въ тюрьмахъ такъ мало школъ и «добровольцевъ», преподавателей, почему, однимъ словомъ, дѣло борьбы съ преступленіемъ ведутъ не администрація и общество, какъ бы слѣдовало, а одна администрація. На дѣлѣ устройства пріютовъ для дѣтей арестантовъ я убѣдился, какъ легко образовать небольшіе комитеты для одной изъ цѣлей патроната, насколько въ обществѣ находишь готовую почву, ясное сознаніе въ необходимости его помощи и горячее желаніе помочь и личнымъ трудомъ и денежными средствами. Стоитъ провести одну сессію съ присяжными засѣдателями, все равно—въ глухомъ ли уѣздномъ городкѣ или въ столицѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что они ясно и поразительно вѣрно и глубоко понимаютъ важное значеніе патронатства въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ. Два учрежденные мною въ провинціи пріюта содержатся въ значительной мѣрѣ на пожертвованія присяжныхъ засѣдателей;

здѣсь, въ Петербургѣ, среди присяжныхъ тоже возникаетъ нерѣдко желаніе устроить что-либо для малолѣтнихъ преступниковъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія.

Въ этомъ отношеніи роль и положеніе товарища прокурора въ уѣздѣ и вообще товарища прокурора, наблюдающаго за тюрьмой, совершенно незамѣнимы и дѣлаютъ его вполнѣ естественно центромъ будущихъ патронатствъ. Являясь ближайшимъ и интеллигентнымъ, во имя правосудія и гуманности, руководителемъ извѣстной тюрьмы, товарищъ прокурора въ то же время пользуется въ качествѣ всеобщаго естественнаго, прирожденнаго въ уѣздѣ юрисконсульта, въ качествѣ обвинителя, постоянно вступающаго въ сношеніе съ присяжными засѣдателями, въ качествѣ лица, дающаго заключенія на съѣздѣ и наблюдающаго за законностью въ уѣздѣ,—большими симпатіями и уваженіемъ со стороны, какъ присяжныхъ, такъ и другихъ членовъ общества; по должности, по службѣ ему приходится больше, чѣмъ всякому другому чину, вступать въ сношенія съ самыми разнообразными слоями мѣстнаго общества. И вотъ, мнѣ кажется, естественно этому-то лицу поручить образованіе обществъ патронатства при каждой тюрьмѣ.

Не надо для этого только выжидать окончательнаго упраздненія попечительнаго о тюрьмахъ общества, упраздненіе это можетъ быть произведено однимъ указомъ съ перенесеніемъ всѣхъ функцій этого общества на тюремную администрацію, которая и теперь, въ сущности, по мѣрѣ силъ исполняетъ всѣ функціи этого давно умершаго общества; но моментъ упраздненія можетъ наступить не такъ скоро, а между тѣмъ новыя патронатства не вступятъ и не могутъ вступить въ какой-либо конфликтъ съ комитетами попечительнаго общества, ибо послѣдніе окончательно сосредоточились на завѣдываніи тюремнымъ хозяйствомъ и больницами.

Для возможности образованія общества патронатства надо только создать примѣрный уставъ съ опредѣленіемъ круга и порядка дѣятельности такихъ обществъ, а затѣмъ, разославъ такой уставъ товарищамъ прокурора, наблюдающимъ за тюрьмами, возложить на нихъ образованіе обществъ съ правомъ приглашенія тѣхъ или другихъ лицъ изъ мѣстнаго общества. Я не сомнѣваюсь, что не прошло бы и полугода, какъ вся Россія покрылась бы сѣтью горячо сочувствующихъ своему дѣлу небольшихъ обществъ патронатства, и было бы сдѣлано на скромныхъ началахъ великое дѣло, которое постепенно бы росло, развивалось въ многосторонное участіе общества въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ.

Не касаясь подробностей, можно, казалось бы, при образованіи этихъ обществъ остановиться на слѣдующихъ началахъ.

Общества имѣютъ цѣлью пріискивать занятія освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія и обезпечивать имъ извѣстныя средства существованія впредь до поступленія освобождаемыхъ на мѣсто; на общества же возлагается надзоръ, руководство и попеченіе за освобождаемыми какъ досрочно такъ и по совершенномъ отбытіи наказанія; имъ же предоставляется на началахъ, предусмотрѣнныхъ въ уставѣ о содержащихся подъ стражей (т. е. съ полученіемъ изъ тюрьмы корма), основывать пріюты для дѣтей арестантовъ, въ которыхъ такія дѣти помѣщаются до освобожденія родителей изъ тюрьмы. Общества патронатства образуются при извѣстной тюрьмѣ, состоятъ подъ руководствомъ участковаго товарища прокурора изъ начальника тюрьмы, его помощника, духовника и учителя тюрьмы (если послѣдній въ тюрьмѣ имѣется) и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ товарищъ прокурора признаетъ возможнымъ пригласить въ члевы; рекомендуется приглашать членовъ изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ населенія, не исключая мѣстныхъ ремесленниковъ и крестьянъ. Участіе членовъ выражается какъ въ личномъ содѣйствіи по пріисканію мѣстъ и другихъ заботахъ объ освобождаемыхъ изъ тюрьмы преступникахъ и дѣтяхъ арестантовъ, такъ и въ денежныхъ взносахъ (или же продуктами и вещами), причемъ размѣръ такихъ взносовъ не опредѣленъ. Общества въ согласіи съ товарищемъ прокурора и тюремнымъ начальствомъ возлагаютъ на одного изъ своихъ членовъ посѣщенія и ближайшее ознакомленіе съ отбывающими наказаніе въ тюрьмѣ преступниками; на избраннаго члена возлагается выясненіе намѣреній отбывающихъ наказаніе относительно будущаго своего устройства послѣ освобожденія изъ тюрьмы и разъясненіе имъ, на какую помощь и при какихъ условіяхъ они могутъ разсчитывать со стороны общества. Въ случаѣ надобности, общества въ помощь членамъ, пріискивающимъ занятія для освобождаемыхъ, могутъ приглашать за извѣстную плату наемнаго агента, а также устраивать пріютъ для освобождаемыхъ, впредь по пріисканія имъ занятій; хотя предпочтительнѣе помѣщеніе ихъ въ семьи. Общества обязываются входить въ сношенія не только со всѣми благотворительными учрежденіями данной мѣстности, но и съ патронатами другихъ губерній. Желательно, разумѣется, образованіе какихъ-либо окружныхъ обществъ, цѣль которыхъ была бы — исключительно служить посредникомъ и справочнымъ бюро между патронатами различныхъ мѣстностей. Ежегодно общества представляютъ отчеты въ главное тюремное управленіе. Средства общества слагаются изъ взносовъ членовъ, изъ пожертвованій посторонниихъ лицъ, изъ доходовъ отъ имущества, буде таковое имѣется, и отъ различныхъ вечеровъ, спектаклей и др., которые бы устраивались въ пользу общества. Въ то же время

тюремное вѣдомство изъ той части чистаго дохода отъ арестантскихъ работъ, которая зачисляется въ доходъ казны, назначаетъ извѣстное пособіе обществу соразмѣрно съ числомъ лицъ, находящихся на его попеченіи, Если согласно сдѣланнымъ выше предположеніямъ для правильнаго и широкаго веденія арестантскихъ работъ будетъ занятъ извѣстный оборотный капиталъ, то и за отчисленіемъ процентовъ на этотъ капиталъ и доли погашенія несомнѣнно крупная сумма изъ чистаго заработка отъ арестантскаго труда поступитъ въ доходъ казны; часть этой суммы смѣло, съ громадною пользою для дѣла, можетъ быть израсходована на поддержаніе обществъ патронатства.

Въ общемъ, главное, не слѣдуетъ смотрѣть на устройство обществъ патронатства какъ на дѣло сложное, когда оно въ дѣйствительности очень просто; не надо предъявлять этимъ обществамъ, въ особенности въ началѣ, особо строгихъ требованій, помня, что если этимъ обществамъ удастся помѣстить хоть часть освобождаемыхъ, то и то, сравнительно съ настоящимъ положеніемъ, будетъ достигнуто громадное улучшеніе. Не слѣдуетъ ихъ слишкомъ регламентировать, ибо излишняя регламентація несомнѣнно умалитъ желаніе работать въ такомъ чисто «доброхотномъ» дѣлѣ. Наконецъ слѣдуетъ обезпечить возможно легкія сношенія и взаимную помощь патронатствъ различныхъ мѣстностей имперіи другъ другу.

Съ постановкой арестантскаго труда на надлежащія начала и съ введеніемъ патронатства будетъ сдѣлано самое существенное, возможное въ области судебно-тюремныхъ законодательства и администраціи. Несомнѣно, что и арестантскій трудъ въ новой постановкѣ и патронатства должны быть введены не только въ новыхъ каторжныхъ тюрьмахъ, но и въ тюрьмахъ мѣстныхъ: губернскихъ и уѣздныхъ. Это совершенно необходимо и понятно почему: по той же самой причинѣ, по которой при замѣнѣ ссылки нельзя ограничиться заботами о размѣщеніи присужденныхъ къ ссылкѣ въ мѣста заключенія.

Въ самомъ дѣлѣ, отмѣной ссылки затрагивается участь не только ссыльныхъ, а участь всего дѣла борьбы съ преступленіемъ въ странѣ, ибо устраняется одно изъ тяжелыхъ, вопросъ другой—насколько дѣйствительныхъ, средствъ борьбы съ преступленіемъ; это дѣло становится въ новое положеніе, оставаясь, главнымъ образомъ, если не единственно, съ однимъ средствомъ для борьбы — тюрьмой, средство же это въ настоящемъ его видѣ никуда не годится. Поэтому то въ силу вещей и слѣдуетъ, и необходимо заняться возможнымъ улучшеніемъ этого средства, но разумѣется не въ высшемъ только его видѣ—центральной тюрьмы, а въ видѣ мѣстной тюрьмы и опять-таки по той же причинѣ, такъ какъ дѣло борьбы съ

преступленіемъ или преступностью одно, и сама преступность, какъ бы ни были разнообразны ея виды, тоже одна, причемъ свободное развитіе легкихъ видовъ преступности подготовляетъ тяжкихъ преступниковъ, кандидатовъ для центральныхъ тюремъ.

Не говоря о томъ, что патронатство даже болѣе осуществимо при мѣстныхъ тюрьмахъ, такъ какъ реклассировать преступниковъ менѣе тяжкихъ, судившихся всего можетъ быть одинъ разъ, гораздо легче, чѣмъ болѣе тяжкихъ, но и правильная постановка арестантскаго труда, разумѣется, если не преслѣдовать цѣли устроить фабричное производство, вполнѣ возможна въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Въ этомъ отношеніи я приводилъ уже изъ моей работы объ арестантскомъ трудѣ въ Россіи примѣры нѣсколькихъ тюремъ, гдѣ работы были поставлены вполнѣ образцово; эти примѣры и условія, при которыхъ работы производились, убѣждаютъ въ томъ, что слѣдуетъ только упорядочить это дѣло, дать возможность начальникамъ тюремъ имѣть хотя бы свѣдѣнія о работахъ, которыя вообще производятся съ успѣхомъ въ такихъ тюрьмахъ, имѣть небольшой оборотный капиталъ для закупки матеріаловъ и инструментовъ и наконецъ имѣть хоть одну комнату для мастерской, а можетъ быть при особенно счастливыхъ условіяхъ участокъ земли при тюрьмѣ,—и работы несомнѣнно пойдутъ въ уѣздныхъ тюрьмахъ успѣшно, привлекая къ себѣ не только осужденныхъ, но и послѣдственныхъ арестантовъ.

Но нѣкоторыя улучшенія въ этихъ тюрьмахъ осуществить будетъ трудно; такъ, несомнѣнно, что устроить въ нихъ одиночное тюремное заключеніе, хотя бы и въ самомъ маломъ размѣрѣ, возможно будетъ не скоро, что вообще эти тюрьмы во многихъ отношеніяхъ будутъ отставать отъ центральныхъ и именно потому, что ихъ слишкомъ много, что ихъ прямо колоссально много, что, благодаря нашимъ пространствамъ и путямъ сообщенія, число мѣстныхъ тюремъ уменьшить едва ли когда нибудь будетъ возможно, а поставить въ вполнѣ хорошія условія столько тюремъ не хватитъ никакихъ средствъ, тѣмъ болѣе, что извѣстныя усовершенствованія возможны и окупаются только въ зданіяхъ большого размѣра. А между тѣмъ населеніе мѣстныхъ тюремъ крайне велико, гораздо больше населенія центральныхъ тюремъ, и среди него есть элементы, которые еще можно было бы спасти; въ этихъ тюрьмахъ гибнутъ дѣти, для которыхъ нѣтъ ни исправительныхъ колоній, ни особыхъ помѣщеній, въ нихъ гибнутъ осужденные впервые, новички преступнаго дѣла, которые закаляются въ этихъ тюрьмахъ и разъ навсегда подготовляются къ торному пути преступленія.

Обѣ эти категоріи преступниковъ желательно поэтому, въ интересахъ той же успѣшной борьбы съ преступностью въ странѣ, вывести изъ тюрьмы,

Для удаленія дѣтей указанъ путь закономъ 2 іюня 1897 г., но надо создать средства для его осуществленія, надо обратиться къ призыву частной благотворительности,—и въ этомъ отношеніи уваженіе и любовь мѣстнаго населенія къ судебнымъ органамъ весьма помогутъ,—къ громаднымъ штрафнымъ деньгамъ; надо сочетать усилія государственныя и частныя, но нельзя оставлять дѣтей въ тюрьмахъ, надо для нихъ создать особыя учрежденія—исправительныя.

Затѣмъ пора, давно пора, изъ нашихъ несовершенныхъ мѣстныхъ тюремъ вывести новичковъ преступленія, людей еще неиспорченныхъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ случайнаго увлеченія, или, лучше сказать, надо ихъ не вывести изъ тюрьмы, а не впускать ихъ туда, не вырывать ихъ изъ рядовъ нормальнаго общества, которое, какъ показалъ мнѣ долголѣтній опытъ и многочисленные вердикты присяжныхъ засѣдателей, смыслъ которыхъ они мнѣ сами же поясняли, предпочитаетъ сохранить такихъ новичковъ въ своихъ рядахъ, чѣмъ отдавать ихъ въ тюрьму, гдѣ они развращаются и становятся настоящими преступниками, которымъ нѣтъ возврата въ ряды нормальнаго общества. Пора, однимъ словомъ, давно пора, ввести у насъ условное осужденіе; вопросъ о возможности введенія его разработанъ въ послѣднее время съ достаточною подробностью, устраняющеюся казалось бы, всякія сомнѣнія въ томъ, что введеніе этого института у насъ не ослабитъ уголовной репрессіи, не ослабитъ, будто бы, и безъ того слабаго чувства законности у нашего народа; что, наконецъ, введеніе этого института не встрѣтитъ никакихъ препятствій въ организованіи ни соотвѣтственной статистики, ни соотвѣтственности надзора, въ особенности въ случаѣ устройства у насъ правильнаго патронатства.

Но какъ бы ни хороши были тюремныя учрежденія и тѣ спеціальныя учрежденія, которыя къ нимъ примыкаютъ, но всего этого будетъ крайне мало, покуда общество не прійдетъ на помощь и не займется осушеніемъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ питается преступность въ странѣ: нищеты и заброшенности, одичанія, тѣсно связанныхъ съ нищетой.

Въ этомъ отношеніи мы опять встрѣчаемся съ необходимостью въ устройствѣ рабочихъ домовъ, въ введеніи правильнаго налога въ пользу бѣдныхъ, какъ единственнаго средства упорядочить дѣло борьбы съ нищетой, въ необходимости устроить и у насъ особаго рода школы для заброшенныхъ дѣтей. Все это еще впереди въ темнотѣ будущаго, но нельзя неупомянуть, что на горизонтѣ сильно просвѣтлѣло съ появленіемъ попечительства о домахъ трудолюбія, что типъ ольгинскихъ пріютовъ много можетъ сдѣлать для «дѣтскаго» вопроса, что то же попечительство, можетъ быть, признаетъ возможнымъ впослѣдствіи явиться иниціаторомъ и рабочихъ домовъ.

Во всякомъ случаѣ можно сказать лишь одно, что съ отмѣной ссылки въ Сибирь дѣло борьбы съ преступленіемъ въ Россіи становится въ болѣе культурныя, общеевропейскія, условія, что, благодаря этой отмѣнѣ, вопросъ о тюремной реформѣ въ Россіи еще болѣе назрѣлъ, причемъ стало совершенно ясно, въ какомъ направленіи надо реформировать наши тюрьмы и въ чемъ недостатки въ нашей постановкѣ дѣла борьбы съ преступленіемъ, недостатки, которые могутъ быть устранены только при дружномъ содѣйствіи правительства и общества.

Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ [1]).

I.

Проектомъ уголовнаго уложенія [2]) вводится въ наше право новый институтъ — возстановленія утраченныхъ по суду правъ, извѣстный въ западно-европейскомъ законодательствѣ подъ названіемъ реабилитаціи.

Институтъ этотъ зародился еще въ римскомъ правѣ, гдѣ онъ носилъ названіе in integrum restitutio, изъ римскаго перешелъ во французское право, а затѣмъ бельгійское [3]), итальянское и португальское. Въ послѣднее время, онъ былъ реформированъ во Франціи и Португаліи и введенъ въ Норвегіи и кантонахъ Швейцаріи: Невшателѣ, Аппенцелѣ и Женевѣ [4]).

Введеніе и реформа на новыхъ началахъ института реабилитаціи является лишь одной изъ мѣръ, осуществляемыхъ и частью осуществленныхъ уже преобразовательнымъ движеніемъ въ современныхъ уголовныхъ правѣ и процессѣ европейскихъ государствъ.

Основныя положенія этого преобразовательнаго движенія извѣстны: измѣнился самый взглядъ на преступленіе и наказаніе; въ преступленіи

---

[1]) Статья была напечатана въ декабрьской кн. „Журн. Мин. Юст.“ 1895 г. и имѣла въ виду лишь проектъ угол. улож. 22 марта 1903 г. Угол. уложеніе Высочайше утверждено, но въ дѣйствіе введены лишь отдѣлы, предусматривающіе государственныя и религіозныя преступленія. Въ дальнѣйшемъ указаны измѣненія, сдѣланныя въ утвержденномъ законѣ противъ законопроектовъ.

[2]) Ст. 33 по ред. 1882 г. и 28 по ред. 1895 г.; нынѣ ст. 31 Высоч. утвержд. 22 марта 1903 г. угол. улож.

[3]) Изъ бельгійскаго права онъ исчезъ со времени закона 26 марта 1833 года (бывшія статьи 619—634 Code de l'instr. pén.).

[4]) Annuaire de législation étrangère, 1881, 1884, 1885. A. Brasseur, Théorie et pratique de la Réhabilitation, p. 126.

не видятъ болѣе грѣха, который долженъ повлечь за собой, какъ логическое послѣдствіе, наказаніе; оставивъ этотъ чисто-церковный взглядъ на общественные вопросы, современныя законодательства смотрятъ на преступленіе, какъ на общественное зло, вредъ, съ которымъ надо бороться; поэтому-то и вся карательная система подвергается критикѣ съ точки зрѣнія цѣлесообразности; оставленъ прежній принципъ остракизма, изверженія преступника изъ общества, лишенія его огня и воды, клейменія, и выставлено новое положеніе о необходимости наоборотъ, по возможности быстро и неизгладимо, уничтожить разобщеніе, которое создаетъ лишеніе правъ и отбытіе наказанія въ стѣнахъ тюрьмы между преступникомъ и обществомъ, такъ какъ именно эти разобщенные легко становятся врагами общества, преступниками; лишаемые закономъ возможности на равныхъ правахъ съ прочими членами общества зарабатывать себѣ средства къ существованію, они иногда, поневолѣ, переходятъ къ единственному, доступному для нихъ, источнику добыванія средствъ существованія — занятію преступленіемъ, которое въ наше время, подобно всѣмъ другимъ родамъ труда, спеціализировалось и организовалось въ особое ремесло.

Мѣры, принимаемыя современнымъ законодательствомъ съ цѣлью не допустить такого полнаго разобщенія преступника съ обществомъ, двоякаго рода [1]).

Во-первыхъ въ виду врожденныхъ, такъ сказать, неисправимыхъ недостатковъ тюремнаго заключенія, развращающаго и разобщающаго, но не исправляющаго заключеннаго преступника, стараются этотъ видъ наказанія, по возможности, замѣнить, достигнуть цѣлей уголовной репрессіи какимъ-либо другимъ путемъ.

Этимъ цѣлямъ отвѣчаютъ (мы не говоримъ о предположеніяхъ) два института: условнаго досрочнаго освобожденія и условнаго наказанія.

Первый институтъ, возникшій въ Австраліи (англійской колоніи), существующій давно уже въ Ирландіи и Англіи, введенный во всѣ почти современные уголовные кодексы Европы, Мексики, Канады, съ нѣкоторыми измѣненіями въ кодексы штатовъ Сѣв. Америки (good-times act) и предположенный къ введенію проектами уложеній австрійскаго и швейцарскаго, разсчитанъ прямо на то, чтобы внѣшнюю, такъ сказать, репрессію, устрашеніе, замѣнить воздѣйствіемъ на душевныя силы преступ-

---

[1]) Actes du Congrès pénit. inter. de S.-Pétersbourg 1890, vol. 1, p. 735 et suiv. et autres vol Zucker, Einige Criminalistische Zeit u Streitfrage der Gegenwart. Gerichtssaal B. 44 (1891)

ника, вызвать въ немъ желаніе хорошимъ поведеніемъ въ тюрьмѣ добиться сокращенія срока тюремнаго заключенія, а затѣмъ такимъ же поведеніемъ на свободѣ окончательно избавиться отъ извѣстной части (въ большинствѣ 1/3) назначеннаго судомъ наказанія; въ случаѣ дурного поведенія на свободѣ условно освобожденный, до истеченія извѣстнаго срока, можетъ быть вновь заключенъ.

Второй институтъ—условнаго наказанія—болѣе молодой, существующій въ Америкѣ, Англіи, Италіи, Бельгіи, Франціи, Норвегіи и предположенный къ введенію въ Австріи и Швейцаріи, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, лицъ, совершившихъ впервые преступленіе,—людей, въ которыхъ нельзя еще видѣть нравственно испорченныхъ преступниковъ, которыхъ, наоборотъ, слѣдуетъ оградить отъ развращающаго вліянія тюремнаго заключенія, въ особенности, когда послѣднее назначается на короткіе сроки и, слѣдовательно, не можетъ даже устрашить преступника; институтъ условнаго наказанія замѣняетъ краткосрочное заключеніе истребованіемъ отъ преступника обѣщанія вести себя хорошо съ поручительствомъ или только честнаго слова самого преступника или и денежнаго извѣстныхъ судебной власти лицъ; въ случаѣ неисполненія обѣщанія, наказаніе приводится въ исполненіе.

Примѣненіе института условнаго наказанія дало всюду блестящіе результаты.

Такъ, въ Америкѣ, въ Бостонѣ, за время съ 1878 по 1888 годъ изъ 7.251 подвергнутыхъ испытанію на основаніи закона объ условномъ наказаніи 6.359 выдержали это испытаніе благополучно, а для 312 ко времени подведенія итога еще не кончился срокъ испытанія.

Въ Австраліи, въ Новой Зеландіи, съ 1 октября 1886 г. по 31 декабря 1888 года на 203 условно-осужденныхъ 49 не кончили еще срока испытанія и 143 выдержали его прекрасно.

Въ Англіи (An act to permit the conditional release of first offenders in certain cases 50 and 51 Vict. chap. 25) за время примѣненія этого закона въ 1888, 89 и 90 годахъ были условно осуждены 2.530 человѣкъ и изъ нихъ не выдержали испытанія и впали въ новое преступленіе всего 169 человѣкъ.

Во Франціи около 20% условно-осужденныхъ впадаютъ въ новое преступленіе [1]).

Въ Бельгіи за 7 лѣтъ (съ 1888 г.) изъ 132.000 человѣкъ, условно

---

[1]) Bulletin de la Commission Pénitentiaire internationale. Avril 1895, p. 293 et suiv., article de M. Pessina.

осужденныхъ, только 4.000 были подвергнуты наказанію [1]). Относительно Италіи и Норвегіи мы свѣдѣнія не имѣемъ.

Изъ этихъ двухъ институтовъ комиссія по составленію проекта русскаго уложенія, въ проектѣ по редакціи 1882 г. (ст. 21 и 22), предполагала ввести условное освобожденіе; проектъ той же комиссіи 1895 г. (ст. 20) ограничивается однимъ досрочнымъ освобожденіемъ при хорошемъ поведеніи, но не условнымъ, какъ предполагалось въ 1882 г., а безусловнымъ, и притомъ съ сокращеніемъ всего на $^1/_6$ вмѣсто $^1/_3$; такое сокращеніе допускается по новому проекту лишь при заключеніи въ каторжныхъ тюрьмахъ (переводъ на поселеніе) и исправительномъ домѣ и не распространяется на тюрьму, арестъ и заточеніе. Измѣняя, такимъ образомъ, свой первоначальный проектъ, комиссія, какъ сказано въ объясненіяхъ [2]), имѣла главнымъ образомъ въ виду неустройство нашихъ тюремъ и отсутствіе правильно организованнаго надзора полиціи. Отъ введенія же института условнаго наказанія комиссія отказалась въ виду, какъ сказано [3]), «отсутствія еще надлежащихъ указаній опыта о пользѣ его введенія и въ виду теоретическихъ и практическихъ сомнѣній, имъ вызываемыхъ.

Ко второму роду мѣръ, предпринимаемыхъ въ цѣляхъ борьбы съ преступленіемъ и скорѣйшаго возвращенія преступниковъ въ ряды здоровыхъ и полезныхъ членовъ общества, должны быть причислены (мы не говоримъ о патронатствахъ, пріютахъ и т. д.): сокращеніе, или даже полное устраненіе, всякихъ дополнительныхъ наказаній (Nebenstrafen, peines accessoires) и, главнымъ образомъ, лишенія правъ и надзора полиціи и затѣмъ, въ тѣхъ законодательствахъ, которыя знаютъ такое лишеніе,—возстановленіе утраченныхъ правъ, реабилитація.

«Бѣда»,—говоритъ Брауне [4]), одинъ изъ дѣятелей тюремнаго дѣла въ Германіи,—«тому, кто попадетъ въ сѣть этой системы дополнительныхъ наказаній; она затрудняетъ осужденному возвращеніе къ нормальной упорядоченной жизни и именно *внутреннимъ клейменіемъ*, не говоря уже о препятствіяхъ, создаваемыхъ этой системой при поискахъ за честнымъ заработкомъ».

---

[1]) Закревскій, пятый международный пенитенціарный конгрессъ. „Журналъ Министерства Юстиціи“, октябрь, стр. 145.

[2]) Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи, 1895, стр. 195.

[3]) Объясненія, стр. 516.

[4]) Всѣ эти положенія оставлены въ силѣ Высоч. утв. 22 марта 1903 г. угол. улож. (ст. 23).

Приблизительно такъ же рѣшительно и столь же горячо высказался въ нашей литературѣ и по поводу именно нашей системы дополнительныхъ наказаній И. Я. Фойницкій еще въ 1874 г., въ предложеніи его первому съѣзду русскихъ юристовъ въ Москвѣ [1]).

Нельзя не замѣтить, что система дополнительныхъ наказаній представляетъ собой наиболѣе типическій остатокъ оставленнаго ученія о грѣховномъ человѣкѣ и прежнихъ пріемовъ, выражавшихся въ клейменіи преступника; преступленіе наказано, преступникъ отбылъ наказаніе и выпускается на свободу, но преступленіемъ онъ осквернилъ себя, а потому и не можетъ пользоваться тѣми же правами, что и остальные граждане; онъ не клеймится наружно, физически, но и это внутреннее клейменіе (innere Brandmarkung, какъ выразился Брауне) достигаетъ тѣхъ же цѣлей и дѣлаетъ лишеннаго правъ такимъ же паріемъ, какимъ прежде бывалъ клейменый.

Возражаютъ, правда, что такое лишеніе правъ необходимо въ видахъ огражденія общества, среди котораго отбывшіе наказаніе будутъ дѣйствовать, но, какъ замѣтилъ проф. вѣнскаго университета Вальбергъ [3]), не дѣло современнаго государства предупреждать нравственный приговоръ членовъ сословія (по поводу лишенія правъ дворянства); только относительно преступленій, безчестный характеръ которыхъ установленъ, можетъ быть сохранена servitus criminis, вообще же сохраненіе того же рабства преступленію, выраженнаго въ лишеніи правъ, и по отбытіи наказанія, слишкомъ сурово и можетъ уничтожить плоды хорошей системы главныхъ наказаній.

Одно изъ существенныхъ возраженій противъ системы дополнительныхъ наказаній то, что осужденный, лишенный извѣстныхъ, перечисленныхъ въ законѣ, правъ, лишается фактически гораздо большаго числа правъ, неразрывно связанныхъ съ положеніемъ полноправнаго гражданина, во всякомъ случаѣ не можетъ ихъ осуществлять; онъ имѣетъ право, положимъ, быть управляющимъ дѣлами какого либо частнаго лица, но, не имѣя права ходатайствовать въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, онъ не можетъ разсчитывать на полученіе подобнаго мѣста.

Главное же однако то, что для всякаго, самаго скромнаго, дѣла необходимо довѣріе лицъ, ввѣряющихъ свои интересы, а это довѣріе, заранѣе,

---

[1]) Zeitschrift f. die gesam. Strafwissens chaft, 1889, стр. 807 и слѣд. Wider die Polizeiaussicht.

[2]) Необходимость реформы постановленій русскихъ уголовныхъ законовъ по вопросу о лишеніи правъ. Журн. гражд. и угол. права, 1874 г., кн. 5.

[3]) Журн. гражд. и угол права, 1883, кн. 6, стр. 109 и слѣд.

отобрано высшимъ авторитетомъ—судебной властью—у лишеннаго правъ, какъ равно и у отданнаго подъ надзоръ полиціи.

Необходимо однако замѣтить, что отъ лишенія правъ отказались очень немногія дѣйствующія законодательства. Даже новѣйшій проектъ швейцарскаго уложенія въ мотивахъ къ общей части высказываетъ [1]), что «уголовное право не можетъ отказаться отъ лишенія виновнаго почетныхъ гражданскихъ правъ (die bürgerliche Ehrenfähigkeit), если онъ заявилъ себя недостойнымъ этихъ почетныхъ правъ. Въ этомъ случаѣ лишеніе правъ является скорѣе не наказаніемъ, а мѣрой полицейскаго предупрежденія, огражденія общества отъ того, чтобы недостойные не могли участвовать въ выборахъ, быть выбираемыми, отбывать воинскую повинность; по тѣмъ же основаніямъ осужденные лишаются должности и права заниматься извѣстнымъ ремесломъ, родомъ торговли, спеціальнымъ дѣломъ».

Англійское законодательство и португальское (послѣднее, повидимому, лишь при наказаніяхъ исправительныхъ) сохраняютъ [2]) ограниченіе правъ только на время отбытія наказанія въ формѣ заключенія. На основаніи англійскаго закона 33 and 34 Vict Chap. 23 создается понятіе «convict»—лица, состоящаго подъ дѣйствіемъ этого закона, т. е. присужденнаго къ смертной казни, *отбывающаго* наказаніе въ каторжныхъ работахъ, тюремномъ заключеніи съ тяжкими работами, или тюремномъ заключеніи на срокъ болѣе 12 мѣсяцевъ. Такіе конвикты лишаются занимаемыхъ ими въ моментъ осужденія должностей и получаемыхъ пенсій, а равно права занимать какую либо должность, правительственную, общественную, университетскую, корпоративную, быть членомъ парламента и остаются лишенными этого права (должности и пенсіи теряются навсегда), пока не отбудутъ наказанія, или не будутъ помилованы королевой, причемъ однако помилованіе избавляетъ отъ лишенія должности только въ томъ случаѣ, если послѣдовало не позже, какъ черезъ два мѣсяца, послѣ провозглашенія приговора. Пока осужденный находится подъ дѣйствіемъ упомянутаго закона, онъ не можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ; королевѣ, или лицу, ею уполномоченному, за ея печатью, предоставлено назначить администраторовъ къ имуществу конвикта, причемъ однако послѣдній, по выходѣ изъ заключенія, можетъ требовать отчета отъ администраторовъ.

---

[1]) Motive z. d. Vorent. eines Schweiz. Strafg. Allg. Theil Bazel, 1893, стр 68.

[2]) An act to abolish Forfeifures for Treason and Felony and to otherwise amend the law relating thereto (4 t. Iuly 1870) Law Journal 1870 (33 and 34 Vict Chap 23). Annuaire de législation étrangère, 1885, стр. 425 и слѣд. Dr. Franz v. Liszt, La législation pénale comparée 1894.

Въ Португаліи всѣ лишенія правъ политическихъ и гражданскихъ кончаются ipso facto съ отбытіемъ наказанія (заключенія). Въ швейцарскомъ проектѣ, какъ уже сказано, устанавливается срочное лишеніе правъ политическихъ и общественныхъ, а равно права на отбываніе воинской повинности (ст. 29 по исправл. проекту 1894 г.); для рецидивистовъ и присужденныхъ къ цухтгаузу—со времени отбытія ими наказанія; кромѣ того ст. 30 проекта предоставляетъ судьѣ факультативное право, въ случаѣ если подсудимый выказалъ себя недостойнымъ общественнаго довѣрія и занятія какой-либо должности, лишать его этой должности, а равно и права въ теченіе 5—15 лѣтъ быть избраннымъ на какую-либо должность.

Американское право (Соед. Штатовъ) разнообразно: въ нѣкоторыхъ штатахъ существуетъ лишеніе права быть свидѣтелемъ, права занимать должность; въ другихъ этихъ ограниченій нѣтъ [1]).

Кодексы французскій и бельгійскій устанавливаютъ сложныя и многообразныя системы лишенія правъ, но и болѣе новые кодексы, германскій и итальянскій, знаютъ систему пожизненнаго и срочнаго лишенія правъ.

Еще болѣе сильныя возраженія слышатся въ литературѣ противъ учрежденія полицейскаго надзора надъ лицами, отбывшими наказанія [2]). Въ этомъ отношеніи сходятся и тюрьмовѣды, и юристы, какъ теоретики, такъ и практики. Брауне, слова котораго мы привели выше, — духовникъ тюрьмы въ Герлитцѣ и выражаетъ мнѣніе тюрьмовѣдовъ; Бернеръ приводитъ мнѣнія различныхъ французскихъ судовъ, изложенныя въ Enquête parlementaire 1876, Régime des établissements pénitentiaires; всѣ суды отнеслись къ надзору неблагопріятно, а нѣкоторые прямо требовали его отмѣны, такъ какъ онъ наталкиваетъ, по ихъ мнѣнію, на преступленія. По словамъ самой полиціи, надзоръ есть не что иное, какъ безконечное писаніе (приведено Брауне). Бернеръ передаетъ мнѣніе (письменное) одного изъ участниковъ съѣзда тюрьмовѣдовъ въ Бременѣ, Поккельса, утверждающаго, что надзоръ мѣшаетъ возрожденію преступника; самый главный недостатокъ надзора, по мнѣнію Поккельса,—это открытое, офиціальное, его осуществленіе (явка въ полицію, посѣщеніе послѣдней и производимые ею обыски), благодаря которому оглашается пятно прежней судимости поднадзорнаго.

---

[1]) The American and Engl, Encycl Law IV, p. 725

[2]) Archiv f. Strafrecht, 1882, стр. 199 и слѣд. Полож. межд. конгресса юристовъ въ Туринѣ въ 1881. Berner, Polizeiaussicht, Gerichtssaal, 1881, стр. 362 и слѣд.

Необходимо замѣтить, что приведенныя указанія относятся главнымъ образомъ къ организаціи надзора полиціи до начала восьмидесятыхъ годовъ, и что въ послѣднее десятилѣтіе въ этой организаціи произведены большинствомъ европейскихъ государствъ существенныя перемѣны.

Не знаютъ совершенно надзора новые кодексы уголовные: голландскій и португальскій. Французскій Code pénal, со времени закона 27 мая 1885 г., тоже болѣе не знаетъ surveillance de la haute police, которая замѣнена (ст. 19 этого закона) для лицъ, отбывшихъ наказаніе, запрещеніемъ жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ на извѣстный срокъ отъ 5—10 лѣтъ (ст. 57, 58 С. р.); надзоръ за условно освобожденными предположено осуществлять чрезъ общества патронатства (ст. 6 закона 14 августа 1885 г.).

Надзоръ полиціи по новому итальянскому кодексу (ст. 28) сводится къ заявленію полиціи объ избранномъ мѣстѣ жительства и праву полиціи воспретить жительство въ опредѣленныхъ мѣстахъ.

Проектъ швейцарскаго уложенія (ст. 21—23) предполагаетъ осуществлять надзоръ надъ лицами, условно освобожденными, чрезъ тѣ же учрежденія, отъ которыхъ будетъ зависѣть и самое условное освобожденіе, при содѣйствіи обществъ патронатства.

Но, кромѣ того, проектъ предполагаетъ упорныхъ рецидивистовъ, послѣ отбытія ими наказанія, заключать въ особые интернаты, а равно предоставить суду заключать лицъ, совершившихъ преступленіе по лѣни или праздности, взамѣнъ наказанія, или въ дополненіе къ наказанію въ рабочій домъ.

Согласно германскому уложенію (ст. 38 и 89), надзоръ полиціи, который можетъ быть назначенъ на срокъ не свыше 5 лѣтъ, выражается въ воспрещеніи жить въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ правѣ полиціи производить въ квартирахъ поднадзорныхъ обыски во всякое время.

Англійская полиція, строго наблюдая за поднадзорными и располагая широкими правами къ заключенію подъ стражу лицъ, условно освобожденныхъ, въ случаѣ ихъ дурного поведенія, въ то же время пользуется своими обширными знакомствами и связями, а равно и знаніемъ мѣстныхъ условій для доставленія поднадзорнымъ работы. Такимъ характеромъ дѣятельности полиціи смягчается нѣсколько суровость самаго закона [1]). Подъ надзоромъ полиціи состоятъ въ Англіи всѣ условно освобожденные (license granted under the penal Servitude Acts); судъ также мо-

[1]) 34 and 35 Vict chap. 112. The Preventiv of crimes Act. Law Journal 1871 (statutes).

жетъ назначить надзоръ надъ лицомъ, осужденнымъ за преступленіе (crime) на срокъ не свыше 7 лѣтъ; такое лицо, при всякой перемѣнѣ мѣста жительства, обязано явиться въ теченіе 24 часовъ со времени поселенія въ полицію, а при проживаніи въ одномъ и томъ же мѣстѣ являться въ полицію ежемѣсячно. У поднадзорныхъ англійская полиція имѣетъ право производить обыски во всякое время и, въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія въ добропорядочности ихъ поведенія, арестовать.

Въ столь же тяжелыхъ формахъ, хотя на срокъ не свыше 3 лѣтъ, осуществляется надзоръ полиціи и въ Австріи согласно закону 10 мая 1873 г. (§ 9) [1].

Нашъ новый проектъ уложенія (ст. 22—27), сохраняя институтъ пораженія правъ, производитъ въ немъ существенныя измѣненія, приближающія его къ типу этого института въ германскомъ уложеніи (ст. 31—36).

Проектъ прежде всего освобождаетъ отъ пораженія права семейственныя и имущественныя (ограниченіе имущественныхъ правъ сохраняется лишь на время отбытія заключенія) [2]; далѣе, изъ личныхъ правъ и преимуществъ пораженіе не распространяется на ученыя степени, а изъ служебныхъ на выслуженныя пенсіи; затѣмъ, только нѣкоторые виды лишенія правъ будутъ безсрочны, тогда какъ въ настоящее время лишеніе правъ только безсрочное [3].

По проекту предполагается безсрочнымъ: 1) лишеніе правъ состоянія и титула почетнаго достоинства для лицъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ; 2) лишеніе правъ дворянства и почетнаго гражданства и титула почетнаго достоинства для дворянъ и почетныхъ гражданъ, присужденныхъ къ поселенію или исправительному дому; 3) лишеніе должностей, чиновъ, сана, орденовъ, знаковъ отличія, почетныхъ званій для лицъ, присужденныхъ къ смертной казни, каторгѣ, поселенію, или исправительному дому.

Права же, называемыя нынѣшнимъ Уложеніемъ «особенными» и перечисленныя въ п. 1—6 ст. 43 Улож. (за исключеніемъ, слѣдовательно, правъ дворянства, почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ, знаковъ от-

---

[1]) Das Strafgesetz über Verbrechen u. s. w. Manz'sche Gesetz-Ausgabe, 1892, стр. 440 и слѣд.

[2]) Объясненія, стр. 225 и слѣд.

[3]) Угол. улож. 22 марта 1903 г. сравнительно съ проектомъ 1895 г. сдѣлало шагъ назадъ и возстановило утрату правъ семейственныхъ и имущественныхъ въ случаѣ присужденія къ смертной казни, каторгѣ или ссылкѣ на поселеніе (ст. 29 угол. улож).

личія) теряются осужденными на основаніи ст. 24 проекта временно, на опредѣленные сроки.

Приговоренные къ заточенію на срокъ свыше одного года или къ тюрьмѣ, признаются лишенными упомянутыхъ въ ст. 24 проекта правъ на время отбытія наказанія до освобожденія изъ заключенія; лишеніе правъ назначается на извѣстный срокъ и по освобожденіи изъ тюремнаго заключенія, когда послѣднее опредѣлено за нѣкоторыя особо поименованныя въ законѣ преступленія. Кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ прочимъ наказаніямъ присоединяется лишеніе на извѣстный срокъ права заниматься опредѣленнаго рода торговлею, промысломъ и т. д. [1]).

Относительно надзора полиціи (ст. 29 и 30 проекта) надъ лицами, отбывшими наказаніе, проектъ сохраняетъ, съ незначительными измѣненіями, нынѣ существующую систему (ст. 48, 49, 51 и прим. Улож.), сокращая, однако, срокъ обязательнаго пребыванія въ извѣстномъ, избранномъ самимъ поднадзорнымъ или назначенномъ начальствомъ мѣстѣ жительства до полугода и лишая общество права надзора, а, слѣдовательно, и права удаленія и непринятія обратно въ свою среду порочныхъ членовъ общества.

Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ предусматривается ст. 28 проекта по редакціи 1895 г., которая читается такъ: «Лишенный означенныхъ въ ст. 24 правъ можетъ ходатайствовать въ мѣстномъ окружномъ судѣ о возстановленіи ихъ, если прошла половина назначеннаго ему срока лишенія правъ и если притомъ ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ и имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго судебнаго установленія. Порядокъ разрѣшенія ходатайства о возстановленіи правъ установляется особымъ закономъ» [2]).

Проектъ 1882 г. предполагалъ распространить порядокъ возстановленія правъ и на освобожденіе изъ-подъ надзора полиціи [3]); проектъ же 1995 г. это положеніе исключилъ въ въ виду новыхъ предположеній объ

---

[1]) Уголов. улож. въ отношеніи лишенія правъ при тюремномъ заключеніи возстановило сословное начало, угрожая обязательнымъ лишеніемъ правъ за извѣстныя преступленія дворянамъ и лицамъ духовнаго званія.

[2]) Угол. улож. (ст. 31) въ этомъ отношеніи сдѣлало шагъ назадъ, введя оговорку, что возстановленію не подлежатъ права въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ возстановленіе ихъ истеченіемъ какихъ либо сроковъ было бы несогласно съ особыми постановленіями закона.

[3]) Такой порядокъ существовалъ и во французскомъ правѣ, пока не была отмѣнена la surveillance de la haute police.

условіяхъ самого назначенія надзора надъ лицами, отбывшими наказаніе (предоставленіе администраціи права назначать надзоръ) [1]).

Ссылкой на ст. 24 проектъ точно выразилъ, что имъ допускается возстановленіе лишь тѣхъ правъ, которыхъ осужденный былъ лишенъ на время, безъ распространенія института ребилитаціи на утрату правъ сословныхъ, чиновъ и другихъ спеціальныхъ правъ, о лишеніи коихъ говорится въ ст. 22, 23, 25, 26.

Самый порядокъ, процессуальную сторону возстановленія правъ, комиссія предположила опредѣлить особо, въ будущемъ, въ виду чего и представляется интереснымъ остановиться на порядкѣ возстановленія правъ, существующемъ въ государствахъ западно-европейскихъ, а равно и у насъ, въ настоящее время [2]).

II.

Какъ было сказано выше, институтъ реабилитаціи существовалъ уже въ римскомъ правѣ—restitutio in integrum; въ Дигестахъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія выраженія: famoso judicio condemnatus per in integrum restitutus, absolutus, restitutio quam princeps vel senatus indulsit (l. 1 § 10 D. 3,1), restitui in civitatem (l. 56 § 1 D. 35,1). Во французскомъ правѣ этотъ институтъ и даже самое слово «реабилитація» появляется въ ордоннансѣ 1670 г.; въ это время реабилитація имѣетъ своимъ источникомъ милость короля, какъ и помилованіе, и возстановляетъ *bonne fame et renommée* [3]).

Учредительное собраніе обставило реабилитацію особой помпой; реабилитація, которая допускалась лишь послѣ 10-лѣтняго испытанія, торже-

---

[1]) Объясненія, стр. 246.

[2]) Проектъ процессуальныхъ порядковъ возстановленія правъ включенъ въ Муравьевскій проектъ судебной реформы не получившій движенія.

[3]) Dr. K. Heimann, Handlexicon zu d. Qellen des römischen Rechts, 1884. Faustin Hélie, Traité d'instruction criminelle. T. VIII, 1867, chp. II, De la Réhabilitation, p 579 et suiv. Bregeault et Delagarde, Traité de la Réhabilitation des condamnés, 1886. Marcy, Code de procédure pénale de royaume d'Italie 1881, t. II, p. 334 Alfonso Capocelli, Manuale di procedura penale 1888 (ст 224 и сл.). Journal du droit criminel, Morin et Sorel, 1888, p. 196 et 317, 1889, p. 75. Journal du ministère public et du droit criminel, 1890, p. 63 et 93. Brasseur, Théorie et pratique de la Réhabilitation, 1887. Nicolas Alianelli, De la Réhabilitation des condamnés, traduit de l'italien par Sarraute. 1882.

ственно объявлялась предсѣдателемъ суда, въ присутствіи муниципальнаго совѣта, выразившаго особымъ рѣшеніемъ согласіе на реабилитацію живущаго въ предѣлахъ муниципіи. Эта помпа, это открытое оффиціальное оглашеніе прежней судимости еще до рѣшенія суда, благодаря обсужденію того же ходатайства предварительно въ муниципальномъ совѣтѣ и другія стѣснительныя условія настолько повліяли на число желающихъ возстановить свои права, что случаи реабилитаціи были крайне рѣдки и ее едва сохранили при введеніи кодекса 1808 года. Но и въ этотъ кодексъ были внесены различныя ограниченія относительно лицъ, могущихъ претендовать на реабилитацію, и требованіе напечатанія просьбы о реабилитаціи въ оффиціальномъ журналѣ, до разрѣшенія ея судомъ; это требованіе было столь же неудобно, какъ и предварительное обсужденіе въ муниципальномъ совѣтѣ: оно оглашало прежнюю судимость, быть можетъ забытую уже, въ такой моментъ, когда еще было неизвѣстно, увѣнчается ли успѣхомъ ходатайство о реабилитаціи.

Существенныя измѣненія въ постановкѣ института реабилитаціи во Франціи произвели законъ 1842 г., который распространилъ реабилитацію и на присужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ и уничтожилъ для этихъ послѣднихъ требованіе предварительнаго рѣшенія муниципальнаго совѣта, замѣнивъ это рѣшеніе простымъ свидѣтельствомъ мэра, и законъ 1852 г., который отмѣнилъ опубликованіе просьбы въ правительственной газетѣ. Со времени изданія этихъ законовъ, число реабилитируемыхъ стало быстро возрастать: въ 1848 г. ихъ было 114, въ 1865 — 256 и 1884 г.—747.

Истинное значеніе реабилитаціи, какъ самостоятельнаго института, въ ряду другихъ видовъ освобожденія отъ наказанія и послѣдствій его (помилованія, амнистіи) указано было впервые, съ особой ясностью, французскимъ государственнымъ совѣтомъ въ его рѣшеніи 8 іюля 1823 г. [1]). Совѣтъ высказалъ, что «помилованіе имѣетъ своимъ источникомъ милосердіе короля, реабилитація—его чувство справедливости, что помилованіе не уничтожаетъ, не изглаживаетъ судебнаго приговора, а лишь прекращаетъ наказаніе, что, наоборотъ, право на реабилитацію, по закону, осужденный пріобрѣтаетъ только по отбытіи наказанія».

Фостэнъ Эли такимъ образомъ характеризуетъ реабилитацію. «Реабилитація, говоритъ онъ [2]), принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ учрежденій, которыя преслѣдуютъ цѣль возбудить у человѣка желаніе

[1]) Faustin Hélie.
[2]) Ibid., p. 584.

хорошо себя вести и удержать его отъ дурнаго приманкой награды. Реабилитація оживляетъ нравственное чувство въ сердцахъ осужденныхъ и возвышаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, давая имъ надежду вступить опять въ жизнь всего общества и возвратить себѣ всѣ права гражданина. Такимъ образомъ, общество заинтересовано въ развитіи реабилитаціи, путемъ которой достигается не только возвращеніе въ общество полезныхъ людей, возрожденіе потерянныхъ для него членовъ, но и поддержаніе всѣхъ, осужденныхъ во время ихъ долгаго испытанія, мыслью о возможности для нихъ возрожденія, и предохраненіе ихъ отъ нравственнаго паденія увѣренностью, что они будутъ имѣть возможность возвратить себѣ уваженіе общества. Это единственный для нихъ путь къ личному благополучію; если бы и онъ былъ закрытъ, то они, по необходимости, составили бы враждебный по отношенію къ обществу лагерь, потому что имъ больше было бы нечего ждать отъ этого общества. Какъ дѣло справедливости, реабилитація должна быть дѣломъ суда, осужденные не имѣютъ права на помилованіе, но они имѣютъ право требовать реабилитаціи, какъ заслуженнаго».

По мнѣнію Фостена Эли, распространеніе реабилитаціи и на наказанія исправительныя совершенно справедливо. «Недостаточно, говоритъ онъ, чтобы реабилитація возстановляла права; необходимо, чтобы она смывала самое пятно судимости въ такой мѣрѣ, чтобы нельзя было наказывать реабилитированнаго, даже въ случаѣ совершенія имъ новаго преступленія, какъ за повтореніе; разумѣется, такое полное освобожденіе отъ послѣдствій судимости нужно не для того, чтобы понизить наказаніе реабилитированному, а именно, чтобы дать ему сознаніе полнаго забвенія прошлаго».

Прекрасныя мысли Фостена Эли, высказанныя имъ въ 1867 году, нашли себѣ полное осуществленіе лишь въ законѣ 14 августа 1885 года, созданномъ сенаторомъ Беранже и носящемъ общее заглавіе—«закона о средствахъ предупредить повтореніе преступленій: условное освобожденіе, патронатство, реабилитація». Этимъ закономъ придано реабилитаціи настоящее ея значеніе, какъ средства борьбы съ преступленіемъ. Докладчикъ, сенаторъ Беранже [1]), произнесъ 22 марта 1884 года въ сенатѣ блестящую рѣчь о значеніи реабилитаціи и указалъ на необходимость предположенныхъ въ законѣ реформъ. Законъ 1848 г. освободилъ только лицъ, отбывшихъ исправительныя наказанія, отъ представленія удостовѣренія муниципальнаго совѣта, выдававшагося послѣднимъ послѣ предва-

[1]) Annales du Sénat. Débats parlementaires Session ordinaire, 1884, t. 1, 22 mars 184 , p. 754 et. suiv.

рительныхъ совѣщаній и обсужденія ходатайства, замѣнивъ таковое свидѣтельствомъ мэра; для всѣхъ остальныхъ, т. е. отбывшихъ уголовныя наказанія, прежній порядокъ сохранился; между тѣмъ, обсужденіе, до выдачи удостовѣренія, просьбы о реабилитаціи въ муниципальныхъ совѣтахъ сопряжено съ большой оглаской, а подвергающійся такой огласкѣ не можетъ быть даже увѣреннымъ, что въ концѣ концовъ онъ добьется реабилитаціи. «Въ моемъ портфелѣ,—заявилъ Беранже,—лежитъ до 30 просьбъ лицъ, не рѣшающихся, при нынѣшнихъ условіяхъ, рисковать ходатайствомъ о реабилитаціи. У меня есть знакомый, который 18 лѣтъ тому назадъ имѣлъ несчастье растратить часть суммы, ввѣренной ему его теткой (суммы небольшой); онъ былъ въ то время на одной изъ низшихъ должностей въ одномъ изъ провинціальныхъ банковъ; въ теченіе истекшихъ 18 лѣтъ своими трудолюбіемъ, честностью и способностями онъ добился мѣста члена компаніи (associé) въ одномъ изъ крупныхъ банковъ Парижа, онъ всѣми уважаемъ, никто не знаетъ о прежней его судимости и лишь, когда наступаютъ выборы, ему приходится уѣзжать изъ Парижа, чтобы не обнаружить, что онъ не имѣетъ права участвовать въ выборахъ. Вотъ этому лицу пришлось бы обратиться въ муниципальный совѣтъ г. Парижа, въ которомъ онъ проживаетъ давно, огласить никому неизвѣстную свою прежнюю судимость, не будучи въ то же время увѣреннымъ, что ходатайство его о реабилитаціи будетъ въ концѣ концовъ уважено судомъ. Въ виду такихъ затрудненій и представляется необходимымъ замѣнить свидѣтельство муниципальнаго совѣта свидѣтельствомъ одного мэра, свѣдѣнія котораго о личности каждаго изъ членовъ его муниципіи тѣ же, что и у остальныхъ членовъ муниципальнаго совѣта».

Высказавъ пожеланіе, чтобы реабилитація, которая при прежнихъ процессуальныхъ правилахъ для своего осуществленія требовала около года времени, была достигаема быстро, чтобы правила реабилитаціи были настолько ясны, чтобы у ходатайствующаго о возстановленіи правъ могла быть, при извѣстныхъ условіяхъ, полная увѣренность въ благопріятномъ разрѣшеніи его ходатайства, Беранже настаивалъ на томъ, чтобы реабилитація не только возстановляла права, но и изглаживала всякій слѣдъ судимости (effacer), чтобы не только въ casier judiciaire вслѣдъ за приговоромъ дѣлалась запись о реабилитаціи, но чтобы и сама запись уничтожалась [1]).

Главнѣйшія преобразованія, внесенныя закономъ 14 августа 1885 года,

---

[1]) По иниціативѣ того же Беранже это и сдѣлано, на извѣстныхъ условіяхъ, закономъ 5 августа 1899 г.

слѣдующія. По настояніямъ Беранже, была устранена весьма вредно вліявшая на самую возможность реабилитаціи обязательность, даже для лицъ безусловно несостоятельныхъ, уплаты судебныхъ издержекъ, подчасъ весьма крупныхъ, и было допущено представленіе удостовѣренія о несостоятельности (insolvabilité); самый институтъ реабилитаціи получилъ характеръ чисто судебный—окончательное разрѣшеніе ходатайствъ о реабилитаціи предоставлено суду; свидѣтельства о поведеніи отъ муниципальныхъ совѣтовъ замѣнены свидѣтельствами мэровъ; въ случаѣ отказа предоставляется возобновить ходатайство о реабилитаціи не черезъ 5 лѣтъ, какъ прежде, а черезъ 2 года; точно выражено, что реабилитація прекращаетъ всякія послѣдствія судимости, введены заключеніе прокурорскаго надзора и словесныя объясненія просителя передъ судомъ, разрѣшающимъ ходатайство.

Законъ 1885 года имѣлъ, дѣйствительно, благотворное вліяніе: число ежегодно реабилитируемыхъ значительно увеличилось.

Въ Annuaire statistique de la France за годы 1889, 1890 и 1891 собраны данныя относительно числа случаевъ реабилитаціи за время съ 1883 по 1888 годъ (законъ вступилъ въ дѣйствіе 14 августа 1885 г.): 1883—707, 1884—747, 1885—1061, 1886—1432, 1887—1518, 1888—1974, причемъ число реабилитируемыхъ, отбывшихъ исправительныя наказанія, растетъ быстрѣе числа реабилитируемыхъ, отбывшихъ уголовныя наказанія.

Въ то же время число grâces collectives и grâces partielles за тѣ же годы идетъ въ убывающей прогрессіи. Релегація за упомянутое время примѣнялась всего два года, по крайней мѣрѣ, цифры выведены за 1886—232 присужденныхъ, за 1887—276; за то же время осуждено рецидивистовъ въ 1886—1770 и въ 1887—1683. Эти цифры, разумѣется, не даютъ еще права говорить о непосредственномъ вліяніи закона о реабилитаціи на уменьшеніе числа рецидивовъ.

Современное положеніе института реабилитаціи въ западно-европейскихъ государствахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Реабилитація прекращаетъ ограниченія въ правахъ, наложенныя по суду. Лишь въ Португаліи съ введеніемъ уголовнаго кодекса 1884 г., установившаго лишеніе правъ только на время заключенія, реабилитація пріобрѣла особенное значеніе: она является здѣсь возстановленіемъ прежняго состоянія до судимости для лицъ невинно осужденныхъ [1]).

---

[1]) Реабилитація здѣсь соединена съ ревизіей, съ новымъ разсмотрѣніемъ того же дѣла, и является результатомъ ревизіи; весь порядокъ подробнѣе опредѣленъ закономъ 27 февраля 1895 г. (Revue pénitentiaire, 1895, № 6).

По французскому праву реабилитація (ст. 620 Code d'instr. crim.) распространяется на присужденныхъ какъ къ наказаніямъ уголовнымъ, такъ и къ наказаніямъ исправительнымъ; и тѣ, и другія наказанія, на основаніи Code pénal, ведутъ къ ограниченію въ правахъ; за преступленія (ст. 34 С. р.) можетъ быть назначаема dégradation civique (одновременно съ другимъ наказаніемъ или самостоятельно), которая влечетъ за собой лишеніе правъ, перечисленныхъ въ ст. 43 нашего нынѣшняго улож. (за исключеніемъ лишенія чиновъ, титуловъ, сословныхъ правъ); за проступки, судимые въ судахъ исправительной полиціи, судъ можетъ назначать въ опредѣленныхъ, указанныхъ спеціально въ законѣ случаяхъ, на основаніи ст. 42 Code pénal, лишеніе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ въ ст. 34 С. р. правъ; и то, и другое лишеніе правъ безсрочно; реабилитація не распространяется на contraventions de simple police, не вносимыя въ справки о судимости (casier judiciaire).

Въ итальянскомъ правѣ (ст. 837 и слѣд. Codice di procedura penale и ст. 100 улож. итал. 1880 г.) указано, что реабилитаціей отмѣняется безсрочное лишеніе правъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 20 улож., или такое же безсрочное лишеніе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ въ этой статьѣ правъ; на основаніи буквальнаго текста статьи, можно заключить [1]), что даже на срочное лишеніе тѣхъ же правъ реабилитація не распространяется. Лишеніе правъ въ итальянскомъ кодексѣ, называемое l'interdizione dai publici officii, назначается (п. 6 ст. 11 улож.) лишь за преступленія и заключаетъ въ себѣ приблизительно тѣ же лишенія, что и dégradation civique.

Въ Норвегіи, на основаніи закона 9 іюня 1883 г., реабилитація допускается во всѣхъ случаяхъ осужденія за преступленіе или присужденіе къ наказаніямъ позорящимъ, въ томъ числѣ и тюрьмѣ.

Женевскій кодексъ уголовнаго судопроизводства (Code d'instruction pénale) 25 октября 1884 г., съ измѣненіями 1890 и 1891 годовъ, допускаетъ (ст. 483) реабилитацію для всѣхъ присужденныхъ къ исправительному дому (reclusion).

Французскій и итальянскій законы допускаютъ на извѣстныхъ условіяхъ реабилитацію и рецидивистовъ, а французскій и лицъ, совершившихъ преступленіе послѣ реабилитаціи; норвежскій законъ постановляетъ, что реабилитированный въ возрастѣ послѣ 25 лѣтъ, въ случаѣ совершенія послѣ реабилитаціи новаго, позорящаго преступленія, не можетъ быть больше реабилитированъ.

[1]) Strafgesetzbuch f. d. Königreich Italien, übertr. u. erlaut. v Dr Richard Stephan, ст. 20 и 100.

Женевскій законъ вовсе не допускаетъ реабилитаціи рецидивистовъ.

Существенное условіе реабилитаціи, составляющее, такъ сказать, корень самаго института—это отбытіе наказанія, назначеннаго по суду; желающій возстановленія правъ долженъ представить доказательства, что онъ уплатилъ свой долгъ обществу и государству, искупилъ отбытіемъ наказанія совершенное имъ преступленіе; мало того, возмѣстилъ судебныя издержки и удовлетворилъ искъ за вредъ и убытки, причиненные имъ. Реабилитація, какъ принятіе обратно въ среду общества, какъ признаніе вновь полноправнымъ гражданиномъ, какъ возстановленіе въ прежнихъ чести и уваженіи, только и возможна, когда за возстановляемымъ не числится долга ни передъ обществомъ, ни передъ отдѣльными личностями. Это требованіе положено въ основу института реабилитаціи во всѣхъ странахъ. Къ отбытію наказанія приравнивается французскимъ правомъ помилованіе, избавляющее отъ личнаго наказанія. Съ другой стороны, лицо, избавившееся отъ наказанія за давностью, не можетъ претендовать на реабилитацію. Французскіе юристы осуждаютъ исключеніе, дѣлаемое въ этомъ отношеніи новымъ закономъ для денежныхъ взысканій, назначенныхъ какъ наказаніе: согласно новому закону освобожденіе отъ этихъ взысканій за давностью не лишаетъ права на реабилитацію.

Относительно уплаты судебныхъ издержекъ новый французскій законъ допускаетъ представленіе доказательствъ несостоятельности, относительно же удовлетворенія иска за вредъ и убытки и этого смягченія не допускается и необходимо или войти въ соглашеніе съ истцомъ, или отбыть взамѣнъ удовлетворенія иска личное задержаніе (contrainte par corps).

Норвежское законодательство въ этомъ отношеніи допускаетъ смягченіе и требуетъ (ст. 2) или уплаты, или представленія заслуживающихъ вниманія объясненій, почему искъ не могъ быть удовлетворенъ; необходимо, какъ говоритъ законъ, чтобы была проявлена добрая воля, доброе желаніе удовлетворить искъ.

Ни одно законодательство не допускаетъ реабилитаціи немедленно вслѣдъ за отбытіемъ наказанія; необходимо, чтобы отбывшій наказаніе доказалъ, что онъ исправился, пожилъ бы на свободѣ съ соблюденіемъ всѣхъ обязательныхъ условій для такой жизни. Поэтому законъ указываетъ извѣстный срокъ, теченіе коего начинается съ момента отбытія наказанія и ранѣе окончанія коего невозможно представленіе ходатайства о реабилитаціи; въ случаяхъ, когда наказаніе сводится только къ лишенію правъ, срокъ исчисляется со дня произнесенія приговора.

Срокъ назначается французскимъ закономъ 5-лѣтній для лицъ, присужденныхъ къ наказаніямъ уголовнымъ, и трехлѣтній для лицъ, подверг-

шихся исправительнымъ наказаніямъ (ст. 620 Code instr. crim); въ Италіи (ст. 837 C. di proc. pen.), Норвегіи, въ Женевѣ (ст. 484 C. ins. pen) и Невшателѣ [1]) срокъ опредѣленъ одинъ—5 лѣтъ.

Для рецидивистовъ срокъ этотъ увеличивается: итальянскимъ закономъ (ст. 845) и невшательскимъ онъ удвоивается противъ нормальнаго срока, т. е. назначается десятилѣтній; такой же срокъ требуется и французскимъ закономъ (ст. 634) какъ для рецидивистовъ, такъ и для лицъ, совершившихъ преступленіе послѣ реабилитаціи; этотъ срокъ, на основаніи той же статьи французскаго кодекса, сокращается до 6 лѣтъ, если рецидивисты и реабилитированные были присуждены въ послѣдній разъ лишь къ наказанію исправительному.

Въ теченіе вышеописаннаго срока отбывшій наказаніе долженъ, согласно требованіямъ французскаго закона, жить въ одномъ и томъ же округѣ (arrondissement), а послѣдніе два года и въ той же общинѣ; исключеніе (2-ая часть ст. 621 C. i. p.) допускается лишь для лицъ, служащихъ въ военной службѣ, и лицъ, занятія которыхъ требуютъ передвиженій. Итальянскій законъ требуетъ проживанія въ теченіе всѣхъ 5 лѣтъ въ предѣлахъ отечества и послѣднихъ двухъ лѣтъ въ той же общинѣ. Норвежскій законъ, насколько можно заключить изъ смысла статьи 3, предъявляетъ подобное же требованіе.

Порядки подачи и разсмотрѣнія просьбъ о реабилитаціи въ Норвегіи, кантонѣ Женевѣ, Италіи и Франціи, въ особенности въ двухъ послѣднихъ странахъ, имѣютъ большое сходство.

Въ Норвегіи (процессуальная сторона реабилитаціи, къ сожалѣнію, опредѣлена лишь въ общихъ чертахъ ст. 3 и 4 закона 9 іюня 1883 г.) просьба подается фодге [1]), съ присоединеніемъ аттестатовъ муниципальныхъ властей тѣхъ мѣстъ, гдѣ проситель проживалъ послѣднія 5 лѣтъ послѣ отбытія наказанія; фодге передаетъ такую просьбу съ своимъ заключеніемъ суду, а судъ, черезъ префекта, представляетъ ее правительству. Реабилитированіе даруется королемъ, но просьба о реабилитированіи не можетъ остаться неудовлетворенной, если прошло 15 лѣтъ со времени отбытія наказанія, при условіи, разумѣется, хорошаго поведенія, или если прошло 10 лѣтъ со времени отбытія наказанія не выше тюрьмы. Реабилитація прекращаетъ всѣ ограниченія въ правахъ гражданскихъ и политическихъ, въ томъ числѣ и ограниченія правъ избирательныхъ въ муници-

---

[1]) Brasseur, p. 126.

[1]) Начальникъ уѣзда, исполняющій иногда и судебныя функціи судьи въ судѣ третьяго разряда. Demombynes, Constitutions européennes, t. 1, p. 148.

пальные совѣты. Въ кантонѣ Женевѣ (ст. 483—492 Code instr. pénal.) просьба подается единственному высшему суду (cour de justice), засѣдающему и съ присяжными, а также составляющему апелляціонную инстанцію для суда полиціи, съ приложеніемъ копіи обвинительнаго приговора, свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ мэровъ (или ихъ помощниковъ) тѣхъ общинъ, въ которыхъ проживалъ проситель; такія свидѣтельства могутъ быть выдаваемы лишь при оставленіи общины желающимъ получить свидѣтельство. Просьба и приложенія передаются судомъ генеральному прокурору, который возвращаетъ ихъ въ судъ при письменномъ мотивированномъ заключеніи. Судъ, въ составѣ 5 членовъ, разсматриваетъ ходатайство; если судъ отклонилъ ходатайство, то проситель можетъ его возобновить не раньше, какъ черезъ 2 года; если, наоборотъ, судъ удовлетворилъ ходатайство, то рѣшеніе суда вписывается на страницы подлиннаго обвинительнаго приговора о просителѣ и припечатывается въ оффиціальномъ листкѣ. Реабилитація прекращаетъ всѣ ограниченія въ правахъ, вытекающія изъ обвинительнаго приговора; въ текстѣ статьи 490 сказано собственно met fin à toutes les incapacités, прекращаетъ всѣ ограниченія не пріобрѣтенныхъ правъ, а всѣ ограниченія правоспособности, т. е. права быть избраннымъ и т. д., всѣ ограниченія возможности пріобрѣсти права въ будущемъ, но не возвращаетъ утерянаго. Судъ, если найдетъ свѣдѣнія по содержанію ходатайства о реабилитаціи неполными, можетъ, по предложенію прокурорскаго надзора или по собственному почину, потребовать дополненія разслѣдованія.

Всѣ издержки по реабилитаціи падаютъ на просителя.

Въ Италіи (ст. 837—846 Codice di proc. pen.) не выражено точно въ законѣ, кому именно должна подаваться просьба о реабилитаціи, но, насколько можно заключить изъ смысла соотвѣтственныхъ статей устава уголовнаго судопроизводства, таковая подается королевскому прокурору (первая инстанція). Къ просьбѣ должны быть приложены свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ муниципальныхъ властей тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ проситель проживалъ; въ случаѣ перемѣнъ мѣста жительства, свидѣтельства о поведеніи выдаются лишь при оставленіи общины; свидѣтельства эти утверждаются (Questi attestati dovranno essere *confermati*) мѣстнымъ преторомъ и визируются королевскимъ прокуроромъ. Какъ можно предположить, преторъ своей подписью удостовѣряетъ правильность свидѣтельства по содержанію, а прокуроръ то, что свидѣтельство удовлетворяетъ требованіямъ закона.

Просьба, вмѣстѣ съ свидѣтельствами о поведеніи и копіей приговора, въ силу коего проситель былъ лишенъ правъ, передается въ канцелярію

того суда, въ округѣ коего проситель живетъ, откуда поступаетъ въ обвинительную камеру суда. По распоряженію члена-докладчика, просьба сообщается для свѣдѣнія, генеральному прокурору, и въ то же время о подачѣ просьбы пропечатывается объявленіе въ правительственныхъ газетахъ какъ того округа, гдѣ засѣдаетъ судъ, въ который поступила просьба о реабилитаціи, такъ и округа того суда, по приговору коего проситель лишенъ правъ.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ напечатанія, генеральный прокуроръ предлагаетъ обвинительной камерѣ свое письменное мотивированное заключеніе о степени уважительности ходатайства домогающагося реабилитаціи. Обвинительная камера, по выслушаніи заключенія прокурора, въ отсутствіи просителя, высказывается объ удовлетвореніи или отклоненіи ходатайства; если камера найдетъ необходимымъ дополненіе разслѣдованія, или исправленіе какой-либо неправильности, то требованіе камеры исполняется и все ходатайство вносится немедленно же вновь обратно въ камеру.

Если камера выскажется за удовлетвореніе, то прошеніе, вмѣстѣ съ приложеніями, передается черезъ генеральнаго прокурора министру юстиціи, а послѣднимъ представляется королю; если король выразитъ согласіе на удовлетвореніе ходатайства, то королевскій декретъ сообщается обоимъ судамъ: и тому, который разсматривалъ ходатайство о реабилитаціи и тому, который осудилъ, причемъ послѣдній вписываетъ декретъ на страницы подлиннаго приговора; оба суда оглашаютъ въ публичныхъ засѣданіяхъ декретъ и съ этого дня проситель считается реабилитированнымъ. Если камера выскажется противъ удовлетворенія ходатайства, то заявившій ходатайство можетъ возобновить его черезъ 5 лѣтъ.

Чтобы судить о томъ, какія послѣдствія влечетъ за собой по итальянскимъ законамъ реабилитація, необходимо остановиться на сопоставленіи статей 20 и 100 улож. угол. итал.

Въ статьѣ 20 соединены, такъ сказать два рода лишеній, предусматриваемые въ другихъ кодексахъ различными статьями: во-первыхъ, лишеніе правъ пріобрѣтенныхъ—должностей и соединенныхъ съ ними преимуществъ, титуловъ, орденовъ, отличій и т. д., и во-вторыхъ, лишеніе правоспособности, правъ пріобрѣтать, выслуживать эти преимущества. Нѣмецкій переводчикъ итальянскаго уложенія, прокуроръ перваго ландгерихта въ Берлинѣ, докторъ Стефанъ перевелъ первый родъ лишеній Verlust der Rechte, а второй Verlust der Fähigkeit и привелъ эти два вида лишеній въ соотношеніе съ такими же видами, предусмотрѣнными въ § 34 и § 35 германскаго уложенія (Die Aberkennung d. bürgerlichen Ehrenrechte u. die Unfähiget zur Bekleidung öffentlicher Aemter).

Статья 100 итал. улож., согласно буквальному ея тексту возвращаетъ и права пріобрѣтенныя (прекращаетъ die Untersagung), и право на выслугу всѣхъ этихъ преимуществъ (die Fähigkeit), такъ что докторъ Стефанъ (ст. 19) заключаетъ, что реабилитація возстановляетъ даже утерянныя должности (разумѣется, лишь замѣщаемыя королемъ, а не по выбору).

Въ этомъ отношеніи институтъ реабилитаціи въ Италіи существенно отличается отъ такового же во Франціи, который возстановляетъ лишь второе, т. е. право на выслугу (прекращаетъ incapacités), а не самыя утерянныя права.

Такой характеръ итальянской реабилитаціи объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ Италіи реабилитація не вполнѣ судебный институтъ и окончательное дарованіе реабилитаціи зависитъ отъ усмотрѣнія короля. Вѣроятно, поэтому и въ итальянской статистикѣ судебной не всегда имѣется особая графа для реабилитаціи и обозначено иногда лишь число «grazia» [1]), приблизительно около 3000 съ небольшимъ въ годъ (тутъ всѣ виды помилованія и смягченія участи); число реабилитацій въ годъ сравнительно ничтожно, но въ общемъ изъ года въ годъ увеличивается въ 1880 ихъ было 85, въ 1885—144 и въ 1892—288 [2]).

Порядокъ французскій, который очевидно, какъ и весь французскій кодексъ уголовнаго судопроизводства, послужилъ, въ свое время, образцомъ для итальянскаго, преобразованъ въ 1885 г. и представляется въ слѣдующихъ чертахъ (съ 619—634 Code instr. crim.)

Просьба подается прокурору республики и въ ней улазывается время осужденія и мѣста, въ которыхъ проситель жилъ со времени отбытія наказанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно циркуляру министра юстиціи отъ 17 марта 1853 г. [3]), просителемъ должны быть представлены квитанціи въ уплатѣ судебныхъ издержекъ и удовлетвореніи гражданскаго иска (въ предѣлахъ выше указанныхъ).

Прокуроръ республики запрашиваетъ мэровъ тѣхъ общинъ, въ предѣлахъ которыхъ проситель жилъ: 1) о времени пребыванія просителя въ общинѣ, 2) о поведеніи его за это время и 3) о средствахъ существованія просителя за то же время; въ отвѣтахъ мэровъ должно быть упомянуто, что они даютъ отзывы, необходимые для разрѣшенія вопроса о реабилитаціи. Кромѣ того, прокуроръ республики запрашиваетъ мировыхъ

---

[1]) Annuario statistico italiano.

[2]) Statistica giudiziaria penale, 1892 ст. CCXXIII.

[3]) Bregeault, стр 130.

судей тѣхъ кантоновъ и супрефектовъ тѣхъ округовъ, въ которыхъ проситель проживалъ, о его поведеніи.

Свидѣтельства мэровъ замѣняются для военныхъ аттестатами начальства, а для лицъ, занятія коихъ вызываютъ необходимость въ передвиженіяхъ, свидѣтельствами о поведеніи отъ ихъ бывшихъ хозяевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прокуроръ затребываетъ копію приговора, въ силу коего проситель былъ лишенъ правъ, и выпись изъ журнала управленія той тюрьмы, въ которой проситель отбывалъ наказаніе, содержащую въ себѣ свѣдѣнія о его поведеніи.

По полученіи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, прокуроръ республики представляетъ просьбу о реабилитаціи. вмѣстѣ со всѣми приложеніями и съ своимъ, по содержанію ходатайства, письменнымъ мотивированнымъ заключеніемъ генеральному прокурору.

Отъ генеральнаго прокурора всѣ эти документы поступаютъ въ судъ, въ округѣ котораго проживаетъ проситель; какъ прокуроръ, такъ и судъ могутъ потребовать дополненій.

Если дополненія не требуется, то черезъ два мѣсяца по поступленіи ходатайства въ судъ, обвинительная камера постановляетъ рѣшеніе, по предварительномъ выслушаніи словесныхъ объясненій просителя, или его повѣреннаго и словеснаго заключенія прокурора.

Въ случаѣ отклоненія камерой ходатайства, проситель не можетъ возобновить таковаго раньше 2-хъ лѣтъ.

Если, наоборотъ, камера разрѣшила ходатайство въ благопріятномъ смыслѣ, то выдержка изъ ея опредѣленія препровождается въ тотъ судъ, который постановилъ приговоръ о просителѣ, лишившій его правъ, чтобы быть вписанной на страницы обвинительнаго приговора. Затѣмъ дѣлается отмѣтка въ справкахъ о судимости (casier judiciaire), послѣ чего справки о судимости, выдаваемыя сторонамъ, не упоминаютъ уже болѣе о той судимости, просителя, за которую онъ былъ реабилитированъ.

Реабилитація прекращаетъ на будущее время всѣ ограниченія правъ—incapacités, которыя падали на просителя въ силу приговора. И французскіе юристы, руководствуясь словами закона «la réhabilitation efface la condamnation et fait cesser *pour l'avenir* toutes les incapacités qui en resultent» (ст. 634), утверждаютъ, что она не возстановляетъ не только утерянныхъ должностей, но и чиновъ, орденовъ и пенсій; она лишь возвращаетъ права на выслугу всего этого въ будущемъ. Она вообще не возвращаетъ утерянныхъ, пріобрѣтенныхъ до судимости, правъ и ея результаты могутъ быть сведены къ двумъ параграфамъ: къ смытію пятна судимости, выражающемуся въ соотвѣтственныхъ

измѣненіяхъ справокъ о судимости, вліяющихъ въ свою очередь и на разрѣшеніе вопроса о повтореніи преступленія, и затѣмъ къ прекращенію всѣхъ incapacités, крайне многообразныхъ, вытекающихъ изъ dégradation civique, а равно назначаемыхъ самостоятельно, не въ цѣломъ, составляющемъ dégradation civique, а въ отдѣльности — при peines corectionelles (наказаніяхъ исправительныхъ).

Какъ видно изъ предыдущаго, порядки реабилитаціи во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ особенности же въ Италіи и Франціи, имѣютъ много общаго. Тѣ же удостовѣренія о поведеніи, выдаваемыя муниципальными совѣтами и отзывы мировыхъ судей или преторовъ, а во Франціи и тюремнаго начальства; тѣ же заключенія прокурорскаго надзора о степени уважительности ходатайства; то же опредѣленіе обвинительной камеры, разрѣшающее ходатайство—во Франціи окончательно, а въ Италіи лишь въ смыслѣ представленія на усмотрѣніе короля; то же публичное объявленіе опредѣленія о реабилитаціи, какъ судебнаго приговора, и вписаніе его на страницы прежняго обвинительнаго приговора. Весь порядокъ представляетъ собой какъ бы повтореніе процесса: съ дознаніемъ и слѣдствіемъ, заключеніемъ прокурорскаго надзора и рѣшеніемъ обвинительной камеры, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ— уплаты бывшимъ подсудимымъ своего долга государству и частнымъ лицамъ и нравственнаго его исправленія. Это какъ бы новое опредѣленіе о непреданіи суду, о прекращеніи всякаго судебнаго преслѣдованія, причемъ это судебное опредѣленіе и даетъ, главнымъ образомъ, всему дѣлу реабилитаціи характеръ особаго правового института, а этотъ характеръ судебный и отличаетъ реабилитацію отъ другихъ видовъ помилованія и освобожденія отъ послѣдствій судимости.

III.

И въ странахъ, гдѣ реабилитація не оформилась въ особый правовой институтъ, она все-таки существуетъ, какъ особый видъ проявленія милосердія главы государства, отличный отъ помилованія.

Въ Пруссіи, на основаніи королевскаго указа 30 декабря 1852 и циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ 18 іюня 1853 г. ходатайства о реабилитаціи представляются королю министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ сношеніи съ министромъ юстиціи [1]). Въ Испаніи реаби-

[1]) Strafgesettzbuch f. d. Konigr. Italien uberz. v. Dr. Stepan, 1890, стр. 59.

литація тоже даруется королемъ, хотя проситель долженъ исполнить условія указанныя въ уставѣ угол. суд. [1]). И въ Россіи, въ настоящее время, ходатайства о возстановленіи утраченныхъ по суду правъ разрѣшаются въ порядкѣ особыхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министра юстиціи [2]).

Сама жизнь вызываетъ эти ходатайства. Дѣйствительно, сколько лицъ лишенныхъ правъ, остается въ предѣлахъ Европейской Россіи и сколько возвращается туда же, изъ ссылки: исключенные изъ службы и отрѣшенные отъ должности въ порядкѣ п. 1 и 2 ст. 65 Улож.; лишенные нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ; отбывшіе арестантское отдѣленіе, или тюрьму, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, если общества пожелаютъ ихъ принять обратно; лица, не принятыя обществами послѣ отбытія только-что упомянутаго наказанія по истеченіи указаннаго въ ст. 520 Уст. ссыльн. пятилѣтняго срока, сокращаемаго въ силу всемилостивѣйшихъ манифестовъ до трехлѣтняго, имѣютъ право возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи, за исключеніемъ лишь тѣхъ губерній, откуда они были высланы; сосланные на житье въ другія, болѣе или менѣе отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи; лица, сосланныя на поселеніе и на житье въ Сибирь, имѣютъ право, въ силу всемилостивѣйщихъ манифестовъ 14 ноября 1894 г. (ст. IV, п. 10, 11 и 13), 15 мая 1883 г. (ст. VII, п. 7 и 8), а равно Высоч. указа 17 апрѣля 1891 г. (п. 3, 4, 5) (поселенцы—при условіи одобрительнаго поведенія и разрѣшеніи мѣстнаго генералъ-губернатора), возвратиться въ предѣлы Россіи по истеченіи со дня водворенія для поселенцевъ—14 лѣтъ и сосланныхъ на житье—12 лѣтъ. Наконецъ и сосланные въ каторгу, по переводѣ ихъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, пользуются тѣми же льготами, причемъ, при условіи хорошаго поведенія, сроки перечисленія каторжныхъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, въ силу п. 9 ст. VII всемилостивѣйшаго манифеста 15 мая 1883 г. и п. 12 ст. IV всемилостивѣйшаго манифеста 14 ноября 1894 г., могутъ быть сокращены, по распоряженію мѣстнаго генералъ-губернатора, на $^1/_3$. Возвращеніе въ Россію не возстановляетъ однако утраченныхъ правъ, лишеніе правъ безсрочно.

Такимъ образомъ всѣ эти люди, выброшенные изъ среды общества, возвращаются въ него обратно; нельзя упрекнуть наши уголовные за-

[1]) Къ сожалѣнію, не имѣется перевода испанскаго кодекса уголовнаго судопроизводства на французскій или другой общераспространенный европейскій языкъ, Brasseur, стр. 124.

[2]) Ст. 5 п. 5 и ст 19 Правилъ пор. принес. прош. на Высочайшее имя приносимыхъ, ст. 181 Учр мин. (т. 1 Свод. зак., изд. 1892).

коны въ излишней мягкости, это движеніе назадъ, въ среду нормальнаго общества, замедлить нельзя и нѣтъ основаній. Эти лица возвращаются, чтобы жить такой же жизнью, какъ и всѣ другіе члены общества, зарабатывать себѣ средства къ существованію такимъ же путемъ, какъ и всѣ, никакихъ облегченій для нихъ нѣтъ. Между тѣмъ всѣ они лишены цѣлаго ряда правъ, т. е. въ сущности для нихъ закрыты многіе пути зарабатывать средства къ существованію—пути, открытые для другихъ членовъ общества и, можетъ быть, единственно знакомые лишеннымъ правъ (служба, спеціальныя занятія, профессіональныя и т. д.). Но и этого мало: въ сущности, они лишены гораздо большаго; среди нормальной жизни Европейской Россіи эти лишенные правъ особенно рѣзко выдѣляются изъ общей среды, будучи лишены и того, со стороны общества, довѣрія, безъ котораго невозможно никакое занятіе. Существуетъ поэтому большая опасность, что непринятые обществомъ, лишенные возможности зарабатывать себѣ честнымъ путемъ средства къ существованію, они вернутся къ преступленію. Такимъ образомъ представляется весьма важнымъ и полезнымъ, въ интересахъ не столько самихъ лишенныхъ правъ, сколько общества, вернуть имъ права, смыть ихъ судимость, признать ихъ вновь нормальными, мирными гражданами.

При выясненіи и разсмотрѣніи такихъ ходатайствъ въ министерствѣ юстиціи проявляется особая тщательность.

Прежде всего, требуются и за тѣмъ всесторонне разсматриваются подлинныя о просителяхъ дѣла, такимъ образомъ возстановляется вся физіономія преступленія и преступника. Ознакомленіе съ однимъ приговоромъ, въ которомъ, въ особенности если онъ постановленъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, не содержится изложенія обстоятельствъ дѣла, недостаточно, разумѣется, для этихъ цѣлей.

По разсмотрѣніи дѣла, обращаются за отзывомъ о поведеніи просителя къ высшему представителю администраціи въ мѣстѣ постояннаго жительства просителя: генералъ-губернатору или губернатору, сообщая, въ то же время, этому лицу имѣющіяся въ министерствѣ свѣдѣнія о судимости просителя; въ то же время просятъ это лицо сообщить, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о поведеніи, и свое заключеніе о степени уважительности ходатайства.

Сопоставленіе свѣдѣній, добытыхъ путемъ ознакомленія съ дѣломъ, со свѣдѣніями, доставленными администраціей, даетъ основаніе судить о томъ, исправился ли проситель, отказался ли онъ отъ тѣхъ преступныхъ наклонностей, которыя проявлялъ прежде. Какъ часто при этомъ выясняется дѣйствительно полная перемѣна. Вотъ передъ нами проси-

тель, лѣтъ 14 тому назадъ позволившій себѣ въ пьяномъ видѣ богохульствовать, — нынѣ онъ преподаетъ въ церковно-приходской школѣ и уже было нѣсколько выпусковъ его учениковъ. Вотъ староста, растративший когда-то общественныя деньги, затѣмъ возвратившій обществу все растраченное сполна и, по отбытіи наказанія, посвятившій себя честному труду; на своемъ надѣльномъ участкѣ онъ поставилъ хозяйство на такую образцовую ногу, что оно служитъ примѣромъ всей округѣ и даетъ ему возможность получать награды на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ. Вотъ молодой человѣкъ 23 лѣтъ, въ нетрезвомъ видѣ попытавшійся разыграть роль ревизора акцизнаго вѣдомства, съ цѣлью получить взятку съ торговцевъ, разъѣзжавшій въ надѣтомъ для этой цѣли дворянскомъ мундирѣ по лавкамъ, узнанный тотчасъ же, успѣвшій получить въ видѣ взятки въ одной лишь лавкѣ нѣсколько пачекъ табаку и осужденный за мошенничество; спустя двадцать лѣтъ онъ является мирно занимающимся сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи матери, изъ котораго никогда не выѣзжаетъ. Вотъ дьячекъ, похитившій изъ церковной кассы 7 рублей въ то время, когда у него не было даже хлѣба, чтобы накормить четырехъ малолѣтнихъ дѣтей; по отбытіи наказанія онъ многіе годы честно работалъ въ Сибири для доставленія средствъ тѣмъ же дѣтямъ. Всѣ эти лица отбыли назначенное имъ судомъ наказаніе; прошло 15, 20, иногда и болѣе лѣтъ со времени совершенія ими преступленія; по отбытіи наказанія они боролись съ тяжелыми условіями жизни, созданными для лишенныхъ правъ и, какъ свидѣтельствуетъ мѣстная администрація, основываясь на донесеніяхъ полиціи, въ теченіе долгихъ лѣтъ поведенія были хорошаго, не говоря уже о томъ, что за все это время, разумѣется, не судились; нѣтъ основаній сомнѣваться въ ихъ исправленіи, въ томъ, — что своевременно смыть съ нихъ пятно судимости. Многія изъ нихъ, не лишенныя правъ, наказанныя лѣтъ 20 тому назадъ простымъ тюремнымъ заключеніемъ безъ лишенія правъ, и сами просятъ именно въ этихъ выраженіяхъ: «смыть съ нихъ пятно судимости», освободить отъ послѣдствій судимости, какъ бы незначительны они ни не были, возстановить окончательно ихъ нравственную личность, которую они уже возстановили своимъ поведеніемъ.

При благопріятныхъ условіяхъ — не выдѣляющееся изъ ряда обыкновенныхъ преступленіе, протеченіе продолжительнаго срока со времени совершенія преступленія, благопріятный отзывъ администраціи — такія ходатайства признавались заслуживающими уваженія и составлялись всеподданнѣйшія записки о возстановленіи просителей въ прежнихъ чести и правахъ, какъ въ тѣхъ немногихъ сравнительно правахъ и преимуществахъ, которыя были поражены присужденіемъ къ простому заключенію въ тюрьмѣ

безъ лишенія правъ, такъ и въ тѣхъ важныхъ правахъ сословныхъ, которыхъ лишаетъ судимость за серьезныя преступленія.

Какъ уже сказано выше, проектъ нашего уложенія предполагаетъ придать реалибитаціи характеръ правоваго института и все дѣло возстановленія въ правахъ передать въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ.

Для этого представляется нѣсколько основаній.

Прежде всего несомнѣнно, что необходимость избранія такого чрезвычайнаго пути, какъ обращеніе къ Верховной власти съ просьбой, значительно вліяетъ на численность подобныхъ ходатайствъ; ихъ дѣйствительно поступаетъ неизмѣримо меньше, чѣмъ ходатайствъ о помилованіи и смягченіи участи. Оно и понятно, предметъ просьбъ послѣдняго рода — освобожденіе полное, или частичное, отъ законно назначеннаго и еще не отбытаго наказанія—таковъ, что требуетъ обращенія именно къ власти Верховной, стоящей выше закона и подзаконныхъ учрежденій. Наоборотъ, предметъ ходатайствъ о реабилитаціи настолько скроменъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ коммиссія по составленію уложенія: «случаи этого рода едва ли могутъ имѣть столь важное значеніе, чтобы каждый разъ восходитъ на непосредственное усмотрѣніе власти верховной» [1]).

Далѣе, въ такое чисто судебное, скромное дѣло, какъ возстановленіе утраченныхъ правъ, несомнѣнно желательно ввести и общія, единообразныя для всѣхъ случаевъ, нормы. Наконецъ, важно приблизить это дѣло къ жизни путемъ передачи въ мѣстные окружные суды, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ такой передачей судебный порядокъ выясненія истины.

Но если имѣются вѣскія основанія для передачи всего дѣла реабилитаціи въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ, въ особенности тѣхъ, въ округѣ которыхъ проситель проживаетъ, то быть можетъ было бы нежелательнымъ, чтобы съ такой передачей съузился кругъ вліянія реабилитаціи и она возстановляла бы только права, лишеніе коихъ предусмотрѣно ст. 24 проекта. Намъ представлялось бы желательнымъ и возможнымъ сохраненіе нынѣшней, такъ сказать, компетенціи реабилитаціи.

Прежде всего, желательно распространеніе реабилитаціи не только, какъ предполагается, на лишеніе правъ, сопровождающее высшіе виды наказанія—каторгу, поселеніе и исправительный домъ, но и на таковое же, сопровождающее два низшихъ вида наказанія заключеніемъ—заточеніе и тюрьму, какъ потому, что лишеніе это совершенно то же, что и при высшихъ видахъ (ст. 24), такъ и потому, что оно можетъ быть назначено (ст. 25) на срокъ до пяти лѣтъ послѣ отбытія тюремнаго за-

[1]) Объясненія, стр. 242.

ключенія, т. е. срокъ, на который можетъ быть назначено лишеніе тѣхъ же правъ при поселеніи [1]).

Далѣе, представлялось бы не менѣе желательнымъ сохраненіе нынѣшней практики, при которой удовлетворяются ходатайства и лицъ не лишенныхъ правъ, просящихъ, чтобы «смыли съ нихъ пятно судимости», признали бы оффиціально, что ихъ преступное прошлое забыто, хотя бы практически это выражалось лишь въ исключеніи изъ справокъ о судимости записи о просителѣ. Нельзя отрицать, что такія ходатайства вполнѣ законны и что позорное нравственное клеймо, наложенное на преступника въ свое время судебной властью и переживающее въ общественномъ мнѣніи всякія давности, наиболѣе успѣшно можетъ быть снято той же судебной властью, и именно путемъ реабилитаціи. Мы не предлагаемъ, разумѣется, распространять дѣйствіе реабилитаціи на низшія изъ перечисленныхъ по 2 статьѣ проекта наказаній—арестъ и денежное взысканіе—какъ не позорящія.

Въ то же время, мы считали бы полезнымъ, въ видахъ возвращенія полной возможности заработывать своимъ трудомъ средства существованія распространеніе реабилитаціи и на потерю права на профессіональное занятіе—тѣмъ ремесломъ, торговлей и т. д., которыми проситель занимался до судимости—предусмотрѣнную въ ст. 26 проекта. Нельзя отрицать, что и при сохраненіи всѣхъ общегражданскихъ правъ, лицо лишенное судомъ возможности заработывать себѣ средства существованія единственно знакомымъ ему родомъ труда, будетъ часто поставлено въ почти полную невозможность жить честнымъ трудомъ и что сокращеніе путемъ реабилитаціи срока лишенія права на профессіональное занятіе, при условіи, разумѣется, представленія, какъ и въ другихъ случаяхъ реабилитаціи, доказательствъ нравственнаго исправленія, желательно.

Наконецъ, мы позволимъ себѣ остановиться еще на одномъ существенномъ ограниченіи вліянія реабилитаціи. вводимомъ проектомъ,—реабилитаціи не распространяется на безчрочные виды лишенія правъ, въ томъ числѣ и на лишеніе правъ сословныхъ и чиновъ, послѣднихъ даже и за преступленія не должностныя. Въ то же время, коммиссія сдѣлала уступку относительно правъ, весьма близко стоящихъ къ только что поименованнымъ, устранивъ лишеніе правъ на ученыя степени и права на пенсію.

---

[1]) Заточеніе замѣнено въ утвержденномъ уголовномъ уложеніи заключеніемъ въ крѣпость безъ лишенія правъ (первая часть ст. 25 проекта 1895 отпала), а въ виду упоминанія въ ст. 30 о тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ, реабилитація распространяется по ст. 31 и на этотъ видъ лишенія свободы.

*

При обсужденіи вопроса о важности распространеніи реабилитаціи на лишеніе правъ сословныхъ и чиновъ необходимо имѣть въ виду рядъ законодательныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ въ послѣднее время и направленныхъ къ оживленію и укрѣпленію сословныхъ преимуществъ и подраздѣленій, которыя и нынѣ имѣютъ первенствующее значеніе въ организаціи русскаго общественнаго строя; почти такое же значеніе, какъ сословныя привилегіи, имѣютъ и чины, какъ система самостоятельныхъ отличій, независимыхъ отъ занимаемыхъ должностей. И послѣ того, какъ извѣстное лицо оставитъ службу, оно навсегда оффиціально существуетъ подъ именемъ «отставнаго совѣтника» такого то; если же у кого-либо нѣтъ чина, то приводится его сословіе: такой оффиціальный взглядъ въ значительной степени является и взглядомъ общества.

Съ сословными правами и чинами соединенъ и цѣлый рядъ преимуществъ для дворянъ: участіе въ дворянскихъ выборахъ, активное и пассивное, въ дворянскомъ самоуправленіи; участіе въ земскомъ самоуправленіи на особыхъ правахъ (въ выборахъ); право на поступленіе на государственную службу и т. д. Чины тѣсно связаны съ сословными преимуществами, они даютъ основаніе для полученія дворянства; наконецъ, при сохраненіи чина, возможно вновь поступить на службу и т. д.

Если имѣть въ виду, что у реабилитаціи двѣ цѣли: возстановить реабилитируемаго въ прежней чести и уваженіи общества и возвратить ему полную возможность зарабатывать честнымъ трудомъ средства къ существованію и для этого имѣть право выбора занятій, то едва ли можно будетъ признать русскаго дворянина и русскаго чиновника возстановленными въ правахъ, если имъ не будутъ возвращены ихъ сословныя права и ихъ чины; имъ придется разъ навсегда покинуть тѣ мѣста, гдѣ они жили до суда, гдѣ у нихъ, быть можетъ, имѣется недвижимая собственность, гдѣ имъ извѣстны условія жизни, гдѣ живутъ люди имъ родственные и расположенные, которые бы имъ помогли въ ихъ, несомнѣнно затруднительномъ, положеніи послѣ отбытія наказанія. Мѣстный дворянинъ и мѣстный чиновникъ (мы говоримъ о провинціи), причисленные послѣ отбытія наказанія къ крестьянскому сословію, не станутъ, въ глазахъ мѣстныхъ людей, крестьянами, въ смыслѣ членовъ земледѣльческаго сословія, не менѣе уважаемаго, чѣмъ и другія сословія: они останутся лишенными правъ—это несомнѣнно—и, какъ таковые, будутъ весьма затруднены въ пріисканіи занятій, если будутъ въ нихъ нуждаться, не говоря уже о затруднительности или даже и полной невозможности поступленія на службу. Мы вовсе не защищаемъ сословныхъ и чиновныхъ подраздѣленій русскаго общества, но полагаемъ, что съ ними необходимо

считаться и что возстановленіе, путемъ реабилитаціи, сословныхъ правъ и чиновъ можно передать, какъ и все дѣло реабилитаціи, окружнымъ судамъ, которые, если признаютъ ходатайства заслуживающими уваженія, будутъ имѣть возможность всякій разъ обращаться въ порядкѣ, и нынѣ уставленномъ ст. 775 и 945 уст. угол. суд., въ свою очередь съ ходатайствомъ къ верховной власти [1]).

Что касается до процессуальной стороны вводимаго института, то намъ казалось бы весьма полезнымъ сохранить нынѣшнюю практику министерства въ отношеніи истребованія и разсмотрѣнія подлинныхъ о просителяхъ дѣлъ:—такое разсмотрѣніе можетъ дать дѣйствительное знакомство съ личностью просителя и степенью безнравственности совершеннаго имъ, столь важное въ дѣлѣ реабилитаціи.

Проектъ, какъ мы сказали выше, предполагаетъ замѣнить введенныя въ иностранныхъ государствахъ свидѣтельства о поведеніи отъ муниципальныхъ властей и существующіе нынѣ у насъ отзывы администраціи, основанные на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ полиціей, свидѣтельствами о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго установленія. Такая замѣна представляется несомнѣнно желательной, но мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что даже при значительномъ увеличеніи числа низшихъ органовъ судебной власти (мировыхъ участковыхъ судей), пространство ввѣренныхъ ихъ юрисдикціи участковъ не позволитъ имъ выражать въ свидѣтельствахъ о поведеніи просителей свое личное мнѣніе, такъ какъ они не будутъ имѣть возможности знать лично всѣхъ ходатайствующихъ о реабилитаціи, за исключеніемъ лишь того случая, когда эти лица судились у нихъ [2]). Вотъ почему было бы, быть можетъ, полезно требовать отъ домогающихся реабилитаціи указанія мировому или участковому судьѣ на такихъ, уважаемыхъ въ той мѣстности лицъ, которымъ было бы знакомо поведеніе просителей и которыхъ бы судья могъ допросить въ отсутствіе просителя—для огражденія ихъ свободы мнѣнія—и при закрытыхъ дверяхъ—во избѣжаніе преждевременной и вредной въ такихъ случаяхъ огласки. Введеніе такого порядка выясненія поведенія просителя было бы однимъ изъ средствъ противъ установленія въ новомъ дѣлѣ реабилитаціи

---

[1]) Мы не предполагаемъ, разумѣется, возможности возстановленія утерянныхъ должностей, орденовъ и др. служебныхъ преимуществъ.

[2]) Участвуя въ засѣданіяхъ комиссій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, авторъ убѣдился, насколько, при нынѣшнихъ размѣрахъ участковъ, не велики свѣдѣнія мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей о лицахъ, проживающихъ въ ихъ участкахъ.

чисто формальнаго, по бланкамъ, производства [1]). Тѣмъ же цѣлямъ будетъ служить несомнѣнно и вводимое проектомъ сосредоточеніе всего дѣла реабилитаціи въ окружныхъ судахъ, а не въ отдаленныхъ обвинительныхъ камерахъ, составляющихся у насъ изъ членовъ судебныхъ палатъ; окружные суды, въ случаѣ если найдутъ допросъ мировымъ судьей свидѣтелей по указанію реабилитируемаго неполнымъ, будутъ имѣть возможность сами вызвать и допросить свидѣтелей.

Въ остальномъ, не встрѣчается, казалось бы, препятствій къ введенію и у насъ процессуальныхъ правилъ реабилитаціи, дѣйствующихъ въ иностранныхъ государствахъ.

Такъ, прежде всего является совершенно понятнымъ установленіе извѣстнаго срока, теченіе коего начинается со времени отбытія наказанія и ранѣе окончанія коего реабилитація невозможна—это время для дѣйствительнаго исправленія бывшаго преступника и для опредѣленія степени его нравственнаго исправленія. Не менѣе понятно удлиненіе этого срока для рецидивистовъ и въ особенности для лицъ, совершившихъ преступленіе послѣ реабилитаціи; такой срокъ также несомнѣнно долженъ быть болѣе продолжителенъ для полной реабилитаціи съ возстановленіемъ сословныхъ правъ и чиновъ.

Понятно требованіе отъ ходатайствующаго о реабилитаціи представленія удостовѣреній объ отбытіи личнаго наказанія и удовлетвореніи гражданскихъ требованій—судебныхъ издержекъ и гражданскаго иска; а въ случаѣ несостоятельности—нынѣшнія уголовная и гражданская несостоятельность—представленія удостовѣреній о таковой отъ судебнаго пристава.

Вопросъ о томъ, къ кому именно долженъ обратиться съ просьбой ходатайствующій о реабилитаціи: къ прокурору, или въ окружный судъ, не представляется намъ особенно важнымъ [2]). Роли судьи и прокурора распредѣлятся, намъ кажется, такъ же, какъ и въ уголовномъ процессѣ; предоставленіе суду права окончательно разрѣшать ходатайства о реабилитаціи придастъ всему дѣлу возстановленія правъ характеръ правового

---

[1]) Мировому судьѣ могло бы быть предоставлено право выразить и свое личное мнѣніе, какъ о самомъ просителѣ, такъ и объ указанныхъ имъ свидѣтеляхъ, безъ права однако не давать хода перепискѣ по ходатайству о реабилитаціи, въ виду неблагопріятныхъ отзывовъ допрошенныхъ судьей свидѣтелей; но, съ другой стороны, самому просителю должно быть предоставлено право во всякое время отказаться отъ заявленнаго ходатайства (до разрѣшенія ходатайства судомъ).

[2]) Журн. гражд. и угол. права 1883 г., май. Протоколы засѣданій юридическаго общества.

института. Съ другой стороны, поставленіе всѣхъ подготовительныхъ къ судебному рѣшенію дѣйствій подъ наблюденіе и ближайшее руководство прокурорскаго надзора будетъ, несомнѣнно, весьма важно для успѣха всего дѣла, такъ какъ именно прокурорскому надзору по характеру общей его дѣятельности удобнѣе всего предоставить собрать необходимыя свѣдѣнія о поведеніи просителя, затребовать свѣдѣнія отъ мѣстнаго судебнаго установленія и тюремнаго начальства, разсмотрѣть подлинное о просителѣ дѣло и наконецъ направить его переписку въ судъ при письменномъ мотивированномъ заключеніи.

Не встрѣтится затрудненій, казалось бы, къ тому, чтобы ввести и у насъ правила иностранныхъ государствъ о порядкѣ разсмотрѣнія такихъ ходатайствъ собственно въ судѣ: установленіе извѣстнаго обязательнаго срока между временемъ поступленія ходатайства въ судъ и временемъ разсмотрѣнія его; выслушаніе судомъ, предварительно разрѣшенія ходатайства, словесныхъ заявленій просителя или его повѣреннаго и заключенія прокурорскаго надзора [1]); публичное объявленіе рѣшенія суда; распоряженіе объ исключеніи имени реабилитированнаго изъ справокъ о судимости и присоединеніи копіи рѣшенія суда къ подлинному о просителѣ дѣлу.

Мы полагаемъ, что результаты реформы института реабилитаціи во Франціи, взгляды на этотъ институтъ выдающихся иностранныхъ государственныхъ дѣятелей и ученыхъ даютъ намъ право высказать полную увѣренность, что введеніе института возстановленія утраченныхъ правъ въ Россіи будетъ имѣть важное и благотворное значеніе для дѣла борьбы съ преступленіемъ въ нашемъ отечествѣ.

---

[1]) Не вдаваясь въ подробности будущаго порядка разсмотрѣнія такихъ ходатайствъ въ судѣ, мы тѣмъ не менѣе полагали бы, что разсмотрѣніе и разрѣшеніе должно происходить не въ распорядительномъ, а въ судебномъ засѣданіи при закрытыхъ дверяхъ; рѣшеніе свое судъ обязывается изложить въ мотивированномъ опредѣленіи, не поддежащемъ оглашенію въ случаѣ отказа въ ходатайствѣ; опредѣленіе суда подлежитъ обжалованію только въ кассаціонномъ порядкѣ въ Правительствующій Сенатъ (ср. интересныя соображенія у Аліанелли, стр. 553 и слѣд., о предоставленіи ходатайствъ о реабилитаціи на разрѣшеніе суда присяжныхъ).

Условное осужденіе въ Германіи [1]).

Институтъ условнаго осужденія или условнаго наказанія—сравнительно очень молодой; онъ существуетъ всего менѣе 20 лѣтъ (съ 1878 г.) и тѣмъ не менѣе получилъ уже широкое примѣненіе и распространился въ Америкѣ (штатъ Массачузетсъ), Англіи, Италіи, Бельгіи, Франціи, Норвегіи и предложенъ къ введенію въ Австріи и Швейцаріи. Въ Германіи и въ особенности среди представителей германской науки этотъ институтъ однако не пользовался и не пользуется и донынѣ особеннымъ расположеніемъ (есть, разумѣется, нѣсколько блестящихъ исключеній); германскіе ученые и до сихъ поръ проповѣдуютъ ветхозавѣтные принципы и утверждаютъ въ своихъ сочиненіяхъ, что въ основу теоріи наказанія можно положить только одинъ принципъ—возмездія, око за око и зубъ за зубъ,—никакого другого принципа быть не можетъ; при этихъ условіяхъ нельзя ожидать отъ нихъ не только сочувствія, но даже простого пониманія и безпристрастнаго отношенія къ такому институту, какъ институтъ условнаго наказанія.

Примѣромъ такого отношенія къ названному институту можетъ служить статья доктора Аппеліуса, прокурора въ Целле [2]); она рѣшительно заявляетъ, что введеніе (т. е. уже въ законодательномъ порядкѣ) института условнаго осужденія по бельгійскому образцу въ Германіи было бы преждевременно. А между тѣмъ результаты примѣненія института условного осужденія въ Бельгіи дѣйствительно блестящи. Институтъ этотъ былъ введенъ въ Бельгіи закономъ 31 мая 1888 г. и въ среднемъ, до конца 1894 г., давалъ ежегодно всего 3,3% рецидивистовъ, т. е. та-

[1]) (Журналъ министерства юстиціи, 1897 г. январь).

[2]) Deutsche Juristen-Zeitung, Nummer 14, den 15 Juli 1896. Dr Appelius, Die bedingte Verurtheilung und ihre Erfolge in Belgien.

кихъ, которые не выдержали испытанія и впали въ новое преступленіе; кажется, цифры весьма краснорѣчивыя, но и ими недоволенъ докторъ Аппеліусъ и замѣчаетъ, что въ сущности для большинства условно осужденныхъ срокъ испытанія (5 лѣтній) въ 1894 году еще не истекъ и что поэтому судить окончательно еще нельзя. Но на это можно возразить, что большая часть срока истекла и нѣтъ основаній предполагать какое либо ухудшеніе въ будущемъ [1]). Затѣмъ приводя цифры, указывающія, что за время съ 1888 по 1892 г., т. е. годы, когда уже примѣнялся институтъ условнаго осужденія, рецидивъ, en matière criminelle et correctionnelle, повысился сравнительно съ предыдущими годами, Аппеліусъ замѣчаетъ, что, такимъ образомъ, особенно благопріятныхъ результатовъ условнаго осужденія не видно. Это послѣднее замѣчаніе представляется совершенно непонятнымъ и обличаетъ или отсутствіе безпристрастія, или непониманіе.

Прежде всего указываемое повышеніе крайне ничтожно: въ годы 1888—1887 было рецидивистовъ 35 на 100 тысячъ, а въ годы 1888—1892 было 41 на то же число, т. е. иначе повысилось съ 35 тысячныхъ процента общаго числа осужденныхъ на 41 тысячную процента, т. е. повысилось на 7 тысячныхъ процента; но главное это то, что изъ общаго числа 51248 случаевъ, въ которыхъ былъ примѣненъ институтъ условнаго осужденія, 44.959 упало на *денежныя взысканія*; какое же основаніе предполагать, что именно эти лица, совершившія пустыя нарушенія, явились рецидивистами, а не тѣ болѣе серьезные преступники, воры по ремеслу, напримѣръ, къ которымъ условное осужденіе и не было примѣнено вовсе?

Но германскія правительства, которыя нельзя же упрекнуть въ теоретическихъ увлеченіяхъ, посмотрѣли на вопросъ иначе, чѣмъ германскіе ученые, и всѣ, одно за другимъ, ввели этотъ институтъ, хотя и въ нѣсколько иной, чѣмъ въ Бельгіи, формѣ.

Правительства эти пожелали сдѣлать испытаніе и поэтому ввели этотъ институтъ не въ законодательномъ порядкѣ, а въ порядкѣ административнаго распоряженія, циркуляра, поручивъ примѣненіе его не суду, а центральному учрежденію—министерству юстиціи, причемъ окончательное освобожденіе отъ наказанія происходитъ въ порядкѣ помилованія монархомъ.

Такія административныя распоряженія послѣдовали въ Саксоніи (3 марта 1895 г.), Пруссіи (23 октября 1895 г.), Баваріи (15 января

---

[1]) См. статистич данныя, жур. мин юст., декабрь 1895 г., мою ст. о возст. утр правъ.

1896 г.), Гессенъ-Дармштадтѣ, Гамбургѣ, Вюртембергѣ и др. государствахъ; изъ нихъ мы можемъ познакомить читателей съ двумя: саксонскимъ и прусскимъ, помѣщенными въ Bulletin de l'Union Internationale de droit pénal, cinquième volume, livre 3; относительно прусскаго мы ограничимся, впрочемъ, сравненіемъ его съ саксонскимъ, такъ какъ о прусскомъ законѣ было уже говорено на страницахъ журнала министерства юстиціи [1]).

Циркуляръ саксонскаго министра юстиціи отъ 25 марта 1895 года объ условномъ осужденіи заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Вмѣсто слѣпого и безцѣльнаго возмездія, рекомендуемаго нѣмецкой наукой, циркуляръ предписываетъ прежде всего выяснять причины, которыя вызвали совершеніе преступленія, и, соотвѣтственно съ характеромъ этихъ причинъ, выбирать и средства для ихъ подавленія.

Если классифицировать, говорится въ циркулярѣ, по причинамъ, преступленія, совершаемыя несовершеннолѣтними преступниками, то окажется, что эти преступленія распадаются на двѣ главныя группы.

Одна группа обнимаетъ преступленія, совершенныя подъ вліяніемъ дурныхъ наклонностей или полнаго отсутствія нравственнаго воспитанія, другая—преступленія, совершенныя по легкомыслію, необдуманности, неопытности, а иногда подъ чужимъ вліяніемъ, вовлекшимъ въ преступленіе.

Въ первомъ случаѣ нужно серьезное дополнительное и вмѣстѣ принудительное воспитаніе, чтобы воспрепятствовать выработкѣ преступника по привычкѣ; во второмъ случаѣ достаточно серьезнаго предостереженія, извѣстной острастки, чтобы побудить провинившагося вернуться къ хорошему поведенію; вотъ почему въ этомъ второмъ случаѣ, когда можно надѣяться на такое доброе поведеніе, министерство юстиціи считаетъ полезнымъ отсрочить исполненіе наказанія и дать возможность юному преступнику добрымъ поведеніемъ сдѣлаться достойнымъ помилованія.

Тѣ же соображенія въ извѣстной степени могли бы быть примѣнены и къ взрослымъ, хотя и съ извѣстными ограниченіями. Въ извѣстныхъ случаяхъ несложныхъ и ясныхъ преступленій, гдѣ самое теченіе процесса могло бы имѣть вредное вліяніе на преступника (въ особенности молодого), и гдѣ есть основаніе надѣяться на доброе поведеніе въ будущемъ, можно было бы, по мнѣнію составителей циркуляра, пріостанавливать самое производство слѣдствія. Руководствуясь всѣми этими соображеніями, министерство юстиціи, съ соизволенія короля, предписало всѣмъ органамъ,

---

[1]) Январь 1896 г. А. В. Лихачевъ, проф. Францъ Листъ объ условномъ осужденіи въ Пруссіи.

исполняющимъ судебные приговоры (прокуроры и единоличные судьи), обращать особенное вниманіе на приговоры о малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, и выяснять въ каждомъ такомъ отдѣльномъ случаѣ, нѣтъ ли основаній представить министерству о пріостановленіи приговора. Для этого должна быть выяснена личность осужденнаго; дать общія указанія, какимъ путемъ должно происходить такое выясненіе, чрезвычайно трудно: но, разумѣется, весьма важно выяснить, не судился ли уже малолѣтній до того и, въ особенности, если судился, то не за такое ли же дѣяніе; важно выяснить его поведеніе въ школѣ, на работахъ, его общественную и семейную обстановку, съ тѣмъ, чтобы знать, въ какой мѣрѣ можно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ ему придется жить въ будущемъ, разсчитывать на его исправленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо принять въ соображеніе интересы какъ самого осужденнаго, такъ и его близкихъ, школьнаго начальства и т. д., которые могутъ быть заинтересованы въ въ томъ, чтобы наказаніе было исполнено немедленно и больше въ будущемъ не грозило осужденному.

Если исполнительные органы соберутъ данныя, благопріятныя для осужденнаго, то они представляютъ объ этомъ министерству юстиціи; въ противномъ случаѣ—приводятъ приговоръ въ исполненіе. Отъ министерства зависитъ отсрочить исполненіе приговора. По истеченіи срока, назначеннаго министерствомъ, производится новое разслѣдованіе о томъ уже, не совершилъ ли осужденный въ назначенный ему для испытанія срокъ новаго преступленія, и какъ онъ вообще себя велъ, для чего запрашивается школьное начальство, хозяева, и тогда уже рѣшается вопросъ, достоинъ ли онъ помилованія. Эти же правила могутъ быть примѣнены и къ совершеннолѣтнимъ.

Изложенное саксонское администратиное распоряженіе имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ прусскимъ. Прусское, какъ и подобныя распоряженія другихъ нѣмецкихъ государствъ, устанавливаетъ извѣстный максимумъ того наказанія (3—6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія), исполненіе коего можетъ быть отсрочено; саксонское такого максимума не знаетъ. Затѣмъ, саксонское, въ отличіе отъ другихъ нѣмецкихъ распоряженій объ условномъ осужденіи, отсрочиваетъ не только приговоръ, но и самое предварительное слѣдствіе съ его предварительнымъ заключеніемъ, не менѣе губительнымъ для малолѣтнихъ преступниковъ, чѣмъ послѣдующее заключеніе, во исполненіе приговора суда.

Отличительной чертой порядка, установленнаго административными распоряженіями Саксоніи, Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ, является несудебный характеръ института условнаго осужденія, совершенно

несогласный съ характеромъ этого института въ другихъ странахъ и съ самымъ духомъ этого института. Едва ли можно ожидать, несмотря на сочувственное отношеніе нѣмецкаго общества къ нововведенію, благопріятныхъ результатовъ отъ такого опыта. Прежде всего, центральные органы министерства будутъ совершенно лишены возможности справиться съ колоссальнымъ числомъ подобныхъ дѣлъ; «помилованія» исчисляются, самое большое, двумя, тремя сотнями въ годъ, а условныя осужденія, какъ показываютъ, напримѣръ, данныя Бельгіи,—десятками тысячъ (въ маленькой Бельгіи до 20 тысячъ въ годъ). Съ другой стороны, совершенно ясно, что правильнѣе всего отвѣтить на вопросъ о возможности отсрочки исполненія наказанія можетъ судья, разрѣшающій дѣло по существу, знакомящійся лично съ подсудимымъ; замѣнять такое ближайшее знакомство съ подсудимымъ длинной перепиской—это то же самое, что замѣнять устное производство письменнымъ, — печальный и явно безнадежный опытъ, который, однако, недавно тщетно предлагали германскому рейхстагу.

Въ странѣ, гдѣ условное осужденіе зародилось (Массачузетсѣ), отсрочка исполненія приговора зависитъ отъ суда, при которомъ состоятъ особые «испытательные чиновники», probation officers, которые наблюдаютъ за испытуемыми все время отсрочки приговора. Чиновники эти назначаются судомъ и состоятъ въ исключительной отъ него зависимости. Кромѣ другихъ благопріятныхъ результатовъ, система условнаго осужденія въ Массачузетсѣ дала еще возможность государству сдѣлать большую экономію въ расходахъ на содержаніе арестантовъ, число которыхъ значительно сократилось, благодаря условному осужденію.

Есть, однако, основаніе надѣяться, что въ скоромъ времени и въ Германіи институтъ условнаго осужденія получитъ законодательную нормировку. Въ засѣданіи германскаго рейхстага, состоявшемся 28-го ноября (н. с.) 1896 г.[1]) и посвященномъ разсмотрѣнію законопроекта о реформѣ судоустровства и уголовнаго процесса въ Германіи, были подвергнуты обсужденію два предложенія особой комиссіи рейхстага, не вытекавшія собственно изъ этого законопроекта, слѣдующаго содержанія:

а) просить государственнаго канцлера обсудить вопросъ о введеніи въ обще-имперское законодательство института условнаго осужденія;

б) просить государственнаго канцлера выработать обще-имперскій законопроектъ, которымъ бы для всей имперіи регулировался порядокъ отбытія назначеннаго по суду наказанія лишеніемъ свободы.

---

[1]) Настоящія свѣдѣнія почерпнуты изъ Deutscher Reichs-Anzeiger № 284 отъ 30 ноября (н. с.) 1896 г.

Первымъ по поводу предложенія о законодательной нормировкѣ условнаго осужденія говорилъ депутатъ Рёренъ (центръ). «Я прошу, заявилъ онъ, принять резолюцію, касающуюся условнаго осужденія, такъ какъ въ Пруссіи, въ этомъ отношеніи, избранъ путь, который можетъ сильно затормазить введеніе этого института. Нельзя не пожалѣть, что въ Германіи такъ долго выжидаютъ съ введеніемъ этого института, несмотря на то, что въ другихъ государствахъ онъ уже введенъ и заслужилъ всеобщія похвалы. На неиспорченнаго нравственно человѣка, совершившаго преступленіе въ нуждѣ или по легкомыслію, отбытіе наказанія должно производить принижающее впечатлѣніе. Прусскій министръ юстиціи заявилъ въ мѣстномъ парламентѣ, что опытъ введенія этого института въ Бельгіи былъ не вполнѣ удаченъ. Я переговорилъ объ этомъ съ бельгійскимъ министромъ юстиціи, и послѣдній заявилъ, что утвержденіе прусскаго министра невѣрно, условное осужденіе примѣняется во всѣхъ судахъ совершенно успѣшно; бельгійская статистика, правда, указываетъ, что число рецидивистовъ въ послѣднія пять лѣтъ больше, чѣмъ въ предыдущія пять лѣтъ, но бельгійскій министръ юстиціи утверждаетъ, что это зависитъ отъ усиленія вообще преступности; дѣйствительно, въ числѣ лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, насчитывается 75% рецидивистовъ, между тѣмъ какъ изъ числа условно осужденныхъ только 3% впали въ новое преступленіе. Въ Германіи желаютъ путемъ условнаго помилованія достигнуть того, чего достигаютъ въ другихъ государствахъ благодаря условному осужденію. Прокурорскій надзоръ долженъ представлять доклады. Но помилованіе есть видъ милосердія, тогда какъ вопросъ идетъ о приговорѣ по уголовному дѣлу. Оцѣнка даннаго случая, отвѣтъ на вопросъ, есть ли основаніе для болѣе снисходительнаго отношенія къ преступнику, подлежатъ исключительно вѣдѣнію судьи; министръ юстиціи не можетъ входить въ оцѣнку отдѣльныхъ случаевъ, такъ какъ онъ располагаетъ только донесеніями прокурорскаго надзора, которыя, въ свою очередь, тоже основаны только на данныхъ письменнаго производства, а это противорѣчитъ основаніямъ здраваго уголовнаго правосудія. Условное помилованіе создано только для того, чтобы успокоить (отвести) движеніе въ пользу условнаго осужденія, но это не удастся, ибо условное помилованіе потерпитъ неудачу именно въ виду невозможности осуществленія его на практикѣ, а для того, чтобы этотъ процессъ получилъ ускореніе, я прошу васъ выразить согласіе на предложенную резолюцію возможно единодушнѣе».

Послѣ Ререна говорилъ статсъ-секретарь по вѣдомству юстиціи докторъ Нибердингъ, который началъ съ заявленія, что правительство въ

принципѣ ничего не имѣетъ противъ регулированія въ законодательномъ порядкѣ и введенія въ Германіи института условнаго осужденія, но оно лишь медлитъ, находя, что результаты введенія этого института еще не совершенно выяснились; въ подтвержденіе такого своего взгляда докторъ Нибердингъ не привелъ статистическихъ данныхъ, а ограничился соображеніями вродѣ того, что въ каждой странѣ, въ которой институтъ этотъ вводится впервые, постановка его нѣсколько иная, и слѣдовательно ясно, что опытъ государствъ, установившихъ у себя условное осужденіе ранѣе другихъ, не столь безусловно удаченъ, какъ это кажется (?).

Рейхстагъ не убѣдился, однако, подобными доводами министра и принялъ резолюцію объ условномъ осужденіи, а затѣмъ, безъ преній, и вторую резолюцію, предложенную комиссіей. Во всякомъ случаѣ, одновременное введеніе института условнаго осужденія всѣми германскими государствами и знаменательная манифестація, сдѣланная въ пользу этого института германскимъ рейхстагомъ, указываютъ съ полной несомнѣнностью, въ какой мѣрѣ этотъ институтъ признается европейскими государствами институтомъ солиднымъ и совершенно необходимой составной частью современнаго судебнаго строя. Когда будутъ введены въ дѣйствіе нынѣшніе проекты уложенія въ Австріи и Швейцаріи, въ западной Европѣ не останется болѣе государства, въ которомъ не было бы этого института. При такихъ условіяхъ едва ли можно долѣе сомнѣваться въ жизненной практичности и полезности условнаго осужденія.

О желательности и возможности введенія въ Россіи института условнаго осужденія [1]).

Институту условнаго осужденія почему то у насъ не посчастливилось, въ отношеніи его сложился какой то предразсудокъ. Спокойно заимствуя изъ западно-европейскихъ законодательствъ различные весьма сложные правовые институты, которые потомъ вполнѣ оправдывали смѣлость заимствовавшихъ и прекрасно прививались на русской почвѣ, мы почему то питаемъ недовѣріе къ институту условнаго осужденія, смотримъ на него

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 29 марта 1897 года. При составленіи этого реферата приняты во вниманіе: Ausländische Gesetze betreffend die bedingte Verurtheilung. Berlin. 1896. А. Піонтковскій. Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія. Одесса. 1894. Его же. Условное осужденіе въ Норвегіи. 1895 г. V. Liszt Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. die gessammte Strafwissenschaft, B IX. Mittheilungen. d. Intern. Kriminal.-Verein. Тамъ же B. X. E. Rosenfeld. Welche Strafmittel konnen an die Stelle der kurzzeitigen Freiheitsstrafen gesetzt werden. Berlin. 1890. Zucker, Einige kriminalistische Zeit u. Streitfragen d. Gegenwart. Gerichtssaal. B. 44. Dr. P. Ashrott. Strafen u. Gefängnisswesen in England (Eine Erganzung) 1896. Его же. Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafen 1889. Actes du Congrès pénitentiaire international de Saint-Pétersbourg. 1890. vol. I, p. 153—645, vol. II, p. 475—592. Bulletin de la Commission pénitentiaire internationale. Avril 1895, p. 274—309, Mai 1895, p 165. Report from the Departemental Committee of Prisons 1895. Alfred Gautier. A propos de la condamnation conditionnelle. Ravue pénale suisse 1890, p. 329 etsuiv. E. Picot. Lapeineconditionnelle, тамъ же, 1896 Dr. Julius Vargha. Die Abschaffung der Strafknechtschaft 1896—1897 (B. I u. II). Shweizerisches Strafrecht. Verhandlungen der Expertenkommission 1896. Verhandlungen des. Schweizerischen Vereins f. Straf und Gefängnisswesen 1895 и др. Н. С. Таганцевъ. Лекціи по уголовному праву. Выпускъ IV, стр. 1832 и сл. Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной

или какъ на проектъ, не провѣренный опытомъ, или какъ на такой институтъ, примѣненіе котораго, можетъ быть, и даетъ хорошіе результаты, но лишь при особенныхъ условіяхъ, которыхъ у насъ нѣтъ, видимъ въ немъ одинъ изъ видовъ помилованія, составляющаго неотъемлемую принадлежность верховной власти, и признаемъ, что условное осужденіе есть не болѣе, какъ частичное техническое улучшеніе, которое можно ввести, но безъ котораго можно такъ же легко и обойтись.

Наше юридическое общество тоже до послѣдняго времени въ значительной степени раздѣляло эти взгляды и если останавливалось на этомъ институтѣ, то разсматривало его, такъ сказать, съ теоретической точки зрѣнія, интересовалось постановкой этого института въ Западной Европѣ, но не считало нужнымъ серьезно заняться вопросомъ о желательности и возможности введенія въ Россіи института условнаго осужденія.

Въ настоящей работѣ я не буду касаться постановки этого института въ Западной Европѣ [1]), такъ какъ этому вопросу былъ посвященъ недавній докладъ А. А. Жижиленко (Жур. Мин. Юст. 1897 года, май), а постараюсь разобрать высказываемыя у насъ противъ института условнаго осужденія возраженія, выяснить самый принципъ, природу этого института и, наконецъ, и это главное, обсудить вопросъ о желательности и возможности введенія этого института въ Россіи.

Дѣйствительно, какъ мнѣ кажется, вполнѣ своевременно войти въ обсужденіе этого послѣдняго вопроса, такъ какъ Россія скоро окажется единственной цивилизованной страной, въ которой нѣтъ условнаго осужденія. Институтъ этотъ введенъ въ дѣйствующія законодательства Англіи, Бельгіи, Франціи, Норвегіи, Португаліи, Италіи (въ особенной формѣ), въ нѣсколькихъ кантонахъ Швейцаріи, предположенъ къ введенію законо-

---

комиссіи, т. I. В. Пржевальскій. Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права Жур. Юрид. Общ. 1896 г. декабрь, 1897 г. январь. Мои работы: Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ. Жур. Мин. Юстиціи. Декабрь 1895. Условное осужденіе въ Германіи: тамъ же 1897 январь. Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. Тамъ же 1897 февраль и мартъ. Отчеты по главному тюремному управленію. Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ (Мин. Юст.) и мн. др.

[1]) Суть института условнаго осужденія, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что преступника, впервые совершившаго преступленіе, не принадлежащаго къ категоріи преступниковъ по ремеслу, не оторваннаго еще отъ нормальной жизни, на исправленіе коего можно надѣяться, не судятъ или, осудивъ, не приводятъ наказанія въ исполненіе и, сдѣлавъ ему внушеніе, даютъ ему нѣсколько лѣтъ для испытанія, причемъ при хорошемъ поведеніи онъ освобождается по истеченіи срока совсѣмъ отъ наказанія, при дурномъ—онъ отбываетъ наказаніе и за новое, и за прежнее преступленіе.

проектами Швейцарскаго и Австрійскаго уложеній. Въ Германіи онъ введенъ въ формѣ не судебнаго, а административнаго разслѣдованія, заканчивающагося испрошеніемъ высочайшаго повелѣнія о помилованіи, но форма эта настолько не соотвѣтствуетъ самой сущности института условнаго осужденія, а въ то же время послѣдній пріобрѣлъ уже такую громадную популярность среди германскаго народа, что представители его въ засѣданіи рейхстага 28 ноября 1896 г., по предложенію комиссіи, разсматривавшей проектъ новеллы по судоустройству и судопроизводству, поручили германскому канцлеру выработать проектъ введенія въ Германіи условнаго осужденія уже въ формѣ судебнаго института. Я не говорю о родинѣ условнаго осужденія — Америкѣ и заатлантическихъ колоніяхъ Англіи.

Результаты примѣненія этого института, какъ извѣстно, блестящіе: 93—98% удачно выдерживаютъ испытаніе. Едвали можно говорить, что цифровыя данныя относительно удачно прошедшихъ и проходящихъ испытаніе имѣютъ мало значенія, такъ какъ опытъ будто бы слишкомъ непродолжителенъ и не гарантируетъ, что условно-осужденные не впадутъ вновь въ преступленіе. «Инкубаціонный періодъ», если употребить это выраженіе, въ данномъ случаѣ занимаетъ главнымъ образомъ, если не исключительно первый годъ послѣ осужденія, когда совершившему преступленіе и осужденному приходится искать занятій и заработка; разъ въ этомъ отношеніи онъ устроился, опасность миновала. Если даже допустить, какъ дѣлаютъ тюремные англійскіе отчеты, что 70% осужденныхъ впервые и отбывшихъ наказаніе въ тюрьмѣ не возвращаются вновь, то и въ такомъ случаѣ 93—98% удачныхъ при условномъ осужденіи представляютъ прогрессъ. Этотъ высокій процентъ удачи, безотносительно къ какимъ бы то ни было дальнѣйшимъ результатамъ, указываетъ съ очевидностью, что институтъ полезенъ.

Во всякомъ случаѣ мы должны считаться съ фактомъ, что сотни тысячъ условно-осужденныхъ продолжаютъ оставатсья членами нормальнаго общества въ Западной Европѣ и вреда отъ этого никакого не происходитъ; примѣненіе института съ каждымъ днемъ все расширяется, популярность растетъ еще быстрѣе. При такихъ условіяхъ едвали возможно продолжать обсуждать этотъ институтъ съ точки зрѣнія теоретической, изслѣдовать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ институтъ этотъ согласуется съ господствующей въ наукѣ системой и можетъ ли быть ею одобренъ; какъ будто бы условное осужденіе являлось проектомъ только что предложеннымъ, не провѣреннымъ еще здоровымъ положительнымъ опытомъ.

А дѣло, между тѣмъ, стоитъ какъ разъ наоборотъ; институтъ условнаго осужденія созданъ не теоріей, а практикой, не людьми науки, а

людьми практическаго дѣла, практической борьбы съ преступленіемъ; имъ же, а затѣмъ и вообще практическимъ государственнымъ дѣятелямъ обязанъ онъ главнымъ образомъ своимъ быстрымъ распространеніемъ въ 10 лѣтъ (съ 1887—1897) онъ охватилъ всю Европу.

Исторія молодого института условнаго осужденія показываетъ, что онъ появился на свѣтъ не въ видѣ готоваго законопроекта, прямо изъ головы Минервы, а созданъ практической жизнью; самая мысль зародилась въ Бостонѣ, въ Массачузетсѣ, благодаря полицейскому комиссару, внимательно относившемуся къ преступникамъ, и практически, наблюденіемъ и инстинктомъ, дошедшему до мысли о случайномъ преступникѣ, котораго не слѣдуетъ еще клеймить тюрьмой, а, наоборотъ, необходимо испытать, пригрозивъ ему, что въ случаѣ повторенія онъ будетъ наказанъ какъ настоящій преступникъ; та же практическая мысль объ испытаніи путемъ угрозы заложена и въ англійскомъ законѣ 1887 года, гдѣ она нашла давно подготовленную почву въ системѣ поручительства. Въ томъ же совершенно практическомъ духѣ задуманъ и институтъ условнаго осужденія въ Бельгіи; разница только въ томъ, что здѣсь, такъ сказать угроза получила болѣе опредѣленную форму [1]), не примѣняется только англійское поручительство, для котораго въ Европѣ нѣтъ почвы, и американскій надзоръ полиціи, для котораго въ Европѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ органовъ; съ нѣкоторыми отличіями, тоже принціально не существенными, введенъ этотъ институтъ въ Италіи (ст. 27 и 28 угол. улож., введенн. въ дѣйствіе 1 января 1890 г.) и во Франціи въ 1891 году. Несмотря на нѣкоторое различіе въ формѣ, я полагаю, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ близкомъ сходствѣ всѣхъ этихъ институтовъ, мало того— въ полномъ тождествѣ основной мысли, положенной въ основу всѣхъ ихъ и обличающей, по своему характеру, свое, такъ сказать, *полицейское происхожденіе*. Дѣйствительно, это институтъ прежде всего предупрежденія будущихъ преступленій, а не наказанія совершенныхъ; изъ двухъ золъ—оставленія преступника какъ бы внѣшне матеріально не наказаннымъ (ниже мы докажемъ, что это далеко не такъ и что преступникъ все-таки наказанъ, но наказаніе только не носитъ того грубаго характера, которымъ отличаются и въ наше время дѣйствующія наказанія) и опасности новаго преступленія—законодатель выбираетъ первое: это чисто практическое соображеніе расчета, экономіи.

Какъ же отнеслись представители теоріи и науки къ этому новому явленію, не содѣйствовали ли зарожденію его?—За немногими исключе-

[1]) Угрожаютъ не только «судомъ», но опредѣленнымъ, назначеннымъ наказаніемъ.

ніями,—нѣтъ. Въ самые годы зарожденія и появленія въ свѣтъ въ Европѣ института условнаго осужденія, мы должны отмѣтить: тюремный конгрессъ въ Римѣ 1885 года, оставившій вопросъ о полезности института условнаго осужденія безъ разрѣшенія; засѣданіе генеральнаго общества тюремъ въ Парижѣ въ 1888 году, которое высказалось противъ института; петербургскій тюремный конгрессъ 1890 года, который послѣ долгихъ дебатовъ въ общемъ собраніи отложилъ вопросъ объ условномъ осужденіи до слѣдующаго конгресса. Правда, въ томъ же 1890 году произошло въ Галле первое собраніе нѣмецкой группы международнаго союза криминалистовъ, высказавшееся за условное осужденіе, но затѣмъ, по крайней мѣрѣ, противники благопріятнаго рѣшенія громогласно утверждали (на петербургскомъ конгрессѣ—Кирхенгеймъ), что голосованіе это есть результатъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ и условій. Наконецъ парижскій тюремный конгрессъ 1895 года высказался за условное осужденіе въ такой болѣе чѣмъ сдержанной формѣ, какъ показываетъ текстъ резолюціи: «Наиболѣе цѣлесообразными слѣдуетъ признать постановленія законодательствъ, предоставляющихъ уголовному суду пріостанавливать приведеніе наказанія въ исполненіе надъ лицами, совершившими впервые преступное дѣяніе и приговоренными къ наказаніямъ краткосрочнымъ». Съ этой резолюціей ученаго собранія интересно сопоставить рѣшеніе германскаго парламента, который въ засѣданіи 28 ноября 1896 года, выслушавъ рѣчь депутата Рёрена, доказывавшаго прекрасные практическіе результаты примѣненія института условнаго осужденія въ Бельгіи, принялъ, почти безъ преній, какъ вполнѣ ясное и очевидно правильное, предложеніе комиссіи, разсматривавшей проектъ новеллы по судоустройству, и, несмотря на возраженія министра юстиціи, постановилъ поручить германскому канцлеру обсудить вопросъ о введеніи въ общеимперское законодательство института условнаго осужденія; въ преніяхъ при обсужденіи проекта новеллы участвовалъ лишь одинъ представитель науки, Марквардсенъ.

Такое отношеніе науки и ея представителей къ новому институту можетъ быть легко объяснено Въ основѣ науки уголовнаго права, какъ и въ основѣ каждой другой науки, лежитъ система, основныя положенія которой тѣсно и *логично* (это главное) связаны между собой; основной принципъ науки уголовнаго права — «преступленіе должно быть наказано»; если этотъ принципъ отвергнуть, то не можетъ быть ни уголовнаго права, ни науки уголовнаго права,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Не надо забывать, что значитъ слово «*наказывать*»—это значитъ причинять матеріальный внѣшній вредъ лицу, наказываемому въ той или другой формѣ; такъ понималось наказаніе до самаго послѣдняго времени, да

въ сущности понимается еще и нынѣ; такое пониманіе слова «наказаніе» уже само по себѣ говоритъ въ пользу того, что теорія возмездія, какъ основаніе наказанія, еще не отжила свой вѣкъ. Дѣйствительно, еще на петербургскомъ конгрессѣ 1890 года такой талантливый русскій юристъ, какъ покойный Н. А. Неклюдовъ, совершенно рѣшительно заявилъ, именно при обсужденіи вопроса объ условномъ осужденіи, что мы наказываемъ не peccetur, a quia peccatum est; того же взгляда держался и на петербургскомъ конгрессѣ, и въ работѣ, представленной парижскому конгрессу, проф. Кирхенгеймъ; того же взгляда держится и по настоящее время не малое число нѣмецкихъ ученыхъ (русская школа, за исключеніемъ покойныхъ Неклюдова и Тальберга, давно оставила эту теорію). Странно однако, что, и съ замѣной теоріи возмездія теоріей цѣлесообразности, понятіе наказанія, а съ нимъ вмѣстѣ въ сущности и всѣ карательныя системы, основанныя на теоріи возмездія, остались въ силѣ; прежде наказывали въ возмездіе за грѣхъ, теперь наказываютъ, т. е. причиняютъ внѣшній вредъ, для того, чтобы устрашить, отбить охоту совершать преступленія, создать мотивъ для воздержанія отъ преступленія.

При такомъ пониманіи «наказанія», институтъ условнаго осужденія, отрицающій, въ сущности, всякое внѣшнее принужденіе, признается отрицаніемъ всякаго наказанія, а слѣдовательно и подрывающимъ основной принципъ науки: «преступленіе должно быть наказано»; съ точки зрѣнія науки институтъ условнаго осужденія поэтому долженъ быть уподобленъ помилованію, освобожденію отъ наказанія, но даруемому только не высшею властью, а судьей; такое положеніе, разумѣется, нежелательно.

Но прежде чѣмъ отвѣтить на подобные упреки, необходимо выяснить самое существо новаго института, а для этого слѣдуетъ разсмотрѣть его не особнякомъ, а въ составѣ общей системы, которой онъ составляетъ только одно изъ звеньевъ,—остановиться на томъ движеніи, благодаря которому онъ такъ быстро распространился въ Европѣ. Хотя это движеніе имѣетъ и своихъ теоретическихъ представителей, но по существу своему оно безусловно не можетъ быть признано теоретическимъ; мало того, хотя оно обще-европейское, но въ сущности въ каждомъ государствѣ совершенно самостоятельно и только благодаря сходству всего внутренняго строя европейскихъ государствъ между собою, переживанію каждымъ изъ этихъ государствъ тѣхъ же положеній, условій и затрудненій, и можетъ быть объяснено однообразіе результатовъ, почти одновременное введеніе всей Европой института условнаго осужденія. Я вовсе не думаю говорить какъ бы въ похвалу институту условнаго осужденія, что онъ не совмѣстимъ съ дѣйствующей теоріей и обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ и

распространеніемъ практическому движенію среди современнаго европейскаго общества; нельзя однако же отрицать, что самыя высокія идеи распространялись быстро и получали осуществленіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ идеализировали существовавшее уже въ дѣйствительной жизни движеніе и разрѣшали этимъ отчасти задачи, вызвавшія это движеніе. Такъ было и въ данномъ случаѣ съ движеніемъ, благодаря которому распространился институтъ условнаго осужденія.

Движеніе это направлено противъ главной, въ сущности почти единственной формы наказанія въ наше время—лишеніемъ свободы; всѣ прежде существовавшія формы наказанія постепенно вымирали по тѣмъ или другимъ причинамъ какъ подъ ударами критики со стороны мыслителей-филантроповъ (смертная казнь и различныя истязанія, тѣлесныя наказанія), такъ и въ силу практической невозможности осуществленія (ссылка) и другихъ причинъ (вира, выкупъ). И вотъ эта единственная форма наказанія оказывается мало состоятельной; число преступленій и преступниковъ растетъ гораздо быстрѣе народонаселенія, рецидивъ усиливается въ ужасающихъ размѣрахъ, увеличивается число преступниковъ, которые видятъ въ тюрьмѣ мѣсто отдохновенія и спокойнаго пристанища; въ то же время содержаніе мѣстъ заключенія, весьма многочисленныхъ, обходится государству крайне дорого, самое возведеніе тюремныхъ зданій поглощаетъ, благодаря требованіямъ системы одиночнаго заключенія, громадныя суммы.

Насколько быстро увеличивается число преступниковъ и преступленій, показываетъ, напримѣръ, статистика Германіи (см. статью В. И. Срезневскаго, Новыя свѣдѣнія о преступности населенія Германіи, Жур. Мин. Юст., 1897, мартъ): на 100 тысячъ населенія приходилось въ 1882 г.—1.231 преступныхъ дѣяній, а чрезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1893 г., ихъ было уже 1.505; на то же число германцевъ въ 1882 г. было 1.043 преступника, а въ 1893 г.—1.210. Если обратимся къ Италіи, то Statistica giudiziaria penale per l'anno 1894 (стр. X и слѣд.) сообщаетъ слѣдующія данныя: въ годы 1881—1884 было всего осуждено 305.211 чел., а въ 1894—370.144; еще яснѣе, независимо отъ прироста населенія, слѣдующія цифры: въ 1881—84 г. на десять тысячъ жителей было 107,50 осужденныхъ, а въ 1894—120,47; дѣлъ уголовныхъ, рѣшенныхъ на сто тысячъ жителей, въ 1880—83 приходилось 1064,85, а въ 1894—1539,03. Французская статистика (Compte général de l'administration criminelle en France pendant l'année 1892) показываетъ, что судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и судами исправительными было всего осуждено 233.105 чел. (2945 + 230.060) и изъ нихъ рецидивистовъ 107.110 чел.

Рецидивъ повышается; въ 1871—75 г. онъ составляетъ всего 47 % числа осужденныхъ за «crime», въ 1881—85—52%, 1885—1890—56%, 91 и 92 годахъ—58%; число рецидивистовъ, осужденныхъ за преступленія, составляло въ 1888 г.—1648 м., 86 ж., въ 1892 г.—1638 м. и 92 ж., зато осужденныхъ исправительными судами было въ 1880 г.— 77009 и въ 1892 г.—105380. Въ то же время характеръ наказаній измѣнился такимъ образомъ:

	1880	1888	1890	1892	(вѣроятно
присужд. къ катор раб.	72	61	56	61	на
тюрем. закл. менѣе года:	61	87	97	80	1000)

рецедивъ кражи: въ 1880—20146 въ 1892—23056.
присужд. на срокъ болѣе года въ 1880—2666 въ 1892—1726.
дѣтей всего только: въ 1888—345 въ 1892—688.
рецид. бродяжества: въ 1888—13514, а въ 1892—14551.

Несмотря на уменьшеніе числа заключенныхъ, притомъ послѣдовательное, изъ года въ годъ, рецидивъ въ Англіи несомнѣнно увеличивается, число осужденныхъ дважды составило процентъ осужденныхъ одинъ разъ въ 72 г.—27,9; 83 г.—31,5; 93 г.—29,6.

Изъ числа осужденныхъ въ первый разъ не возвращаются 70%; возвращаются изъ числа вторично осужденныхъ 48, третій разъ 64%, четвертый разъ 71%, а пятый разъ 79% (Report from the Departem. Commitee on Prisons 1895).

Говоря о рецидивѣ, нельзя не упомянуть объ интересныхъ данныхъ, сообщенныхъ въ Revue pénale suisse 1893, на основаніи справокъ о судимости кантона Бернъ; здѣсь встрѣчаются между прочимъ знаменитости въ своемъ родѣ, отбывшія наказанія болѣе 100 разъ.

Подобные примѣры доказываютъ, что по крайней мѣрѣ на нѣкоторую часть преступниковъ тюремное заключеніе не дѣйствуетъ вовсе; а такъ какъ рецидивъ все увеличивается, въ нѣкоторыхъ странахъ даже и быстро, то мало по малу стало ясно, что одной изъ причинъ рецидива является негодность того средства, которое примѣняется къ борьбѣ съ преступленіемъ, именно тюремнаго заключенія. Признается прямо вреднымъ и несостоятельнымъ самый принципъ тюремнаго заключенія и собранія въ однѣ и тѣ же стѣны преступныхъ элементовъ различныхъ видовъ, причемъ устраняется возможность какой бы то ни было индивидуализаціи наказанія, и случайные преступники отдаются какъ бы въ ученье опытнымъ рецидивистамъ. Какъ справедливо замѣчаетъ отчетъ вышеупомянутаго англійскаго парламентскаго комитета, наряженнаго для разслѣдованія поло-

женія тюремнаго дѣла: «лучшее средство борьбы противъ рецидива—прекратить тотъ источникъ, изъ котораго рецидивисты пополняются»; для этого члены комитета полагаютъ преступниковъ обычныхъ во всякомъ случаѣ отдѣлить отъ другихъ преступниковъ и устроить для нихъ особыя мѣста заключенія; не менѣе необходимо устроить особыя заведенія для алкоголиковъ, надо также молодыхъ, впервые наказанныхъ преступниковъ обставить въ тюрьмѣ особыми гарантіями, не смѣшивать ихъ никоимъ образомъ съ остальными преступниками. Не надо забывать, что Англія, несмотря на сравнительно съ другими государствами образцовое устройство тюремъ, первая ввела у себя условное осужденіе (1887).

Такое же «распаденіе» тюрьмы предполагается и по проекту швейцарскаго уложенія; кромѣ двухъ видовъ заключенія, reclusion и emprisonnement, предположено (прошло и комиссію экспертовъ) и учрежденіе особыхъ заведеній, куда помѣщаются малолѣтніе до 18 л., для которыхъ помѣщеніе въ тюрьму не допускается вовсе, особыя интернаты для закоренѣлыхъ рецидивистовъ (ст. 10 и 24 проекта по ред. эксп. ком.), особые обязательные пріюты для пьяницъ (28). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1895 г. (14 и 15) швейцарское общество по уголовному и тюремному дѣламъ Schweizerischer Verein f. Staf u. Gefangnisswesen) выслушало между прочимъ докладъ извѣстнаго директора уголовной тюрьмы въ Ленцбургѣ J. V. Hürbin (напечатанъ въ Verhandlungen общества). о мѣстахъ заключенія, учрежденіе которыхъ необходимо по смыслу проекта швейцарскаго уложенія, причемъ докладчикъ считалъ необходимымъ образованіе особыхъ мѣстъ заключенія въ каждомъ кантонѣ для молодыхъ преступниковъ, особыхъ домовъ для рецидивистовъ, спокойныхъ по характеру и прекрасно ведущихъ себя въ тюрьмѣ, но окончательно лишенныхъ свободы воли и потому обязательно впадающихъ вновь въ преступленіе, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, и, наконецъ, особый домъ для всего швейцарскаго союза, въ который бы помѣщались особо опасные преступники и безпокойные рецидивисты.

Мнѣ могутъ сказать, что я напрасно называю указанное выше явленіе—«распаденіемъ тюрьмы»; это не распаденіе, а прогрессъ, удовлетвореніе весьма правильнаго требованія объ индивидуализаціи наказанія; да, это такъ, вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ это несомнѣнное доказательство полнаго несоотвѣтствія нынѣшнихъ мѣстъ заключенія, гдѣ всѣ роды преступниковъ содержатся одинаково и вмѣстѣ, новымъ пенитенціарнымъ цѣлямъ. Но кромѣ того является вопросъ, въ состояніи ли будутъ правительства осуществить всѣ эти цѣли, станетъ ли средствъ на то, чтобы воздвигать всѣ эти разнообразной архитектуры дворцы для отбросовъ

соціальнаго организма, если нѣтъ, то не придется ли все больше и шире разрабатывать вопросъ о новой системѣ карательныхъ мѣръ внѣ тюрьмы?

Но не имѣется ли къ тому и другихъ основаній? Современныя теоріи разсматривая преступленіе какъ соціальное явленіе, совершенно оригинально, по новому, объясняютъ причины преступности и тѣмъ самымъ вызываютъ необходимость созданія совершенно новыхъ средствъ для борьбы съ преступностью. Объясненія эти глубоко жизненны и совершенно согласуются съ взглядами, существующими въ народѣ. Я позволю себѣ назвать только двухъ представителей этого направленія: французовъ Жоли (Joly) и Тарда. Первый въ своихъ сочиненіяхъ: Le crime, 1888, La France criminelle, 1889, Le combat contre le crime, 1892 года (на русскомъ языкѣ имѣется прекрасное изложеніе взглядовъ Жоли, сдѣланное Е. Д. Сіоницкимъ въ IV т. Сборн. правовѣд. и общ. знаній Моск. юрид. общ.), предложилъ несомнѣнно имѣющую много за себя теорію «деклассаціи», какъ послѣдствія или даже лучше сказать непремѣннаго спутника современной цивилизаціи. Дѣйствительно, новѣйшая исторія, въ особенности исторія 19 столѣтія, стремясь обезпечить осуществленіе великихъ новыхъ задачъ и цѣлей, привела всѣ силы всѣхъ классовъ народовъ въ дѣйствіе; въ этомъ могущественномъ движеніи впередъ отдѣльныя личности оказались простыми молекулами, каплями въ бурномъ потокѣ, всѣ прежнія группировки, подраздѣленія, мѣшавшія свободному присоединенію отдѣльныхъ личностей къ общему движенію или общимъ движеніямъ, были разрушены или значительно ослаблены. Результаты, въ смыслѣ объединенія всѣхъ имѣющихся въ народѣ силъ для осуществленія различныхъ улучшеній на всѣхъ путяхъ человѣческой дѣятельности, получились блестящіе, достигнуты громадныя техническія улучшенія, но нравственность несомнѣнно пострадала и понятно почему. Всѣ эти группировки семьи, общины, цеха, корпорацій и др. представляли собой союзы, державшіеся извѣстныхъ принциповъ; въ этихъ группировкахъ только и могутъ, по мнѣнію Жоли, развиться въ человѣкѣ и окрѣпнуть тѣ взгляды, наклонности и черты, которые удерживаютъ личность на почвѣ регулярности, благоразумія, уваженія къ ближнимъ и *боязни общественнаго мнѣнія*; здѣсь только, въ этомъ уваженіи къ ближнимъ и близкимъ, въ этомъ спасительномъ чувствѣ стыда передъ людьми, *стоящими рядомъ въ кадрахъ регулярнаго общества*, въ этомъ уваженіи къ ихъ мнѣнію и боязни ихъ осужденія, здѣсь только человѣкъ можетъ найти оплотъ противъ соблазновъ и искушеній. Съ другой стороны, экономическое движеніе создаетъ новыя кооперативныя группировки, разумѣется далеко не столь тѣсныя, не обнимающія всей личности человѣка, какъ

прежнія, но все же представляющія несомнѣнную силу. Мало по малу, какъ говоритъ другой французскій ученый Тардъ въ своемъ изслѣдованіи: «La criminalité comparée» (1886 г.), занятіе преступленіемъ обратилось въ ремесло, и на этой почвѣ стали образовываться тоже союзы на подобіе всякимъ другимъ производительнымъ промышленнымъ союзамъ. По выходѣ изъ тюрьмы преступники колеблятся между примѣромъ большей части общества—честной, такъ сказать, его части, которая, однако, недружелюбно на нихъ смотритъ и не выражаетъ особой готовности принять ихъ, и части того же общества преступной, которая готова ихъ охотно натурализовать, и, въ концѣ концовъ, какъ бы въ силу злого рока, поступаютъ въ ряды послѣдней. Ремесло преступное стало выгоднѣе, оно ведется совокупными силами на началахъ взаимопомощи; въ то же время наказанія стали слабѣе, а богатство значительно прибавилось. Тардъ приводитъ слова французскаго судебнаго отчета 1878 года, указывающаго, что впаденіе вновь въ преступленіе происходитъ главнымъ образомъ въ первые мѣсяцы по выходѣ изъ тюрьмы, откуда слѣдуетъ, что «трудность для освобожденныхъ изъ тюрьмы вновь войти въ ряды нормальнаго общества, реклассироваться, и составляетъ единственную причину увеличенія рецидива».

Въ другомъ своемъ сочиненіи La philosophie pénale, 1891, Тардъ согласно съ общей своей философской теоріей, доказываетъ, что всѣ общества и нынѣ, и прежде держались на согласіи во взглядахъ членовъ по крайней мѣрѣ относительно наиболѣе общихъ вопросовъ, на одобреніи всѣмъ обществомъ одного и неодобреніи другого; преступленіемъ, совершившій его разобщается со всѣмъ остальнымъ обществомъ, но еще болѣе разобщается онъ, когдо это преступленіе, благодаря суду, разглашается; скорѣе есть типъ пенитенціарный, чѣмъ типъ преступный. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что идеалъ юстиціи—такое состояніе, когда общество исключало бы изъ своей среды и посылало въ свои тюрьмы дѣйствительно самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ, которыхъ ни дисциплинировать, ни ассимилировать нормальному обществу нельзя. Европа идетъ въ этомъ направленіи, но еще далеко до идеала.

Остановимся на этихъ новыхъ взглядахъ, согласно которымъ главныя причины преступности лежатъ въ деклассаціи, въ оторваніи отдѣльныхъ лицъ отъ группировокъ нормальнаго общества, въ разобщеніи ихъ затѣмъ съ нормальнымъ обществомъ, благодаря преступленію, суду и тюрьмѣ, и въ затруднительности послѣдующей реклассаціи. Если вспомнить господствующіе и нынѣ въ теоріи, и въ особенности въ дѣйствующей карательной системѣ, взгляды на преступника и на наказаніе, то мы должны будемъ

признать, что вся система наказаній разсчитана на изверженіе преступника изъ нормальнаго общества, на заклейменіе его прежде наружнымъ клеймомъ, а теперь не менѣе жестокимъ клейменіемъ «внутреннимъ», какъ говоритъ одинъ изъ германскихъ тюрьмовѣдовъ Брауне, такъ называемымъ наказаніемъ «дополнительнымъ»; бѣда, говоритъ Брауне, «тому, кто попадетъ въ сѣть этой системы дополнительныхъ наказаній: она затрудняетъ осужденному возвращеніе къ нормальной упорядоченной жизни и именно внутреннимъ клейменіемъ, не говоря уже о препятствіяхъ, создаваемыхъ этой системой при поискахъ за честнымъ заработкомъ» (см. мою статью «Возстановленіе утраченныхъ правъ», жур. мин. юст. 1895 г., декабрь).

Но и безъ этихъ дополнительныхъ наказаній тюрьма сама по себѣ точно также внутренно клеймитъ; она является безусловно произведеніемъ прежнихъ теорій наказаній, времени, когда существовали «клоповники», и способствуетъ главнымъ образомъ неисправимому затѣмъ разобщенію преступника съ обществомъ, она отрываетъ его отъ семьи, которая на время «сидѣнія» преступника въ концѣ разоряется и впадаетъ въ ту безъисходную нищету, которая ведетъ къ преступленію, она заставляетъ преступника бросить честныя занятія, забыть объ обязанностяхъ въ отношеніи семьи, объ обязанности зарабатывать себѣ хлѣбъ, объ обязанностяхъ въ отношеніи общества и государства, пріучаетъ его къ лѣни, но, что главное—она заставляетъ его жить извѣстное время въ такомъ мѣстѣ, гдѣ собраны со всей страны преступные элементы. Понятно поэтому, что даже въ Англіи, гдѣ тюрьмы образцовыя, по словамъ Ашротта, господствуетъ сильное теченіе въ пользу того, чтобы давать возможность преступникамъ добрымъ поведеніемъ избавиться отъ клейма: «сидѣлъ въ тюрьмѣ».

Понятно также, если авторъ извѣстнаго сочиненія Die Abschaffung der Strafknechtschaft, 1896—1897, Dr. Julius Vargha говоритъ, что трудно даже понять, какъ люди могли додуматься до того, чтобы собирать всѣ безнравственные элементы со всей страны въ одно мѣсто и надѣяться такимъ образомъ достигнуть какихъ нибудь другихъ цѣлей, кромѣ культувированія преступности и обращенія этихъ самыхъ мѣстъ заключенія въ entehrende Kasernen, обезчещивающія казармы.

Эта послѣдняя мысль, выраженная профессоромъ-теоретикомъ не ему принадлежитъ,—она глубоко почувствована людьми жизни и взята прямо изъ жизни; всѣми безъ исключенія сознается, какой колоссальный вредъ приносятъ тюрьмы; что значитъ «клеймо», налагаемое на сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, насколько тюрьмѣ по самому существу ея присущи такіе недостатки, которые при самомъ образцовомъ устройствѣ устранить нельзя, насколько тюрьма въ самомъ существѣ своемъ принадлежитъ къ той си-

стемѣ наказанія, которая была разсчитана на изверженіе преступника изъ общества. А между тѣмъ, помимо принципіальныхъ взглядовъ, въ силу внѣшнихъ измѣнившихся обстоятельствъ, какъ то; переполненія колоній населеніемъ, отсутствія совсѣмъ не населенныхъ мѣстъ, полной почти отмѣны смертной казни и т. д., изверженіе преступниковъ стало невозможно,—приходится измѣнить самую систему борьбы съ преступленіемъ: вмѣсто системы вывоза отбросовъ соціальнаго организма, надо перейти къ системѣ обезвреженія и оставленія на мѣстѣ, надо принять мѣры къ тому, чтобы преступники, которыхъ приходится оставлять среди общества, могли бы быть составляемы безъ вреда для послѣдняго. И вотъ поэтому понятно что въ наше время, когда и государственные люди совершенно откровенно и прямо, а за ними, хоть и далеко не вполнѣ чистосердечно, и представители науки признаютъ, что дѣло государственной власти — не карать за грѣхи, а бороться съ преступленіемъ, какъ съ соціальнымъ зломъ, болѣзнью, предупреждать совершеніе новыхъ преступленій,—полная несостоятельность тюрьмы, какъ средства борьбы съ преступленіемъ, стала очевидна. Признано, говоря словами того же Варга, что «es war su viel gestraft zu viel gekerkert». Сознана открыто и откровенно необходимость установленія новой системы наказанія, въ которой тюрьма занимала бы мѣсто не цѣлительнаго средства отъ всѣхъ болѣзней, какъ теперь, а лишь неизбѣжнаго зла, предѣлы котораго необходимо, по возможности, ограничить. Если идеалисты-теоретики, идеализируя это движеніе, повторяютъ все чаще tout comprendre c'est tout pardonner, то дѣятели-практики вовсе не думаютъ о прощеніи, объ оставленіи безнаказанными преступниковъ, о капитулированіи предъ грознымъ напоромъ и усиленіемъ преступнаго рецидива, но занялись выработкой цѣлой систеты различныхъ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ. Эти мѣры касаются прежде всего предупрежденія преступленій: таковы разнообразныя обширныя мѣры по борьбѣ съ нищенствомъ, бродяжествомъ, безработицей, созданіе всевозможныхъ рабочихъ домовъ, рабочихъ колоній, странноприимныхъ станцій и т. д.,—цѣлая громадная отрасль дѣятельности, подробно разсмотрѣнная въ обширномъ великолѣпно разработанномъ докладѣ Парижскому конгрессу г.г. Дрейфуса, Ривьера и Дріу (Bullet. Com. pénit. inter. Avril). Связь между устройствомъ рабочихъ домовъ и паденіемъ или ростомъ преступности представлена въ отчетѣ англійскихъ инспекторовъ надъ мѣстными тюрьмами за 1895 г. (Report of the Commis. of Prisons) особой картограммой, причемъ оказывается, что чѣмъ большее число лицъ воспользовалось in-door relief, т. е. помощью съ поступленіемъ въ самый рабочій домъ, тѣмъ меньше содержалось въ тюрьмахъ.

Затѣмъ слѣдуютъ всевозможныя принудительно-воспитательныя заведенія для нравственно-испорченной или преступной молодежи, особые интернаты для алкоголиковъ, какъ людей, которые даютъ высокій процентъ преступности, цѣлый рядъ другихъ мѣръ, которыя французы называютъ «le patronage avant le crime».

Наконецъ и относительно совершившихъ преступленіе примѣняется цѣлый рядъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать разобщенію преступника съ обществомъ, которое вызываетъ тюрьма, и кромѣ «устрашенія» путемъ тюрьмы, въ чемъ весьма сомнѣваются, вызвать въ самомъ преступникѣ желаніе жить согласно съ закономъ, создать въ немъ мотивъ для такой дѣятельности и дать ему возможность такой честной дѣятельности въ рядахъ нормальнаго общества, несмотря на преступное прошлое.

Этими принципами проникнуты институты досрочнаго условнаго освобожденія изъ тюремъ, условнаго осужденія, возстановленія утраченныхъ по суду правъ; во имя этихъ принциповъ стараются сузить ограниченія правъ и вообще всю ту систему дополнительныхъ наказаній съ полицейскимъ надзоромъ, которая такъ пышно цвѣла еще недавно и благодаря которой достигалась одна только цѣль: преступнику, отбывшему наказаніе, какъ бы умышленно затрудняли возможность возвращенія въ нормальное общество, его позорили, клеймили, предавали гласности его прошлое и толкали его такимъ образомъ, какъ бы насильственно въ ряды ремесленниковъ преступленія. Необходимо именно разсматривать институтъ условнаго осужденія въ связи со всѣми другими мѣрами, выдвинутыми упомянутымъ нами движеніемъ; это имѣетъ важное значеніе, ибо только съ такой точки зрѣнія становится понятнымъ все значеніе института, который вовсе не является частичнымъ техническимъ улучшеніемъ, которое можно примѣнить, но безъ котораго можно обойтись, и наоборотъ представляется совершенно необходимымъ въ наше время. Я позволю себѣ одно прозаическое сравненіе: нельзя видѣть въ предлагаемой мѣрѣ сладкій сокъ, благодаря которому вода становится вкуснѣе, но безъ котораго легко можно обойтись, а нѣкоторымъ онъ даже не по вкусу; нѣтъ: предлагаемая мѣра есть тотъ фильтръ, который очищаетъ воду отъ микробовъ и отъ котораго въ наше время, какъ отъ благодѣтельнаго изобрѣтенія, немногіе согласятся отказаться. Только при разсмотрѣніи въ связи со всей системой становится понятнымъ самый характеръ института условнаго осужденія. Онъ является однимъ изъ видовъ наказанія новой системы, а не видомъ помилованія, какъ на него смотритъ старая школа; институтъ условнаго осужденія столько же можетъ быть уподобленъ помилованію, сколько и другіе институты новой системы, досрочное условное освобожденіе, реаби-

литація и т. д. Различіе спеціально реабилитаціи отъ помилованія выражено было прекрасно французскимъ государственнымъ совѣтомъ въ его рѣшеніи 8 іюня 1823 г.; по мнѣнію совѣта: «помилованіе имѣетъ своимъ источникомъ милосердіе короля, реабилитація—его чувство справедливости; помилованіе не уничтожаетъ, не изглаживаетъ судебнаго приговова, а лишь прекращаетъ наказаніе; наоборотъ, право на реабилитацію по закону осужденный пріобрѣтаетъ только по отбытіи наказанія». Фостенъ Эли (Traité d'instruct. criminelle, t. VIII, 1867, ch. II). приводящій рѣшеніе государственнаго совѣта, говоритъ: «Реабилитація принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ учрежденій, которыя преслѣдуютъ цѣль возбудить у человѣка желаніе хорошо себя вести и удерживать его отъ дурнаго приманкой награды. Реабилитація оживляетъ нравственное чувство въ сердцахъ осужденныхъ и возвышаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, давая имъ надежду вступить опять въ жизнь всего общества и возвратить себѣ всѣ права гражданина. Такимъ образомъ, общество заинтересовано въ развитіи реабилитаціи, путемъ которой достигается не только возвращеніе въ общество полезныхъ людей, возрожденіе потерянныхъ для него членовъ, но и поддержаніе всѣхъ осужденныхъ, во время ихъ долгаго испытанія, мыслью о возможности для нихъ возрожденія и предохраненія ихъ отъ нравственнаго паденія увѣренностью, что они будутъ имѣть возможность возвратить себѣ уваженіе общества». Слова, сказанныя Эли относительно реабилитаціи, вполнѣ передаютъ основную мысль института условнаго осужденія; и здѣсь точно также обращаются къ добрымъ, не заглохшимъ еще въ человѣкѣ, инстинктамъ и надеждой освобожденія отъ наказанія, какъ наградой, стараются вызвать преступника къ нормальной жизни. Возможно ли говорить о помилованіи, когда окончательное освобожденіе отъ наказанія въ старомъ смыслѣ слова, т. е. перенесенія матеріальнаго вреда, поставлено въ зависимоссь не отъ милости монарха, а отъ доброй воли осуждаемаго и его желанія воздержаться отъ новыхъ нарушеній закона; какъ могутъ быть согласованы подобныя условія съ основнымъ понятіемъ верховной власти?

Если уподобить условное осужденіе помилованію, то придется принять и процессуальную, такъ сказать, сторону помилованія, т. е. разрѣшеніе вопроса о возможности примѣненія условнаго осужденія высшимъ административнымъ учрежденіемъ на основаніи письменныхъ представленій мѣстныхъ органовъ, а между тѣмъ такое разсмотрѣніе именно не соотвѣтствуетъ существу института, который носитъ вполнѣ судебный характеръ; здѣсь необходима *устность*, личный допросъ осужденнаго, оцѣнка *впечатлѣнія*, производимаго имъ и его отвѣтами; всѣ эти элементы пись-

меннымъ докладомъ переданы быть не могутъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать—какое громадное число случаевъ примѣненія условнаго осужденія, при чемъ каждый случай въ отдѣльности не можетъ, разумѣется, заслуживать какого либо особаго вниманія, и можно сказать то же, что такъ прекрасно сказано редакціонною комиссіею нашего новаго уложенія относительно реабилитаціи: «случаи этого рода едвали могутъ имѣть столь важное значеніе, чтобы каждый разъ восходить на непосредственное усмотрѣніе власти верховной» (Объясненія, т. I, стр. 242).

Если условное осужденіе не помилованіе, то все таки является ли оно наказаніемъ въ томъ смыслѣ, какъ понимается наказаніе въ настоящее время, и можетъ, ли, оно, вообще быть признано наказаніемъ съ точки зрѣнія возмездія? Современныя воззрѣнія, какъ я уже говорилъ выше, сводятъ наказаніе къ причиненію внѣшняго матеріальнаго вреда, и въ этомъ смыслѣ условное осужденіе—не наказаніе. Но и современная система наказаній, основанная на принципѣ возмездія, не придерживается строго вышеупомянутаго пониманія наказанія, и въ ней существуютъ «внушеніе и выговоръ», какъ самостоятельныя наказанія, а въ нашемъ дѣйствующемъ уголовномъ уложеніи оно даже указано для цѣлаго ряда преступленій; между тѣмъ внушеніе входитъ, какъ необходимая составная часть, въ институтъ условнаго осужденія, и слѣдовательно уже по этому одному нельзя отрицать карательнаго характера этого института. Но кромѣ этого имѣется и вторая часть того же условнаго осужденія—это угроза; напрасны въ этомъ отношеніи указанія на то, что будто бы и всѣ остальные, не совершавшіе преступленія, граждане живутъ подъ такой же угрозой—въ случаѣ совершенія преступленія быть наказанными; нѣтъ, тѣ, которые условно осуждены, живутъ подъ совершенно опредѣленной угрозой: сверхъ наказанія за будущее преступленіе отбыть още наказаніе и за прошлое; мало того, въ періодѣ испытанія весьма часто ограничиваются личныя права и преимущества (то, что мы называемъ теперь особенными правами) лицъ испытуемыхъ. Условное осужденіе является несомнѣнно наказаніемъ даже съ точки зрѣнія теоріи возмездія,—оно причиняетъ наказуемому вредъ, правда, не матеріальный, а лишь моральный; но, разумѣется, это наказаніе болѣе утонченное; перемѣна въ этомъ смыслѣ въ системѣ наказаній, предлагаемая новымъ направленіемъ, является не болѣе какъ продолженіемъ дѣла, начатаго Беккаріа, и дальнѣйшимъ осуществленіемъ его принциповъ. Вотъ что говоритъ Беккаріа («О преступленіяхъ и наказаніяхъ», § XV, умѣренность наказанія, пер. Заруднаго, стр. 68 и слѣд.): «Цѣль наказанія вовсе не состоитъ ни въ томъ, чтобы терзать и мучить впечатлительное существо,

ни въ томъ, чтобы уничтожить преступленіе, уже совершенное... Вопли несчастныхъ могутъ ли вырвать изъ времени, которое ничего не возвращаетъ, дѣйствія, уже совершившіяся? Значитъ, цѣль наказанія не можетъ быть иная, какъ прегражденіе виновному всякой возможности нанести обществу такой же ущербъ и отдалить и другихъ отъ подобныхъ злодѣяній. Слѣдовательно, нужно избрать *такія наказанія* и такой способъ ихъ примѣненія, чтобы, сохранивши соразмѣрность наказаній съ преступленіями, сдѣлать болѣе дѣйствительное и болѣе продолжительное впечатлѣніе на духъ людей и менѣе мучительное на тѣло виновнаго... По мѣрѣ того какъ увеличивается суровость казней и человѣческая душа ожесточается.., страны и столѣтія самыхъ лютыхъ казней были всегда поприщемъ самыхъ кровавыхъ безчеловѣчныхъ преступленій. Строгость наказаній должна соотвѣтствовать состоянію самого государства; по мѣрѣ развитія народа въ условіяхъ общежитія, возрастаетъ и впечатлительность и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабляться строгость наказаній»...

Примѣненіе этихъ высокихъ принциповъ можно наблюдать и въ дѣлѣ воспитанія, и здѣсь постепенно измѣняются взгляды на пріемы воспитанія и при томъ въ томъ же направленіи. Давно ли считали, что безъ тѣлесныхъ наказаній нельзя воспитать порядочнаго человѣка, давно ли была въ силѣ поговорка: «за одного битаго можно дать двухъ не битыхъ»; гдѣ же слѣды этого недавняго времени и какъ же произошла собственно эта перемѣна, народилось ли лучшее поколѣніе, къ которому не было надобности примѣнять насильственныхъ мѣръ, или же наоборотъ убѣдились, что насильственными мѣрами только прививаются грубыя чувства, что примѣненіемъ грубыхъ насильственныхъ мѣръ притупляются самыя благородныя чувства, которыя именно необходимо воспитывать въ человѣкѣ, что при примѣненіи насильственныхъ мѣръ ребенокъ скоро *привыкаетъ* къ нимъ, такъ что у воспитателя не остается больше средствъ заставить себя слушаться. Тотъ воспитатель хорошъ, который, не подымая голоса, умѣетъ заставлять себя слушаться, у котораго, какъ это было въ одной частной гимназіи, высшимъ наказаніемъ было не подать школьнику руки, и школьники чувствовали это. Разница возраста и нравовъ не измѣняетъ основнаго принципа. Для того, чтобы подчинить себѣ чужую волю, надо прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ. И при условномъ осужденіи нарушившему законъ причиняютъ вредъ, но не столько матеріальный, сколько моральный, дѣлаютъ ему внушеніе въ судѣ, а затѣмъ заставляютъ его жить подъ угрозой наказанія матеріальнаго, въ случаѣ, если онъ будетъ себя дурно вести.

Принадлежа такимъ образомъ къ новой системѣ болѣе мягкихъ нака-

заній, институтъ условнаго осужденія основанъ и на томъ принципѣ, которымъ проникнуты другіе институты той же системы. Принципъ этотъ есть продуктъ нашего времени и имѣетъ примѣненіе и внѣ системы наказаній; онъ можетъ быть выраженъ такъ: если мы желаемъ удержать человѣка среди нормальнаго общества, хотимъ, чтобы онъ велъ себя какъ приличествуетъ честному, здоровому члену общества, то прежде всего его не надо унижать, надо къ нему относиться съ уваженіемъ, выказывать, что ему довѣряютъ, и тогда онъ будетъ стараться вести себя такъ, чтобы не потерять этого довѣрія, ему будетъ что сохранить; видя, что ег уважаютъ другіе, онъ самъ себя будетъ уважать и будетъ признавать извѣстные поступки несовмѣстными съ своею честью; надо сохранить въ человѣкѣ уваженіе къ себѣ самому, какъ главный стимулъ порядочнаго поведенія. Надо сохранить за человѣкомъ довѣріе, вѣру, что онъ будетъ хорошо себя вести въ будущемъ, даже и послѣ того, что онъ однажды нарушилъ законъ, совершилъ преступленіе или проступокъ, надо допустить, что совершеніе преступленія въ данномъ случаѣ, впервые, не указываетъ на испорченность натуры, а является результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, которое въ данную минуту оказалось сильнѣе, чѣмъ сопротивленіе, которое могъ, по своему характеру, по размѣрамъ своихъ душевныхъ силъ, оказать преступникъ. Надо, однимъ словомъ, вѣрить и допускать, что мы имѣемъ дѣло съ «случайнымъ преступникомъ», а не «преступникомъ по ремеслу», что нѣтъ основаній поэтому опасаться совершенія имъ новаго преступленія, что поэтому его надо сохранить для нормальной жизни и для этого не выбрасывать изъ этой жизни, не клеймить, не позорить наказаніемъ. Среди другихъ институтовъ той же системы институтъ условнаго осужденія имѣетъ своею задачею именно борьбу съ случайнымъ преступникомъ, предназначенъ для наканія такихъ преступниковъ безъ изъятія ихъ изъ среды нормальнаго общества.

Трудно въ настоящее время опредѣлить, какъ широко понятіе случая, «случайности» преступленія, насколько вполнѣ нравственный человѣкъ, нормальный здоровый членъ общества способенъ при стеченіи особыхъ обстоятельствъ, совершить преступленіе. Это громадный вопросъ. Этого вопроса касается отчасти и наше законодательство, освобождая отъ наказанія лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи крайней необходимости, уменьшая наказаніе людямъ, совершившимъ преступленіе въ состояніи крайней нужды; французское законодательство освобождаетъ отъ наказанія за убійство мужа, лишившаго жизни жену, которую онъ засталъ съ любовникомъ. Суды вносятъ коррективъ, оправдывая напримѣръ

матерей, которыя, волнуемыя стыдомъ и страхомъ вслѣдъ за родами, убиваютъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, и т. д. (подр. см. мое соч. «Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи»). Естественныя науки вносятъ свой коррективъ, доказывая, что отдѣльныя дѣйствія человѣка могутъ совершенно расходиться съ общимъ характеромъ человѣка при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, что можно совершить преступленіе въ состояніи Momentirrsinn, моментальнаго помѣшательства, которое не оставляетъ никакихъ за собою слѣдовъ.

Если теперь стать искренно на точку зрѣнія цѣлесообразности при выборѣ наказанія, то едвали возможно будетъ признать правильнымъ и практичнымъ запирать этихъ случайныхъ преступниковъ на долгое время въ тюрьму, клеймить, позорить ихъ; наоборотъ, станетъ вполнѣ понятнымъ и необходимымъ изыскать особыя средства для наказанія этихъ преступниковъ, отнестись къ нимъ иначе.

Далѣе, если наука, какъ можно надѣяться, по прежнему не будетъ признавать существованіе прирожденныхъ преступныхъ типовъ, то понятіе «случайнаго преступника» будетъ все расти, убѣдятся, что всѣ преступники по ремеслу начали съ того, что были преступниками случайными и только благодаря неблагопріятнымъ условіямъ выработались въ ремесленниковъ своего дѣла. А если, какъ я старался доказать выше, однимъ изъ этихъ неблагопріятныхъ условій и притомъ самымъ главнымъ является нынѣ существующая система наказаній, то понятно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ институтъ условнаго осужденія, который поставилъ себѣ задачей спеціально препятствовать переходу преступника случайнаго въ преступника по ремеслу; оставляя случайнаго преступника въ нормальныхъ условіяхъ жизни, условное осужденіе достигаетъ этихъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, даетъ преступнику возможность поддержать связь съ нормальнымъ обществомъ и спеціально сохранить честный заработокъ и, во-вторыхъ, не допускаетъ этого случайно совершившаго преступленіе до общенія въ тюрьмѣ съ ремесленниками преступленія.

Самую функцію наказанія условное осужденіе, какъ показываетъ опытъ, осуществляетъ великолѣпно; внушеніе вмѣстѣ съ угрозой вдвойнѣ быть наказаннымъ при оставленіи осужденнаго въ средѣ нормальнаго общества даетъ прекрасные результаты, число воздержавшихся отъ повторенія преступленія весьма велико. При такихъ условіяхъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если даже въ условномъ осужденіи откажутся совершенно признавать «наказаніе» въ нынѣшнемъ значеніи этого слова— возмездіе, причиненіе вреда (хотя бы моральнаго, а не матеріальнаго), то нельзя будетъ тѣмъ не менѣе не считать условное осужденіе наказаніемъ

въ новомъ смыслѣ слова, съ точки зрѣнія теоріи цѣлесообразности, какъ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣры, и притомъ весьма удачной въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Если примѣненіе условнаго осужденія въ настоящее время ограничивается пока замѣной только краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы, то это потому, во-первыхъ, что краткосрочныя наказанія—самое слабое мѣсто въ нынѣшней неудовлетворительной системѣ наказаній, такое мѣсто, которое представителямъ старыхъ воззрѣній пришлось сдать непріятелю по невозможности дольше защищать, и, во вторыхъ, потому, что боялись (насколько основательно—это другой вопросъ), чтобы примѣненіемъ этого наказанія взамѣнъ болѣе серьезныхъ наказаній не поколебать правового порядка въ государствѣ, не вызвать волненія среди людей, не понимающихъ смысла и значенія этого института.

Что касается того, что краткосрочныя наказанія представляютъ собой самое больное мѣсто существующей карательной системы, то въ этомъ сомнѣній, кажется, нѣтъ; въ этихъ наказаніяхъ основной принципъ нынѣшней карательной системы доведенъ до утрировки; какъ справедливо замѣчаютъ, сыпался и сыплется до сихъ поръ цѣлый дождь краткосрочныхъ наказаній. У Листа, а затѣмъ и у Резенфельда приведены любопытныя данныя: въ Германіи 67% всѣхъ наказаній падаетъ на тюремное заключеніе и изъ этихъ послѣднихъ 80% на наказанія тюрьмой на срокъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, а 1/3 на срокъ, не превышающій трехъ дней; во Франціи 40% всѣхъ присужденныхъ къ тюрьмѣ было назначено наказаніе на срокъ не свыше 2 недѣль; въ Бельгіи изъ числа 90.000 присужденныхъ къ лишенію свободы 72.210 присуждено было къ тюрьмѣ, и изъ нихъ 35.685—къ заключенію на срокъ отъ 8 дней до 1 мѣсяца и т. д. Не можетъ быть сомнѣнія, что такое краткое лишеніе свободы не можетъ имѣть особо устрашающаго значенія и только даетъ случаи осужденному познакомиться и сойтись съ преступнымъ людомъ. Понятно поэтому мнѣніе Листа, который находитъ, что главныя мѣста, гдѣ вырабатываются преступники по ремеслу—это провинціальныя маленькія тюрьмы, кабаки и публичные дома. Какъ говоритъ Готье, женевскій профессоръ (Revue pénale suisse 1890), въ статьѣ «A propos de la condamnation conditionnelle», «покарать преступника немилосердно за первое же преступленіе—это значитъ вызвать въ немъ отчаяніе, которое приводитъ къ поступкамъ неблагоразумнымъ, это значитъ толкать его къ неминуемой гибели, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ нашими тюрьмами, онъ перестанетъ ихъ бояться». Понятенъ поэтому и выводъ Готье, который онъ вкладываетъ въ уста одного изъ заключенныхъ: «Лучшее средство сдѣлать тюремное заключеніе

дѣйствительнымъ—это сажать въ тюрьмы какъ можно меньше народа». Ту же мысль высказываетъ тюрьмовѣдъ Кроне (цитир. у Aschrott, Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafe, 1889), который говоритъ: «Мечъ, который употребляютъ для колки дровъ, отказывается служить въ день битвы». Общій характеръ системы краткосрочныхъ наказаній Готье опредѣляетъ такъ: «Мы фабрикуемъ рецидивистовъ путемъ краткосрочныхъ наказаній, расходуя при этомъ на это громадныя средства».

Не можетъ быть, разумѣется, сомнѣній въ необходимости замѣны подобныхъ наказаній, которыя примѣнялись и примѣняются только для удовлетворенія логической послѣдовательности или лучше, сказать, просто научнаго силлогизма: всѣ преступленія должны быть наказаны; данное дѣяніе есть преступленіе, слѣдовательно, оно должно быть наказано, хотя бы только для вида. Это лицемѣріе несомнѣнное, но научная логика торжествуетъ. Не можетъ быть сомнѣній въ полезности при такихъ условіяхъ примѣнять наказанія, все равно пользы отъ примѣненія не будетъ, а вредъ несомнѣненъ. Какія статистическія вычисленія точно опредѣлятъ, сколькимъ изъ числа тѣхъ преступниковъ, которые за первое же преступленіе подверглись тюремному заключенію, это заключеніе принесло вредъ, а сколько изъ нихъ и безъ тюрьмы выработались бы въ рецидивистовъ! Всякій расчетъ, подобно приведенному нами выше изъ англійскихъ отчетовъ, указывающій, сколько изъ отбывшихъ впервые наказаніе въ тюрьмѣ не возвращается въ нее болѣе, всегда будетъ приблизителенъ; такъ точно и вліяніе на уменьшеніе рецидива института условнаго осужденія статистически не скоро можно будетъ опредѣлить, въ особенности потому, что ростъ рецидива не есть что-нибудь опредѣленное, постепенное,—слишкомъ часты скачки, а, слѣдовательно, не скоро представится возможность опредѣлить, какъ бы рецидивъ развивался безъ условнаго осужденія, и каково вліяніе послѣдняго? Но и теперь нельзя не признать, что результаты блестящіе; благодаря введенію института обнаружена наличность 93 и болѣе процентовъ случайныхъ преступниковъ, въ отношеніи которыхъ задача государственной власти должна быть, такъ сказать, отрицательная: воздержанія отъ тѣхъ неудачныхъ карательныхъ мѣръ, которыя изгоняютъ осужденныхъ изъ рядовъ нормальнаго общества и толкаютъ ихъ на путь порока и преступленія.

Какое громадное значеніе пріобрѣтено этимъ институтомъ при осужденіяхъ за кражи; преступленіе это, безспорно, незамысловатое, какъ часто совершается оно впервые по неразумѣнію, непониманію важности этого преступленія, по неумѣнію молодого человѣка сдержать себя въ желаніи покутить, столь естественномъ въ ранніе молодые годы, по неумѣнію

найти работу; такое единичное проявленіе невоздержанности, заслуживающее и порицанія, и наказанія, тѣмъ не менѣе не свидѣтельствуетъ еще вовсе о преступности натуры, о негодности къ жизни среди нормальнаго общества. Если, благодаря условному осужденію, такой молодой человѣкъ останется на свободѣ въ прежнихъ условіяхъ, то, можетъ быть, и бывшій его хозяинъ сжалится надъ нимъ и проститъ его на первый разъ, можетъ быть, близкіе помогутъ пристроиться къ дѣлу; но лицо, отбывшее тюремное заключеніе за кражу, уже не можетъ надѣяться получить занятіе, оно всѣмъ внушаетъ недовѣріе, а такъ какъ существовать и кормиться надо, то приходится вышедшему изъ тюрьмы идти въ рабочіе воровскаго ремесла, становиться въ особую экономическую зависимость отъ мастеровъ капиталистовъ воровскаго ремесла, которые, давая такимъ рабочимъ ничтожное вознагражденіе, гораздо меньше чѣмъ то, которое получаютъ честные работники, посылаютъ ихъ совершать кражи, весьма часто указывая и лицъ, которыхъ можно обокрасть; все похищенное, часто представляющее имущество на большія суммы, переходитъ въ руки мастеровъ, которые и продаютъ похищенное въ свою пользу; ремесло оказывается выгоднымъ для мастеровъ, для рабочихъ же оно не достаточно и для скуднаго пропитанія, какъ показываютъ обыски у подобныхъ воровъ. Такова жизнь. Какъ же относится современное законодательство, напр., нынѣ дѣйствующее уложеніе къ этимъ явленіямъ жизни? Оно караетъ самыми суровыми мѣрами несчастныхъ рабочихъ воровскаго ремесла подъ видомъ физическихъ виновниковъ и ограничивается весьма слабымъ наказаніемъ относительно мастеровъ, какъ «укрывателей» преступленія. Мнѣ могутъ возразить, что въ своемъ примѣрѣ я въ сущности предусматриваю шайку, но это далеко не такъ, никакого сообщества нѣтъ, есть отдѣльные «хозяева», какъ и въ нормальной, частной жизни, и у этихъ хозяевъ можно получить «работу», и получаютъ ее такъ же поштучно, какъ и въ обыкновенной жизни. А въ концѣ концовъ несомнѣнно, что воровство выработалось въ ремесло, и надо прежде всего прекратить, или по крайней мѣрѣ затруднить пополненіе контингента рабочихъ, не лишать преступниковъ случайныхъ, начинающихъ, заключеніемъ ихъ въ тюрьму возможности находить честный заработокъ и не вынуждать ихъ искать у мастеровъ воровскаго ремесла работы, какъ единственной имъ, при такихъ условіяхъ, доступной. Вотъ тутъ то и окажетъ неоцѣненныя услуги институтъ условнаго осужденія; лучшаго средства нѣтъ ибо патронатство, несмотря на симпатичность основной мысли, на дѣлѣ оказывается безсильнымъ, клеймо тюрьмы слишкомъ отталкиваетъ, и обществамъ патронатства, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, удается рекласcировать сравнительно ничтожную часть отбывшихъ въ тюрьмѣ наказаніе.

Значеніе выгодъ, получаемыхъ при примѣненіи института условнаго осужденія, станетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе, что собственно вреда отъ примѣненія его быть не можетъ; если условное осужденіе примѣнено къ лицу, этого недостойному, то, вѣдь, такое лицо, въ свое время, при совершеніи новаго преступленія, не избѣжитъ наказанія и за первое преступленіе, слѣдовательно, правосудіе будетъ во всякомъ случаѣ удовлетворено, а при такихъ условіяхъ всякое удачное примѣненіе института является уже безспорной и прямой выгодой, прямой побѣдой въ борьбѣ съ преступностью и рецидивомъ.

Но, можетъ быть, удачное примѣненіе института особо трудно, требуетъ отъ судьи какихъ либо особыхъ познаній, способностей. Если видѣть въ условномъ осужденіи помилованіе, то тогда несомнѣнно придется признать, что судьѣ ввѣряется чрезвычайная власть, которой далеко не всякій судья достоинъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ на петербургскомъ тюремномъ конгрессѣ Принсъ (Actes vol. I., p. 163), то же самое можно сказать и о многихъ другихъ законахъ; на такомъ взглядѣ можно настаивать и по поводу голландскаго закона, который даетъ судьѣ просторъ въ назначеніи тюремнаго заключенія на срокъ отъ 1 дня до 24 лѣтъ, по поводу бельгійскаго закона, назначающаго наказаніе за простую кражу отъ трехъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и болѣе. Утверждать что-либо подобное—то же самое, что заявлять, что судья не знаетъ или не исполняетъ своихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ обязанности судьи, по примѣненію условнаго осужденія не сложнѣе другихъ его обязанностей; развѣ не то же ли самое ему нужно при этомъ продѣлать, какъ и при осужденіи и оправданіи обвиняемаго? Вѣдь, это въ теоріи говорится, что судьей разрѣшается только вопросъ о доказанности и наказуемости вмѣняемаго дѣянія; въ дѣйствительности всякій самыхъ заурядныхъ способностей и старательности судья останавливается въ силу вещей на личности подсудимаго, на его прошлой жизни и прецедентахъ, такъ какъ выясненіе личности служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ раскрытія истины и разрѣшенія вопроса о виновности. Но развѣ для примѣненія условнаго осужденія нужны еще какія либо другія данныя и соображенія, кромѣ выясненія личности обвиняемаго и его прецедентовъ?

Примѣненіе условнаго осужденія можетъ быть приравнено по трудности подлежащихъ рѣшенію вопросовъ дачѣ снисхожденія и соотвѣтственному уменьшенію наказанія; и здѣсь, и тамъ приходится останавливаться на личности подсудимаго и особенностяхъ его характера. Напрасно думать, что судья можетъ проникнуть въ душу судимаго лица и рѣшить

вопросъ, выйдетъ ли изъ него преступникъ по ремеслу, или оно ограничится только даннымъ преступленіемъ; это область предсказаній, а судья судитъ на основаніи фактовъ, и потому, разъ судьѣ точно извѣстно, что подсудимый прежде не судился (преступленія, къ которымъ примѣнимо условное осужденіе, могутъ быть въ законѣ перечислены, съ исключеніемъ нарушеній закона, указывающихъ на занятіе преступленіемъ, какъ промысломъ), что у него было постоянное занятіе и обезпечена возможность полученія таковаго и въ настоящее время, что отзывы о немъ хозяевъ его, потерпѣвшаго или свидѣтелей не характеризуютъ его, какъ преступника по ремеслу, онъ не поступитъ особенно смѣло, если примѣнитъ условное осужденіе. Я долженъ пояснить: свидѣтели очень ясно отвѣчаютъ на вопросъ, касающійся характеристики подсудимаго, они говорятъ: «нѣтъ, кромѣ этого раза ничего слышно не было, все таки живетъ поблизости»; эти слова: «не слышно было» многозначительнѣе всякихъ справокъ о судимости, всякаго заключенія эксперта.

Такъ просто смотрятъ на примѣненіе института условнаго осужденія и европейскія законодательства; мы знаемъ, что въ Массачузетсѣ долгое время рѣшающій голосъ принадлежалъ начальнику полиціи, теперь особымъ чиновникамъ, поставленнымъ въ зависимость отъ суда, но имѣющимъ права чиновъ полиціи; въ Бельгіи, а равно Люксембургѣ, примѣненіе института ввѣрено и судамъ простой полиціи. И никакого волненія примѣненіе института не вызываетъ, не слышно ни нареканій, ни опасеній; послѣднія раздавались только до введенія.

Въ этомъ отношеніи интересно остановиться на женевскомъ кантонѣ, находящемся въ особыхъ условіяхъ. Какъ замѣчаетъ Эрнестъ Пико въ статьѣ о примѣненіи условнаго осужденія въ этомъ кантонѣ (Revue pénale snisse, 1896, 1—2 Heft), женевскій законъ объ условномъ осужденіи (29 oct. 1892) не опредѣляетъ точно своего требованія о domicile réel отъ лица, подлежащаго условному осужденію, поэтому зачастую примѣненіемъ пользуются подданные другихъ государствъ, которые, благодаря малому пространству, занимаемому кантономъ, легко уходятъ за границу, а тѣмъ не менѣе примѣненіе института не только не вызвало волненія среди кантональнаго населенія, а наоборотъ съ каждымъ днемъ институтъ становится все популярнѣе, присяжные съ удовольствіемъ примѣняютъ условное осужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ наказать подсудимаго скорѣе морально, чѣмъ матеріально, и хотятъ избавить его отъ пребыванія въ тюрьмѣ.

Приведенныя выше данныя и соображенія даютъ мнѣ, казалось бы, право заключить, что условное осужденіе, являясь однимъ изъ лучшихъ

средствъ борьбы съ преступностью, не требуетъ для своего примѣненія какихъ либо особыхъ условій. Если принять въ соображеніе всѣ выгодныя стороны этого института, то вполнѣ естественно остановиться на мысли о полезности введенія его въ Россіи. Но можетъ быть въ Россіи нѣтъ тѣхъ основаній и причинъ, которыя вызвали описанное нами выше движеніе въ европейскихъ государствахъ и оправдывали появленіе этого института? Быть можетъ у насъ рецидивъ мало развитъ и не усиливается, къ особо краткосрочному лишенію свободы мы не прибѣгаемъ и не предполагаемъ прибѣгать, а тюрьмы наши лучше поставлены, чѣмъ въ Западной Европѣ? Предположенія эти не вѣрны; наоборотъ, всѣ тѣ причины, которыя обусловили введеніе условнаго осужденія въ Западной Европѣ, существуютъ и у насъ, и нѣкоторыя даже въ болѣе сильной степени.

Къ сожалѣнію вполнѣ точныхъ статистическихъ цифръ я представить не могу. Прежде всего мы собираемся только выяснить дѣйствительные размѣры населенія русскаго государства, а съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть, возможно будетъ установить, хотя приблизительно, и процентъ ежегоднаго увеличенія населенія; безъ этихъ свѣдѣній нельзя судить о томъ, растетъ ли преступность быстрѣе, чѣмъ населеніе, или параллельно, или даже менѣе быстро. Затѣмъ, нельзя не имѣть въ виду пробѣлы нашей статистики уголовной; она разрабатывается только относительно части Европейской Россіи, не касаясь ни Кавказа, ни Царства Польскаго, ни сѣверныхъ губерній; затѣмъ указываемыя ею цифры рецидива и неточны, по признанію самого статистическаго отдѣленія, и не полны, ибо фактически въ части статистики общихъ судебныхъ мѣстъ касаются только тѣхъ преступленій, которыя вносятся въ справки о судимости, что же касается до мировой юстиціи, то статистика имѣетъ свѣдѣнія только о числѣ лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, и общаго числа осужденныхъ не знаетъ; мнѣ удалось частнымъ образомъ получить изъ статистическаго отдѣленія свѣдѣнія о всѣхъ осужденныхъ мировыми судьями, но лишь за 1895 г.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій я долженъ сказать, что число осужденныхъ общими судебными мѣстами (окружными судами и судебными палатами) колеблется мало: въ 1888 г. оно составляло 39.000 чел., въ 1889 г.—37.259 чел., въ 1890 г.—38.801 чел., въ 1891 г.—39.241 чел., въ 1892 г. 39.395 чел.; наклонность къ повышенію есть, но неровная; цифры, указывающія число рецидивистовъ (крайне неточныя), не выходятъ, за исключеніемъ 1891 года, изъ 8.800 съ десятками. Повышается, хотя и не особенно значительно, число лицъ, присужденныхъ къ тюрьмѣ (съ ограниченіемъ и безъ ограниченія правъ) въ особенности,

если не брать 1888 г., который вообще представляется, повидимому, исключительнымъ; въ 1889 г.—10.195 присужденныхъ, въ 1890 г.—10.962, въ 1891 г.—11.280, въ 1892 г.—11.742. Если обратиться къ мировой юстиціи, то здѣсь увеличеніе примѣненія тюремнаго заключенія особенно ярко замѣтно; въ 1888 г. было присуждено къ тюрьмѣ—53.656 чел., въ 1889 г.—57.120 чел., въ 1890 г.—71.543, въ 1891 г.—63.310, въ 1892 г.— 73.015 чел.; число рецидивистовъ среди присужденныхъ мировыми судебными учрежденіями къ тюремному заключенію, если не считать 1890 г., замѣтно увеличивается; въ 1888 г.—9.696, въ 1889 г.—10.191 г. въ 1891 г.—11.802, въ 1892 г.—12.797 (въ 1890 г. было 12.965). Вышеприведенныя данныя указываютъ во всякомъ случаѣ на несомнѣнное увеличеніе примѣненія тюремнаго заключенія вообще и въ частности, въ особенности тюремнаго заключенія безъ ограниченія правъ, краткосрочнаго, назначаемаго судебно-мировыми учрежденіями, въ то же время ростъ рецидива, въ особенности среди присужденныхъ къ тюрьмѣ мировыми учрежденіями, также несомнѣненъ; слѣдовательно, явленіе то же самое, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Западной Европѣ, а не надо забывать, что у насъ нѣтъ свѣдѣній вовсе о числѣ присужденныхъ къ аресту, а въ особенности о числѣ отбывавшихъ арестъ, представляющій тоже краткосрочное лишеніе свободы. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя у меня имѣются за 1895 г., оказывается, что почти $^2/_3$ всѣхъ осужденныхъ мировыми судебными учрежденіями было присуждено къ денежному взысканію, но сколько изъ нихъ отбыло арестъ взамѣнъ денежнаго взысканія—остается неизвѣстнымъ, а между тѣмъ практически извѣстно, что большая часть не уплачиваетъ денежныхъ взысканій и отбываетъ арестъ.

Для разрѣшенія вопроса о краткосрочности назначаемыхъ лишеній свободы статистика наша не даетъ никакихъ данныхъ. Я попытался, однако, на основаніи данныхъ отчета по главному тюремному управленію за 1894 годъ, сдѣлать приблизительное вычисленіе средняго срока отбыванія тюремнаго заключенія. Я разсуждалъ такимъ образомъ: средне-суточный составъ присужденныхъ къ тюремному заключенію показанъ въ отчетѣ въ 36.373 чел., весь же средне-суточный составъ тюремъ общаго устройства и мѣстъ заключенія Привислинскаго края—78.259 чел., слѣдовательно присужденные къ тюремному заключенію (съ ограниченіемъ и безъ ограниченія правъ) составляли $46^1/_2\%$ всего состава, а такъ какъ въ теченіе года перебывало въ этихъ тюрьмахъ 652.827 чел.. то слѣдовательно присужденныхъ къ тюремному заключенію всего перебывало 303.564 чел.; если раздѣлить это число на средне-

суточный составъ, то окажется, что средне-суточный составъ обновился въ теченіе года 8 1/5 разъ, т. е. приблизительно въ среднемъ срокъ тюремнаго заключенія опредѣлился въ 43 дня, т. е. менѣе 1 1/2 мѣсяца. Едвали могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что, даже при образцовомъ устройствѣ, въ теченіе 43 дней нельзя исправить арестантовъ, нельзя ихъ научить какой либо работѣ, а слѣдовательно и приспособить къ какой нибудь работѣ.

Не надо также забывать ту перемѣну въ отношеніи свободы судей въ опредѣленіи размѣра наказанія, которая произойдетъ съ введеніемъ у насъ новаго уголовнаго уложенія. Положенія проекта (ст. 16, 17, 18), предоставляющія судьѣ право назначать заточеніе на время отъ двухъ недѣль до одного года и арестъ на срокъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ, несомнѣнно крайне расширятъ права судьи, а слѣдовательно и увеличатъ возможность болѣе частыхъ назначеній краткосрочныхъ лишеній свободы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наши судьи вполнѣ заслуживаютъ такого довѣрія и что вообще предполагаемая мѣра представляется вполнѣ отвѣчающей современнымъ взглядамъ на отправленіе правосудія, но фактъ возможности увеличенія числа краткосрочныхъ наказаній внѣ сомнѣнія.

Если краткосрочныя наказанія лишеніемъ свободы признаются въ Западной Европѣ, какъ мы видѣли выше, зломъ современной карательной системы, если тюрьмы, несмотря на возможно образцовое устройство ихъ, признаются не полезнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ, а лишь неизбѣжнымъ зломъ, которое, стремятся со всѣхъ сторонъ ограничить, то что же сказать намъ съ нашими тюрьмами, которыя не могутъ выдержать ни въ какомъ отношеніи сравненія съ западноевропейскими?

Дѣйствительно, нашимъ тюрьмамъ не достаетъ двухъ условій, составляющихъ основу всего западно-европейскаго тюремнаго режима: во-первыхъ, у насъ почти не организованы въ мѣстныхъ, т. е. губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, арестантскія работы, а, во-вторыхъ, у насъ всѣ тюрьмы устроены по системѣ общаго, а не одиночнаго заключенія.

Первому вопросу объ арестантскомъ трудѣ въ нашихъ и европейскихъ тюрьмахъ я посвятилъ отдѣльную работу и позволю себѣ здѣсь ограничиться только статистическимъ, такъ сказать, сравненіемъ: въ Англіи и Бельгіи въ мѣстныхъ тюрьмахъ работами занято около 75% (въ Бельгіи 78%) всего состава арестантовъ; у насъ же въ губернскихъ 28 1/5%, а въ уѣздныхъ 20 19/20%; казалось бы, сравненія этого достаточно, оно многое говоритъ, въ особенности, если вспомнить, что весь внутренній пенитенціарный строй европейскихъ тюремъ, т. е. иначе всѣ взысканія и всѣ

поощренія арестантовъ пріурочены и основаны на организаціи тюремныхъ работъ.

Несомнѣнно, что хотя на пути организаціи арестантскихъ работъ въ нашихъ тюрьмахъ и возникали до сихъ поръ затрудненія, но ихъ въ значительной степени можно устранить и организовать работы, которыя займутъ большую часть арестантовъ; для заведенія ихъ, разумѣется, потребуется извѣстное время, и довольно продолжительное, но все же это вопросъ не столь сложный, какъ второй: о переходѣ отъ системы общаго заключенія къ системѣ одиночнаго; цифры и здѣсь представятъ намъ яснѣе всякихъ объясненій положеніе дѣла. Въ мѣстахъ заключенія Россіи за послѣдніе годы среднесуточно содержалось не менѣе 100.000 человѣкъ, а одиночныхъ камеръ числилось въ 1895 году всего 5.448; постройка каждой одиночной камеры обходится намъ дорого, приблизительно отъ 1.500 до 2.000 руб., а на новыя тюремныя постройки ассигнуется ежегодно 500 тысячъ рублей, т. е. 100.000 камеръ можетъ быть отстроено приблизительно черезъ 400 лѣтъ. При несомнѣнной бѣдности Россіи сравнительно съ европейскими государствами, можемъ ли мы мечтать объ устройствѣ особыхъ интернатовъ для рецидивистовъ и другихъ особыхъ видовъ мѣстъ заключенія, когда у насъ нѣтъ домовъ для страдающихъ буйнымъ помѣшательствомъ, для людей, совершившихъ въ этомъ состояніи тяжкія преступленія.

Если кромѣ того имѣть въ виду, что, благодаря громадности нашей территоріи и разстояніямъ между городами, приходится содержать чрезвычайно большое число тюремъ, на сокращеніе числа которыхъ, въ виду этихъ условій, а равно и дурныхъ путей сообщенія, разсчитывать нельзя, то станетъ совершенно ясно, что съ нынѣшнимъ состояніемъ тюремъ придется еще долго мириться.

Но если въ тюрьмахъ нѣтъ одиночнаго заключенія и нѣтъ заведенныхъ работъ, если такимъ образомъ въ одинѣ и тѣ же камеры заключаются и опытные рецидивисты, и случайные преступники, если единственнымъ способомъ заполненія свободнаго времени для заключенныхъ является «обмѣнъ мыслей», т. е., иначе говоря, обученіе преступному ремеслу опытными неопытныхъ, если при такомъ положеніи нѣтъ и дѣйствительной тюремной дисциплины, которая въ западно-европейскихъ тюрьмахъ основывается, главнымъ образомъ, на организаціи арестантскаго труда, то спрашивается, способствуютъ ли наши тюрьмы ослабленію, или же, наоборотъ, усиленію преступности въ странѣ, можно ли разсчитывать бороться съ преступностью въ Россіи путемъ тюремъ, или же надо принять всѣ мѣры для возможнаго ограниченія примѣненія этого «неизбѣж-

наго» зла? Могутъ ли наши тюрьмы при такомъ же состояніи, очевидно всѣмъ извѣстномъ, пользоваться хорошей репутаціей среди русскаго общества и не накладывается ли тюремнымъ сидѣньемъ такое неизгладимое пятно, которое совершенно исключаетъ возможность послѣдующаго честнаго заработка и принятія обратно въ члены нормальнаго общества; у насъ почти нѣтъ обществъ патронатства, но я глубоко убѣжденъ, что если бы они были, то дѣятельность ихъ совершенно парализовалась бы состояніемъ нашихъ тюремъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго, я думаю, едвали я встрѣчу особыя возраженія, если скажу, что, разумѣется, необходимо удалить изъ нашихъ школъ преступности хоть начинающихъ, случайныхъ преступниковъ и что, слѣдовательно, желательно даже болѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, ввести у насъ институтъ условнаго осужденія, тѣмъ болѣе, что введеніе этого института не только не потребуетъ особыхъ затратъ, но дастъ еще возможность сдѣлать большія сбереженія.

При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, что должны существовать какія либо особыя непреодолимыя препятствія для того, чтобы возможно было отказаться отъ введенія института условнаго осужденія. Едвали такимъ препятствіемъ можетъ служить трудность примѣненія института условнаго осужденія или несоотвѣтствіе этой задачѣ нашей судебной организаціи.

Выше я изложилъ соображенія въ подтвержденіе того, что примѣненіе условнаго осужденія вовсе не можетъ представлять особыхъ затрудненій, что судьѣ вовсе не дается какихъ либо особыхъ правъ выше и больше обыкновенныхъ судейскихъ и что поэтому нѣтъ основаній бояться судейскаго произвола. Близко зная нашу судебную организацію и нашъ судебный персоналъ, я не сомнѣваюсь въ полной возможности порученія ему примѣненія института условнаго осужденія.

Наши великолѣпные судебные уставы 20 ноября 1864 г., какъ извѣстно, не остались архитектурнымъ планомъ, проектомъ; наоборотъ, они вошли въ русскую жизнь, матеріализовались, если можно такъ выразиться, нашли достойныхъ исполнителей; на почвѣ судебныхъ уставовъ воспитались и выработались настоящіе судебные дѣятели, создались типы судебныхъ дѣятелей, не уступающіе лучшимъ такимъ же типамъ у другихъ народовъ.

---

[1]) Я не говорю о нашихъ арестныхъ домахъ: они помѣщаются большею частью въ наемныхъ помѣщеніяхъ, вовсе не устроены по типу мѣстъ заключенія и являются скорѣе плохими гостинницами для простого народа.

Мало того, выработались и были усвоены обществомъ во всѣхъ его слояхъ извѣстные прочные взгляды на правосудіе, исключающіе всякую мысль о пристрастіи и произволѣ, установилось извѣстное судебное правописаніе, котораго всякій, соприкасающійся съ судебнымъ дѣломъ, являлся вынужденнымъ держаться, подъ опасеніемъ прослыть неграмотнымъ.

Какъ извѣстно, однако, съ изданіемъ положенія 12 іюля 1889 г. судебная власть была ввѣрена и новымъ органамъ, располагающимъ одновременно и административной властью, причемъ такое смѣшеніе въ одномъ лицѣ власти административной и судебной повело къ недоразумѣніямъ и вызываетъ нареканія. Если остановиться внимательнѣе на этихъ нареканіяхъ, то окажется, что земскихъ начальниковъ, главнымъ образомъ, упрекаютъ въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, ненамѣренно, а многіе можетъ быть и умышленно, не проводятъ должнаго различія между властью административной и судебной и тѣ дѣла, которыя слѣдовало бы разрѣшить въ порядкѣ судебномъ, разрѣшаютъ въ порядкѣ административномъ. Гораздо меньше указаній на то, чтобы земскіе начальники, разбирая дѣла въ чисто судебномъ порядкѣ, допускали «явныя нарушенія закона», въ этой области имъ пришлось усвоить себѣ судебное правописаніе; ихъ протоколы показаній и ихъ приговоры часто представляютъ просто повтореніе прежнихъ протоколовъ и приговоровъ мировыхъ судей, отъ которыхъ они получили большею частью и письмоводителей; не надо также забывать, что по судебнымъ дѣламъ установленъ точно порядокъ обжалованія и надъ земскимъ начальникомъ учреждены инстанціи, въ которыхъ судебному вѣдомству дано солидное представительсто. На болѣе законное направленіе дѣятельности земскихъ начальниковъ по дѣламъ чисто судебнымъ указываетъ, по моему, и сравнительно небольшое число ходатайствъ предъ Министромъ Юстиціи о направленіи дѣлъ въ порядкѣ примѣчанія къ ст. 130 пол. зем. нач. Я привожу эти соображенія съ цѣлью указать, что особыя свойства института земскихъ начальниковъ едвали должны быть признаны препятствіемъ въ дѣлѣ примѣненія у насъ условнаго осужденія. По моему мнѣнію, однако, безусловно необходимо, при разрѣшеніи вопроса о возможности ввѣрить земскимъ начальникамъ примѣненіе института условнаго осужденія (еслибы мы остановились на бельгійскомъ образцѣ), имѣть въ виду, что этотъ институтъ носитъ чисто судебный характеръ, и въ порядкѣ административномъ его примѣнять нельзя; судьѣ слѣдуетъ прежде постановить приговоръ, а слѣдовательно прибѣгнуть и къ судебному правописанію и затѣмъ уже особымъ мотивированнымъ постановленіемъ, подлежащимъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ,

отсрочить примѣненіе наказанія, а при такихъ условіяхъ можно было бы опасаться развѣ лишь того, что земскіе начальники будутъ избѣгать примѣненія этого института. Наконецъ, можно было бы потребовать особыхъ гарантій, особой мотивировки, представленія въ извѣстныхъ случаяхъ на утвержденіе уѣздныхъ съѣздовъ, которые въ случаѣ надобности могутъ вызвать обвиняемаго и провѣрить личнымъ передопросомъ соображенія земскаго начальника.

Но еслибы даже было признано невозможнымъ поручить земскимъ начальникамъ примѣненіе института условнаго осужденія, то можетъ ли такое разрѣшеніе этого вопроса опредѣлить судьбу этого института въ Россіи? Нельзя забывать о цѣломъ рядѣ другихъ органовъ судебной власти, не исключая, разумѣется, ни уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, ни городскихъ судей, относительно годности которыхъ для примѣненія института условнаго осужденія не можетъ возникать никакихъ сомнѣній.

Къ тому же, не вся территорія Россійской Имперіи ввѣрена власти земскихъ начальниковъ, такъ что если, введя институтъ условнаго осужденія въ наше уголовное уложеніе, законодатель пожелалъ бы предварительно испытать, какіе результаты дастъ примѣненіе этого института въ Россіи, то возможно было бы ввести въ дѣйствіе этотъ институтъ лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились прежніе выборные мировые судьи, или гдѣ введенъ институтъ мировыхъ судей по назначенію; въ годности мироваго института для этихъ цѣлей едвали можетъ быть сомнѣніе, да оно, какъ кажется, и не возбуждалось, а поле для испытанія было бы обширное: сюда вошли бы и наши столицы и нѣкоторые умственные центры, такія окраины какъ вполнѣ русскій малороссійскій юго-западный край.

Указываютъ и еще на одно препятствіе въ дѣлѣ введенія у насъ института условнаго осужденія, препятствіе, коренящееся въ сравнительно гораздо большемъ, чѣмъ въ Западной Европѣ, и притомъ постоянномъ передвиженіи нашего населенія съ мѣста на мѣсто; благодаря этому передвиженію, невозможно было бы организовать ни правильнаго надзора за условно осужденными, ни точнаго установленія тождества личности прежде судившейся.

Основываясь на изслѣдованіяхъ В. И. Чаславскаго (Земледѣльческіе отхожіе промыслы въ связи съ переселеніемъ крестьянъ, «Сборн. госуд. знан.», 1875 г., т. II), Ю. Янсона (Сравнит. статист. Россіи и западноевропейск. госуд., т. I, стр. 351 и сл.), ст. Ѳ. Г. Тернера (Переселенческое дѣло, «Вѣстн. Европы», 1897 г., мартъ), я позволю себѣ замѣтить, что хотя дѣйствительно у насъ кромѣ чисто переселенческаго движенія и

прилива населенія изъ селъ къ городамъ (главнымъ образомъ къ столицамъ — явленій, существующихъ въ Западной Европѣ въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ у насъ—существуетъ еще движеніе на отхожіе промыслы, но собственно движеніе на отхожіе промыслы неземледѣльческое можетъ быть почти отождествлено съ приливомъ къ столицамъ и городамъ. Что же касается до движенія на промыслы чисто земледѣльческіе, то оно, возникая въ губерніяхъ черноземныхъ (Полтавской и др.), направляется въ Таврическую, Херсонскую, Саратовскую губ., Донскую область; идя всегда съ запада на востокъ, въ опредѣленномъ порядкѣ, движеніе это продолжается сравнительно очень недолго, самое бо́льшее съ весны до осени, а главнымъ образомъ на время жатвы; послѣ окончаніи работъ все возвращается на прежнія мѣста.

Но помимо совершенной опредѣленности направленія и даже, позволю себѣ сказать, регулярности, необходимо имѣть въ виду, при оцѣнкѣ значенія всѣхъ передвиженій населенія, совершающихся въ Россіи, тѣ узы общественныя, которыя и въ настоящее время прочно связываютъ нашъ народъ; земля, какъ бы ея мало ни было, привязываетъ къ себѣ крестьянина, и порывать съ ней связь не такъ легко; паспортная система, хоть и облегченная, все же сильно регулируетъ передвиженіе.

Наконецъ, мы не знаемъ того громаднаго безземельнаго пролетаріата, который наполняетъ Европу и который предается бродяжничанью, которое все усиливается и составляетъ, по словамъ Дрейфуса и др. въ ихъ работахъ, представленныхъ Парижскому тюремному конгрессу, колоссальное зло. Не надо также забывать о ничтожныхъ сравнительно съ Россіей размѣрахъ территорій европейскихъ государствъ и сравнительно чрезвычайной близости границъ, легкость перехода которыхъ, несомнѣнно, весьма затрудняетъ всякое судебное преслѣдованіе.

Такимъ образомъ, передвиженія русскаго народа едва ли могутъ служить препятствіемъ для примѣненія у насъ условнаго осужденія.

Я не сомнѣваюсь, что введеніе института условнаго осужденія встрѣчено было бы сочувственно среди русскихъ юристовъ и среди всѣхъ классовъ нашего общества, питающаго твердое и неизмѣнное недовѣріе къ нашимъ тюрьмамъ.

Наши юристы давно оставили уже (за немногими исключеніями покойныхъ Неклюдова и Тальберга) теорію возмездія и потому къ условному осужденію принципіально относятся сочувственно.

Такъ, Н. С. Таганцевъ высказалъ въ своихъ соображеніяхъ с.-петербургскому тюремному конгрессу слѣдующее (я цитирую по лекціямъ, вып. IV, стр. 1839): «Если цѣлесообразность карательной дѣятельности

государства представляется вполнѣ законнымъ ея элементомъ, то условное осужденіе является необходимою ступенью въ прогрессивномъ развитіи уголовнаго законодательства, естественнымъ продуктомъ взаимодѣйствія двухъ институтовъ, признанныхъ уже не только защитниками теорій полезности, но и большинствомъ законодательствъ, а именно: права судовъ смягчать назначенныя закономъ наказанія въ виду индивидуальныхъ особенностей преступника и досрочнаго освобожденія заключенныхъ».

Правда, въ тѣхъ же лекціяхъ Н. С. Таганцевъ высказалъ, что въ Россіи, по мѣстнымъ условіямъ, онъ считаетъ возможнымъ введеніе условнаго осужденія лишь въ формѣ испрошенія высочайшаго соизволенія въ порядкѣ 775 статьи уст. угол. суд., но этотъ взглядъ высказанъ былъ уважаемымъ ученымъ въ 1892 г.; съ тѣхъ поръ онъ не касался вопроса объ условномъ осужденіи, а между тѣмъ 5 лѣтъ, для института, жизнь котораго въ Европѣ продолжается всего 10 лѣтъ, длинный срокъ; за это время выяснилось много данныхъ и фактовъ, благопріятныхъ для института.

Представителемъ юридическаго общества по вопросу объ условномъ осужденіи на Петербургскомъ и Парижскомъ тюремныхъ конгрессахъ являлся В. К. Случевскій. На Петербургскомъ конгрессѣ онъ высказался въ пользу этого института, заявивъ, что возраженія принципіальныя противъ этого института невѣрны: преступники не могутъ вовсе разсчитывать заранѣе на безнаказанность, примѣненіе условнаго осужденія не обязательно для судьи, а поставлено въ зависимость отъ его усмотрѣнія; условное осужденіе имѣетъ, по мнѣнію В. К. Случевскаго, несомнѣнный репрессивный характеръ, создавая могущественный мотивъ для осужденнаго воздержаться отъ впаденія въ новое преступленіе, осужденный, оставленный на свободѣ, сохраняетъ возможность заработать и вознагражденіе потерпѣвшему, и хлѣбъ семьѣ, которая разоряется при заключеніи преступника въ тюрьму; расходы государствъ на борьбу съ преступленіемъ уменьшаются. Примѣненіе этого института можно рекомендовать въ странахъ, «où le régime judiciaire offre des garanties suffisantes de fonctionnement régulier de la justice criminelle» (p. 540).

Приблизительно, въ тѣхъ же выраженіяхъ высказался В. К. Случевскій въ работѣ, представленной отъ имени юридическаго общества Парижскому конгрессу, при чемъ, останавливаясь на отдѣльныхъ условіяхъ осуществленія этой мѣры, призналъ, что истребованіе залога и учрежденіе полицейскаго надзора не являются необходимыми условіями осуществленія института.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что наша судебная организація offre des garanties suffisantes de fonctionnement régulier, и

ея представители заслужили то громадное довѣріе, которымъ они пользуются въ обществѣ и народѣ. Я положительно отказываюсь понимать, почему бы наши мировые судьи заслуживали меньше довѣрія, чѣмъ полицейскіе судьи Бельгіи и Люксембурга и полицейскіе агенты Массачузетса; я не сомнѣваюсь, что нашъ судебный персоналъ по высокимъ нравственнымъ качествамъ, развитію и познаніямъ, не уступаетъ западноевропейскимъ.

Въ силу существующаго въ обществѣ къ судебному вѣдомству довѣрія, я не сомнѣваюсь, что и примѣненіе института условнаго осужденія не вызоветъ въ русскомъ народѣ никакихъ сомнѣній, опасеній произвола или соображеній о томъ, что преступленія оставляются безнаказанными. Уваженіе къ власти, въ томъ числѣ, и судебной разумѣется, довѣріе ко всѣмъ ея дѣйствіямъ и почтеніе передъ ея внушеніями у насъ весьма сильно развито. Я позволю себѣ сказать больше: я утверждаю, что фактически институтъ условнаго осужденія примѣняется у насъ и въ настоящее время присяжными засѣдателями, къ которымъ все русское общество относится съ громаднымъ довѣріемъ. Въ моемъ присутствіи, какъ лица прокурорскаго надзора, такое примѣненіе происходило неоднократно. Поступаютъ при этомъ присяжные засѣдатели такъ. Когда они видятъ передъ собою юнца, молодого парня, впервые совершившаго кражу, то они, какъ и всегда, стараются выяснить его характеристику, разспрашиваютъ о немъ его самого, односельчанъ, урядника, а главное его хозяина (совершающіе кражи большею частью батраки), и, если выясняется, что до совершенія кражи обвиняемый велъ себя хорошо—«ничего слышно не было», что послѣ совершенія кражи и не смотря на это его оставилъ тотъ же хозяинъ на службѣ, или же онъ нашелъ службу у другого хозяина, а за тѣ 6 мѣсяцевъ, которые протекли до суда, подсудимый велъ себя хорошо, что отзывы о немъ вообще благопріятны, что такимъ образомъ, онъ не оторвался отъ нормальнаго строя общества, то присяжные объявляютъ «нѣтъ, не виновенъ»—и затѣмъ тутъ же, не расходясь, въ присутствіи суда, только что объявившаго подсудимаго отъ суда свободнымъ, дѣлаютъ ему наставленіе въ самыхъ грозныхъ и горячихъ выраженіяхъ, заявляя ему совершенно откровенно, что если онъ попадется еще разъ, то они не такъ съ нимъ расправятся. Это наставленіе, въ формѣ угрозы, со стороны лицъ, уважаемыхъ въ мѣстности, производитъ колоссальное впечатлѣніе; подсудимый, благодарный за освобожденіе отъ отвѣтственности, проникается такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ благоговѣнія, что бросается, нерѣдко, на колѣни и со слезами на глазахъ обѣщается вести себя хорошо. Продолжая начатое, присяжные обращаются къ при-

сутствующему прокурору и говорятъ ему: «вы извините, г. прокуроръ, но если подсудимый попадетъ въ вашу тюрьму, то изъ него выйдетъ воръ по ремеслу», и прокурору остается только молчаливо соглашаться, сознавая, что присяжные правы. Мнѣ приходилось не разъ быть этимъ прокуроромъ, и я позволяю себѣ свидѣтельствовать, что болѣе сильное, отрадное, возвышающее душу впечатлѣніе я рѣдко испытывалъ и сознавалъ, что выше понимать задачи правосудія и лучше отправлять его нельзя; вотъ почему я глубоко убѣжденъ въ желательности и возможности введенія у насъ въ Россіи института условнаго осужденія.

Останавливаясь теперь на основаніяхъ, на которыхъ институтъ условнаго осужденія могъ бы быть введенъ въ Россіи, я ограничусь только нѣсколькими общими положеніями: всякія болѣе подробныя регламентированія давали бы только лишнее основаніе для критики и выводили бы насъ изъ нашей научно-практической принципіальной задачи.

Изъ существующихъ системъ условнаго осужденія — массачузетско-австралійской, англійской и бельгійской (французская представляетъ разновидность бельгійской)—я думаю, что слѣдовало бы остановиться на послѣдней. Что касается до германской системы административнаго испрошенія помилованія, то таковая, во-первыхъ, находится, какъ я уже выше говорилъ, въ противорѣчіи съ основными принципами условнаго осужденія, а затѣмъ несоотвѣтствіе ея этому принципу признано торжественной манифестаціей германскаго рейхстага, такъ что дни его сочтены.

Двѣ другія системы, американская и англійская, не примѣнимы у насъ потому же, почему онѣ не примѣнимы въ другихъ континентальныхъ европейскихъ государствахъ; у насъ нѣтъ той полиціи, которая необходима для осуществленія массачузетской системы, у насъ не было бы средствъ при нашихъ разстояніяхъ, разбросанности населенія, содержать артель чиновниковъ для надзора за условно-осужденными, того бдительнаго надзора, который ставитъ въ вину условно-осужденному не только вновь совершенное имъ преступное дѣяніе, но и просто дурное поведеніе. У насъ неосуществима и англійская система поручительства: послѣдняя возникла въ Англіи, и не для условнаго осужденія: это старинный англійскій институтъ, существовавшій еще въ 14 столѣтіи, къ нему прибѣгали прежде въ качествѣ мѣры предупредительной, относительно лицъ that be not of good fame; на основаніи criminal law consolidation (act 24 и 25 Vict c. 96—100) истребованіе поручительства стало присоединяться къ наказанію за извѣстное преступленіе взамѣнъ полицейскаго надзора, по отбытіи наказанія; Въ 1863 году, напр., число случаевъ истребованія поручительства дошло до 11.077; возможность осуществленія этй мѣры объясняется не только

сравнительно съ другими государствами большею зажиточностью населенія, но и авторитетомъ и популярностью мировыхъ судей, которые помогаютъ подсудимымъ находить поручителей.

Ни та, ни другая система не нашли себѣ примѣненія въ бельгійскомъ и французскомъ законахъ, которые за то угрожаютъ условно-осужденному не только судомъ, но опредѣленнымъ наказаніемъ; никакого волненія эти системы въ мѣстномъ населеніи не вызываютъ, и законодатель и не предполагаетъ никакой опасности; законы объ условномъ осужденіи поразительно кратки (не больше одной статьи въ уголовномъ уложеніи) и въ общихъ чертахъ опредѣляютъ порядокъ осуществленія этой мѣры.

Если бы тѣмъ не менѣе возникли какія либо опасенія и высказано было бы желаніе большихъ гарантій, то я думаю, что можно было бы предложить для лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, установить надзоръ ихъ обществъ на первый годъ испытанія, какъ самый опасный въ смыслѣ возможности впаденія въ новое преступленіе. Я не думаю, чтобы такое установленіе надзора шло въ разрѣзъ съ предположеніями редакціонной комиссіи по составленію уголовнаго уложенія; послѣдняя имѣла въ виду главнымъ образомъ тѣ злоупотребленія правомъ удаленія и непріема обратно, которыя устранить довольно трудно; самое предоставленіе обществамъ подобной дискреціонной власти—налагать одно изъ самыхъ тяжкихъ въ существующей у насъ лѣстницѣ наказаній—представляется, разумѣется, совершенно несогласнымъ съ современными принципами уголовнаго права и процесса. Другое, однако, дѣло, не предоставляя этимъ обществамъ дискреціонной власти, возложить на нихъ обязанность надзора; его они могутъ осуществлять особенно хорошо, отъ ихъ наблюденія ничего не скроется; въ случаѣ, если бы ими замѣчено было какое либо преступленіе или проступокъ, они сообщали бы объ этомъ тому мировому судьѣ, который постановилъ приговоръ.

Въ большихъ городахъ надзоръ обществъ взяли бы на себя, я думаю, существующія уже въ этихъ городахъ при нѣкоторыхъ тюрьмахъ общества патронатства; думается мнѣ даже, что, при наличности въ обществѣ въ настоящее время большой наклонности образовывать общества патронатства, таковыя легко могли бы быть вызваны къ жизни [1]). Въ случаѣ присужденія къ наказаніямъ ниже тюрьмы, я не вижу основаній къ принятію какихъ либо мѣръ надзора.

Несомнѣнно представитъ извѣстныя затрудненія организація особыхъ

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что задача ихъ являлась бы гораздо менѣе безнадежной задачи нынѣ существующихъ патронатствъ при современномъ состояніи тюремъ.

справокъ о судимости объ условно-осужденныхъ; справки эти, очевидно, должны будутъ печататься особо, разсылаться черезъ каждые, положимъ, полгода; несомнѣнно, что это повлечетъ за собой извѣстные расходы, но не надо забывать, что, благодаря условному осужденію, контингентъ содержащихся въ тюрьмахъ, въ извѣстной мѣрѣ, и притомъ довольно замѣтной, сократится, а слѣдовательно сократятся и расходы на содержаніе арестантовъ, и получится большая экономія.

Быть можетъ, представится необходимымъ собирать особыя мѣстныя справки о судимости по округу палатъ, направлять ихъ въ мѣста, куда переходитъ населеніе на лѣто на земледѣльческіе отхожіе промыслы; сконцентрированіе всѣхъ этихъ свѣдѣній въ столицахъ тоже вполнѣ понятно.

Если остановиться, далѣе, на вопросѣ, какія наказанія слѣдовало бы разрѣшать отсрочивать, то тутъ, я думаю, можно предложить остановиться на тюрьмѣ (можетъ быть заточеніи), арестѣ и денежныхъ пеняхъ, опредѣливъ, однако, извѣстный размѣръ тюрьмы (и заточенія), при которыхъ условное осужденіе допустимо.

Но въ видахъ устраненія опасеній въ произволѣ со стороны судей, я полагалъ бы не ограничиться этимъ и дать точный перечень преступленій и проступковъ (при нарушеніяхъ вездѣ), при которыхъ не допускается примѣненіе этого института. Могутъ быть такія преступленія, къ виновникамъ которыхъ нашъ народъ относится съ особымъ негодованіемъ; съ такими взглядами, въ цѣляхъ практическихъ, придется считаться (я думаю мнѣ нечего и упоминать о кражахъ лошадей). Долженъ здѣсь замѣтить, что западно-европейскія законодательства допускаютъ примѣненіе условнаго осужденія при «преступленіяхъ», лишь бы въ порядкѣ смягченія наказанія судъ дошелъ до наказанія, дающаго по размѣрамъ возможность примѣненія условнаго осужденія.

Предусматриваемое въ ст. 25 проекта уложенія временное лишеніе правъ, сопровождающее тюремное заключеніе, едвали возможно будетъ подводить подъ дѣйствіе условнаго осужденія. На вопросъ о томъ, какимъ судамъ предоставить право примѣненія условнаго осужденія, я позволю себѣ отвѣтить: всѣмъ, разрѣшающимъ дѣло по существу и приходящимъ слѣдовательно въ непосредственное соприкосновеніе съ подсудимымъ, имѣющимъ возможность познакомиться съ личностью, и на основаніи устныхъ разспросовъ самого подсудимаго и свидѣтелей рѣшить вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый примѣненія къ нему условнаго осужденія. Послѣ сказаннаго мною выше о примѣненіи условнаго осужденія присяжными засѣдателями будетъ понятно предложеніе съ моей стороны предо-

ставить присяжнымъ засѣдателямъ примѣненіе этого института; особаго нововведенія въ этомъ не будетъ (въ Европѣ въ цѣломъ рядѣ государствъ суды ассизные примѣняютъ условное осуждедіе): вѣдь разрѣшаютъ же и теперь они вопросы о разумѣніи полномъ и неполномъ подсудимаго, вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія. Предсѣдатель въ своемъ резюме долженъ будетъ въ такомъ случаѣ объяснить присяжнымъ, что въ данномъ случаѣ, согласно съ закономъ (т. е. отсутствіе прежней судимости; преступленіе, поименованное въ спискѣ), возможно примѣненіе условнаго осужденія, если бы они нашли для такого примѣненія основаніе. Въ подобныхъ дѣлахъ на коронныхъ судей возлагается обязанность особенно подробнаго выясненія личности подсудимаго, его предшествовавшаго поведенія, отзывовъ объ немъ хозяевъ и т. д. и занесеніе всего этого въ протоколъ. По дѣламъ, разрѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, о примѣненіи условнаго осужденія должны составляться мотивированныя постановленія, которыя подлежали бы обжалованію лишь въ кассаціонномъ порядкѣ (не первая судимость, наказаніе превышаетъ указанный размѣръ, постановленіе не мотивировано).

Я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности, это было бы несвоевременно, ибо предстоитъ еще прежде разрѣшить вопросъ о томъ, желательно ли и возможно ли введеніе условнаго осужденія въ Россіи? Для правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ только отрѣшиться отъ предразсудка, установившагося у насъ въ отношеніи условнаго осужденія, не видѣть чего то намъ недоступнаго, крайне сложнаго въ институтѣ, на который Западная Европа смотритъ совершенно просто, какъ на самый несложный судебный порядокъ, и доказываетъ правильность такого своего взгляда сотнями тысячъ примѣровъ успѣшнаго примѣненія этого института. Слѣдуетъ ли намъ дольше отказываться отъ этого несомнѣнно благодѣтельнаго нововведенія, когда къ введенію его у насъ затрудненій не представляется, а, наоборотъ, много причинъ заставляетъ насъ поскорѣе воспользоваться новымъ усовершенствованіемъ въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ.

Проектъ закона объ отсрочкѣ наказанія [1]).

1. Суды и единоличные судьи, разрѣшая дѣло по существу, могутъ постановить объ отсрочкѣ исполненія, если назначенное въ приговорѣ наказаніе не превышаетъ заточенія до 1 года, тюрьмы, ареста или денежнаго взысканія и, притомъ, если подсудимый въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ не былъ наказанъ за преступленіе или проступокъ.

2. Въ семъ случаѣ судъ, постановивъ въ законномъ установленномъ порядкѣ приговоръ и назначивъ наказаніе, составляетъ, если дѣло разсматривается безъ участія присяжныхъ засѣдателей, мотивированное постановленіе объ отсрочкѣ исполненія и назначаетъ въ этомъ постановленіи подсудимому срокъ испытанія отъ 1 до 5 лѣтъ; объявляя эти приговоръ и постановленіе, судъ дѣлаетъ подсудимому внушеніе и разъясняетъ послѣдствія, которыя повлечетъ для него совершеніе новаго преступнаго дѣянія.

3. Если въ теченіе назначеннаго для испытанія срока осужденнымъ, воспользовавшимся льготой отсрочки наказанія, совершено преступленіе или проступокъ, то онъ не только подвергается наказанію за вновь совершенное преступное дѣяніе, но и, независимо отъ сего, отбываетъ отсроченное наказаніе; въ случаѣ совершенія осужденнымъ въ тотъ же срокъ нарушенія, суду предоставляется обсудить вопросъ о возможности продолжить испытаніе.

4. Если же, наоборотъ, въ теченіе указаннаго срока осужденнымъ не совершено новаго преступнаго дѣянія, или совершенное имъ нарушеніе признано судомъ не прерывающимъ испытанія, то, съ истеченіемъ срока, онъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всѣхъ послѣдствій судимости.

---

[1]) Докладъ первому съѣзду Русской группы союза криминалистовъ.

5. Отсрочка наказанія не освобождаетъ осужденнаго отъ уплаты судебныхъ издержекъ и вознагражденія потерпѣвшаго.

6. Дополнительныя наказанія и ограниченія въ правахъ (угол. улож., ст. 25, 26, 30) вступаютъ въ силу лишь въ случаѣ обращенія приговора къ исполненію.

7. Если дѣло разрѣшается судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (уст. угол. суд., ст. 56, 57) и наказаніе, угрожающее подсудимому, или по закону, или въ случаѣ дачи снисхожденія, можетъ быть назначено въ предѣлахъ, указанныхъ въ п. 1, и въ то же время имѣются и другія, опредѣленныя въ томъ же пунктѣ, условія для примѣненія отсрочки наказанія, то судъ разъясняетъ присяжнымъ засѣдателямъ, что, отвѣчая на вопросъ о виновности подсудимаго и давая или не давая (если этого не требуется) подсудимому снисхожденія, они могутъ прибавить: «и кромѣ сего имѣются основанія для примѣненія къ подсудимому отсрочки наказанія»: такое признаніе присяжныхъ обязательно для суда.

Въ протоколъ засѣданія въ такомъ случаѣ судъ вноситъ, кромѣ обычнаго матеріала, еще и всѣ свѣдѣнія, выяснившіяся на судѣ о личности подсудимаго и его прошломъ.

8. Съ своей стороны, коронный судъ имѣетъ то же право, въ случаѣ, если находитъ основанія, и безъ упоминанія о семъ въ вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей, постановить въ выше указанномъ порядкѣ объ отсрочкѣ наказанія.

9. Постановленія объ отсрочкѣ наказанія подлежатъ обжалованію вмѣстѣ съ приговорами, къ коимъ они относятся, и въ порядкѣ, установленномъ для обжалованія приговоровъ.

10. Не можетъ быть дана отсрочка лицу: 1) воспользовавшемуся уже однажды правомъ на отсрочку, если не исполнилось 5 лѣтъ со времени окончанія назначеннаго ему судомъ испытанія; 2) осужденному за нижепоименованныя преступленія: оскорбленіе Величества и преступныя дѣянія противъ членовъ императорскаго дома, измѣну, неуваженіе къ верховной власти и ея представителямъ, посягательство на ограждающіе вѣру законы (угол. улож., ст. 328, 329), преступленія, предусмотрѣнныя статьями 543, 556, 557, и всѣ преступныя дѣянія, уже по самому характеру своему указывающія на то, что осужденный занимается преступленіемъ въ видѣ промысла.

11. Свѣдѣнія о лицахъ осужденныхъ, коимъ наказаніе отсрочено на основаніи п. 2 сихъ правилъ, сообщаются по общему образцу установленному для справокъ о судимости, судами и единоличными судьями, немедленно по постановленіи приговора, прокурорамъ мѣстнаго окружнаго суда и суда

мѣста приписки осужденнаго. Въ канцеляріи прокурора такія свѣдѣнія приводятся въ порядокъ и затѣмъ, по распоряженію прокурора, печатаются каждые полгода и разсылаются всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ въ округѣ того суда. О всѣхъ лицахъ, не выдержавшихъ испытанія и вновь осужденныхъ, сообщается судами и судьями тѣмъ же прокурорамъ, которые отмѣчаютъ объ этомъ въ печатаемыхъ по ихъ распоряженію свѣдѣніяхъ. Независимо отъ него, свѣдѣнія о лицахъ осужденныхъ, коимъ дана отсрочка, вносятся на общемъ основаніи въ справки о судимости, издаваемыя министерствомъ юстиціи, но лишь съ добавленіемъ оговорки объ отсрочкѣ. Можно было бы вносить только неудавшіяся испытанія.

Кромѣ того каждый судъ и единоличный судья ведутъ алфавитный списокъ лицамъ, коимъ ими дана отсрочка наказанія.

Въ началѣ каждаго года прокуроры окружныхъ судовъ представляютъ въ министерство свѣдѣнія за годъ о примѣненіи отсрочки наказанія въ округѣ суда.

(п. 11 можетъ быть выраженъ въ особомъ законѣ).

Краткія объясненія къ проекту.

Настоящій проектъ предлагается въ видѣ программы для обсужденія вопросовъ о желательности и возможности введенія и необходимой постановки въ Россіи института условнаго осужденія. Институту придано названіе отсрочки наказанія, такъ какъ, во-первыхъ, это названіе передаетъ слово «sursis» бельгійско-французскаго законодательства, принятаго въ данномъ проектѣ за образецъ, а во-вторыхъ — даетъ возможность устраниться отъ принципіальныхъ споровъ о томъ, является ли условное осужденіе наказаніемъ или нѣтъ, споровъ, разрѣшеніе которыхъ, при обсужденіи вопроса о практическомъ значеніи института и возможности введенія его въ Россіи, не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Проектъ разработанъ въ отдѣльныхъ своихъ положеніяхъ примѣнительно къ проектамъ новаго уголовнаго уложенія, но могъ бы быть такъ же легко сообразованъ и съ нынѣ дѣйствующимъ уложеніемъ.

За образецъ принято бельгійско-французское законодательство объ условномъ осужденіи, такъ какъ массачузетская система probation требуетъ такой постановки полиціи, какой не имѣется не только у насъ, но и въ западно-европейскихъ государствахъ, а англійская система поручительства тоже имѣетъ вполнѣ національный характеръ и не находитъ себѣ почвы въ государствахъ континентальной Европы.

Но кромѣ этого основнаго образца приняты во вниманіе и отдѣльныя положенія другихъ законодательствъ, — такъ, кантона Во, въ отношеніи распространенія отсрочки не только на главное наказаніе, но и на дополнительныя (лишеніе правъ), кантона Невшатель по вопросу о требованіи несудимости лишь въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ вмѣсто существующаго въ другихъ законодательствахъ требованія о совершенной предварительной несудимости; предоставленіе права примѣненія отсрочки наказанія по суду присяжныхъ введено по примѣру законодательства кантона Женевы и законодательныхъ проектовъ французскихъ (Гужона).

Спеціально русскими условіями вызваны слѣдующія особенности проекта:

1) перечисленіе преступленій, при осужденіи за которыя отсрочка примѣнена быть не можетъ, въ виду существующихъ въ русскомъ обществѣ взглядовъ на извѣстныя преступленія и опасенія, что въ случаѣ примѣненія въ такихъ случаяхъ можетъ возникнуть нерасположеніе и недовѣріе ко всему институту;

2) дополнительная организація собиранія и сообщенія справокъ о судимости для лицъ, воспользовавшихся отсрочкой наказанія, въ виду того, что дѣйствующій у насъ общій порядокъ собиранія и печатанія справокъ о судимости, по своей чрезвычайной медленности, не отвѣчаетъ кореннымъ требованіямъ новаго института; только при условіи своевременнаго сообщенія судьѣ прежней судимости обвиняемаго, воспользовавшійся отсрочкой наказанія и впавшій въ новое преступленіе не избѣгаетъ выполненія надъ нимъ отсроченнаго наказанія.

Рѣчь въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго общества въ ноябрѣ 1904 г. при обсужденіи проекта министерства юстиціи объ условномъ осужденіи [1]).

Вопросъ о возможности и желательности введенія условнаго осужденія въ Россіи имѣетъ уже свою, хотя и весьма короткую исторію. Въ 1897 г. по докладу моему, носившему именно такое названіе, С.-Петербургское юридическое общество, при участіи, между прочимъ, нашего ветерана В. Д. Спасовича, высказалось единогласно за желательность и возможность введенія у насъ условнаго осужденія (Рефератъ напечатанъ въ Журн. Мин. Юст., 1897 г., сент. и затѣмъ въ Сборн., изд. гос. канцел.) Въ 1899 г. первый съѣздъ русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ высказался тоже подавляющимъ большинствомъ за введеніе въ Россіи условнаго осужденія. Наконецъ, въ 1902 г. международный конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ принялъ резолюцію, рекомендовавшую введеніе условнаго осужденія именно въ качествѣ судебнаго института, а не въ германской полуадминистративной формѣ.

Отношеніе правительственныхъ нашихъ сферъ пока было скорѣе неблагопріятное введенію. Высочайше утвержденная при министерствѣ юстиціи ком. для пересмотра законоположеній по судебной части, выслушавъ 7 мая 1898 года мой докладъ, признала введеніе условнаго осужденія преждевременнымъ. Высочайше учрежденное особое присутствіе при государственномъ совѣтѣ ограничилось предоставленіемъ министру юстиціи разработать вопросъ о включеніи условнаго осужденія въ систему принятыхъ нашимъ законодательствомъ карательныхъ мѣръ. Но вотъ въ настоящую минуту отдѣлъ уголовныхъ вопросовъ высоч. учр. особ. ком. для

---

[1]) Вѣстникъ Права, 1905 г., № 9.

разрѣшенія мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ уголовнаго уложенія, благодаря просвѣщенному сочувствію своего предсѣдателя, который состоитъ въ то же время и предсѣдателемъ нашего уголовнаго отдѣленія, разрѣшилъ вопросъ о введеніи условнаго осужденія въ благопріятномъ смыслѣ, и мы имѣемъ удовольствіе обсуждать уже не теоретическія предположенія и пожеланія, а законопроектъ, который, надо разсчитывать, обратится въ законъ. За эти годы, въ которые протекала «исторія» вопроса о введеніи условнаго осужденія въ Россіи, въ другихъ государствахъ не случилось ничего такого, что могло бы быть приведено не въ пользу условнаго осужденія. Наоборотъ, условное осужденіе введено во всѣхъ почти Штатахъ Сѣверной Америки и кантонахъ Швейцаріи. Въ Германіи, въ которой только возникали нѣсколько лѣтъ тому назадъ предположенія о введеніи условнаго осужденія, какъ свидѣтельствуетъ представленный министромъ юстиціи 13 февраля 1902 г. отчетъ (Fünfter Anlageband z. d. Stenographischen Berichten, Session 1900—1902, № 485, стр. 3253—3270), нынѣ условное осужденіе примѣнено болѣе чѣмъ въ 40000 (40853) случаяхъ. Наконецъ, только что введено условное осужденіе въ Италіи, причемъ законопроектъ соотвѣтственный былъ внесенъ въ 1903 г. знаменитымъ юристомъ итальянскимъ, представителемъ классической школы Луккини (Rev. Penit. 1903, ср. 937).

Казалось бы, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, когда уже многія сотни тысячъ условноосужденныхъ являются живымъ доказательствомъ жизненной пригодности этого института, когда даже такіе выдающіеся представители классической школы, какъ Луккини, признаютъ условное осужденіе совмѣстимымъ съ началами этой школы, казалось бы, пора по поводу этого скромнаго сравнительно института, не предъявляющаго вовсе претензіи спасти окончательно и всецѣло міръ отъ преступленій, а лишь внести нѣкоторое существенное, однако, улучшеніе въ дѣло борьбы съ преступностью, оставить принципіальные и жгучіе споры о цѣли наказанія, о возмездіи, генеральной и спеціальной превенціи и д. Къ удивленію моему въ Россіи осталась еще небольшая группа лицъ, которыя рѣшительно не желаютъ считаться ни съ жизнью ни съ развитіемъ научныхъ идей. Мои почтенные оппоненты, не ограничиваясь тезисами, выставленными въ повѣсткѣ, представляли еще рядъ возраженій. Возражать на всѣ замѣчанія я считаю совершенно невозможнымъ, ибо это, пожалуй, потребовало бы обширнаго доклада на нѣсколько засѣданій, но я представлю нѣсколько соображеній, которыя выяснятъ, что институтъ условнаго осужденія вовсе не стоитъ, одиноко, въ ряду другихъ *современныхъ* мѣръ борьбы съ преступностью, что законодатель и наука пришли къ

этимъ мѣрамъ глубоко обдуманно, послѣ долгой эволюціи; что значеніе генеральной превенціи чрезвычайно преувеличено оппонентами, а условное осужденіе ослабляетъ репрессію не болѣе другихъ современныхъ карательныхъ мѣръ, и что, наконецъ, условное осужденіе является чрезвычайно цѣлесообразной мѣрой, вызвавшей сочувствіе почти всѣхъ выдающихся современныхъ юристовъ—ученыхъ и законодателей.

Итакъ, условное осужденіе упрекаютъ въ томъ, что оно ослабляетъ репрессію и тѣмъ вредитъ генеральной превенціи. Тутъ, несомнѣнно, недоразумѣніе; говоря такъ, очевидно, забываютъ, что самыя понятія «силы репрессіи» и «генеральной превенціи» въ теченіе исторіи самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнились. Въ самомъ дѣлѣ, идеи генеральной превенціи и репрессіи возникли давно. Впервые послѣ средневѣковаго индивидуализма, когда наказанію ставили одну цѣль—возмездіе и удовлетвореніе потерпѣвшаго, въ Etablissemens de St. Louis былъ провозглашенъ новый принципъ, указана наказанію новая цѣль—que les mauvais «lissent» à mal faire. То было жестокое время, когда надѣялись идеи религіи, нравственности и права внѣдрять въ людей насильственно, путемъ инквизиціи, жестокихъ казней, истязаній. Прошли вѣка, и хотя результаты репрессіи и превенціи замѣтить было трудно, но вѣра въ «превентивность» жестокихъ наказаній не пропала. Извѣстный нѣмецкій историкъ Iohannes Ianssen въ своей Geschichte des deutchen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters (изд. 15, 8 том., стр. 489) описываетъ, какъ въ 1601 г. Принцесса Софія Саксонская (Kurtürstin), по случаю предстоявшей казни кальвиниста Крелля, приказала заново отстроить эшафотъ такъ, чтобы она вмѣстѣ съ своими придворными дамами могла съ близкаго разстоянія созерцать это трагическое зрѣлище. Во многихъ мѣстахъ начальство приказывало учащейся молодежи присутствовать при жестокихъ казняхъ для назиданія. Той же цѣли должны были служить многочисленные рисунки и описаніе жестокихъ истязаній, казней и др. Разумѣется, прибавляетъ безпристрастный историкъ, были достигнуты совершенно противоположные результы; самыя ужасныя преступленія сдѣлались повседневнымъ явленіемъ.

Опять прошли вѣка, и вотъ, къ удивленію, въ рѣчахъ почтенныхъ оппонентовъ мы усматриваемъ оцѣнку карательныхъ мѣръ по силѣ ихъ репрессивности, какъ будто бы взгляды принцессы Софіи и ея времени нашли себѣ продолжателей. Это несомнѣнно переживаніе, вѣдь, за эти вѣка вся карательная система и основные ея начала кореннымъ образомъ измѣнились, и она потеряла совершенно характеръ репрессивности. Я уже позволилъ себѣ два года тому назадъ прибѣгнуть къ сравненію для болѣе

яркаго представленія о происшедшей перемѣнѣ [1]). Въ краткихъ чертахъ я повторю его здѣсь. На обширномъ полѣ борьбы съ преступностью отъ былого времени остался старый замокъ съ многочисленными перегородками и сводами внутри, съ цѣлымъ рядомъ грозныхъ боевыхъ башенъ снаружи; на нихъ красуются и до сихъ поръ надписи: смертная казнь, членовредительныя наказанія, тѣлесныя наказанія, мѣста заключенія въ видѣ сырыхъ подваловъ, клоповниковъ и т. п., ссылка и, наконецъ, современное лишеніе свободы въ различныхъ его видахъ. Каждая изъ этихъ башенъ въ минувшее время считалась непреоборимымъ оплотомъ противъ натиска враговъ, но мало-по-малу вѣра въ ихъ спасительное значеніе ослабѣла, и одна за другою боевыя башни замолкли и въ настоящее время представляютъ только историческій интересъ. Даже обыкновенное лишеніе свободы распадается, его замѣняютъ другими мѣрами для многихъ разрядовъ преступниковъ: малолѣтнихъ, случайныхъ, рецидивистовъ. Но время, превратившее грозный замокъ въ историческій памятникъ, создало вокругъ него рядъ многоэтажныхъ зданій, отличающихся обширностью, простотою устройства; въ нихъ масса свѣта и воздуха, такъ какъ они созданы не для устрашенія, а для помощи и воспитанія. Тутъ патронатъ до и послѣ преступленія, исправительно-воспитательныя заведенія для малолѣтнихъ, такія же для взрослыхъ, тутъ рабочіе дома, дома-трудолюбія, условное осужденіе, досрочное условное освобожденіе и т. д.

И вотъ, примѣняясь къ сегодняшнему нашему спору, я спрашиваю, что же въ этихъ новыхъ зданіяхъ нѣтъ общаго стиля, нѣтъ общей основной идеи, и правы оппоненты, утверждая, что условное осужденіе, какъ карательная мѣра, не имѣя подъ собою какой-либо твердой, продуманной, почвы, стоитъ особнякомъ? Разумѣется это не такъ. Эволюція, представленная выше, побудила законодателя (я подчеркиваю не ученаго только) пойти и въ области уголовной политики по тому же пути, по которому пошла педагогія. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ области воспитанія говорили, что за десять небитыхъ можно дать одного битаго. А теперь подобные взгляды считаются дикими, педагогія пришла къ убѣжденію, что насильственными мѣрами можно вызвать только озлобленіе, одичаніе. Даже звѣрей дрессируютъ, какъ извѣстно, не нагайкой, а лаской и наградами. Въ отношеніи же къ преступникамъ это категорически установлено еще въ 18 столѣтіи Беккаріа. Оставивъ насильственныя мѣры, педагогія пришла къ убѣжденію, что для исправленія надо прибѣгать къ содѣйствію самаго исправляемаго, надо оградить въ немъ и вызвать къ

---

[1]) Предметъ науки угол. права. Газета «Право», 1902 г., стр. 402.

новой жизни понятіе чести, понятіе собственнаго достоинства. Въ области уголовной политики не только условное осужденіе, но и условное досрочное освобожденіе и принудительное воспитаніе малолѣтнихъ,—мѣры, примѣненныя во всѣхъ почти государствахъ всего свѣта,—оставили совершенно репрессію и поставили себѣ задачею ту же педагогическую цѣль: вызвать самодѣйствіе преступника, призвать его самого, лучшія его умственныя и нравственныя силы на борьбу съ его же преступными наклонностями. И есть ли основаніе по поводу примѣненія этихъ мѣръ говорить о расшатываніи основъ правоваго строя, о нигилизмѣ? Судъ, тотъ совершенный современный судъ, результатъ многовѣковой борьбы человѣчества за правильную постановку правосудія, судъ, какъ оплотъ законности, остается нерушимымъ. Какія есть основанія опасаться съ его стороны произвола при примѣненіи этихъ мѣръ? почему же классики не кричали о произволѣ при присужденіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ, при исполненіи которыхъ отъ палача зависѣло причинить ли царапину или засѣчь до смерти, или при предоставленіи судьѣ права назначать по своему усмотрѣнію, какъ это дѣлаютъ всѣ новѣйшіе, усовершенствованные, уголовные кодексы, тюремное заключеніе на срокъ отъ одного дня до 10 и болѣе лѣтъ? И почему же классики такъ враждебны къ условному осужденію, и такъ легко примирились съ совершенно аналогичными мѣрами условнаго досрочнаго освобожденія? Или можетъ быть произволъ и даже нигилизмъ состоитъ въ томъ, что преступленіе остается безнаказаннымъ, порокъ чуть ли не поощряется. Да такъ ли это? Дѣйствительно ли съ ослабленіемъ репрессіи въ смыслѣ причиненія вреда превенція также устранена? Нисколько она не погибла, а трансформировалась и дошла до дѣйствительнаго и полнаго выясненія основной своей идеи—цѣлесообразной борьбы съ преступностью путемъ правосудія и ряда другихъ мѣръ. Но въ такомъ случаѣ, какова же задача правосудія? Оно призвано главнымъ образомъ и прежде всего къ огражденію непоколебимости нравственныхъ началъ и того государственнаго строя, который этими началами поддерживается. Важно, чтобы всякое нарушеніе этихъ началъ было признано открыто за таковое, за дѣяніе несовмѣстное со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ строемъ и подверглось бы публично порицанію лицами поставленными для охраны законности, представителями общественной совѣсти,—такова задача правосудія. Оно прежде всего устраняетъ возможность торжества зла нравственнаго и общественнаго и поддерживаетъ убѣжденіе, что нравственныя начала не могутъ быть безнаказанно нарушены, и что общество, въ случаѣ нарушеній, получаетъ право по опредѣленію правосудія принять мѣры противъ нарушителя. Мѣры эти согласно основной идеѣ превенціи, разумѣется,

должны быть цѣлесообразны. И въ этомъ отношеніи, казалось бы, большой грѣхъ нашихъ оппонентовъ, они говорятъ о защитѣ идеи генеральной превенціи карательными, нынѣ примѣняемыми мѣрами, совершенно забывая, что эти мѣры, какъ явно негодныя, никакой превенціи—ни общей ни спеціальной—служить не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой цѣли могутъ служить тѣ десятки тысячъ наказаній лишеніемъ свободы на срокъ менѣе 6 дней, о которыхъ говоритъ Louis de la Hougue въ своемъ интересномъ сочиненіи Des courtes peines d'emprisonnement 1901—когда даже въ Эльмирѣ, въ этомъ исправительно-воспитательномъ заведеніи для взрослыхъ, стоющемъ такихъ большихъ денегъ, признается необходимымъ для достиженія какихъ-либо результатовъ продолжать лишеніе свободы для 50% заключенныхъ на срокъ не менѣе года. Въ самомъ дѣлѣ, какія мѣры могутъ быть менѣе состоятельны, чѣмъ лишеніе свободы на такіе короткіе сроки, и какія есть основанія предъявлять столь строгія требованія къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предлагаются для замѣны? Въ самомъ дѣлѣ, намъ говорятъ, условное осужденіе не оправдалось на дѣлѣ; ни рецидивъ ни общая преступность не понизились. Но спрашивается, развѣ при введеніи условнаго осужденія защитники этой мѣры давали подобныя обѣщанія, развѣ есть какіе-либо основанія предполагать, что мѣра борьбы съ самыми маловажными преступными дѣяніями окажетъ замѣтное вліяніе. и при томъ вскорѣ послѣ введенія, на ростъ рецидива и общей преступности, которыя представляются, несомнѣнно, сложнѣйшими явленіями соціальной жизни? Подобныя основанія для оцѣнки не выдерживаютъ никакой критики. Намъ предлагаютъ далѣе доказать статистически, что введеніемъ условнаго осужденія не нарушится генеральная превенція, но развѣ благотворное вліяніе самой общей превенціи было когда-либо учтено статистически. Не являются ли эти требованія чисто теоретическими, отвлеченными, не могущими быть вовсе осуществленными въ дѣйствительности? Жизнь довольствуется гораздо меньшими результатами отъ вліянія законодательныхъ мѣръ. И такое скромное вліяніе можетъ быть учтено. Какъ установлено образцовою статистикою тюремъ Англіи, изъ числа впервые отбывшихъ въ тюрьмѣ наказаній возвращается въ тюрьму 30% (Report from the Depart. Comm. of Prisons 1895). Такого высокаго процента неудачи условное осужденіе никогда не давало. Въ той же Англіи неудача опредѣляется въ 8%, а во Франціи, по удостовѣренію такого строгаго критика всякихъ статистическихъ выводовъ, какъ знаменитый Габріель Тардъ (докладъ Петербургскому Международному Съѣзду Криминалистовъ), не доходитъ и до 40%. Вотъ это результатъ въ 20% слишкомъ противъ другихъ мѣръ.

Есть мѣры, которыя, подобно условному осужденію, столь же несомнѣнны и не нуждаются въ статистическомъ оправданіи, хотя результатъ ихъ также скроменъ, какъ и результатъ примѣненія условнаго осужденія. Я имѣю въ виду скромную, почтенную мѣру—удаленіе невинныхъ дѣтей арестантовъ изъ тюремъ и помѣщеніе ихъ на время заключенія родителей въ тюрьмѣ въ особые пріюты. Если вспомнить, что эти дѣти помѣщаются въ тюрьмѣ только потому, что съ заключеніемъ родителей ихъ некому призрѣвать, и что между ними очень часто встрѣчаются дѣти въ возрастѣ даже 14 л., то станетъ понятно, что содержаніе ихъ въ тюрьмѣ равняется подготовленію преступниковъ на государственный счетъ. Заинтересовавшись мыслью объ устройствѣ этихъ несчастныхъ дѣтей внѣ тюрьмы, я устроилъ два пріюта, изъ коихъ одинъ, губернскій, существуетъ и нынѣ; а затѣмъ сталъ пропагандировать эту идею въ печатныхъ работахъ. Докладу моему по этому вопросу для съѣзда криминалистовъ въ Москвѣ посчастливилось. Благодаря просвѣщенному содѣйствію директора канцеляріи дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи О. К. ф. Адеркасъ, бывшему на съѣздѣ криминалистовъ, докладъ мой при бумагѣ отъ имени главноуправляющаго учрежд. императрицы Маріи былъ разосланъ безчисленнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ этого вѣдомства, и вотъ теперь десятки обществъ приняли на себя обязательство «выводить» изъ десятковъ тюремъ дѣтей арестантовъ на время содержанія родителей. Какія могутъ быть сомнѣнія въ полезности этой скромной мѣры. Разумѣется, переворота эта мѣра не вызоветъ, но, несомнѣнно, уменьшитъ общее число преступниковъ въ Россіи на нѣсколько десятковъ. Едва ли можно пренебрегать такимъ результатомъ.

Наконецъ, если строить для жизни, и соображаясь съ жизненными условіями, то нельзя забывать и объ экономической сторонѣ дѣла. И безъ того бюджетъ тюремнаго вѣдомства составляетъ $^2/_3$ бюджета вѣдомства народнаго просвѣщенія; нельзя на отбросы общественнаго организма, хотя бы даже сдѣлавшіеся отбросами по винѣ этого организма, тратить болѣе, чѣмъ на положительную дѣятельность, на содѣйствіе къ развитію здоровыхъ элементовъ, а между тѣмъ всякія улучшенія тюремнаго строя, какъ показываетъ Эльмира, вызываютъ громадные расходы.

Здѣсь было указано въ видѣ мѣры для замѣны на выговоръ, какъ онъ установленъ въ итальянскомъ уголовномъ уложеніи. Это положительное недоразумѣніе. Во-первыхъ, какъ видно изъ оглашенныхъ статей 26 и 27, это выговоръ съ испытаніемъ, т. е. нѣчто въ родѣ условнаго осужденія. Даже выговоръ вообще можетъ быть примѣняемъ рядомъ съ условнымъ осужденіемъ. Наконецъ, выговоръ въ Италіи есть мѣра, какъ по-

казываетъ статистика итальянская, совершенно вымирающая: въ 1880 выговоръ былъ примѣненъ въ 23.417 случаяхъ, 1892—3050, 1902—1787.

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, останавливаться на этой мѣрѣ и забывать для нея условное осужденіе—примѣненіе котораго растетъ въ колоссальныхъ цифрахъ. Въ одной Бельгіи оно примѣнено въ 300.000 случаяхъ, во Франціи въ 185.000, въ Германіи 40.000 и т. д. За него высказались всѣ тѣ ученые, именами которыхъ гордится современная наука: Тардъ, Ривьеръ, Принсъ, Ванъ-Гамель, Листъ, Гетцъ, Штооссъ, Теллокъ и т. д. Неужели мы и въ данномъ случаѣ будемъ запаздывать и отказываться отъ условнаго осужденія, какъ мы отказываемся отъ канализаціи, электрическихъ трамваевъ и т. д., и все будемъ обсуждать теоретически и принципіально, пока другіе благополучно и успѣшно примѣняютъ на дѣлѣ.

Я не сомнѣваюсь, что условное осужденіе не произведетъ переворота въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, но явится очень полезною мѣрою, введеніе которой возможно, желательно и своевременно.

Новое ученіе о преступленіи и наказаніи [1]).

Die Abschaffung der Strafknechtschaft Studien zur Strafrechtsreform von Dr. Julius Vargha, Professor der Rechte an der Universitat Graz 1 Theil 609 S 1896, II Theil 753 S. 1897.

Предыдущія сочиненія проф. Варга (Die Vertheidigung in Strafsachen 1879, Das Strafprocessrecht 1885) не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ, которое нѣмецкіе критики не даромъ назвали «eine kühne That», смѣлымъ дѣломъ. Разсматриваемое произведеніе Варга представляетъ собою попытку обосновать ученіе о преступленіи и наказаніи на новыхъ естественно-научныхъ началахъ, которыя не слѣдуетъ однако никоимъ образомъ смѣшивать съ относительно новымъ одностороннимъ ученіемъ о типѣ прирожденнаго преступника. Не признавая вовсе существованія подобнаго типа, Варга всецѣло, тѣмъ не менѣе, стоитъ на почвѣ естественныхъ наукъ: физіологіи, психологіи со всѣми ихъ послѣдними выводами; самое ученіе о преступленіи и преступникѣ является для него особой вѣтвью антропологіи, Kriminalanthropologie, которая распадается на Kriminalbiologie и Kriminalsociologie (т. I, стр. 173).

Уголовная біологія изслѣдуетъ преступленіе какъ біологическое проявленіе человѣческаго организма, т. е. изучаетъ соотношеніе преступности съ наслѣдственными и пріобрѣтенными качествами и жизненными отправленіями человѣческаго организма, а равно связь физическихъ и духовныхъ недостатковъ съ совершеніемъ преступленій.

Уголовная соціологія изучаетъ преступленіе какъ явленіе соціальное, выясняя соотношеніе преступности съ явленіями общественной и государственной жизни, экономическими отношеніями, группировкой силъ, право-

---

[1]) Журн. Мин. Юст, 1897 ноябрь.

выми учрежденіями и тѣми факторами, которые дают людямъ въ общественной жизни антиальтруистическое, антисоціальное, преступное направленіе и такимъ образомъ представляютъ то зло, тѣ недостатки, которые являются источникомъ преступленій.

Попутно также должно происходить изученіе вліянія космическихъ условій, климата и т. д.

Большое значеніе пріобрѣтаетъ уголовная и нравственная статистика; статистика особенно ярко выясняетъ значеніе различныхъ соціальныхъ фактовъ для преступности (нищеты и т. д.); авторъ упоминаетъ сочувственно объ изслѣдованіяхъ г. Павла Лилієнфельда и др. въ области соціальной патологіи.

Рядомъ съ уголовной антропологіей, авторъ ставитъ уголовное право и уголовную политику, которая вмѣстѣ съ антропологіей составляютъ криминалогію. Эти двѣ послѣднія науки такъ сказать прикладныя; уголовное право, обнимающее и уголовный процессъ и пенологію, имѣетъ своимъ предметомъ ученіе о правовыхъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ, которыми располагаетъ государство; оно раздѣляется на ученіе о мѣрахъ предупрежденія преступленій и ученіе о мѣрахъ репрессіи. Уголовная политика занимается разрѣшеніемъ вопроса о наказуемыхъ и ненаказуемыхъ дѣяніяхъ, изучаетъ особыя условія, способствующія развитію преступленій, напримѣръ вліяніе бѣдности

Изученіе уголовной антропологіи (біологіи и соціологіи) должно быть, по мнѣнію автора, введено въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія на юридическихъ и медицинскихъ факультетахъ.

Въ настоящемъ сочиненіи Варга не задавался однако цѣлью дать курсъ или по крайней мѣрѣ очеркъ криминалогіи по указанной имъ выше программѣ, а имѣлъ въ виду высказать свои взгляды на необходимость реформы науки уголовнаго права и воззрѣній на преступника и наказаніе. Все сочиненіе распадается на рядъ изслѣдованій (Studien), въ которыхъ авторовъ, главнымъ образомъ, занятъ вопросами о преступленіи и наказаніи (преимущественно вторымъ).

Обосновывая ученіе о преступленіи и преступникѣ на данныхъ изъ естественныхъ наукъ и преимущественно физіологіи и психологіи, а отчасти и соціологіи, авторъ является въ полномъ смыслѣ слова детерминистомъ; свобода воли есть плодъ воображенія ума, наблюдающаго, какъ складываются убѣжденія и возникаютъ дѣйствія; въ каждомъ данномъ случаѣ человѣкъ не могъ поступить иначе, чѣмъ поступилъ въ дѣйствительности, какъ не могъ быть красивѣе, умнѣе; отдѣльное дѣяніе соотвѣтствуетъ характеру человѣка; нравственность это такое же прирожденное

понятіе, какъ понятіе красоты, какъ убѣжденіе, что дважды два четыре; если у человѣка нѣтъ извѣстныхъ благородныхъ альтруистическихъ мыслей, то его надо сожалѣть, но не наказывать за это.

«Внимательное изученіе (т. II, стр. 183) образованія и дѣйствія соціальныхъ явленій приводитъ насъ къ убѣжденію, что всякое преступленіе является плодомъ несчастія (несчастныхъ обстоятельствъ, условій), невѣжества, или болѣзненнаго состоянія».

«Въ основѣ всѣхъ преступныхъ (т. I, стр. 222) дѣйствій лежитъ или недостаточное пониманіе различія между законнымъ или незаконнымъ, или недостаточное самообладаніе». «Очень немногіе преступники являются людьми нравственно испорченными, большинство совершили преступленіе только благодаря недостаточному самообладанію—объясняемому спазматическими, лишающими сознанія, мозговыми явленіями — безсилію противостоять наклонности къ преступленію при данныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ не устоялъ бы и всякій другой средній человѣкъ, такъ что преступленіе является исключительно плодомъ несчастнаго случая. Жизнеопытный и въ то же время нравственно испорченный человѣкъ—большинство эгоистовъ съ мелкими своекорыстными взглядами обладаютъ необходимой для борьбы за существованіе ловкостью — гораздо меньше рискуетъ сдѣлаться преступникомъ, чѣмъ прямыя и честныя, но впечатлительныя, легко возбуждающіяся, натуры».

Основываясь на ученіи Мейнерта, Рокитанскаго и другихъ физіологовъ, Варга говоритъ (I т., стр. 528 и 529), что «благородная дѣятельность мозговой коры и состоитъ именно въ томъ, чтобы вызывать цѣлую массу параллельныхъ и альтруистическихъ представленій, достаточно сильныхъ, чтобы подавить импульсы чувственные, субкортикальные, или даже не допустить до самаго возникновенія этихъ импульсовъ». «Вся наша жизнь есть постоянная борьба между низменными, чувственными, и высокими, духовными, мозговыми побужденіями и двумя, на этомъ основаніи, созданными противоположными представленіями».

Несомнѣнно, главная сила прогресса нашего времени состоитъ именно въ развитіи этихъ духовныхъ благородныхъ идей, но тѣмъ не менѣе это не ограждаетъ отъ преступленій.

Прежде всего, какое громадное число душевно-больныхъ, какое разнообразіе душевныхъ болѣзней; различая идіотизмъ, собственно душевныя болѣзни, органическія вырожденія, извѣстныя нервныя болѣзни, ненормально быструю смѣну мыслей (Gedankenflucht) и наконецъ помраченіе сознанія, авторъ указываетъ на возможность такъ называемыхъ Momentirrsinn т. е. моментальныхъ, длящихся всего нѣсколько мгновеній вре-

менныхъ помѣшательствъ, на крайнюю распространенность среди преступниковъ особо сильной возбудимости, что должно быть приведено въ связь съ крайнимъ развитіемъ среди преступниковъ чахоточныхъ: статистика указываетъ, что 95% всѣхъ умирающихъ въ тюрьмахъ умираютъ отъ чахотки.

Бо̀льшую наклонность, чѣмъ другіе, къ совершенію преступленій проявляютъ страдающіе общей или частичной неврастеній, люди съ особо развитыми чувственными побужденіями (Wildheitstypus, Kleinhirnmenschen) и наконецъ типъ паразитный, изъ числа представителей котораго потомъ составляются шайки въ родѣ каморры и др. Сколько среди преступниковъ алкоголиковъ или дѣтей алкоголиковъ и какъ вообще алкоголизмъ развитъ!

Сколько преступленій въ смыслѣ нарушенія установленныхъ нормъ совершалось подъ вліяніемъ самыхъ возвышенныхъ благородныхъ мыслей состраданія, мысли о чести, увлеченій: мы плачемъ надъ судьбою Маргариты въ Фаустѣ, Моора и др., мы возмущаемся судьями Христа, Сократа и др.

Но и всякій самый нормальный человѣкъ способенъ быть выведеннымъ изъ равновѣсія, впасть въ состояніе крайняго возбужденія и совершить преступленіе. «Крайняя нужда (т. I, стр. 59) голодъ, холодъ, и до отчаянія доведенное горе создаютъ чувство невозможности спастись законными путями». Люди имѣютъ п р а в о не голодать, а между тѣмъ статистика указываетъ (т. II, стр. 293), «что 89% всѣхъ преступниковъ, 94% всѣхъ воровъ, 79% всѣхъ мошенниковъ не имѣютъ рѣшительно никакого имущества; согласно Lucchini (извѣстный итальянскій криминалистъ) на 11 обезпеченныхъ молодыхъ преступниковъ приходится 104 полуобезпеченныхъ, 792 имѣющихъ самое необходимое и 1.549 лишенныхъ самаго необходимаго; изъ 2.000 малолѣтнихъ преступниковъ только 148 не должны были бороться съ нуждой: такъ называемые привычные преступники являются большею частью и обычными страдальцами отъ голода; изъ нихъ 35% нищихъ, 40% бродягъ и 52% т. н. отказывающихся овъ работы (послѣдню категорію, однако, удалось въ Австріи сократить почти на 70%, благодаря особымъ страннопріемнымъ станціямъ). По мнѣнію автора, почти всѣ кражи совершаются подъ вліяніемъ голода (94% всего числа воровъ не имѣютъ никакого имущества) а кражи составляютъ 50% общаго числа преступленій. 13% общаго числа составляютъ тѣлесныя поврежденія—это одичаніе, вызываемое голодомъ, а отчасти и просто грубая форма дуэли и притомъ по тѣмъ же мотивамъ: изъ боязни, что сочтутъ трусомъ.

Это внѣшнее затруднительное положеніе можетъ каждаго человѣка побудить къ совершенію преступленія. Ссылаясь на Manouvrier, Hamon и др., авторъ положительно отрицаетъ существованіе преступнаго типа; между преступниками и обыкновенными гражданами съ психологической точки зрѣнія различія нѣтъ. «Способность совершить преступленіе (т. II, стр. 39) есть вовсе не признакъ какихъ либо особыхъ ненормальныхъ индивидуумовъ, но общечеловѣческая способность, и даже что касается самыхъ тяжкихъ преступленій, то всѣ люди являются лицами могущими совершить таковыя (potentielle Verbrecher)» (тамъ же, стр. 65); «большинство людей въ моментъ совершенія преступленія находится въ состояніи помраченія сознанія, мышленіе и чувство подавлены аффектомъ, и только немногіе сознаютъ въ этотъ моментъ, что дѣяніе ихъ представляетъ собой преступленіе въ самомъ грубомъ обыденномъ смыслѣ безнравственнаго, позорнаго злодѣянія» (т. II, стр. 35); «единственный общій всѣмъ преступникамъ признакъ—это условія, при которыхъ они впали въ преступленіе; каждый изъ нихъ — несчастный, на долю котораго выпало подпасть такому случайному стеченію обстоятельствъ, которому онъ въ данный моментъ и при данномъ состояніи своихъ душевныхъ способностей оказать противодѣйствіе не могъ и которое довело его до преступленія».

Да и заслуживаютъ ли такого порицанія лица, которыя, будучи доведены до отчаянія, видя, что ихъ семья гибнетъ отъ голода, не подчиняются, не гибнутъ, а переступая черезъ законы о собственности, сами помогаютъ себѣ; даже Фридрихъ II въ письмѣ къ d'Alembert (3 апрѣля 1770 г.) признавалъ, что отецъ семейства, которому угрожаетъ голодная смерть, въ правѣ совершить кражу. Такіе не подчиняющіеся являются болѣе здоровыми, сильными, характерами; для жизни соціальнаго организма эти характеры имѣютъ такое же значеніе, какъ разбитые корабли для морской державы.

Такимъ образомъ преступленія являются плодомъ или нищеты, или невѣжества и болѣзней, какъ послѣдствій той же нищеты, поэтому и борьба съ преступленіемъ представляется особо сложной. «Очевидная причина большинства преступленій—появленіе умственно и экономически слабыхъ людей, появленіе, обусловливаемое крайнимъ недостаткомъ средствъ существованія, вотъ почему понятно, что реформа уголовной юстиціи представляетъ одну изъ желательнѣйшихъ составныхъ частей соціальной реформы и только въ связи съ соціальной реформой можетъ быть въ полномъ объемѣ проведена» (т. I, стр. 5).

Больныхъ надо лечить, невѣжественныхъ просвѣщать, нищимъ давать

пріютъ и занятіе, а между тѣмъ всѣхъ ихъ наказываютъ, имъ мстятъ по древнему принципу—око за око, зубъ за зубъ.

Мало того, ихъ намѣренно мучатъ, обращаются съ ними, какъ съ рабами, и притомъ какъ самымъ глубочайшимъ образомъ приниженными рабами, ихъ безчестятъ, не признаютъ ихъ больше самодовлѣющими единицами, а матеріаломъ для постороннихъ цѣлей. Но возможно ли продолженіе такого уголовнаго рабства въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, который больше всего славится развитіемъ альтруистическихъ чувствъ? Въ наше время не знаютъ больше никакого рабства, крѣпостное право покончило свое существованіе, покончило существованіемъ рабство подслѣдственное, съ пытками, пристрастными допросами и т. п., осталось только одно рабство лицъ осужденныхъ.

Надо отмѣнить это рабство, какъ въ виду его несоотвѣтствія основнымъ взглядамъ нашего времени, такъ и его явной вредности для общества.

Ни отдавать преступниковъ въ рабство, ни мстить имъ, какъ проповѣдуетъ большинство представителей уголовнаго права Германіи, нѣтъ основанія; «выясненіе того факта, что преступленіе въ дѣйствительности не что иное, какъ припадки, проявленіе болѣзней единичныхъ и соціальныхъ организмовъ, припадки, которымъ присущъ часто и эпидемическій характеръ, должно убѣдить въ необходимости измѣнить самый характеръ уголовной репрессіи: вмѣсто мщенія и мученій надо перейти къ благодѣтельнымъ мѣрамъ опеки надъ преступниками съ устраненіемъ всякой наклонности къ мщенію и мученію» (т. I, стр. 33).

Несомнѣнно, государство имѣетъ право принимать мѣры въ цѣляхъ самосохраненія для борьбы съ преступленіемъ и преступниками, но нынѣшняя система наказаній, не отвѣчая вовсе измѣнившимся правовымъ взглядамъ, не способствуетъ вовсе осуществленію намѣченныхъ цѣлей.

Прежде всего, считаютъ необходимымъ придать наказанію характеръ устрашающій, утверждаютъ, что преступника надо устрашить, что это способъ для Specialprevention и Generalprevention, т. е. для того, чтобы отбить охоту совершать преступленіе и у самого преступника и у другихъ; въ дѣйствительности, однако, мысль о наказаніи устрашаетъ только тогда, когда человѣкъ находится въ совершенно спокойномъ состояніи, а между тѣмъ большинство преступленій совершается въ состояніи крайняго волненія, подъ вліяніемъ какого-либо чувства или мысли, причемъ мысль о страхѣ отступаетъ въ это время на задній планъ. Весьма часто преступленія совершаются подъ вліяніемъ страха, но не передъ наказаніемъ, а передъ другой болѣе близкой опасностью, дѣйстви-

тельной или воображаемой: умереть съ голода, потерять честь (дуэль), лишиться какого-нибудь наслажденія; страхъ передъ наказаніемъ оказываетъ дѣйствіе уже послѣ совершенія преступленія и побуждаетъ принять мѣры къ сокрытію слѣдовъ преступленія, хотя-бы путемъ новаго преступленія.

Главный видъ наказанія при современной системѣ это—тюремное заключеніе, между тѣмъ заключеніе въ эти «обезчещивающія уголовныя казармы», несомнѣнно можетъ приносить только вредъ; людей больныхъ, съ разстроенными нервами, съ плохимъ питаніемъ, съ неправильнымъ или безнравственнымъ воспитаніемъ, собираютъ всѣхъ въ одно мѣсто, запираютъ, лишаютъ воздуха, здоровыхъ условій жизни и питанія, устраиваютъ искусственные очаги порока, заставляютъ забывать ремесло, которое преступнику было извѣстно до заключенія, и удаленіемъ работника изъ семьи вызываютъ паденіе его хозяйства и разореніе семьи. А главное, придаютъ всему учрежденію—тюрьмѣ—такой позорящій характеръ, что для вышедшаго изъ тюрьмы затѣмъ невозможна никакая реабилитація, онъ разъ навсегда обезчещенный, опозоренный человѣкъ, т. е. негодный членъ общества.

Вся система ложна, надо не мучить человѣка физически, ибо всякое мученіе внѣшнее только озлобляетъ, подрываетъ дозѣріе къ власти, а надо дѣйствовать на душу, принципъ мести долженъ быть оставленъ: за что же мстить, за то, что человѣкъ съ легко возбуждающимися нервами, что у него являются блуждающія и быстро смѣняющіяся мысли (Gedankenflucht) и онъ подпадаетъ моментальнымъ временнымъ помѣшательствамъ, но тогда отчего же попрежнему не наказывать за рыжій цвѣтъ волосъ, непріятное лицо и т. д.? Самое понятіе наказанія невѣрно: не мстить, не наказывать, а устранять произведенный вредъ слѣдуетъ и въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы замѣнить самое слово наказанія.

Мѣсто наказанія и мести должна замѣнить благорасположенная къ преступникамъ система «опеки», «попеченія»; въ основу этой системы должны быть положены тѣ же принципы, что и въ основу воспитанія.

«Несомнѣнно, что открытое довѣріе къ честности и собственному достоинству человѣка можетъ не только усилить и укрѣпить существующія у человѣка честность и собственное достоинство, но и вызвать къ жизни эти качества въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ нѣтъ у человѣка» (т. II, стр. 700). Путемъ опеки и наказанія въ новомъ смыслѣ преступникъ долженъ быть доведенъ до раскаянія, до того, чтобы ему стало стыдно самого себя и онъ внутренно сознался бы: «какъ я могъ дойти до такого грубаго поступка».

Обезчещивающія уголовныя казармы должны быть уничтожены, всякія мученія преступника прекратятся, за совершеніе преступленія человѣкъ будетъ ставиться подъ опеку, которая продолжится до тѣхъ поръ, пока не получится полнаго убѣжденія въ совершенномъ исправленіи опекаемаго; послѣдній будетъ оставаться на свободѣ; только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда извѣстное временное задержаніе будетъ представляться совершенно необходимымъ, преступники будутъ лишаться свободы, для чего современныя тюрьмы будутъ превращены въ пріюты. Такими мѣстами заключенія въ новомъ смыслѣ лучше всего могутъ служить, по мнѣнію автора, монастыри, какъ мѣста, гдѣ стараются налагать духовныя наказанія, а не тѣлесныя.

Исполненіе наказаній будетъ поставлено въ зависимость отъ особаго судьи — исполнительнаго; наказанія будутъ неопредѣленны, что будетъ поддерживать въ преступникѣ желаніе исправиться.

Главныя задачи по борьбѣ съ преступленіемъ будутъ возложены на союзы помощи (Hilfsvereine). Рядъ существующихъ союзовъ будетъ расширенъ и дѣятельность ихъ будетъ направлена какъ на предупрежденіе преступленій, такъ и на содѣйствіе къ выясненію дѣла на судѣ и затѣмъ къ приведенію въ исполненіе наказанія.

Прежде всего такіе союзы будутъ заботиться о здоровьѣ гражданъ, ибо изъ числа больныхъ составляется контингентъ преступниковъ; будутъ заботиться о томъ, чтобы помогать лицамъ, поставленнымъ во временное затруднительное положеніе, будутъ устраивать особые пріюты для лицъ неспособныхъ болѣе бороться. Дѣятельность въ этомъ направленіи союзовъ очень разнообразна и характеризуется словами: «le patronage avant le crime», въ этихъ словахъ несомнѣнно глубокая идея!

Затѣмъ союзамъ предстоитъ обширная задача по участію въ самыхъ процессахъ уголовныхъ; «въ настоящее время—говоритъ авторъ,— «слишкомъ много возбуждаютъ уголовныхъ преслѣдованій и слишкомъ много заключаютъ въ тюрьму». Союзы будутъ заниматься примиреніемъ враждующихъ сторонъ, чтобы дѣла не доходили до суда; въ Австріи въ 1891 г. было 80179 дѣлъ объ оскорбленіи, тогда какъ въ Германіи, вчетверо большей по населенію, было всего 44809 дѣлъ! Союзы будутъ представлять интересы обвиняемыхъ на судѣ, гдѣ слишкомъ силенъ административный прокурорскій духъ, а затѣмъ, по разрѣшеніи дѣла, будутъ брать осужденныхъ подъ свою опеку. Дѣйствительно, не должно быть такихъ учрежденій, куда бы собирались со всѣхъ концовъ исключительно преступные, осужденные люди; такой преступный элементъ слѣдуетъ, наоборотъ, разсѣевать, по возможности, ставя преступниковъ подъ опеку общества

или отдѣльныхъ лицъ, которыя изъявятъ желаніе брать на попеченіе; государство чрезъ исполнительнаго судью будетъ наблюдать за исправленіемъ.

Заключая свое сочиненіе, авторъ признаетъ, что, разумѣется не всѣ выставленныя имъ требованія возможно осуществить немедленно же; они подлежатъ постепенному осуществленію, постепенно долженъ быть замѣненъ въ порядкѣ исполненія наказанія нынѣшній принципъ возмездія, устрашенія и мученія принципомъ опеки, постепенно тюрьмы превратятся въ непозорные рабочіе дома или даже рабочіе пріюты. Слѣдуетъ только твердо установить основное правило, что преступники—люди озлобленные, одичавшіе, никогда не слышавшіе добраго слова, и что именно добромъ можно ихъ привести къ желательнымъ цѣлямъ: несомнѣнно, что основнымъ принципомъ всего права является уваженіе къ человѣческой личности.

И бѣглое ознакомленіе со взглядами Варга объясняетъ уже въ достаточной мѣрѣ, почему критики назвали его произведеніе «смѣлымъ дѣломъ».

Варга объявляетъ войну и господствующему ученію о преступленіи и наказаніи, и существующей во всѣхъ государствахъ съ небольшими измѣненіями для каждаго лѣстницѣ наказаній. Въ наукѣ онъ, вмѣстѣ съ быстро увеличивающимся числомъ поклонниковъ новыхъ взглядовъ, требуетъ измѣненія существующей системы, основанной (въ особенности въ Германіи и Австріи) почти исключетельно на юридическихъ построеніяхъ субъекта и др. построеніяхъ, значеніе которыхъ все падаетъ, а происхожденіе объясняется тѣмъ, что въ «систему» выработалось прежде гражданское право, знатоки котораго, являясь единственными въ то время юристами, первые занялись обработкой уголовнаго права и перенесли въ него вовсе не отвѣчающія природѣ послѣдняго цивилистическія построенія, способствующія не разъясненію, а наоборотъ затемненію основныхъ понятій о преступленіи, преступникѣ, о задачахъ и цѣляхъ наказанія. Юридическая экзегетика вмѣстѣ съ построеніями можетъ примѣняться при толкованіи и преподаваніи дѣйствующаго уголовнаго права, т. е. въ сущности при ознакомленіи слушателей съ дѣйствующими кодексами, но едва ли подобное толкованіе можно счесть за «науку», да еще единственную, для которой, пожалуй, до извѣстной степени можно пользоваться другими науками, какъ вспомогательными. Такой взглядъ на «науку» уголовнаго права можетъ имѣть за себя столько же, сколько иллюзіи лица, читающаго правила о разборкѣ архивовъ, что читаемое имъ есть «наука», для которой исторія является вспомогательной наукой. Варга поступаетъ, разумѣется, совершенно правильно, отводя этому юридическому толкованію дѣйствующаго права опредѣленное, весьма скромное мѣсто въ общемъ

храмѣ науки уголовной криминалогіи и требуя изученія преступника съ точки зрѣнія біологической и преступленія, какъ явленія соціальнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, юридическое толкованіе дѣйствующаго уголовнаго права имѣетъ вспомогательное значеніе для ученія о преступленіи и наказаніи; если еще юристъ-цивилистъ могъ воскликнуть въ свое время pereat mundus, fiat justitia, то для юриста-криминалиста такой возгласъ вскорѣ несомнѣнно будетъ признанъ тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ. Жизнь, практическая жизнь, которая все шире открываетъ себѣ доступъ въ храмъ или храмы науки, требуетъ, чтобы криминалисты занялись борьбою съ преступленіями, а не логическими построеніями. Для этого надо прежде всего выяснить, что такое преступленіе и преступникъ. Но на эти вопросы въ «наукѣ» юридическаго уголовнаго права отвѣта нѣтъ, какъ это ни странно; эти вопросы здѣсь просто, говоря алгебраическимъ языкомъ, взяты въ скобки; здѣсь все происходитъ алгебраически, занимаются различными комбинаціями съ X. (обвиняемымъ) и Y. (потерпѣвшимъ), строятъ уравненія. Для возможности такой логической эквилибристики самыя понятія преступленія, преступника и наказанія упрощены до нельзя. Преступленіе это-есть нарушеніе извѣстнаго внѣшняго запрета, преступникъ— субъектъ этого нарушенія, наказаніе это есть кара, возмездіе за нарушеніе запрета; какъ грѣхи караются духовными наказаніями, такъ преступленія караются внѣшними наказаніями. Главный основной силлогизмъ: «преступленіе должно быть наказано», и въ этомъ задача всей карательной дѣятельности государства; если данное дѣяніе помѣчено въ числѣ преступленій, то оно должно быть наказано: самое упрощенное уравненіе алгебраическое. Никакихъ сомнѣній въ этой упрощенной эквилибристикѣ не допускается; лишь судъ присяжныхъ, столь недавно вызвавшій противъ себя въ Германіи цѣлый походъ «ученаго чиновничества», по временамъ нарушаетъ эту гладь и тишину вопросами о томъ, слѣдуетъ ли непремѣнно всѣхъ преступниковъ, т. е. нарушителей внѣшняго запрета, наказывать, т. е. причинять внѣшній вредъ, хороши ли современныя наказанія и достигаютъ ли они какой-нибудь цѣли!

Правда, возникла школа, далеко еще въ Германіи и Австріи не господствующая, которая говоритъ о цѣли въ наказаніи, о томъ, что наказаніе имѣетъ задачею не мстить преступнику, а исправлять его, но эта школа, расточая теоретическіе громы, какъ-то весьма легко мирится съ существующей лѣстницей наказаній, которая еще во всѣхъ государствахъ построена на принципѣ мести, возмездія, причиненія внѣшняго матеріальнаго вреда. Вотъ почему понятно, что Варга направилъ свои громы противъ идеи мести въ наказаніи, какъ явленія еще господствующаго,—

въ этомъ отношеніи ученый теоретикъ, написавшій громадный научный трактатъ, обличающій въ авторѣ колоссальныя познанія въ области наукъ философскихъ, естественныхъ, историческихъ и юридическихъ, идеализировалъ лишь то движеніе, которое существуетъ въ дѣйствительной жизни европейскихъ народовъ, по временамъ, какъ во всякой идеализаціи, переходя черезъ край и мечтая о томъ, чего не требуетъ и не домогается само идеализируемое авторомъ движеніе.

Движеніе это направлено на изысканіе новыхъ способовъ борьбы съ преступностью и преступниками. Вопросомъ этимъ занимаются и притомъ часто и подолгу и собранія народныхъ представителей, и правительственныя и общественныя власти, и тюремные конгрессы, собирающіеся каждыя 5 лѣтъ и состоящіе изъ представителей тюремной администраціи, судебнаго вѣдомства и ученыхъ тюрьмовѣдовъ, и различныя ученыя общества. Напрасно было бы думать, что толчокъ этому движенію данъ какимъ-либо новымъ философскимъ ученіемъ или какимъ-либо новымъ, пожалуй даже скорѣе болѣзненнымъ интересомъ къ «преступнику», какъ особому типу, и его судьбѣ.

Нѣтъ, если этотъ вопросъ поставленъ былъ такъ рѣшительно на очередь и не сходитъ со сцены такъ долго, то благодаря, во-первыхъ, несомнѣнному, доказанному статистическими данными, усиленію преступности болѣе быстрому, чѣмъ ростъ населенія, и, во-вторыхъ, благодаря совершенно измѣнившимся поневолѣ условіямъ борьбы съ преступленіемъ. Долгое время европейскія государства имѣли возможность удалять за свои предѣлы преступные элементы, и въ это время не было надобности особенно останавливаться на личности преступника; разъ человѣкъ признавался вреднымъ для государства, его удаляли, и въ какой мѣрѣ онъ вреденъ, насколько онъ неисправимъ—эти вопросы не могли представлять интереса. Но по мѣрѣ заселенія самыхъ отдаленныхъ уголковъ земнаго шара, по мѣрѣ развитія добровольнаго выселенія по необходимости, въ силу невозможности зарабатывать на родинѣ средства къ существованію, непреступной части европейскихъ народовъ, пришлось сначала уменьшать, а затѣмъ и вовсе отказаться отъ ссылки, какъ одного изъ весьма распространенныхъ наказаній. Почти одновременно съ этими измѣненіями происходили и другія; подъ вліяніемъ смягченія нравовъ, а равно и новыхъ философскихъ теорій идеализировавшихъ это гуманное движеніе, перестали примѣнять фактически цѣлый рядъ наказаній; такъ, смертная казнь примѣняется исключительно рѣдко, такъ рѣдко, что во многихъ государствахъ не каждый годъ; изъ нѣкоторыхъ же европейскихъ уголовныхъ кодексовъ она вовсе исключена; тѣлесныя наказанія почти совсѣмъ изчезли; древніе виры и выкупы

признаются недопустимыми съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ на наказаніе.

Такимъ образомъ постановка вопроса о борьбѣ съ преступленіемъ сдѣлалась иною. Нельзя болѣе удалять преступные элементы за предѣлы государства, нельзя ихъ болѣе въ томъ или другомъ видѣ истреблять; надо ихъ содержать здѣсь же, среди нормальнаго общества.

Измѣнились кореннымъ образомъ задачи и условія борьбы, а новыхъ средствъ нѣтъ, единственнымъ почти наказаніемъ осталось тюремное заключеніе, возникшее съ самыхъ первыхъ временъ цивилизаціи и во многихъ государствахъ остающееся еще почти въ первобытномъ состояніи.

Вотъ это-то положеніе, эти условія вызываютъ новое движеніе, направленное на изысканіе средствъ для борьбы съ преступленіемъ; этимъ и объясняется интересъ, съ которымъ относятся къ вопросамъ о преступникѣ, преступленіи и наказаніи. Это новое движеніе подвергло болѣе подробному анализу существующія понятія о преступникѣ и одновременно занялось болѣе внимательно изученіемъ тюрьмы и тѣхъ результатовъ, которые достигаются при посредствѣ тюремнаго заключенія. При этомъ и оказалось то, что такъ картинно и ярко изобразилъ Варга. Было обнаружено, что вообще тюрьма представляетъ наказаніе вовсе не отвѣчающее современнымъ требованіямъ; собирая въ свои стѣны преступные элементы со всей страны, она накладываетъ на заключенныхъ такое клеймо, которое потомъ мѣшаетъ отбывшимъ наказаніе возвратиться къ правильной жизни, найти честный заработокъ.

Съ другой стороны, при ближайшемъ изученіи тюремнаго населенія, выяснилось, что тюрьма, какъ наказаніе, примѣняется крайне неразборчиво, что въ стѣны тюремныя собираютъ и такихъ, которыхъ надо лѣчить, а не наказывать, и «случайныхъ» преступниковъ—новое понятіе съ громаднымъ будущимъ—и закоренѣлыхъ неисправимыхъ (не въ смыслѣ итальянской школы) рецидивистовъ, которыхъ можно только разъ навсегда запереть въ особые интернаты, чтобы они не служили источникомъ заразы.

Соотвѣтственно съ этимъ положеніемъ занялись изысканіемъ новой системы наказанія внѣ тюрьмы (условное осужденіе и т. д.) [1]), поставивъ въ основу этой системы новый взглядъ на цѣль наказанія, утверждающій, что наказаніе должно не мстить, а способствовать искорененію преступныхъ наклонностей, удерживать преступника отъ повтореній преступленія,

---

[1]) См. подробно работы мои о возстановленіи утраченныхъ правъ, объ условномъ осужденіи и т. д.

сдѣлать возможнымъ возвращеніе его въ ряды нормальной жизни, реклассированіе его; что наказаніе, въ смыслѣ мѣры борьбы съ преступностью и преступниками не должно быть отождествляемо съ причиненіемъ внѣшняго матеріальнаго вреда и угрозой таковымъ, это нынѣшнее значеніе наказанія сохранится лишь за однимъ изъ видовъ наказанія, наряду съ которымъ государство будетъ принимать много другихъ мѣръ, не имѣющихъ этого матеріально репрессивнаго характера.

Самъ Варга, однако, идетъ несомнѣнно слишкомъ далеко, онъ хочетъ совершенно, окончательно, устранить наказаніе, какъ осуществленіе угрозы причинить вредъ преступнику, въ извѣстныхъ лишь случаяхъ становясь при этомъ подъ защиту детерминистическихъ взглядовъ на преступленіе, какъ на явленіе, которое неизбѣжно, помимо всякаго желанія самого преступника, должно было наступить. Въ этомъ отношеніи взгляды Варга не встрѣтятъ сочувствія въ русской школѣ (Н. С. Таганцевъ и другіе представители), которая, признавая, что преступленіе не есть произведеніе вольной воли, что, какъ всякое другое дѣйствіе человѣка, оно можетъ быть объяснено предыдущими явленіями, мотивами, природой самого преступника, внѣшними вліяніями на него, находитъ, что однимъ изъ такихъ внѣшнихъ вліяній можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, и наказаніе, въ смыслѣ причиненія внѣшняго вреда, страхъ предъ наказаніемъ, предъ понесеніемъ извѣстнаго вреда. Разсужденія Варга о томъ, что страхъ передъ наказаніемъ не воздерживаетъ отъ преступленія, несомнѣнно софистичны, ибо онъ тутъ же признаетъ, что подъ вліяніемъ страха не воздерживаются отъ совершенія преступленія, а принимаютъ мѣры для сокрытія преступленія и въ этихъ видахъ даже совершаютъ новыя преступленія, значитъ страхъ великъ, притомъ же соображенія о томъ, будто-бы, близкомъ къ умопомѣшательству состояніи аффекта, въ которомъ находится всякій человѣкъ во время совершенія преступленія, невѣрны, ибо такое состояніе можно предполагать лишь при совершеніи преступленій по страсти, а не преступленій корыстныхъ, которыя составляютъ большую часть преступленій. Наконецъ, эти соображенія Варга не согласуются съ его собственнымъ описаніемъ той борьбы, которая происходитъ въ каждомъ человѣкѣ между мотивами и побужденіями чувственными и тѣми разумными мотивами, которые зарождаются въ мозговой корѣ; пытаться оказывать воздѣйствіе съ цѣлью подавленія этихъ чувственныхъ мотивовъ несомнѣнно слѣдуетъ, и наказаніе, какъ угроза, для извѣстнаго ряда случаевъ всегда будетъ исполнять эту функцію. Другое, разумѣется, дѣло характеръ наказаній, возможное устраненіе грубыхъ сторонъ наказанія индивидуализаціи его и т. д.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Варга несомнѣнно правъ, и представленныя имъ яркія картины порабощенія и поруганія преступниковъ во многомъ вѣрны.

Вообще, главная заслуга сочиненія Варга, это наиболѣе полное обнаруженіе всей несостоятельности теоріи возмездія въ наказаніи и яркое освѣщеніе тѣхъ новыхъ путей, которые избираются въ наше время наукой при изученіи преступленія, преступниковъ и наказанія практическими государственными и общественными дѣятелями въ борьбѣ съ преступностью.

Предметъ науки уголовнаго права. Возраженіе Н. С. Таганцеву на статью съ тѣмъ же заглавіемъ [1]).

Глубокоуважаемый учитель большинства современныхъ русскихъ криминалистовъ Н. С. Таганцевъ высказалъ только что свои взгляды на предметъ науки уголовнаго права, на объемъ и содержаніе того, что подлежитъ изученію въ этой наукѣ, а такъ какъ эта наука въ цѣломъ излагается только въ курсахъ, предназначенныхъ для университетскаго преподаванія, то и на объемъ этого послѣдняго. Нельзя сказать, чтобы Н. С. сдѣлалъ при этомъ какую-либо уступку духу времени и отступилъ сколько нибудь существенно отъ того, что содержится по тому же вопросу въ его «лекціяхъ», вышедшихъ въ свѣтъ много лѣтъ тому назадъ. Въ сущности, это вполнѣ естественно; трудно требовать измѣненія разъ сложившихся взглядовъ, въ особенности у криминалиста, который вложилъ такъ много своего и весьма цѣннаго въ науку. Едва ли, однако, возможно намъ, ученикамъ, при всемъ уваженіи къ учителю, остаться при тѣхъ же взглядахъ и закрыть глаза на то, что подготовлялось давно и развилось такъ пышно за послѣдніе 25 лѣтъ.

Сущность рѣшительнаго разномыслія я позволю себѣ выразить для наглядности въ слѣдующемъ сравненіи. На обширномъ полѣ борьбы съ преступленіемъ отъ былого времени остался старый замокъ съ цѣлымъ рядомъ грозныхъ боевыхъ башенъ. Каждая изъ нихъ въ давно минувшее время считалась непреоборимымъ оплотомъ противъ натиска враговъ, но мало по малу вѣра въ ихъ спасительное значеніе ослабѣла и одна за дру-

[1]) Газета „Право“ № 51, 52—1901 г. Настоящая статья помѣщена была въ газетѣ „Право“ 1902 г. № 9. Она содержитъ въ самыхъ общихъ чертахъ идеи развитыя подробно въ работѣ о роли общества въ борьбѣ съ преступностью.

гою боевыя башни замолкли и въ настоящее время представляютъ только историческій интересъ. Внутри все зданіе носило чисто средневѣковой характеръ и состояло изъ ряда небольшихъ комнатъ, массы перегородокъ и сводовъ, но духъ времени проникъ и сюда; одна за другою устранены перегородки, во всемъ зданіи осталось не болѣе двухъ-трехъ комнатъ, посѣтителя удивляетъ вычурность и замысловатость отдѣлки, на которую была потрачена масса труда, но, къ сожалѣнію, безплодно, ибо все это замысловатое устройство не увеличивало нисколько удобствъ жизни, а главное—нисколько не отвѣчало назначенію самого зданія.

Но время, превратившее грозный замокъ въ историческій памятникъ, имѣющій сравнительно небольшое значеніе для современной жизни, создало вокругъ стараго замка рядъ громадныхъ многоэтажныхъ зданій, заполнившихъ уже въ значительной степени обширное поле. Новыя постройки отличаются обширностью, простотою устройства, въ нихъ масса свѣта и воздуха, такъ онѣ созданы не для устрашенія, а для помощи и воспитанія. Жизнь въ нихъ кипитъ ключемъ, значеніе ихъ усиливается и оцѣнивается съ каждымъ днемъ все больше, какъ это можно судить по количеству новыхъ обширныхъ пристроекъ и флигелей.

И вотъ, при такомъ взаимномъ соотношеніи всѣхъ этихъ зданій, возможно ли допустить, чтобы желающихъ изучить весь этотъ обширный городокъ знакомили, главнымъ образомъ, съ историческимъ замкомъ, а на новыя постройки, совсѣмъ окружившія и закрывшія собою историческій замокъ, смотрѣли лишь какъ на средство для сравненія разныхъ архитектурныхъ стилей, какъ на пристройки и дополненіе къ замку.

Да такъ ли это, правиленъ ли такой взглядъ и что можно привести въ подкрѣпленіе его? То, что по историческому замку дано названіе всему полю, что нельзя придумать пока одного общаго названія для всего поля, которое бы объединяло и старый замокъ и новыя постройки. Да важно ли настолько, прежде всего, установить одно общее названіе, а потомъ уже приступать къ изученію, возможно ли изъ-за названій, опредѣленій, различія въ стиляхъ, забывать значеніе и, такъ сказать, удѣльный вѣсъ каждаго зданія для современной жизни?

Но можетъ быть сравненіе мое неправильно въ своихъ основаніяхъ? Всмотримся поближе въ описанныя постройки и начнемъ, разумѣется, съ замка.

На башняхъ его красуются и до сихъ поръ надписи: смертная казнь, членовредительныя наказанія, тѣлесныя наказанія, мѣста заключенія въ видѣ сырыхъ подваловъ, клоповниковъ и т. п., ссылка и, наконецъ, современное лишеніе свободы въ различныхъ его видахъ. Я думаю, что

мнѣ нѣтъ надобности говорить о томъ, что смертная казнь существуетъ лишь въ нѣкоторыхъ кодексахъ и примѣняется лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ, и при томъ въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что едва ли можно говорить, и въ особенности подробно, о существованіи этого наказанія; членовредительныя и тѣлесныя наказанія окончательно исчезли, подвалы, клоловники, ссылка тоже. Остается одно лишеніе свободы. Но что съ нимъ происходитъ на нашихъ глазахъ? Изъ него выводятъ малолѣтнихъ преступниковъ, всѣхъ случайныхъ преступниковъ, вопросъ о выводѣ упорныхъ рецидивистовъ, объ ихъ интернированіи (проектъ швейцарскаго угол. уложенія), о выдѣленіи ихъ изъ общей массы преступниковъ и принятіи особыхъ мѣръ (Actes des congrés de Paris 1895, Prem. Sect. и de Bruxelles III vol) можетъ считаться предрѣшеннымъ, выводъ въ особыя заведенія, реформаторіи, пьяницъ, совершающихъ проступки подъ вліяніемъ опьяненія (англ. законъ 1899 — Actes du congr. de Bruxelles IV. Отчетъ Rugles Brizes объ англійскихъ тюрьмахъ) отчасти уже приводится въ исполненіе. Но и сама тюрьма, конкурируя съ рабочимъ домомъ,—при чемъ, какъ замѣчаетъ отчетъ англійскихъ тюремныхъ инспекторовъ за 1895 г., чѣмъ больше лицъ содержится въ рабочихъ домахъ, тѣмъ меньше населеніе тюремъ (приложена интересная наглядная картограмма),—быстро теряетъ характеръ тюрьмы какъ мѣста устрашенія и превращается въ рабочій домъ, въ мѣсто принудительнаго воспитанія взрослыхъ. Такимъ образомъ, общій выводъ, который необходимо сдѣлать изъ предыдущаго, что вся система наказаній по уголовному праву, расчитанная на устрашеніе преступника и преступныхъ элементовъ въ обществѣ, находится въ періодѣ полнаго распаденія; степень распаденія въ различныхъ государствахъ разная, въ зависимости отъ степени культурности страны, отъ степени развитія самодѣятельности общества и, главное, отъ степени развитія тѣхъ новыхъ «зданій», которыя окружили историческій замокъ уголовнаго права.

Остановимъ ближе вниманіе на этихъ зданіяхъ. Самое большое изъ нихъ, увеличивающееся чуть не каждый годъ новыми флигелями, можетъ быть лучше всего охарактеризовано французскимъ названіемъ: «Le patronage avant et aprés le crime». Главная основная задача всѣхъ учрежденій, объединенныхъ подъ этимъ названіемъ—поддержаніе людей, ослабѣвшихъ матеріально, попавшихъ въ столь затруднительное положеніе, что имъ не по силамъ безъ посторонней помощи удержаться на честномъ пути, людей близкихъ къ впаденію въ преступленіе. Основной принципъ всѣхъ этихъ учрежденій—что возможно остаться безъ честнаго труда и занятій помимо всякой съ своей стороны вины, что при такихъ условіяхъ «карать»

прямо грѣшно, а надо помогать, и тогда не будетъ ни преступленія, ни наказанія [1]). Считаю долгомъ отмѣтить, что всѣ эти учрежденія, соприкасаясь близко съ чистою благотворительностью въ разныхъ видахъ, не могутъ никоимъ образомъ быть смѣшиваемы съ нею, такъ какъ имѣютъ дѣло съ лицами трудоспособными, но не имѣющими лишь занятій. Дать примѣрное перечисленіе всѣхъ многочисленныхъ учрежденій этого рода въ видѣ рабочихъ домовъ, домовъ трудолюбія, колоній рабочихъ, справочныхъ бюро, обществъ патроната надъ выходящими изъ мѣстъ заключенія и т. д., я думаю, излишне, достаточно сказать, что всѣ эти учрежденія, выступая тогда, когда только создаются условія, располагающія къ преступленію, дѣлаютъ излишнимъ для сотенъ тысячъ людей дѣйствіе уголовнаго права.

Рядомъ высится великолѣпное зданіе исправительно-воспитательныхъ заведеній для преступныхъ дѣтей; въ нѣкоторыхъ особо счастливыхъ государствахъ эти заведенія совершенно уже изъяли изъ дѣйствія уголовной кары всю преступную молодежь.

Далѣе, необходимо обратить вниманіе на возникшія въ послѣднія тридцать лѣтъ заведенія принудительно-воспитательныя для взрослыхъ (реформаторіи). Это уже далеко не проектъ, а дѣйствительность, представляемая не одною Эльмирою въ Ньюіоркѣ, а 7 реформаторіями, дѣйствующими въ разныхъ мѣстахъ Сѣверной Америки, двумя строющимися и 3 находящимися пока въ проектѣ. Дѣло идетъ о сотняхъ, если не о тысячахъ лицъ, подвергнутыхъ не наказанію, а перевоспитанію на неопредѣленный даже судомъ срокъ (Actes du congr. penit dé Bruxelles vol. II стр. 427 и слѣд.).

Дополнимъ этотъ общій обзоръ упоминаніемъ объ условномъ осужденіи, которое въ большинствѣ культурыхъ государствъ изъяло отъ дѣйствія уголовной кары сотни тысячъ преступниковъ и которое по существу представляетъ смѣсь началъ исправительно-педагогическихъ съ карательными, при чемъ однако послѣднія представлены въ этомъ институтѣ столь слабо, что онъ и до сихъ поръ подвергается горячимъ нападкамъ «настоящихъ» криминалистовъ, стоящихъ на твердой почвѣ уголовнаго права и считающихъ этотъ институтъ совершенно несовмѣстимымъ съ основными принципами уголовнаго права.

Условное досрочное освобожденіе тоже является мѣрою чисто педагогической, исправительной, которая не нарушаетъ «стиля» только въ томъ случаѣ, если тюрьма, сохраняя названіе тюрьмы, превращается изъ карательнаго въ исправительно-воспитательное заведеніе.

---

[1]) Сравни Vargha, die Abschaffung der Strafknechtschaft.

Не останавливаясь, далѣе, на рядѣ другихъ превентивныхъ мѣръ и не переходя сейчасъ же къ окончательнымъ выводамъ, я позволю себѣ предварительно остановиться на самой системѣ, дисциплинѣ уголовнаго права, не касаясь пока вопроса о вліяніи на нее такого коренного измѣненія самыхъ мѣръ борьбы съ преступностью.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи находится эта система? Если лѣстница наказаній, какъ я выразился выше, находится въ періодѣ р а с п а д е н і я, то сама дисциплина уголовнаго права переживаетъ періодъ быстраго, прогрессивнаго «таянія». Число статей въ уголовныхъ кодексахъ сокращается поразительно, каждый новый кодексъ, каждый новый проектъ даетъ все новыя сокращенія; съ 1711 статей дѣйствующаго русскаго уголовнаго уложенія мы дошли до 256 въ проектѣ швейцарскаго уложенія. Не надо однако думать, что все это только успѣхи техники; процессъ обобщенія опредѣленій, путемъ котораго достигается такое сокращеніе, объясняется все болѣе растущимъ довѣріемъ къ суду правильно организованному, т. е. дѣйствующему въ порядкѣ, выработанномъ вѣками культурной жизни и обезпеченному, благодаря этому и широкому общественному контролю, отъ всякаго произвола извнутри и извнѣ. Но еще болѣе это обобщеніе вызывается убѣжденіемъ въ необходимости и н д и в и д у а л и з и р о в а н і я мѣръ борьбы съ отдѣльными преступниками и возможности такого индивидуализированія только для суда, разбирающаго отдѣльныя дѣла и соприкасающагося съ живыми личностями, но не для закона, заранѣе и разъ для всѣхъ случаевъ изданнаго. Вотъ почему современные законодатели стремятся все болѣе освободить судъ отъ всякихъ стѣсненій. Отъ стѣсненія прежде всего слишкомъ дробными опредѣленіями, но затѣмъ, и это главное, отъ стѣсненія вообще излишними опредѣленіями или, лучше сказать, отъ неудачныхъ попытокъ опредѣленія того, что, къ сожалѣнію, по несовершенству человѣческаго мышленія и способовъ выраженія (на что еще указывалъ въ своей логикѣ Джонъ Стюартъ Милль), не поддается опредѣленію и можетъ быть установлено только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. «Упрощеніе»—вотъ лозунгъ современныхъ выдающихся криминалистовъ. Адольфъ Принсъ въ своемъ замѣчательномъ курсѣ — Science penale et droit positif (стр. XLVII) говоритъ, что современные уголовные судьи не должны руководствоваться какою-либо особою доктриною, созданною лишь для избранныхъ, они самые обыкновенные люди, судящіе себѣ подобныхъ, и идеалъ, образецъ для нихъ существуетъ давно среди насъ въ патріархальномъ семейномъ судѣ. Самый выдающійся современный криминалистъ, авторъ проекта швейцарскаго уголовнаго уложенія, Карлъ Штоссъ высказываетъ почти тоже самое, но въ болѣе рѣзкой формѣ:

«это (проведенное въ проектѣ) презрѣніе къ криминалистической школьной премудрости возбудитъ неодобреніе не одного ученаго спеціалиста. Составитель разсчитываетъ, однако, на сочувствіе тѣхъ, которымъ измѣненіе къ лучшему нашего современнаго состоянія въ отношеніи преступности особо дорого» [1]).

Исчезаютъ цѣлыя ученія, вызывавшія безконечный рядъ теорій, какъ напримѣръ, ученіе о вмѣненіи на почвѣ свободы воли; относительно этого послѣдняго ученія наконецъ пришли къ убѣжденію, что дать теоретическое общее опредѣленіе состоянія вмѣняемости при нынѣшнемъ состояніи психическихъ наукъ такъ же невозможно, какъ дать точное опредѣленіе границы между психически-нормальнымъ и ненормальнымъ состояніемъ человѣка: вопросъ объ этой границѣ можетъ быть только разрѣшенъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ с у д о м ъ на основаніи компетентнаго заключенія экспертовъ-психіатровъ; и сами эксперты просятъ ихъ заранѣе не стѣснять законодательнымъ опредѣленіемъ (съѣздъ швейцарскихъ психіатровъ).

На почвѣ того же перенесенія центра тяжести въ судъ «упрощенія» произойдутъ несомнѣнно и другія измѣненія, и цѣлый рядъ другихъ «весьма важныхъ» школьныхъ контроверзъ отойдетъ въ вѣчность. Быть можетъ, тогда не будетъ ставиться такъ неумолимо, категорически отрицательно вопросъ о сближеніи дисциплины уголовнаго права съ другими отдѣлами общаго ученія о системѣ мѣръ борьбы съ преступностью. Нельзя по этому поводу забывать, что на дисциплинѣ уголовнаго права въ значительной мѣрѣ отразилось то обстоятельство, что первыми учеными, трактовавшими объ уголовномъ правѣ, были итальянскіе глоссаторы 13—14 в., включавшіе уголовное право, какъ часть, въ свои «курсы» гражданскаго права. И этотъ первоначальный способъ разработки, несомнѣнно, значительно чувствуется и въ настоящей постановкѣ уголовнаго права, въ особенности въ общей его части. Несомнѣнно, однако, что обѣ дисциплины:—уголовнаго и гражданскаго права—крайне далеки другъ отъ друга. Тотъ, кто восхищался чуднымъ, стройнымъ, логическимъ цѣлымъ, которое представляетъ римское право, одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній человѣческаго ума,—а кто же имъ не восхищался,—тотъ, будучи вполнѣ убѣжденнымъ и знающимъ криминалистомъ, не найдетъ основаній обижаться когда цивилистъ, сравнивая оба дѣла—уголовное и гражданское—замѣтитъ ему, что только послѣднее, дѣло гражданское, представляетъ строго юридическую дисциплину. Только гражданское право,

[1]) См. мою роботу о проектѣ швейцарскаго угол. уложенія 1898 г. стр 9.

выдѣливъ изъ человѣка одну изъ его способностей — волю (замѣненную потомъ понятіемъ интереса, на который воля направляется—Іерингъ), на этомъ единичномъ основаніи—частной волѣ при посредствѣ строго логическаго дедуктивнаго метода могло построить стройное, проникнутое одною идеею, цѣлое. Примѣненіе того же метода въ уголовномъ правѣ, отвлеченіе отъ живого человѣка во всемъ его разнообразіи со всѣми его способностями, отъ соціальныхъ условій и привело науку уголовнаго права къ кризису и къ протестамъ современныхъ школъ. Важно что? сохраненіе принципа nulla poena sine lege, но и это положеніе есть скорѣе положеніе государственнаго права, чѣмъ гражданскаго. Несомнѣнно, что уголовное право имѣетъ гораздо больше родственнаго съ государственнымъ и административнымъ правомъ, чѣмъ съ гражданскимъ, и поэтому сближеніе его съ другими отраслями мѣръ борьбы съ преступностью и естественно и совершенно необходимо. И вотъ, въ этомъ отношеніи, возвращаясь къ поставленному мною выше вопросу о соотношеніи всѣхъ новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью съ дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ, я позволю себѣ высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ усвоеннаго нынѣ искусственнаго пристегиванія всѣхъ этихъ новыхъ мѣръ къ современной доктринѣ уголовнаго права. Основное положеніе всякаго дѣйствующаго пока уголовнаго права: преступленіе должно быть наказано, т. е. учинившему должны быть причинены тѣ или другія страданія въ той или другой степени и прежде всего quia peccatum est; лишь въ порядкѣ исполненія допускаются, въ качествѣ, все таки, непослѣдовательности, и другія цѣли, напримѣръ, исправленія. Основная цѣль наказанія—устрашеніе. А всѣ новыя мѣры говорятъ: нѣтъ, надо не наказывать, т. е. причинять страданія, и не устрашать, а помогать и перевоспитывать; надо не карать, а защищаться и только постольку, поскольку грозитъ опасность. Подрывается основной принципъ современнаго уголовнаго права и послѣднему предстоитъ несомнѣнно коренная переработка и при томъ, весьма возможно, далеко не въ одной общей части, но и въ особенной. Въ этомъ отношеніи достаточно вспомнить громадной важности начало, внесенное идеею случайнаго преступника, и необходимость освобожденія такового отъ уголовной кары. Если теперь, пока глазъ общества привыкнетъ къ мысли объ оставленіи нѣкоторыхъ преступниковъ безъ наказанія, условное осужденіе примѣняется только къ маловажнымъ преступникамъ, то съ теченіемъ времени несомнѣнно новое начало получитъ болѣе широкое примѣненіе, ибо принципіальныхъ препятствій не имѣется, случайнымъ можетъ быть и важный преступникъ. Это противорѣчіе принциповъ ничуть не ослабляется тѣмъ, что и тѣ и другія мѣры въ значительной

степени и теперь предпринимаются по назначенію суда. Никто, разумѣется, не можетъ помышлять объ упраздненіи участія нашего великолѣпнаго современнаго суда въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, его участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ и существованіе уголовнаго кодекса, является, по справедливому замѣчанію Листа, magna charta libertatum преступниковъ настоящихъ и будущихъ, но надо же признать, что судья, присуждающій лицо, нарушившее законъ, къ лишенію жизни, тѣлесному наказанію, ссылкѣ и обыкновенной тюрьмѣ, дѣлаетъ совсѣмъ не то дѣло, которое выполняетъ судья, подвергающій испытанію условно осужденнаго, распоряжающійся о помѣщеніи осужденнаго въ воспитательное заведеніе или о поставленіи его подъ надзоръ и попеченіе патроната. Въ процессуальномъ отношеніи положеніе то же, въ матеріальномъ совершенно разное.

Но есть и еще новое начало въ этихъ новыхъ мѣрахъ борьбы съ преступностью, которое тоже сближаетъ уголовное право съ административнымъ и потребуетъ существеннаго измѣненія современной доктрины. Въ настоящее время главную, исключительную роль въ дѣлѣ борьбы съ преступностью играетъ государство и правительственные органы; всѣ новыя мѣры борьбы съ преступностью, всѣ эти исправительныя — воспитательныя заведенія, колоніи для рабочихъ, общества патроната во всѣхъ его разновидностяхъ содержатся и управляются отдѣльными частными обществами. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью—это громадный и интереснѣйшій вопросъ нашего времени, сближающій несомнѣнно уголовное право съ административнымъ.

Но если всѣ эти новыя мѣры борьбы съ преступностью подлежатъ подробному трактованію въ общемъ ученіи о системѣ мѣръ борьбы съ преступностью, то возможно ли при этомъ выбрасывать за бортъ тѣ направленія и школы, которыми вызваны всѣ эти мѣры: школу индивидуалистическую (я намѣренно не желаю называть ее антропологическою, такъ какъ связанная съ этимъ названіемъ идея прирожденнаго преступника должна быть признана окончательно отвергнутой наукой) и соціологическую? Казалось бы, что такое устраненіе этихъ школъ совершенно немыслимо. Но если и эти школы включить, то какъ же быть съ методомъ изслѣдованія—въ одномъ случаѣ индуктивнымъ позитивнымъ, въ другомъ дедуктивнымъ? Прежде всего наука о мѣрахъ борьбы съ преступностью будетъ всегда наукою прикладною и будетъ черпать данныя изъ антрологіи, соціологіи, психологіи и т. д., а самостоятельною наукою едва ли когда-либо будетъ, разъ въ особенности устранена мысль о прирожденномъ преступникѣ, какъ особой разновидности человѣческаго рода. Далѣе, если бы все таки понадобилось въ цѣляхъ большаго объединенія и успѣшнаго раз-

витія, перенести отдѣлъ соціальной патологіи изъ громаднаго корпуса науки соціологіи въ ученіе о преступленіи и мѣрахъ борьбы съ нимъ, то, быть можетъ, пришлось бы остановиться на схемѣ дѣленія всей науки, предложенной и подробно обоснованной А. А. Піонтковскимъ (Наука уголовнаго права, ея предметъ, задачи, содержаніе, значеніе. Ярославль, 1895 г.), который дѣлитъ науку на криминалогію – отдѣлъ соціологіи, уголовную политику и уголовную догматику; эта послѣдняя, третья часть, посвящается изученію правовыхъ нормъ, въ которыя облекается въ наше время борьба съ преступностью. Собственно въ такой комбинаціи позитивной науки соціологіи съ юридической дисциплиной ничего особенно новаго нѣтъ. Въ общую теорію государственнаго права неуклонно включаются всѣ дѣйствительно провѣренные выводы соціологіи. Все, что я собственно хотѣлъ сказать, сводится къ слѣдующему.

Какъ дѣйствующая система мѣръ борьбы съ преступностью, такъ и ученіе о преступленіи и о мѣрахъ борьбы съ нимъ находится въ періодѣ полнаго переворота, который въ сильной степени подорвалъ значеніе уголовнаго права—и какъ мѣры борьбы съ преступленіемъ и какъ науки. Поэтому во имя научной перспективы, т. е. удѣленія вниманія въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ современному значенію каждаго изъ отдѣльныхъ явленій, фактовъ и теорій, никакъ нельзя ограничиваться изученіемъ одного уголовнаго права въ томъ смыслѣ, какъ это понималось до сихъ поръ; нельзя подробно и всесторонне изучать наказанія и теоріи, отъ которыхъ въ настоящее время отказались и законодатель и наука, и касаться мимоходомъ примѣняемыхъ и развивающихся институтовъ и теорій ихъ вызвавшихъ. Уголовное право должно занять извѣстное почетное, но далеко не первенствующее, значеніе въ общемъ ученіи о преступленіи и мѣрахъ борьбы съ ними, какихъ-либо препятствій къ этому въ особомъ характерѣ этой научной дисциплины не имѣется.

Я полагаю, что такая постановка науки съ соблюденіемъ перспективы важна и не въ одномъ научномъ отношеніи. Весьма важно, чтобы судья, примѣняющій условное осужденіе, исправительно-воспитательныя мѣры, мѣры попеченія, былъ широко и основательно научно подготовленъ для этого, а не думалъ, что въ сущности главное—это наказать и устрашить, а эти всѣ новыя мѣры, такъ себѣ, теоретическія побрякушки. Такое воззрѣніе было бы тѣмъ болѣе неправильно, что всѣ новыя мѣры въ значительной степени обязаны своимъ существованіемъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ,—практикамъ въ широкомъ и высокомъ смыслѣ этого слова, и если наукѣ не удалось идти впереди практики, то во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ значительно отставать.

Единство дѣйствія въ уголовномъ правѣ [1]).

Вопросъ о единствѣ дѣйствія въ уголовномъ правѣ, несмотря на громадную литературу, посвященную ему, не можетъ считаться разъясненнымъ. До сихъ поръ всѣ усилія ученыхъ были направлены къ тому, чтобы указать законодателю и суду тѣ признаки, на основаніи которыхъ можно отличать единое уголовное дѣяніе отъ нѣсколькихъ. При этомъ надѣялись установить научно единое начало. Надежды эти, однако, не сбылись и пока привели лишь къ смѣшенію самыхъ основныхъ понятій. Недаромъ еще въ 1888 г. Павелъ Бюнгеръ въ работѣ о «дѣйствіи и единствѣ дѣйствія» замѣтилъ, что за 25 лѣтъ, истекшіе со времени выхода въ свѣтъ (въ началѣ 60-хъ годовъ) сочиненій Іона, Шварце, Меркеля, выросъ цѣлый дремучій лѣсъ (Urvald) казуистики, ползучія вѣтки котораго совсѣмъ заплели всѣ свободные пути [2]). Съ того времени положеніе не измѣнилось. Сомнѣнія возбуждаются съ самыхъ первоначальныхъ понятій; не установлено окончательно наукой уголовнаго права, что считать дѣйствіемъ, есть ли преступленіе дѣяніе или дѣйствіе и какое между ними различіе. На это справедливо было указано профессоромъ Д. Гриммомъ въ его сочиненіи «Основы ученія о юридической сдѣлкѣ», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1900 году (стр. 154). Мало того, къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать, что допускается постоянное смѣшеніе выраженій дѣйствія, дѣянія и преступленія, даваемыхъ современными учеными.

John (Die Lehre vom fortgesetzten Verbrechen und der Verbre-

---

[1]) Лекція, читанная въ засѣданіи юридическаго факультета московскаго университета 5 апрѣля 1904 г. для полученія званія приватъ-доцента.

[2]) Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft 8 томъ, 4, 5, 6 тетр., стр 525.

chenskonkurrenz, 1860 г., стр. 2) говоритъ, что преступленіе состоитъ въ преступномъ дѣйствіи, а черезъ 3 страницы дальше прибавляетъ: «къ понятію преступленія приходитъ, какъ существенный моментъ, нарушенное право (ein angegriffenes Recht),

Адольфъ Меркель въ сочиненіи, посвященномъ ученію о продолжаемомъ преступленіи (Zur Lehre vom fortgesetzten Verbrechen 1862., стр. 115) говоритъ, что преступленіе—это объективированіе, выраженіе воли въ извѣстнаго рода результатахъ при содѣйствіи отдѣльныхъ актовъ дѣятельности человѣка на данномъ жизненномъ поприщѣ. Hälschner въ своемъ «Das gemeine deutsche Strafrecht (1881 г., стр. 185) различаетъ въ преступномъ дѣйствіи (?) три элемента: движеніе воли, какъ причину, само внѣшнее дѣйствіе и результатъ, вызванный дѣятельностью человѣка.

Бернеръ въ своемъ столь распространенномъ учебникѣ уголовнаго права [1]) довольствуется такимъ опредѣленіемъ: «Преступленіе въ широкомъ смыслѣ, или наказуемыя дѣйствія (Handlungen)—это такія нарушенія, при которыхъ гражданское принужденіе для огражденія правового порядка недостаточно (стр. 67); подъ дѣйствіемъ онъ понимаетъ eine lebendige Vermittlung des Willens zur That (стр. 113), т. е. жизненную передачу или переходъ воли въ дѣяніе.

Ламмашъ въ статьѣ «Дѣйствіе и результатъ (Handlung und Erfolg Zeits. f. d. privat u öffentl Recht 1882, iv Heft) различаетъ: Act, Handlung und That, подразумѣвая подъ Handlung такое произвольное тѣлодвиженіе, посредствомъ котораго при содѣйствіи другихъ силъ обвиняемый надѣется создать необходимыя условія для наступленія желательной перемѣны. Дѣйствіе же, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ причина наступившаго результата, должно быть названо That, дѣяніемъ.

Листъ (10 изд. учебника, стр. 216) опредѣляетъ преступленіе какъ измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ, которое можетъ быть объяснено дѣйствіемъ человѣческой воли.

Даже Биндингъ (Handbuch 1885, т. I, стр. 503) опредѣляетъ преступленіе какъ дѣяніе (That) нарушающее норму, запрещенное до его совершенія закономъ, а дѣйствіе (Handlung, стр. 565) какъ единство проявленія воли и результата, — преступленіе съ его правоваго начала и до его праваго конца. Такое опредѣленіе Биндинга едва ли вполнѣ согласуется съ его собственнымъ ученіемъ о нормахъ, какъ ближайшемъ и основномъ объектѣ нарушенія; впрочемъ, уже и въ сочиненіи «Die Normen

[1]) Изд. 17-е.

und ihre Uebertretung Биндингъ опредѣлилъ Handlung какъ verwirklichter, rechtlich relevanter Wille (II т., изд. 1877).

Русскій послѣдователь Биндинга Н. С. Таганцевъ опредѣляетъ преступленіе (лекціи изд. 1902 г., т. I, стр. 654) какъ посягательство на норму въ ея реальномъ бытіи, говоритъ о преступленіи какъ о дѣяніи и тѣмъ не менѣе находитъ, что взглядъ нѣмецкихъ криминалистовъ, включающихъ результатъ въ понятіе преступленія правиленъ не для всѣхъ преступленій, такъ почти всѣ случаи преступнаго бездѣйствія наказываются независимо отъ послѣдствій, которыя они вызвали. Нѣсколько далѣе, однако, Н. С. Таганцевъ признаетъ, что современное уголовное право наказываетъ не преступность или даже виновность саму по себѣ, а проявленіе виновности въ вредоносномъ или опасномъ дѣяніи, для чего большею частью необходимо наступленіе извѣстнаго послѣдствія. Останавливаясь на вопросѣ о единствѣ дѣйствія (Лекціи, 2 т., стр. 1283), г. Таганцевъ замѣчаетъ: «Понятіе отдѣльнаго преступнаго дѣянія имѣетъ своимъ предположеніемъ естественное понятіе отдѣльнаго человѣческаго дѣйствія, проявленіе личности во внѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многомъ и отличается отъ него, получая условное юридическое значеніе. Понятіе дѣйствія предполагаетъ активное проявленіе человѣка во внѣшнемъ мірѣ, преступное дѣяніе объемлетъ собою и полное бездѣйствіе; дѣйствіе совмѣщаетъ въ себѣ, какъ соприсущій моментъ матеріальное, болѣе или менѣе значительное измѣненіе внѣшняго міра, а, говоря о преступныхъ дѣяніяхъ, мы весьма нерѣдко безусловно исключаемъ изъ этого понятія тѣ послѣдствія, коими сопровождалась преступная дѣятельность». Проф. Н. Д. Сергѣевскій (Русское Уг. Прав.), опредѣляетъ преступленіе какъ правонарушающее, наказуемое дѣйствіе, вводя въ него, однако, и понятіе вреда (стр. 55, изд. 3, 1896). Въ то же время профессоръ находитъ, «что общимъ правиломъ при вмѣненіи человѣку его поступковъ, какъ преступныхъ дѣяній, должно быть признано и всегда признается то положеніе, что дѣйствія отдѣльныя не могутъ быть соединяемы въ одно для вмѣненія и обратно рядъ—актовъ, составляющихъ одно единое дѣйствіе, не можетъ быть разбиваемо на отдѣльныя части, а, слѣдовательно, отдѣльные составы, хотя бы внѣшнимъ образомъ къ тому и представлялась бы возможность (стр. 329). И такъ, что же такое преступленіе: есть ли это преступное дѣяніе или преступное дѣйствіе, слѣдуетъ ли или нѣтъ вводить въ понятіе преступленія причиненный вредъ, результатъ? Что такое дѣйствіе, что такое единство дѣйствія, и можетъ ли послѣднее служить объединяющимъ элементомъ въ дѣяніи, и вообще о чемъ собственно говорятъ: о единствѣ дѣйствія или о единствѣ дѣянія?

Ознакомившись съ нѣкоторыми изъ этихъ опредѣленій, проф. Гриммъ упрекнулъ авторовъ въ смѣшеніи психологической и уголовно-юридической точекъ зрѣнія, въ смѣшеніи понятія дѣянія и дѣйствія, въ включеніи эффекта въ понятіе дѣйствія. (Опредѣленіе Ламмашемъ That онъ считаетъ даже «дикимъ?»). Находя, что опредѣлеіе дѣйствія въ юридическихъ наукахъ не можетъ совершенно различествовать отъ опредѣленія того же явленія въ психологіи, г. Гриммъ замѣчаетъ, что въ правѣ мы имѣемъ дѣло съ такими движеніями, совершеніе которыхъ можетъ быть приведено въ связь съ волею человѣка. Поэтому дѣйствіе въ юридическомъ смыслѣ (стр. 205) «есть болѣе или менѣе типичное непосредственно внѣшнее проявленіе болѣе или менѣе сложнаго волевого акта, характеризуемое [1]) тѣмъ спеціальнымъ эффектомъ, на который оно направлено, но который въ данномъ, частномъ случаѣ можетъ и не быть достигнутъ; оно состоитъ въ совершеніи или несовршеніи опредѣленныхъ движеній именно такихъ, совершеніе или несовершеніе которыхъ при нормальныхъ условіяхъ влечетъ за собою (непосредственно или чрезъ посредство достигаемыхъ ими частныхъ результатовъ) наступленіе или ненаступленіе даннаго эффекта». Я не буду вдаваться въ разборъ этого опредѣленія дѣйствія и допускаю, что оно правильно, что далѣе правильно указаніе, что дѣйствіе само въ себѣ не должно быть смѣшиваемо и соединяемо съ результатомъ. Но не слѣдуетъ ли изъ этого только одно, что уголовное право оперируетъ съ дѣяніями, а не дѣйствіями, и что результатъ изъ понятія преступленія и преступнаго дѣянія исключать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, почтенный цивилистъ говоритъ намъ въ указанномъ сочиненіи о томъ, что юридическіе факты и юридическія дѣйствія не могутъ вовсе ни въ какомъ отношеніи быть признаны причиной юридическихъ послѣдствій и юридическихъ отношеній. Дѣйствительно, наступленіе юридическихъ послѣдствій всецѣло зависитъ отъ объективнаго общаго права и закона, которые могутъ связывать или не связывать съ такими то юридическими фактами извѣстныя послѣдствія, по своему усмотрѣнію. Точно также волеизъявленіе въ юридической сдѣлкѣ, какъ юридическое дѣйствіе, разумѣется, само по себѣ, безъ велѣній объективнаго права, не влечетъ никакихъ послѣдствій, въ дѣйствительномъ, научномъ смыслѣ, не можетъ быть признано ни въ какомъ отношеніи причиной, производящимъ, чего либо послѣдующаго. Въ уголовномъ правѣ юридическія послѣдствія могутъ быть приравнены къ наказанію и къ такъ называемымъ гражданскимъ послѣдствіямъ. Но до этого еще мы имѣемъ дѣло съ реальнымъ

[1]) Я бросилъ камень—дѣйствіе, но результатъ характеризуетъ дѣйствіе: если я попалъ въ человѣка—одно, въ дерево, на которомъ виситъ груша—другое, въ цѣль—третье.

результатомъ человѣческой дѣятельности. Уголовному праву не приходится оперировать съ волеизъявленіями въ чистомъ видѣ, которыя развѣ проявляются въ видѣ обнаруженія умысла, ничего не создающаго, но и никакихъ наказаній не влекущаго. Здѣсь, въ уголовномъ правѣ мы имѣемъ дѣло съ измѣненіями во внѣшнемъ мірѣ, въ отношеніи которыхъ дѣйствіе человѣка должно быть признано въ самомъ строго научномъ смыслѣ причиной ихъ вызвавшей (совмѣстно, разумѣется, съ силами природы). Достаточно остановиться хотя бы на случаяхъ, гдѣ дѣйствіе повлекло смерть, поврежденіе здоровья, поврежденіе вещей и т. д. Результатъ уголовнаго дѣйствія вовсе не можетъ быть смѣшиваемъ съ юридическими послѣдствіями, такъ какъ онъ существуетъ независимо отъ воли законодателя и права; а само (преступленіе) дѣяніе и безъ воли законодателя существовало бы, такъ какъ оно, по справедливому замѣчанію Heinemann'a въ его Die Lehre von der Idealkonkurrenz (1893 г.)—eine Erscheinung der sinnlichen Welt, явленіе внѣшняго, реальнаго, міра. Несомнѣнно, какъ явленіе внѣшняго міра, существующее помимо законодателя и права (въ гражданскомъ правѣ даже содержаніе юридическихъ отношеній дается объективнымъ правомъ) преступленія представляютъ громадное разнообразіе, совершенно неуловимое въ одно, исчерпывающее всѣ отклоненія, опредѣленіе. Едва ли однако правильно указывать на наказуемое бездѣйствіе, какъ на караемое большею частью независимо отъ результата, такъ, напримѣръ, одно изъ наиболѣе часто встрѣчающихся бездѣйствій—бездѣйствіе должностное карается дѣйствующимъ уложеніемъ (ст. 338—343) смотря по важности послѣдствій. Я не говорю о большой группѣ полицейскихъ нарушеній, которыя весьма часто, по ошибкѣ законодателя, смѣшиваются съ преступленіями въ одномъ уголовномъ кодексѣ. Если совершившимся преступленіе почитается когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало преднамѣренное зло (ст. 10 дѣйств. улож.), то разумѣется можно указывать на наказуемость покушеній, какъ на исключеніе изъ этого правила; но не говоря уже о громадной области дѣяній, совершаемыхъ по неосторожности, гдѣ о покушеніи не можетъ быть рѣчи, и самое покушеніе есть все таки осуществленіе, хотя частичное, преднамѣреннаго зла, хотя бы поставленіе въ опасность, нравственное потрясеніе; да наконецъ вопросъ объ основаніяхъ наказуемости покушеній совершенно особый вопросъ. Не только дѣйствующее, но и новое наше уголовное уложеніе говорятъ о дѣяніяхъ, а не о дѣйствіяхъ. Итальянское уголовное уложеніе (въ переводѣ прокурора берлинскаго окружнаго суда Стефана) всюду говоритъ о That, а не о Handlung и это подробно мотивируется Стефаномъ (стр. 7). Но едва ли необходимо приводить еще опредѣленія дѣй-

ствующихъ уголовныхъ кодексовъ (которые тоже страдаютъ неточностями опредѣленій), достаточно вспомнить, что только путемъ долгаго историческаго процесса измѣнились взгляды на вмѣненіе, перестали вмѣнять всѣ объективныя послѣдствія дѣянія, стали различать dolus, culpa, casus. Достаточно вспомнить о сѣтованіяхъ, высказанныхъ профессоромъ Зейфертомъ въ его докладѣ германской группѣ международнаго союза криминалистовъ 7 іюня 1900 года (Bulletin de l'Union Intern. de droit penal 9 vol, 3 livr.) на то, въ какой мѣрѣ дѣйствующіе уголовные кодексы и даже новѣйшіе проекты стоятъ еще всецѣло на объективной почвѣ послѣдствій, насколько широко вмѣненіе этихъ послѣдствій, независимо отъ участія умысла въ вызовѣ таковыхъ. Достаточно, я думаю, наконецъ вспомнить объ отправленіи правосудія, чтобы признать, что все сужденіе о виновности обвиняемаго направляется на выясненіе связи между совершеннымъ имъ дѣяніемъ и его преступною волею. По послѣдствіямъ, главнымъ образомъ, судятъ объ умыслѣ, его степени, его характерѣ и т. д. И такъ я думаю, что говоря о преступленіяхъ, мы говоримъ о дѣяніяхъ, т. е. о дѣйствіяхъ въ неразрывной связи съ наступившимъ результатомъ. Только дѣянія, «дѣла», волнуютъ общественное мнѣніе и вызываютъ его реакцію, а не обнаруженія умысла и волеизъявленія, а когда то же общественное мнѣніе или судъ находятъ виновника, то говорятъ—это его «дѣло». Но я позволяю себѣ идти гораздо дальше и думаю, что все уголовное законодательство стоитъ именно на принципѣ quot delicta tot poenae, сколько преступныхъ дѣяній, событій [1]), столько наказаній и если бы попытались сказать сколько уголовныхъ дѣйствій, столько наказаній, то это вызвало бы большія затрудненія и въ наукѣ и въ практикѣ, ибо, какъ справедливо замѣтилъ проф. Гриммъ, въ наукѣ уголовнаго права не существуетъ сколько нибудь точнаго опредѣленія, понятія дѣйствія. Даже тѣ ученые, которые включаютъ въ учебникахъ и отдѣльныхъ монографіяхъ особые отдѣлы, озаглавливая, ихъ, «о единствѣ дѣйствія», не даютъ, къ удивленію читателя, ни опредѣленія дѣйствія, ни опредѣленія того, что они понимаютъ подъ единствомъ дѣйствія. Вотъ почему я думаю, что не только въ наукѣ уголовнаго права въ дѣйствительности говорятъ о дѣяніяхъ, а не о дѣйствіяхъ, но даже что въ существѣ дѣла едва ли имѣютъ въ

---

[1]) Я пока не касаюсь объединяющей дѣятельности законодательства и судебной практики, которыя соединяютъ въ понятіе delictum не одно, а нѣсколько дѣяній, нѣсколько событій, но все таки именно дѣяній, а не дѣйствій.

виду въ дѣйствіи или единствѣ дѣйствія видѣть начало, объединяющее дѣяніе или признакъ, по которому можно отличать единое дѣяніе отъ многихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ наукѣ дѣлалось много попытокъ обнаруженія такого объединяющаго начала, но мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстна только одна попытка, сдѣланная въ новѣйшее время приватъ-доцентомъ Геттингенгскаго университета Вильгельмомъ Гепфнеромъ въ его сочиненіи «единство и множество преступленій» Einheit und Mehrheit der Verbrechen 1901 г.», въ которомъ онъ выставляетъ единство дѣйствія какъ начало, объединяющее и дающее основаніе понятію единаго проступленія. Едва ли однако теорія Гепфнера выдерживаетъ серьезную критику. Авторъ понимаетъ отлично, что если на преступленіе смотрѣть какъ на дѣяніе, т. е. какъ на дѣйствіе и результатъ дѣйствія, то едва ли дѣйствіе, какъ часть, можетъ объединить все это цѣлое. Къ тому же несомнѣнно единое дѣйствіе часто имѣетъ много результатовъ: одинъ выстрѣлъ пробилъ окно и убилъ человѣка, или нѣсколько дѣйствій могутъ вести къ одному результату: разрушеніе статуи путемъ ряда ударовъ, убійство посредствомъ ряда поврежденій и т. д. Чтобы упростить задачу, авторъ рѣшается на очень смѣлое дѣйствіе, онъ предлагаетъ измѣнить и самое общепринятое понятіе преступленія, какъ дѣянія, опредѣливъ таковое, какъ дѣйствіе, совершенно независимо отъ результата. Онъ говоритъ Unrecht есть отрицаніе Recht, Verbot; преступленіе—все что запрещено, безотносительно къ результату, такъ что все, что по мнѣнію виновнаго можетъ привести къ умышленному результату—преступленіе. Подводя итоги своимъ разсужденіямъ Гепфнеръ заявляетъ (стр. 156), что согласно его взглядамъ отрицается, чтобы нарушеніе закона конкретнаго или нормы въ ея реальномъ бытіи, т. е. въ смыслѣ поврежденія извѣстнаго конкретнаго блага, были бы наказуемы (Strafbar) и входили бы въ составъ преступленія. Какіе же результаты этой теоріи для объединенія? При такомъ опредѣленіи преступленія авторъ считаетъ, что онъ освободился отъ затрудненій при множествѣ реальныхъ результатовъ дѣйствія и стеченіи законныхъ составовъ въ одномъ результатѣ. Такъ, говоритъ онъ, преступникъ выстрѣлилъ, и этимъ повредилъ окно и убилъ человѣка, стоявшаго у окна—одно преступленіе, потому, что все сводится къ нормѣ: не стрѣлять; такимъ образомъ подъ преступленіемъ понимается дѣйствіе, направленное на ближайшій результатъ. Разумѣется такой способъ объединенія, чисто схоластическій, удается при весьма несложныхъ дѣяніяхъ, когда же заходитъ рѣчь о сложныхъ преступленіяхъ, объ идеальной совокупности и т. д., авторъ начинаетъ говорить о томъ, что при сходствѣ составовъ дѣянія сливаются, при разной важности составовъ,

одинъ составъ подчиняется другому, болѣе широкому, и наконецъ по поводу продолжаемыхъ, ремесленныхъ и т. д. преступленій говоритъ, что законъ можетъ произвольно допускать соединеніе и разъединеніе. Казалось бы все это имѣетъ уже весьма мало общаго съ основными началами, выставленными выше и долженствовавшими все объединить. А между тѣмъ столь скудные результаты достигаются путемъ совершеннаго извращенія понятія преступленія и полнаго разрушенія всякой прочной основы для наказанія. Авторъ въ сущности не далъ себѣ труда договорить до конца. Какъ же собственно при его теоріи наказывать; если бы онъ былъ послѣдовательнымъ, то онъ напримѣръ, или во всякомъ выстрѣлѣ видѣлъ бы осуществленіе умысла убить или создалъ бы особое преступленіе стрѣлянія, но только неизвѣстно съ какимъ наказаніемъ. Къ характеристикѣ ученія Генфнера надо прибавить, что желая установить, когда же получается единство дѣйствія, онъ вынужденъ признать, что не всегда умыселъ единый можетъ объединять дѣйствія, напр. умыселъ выстрѣлить и этимъ выстрѣломъ убить нѣсколько лицъ. При самомъ благопріятномъ для автора толкованіи его ученія мы впадаемъ въ самый крайній субъективизмъ, будемъ приравнивать по наказуемости покушеніе къ совершенію преступленія и т. д. Я думаю, что изложеніе ученія Генфнера лучше всего доказываетъ несостоятельность не только исканія объединенія для понятія преступленія въ единствѣ дѣйствія, но и несостоятельность взгляда на преступленіе, какъ на дѣйствіе независимо и внѣ результата. Такое разъединеніе дѣйствія отъ результата было бы несомнѣнно произвольнымъ расчлененіемъ преступнаго дѣянія, которое, какъ сказано выше, есть явленіе внѣшняго реальнаго міра, существующее по крайней мѣрѣ какъ дѣяніе со всѣмъ вредомъ его послѣдствій совершенно независимо отъ воли закона и права. Наоборотъ, казалось бы, правильнѣе прежде всего въ дѣяніи, какъ таковомъ, независимо отъ юридической квалификаціи его, поискать элементовъ, объединяющихъ его. Существованіе такого элемета выяснено уже въ двухъ вышедшихъ почти одновременно произведеніяхъ русскихъ ученыхъ: Н. Д. Сергѣевскаго: о значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ и Г. Е. Колоколова: о соучастіи въ преступленіи. Почтенные авторы приходятъ почти къ совершенно тождественнымъ выводамъ. Исходной точкой для обоихъ авторовъ послужило ученіе Дж. Ст. Милля о причинной связи (Система логики т. I, кн. 3) явленій внѣшняго міра, лишившее понятіе причинной связи той таинственности, которой его окружали до него. По мнѣнію Милля, каждый элементъ предыдущаго является безусловно необходимымъ для послѣдующаго, каждый изъ нихъ есть необходимое условіе послѣдующаго, всѣ они въ со-

вокупности суть причина явленія (Сергѣевскій н. с. стр. 21). Причина, говоритъ проф. Колоколовъ, есть совокупность всѣхъ предшествующихъ фактовъ, наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается даннымъ результатомъ (стр. 7 н. с.). Всѣ факты, безъ наступленія коихъ не наступило бы послѣдствіе, въ равной степени важны, если всѣ вмѣстѣ они составляютъ то, что въ научномъ смыслѣ называется причиной явленія, то каждый изъ нихъ въ отдѣльности является условіемъ наступленія послѣдствія; такимъ условіемъ очевидно можетъ быть и дѣйствіе человѣка, поскольку оно проявляется во внѣ, а не ограничивается волеизъявленіемъ въ смыслѣ гражданскаго права. Но если въ такомъ чисто научномъ смыслѣ дѣйствіе человѣка является условіемъ наступленія всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые произошли отъ данной причины, въ составъ которой вошло дѣйствіе, то при разрѣшеніи вопроса уголовной политики, въ какой мѣрѣ и всѣ ли послѣдствія могутъ быть вмѣнены, поставлены на счетъ лица, дѣйствіе коего было однимъ изъ условій наступленія результата, законодателю приходится нѣсколько съуживать, обрывать безконечную цѣпь причинной связи. Если виновный выстрѣломъ изъ ружья ранилъ потерпѣвшаго, послѣдній былъ помѣщенъ, благодаря этому, въ госпиталь, который черезъ нѣсколько дней сгорѣлъ со всѣми находившимися въ немъ больными, то съ точки зрѣнія общей теоріи причинности, дѣйствіе человѣка есть условіе наступленія всѣхъ этихъ результатовъ, одна изъ причинъ смерти. Но возможно ли весь безконечный рядъ послѣдствій поставить виновному на счетъ, покарать его за нихъ. Разумѣется нѣтъ и наука, движимая соображеніями уголовно-политическими выставила ограничительныя начала; объективныя послѣдствія дѣянія могутъ влечь за собою кару только постольку, поскольку они могутъ быть вмѣнены данному лицу, поскольку они могутъ быть приведены въ связь съ умышленной или неосторожной виной обвиняемаго, иначе говоря, поскольку онъ эти послѣдствія предвидѣлъ и слѣдовательно желалъ ихъ наступленія или могъ и долженъ былъ предвидѣть, но отнесся къ вопросу о послѣдствіяхъ съ небрежностью. Въ вопросѣ о предвидѣніи наука различаетъ (Сергѣевскій н. с.) силы совпадающія—знаніе коихъ во всякомъ случаѣ предполагается и силы привступающія, знаніе коихъ должно быть доказано. Вотъ почему въ приведенномъ выше примѣрѣ обвиняемый не можетъ отвѣчать за послѣдствія возникшаго въ госпиталѣ пожара, который онъ очевидно не могъ предвидѣть. Такимъ образомъ ученіе о причинной связи непосредственно, не останавливаясь совершенно справедливо на дѣйствіи, которое есть просто передаточная инстанція, проводникъ, связываетъ результатъ съ умысломъ или небрежностью виновнаго, ограничивая эту связь только

предвидѣніемъ или возможностью предвидѣнія результата. Съ той минуты, когда новый умыселъ, возникшій послѣ начала осуществленія перваго умысла, начинаетъ приводиться въ исполненіе и начинаетъ такимъ образомъ протекать новая причинная связь съ вызываемыми ею результатами, мы имѣемъ основаніе говорить о новомъ дѣяніи, о новой отвѣтственности. Вотъ собственно въ какихъ предѣлахъ, въ научномъ смыслѣ, мы можемъ говорить объ объединенномъ, внутренно связанномъ, дѣяніи. Едва ли однако, такое дѣяніе строго логически можно назвать единымъ, оно скорѣе представляетъ комплексъ. Въ самомъ дѣлѣ, начнемъ съ результатовъ. Возьмемъ тотъ же примѣръ, гдѣ дѣйствіе такъ упрощено: выстрѣлъ изъ ружья; дѣйствіе несомнѣнно одно, но потерпѣвшій стоитъ въ комнатѣ, выстрѣлъ черезъ окно повреждаетъ имущество, выстрѣлъ чрезъ соломенную крышу вызываетъ пожаръ, пуля отскакиваетъ и попадаетъ въ другого, виновный цѣлясь въ одного попадаетъ въ другого, виновный принимая въ темнотѣ Ивана за Петра убиваетъ Ивана и т. д. Причинная связь все одна, результатовъ нѣсколько, все вмѣняемыхъ, ибо виновный ихъ или желалъ или могъ предвидѣть. Законъ и практика поступаютъ въ перечисленныхъ случаяхъ различно. Въ однихъ усматриваютъ единыя дѣянія, въ другихъ два. Но обратимся къ началу причинной цѣли — умыслу. Какіе признаки и данныя даютъ намъ возможность сказать, что начался новый умыселъ: только развѣ время возникновенія этого новаго умысла послѣ того, что первый уже сталъ приводиться въ исполненіе. Но если въ первоначальный умыселъ входитъ достиженіе многихъ результатовъ путемъ одного или многихъ дѣйствій, напр. путемъ одного взрыва уничтоженіе цѣлаго ряда лицъ, путемъ ряда растратъ растрата всего ввѣреннаго и т. д. Какъ считать такой умыселъ единымъ или нѣтъ, логически онъ несомнѣнно не одинъ, а между тѣмъ законъ и практика считаютъ такія дѣянія за единыя и слѣдовательно можно только заключить, что научнаго понятія единства умысла не существуетъ, а таковое опредѣляется закономъ; въ той мѣрѣ, въ какой умыселъ направленъ на одно правонарушеніе—онъ единъ (хотя бы правонарушеніе было сложное). При такихъ условіяхъ возможно ли считать, что понятіе единаго дѣянія, помимо того, что признается единымъ дѣяніемъ въ уголовномъ кодексѣ или практикой, установлено наукой, что мы можемъ дать сколько нибудъ точное опредѣленіе этого понятія? А если этого сдѣлать нельзя, то возможно ли понятіе единаго дѣянія класть въ основу какъ пробный камень при разрѣшеніи всѣхъ сложныхъ вопросовъ, которые приходится практикѣ разрѣшать для выясненія, имѣется ли совокупность дѣяній или нѣтъ и слѣдовательно какое слѣдуетъ назначать наказаніе. Между тѣмъ и въ наше время Листъ,

а затѣмъ и его талантливые послѣдователи Wachenfeld, Theorie der Verbrechenskonkurrenz 1893, Hugo Heinemann die Lehre von der Idealkonkurrenz 1893 г. выставили именно какъ основное положеніе для этого отдѣла: сколько преступныхъ дѣяній въ научномъ смыслѣ, столько преступленій; преступное дѣяніе, по мнѣнію какъ этой школы, такъ и многихъ другихъ ученыхъ, какъ явленіе внѣшняго міра не можетъ быть по волѣ законодателя ни соединяемо, ни дробимо. Нельзя не признать, что ученіе это, въ особенности въ изложеніи Вахенфельда, проведено гораздо послѣдовательнѣе другихъ предшествующихъ ученій, тѣмъ не менѣе и оно, какъ мы видѣли, не можетъ объяснить или оправдать взглядовъ дѣйствующихъ законодательства и практики; между тѣмъ, если перейти отъ приведенныхъ выше случаевъ къ болѣе сложнымъ, къ такъ называемымъ длящимся, продолжаемымъ, составнымъ, ремесленнымъ и т. д., то придется встать въ рѣзкое противорѣчіе съ взглядами закона и практики. Если вспомнить при этомъ, что уже при разсмотрѣніи простѣйшихъ примѣровъ приведенныхъ выше мы пришли къ заключенію, что въ концѣ концовъ вопросъ о единствѣ или множествѣ дѣяній рѣшается не на основаніи научнаго критерія, научнаго основнаго начала, а закономъ и практикой, что въ частности разрѣшеніе вопроса о томъ, когда признавать умыселъ единымъ, тоже разрѣшается практически, то невольно возникаетъ вопросъ, правильно ли вообще поступала наука, спеціально нѣмецкая, отыскивая десятки лѣтъ единое научное начало, научное въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ таковымъ можетъ быть признано ученіе о причинной связи, которое бы объясняло и оправдывало всѣ разнообразныя группировки, существующія въ законодательствѣ и созданныя практикой, если при созданіи этихъ группировокъ законодательство и практика вовсе не исходили изъ единаго начала и руководствовались не наукой, а уголовной политикой, исходя при этомъ изъ весьма разнообразныхъ соображеній и во всякомъ случаѣ преслѣдуя осуществленіе начала цѣлесообразоости, а не научнаго объединенія? Въ самомъ дѣлѣ, если остановиться на исторіи ученія о единствѣ и множествѣ преступленій, то придется начать съ римскаго изреченія quot delicta, tot poenae, т. е. сколько нарушеній закона, столько наказаній. Правило это создано было не только строгой юридической римской логикой, но и объясняется такъ сказать процессуально: существованіемъ quaestiones perpetuae, посвящавшихъ каждая свою дѣятельность разсмотрѣнію дѣлъ только объ одномъ и томъ же преступленіи. На практикѣ это правило вело къ тому, что если нѣсколько ранъ—одно наказаніе за

раны, такъ какъ одно преступленіе, но если сначала раны, а потомъ смертельный ударъ, то совокупность. Наоборотъ по германскимъ воззрѣніямъ всякій отдѣльный результатъ—отдѣльное преступленіе, а потому влечетъ отдѣльное наказаніе; но если обвиняемымъ нанесены раны, а потомъ потерпѣвшій убитъ, то такъ какъ конечный результатъ—убійство, то только одно преступленіе и одно наказаніе. Средневѣковые схоластики, желая примирить оба начала, прибѣгли къ системѣ поглощенія; усматривая и въ приведенномъ случаѣ, согласно римскимъ воззрѣніямъ, два преступленія и требуя двухъ наказаній, они учили, что большее наказаніе поглощаетъ меньшее, а Farinacius объяснялъ это тѣмъ, что оба дѣйствія ad eundem finem et effectum tendant. Когда затѣмъ примѣненіе начала поглощенія было отвергнуто въ виду дѣйствовавшихъ въ то время законовъ въ отношеніи къ настоящей реальной совокупности, то прибѣгли къ ученію о продолжаемомъ преступленіи (по мнѣнію Меркеля и Вахенфельда) и уже Миттермайеръ возражалъ въ 1818 году [1]) противъ признанія crimina continuata только въ случаяхъ совершенія преступленій надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ, между тѣмъ какъ похищеніе напримѣръ разныхъ, а не однихъ и тѣхъ же предметовъ при кражѣ зависитъ часто отъ случая, а не отъ воли похитителя, поэтому Миттермайеръ отказываясь отъ условія единства объекта требовалъ извѣстной связи между отдѣльными дѣйствіями, такъ чтобы можно было говорить о продолженіи. Но что собственно побуждало законодательство, практику и ученыхъ создавать это ученіе? Римскій принципъ quot delicta, tot poenae несомнѣнно логически вѣренъ, даже болѣе онъ не поколебленъ и не поколебимъ; разъ существуютъ уголовные законы, которые подъ страхомъ наказанія запрещаютъ извѣстныя дѣянія, то несомнѣнно съ наступленіемъ нарушенія какого либо изъ этихъ законовъ должно послѣдовать наказаніе; это также несомнѣнно, какъ то, что всякое преступленіе, т. е. закономъ запрещенное подъ страхомъ наказанія дѣяніе должно быть наказано. И тѣмъ не менѣе, никогда, съ самаго созданія этого положенія римскимъ юридическимъ мышленіемъ, оно послѣдовательно вполнѣ не было примѣняемо, даже въ самомъ Римѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ цѣломъ рядѣ случаевъ оно практически неосуществимо; наказанія всецѣло карающія извѣстное благо не могутъ быть еще увеличиваемы, нельзя привести въ исполненіе двѣ смертныя казни, пожизненное заключеніе и еще срочное и т. д. Но даже и помимо этихъ крайностей система сложенія наказаній можетъ привести напр. при

[1]) Ueber den Unterschied zwischen fortgesezten und wiederholten Verbrechen.

наказаніяхъ лишеніемъ свободы къ пожизненному заключенію за такія дѣянія, которыя, по мысли закона и нравственнымъ воззрѣніямъ народа никоимъ образомъ не могли бы влечь за собою столь суроваго наказанія. Предложенная взамѣнъ системы сложенія наказаній, система поглощенія болѣе тяжкимъ наказаніемъ менѣе тяжкаго, принята въ чистомъ видѣ только во французскомъ законодательствѣ. Этой системѣ ставятъ въ упрекъ, что она, оставляя безъ взысканія менѣе тяжкія преступленія, дѣлаетъ возможнымъ безнаказанное учиненіе менѣе важныхъ дѣяній при одновременномъ совершеніи болѣе тяжкихъ. Въ концѣ концовъ дѣйствующее законодательство большею частью остановилось на средней системѣ, не примѣняя вполнѣ системы сложенія, но усиливая наказаніе при совокупности за тягчайшее. Дальнѣйшимъ измѣненіямъ система наказаній не поддается, она оказывается недостаточно гибкой. При системѣ усиленія болѣе важнаго наказанія послѣ извѣстнаго числа нарушеній остальныя остаются безъ наказаній. Въ виду этого законодателю пришлось во избѣжаніе напрасныхъ затратъ времени и силы судовъ ввести въ процессъ правило (Уст. Уг. Суд. п. 5 ст. 959), въ силу коего приведеніе приговора надъ осужденнымъ пріостанавливается для производства новаго слѣдствія лишь въ томъ случаѣ, если вновь обнаруженное дѣяніе обвиняемаго (осужденнаго) повлечетъ за собою усиленіе назначеннаго ему судомъ наказанія. Но зато какъ подъ вліяніемъ гуманнаго отношенія къ преступнику и нерасположенія къ суровымъ наказаніямъ, такъ и подъ вліяніемъ цѣлаго ряда соображеній цѣлесообразности, удобства, жизненной и практической необходимости, измѣнялось прежнее понятіе delictum какъ единаго нарушенія и подъ это понятіе закономъ и судебной практикой былъ подведенъ рядъ дѣяній по существу далеко выходящихъ за предѣлы дѣйствительно единаго нарушенія (которое въ то же время являлось и единымъ дѣяніемъ) и представляющихъ комплексъ и дѣяній и въ существѣ дѣла и нарушеній, признаваемыхъ за таковыя въ томъ же кодексѣ. Римскій непоколебимый принципъ былъ сохраненъ, но зато delictum въ ученіи о единомъ нарушеніи закона или какъ неправильно стали называть въ единствѣ дѣйствія получило совершенно искусственную постановку. Единымъ дѣяніемъ стали считать такое, за которое законъ и практика назначаютъ лишь одно наказаніе, безотносительно къ тому, является ли оно единымъ или нѣсколькими объединенными дѣяніями и нарушеніями. Только о такомъ единомъ дѣяніи или дѣйствіи и идетъ въ существѣ рѣчь въ законѣ и практикѣ, только его и противополагаютъ множеству дѣяній; въ значительномъ числѣ случаевъ оно является продуктомъ обобщенія, объединенія, причемъ такое объединенное дѣяніе считается въ такой же мѣрѣ единымъ, какъ и всякое другое.

Не имѣя возможности дать здѣсь подробный разборъ каждаго вида изъ числа допускаемыхъ закономъ и практикою группировокъ совмѣстно съ существующими по этимъ вопросамъ ученіями, я остановлюсь лишь бѣгло на этихъ группировкахъ, чтобы выяснить тѣ соображенія, которыя привели къ ихъ образованію.

Категорія длящихся преступленій. Нѣкоторые ученые напр. Спасовичъ въ своемъ учебникѣ, Вахенфельдъ въ названномъ сочиненіи и друг., отрицаютъ самое существованіе такихъ преступленій, какъ особаго вида группировки законодательной. Спасовичъ находитъ, что здѣсь нельзя говорить о длящихся преступленіяхъ, а развѣ о длящихся послѣдствіяхъ. Вахенфельдъ говоритъ почти тоже, считая, что виновный въ противозаконномъ лишеніи свободы въ сущности разъ проявилъ дѣятельность, задержавъ и запертвъ потерпѣвшаго, а затѣмъ не видно, въ чемъ еще проявляется дѣятельность обвиняемаго. Я думаю разница громадная; виновный въ нанесеніи раны, нанеся ударъ и причинивъ раны, окончилъ свою дѣятельность; послѣдствія—извѣстныя страданія, продолжаются можетъ быть и долго, безъ всякаго его участія. Наоборотъ лишеніе свободы, безъ участія виновнаго, не продолжалось бы. Если всмотрѣться ближе въ такое дѣяніе, то я думаю придется признать, что здѣсь рядъ дѣяній, ибо лишеннаго свободы надо кормить, надо для этого открывать дверь и опять запирать, надо сторожить, чтобы онъ не взломалъ двери и окна и не ушелъ бы. Если мы остановимся на рядѣ другихъ преступленій, включаемыхъ нашимъ дѣйствующимъ уложеніемъ въ число длящихся (какъ справедливо говоритъ фонъ-Резонъ въ статьѣ о продолжаемомъ преступленіи журн. Гр. и Уг. Права 1875 г. кн. I перечисленіе ст. 162 уложенія о наказ. длящихся преступленій, предусматриваемыхъ нашими законами, не исчерпывающее), напр. ношеніи неприсвоеннаго ордена (ст. 1416), незаконномъ сожитіи (2 ч. 994), употребленіи торгующимъ невѣрныхъ вѣсовъ (ст. 1175, 1176) и т. д., то я думаю не останется сомнѣній, что мы имѣемъ дѣло съ рядомъ актовъ, дѣйствій и дѣяній, которые объединяются закономъ въ одно преступное дѣяніе, какъ потому, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности слишкомъ ничтожно, такъ и потому, что въ дѣйствительности такія дѣянія встрѣчаются не въ отдѣльности, а именно рядами, какъ это впрочемъ вытекаетъ изъ самаго существа даннаго дѣянія, созданнаго помимо закона жизнью, съ которой однако законъ разумѣется вынужденъ считаться. Какъ справедливо замѣчаетъ Бури (Einheit und Mehrheit der Verbrechen 1879) дѣяніе распадается безъ объединенія на безчисленное множество Einzelhelicte (стр. 98). Во многихъ случаяхъ несомнѣнно отдѣльныя дѣйствія воспроизводятъ весъ составъ дѣяній, въ

другихъ нужна лишь извѣстная преступная дѣятельность для поддержанія того, что называютъ преступнымъ состояніемъ.

Преступленіями продолжаемыми [1]) называются такія единенія, въ которыхъ практика видитъ единое дѣяніе, хотя рядъ дѣяній, входящихъ въ составъ обобщеннаго дѣянія, заключаютъ въ себѣ полный составъ этого обобщеннаго дѣянія и притомъ когда оно окончено. Ученіе о продолжаемомъ преступленіи, какъ я указывалъ выше, было создано именно съ цѣлью смягчить суровость наказаній, когда отъ системы поглощенія отказались при реальной совокупности. Едва ли однако это обобщеніе создается исключительно по соображеніямъ гуманности. Обобщеніе это получило законодательную нормировку, насколько мнѣ извѣстно, лишь въ итальянскомъ уголовномъ уложеніи, ст. 79 котораго говоритъ: многія нарушенія того же закона, хотя совершенныя и не одновременно, когда они объединены единствомъ умысла, разсматриваются какъ единое дѣяніе, причемъ судья можетъ увеличить наказаніе на половину. Въ другихъ государствахъ такія обобщенія дѣлаются судомъ и потому главнымъ образомъ, что карательная система, не воспроизводя вполнѣ систему сложенія наказанія, дѣлаетъ послѣ извѣстнаго числа одновременно судимыхъ дѣяній остальныя ненаказуемыми (сравн. п. 5 ст. 959 Уст. Уг. Суд.), между тѣмъ какъ обобщеніе въ сущности весьма часто переводитъ преступленія въ высшій разрядъ, облагаемый болѣе строгими наказаніями; такъ, напр., у насъ кража, растрата и т. д. на сумму болѣе 300 р. Достаточно вспомнить при этомъ къ какого рода преступленіямъ примѣняется судами теорія продолжаемаго преступленія—къ такимъ, которыя, по справедливому замѣчанію Вахенфельда, могутъ сливаться въ единомъ результатѣ, таковы кражи, растраты. Несомнѣнно, если кассиръ растратилъ на сумму болѣе 300 руб., то его дѣяніе по отношенію къ потерпѣвшему, коему онъ причинилъ матеріальный ущербъ, признается, совершенно правильно, болѣе опаснымъ; то, что онъ взялъ не сразу всю сумму, а пользуясь недостаточностью надзора, бралъ долгое время по частямъ, небольшими суммами, не даетъ основанія дѣлать его дѣяніе менѣе опаснымъ. Предѣлъ такому обобщенію полагается лишь въ требованіяхъ давности, и если одно изъ обобщаемыхъ дѣяній совершено такъ давно, что подлежитъ давности, то оно въ обобщеніе не попадаетъ, и изъ за этого можетъ разстроиться

---

[1]) A. Merkel. Zur Lehre vom fortgesetzten Verbrechen 1862 Dr. B. John Die Lehre v. fortg. Verbrechen und der Verbrechenkonkurrenz 1860 фон-Резонъ Жур. Гр. и Уг. Пр. 1875 кн. 1. О продолжаемомъ преступленіи и др.

переводъ въ болѣе высокій разрядъ преступленія. Несомнѣнно, что между преступленіями требуется такая связь, чтобы въ общественномъ сознаніи содѣянныя дѣянія сливались въ одно цѣсое; напр., растрата изъ одной и той же кассы (въ смыслѣ владѣнія) похищеніе изъ одного и того же помѣщенія, напр., чердака даннаго дома, хотя бы на немъ сохранялись вещи разныхъ лицъ. Едва ли умыселъ или намѣреніе (въ смыслѣ желанія конечнаго результата), какъ его называетъ Резонъ, является объединяющимъ началомъ. Здѣсь скорѣе уже преступная привычка но умысловъ здѣсь столько, сколько дѣяній, вѣдь примѣръ съ мраморной статуей, отъ которой каждый день отбиваютъ по кусочку, слишкомъ носитъ характеръ школьной вымученности.

Отъ продолжаемыхъ преступленій, преступленія ремесленныя, привычныя, отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, при однообразіи состава дѣятельности, они совершаются надъ разными объектами и потому судомъ собственною властью объединены быть не могли и потребовалось вмѣшательство закона. Едва ли это объясненіе вполнѣ правильно. Я думаю, что здѣсь мы уже находимся въ области такъ называемыхъ составныхъ, сложныхъ, преступленій, которыя просто законодатель узаконяетъ такъ, какъ они созданы жизнью. На этихъ дѣяніяхъ: ростовщичествѣ по ремеслу, конокрадство по ремеслу и т. д. лучше всего можно убѣдиться, въ какой мѣрѣ опредѣленіе понятія единства умысла или множества умысловъ зависитъ отъ жизни, закона, суда и не можетъ быть дано логически, научно. Въ самомъ дѣлѣ въ такихъ дѣяніяхъ наука признаетъ, что обвиняемый сдѣлалъ себѣ изъ извѣстнаго рода преступленій ремесло, жизненное призваніе, какъ говорятъ нѣмцы (Lebensberuf), въ этомъ состоитъ его умыселъ; но почему нельзя признавать за единый умыселъ намѣреніе жить вообще кражами и даже посвятить свою жизнь преступленіямъ, потому нельзя, что законъ не признаетъ тутъ единаго умысла. Едва ли, однако, умыселъ является объединяющимъ началомъ, такимъ началомъ является преступная привычка, наличность преступной дѣятельности, какъ совокупности дѣяній, степень спеціалировавшагося развращенія и т. д. Съ точки зрѣнія закона такая дѣятельность требуетъ особыхъ мѣръ борьбы, болѣе строгихъ чѣмъ тѣ, которыя вызываютъ обобщаемыя дѣянія и поэтому законъ признавая, что жизнь создала особый типъ преступниковъ, борется съ нимъ, создавая особый видъ преступленій.

Преступленія сложныя составляютъ такое же произведеніе жизни, судебной практики и закона, какъ и всѣ предыдущія обобщенія, и здѣсь такъ же, какъ и относительно предыдущихъ группировокъ разумѣется, безъ громадныхъ натяжекъ, нельзя говорить о единомъ дѣяніи, но можетъ быть

и можно говорить о единствѣ умысла, по крайней мѣрѣ главнаго или желанія конечнаго результата, которому подчиняются всѣ другія, входящія въ составъ дѣянія, представляющія сами по себѣ самостоятельныя преступленія. Таковы, напр., кражи со взломомъ, разбой и грабежи, гдѣ насиліе надъ личностью или поврежденіе имущества являются средствомъ осуществленія главнаго намѣренія—похищенія чужого движимаго имущества. Я думаю однако, будетъ справедливѣе признать, что и здѣсь законодатель ввелъ въ законъ, какъ особое нарушеніе, эти дѣянія не потому, что они объединены единствомъ умысла, ибо можно себѣ представить рядъ такихъ комплексовъ, тоже соподчиненныхъ единымъ умысломъ, которыя однако законъ не признаетъ за единеніе, а потому, что такія единенія. созданы жизнью, бытовыми условіями и весьма часто представляются на разрѣшеніе судебной практики.

Ближайшимъ типомъ группировки, тоже объединенной однимъ умысломъ и въ законѣ не предусмотрѣнной является такъ называемое стеченіе законовъ Gesetzeskonkurrenz, въ отличіе отъ Idealkonkurrenz, гдѣ усматриваютъ Normenkonkurrenz. При разсмотрѣніи этой группы говорятъ о единомъ дѣяніи, какъ о чемъ то несомнѣнномъ, но остановимся на примѣрѣ:—нанесеніе ранъ съ цѣлью убить и убійство; покушеніе на кражу одного предмета и совершеніе оконченнаго похищенія тогда же изъ того же помѣщенія; и здѣсь и тамъ говорятъ о единомъ дѣяніи, когда разумѣется, логически, здѣсь нѣсколько дѣяній, жертва, послѣ причиненія ей раны, страдала до того, что была убита. Почему же не обращаютъ вниманія на эту множественность дѣяній? Вовсе не изъ уваженія къ научному, будто бы объединяющему понятію единаго дѣянія, а просто въ видахъ упрощенія, устраненія излишней дробности, которая практически сколько нибудь существенно на размѣрѣ наказанія не могла бы отразиться. Это все та же мысль, выраженная въ п. 5 ст. 959 Уст. Уг. Суд. Я отказываюсь отъ подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ случаевъ Gesetzeskonkurrenz, которыхъ указываютъ много, различая еще настоящую или не настоящую (unechte-Wachenfeld).

Идеальная конкурренція говорятъ намъ, это торжество ученія о единомъ дѣяніи; здѣсь единое дѣяніе подходитъ подъ рядъ нормъ, подъ рядъ законовъ и тѣмъ не менѣе не признается наличность совокупности, а назначается одно наказаніе только потому, что дѣяніе единое. Это однако не совсѣмъ такъ, большинство современныхъ уголовныхъ кодексовъ (Голландскій, Венгерскій, Итальянскій) слѣдуютъ примѣру Германскаго, который въ § 73 говоритъ: если одно и тоже дѣйствіе (Handlung) нарушаетъ нѣсколько уголовныхъ законовъ, то примѣняется только одинъ законъ,

но тотъ, который назначаетъ самое строгое наказаніе. Почему понадобилось это опредѣленіе? Потому, что въ существѣ дѣла мы имѣемъ и въ данномъ случаѣ составное преступленіе, но такъ какъ такой комплексъ если не дѣяній, то, по крайней мѣрѣ, составныхъ элементовъ дѣянія, составныхъ элементовъ объекта дѣянія, въ законѣ не предусмотрѣнъ и ни подъ одинъ изъ законовъ не подходитъ вполнѣ, то приходится оговаривать особо въ законѣ порядокъ назначенія наказанія. Въ существѣ дѣла здѣсь нѣтъ никакого стеченія законовъ, ибо въ концѣ концовъ дѣяніе правильно не можетъ быть подведено ни подъ одинъ изъ существующихъ законовъ Насколько различеніе идеальной совокупности отъ реальной и отъ сложныхъ преступленій не установилось въ законодательствѣ, лучше всего показываетъ новѣйшее Норвежское уголовное уложеніе, которое въ § 62 говоритъ: «кто однимъ или многими дѣйствіями учинитъ нѣсколько преступленій или проступковъ, тотъ и т. д.

Я не буду останавливаться на рядѣ другихъ контроверзъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ въ этомъ отдѣлѣ, объ error in objecto, aberratio ictus, dolus generalis и т. д. по недостатку времени и ограничусь подведеніемъ итоговъ. Я утверждаю, что преступленіе есть дѣйствіе вмѣстѣ съ результатомъ, т. е. дѣяніе, что точнаго научнаго опредѣленія понятія дѣйствія въ уголовномъ правѣ не существуетъ и что дѣйствіе вовсе не можетъ служить ни объединеніемъ дѣянія, ни критеріемъ для отличенія единаго дѣянія отъ множества дѣяній при разрѣшеніи вопроса о вмѣненіи и наказаніи. Понятіе единаго дѣянія въ противоположность множеству есть произведеніе судебной практики и законодательства, которое идетъ въ этомъ случаѣ скорѣе всего путемъ кодификаціи. При созданіи этого понятія руководствовались и руководствуются не соображеніями научнаго объединенія, установленія единаго начала, а соображеніями гуманности, простоты, цѣлесообразности, главнымъ образомъ въ смыслѣ устраненія излишнихъ дѣленій, которыя не могутъ существенно отразиться на размѣрѣ наказанія, наконецъ, узаконенія, созданныхъ жизнью, сложныхъ типовъ дѣяній.

Юридическая сторона вопроса о торговлѣ бѣлыми женщинами въ цѣляхъ разврата [1]).

21, 22 и 23 іюня (н. с.) настоящаго года соберется въ Лондонѣ международный конгрессъ по вопросу о торговлѣ бѣлыми женщинами въ цѣляхъ разврата. Между прочимъ, конгрессъ этотъ остановится (п. 7 программы) и на законодательныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ которыя могли бы быть рекомендованы для борьбы со зломъ. Поэтому въ настоящее время представляется особенно желательнымъ выяснить этотъ вопросъ съ юридической стороны.

Ближайшее разсмотрѣніе всего комплекса дѣяній, которымъ дается одно общее названіе торговли бѣлыми (la traite des blanches, white slave trafic) приводитъ къ убѣжденію въ необходимости различать въ этомъ комплексѣ, во всякомъ случаѣ, двѣ группы самостоятельныхъ дѣйствій, исполняемыхъ почти всегда разными лицами и имѣющихъ несомнѣнно, и съ бытовой, а въ особенности съ юридической, точекъ зрѣнія совершенно самостоятельный характеръ, не смотря на общую цѣль, объединяющую обѣ группы—эксплоатированіе личности женщины, привлекаемой въ ряды проституткъ.

Первая группа состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя предпринимаются для привлеченія и доставленія женщины въ домъ разврата путемъ обмана, вторая—состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій которыя предпринимаются для удержанія женщины въ этомъ домѣ, для закабаленія ея здѣсь и спокойнаго эксплоатированія. Что касается первой группы, то необходимо замѣтить, что какъ бы ни разнообразны были тѣ дѣйствія, къ

[1]) Докладъ Лондонскому конгрессу 1899 по вопросу о торговлѣ бѣлыми женщинами помѣщено въ Вѣстникѣ Права 1899 май.

которымъ прибѣгаютъ для того, чтобы ввести жертву въ обманъ и вызвать у нея согласіе слѣдовать за собою даже и въ чужую страну (обѣщанія дать прибыльный и честный заработокъ, обѣщаніе жениться, для чего лишь необходимо предварительное путешествіе, а затѣмъ въ случаѣ, если при дальнѣйшемъ осуществленіи плана жертва выражаетъ сомнѣнія, всевозможныя застращиванія и запугиванія), всѣ эти дѣйствія могутъ быть безусловно, безъ всякой натяжки, признаны однимъ изъ видовъ сводничества, при чемъ только въ данномъ случаѣ сводничества, такъ сказать экспортирующаго, международнаго.

Сводничество предусматривается всѣми европейскими уголовными законодательствами и карается строго. Французскій уголовный кодексъ 1810 г. (ст. 334) караетъ тюремнымъ заключеніемъ до 2 лѣтъ того, кто постоянно возбуждаетъ, благопріятствуетъ или облегчаетъ развратъ молодыхъ людей обоего пола въ возрастѣ до 21 года. Новый строгій законопроектъ сенатора Беранже о проституціи и сводничествѣ, предусматривающій и embauchage par fraude, все еще не принятъ французскими палатами.

Старѣйшее послѣ французскаго — уложеніе австрійское (1852) караетъ сводничество тяжкимъ заключеніемъ отъ 1 до 5 лѣтъ. Русское законодательство знаетъ собственно только (ст. 998—1000 ул. нак.) сводничество, производимое родителями, супругами, опекунами и замѣняющими ихъ лицами, карая таковое лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкой на житье въ Сибирь или заключеніемъ въ арестантскомъ отдѣленіи до трехъ лѣтъ. Сводничество, производимое другими лицами, выше не поименованными, въ русскихъ законахъ прямо не предусмотрѣно и лишь кассаціонный судъ разъяснилъ о возможности примѣненія къ этимъ послѣднимъ лицамъ ст. 44 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, карающей за нарушеніе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства, арестомъ не свыше одного мѣсяца или денежнымъ взысканіемъ.

Германское уложеніе 1870 г. знаетъ сводничество вообще (ст 180) и сводничество, когда сводникъ прибѣгалъ къ хитростямъ и обманамъ (hinterlistige Kunstgriffe ст. 181) и назначаетъ въ послѣднемъ случаѣ цухтгаузъ до 5 лѣтъ. Кромѣ того, германское уложеніе содержитъ (ст. 235 и 236) постановленія, крайне строго карающія за увозъ совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ отъ родителей и опекуновъ, въ видахъ эксплоатированія ихъ для нищенства или разврата, и увозъ замужней женщины, посредствомъ хитрости, угрозы или силою, для цѣлей разврата.

Итальянское уложеніе 1890 г. (ст. 345) назначаетъ заключеніе до 5

лѣтъ за сводничество въ видѣ ремесла, за сводничество посредствомъ обмана, и сводничество ребенка не достигшаго 12 лѣтъ.

Другія законодательства идутъ еще дальше и предусматриваютъ и спеціальный видъ сводничества, т. е. междуроднаго, входящаго въ составъ traite des blanches.

Такъ, англійское (Criminal law amendement act 48 & 49 Vict cap. LXIX, статья 3 пунктъ 2) караетъ тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ съ каторжнымъ трудомъ или безъ онаго (hard labour) тѣхъ, которые путемъ обманныхъ дѣйствій привлекаютъ честную женщину или дѣвушку къ разврату въ Англіи или за границей,

Невшательское уголовное уложеніе 1891 г. караетъ (ст. 262) какъ сводничество вообще, такъ и кромѣ того—заключеніемъ до 4 лѣтъ,—сводничество дѣвушекъ, не достигшихъ 20 лѣтняго возраста, и доставленіе не запятнанной въ нравственномъ отношеніи женщины для разврата путемъ обмана. Но кромѣ того, это же уложеніе содержитъ ст. 335, которая назначаетъ заключеніе до 5 лѣтъ за похищеніе (enlèvement) дѣвушки моложе 16 лѣтъ съ цѣлью отправленія ея за границу или же эксплоатированія ея въ цѣляхъ разврата; наказаніе повышается, когда жертвой преступленія былъ ребенокъ, не достигшій 14 лѣтъ.

Новѣйшіе проекты уголовныхъ уложеній Швейцарскаго (ред. 1896 г.) и Норвежскаго (переводъ 1898 г.) полно и исчерпывающе предусматриваютъ этотъ особенный видъ международнаго сводничества, имѣющаго цѣлью вывозъ женщинъ за границу и сопровождающагося обманными дѣйствіями и угрозами.

Такъ, швейцарскій проектъ (ст. 118) караетъ цухтгаузомъ того, кто хитростью, угрозою или силою пытается передать женщину для разврата; при различныхъ отягчающихъ обстоятельствахъ и, между прочимъ, когда женщина вывозится для цѣлей разврата за границу, наказаніе составляетъ цухтгаузъ на срокъ не менѣе 5 лѣтъ.

Проектъ Норвежскаго уголовнаго уложенія (§ 224) караетъ тюремнымъ заключеніемъ до 10 лѣтъ того, кто силою, угрозами или хитростью завладѣваетъ женщиною для вывоза ея за границу съ цѣлью привлеченія къ разврату.

Наряду съ этими широкими и подробными законодательными постановленіями, карающими сводничество во всѣхъ его видахъ, въ томъ числѣ и сводничество международное, въ европейскихъ законодательствахъ, за исключеніемъ одного, не содержится никакихъ уголовныхъ каръ за вторую группу дѣяній, составляющихъ вмѣстѣ съ первой—la traite des blanches

а именно за дѣянія, направленныя къ удержанію силою, обманомъ, закабаленіемъ, полученной отъ сводника женщины въ домѣ разврата.

Правда, евреопейскія законодательства содержатъ, почти всѣ безъ исключенія, постановленія, карающія за самовольное лишеніе свободы, но постановленія эти не всегда могли бы быть примѣнены къ данной группѣ дѣяній; а затѣмъ другихъ постановленій, ограждающихъ личность и независимость проститутки даже и въ спеціальныхъ сборникахъ административныхъ распоряженій (гласныхъ, по крайней мѣрѣ), мы не находимъ.

Лишь англійское законодательство (ст. 8 указаннаго выше акта) караетъ прямо тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ удержаніе противъ воли женщины или дѣвушки въ публичномъ домѣ или вообще въ другомъ помѣщеніи съ цѣлью предоставленія ихъ для разврата. При этомъ эта статья подводитъ подъ понятіе удержанія не только насильственное удержаніе въ буквальномъ смыслѣ слова, но удержаніе вещей и платья и угрозы преслѣдователей за уносъ вещей и платья, которыя даны проституткѣ хозяиномъ заведенія для пользованія. Законъ добавляетъ, кромѣ того, что никакое преслѣдованіе—ни гражданское, ни уголовное не можетъ быть возбуждено противъ женщины, которая унесла съ собой то платье, которое ей было совершенно необходимо для оставленія публичнаго дома.

Изъ проектовъ одинъ лишь проектовъ русскаго уголовнаго уложенія (ст. 439) предлагаетъ карать исправительнымъ домомъ виновнаго въ помѣщеніи или содержаніи посредствомъ учиненныхъ для сего насилій надъ личностью, угрозы такимъ насиліемъ или обмана въ притонѣ разврата—лица женскаго пола, не внесеннаго въ списокъ публичныхъ женщинъ.

Судебная практика даетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало случаевъ примѣненія всѣхъ вышеизложенныхъ законовъ къ случаямъ торговли бѣлыми во всемъ объемѣ; она упоминаетъ о нѣсколькихъ процессахъ въ Бельгіи (въ 1881 и 1877) и нѣсколькихъ въ Россіи (въ 1875 и 1885 г.). Заключеніе нѣкоторыми государствами международныхъ договоровъ (Бельгіей съ Голландіей 18 дек. 1886 г., Голландіи съ Австріей 26—30 ноября 1888 г., Голландіей съ Германіей 15 ноября 1889 г.), коими эта государства обязывались помогать другъ другу въ борьбѣ съ продажею бѣлыхъ, также, какъ показала практика, не привели ни къ какимъ результатамъ. А между тѣмъ ростъ и развитіе продажи и рабства женщинъ за послѣдніе года убѣждаютъ въ томъ, что зло могущественно и безнаказанно развивается.

Эта безпомощность, несомнѣнно, можетъ отчасти быть объясняема несовершенствомъ дѣйствующихъ законовъ, не предусматривающихъ второй части тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя объединяются подъ понятіемъ

traite des blanches, но нельзя не сказать, что это несовершенство не помѣшало однако судебнымъ властямъ, прибѣгавшимъ, очевидно, къ широкому толкованію дѣйствующихъ законовъ по аналогіи, строго карать виновныхъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда виновные были представлены на судъ.

Поэтому, признавая вполнѣ желательнымъ дополненіе современныхъ законодательствъ въ томъ направленіи, которое избрали англійскіи законъ 1885 г. и проектъ русскаго уголовнаго уложенія, необходимо остановиться на болѣе глубокихъ причинахъ безпомощности и роста печальнаго явленія, на томъ—почему именно эта вторая часть преступной торговли и рабства оставалась безъ регламентированія и какое она имѣетъ значеніе въ общемъ комплексѣ дѣяній, объединенныхъ подъ именемъ traite des blanches. Многочисленные и печальные факты, сообщенные какъ авторами отчетовъ, представленныхъ по настоящему вопросу Парижскому [1]) тюремному конгрессу 1895 г. такъ и другими изслѣдователями, устраняютъ, къ сожалѣнію, всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что названіе, данное разслѣдуемой группѣ дѣяній, дано не по аналогіи, что мы имѣемъ дѣло и съ дѣйствительною продажею и съ дѣйствительнымъ рабствомъ или крѣпостничествомъ, что именно эта вторая составная часть traite des blanches, т. е. дѣянія, которыми обезпечивается существованіе рабства, и есть наиболѣе опасная и важная, ибо несомнѣнно, что, если бы не было рабства, то не могло бы быть и продажи въ рабство. Если бы не было полной возможности у содержателей притоновъ удержать насильно противъ воли попавшихъ къ нимъ женщинъ, то они не платили бы такихъ крупныхъ суммъ за доставленіе послѣднихъ (нѣсколько сотъ франковъ на континентѣ и нѣсколько сотъ долларовъ въ Америкѣ) и, слѣдовательно, очевидно, самое существованіе международнаго сводничества зависитъ исключительно отъ того, что безнаказанно и нерушимо существуетъ въ каждой странѣ свое, національное, крѣпостное право, или рабство женщинъ, попавшихъ въ дома разврата, въ отношеніи къ хозяевамъ этихъ домовъ.

Международный характеръ сводничество принимаетъ только для болѣе удобнаго осуществленія тѣхъ же общихъ цѣлей сводничества, которыя преслѣдуетъ и національное сводничество; дѣйствительно, легче убѣдить наивныхъ женщинъ въ возможности устроить ихъ судьбу какъ то особенно хорошо въ далекой, неизвѣстной странѣ, чѣмъ у себя на родинѣ, гдѣ всякія обманныя обѣщанія слишкомъ легко могутъ быть провѣрены.

---

[1]) V Congrés Pénitentiaire international, Paris—1895. Rapport de la premiére section p. 491—602.

Крѣпостное безправное положеніе проституткъ въ отношеніи къ хозяевамъ притоновъ сводится къ тому, что ихъ удерживаютъ силой и при томъ вполнѣ безнаказанно въ этихъ домахъ, а въ случаѣ, если представляется болѣе выгоднымъ или болѣе безопаснымъ удалить ихъ изъ дома, продаютъ ихъ за извѣстную сумму въ другое подобнаго же рода заведеніе въ той же странѣ или за границей; для осуществленія этого полнаго владѣнія закрѣпощенной женщиной, по возможности измѣняютъ ея внѣшній видъ, стригутъ ей волосы, даютъ ей другое имя, даютъ ей часто новые поддѣльные удостовѣряющіе личность карточки и паспорты, не допускаютъ какихъ либо личныхъ или письменныхъ сношеній ея съ родными и близкими. Если все это безнаказанно совершается не въ какой либо нецивилизованной части Африки или Азіи, а во всѣхъ наицивилизованнѣйшихъ государствахъ Европы и Америки, то невольно, прежде всего, зарождается вопросъ, почему терпится такое положеніе?

Причины этого явленія давнишни, глубоки и тѣсно связаны со многими сторонами проституціи. Послѣдняя, какъ есть всѣ основанія предполагать, возникла одновременно съ бракомъ, но уже въ древнія времена, въ Греціи (въ Аѳинахъ при Солонѣ) контингентъ проституткъ составлялся исключительно изъ рабынь. Въ послѣдующія эпохи проституція складывается постепенно въ особое ремесло, въ особую профессію, которая ведется, однако, на началахъ полнѣйшаго эксплоатированія хозяевами рабочихъ, такого, какое возможно было только при крѣпостномъ правѣ. Государственная власть относится къ этому ремеслу уже многіе вѣка одинаково неизмѣнно; отношеніе это выражается въ полнѣйшемъ непризнаніи законнаго существованія такой профессіи, во взглядѣ на проституцію, какъ на зло, которое поэтому какого либо законнаго нормированія не заслуживаетъ. Вотъ почему въ наше время, когда всѣ свободны и во всѣхъ государствахъ существуетъ въ полной мѣрѣ то, что Монтескье называлъ гражданской свободой, когда, по выраженію знаменитаго германскаго юриста Листа, даже преступники имѣютъ свою «magna charta libertatum» въ видѣ уголовныхъ уложеній и уставовъ уголовнаго судопроизводства, точно, до мельчайшихъ подробностей, опредѣляющихъ, за что и при какихъ условіяхъ они могутъ быть наказаны, только проститутки остаются внѣ всякой защиты правъ, внѣ всякаго опредѣленія ихъ правъ и обязанностей. Поэтому-то хозяйки и хозяева притоновъ могутъ безконтрольно распоряжаться личностью и услугами содержимыхъ, имѣютъ право ставить имъ на счетъ не только квартиру и пропитаніе, но и всѣ тѣ платья, которыя онѣ, хозяйки, считаютъ необходимымъ шить проституткамъ для поддержанія «genommèe» ихъ дома, оцѣнивая все это крайне высоко и

опредѣляя вознагражденіе за «трудъ» проституткн такъ, какъ это имъ угодно, такъ что предъ лицомъ гражданскаго суда, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда подобныя дѣла доходятъ до суда, проститутка является всегда неизмѣнно въ неоплатномъ долгу предъ хозяевами, а слѣдовательно, и передъ судомъ вполнѣ безправной, хотя «трудъ» крайне прибыленъ и хозяева составляютъ состоянія выгоднымъ примѣненіемъ капитала къ этому «дѣлу».

Но, къ сожалѣнію, кромѣ вышеописаннаго, принципіальнаго, такъ сказать, отношенія государства къ проституціи, имѣется еще и другая болѣе важная причина безправнаго положенія проститутокъ. Какъ извѣстно, проституція является главнымъ источникомъ распространенія всѣхъ венерическихъ болѣзней, начиная съ сифилиса. Однимъ изъ могущественныхъ средствъ ограничивать распространеніе этихъ ужасныхъ болѣзней является по отзыву цѣлаго ряда наиболѣе компетентныхъ изслѣдователей и врачей—регламентація проституціи (Ср. по этому поводу Commenge, La prostiuntion clandestine á Paris 1897 г.). Регламентація проституціи существуетъ во всей Европѣ за исключеніемъ Англіи и Италіи, гдѣ она была отмѣнена въ 80-хъ годахъ, что, по словамъ Commenge'a, и другихъ изслѣдователей, вызвало взрывъ венерическихъ болѣзней вообще и крайнее распространеніе спеціально сифилиса. Но какое бы значеніе ни придавать регламентаціи проституціи, необходимо имѣть въ виду, что осуществленіе регламентаціи ввѣрено полиціи, что послѣдняя борется съ тайною проституціей всѣми тѣми мѣрами, которыя находитъ нужными, что регламентація состоитъ въ совершенно произвольномъ, производимомъ по усмотрѣнію полиціи, внесеніи проститутокъ въ списки, въ воспрещеніи заниматься проституціей незаписаннымъ и въ обязательствѣ записанныхъ аккуратно, въ установленные дни подвергаться медицинскому осмотру и исполнять другія правила.

Такимъ образомъ, въ силу нежеланія государственной власти легально нормировать положеніе проституціи, какъ ремесла постыднаго, въ силу отношенія къ проституціи, какъ источнику тягчайшихъ болѣзней, нуждающемуся въ сильномъ и энергическомъ обуздываніи, проституція отдана въ полное и безконтрольное завѣдываніе органовъ полиціи, а послѣдняя во всѣхъ государствахъ, самыхъ передовыхъ, представляется наименѣе совершенной, по составу чиновъ и характеру дѣятельности, отраслью управленія.

Безконтрольное завѣдываніе проституціею со стороны полиціи влечетъ за собою, во первыхъ, существованіе полнаго безправія и произвола въ этой области; къ сожалѣнію, изслѣдователи указываютъ ужасные примѣры такого произвола въ родѣ внесенія въ списки публичныхъ женщинъ, не-

смотря на просьбы и заклинанія, 12 лѣтнихъ невинныхъ дѣвочекъ и отсылки ихъ вслѣдъ за тѣмъ въ распоряженіе самихъ же органовъ полиціи, надзирающихъ за проституціей.

Во вторыхъ, полиція видитъ въ хозяевахъ и хозяйкахъ какъ бы помощниковъ своихъ по осуществленію задачъ реглементаціи и во всѣхъ случаяхъ столкновеній хозяевъ съ проститутками становится противъ послѣднихъ, и безъ того уже не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ правъ.

Въ третьихъ, наконецъ, полиція, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, государствахъ, гдѣ она вообще считаетъ возможнымъ пользоваться за свои услуги всевозможными денежными подарками частныхъ лицъ, видитъ въ тайномъ и безнравственномъ ремеслѣ прямую доходную статью и облагаетъ содержателей притоновъ разврата настоящимъ налогомъ.

Въ силу всего этого между полиціей и вполнѣ зависимыми отъ нея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дающими ей большой доходъ, хозяевами публичныхъ домовъ и притоновъ устанавливаются особыя тѣсныя отношенія, которыя, напримѣръ, проявляются, между прочимъ, въ томъ, что когда чины полиціи привлекаются къ слѣдствію по обвиненію въ преступленіяхъ должности и отъ нихъ требуется въ видѣ мѣръ пресѣченія представленіе залога, то послѣдній представляется содержателями публичныхъ домовъ.

Эти отношенія во всякомъ случаѣ—и вполнѣ понятно—ведутъ къ полному безправію проститутокъ, безправію, при которомъ становится совершенно объяснимымъ и порабощеніе ихъ и торговля ими, какъ крѣпостными.

Вышеизложенныя соображенія даютъ основаніе остановиться на слѣдующихъ предположеніяхъ:

I. Средствъ для борьбы съ тѣмъ зломъ, которое объединяется подъ однимъ общимъ названіемъ торговли бѣлыми (white slave trafic), надо искать преимущественно не въ международныхъ договорахъ, а въ національномъ законодательствѣ и въ разумныхъ и необходимыхъ мѣрахъ мѣстной государственной власти.

II. Въ законодательномъ порядкѣ должно быть прежде всего предусмотрѣно то рабство, которое существуетъ нынѣ во всѣхъ публичныхъ домахъ всѣхъ государствъ; для устраненія его законъ долженъ возможно точно опредѣлить взаимныя права и обязанности хозяевъ и проститутокъ, условія поступленія и право свободнаго выхода; наконецъ, назначить строгую кару за удержаніе проститутки противъ воли прямымъ насильственнымъ путемъ или удержаніемъ одежды, предъявленіемъ неосновательныхъ исковъ и т. д.

Далѣе, въ уголовномъ законодательствѣ долженъ быть предусмотрѣнъ и точно опредѣленъ особый видъ сводничества, входящій въ составъ 1а

traîte des blanches, какъ заключающій въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ признаковъ сводничества, еще слѣдующее: прибѣганіе къ обману, насилію или угрозамъ и увозъ обманутой за границу.

III. Какъ ясно однако уже изъ предыдущаго, одно законодательное нормированіе не устранитъ всего зла, ибо, какіе бы законы ни были изданы, они не будутъ примѣняться, пока надзоръ и регламентированіе проституціи будутъ находиться въ безконтрольномъ вѣдѣніи полиціи. Поэтому необходимо, во-первыхъ, передать надзоръ санитарный въ вѣдѣніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія (соотвѣтственное предложеніе было сдѣлано недавно съѣздомъ русскихъ сифилидологовъ); и во-вторыхъ, установить особый надзоръ органовъ правосудія за законностью содержанія, т. е. согласіемъ съ волей содержащихся въ этихъ учрежденіяхъ,—такой же надзоръ, какой существуетъ въ отношеніи тюремъ, съ правомъ немедленнаго освобожденія, въ случаѣ неправильнаго лишенія свободы; это огражденіе правъ личности, эта милость должны быть распространены и на учрежденія, вмѣщающія въ себѣ несомнѣнно много порочныхъ элементовъ, начиная съ самихъ хозяевъ; организація этого надзора будетъ разумѣется, различна, сообразно съ внутреннимъ строемъ каждой страны.

IV. При этихъ мѣрахъ международное сводничество несомнѣнно падетъ, такъ какъ за доставленіе не станутъ платить; во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ борьбы собственно съ международнымъ сводничествомъ, помощь органамъ самоуправленія и судебной власти окажутъ консулы заинтересованныхъ державъ, для чего необходимо лишь нѣсколько подробнѣе и полнѣе опредѣлить ихъ права въ этомъ дѣлѣ.

V. Только тогда, когда право и законность проникнутъ въ темный, въ настоящее время уголъ притоновъ разврата, за ними вслѣдъ туда должна и можетъ проникнуть филантропія, которая только при этихъ условіяхъ будетъ достаточно ограждена и направитъ свое вліяніе на лицъ колеблющихся, и въ особенности, на лицъ, попавшихъ случайно и не возвращающихся въ ряды нормальнаго общества, къ родителямъ изъ-за стыда и страха передъ мыслью о томъ, простятъ ли дома—быть можетъ случайную вину, опредѣлившую, однако, послѣдующее поведеніе.

Предположенныя мѣры, несомнѣнно, не уничтожатъ ни проституціи, ни сводничества, но онѣ сдѣлаютъ невозможными тягчайшія стороны этихъ печальныхъ дѣяній и въ особенности то, что нынѣ называется торговлею бѣлыми—смоютъ съ современнаго цивилизованнаго общества, такъ внимательно ограждающаго личность и ея права, пятно лицемѣрнаго игнорированія печальнаго факта порабощенія многихъ личностей въ его средѣ.

Вопросы уголовнаго процесса.

Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи [1]).

Въ послѣднее врёмя, судъ присяжныхъ—это многовѣковое англійское учрежденіе—вышелъ въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи изъ «моды»; хотя, казалось бы, это солидное учрежденіе не можетъ подлежать вѣяніямъ «моды». При томъ же, опытъ собственно континентальной Европы, за исключеніемъ Франціи, въ примѣненіи суда присяжныхъ сравнительно такъ непродолжителенъ, что, казалось бы, никоимъ образомъ не можетъ поколебать выводовъ многовѣковаго опыта такой образцовой, по выработкѣ государственныхъ учрежденій, страны, какъ Англія.

Удары сыплются на судъ присяжныхъ со всѣхъ сторонъ; со стороны того неопредѣленнаго и неопредѣлимаго существа, которое называется «обществомъ», со стороны политикановъ, которые по совершенно необъяснимымъ причинамъ видятъ въ этомъ устойчивомъ и скромнѣйшемъ учрежденіи крайне либеральное, даже, чуть ли не революціонное; со стороны литераторовъ, которые, при крупномъ литературномъ дарованіи, отличаются крайне одностороннимъ, недостаточно обоснованнымъ, взглядомъ на вопросы общественнаго устройства, какъ напр. Алексѣй Толстой въ стихотвореніи Потокъ-Богатырь. Въ послѣднее время и наука направила свою критику на судъ присяжныхъ; критика Рудольфа Іеринга, въ его соч. Цѣль въ правѣ, уже, болѣе или менѣе забыта, но на судъ присяжныхъ направила

[1]) Изслѣдованіе написано въ 1894 г. и имѣетъ въ виду положеніе вопроса о судѣ присяжныхъ въ то время; къ сожалѣнію какъ показываютъ дальнѣйшія работы мои, приведенныя дальше, „боевое“ положеніе этого вопроса не измѣнилось и нынѣ.

О настоящей работѣ дали отзывы покойный Джаншіевъ въ соч. „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“, К. К. Арсеньевъ въ Вѣсти. Европы, Бобрищевъ-Пушкинъ „Эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ“, Бардзскій и др., журналы: Русская Мысль, Юридическая Газета, Журн. Юридич. Общества и др.

свои удары новая итальянская школа уголовнаго права—антропологическая, имѣющая несомнѣнно чрезвычайно даровитыхъ представителей въ лицѣ Ломброзо, Ферри, Гаррофало и даже школа соціологическая въ лицѣ Тарда и Лакассань.

Если общество и политики считаютъ судъ присяжныхъ учрежденіемъ опаснымъ, литераторы безнравственнымъ, то новыя школы уголовнаго права, присоединяясь къ предыдущимъ отзывамъ, нападаютъ на судъ присяжныхъ, какъ учрежденіе невѣжественное; собственно говоря, критика суда присяжныхъ не вытекаетъ изъ основныхъ началъ новыхъ ученій, и, какъ намъ кажется, основана на недоразумѣніи, ибо взгляды суда присяжныхъ на преступника и на наказанье, во многомъ, сходятся со взглядами новыхъ школъ.

Передавая положенія антропологической школы уголовнаго права, В. Д. Спасовичъ, въ своей талантливой статьѣ (Вѣстникъ Европы, Октябрь 1891, ст. 442) говоритъ: «задача уголовнаго суда должна быть радикально видоизмѣнена. Старая школа юристовъ судила извѣстное дѣянье, извѣстнаго человѣка, какъ произведеніе его свободной воли; такъ какъ вольной воли нѣтъ, то не можетъ быть и нравственной отвѣтственности за дѣйствіе, то есть той вины, по которой отмѣривалось и отсчитывалось наказанье». Если эта старая школа занималась, главнымъ образомъ, и даже исключительно, преступленьемъ, его классификаціей, разновидностями, теоріями наказанія, то новая занимается исключительно преступникомъ, считаетъ, что преступленье можетъ быть совершено не каждымъ человѣкомъ, а лишь особой разновидностью—«преступниками», существами ненормальными; поэтому, по мнѣнію этой школы, задача суда—не въ томъ чтобы наказывать преступленье или преступника, а въ томъ чтобы опредѣлить степень опасности въ будущемъ даннаго преступника на основаніи, какъ бы научнаго, медицинскаго, діагноза и разсортированія преступниковъ въ тѣ разряды, подведенія подъ ту классификацію, которую предложилъ Ферри на антропологическомъ конгрессѣ, т. е. на 1) преступниковъ сумашедшихъ, 2) неисправимыхъ, или прирожденныхъ, 3) привычныхъ, или дѣйствующихъ по ремеслу, 4) преступниковъ по страсти, аффекту, 5) преступниковъ случайныхъ, вовлеченныхъ въ преступленье вліяніемъ среды. Для такой задачи, судъ присяжныхъ, по мнѣнію школы, не годится; необходимъ новый судъ, судъ экспертовъ врачей, или экспертовъ ученыхъ естественниковъ, который будетъ судить не преступленье, а преступника, и при томъ не столько судить послѣдняго, сколько, на основаніи медицинскаго осмотра и діагноза, опредѣлять степень физической предрасположенности подсудимаго къ совершенію преступленій въ будущемъ. Этотъ судъ

экспертовъ не будетъ страдать тѣми недостатками, которыми страдаетъ современный судъ присяжныхъ: невѣжествомъ и послѣдствіями невѣжества: непослѣдовательностью, измѣнчивостью въ сужденіяхъ, пристрастностью и излишней слабостью.

Представитель соціологической школы Тардъ въ своемъ сочиненіи Philosophie penale (1891) говоритъ (стр. 443, 447): «невѣжество, робость, наивность, непостоянство, непослѣдовательность, пристрастность, то рабская, то задорная, присяжныхъ засѣдателей достаточно доказаны; въ чемъ единогласно упрекаютъ судъ присяжныхъ—это въ слабости». Крайніе представители антропологической школы, въ родѣ Ломброзо, требуютъ уничтоженія не только суда присяжныхъ, но вообще суда; болѣе умѣренные, въ лицѣ Ферри, надѣются, все таки, что настанетъ время, когда весь разборъ передъ судомъ будетъ состоять въ опредѣленіи, въ какую категорію преступниковъ долженъ быть зачисленъ подсудимый. Такіе представители антропологической школы, какъ Гарофало (Criminologie 1888, стр. 366 и т. д.) и соціологической Тардъ—юристы по профессіи, по службѣ, придаютъ еще этимъ ученымъ экспертамъ-врачамъ судей, но съ совершенно другимъ, чѣмъ нынѣ, образованіемъ, другими взглядами, правами. Тотъ же Тардъ, однако, самъ признаетъ, что самый трудный вопросъ въ критикѣ суда присяжныхъ—это вопросъ, чѣмъ его замѣнить?

Не касаясь основныхъ положеній антропологической школы, получившихъ, уже, надлежащее освѣщеніе и въ нашей литературѣ, въ рядѣ статей и даже сочиненій (Спасовича, Лихачева, Закревскаго, Вульферта и др.), мы займемся лишь вопросомъ объ отношеніяхъ новой школы къ суду присяжныхъ, такъ какъ школа эта повторяетъ, какъ я уже сказалъ, и возраженія, высказанныя съ другихъ точекъ зрѣнія, возраженія, которыя часто повторяются и у насъ.

Мы попытаемся, на основаніи научныхъ данныхъ, отчетовъ о русскихъ процессахъ, и личныхъ наблюденій надъ дѣятельностью суда присяжныхъ и экспертизы у насъ въ Россіи выяснить, насколько справедливы нападки на судъ присяжныхъ, на сколько оправдываются надежды тѣхъ, которые желаютъ передать правосудіе въ руки экспертовъ; какова роль экспертизы въ современномъ процессѣ и какъ её исполняютъ представители экспертизы; на сколько дѣйствительно суду присяжныхъ присущи тѣ недостатки, на которые указываютъ враги этого суда, почему именно судъ присяжныхъ не замѣнимъ, какъ признаютъ это и новыя школы.

I.

Начнемъ съ характеристики дѣятельности экспертизы въ современномъ процессѣ.

Дѣятельность эта, несомнѣнно, гораздо скромнѣе той, которая предназначается ей въ будущемъ новой школой.

Дѣйствующіе въ настоящее время Уставы Уголовнаго Судопроизводства: Россіи уст. угол. суд. ст. 325—356, 690—695, Франціи Cod. In. Cr. § 43, § 44, § 269, Cod. penal § 63, Италіи Cod. di prec. pen. § 153, § 281 § 479, Германіи Str. pr. § 80, 220, 252, Австріи Str. pr. § 116—135, 246, 247 относятъ экспертизу: во первыхъ къ числу доказательствъ, принимаемыхъ по уголовнымъ дѣламъ, а во вторыхъ призываютъ экспертизу содѣйствовать суду въ опредѣленіи состоянія умственныхъ способностей преступника; положеніе экспертовъ опредѣлено наравнѣ со свидѣтелями, съ нѣкоторыми лишь, незначительными, преимуществами, а во французскомъ кодексѣ объ экспертахъ даже вовсе не упоминается, а лишь о свидѣтеляхъ, къ числу которыхъ причислены и эксперты (мы говоримъ о текстѣ законовъ, а не о практикѣ).

Въ качествѣ одного изъ доказательствъ, на ряду съ показаніями свидѣтелей, объясненіями подсудимаго, и т. д., экспертиза вовсе не призывается современнымъ законодательствомъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, имѣемъ ли мы дѣло въ данномъ случаѣ съ преступленьемъ или нѣтъ, была ли смерть насильственной или естественной — это вопросы, которые никоимъ образомъ не могутъ быть разрѣшены на основаніи однихъ свѣдѣній изъ анатоміи, физіологіи и другихъ естественныхъ наукъ; они разрѣшаются путемъ обсужденія цѣлаго ряда, чисто внѣшнихъ, общежитейскихъ, обстоятельствъ, путемъ устраненія всякихъ другихъ, возможныхъ, объясненій смерти: отъ самоубійства, отъ допущенной самимъ потерпѣвшимъ неосторожности и т. д.

Эксперты призываются давать заключенія исключительно на основаніи свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ; имъ предлагаются вопросы о томъ, имѣются ли въ данномъ случаѣ какія либо уклоненія отъ нормальнаго состоянія организма, если имѣются, то отъ какихъ причинъ такія уклоненія могутъ происходить; имѣются ли признаки введенія яда; если имѣются поврежденія, то какова степень важности для организма такихъ поврежденій; если послѣдовала смерть, то можно ли признать, что смерть была вызвана именно этими поврежденіями, а не была слѣдствіемъ и еще

какихъ либо другихъ причинъ, патологическихъ? Экспертамъ предлагаютъ вопросъ, здоровъ-ли психически обвиняемый, каково состояніе его умственныхъ способностей?

Къ сожалѣнію, современная экспертиза никогда не удерживается въ указанныхъ выше рамкахъ; она не ограничивается разрѣшеніемъ перечисленныхъ вопросовъ, она разрѣшаетъ и вопросы о томъ, была ли смерть насильственной или нѣтъ, подчасъ даже, была ли смерть дѣяніемъ обвиняемаго; преступникъ ли обвиняемый, можетъ ли онъ быть наказанъ? Выходя изъ рамокъ въ смыслѣ подлежащей ея рѣшенію задачи, она точно также, произвольно, расширяетъ и матеріалъ, подлежащій ея изслѣдованію, включая въ него всѣ показанія свидѣтелей и вообще всѣ данныя, добытыя слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, совершенно нарушается необходимое равновѣсіе силъ, дѣйствующихъ въ процессѣ, и, вмѣсто облегченія, затрудняется выясненіе истины.

А между тѣмъ, и сравнительно скромная задача, которая предлагается врачамъ экспертамъ, по закону, можетъ быть ими разрѣшена только крайне относительно. Вопросы, которые предлагаются экспертамъ, тѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ они должны облегчить суду, выходятъ изъ предѣловъ наиболѣе разслѣдованныхъ областей медицины, анатоміи, физіологіи, патологіи и т. д. и составляютъ совершенно самостоятельную область— область столкновеній здороваго, или больнаго, человѣческаго организма съ злой волей человѣка и его произволомъ, столь разнообразно проявляющимся, что никакихъ законовъ такого проявленія установлено быть не можетъ; каждый отдѣльный случай представляетъ сложную, запутанную, задачу, ибо нельзя отгадать, какіе пути избрала въ данномъ случаѣ злая человѣческая воля, а по слѣдамъ, оставленнымъ въ организмѣ, въ особенности если они не грубы и не рѣзко видны, трудно опредѣлить эти пути: какъ часто бываетъ невозможно опредѣлить эти пути на основаніи однихъ физическихъ данныхъ, такъ что приходится передавать и эту часть задачи судьямъ другой ея части неизмѣримо большое, еще болѣе разнообразной — судьямъ и экспертамъ человѣческаго произвола и его проявленій, судьямъ и знатокамъ жизни. Какъ рѣдко бываютъ физическіе процессы въ чистомъ и единственномъ видѣ, какъ часто бываетъ стеченіе нѣсколькихъ процессовъ, въ которыхъ трудно разобраться, а тѣмъ болѣе трудно опредѣлить, отъ какого именно изъ этихъ процессовъ произошла смерть; сколько случаевъ смерти, въ которыхъ эксперты даютъ заключеніе, что смерть произошла отъ асфиксіи, не будучи въ состояніи болѣе подробно выяснить, чѣмъ вызвана эта асфикція, въ особенности если не имѣется грубыхъ, наружныхъ, знаковъ насилія.

Если отъ грубыхъ случаевъ физическаго насилія, перейдти къ отравленіямъ, то весь центръ тяжести, тотчасъ же, переходитъ изъ экспертизы къ анализу внѣшнихъ обстоятельствъ. Смерть произошла отъ отравленія, но былъ ли ядъ введенъ добровольно, случайно, или насильственно—разрѣшеніе этихъ вопросовъ, важнѣйшихъ въ дѣлѣ, зависитъ исключительно отъ установленія и оцѣнки внѣшнихъ обстоятельствъ; еще сильнѣе представляется затрудненіе, когда вещество, введенное въ организмъ, дѣйствуетъ вредно, ядовито только въ извѣстномъ размѣрѣ. Поясняю самымъ, повидимому, несложнымъ примѣромъ. Въ полѣ, внѣ дороги, среди пахати, былъ усмотрѣнъ трупъ крестьянина; онъ лежалъ на возу, лошадь стояла въ упряжи, возжи замотаны вокругъ боковыхъ перекладинъ воза; видно было, что крестьянинъ попалъ сюда не добровольно и не случайно—замотанныя возжи, лучше всего, указывали на это; при вскрытіи, врачъ опредѣлилъ смерть отъ асфиксіи и констатировалъ запахъ алкоголя во внутренностяхъ; если бы трупъ былъ найденъ нѣсколькими днями позже, запахъ бы исчезъ, остался бы фактъ смерти отъ асфиксіи; но такое опредѣленіе ничуть не разъясняетъ, какимъ образомъ произошла смерть: естественно или насильственно, такъ какъ асфиксія является послѣднимъ предсмертнымъ, фазисомъ во многихъ случаяхъ. Внѣшняя обстановка дала больше; прежде всего, было выяснено, что съ покойнаго и у покойнаго ничего не похищено—это устраняло мысль о корыстномъ преступленіи; за тѣмъ, путемъ распросовъ, было установлено, что покойный, на товарищеской пирушкѣ, выпилъ лишнее, тутъ же заболѣлъ и черезъ нѣсколько часовъ умеръ; хозяева дома, боясь отвѣтственности, вывезли трупъ въ поле.

Процессъ потомственнаго почетнаго гражданина Максименко, тоже, даетъ блестящій примѣръ того, какъ важно знаніе и оцѣнка внѣшнихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть, для выясненія самой причины смерти, не только характера ея. Предметомъ этого процесса (изд. А. Суворина 1891 г.) былъ случай часто повторяющійся въ судебной практикѣ, а именно отравленіе мышьякомъ, даннымъ потерпѣвшему, который, въ это время, былъ боленъ; Максименко былъ боленъ брюшнымъ тифомъ, мышьякъ дали ему, повидимому, просто въ чаѣ, часто его даютъ, въ виду его бѣлаго цвѣта и сходства съ обыкновеннымъ аптечнымъ порошкомъ, подъ видомъ лѣкарства. При изслѣдованіи внутренностей Максименко, во всѣхъ органахъ было обнаружено присутствіе мышьяка и при томъ въ такомъ количествѣ, что изслѣдователи опредѣлили, что въ организмъ Максименко было введено, не менѣе, 10 гранъ мышьяка—количество колоссальное.

На судѣ были выслушаны 4 эксперта: провизоръ Ф. Ф. Роллеръ, приватъ доцентъ Х. Ф. Беллинъ, врачебный инспекторъ Покровскій и профессоръ Ф. А. Патенко (191—216). Эксперты разошлись въ самомъ существенномъ. Первые трое признали, что смерть Максименки послѣдовала отъ отравленія мышьякомъ и что послѣдній былъ, разумѣется, введенъ при жизни, а послѣдній экспертъ, Патенко, что смерть послѣдовала отъ тифа и ядъ былъ введенъ по смерти и пропсосался посредствомъ имбибиціи. Такое разногласіе, не только по вопросу о причинахъ смерти, но даже и о томъ, при жизни, или по смерти, былъ введенъ ядъ несомнѣнно, должно привести въ крайнее удивленіе людей, непосвященныхъ въ науку и, во всякомъ случаѣ, заставить весьма усумниться въ непреложности и ясности изреченій представителей медицины. При томъ-же, не надо забывать, что въ процессѣ Максименко разошлись во мнѣніяхъ не случайно попавшіе въ эксперты врачи, а представители университетской науки. Какъ средство для разрѣшенія дѣла оставалось ознакомленіе съ обстоятельствами предшествовавшими и сопровождавшими смерть Максименко; по разсмотрѣніи ихъ, присяжные двухъ составовъ, авторитетно, въ обоихъ случаяхъ разсмотрѣнія дѣла, признали, что смерть произошла отъ отравленія и мнѣніе защиты что мышьякъ попалъ въ организмъ Максименко послѣ смерти, по ошибкѣ, подъ видомъ дезинфекціоннаго средства, при вскрытіи, вмѣсто сулемы, не имѣющимъ основаній. Присяжнымъ стало ясно, послѣ выслушанія показаній лицъ, бывшихъ при Максименкѣ въ день его смерти, что въ его состояніи произошло въ этотъ день, когда онъ себя великолѣпно чувствовалъ, что то ненормальное, что то внезапное, что то такое, что не можетъ быть объяснено нормальнымъ ходомъ болѣзни, которая значительно облегчилась, что то такое, что вызвало рѣзкія явленія, до того не бывавшія, и имѣющія безусловное сходство съ явленіями, которыя бываютъ при отравленіи мышьякомъ, какъ это объяснили на судѣ сами врачи; присяжные, вѣроятно, также приняли во вниманіе, что обстановка предварительнаго химическаго анализа, хотя и страдала нѣкоторыми неточностями, исключала, однако, возможность ошибки; освѣтивъ, повторяю, вѣроятно, всѣ эти данныя свѣдѣніями о семейной жизни Максименко, о нравственной, т. е., возможности отравленія его, присяжные авторитетно, дважды, отвѣтили на вопросъ: доказано ли, что Максименко былъ отравленъ: да доказано.

Разногласіе врачей—экспертовъ въ процессѣ Максименко не представляетъ собой чего либо исключительнаго, тѣмъ менѣе основаній заподозрѣвать добросовѣстность экспертовъ. Если мы обратимся къ любому, извѣстному учебнику судебной медицины, то мы прійдемъ къ убѣжденію,

что подобное разногласіе вполнѣ неизбѣжно, при современномъ состояніи науки медицины и спеціально ученія о ядахъ. Я позволяю себѣ привести нѣсколько выписокъ изъ учебника судебной медицины Гофмана въ переводѣ проф. Сорокина (изд. 1880 г.) [1]) «Токсическое воспаленіе желудочно кишечнаго канала выражается сильными болями въ желудкѣ, органахъ глотанія, тошнотой, сильной рвотой; къ этому присоединяется напряженіе живота, неутолимая жажда, сильное безпокойство, часто также поносъ съ тенезмами..... названные симптомы, сами по себѣ, не составляютъ полной характеристики ни отравленія какимъ нибудь опредѣленнымъ ядомъ, ни отравленія вообще и могутъ появиться, также, при естественномъ заболѣваніи какъ общаго, такъ и мѣстнаго характера. Послѣ многихъ отравленій, въ особенности послѣ отравленій органическими ядами, мы не находимъ, при вскрытіи, никакихъ рѣзкихъ характерныхъ измѣненій, чаще всего встрѣчаются такія же измѣненія какъ при смерти отъ задушенія. Переводчикъ учебника Гофмана проф. Сорокинъ прибавляетъ отъ себя. «Въ настоящее время, можно утверждать, безъ опасенія сдѣлать ошибку, что общія анатомопаталогическія измѣненія при всѣхъ ядахъ, безъ изъятія, бываютъ одни и тѣ же. Если отравленіе быстро оканчивается смертью (не позже 12 часовъ), то, при вскрытіи, находятъ одни только признаки смерти отъ асфиксіи; если же смерть наступаетъ позднѣе, то оказываются перерожденія, воспаленія, кровоподтеки и т. д.». «Если при химическомъ изслѣдованіи получается отрицательный результатъ, то этимъ, отнюдь, не исключается возможность смерти отъ отравленія. Существуетъ, во первыхъ, цѣлый рядъ ядовъ, присутствіе которыхъ химія, въ настоящее время еще не можетъ обнаружить; таковы напр. большинство животныхъ ядовъ и многіе растительные яды; во вторыхъ, ядъ, иногда, нельзя открыть, потому что онъ успѣлъ уже выдѣлиться, или разложиться. Большая часть яда извергается наступающею, въ большинствѣ случаевъ, рвотой, испражненіями и т. д. Полное выдѣленіе яда не препятствуетъ смерти» такъ Гофманъ говоритъ: «Намъ нѣсколько разъ приходилось видѣть посмертное пропотѣваніе щелока черезъ стѣнки желудка».

«Нѣтъ основанія отрицать, что смерть можетъ наступить, по выдѣленіи всего мышьяка изъ тѣла», говоритъ тотъ же авторъ.

Едва-ли, при такомъ состояніи науки, врачи имѣютъ нравственное право, выступая со своими заключеніями на судѣ, рѣшительно высказываться не только по самымъ существеннымъ вопросамъ въ дѣлѣ, но даже и по вопросу о причинахъ смерти. Наука, которой они являются пред-

[1]) стр. 454—485.

ставителями, не уполномочиваетъ ихъ на это, не даетъ имъ для этого средствъ; загадка, составляющая предметъ каждаго дѣла, должна и можетъ быть разрѣшена на болѣе широкихъ основаніяхъ, на основаніи цѣлаго ряда доказательствъ, и экспертиза можетъ быть лишь однимъ изъ такихъ доказательствъ, въ числѣ другихъ.

По второму, важному вопросу, по которому судъ призываетъ на помощь представителей науки медицины: по вопросу о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго, врачи эксперты высказываются всегда еще болѣе авторитетно чѣмъ по первому вопросу, о причинахъ смерти; захватываютъ своими заключеніями уже безусловно весь слѣдственный матеріалъ и, въ сущности, имѣютъ на это еще меньше права, чѣмъ при разрѣшеніи перваго вопроса, по крайней мѣрѣ настоящая наука психіатріи ихъ вовсе на это не уполномочиваетъ.

Прежде всего, остановимся на вопросѣ о локализаціи душевныхъ способностей человѣка. Дѣйствительно, при обсужденіи вопроса о состояніи душевныхъ способностей, мы не должны забывать, что, говоря, въ смыслѣ научномъ, о душевныхъ способностяхъ, о душѣ, мы не подразумѣваемъ болѣе той души, о существованіи которой учитъ христіинская религія, мы говоримъ о совершенно реальныхъ физическихъ способностяхъ; если мы говоримъ о болѣзненныхъ патологическихъ отправленіяхъ, то вѣдь это отправленія какихъ нибудь реально существующихъ органовъ, или частей таковыхъ. Если мы дѣйствительно желаемъ оставаться на прочной почвѣ физіологіи, намъ необходимо, говоря о разстройствѣ какой-либо душевной способности, сказать вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ органѣ, въ которомъ локализируется эта способность, такъ какъ если отправленія ненормальны, то слѣдовательно ненормально состояніе самого органа, котораго отправленія мы наблюдаемъ—это, мнѣ кажется, вполнѣ несомнѣнно.

И вотъ, необходимо сказать, что п о к а современная наука можетъ отвѣтить на вопросъ о локализаціи душевныхъ способностей только съ прибавленіемъ «вѣроятно», приблизительно.

Остановимся по этому вопросу на сочиненіи Т. Цигена «Физіологическая психологія» въ переводѣ проф. В. Чижа, 1893 г., и позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ [1]):

«Центральныя окончанія обонятельныхъ волоконъ находятся, в ѣ р о я т н о, также въ извилинѣ крестовиднаго отростка височной доли.....

«Центральныя окончанія вкусовыхъ волоконъ слѣдуетъ, в ѣ р о я т н о, искать въ извилинѣ крестовиднаго отростка мозговой коры.....

---

[1]) Стр. 46, 48, 110, 123, 141, 178.

«Путемъ опыта физіологія съ большой вѣроятностью указываетъ, что образы воспоминанья могутъ отлагаться исключительно на мозговой корѣ». Объясняя процессъ воспоминанія Цигенъ говоритъ: «Понятно, что эта схема не единственно возможная, а только лишь самая вѣроятная, соотвѣтственно нашимъ теперешнимъ познаніямъ. Дальнѣйшія соображенія можно легко подвести подъ другую подобную же схему, тѣмъ болѣе что они почти не зависятъ отъ физіологическихъ гипотезъ».

Разъясняя далѣе ассоціаціи идей, Цигенъ говоритъ: «Эта попытка разъяснить, какіе именно физіологическіе процессы происходятъ въ мозговой корѣ при узнаніи предметовъ оказывается, вслѣдствіе недостаточности нашихъ свѣдѣній о процессахъ въ мозговой корѣ чрезвычайно гипотетичной въ частностяхъ и, пожалуй, вѣрной только въ общихъ чертахъ».

Споря съ Вундтомъ и его учениками, признающими существованіе особой душевной способности «аперцепціи», благодаря которой происходитъ ассоціація идей и которую Вундтъ помѣщаетъ въ лобныхъ доляхъ человѣческаго мозга, Цигенъ говоритъ, что, разумѣется лобныя доли вовсе не касаются ассоціаціи идей и что Вундтъ локализировалъ придуманную имъ способность для приданія своей теоріи характера научно-физіологическаго.

Говоря о бороздахъ въ лобной извилинѣ Цигенъ замѣчаетъ: «отправленіе соотвѣтственнаго мѣста въ правомъ полушаріи человѣческаго мозга недостаточно выяснено; очень возможно, что оно играетъ роль при произнесеніи междометій, какъ напр., ахъ, да, нѣтъ»!

Едва ли вышеприведенныя выписки могутъ привести къ убѣжденію, что въ наукѣ хоть сколько нибудь выясненъ столь существенный вопросъ, какъ вопросъ о локализаціи душевныхъ способностей; а при такихъ условіяхъ, едва ли, можно признать, что психіатрія и психологія поставлены на прочную физіологическую почву. Не способствуетъ этому и вскрытіе труповъ душевно больныхъ. Такъ проф. В. Чижъ (Лекціи по Судебной психопатологіи 1890 стр. 25) говоритъ: «Далеко не при всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ мы можемъ констатировать опредѣленныя измѣненія въ головномъ мозгу; только при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ, наблюдаются опредѣленныя измѣненія, какъ въ головномъ, такъ и въ спинномъ мозгу».

Точно такой же отвѣтъ мы получаемъ и при ознакомленіи съ подробнымъ и солиднымъ курсомъ психіатріи, читаннымъ проф. П. И. Ковалевскимъ въ 1885 г. въ Харьковскомъ университетѣ; въ этомъ курсѣ, послѣ изложенія теченія каждой болѣзни, описывается состояніе мозга, при

вскрытіи; при чемъ, кромѣ случая прогрессивнаго паралича, при другихъ болѣзняхъ ничего кромѣ гипереміи или анеміи не констатируется.

При такихъ условіяхъ, какъ оказывается, основанія для опредѣленія признаковъ болѣзни, а главное для различенія здороваго психически человѣка отъ больнаго, крайне шатки. Проф. Чижъ, въ вышеупомянутомъ сочиненіи, замѣчаетъ. «Я уже говорилъ, что мы не имѣемъ никакой мѣрки, никакихъ нормъ для опредѣленія нормальной интенсивности чувствованій,—почему для опредѣленія измѣненій въ этой области, вообще, необходима крайняя осторожность и большая опытность. Касаясь вопроса о разстройствѣ высшей умственной дѣятельности сочетанія представленій и понятій—Чижъ говоритъ: «люди очень умные, опытные въ житейскихъ дѣлахъ, нерѣдко, въ продолженіи многихъ лѣтъ считаютъ выдающимся умомъ жалкую тупицу съ хорошей памятью и живой, пассивной ассоціаціей». «Основывать свои заключенія на степени ослабленія воли, нравственныхъ чувствъ, высшихъ умственныхъ способностей, замѣчаетъ тотъ же авторъ—весьма рисковано, такъ какъ я уже неоднократно говорилъ, что наши методы изслѣдованія весьма несовершенны, мы не имѣемъ какихъ либо масштабовъ для опредѣленія совершенства психическихъ процессовъ [1]).

С. Хрулевъ въ соч. «Характеръ преступныхъ дѣяній душевно больныхъ» 1893 находитъ, что «представить себѣ идеально средне нормальнаго человѣка т. е. такія способности, которыми долженъ обладать средній, или нормальный человѣкъ, мы не можемъ, какъ потому, что для опредѣленія этой нормальности нѣтъ мѣрки, такъ и потому, что человѣкъ въ своей психической дѣятельности, не поддается точному измѣренію».

«Успѣхи антрологіи, сравнительной анатоміи и въ особенности физіологіи, сильно содѣйствовавшіе расширенію научнаго кругозора, позволили установить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ближайшія причины душевнаго заболѣванія..... но душевное страданіе, до сихъ поръ опредѣляется, главнымъ образомъ, если не исключительно, общимъ поведеніемъ больнаго т. е. выраженіемъ имъ своего я, которое разсматривается, какъ симптомъ соматическаго характера» [2])

Редакторъ перевода соч. Генри Маудсели. «Объ отвѣтственности при душевныхъ болѣзняхъ» 1879 г. докторъ Чечотъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «съ теоретической и чисто научной точки зрѣнія я полагаю, что, пока, медицина вообще и психіатрія въ особенности еще не

---

[1]) Стр. 66, 116, 245.

[2]) Наз. соч. стр. 27, 30.

сказала послѣдняго слова, пока не будетъ такихъ представителей ея, которымъ была бы она извѣстна во всей полнотѣ и наконецъ—если бы такія лица нашлись—пока слѣдствія не будутъ производиться такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ всѣ требуемыя наукой данныя могли бы быть собраны—до тѣхъ поръ, если при этомъ въ судьяхъ и присяжныхъ установится увѣренность въ томъ, что наука совершенна и данный врачъ постигъ ее и слѣдствіе все открыло, экспертиза не будетъ имѣть права обязательности для суда присяжныхъ».

Пожеланія доктора Чечота, «пока» составляютъ идеалъ, далеко не достигнутый, какъ признаетъ и самъ докторъ Чечотъ; будетъ ли онъ достигнутъ—это вопросъ будущаго, а «пока мы можемъ сказать, что солидные представители науки психіатріи и ея развѣтвленій рекомендуютъ крайнюю осторожность въ заключеніяхъ, указываютъ на невозможность установленія какой либо общей, для всѣхъ случаевъ, сколько нибудь точной границы, между человѣкомъ психически здоровымъ и психическя больнымъ, признаютъ чрезвычайную относительность и неточность данныхъ психіатріи.

Къ сожалѣнію, этимъ прекраснымъ и авторитетнымъ указаніямъ не слѣдуютъ эксперты психіатры въ своеи практической дѣятельности; какъ увидимъ ниже, не слѣдуютъ этимъ указаніямъ въ своихъ экспертизахъ, подчасъ, и самые солидные представители психіатріи. Оставляя эти совѣты умѣренности, психіатры-эксперты широко пользуются указаннымъ выше. С. Хрулевымъ положеніемъ, что «душевное страданіе до сихъ поръ опредѣдѣляется главнымъ образомъ, если не исключительно, общимъ поведеніемъ больнаго, т. е. выраженіемъ имъ своего я», будучи оставлены въ залѣ засѣданія, на время судебнаго слѣдствія, эксперты психіатры пользуются всѣми данными судебнаго слѣдствія, какъ матеріаломъ для своихъ заключеній, и распространяютъ таковыя на все судебное слѣдствіе, сходя, при этомъ, съ прочныхъ основаній даваемыхъ наукой и вдаваясь въ совершенно общежитейскія, не научныя, разсужденія на общія темы. Заключенія экспертовъ всегда крайне рѣшительны и точны, какъ бы ни былъ скуденъ матеріалъ, на которомъ эти заключенія строятся, какъ бы мало онъ не подкрѣплялъ этихъ заключеній и какъ бы мало сами заключенія не соотвѣтствовали указаннымъ въ наукѣ признакамъ болѣзни.

Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Дѣло Сергѣева разбиралось въ Курскомъ Окружномъ Судѣ (Защитительныя рѣчи проф. Л. Владимірова 1892 стр. 116—130). «Обвинительный актъ. Вечеромъ 8 марта 1890 г., на Прохоровской станціи Курско-

[1]) Стр. 159.

Харьково-Азовской желѣзной дороги, въ то время, когда начальникъ той станціи, Алексѣй Забудскій, занимался въ кабинетѣ, туда вошелъ служащій въ станціонной конторѣ Василій Сергѣевъ и три раза выстрѣлилъ въ Забудскаго изъ револьвера. Изъ трехъ пуль, двѣ, пробивъ затылочную кость, проникли въ мозгъ, а третья прошла чрезъ мягкія части лѣвой руки, около плеча, пробила верхнюю доску письменнаго стола и осталась въ ящикѣ. Послѣ этого, Сергѣевъ, выйдя въ контору, сказалъ находившимся въ ней, что онъ убилъ Забудскаго и бросилъ на столъ револьверъ, Послѣдній оказался шестиствольнымъ, системы «Бульдогъ»; въ немъ были четыре выстрѣленныя гильзы и два полныхъ патрона. Въ то же время, вошедшіе въ кабинетъ сторожа нашли Забудскаго свалившимся со стула и въ безсознательномъ состояніи, хотя еще живаго; не придя въ себя, онъ умеръ къ полудню.

Тотчасъ по задержаніи Сергѣева станціоннымъ жандармомъ, онъ разсказалъ, что убилъ Забудскаго за то, что тотъ представилъ по начальству объ увольненіи его, и что онъ, нарочно для этого купилъ въ Харьковѣ револьверъ. Изъ показаній служащихъ на станціи видно, что Сергѣевъ за двухлѣтнее пребываніе на станціи «Прохоровка» нерѣдко пилъ и поэтому опаздывалъ, или совсѣмъ не приходилъ на службу, за что получалъ отъ Забудскаго выговоры. За послѣднее время Сергѣевъ пилъ все чаще и чаще и въ февралѣ былъ оштрафованъ по распоряженію начальника движенія. Наконецъ 2-го марта, Забудскій донесъ о непригодности Сергѣева, прося уволить его,—по поводу чего послѣдовалъ запросъ начальника движенія Забудскому о причинахъ, по какимъ онъ не донесъ ранѣе; на это Забудскій отвѣтилъ, что, въ виду молодости Сергѣева, надѣялся на его исправленіе, но, въ настоящее время, писалъ онъ, я пришелъ къ заключенію, что его нужно перевести на другую станцію, ибо я не желаю быть свидѣтелемъ окончательнаго его нрвственнаго паденія, которое неизбѣжно вслѣдствіе среды, въ которую онъ попалъ».

Признавая себя виновнымъ въ убійствѣ, Сергѣевъ объяснилъ, что, узнавъ изъ исходящей книги, что Забудскій послалъ представленіе объ увольненіи его, онъ совсѣмъ пересталъ заботиться о службѣ и поѣхалъ въ Бѣлгородъ провѣдать своего пріятеля Андрея Попова. Въ Бѣлгородѣ онъ купилъ револьверъ съ девятью патронами, не имѣя при этомъ никакой опредѣленной цѣли. Затѣмъ, вернувшись въ Прохоровку, онъ увидѣлъ въ кабинетѣ Забудскаго запросъ начальника движенія, а за тѣмъ узналъ объ отвѣтѣ Забудскаго, но мысли объ убійствѣ не имѣлъ. Вечеромъ, 8 марта,

онъ пришелъ въ контору заниматься, имѣя въ карманѣ заряженый револьверъ. Встрѣтивъ надобность въ книгѣ, находившейся въ кабинетѣ Забудскаго, онъ пошелъ туда и, при входѣ, вынулъ револьверъ изъ кармана, но прямой (?) мысли объ убійствѣ у него не было. Взявъ книгу, онъ сталъ стрѣлять въ Забудскаго сзади и потомъ, перешагнувъ черезъ упавшаго Забудскаго, пошелъ въ контору. Стрѣлялъ онъ въ Забудскаго, самъ не зная зачѣмъ. (?)...

Дѣло Сергѣева разсматривалось дважды: въ первый разъ, по окончаніи судебнаго слѣдствія, защитникъ подсудимаго проф. Владиміровъ обратился къ суду съ заявленіемъ, въ которомъ, указавъ на нѣкоторые факты, вскрывшіеся на судебномъ слѣдствіи, приходилъ къ заключенію о необходимости подвергнуть Сергѣева медико-психіатрическому испытанію въ больницѣ для душевно больныхъ. Судъ раздѣлилъ это мнѣніе защиты и дѣло, въ виду предстоявшаго испытанія подсудимаго, было отложено.

Дѣло Сергѣева разсматривалось вновь въ Курскомъ Окружномъ Судѣ 22—23 іюля 1891 г. Допросъ свидѣтелей не далъ никакихъ новыхъ фактовъ. Прочтенъ былъ судебно-медицинскій актъ, подписанный психіатрами Гиршсономъ и Унтитомъ, наблюдавшими Сергѣева въ больницѣ. Актъ приходилъ къ заключенію, что Сергѣевъ въ настоящее время здоровъ, но преступленіе совершилъ въ импульсивномъ помѣшательствѣ, въ состояніи алкологическаго транса. (?) Затѣмъ допрошены были эксперты.

Врачъ Поповъ не находилъ данныхъ для признанія, что Сергѣевъ совершилъ преступленіе въ состояніи умопомѣшательства. Онъ отправлялъ свою должность и слѣдовательно былъ здоровъ.

Врачъ Жураковскій—Сергѣевъ совершилъ преступленіе въ состояніи нормальномъ; психическая сторона алкоголизма не дается ни однимъ фактомъ дѣла.

Врачъ Венедиктовъ заявляетъ, что онъ не психіатръ; онъ считаетъ, что заключеніе наблюдавшихъ психіатровъ можетъ быть и правильно; но онъ лично не находитъ, чтобы Сергѣевъ совершилъ преступленье въ болѣзненномъ припадкѣ.

Врачъ психіатръ Унтитъ заявляетъ, что онъ психіатръ, что послѣднія 10 лѣтъ не занимался психіатріей, хотя и завѣдывалъ отдѣленіемъ душевно больныхъ. По его мнѣнію, Сергѣевъ совершилъ преступленіе въ состояніи алкологическаго транса. Человѣкъ пьянствующій можетъ вести свои дѣла, напримѣръ, купецъ свою корреспонденцію, а потомъ впасть въ состояніе транса. Находящійся въ этомъ состояніи можетъ припоминать даже нѣкоторыя обстоятельства,

можетъ помнить какую нибудя мелочь и при этомъ забыть крупныя обстоятельства. То обстоятельство, что Сергѣевъ за два дня до убійства не пьянствовалъ, ничего не значитъ, это бываетъ и нисколько не исключаетъ возможности припадка.

Врачъ Рейеръ, психіатръ—объясняетъ, что есть три состоянія, вызываемыя хроническимъ отравленіемъ алкоголемъ:

1. Алкогольный автоматизмъ—состояніе безпамятства; на видъ дѣйствіе цѣлесообразно.

2. Алкогольный трансъ—потеря сознанія, совершенное дѣяніе не носитъ характера автоматизма; (не ?) можетъ имѣть характеръ причинный.

3. Бѣлая горячка.

По мнѣнію Рейера, Сергѣевъ совершилъ свое преступленіе въ состояніи алкоголическаго транса. Рейеръ вполнѣ признаетъ мотивировку и заключеніе судебно-медицинскаго акта. (Влад. I. с. стр. 116—118).

Все вышеприведенное изложеніе дѣла—дословная выписка изъ сочиненія г. Владимірова.

Присяжные засѣдатели, повидимому, убѣжденные заключеніемъ экспертовъ, признали Сергѣева дѣйствовавшимъ въ болѣзненномъ припадкѣ, вызванномъ хроническимъ отравленіемъ алкоголемъ.

При новомъ разборѣ этого дѣла, въ засѣданіи Курскаго Окружнаго Суда въ городѣ Бѣлгородѣ, 22 сентября 1893 г., Сергѣевъ былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ заключенію въ каторжныя работы на 8 лѣтъ (телеграмма газеты Новое Время).

Прежде всего, какъ не спеціалистъ въ медицинѣ, я старался выяснить себѣ, что такое «алкоголическій трансъ», о которомъ говорили эксперты; къ сожалѣнію, въ бывшихъ у меня подъ рукой сочиненіяхъ профессоровъ Ковалевскаго (психіатрія) и Чижа (судебная психопатологія), я не нашелъ указаній на существованіе подобнаго состоянія, хотя въ этихъ сочиненіяхъ перечислены различные виды и фазисы алкоголизма, начиная съ алкоголическаго автоматизма и кончая бѣлой горячкой. Но допускаю, что почтенные профессора позабыли болѣзнь (цитируемый мной курсъ психіатріи Ковалевскаго читался студентамъ и представляетъ большое, по размѣрамъ, сочиненіе), а неизвѣстные, мнѣ, по крайней мѣрѣ, эксперты наблюдали ее. Въ чемъ же собственно состоитъ эта болѣзнь, какіе ея признаки; хотя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, г. Владиміровъ передалъ мнѣнія экспертовъ не въ одинаковой степени подробно; защита невмѣняемости, на которой построена и вся рѣчь г. Владимірова, передана гораздо подробнѣе мнѣнія экспертовъ-защитниковъ вмѣняемости, но и при этомъ мы

можемъ лишь заключить, что трансъ равносиленъ забвенію, моментамъ безсознательныхъ дѣйствій съ забвеніемъ собственныхъ поступковъ, совершенныхъ въ моментъ припадка; въ остальное же время, внѣ припадка, одержимый этой болѣзнью вполнѣ нормаленъ.

Итакъ, слѣдовательно, Сергѣевъ совершилъ преступленіе именно въ состояніи транса. Имѣются ли въ дѣлѣ на это какія-либо указанія? Какъ мы видѣли, г. Владиміровъ не опровергаетъ данныхъ, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ; не выражаетъ онъ сомнѣнія въ этихъ данныхъ и въ своей рѣчи. А между тѣмъ, въ этомъ обвинительномъ актѣ изложено, что, тотчасъ по задержаніи, Сергѣевъ подробно объяснилъ жандарму, что убилъ Забудскаго, объяснилъ причину, мотивъ своего преступленія—месть и злобу на Забудскаго за сдѣланное имъ представленіе объ увольненіи Сергѣева; объяснилъ, что мысль объ убійствѣ Забудскаго обдумана имъ, что съ этой цѣлью онъ ѣздилъ въ Бѣлгородъ покупать револьверъ. Гдѣ же трансъ, вѣдь и фантазіи экспертовъ должны быть предѣлы; нельзя же выкинуть показаніе жандарма, собственное внѣсудебное объясненіе обвиняемаго, тотчасъ по совершеніи преступленія подробно и сознательно объяснившаго свои дѣйствія, ничего не забывшаго, не знавшаго еще тогда ничего, очевидно, о благодѣтельномъ «трансѣ».

Но былъ ли вообще боленъ Сергѣевъ, какія основанія могла имѣть экспертиза, чтобы признать Сергѣева больнымъ? Какъ видно изъ самого судебно-медицинскаго акта, Сергѣевъ былъ помѣщенъ въ больницу уже по истеченіи года по совершеніи имъ преступленія и былъ признанъ при испытаніи здоровымъ; слѣдовательно, болѣзнь не оставила слѣдовъ; по какимъ же признакамъ врачи опредѣлили, что Сергѣевъ былъ боленъ за годъ до испытанія; не на основаніи ли данныхъ о совершеніи преступленія, признавая въ то же время преступленіе совершеннымъ въ состояніи невмѣняемости на основаніи данныхъ испытанія—это будетъ кругъ заколдованный, но circulus vitiosus, несомнѣнно. Намъ кажется, что образъ дѣйствій Сергѣева до совершенія и при совершеніи преступленія указываетъ, наоборотъ, на крайнюю обдуманность и послѣдовательность дѣйствій подъ вліяніемъ одного мотива—злобы, мести; присутствіе этого мотива не указываетъ на невмѣняемость, ненормальность; образъ дѣйствій указываетъ на вполнѣ нормальное состояніе умственныхъ способностей. Обдуманность дѣйствій не можетъ быть у хроническихъ алкоголиковъ, это вполнѣ установлено современными изслѣдованіями алкоголизма. (С. Хрулевъ, характеръ прест. дѣяній душ. больн.); именно эта обдуманность дѣйствій Сергѣева указываетъ, что онъ былъ человѣкомъ распутнымъ, кутившимъ, но не алкоголикомъ въ психіатрическомъ смыслѣ.

Позволю себѣ привести еще одинъ образчикъ экспертизы изъ моей личной служебной практики въ ковенскомъ окружномъ судѣ.

Дворянинъ Осипъ Д. 20 лѣтъ обвинялся въ слѣдующихъ преступленіяхъ (цитирую подлинный обвинительный актъ, составленный мной по дѣлу).

Въ ночь на 16 января 1892 года, въ городѣ Вилкомирѣ, изъ запертаго погреба подъ лавкой Мовши Эльяшевича, составляющей часть обитаемаго строенія, было похищено 15 или 16 вытяжекъ кожи, на сумму менѣе трехсотъ рублей. Злоумышленникъ взломалъ замокъ, запиравшій входъ съ улицы въ погребъ Двейры Левинъ, и изъ погреба послѣдней проникъ въ погребъ Эльяшевича, сдѣлавъ подкопъ подъ деревянной перегородкой, раздѣляющей погребъ Левина отъ погреба Эльяшевича. 16 января къ Эльяшевичу привелъ знакомый ему сапожникъ Лейба Сальникъ крестьянина Игнатія Загрецкаго, продававшаго на базарѣ одну изъ похищенныхъ вытяжекъ, тотчасъ же опознанную Эльяшевичемъ по выставленнымъ на кожѣ буквамъ М. Э. по еврейски: такъ какъ Загрецкій объяснилъ, что вытяжка куплена имъ въ тотъ же день у неизвѣстнаго ему молодого человѣка, продающаго вытяжки за городомъ, на шоссе, то по указанію Загрецкаго, старшій городовой Османъ задержалъ этого молодого человѣка, оказавшагося дворяниномъ Осипомъ Д., при немъ были найдены 5 штукъ похищенныхъ вытяжекъ...

Въ ночь на 24 марта 1892 года изъ запертаго магазина, составляющаго часть обитаемаго дома Германа Маринга въ г. Вилкомирѣ, посредствомъ разбитія стекла въ окнѣ, была похищена различная обувь на сумму менѣе 300 рублей; такъ какъ передъ означенной кражей Осипъ Д. часто заходилъ въ магазинъ Маринга, ничего не покупая, какъ бы для осмотра расположенія товара, и, такъ какъ его видѣли въ ночь кражи неподалеку дома Маринга, то послѣдній заявилъ подозрѣніе на Д.; при произведенномъ въ квартирѣ у Д. обыскѣ былъ обнаруженъ на дворѣ того дома зарытымъ въ хворостѣ мѣшокъ съ частью обуви; самый мѣшокъ оказался чахломъ отъ старой перины владѣлицы дома, гдѣ проживалъ Д.

Въ ночь на 29 марта 1892 года, въ г. Вилкомирѣ, изъ запертаго погреба мѣщанина Абрама Кагана, составляющаго часть обитаемаго дома Пашкевичевой, посредствомъ разбитія стекла въ окнѣ погреба, похищены были двѣ бутылки съ уксусной эссенціей, мѣшокъ съ пробками, мѣшокъ съ губками, всего на сумму около 40 рублей. 30 марта, къ полицейскому надзирателю г. Вилкоміра, явился дворянинъ Осипъ Д. и заявилъ, что кража у Абеля совершена Абрамомъ Сальникомъ (обнаружившимъ виновность Д. по первому дѣлу) и Израилемъ Каганомъ, которые краденыя

вещи снесли въ магазинъ Ханы Гефенъ; при обыскѣ, произведенномъ въ тотъ же день въ лавкѣ Гефенъ, полиціей были найдены только двѣ бутылки уксусной эссенціи; Сора Гефенъ заявила полиціи, что она, въ отсутствіи мужа ея,—хозяина магазина, купила у предъявляемаго ей Д. двѣ найденныя у нея бутылки уксусной эссенціи за 93 коп.»

Вслѣдствіе заявленнаго Д., самимъ, сомнѣнія въ нормальности своихъ умственныхъ способностей, въ подтвержденіе какого сомнѣнія онъ указывалъ на участье свое, будто бы, въ двухъ поджогахъ, совершенныхъ по необъяснимымъ причинамъ, Д. былъ подвергнутъ испытанію въ ковенской городской больницѣ и затѣмъ освидѣтельствованъ въ засѣданіи ковенскаго окружного суда 29 сентября 1892 года. Какъ выяснилось, отецъ Д., подполковникъ, впалъ, вслѣдствіе различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ жизни въ нищету и доживалъ свой вѣкъ въ больницѣ, получая 14 рублей пенсіи въ мѣсяцъ. Сынъ его, Осипъ Д., окончилъ мѣстное городское училище, но пишетъ не вполнѣ правильно по русски; въ виду болѣзни отца и смерти матери, Осипъ Д. остался безъ призора, безъ воспитанія и безъ дѣла, а потому постоянно въ чемъ-либо попадался. Физическое состояніе Д. выражается въ крайнемъ малокровіи, въ томъ, что яички у него не въ мошонкѣ, въ томъ, что онъ страдаетъ недержаніемъ мочи и что, наконецъ, какъ показало трехмѣсячное испытаніе въ мѣстной городской больницѣ, у Д. бываютъ, не чаще двухъ разъ въ мѣсяцъ, припадки эпилепсіи, продолжающіеся не болѣе одной минуты.

По освидѣтельствованіи, окружный судъ призналъ, что умственныя способности Д. во время совершенія имъ трехъ кражъ находились въ нормальномъ состояніи. Присяжные признали Д. виновнымъ; по отбытіи имъ наказанія, я помѣстилъ его къ одному просвѣщенному и гуманному мѣстному помѣщику, у котораго онъ былъ на хорошемъ счету, исполняя обязанности помощника кассира на дрожжевомъ заводѣ въ теченіе болѣе полугода; теперь Д. оставилъ помѣщика и я потерялъ его изъ виду.

Съ опредѣленіемъ окружного суда о признаніи Д. ненормальнымъ, участвовавшіе въ засѣданіи врачи не согласились и подали отдѣльныя мнѣнія.

Докторъ Z. «Считаю долгомъ сказать, что согласно моему убѣжденію Д. страдаетъ довольно рѣдкой формой психической эпилепсіи, извѣстной подъ названіемъ petit mal. Убѣжденіе мое основывается на результатѣ мѣсячнаго наблюденія надъ Д. въ ковенской городской больницѣ и данныхъ, добытыхъ изъ анализа. Психическая эпилепсія проявляется на почвѣ семейной наслѣдственности. Въ ней играютъ роль всевозможныя разстройства нервной системы, туберкулезъ, сифилисъ и алкоголизмъ; у Д. мать

умерла отъ легочной чахотки, отецъ отъ паралича, сестра и братья отъ судорогъ, самъ Д. до 6-ти лѣтняго возраста страдалъ эпилепсіей. Послѣдняя можетъ исчезать, уступая мѣсто психической эпилепсіи, или она сочетается съ ней, проявляясь лишь по ночамъ, незамѣтно ни для больного, ни для окружающихъ. Въ больницѣ, въ теченіи мѣсяца, такихъ припадковъ было два: 17 ноября и 3 декабря. Одержимые подобной формой эпилепсіи подчиняются нерѣдко безотчетному влеченію къ кражамъ, поджогамъ, убійствамъ и т. д. Совершаютъ они эти преступленія во время приступовъ, при полномъ отсутствіи сознанія, или при запутанности мыслей и отуманенномъ сознаніи. Въ промежуточныхъ періодахъ они обладаютъ не только сознаніемъ, но нерѣдко превосходными способностями. Память о преступныхъ дѣяніяхъ, во время приступовъ, то совершенно изглажена, то о нихъ имѣется довольно смутное представленіе. Въ послѣднемъ случаѣ, шумъ, возбужденный безнравственными ихъ дѣйствіями, осязательные слѣды ихъ проливаютъ свѣтъ на ихъ поступки и возстановляютъ въ памяти ихъ, мельчайшія ихъ подробности. Вслѣдствіе этого обстоятельства, эпилептики, скоро по совершеніи преступленій, отрицаютъ фактичность ихъ, впослѣдствіи же они чистосердечно сознаются въ нихъ. Не сознаявая своей болѣзни, сущность которой заключается во временномъ исчезновеніи памяти, при наличныхъ доказательствахъ совершенныхъ преступленій, эпилептикъ сваливаетъ вину на различныя обстоятельства, толкавшіе его на преступленіе, или сокрушается своей мнимой грѣховностью, впадаетъ въ апатію и индеферентизмъ. Послѣднее явленіе встрѣчается очень часто, но оно не исключительно у всѣхъ.

Приведенныя данныя вполнѣ соотвѣтствуютъ преступнымъ дѣйствіямъ Д. Въ промежуточномъ періодѣ болѣзни, онъ ясно, отчетливо, рисуетъ подробности своихъ преступленій и изъ совершенія ихъ онъ заключаетъ, что произвелъ ихъ подъ вліяніемъ голода, желанія облегчить страданія больного отца. Д. утверждаетъ, что онъ притворялся и надулъ наблюдавшаго его больничнаго врача. Идея о притворствѣ могла придти ему на умъ въ промежуточномъ періодѣ болѣзни, когда сознаніе его не нарушено. Но два припадка petit mal въ больницѣ не могли быть симулированными. Симулянты скорѣе подражаютъ припадкамъ судорожной эпилепсіи, которые они лично видѣли, о которыхъ слышали, читали и т. д. Гораздо труднѣе имъ симулировать petit mal, сущность котораго не только имъ, но многимъ врачамъ неспеціалистамъ вполнѣ неизвѣстна. Самыя преступленія Д. носятъ на себѣ отпечатокъ нелогичности и не оправдываются изложенными имъ мотивами. Изъ всего сказаннаго я замѣчаю,

«что преступныя дѣйствія Д., совершенныя имъ при параличѣ воли, отсутствіи сознанія или отуманеніи его, не могутъ быть ему вмѣнены въ вину».

Докторъ Х. «Не перечисляя признаковъ эпилепсіи, посмотримъ, что мы можемъ найдти у Осипа Д., что говорило бы въ пользу эпилепсіи»?

Ипохондрическое настроеніе духа, жалобы на свою судьбу, самобичеваніе,—вотъ отличительныя черты его характера. Далѣе, стоитъ только взглянуть на Д., чтобы увидѣть, что у такого анемичнаго субъекта, головокруженія, головныя боли, навѣрно, нерѣдкость; а врачъ, наблюдавшій Д., утверждаетъ даже, что послѣдній положительно нервно-больной.

Д., человѣкъ получившій кое-какое образованіе, владѣетъ бойкимъ перомъ, онъ однако, ничего не дѣлая, сидитъ на шеѣ у отца и проѣдаетъ его крохотный пенсіонъ. Болѣя душой, что онъ ничѣмъ не помогаетъ отцу, рѣшается трудиться, помогать послѣднему, и для этого не ищетъ, какъ бываетъ обыкновенно, примѣненія своихъ силъ и способностей тутъ же на мѣстѣ, а отправляется съ 60 копѣйками въ карманѣ искать счастья на Кавказѣ. Конечно, въ концѣ концовъ, возвращается ни съ чѣмъ, послѣ цѣлаго ряда приключеній. Опять поступокъ довольно странный. Замѣтимъ мимоходомъ, что любовь къ блужданію, приключеніямъ, играетъ также не послѣднюю роль у эпилептиковъ.

Еще одинъ примѣръ. Крадетъ онъ, по его словамъ, для того, чтобы помогать больному отцу, лежащему въ больницѣ. Ему совершенно не приходитъ въ голову, что воръ можетъ попасться, лишиться свободы, а, слѣдовательно, совершенно не достигнуть намѣченной цѣли; онъ бросается на первый попавшійся подъ руки случай, далеко не хитрый, не соображая того, что легко попадется и не только не будетъ полезенъ отцу, но лишь добавитъ, къ его и безъ того тяжелому положенію лишнія нравственныя муки. Поступокъ, опять-таки, по меньшей мѣрѣ, странный, безъ здоровой подкладки, какую можно было бы ожидать, судя по его связному разсказу.

Нельзя, опять-таки, не обратить вниманія на то обстоятельство, что наклонность къ кражамъ, (а кражи и составляютъ проступки Д.), очень часто проявляются у эпилептиковъ (клептоманія). Дѣйствительно, эпилептики обыкновенно не помнятъ, что было съ ними во время приступа, а Д. подробно и точно все разсказываетъ о своихъ кражахъ, но и это обстоятельство отойдетъ на задній планъ, если вспомнить, что у эпилептиковъ иногда изъ обрывка того, что было съ ними во время припадка, создается цѣлая картина смѣшаннаго разсказа о томъ, послѣ разныхъ наводящихъ вопросовъ со стороны другихъ лицъ, и пр., такъ что они вопроизводятъ все, хотя въ дѣйствительности они дѣйствовали безсознательно.

Конечно, картина болѣзни была бы полнѣе, если бы можно было доказать наслѣдственность, констатировать фактъ падучей въ болѣе грубой ея формѣ; у насъ ничего этого нѣтъ, тѣмъ не менѣе, изложенныхъ соображеній, кажется, для насъ достаточно, чтобы утверждать, что мы въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ больнымъ человѣкомъ, страдающимъ такъ называемой скрытой эпилепсіей (epilepsia larvata), которая можетъ выражаться въ теченіи долгаго времени, цѣлыхъ лѣтъ рѣдкими автоматическими дѣйствіями, а въ остальное время проявляться неровностями характера, нервозностью и, повидимому, здравымъ разсудкомъ.

И такъ, наше мнѣніе—Д. совершилъ кражи въ состояніи безсознательномъ, автоматическомъ, а потому подлежитъ не карѣ закона, а тщательному леченію въ соотвѣтственной обстановкѣ».

И такъ оба, врача сошлись въ томъ, что преступленія совершены Д. въ состояніи безсознательномъ, автоматичномъ, при отсутствіи сознанія, или отуманенія его. Одинъ призналъ у Д. психическую эпилепсію petit mal, другой скрытую эпилепсію (epilepsia larvata).

При оцѣнкѣ мнѣнія врачей, необходимо остановиться на трехъ вопросахъ: во первыхъ: одержимъ ли Д. болѣзнями, усмотрѣнными врачами и въ чемъ эти болѣзни состоятъ; во вторыхъ: находятся ли преступленія, совершенныя Д., въ какомъ либо соотношеніи съ болѣзнями, которыя констатировали у него врачи, и въ третьихъ: могутъ ли вообще эти болѣзни влечь за собой невмѣняемость?

Прежде всего, необходимо замѣтить, что эпилепсія petit mal, констатированная первымъ экспертомъ не психическая, а соматическая; въ этомъ отношеніи, я позволю себѣ сослаться на авторитетъ проф. П. Ковалевскаго (психіатрія, курсъ 1885, 300—347); выражается она именно такъ, какъ и было замѣчено у Д., т. е. моментальнымъ головокруженіемъ, забвеніемъ на минуту; безъ всякихъ тяжелыхъ признаковъ, судорогъ и т. д., которыя наблюдаются при grand mal; какъ на примѣръ подобной болѣзни указываютъ на одного президента французскаго суда, прекрасно исполнявшаго свои обязанности, который, во время засѣданія выходилъ въ сосѣднюю комнату, становился въ уголъ, и совершалъ то, что не принято совершать при такихъ условіяхъ, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращался въ залу засѣданія. Соматическая эпилепсія далеко не всегда сопровождается психической и наоборотъ; при психической эпилепсіи всегда бываетъ активное пораженіе мыслительной дѣятельности. Гдѣ же признаки такого пораженія у Д.? Сами врачи признали, что у Д., прекрасное умственное развитіе, бойкое, по ихъ мнѣнію, перо и т. д. Гдѣ затѣмъ, у Д. признаки той epilepsia larvata, которую констатировалъ

второй экспертъ; это скрытая эпилепсія почти уподобляется нравственному помѣшательству (moral insanity). Экспертъ видитъ признаки этой скрытой эпилепсіи въ противорѣчіяхъ, замѣченныхъ имъ въ характерѣ Д.; въ несоотвѣтствіи будто бы его образа дѣйствій намѣченнымъ цѣлямъ. Противорѣчія, несообразности въ характерѣ Д. несомнѣнно имѣются, но они объясняются не какими либо физическими или психическими причинами, а условіями его воспитанія, бытовыми условіями. Не надо забывать, что онъ, все же, сынъ подполковника, кончилъ городское училище, читалъ слѣдовательно, навѣрно, романы, набрался фразъ (я могъ бы привести въ подтвержденіе написанное имъ мнѣ длинное письмо).—Это съ одной стороны; съ другой стороны, первая кража совершена имъ еще въ дѣтствѣ, по указаніямъ матери; съ дѣтства же онъ предоставленъ самому себѣ, оставленъ въ крайней нищетѣ, доводившей его до голода; при чемъ, ни его полубарское воспитаніе, ни его крайне болѣзненный организмъ не располагали его къ физическому труду; къ этому физическому труду я позволю себѣ причислить и переписку бумагъ—представляющую несомнѣнно скорѣе физическій, чѣмъ умственный трудъ.

Мнимое несоотвѣствіе избранныхъ средствъ преднамѣреннымъ цѣлямъ есть не болѣе какъ ложь, къ которой Д. прибѣгалъ постоянно, какъ къ средству защиты. Онъ дѣйствительно достигъ своей цѣли, разжалобилъ присяжныхъ, оказавшихъ ему всевозможныя снисхожденія, о которыхъ и я самъ просилъ присяжныхъ, увѣряя ихъ, что кражи были совершены имъ: первая чтобы помочь отцу, лежавшему въ больницѣ; вторая, чтобы похоронить его и третья, чтобы самому прокормиться, такъ какъ онъ голодалъ; Д. разсказывалъ это на судѣ очень картинно со слезами на глазахъ, а между тѣмъ это была ложь; онъ долженъ былъ самъ признать, что отца помѣстилъ въ мѣстную больницу предводитель дворянства даромъ, что тотъ же предводитель собралъ между военными деньги на похороны, что онъ же предводитель предлагалъ ему занятія по перепискѣ бумагъ. Насколько Д. сознательно прибѣгалъ ко лжи, какъ къ средству защиты, видно изъ того, что, желая избавиться отъ наказанія и добиться признанія невмѣняемымъ, Д. взвелъ на себя обвиненіе въ двухъ поджогахъ и самъ буквально говорилъ, что онъ невмѣняемъ, но оказалось, что оба указанные Д. случая были просто пожары, а не поджоги. Д. ихъ не совершалъ и не могъ совершать, въ чемъ онъ и самъ сознался; взводя на себя эти обвиненія, онъ добавлялъ, что его влекла какая то необъяснимая сила.

Такимъ образомъ, мы позволимъ себѣ сказать, что Д. распущенная нравственная натура; что эта нравственная распущенность выросла у него

на почвѣ какъ физической слабости организма, такъ и, главнымъ образомъ, тѣхъ пагубныхъ условій внѣшнихъ, бытовыхъ, въ которыхъ ему пришлось развиваться, что въ настоящее время изъ него выработался безнравственный и преступный человѣкъ, характеръ; но этотъ характеръ его вовсе не опредѣляется тѣмъ соматическимъ petit mal, которымъ онъ страдаетъ, это т. с. accidentalia, а не essentialia его характера.

На второй вопросъ о томъ: соотвѣтствуютъ ли, сколько нибудь, преступныя дѣянія Д. характеру его болѣзни, считая эту болѣзнь эпилепсіей въ какой угодно формѣ—мнѣ кажется, можно отвѣтить только отрицательно. Въ этомъ отношеніи, съ почтенными врачами не согласится ни одинъ изъ авторитетовъ психіатріи. Если вообще можно говорить о характерѣ преступныхъ дѣяній душевно больныхъ, какъ это дѣлаетъ г. Хрулевъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, то болѣзни эпилепсіи (80—104) соотвѣтствуютъ преступленія насильственныя, немотивированныя, такія, въ которыхъ разряжается, т. с., наружная, или внутренняя, скрытая эпилепсія, эпилептическая припадочная натура, причемъ во время совершенія преступленія, какъ во время припадка, умъ совершенно помрачается; къ такимъ преступленіямъ могутъ быть причислены поджоги, убійства, въ которыхъ дѣйствіе коротко и несложно, аффектъ наступаетъ немедленно; такія преступленія совершаются эпилептиками съ безграничной и безсмысленной жестокостью; но можно ли сказать, какъ сдѣлали это врачи, что тѣ кражи, въ которыхъ обвинялся Д., и для совершенія которыхъ надо было столько обдуманности, столько многоразличныхъ и продолжительныхъ дѣйствій, совершены Д. автоматично, въ безсознательномъ состояніи? Утверждать это—было произвольно, такъ какъ такое утвержденіе совершенно противорѣчило бы обстоятельствамъ дѣла.

Мы не отрицаемъ, что эпилептики могутъ совершать кражи, но въ свѣтлые промежутки, въ здоровомъ состояніи; а, въ такомъ случаѣ, какія же имѣются основанія говорить о невмѣняемости? Цитированный уже нами проф. Ковалевскій признаетъ, что о невмѣняемости эпилептиковъ въ свѣтлые промежутки не можетъ быть и рѣчи. Намъ кажется, что вообще рисковано говорить о невмѣняемости, когда эпилепсія проявляется въ такой слабой формѣ, какъ у Д. Не надо же забывать, что наука причисляетъ большинство великихъ людей, Цезаря, Наполеона, Достоевскаго и т. д. къ эпилептикамъ; если мы заговоримъ и о ихъ невмѣняемости, тогда настанетъ конецъ и экспертизѣ и правосудію.

Въ дополненіе къ приведеннымъ примѣрамъ, позволю себѣ привести два образчика, т. е. литературной экспертизы.

Докторъ Я. А. Боткинъ, въ сочиненіи «Преступный аффектъ, какъ

условіе невмѣняемости, анализъ преступленій Отелло и Позднышева 1893», изложилъ свои заключенія, какъ бы, по его мнѣнію, отнеслась экспертиза къ состоянію умственныхъ способностей Отелло и Позднышева, если бы послѣдніе предстали на ея судъ. Почтенный авторъ признаетъ обоихъ, и Отелло и Позднышева, дѣйствовавшими въ состояніи невмѣняемости, перваго какъ эпилептика и второго, какъ дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ аффекта. Основаніемъ для такихъ выводовъ служатъ автору указанія Шекспира и Толстого на физическія ощущенія ихъ героевъ, на то, что у нихъ сжималось сердце при видѣ ненавистныхъ и въ то же время неповинныхъ людей, на борьбу разсудка съ чувствомъ, на постепенный ростъ чувства, которое подсказываетъ уму все тѣ же представленія, созданныя воображеніемъ. «Преступный аффектъ составляетъ такое сильное чувство, (говоритъ авторъ, стр. 18), которое, прерывая обычное теченіе представленій, превращаетъ его въ непроизвольное теченіе однородныхъ представленій, съ характеромъ насильственности, гармонирующимъ съ господствующимъ чувствомъ, вслѣдствіе чего уничтожаются какъ свобода выбора такъ и всякая произвольная дѣятельность. Неизбѣжно, роковымъ образомъ, выражаясь внѣшними, бурными движеніями, проступный аффектъ сопровождается временнымъ, большимъ или меньшимъ, истощеніемъ психическихъ и физическихъ силъ». У Позднышева весь этотъ аффектъ былъ въ чистомъ видѣ, у Отелло получился какъ припадокъ эпилепсіи, которой онъ, будто бы, страдалъ.

Брошюра доктора А. Я. Боткина представляетъ собой прекрасный образчикъ современной экспертизы и тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ гг. эксперты, говоря о самыхъ обычныхъ житейскихъ явленіяхъ, какъ біеніи сердца, стѣсненіи сердца—явленіи, повторяющемся при всякомъ проявленіи чувства—о явленіяхъ вполнѣ естественныхъ, сопровождающихъ совершеніе преступленія: о волненіи, и возбужденіи передъ совершеніемъ преступленія, объ утомленіи послѣ совершенія; во всѣхъ этихъ явленіяхъ они видятъ признаки какого-то мнимаго, патологическаго состоянія, которое устраняетъ возможность вмѣненія. Но вѣдь преступленье — явленье не нормальное, т. е. не обычное, не привычное, въ жизни людей и если въ этомъ смыслѣ говорить, что всякое дѣйствіе человѣка, направленное къ совершенію преступленія, нормально—то съ авторомъ можно согласится. Но нельзя говорить какъ о какомъ-то, будто бы научно установленномъ, патологическомъ процессѣ о томъ, какъ мысль о невѣрности жены все возвращается, все больше раздражаетъ и наконецъ побуждаетъ человѣка къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Это нормальный ростъ чувства, нормальный ходъ мыслей. Проф. Чижъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи го-

воритъ (стр. 67): «большинство преступленій совершается въ состояніи аффекта, только закоренѣлые преступники совершенно спокойно совершаютъ преступленія». Почти то же самое говоритъ и Хрулевъ (н. з., стр. 175 и 179); онъ опредѣляетъ «аффектъ, какъ состояніе душевнаго волненія, вызваннаго чувственнымъ представленіемъ» и заключаетъ «что люди предрасположенные къ аффектамъ—неизвлѣчимые душевнобольные, а не предрасположенные—нравственно распущенные, а границу между этими двумя категоріями все же долженъ проводить судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ».

Еще удивительнѣе, чѣмъ брошюра доктора Боткина, въ смыслѣ крайней произвольности сужденій и полнаго несогласія таковыхъ съ положеніями, высказанными самимъ же авторомъ въ курсѣ психіатріи, представляется сочиненіе проф. П. И. Ковалевскаго «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе», Харьковъ 1893 г.; профессоръ называетъ Іоанна Грознаго и неврастеникомъ и параноикомъ, и доказательства усматриваетъ въ томъ, что онъ былъ всегда подъ чьимъ нибудь вліяніемъ и крайне неустойчивъ (однако 13 лѣтъ сохранялось вліяніе Адашева и Сильверста) и, главнымъ образомъ, въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя онъ совершалъ. Самъ профессоръ, въ то же время (стр. 189) долженъ признать, что «такія условія жизни, въ первые годы дѣтства, должны были породить въ Іоаннѣ замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость къ окружающимъ и неудовлетворительность, и даже нѣкоторую степень недовольства и озлобленія».

Неужели можно говорить о подобной наслѣдственности: «Изъ предыдущаго короткаго упоминанія о предкахъ Іоанна Грознаго мы видимъ, что прадѣдъ его Василій Темный и отецъ Василій Іоанновичъ не отличались особымъ умомъ и дарованіемъ; бабка же Софія Палеологъ, внесла въ семью Рюриковичей достаточно выраженную склонность къ нервнымъ и душевнымъ заболѣваніямъ—все это не могло не отразиться, по закону наслѣдственности, на потомкахъ этого рода» (стр. 59). Что это? отсутствіе особыхъ дарованій у прадѣда; но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же умалчивать о дарованіяхъ дѣда Іоанна III; Софія Палеологъ была не лично больна, а была въ свою очередь лишь представительницею больного рода. Но какая надобность объяснять жестокости Іоанна его ненормальностью, наслѣдственными качествами, когда самъ же авторъ (стр. 61) говоритъ: «съ этого возраста (4 л.) несчастный царь начинаетъ жить среди ужасовъ убійства, казней, кровопролитій, пытокъ и истязаній».

Что же эти бояре, а позднѣе опричники, исполнители воли Грознаго, многое добавлявшіе отъ себя, были тоже параноики, ихъ было около 6000 (опричниковъ)?

Профиссоръ забылъ, повидимому, не только объ особенныхъ условіяхъ, въ которыхъ прошло дѣтство Іоанна, но и о томъ, что Іоаннъ Грозный не современный человѣкъ, а человѣкъ 16-го столѣтія и при томъ до—Петровской Руси; что если раскрыть книгу исторіи на этомъ столѣтіи, если вспомнить, что въ другихъ государствахъ Европы, во время Іоанна, происходила Варѳоломеевская ночь, инквизиція, царствовалъ Филиппъ II Испанскій, то дѣянія, которыми прославился Іоаннъ, окажутся не единственными въ своемъ родѣ, во всякомъ случаѣ дѣянія эти будутъ отличаться отъ дѣяній современниковъ Іоанна, не качественно, а развѣ количественно, а вопросъ о количествѣ, числѣ дѣяній, одного и того же характера, едва-ли уже можетъ служить основаніемъ для разграниченія психически здороваго отъ психически больнаго человѣка. Быть можетъ, намъ возразятъ, что мотивъ не тотъ, что у Іоанна будто-бы разумнаго мотива не было; но и это невѣрно; борьба съ боярами имѣла повидимому, глубокія основанія; если вспомнить изслѣдованія В. И. Сергѣевича о земскихъ сборахъ на Руси и о томъ какъ они перевелись на Руси, благодаря тому, что бояре сплотились и отдѣлили Царя отъ народа.

Если извѣстный психіатръ, профессоръ позволяетъ себѣ такія вольности въ заключеніяхъ о душевномъ состояніи, и при томъ не какого либо неизвѣстнаго человѣка, вѣрность сужденій о которомъ и провѣрять другимъ лицамъ нѣтъ возможности, а о лицѣ историческомъ, о которомъ много писали, и жизнеописанія котораго изучаются еще въ школѣ, то чего же мы можемъ ожидать отъ другихъ, менѣе неизвѣстныхъ экспертовъ и въ менѣе извѣстныхъ случаяхъ?

Изложенныя выше мнѣнія солидныхъ представителей науки и представленные образцы дѣятельности экспертовъ приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Мы видѣли, что настоящіе представители медицины, какъ науки, проникнуты сознаніемъ неполноты и неточности медицины въ тѣхъ именно отрасляхъ, которыя соприкасаются съ судебнымъ дѣломъ, въ особенности крайней невыработанности еще психіатріи и психопатологіи столь важныхъ, въ особенности, при обсужденіи вопросовъ о вмѣняемости.

Горячій поклонникъ экспертизы на судѣ, желающій ей предоставить права равныя съ правомъ судей, проф. Л. Владиміровъ, въ своемъ ученіи объ уголовныхъ доказательствахъ 1886 г. (стр. 49), тѣмъ не менѣе, приводитъ слова Эстерлена: «что въ медицинѣ, какъ ни въ одной другой наукѣ, очень мало несомнѣнныхъ истинъ». Тотъ же проф. Владиміровъ, въ томъ же сочиненіи (стр. 46) замѣчаетъ: «что медицинское наблюденіе даетъ, за необходимыми конечно исключеніями, только мнѣніе, но не

факты... медикъ приступаетъ къ изслѣдованію съ опредѣленной цѣлью разъяснить извѣстное явленіе. Коль скоро изслѣдованіе имѣетъ опредѣленную цѣль, оно уже не можетъ быть такимъ объективнымъ, какъ наблюденіе»...

Возникновеніе простѣйшаго ощущенія, по убѣжденію величайшаго физіолога нашего времени du Bois Reymond'a, составляетъ неразрѣшимую загадку. (Du Bois Reymond Uber d. Grenzen d. Naturalwissensch Kenntnisses цит. у В. Чижа лекціи стр. 33).

Я думаю, что не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что, при такихъ взглядахъ, на современное состояніе науки медицины, настоящіе, дѣйствительные представители этой науки, никоимъ образомъ не возьмутъ на себя фантастической роли, которая ей предназначается новой итальянской школой,—различенія посредствомъ мнимо-научнаго діагноза, преступныхъ типовъ людей отъ непреступныхъ, наоборотъ, намъ думается, что и при современныхъ задачахъ экспертизы, настоящіе представители науки медицины, сознавая, что врачи призываются въ судъ, исключительно какъ спеціалисты, въ виду ихъ особыхъ свѣдѣній, едва ли бы одобрили дѣйствія экспертовъ, которые не ограничиваются сообщеніемъ только тѣхъ свѣдѣній, ради которыхъ они призываются, позволяютъ себѣ, при передачѣ этихъ свѣдѣній, нарушать основное правило этой науки,—что въ медицинѣ очень мало несомнѣнныхъ истинъ—и выражаются такъ же категорично, какъ будто бы они рѣшали простѣйшую ариѳметическую задачу.

Такіе эксперты забываютъ, что экспертиза есть лишь одно изъ доказательствъ на судѣ, не больше того; что она призывается для выясненія двухъ вопросовъ: послѣдовала ли смерть, и отъ какой причины, и здоровъ ли умственно преступникъ? Будучи оставлены въ залѣ суда, эксперты выслушиваютъ все судебное вслѣдствіе и даютъ свое заключеніе по окончанія его, такъ что это заключеніе представляетъ какъ бы послѣднее, самое высшее судебное доказательство и въ то же время переходитъ уже въ область выводовъ изъ судебнаго слѣдствія, дѣлаемыхъ сторонами и предсѣдателемъ. А такъ какъ экспертиза, хотя и призывается сторонами, но заключеніе свое даетъ не съ точки зрѣнія стороны, а отъ имени непреложной, истинной науки, то каждое слово эксперта является самымъ безпристрастнымъ, объективнымъ, незаинтересованнымъ словомъ во всемъ процессѣ. Увлекаемые авторитетностью своего полоѣенія, эксперты не удерживаются на почвѣ чисто научныхъ данныхъ, распространяютъ свое заключеніе на всѣ данныя судебнаго слѣдствія; затѣмъ, сознательно или невольно, превращаютъ поставленные имъ вопросы о томъ, отъ ка-

кихъ причинъ умеръ человѣкъ, и здоровъ ли умственно преступникъ, въ вопросы о томъ, доказано ли преступленье и виновенъ ли въ немъ, въ смыслѣ вмѣняемости, преступникъ, т. е. въ тѣ общіе, широкіе вопросы, при разрѣшеніи коихъ, даваемое ими заключеніе, можетъ служить только однимъ изъ доказательствъ.

Авторитетностью своего заключенія эксперты предрѣшаютъ все дѣло, устраняютъ участье собственно суда и какъ бы устраняютъ всякую возможность другихъ доказательствъ, другой, болѣе широкой, оцѣнки.

А между тѣмъ, какъ мы видѣли, наука не даетъ экспертамъ ни права, ни средствъ, для разрѣшенія этихъ широкихъ вопросовъ; а потому ясно, что эксперты, въ дѣйствительности, оставляя всегда прочную и однообразную, неизмѣнную, почву науки и продолжая лишь говорить отъ ея имени, судятъ о дѣлѣ съ чисто личныхъ произвольныхъ точекъ зрѣніи, а эти точки зрѣнія мѣняются, если не съ каждымъ дѣломъ, то съ каждымъ экспертомъ. Едва-ли, поэтому, основательны надежды итальянской школы на то, что судебная власть, будучи вручена экспертамъ, избавится отъ тѣхъ недостатковъ, которыми она, будто бы, страдаетъ теперь въ рукахъ присяжныхъ засѣдателей, станетъ твердой, постоянной, безпристрастной. Современное ссстояніе экспертизы не оправдываетъ этихъ надеждъ; наоборотъ, представители ея забываютъ постоянно слова Ideler'a, что медицинская экспертиза не должна походить на итальянскія церкви, въ которыхъ всякій бандитъ находитъ вѣрное убѣжище (В. Чижъ I. с. стр. 120).

II.

Приступая къ оцѣнкѣ дѣятельности суда присяжныхъ, мы, прежде всего, должны задаться вопросомъ, существуетъ ли въ преступленіи и преступникѣ другая какая либо сторона, кромѣ подлежащей научному изслѣдованію; если нѣтъ, то не имѣетъ смысла передавать правосудіе въ руки случайно сошедшихся на судейскую скамью людей, въ которыхъ мы не имѣемъ основанія предполагать особыхъ научныхъ свѣдѣній.

Чтобы опредѣлить, какія познанія необходимы судьямъ, кромѣ знанія физіологическихъ процессовъ, которое представляется на судѣ экспертами—врачами, необходимо остановиться на понятіи преступленія.

Преступленье, и это признаетъ такой талантливый представитель современной уголовной школы какъ Тардъ, въ своемъ сочиненіи Criminalité comparée есть не болѣе, какъ историческая категорія; это явленіе историческое, измѣняющееся съ теченіемъ исторіи и съ измѣненіемъ обще-

ственнаго, экономическаго и нравственнаго строя общества т. е., иначе говоря, нѣтъ почти преступленья въ современномъ уголовномъ уложеніи, которое бы, во всѣ времена, считалось преступленіемъ.

Такое измѣненіе, съ теченіемъ исторіи, свидѣтельствуетъ о глубокой жизненности преступленія, о громадной связи преступленія со всѣмъ строемъ общественной жизни, о томъ, что преступленье есть явленіе соціальное; границы, отдѣляющія, какъ выше сказано, преступное отъ непреступнаго въ соціальной жизни мѣнялись, съ теченіемъ времени. Можно ли сказать, что какой либо существующій уголовный кодексъ вполнѣ передаетъ современныя ему воззрѣнія на преступное и непреступное, точно опредѣляетъ современныя ему границы преступленія. Но если даже допустить это, то можно ли сказать, что положенія уголовнаго кодекса даютъ достаточныя указанія къ тому, чтобы рѣшить вопросъ, является ли данное единичное дѣянье преступленіемъ, или нѣтъ? Нужно побывать въ залѣ суда, а главное поработать вмѣстѣ съ судомъ, чтобы оцѣнить, какое глубокое, всестороннее, знаніе жизни необходимо, чтобы провести эту границу. Правда формальная нерѣдко расходится съ правдой матеріальной; бываютъ случаи, когда формально, по закону, данное дѣяніе преступно и въ то же время, въ силу особыхъ, жизненныхъ условій даннаго случая, не можетъ быть караемо; остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Михаилъ Алексѣюкъ обвинялся въ томъ, что, будучи пріемнымъ сыномъ Александра Борткуса, присвоилъ себѣ имя и фамилію умершаго сына Александра, Михаила Александрова Борткуса, и, подъ этимъ именемъ, затѣялъ процессъ съ Борткусами, дядями умершаго и братьями его пріемнаго отца, о землѣ, и выигралъ этотъ процессъ во всѣхъ инстанціяхъ, включая и Правительствующій Сенатъ, представляя, въ подтвержденіе своихъ претензій, подложныя по содержанію удостовѣренія, отъ имени мѣстнаго волостного правленія и другихъ учрежденій, о своемъ семейномъ положеніи и своихъ правахъ на землю Борткусовъ. Вся фактическая сторона обвиненія на судебномъ слѣдствіи вполнѣ подтвердилась, т. е., и то, что обвиняемый не то лицо, за которое онъ себя выдавалъ, и то, что представленныя имъ удостовѣренія подложны. Возбуждала лишь сомнѣніе личность самого обвиняемаго. По характеру самого преступленія, и по способу совершенія таковаго, можно было бы предполагать, съ большой вѣроятностью, что обвиняемый человѣкъ весьма ловкій, безнравственный и, въ то же время, очень энергичный, послѣдовательно стремившійся къ намѣченной преступной цѣли; вмѣсто этого, на судѣ явился передъ нами придурковатый человѣкъ, все время судебнаго засѣданія улыбавшійся, и относившійся съ изумительнымъ спокойствіемъ ко всему происходившему

на судѣ и къ своей будущей, весьма печальной участи. Это спокойствіе, это равнодушіе, эта придурковатость—это безусловное несоотвѣтствіе типа человѣка совершенному имъ преступленью, настолько поразило меня, что, несмотря на то, что у Алексѣюка былъ защитникъ, и мнѣ какъ лицу прокурорскаго надзора, не приходилось особенно выяснять обстоятельства, могущія служить къ оправданію обвиняемаго, я пригласилъ къ концу судебнаго засѣданія вновь потерпѣвшихъ, двухъ добродушныхъ старичковъ и сталъ ихъ «пытать»; на вопросъ мой, кто пользуется въ настоящее время землей, о которой шелъ процессъ, старички, очень наивно, отвѣтили мнѣ, что не Алексѣюкъ, а третье лицо. При болѣе подробныхъ распросахъ, оказалось, что Алексѣюкъ ровно не при чемъ во всемъ дѣлѣ; что у старичковъ былъ процессъ съ третьимъ лицомъ, сосѣдомъ, о землѣ; это третье лицо, проигравъ процессъ, убѣдило Алексѣюка, что оно устроитъ ему, какъ пріемному сыну Борткусовъ, на что онъ имѣлъ не только нравственное, а отчасти и юридическое право, участье въ совмѣстномъ пользованіи участкомъ Борткусовъ; не сообщая ему, даже, своего плана дѣйствій, это лицо подавало отъ имени обвиняемаго бумаги, доставало удостовѣренія и, выигравъ процессъ, стало пользоваться присужденной землей, не удѣляя ничего Алексѣюку; при чемъ же Алексѣюкъ, преступникъ ли онъ или потерпѣвшій? Съ точки зрѣнія закона—онъ преступникъ: онъ называлъ себя именемъ Борткуса; онъ подписывалъ всевозможныя прошенія этимъ именемъ, а при этихъ прошеніяхъ представлялись подложныя удостовѣренія, въ этихъ прошеніяхъ упоминалось объ удостовѣреніяхъ; по закону — невѣдѣніемъ закона, непониманіемъ собственныхъ дѣйствій, оправдываться нельзя; съ точки зрѣнія жизни — онъ безусловно невмѣняемый человѣкъ; на томъ уровнѣ развитія, на которомъ онъ находился, онъ не понималъ и не могъ понять, чтобы будучи пріемнымъ сыномъ Борткусовъ, онъ не имѣлъ права называться фамиліей Борткуса, не имѣлъ бы права на совмѣстное съ семействомъ Борткусовъ пользованіе землей, онъ не понималъ преступности, или даже безнравственности своихъ дѣйствій— присяжные засѣдатели оправдали его.

Еще одинъ примѣръ. Нѣсколько крестьянъ обвинялись въ томъ, что они представили въ судъ отъ имени избитаго и израненнаго ими лица, безъ вѣдома и согласія послѣдняго, и за подложной подписью его, засвидѣтельствованное у нотаріуса прошеніе о примиреніи; судъ принялъ это прошеніе и прекратилъ дѣло, за примиреніемъ, освободивъ ихъ отъ наказанія. На слѣдствіи выяснилось, что изъ числа подававшихъ прошеніе въ контору нотаріуса являлся лишь одинъ, остальные оставались у себя, въ деревнѣ; что вмѣстѣ съ этимъ однимъ являлся односельчанинъ его, не-

заинтересованный въ дѣлѣ, который въ конторѣ нотаріуса назвалъ себя именемъ потерпѣвшаго по дѣлу о ранахъ, и заявилъ о своемъ согласіи на примиреніе; казалось бы, и законъ и жизнь вполнѣ согласны въ томъ, что, какъ являвшійся въ контору одинъ изъ подававшихъ прошеніе, такъ и оставшіеся въ деревнѣ, являются интеллектуальными виновниками; т. е. имъ принадлежала мысль совершить тотъ подлогъ, который и былъ въ дѣйствительности совершенъ въ конторѣ; они же побудили, уговорили незаинтересованнаго въ дѣлѣ крестьянина явиться подъ именемъ потерпѣвшаго; этотъ послѣдній, являвшійся подъ чужимъ именемъ, былъ физическимъ виновникомъ, исполнителемъ мысли и воли другихъ, подстрекнувшихъ его; повторяю, все казалось ясно; но въ группу обвиняемыхъ затесалась ничтожная и не имѣющая, повидимому, значенія фигура полупьянаго ходатая по чужимъ дѣламъ, писаки прошеній по кабакамъ; раіонъ его дѣйствій, тотъ городъ Вилкомиръ, куда явились изъ деревни крестьяне и гдѣ былъ совершенъ подлогъ; участье этого писаки въ дѣлѣ—очень несложное—онъ писалъ самое прошеніе о примиреніи; что можетъ быть проще; ничѣмъ по дѣлу не было доказано, что обратившихся къ нему съ просьбой написать прошеніе крестьянъ онъ зналъ до того и, слѣдовательно, принципіально, по крайней мѣрѣ, возможно было допустить, что писака-адвокатъ самъ былъ введенъ въ заблужденье; вѣдь они и ему, какъ потомъ нотаріусу, къ которому онъ съ ними потомъ являлся, могли назваться, одинъ обидчикомъ, другой примиряющимся потерпѣвшимъ, но однако, обвинительная власть позволила себѣ предположить, что писака зналъ о совершаемомъ подлогѣ при написаніи прошенія, и пристегнула его въ качествѣ одного изъ участниковъ подлога. Присяжные, глубоко знающіе жизнь, сдѣлали изъ этого писаки — центръ всего дѣла, главное дѣйствующее лицо, очагъ зла; они признали, что мысль совершенія подобнаго подлога чисто городского, а не деревенскаго происхожденія, что она зародилась лишь въ городѣ, въ мозгу писаки-адвоката, и имъ подана являвшимся къ нему за совѣтомъ крестьянамъ, а не крестьянами ему, что оставшіеся въ деревнѣ крестьяне, въ городъ не являвшіеся, и ограничившіеся выдачею явившемуся въ городъ крестьянину довѣренности отъ ихъ имени на совершеніе примиренія, не только могли не знать, но навѣрное не знали, о мысли, поданной ихъ повѣренному въ городѣ—писакой-адвокатомъ; соотвѣтственно съ этими, вложенными ими въ вердиктъ, мыслями, которыя стали мнѣ вполнѣ очевидны, при ознакомленіи съ отдѣльными положеніями вердикта, присяжные признали виновными, но заслуживающими снисхожденія двухъ крестьянъ, являвшихся въ контору, виновнымъ

*

и не заслуживающимъ снисхожденія адвоката-писаку и невиновными оставшихся въ деревнѣ крестьянъ.

Можно привести много примѣровъ такого несогласія правды формальной и правды матеріальной—несогласія, которое допустимо въ силу многихъ вѣскихъ соображеній въ области права гражданскаго, но не можетъ быть вовсе терпимо въ уголовномъ дѣлѣ, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы признать, что знаніе кодекса не исчерпываетъ еще всѣхъ тѣхъ познаній, которые необходимы въ уголовномъ дѣлѣ; кодексъ говоритъ о преступленіи, о преступникѣ вообще, какъ о лицѣ безъ плоти и крови, совершающемъ преступленіе, какъ о загадкѣ; это остовъ, скелетъ; чтобы дать ему плоть и кровь болѣе чѣмъ недостаточно экспертизы, которая говоритъ въ сущности тоже, что и законъ, о плоти вообще, на основаніи общихъ научныхъ данныхъ; все что касается даннаго человѣка, все это переходитъ въ область жизни; плоть и кровь даютъ этому скелету тотъ бытъ, та обстановка, тѣ жизненныя условія, среди которыхъ прступленье совершено. Всякое преступленье, какъ бы ни понимать это слово, есть нарушеніе обычнаго, нормальнаго строя жизни; люди заболѣваютъ, умираютъ, теряютъ имущество и т. д., такими то обычными путями, а преступленье заставляетъ ихъ терять тѣ же блага путемъ необычнымъ; отсюда ясно, какъ важно знать нормальный, обычный путь, обычный порядокъ жизни; а какъ разнообразны условія этой жизни по мѣстамъ въ обширной Россіи, какъ разнообразны эти условія по классамъ населенія, какія громадныя разнообразныя свѣдѣнія необходимы; свѣдѣнія эти совершенно недоступны коронным судьямъ, всегда людямъ пришлымъ въ томъ краѣ, гдѣ они служатъ.

Да, кодексъ даетъ намъ скелетъ; онъ говоритъ намъ: если такой то убилъ, если такой то обокралъ, а эксперты говорятъ: да, отъ такихъ ранъ и поврежденій можно умереть, но чтобы эти два полюса: преступника и потерпѣвшаго, въ каждомъ данномъ случаѣ, привести въ связь, надо скелетъ одѣть плотью, надо заполнить пространство между этими двумя полюсами жизненной обстановкой, въ которой было совершено преступленье, ибо только люди жизни, живые люди, совершаютъ преступленья.

Кто бывалъ въ залѣ суда и внимательно относился къ происходившему, тотъ, несомнѣнно, поражался, какую громадную массу познаній, чисто житейскихъ, необходимо имѣть судьямъ, для того чтобы оцѣнить собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ и выясненныя судебнымъ слѣдствіемъ улики; необходимо, напримѣръ, знать сельскій бытъ, начиная съ того, какъ устроена хата, гдѣ что хранятъ, какъ ссыпаютъ хлѣбъ, какъ обряжаютъ телѣгу и сани, какіе слѣды остаются и т. д., какъ важны

эти свѣдѣнія для оцѣнки показаній потерпѣвшихъ, для опредѣленія, дѣйствительно ли они могли опознать похищенное у нихъ и т. д.; столь же важно знать особыя условія жизни городской, жизни коммерческой и т. д. Нельзя забывать, что достаточно потерпѣвшему, или мнимо потерпѣвшему, рѣшительно заявить о совершеніи такого то преступленія, чтобы было начато слѣдствіе, опознать у лица, на которое оно указало какъ на преступника, одинъ изъ похищенныхъ предметовъ, чтобы почва для обвиненія была готова; какъ часто все слѣдствіе идетъ исключительно на показаніяхъ свидѣтелей сторонъ; одни говорятъ въ пользу обвиненія, другіе въ пользу оправданія; какъ часто свидѣтели подучены такъ хорошо, что говорятъ также гладко, складно, какъ и свидѣтели, на сторонѣ которыхъ правда, и вотъ, необходимо, найти тотъ осе локъ, на которомъ можно испробовать истинность показаній и тутъ-то присяжные засѣдатели, съ ихъ глубокими познаніями жизни повседневной, жизни крестьянской, помѣщичьей, городской, купеческой, лавочной и т. д. безусловно незамѣнимы. При подробныхъ распросахъ знающими жизнь присяжными, окажется, что одна изъ сторонъ говоритъ неправду, путается, но не логически, а такъ сказать жизненно: собираетъ хлѣбъ не туда, куда слѣдуетъ, покупаетъ или продаетъ не тогда и не тамъ, гдѣ можно, и т. д., эти мелочи исчезаютъ, пропадаютъ совершенно для людей кабинета, а, между тѣмъ, лишь благодаря имъ, удается раскрыть истину и не въ пустыхъ дѣлахъ, а въ серьезныхъ, въ убійствахъ и др.

А мотивъ преступленья—это нервъ преступленья,—какое необъятное море житейскихъ познаній необходимо имѣть для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, есть ли преступный мотивъ, или нѣтъ?

Остановимся на такомъ несложномъ простомъ преступленіи, какъ кража; законъ его опредѣляетъ какъ тайное, т. е. въ отсутствіи хозяина и не на глазахъ другихъ, похищеніе, взятіе а, между тѣмъ, необходимымъ условіемъ обвиненія въ этомъ преступленіи является доказаніе существованія опредѣленнаго мотива—корыстной цѣли; нельзя доказать существованіе корыстной цѣли, и всѣ тѣ же дѣйствія, говоря юридическимъ языкомъ, не дадутъ состава преступленія; это особенно ясно представляется на границѣ, такъ сказать, области, отмежеванной преступленію, при покушеніи. Приведу одинъ примѣръ изъ области мировой юстиціи. Мальчикъ 11 лѣтъ, служившій пастушкомъ у хозяина-крестьянина, пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ, въ праздничный день, въ мѣстечко; хозяинъ поставилъ лошадь и сани на дворъ мѣстной корчмы и приставилъ сторожить ихъ пастушка, а самъ отправился въ костелъ; на томъ-же дворѣ, той же корчмы, ставияи и другіе пріѣзжавшіе въ костелъ сани и лошадей; ря-

домъ съ санями, которыя сторожилъ мальчикъ, стояли сани помѣщика: на лошадяхъ его была сбруя съ бубенчиками, и вотъ, сидѣвшіе въ корчмѣ, изъ оконъ увидѣли, что мальчикъ поднялъ попону и сталъ развязывать сбрую съ бубенчиками; замѣтившіе это выбѣжали изъ корчмы, мальчикъ испугался, бросился бѣжать, но былъ задержанъ. Строгій судья призналъ въ дѣяніи мальчика покушеніе на кражу и присудилъ его къ тюремному заключенію на два мѣсяца; когда дѣло перешло въ съѣздъ, я просилъ судей, прежде рѣшенія дѣла, разрѣшить вопросъ о томъ, подъ вліяніемъ какого мотива дѣйствовалъ мальчикъ; что бы онъ сталъ дѣлать, если бы его не замѣтили и дали бы ему возможность докончить то, что онъ началъ, т. е. спять красивые золотые бренчащіе бубенчики, не надѣлъ ли бы онъ ихъ на спину и не сталъ ли бы бѣгать въ нихъ, наслаждаясь звономъ; въ силу какихъ соображеній можно прійдти къ убѣжденію, что, снявъ бубенчики, онъ понесъ бы ихъ, продалъ и на вырученныя деньги, хотя бы накупилъ сладостей; судьи согласились, что не доказана корыстная цѣль, присвоеніе, и оправдали мальчика.

Какъ часто, для оправданія обвиняемаго въ кражѣ, достаточно выяснить его экономическое положеніе; разъ доказано, что у обвиняемаго не могло быть мотива корысти, что онъ былъ слишкомъ обезпеченъ, чтобы желать присвоить себѣ какую либо пичтожную, мало стоющую вещь—всякое обвиненіе въ кражѣ, какъ бы оно ни было обставлено внѣшнимъ образомъ—падаетъ; въ немъ нѣтъ души преступленія. Вспоминаю еще одинъ случай изъ области моихъ заключеній на съѣздѣ мировыхъ судей. У крестьянина украли корову, нашелъ онъ ее у покупщиковъ скота въ уѣздномъ городѣ; послѣдніе утверждали, что купили корову у женщины, которую и представили на судъ; цѣлый рядъ свидѣтелей, выставленныхъ покупщиками утверждалъ, что въ ихъ присутствіи корова была куплена у представленной женщины; въ лицѣ обвиняемой, передъ нами явилась молодая, здоровая женщина, все въ ней дышало несомнѣннымъ довольствомъ и благосостояніемъ, платье, платокъ на головѣ, ботинки—все было новое, свѣжее; не говоря по русски, она изливала въ цѣлыхъ рѣчахъ на жмудскомъ языкѣ, плохо передаваемыхъ переводчикомъ, свое глубочайшее негодованіе по поводу неосновательнаго взведенія на нее такого позорнаго обвиненія; не понимая почти ничего изъ того, что говорила женщина, мы всѣ, въ равной степени, почувствовали, что что-то неладно, что есть какое то противорѣчіе, какая то неправда, которую намъ желаютъ выдать за правду; дѣйствительно, къ концу засѣданія выяснилось съ полной несомнѣнностью, что торговцы скотомъ, чтобы сложить съ себя всякую отвѣтственность, указали сознательно, недобросовѣстно на

обвиняемую, проходившую случайно въ это время мимо ихъ рядовъ, что прежде чѣмъ указать на обвиняемую, они указали на цѣлый рядъ женщинъ, очевидная невиновность которыхъ выяснилась тутъ же на мѣстѣ, до суда.

Какъ часто, даже въ несложныхъ, повидимому, случаяхъ установленіе внѣшней обстановки преступленья и заключеніе экспертизы оставляютъ судъ безъ всякаго разъясненія и все зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о мотивѣ.

Приведу примѣръ. Жвирблисъ, Валяуго и Юрасъ уѣхали вечеромъ, вмѣстѣ, на однѣхъ саняхъ, изъ уѣзднаго города Вилкомира въ деревню; на другое утро, недалеко отъ деревни, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги, былъ найденъ трупъ Жвирблиса; экспертиза дала заключеніе, что смерть Жвирблиса послѣдовала отъ нѣсколькихъ ударовъ тупымъ орудіемъ по головѣ; нанесены-ли удары однимъ, или двумя, не могло быть установлено заключеніемъ экспертовъ. Виновны ли оба ѣхавшіе вмѣстѣ съ Жвирблисомъ на однѣхъ саняхъ въ его смерти, или лишь одинъ, и тогда кто—вотъ вопросъ, который предстояло разрѣшить суду и для разрѣшенія котораго, установленіе внѣшнихъ обстоятельствъ преступленія и заключеніе экспертизы не давало достаточно матеріала; суду присяжныхъ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи другихъ данныхъ; сами обвиняемые, измѣняя не однократно свои объясненія, утверждали прежде, что вовсе не ѣхали вмѣстѣ съ убитымъ, потомъ что была драка на саняхъ и т. д.; такимъ образомъ и ихъ показанія не давали вѣрнаго матеріала для разрѣшенія вопроса, кто виноватъ?

За то выясненіе мотива дало громадные результаты. Слѣдствіемъ было выяснено, что въ тотъ день, когда всѣ трое: убитый и обвиняемые выѣхали вечеромъ изъ Вилкомира, въ деревню, на однѣхъ саняхъ, разбиралось въ Вилкомирѣ Окружнымъ Судомъ дѣло о незаконномъ сожитіи сестры убитаго, Жвирблиса, съ Валяуго. Анна Жвирблисъ предъявляла искъ къ Валяуго объ обезпеченіи ея и ребенка; свидѣтелемъ со стороны Анны Жвирблисъ выступалъ братъ ея—убитый. Окружный Судъ, оправдалъ Анну Жвирблисъ и Валяуго и отказалъ въ искѣ Аннѣ Жвирблисъ; тѣмъ не менѣе, Валяуго былъ озлобленъ и выражалъ громко свою злобу противъ Жвирблиса за его свидѣтельство; добродушный Жвирблисъ, встрѣтивъ Валяуго, послѣ суда, въ корчмѣ, подсѣлъ къ нему, просилъ помириться съ сестрой и, въ концѣ концовъ, оказался у Валяуго на саняхъ; третій, ѣхавшій на саняхъ—Юрасъ былъ свидѣтелемъ со стороны Валяуго и его пріятелемъ. Вопросъ о томъ, кто виноватъ, былъ разрѣшенъ единственнымъ возможнымъ путемъ—на основаніи соображеній о томъ, кто былъ и могъ

быть заинтересованъ въ смерти Жвирблиса, кто могъ имѣть мотивъ, побужденье убить Жвирблиса; съ несомнѣнностью это можно было сказать только про одного Валяуго, онъ былъ озлобленъ противъ Жвирблиса за его показаніе, данное въ тотъ же день на судѣ; благодаря этому показанію, съ него, Валяуго, могли присудить тяжелую для него денежную плату въ пользу Анны Жвирблисъ; какой мотивъ могъ быть у другого, Юраса: пріятельскія чувства къ Валяуго не могли его его завести такъ далеко, тѣмъ болѣе что Валяуго, несомнѣнно, могъ и самъ справиться съ Жвирблисомъ; могъ-ли быть у Юраса какой либо личный мотивъ убить, расправиться съ Жвирблисомъ, такого не было. И вотъ, судъ присяжныхъ осудилъ Валяуго и оправдалъ Юраса; такъ былъ разрѣшенъ присяжными и тотъ таинственный вопросъ, который не могла разрѣшить экспертиза: были ли нанесены удары однимъ или двумя?

Какъ часто бываютъ подобные случаи, какъ осторожно приходится присяжнымъ здѣсь извѣшивать весь скудный матеріалъ.

Если отъ этихъ несложныхъ случаевъ перейти къ сложнымъ, корыстнымъ преступленіямъ: мошенничествамъ и подлогамъ, къ сложнымъ убійствамъ путемъ отравленія, то задача выясненія и установленія мотива явится еще болѣе трудной и еще болѣе существенной, установить мотивъ—значитъ разрѣшить сложную задачу; въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ внѣшнія обстоятельства дѣла отступаютъ назадъ; мало того, тѣ изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не могли быть установлены путемъ слѣдственныхъ дѣйствій, путемъ экспертизы, открываются и выясняются при освѣщеніи этого главнаго существеннаго центра въ дѣлѣ—мотива преступленія. Самъ мотивъ опредѣляется путемъ сложнымъ—это не грубый грабежъ, не грубая и несложная кража; здѣсь дѣйствовалъ тонкій умъ человѣческій, стремившійся оставить какъ можно меньше слѣдовъ, какъ можно меньше дать возможность привести въ связь событіе съ виновникомъ его, какъ можно больше выставить это событіе естественнымъ, настоящимъ, неподдѣльнымъ; для того, чтобы совершить такое преступленіе, какъ подлогъ, преступнику надо было проявить много «злой воли», какъ говорятъ, т. е. много обдуманности, выдержанности въ достиженіи своихъ преступныхъ цѣлей, проявить вполнѣ и вложить въ дѣло цѣликомъ всю испорченную свою натуру; въ такихъ преступленіяхъ особенно ясна становится близкая связь преступнаго мотива съ типомъ преступника, какъ человѣка; первый, самый главный вопросъ, которымъ задаются присяжные: могъ ли обвиняемый совершить такое преступленіе по своимъ нравственнымъ чертамъ, по своему типу, могъ ли онъ дѣйствовать подъ вліяніемъ такого мотива; съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло, дѣйствительно ли съ человѣ-

комъ преступнымъ, опаснымъ для общества? Напрасно старая школа, представителями которой являются часто почтенные судьи, основываясь будто бы на Беккаріи, боится ужасно оглашать, напримѣръ, прежнюю судимость преступника подъ предлогомъ, что нужно судить данное дѣяніе и за данное дѣяніе, а не за прежнія дѣянія. Да, надо судить только за данное преступленіе и на основаніи того, имѣются ли улики для обвиненія въ данномъ случаѣ; да, прежняя судимость не можетъ служить единственной уликой для обвиненія при отсутствіи всякихъ другихъ уликъ; но отнять отъ прежней судимости всякое значеніе для рѣшенія настоящаго дѣла—невозможно; это стремленіе дать искуственное направленіе всему судебному дѣлу, какъ будто бы и дѣйствительно судятъ преступленіе, а не преступника, по поводу даннаго, послѣдняго совершеннаго имъ преступленія.

Присяжные ясно понимаютъ свою задачу; они прежде всего и, главнымъ образомъ, стараются выяснить, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, представляетъ ли обвиняемый опасность для общества въ будущемъ, насколько въ немъ сложился отщепенецъ, насколько онъ вышелъ и порвалъ связи съ нормальнымъ строемъ общественной жизни? Но этотъ вопросъ, вѣрно и правильно обратившій наибольшее вниманіе новой итальянской школы уголовнаго права, присяжные стараются разрѣшить и разрѣшаютъ, не на основаніи какихъ-то воображаемыхъ физическихъ наблюденій, во вкусѣ Ломброзо, а путемъ собранія наиболѣе подробныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности обвиняемаго, о внѣшнихъ, такъ сказать, проявленіяхъ его я, о жизни его среди общества, объ отношеніяхъ его къ близкимъ и чужимъ людямъ; они собираютъ матеріалъ для его біографіи, какъ бы незавидно было его жизненное призваніе: въ этомъ отношеніи они не брезгаютъ ничѣмъ, начиная съ справокъ о судимости, отзывовъ бывшаго хозяина и мѣстнаго урядника по грубымъ, простымъ дѣламъ въ родѣ кражъ, и кончая широкимъ допросомъ всѣхъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ обвиняемымъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла, слышавшихъ его сужденія о различныхъ вопросахъ жизни; все является матеріаломъ и изъ этого матеріала народная мудрость и житейская опытность, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, путемъ строгой критики, устраненія всего ненужнаго. путемъ всестороняго обсужденія многими умами различныхъ возрастовъ, темпераментовъ, положеній, образованія, взглядовъ на жизнь, строятъ прочный фундаментъ для рѣшенія по дѣлу; изъ этого матеріала присяжные засѣдатели слѣпляютъ точное изображеніе обвиняемаго, какъ человѣка; предъ вами анатомически разработанный, нравственный, типъ человѣка. И вотъ, прежде чѣмъ судить обвиняемаго за данное дѣяніе, они судятъ его, какъ

человѣка вообще, судятъ о немъ, насколько этотъ человѣкъ преступенъ вообще.

Какъ въ дѣйствительности, напримѣръ, вырабатываются типы преступниковъ, съ чего начинается; не всегда можно прослѣдить біографическое происхожденіе преступниковъ, ибо первые ихъ шаги на поприщѣ преступной дѣятельности остаются необнаруженными, и мы съ ними знакомимся въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Остановимся, напримѣръ, на біографіи обыкновеннаго вора. Обыкновенно, почти исключительно, это сынъ недостаточныхъ родителей, не имѣющій ничего своего и служащій батракомъ, работникомъ у другихъ; его положеніе очень тяжелое, очень низкое, но онъ одно изъ колесъ въ общемъ механизмѣ общественной жизни; для него не закрыта возможность улучшенія своей жизни, при случаѣ, личной ли энергіей, женитьбой и т. д. Но рано, черезчуръ рано, отданный на произволъ судьбы, лишенный необходимаго руководства въ жизни и, главное, нравственнаго, онъ не обладаетъ никакими устоями, въ немъ не выработался нравственный кодексъ, онъ, говоря словами Тарда, не достаточно воспитанъ въ духѣ общества, недостаточно съ нимъ согласованъ, но все же онъ еще не разобщенъ съ этимъ обществомъ. Но вотъ, подъ вліяніемъ вполнѣ естественнаго, общаго у всѣхъ его возраста молодыхъ людей (18—20 г.), какого бы они ни были класса, желанія покутить, онъ, не имѣя никакихъ на то средствъ, соблазняется и рѣшается воспользоваться средствами своего хозяина для этой цѣли. Это не остается тайной, жизнь каждаго человѣка въ деревнѣ происходитъ какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ, еще не обнаружена кража, а ужъ всѣ жители недоумѣваютъ, на какія это средства кутитъ батракъ и ужъ этимъ путемъ открываютъ самую кражу, которая, можетъ быть, иначе долгое время оставалась бы не открытой, такъ какъ предметы похищаемые: зерно, сало, масло и т. д не перевѣшиваются, не измѣряются, развѣ на глазъ. Часто, добрый хозяинъ, зная, что у работника нравъ хорошій, что проступокъ его случайная слабость съ его стороны, прощаетъ. Если, почьему-либо почину заявили властямъ, задѣли ту общественную машину правосудія, которая начиная съ протокола урядника и кончая приговоромъ суда, дѣйствуетъ неумолмо, послѣдовательно переходя всѣ установленные фазисы, то и тутъ, на судѣ, передъ присяжными, хозяинъ, если онъ человѣкъ добрый, и за работникомъ ничего дурного не замѣчавшій, даетъ объ немъ хорошій отзывъ и этотъ отзывъ о поведеніи производитъ громадное впечатлѣніе, онъ почти всегда влечетъ за собой оправдательный вердиктъ. Едва ли кто либо броситъ камнемъ въ институтъ присяжныхъ засѣдателей за такой вердиктъ, они вѣдь судятъ человѣка, обвиняемаго, а не преступленіе;

отзывъ хозяина удостовѣряетъ имъ, что они имѣютъ дѣло не съ преступнымъ, вреднымъ для общества человѣкомъ, а лишь единожды погрѣшившимъ по молодости лѣтъ; присяжнымъ извѣстно, что будучи оставленъ въ обществѣ онъ еще, вѣроятно, сольется съ нимъ, помилованный грѣхъ будетъ его удерживать, но если онъ попадетъ въ тюрьму и проведетъ въ ней хоть нѣсколько мѣсяцевъ безъ дѣла и среди праздныхъ и развращающихъ разговоровъ сложившихся уже преступниковъ, то уже возврата ему въ общество нѣтъ. Дѣйствительно, послѣдствія перваго обвинительнаго приговора (его обыкновенно выносятъ мировые судьи) ужасны. Этимъ приговоромъ опредѣляется вся дальнѣйшая будущность осужденнаго, весь его Laufbann, какъ говорятъ нѣмцы. Всѣ его связи, всѣ его отношенія съ обществомъ, порваны, ему не только трудно, ему почти невозможно вернуться назадъ. Онъ, какъ говоритъ простой народъ, человѣкъ «подозрѣнный», онъ, по выраженію полицейскому, «бывшій уголовный преступникъ», у котораго по поводу всякой кражи въ околоткѣ, гдѣ онъ живетъ, производятъ обыскъ, ему никто изъ хозяевъ не ввѣритъ своего имущества, а какъ же дать занятіе, не ввѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ имущества; если еще онъ ремесленникъ, работаетъ у себя дома и единственныя отношенія къ нему выражаются въ покупкѣ его произведеній, то положеніе его еще, сравнительно, лучше; но все-таки отношеній съ нимъ люди не запятнанные, безъ преступнаго прошлаго, избѣгаютъ. И какъ его не избѣгать, какъ ему довѣрять? вѣдь онъ не только разъ совершилъ кражу, проявилъ свою нечестность; онъ просидѣлъ извѣстное время въ тюрьмѣ, т. е. просидѣлъ безъ дѣла, безъ дисциплины, среди людей, изъ которыхъ многіе уже опытные преступники, дающіе своимъ товарищамъ по заключенію даровое обученіе своими разсказами о совершенныхъ ими преступленіяхъ. По выходѣ изъ тюрьмы, судившійся человѣкъ, все-таки, пробуетъ обыкновенно возвратиться на нормальный путь, ищетъ занятій, или по крайней мѣрѣ, разсказываетъ, что искалъ и, не получая ихъ, побуждаемый самой неукротимой естественной потребностью—голодомъ, обращается къ единственному, знакомому ему уже способу пріобрѣтенія средствъ—кражѣ.

Насколько ужасна пропасть, вырытая преступленіемъ между преступникомъ и обществомъ и насколько дѣйствительно безысходно положеніе преступника, выходящаго изъ тюрьмы по отбытіи наказанія, становится очевиднымъ лишь при слушаніи процессовъ о четвертыхъ, пятыхъ и т. д. кражахъ. Мнѣ не приходилось слышать ничего болѣе тяжелаго, чѣмъ объясненія такихъ обвиняемыхъ; они обыкновенно сразу сознаются въ совершенныхъ ими кражахъ, разсказываютъ о своихъ попыткахъ найдти какую

либо работу, о встрѣченныхъ ими отказахъ, о томъ, какъ ихъ мучилъ голодъ и какъ, подъ вліяніемъ голода и отказовъ въ работѣ, они вынуждены были вновь обратиться къ преступленію. Чувствуешь, что и они правы и общество право, которое ихъ не принимаетъ; трудно такимъ людямъ ввѣрить свое имущество; да и обѣщанія съ ихъ стороны исправиться не могутъ внушать особаго довѣрія. Наши тюрьмы, съ ихъ добродушной дисциплиной, вообще не могутъ устрашать, а для человѣка нѣсколько разъ судившагося онѣ представляютъ такія условія жизни, съ которыми они уже свыклись, которыя имъ не тяжелы; вѣдь кормятъ ихъ не хуже чѣмъ дома, лѣчатъ ихъ; даютъ имъ общество, а главное даютъ свободный исходъ, возможность полнаго осуществленія ихъ главной наклонности— къ бездѣлью. Эта наклонность къ бездѣлью, все больше развивается въ нихъ, по мѣрѣ пребыванія въ тюрьмѣ, и является главнымъ препятствіемъ къ возвращенію въ нормальную жизнь. Въ этомъ отношеніи, преступники имѣютъ много общаго съ представительницами проституціи; напрасно думать, что въ тѣхъ и другихъ заглохли всякія нравственныя чувства, правда, они немного привыкли уже къ позору, но уродливость своей жизни они понимаютъ, весьма часто желаютъ изъ нея вырваться; между тѣми и другими встрѣчаются весьма нерѣдко натуры открытыя, прямыя, которыхъ ложь — эта главная нравственная болѣзнь не задѣла; но они отвыкли отъ работы, отъ труда; эту привычку къ бездѣлью имъ невозможно уже побороть; въ этомъ отношеніи и тюрьма и домъ терпимости дѣйствуютъ, какъ бы намѣренно, въ одномъ направленіи; они пріучаютъ къ полной беззаботности, отсутствію иниціативы, бездѣлью: столъ всегда накрытъ, извѣстный минимумъ удобствъ всегда готовъ, только не проявляйте активной энергіи; я думаю, едва-ли кто либо усумнится, что кража—это глупѣйшее преступленіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ не требуетъ ни энергіи, ни ума, ни иниціативы; взять что плохо лежитъ, да это то же самое, что подобрать упавшій съ дерева плодъ. Въ этомъ отношеніи нападки современной школы (Гаррофало), на тюремную систему совершенно справедливы; тюрьмы совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію и мы не сомнѣваемся, что не далеко то время, когда для простыхъ воровъ онѣ будутъ замѣнены чѣмъ нибудь другимъ, какимъ либо другимъ наказаніемъ, а вѣдь кражи даютъ главный контингентъ арестантовъ. При нынѣшней системѣ: укралъ, пожалуй на готовые хлѣба, на покой; арестанты, напримѣръ, зовутъ Выборгскую (въ С.-Петербургѣ) одиночную тюрьму «Лаврой» и вотъ эта то сторона тюремныхъ порядковъ, разъ на всегда, дѣлаетъ невозможнымъ для судившихся возвращеніе къ нормальной, трудовой жизни.

Біографію вора, характеристику его, выяснить не трудно, но присяжные засѣдатели добиваются той же характеристики и въ болѣе сложныхъ дѣлахъ, въ преступленіяхъ противъ истины, обманахъ, подлогахъ и т. д.; если бы предварительное слѣдствіе было поставлено въ лучшія условія, и слѣдователи внимательнѣе относились къ своему дѣлу, то присяжные засѣдатели могли бы исполнять лучше свою задачу, но и при настоящихъ средствахъ, они, путемъ распросовъ свидѣтелей, путемъ распросовъ самихъ подсудимыхъ, стараются, на основаніи оцѣнки пріемовъ, употребленныхъ преступникомъ для совершенія преступленія, опредѣлить, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, съ профессіональнымъ-ли лжецомъ, или лжецомъ случайнымъ, явившимся орудіемъ въ рукахъ профессіональнаго лжеца, который обѣщалъ этому орудію вывести его изъ бѣды, не объясняя въ точности даже своего плана. Во всѣхъ преступленіяхъ противъ истины нельзя, какъ въ кражахъ, выяснить, когда обвиняемый впервые солгалъ; ложь и всякія при помощи ея совершаемыя преступленія гораздо болѣе тайны, чѣмъ тайное похищеніе имущества, называемое кражей, которое только тайно въ моментъ совершенія и становится явнымъ вслѣдъ за совершеніемъ; тогда какъ ложь, разъ сойдя за правду, за истину, можетъ разъ на всегда считаться истиной; но и тутъ, присяжные засѣдатели пытаются установить нравственный типъ обвиняемаго, выяснить вопросъ о томъ, способенъ ли онъ солгать? Вопросъ этотъ, въ сущности, чрезвычайно важенъ во всѣхъ дѣлахъ о подлогахъ; настолько важенъ, что даже присяжнымъ ставится два вопроса: доказано-ли что такой то документъ подложенъ и второй, виновенъ ли въ поддѣлкѣ этого документа обвиняемый? Оно и понятно; какъ сказано выше, ложь, сойдя разъ за правду, можетъ долго, если не всегда, считаться правдой, и произведеніе лжи— поддѣлка можетъ долго считаться подлинной и, какъ таковая, переходить изъ рукъ въ руки; поддѣльность такого произведенія можетъ быть обнаружена на рукахъ у вполнѣ честнаго человѣка; вспомнимъ, напримѣръ, безчисленные случаи предъявленія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ къ размѣну въ государственныя учрежденія, разумѣется незавѣдомо, людьми вполнѣ честными, всѣми нами; если одно нахожденіе похищеннаго у обвиняемаго не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для обвиненія въ кражѣ, а подчасъ даже и въ укрывательствѣ, то, тѣмъ менѣе достаточно для обвиненія въ подлогѣ, имѣніе обвиняемымъ, «держаніе» подложнаго документа. И вотъ, тутъ то, во всей силѣ, предстаетъ пріемъ употребляемый присяжными; они требуютъ для обвиненія въ подлогѣ, чтобы было доказано, что человѣкъ лжецъ вообще, что онъ лгалъ въ своей дѣятельности и ему нельзя довѣрять, что онъ человѣкъ нравственно испорченный;

грубымъ признакомъ, при скудости и недостаткахъ данныхъ нашего слѣдствія, служитъ, напримѣръ, указаніе на занятіе мелкой адвокатурой, барышничествомъ, неимѣніе опредѣленныхъ занятій. Вообще требуется характеристика человѣка, на основаніи которой можно было бы сказать, что человѣкъ этотъ способенъ совершить такое преступленіе, что человѣкъ этотъ опасенъ для общества, ибо совершенное имъ преступленіе не единичное и въ будущемъ дѣятельность его будетъ также мало заслуживать довѣрія.

Выше приведенныя соображенія ясно указываютъ насколько неважно въ подобныхъ случаяхъ заключеніе экспертовъ почерка, устанавливающихъ подложность документа и какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ установленіе нравственнаго типа человѣка, экспертиза самаго человѣка; надо доказать, что подложный документъ дѣло «рукъ» обвиняемаго, а для этого надо выяснить, какія это руки. Взгляды закона, и не нашего только, на подстрекателя, съ одной стороны и физическаго виновника, съ другой стороны, совершенно не примѣнимы къ дѣламъ о подлогахъ; подлоги весьма рѣдко совершаются тѣми лицами, интересамъ которыхъ они должны служить; но и самая мысль совершенія подлога обыкновенно принадлежитъ не имъ, а тѣмъ же физическимъ виновникамъ, которые являются профессіональными лжецами, которымъ не довѣряютъ, но къ содѣйствію которыхъ обращаются въ затруднительныхъ, безнадежныхъ случаяхъ; мы видѣли прекрасную иллюстрацію этого въ дѣлѣ о подлогѣ прошенія о примиреніи (вторая глава, стр. 41), но это вѣрно и не для одной крестьянской среды.

Въ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ по страсти, по увлеченію,—то, что принято называть теперь аффектомъ, задача присяжныхъ не менѣе трудна, а избранный ими пріемъ чрезвычайно полезенъ.

Дѣйствительно, для разрѣшенія вопроса о виновности обвиняемаго въ преступленіи по страсти, необходимо выяснить, путемъ ознакомленія съ его біографіей, путемъ характеристики его, является ли онъ человѣкомъ привыкшимъ жить жизнью нормальной, умѣвшимъ выносить терпѣливо обыкновенныя житейскія невзгоды, выпадающія на долю каждаго; необходимо выяснить, что въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, онъ обыкновенно не ставилъ своего я выше того нравственнаго порядка, который установленъ въ данномъ обществѣ для отношеній людей между собой. Наоборотъ, если выяснится, что подсудимый переходилъ законныя границы и въ случаѣ безспорно не тяжелыхъ и даже прямо мнимыхъ оскорбленій; что человѣкъ этотъ ставитъ свое личное я, свои чувства, можетъ быть и законныя, настолько высоко, что не допускаетъ какого

либо стѣсненія, а въ случаѣ если такое стѣсненіе выпадаетъ на его долю, то считаетъ себя вправѣ немедленно же, личными силами, устранять это стѣсненіе, причиняя насилія тѣмъ, которыхъ онъ считаетъ виновниками постигшаго его стѣсненія, то такой человѣкъ долженъ быть признанъ очевидно типомъ опаснымъ; это человѣкъ, не признающій тѣхъ порядковъ, которыми держится данное общество, человѣкъ разобщенный съ этимъ обществомъ, воспитанный неправильно, человѣкъ безъ необходимаго душевнаго равновѣсія, т. е. не умѣющій уравновѣшивать свои личныя стремленія съ требованіями и стѣсненіями, вызываемыми общежитіемъ. Что такіе типы существуютъ, что ихъ довольно много и ихъ необходимо охлаждать наказаніемъ—это знаетъ всякій, близко сталкивающійся съ судебнымъ дѣломъ. Едва-ли имѣется какая либо надобность искать, какъ это дѣлаетъ докторъ Боткинъ, въ вышеупомянутой брошюрѣ, относительно двухъ литературныхъ героевъ, «патологическаго аффекта» въ нѣкоемъ Аманковичѣ, судившемся въ Вилкомирѣ, кузнецѣ по ремеслу, часто выпивающемъ, который судился за цѣлый рядъ оскорбленій, ссоръ, дракъ и т. п. и наконецъ обвинялся въ Окружномъ судѣ въ томъ, что выбилъ знакомому своему глазъ только за то, что тотъ не захотѣлъ остаться у него въ домѣ и пить съ нимъ водку. Несомнѣнно, это типы уже просто буйные; наказаніе для нихъ безусловно желательно, оно научаетъ ихъ удерживаться, удерживаться хотя бы отъ спиртныхъ напитковъ—подъ вліяніемъ которыхъ они дѣлаются буйными. Какъ много еще людей, которые ставя произволъ выше всего, привыкли расправляться во всѣхъ недоразумѣніяхъ сами, считая себя лучшими судьями въ этомъ отношеніи; хотя все же ихъ значительно меньше, чѣмъ было лѣтъ тридцать тому назадъ. Реформы Александра II и спеціально, отмѣна крѣпостнаго права, введеніе новыхъ судовъ и уравненіе всѣхъ въ правахъ передъ судомъ много способствовали уменьшенію произвола. Не малую пользу принесли мировые судьи, карая всѣ многообразныя мелкія проявленья произвола въ видѣ самоуправства, мелкихъ оскорбленій, насилій, угрозъ захватовъ чужой недвижимости, порчи имущества и т. д., все это въ значительной степени перевоспитало наше общество и оно въ правѣ карать отдѣльныхъ представителей произвола не подчинившихся, или не подчиняющихся установившемуся новому строю. Присяжные строго отличаютъ обвиняемыхъ такого типа, отъ мирныхъ людей, выведенныхъ изъ терпѣнія образомъ дѣйствій потерпѣвшаго, котораго бы не снесъ и самый спокойный человѣкъ.

Въ болѣе сложныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ фактическая сторона всегда наиболѣе слабо представлена, гдѣ не можетъ быть тѣхъ грубыхъ уликъ, какъ въ кражѣ, гдѣ преступники, рискуя слишкомъ многимъ,

проявляютъ удвоенное стараніе скрыть слѣды, разрѣшеніе задачи о виновникѣ, да даже о самомъ фактѣ преступленія, имѣемъ ли мы дѣло съ убійствомъ, или самоубійствомъ (въ случаѣ симулированія послѣдняго) напримѣръ, не можетъ быть достигнуто при помощи одной группировки фактическихъ слѣдовъ, оставленныхъ преступленіемъ; только при помощи сложныхъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, приводя мысленно въ движеніе и соприкосновеніе возстановленные, путемъ составленія біографій, типы этихъ лицъ, мы можемъ достигнуть объясненія жизненной стороны даннаго дѣла, самого факта преступленія, мотива—пружины, которая приводила въ движеніе весь механизмъ, преступленья, дѣйствій этого механизма, той роли, которую играло каждое отдѣльное лицо и могло играть, по своему типу. Необходимы такимъ образомъ характеристики не одного обвиняемаго, но и потерпѣвшаго и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

Остановимся на такомъ преступленіи, какъ ложный доносъ,—преступленіи, къ сожалѣнію, весьма распространенномъ на окраинахъ Россіи. Передъ судомъ присяжныхъ недостаточно доказать, что обвиненіе было заявлено такой власти, которая могла возбудить преслѣдованіе противъ потерпѣвшаго, что обвиненіе ложное и что заявитель зналъ, что взведенное имъ обвиненіе ложно; всего этого мало, необходимо собрать матеріалъ, который бы давалъ возможность присяжнымъ засѣдателямъ уяснить себѣ вполнѣ нравственную личность какъ обвиняемаго, такъ и потерпѣвшаго; необходимъ матеріалъ для возсозданія двухъ натуръ: доносчика и потерпѣвшаго, **необходимо, чтобы типъ потерпѣвшаго** былъ безупречно чистымъ; если этого нѣтъ, если типъ потерпѣвшаго не внушаетъ къ себѣ довѣрія, если нравственная его чистота сомнительна, то дѣло пропало, обвиняемый никогда не будетъ осужденъ. Требованіе присяжныхъ безусловно разумно. Дѣйствительно, преступленье ложнаго доноса граничитъ съ заявленьемъ потерпѣвшаго, вполнѣ добросовѣстнымъ, но не вѣрнымъ; всякій, кто практически занимался судебнымъ дѣломъ, видѣлъ, такъ сказать, его источники, знаетъ, какъ начинаются дѣла, удостовѣритъ, что 30—40% процентовъ заявленій потерпѣвшихъ на слѣдствіи не подтверждаются и при томъ заявленій, которыя содержатъ въ себѣ указанія не только на фактъ преступленья, но и на заподозрѣнное лицо. Неужели мы имѣемъ основанія сомнѣваться въ добросовѣстности, честности намѣреній всѣхъ этихъ потерпѣвшихъ, ничуть; нельзя въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы потерпѣвшій былъ бы также безпристрастенъ, также остороженъ, какъ и незаинтересованный, высоко стоящій надъ дѣломъ, судья; вѣдь потерпѣвшаго обидѣли, ему нанесли ущербъ, произвели быть

можетъ въ его жизни крупное потрясеніе; все его существо, всѣ силы его души и ума направлены на то, чтобы открыть, изловить зловреднаго, преступнаго человѣка; неопытный въ раскрытіи преступленій, въ оцѣнкѣ уликъ, настроенный весь т. с. на открытіе виновника преступленья, онъ преувеличиваетъ всякую улику, преувеличиваетъ вполнѣ добросовѣстно, естественно, безсознательно; къ показаніямъ потерпѣвшихъ самъ законъ совѣтуетъ относиться осторожно, не потому, однако, чтобы они были людьми непорядочными, незаслуживающими довѣрія, а потому что они въ такомъ состояніи находятся временно, что ихъ указанія не могутъ, безусловно не могутъ, отличаться полнымъ безпристрастіемъ; не даромъ говорятъ, что никто не можетъ быть въ своемъ дѣлѣ судьей. Особенно часто, и тоже вполнѣ естественно, такія обвиненія направляются на людей, судившихся за преступленіе, или просто пользующихся дурной славой и въ то же время, по мѣсту своего жительства, неподалеку отъ потерпѣвшаго, имѣвшихъ возможность совершить преступленье. Такое подозрѣніе, даже при отсутствіи какихъ бы то ни было уликъ, такъ естественно, хоть можетъ быть и не логично, что органы полиціи, напримѣръ, прежде всего, въ случаяхъ кражъ и т. п. преступленій производятъ немедленно обыски у такихъ подозрительныхъ лицъ, не выжидая выясненія уликъ.

Да не подумаетъ читатель, что это только русская полиція производитъ подобные обыски; англійская полиція имѣетъ право, по закону, производить обыски, безъ всякаго судейскаго разрѣшенія, не только въ квартирѣ лицъ судившихся, но даже и въ такихъ квартирахъ, гдѣ такія лица прежде жили и гдѣ теперь живутъ люди вполнѣ порядочные, не имѣющіе ничего общаго съ бывшими жильцами (P. Liepmann. Das Vorferfahren im englischen Strafprocesse Zeisch. f. d. ges. Strafwiss. Wien 1886 4—5 Heft.). Тѣмъ болѣе простительно подобное подозрѣніе въ устахъ лица, являющагося т. с. случайнымъ, быть можетъ, единственный разъ въ жизни потерпѣвшимъ, поэтому, одно отсутствіе какихъ бы то ни было уликъ, не даетъ еще права заподозрѣвать добровѣстность доносчика—заявителя, а не того лица, на которое взведено обвиненіе.

Необходимо, чтобы это послѣднее пользовалось репутаціей безусловно честнаго, нравственнаго, человѣка, стоящаго внѣ всякихъ подозрѣній и чтобы эта репутація была такъ твердо установлена, что нельзя было бы допустить у потерпѣвшаго добросовѣстное возникновеніе подозрѣнія, безъ всякихъ при томъ уликъ. А для того чтобы судить, дѣйствительно ли тотъ, на кого сдѣланъ доносъ, такой безупречно честный человѣкъ, что добросовѣстно заподозрить его въ чемъ нибудь нечестномъ, а тѣмъ болѣе преступномъ, нельзя, необходима подробная біографія, подробная характе-

ристика его, такая, которая содержала бы не внѣшніе факты изъ его жизни, а подробную, до мелочей, характеристику нравственной личности его. Если выяснится, что тотъ, на кого сдѣланъ доносъ, стоитъ высоко въ нравственномъ отношеніи, что такимъ безупречно нравственнымъ человѣкомъ считаютъ его всѣ въ той округѣ, гдѣ онъ живетъ, тогда, только тогда, заявленье доносчика, ничѣмъ не подкрѣпленное, должно необходимо возбудить сомнѣніе по существу, а вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣніе въ томъ, чтобы была возможна ошибка съ его стороны добросовѣстная; невольно начинаютъ искать какой либо другой мотивъ въ дѣйствіяхъ доносчика, кромѣ желанія раскрыть проступленье, если таковое и имѣло мѣсто; при такихъ условіяхъ выясненіе существованія дурныхъ отношеній между доносчикомъ и потерпѣвшимъ становится уже громадной уликой.

Такимъ образомъ, въ дѣлахъ по обвиненію въ ложномъ доносѣ, согласно съ взглядами присяжныхъ засѣдателей, весь центръ тяжести въ сопоставленіи двухъ личностей: доносчика и потерпѣвшаго отъ доноса; кому изъ нихъ вѣрить? Нельзя не отдать справедливости присяжнымъ, что они глубоко жизненно, вѣрно, понимаютъ преступленье ложнаго доноса.

Тоже сопоставленіе характеристикъ двухъ личностей—потерпѣвшаго и обвиняемаго—является необходимымъ условіемъ для обвиненія, по мнѣнію присяжныхъ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ преступленій; особенно вѣрно и правильно такое требованіе присяжныхъ въ дѣлахъ о такъ называемомъ открытомъ похищеніи имущества: грабежахъ и разбояхъ.

Дѣйствительно, открытыя похищенія имущества, большей частью, если не всегда, совершаются, разумѣется, безъ свидѣтелей, гдѣ либо въ уединенномъ мѣстѣ, на проѣзжей дорогѣ, ночью; не оставляютъ эти преступленія и тѣхъ рѣзкихъ вещественныхъ уликъ—поличнаго, которое имѣется при кражахъ; при грабежахъ и разбойныхъ нападеніяхъ, большей частью, похищаютъ то, что у потерпѣвшаго съ собой и, главнымъ образомъ, деньги, которыя разумѣется потерпѣвшій потомъ не въ состояніи опознать; на кредитныхъ билетахъ примѣтъ нѣтъ; при устраненіи, такимъ образомъ, показаній свидѣтелей и поличнаго, остается одна, единственная, улика—показаніе потерпѣвшаго о томъ, при какихъ условіяхъ было совершено на него нападеніе и кѣмъ; это послѣднее—опознаніе потерпѣвшимъ нападавшаго—есть главная и единственная улика; самый фактъ нападенія остается всецѣло на совѣсти потерпѣвшаго—свидѣтелей, какъ мы говорили, не бываетъ и потерпѣвшій всегда одинъ; никакихъ фактическихъ доказательствъ, въ подтвержденіе взведеннаго обвиненія, нѣтъ надобности представлять; ихъ можетъ не быть, или они могутъ не имѣть никакого значенія, какъ, напримѣръ, раны; ихъ можно получить и въ обыкновенной дракѣ; такимъ

образомъ, единственнымъ основаніемъ для обвиненія остается показаніе потерпѣвшаго: «я былъ ограбленъ такимъ-то, никакихъ доказательствъ, кромѣ моего заявленія, нѣтъ, вѣрьте мнѣ и на основаніи этого заявленія человѣка посылайте въ каторгу».

Какое громадное довѣріе надо имѣть къ потерпѣвшему, чтобы на основаніи одного его заявленія послать другаго человѣка, котораго онъ обвиняетъ, на каторгу! Не оказывать этого довѣрія нельзя, вѣдь иначе большая часть грабежей и разбоевъ останется безнаказанной—а преступленья эти черезчуръ опасны, чтобы оставить хоть одинъ случай ненаказаннымъ. Но если наказывать надо, то, прежде чѣмъ наказывать, необходимо удостовѣриться не только въ томъ, что потерпѣвшій не ошибается—это такъ сказать повѣрка показанія внѣшне логическая — но что онъ говоритъ правду. Кто можетъ замѣнить въ этомъ присяжныхъ, съ ихъ глубокимъ и разностороннимъ вниманіемъ ко всякой мелочи, общему виду потерпѣвшаго, его взглядамъ, выраженію его лица, его тону, характеру его показаній и т. д., какой статистическій отчетъ, фотографія и фонографъ могутъ передать все, что было необходимо выяснить, уловить на лету, для опредѣленія личности потерпѣвшаго, выясненія такого всесторонняго, чтобы можно было рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли ему оказать то громадное довѣріе, которое необходимо для рѣшенія дѣла; если въ средніе вѣка пытали обвиняемаго, то въ наше время пытаютъ потерпѣвшаго; и лучше и, вѣрнѣе другихъ, дѣлаютъ это несомнѣнно присяжные засѣдатели. Они, по самому составу своему, представляющему полное разнообразіе возрастовъ, положеній, степени образованія, занятій, по числу своему, наконецъ по громаднымъ познаніямъ жизни и быта и чисто жизненной, бытовой точкѣ зрѣнія на дѣло, наиболѣе способны отнестись разносторонне, со всей громадной житейской опытностью, къ вопросу о выясненіи личности потерпѣвшаго.

Но допустимъ, вопросъ о личности потерпѣвшаго выясненъ; да, онъ представляетъ собой личность заслуживающую полнаго довѣрія; но не ошибается ли онъ; ошибка такъ возможна: испугъ, неожиданность нападенія, ночное время, наконецъ та наклонность, естественная у всякаго потерпѣвшаго, къ преувеличенію, о которой мы говорили выше! При такихъ условіяхъ, для разрѣшенія этого, не менѣе существеннаго, вопроса о томъ, не ошибается ли потерпѣвшій, указывая именно на обвиняемаго, является необходимость въ неменѣе подробной, жизненной характеристикѣ обвиняемаго; несомнѣнно, что нельзя же всякаго, какого угодно человѣка, представить себѣ съ ломомъ въ рукахъ, нападающимъ на большой дорогѣ; въ жизни такого грабителя были несомнѣнно какіе нибудь прецеденты,

которые его характеризуютъ и даютъ этимъ возможность повѣрить потерпѣвшему, даютъ увѣренность, что обвиняемый способенъ совершить грабежъ; безъ такой увѣренности страшно основаться вполнѣ и исключительно на одномъ показаніи и опознаніи потерпѣвшаго.

Чѣмъ сложнѣе преступленіе, тѣмъ сложнѣе становятся характеристики дѣйствующихъ лицъ, является необходимость въ характеристикѣ все большаго числа лицъ; недостаточно уже характеристикъ потерпѣвшаго и обвиняемаго, необходимы характеристики цѣлаго ряда дѣйствующихъ лицъ; являются, употребляя выраженія закона, физическіе и интеллектуальные виновники, подстрекатели, пособники, соучастники, укрыватели; съ точки зрѣнія теоріи и школьныхъ примѣровъ, роль каждаго опредѣляется очень просто: одинъ задумалъ преступленье, другой привелъ въ исполненіе, третій сторожилъ, четвертый принесъ необходимыя орудія, пятый укрывалъ, т. е. давалъ пріютъ преступнику, укрывалъ слѣды преступленія и т. д. Все это, повидимому, очень просто, но только въ теоріи; не надо забывать, какъ дѣлаютъ въ школьныхъ примѣрахъ, что все дѣло происходитъ въ живой жизни, что для того чтобы могла осуществиться такая сложная группировка многихъ лицъ, какая, большей частью, требуется для совершенія сложнаго преступленія, всѣ дѣйствующія лица должны быть связаны, если не одной общей цѣлью, то хоть въ отдѣльности, другъ съ другомъ; что именно общая идея бываетъ рѣдко, развѣ въ преступленіяхъ политическихъ, а въ обыкновенныхъ, каждое дѣйствующее лицо входитъ въ общую группировку въ силу какого либо ему одному присущаго интереса, цѣли; что, поэтому, для того чтобы распутать сложное преступленье необходимы громадныя всесторонніе жизненныя познанія, необходимо стать исключительно на точку зрѣнія жизненной логики, какъ это дѣлаютъ, и могутъ дѣлать, только присяжные засѣдатели; что за тѣмъ, прежде чѣмъ разъяснить общую группировку, необходимы характеристики каждаго члена группировки въ отдѣльности, подробныя, жизненныя, чтобы именно можно было точно опредѣлить, какую роль по самому типу своему, по своимъ внутреннимъ качествамъ, по своимъ интересамъ и цѣлямъ, могло играть каждое изъ дѣйствующихъ лицъ; только тогда, когда опредѣленъ точно рисунокъ каждаго кубика, въ отдѣльности, станетъ ясно, куда его поставить, чтобы составилась общая картина и въ этой картинѣ былъ смыслъ; не даромъ всѣ, самые выдающіеся, литературные таланты всегда считали изображеніе драмы—преступленія самымъ лучшимъ изображеніемъ жизни, а самое преступленіе наиболѣе глубоко раскрывающимъ человѣческую природу, вызывающимъ наиболѣе сильное напряженіе всѣхъ жизненныхъ силъ и потому именно заставляющимъ каждое дѣйствующее лицо

наиболѣе ярко проявлять особенныя, отличительныя черты своей натуры, скрытыя въ обыденной жизни. Такимъ образомъ, задача суда и въ особенности сторонъ, удовлетворить законному и высоко разумному требованію присяжныхъ выяснить передъ ними типы дѣйствующихъ лицъ, дать нравственныя, жизненныя характеристики этихъ лицъ.

Всѣ лучшіе представители обвиненія и защиты въ Россіи понимали въ этомъ именно смыслѣ свою задачу. Если остановиться на блестящемъ представителѣ этого направленія въ русскомъ судебномъ дѣлѣ, А. Ѳ. Кони, то мы замѣтимъ, что его рѣчи — рядъ характеристикъ; эти рѣчи вкладъ въ русскую литературу, онѣ дали намъ цѣлый рядъ блестящихъ литературныхъ характеристикъ русскихъ преступниковъ нашего времени и тѣмъ самымъ, говоря общее, рядъ русскихъ типовъ; такое художественное возсозданіе и изображеніе въ словѣ, и за тѣмъ на письмѣ, есть, разумѣется, плодъ исключительнаго литературнаго таланта Кони, но самая мысль о безусловной необходимости уясненія типовъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ даннаго преступленія, хотя бы безъ возсозданія ихъ, а тѣмъ болѣе художественнаго, мысль эта въ простой и первоначальной формѣ, вполнѣ усвоена нашими присяжными и литературныя характеристики создавались Кони, не исключительно въ силу влеченія таланта къ художественнымъ воспроизведеніямъ, а и въ виду удовлетворенія потребности дѣла, въ силу стремленія присяжныхъ къ уясненію себѣ именно этихъ сторонъ въ дѣлѣ.

Самое загадочное изъ всѣхъ преступленій, о которыхъ идетъ рѣчь въ Сборникѣ Рѣчей А. Ѳ. Кони, — убійство Емельяновымъ жены. Рѣчь по этому дѣлу вся построена на характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, на полной и подробной нравственной біографіи обвиняемаго Емельянова, на точномъ выясненіи характеровъ всѣхъ трехъ, главныхъ, дѣйствующихъ лицъ; самого Емельянова—съ 16 лѣтъ предоставленнаго самому себѣ, выработавшаго поэтому въ себѣ сильный, властный характеръ, не допускавшій противорѣчій и препятствій и, въ то же время, благодаря своей службѣ, въ качествѣ баньщика, вкусившаго разврата еще въ дѣтствѣ и совершенно потерявшаго расположеніе къ семейной жизни, ищущаго въ женщинахъ веселья, бойкости, страстности; рядомъ съ нимъ двѣ женщины: спокойно флегматическая, крайне простая, безцвѣтная жена и истерическая, бойкая, страстная, развратная любовница, въ которой сохранился, гдѣ то, въ уголкѣ ея сердца, остатокъ совѣсти и которая, поэтому ли, или просто по капризу, не охотно возвращала свою любовь прежнему любовнику— Емельянову, какъ то случайно женившемуся, и тѣмъ разжигала въ Емельяновѣ все больше страсть къ ней и приводила Емельянова къ убѣжденію, что жена—препятствіе его счастью. Вотъ та жизненная канва, тѣ основы,

которыя создали и вызвали драму—преступленье; только путемъ установленія этихъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, удалось оцѣнить объясненія двухъ оставшихся въ живыхъ, наконецъ установить съ неумолимой логикой, у кого могъ собственно быть мотивъ къ совершенію преступленія, гдѣ пружина, вызвавшая преступленіе; только когда все это было выяснено, получила значеніе фактическая обстановка дѣла—безцвѣтная, мало установленная, не исключавшая возможности самоубійства, такъ какъ жена Емельянова была найдена въ рѣкѣ утонувшей, почти безъ всякихъ признаковъ насилія.

Вотъ передъ нами дѣло о подлогѣ росписки отъ имени княгини Щербатовой на сумму 35000 рублей. Фактическая обстановка крайне несложна; обвиняемый Торчаловскій предъявилъ ко взысканію роспись Щербатовой въ 35000 рублей; когда былъ заявленъ Щербатовой споръ о подлогѣ, то эксперты признали подпись на роспискѣ, имѣющую сходство съ несомнѣнными подписями Щербатовой. Что же можно было бы больше сдѣлать, на основаніи этихъ фактическихъ данныхъ:—признать росписку дѣйствительной и взыскать по этой роспискѣ. И вотъ обвинительная власть, въ лицѣ Кони, старается выяснить вопросъ, могла ли, въ дѣйствительности, быть выдана подобная росписка княгинею Щербатовой и для разрѣшенія этого вопроса даетъ блестящую, выдающуюся, характеристику оригинальнаго типа женщины—княгини Щербатовой—аристократки только по фамиліи, по происхожденію крестьянки; Щербатова—всю жизнь осталась неграмотной и съ трудомъ, механически, безсознательно, выучилась подписывать свою фамилію, до самой смерти она не умѣла читать писаннаго; пленяя своей красотой богатыхъ людей она два раза совершала выгодные браки, третьяго мужа, Щербатова, она, просто, купила, желая имѣть титулъ и тотчасъ, послѣ брака, отправила его въ долговое отдѣленіе. Составивъ себѣ сама, такъ сказать собственными силами, крупное состояніе, она была чрезвычайно скупа, черства и жестока съ окружающими, близкихъ для нея не было, заподозрить ее въ увлеченіи было бы неправильно, а тѣмъ болѣе Торчаловскимъ; недоступно ей было и чувство благодарности, къ тому же благодарить Торчаловскаго ей не было основаній. Торчаловскій, дважды, приближался къ ней, но на короткое время, меньше года; маленькій чиновникъ, не имѣвшій опредѣленныхъ средствъ, съ грубо вороватыми, несложными, пріемами, въ родѣ выстройки себѣ изъ помѣщичьяго матеріала дома, онъ въ оба раза службы у Щербатовой навлекалъ ея подозрѣнія и былъ удаляемъ.

Сопоставленіе характеристикъ этихъ двухъ личностей исключило сразу возможность добровольной выдачи Щербатовой Торчаловскому росписки на

35000 рублей, въ которой сказано было, что она, Щербатова, даритъ ему Торчаловскому эти 35000 рублей, въ благодарность за отличное управленіе ея имѣніями. Когда такимъ путемъ были устранена возможность добровольной выдачи росписки, явилась возможность обвиненія Торчаловскаго въ томъ, что онъ воспользовался единственной, въ практическомъ отношеніи, слабой стороной Щербатовой — ея безграмотностью и поднесъ ей къ подписи росписку подъ видомъ другого документа; предположеніе это нашло дѣйствительно потомъ подтвержденіе въ фактической обстановкѣ, освѣтило и придало вѣроподобность показаніямъ свидѣтелей и установленнымъ ими фактамъ, крайне ничтожнымъ, самимъ по себѣ.

Какая блестящая характеристика по дѣлу объ убійствѣ отставного рядового Бѣлова—пьяницы мужа, возвратившагося послѣ 16 лѣтней отлучки въ домъ къ женѣ, у которой эти 16 лѣтъ проживалъ нахлѣбникъ: всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ: убитаго, его жены и нахлѣбника; только благодаря этимъ характеристикамъ возможно было выяснить преступленье; ибо что же удивительнаго въ томъ, что шлявшагося по кабакамъ, немолодого человѣка, заводившаго частыя ссоры, находятъ на улицѣ мертвымъ; трудность обвиненія усиливалась еще особенно тѣмъ, что самый ученый изъ экспертовъ, профессоръ, далъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что смерть Бѣлова могла быть вызвана естественными причинами.

Въ рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Рыжова мы находимъ полныя указанія на то, чего требуютъ присяжные засѣдатели для обвиненія подсудимыхъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи аффекта. Преступленье совершено Шляхтинымъ подъ вліяніемъ благородныхъ мотивовъ, или по крайней мѣрѣ казавшихся ему таковыми, въ запальчивости и раздраженіи. Слѣдовательно преступникъ не могъ уже являться тѣмъ отщепенцемъ, которымъ является въ глазахъ присяжныхъ всякій другой преступникъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ корыстныхъ мотивовъ: низкой мести, зависти; онъ не могъ уже вызвать къ себѣ того отвращенія и презрѣнія, которое обыкновенно вызываютъ къ себѣ преступники этой категоріи; для того, чтобы признать его вреднымъ членомъ общества, нужны были другія основанія. Сознавая это, представитель обвинительной власти даетъ блестящую характеристику убійцы Рыжова — Шляхтина, который, хотя не нарушаетъ, правда, строя общественной жизни со стороны имущественной, онъ честный человѣкъ, но безусловно не признаетъ этого же строя въ смыслѣ личной свободы, неприкосновенности и чести отдѣльныхъ членовъ этого общества; который, будучи самъ судьей, не можетъ ни съ кѣмъ ужиться въ мирѣ, со всѣми въ ссорѣ, во враждѣ, всѣхъ оскорбилъ, всѣмъ досадилъ произволомъ; такимъ образомъ, совершенное имъ преступленье не случайное совпаденіе несчаст-

ныхъ обстоятельствъ, а единичное, острое, проявленье безпокойнаго, нетерпимаго въ благоустроенномъ обществѣ характера; онъ опасный, вредный членъ общества, ибо при его характерѣ онъ весьма вѣроятно, возможно, совершитъ и въ будущемъ подобное же преступленіе.

Вопросъ о вмѣняемости на судѣ присяжныхъ ставится гораздо шире, чѣмъ можетъ его поставить экспертиза психіатрическая. Жизненный опытъ указываетъ, что бываютъ такія минуты, такое сцѣпленіе внѣшнихъ обстоятельствъ, что жизнь ставитъ людей иногда въ такія положенія, которыя безусловно не по силамъ самымъ нормальнымъ, самымъ крѣпкимъ, характеромъ, людямъ; законъ самъ, отчасти, предусматриваетъ эти положенія въ статьяхъ о необходимой оборонѣ и крайней необходимости; законъ самъ признаетъ, что невозможно требовать отъ человѣка, чтобы онъ добровольно отдалъ бы врагу свою жизнь, чтобы онъ предпочелъ спасти жизнь чужую и погубить свою, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ, какъ лишаютъ жизни или чести его мать, жену, дочь, сестру; законъ самъ признаетъ, что это такія положенія, которыя невозможно перенести самому спокойному, здоровому человѣку, что у человѣческаго терпѣнія, самого стойкаго, вполнѣ нормальнаго, есть свои границы, которыя переходить безнаказанно нельзя и за которыми всякія дѣйствія человѣка, въ защиту свою и своихъ близкихъ, вполнѣ естественны и законны. Правда и тутъ законъ указываетъ предѣлы допустимой свободы; онъ даетъ полную свободу человѣку, покуда опасность не устранена и въ случаѣ если ее нельзя устранить инымъ путемъ, кромѣ, какъ путемъ личныхъ дѣйствій; все, что будетъ предпринято человѣкомъ внѣ этихъ границъ, признается уже закономъ преступнымъ и карается.

Но во всякомъ случаѣ важно, что самимъ закономъ признается, что у человѣческаго терпѣнія есть границы; нельзя, однако, не признать, что сдѣланное въ законѣ перечисленіе не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ и положеній, въ которыхъ границы человѣческаго терпѣнія могутъ быть перейдены. Нужно глубокое знаніе жизни во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и невообразимо разнообразныхъ проявленіяхъ, чтобы имѣть право признать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ именно такое положеніе. Граница въ этихъ случаяхъ не ясна, стороны, и въ особенности защита, стремятся нарушить, перейти ее. Несомнѣнно, бываютъ случаи увлеченія со стороны присяжныхъ, излишняго милосердія, но это исключенія, а въ общемъ они правы! Если они видятъ, что обвиняемый—человѣкъ спокойный, не представляетъ собой типа человѣка произвольнаго, который описанъ выше, то невольно, вполнѣ естественно, они задаютъ себѣ вопросъ, а какъ бы мы сами поступили въ такомъ же

положеніи; признавать это разсужденіе незаконнымъ будетъ едва ли правильно. Да, несчастье совершилось, и причинено рукой настоящаго, здороваго, нормальнаго, человѣка, находящагося передъ нами, но этотъ человѣкъ безусловно не опасенъ для общества, онъ былъ только поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ всякій другой поступилъ бы на его мѣстѣ также само, ибо это положеніе выше человѣческихъ силъ, ибо его не снести никому, ибо обидчикъ перешелъ всѣ границы человѣческаго терпѣнія; таковы, напримѣръ, поголовныя оправданія во всѣхъ странахъ убійцъ—мужей, заставшихъ своихъ женъ въ объятіяхъ любовника. Я весьма сомнѣваюсь, чтобы настоящіе присяжные засѣдатели оправдали Позднышева (Крейцерова Соната), но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ таковыя оправданія бываютъ, присяжные вполнѣ обходятся безъ всякихъ теорій о болѣзни «аффектъ», а разсуждаютъ вполнѣ жизненно, логично, что нельзя, въ самомъ дѣлѣ, карать за то, отъ чего ни одинъ обыкновенный, средній, человѣкъ не могъ бы воздержаться, будучи поставленъ въ подобное же положеніе; наказаніе въ такомъ случаѣ было бы нелогично, несправедливо, безцѣльно. Перечислить подобныя положенія и случаи невозможно, они совершенно индивидуальны; какъ, на примѣръ, мы можемъ указать на оправданія въ дѣлахъ о кражахъ голодными хлѣба и вообще пищи, въ дѣлахъ объ убійствахъ матерями своихъ незаконно-прижитыхъ дѣтей. Такіе приговоры считаются обыкновенно грубыми оскорбленіями нравственнаго чувства, превышеніемъ присяжными предоставленной имъ власти; въ дѣйствительности присяжные оправдываютъ, руководствуясь не произволомъ и невѣжествомъ, а логикой жизни, которая расходится съ абстрактной логикой уголовнаго кодекса и, главное, теоріи. Въ теоріи, разъ данное дѣяніе запрещено, то слѣдовательно оно и должно караться во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ; теорія разсуждаетъ путемъ силлогизма: кража вообще запрещена, данное дѣяніе есть кража, слѣдовательно она должна караться—противное было бы грубой нелогичностью со стороны теоріи. Но самъ законъ идетъ навстрѣчу жизненной логикѣ, отступая отъ абстрактной и уменьшаетъ наполовину (ст. 171 уст. о нак. и 1663 улож.) наказаніе, когда кража совершена «по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію»; а вѣдь это, несомнѣнно, нелогично съ точки зрѣнія теоріи; но логично ли, возможно ли, съ точки зрѣнія жизненной логики, карать человѣка, который, умирая съ голода, похититъ хлѣбъ съ лотка продавца, будь этотъ голодный хотя бы воръ, прежде судившійся за кражи, а тѣмъ болѣе если это человѣкъ честный, поставленный въ такое невозможное положеніе, въ которомъ всякій на его мѣстѣ поступилъ бы также само; до суда присяжныхъ такія дѣла дохо-

дятъ въ случаяхъ такъ называемыхъ дворянскихъ кражъ, весьма частыхъ въ западномъ краѣ; нельзя же, право, сказать: умри, но не укради, когда самъ законъ, въ случаяхъ состояній крайней необходимости и необходимой обороны, говоритъ: убей, но не умри.

Присяжные засѣдатели оправдываютъ, тоже, всегда матерей, убившихъ въ моментъ рожденія или вслѣдъ за рожденіемъ своихъ незаконно прижитыхъ дѣтей; оправдываютъ ихъ тоже потому, что считаютъ положеніе столь тяжелымъ, что оно не по силамъ обыкновенной, средней, не обладающей особыми душевными качествами женщинѣ, что другаго исхода изъ ея положенія она, по крайней мѣрѣ, въ моментъ рожденія не въ состояніи придумать. Не забудемъ, что обвиняемыя въ этомъ преступленіи исключительно дѣвушки (мы не говоримъ о процессахъ въ родѣ Кублицкой и т. п.—они не имѣютъ ничего общаго съ дѣлами, о которыхъ мы говоримъ теперь) самой ранней молодости, часто 15—16 лѣтъ, вполнѣ необезпеченныя, большею частью наемныя работницы, т. е. существа, вполнѣ беззащитныя, никѣмъ не руководимыя и не опекаемыя. Будучи обольщены людьми, съ которыми имъ, весьма вѣроятно, приходилось спать въ одной комнатѣ, которыми онѣ были обольщены обѣщаніемъ жениться, т. е. обѣщаніемъ осуществить вѣнецъ ихъ желаній: вывести ихъ изъ положенія батрачекъ, и которые, вскорѣ послѣ того, что онѣ забеременѣли, бросили ихъ, дѣвушки эти являются неопытными не только въ общежитейскомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ знанія признаковъ наступленія родовъ, которые захватываютъ ихъ, обыкновенно, совершенно неожиданно, врасплохъ и большей частью преждевременно, благодаря какой-нибудь неосторожности, допущенной ими или вынужденной условіями работы; роды застаютъ ихъ гдѣ-нибудь среди комнаты для рабочихъ, гдѣ онѣ варятъ пищу, среди общей спальни работницъ, среди людей, которые не помогутъ, а заклеймятъ, опозорятъ и которые еще, пока, не подозрѣваютъ ихъ беременности; въ то же время онѣ не могутъ не сознавать, что ребенокъ ихъ можетъ быть только глубоко насчастнымъ человѣкомъ въ жизни, что онѣ не въ сонтояніи будутъ его не только воспитать, но просто вскормить, такъ какъ съ рожденіемъ ребенка хозяинъ, у котораго онѣ служатъ, прогонитъ ихъ; онѣ не удобны съ своей новой обузой; такъ что имъ грозитъ не только позоръ, но и голодъ, и вотъ съ этими мыслями, желая скрыть свой позоръ, онѣ выбѣгаютъ изъ той комнаты, гдѣ ихъ застали родовыя муки на дворъ, и гдѣ-нибудь на снѣгу, прислонившись къ амбару, стоя, рожаютъ; состояніе ихъ соматическое близко къ безсознательности, которая въ большинствѣ случаевъ и наступаетъ. Положеніе ихъ дѣйствительно такъ тяжело, что оно не по ихъ молодымъ

силамъ, оно выше этихъ силъ; вѣдь, притомъ, не убить же онѣ хотятъ, онѣ хотятъ устранить то, съ чѣмъ для нихъ связанъ позоръ и голодъ, а для ребенка—голодная смерть, или горемычная жизнь. Да съ ихъ стороны и не нужно какихъ-либо активныхъ дѣйствій, ребенокъ самъ, естественно, умираетъ въ силу тяжелыхъ условій рожденія и неподачи помощи, которую едва-ли ему можетъ подать несчастная родильница; случаи активныхъ дѣйствій со стороны родильницъ очень рѣдки; это сомнѣніе, вполнѣ правильное, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: были ли активныя дѣйствія какія-либо со стороны родильницы,—тоже, весьма, способствуетъ оправданію.

Не будемъ болѣе останавливаться на примѣрахъ; принципъ, которымъ присяжные руководствуются при обсужденіи вопроса о вмѣняемости, тотъ же, котораго они держатся и вообще при обсужденіи вопроса о виновности. Принципъ этотъ—убѣжденіе, что въ данную эпоху и въ данномъ народѣ существуетъ средній человѣкъ съ средними способностями, съ среднимъ, твердо установленнымъ кодексомъ нравственныхъ правилъ, съ средними силами душевными; что общество держится именно такими средними уровновѣшенными людьми, что только тотъ человѣкъ здоровый членъ общества, который удовлетворяетъ этой мѣркѣ средняго человѣка; за то и требовать больше, чѣмъ могутъ вынести силы такого средняго человѣка, присяжные тоже находятъ невозможнымъ, отсюда и взглядъ ихъ на вопросъ о вмѣняемости.

Но не ошибаются ли присяжные засѣдатели, предполагая существованіе такого «средняго» человѣка съ среднимъ, прочно усвоеннымъ кодексомъ современной ему морали. Мы думаемъ, что присяжные безусловно правы. Въ жизни каждаго народа одна эпоха смѣняетъ другую; каждая эпоха имѣетъ свои общія черты, по которымъ можно ее отличить отъ другихъ эпохъ; эти черты проникаютъ всѣ стороны жизни народа данной эпохи, вы видите стиль, начиная съ произведеній матеріальныхъ и кончая произведеніями литературными, воззрѣніями на религію, право, нравственность, обряды и т. д.; вы можете себѣ всегда представить, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, средняго человѣка данной эпохи; его обстановку, его образъ жизни, его возрѣнія; онъ, этотъ средній человѣкъ—представитель того большинства, громаднаго большинства, которое, подчасъ даже рабски, подчиняется установленному существующему порядку, все пропитано установленными современной моралью воззрѣніями. Сами присяжные въ громадномъ большинствѣ случаевъ—такіе средніе люди. Въ этомъ отношеніи, взгляды суда присяжныхъ засѣдателей, на существованіе такого средняго человѣка раздѣляетъ, осуждающій этотъ судъ авторъ

цитированнаго уже нами сочиненія Philosophie penale Тардъ. На страницѣ 58 этого сочиненія онъ говоритъ, что «преступникъ перестаетъ походить на другихъ членовъ того же общества, разобщается съ ними Необходимо признать, что люди произвола, вообще, существенно не годятся для общенія, что распространеніе ихъ не возможно безъ вреда для общественнаго интереса; если большое общество терпитъ такіе типы, то только путемъ поглощенія и разсѣянія въ своей средѣ. Когда общее количество людей буйныхъ, алкоголиковъ, игроковъ, завистниковъ, политикановъ, мстительныхъ переходитъ за извѣстный предѣлъ, то общественная связь расшатывается, или разрушается. Такимъ образомъ, каждый общественный строй, дѣйствительно прочный, во всѣ времена и всюду вмѣщаетъ въ себѣ много людей съ убѣжденіями однообразными и немного людей произвольныхъ, гордыхъ, съ убѣжденіями не согласными съ общими взглядами; большую наклонность къ дѣйствіямъ сообща и слабую наклонность къ удовлетворенію чисто личныхъ интересовъ». Продолжая далѣе развитіе своихъ воззрѣній на преступника (стр. 82—213), начатое еще въ сочиненіи Criminalité comparée (1886 г.) Тардъ указываетъ, что человѣкъ, становясь преступникомъ, разобщается съ обществомъ его окружающимъ, пристаетъ къ другимъ, такимъ же какъ и онъ преступникамъ, ибо въ наше время совершеніе преступленій спеціализировалось въ особое ремесло, наравнѣ съ другими ремеслами; при оцѣнкѣ дѣянія обвиняемаго, важно выяснить, является ли данное дѣяніе согласнымъ съ типомъ обвиняемаго, какъ человѣка или оно, можетъ быть, расходится съ нимъ; обвиняемый разобщился съ самимъ собой, подъ вліяніемъ какой либо душевной болѣзни.

Воззрѣнія Тарда основаны на цѣлой философской системѣ, созданной имъ, о законахъ подражанія въ общественной жизни (Les lois d'imitation 1890); система эта не провѣрена еще далеко; осуждаемые же имъ присяжные всяли свою систему изъ жизни.

Но существуетъ ли эта система у присяжныхъ засѣдателей или мы ее навязываемъ имъ? Можемъ ли мы говорить вообще о принципахъ, общихъ правилахъ, въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей? Работая съ судомъ присяжныхъ нѣсколько лѣтъ, мы пришли къ глубокому убѣжденію, что въ дѣятельности присяжныхъ существуетъ несомнѣнное единообразіе; приведенные нами выше многочисленные примѣры и изъ личной практики и изъ общественныхъ процессовъ даютъ намъ право говорить о существованіи извѣстныхъ взглядовъ присяжныхъ засѣдателей на преступленье, преступника и различныя стороны судебнаго дѣла.

Самый процессъ постановленія вердикта и устройство суда присяжныхъ указываютъ на существованіе общихъ взглядовъ. Вѣдь, для того чтобы состоялся вердиктъ, необходимо не менѣе 7 голосовъ, (для обвинительнаго, для оправдательнаго 6). Судъ присяжныхъ упрекаютъ въ томъ, что онъ не обсуждаетъ дѣла, а баллотируетъ, голосуетъ только вердиктъ, но тогда, тѣмъ болѣе, удивительно такое согласіе, на чемъ нибудь должны же были согласиться эти случайно сошедшіеся люди, въ числѣ 6, 7 человѣкъ. Напрасно въ вердиктѣ присяжныхъ искать личныхъ взглядовъ одного изъ присяжныхъ, едва-ли кто либо успѣетъ такъ быстро пріобрѣсти вліяніе. Самая разносторонность состава по возрасту, положенію, образованію, ручается за то, что личные взгляды не могутъ восторжествовать. Наконецъ, мы позволимъ себѣ небольшую нескромность и скажемъ, что изъ разговоровъ съ бывшими старшинами присяжныхъ, мы пришли къ убѣжденію, что по многимъ дѣламъ присяжные, по входѣ въ совѣщательную, не желаютъ слушать разсужденій людей, желающихъ высказать свое мнѣніе и кричатъ «пиши: да виновенъ, или нѣтъ не виновенъ». Согласіе готово, заранѣе, безъ обсужденія. Какъ образовалось это согласіе, на чемъ сошлись эти люди—различныхъ экономическихъ положеній, различныхъ профессій, степени образованія, общественнаго положенія;—всѣ они люди честные, иначе и не были-бы они въ числѣ присяжныхъ; всѣ они нравственные люди, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ судѣ, гдѣ они судятъ порокъ, они несомнѣнно становятся на точку зрѣнія требованій морали, морали, разумѣется, современной, того вѣка, дѣтьми котораго они являются; но морали не абстрактной, отвлеченной, а морали, такъ сказать, житейской, жизненной, примѣнимой въ настоящее время, въ данномъ народѣ, осуществляемой большинствомъ людей и, потому самому, доступной этому большинству. Эта мораль и объединяетъ присяжныхъ, она же и служитъ основаніемъ, почвой, на которой развилось понятіе о представителѣ этого большинства—среднемъ человѣкѣ.

Требованіе, предъявленное судомъ присяжныхъ къ обвиняемому: не будь хуже большинства, та мѣрка, къ которой присяжные примѣряютъ каждаго подсудимаго—это типъ нравственнаго человѣка, какъ онъ выработался современной моралью,—это типъ несомнѣнно заурядный, какъ всякая мѣрка, но, во всякомъ случаѣ, трудно предполагать, чтобы эта мѣрка мѣнялась по каждому дѣлу; по самому существу, эта мѣрка живетъ поколѣніе и не одно, а нѣсколько, медленно и незамѣтно измѣняясь какъ сама жизнь. Эта мѣрка—это то звено, которое связываетъ временныхъ представителей правосудія, случайно сошедшихся вмѣстѣ, въ едино; эта мѣрка дѣйствуетъ не среди однихъ лишь присяжныхъ, а внѣ суда, въ жизни народа, во всѣхъ слояхъ его въ данную минуту; изъ жизни прино-

сятъ ее присяжные въ судъ и если она плоха, то виноваты въ этомъ не 12 присяжныхъ, а все общество, весь народъ, мы всѣ критикующіе судъ присяжныхъ. Во всякомъ случаѣ, едвали ли эта мѣрка такова, чтобы при ея содѣйствіи ушелъ отъ суда хоть одинъ безнравственный человѣкъ; но правда, какъ мы видѣли выше, при изложеніи взглядовъ присяжныхъ на вмѣняемость, они не требуютъ ничего больше этой мѣрки; нельзя, въ самомъ дѣлѣ карать за недостатокъ геройства, особаго гражданскаго мужества; требовать геройства нельзя, имъ можно восхищаться, если оно проявляется, какъ исключительное, рѣдкое, явленье, но требонать его нельзя, чтобы ни говорили прописная мораль и формальный законъ.

Способъ различенія присяжными здороваго отъ нездороваго члена общества несомнѣнно глубже, вѣрнѣе и осуществимѣе способа, предлагаемаго итальянской школой. Присяжные разрѣшаютъ этотъ вопросъ на основаніи всей совокупности и всего богатства явленій жизни; несомнѣнно, что нездоровье, понимаемое въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, отчасти, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, происходитъ и отъ физическихъ причинъ, иначе говоря отъ ненормальностей въ физической природѣ человѣка, а отчасти, и въ большей мѣрѣ, отъ тѣхъ условій, въ которыхъ человѣкъ выросъ, которыя способствовали его развращенію, разобщенію съ обществомъ, одичанію; во всякомъ случаѣ, изученіе физической природы преступника, если даже оно современемъ получитъ развитіе и достигнетъ какихъ либо результатовъ, которыхъ оно не достигло еще теперь, будетъ служить цѣлямъ науки, а не практическаго разграниченія здороваго отъ нездороваго, вреднаго для общества человѣка, для какихъ цѣлей оно недостаточно, односторонне.

И на наказаніе присяжные смотрятъ съ точки зрѣнія жизненной. Наказаніе, въ ихъ глазахъ, является не нравственной или религіозной карой, имѣющей цѣлью смыть оскверненіе и налагаемой безпристрастно, автоматично, только потому, что произошло извѣстное нарушеніе, а средствомъ устраненія вреднаго для общества человѣка. Оттого то они и судятъ не преступленіе, а преступника, оттого то они такъ тщательно выясняютъ его типъ, его характеръ, его поведеніе вообще, а не въ данномъ лишь отдѣльномъ случаѣ; а относительно даннаго случая, если въ особенности онъ составляетъ исключеніе изъ общаго поведенія обвиняемаго, такъ тщательно изучаютъ, не былъ ли обвиняемый поставленъ въ безысходное положеніе, не были ли къ нему предъявлены жизнью требованія, превышающія силы обыкновеннаго, средняго человѣка.

Только по выясненіи всѣхъ этихъ вопросовъ, присяжные выносятъ вердиктъ и въ словахъ: да виновенъ—они говорятъ: онъ не способенъ,

онъ не желаетъ жить нормальной жизнью нашего общества, онъ не желаетъ быть полезнымъ, здоровымъ членомъ общества, да, онъ вреденъ, а потому его надо устранить.

Нельзя отрицать, что присяжные глубоко правы, разсуждая такъ. Вѣдь правосудіе, во всѣ времена, было по природѣ своей, свѣтское, всегда предназначено было служить жизненнымъ цѣлямъ, избавленію общества отъ вредныхъ членовъ, хоть по временамъ и попадало въ плѣнъ сначала церкви, а потомъ юристовъ—цивилистовъ; отъ послѣдняго оно освобождается съ трудомъ; подъ вліяніемъ этихъ юристовъ цивилистовъ, а нынѣ просто юристовъ, преимущественно нѣмецкихъ, создалось неисчислимое количество теорій о наказаніи и преступленіи; этими теоріями наполнены и по нынѣ учебники, онѣ же затемнили совершенно и практическое уголовное дѣло, затемнили цѣли наказанія, совершенно устранили и заставили позабыть о главномъ, о преступникѣ, замѣнивъ его «субъектомъ, нарушившимъ норму въ ея реальномъ бытіи». Въ наукѣ и теоріи выступаетъ нынѣ въ защиту разумнаго, жизненнаго направленія—итальянская школа, страдающая, къ сожалѣнію, въ настоящее время, пока, нѣсколько односторонними взглядами; въ жизни и практикѣ теорія юристовъ сталкивается съ судомъ присяжныхъ и рѣзко его критикуетъ, такъ какъ своей дѣятельностью онъ положительно отнимаетъ у нея всякое значеніе. Мы выше, въ началѣ этой главы, поставили вопросъ, какія же познанія нужны судьямъ кромѣ научныхъ и юридическихъ. Послѣ всего изложеннаго въ этой главѣ, мы увѣренно отвѣтимъ—знаніе жизни, глубокое знаніе жизни. Мы видѣли, какъ глубоко жизненно поставили уголовное дѣло присяжные засѣдатели; какую жизненную, практическую цѣль указали ему, какъ они выработали и жизненные практическіе пріемы для опредѣленія вредности обвиняемаго для общества, какую ясную опредѣленную и неизмѣнную мѣрку они установили для цѣлей практическихъ. Напрасно упрекаютъ судъ присяжныхъ въ измѣнчивости, непостоянствѣ и слабости; давая всему уголовному дѣлу вполнѣ жизненный характеръ, внимательно изучая всѣ жизненныя бытовыя особенности даннаго случая, они ничуть, не превратили правосудіе въ лотерею, какъ говорятъ; наоборотъ они дали ему твердый и неизмѣнный показатель, мѣрку для опредѣленія преступности человѣка, мѣрку, не страдающую отъ личныхъ взглядовъ, такъ какъ на ней всѣ сходятся, такъ какъ она ясна и удобоприменима.

Но почему же это знаніе жизни, столь важное для уголовнаго дѣла, не можетъ были въ равной степени у экспертовъ, у судей по профессіи?

Прежде всего, мы думаемъ, что эксперты, судьи—люди кабинета, те-

оріи, а занятія кабинетныя лишаютъ до извѣстной степени знакомства съ жизнью; во всякомъ случаѣ, это знакомство можно въ нихъ допустить въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у людей, не выходящихъ изъ практической жизни и представляющихъ главный контингентъ присяжныхъ: помѣщиковъ, крестьянъ, купцовъ, ремесленниковъ. А затѣмъ, и это главное, во всякомъ другомъ судѣ, кромѣ суда присяжныхъ, мы имѣемъ дѣло съ судомъ людей профессіи и какія бы личныя дарованія и познанія не были у этихъ лицъ, но дѣло ими будетъ обсуждаться невольно, но неизбѣжно, съ точки зрѣнія профессіональной, т. е. теоретической, отвлеченной, а не общечеловѣческой, жизненной, бытовой; съ точки зрѣнія логики формальной, а не съ точки зрѣнія той разносторонней, жизненной, логики, такъ часто, какъ мы видѣли, расходящейся съ логикой отвлеченной. Только когда судъ представляется собраніемъ людей разныхъ профессій, разныхъ экономическаго и общественнаго положенія, возраста, степени образованія, при томъ временно, на короткое время, разъ въ два три года посвящающихъ свое время правосудію, которое не составляетъ ни въ какомъ отношеніи ихъ профессіональнаго занятія, только тогда мы можемъ разсчитывать, что единственной почвой, на которой сойдутся такіе судьи — будутъ знаніе жизни и жизненная, широкая логика и широкая мораль — единственныя вѣрныя основы здороваго правосудія.

Вопросъ объ относительной независимости суда присяжныхъ и суда короннаго, мнѣ кажется, настолько выясненъ въ теоріи даже, въ пользу суда присяжныхъ, что касаться его мнѣ нѣтъ причинъ; добавлю лишь, что вопросъ о независимости не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ высокимъ безукоризненнымъ нравственнымъ качествамъ, которыми такъ законно прославился нашъ новый коронный судъ.

При всемъ однако моемъ глубокомъ уваженіи къ нашему суду коронному, я долженъ, все же, указать на два, по моему, крупныя преимущества, которыя имѣетъ судъ присяжныхъ предъ судомъ коронным.

Вопросъ о мотивировкѣ приговора, устраненной, на судѣ присяжныхъ и обязательной для суда коронаго, составляетъ существенный признакъ различія этихъ двухъ судовъ. Не такъ давно, мнѣ пришлось слышать въ чтеніи моего пріятеля, бывшаго члена старой палаты въ Х., приговоръ по серьезному дѣлу о кражѣ, въ которой обвинялись трое сыновей мѣстныхъ, очень вліятельныхъ, лицъ; двое изъ обвиняемыхъ были оправданы этимъ приговоромъ; слушая подробную, на многихъ листахъ, мотивировку приговора, отличавшуюся большой внѣшней логичностью, при чемъ одна мысль, повидимому, неумолимо вытекала изъ другой, я все болѣе приходилъ къ убѣжденію въ виновности не только одного осужденнаго, но и двухъ

остальныхъ обвиняемыхъ, оправданныхъ. Я былъ очень удивленъ, когда оказалось, что мой взглядъ на дѣло раздѣлилъ и мой пріятель, писавшій приговоръ; онъ объяснилъ мнѣ, что, въ случаѣ обвинительнаго приговора, не было бы матеріала для мотивировки и что основаніемъ для приговора было бы одно лишь внутреннее убѣжденіе, а этого мало, нужно же сослаться на какой либо матеріалъ, выясненный дѣлопроизводствомъ. Какъ часто, судьи коронные высказываютъ по дѣламъ, разсматриваемымъ нынѣ безъ присяжныхъ: свидѣтель обвиненія не явился, такъ что со стороны обвиненія всего одинъ свидѣтель, противъ многихъ со стороны обвиняемаго, нельзя будетъ мотировать, лучше дѣло отложить. Какъ далеко все это отъ жизни—необходимъ матеріалъ для этого оффиціальнаго, внѣшне-логическаго, связнаго и вовсе не убѣдительнаго языка; какъ жизнь здѣсь умерщвляется, втискивается въ неподходящія для нея формы и какъ, въ дѣйствительности, въ этомъ господствѣ логической мотивировки больше произвола, чѣмъ въ приговорѣ присяжныхъ, постановленномъ на основаніи одного внутренняго убѣжденія. Судьи должны мотивировать, объяснить не только, почему они признаютъ собранныя слѣдствіемъ улики достаточными для признанія обвиняемаго виновнымъ, но и почему они признаютъ каждую улику, въ отдѣльности, доказанной. При такихъ условіяхъ, приговоръ является не результатомъ свободнаго, внутренняго, убѣжденія, а скорѣе риторически мотивированнымъ произведеніемъ, столь же внѣшне мотивированнымъ, какъ и приговоръ по любому гражданскому дѣлу, не имѣющій никакого отношенія къ внутренней правдѣ, которой онъ и не интересуется и представляющій лишь логическое сопостановленіе значенія доказательствъ, представленныхъ сторонами.

Повидимому, главная цѣль такого стѣсненнаго положенія судей достигнута: всякая возможность произвола въ сужденіи о дѣлѣ съ ихъ стороны устранена; приговоръ—является, какъ бы, результатомъ выраженія логики фактовъ; но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ фактами изъ естественной исторіи, мы не наблюдаемъ этихъ фактовъ непосредственно, мы получаемъ о нихъ свѣдѣнія чрезъ посредство показаній свидѣтелей, а потому приговоръ является логическимъ выводомъ не изъ фактовъ, а изъ показаній свидѣтелей и при томъ изъ содержанія этихъ показаній, а, ничуть, не характера ихъ. Надо сколько нибудь внимательно поработать надъ судебнымъ дѣломъ, чтобы знать, что въ уголовномъ дѣлѣ самое содержаніе показанія свидѣтеля имѣетъ весьма мало значенія; двадцать свидѣтелей могутъ пространно, обстоятельно, логично, твердить одно и тоже и одинъ свидѣтель, какъ нибудь мимоходомъ, въ крайне неточной формѣ, выразить противоположное и вы повѣрите этому одному, а не тѣмъ двад-

цати. На вопросъ: «почему» вы довѣряете, вы отвѣтить не будете въ состояніи—этого объяснить нельзя, это внутреннее, почти безсознательное, и въ то же время глубоко вѣрное убѣжденіе; такое убѣжденіе внутреннее, трудно передаваемое, не можетъ подлежать включенію въ приговоръ—это будетъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, произволомъ. Не говорите объ этомъ съ самими судьями, они не сознаются въ этомъ, имъ слишкомъ больно было бы сознаться въ этомъ и въ то же время они «стѣснены» присяжными показаніями свидѣтелей, которыхъ обвиняемые привезли на своей телѣгѣ, или наняли на ближайшемъ рынкѣ. Замѣчу въ скобкахъ, что ложное показаніе подъ присягой—это возмутительное преступленіе, по особымъ, т. с., техническимъ особенностямъ, крайне трудно доказывается; только въ рѣдкихъ и въ особенно рѣзкихъ, явныхъ случаяхъ, является возможность возбудить преслѣдованіе, а при такихъ условіяхъ, понятно, что лгать на судѣ, къ сожалѣнію, можно, почти, безнаказанно. А между тѣмъ, эти свидѣтельскія показанія являются единственнымъ основаніемъ для разрѣшенія дѣла.

Удовлетворяетъ ли сколько нибудь большинство лицъ, являющихся на судъ въ качествѣ свидѣтелей, законнымъ требованіямъ предъявляемымъ къ свидѣтелямъ? На практикѣ, въ дѣйствительности, слово свидѣтель ошибочно отождествляется съ словомъ человѣкъ; онъ человѣкъ—слѣдовательно онъ можетъ быть свидѣтелемъ; тогда какъ несомнѣнно, что настоящимъ свидѣтелемъ можетъ быть только человѣкъ, внушающій довѣріе, а вовсе не всякій человѣкъ; и вотъ, въ опредѣленіи степени довѣрія, которое можно оказать каждому свидѣтелю, коронные судьи, по самому своему положенію, а главное, по необходимости мотивировать, крайне стѣснены.

Въ каждомъ приговорѣ, могутъ такимъ образомъ представляться два полюса, двѣ цѣли: мотивировка и внутренняя правда; первая руководитъ приговорами гражданскими, а вторая уголовными; между тѣмъ, по закону, для тѣхъ и другихъ судей, гражданскихъ и уголовныхъ, создано одно и тоже положеніе, мотивированнымъ приговоромъ они должны дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по данному дѣлу, а эта обязанность лишаетъ ихъ возможности быть вѣрными выразителями внутренней правды по дѣлу, такими вѣрными выразителями правды являются только присяжные засѣдатели; не даромъ европейскіе кодексы ввели институтъ присяжныхъ не только для преступленій, но даже и для проступковъ, не даромъ даже мировые судьи англійскіе, въ своихъ сессіяхъ, раздѣляютъ власть съ присяжными засѣдателями.

Еще одно соображеніе о преимуществѣ суда присяжныхъ передъ судомъ безъ присяжныхъ.

Я думаю, что едва ли встрѣчу возраженія, если скажу, что наши законы о порядкѣ разбора дѣлъ уголовныхъ, иначе говоря Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, есть выдающійся памятникъ нашего законодательства, которымъ мы можемъ, справедливо, гордиться. Не смотря на то что онъ изданъ скоро 30 лѣтъ тому назадъ, онъ не превзойденъ и до сихъ поръ ни однимъ изъ современныхъ европейскихъ кодексовъ (я говорю въ цѣломъ, можетъ быть и можно найти какіи либо подробности, которыя бы подлежали измѣненію). Если вѣрно это положеніе, то слѣдовательно желательно, чтобы этотъ уставъ выполнялся во всей чистотѣ, не только формально, но по духу—и вотъ такое полное, дѣйствительное, выполненіе устава возможно только на судѣ присяжныхъ. Для того чтобы согласиться съ этимъ положеніемъ, необходимо самому участвовать въ процессѣ съ присяжными и безъ нихъ; ни чуть не желая, въ какомъ бы то ни было отношеніи, проявить неуваженіе къ нашему почтенному суду, я позволю себѣ опредѣлить чувство, которое испытываешь на судѣ съ присяжными и на судѣ безъ присяжныхъ такъ: на судѣ съ присяжными: вы въ мундирѣ и передъ чужими, на судѣ безъ присяжныхъ вы дома. Было бы крайне ошибочно упрекать за это кого либо, а тѣмъ болѣе подозрѣвать недобросовѣстность, или, хотя бы, нерадѣніе; совсѣмъ нѣтъ, нашъ почтенный, уважаемый, судъ далеко отъ этого. Но дѣло въ томъ, что къ каждому дѣлу можно привыкнуть, можно настолько усовершенствоваться, если угодно, что самыя разнообразныя и многообразныя требованія дѣла, можно исполнять отчетливо, быстро, ловко, такъ что каждое новое произведеніе будетъ походить на предыдущее, и, въ то же время, безъ малѣйшаго напряженія вниманія, совершенно автоматически.

Позволю себѣ пояснить сравненіемъ. Гдѣ выше, глубже, смыслъ, чѣмъ въ словахъ молитвы; какія слова должны производить большее волненіе, больше приводить въ движеніе все внутреннее существо человѣка, чѣмъ слова молитвы и, тѣмъ не менѣе, какъ часто мы замѣчаемъ, что глубоко религіозные люди произносятъ слова молитвъ, часто ими повторяемыхъ, такъ, что не знающій молитвы не пойметъ ихъ, что, подчасъ, нельзя различить отдѣльныхъ словъ, скороговоркой, проглатывая слова. Эти религіозные, вѣрующіе люди, когда то, съ волненіемъ повторяли священныя слова молитвы, каждое слово которой наводило ихъ на цѣлый рядъ мыслей, но мысли передуманы, чувства перечувствованы; впечатлѣнія, вызванныя словами молитвы, можетъ быть, даже, послужили, въ свое время, къ усиленію ихъ религіознаго чувства; но, отъ постояннаго повторенія, впечатлѣнія слабѣли все болѣе и болѣе и люди привыкли повторять тѣ же слова, совершенно механически. Особенное значеніе пріобрѣ-

таетъ такая перемѣна въ томъ случаѣ, когда лицо, съ которымъ это случилось, произноситъ эти слова не для себя одного, а для другихъ. Тоже самое, и пожалуй еще въ большей степени, вѣрно относительно различныхъ обрядовъ.....

Первое время, всѣ эти убійцы, воры, совершающіе всякіе подлоги, производятъ впечатлѣніе на судью; каждая подробность дѣла вызываетъ размышленія, сомнѣнія; кажется особенностью даннаго дѣла, требующей особаго вниманія, особой провѣрки и выясненія. Но послѣ того, что судья поѣздилъ нѣсколько лѣтъ на сессіи и въ каждый годъ побывалъ на 15—20 сессіяхъ, разрѣшилъ въ каждую сессію не менѣе 30 дѣлъ, а въ общемъ, за нѣсколько лѣтъ, нѣсколько тысячъ дѣлъ, каждое дѣло становится для него безусловно похожимъ по всѣ предъидущія того же рода, т. е. имѣющія предметомъ тоже преступленіе, не вызывающимъ никакихъ сомнѣній, а слѣдовательно и не требующимъ особаго вниманія. Всѣ обряды, исполненіе которыхъ предписывается Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, какъ безусловно необходимое условіе дѣйствительно полнаго и всесторонняго выясненія истины на судѣ, на первыхъ порахъ трудно запоминались судьей, при исполненіи вызывали глубокое вниманіе судьи, который старался запомнить внѣшнее выраженіе обряда и, въ то же время, напрягалъ всѣ свои умственныя силы для того чтобы исполнить обрядъ согласно съ внутреннимъ смысломъ, вложеннымъ въ него; старался, чтобы обрядомъ была достигнута, вполнѣ, цѣль, для которой онъ установленъ. Но, мало-по-малу, постоянное, многія тысячи разъ, повтореніе того же обяда, невольно, настолько ослабило впечатлѣнія и настолько пріучило къ самому обряду, что явилась возможность, совершенно независимая отъ желанія судьи, исполнять отчетливо обрядъ, не напрягая вовсе вниманія; судья не боится болѣе ошибиться въ словахъ, выражающихъ обрядъ; самъ обрядъ болѣе не останавливаетъ его вниманія, все понятно, ясно, передумано. Другое дѣло, если разборъ происходитъ передъ присяжными; имъ, этимъ представителямъ общественной совѣсти, разъ, въ два, три, года попадающимъ на судейскую скамью, надо разъяснить всякій шагъ, всякое слово; передъ ними надо совершать обрядъ особо тщательно, для того чтобы имъ была понятна цѣль; они—новички, они могутъ не понять, и, вотъ, для того чтобы у нихъ не было никакихъ сомнѣній, каждая подробность, каждая мелочь отдѣлывается, каждому дѣйствію стараются придать особую осмысленность; каждое требованіе стороны, каждое оглашеніе документа разрѣшается послѣ долгихъ и всесторонніхъ обсужденій на точномъ основаніи законовъ и многообразныхъ разъясненій Правительствующаго Сената,

дающаго свою могущественную охрану правамъ присяжныхъ и въ особенности ихъ главному праву—на подробное разъясненіе дѣла.

Какая, напримѣръ, громадная разница между вопросомъ объ оглашеніи, т. е. прочтеніи; на судѣ безъ присяжныхъ, дѣйствительно, читаютъ все необходимое и подлежащее оглашенію, а на судѣ безъ присяжныхъ обыкновенно предоставляютъ сторонамъ ссылаться. Въ чемъ же суть? въ томъ что прочтеніе или не прочтеніе документа—есть, въ сущности, результатъ соглашенія предсѣдателя и сторонъ; и тотъ и другія читали, имъ читать не надо, но присяжные могутъ познакомиться съ документами и другими письменными доказательствами только въ залѣ засѣданія, и потому имъ читаютъ, а коронные судьи берутъ съ собой въ совѣщательную и самое дѣло и, слѣдовательно, «могутъ» всегда прочитать и въ совѣщательной, если встрѣтятъ надобность; а потому на судѣ однихъ коронныхъ судей сторонамъ предоставляютъ лишь ссылаться. Какой же результатъ: тотъ что на судѣ съ присяжными судьи—присяжные—дѣйствительно, читали, или лучше сказать слышали въ чтеніи все, съ чѣмъ необходимо познакомиться, а на судѣ безъ присяжныхъ читалъ одинъ предсѣдатель, а остальные двое судей имѣли возможность прочесть, если бы пожелали. Ясно, какая громадная разница для дѣла, отъ различнаго осуществленія порядка оглашенія.

Наконецъ, присяжные—это дѣйствительно чужіе люди и при томъ люди, которые участвуютъ въ процессѣ, могутъ критиковать дѣйствія суда; присутствіе присяжныхъ на судѣ является именно той дѣйствительнсй и незамѣнимой, благотворной гласностью, о которой говоритъ законъ, той публичностью, которая ставитъ судъ—дѣло общественное—дѣло высоко важное для всякаго общества, въ условія, именно необходимыя для всякаго общественнаго дѣла—въ условія, устраняющія возможность какой бы то ни было тайны.

III.

Мы пришли къ выводу, что дѣло суда не дѣло людей ученыхъ, людей профессіи, что для правильнаго разрѣшенія этого дѣла необходимо отрѣшиться отъ всякихъ односторонникъ профессіональныхъ взглядовъ, что лучшими судьями въ настоящее время являются присяжные засѣдатели, въ рукахъ которыхъ наиболѣе правильно оставить правосудіе и на будущее время.

Но если институтъ присяжныхъ засѣдателей является лучшей формой

суда, то чѣмъ объясняются разнообразныя нареканія на дѣятельность присяжныхъ, нареканія, нашедшія, даже отголосокъ и могущественную поддержку въ новѣйшей итальянской школѣ?

Мы глубоко убѣждены, что большая часть этихъ нареканій неосновательна. Остановимся на условіяхъ, въ которыхъ возникаютъ, вырабатываются такія нареканія.

Извѣстно, какъ легко складываются въ обществѣ предубѣжденія, которыя даже сходятъ потомъ и за убѣжденія; какъ мало вообще въ обществѣ, а въ особенности въ нашемъ, сколько-нибудь продуманныхъ убѣжденій и какъ мало условій въ нашей русской жизни для выработки такихъ убѣжденій, какъ легко наше общество мѣняетъ взгляды и симпатіи, а главное, какъ оно еще легковѣрно, какъ не привыкло относиться критически ко всякимъ слухамъ, вымысламъ и т. п и въ особенности помѣщаемымъ въ газетахъ; насколько еще у насъ ново газетное дѣло, насколько не установилась этика этого дѣла, а между тѣмъ, изъ этого-то источника и получаются, почти исключительно, всѣ свѣдѣнія о судѣ присяжныхъ. Но что еще важнѣе, это та форма, въ которой получаются эти свѣдѣнія. Нашъ вѣкъ не даромъ называютъ вѣкомъ электричества; въ наше время нѣтъ такихъ глухихъ уголковъ, гдѣ бы не было, по близости, въ разстояніи никакъ не болѣе 10 верстъ, телеграфа; телеграфъ, къ тому же, въ послѣднее время, сталъ такъ дешевъ, такъ доступенъ всѣмъ и каждому. Въ то же время, къ телеграфу привыкли еще такъ мало, что каждое слово, переданное по телеграфу, пріобрѣтаетъ какое-то особенное значеніе; я знаю, напримѣръ, одно изъ высшихъ учрежденій въ Петербургѣ, гдѣ вслѣдствіе громаднаго поступленія дѣлъ бываетъ постоянное накопленіе, и очередныя дѣла докладываются черезъ $2^1/^2$ года; достаточно однако, чтобы была получена телеграмма: «прошу дѣло разрѣшить, терплю убытки», чтобы дѣло было доложено немедленно, внѣ очереди; стоитъ это средство всего 65 копѣекъ, а производитъ впечатлѣніе поразительное; такъ и говорятъ: далъ телеграмму, точно Рубиконъ перешелъ.

И вотъ этимъ магическимъ средствомъ пользуются для передачи и нужнаго и ненужнаго, и интереснаго и неинтереснаго, и того что можетъ быть изложено въ телеграммѣ и того, что безусловно нуждается въ болѣе подробномъ изложеніи, для того чтобы быть понятымъ, оцѣненнымъ.

Такъ я знаю, напримѣръ, арендаторовъ, которые телеграфируютъ всегда собственникамъ имѣнія по самымъ сложнымъ, запутаннымъ дѣламъ, земельнымъ или хозяйственнымъ, всегда съ прибавкой «громадные убытки» и несчастные собственники, сидя за тысячу верстъ отъ имѣнія, рѣшительно недоумѣваютъ, что можно отвѣтить на подобную телеграмму, вѣдь чтобы

сказать сознательно: да или нѣтъ, надо предварительно о многомъ переговорить, многое выяснить; въ телеграммѣ, разумѣется, никакихъ данныхъ, да вообще никакого содержанія, нѣтъ; на первыхъ порахъ такое телеграфированіе удается арендаторамъ и собственники, побуждаемые страхомъ мнимыхъ громадныхъ убытковъ, связываютъ себя по рукамъ и по ногамъ, даютъ согласіе, на крайне невыгодныя для себя дѣйствія и узнаютъ, потомъ уже поздно, къ сожалѣнію, что никакихъ громадныхъ убытковъ бы не было, если бы они приняли противоположное рѣшеніе и не придали бы никакого значенія телеграммѣ, съ помощью которой арендатору удалось убѣдить ихъ въ дѣйствительномъ существованіи громадныхъ убытковъ.

Нѣчто подобное повторяется и въ газетномъ дѣлѣ въ отношеніяхъ между издателями газеты и читателями. Къ сожалѣнію, не всѣ органы печати на высотѣ своего высокаго призванія, бываютъ издатели газетъ которые преслѣдуютъ въ своемъ дѣлѣ только личныя выгоды и «расширеніе предпріятія»; для того чтобы увеличить число читателей, издатель старается давать наиболѣе разнообразный, поразительный, животрепещущій матеріалъ; въ этихъ видахъ онъ говоритъ обо всемъ въ краткихъ, рѣшительныхъ выраженіяхъ; но наша русская общественная жизнь течетъ тихо (писано въ 1893 г.), публичность, т. с. развита мало, какихъ-либо эффектныхъ, общественныхъ инцидентовъ очень мало, и вотъ, для возбужденія интереса, для приданія болѣе животрепещущаго характера газетному листку, приходится увеличивать отдѣлъ телеграфный; издатель знаетъ, какое поразительное впечатлѣніе производитъ телеграфированіе; матеріалъ тутъ безразличенъ, это просто зависитъ отъ энергіи корреспондента, такъ, напримѣръ, у одной газеты имѣется очень энергичный корреспондентъ въ г. Козловѣ, и читатель по временамъ получаетъ извѣстія о томъ, что у городскаго головы было на обѣдѣ, или что думаетъ такой-то Козловскій обыватель..... и т. п.

Для такого бьющаго на животрепещущее телеграфированія, уголовные процессы представляютъ богатую руду, и вотъ мирный читатель наталкивается въ газетѣ на слѣдующія телеграммы: «сегодня разбиралось въ мѣстномъ судѣ дѣло по обвиненію шести человѣкъ въ убійствѣ такого то, съ цѣлью ограбленія, присяжные вынесли всѣмъ обвиняемымъ оправдательный вердиктъ»... «Нашъ городъ глубоко возмущенъ вынесеннымъ сегодня присяжными засѣдателями вердиктомъ, которымъ оправданы трое поджигателей и т. д.».

Читаетъ мирный читатель день такія телеграммы, читаетъ два, а на третій день обращается къ своимъ близкимъ со словами «какое это, однако, возмутительное учрежденіе этотъ судъ присяжныхъ; вѣдь это просто без-

стыдство—явныхъ преступниковъ оправдывать на каждомъ шагу»—вотъ начало убѣжденія, которое, потомъ, мало по малу завладѣваетъ умами многихъ. Но почтенный читатель не задаетъ себѣ при этомъ вопроса, кто же эти возмутительные присяжные, не такіе же ли они люди, какъ и онъ читатель, со столь же развитымъ нравственнымъ чувствомъ, какъ и онъ, столь же мирные, какъ и онъ, ничуть не сдѣлавшіе себѣ профессіи изъ оправданія—это все тѣ же помѣщики, крестьяне, чиновники и т. д.

Если бы читатель задался этимъ вопросомъ, то ему пришлось бы, несомнѣнно, разрѣшить этотъ вопросъ въ благопріятномъ для присяжныхъ смыслѣ; достаточно сказать, что каждое дѣло рѣшаетъ новый составъ присяжныхъ и что каждый обыватель бываетъ не чаще, какъ разъ въ два года, присяжнымъ засѣдателемъ на нѣсколько дней; если прибавить, что присяжные не выбираются, а въ списокъ присяжныхъ вносятся всѣ обыватели: дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне съ несущественными ограниченіями въ возрастѣ (25 л.) и имуществѣ, то останется только признать, что присяжные—это мы, мы всѣ, и что, слѣдовательно, если оправдываютъ присяжные, то оправдываемъ мы.

Но если такъ, то основательно ли мы возмущаемся оправдательными приговорами присяжныхъ, представляетъ ли что либо столь поразительное, ненормальное, оскорбляющее чувство нравственное—это несогласіе вердикта присяжныхъ съ требованіями обвинительной власти, или, быть можетъ такое несогласіе вполнѣ возможно, естественно и не можетъ никоимъ образомъ, возмущать даже саму обвинительную власть?

Не вдаваясь въ юридическія подробности, мы можемъ сказать. что данныя, необходимыя для привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго и преданія суду, недостаточны для того чтобы осудить обвиняемаго. Это очень просто объясняется. Весь центръ тяжести современнаго процесса лежитъ въ судебномъ слѣдствіи, т. е. въ провѣркѣ на судѣ данныхъ, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Наши прекрасные судебные уставы лучше другихъ уставовъ обезпечиваютъ своими подробными и гуманными постановленіями полное выясненіе истины на судѣ. Для того чтобы каждое положеніе, каждая улика, каждое доказательство, въ пользу обвиненія или въ пользу оправданія, были выяснены всесторонне, широко, до дна, такъ чтобы при оцѣнкѣ ихъ не было никакихъ сомнѣній, обвиняемому, подсудимому, т. е. человѣку заподозрѣнному и даже преданному суду по обвиненію въ самомъ гнустномъ преступленіи предоставляются закономъ тѣ же права на судебномъ слѣдствіи, что и безкорыстному незаинтересованному и безпристрастному лицу прокурорскаго надзора, лицу,

которое издавна, по исторически въ Россіи сложившемуся убѣжденію, выраженному во 2 ч. XV т. Св. Зак. изд. 1857 г., является защитникомъ невинности и взыскателемъ справедливости. Въ борьбѣ этихъ двухъ сторонъ, обвинителя и обвиняемаго, всякое доказательство, всякій фактъ, провѣряется; какъ между тяжелыми жерновами отбрасывается шелуха, отбрасывается все ненужное, все показное, все, что могло быть понято, по внѣшнимъ признакамъ, въ превратномъ смыслѣ; законное сомнѣніе съ обѣихъ сторонъ и обѣихъ точекъ зрѣнія, отбрасываетъ все сомнительное, остается только несомнѣнное, точно «установленное», говоря языкомъ судебнымъ.

На такое полное выясненіе истины тратится масса времени, масса труда со всѣхъ сторонъ (кромѣ суда, допрашиваютъ присяжные, стороны), много денегъ на путевыя издержки громаднаго числа свидѣтелей, на проѣздъ нѣсколькихъ, весьма опытныхъ судей, прокурора, защитника и т. д.

Возможность осужденія невиновнаго уменьшена, при такихъ условіяхъ, до крайнихъ предѣловъ; но возможно ли требовать такого же полнаго всесторонняго выясненія истины и до суда, на предварительномъ слѣдствіи? Такое требованіе было бы совершенно неосуществимо; задача предварительнаго слѣдствія—служебная въ отношеніи суда; предварительное слѣдствіе можетъ лишь наскоро, въ общихъ чертахъ, сдѣлать то, что основательно и подробно дѣлается судомъ. Къ тому же, предварительное слѣдствіе стѣснено временемъ, оно должно производиться скоро, чтобы не исчезли слѣды преступленія, чтобы различные факты и существенныя подробности не изгладились изъ памяти очевидцевъ преступленія и вообще лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу.

Кромѣ того, слѣдственная власть обременена массой работы по провѣркѣ заявленій, которыя оказываются, при ближайшемъ разслѣдованіи, явно неосновательными, а между тѣмъ эта работа отвлекаетъ ихъ отъ болѣе подробнаго производства дѣлъ поступающихъ на судъ. Наконецъ, всѣмъ извѣстны чрезвычайно крупные недостатки въ дѣятельности нашихъ слѣдователей.

Все это, вмѣстѣ взятое, ясно показываетъ, насколько разнятся, а отчасти и должны разниться результаты предварительнаго и судебнаго слѣдствія. Такая разница можетъ быть является зломъ, но это зло неизбѣжное, иначе бы остались нераскрытыми многія преступленія, иначе бы преступники томились въ предварительномъ заключеніи втрое дольше, чѣмъ теперь, а они и теперь томятся очень долго; наконецъ, для того чтобы слѣдственную власть, производящую предварительное слѣдствіе, передать въ тѣ же солидныя руки трехъ судей, прокурора и защитника, ко-

торыя производятъ судебное слѣдствіе и вообще обставить предварительное слѣдствіе, также роскошно, пришлось бы затратить такія суммы, которыхъ не дадутъ ни въ одномъ государствѣ.

Однимъ словомъ, разница крупная, громадная, между степенью выясненія истины на предварительномъ слѣдствіи и степени выясненія той же истины на судебномъ слѣдствіи существуетъ и всегда, вѣроятно, будетъ существовать. Между тѣмъ, предъявленіе обвиненія, получающее выраженіе въ обвинительномъ актѣ, утвержденномъ судебной палатой, основывается всецѣло и исключительно на данныхъ предварительнаго слѣдствія, а вердиктъ присяжныхъ исключительно на данныхъ судебнаго слѣдствія.

Часто, очень часто, вердиктъ присяжныхъ сходится съ требованіями обвинительнаго акта, но можно ли требовать такого согласія? Я думаю, что никто не усумнится въ крайней неосновательности такого требованія; къ сожалѣнію однако, къ стыду, такія требованія предъявляются не одними случайными читателями, о которыхъ я говорилъ выше, но и людьми науки, людьми дѣла.

А между тѣмъ, вышеизложенныя соображенія ясно указываютъ, что несогласіе вердикта присяжныхъ съ обвинительнымъ актомъ не указываетъ, ничуть, на несогласіе взглядовъ присяжныхъ засѣдателей со взглядомъ прокурорскаго надзора на преступность, или безнравственность, дѣянія, которое приписывалось подсудимому, или, тѣмъ менѣе, на произволъ присяжныхъ засѣдателей; произошла лишь разница въ результатахъ судебнаго и предварительнаго слѣдствія; факты, выяснившіеся на предварительномъ слѣдствіи и послужившіе основаніемъ для обвиненія, представились на судебномъ слѣдствіи въ совершенно иномъ свѣтѣ, или же, что то же бываетъ, оказалось, что указанные на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелями факты, вовсе не имѣли мѣста; при такихъ условіяхъ, всѣ основанія для обвиненія рухнули сами по себѣ, безъ всякаго участія присяжныхъ засѣдателей.

Но на основаніи какихъ свѣдѣній можно судить о томъ, произошла ли разница въ результатахъ судебнаго и предварительнаго слѣдствія, или нѣтъ? Только не на основаніи газетныхъ извѣстій—это вполнѣ очевидно; вѣдь въ этихъ газетныхъ извѣстіяхъ часто не упоминается даже о томъ, что прокуроръ самъ, признавая происшедшую разницу, въ силу предоставленнаго ему права отказался отъ обвиненія, а кажется, по французской поговоркѣ: il ne faut pas être plus saint que le pape et plus loyal que le roi, вѣдь прокуроръ представитель обвиненія отъ имени правительства.

Хотя статистическіе отчеты о процессахъ у насъ еще очень рѣдки, но

если бы даже они и существовали въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь, то и они не давали бы безспорныхъ основаній для сужденія о томъ, произошла ли разница въ результатахъ слѣдствій, или нѣтъ. Одно присутствіе въ судебномъ засѣданіи съ начала и до конца и внимательное выслушиваніе живыхъ, устныхъ, показаній свидѣтелей даетъ право судить въ такомъ вопросѣ. Произведенная во всѣхъ государствахъ Европы замѣна процесса на основаніи записанныхъ на предварительномъ слѣдствіи показаній свидѣтелей, безъ вызова этихъ свидѣтелей въ судебное засѣданіе, безъ участья сторонъ, процессомъ современнымъ и живымъ, гдѣ почти все исключительно основано на изустныхъ показаніяхъ свидѣтелей, въ самомъ судебномъ засѣданіи, ясно указываетъ, какъ важно присутствіе въ судебномъ засѣданіи для правильнаго сужденія о дѣлѣ. Кто сколько нибудь внимательно относился къ судебному дѣлу, тотъ знаетъ, что, на основаніи одного содержанія показанія свидѣтеля, нельзя судить о правдивости или лживости этого свидѣтеля; что надо еще видѣть этого свидѣтеля, надо видѣть выраженіе его лица, его тонъ, манеру отвѣчать на вопросы. Тѣ же слова, сказанныя твердымъ, спокойнымъ, голосомъ, сопровождаемыя открытымъ, яснымъ, прямымъ взглядомъ—совсѣмъ не то значеніе будутъ имѣть, когда они будутъ произнесены свидѣтелемъ смущеннымъ, покраснѣвшимъ, не рѣшающимся прямо судьѣ смотрѣть въ глаза, произносящимъ слова, какъ будто бы съ какимъ то особымъ, физическимъ затрудненіемъ; а какъ именно лживыя слова у большинства выходятъ съ особымъ затрудненіемъ изъ устъ, точно что то мѣшаетъ выговорить ихъ. Вы видите внутреннюю борьбу, происходящую въ это время въ свидѣтелѣ: солгать или не солгать; какой статистическій отчетъ, не говоря уже о газетныхъ росказняхъ, передастъ эти подробности, живыя, жгучія и кто же, любя судъ и не желая ему смерти, лишитъ его права принимать эти подробности во вниманіе; кто же можетъ судить объ этихъ подробностяхъ, не бывъ въ залѣ суда, а, между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ о судѣ присяжныхъ судятъ, именно, исключительно, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ газетъ, на основаніи сопоставленія вердикта присяжныхъ съ обвинительнымъ актомъ, отъ котораго, быть можетъ, отказался самъ прокуроръ.

Но если прокуроръ не отказался отъ обвиненія, если онъ продолжалъ обвинять, а присяжные, тѣмъ не менѣе, оправдали, то неужели же именно 12 присяжныхъ не правы, а правъ одинъ прокуроръ, неужели онъ не можетъ ошибиться; вѣдь правосудіе дѣло живое, не ученое, не теоретическое; его нельзя размѣрить, какъ размѣряютъ аптечныя средства, здѣсь жизнь бьетъ ключемъ, во всемъ ея богатомъ разнообразіи жизнен-

ныхъ подробностей, о которыхъ невольно, естественно, у разныхъ лицъ складываются разные взгляды. И участники отправленія правосудія—тѣ же живые люди со всѣми ихъ слабостями и болѣе или менѣе односторонними взглядами.

Мы высоко ставимъ нашъ прокурорскій надзоръ, но продолжительное занятіе прокурорскимъ дѣломъ, невольно, накладываетъ на нѣкоторыхъ, особо нервныхъ представителей этого надзора свой отпечатокъ, вырабатывается какой то профессіонально обвинительный взглядъ на дѣло; ближайшее проявленіе этого взгляда можно замѣтить въ постановкѣ такъ называемыхъ «дутыхъ» дѣлъ, въ которыхъ, тоже по техническому выраженію, обвиненіе «взвинчено», или иначе говоря обыкновеннымъ, не техническимъ языкомъ, въ томъ, что ставятся на судъ такія дѣла, по которымъ противъ обвиняемыхъ собрано слишкомъ мало уликъ; составляются обвинительные акты, въ которыхъ фактамъ, вполнѣ безразличнымъ, придается значеніе улики; такіе акты на судѣ не проходятъ. А какой отчетъ передастъ, какого характера былъ обвинительный актъ? Хотя такихъ лицъ прокурорскаго надзора съ односторонне обвинительнымъ взглядомъ немного, но они, близко стоя къ судебному дѣлу, могутъ быть особо опасными судьями присяжныхъ, ихъ мнѣнію всякій придастъ громадное значеніе, котораго, въ дѣйствительности, они имѣть не могутъ.

Но если дѣйствительно о судѣ присяжныхъ судятъ невѣрно, неосновательно, если для сужденія о томъ, правильно или нѣтъ поступилъ судъ присяжныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ, у громаднаго большинства лицъ, не бывшихъ при разборѣ дѣла, нѣтъ никакихъ данныхъ, то судить, откуда бы могли у присяжныхъ взятся тѣ недостатки, которые имъ приписываются: излишняя мягкость, преступная снисходительность къ обвиняемымъ, крайнее непостоянство во взглядахъ, способность подпадать подъ различныя вліянія—какъ о вопросѣ, касающемся общихъ качествъ суда присяжныхъ, возможно безотносительно къ отдѣльнымъ случаямъ.

Могутъ ли коренится выше перечисленные недостатки въ самой природѣ суда присяжныхъ? Я думаю, что утверждать это было бы неправильно.

Ничуть не впадая въ туманныя опредѣленія Ж. Ж. Руссо о различіи volonté generale et volonté de tous, и знаменитаго основателя историко-романтической школы въ правѣ К. Ф. Савиньи, съ его ученіемъ о народномъ «духѣ», мы, все же, можемъ, я думаю, утверждать, на основаніи всего выше изложеннаго во 2-й главѣ, что въ институтѣ присяжныхъ засѣдателей есть общій духъ, что въ дѣятельности присяжныхъ

можно распознать общія начала, руководящіе принципы, которыми они твердо руководятся и которые остаются, по крайней мѣрѣ, для каждаго даннаго поколѣнія неизмѣнными, постоянными, какъ неизмѣнны взгляды даннаго поколѣнія въ данномъ народѣ на границы нравственнаго и безнравственнаго, на тѣ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ обыкновенному человѣку даннаго поколѣнія, не обладающему какими либо особенными умственными, душевными способностями, на то, кого можно считать вреднымъ, опаснымъ, членомъ общества того общества, котораго сами присяжные засѣдатели являются здоровыми членами.

Повторяю, въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей есть общее начало, объединяющее ихъ—это общіе взгляды на нравственное и безнравственное; та мѣрка, къ которой присяжные примѣряютъ каждаго подсудимаго—типъ нравственнаго человѣка, какъ онъ выработанъ современной моралью—типъ несомнѣнно заурядный, какъ всякая мѣрка—едва-ли можетъ мѣняться по каждому дѣлу, по самому существу эта мѣрка живетъ поколѣніе и не одно, а нѣсколько, медленно и незамѣтно измѣняясь, какъ сама жизнь.

Если какіе либо приговоры и могли бы дѣйствительно быть поставлены въ упрекъ суду присяжныхъ, то, я думаю, что было бы правильнѣе объяснять такіе приговоры не недостатками самого института присяжныхъ засѣдателей, а тѣми условіями, при которыхъ присяжнымъ приходится дѣйствовать, недостатками современнаго процесса.

Эти недостатки, въ общихъ чертахъ, сводятся, прежде всего, къ тому, что присяжныхъ держатъ, почему-то, по какимъ-то совершенно необъяснимымъ причинамъ, въ невѣдѣніи того, что имъ вѣдать надлежитъ, и, въ то же время, требуютъ отъ нихъ разрѣшенія тѣхъ самыхъ вопросовъ, разъяснить себѣ которые вполнѣ независимо, они не могутъ.

Вспомнимъ, что въ совѣщательную комнату наши присяжные не имѣютъ право внести ничего и что въ этой комнатѣ не можетъ находиться ничего, кромѣ листа, на которомъ написаны предложенные имъ судомъ вопросы; въ этой комнатѣ, не только не могутъ находиться какія-либо ученыя сочиненія въ области, подлежащей экспертизѣ, или въ области юридическихъ наукъ, но даже обыкновенное оффиціальное изданіе нашего уложенія; а между тѣмъ несомнѣнно, что тѣ же присяжные мимоходомъ, какъ средство для разрѣщенія главнаго вопроса, должны разрѣшать подчасъ и вопросы изъ естественныхъ и юридическихъ наукъ. Предъ ними, авторитетно, широковѣщательно и пространно, излагаются экспертами всевозможныя теоріи изъ естественныхъ наукъ, часто высказываются самые противоположные взгляды, одинъ экспертъ говоритъ, что ядъ

поступилъ при жизни, другой, что послѣ смерти; одинъ, что смерть естественна, другой что, наоборотъ, она вызвана злой волей преступника. Устраниться отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ присяжные не могутъ, для разрѣшенія вопроса о виновности, имъ надо склониться къ одному или другому возрѣнію. На основаніи какихъ данныхъ они сдѣлаютъ это, а, между тѣмъ, подчасъ, достаточно заглянуть въ простой учебникъ судебной медицины, чтобы убѣдиться въ полной неосновательности какого либо самоувѣреннаго заключенія эксперта; но нѣтъ, даже этотъ учебникъ— запретный плодъ и гораздо основательнѣе, гораздо лучше, чтобы присяжные разрѣшили этотъ вопросъ такъ, по истинкту!

Знать какое въ дѣйствительности грозитъ обвиняемому наказаніе, въ случаѣ обвинительнаго вердикта, весьма важно присяжнымъ засѣдателямъ. Дѣйствительно, сколько бы предсѣдатель не останавливалъ и не вмѣшивался, но защитники, въ лицѣ даже лучшихъ представителей своихъ, всегда умудрятся ввернуть слово о томъ, что съ вердиктомъ присяжныхъ, для подсудимаго, кончится все въ жизни, что для него въ удѣлъ будетъ одна юдоль, плачъ и скрежетъ зубовный; что они, присяжные, своимъ вердиктомъ рѣшаютъ судьбу человѣка, что это для него вопросъ жизни и смерти и т. д., когда, въ дѣйствительности, ему грозитъ очень ограниченное срокомъ заключеніе въ тюрьмѣ. Но и безъ того, какъ возможно заставить присяжныхъ, людей жизни, при разрѣшеніи вопроса о томъ, вредный ли человѣкъ преступникъ или нѣтъ, не задаваться вопросомъ о тѣхъ средствахъ, которыя даетъ законъ для устраненія этого вреднаго человѣка, о тяжести послѣдствій, которыя повлечетъ ихъ вердиктъ. Да это только мыслимо теоретически; въ дѣйствительности это совершенно невозможно и присяжные, опять таки, разрѣшаютъ и этотъ вопросъ и тоже совершенно случайно, по инстинкту, по какимъ то свѣдѣніямъ, схваченнымъ на лету, по воспоминаніямъ о извѣстныхъ имъ приговорахъ; часто, если не всегда, эти свѣдѣнія совершенно невѣрны.

Ясно, что присяжные засѣдатели должны имѣть право и возможность почерпнуть изъ книгъ и другихъ источниковъ необходимыя имъ свѣдѣнія въ тѣхъ областяхъ знаній естественныхъ и юридическихъ, которыя соприкасаются наиболѣе близко съ вопросами, подлежащими ихъ разрѣшенію и къ которымъ имъ волей не волей приходится приступать, безъ всякаго руководства, и, мало того, при усиліяхъ, враждебныхъ силъ, которыя стараются сбить ихъ съ пути. Несомнѣнно, что невѣдѣнье присяжныхъ не остается безъ вреда для дѣла—это невѣдѣніе является тѣмъ больнымъ мѣстомъ, той ахиллесовой пятой, въ которую направляютъ свои удары эксперты и защитники.

Дѣйствительно, мы видѣли уже выше, какую роль играетъ экспертиза на судѣ; въ силу одного разъясненія Правительствующаго Сената (въ сущности тоже самое установлено кодексами Германскимъ и Австрійскимъ—самимъ текстомъ закона) экспертамъ предоставляется оставаться въ залѣ суда на все время судебнаго слѣдствія, не въ качествѣ стороны, не въ качествѣ свидѣтелей, которые впускаются въ залу суда и остаются передъ судомъ только на время своего показанія; а въ качествѣ спеціалиста судьи; въ залѣ, экспертовъ сажаютъ на особыя, почетныя кресла, поближе къ присяжнымъ, они пользуются наравнѣ съ судомъ, присяжными и сторонами правомъ предложенія свидѣтелямъ вопросовъ. Когда уже все судебное слѣдствіе кончено, всѣ слѣдственныя дѣйствія произведены, экспертамъ предлагаютъ высказаться по вопросамъ, касающимся ихъ спеціальныхъ свѣдѣній; забывая объ относительности тѣхъ свѣдѣній спеціальныхъ. представителями которыхъ они являются, или быть можетъ, въ силу этой относительности, эксперты, охватываютъ весь судебный матеріалъ, все судебное слѣдствіе, всѣ существенные вопросы и рѣшительно и увѣренно, прежде сторонъ, суда и присяжныхъ, высказываютъ свой взглядъ на все дѣло, на то, какъ оно должно быть разрѣшено. Этотъ взглядъ экспертами высказывается не какъ личный, какъ это дѣлается сторонами, а отъ лица непреложной, безошибочной, высоко безпристрастной науки, высказывается ея жрецами—людьми высшаго образованія—что же остается на долю остальныхъ участвующихъ въ процессѣ и, въ особенности скромныхъ представителей знанія жизни—присяжныхъ? Дѣло уже разрѣшено, съ точки зрѣнія науки, «компетентными» ея представителями,—остается только подчиниться, чтобы не быть заподозрѣнными въ невѣжествѣ; мы видѣли, насколько такое положеніе неестественно, насколько эксперты, именно, вовсе не годятся для разрѣшенія судебныхъ дѣлъ.

Второй вліятельной силой въ процессѣ является защита! Да простятъ мнѣ почтенные представители защиты, но нынѣшнее положеніе защиты и не у насъ однихъ—безусловно не хорошо; защита, столь необходимая для правильнаго процесса, является, къ сожалѣнію, очень часто лишь зломъ.

Не стану отрицать, что и русская защита, если её сравнить съ русскимъ же прокурорскимъ надзоромъ, быть можетъ, имѣетъ, въ своей средѣ, большее число даровитыхъ людей, чѣмъ прокурорскій надзоръ; въ числѣ защитниковъ есть извѣстное число лицъ, у которыхъ лица прокурорскаго надзора могутъ учиться; но общая масса, большинство защиты, если даже говорить лишь о присяжныхъ повѣренныхъ, не выдерживаетъ никакого сревненія съ прокурорскимъ надзоромъ въ одномъ существенномъ для су-

дебнаго дѣла вопросѣ—вопросѣ объ извѣстномъ «духѣ корпораціи», объ извѣстныхъ принципахъ дѣятельности, которые тверды въ прокурорскомъ надзорѣ и отсутствуютъ совершенно въ средѣ защиты. Помимо дисциплины прокурорскаго надзора, размѣры которой всѣ склонны, почему то, преувеличивать, представители прокурорскаго надзора, какъ лица служащія, какъ лица принадлежащія къ составу суда, держатся строго въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ рамкахъ, предписываемыхъ закономъ, а главное достоинствомъ власти, представителями которой они являются на судѣ, требованіями общественной нравственности и приличія Никакой прокуроръ, подъ опасеніемъ отвѣтственности передъ начальствомъ, передъ товарищами, передъ судомъ, всегда склоннымъ критиковать лицъ прокурорскаго надзора, состоящаго при судѣ, не позволитъ себѣ искажать фактовъ, выясненныхъ на судѣ, сомнѣваться въ общихъ и основныхъ принципахъ религіи и нравственности. Можно ли сравнить близость и силу корпоративнаго чувства лицъ судебнаго вѣдомства, сидящихъ, быть можетъ, рядышкомъ десятки лѣтъ за тѣмъ же столомъ, съ номинальной, корпоративной связью защитниковъ, часто не знающихъ другъ друга въ лицо. Нельзя успокаиваться на существованіи дисциплинарной отвѣтственности—это тяжелое орудіе, для котораго нуженъ матеріалъ и, въ сущности, нѣтъ лица, которое было бы обязано собирать матеріалъ. До свѣта присяжныхъ доходятъ только жалобы частныхъ лицъ, а нужно слишкомъ много, чтобы сталъ жаловаться самъ кліентъ.

Остановимся на положеніи, которое создаетъ современный законъ о процессѣ, защитѣ и прокурорскому надзору, и какое положеніе создаетъ себѣ сама защита фактически. Кого приходится защитѣ обѣлять?

Прежде всего, безъ причины противъ человѣка не возбуждаютъ обвиненія; въ 99% событіе преступленія доказано вполнѣ, затѣмъ имѣются улики спеціально противъ обвиняемаго; о значеніи этихъ уликъ судилъ слѣдователь, который привлекъ обвиняемаго къ слѣдствію, но могъ совершенно свободно направить дѣло на прекращеніе, никого не привлекая; могъ не привлекать обвиняемаго, если бы нашелъ это правильнымъ; о значеніи тѣхъ же уликъ судило затѣмъ лицо прокурорскаго надзора, писавшее обвинительный актъ; это лицо прокурорскаго надзора вмѣсто обвинительнаго акта могло вполнѣ свободно, по недостатку, по его мнѣнію, уликъ, написать заключеніе о прекращеніи слѣдствія, и дѣло не увидѣло бы свѣта; всѣ разсказы о томъ, что начальство будто бы требуетъ обвиненія — явно вымышлены; (я опять напоминаю что работа написана въ 1893 г. и что я имѣю въ виду конечно не политическія, религіозныя преступленія или преступленія, совершаемыя путемъ печати, а общія безъ

всякой «окраски») обвинительный актъ вмѣстѣ съ дѣломъ, прежде чѣмъ попасть на судъ, былъ въ разсмотрѣніи Палаты—судебнаго учрежденія, обсуждающаго коллегіально и тоже имѣвшаго право прекратить дѣло. Всѣ эти учрежденія и лица высказались за обвиненіе; несомнѣнно, ошибки могутъ быть и бываютъ, но надо сказать рѣдко. При такомъ положеніи, опредѣленіе закона о томъ, что стороны равны на судѣ, имѣетъ лишь одно значеніе—что для полнаго выясненія истины обвиняемому предоставлены тѣ же права, что и прокурорскому надзору; но едва-ли мы можемъ говорить о нравственномъ равенствѣ, о равенствѣ по силѣ убѣжденія; мы видѣли только что, какъ много имѣетъ за себя въ этомъ отношеніи прокуроръ и какъ именно это многое имѣетъ защита противъ себя; по большинству дѣлъ, всѣ обстоятельства дѣла, весь матеріалъ, собранный предварительнымъ слѣдствіемъ и провѣренный на судебномъ слѣдствіи, говоритъ противъ обвиняемаго; только въ немногихъ, рѣдкихъ случаяхъ самъ матеріалъ не вѣренъ, въ большинствѣ же случаевъ ничего изъ этого матеріала выбросить нельзя. При такомъ положеніи, защитѣ предстоитъ только слѣдующій выборъ: или, оставаясь въ рамкахъ приличія, въ рамкахъ, указываемыхъ самой несложной нравственностью, выяснить суду обстоятельства, которыя уменьшаютъ вину обвиняемаго, не отрицая самой вины, но этотъ путь слишкомъ скроменъ, и вотъ избираются другіе.

Заурядные защитники, не одаренные ораторскими и литературными талантами, прибѣгаютъ къ грубымъ и, да простятъ мнѣ, неостроумнымъ пріемамъ передергиванья фактовъ; они невѣрно, или несовсѣмъ вѣрно, передаютъ ихъ, произвольно сопоставляютъ, и затѣмъ выражаютъ сомнѣніе въ самыхъ простыхъ, несложныхъ и несомнѣнныхъ обстоятельствахъ.

Болѣе талантливые и одаренные защитники прибѣгаютъ къ другому способу. Гнушаясь способомъ первыхъ, а въ то же время сознавая отлично, что твердо установленныя, говоря языкомъ судебнымъ, обстоятельства составляютъ тотъ камень преткновенія, съ которымъ, такъ или иначе, справиться необходимо, они, въ разрѣзъ съ менѣе даровитыми, которые безумно пробуютъ перепрыгнуть черезъ этотъ камень, стараются обойти его; благодаря своимъ литературнымъ и ораторскимъ талантамъ, они стараются увлечь присяжныхъ въ сторону отъ этихъ прискорбныхъ, «непріятныхъ» обстоятельствъ, занять ихъ личностью преступника, для характеристики котораго они, во всякомъ случаѣ, не берутъ свѣдѣній изъ данныхъ судебнаго слѣдствія. Насъ увлекаютъ блестящей импровизаціей на общія темы: у подсудимаго есть престарѣлая мать, дѣти, предметъ страсти, есть идеалъ, принципы, выдающійся характеръ, это человѣкъ такого то типа; въ сущности, защитникъ говоритъ вовсе не о подсуди-

момъ, а вообще о человѣкѣ, у котораго такія-то семейныя и жизненныя отношенія, такія то черты характера; онъ не только просто поэтизируетъ личность подсудимаго, онъ ловко, искусно замѣняетъ подсудимаго личностью какого либо героя извѣстнаго литературнаго произведенія, заимствуя изъ того же произведенія и краски; часто, если не всегда, данныя слѣдствія не даютъ никакихъ основаній для подобной характеристики, быть можетъ, наоборотъ, всѣ описанныя качества сосредоточены въ потерпѣвшемъ, но вѣдь это заключается въ обстоятельствахъ дѣла, а о нихъ надо забыть. Поставивъ личность подсудимаго на пьедесталъ, создавъ вокругъ нея ореолъ, защитникъ переходитъ къ описанію положенія, въ которое эта идеализированная личность была поставлена; благодаря своему таланту, заставляя забывать о «прискорбныхъ обстоятельствахъ», защитникъ изображаетъ положеніе героя-преступника исключительнымъ, безвыходнымъ, въ которомъ всякій другой, заурядный, нравственный человѣкъ поступилъ бы хуже обвиняемаго.

Такія рѣчи, даже у самыхъ выдающихся представителей этого направленія, такъ бѣдны внутреннимъ содержаніемъ и отсутствіемъ внутренней логики, что онѣ не выдерживаютъ печати, но онѣ произносятся съ такимъ актерскимъ мастерствомъ, блестятъ такимъ несомнѣннымъ знаніемъ русской рѣчи, каждое слово такъ мѣтко, такъ прямо и заползаетъ въ сердце и запечатлѣвается въ памяти у присяжныхъ засѣдателей. Вспомнимъ, какъ образецъ, знаменитую фразу, обращенную къ матери Митрофаніи, защищавшейся незнаніемъ закона: «А заповѣдь Господню: не укради, вы забыли» (цитирую на память); дѣйствительно, заповѣдь господню то монахиня должна была бы знать; нѣсколько такихъ фразъ, и впечатлѣніе готово, но развѣ это доказательство? Всѣ подобныя рѣчи произносятся съ жаромъ; можетъ быть, какъ говорятъ французы, on s'échauffe à froid, но тонъ — несомнѣнно убѣжденный, тонъ человѣка глубоко убѣжденнаго въ невиновности своего кліента — обвиняемаго; и вотъ этотъ тонъ, по моему—самый крупный упрекъ, который можно сдѣлать защитѣ.

Можетъ ли быть, дѣйствительно, защитникъ убѣжденъ въ невиновности своего кліента, при томъ порядкѣ собиранія и оцѣнки уликъ и доказательствъ, который мы описали выше? Можетъ,—но только въ исключительныхъ случаяхъ, когда оказывается, что всѣ инстанціи, чрезъ которыя проходило дѣло до суда, были введены въ заблужденіе какой либо первоначальной невѣрностью, или неполнотой слѣдствія; но, повторяю, случаи эти рѣдки; при нормальномъ же положеніи, въ большинствѣ случаевъ, у защитника, развитаго и опытнаго въ судебномъ дѣлѣ человѣка,

не можетъ быть убѣжденья, да его и нѣтъ. А между тѣмъ, онъ говоритъ тономъ убѣжденнаго человѣка, это главный рычагъ защиты, это главное средство гипнотизированія и магнетизированія присяжныхъ засѣдателей; необходимо, чтобы у присяжныхъ засѣдателей получилось такое заключеніе: «такой талантливый, выдающійся человѣкъ, какъ защитникъ, очевидно глубоко убѣжденъ въ невиновности обвиняемаго, слѣдовательно, есть много основаній въ пользу обвиняемаго; нельзя же въ самомъ дѣлѣ заподозрить искренность этого тона». Къ этому результату, направлены всѣ усилія таланта, всѣ ораторскія и декламаторскія способности защиты; защитникъ превратился въ свидѣтеля, удостовѣряющаго о нравственной безупречности обвиняемаго и какой изъ защитника вышелъ свидѣтель—такой, которому, какъ человѣку выдающемуся, не вѣрить нельзя. А эти «прискорбныя» для обвиняемаго «обстоятельства» дѣла, на основаніи которыхъ, собственно то и разрѣшается дѣло, забыты, они выцвѣли сравнительно съ яркостью и неотразимостью показанія защитника—свидѣтеля.

Присяжные увлечены естественно, какъ всѣ бы увлеклись на ихъ мѣстѣ, и, вмѣсто того, чтобы разрѣшать «дѣло», они увѣнчиваютъ лаврами оратора и актера.

Къ счастью, такія увлеченія бываютъ далеко не такъ часто, какъ предполагаютъ; всякій разъ какъ выступаетъ защитникъ съ именемъ, оправдательный вердиктъ присяжныхъ приписываютъ его таланту; я глубоко убѣжденъ, по опыту, что это не вѣрно, что если имѣть возможность подробно изучить дѣла, то, по большинству, оправдательные вердикты вынесены, потому что въ тѣхъ обстоятельствахъ дѣла, отъ которыхъ напрасно защита, по разъ на всегда усвоенному пріему, старалась отвлечь вниманіе присяжныхъ, заключались такія данныя, которыя, несомнѣнно, должны были привести присяжныхъ къ оправданію; если бы, кромѣ вердикта по дѣлу, присяжные еще указывали бы, повѣрили ли они и убѣдились ли они доводами защиты, то, я не сомнѣваюсь, ореолъ защиты скоро бы совсѣмъ разсѣялся. Да не подумаетъ читатель, что я считаю прокурорскія рѣчи болѣе неотразимыми; я глубоко и искренно убѣжденъ, по опыту, что главное орудіе въ рукахъ сторонъ—это энергичное, подробное веденіе слѣдствія судебнаго съ выясненіемъ и оцѣнкой каждой мелочи по достоинству, съ стремленіемъ воспользоваться всякой возможностью создать новое доказательство; въ судебное слѣдствіе можно больше вложить чѣмъ въ самую краснорѣчивую рѣчь и присяжные, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, относясь поразительно внимательно къ слѣдствію, основываютъ на немъ, на этихъ «прискорбныхъ обстоятельствахъ» свое мнѣніе;

это надо сказать къ чести присяжныхъ, какое бы ни приписывали себѣ «стороны» вліяніе.

Но, тѣмъ не менѣе, направленіе дѣятельности, какъ экспертизы, такъ и защиты на судѣ, стремящихся отвлечь вниманіе присяжныхъ засѣдателей отъ ихъ прямой задачи, отъ того матеріала, который только и подлежитъ ихъ разрѣшенію, похитить ихъ права, подмѣнивъ другими, или ничѣмъ, исказить, однимъ словомъ, смыслъ института — безусловно вредное.

Къ сожалѣнію, современный процессъ континентальныхъ странъ Европы, устроенный по образцу французскаго, не приспособленъ для борьбы съ этимъ направленіемъ. Процессъ этотъ, подобно французскому, построенъ на красивомъ, по своей внѣшней точности, и яркомъ, именно въ французскомъ вкусѣ, принципѣ разграниченія судей факта отъ судей права, причемъ первыми являются присяжные засѣдатели; но естественно ли, возможно ли такое разграниченіе, приноситъ ли оно какую либо пользу, или только вредъ, объ этихъ соображеніяхъ какъ будто бы позабыли. Въ видахъ болѣе точнаго и абсолютно прямолинейнаго проведенія этого принципа, современныя законодательства связали по рукамъ и по ногамъ двѣ главныя, дѣйствующія силы въ современномъ процессѣ: присяжныхъ съ одной стороны, и судъ съ другой, исключивъ, такимъ путемъ, всякую возможность единенія этихъ двухъ силъ.

На родинѣ суда присяжныхъ, въ Англіи, такое единеніе существуетъ, (Anklage, Wahrspruch, u. Rechtsmittel im englischen Schwurgerichttsverfahren v. Dr. Iulius Glaser Erlangen 1866 г.) и на континентѣ начинаетъ сознаваться необходимость въ такомъ единеніи—доказательствомъ такого сознанія служитъ новый законъ Кантона Женевы въ Швейцаріи (Loi modifiant le Code d'instruction penale du 25 Octobre 1884 du 1 Octobre 1890).

Такое общеніе вызывается, прежде всего, тѣмъ, что въ англійскомъ процессѣ, а равно и въ женевскомъ, откинутъ главный принципъ французскаго процесса о разъединеніи сужденія о фактѣ отъ сужденія о правѣ. И въ англійскомъ процессѣ судьями факта являются собственно присяжные, а судьями права—коронные судьи, но практическій англійскій процессъ призналъ, что послѣдовательное и неумолимое проведеніе такого разъединенія невозможно, что присяжнымъ, при разрѣшеніи вопроса о виновности постоянно приходится разрѣшать цѣлый рядъ вопросовъ права, которые, такъ сказать, включены, подразумѣваются въ вопросѣ о виновности и должны быть предрѣшены, при рѣшеніи этого вопроса. Поэтому, присяжные засѣдатели получаютъ полную свободу въ ознакомленіи съ вопросами права; предсѣдатель обязанъ имъ разъяснить всѣ вопросы

права, которые могутъ возникнуть, при разрѣшеніи даннаго дѣла, напр., въ дѣлахъ о подлогахъ, о двоеженствѣ и д.; разъясненія предсѣдателя въ этомъ отношеніи обязательны для суда присяжныхъ и подлежатъ кассаціонному обжалованію; русскій процессъ отступаетъ, въ этомъ отношеніи, отъ французскаго и присяжные получаютъ изъ устъ предсѣдателя соотвѣтственныя разъясненія, но англійскіе присяжные, кромѣ того могутъ потребовать, чего не могутъ ни русскіе, ни германскіе (Holtzendorf Handbuch d. deutschen strafprocesses 1879, II т. 113—218 G. Meyer Hauptverh. v. d. Schhurg.) въ совѣщательную комнату всѣ тѣ сочиненія, какъ юридическія, такъ и изъ другихъ областей наукъ естественныхъ и др., о которыхъ упоминалось въ рѣчахъ и само собой разумѣется текстъ законовъ; такимъ образомъ, англійскіе присяжные могутъ дѣйствовать съ полнымъ знаніемъ всей юридической стороны разрѣшаемаго ими дѣла и съ полнымъ сознаніемъ всѣхъ тѣхъ послѣдствій правовыхъ, которыя будетъ имѣть ихъ вердиктъ, въ той или другой формѣ.

Съ другой стороны, англійскій процессъ признаетъ, что нѣтъ основаній лишать судей коронныхъ всякаго участья въ разрѣшеніи фактической стороны дѣла. Въ континентальномъ процессѣ предсѣдатель ограничивается произнесеніемъ резюме, въ которомъ, оцѣнивая фактическую сторону дѣла и значеніе выяснившихся на судѣ данныхъ, долженъ, прежде всего, избѣгать выраженія своего собственнаго мнѣнія на счетъ того, что же можно признать на судебномъ слѣдствіи установленнымъ, доказаннымъ и что не доказано; отсюда и получается та форма, въ которой произносятся резюме самыми талантливыми людьми: «если вы признаете доказаннымъ то-то, то это будетъ имѣть такое значеніе, если то то, то такое»; сатирикъ Щедринъ называлъ такой языкъ эзоповскимъ; выраженіе собственнаго мнѣнія предсѣдателемъ явилось бы крупнымъ кассаціоннымъ поводомъ; при такихъ условіяхъ, задача, выпадающая на долю предсѣдателя просто невыполнима: судить о вещахъ, не выражая собственнаго мнѣнія; мнѣніе это все-таки выражается, хотя и контрабандой, неясно и, слѣдовательно, безполезно. Строго логическій французскій процессъ закономъ 19 іюня 1881 г. (art. 336 C. I C.) запретилъ предсѣдателямъ вовсе вдаваться въ оцѣнку выяснившихся на судѣ фактическихъ данныхъ и, такимъ образомъ, лишилъ судей коронныхъ, окончательно, всякаго участья въ разрѣшеніи фактической стороны дѣла, а съ другой стороны лишилъ присяжныхъ необходимаго руководства въ разрѣшеніи этой фактической стороны дѣла. Руководство это,—главнымъ образомъ, должно выражаться въ направленіи веденія преній, такъ сказать, во внѣшнихъ предсѣдательскихъ обязан-

ностяхъ; въ недостаткѣ этого руководства — слабая сторона современнаго суда присяжныхъ.

Будучи послѣдовательными, мы на основаніи высказаннаго во второй главѣ, утверждаемъ, что для разрѣшенія уголовнаго дѣла нужны не знанія науки, а знанія жизни, почему собственно какой либо образовательный цензъ для присяжныхъ не необходимъ; присутствіе людей интеллигентныхъ, среди присяжныхъ, несомнѣнно полезно, хотя бы въ числѣ одного, двухъ на весь составъ, даже важно, въ смыслѣ руководства преніями присяжныхъ; для исполненія этой функціи — руководства преніями — несомнѣнно необходимъ извѣстный умственный цензъ — опытность судьи представляетъ, разумѣется, наилучшія данныя для такого руководства. Несомнѣнно, желательно, чтобы пренія передъ рѣшеніемъ дѣла происходили между присяжными, чтобы вопросы и сомнѣнія обсуждались; между тѣмъ, какъ выяснила новая практика суда присяжныхъ въ Женевѣ, (статья Э. Пико, предсѣдателя Cour de justice de Genéve Zeitsch. f. schweiz. Strafr. Revue penale suisse 1 и 2 Heft. 1893 стр. 63) многіе присяжные, входя въ совѣщательную, тотчасъ же, безъ всякаго обсужденія, выражаютъ свое мнѣніе, рѣшительно и окончательно; старшина присяжныхъ, вмѣсто того чтобы, какъ требуетъ законъ, выражать мнѣніе послѣднимъ, выражаетъ его первымъ. Все это недостатки формальные, легко устранимые порученіемъ руководства преніями, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, предсѣдателю суда; тѣмъ самымъ, предсѣдателю, правда, представляется извѣстная доля участья въ разрѣшеніи фактической стороны дѣла. Въ англійскомъ процессѣ, руководство предсѣдателя выражается въ томъ, что, прежде удаленія присяжныхъ въ совѣщательную комнату, предсѣдательствующій судья вступаетъ съ ними, въ залѣ же суда, въ бесѣду на счетъ результатовъ судебнаго слѣдствія, спрашиваетъ ихъ: какія данныя они признаютъ установленными судебнымъ слѣдствіемъ? Несомнѣнно, такая форма руководства неизмѣримо выше предсѣдательскаго резюме, стѣсненнаго неестественными рамками, односторонняго, а потому, большей частью, не слушаемаго; живой обмѣнъ мыслей между предсѣдателемъ и присяжными, при чемъ послѣдніе вызываются, такъ сказать, приглашаются, подумать, обсудить, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, чрезвычайно важенъ, такъ какъ вызываетъ именно активное обсужденье со стороны присяжныхъ обстоятельствъ дѣла; ихъ, такъ сказать, возвращаютъ къ обстоятельствамъ дѣла; они должны отдать себѣ отчетъ, какія обстоятельства они признаютъ установленными и почему; тутъ меньше основаній для безотчетнаго слѣдованія увлеченію рѣчами защиты и заключеніемъ экспертизы. Англійскій предсѣдатель, тутъ же, въ бесѣдѣ съ при-

сяжными, обсуждаетъ, вмѣстѣ съ ними, выясненное на слѣдствіи и указываетъ присяжнымъ, при какихъ условіяхъ они могутъ осудить или оправдать.

Въ женевскомъ процессѣ (ст. 208) тотъ же обмѣнъ мыслей происходитъ между предсѣдателемъ и присяжными засѣдателями уже не въ залѣ суда, а въ совѣщательной, причемъ предсѣдатель участвуетъ въ преніяхъ, при разрѣшеніи присяжными самого вопроса о виновности, руководитъ ихъ преніями, имѣя лично лишь совѣщательный голосъ.

Такимъ путемъ, эти два процесса, англійскій и женевскій, восполняютъ суду присяжныхъ то, что ему не достаетъ: руководство въ преніяхъ при разрѣшеніи дѣла, и достигаютъ взаимодѣйствія главныхъ, дѣйствующихъ въ процессѣ, силъ: суда короннаго и суда присяжныхъ, взаимодѣйствія дѣйствительнаго.

Взаимодѣйствіе это продолжается и въ дальнѣйшей стадіи процесса. Въ Англіи, присяжные засѣдатели выносятъ отвѣты (вердиктъ) устно, а не письменно, и предсѣдатель вновь вступаетъ съ ними въ переговоры, при чемъ, весьма часто, какъ видно изъ примѣровъ, приводимыхъ Глазеромъ, рѣшительно высказываетъ присяжнымъ свое мнѣніе, указываетъ, что подсудимый долженъ быть оправданъ и возвращаетъ ихъ къ новому обсужденію; не надо забывать, что отъ англійскихъ присяжныхъ требуется единогласіе. Въ женевскомъ процессѣ (ст. 207) послѣ произнесенія присяжными вердикта по дѣлу, наказаніе подсудимому опредѣляется не однимъ коронным судомъ, а судомъ, совмѣстно съ участвующими въ дѣлѣ присяжными засѣдателями. Такое участье присяжныхъ имѣетъ громадное значеніе въ томъ отношеніи, что при постановленіи вердикта они обсуждаютъ спокойно и безотносительно вопросъ о виновности обвиняемаго, не задаваясь вопросомъ, какое наказаніе повлечетъ за собой ихъ вердиктъ, такъ какъ увѣрены, что о размѣрѣ наказанія они выскажутся своевременно.

Такимъ образомъ, какъ англійскій, такъ и женевскій процессы, проникнуты одной, вполнѣ здоровой, мыслью достигнуть правильнаго, наиболѣе соотвѣтствующаго истинному правосудію дѣйствительнаго взаимодѣйствія двухъ, самыхъ существенныхъ, необходимыхъ силъ процесса: суда коронаго и суда присяжныхъ. Наоборотъ, процессъ континентальный, созданный на манеръ французскаго, связываетъ по рукамъ и ногамъ эти обѣ основы процесса, дѣйствительно безпристрасныя, дѣйствительно могущія осуществить, путемъ взаимодѣйствія, правильное правосудіе, но за то вполнѣ развязываетъ руки экспертизѣ и защитѣ—силамъ, которымъ никоимъ образомъ не можетъ быть ввѣрена охрана правосудія въ странѣ. Присяжныхъ засѣдателей, при современномъ состояніи процесса на континентѣ,

оставляютъ вполнѣ на произволъ судьбы: будетъ ли у нихъ руководитель или нѣтъ, устоятъ ли они передъ черезчуръ авторитетными заключеніями экспертизы, передъ черезчуръ несдержанными рѣчами защиты, не забудутъ ли, подъ вліяніемъ увлеченія, фактическихъ обстоятельствъ дѣла—единственную основу для разрѣшенія дѣла—все это предоставляется судьбѣ, случаю, а когда выходитъ, по временамъ, нехорошо, то приписываютъ неудачу и промахи самому суду присяжныхъ, а не тѣмъ неудовлетворительнымъ условіямъ, въ которыя онъ поставленъ и хотятъ уничтожить самъ институтъ присяжныхъ.

Мы далеки отъ мысли, что можно цѣликомъ пересадить къ намъ приспособленія англійскаго и женевскаго процессовъ, мы даже не станемъ отрицать, что, можетъ быть, 30 лѣтъ тому назадъ и нельзя было дать другого устройства суду присяжныхъ, было опасно расширить власть предсѣдателя, требовать излишней откровенности отъ присяжныхъ и теперь, я думаю, въ этомъ отношеніи, надо быть гораздо умѣреннѣе, чѣмъ англійскій и женевскій процессъ; нужны у насъ болѣе серьезныя мѣры для огражденія независимости, все еще молодого, суда присяжныхъ отъ давленія и со стороны предсѣдателя и со стороны общества, говоря вообще; мѣры, принятыя въ Англіи и Женевѣ слишкомъ смѣлы для насъ, онѣ могутъ оставаться безопасными и безвредными только при особомъ развитіи въ этихъ странахъ самодѣятельности отдѣльныхъ личностей и независимости всего общества съ одной стороны и особой школы судейскаго персонала, которая у насъ еще, разумѣется, выработаться не успѣла.

Но нѣкоторыя поправки въ современное положеніе могутъ быть внесены и притомъ поправки скорѣе практики, чѣмъ закона.

Такъ, прежде всего, кто, какъ не практика, создала то особое ненормальное положеніе экспертизѣ, благодаря которому экспертиза только и могла пріобрѣсти то громадное вліяніе на разрѣшеніе дѣлъ, которымъ она пользуется.

«Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія» говоритъ заповѣдь Господня; въ чемъ виноваты присяжные, если они, эти новички въ судѣ, поклоняются тому же кумиру, которому, на ихъ глазахъ, поклоняются стороны и самъ судъ; это поклоненіе создано не закономъ, а практикой, и создавшіе ее, безъ всякой законодательной реформы, могутъ и измѣнить ее; наоборотъ, это именно будетъ введеніемъ экспертизы въ рамки, указанныя закономъ (это особенно ярко проявилось во французскомъ процессѣ, гдѣ въ текстѣ Устава угол. судопроизводства нѣтъ даже слова—экспертъ, а выдающееся положенія создано практикой).

Такъ, прежде всего, такъ сказать по существу, намъ кажется, что не

слѣдуетъ ни суду ни сторонамъ предлагать экспертамъ такихъ вопросовъ, которые не подлежатъ ихъ разрѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, эксперты-врачи (главный и существенный видъ экспертовъ), какъ представители спеціальныхъ медицинскихъ познаній, призываются, чтобы отвѣтить на вопросы, какого характера усмотрѣнныя поврежденія, т. е. опасныя для жизни, или нѣтъ, былъ ли введенъ ядъ и въ чемъ заключаются признаки введенія яда, была ли смерть послѣдствіемъ поврежденій или яда, или она вызвана была какими либо болѣзненными процессами въ самомъ организмѣ потерпѣвшаго; вмѣсто этихъ вопросовъ, экспертовъ спрашиваютъ: скажите: что смерть была естественная или насильственная, по вашему мнѣнію; тогда какъ очевидно, что ядъ могъ быть введенъ и добровольно и по неосторожности, поврежденія могли быть получены тоже по неосторожности и дальше продолжаютъ: «скажите, пожалуйста, обвиняемый могъ бы нанести такія поврежденія, долго-ли, много-ли бы ему пришлось бить, этимъ орудіемъ можно причинить такія то, усмотрѣнныя, поврежденія? какъ будто бы всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только экспертами, какъ будто бы, для разрѣшенія ихъ, необходимы познанія въ естественныхъ наукахъ и въ особенности въ медицинѣ; и далѣе, необходимо знать: здоровъ ли психически обвиняемый и, если нездоровъ, какіе усматриваются признаки нездоровія, а вмѣсто того спрашиваютъ о томъ, вмѣняемъ ли обвиняемый по мнѣнію эксперта или нѣтъ, разница громадная; вопросъ о вмѣняемости, мы видѣли выше, гораздо шире разрѣшается присяжными, да и вообще вопросъ о вмѣненіи далеко не медицинскій, собственно медицина кончается описаніемъ признаковъ проявленія болѣзни, мы видѣли выше, на случаѣ эпилепсіи petit mal у Д., что врачи признали невмѣняемость, между тѣмъ какъ сдѣланное ими самими описаніе болѣзни противорѣчило такому заключенію.

Предложеніемъ вышеприведенныхъ вопросовъ эксперты не только поощряются, а прямо понуждаются къ разрѣшенію самыхъ существенныхъ вопросовъ въ дѣлѣ, вовсе не подлежащихъ ихъ разрѣшенію: о томъ была ли смерть потерпѣвшаго насильственной и можно ли вмѣнить обвиняемому совершенное имъ дѣяніе? Не надо предлагать подобныхъ вопросовъ, а послѣдствія такого предложенія вполнѣ неизбѣжны.

Мы полагали бы, поэтому, что какъ судъ, такъ и стороны, должны воздержаться отъ предложенія подобныхъ вопросовъ, а судъ долженъ наблюсти за сторонами и присяжными, въ этомъ отношеніи.

Это по существу. За тѣмъ, относительно положенія на судѣ, мы полагали бы слѣдующее.

Прежде всего мы считаемъ совершенно и неправильнымъ и даже прямо незаконнымъ (прим. къ ст. 692 У. У. С.) появленіе психіатровъ на судѣ, въ качествѣ экспертовъ. Никакой экспертизы въ области психіатріи въ судѣ, т. е. въ судебномъ по дѣлу засѣданіи, быть не можетъ; для заключенія о психическомъ состояніи обвиняемаго необходимо продолжительное испытаніе, наблюденіе въ больницѣ; только такимъ путемъ, можно выяснить, не притворяется ли обвиняемый, опредѣлить, какія проявленія болѣзненныя можно замѣтить у обвиняемаго—это въ сущности положеніе безспорное, не отрицамое и сколько нибудь солидными психіатрами. За тѣмъ, разрѣшеніе вопроса о психическомъ состояніи обвиняемаго настолько сложно, что оно, какъ намъ кажется, безусловно не можетъ быть включено, въ качествѣ одного изъ слѣдственныхъ дѣйствій, въ разсмотрѣніе серьезнаго уголовнаго дѣла въ судебномъ засѣданіи, его нельзя разрѣшить—этотъ вопросъ—мимоходомъ, въ горячей обстановкѣ судебнаго засѣданія по дѣлу, не даромъ и законъ указалъ, даже въ случаѣ обнаруженія признаковъ психической болѣзни во время засѣданія—испытаніе въ томъ же, особомъ присутствіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, а не въ самомъ судебномъ засѣданіи. Если же вопросъ о психическомъ состояніи уже разрѣшенъ въ установленномъ закономъ присутствіи Окружнаго Суда, то нѣтъ основаній вновь перевершать принятое разъ рѣшеніе тому же суду, съ участьемъ присяжныхъ засѣдателей. Такимъ образомъ, мы считали бы возможнымъ появленіе на судѣ лишь врачей, лѣчившихъ, наблюдавшихъ обвиняемаго и при томъ въ качествѣ свидѣтелей, а не экспертовъ; въ строгихъ рамкахъ показаній свидѣтелей о видѣнномъ и наблюденномъ, безъ всякихъ выводовъ, но и то не въ видахъ разрѣшенія или даже возбужденія вопроса о вмѣняемости, а въ видахъ описанія состоянія обвиняемаго, вслѣдъ за совершеніемъ преступленія. Но и подобное появленіе, мнѣ кажется, должно быть допускаемо какъ можно рѣже, ибо, при нынѣшнемъ положеніи защиты, ее трудно будетъ удержать отъ возбужденія, рѣшеннаго уже однажды, вопроса о вмѣняемости.

Затѣмъ, весьма важнымъ мы считали бы избѣгать, по возможности, оставленія экспертизы въ залѣ суда, во всякомъ случаѣ, эксперты, если дѣйствительно имъ необходимо знать нѣкоторыя подробности обстоятельствъ, сопровождавшихъ болѣзнь и смерть потерпѣвшаго, должны быть оставляемы только на время допросовъ свидѣтелей, показывающихъ именно объ этихъ обстоятельствахъ; въ крайнемъ случаѣ, свидѣтели эти могутъ быть допрощены предварительно только объ этихъ обстоятельствахъ. Такимъ путемъ, намъ казалось бы, можно избѣгнуть предоставленія экспертизѣ охватывать своими заключеніями все судебное слѣдствіе, такимъ об-

разомъ можно ввести экспертизу въ законныя рамки—одного изъ судебныхъ доказательствъ.

Наконецъ и послѣдній, и не менѣе важный, чѣмъ предыдущіе, вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ приглашать, въ качествѣ эксперта? Несомнѣнно, что этотъ вопросъ далеко не разработанъ еще, и что настоящее положеніе безусловно не правильно. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, предоставлять чуть ли не судейскія права, а большею частью и вполнѣ судейскія лицамъ, которые никакихъ гарантій безпристрастія не только судейскаго, но и общаго, самого умѣреннаго, не представляютъ; вѣдь не можетъ же такой гарантіей служить одинъ дипломъ на ученую степень, или просто дипломъ объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія; отчего же тотъ же дипломъ не считается достаточной гарантіей для судьи? Какую, въ самомъ дѣлѣ, отвѣтственность можетъ нести, какому контролю подлежать случайно приглашенное, быть можетъ разъ въ жизни лицо, приглашенное быть можетъ даже не судомъ а обвиняемымъ, на свой счетъ? А между тѣмъ, и это лице на судѣ будетъ выслушано съ большимъ вниманіемъ какъ представитель науки, въ которой никто изъ участвующихъ въ процессѣ лицъ не можетъ быть столь же компетентенъ; довѣріе къ представителю науки по вопросамъ научнымъ, такъ понятно. А если оно будетъ нарушено, кто можетъ, не только привлечь къ отвѣтственности, но просто доказать, что нарушеніе довѣрія имѣло мѣсто? Заключенія экспертизы въ протоколъ не вносятся, положенія науки медицины такъ относительны, столько различличныхъ взглядовъ на тотъ же вопросъ, а тѣмъ болѣе на такіе спорные вопросы, какіе возникаютъ, обыкновенно, въ залѣ суда; необходимо, безусловно необходимо, признать, что для современной экспертизы никакого контроля нѣтъ и современный выборъ экспертовъ не представляетъ никакихъ гарантій безпристрастія и добросовѣстности. Вотъ почему, мы думаемъ, что на судъ, въ качествѣ эксперта, можетъ являться только судебный врачъ, какъ лицо избранное, какъ постоянный экспертъ, съ опредѣленными правами и опредѣленной отвѣтственностью, дѣйствующій опредѣленнымъ, указаннымъ закономъ и высшими авторитетами медицины, образомъ при дачѣ заключеній.

Мы не будемъ останавливаться на болѣе подробномъ развитіи понятія судебнаго врача—это бы вывело насъ изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія.

Другой кумиръ современнаго процесса—защита, мнѣ кажется, также долженъ быть развѣнчанъ и не какимъ либо законодательнымъ путемъ, а путемъ измѣненія практики.

Существуетъ въ настоящее время воззрѣніе, что не гуманно стѣснять защиту, что это, въ сущности, значитъ нарушать равенство сторонъ, ли-

шать возможности обвиняемаго доказывать свою невиновность, однимъ словомъ препятствовать раскрытію истины. Это воззрѣніе основано на несомнѣнномъ недоразумѣніи. Обвиняемый и защитникъ не одно и то же. Обвиняемому должно быть предоставлено всегда говорить, сколько угодно и что угодно, ибо всякое его слово, какъ бы онъ ни лгалъ, всегда будетъ только способствовать раскрытію истины, будетъ лишнимъ матеріаломъ для его характеристики, 12, житейски опытныхъ присяжныхъ оцѣнятъ, по достоинству, его объясненія. Но если отступаетъ отъ истины адвокатъ, то это можетъ служить только къ его личной характеристикѣ—что не имѣетъ значенія, а практически лишь къ затемненію и замедленію разрѣшенія дѣла. Мы не думаетъ объявлять крестоваго похода защитѣ, мы бы только желали, чтобы практическн примѣнялось положеніе закона о равенствѣ сторонъ и защитѣ не позволялось бы больше, чѣмъ позволяется представителю прокурорскаго надзора; наши желанія не идутъ дальше этого; люди, практически работавшіе надъ судебнымъ дѣломъ, поймутъ насъ; мы думаемъ, что, при другомъ отношеніи къ защитѣ, въ ея рѣчахъ будетъ меньше литературы и больше дѣла; если это будетъ труднѣе для защиты, за то истина отъ этого, несомнѣнно, выиграетъ.

Затѣмъ, мы считаемъ, что и присяжные должны быть вооружены большими правами.

Такъ, прежде всего, всякая игра въ прятки относительно наказанія неумѣстна и присяжнымъ должно быть точно и подробно объяснено, при вручении вопроснаго листа, какимъ наказаніямъ можетъ подлежать подсудимый, въ случаѣ обвинительнаго вердикта, какая возможна градація наканія при смягченіи и устраненіи того или другаго отягчающаго обстоятельства.

Мы думаемъ дальше, что присяжные засѣдатели должны имѣть право потребовать въ совѣщательную комнату всѣ тѣ сочиненія, которыя упоминались экспертами и сторонами въ рѣчахъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія и, во всякомъ случаѣ, они имѣютъ право заглянуть и навести справки въ совѣщательной по тѣмъ учебникамъ судебной медицины, которые будутъ разрѣшены циркулярами высшихъ учрежденій и потребовать затѣмъ, въ случаѣ сомнѣній, новыхъ разъясненій отъ экспертизы; само собой разумѣется, что уголовный кодексъ долженъ находиться въ совѣщательной.

Затѣмъ, мы считали бы весьма полезнымъ участье присяжныхъ, вмѣстѣ съ судомъ, по провозглашеніи вердикта, въ опредѣленіи размѣра наказанія. Это бы совершенно устраняло мысль о наказаніи, при обсужденіи вопроса о виновности.

Затѣмъ, въ смыслѣ руководства присяжными засѣдателями при обсужденіи ими вопроса о виновности, мы считали бы возможнымъ слѣдующее.

Мы не считаемъ возможнымъ предоставить предсѣдателю входить въ совѣщательную, вмѣстѣ съ присяжными, и тамъ, вмѣстѣ съ ними, обсуждать вопросы о виновности; мы, я думаю, имѣемъ серьезныя основанія опасаться, съ одной стороны: будетъ ли обладать предсѣдатель достаточной выдержкой и воздержится ли онъ отъ насилованія мнѣнія присяжныхъ, а съ другой, мы глубоко убѣждены, что очень многіе изъ присяжныхъ не рѣшатся прямо, въ глаза, высказать предсѣдателю мнѣніе, несогласное съ его мнѣніемъ; а если онъ потребуетъ митивировать, а если затѣмъ онъ осмѣетъ мотивировку? Мы не думаемъ, чтобы самое мнѣніе предсѣдателя имѣло бы такое вліяніе на присяжныхъ, далеко нѣтъ, а именно мужества у нихъ не хватитъ въ глаза не согласиться съ предсѣдателемъ, другое дѣло за глаза, въ общемъ приговорѣ—вердиктѣ.

Мы думаемъ, что и опросъ публичный присяжныхъ, практикуемый въ Англіи, требуетъ слишкомъ большой откровенности, возможной и безнаказанной, можетъ быть, только при особыхъ политическихъ и общественныхъ нравахъ.

Руководителемъ присяжныхъ долженъ быть старшина. Мы не думаемъ, чтобы бывали исключительно цѣликомъ, такъ сказать «сѣрые» составы; если, благодаря предоставленному ей праву вычеркиванья, защита иногда добивается безусловно «сѣраго» состава, лишая намѣренно присяжныхъ руководителей, то такому старанію защиты долженъ быть положенъ предѣлъ тѣмъ, что въ случаѣ если въ составъ 12 не попадетъ ни одного интеллигентнаго, то присяжные имѣютъ право выбрать изъ всего списка сессіоннаго кого либо въ предсѣдатели, съ тѣмъ, что одинъ изъ попавшихъ въ число 12, вышелъ бы по жребію; въ случаѣ если бы такой выборъ не состоялся по какимъ либо причинамъ, судъ производитъ новую жеребьевку; если судъ замѣтитъ, что, съ уходомъ трехъ вычеркнутыхъ защитой, въ составѣ присяжныхъ не останется ни одного интеллигентнаго судъ имѣетъ право лишить защиту права на вычеркиванье.

Кого считать интеллигентнымъ, надо предоставить вполнѣ усмотрѣнію суда (не предсѣдателя); слово интеллигентный понимается, въ этомъ случаѣ, не въ смыслѣ человѣка непремѣнно съ высшимъ образованіемъ, а человѣка образованнаго, способнаго, могущаго руководить преніями присяжныхъ.

Затѣмъ, мы считали бы необходимымъ внести и извѣстный порядокъ въ самыя преніе присяжныхъ, остававшіяся безъ всякихъ указаній; нужно, чтобы старшина имѣлъ, по крайней мѣрѣ, указанія, какъ вести преніе; такія указанія, по нашему мнѣнію, должны даваться по каждому дѣлу и состоять въ томъ, что старшинѣ долженъ быть вручаемъ, при уходѣ, кромѣ

вопроснаго листа, листъ съ указаніемъ тѣхъ фактическихъ вопросовъ и вообще всѣхъ тѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ судебнаго слѣдствія, которые присяжные должны разрѣшить прежде, чѣмъ приступить къ разрѣшенію вопроса о виновности; листъ этотъ не требуетъ отвѣтовъ, какъ вопросный листъ—это просто программа преній, но старшинѣ должно быть разъяснено, что, прежде чѣмъ приступить къ голосованію и допустить присяжныхъ до таковаго, онъ долженъ каждаго присяжнаго опросить по врученной программѣ и получить отвѣтъ. При такомъ опросѣ, получатся почти тѣ же результаты, какъ и при опросѣ англійскаго предсѣдателя, т. е. присяжные вынуждены будутъ остановить свое вниманіе на обстоятельствахъ дѣла, отдать себѣ отчетъ, что они признаютъ доказаннымъ и что нѣтъ. Въ выработкѣ этого листа-программы принимаютъ участье, какъ и въ выработкѣ вопроснаго листа, судъ, присяжные и стороны; въ него вносится все существенное, рѣшаетъ вопросъ о существенности судъ.

Такимъ путемъ, намъ кажется, будутъ значительно упорядочены пренія присяжныхъ и, въ то же время, сохранена и тайна ихъ совѣщаній и свобода ихъ мнѣній.

Что касается до резюме предсѣдателя, то мы не придаемъ ему особо важнаго значенія; въ настоящую минуту оно не имѣетъ смысла. Если же его оставить, то необходимо предоставить предсѣдателю право прямо и открыто высказать свое мнѣніе о всемъ, происходившемъ на судѣ, вмѣнивъ ему въ обязнность только подчеркнуть, что это его личное мнѣніе, а не мнѣніе суда; мы думаемъ, что никакой опасности отъ этого не произойдетъ; наоборотъ, отъ этого личнаго мнѣнія будетъ такимъ образомъ отнятъ ореолъ безпристрастія суда, не будетъ сомнѣнія, что это не мнѣніе суда, а лишь личное мнѣніе одного изъ судей, хотя бы и старшаго. Какъ часто то же личное мнѣніе высказывается и нынѣ, переходя подчасъ въ обвинительную или защитительную рѣчь, но лишь въ оболочкѣ безпристрастія, высоты судейской надъ сторонами—нынѣшнее положеніе гораздо опаснѣе. А услышать мнѣніе, личное мнѣніе опытнаго судьи будетъ даже полезно присяжнымъ.

Мы не настаиваемъ особенно на предложенныхъ нами поправкахъ къ современной постановкѣ у насъ суда присяжныхъ.

Мы старались лишь, въ наше время всеобщаго гоненія на судъ присяжныхъ, выяснить, что судебное дѣло не можетъ быть поручено людямъ науки, или какой либо профессіи, что судъ присяжныхъ—есть лучшая форма суда, что взамѣнъ этой формы ничего лучше до настоящаго времени не придумали, что если въ дѣятельности суда присяжныхъ имѣются

недостатки, то въ нихъ виноватъ не судъ присяжныхъ, а нѣкоторыя процессуальныя условія, при которыхъ этому суду приходится дѣйствовать.

Эти процессуальныя условія могутъ быть измѣнены, но всякія измѣненія, которыя были бы предложены въ этомъ направленіи, только тогда принесутъ пользу, если ими будетъ руководить убѣжденье въ полезности суда присяжныхъ, въ необходимости его сохранить, любовь къ этому суду, любовь и уваженіе, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ, если къ его дѣятельности отнестись внимательно и безпристрастно.

Коренныя особенности постановки суда присяжныхъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ [1]).

Судъ присяжныхъ засѣдателей, по существу своему, несомнѣнно произведеніе народнаго, непосредственнаго, творчества въ области правовой, а не созданіе обдуманной, раціональной, планомѣрной, дѣятельности государственныхъ дѣятелей; поэтому-то нѣтъ государства въ Европѣ, гдѣ бы этотъ судъ въ ранніе вѣка исторіи не возникалъ совершенно самостоятельно, въ силу тѣхъ же общихъ основныхъ потребностей и условій удовлетворенія ихъ. Къ сожалѣнію, однако, для государствъ континентальной Европы онъ здѣсь долго не удержался, и тотъ судъ присяжныхъ засѣдателей, который теперь дѣйствуетъ во всѣхъ почти континентальныхъ европейскихъ государствахъ (если не ошибаюсь, за исключеніемъ Голландіи и нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи), уже является институтомъ заимствованнымъ, и притомъ не особенно давно, изъ Англіи. Въ этой послѣдней странѣ онъ возникъ приблизительно въ то же время, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ (въ саксонскій періодъ англійской исторіи); оставаясь по существу тѣмъ же, онъ постепенно развивался и приспособлялся къ новымъ потребностямъ и задачамъ и сохранился и до нашихъ дней. Такимъ образомъ, здѣсь онъ является произведеніемъ непосредственнаго, въ значительной мѣрѣ можетъ быть даже безсознательнаго, народнаго творчества, народной жизни и ея потребностей; онъ служитъ жизни, и англійскій народъ, любя этотъ институтъ и пользуясь его услугами, не встрѣчалъ особой надобности въ точномъ опредѣленіи достоинствъ его англійской постановки, такъ какъ она

---

[1]) Напечатана въ журн. Мин. Юст. 1898. Январь.

По поводу книги Jean Cruppi.—La Cour d'assises. Paris.—1888.

удовлетворяла и удовлетворяетъ въ высшей мѣрѣ и въ наше время всѣмъ задачамъ правосудія.

Другое дѣло въ континентальной Европѣ: здѣсь этотъ институтъ былъ привитъ искусственно, былъ введенъ на основаніи извѣстныхъ глубокихъ и вѣрныхъ общихъ государственныхъ соображеній о пользѣ такой формы отправленія правосудія. Но всякое позаимствованіе есть воспроизведеніе того, что существуетъ въ другой странѣ, а для того, чтобы воспроизвести полностью или отчасти извѣстный правовой институтъ, существующій и дѣйствующій, надо его изучить, надо опредѣлить, въ чемъ его природа, его особенности. Англичане не встрѣчали, какъ я уже сказалъ выше, особенной надобности въ такомъ изученіи и сдѣлали это французы, которые первыми изъ народовъ континентальной Европы ввели у себя этотъ институтъ; изъ Франціи, а не непосредственно изъ Англіи, былъ перенятъ судъ присяжныхъ другими европейскими государствами. Французы для всей Европы продѣлали ту умственную, раціональную работу, то сиятіе и пересоставленіе заново съ существующей модели плана, по которому уже можетъ строить всякое государство. Поэтому-то планъ, постановка института присяжныхъ засѣдателей въ Европѣ вовсе не англійская, а французская, и средства, придумываемыя для устраненія существующихъ недостатковъ, имѣютъ въ виду именно недостатки французской постановки суда присяжныхъ. Однимъ изъ наиболѣе рекомендуемыхъ средствъ является судъ шеффеновъ, какъ коррективъ дѣйствующаго суда присяжныхъ; но англійскій судъ не нуждается вообще въ коррективѣ и въ особенности въ такомъ, и въ англійской литературѣ мнѣ не приходилось встрѣчать хотя-бы мимолетныхъ замѣчаній о новомъ цѣлительномъ средствѣ и въ особенности о какой-либо надобности введенія его въ Англіи.

На-ряду съ полнымъ довольствомъ своимъ судомъ присяжныхъ въ Англіи, особенно замѣтны нападки на судъ присяжныхъ во Франціи; рядомъ съ жестокой и многообразной критикой спеціальной и общей литературы, судебный міръ ведетъ еще болѣе энергичную и дѣйствительную борьбу съ этимъ судомъ, сокращая путемъ совершенно противозаконной коррекціонализаціи его компетенцію: въ 1891 году судомъ присяжныхъ разрѣшено всего 2932 дѣла, тогда какъ еще въ 1860 г. онъ постановилъ вердикты по 4000 дѣлъ; въ то же время число жалобъ прокурорскому надзору все растетъ.

И замѣчательно, что Италія, наиболѣе близко воспроизведшая у себя французскій образецъ, наиболѣе послѣ Франціи жалуется на судъ присяжныхъ, и, наоборотъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ наиболѣе отступили отъ французскаго образца и наиболѣе приблизились къ англійскому и вообще

правильному типу, тамъ, какъ въ Россіи, наименѣе есть дѣйствительныхъ основаній жаловаться на судъ присяжныхъ.

Вотъ почему понятно особенно интересно остановиться на соображеніи о томъ, правильно ли снятъ во Франціи планъ съ англійскаго образца, въ какой мѣрѣ вѣрно онъ воспроизводитъ этотъ образецъ и не внесено ли составителями плана и дальнѣйшими его изслѣдователями чего-либо посторонняго, совершенно и рѣзко несогласнаго съ образцомъ и его духомъ.

Самое поверхностное сравненіе ясно указываетъ, что планъ французскій передаетъ совсѣмъ не то, что существуетъ въ Англіи, а то, что думаютъ французы объ англійскомъ учрежденіи и какъ они его понимаютъ.

Поняли французы судъ присяжныхъ и изобразили его несомнѣнно односторонне. Причиной этому полное различіе національныхъ геніевъ, національныхъ способностей обоихъ народовъ. Мышленіе англичанъ создало не даромъ индуктивный методъ; реализмомъ, позитивизмомъ и наведеніемъ отъ дѣйствительныхъ, въ жизни существующихъ, фактовъ проникнуты всѣ ихъ произведенія литературныя, ученыя, а тѣмъ болѣе всѣ ихъ образцовыя созданія въ области государственнаго строя и права. Эти послѣднія, и въ наше время, являются въ значительной мѣрѣ произведеніями не отдѣльныхъ личностей, стоящихъ высоко надъ уровнемъ остальныхъ, а народнаго творчества, коего отдѣльные политическіе дѣятели являются лишь выразителями; здѣсь нѣтъ поэтому плана, системы, здѣсь все разсчитано на взаимодѣйствіе различныхъ силъ, на уступки, здѣсь нѣтъ гладкости и стройности, потому что нѣтъ ихъ въ дѣйствительной жизни.

Эти-то гладкость, стройность, планомѣрность, логическую послѣдовательность, ставятъ выше всего создатели раціонализма—французы, не даромъ ихъ считаютъ народомъ математическимъ по преимуществу. Если въ жизни не существуетъ ни математической линіи, ни математической точки, то французы хотятъ, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ своихъ разсчетахъ принимать въ соображеніе именно эти точку и линію; если въ жизни и ея произведеніяхъ нѣтъ плана, то они, прежде всего, стремятся внести этотъ планъ, эту систему, навязать ихъ жизни; всякое произведеніе должно быть создано по плану, въ основу котораго должна быть положена одна основная идея и все произведеніе должно являться развитіемъ этой одной основной мысли. Какъ извѣстно, жизнь не знаетъ этого коренного основанія всего раціонализма — единаго начала: всякое жизненное произведеніе является созданіемъ нѣсколькихъ началъ, и притомъ во взаимодѣйствіи ихъ.

Блестящій примѣръ раціоналистической наклонности французскаго ума къ единому началу и къ объясненію цѣлаго государственнаго строя единымъ началомъ представляетъ собою въ наше время извѣстное и несомнѣнно талантливое сочиненіе Fustel de Coulanges—«La cité antique». Авторъ далъ чрезвычайно интересное изслѣдованіе древнихъ вѣрованій, основанныхъ на поклоненіи праху предковъ, ихъ тѣнямъ, на возведеніи этихъ предковъ въ боговъ, но этого ему показалось мало, и онъ попытался объяснить весь государственный строй древняго міра основами этой семейной «религіи»—попытка, поражающая сразу же своей односторонностью.

Но есть и много другихъ примѣровъ, болѣе близкихъ къ интересующему насъ вопросу. Европа не одинъ, а много институтовъ заимствовала изъ Англіи, но тоже при посредствѣ Франціи, и всякій разъ получала не англійскій, а совершенно новый французскій образецъ, считая его лишь англійскимъ, причемъ французы первымъ дѣломъ пытались внести въ это англійское произведеніе единое начало, которое бы объясняло сущность и значеніе всего института, именно внести это начало, и вовсе не старались изучить всесторонне интересующій ихъ институтъ и показать, къ какимъ выводамъ и соображеніямъ приводитъ строй этого института и его функціонированіе.

Извѣстно, что съ сущностью государственнаго строя Англіи континентальная Европа познакомилась благодаря Монтескье и его сичиненію „Esprit des lois“; сами англичане стали изучать теоретически, такъ сказать, свой государственный строй и его основы гораздо позднѣе, почти въ наше время. Извѣстно также, что вмѣсто того, чтобы видѣть въ изучаемомъ строѣ взаимодѣйствіе нѣсколькихъ началъ, Монтескье усмотрѣлъ основу, главную пружину, въ одномъ началѣ раздѣленія власти (знаменитая глава VI книги XI). Когда затѣмъ французскіе государственные люди попробовали осуществить этотъ принципъ въ проектахъ государственнаго устройства, то стало ясно, что при такомъ устройствѣ государственная машина идти не можетъ, она должна остановиться, ибо дѣйствіе машины возможно лишь при взаимодѣйствіи тѣхъ властей, которыя такъ строго послѣдовательно стремился раздѣлить Монтескье.

Такъ же, или почти такъ же, поступили французы и съ англійскимъ институтомъ присяжныхъ засѣдателей; пользу и значеніе единовременнаго участія въ отправленіи правосудія представителей общественной совѣсти и коронныхъ судей они усмотрѣли въ разъединеніи сужденія о фактѣ и сужденія о правѣ; считая этотъ принципъ разъединенія основнымъ во всемъ институтѣ присяжныхъ засѣдателей, они постарались провести его

у себя во всей чистотѣ, поручивъ сужденіе о правѣ исключительно коллегіи присяжныхъ и, для полнаго обезпеченія проведеннаго разъединенія, лишивъ обѣ коллегіи всякой возможности помочь другъ другу въ разъясненіи общихъ по дѣлу вопросовъ. Результаты получились тѣ же, что и въ проэктахъ раздѣленія властей: вся машина перестала дѣйствовать, во всякомъ случаѣ не дѣйствуетъ болѣе правильно.

При сколько-нибудь внимательномъ изученіи англійскаго образца оказывается, что въ институтѣ присяжныхъ засѣдателей, какъ и всякомъ другомъ жизненномъ, дѣйствующемъ и отвѣчающемъ потребностямъ жизни институтѣ, заложена не одна, а нѣсколько основныхъ мыслей и принциповъ и что правильность функціонированія этого института обусловливается не полнымъ разъединеніемъ сужденія о фактѣ и правѣ, а согласіемъ дѣйствій и правильнымъ взаимодѣйствіемъ обѣихъ коллегій: коллегіи представителей общественной совѣсти коронныхъ судей, причемъ если только исключить вопросъ о наказаніи, то нельзя сказать, чтобы функціи одной и другой коллегіи въ чемъ-либо существенно разнились, и та и другая коллегія участвуетъ въ разрѣшеніи какъ вопросовъ факта, такъ и вопросовъ права.

Авторъ давно написаннаго, но сохранившаго до настоящаго времени все свое значеніе сочиненія,—Anklage, Wahrspruch und Rechtsmittel im englischen Schwur-Gerichtsverfahren докторъ Ю. Глазеръ прекрасно выразилъ значеніе англійскаго суда присяжныхъ (стр. 294): «Всякая попытка въ законѣ устранить противоположеніе общей нормы и индивидуальнаго факта необходимо должна оказаться неудачной, потому что или законъ, оставаясь вѣрнымъ своей природѣ, дастъ только общее, отвлеченное положеніе, или же, если онъ пожелаетъ дать возможность правильно оцѣнить каждый единичный случай, то вопреки своей природѣ откажется отъ выполненія своего предназначенія и передастъ все на усмотрѣніе и благоразуміе судьи. Гораздо ранѣе попытокъ, которыя дѣлались въ Германіи, задача была разрѣшена въ Англіи такимъ образомъ, что созданъ былъ для каждаго изъ моментовъ особый представитель, и было поставлено требованіе, чтобы эти живыя личности приходили къ взаимодѣйствію и согласію, а не отвлеченныя общія правила и единичный фактъ сами собой согласовались».

И, дѣйствительно, англійскіе судьи и англійскіе присяжные засѣдатели дружно разрѣшаютъ дѣло по взаимному соглашенію, причемъ каждая сторона открыто и смѣло высказываетъ свои взгляды: судьи, оцѣнивая факты и разъясняя всѣ юридическіе вопросы, откровенно высказываютъ свое мнѣніе присяжнымъ; послѣдніе разрѣшаютъ не только вопросы факта,

но и права, требуютъ по послѣднимъ всѣхъ необходимыхъ разъясненій, берутъ съ собой въ совѣщательную комнату и законы, и даже сочиненія, цитированныя во время разбора дѣла, затѣмъ возвращаются и выражаютъ свое мнѣніе, свой вердиктъ на словахъ, но судья недоволенъ, онъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, присяжные опять возвращаются въ совѣщательную, опять выходятъ и высказываютъ прежнее или новое мнѣніе по усмотрѣнію, говорятъ, что они не видятъ въ данномъ дѣяніи состава преступленія, и судьѣ, несогласному съ мнѣніемъ присяжныхъ, остается только занести свое мнѣніе въ протоколъ, а разберетъ ихъ окончательно высшій кассаціонный судъ. При такой свободной, равной борьбѣ двухъ коллегій, когда никакого подозрѣнія не можетъ возникнуть въ полной независимости обѣихъ коллегій другъ отъ друга и коронаго судьи отъ кого бы то ни было, личнымъ высокимъ достоинствамъ судей, которые набираются въ числѣ 14 изъ самыхъ даровитыхъ, выдающихся юристовъ Англіи, отдается должное уваженіе, оказывается совершенно понятное, очень большое, но въ то же время вполнѣ свободное довѣріе.

Если въ общихъ чертахъ сравнить картину французскаго суда присяжныхъ съ англійскимъ, то окажется, что у обѣихъ коллегій, входящихъ въ составъ французскаго суда, связаны руки, здѣсь обѣ коллегіи лишены возможности прійти къ соглашенію, столковаться, а потому, въ сущности, безпомощны.

Благодаря такимъ условіямъ, на сцену выступаютъ враждебныя правосудію и справедливости силы, которыя въ англійскомъ процессѣ держатся въ строгихъ, даже суровыхъ, рамкахъ; въ англійскомъ процессѣ не могутъ быть приняты въ расчетъ, какъ силы, ни адвокатское «краснорѣчіе», прибѣгающее, къ сожалѣнію, слишкомъ часто къ недостойнымъ пріемамъ, къ театральнымъ эффектамъ, лишь бы во вредъ истинѣ обѣлить кліента, ни заключеніе экспертовъ, когда они, оставляя твердую, но сдержанную, не дающую основаній для рѣшительныхъ широковѣщательныхъ заключеній, почву науки, переходятъ въ область совершенно произвольныхъ личныхъ измышленій, единственно лишь въ видахъ пріобрѣтенія ненадлежащаго вліянія на судъ или даже въ цѣляхъ партійныхъ, личныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, во французскомъ процессѣ, гдѣ главныя здоровыя основныя силы отправленія правосудія лишены возможности дѣйствовать сообща, по соглашенію, на пользу истинныхъ задачъ правосудія, эти вредныя сили выступаютъ впередъ и распоряжаются судьбами правосудія.

Но французскій образецъ, по которому устроили у себя судъ присяжныхъ большинство европейскихъ государствъ, заслуживаетъ особаго

вниманія: его нынѣшнее печальное положеніе можетъ дать надлежащее освѣщеніе многимъ общимъ вопросамъ въ области правосудія. Вотъ почему особенно цѣнной является книга, если не ошибаюсь, генеральнаго адвоката при высшемъ кассаціонномъ судѣ Jean Cruppi—La Cour d'assises (она печаталась отдѣльными статьями въ теченіе почти двухъ лѣтъ въ Revue des deux mondes). Крюппи—изслѣдователь во вкусѣ Ипполита Тена (въ особенности въ первомъ томѣ его Origines), спокойно смотрящій на правыхъ и виновныхъ, критически, въ высшей степени дѣльно относящійся и къ недостаткамъ дѣйствующаго судебнаго строя во Франціи, и къ порицаніямъ французскаго суда присяжныхъ и суда присяжныхъ вообще. Близкое знакомство Крюппи съ дѣйствующими судебными порядками дѣлаетъ возможнымъ уяснить себѣ дѣйствительное положеніе французскаго судебнаго строя, который, несмотря на отсутствіе обычнаго права, регулируется далеко не одними законами, а и практикой, которая во многихъ, весьма существенныхъ пунктахъ сильно расходится и прямо идетъ вопреки закона.

Крупнѣйшіе недостатки сказываются въ этомъ судебномъ строѣ, и притомъ во всѣхъ его частяхъ: какъ въ части образованія коронной коллегіи, такъ и въ устройствѣ коллегіи общественныхъ представителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ установившихся на основаніи и закона, и практики, отношеніяхъ обѣихъ коллегій.

Прежде всего, что касается до коронной коллегіи, то, какъ оказывается, во Франціи нѣтъ совсѣмъ криминалистовъ-практиковъ и тѣхъ условій, при которыхъ они могли бы выработаться. Презрѣніе къ уголовному праву, уголовному процессу и наукамъ, съ ними соприкасающимися, и вообще уголовному дѣлу выражается уже со школьной скамьи; трудно даже вѣрится, когда Крюппи сообщаетъ, что въ программу экзаменовъ на званіе доктора правъ, соотвѣтствующее въ значительной мѣрѣ нашему бывшему званію кандидатскому и нынѣшнему диплому 1 степени, не включены ни уголовное право, ни уголовный процессъ.

Затѣмъ на практикѣ нѣтъ кадровъ, въ которыхъ могли бы образоваться криминалисты, въ особенности предсѣдательствующіе въ судѣ по дѣламъ, разбираемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Уголовное дѣло положительно въ загонѣ; въ судебныхъ палатахъ (Cours d'appel) громадное, подавляющее большинство занято гражданскими дѣлами: такъ, въ палатѣ департамента Сены, самой большой, изъ 62 членовъ 50 заняты гражданскими дѣлами; изъ числа этихъ гражданскихъ членовъ выбираются и предсѣдатели судовъ съ присяжными засѣдателями, такъ даже прямо рекомендуетъ законъ; выбираются они на годъ, не болѣе, это этапъ на

пути изъ членовъ палаты въ предсѣдатели департамента, временное отвлеченіе отъ гражданскихъ дѣлъ, которыя считаются гораздо болѣе важными, требующими больше тонкихъ юридическихъ познаній и способностей, чѣмъ дѣла уголовныя, къ которымъ продолжаютъ относиться, какъ относился еще Наполеонъ I, отдававшій предпочтеніе, въ смыслѣ важности, дѣламъ гражданскимъ. Точно также на годъ, не болѣе, назначается обвинителемъ одинъ изъ товарищей прокурора палаты; его постоянныя занятія—тоже дача заключеній по дѣламъ гражданскимъ. Такимъ образомъ, ни предсѣдателю суда, ни прокурорскому надзору нѣтъ случая познакомиться, изучить, а тѣмъ болѣе пріобрѣсти опытъ въ уголовномъ дѣлѣ; у нихъ нѣтъ и быть не можетъ авторитета знатоковъ-криминалистовъ. Но еще есть члены суда съ присяжными, они избираются изъ предсѣдателей или членовъ суда первой инстанціи; въ этихъ послѣднихъ, наряду съ гражданскими, есть, хотя далеко и не во всѣхъ, отдѣленія исправительныя, но разумѣется, что не здѣсь могутъ выработаться опытные криминалисты; отправленіе правосудія въ этихъ судахъ доведено до упрощенія, при которомъ возможенъ разборъ до 100 дѣлъ въ день, несмотря на то. что среди этихъ дѣлъ есть много такихъ, которыя только благодаря коррекціонализаціи переданы на разсмотрѣніе судовъ I инстанціи, а по тяжести преступныхъ дѣяній должны были бы разрѣшаться въ судѣ съ присяжными засѣдателями. Здѣсь остаются безъ выясненія самые элементарные, самые насущные вопросы уголовные; а кромѣ того. по большинству дѣлъ, если не по всѣмъ, предварительнаго слѣдствія не производится, чѣмъ достигается большая экономія: производство каждаго дѣла обходится теперь всего 13 франковъ, вмѣсто прежнихъ 22, это justice à bon marché, которая, однако, обходится странѣ очень дорого; число дѣлъ, по которымъ виновные не обнаружены, и число рецидивистовъ растутъ съ невѣроятною быстротою

Эти свѣдѣнія нельзя не дополнить приводимымъ Крюпи отзывомъ итальянскаго ученаго (товарища предсѣдателя суда въ Неаполѣ) Гарофало о пригодности судей-цивилистовъ для разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ (стр. 128): «Привыкнувъ, благодаря характеру своихъ занятій, къ тому, чтобы не принимать въ разсчетъ личность, они занимаются только формулами. Право гражданское совершенно равнодушно ко всему, что относится къ физической или духовной природѣ тяжущихся; доброта или злобность должника не могутъ имѣть никакого вліянія на дѣйствительность его обязательствъ».

Но если уже, благодаря незнанію уголовнаго права и процесса, предсѣдатели судовъ съ присяжными лишаются того естественнаго авторитета,

который они должны имѣть въ глазахъ представителей общественной совѣсти и общества, то они его лишаются и еще по другой, не менѣе важной причинѣ: потому что они не самостоятельны, не независимы въ той мѣрѣ, въ которой это необходимо для того, чтобы внушать къ себѣ полное довѣріе, а главное—довѣріе къ совершенному безпристрастію и независимости своихъ рѣшеній. На основаніи практики, которая, повидимому, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ точнымъ смысломъ закона 20 апрѣля 1810 года объ организаціи судебныхъ мѣстъ [1]), выборъ членовъ палаты въ предсѣдатели судовъ съ присяжными производится не предсѣдателями палатъ, какъ требуетъ законъ, а въ министерствѣ по представленіямъ прокуроровъ палатъ, а такъ какъ назначеніе предсѣдателемъ суда съ присяжными есть временное, хотя и тяжелое испытаніе, этапъ для перехода съ мѣста члена палаты въ предсѣдатели департамента палаты, то совершенно понятно, что въ предсѣдателяхъ судовъ съ присяжными видятъ лицъ, ищущихъ и во всякомъ случаѣ ожидающихъ повышенія отъ министерства и его представителей на мѣстѣ—чиновъ прокурорскаго надзора.

Таковъ составъ коронной коллегіи. Прежде, чѣмъ перейти къ ея функціонированію и другимъ процессуальнымъ вопросамъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о другой коллегіи—общественныхъ представителей—какъ ее представляетъ Крюппи. Составъ ея заставляетъ желать многаго; виной тому и законъ, и практика. Законъ, какъ-бы умышленно, исключаетъ почти совсѣмъ высшіе, интеллигентные классы, благодаря всевозможнымъ освобожденіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устраняетъ и весь рабочій классъ, даже въ лицѣ наиболѣе образованныхъ и обезпеченныхъ его представителей. Съ другой стороны, вредно вліяетъ на составъ и способъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей: списки эти составляются писцомъ мѣстной мэріи. Благодаря такимъ условіямъ, на Парижъ списокъ присяжныхъ засѣдателей содержитъ 1500 лицъ и изъ нихъ не болѣе 10 съ именами, все остальное почти безъ исключенія владѣльцы маленькихъ лавочекъ. Такимъ образомъ, уже въ силу своего состава, присяжные засѣдатели остаются безъ настоящаго старшины-руководителя. Но законъ, какъ бы намѣренно, окончательно лишаетъ ихъ всякаго руководства, не давая имъ права выбрать изъ своей среды мало-мальски интеллигентнаго человѣка и опредѣляя, что старшиной является тотъ, фамилія котораго вышла первой при вынутіи жребія для составленія коллегіи присяжныхъ:

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ у Rolland de Villargues—Code de l'organisation judiciaire. 1877.

понятно, какія нежелательныя и неблагопріятныя случайности могутъ имѣть мѣсто при такихъ условіяхъ.

Но вотъ эти двѣ коллегіи сошлись по одному дѣлу; хотя повидимому ихъ должны интересовать тѣ же вопросы и тѣ же, или почти тѣ же, вопросы подлежатъ ихъ разрѣшенію, но помочь другъ другу въ выясненіи, помочь другъ другу въ разрѣшеніи ихъ, они не могутъ. Печатное постановленіе, которое передается присяжнымъ засѣдателямъ и въ ихъ совѣщательную комнату, (C. i. cr., art. 342) содержитъ въ себѣ указаніе на необходимость строгаго различенія факта и права и соотвѣтственнаго раздѣленія компетенціи, а это различеніе, по словамъ Крюппи (стр. 34), является «основнымъ принципомъ организаціи французскаго уголовнаго правосудія и одной изъ главныхъ причинъ его неустройства». Въ сущности, благодаря полному проведенію этого принципа, всякое совмѣстное участіе обѣихъ коллегій въ какомъ либо вопросѣ совершенно устранено; мало того, устранены и всякія взаимныя отношенія обѣихъ коллегій,— отмѣна предсѣдательскаго резюме въ 1881 г. окончательно порвала всякую связь между обѣими коллегіями. На самомъ дѣлѣ, присяжнымъ засѣдателямъ не объясняетъ предсѣдатель ихъ обязанностей передъ уходомъ въ совѣщательную, онъ ихъ напоминаетъ имъ; не принято далѣе, хотя по закону присяжные не лишены этого права, чтобы присяжные участвовали въ судебномъ слѣдствіи, ставили вопросы; не предусмотрѣно въ законѣ, чтобы присяжные могли обращаться къ предсѣдателю за разъясненіемъ своихъ сомнѣній въ вопросахъ факта и права; присяжные засѣдатели не участвуютъ въ постановкѣ тѣхъ вопросовъ, которые имъ ставятся; съ другой стороны, предсѣдатель лишенъ окончательно, по закону по крайней мѣрѣ, всякой возможности посовѣтовать присяжнымъ, какъ оцѣнить факты, выясненные на судебномъ слѣдствіи, и даже, какъ понимать юридическую конструкцію, составъ того дѣянія, въ которомъ они приглашаются признать виновнымъ подсудимаго. Принципъ проведенъ во всей чистотѣ, но какія печальныя послѣдствія для правосудія: обѣ главныя здоровыя силы въ правосудіи разъединены и доведены до полной безпомощности, безсилія. Присяжные засѣдатели, хотя и вышедшіе изъ рядовъ не особенно интеллигентныхъ, относятся къ своимъ обязанностямъ изумительно добросовѣстно, проникнуты полнымъ и горячимъ желаніемъ исполнить хорошо свои обязанности и относятся съ интересомъ къ дѣлу. Но дѣло вѣдь для нихъ новое, неизвѣстное, самые простые несложные вопросы ихъ затрудняютъ, они совсѣмъ въ потемкахъ, они даже не знаютъ, какое значеніе всѣхъ тѣхъ органовъ, которые участвуютъ въ процессѣ, въ чемъ составъ преступленія,

какое значеніе той или другой обрядности, они лишены всякаго руководства, лишены они его даже и въ лицѣ своего старшины, они отданы на произволъ судьбы, на произволъ «впечатлѣній».

Но если бы другой коллегіи, коронной, была возвращена свобода, то нашли ли бы присяжные въ ней доброжелательнаго руководителя, полезнаго сотрудника къ достиженію одной общей цѣли и задачи—безпристрастному раскрытію истины? Къ сожалѣнію, нѣтъ; какъ поясняетъ Крюпни, судебное вѣдомство, и въ особенности могущественный прокурорскій надзоръ, были крайне возмущены и озлоблены, когда Наполеонъ рѣшилъ сохранить судъ присяжныхъ; но Наполеонъ и самъ не любилъ этотъ судъ и одновременно съ сохраненіемъ его возстановилъ весь судебный строй, какъ онъ существовалъ въ 1670 г.; институтъ присяжныхъ засѣдателей такъ же мало соотвѣтствовалъ общему стилю этого судебнаго строя, какъ крыша китайской пагоды башнѣ XIII-го вѣка.

Могущественное судебное вѣдомство и въ особенности прокурорскій надзоръ сохранили за собой всю силу власти, и власть эту въ теченіе цѣлаго почти столѣтія они употребили на борьбу съ ненавистнымъ имъ институтомъ; борьба была неравная, и ничтожное количество дѣлъ, оставшееся еще въ вѣдѣніи присяжныхъ, и жестокія, постоянныя нападки въ общей и спеціальной печати—вотъ къ чему привела эта борьба. Напрасно законъ постепенно накладывалъ узду на коронныхъ судей и кончилъ тѣмъ, что лишилъ ихъ права на резюме: единственнымъ результатомъ этого было то, что они окончательно лишены возможности прійти на помощь присяжнымъ засѣдателямъ, даже если бы хотѣли это сдѣлать; какъ видѣли мы выше, они, разумѣется, этого не желаютъ. Но то, что они сами желали, они сохранили за собой, и даже вопреки закона—это, такъ сказать, право на пререканіе съ подсудимымъ, на оказаніе давленія на ходъ судебнаго слѣдствія, и притомъ, къ сожалѣнію, въ односторонемъ направленіи, въ интересахъ обвиненія. Почему это обвинительное направленіе такъ сильно у предсѣдателей французскихъ судовъ, вслѣдствіе ли ихъ зависимости отъ прокурорскаго надзора, или въ силу другой причины, это не столь важно; важно, что повидимому традиціи судебнаго вѣдомства не выработали понятія безпристрастнаго судьи, что эти традиціи не научили предсѣдателей судовъ сдерживать себя и свои односторонніе порывы, каковы бы они ни были. Благодаря этому, предсѣдатели, когда ихъ лишили права на заключительное резюме, перенесли весь свой пылъ въ interrogatoire, т. е. допросъ обвиняемаго. Но, какъ это ни странно, такой допросъ собственно совершенно не предусмотрѣнъ въ законѣ: въ ст. 315 C. i. cr. сказано, что послѣ изложенія обвиненія прокуроромъ

(въ особой рѣчи въ началѣ засѣданія) допрашиваются свидѣтели; но прежде допроса свидѣтелей предсѣдатели, по собственному желанію и безъ уполномочія на то закона, допрашиваютъ обвиняемаго, при чемъ этотъ допросъ длится часами, а иногда занимаетъ цѣлое засѣданіе; начинаясь спокойнымъ тономъ, допросъ вскорѣ переходитъ въ уличеніе подсудимаго, въ упреки и доходитъ до непристойной страстности. Поведеніе предсѣдателя таково, онъ такъ страстно допрашиваетъ обвиняемаго и свидѣтелей, что, какъ замѣчаетъ Крюппи, прокуроръ по сравненію съ нимъ уподобляется самому безпристрастному судьѣ.

Такова картина французскаго суда присяжныхъ засѣдателей: съ одной стороны, присяжные засѣдатели съ искренними и добрыми намѣреніями, съ любовью къ правосудію могли бы принести пользу, если бы не были лишены всякаго руководства, всякой помощи въ области свѣдѣній о правѣ, съ другой стороны—враждебная имъ коллегія коронныхъ судей, предсѣдатель которои, забывая о цѣляхъ правосудія, пристрастно преслѣдуетъ одну цѣль—обвиненія. Результатъ, такимъ образомъ, печальный, онъ можетъ быть выраженъ коротко,—здѣсь нѣтъ судьи въ высокомъ значеніи этого слова, здѣсь есть усиленное обвиненіе, которое, въ силу вещей, вызываетъ противоположное настроеніе во всѣхъ присутствующихъ, и въ томъ числѣ и въ средѣ присяжныхъ засѣдателей; оно и понятно: обвиняемый представляется слишкомъ обиженнымъ, несправедливо обиженнымъ, съ самаго начала процесса, а такое положеніе должно и можетъ вызвать только убѣжденіе въ необходимости не довѣряться усиленному обвиненію, стать на защиту подсудимаго, и притомъ именно въ интересахъ того безпристрастія, которое такъ грубо нарушается и которое между тѣмъ составляетъ основу всякаго правосудія. Вотъ каково состояніе того судебнаго строя, который принятъ за образецъ всѣми государствами континентальной Европы.

Прежде чѣмъ остановиться на средствахъ, которыя предлагаетъ Крюппи для лѣченія всѣхъ описанныхъ выше болѣзней, необходимо остановиться на вопросѣ, страдаютъ ли русскій судебный строй, а также другіе европейскіе, тѣми же болѣзнями, такъ какъ если этихъ болѣзней нѣтъ, то очевидно нечего и примѣнять предлагаемыя средства, какъ бы они хороши ни были.

Если сравнить указанныя Крюппи стороны французскаго процесса съ соотвѣтственными сторонами русскаго процесса, то окажется, что составителямъ нашихъ вѣликолѣпныхъ уставовъ 1864 года и судебнымъ дѣятелямъ, положившимъ тяжелый и достойный уваженія трудъ свой на осуществленіе уставовъ, удалось почти совсѣмъ, если даже не совсѣмъ, избавить русскій судебный строй отъ этихъ недостатковъ.

Начнемъ съ коллегіи присяжныхъ засѣдателей. Она отражаетъ въ себѣ довольно полно всѣ слои русскаго общества: въ ней простой народъ, низшіе классы, крестьянство, представлены широко; новое, введенное послѣ изданія уставовъ, ограничительное требованіе грамотности, въ виду все большаго распространенія таковой, вскорѣ потеряетъ всякое ограничительное значеніе. Желательно было бы еще большее представительство классовъ ивтеллигентныхъ, но разумѣется въ большихъ городахъ ничего подобнаго тому, что происходитъ въ Парижѣ нѣтъ. Далѣе, наши присяжные засѣдатели выбираютъ себѣ старшину сами и, такимъ образомъ, большею частью, хотя и не всегда, не лишены своего собственнаго руководителя.

Какая, затѣмъ, громадная разница въ составѣ коллегіи коронной. Прежде всего, уголовное право и процессъ привлекаютъ у насъ къ себѣ вниманіе и интересъ юристовъ теоретиковъ и практиковъ не въ меньшей, а скорѣе въ большей степени, чѣмъ гражданское право. Затѣмъ, у насъ имѣется прекрасная школа для выработки криминалистовъ-практиковъ— уголовныя отдѣленія окружныхъ судовъ, члены которыхъ посвящаютъ уголовному дѣлу не годы, а цѣлую жизнь. Изъ рядовъ этихъ же опытныхъ криминалистовъ выходятъ товарищи предсѣдателей судовъ, т. е. предсѣдатели уголовныхъ отдѣленій—наши предсѣдатели ассизныхъ судовъ, которые тоже посвящаютъ своему дѣлу многіе годы, а зачастую и десятки лѣтъ. Несомнѣнно, ихъ вполнѣ законно считать знатоками уголовнаго дѣла; несомнѣнно, они вполнѣ законно пользуются авторитетомъ и среди юристовъ, и въ обществѣ, и среди присяжныхъ засѣдателей.

Но имѣется еще и другое законное основаніе для полнаго довѣрія къ нимъ: это ихъ полная независимость отъ всякихъ вліяній и давленій тайныхъ и явныхъ; никто не сомнѣвается въ этой независимости, наоборотъ, въ ней убѣждено все общество и окружаетъ ихъ тѣмъ глубокимъ, рѣдкимъ, неподдѣльнымъ уваженіемъ, которымъ вправѣ гордиться всякій чинъ судебнаго вѣдомства. Несомнѣнно, что съ тѣмъ же довѣріемъ относятся къ судьямъ и присяжные засѣдатели.

Но и поведеніе коронныхъ судей на судѣ, за рѣдкими исключеніями, отличается полнымъ, чисто-судейскимъ безпристрастіемъ, твердою и настойчивою любовью къ истинѣ, въ основаніе всякаго рѣшенія кладется только то, что дѣйствительно «установлено». Это-то твердое незыблемое основаніе, на которомъ только и можетъ основываться истинное правосудіе, и это основаніе коронные судьи блюдутъ честно, не жалѣя трудовъ и времени.

Такимъ образомъ, едва ли могутъ возникнуть сомнѣнія въ томъ, что обѣ коллегіи представляютъ собою здоровыя силы въ дѣлѣ отправленія

правосудія. Но и взаимныя ихъ отношенія поставлены правильно, лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ континентальной Европѣ и почти такъ же хорошо, какъ въ Англіи.

Прежде всего, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наше судебное вѣдомство относится къ присяжнымъ засѣдателямъ не только не враждебно, но съ любовью, съ расположеніемъ.

Далѣе несомнѣнно, что наши судебные уставы обезпечили въ достаточной мѣрѣ правильность взаимныхъ отношеній обѣихъ коллегій, совершенно не настаивая и даже вовсе прямо не упоминая о раздѣленіи сужденія о правѣ отъ сужденія о фактѣ. Ни въ одномъ процессѣ, за исключеніемъ австрійскаго (ст. 311), но далеко не въ той мѣрѣ, мы не найдемъ статей, которыя бы соотвѣтствовали бы по полнотѣ и широкой заботливости объ интересахъ присяжныхъ засѣдателей, статьямъ 671—677 нашего Уст. угол. суд. Этими статьями присяжнымъ засѣдателямъ обезпечивается равное съ судьями участіе въ судебномъ слѣдствіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, ими предоставляется присяжнымъ право просить предсѣдателя суда о разъясненіи всѣхъ фактическихъ и юридическихъ вопросовъ, возникающихъ изъ разбора дѣла.

Далѣе, еще яснѣе выражено право присяжныхъ засѣдателей на сознательное дѣятельное и равноправное съ судьями участіе въ судебномъ процессѣ, предоставленіемъ имъ права участвовать въ формулировкѣ вопросовъ, которые имъ ставятся.

Чтобы устранить всякую возможность возникновенія у присяжныхъ засѣдателей сомнѣній въ вопросахъ факта и права, предсѣдатель суда въ своемъ резюме совершенно объективно, во имя своей судейской опытности и знаній, предлагаетъ присяжнымъ засѣдателямъ способы оцѣнки значенія фактовъ и рѣшеніе вопросовъ права, которые могутъ послужить основаніемъ для разрѣшенія дѣла.

Наконецъ, самая постановка вопроса о виновности, какъ она совершается согласно ст. 754 Уст. угол. суд., указываетъ съ несомнѣнностью, что присяжные засѣдатели силою вещей разрѣшаютъ не одни вопросы факта, но попутно и вопросы права; почти каждое обвиненіе представляетъ для этого надлежащій случай.

Правда, отъ присяжныхъ засѣдателей скрываютъ покуда наказаніе, угрожающее подсудимому, но устраненіе этого недостатка—вопросъ недалекаго, надо надѣяться, будущаго.

Если теперь возстановить въ своей памяти въ цѣломъ постановку суда присяжныхъ во Франціи и тотъ же судъ въ Россіи, то станетъ ясно, что нашъ русскій судъ съ присяжными засѣдателями — въ совер-

шенно здоровомъ состояніи, не страдаетъ тѣми недостатками и болѣзненными явленіями, которые грозятъ гибелью французскому процессу, и прежде всего тѣмъ кореннымъ грѣхомъ, который выражается въ полномъ раздѣленіи сужденія о фактѣ отъ сужденія о правѣ, въ полномъ разъединеніи и уничтоженіи всякой возможности согласнаго дѣйствія обѣихъ коллегій [1]). Если нѣтъ болѣзни, то, казалось бы, совершенно ясно, не зачѣмъ лѣчиться и примѣнять средства, предлагаемыя иностранными изслѣдователями, какъ бы они «повидимому» ни были хороши, какъ бы они ни были современны.

Какъ это ни удивительно, послѣ данныхъ имъ самимъ же описаній французскихъ судебныхъ порядковъ, Крюппи наряду съ вполнѣ разумными и желательными мѣрами, которыя приблизятъ французскій процессъ къ русскому, предлагаетъ, хотя и не сейчасъ, введеніе суда шеффеновъ взамѣнъ суда присяжныхъ. Правда въ этой части Крюппи обнаруживаетъ очень слабое знакомство съ литературой шеффенскаго вопроса въ Германіи; такъ, онъ цитируетъ лишь сочиненіе, появившееся въ 1887 году, и совсѣмъ не знаетъ литературы, вызванной новеллой уголовнаго процесса, а въ самомъ проектѣ новеллы авторъ видитъ торжество симпатичныхъ ему идей, не зная, повидимому, какой жестокой критикѣ подверглась эта новелла и при какой торжественной обстановкѣ она потерпѣла неудачу въ германскомъ Рейхстагѣ. Предложеніе Крюппи дѣйствительно удивительное; какъ онъ могъ не задаться, дѣлая такое предложеніе, мыслью о томъ,

---

[1]) Я не буду останавливаться на подробномъ сравненіи постановки суда присяжныхъ въ Германіи, Австріи и Италіи, потому уже, что у насъ нѣтъ такого искренняго и обстоятельнаго свидѣтельства относительно этихъ процессовъ, какое даетъ Крюппи относительно французскаго процесса, а дѣйствительная практика значительно измѣняетъ общій абрисъ, содержащійся въ законѣ, въ особенности по такому вопросу, какъ вопросъ разъединенія сужденія о фактѣ и о правѣ и болѣе или менѣе согласномъ функціонированіи обѣихъ коллегій въ судѣ. Все, что можно сказать, это — что всѣ упомянутые выше процессы несомнѣнно значительно уступаютъ во многомъ нашему русскому процессу; такъ, напримѣръ, ни въ австрійскомъ процессѣ (ст 316), ни въ итальянскомъ (494) присяжные не участвуютъ въ постановкѣ вопросовъ — ограниченіе правъ ихъ первой важности Что касается до Италіи, гдѣ больше всего послѣ Франціи раздаются сѣтованія на судъ присяжныхъ, то процессъ ея наиболѣе полно воспроизводитъ французскій образецъ со всеми его недостатками: полнымъ повидимому разъединеніемъ обѣихъ коллегій и съ крайней зависимостью коронной коллегіи судей отъ прокурорскаго надзора (ст. 75, 76, 79 и слѣд. Ordinamente generale guidiziario). Надо, впрочемъ, замѣтить, что и другіе европейскіе процессы придаютъ назначеніямъ въ коронную коллегію суда присяжныхъ характеръ непостоянства, перемѣнъ иногда на каждую сессію, что едва-ли соотвѣтствуетъ задачамъ правосудія и не можетъ служить усиленію увѣренности въ независимости судей.

какъ-то будетъ дѣйствовать этотъ коронный судъ, съ своей ненавистью и презрѣніемъ къ «élément laique», съ своею крайнею невыдержанностью и стремленіемъ къ господству, что станется съ скромными и боязливыми, по его же собственному объясненію, французскими присяжными засѣдателями, сохранится ли въ дѣйствительности, de facto, хоть какое-либо участіе общественнаго элемента въ отправленіи правосудія, или этотъ элементъ будетъ только числиться de jure для отвода глазъ и внушенія довѣрія къ непопулярной юстиціи?

Шеффенское движеніе вообще очень смѣлое, оно предлагаетъ мѣру именно для устраненія того кореннаго недостатка, которымъ страдаютъ тѣ изъ западно-европейскихъ законодательствъ, которыя по примѣру Франціи, разъединили сужденіе о фактѣ отъ сужденія о правѣ и для полнаго обезпеченія такого разъединенія поручили сужденіе о фактѣ и о правѣ различнымъ коллегіямъ и приняли мѣры къ тому, чтобы совершенно лишить обѣ коллегіи возможности дѣйствовать согласно, причемъ такое разъединеніе, въ концѣ концовъ, привело къ совершенному нарушенію хода судебной машины.

Средство, такимъ образомъ, предлагается не какъ высшая, болѣе совершенная, форма участія общественнаго элемента въ отправленіи правосудія — а какъ средство для устраненія указаннаго недостатка. Но вѣдь главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что разъединено сужденіе о фактѣ отъ сужденія о правѣ; съ устраненіемъ этого недостатка само собой устранится и то разобщеніе двухъ коллегій, которое введено лишь для обезпеченія разъединенія. Вмѣсто того, однако, чтобы устранить прямо главный недостатокъ, что вполнѣ и легко осуществимо, безъ особой логики, предлагаютъ объединить обѣ коллегіи въ томъ разсчетѣ, что тогда устранится и первый, главный недостатокъ. Нельзя однако же не сказать, что даже если стать на этотъ неудачный путь реформы и устраненія существующихъ недостатковъ, то все же предлагаемое средство крайне смѣлое и слишкомъ не сложное: двѣ коллегіи въ разъединеніи идутъ недружно, а вотъ если соединить ихъ въ одну, то поневолѣ пойдутъ дружно. Но что изъ этого выйдетъ, этого никто не знаетъ, не знаютъ, кто одержитъ верхъ—элементъ коронный или элементъ общественный, и сохранитъ ли даже не только нынѣшнее, но какое-либо, значеніе элементъ общественный.

Въ самомъ дѣлѣ, прецедента, опыта въ этомъ отношеніи не существуетъ; такимъ примѣрнымъ прецедентомъ не можетъ, разумѣется, служить законодательство Тессинскаго кантона, этого государства съ 110 тыс. жителей, въ которомъ три прокурора и два слѣдователя, но, что всего

важнѣе, въ которомъ на основаніи закона 2 декабря 1892 года (Legge per le nomine giudiziarie, Raccolta officiale delle leggi del Ticino, 1895) всѣ судьи выбираются непосредственно народомъ, и, слѣдовательно, едва-ли возможно противоположеніе коллегіи «коронныхъ судей» и коллегіи представителей общественной совѣсти. А между тѣмъ только въ Тессинѣ и произведенъ опытъ съ примѣненіемъ шеффенскаго суда взамѣнъ суда присяжныхъ по дѣламъ важнымъ; въ Германіи шеффенскій судъ дѣйствуетъ лишь при единоличныхъ амтсрихтерахъ по дѣламъ маловажнымъ, и даже защитники этого суда въ литературѣ, при обсужденіи въ печати германской судопроизводственной новеллы, высказывались въ томъ смыслѣ, что имѣющійся въ Германіи опытъ примѣненія шеффенскаго суда по дѣламъ маловажнымъ не можетъ вовсе послужить указаніемъ для предсказанія, на какихъ основаніяхъ судъ шеффенскій могъ бы замѣнить судъ присяжныхъ, достигалось ли бы въ этомъ случаѣ согласіе между двумя группами одной коллегіи и на какихъ условіяхъ, ибо соглашеніе по ничтожнымъ безспорнымъ дѣламъ и соглашеніе по серьезнымъ вопросамъ—далеко не одно и то же (въ этомъ направленіи интересны замѣчанія амтсрихтера M. K. Samter—Aus schöffengerichtlicher Praxis, 1894, и Max Oehler.—Schwurgerichte и Schöffengerichte, 1896; подробнѣе см. Жур. Мин. Юст., обзоръ иностр. законодательства, 1896 іюнь, и 1897 февраль).

Если французскіе судебные порядки, какъ ихъ описалъ Крюппи, даютъ полное основаніе предполагать, что введеніе суда шеффеновъ во Франціи будетъ сопровождаться полнымъ порабощеніемъ общественнаго элемента, доведеніемъ его до полной безгласности, то кто можетъ поручиться, что и въ другихъ странахъ не получатся подобные же результаты, хотя-бы и въ болѣе слабой формѣ? Если Англія, страна, въ которой общественная самодѣятельность развита въ высшей степени и во всякомъ случаѣ неизмѣримо больше, чѣмъ въ самыхъ передовыхъ странахъ континентальной Европы, не подумала даже о возможности сліянія въ одну коллегію коронныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, то имѣютъ ли основанія рѣшаться на подобный опытъ другія государства?

Надо, наконецъ, прямо и откровенно указать на главное возраженіе противъ введенія суда шеффеновъ; это главное возраженіе—несомнѣнная опасность, что общественный элементъ въ правосудіи будетъ не только подавленъ въ судѣ шеффеновъ, но прямо лишенъ всякаго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно, или скрыто, будетъ нанесенъ ударъ независимости суда, которую по серьезнѣйшимъ дѣламъ ограждаетъ коллегія присяжныхъ засѣдателей. Надо, наконецъ, не бояться этихъ словъ «независимость

суда»; это не независимость отъ верховной власти, именемъ которой правосудіе отправляется; правосудіе должно являться и несомнѣнно является самымъ вѣрнымъ и точнымъ исполнителемъ всѣхъ велѣній верховной власти. Только законъ и служитъ руководствомъ суда; ни въ какомъ учрежденіи не устранено всякое личное усмотрѣніе въ такой мѣрѣ, какъ въ судѣ, но именно для того, чтобы исполнялась только воля верховной власти и никого больше, судъ долженъ быть независимымъ. Независимость суда есть условіе жизни для правосудія: нѣтъ независимости, нѣтъ и настоящаго, дѣйствительнаго суда.

Крюпни самъ прекрасно выразилъ эту мысль, высказавъ (стр. 115), «что если въ данномъ государствѣ независимость судьи не вполнѣ несомнѣнна и нетронута, то это государство можетъ имѣть самыхъ лучшихъ исполнителей, самыхъ лучшихъ чиновниковъ, но оно не имѣетъ судей».

Докладъ Международному Тюремному конгрессу въ Будапештѣ въ 1905 году.

«Необходима-ли реформа суда присяжныхъ?» [1]).

Выборъ настоящей темы для международнаго конгресса лучше всего показываетъ, въ какой мѣрѣ желательно измѣненіе состава пенитенціарной комиссіи, устанавливающей программу международныхъ конгрессовъ и насколько право французское общество Societé générale dés prisons, настаивавшее на допущеніи въ составъ этой комиссіи представителей ученыхъ обществъ. Это было бы только возвращеніемъ къ тому нормальному порядку, который дѣйствовалъ до 1872 года. Международные тюремные конгрессы—дѣтище выдающихся юристовъ и тюрьмовѣдовъ всѣхъ странъ, во главѣ съ Миттермайеромъ, Дюкпетіо, Обанелемъ, созвавшихъ первый международный тюремный конгрессъ въ 1846 году во Франкфуртѣ на Майнѣ. Впервые представители иностранныхъ правительствъ и тюремной администраціи были приглашены на конгрессъ 1872 года въ Лондонѣ, но съ тѣхъ поръ они сочли себя хозяевами и главами дѣла и признаютъ, что

---

[1]) Докладъ Будапештскому конгрессу 1905 г. по четвертому вопросу I секціи: «Les résultats de l'institution du jury ont-ils été tels qu'ils y aurait lieu d'y apporter des réformes?» Напечатанъ былъ въ Вѣстникѣ Права, Ноябрь 1905 г. Конгрессъ пришелъ къ тому же заключенію, что и авторъ, признавъ полную свою некомпетентность въ разрѣшеніи этого вопроса. Но автору, предварительно, пришлось выдержать цѣлую борьбу съ предсѣдателемъ конгресса Риккль де Беліе и секретаремъ докторомъ Гильомомъ, которые грозили совсѣмъ не напечать доклада, если не будетъ исключено введеніе первыя двѣ страницы, которыя во французскомъ переводѣ и не появились, такъ ограждаютъ несостоятельный составъ пенитенціарныхъ комиссій, который привелъ къ полному паденію значенія конгрессовъ.

пенитенціарныя комиссіи, устанавливающія программы конгрессовъ, должны состоять исключительно изъ правительственныхъ представителей. Несомнѣнно, что такая постановка совершенно неправильна. Какъ бы сильно не были представлены правительства разныхъ странъ на такихъ конгрессахъ и комиссіяхъ, резолюціи послѣднихъ не пріобрѣтутъ ни въ какой мѣрѣ значенія международно-правовыхъ соглашеній, обязательныхъ для государствъ, принявшихъ въ нихъ участіе, а попрежнему останутся мнѣніемъ научныхъ авторитетовъ, къ голосу которыхъ каждое правительство будетъ прислушиваться по своему усмотрѣнію, въ мѣрѣ своего просвѣщенія съ одной стороны и въ зависимости отъ общаго уровня развитія страны съ другой. Но если резолюціи конгрессовъ должны быть положеніями научными, вѣрными для науки какъ единой для всѣхъ странъ дисциплины, то и вопросы, предлагаемые на обсужденіе должны быть столь же общими и не вытекать исключительно изъ мѣстныхъ условій той или другой страны, обсужденіе которыхъ на международномъ конгрессѣ успѣшнымъ быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы настоящій вопросъ. Въ объясненіи заданной темы пенитенціарная комиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы были подвергнуты изученію законодательства тѣхъ странъ, гдѣ введенъ институтъ суда присяжныхъ, а затѣмъ добавляетъ: «La passion politique, l'ignorance, l'interet, la crainte, l'excès de clémence ou de severité, la preoccupation de l'opinion publique sont autont de causes qui agissent sur ces magistrats d'un jour, dont les verdicts n'ont d'autre controle, que celui de leur conscience». Такое поясненіе похоже скорѣе на обвинительный вердиктъ, на предрѣшеніе задаваемаго вопроса, притомъ въ высшей степени пристрастное и одностороннее, а потому и совсѣмъ неосновательное. Какой бы дѣйствительно ученый рѣшился на такое полное забвеніе ученаго безпристрастія. А при нынѣшнихъ условіяхъ дѣло объясняется очень просто. Тема предложена представителемъ греческаго правительства, которое заимствовало судъ присяжныхъ изъ Франціи со всѣми недостатками постановки этого суда въ названной странѣ, вызывающими постоянныя нареканія какъ въ самой Франціи, такъ и въ странахъ близко послѣдовавшихъ ея примѣру: Италіи, Германіи, кантонахъ Швейцаріи. Но можно ли дать подобную характеристику суду присяжныхъ въ Англіи, Россіи, Австріи, Норвегіи, гдѣ судъ присяжныхъ поставленъ правильно, откуда вовсе не слышится жалобъ. Да и о чемъ собственно идетъ рѣчь. Объ основной идеѣ, объ основныхъ чертахъ устройства суда присяжныхъ. Эти идеи положены въ основу суда присяжныхъ много столѣтій тому назадъ. Знаменитый знатокъ суда присяжныхъ, покойный нѣмецкій ученый Миттермайеръ въ своемъ сочине-

ніи, вышедшемъ въ свѣтъ еще въ 1856 году (Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren nach ihrer neusten Fortbildung dargestellt und geprüft) такъ опредѣляетъ (стр. 219 и 238 названнаго сочиненія) основныя идеи суда присяжныхъ: 1) присяжные—люди, призываемые изъ всѣхъ классовъ, такъ что ихъ вердиктъ можетъ считаться за вердиктъ всей страны; 2) они не находятся подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ, часто стѣсняющихъ коронныхъ судей въ свободномъ обсужденіи даннаго случая; 3) благодаря присвоенному сторонамъ на судѣ праву отклоненія, они могутъ быть признаны судьями, которымъ стороны подчиняютъ себя сами; 4) они именно пользуются довѣріемъ за свою полную независимость отъ правительственныхъ органовъ; 5) они рѣшаютъ вопросъ о виновности въ согласіи съ народнымъ сознаніемъ; 9) наконецъ, они постановляютъ вердиктъ такимъ вызывающимъ довѣріе числомъ голосовъ, что судъ смѣло можетъ основать свой приговоръ на ихъ вердиктѣ.

Какъ результатъ всѣхъ этихъ достоинствъ суда присяжныхъ—усиленіе вліянія правосудія благодаря довѣрію къ суду, усиленіе репрессіи. Что же изъ только что приведенной характеристики основныхъ положеній и идей въ судѣ присяжныхъ подвергается или можетъ подвергаться сомнѣнію. Всѣ эти положенія безспорны и вошли въ плоть и въ кровь каждаго культурнаго народа. Не оспариваются они и въ темѣ. Но тотъ же Миттермайеръ замѣтилъ, что судъ присяжныхъ въ каждой странѣ принимаетъ особый обликъ. На этотъ обликъ, при томъ какъ онъ вылился въ Греціи, и направлены удары пенитенціарной комиссіи. Но могутъ ли стороны и явленія, придающія суду присяжныхъ въ данной странѣ извѣстный обликъ, послужить предметомъ обсужденія международнаго тюремнаго конгресса. Лучшимъ отвѣтомъ служитъ уже представленный уважаемымъ итальянскимъ ученымъ А. Стоппато докладъ. Задававшій тему представитель греческой тюремной администраціи г. Типальдо Бассіа, какъ видно изъ первыхъ словъ его «вердикта» надъ судомъ присяжныхъ, въ объясненіи говоритъ о passion politique и, очевидно, считаетъ присяжныхъ греческихъ неспособными безпристрастно относиться къ политическимъ преступленіямъ. Наоборотъ, г. А. Стоппато, основываясь, видимо, на результатахъ дѣятельности итальянскихъ присяжныхъ, находитъ (Bulletin, Cinq. Série, Livr. III, стр. 299) именно необходимымъ распространить компетенцію суда присяжныхъ на всѣ преступленія противъ администраціи, государственнаго порядка, конституціонныхъ вольностей и т. д. Далѣе г. Стоппато въ качествѣ ріа desideria указываетъ, что если подсудимый не подвергался освидѣтель-

ствованію въ состояніи умственныхъ способностей до суда, и вопросъ о вмѣняемости впервые возникъ во время судебнаго слѣдствія, то разсмотрѣніе дѣла должно быть пріостановлено, подсудимый долженъ быть подвергнутъ испытанію психіатрическому, а если окажется, что подсудимый душевно боленъ, то судъ, не доводя вновь до судебнаго засѣданія, долженъ имѣть право прекратить дѣло. Всѣ эти пожеланія уже осуществлены съ полнымъ успѣхомъ въ русскомъ процессѣ. Не знаю, въ какой мѣрѣ оправдываются мѣстными итальянскими условіями дальнѣйшія предложенія г. Стоппато, но съ точки зрѣнія русскихъ условій я бы затруднился согласиться на предложеніе 1) объ исключеніи изъ компетенціи, какъ будто бы чисто техническихъ, дѣлъ о подлогѣ документовъ, въ которыхъ такъ часто даже самый вопросъ о подлогѣ окончательно разрѣшается не на основаніи экспертизы всегда весьма мало авторитетныхъ учителей чистописанія, а на разрѣшеніи сложной жизненной загадки, гдѣ уже трудно отрицать компетентность присяжныхъ и 2) или на предложеніе заставить присяжныхъ въ присутствіи суда открыто по очереди голосовать отвѣты на поставленные вопросы. Это явилось бы несомнѣнно значительнымъ ослабленіемъ условій, ограждающихъ присяжныхъ отъ всякихъ давленій на нихъ и на свободу ихъ вердикта.

Въ числѣ мѣръ, предлагаемыхъ уважаемымъ г. Стоппато, самое главное мѣсто занимаетъ, какъ мы только что видѣли, измѣненіе компетенціи; къ тому же, но въ противоположномъ смыслѣ, стремится, повидимому, и предложившій тему г. Тинальдо Бассіа. Но можетъ ли вопросъ о компетенціи суда присяжныхъ считаться вообще общимъ вопросомъ, который можетъ быть разрѣшенъ международнымъ конгрессомъ для всѣхъ государствъ и для всякихъ положеній одинаково. Не является ли постановка этого вопроса наиболѣе разнообразной въ зависимости отъ національнаго темперамента, политическаго строя и т. д., причемъ то или другое ограниченіе компетенціи вовсе не можетъ явиться доказательствомъ ни несоотвѣтствія суда присяжныхъ вообще для разрѣшенія данной категоріи дѣлъ, ни даже несоотвѣтствія для разрѣшенія этихъ дѣлъ для данной страны, но въ другое время. Такое измѣненіе компетенціи скорѣе всего указываетъ на борьбу, которая ведется совсѣмъ на другомъ полѣ брани, и результаты которой отражаются на постановкѣ суда присяжныхъ безъ всякой со стороны послѣдняго вины. Въ самомъ дѣлѣ, еще Миттермайеръ (стр. 237 названнаго сочиненія) замѣтилъ, что если въ странѣ господствуетъ возбужденіе умовъ, то даже и коронные судьи не въ состояніи удержаться вдали отъ общаго господствующаго теченія. Прекраснымъ развитіемъ этого положенія является высказанное Габріелемъ Тардомъ

при обсужденіи въ Societé générale des prisons доклада Крюппи о судѣ шеффеновъ (Rev. penit 1899 года) соображеніе о томъ, что судъ присяжныхъ, являясь представителемъ и какъ бы отдѣленіемъ общественнаго мнѣнія, не можетъ, очевидно, идти противъ этого общественнаго мнѣнія, не опорочивъ и собственнаго своего происхожденія.

Причины же, по которымъ правительство расходится съ обществомъ во взглядахъ, степень этого несогласія, горячность борьбы и тѣмъ болѣе вопросъ о томъ, кто правъ—это все вопросы чисто мѣстные, стоящіе въ неразрывной связи со всѣмъ внутреннимъ строемъ даннаго государства и потому, разумѣется, не подлежащіе компетенціи международнаго конгресса. Но повторяю, все это ни въ какой мѣрѣ не можетъ послужить матеріаломъ для выводовъ о достоинствахъ и недостаткахъ суда присяжныхъ, а отсылаетъ къ совершенно другому политическому вопросу: при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ происходитъ разногласіе во взглядахъ между правительствомъ и обществомъ.

Я позволю себѣ далѣе представить доказательства въ подтвержденіе того, что всѣ нареканія на судъ присяжныхъ имѣютъ чисто мѣстный характеръ, обусловливаемый и чисто мѣстными причинами, что такими же мѣстными причинами должно быть объяснено и движеніе въ пользу замѣны суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ, движеніе, котораго вовсе нѣтъ ни въ Англіи, ни въ Россіи, ни въ Австріи, ни въ Норвегіи. Но прежде, чѣмъ перейти къ выясненію характера движенія противъ суда присяжныхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, я бы желалъ устранить еще одно сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же говорить объ общемъ движеніи противъ суда присяжныхъ по поводу взглядовъ такъ называемой итальянской антропологической школы и ея послѣдователей въ разныхъ странахъ. Подвергая всю постановку современнаго суда жестокой критикѣ, школа эта требовала замѣны суда коллегіями врачей экспертовъ, которые бы на основаніи научныхъ данныхъ опредѣляли степень опасности даннаго преступника и ту категорію, разновидность, къ которой онъ долженъ быть отнесенъ. Столь гордыя требованія во имя науки оказались, однако, предъявленными безъ достаточнаго уполномочія. Наука, и именно при томъ антропологическая, въ лицѣ такихъ лучшихъ своихъ силъ, какъ Мануврie, Топинаръ, Бруардель самымъ рѣшительнымъ образомъ ополчились на идеи Ломброзо на Парижскомъ конгрессѣ антропологовъ въ 1889 году. На Брюссельскій конгрессъ 1892 года, отвергнувшій эту доктрину, итальянцы совсѣмъ не явились, а когда въ 1896 году на конгрессѣ въ Женевѣ Ломброзо и его друзья попробовали защищать свою доктрину, то имъ пришлось выслушать горячія и рѣзкія возраженія всѣхъ нѣмецкихъ пси-

хіатровъ, въ особенности Näcke, автора великолѣпнаго сочиненія Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe и замѣчательный докладъ доктора Миновичи, румына, который, на основаніи нѣсколькихъ тысячъ наблюденій, рѣшительно отвергалъ существованіе типа прирожденнаго преступника.

Но отвергая существованіе типа прирожденнаго преступника, наука, въ лицѣ ея дѣйствительно серьезныхъ представителей, должна была еще разъ подтвердить и подчеркнуть то, что она всегда говорила: всю относительную непрочность выводовъ медицинской науки въ вопросѣ о вмѣненіи. При такихъ условіяхъ отпали и претензіи тѣхъ изъ послѣдователей Ломброзо, которые, какъ напримѣръ, русскіе ученые: психіатръ П. И. Ковалевскій въ своемъ изслѣдованіи «Судебная психопатологія» и юристъ Л. Е. Владиміровъ въ сочиненіи «Психологическое изслѣдованіе на уголовномъ судѣ» находили разрѣшеніе вопроса о вмѣненіи въ широкомъ смыслѣ этого слова присяжными засѣдателями ненаучнымъ и требовали ввѣренія его врачамъ. Между тѣмъ, даже въ тѣсныхъ предѣлахъ о вмѣненіи и нормальности чисто физическихъ врачи, въ особенности дѣйствительно серьезные ученые, затрудняются часто дать категорическій отвѣтъ, а тѣмъ менѣе имѣется основаній для передачи врачамъ на разрѣшеніе неизмѣримо болѣе широкаго вопроса о вмѣненіи моральномъ, соціальномъ, который, какъ справедливо замѣтилъ А. Стоппато въ своей статьѣ въ Rivista penale (1893. Іюнь—La Funzione sociale della giura popolare e i limiti della sua competenza) можетъ быть разрѣшенъ только представителями conscienza sociale, общественной совѣсти—присяжными засѣдателями. Такимъ образомъ, движеніе, вызванное антропологической школой, должно быть признано пережитымъ, и остается признать движеніе противъ суда присяжныхъ чисто мѣстнымъ. Въ какой мѣрѣ это именно такъ, лучше всего разъяснитъ самый краткій обзоръ этихъ движеній въ нѣкоторыхъ государствахъ.

Начнемъ съ Германіи. Здѣсь нѣмецкіе ученые юристы, съ ихъ любовью къ систематикѣ, встрѣтили въ сороковыхъ годахъ 19-го столѣтія съ крайнимъ нерасположеніемъ движеніе въ пользу суда присяжныхъ, шедшее изъ Франціи. Въ силу этихъ симпатій, какъ говорилъ Кёстлинъ еще въ 1849 году (Der Wendepunkt des deutchen Strafprocessverfahrens) нѣмецкіе ученые юристы пытались защитить дореформенный процессъ съ его легальною теоріею доказательствъ, основанный будто бы на научной расцѣнкѣ доказательствъ, тогда какъ вердикты присяжныхъ чисто индивидуальные ни подъ какую систему подведены быть не могутъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ Ортлофъ

(Das Strafverfahren in Seinen leitenden Grundsatzen 1858) вѣра въ чиновничій судъ была поколеблена и судъ присяжныхъ былъ введенъ во всей Германіи. Тѣмъ не менѣе нѣмецкіе схоластики не помирились; къ этому присоединилось еще шовинистское движеніе послѣ 1871 года и потому при выработкѣ общегерманскаго устава уголовнаго судопроизводства была сдѣлана попытка отказаться отъ иноземнаго суда присяжныхъ и замѣнить его судомъ шеффеновъ, при которомъ элементы общественные находятся въ полномъ подчиненіи у юриста техника. Попытка эта не удалась и судъ присяжныхъ занялъ въ уставѣ 1877 года, хотя и очень ограниченное по компетенціи (важнѣйшія изъ числа Verbrechen—при трехчленомъ дѣленіи), но видное положеніе, а въ обществѣ и народѣ снискалъ громадную и непоколебимую популярность. Но юристы не унимались и въ 1892 году на съѣздѣ германскихъ юристовъ (Verhandlungen des 22 deutshen Juristentages) былъ поставленъ вопросъ, можно ли рекомендовать судъ шеффеновъ для замѣны суда присяжныхъ. Отвѣчавшій на него членъ высшаго суда въ имперіи Штенглейнъ отмѣтилъ, что судъ шеффеновъ не вызвалъ ни похвалы, ни порицаній, но несомнѣнно (стр. 110, что шеффены настолько въ рукахъ судьи короннаго, что оппозиція со стороны шеффеновъ невозможна, между тѣмъ основной смыслъ суда присяжныхъ именно въ отдѣленіи ихъ скамьи отъ скамьи коронныхъ судей, въ ихъ независимости; для того же чтобы устранить недоразумѣніе при пониманіи поставленныхъ вопросовъ, надо дать имъ лишь въ руководители короннаго судью. Однако недовольство судебнымъ строемъ росло и министерство юстиціи сочло нужнымъ внести въ рейхстагъ въ концѣ 1895 года проектъ новеллы, затрогивавшей цѣлый рядъ вопросовъ въ области судебныхъ порядковъ; вводилась апелляція, увеличивалась компетенція шеффеновъ насчетъ суда присяжныхъ; намѣченъ былъ рядъ и другихъ мѣръ. Новелла не прошла въ рейхстагѣ, гдѣ именно не юристы, а міряне, то, что нѣмцы называютъ Laienelement, обрушились на законопроектъ во имя неумолимой логики жизни; было указано, что движеніе не понято; въ народѣ есть недовольство, но вовсе не участіемъ общественнаго элемента въ правосудіи, ни тѣмъ менѣе судомъ присяжныхъ, стяжавшимъ громадную популярность, а именно судомъ спеціалистовъ, ландгерихтами, дѣйствующими безъ участія общественнаго элемента; въ народѣ сложилось убѣжденіе, что эти суды осуждаютъ невинныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такіе результаты дѣятельности этихъ судовъ обусловливаются главнымъ образомъ неудовлетворительностью тѣхъ полицейскихъ дознаній, которыя замѣняютъ слѣдствіе въ дѣлахъ подсудныхъ

ландгерихтамъ. Новелла вызвала обширную литературу [1]), причемъ въ пользу замѣны суда присяжныхъ шеффенами высказалось сравнительно немного; писавшіе по вопросу амтсрихтеры, предсѣдательствующіе на судѣ шеффеновъ, подробно описывали, какъ они держатъ въ рукахъ судъ шеффеновъ, а нѣкоторые (какъ напримѣръ Замтеръ) недоумѣвали, какъ собственно будетъ достигнуто соглашеніе и единство дѣйствій шеффенскаго суда, когда будетъ не одинъ судья, а нѣсколько, которые невольно составятъ отдѣльную отъ шеффеновъ коллегію. Даже и желавшіе замѣнить судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ находили необходимымъ сохранить за новымъ судомъ названіе суда присяжныхъ въ виду популярности послѣдняго, а амтсрихтеръ Коне даже прямо заявилъ, что судъ присяжныхъ популяренъ въ народѣ, и лишь das gelehrte Beamtenthum противъ. Прошло немного лѣтъ и вновь въ 1903 году министерство юстиціи (Das Reichsjutizamt образовало коммиссію для разработки предположеній о преобразованіи германскаго судебнаго строя и поставило этой комиссіи 21 вопросъ, въ томъ числѣ и о судѣ присяжныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что германская литература послѣднихъ двухъ трехъ лѣтъ даетъ картину очень неспокойнаго отношенія общества къ дѣлу правосудія, повидимому политическія страсти разгорѣлись и даютъ крайне односторонюю вполнѣ другъ друга исключающую оцѣнку годности судоустройства и судопроизводства. Такъ пасторъ Wahl (Unsere Rechtspflege im Volksbewustsein) доказываетъ, что современная германская юстиція ничто иное, какъ ungheuerich himmelschreiend Klassenjustiz. Теодоръ Липпсъ, профессоръ психологіи, доходитъ до заявленія, что неподкупность судей—легенда. Профессоръ Ридигеръ произнесъ цѣлую филиппику въ прусской палатѣ господъ противъ касты юристовъ, престижъ которой крайне быстро падаетъ. Людвигъ Флотау въ брошюрѣ Mehr chutz fur die Rechtspflege описываетъ разнообразныя вліянія и властей и газетъ, которыя приходится испытывать слѣдственной и судебной власти въ ихъ дѣятельности. Aulus Agerius und Numerius Negidus (Preussiche Strafjustiz) описываютъ чрезвычайно преобладающее и вредное для правосудія вліяніе прокуратуры, изъ рядовъ которой преимущественно замѣщаются мѣста судей и чрезмѣрныя требованія прокурорскаго надзора, съ которыми суду трудно справляться. Матеріалъ для выводовъ о дѣятельности судовъ даютъ газеты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ вносятъ и политическую окраску, поэтому одна

[1]) Я разумѣю труды Binding, Cordes, Stenglein, Oehler, Mamroth, Auerbach, Samter, Schiffer, Köhne, Aschrott, Slupecki, Beling. Kade, Goldenring Clodius, Schoenemann—см. подробный обзоръ, сдѣланный мною въ журналѣ министерства юстиціи 1896 года іюнь.

сторона ссылается на Vorwars, другая на Reichsboten (ср. Dr. Lippman Zur Kritik richterlichen Urtheile und der Rechtspflege 1901) Но и юристы профессіональные не остаются въ долгу; на страницахъ Deutsche Juristen Zeitung за 1903 годъ рядъ статей: Штенглейнъ находитъ, что въ судѣ присяжныхъ разочаровались и изъяли изъ его вѣдѣнія дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, о нарушеніи законовъ о печати, а Гаммъ поясняетъ, кто именно разочаровался, заявляя, что in Kreisen der Iuristen нѣтъ сомнѣній въ необходимости замѣнить судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ. По этому поводу почтенный амтсрихтеръ Замтеръ, съ сужденіями котораго мы уже встрѣчались при разборѣ новеллы 1895 года, говоритъ, что опытъ не далъ никакихъ указаній, чтобы шеффены были желательными судьями въ запутанныхъ юридическихъ вопросахъ и экспериментъ съ соединеніемъ присяжныхъ съ судьями въ одну коллегію будетъ несомнѣнно опасенъ.

Я думаю, что этотъ краткій обзоръ реформаціонныхъ движеній въ области германскаго судебнаго строя вполнѣ убѣждаетъ, въ какой мѣрѣ здѣсь вопросъ о судѣ присяжныхъ и о судѣ шеффеновъ находится и ставится въ неразрывную органическую связь со всѣмъ судебнымъ строемъ, въ какой мѣрѣ эти вопросы представляются въ чисто мѣстной, сильно окрашенной политическими страстями, оболочкѣ и наконецъ, въ какой мѣрѣ всѣ эти данныя при такихъ условіяхъ не могутъ явиться предметомъ обсужденія международнаго конгресса, разумѣется совершенно не компетентнаго для того, чтобы разобраться въ мѣстныхъ условіяхъ. Да наконецъ я думаю, что предыдущее изложеніе вовсе и не вызываетъ убѣжденія въ существованіи какихъ либо недостатковъ въ постановкѣ суда присяжныхъ. Единственный твердый выводъ,— что въ Германіи ученые юристы по чисто теоретическимъ, я бы дерзнулъ сказать даже чисто схоластическимъ соображеніямъ, съ самаго введенія суда присяжныхъ относятся къ нему враждебно, что не можетъ разумѣется не отражаться крайне пагубно на дѣятельности этого интитута. Взамѣнъ суда присяжныхъ «юристы» добиваются введенія суда шеффеновъ, только потому, что эта форма суда даетъ большій просторъ и возможность юристамъ вліять на разрѣшеніе дѣлъ и ставитъ общественный элементъ въ прямое подчиненіе юристамъ. При этомъ юристы нисколько не смущаются тѣмъ, что судебный опытъ не даетъ никакихъ данныхъ, которыя бы обѣщали новой мѣрѣ успѣхъ. Впрочемъ и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Швейцаріи и во Франціи шеффенское движеніе, имѣющее несомнѣнно крайне легкомысленный характеръ, не привело ни къ какимъ результатамъ и соотвѣтственныя предположенія были отвергнуты такъ же какъ и въ Германіи.

Такъ въ Италіи, гдѣ тоже учреждена особая коммиссія для выработки новаго устава уголовнаго судопроизводства (Atti della Commissione instituta Lavori — preperatorii del codice di procedura penale per il regno d'Italia) извѣстный юристъ Пессина попытался предложить введеніе взамѣнъ суда присяжныхъ суда шеффеновъ изъ 4 коронныхъ и 8 шеффеновъ, слитыхъ въ одну коллегію. Въ пользу этого предложенія г. Пессина привелъ соображенія чисто отвлеченныя: говорятъ, что присяжные засѣдатели — это общественная совѣсть, но вѣдь они представляютъ не все общество, а лишь наименѣе интеллигентную часть, наименѣе привычную въ отдѣленіи справедливаго отъ несправедливаго, а потому, чтобы установить полное представительство всего общества, надо слить юристовъ съ присяжными. Предложеніе это подверглось въ комиссіи жестокой критикѣ со стороны Луккини, указавшаго, что не имѣется никакихъ указаній на преимущества сліянія коллегій въ одну; что если допускать такое сліяніе, то лучше совсѣмъ закрыть судъ присяжныхъ; большинство комисіи отвергло предложеніе Пессина и постановило сохранить судъ присяжныхъ въ нынѣшнемъ его видѣ. Совершенно аналогичное предложеніе было сдѣлано въ кантонѣ Цюрихѣ (именно сліяніе 3 коронныхъ судей и 6 присяжныхъ) и было отвергнуто, причемъ судъ присяжныхъ сохраненъ въ нынѣшнемъ его составѣ (Dr. Rottenberger—Klein, Seschichte und Kritik des Schwurgerichts-verfahrens 1903 стр. 253). Я думаю, что примѣръ кантона Тессина, гдѣ коронные судьи, тоже выборные, какъ и присяжные, едва ли можетъ идти въ счетъ.

Полнымъ неуспѣхомъ кончилась и во Франціи агитація въ пользу введенія суда шеффеновъ взамѣнъ суда присяжныхъ. Соотвѣтственное предложеніе было внесено на обсужденіе вліятельнаго французскаго общества Societè Generalè des prisons Крюппи (Jean Cruppi), авторомъ извѣстной, можно сказать выдающейся работы о французскомъ судебномъ строѣ La cour d'assises. Пренія заняли два засѣданія (Revue panitent 1899 и 1900), при чемъ наиболѣе выдающіеся французскіе юристы высказались категорически за нынѣшній судъ присяжныхъ (Гарсонъ, Гарро, Брего, Ру, Жоли и др.). Гарро отмѣтилъ, что судъ присяжныхъ, именно въ виду его независимаго отъ коронной коллегіи положенія, вынуждаетъ своимъ присутствіемъ къ точному соблюденію всѣхъ процессуальныхъ правилъ, ограждающихъ выясненіе истины и права личности, что онъ обезпечиваетъ индивидуализацію въ мѣрахъ, принимаемыхъ противъ преступниковъ. Гарсонъ, при аплодисментахъ собранія, приводилъ примѣры мужества, проявленнаго присяжными при вынесеніи вердиктовъ по громкимъ

дѣламъ. Брего отмѣтилъ важность самаго характера вердикта присяжныхъ, который является окончательнымъ, безповоротнымъ, представляетъ разрѣшеніе и умиротвореніе волненія, вызваннаго преступленіемъ; le jury c'est lé peuple, il est irresponsadle, il est impersonnel. Профессоръ Ру справедливо указалъ, что не имѣется ровно никакихъ данныхъ, чтобы разсчитывать на успѣхъ шеффенскаго суда въ примѣненіи къ дѣламъ, разсматриваемымъ присяжными засѣдателями, когда даже на родинѣ этотъ институтъ примѣняется лишь къ маловажнымъ дѣламъ, а тутъ вѣдь еще предстоитъ пересадка въ новыя условія. Правда, нѣкоторые изъ предсѣдателей провинціальныхъ судовъ высказались за шеффенскій судъ, но они вмѣстѣ съ тѣмъ съ очевидною цѣлью характеризовать сокровенную мысль, руководящую ими, требовали одновременно еще большаго усиленія и безъ того неограниченной власти предсѣдателя суда. Когда профессоръ Ларнодъ сталъ доказывать, что всякое дѣло должно быть поручено знатоку дѣла профессіоналу, то Жоли справедливо замѣтилъ ему, что тогда надо было бы упразднить многое, напримѣръ палату депутатовъ, замѣнивъ ее спеціалистами. Наконецъ лучшіе, самые извѣстные представители судебнаго міра Франціи заявили, что въ случаѣ, если бы судъ присяжныхъ былъ упраздненъ, то коронный судъ не могъ бы взять на себя дѣло этого суда, ибо коронный судъ не имѣетъ того рѣшающаго безспорнаго авторитета и популярности, которымъ пользуется судъ присяжныхъ. Если бы судъ присяжныхъ былъ упраздненъ, то, по мнѣнію этихъ лицъ, его функціи какъ высшаго нравственнаго авторитета, осуждающаго и клеймящаго преступленіе и преступника, перешли бы къ разнымъ учрежденіямъ и прежде всего къ прессѣ, которая едва ли бы справилась съ дѣломъ такъ же хорошо, какъ судъ присяжныхъ. Такъ и безъ голосованія было осуждено предложеніе Крюппи о введеніи суда шеффеновъ и была прибавлена только лишняя черта къ характеристикѣ этого «шеффенскаго» движенія, оказавшагося во всѣхъ странахъ столь же неосновательнымъ. Но странно, что въ этомъ высшемъ авторитетномъ обществѣ французскомъ, обсуждавшемъ предложеніе того самаго Крюппи, который раскрылъ такъ глубоко въ своей книгѣ «La cour d'assises» громадные недостатки современнаго французскаго судебнаго строя, не раздалось ни одного слова объ этихъ недостаткахъ. А между тѣмъ, именно отъ этихъ недостатковъ должно было будто бы излѣчить введеніе суда шеффеновъ; именно эти недостатки даютъ основаніе для постоянныхъ нарѣканій на судъ присяжныхъ какъ во Франціи, такъ и въ странахъ, гдѣ какъ въ Италіи, Греціи, отчасти Германіи заимствовали изъ Франціи судъ присяжныхъ, со всѣми недостатками его постановки.

Вотъ почему, не обращая этого вопроса въ общій, я считаю необходимымъ кратко остановиться на этихъ недостаткахъ и сравнить французскій судебный строй съ русскимъ, который обезпечиваетъ суду присяжныхъ такую успѣшную дѣятельность.

Во Франціи мы встрѣчаемся съ тѣми же фактами, съ которыми мы уже познакомились въ Германіи: съ крайнимъ нерасположеніемъ къ суду присяжныхъ большинства судебнаго персонала и въ особенности могущественнаго прокурорскаго надзора. Это сила громадная, съ своею монополіей обвиненія нигдѣ ни въ одной странѣ не проведенной съ такою изумительною послѣдовательностью; сила, вся проникнутая не столько чувствомъ законности, сколько соображеніями цѣлесообразности и политики; сила, пополняющая изъ своихъ рядовъ въ значительной степени высшіе ряды магистратуры и держащая эту магистратуру чрезъ министра юстиціи въ своихъ рукахъ путемъ надзора и повышеній. Для характеристики направленія этой силы достаточно привести циркуляръ министра Велле отъ первыхъ чиселъ мая 1903 года (Revue penit. 1903, стр. 790), гдѣ онъ не постѣснился предлагать прокурорамъ по поводу разсмотрѣнія дѣла о закрываемыхъ религіозныхъ конгрегаціяхъ «me signaler les magistrats de votre ressort, qui lors de l'execution des lois precitées se sont distingués à la fois par leur moderation et la fermété qu'ils on apporté dans l'exercice de leurs fonctions. А Комбъ, президентъ кабинета министровъ за нѣсколько дней до того сказалъ въ парламентѣ про представителей конгрегацій, qu'ils escomptent les defaillances possibles des tribunaux. Такъ относятся прокуратура и министры къ коронным судьямъ и ихъ независимости. Понятно, съ какимъ нерасположеніемъ эта же прокуратура традиціонно, съ самаго введенія суда присяжныхъ, относится къ этому дѣйствительно независимому суду, и какъ она постаралась ограничить до минимума его компетенцію и лишить его и по дѣламъ, оставленнымъ за нимъ, возможности принимать дѣйствительное, разумное участіе въ отправленіи правосудія. Въ этомъ отношеніи она встрѣтила союзника уже въ Наполеонѣ I, который согласился на внесеніе суда присяжныхъ въ кодексъ 1808 года только крайне неохотно и рядомъ съ этимъ судомъ сохранилъ въ силѣ весь процессъ дореформенный, инквизиціонный по Ordonnance 1670 года, что дало основаніе Крюпи остроумно замѣтить, что судебный строй Франціи съ судомъ присяжныхъ, какъ вѣнцомъ, имѣетъ видъ средневѣковаго зданія, украшеннаго крышей китайской пагоды. Но кромѣ несогласованности всего характера процесса съ дѣятельностью суда присяжныхъ, постановка самаго суда присяжныхъ глубоко неправильна. Не слѣдуетъ забывать, что судъ присяжныхъ состоитъ

не изъ одной коллегіи присяжныхъ, а еще и коллегіи коронныхъ судей, хотя обѣ коллегіи и поставлены другъ отъ друга независимо.

И вотъ эта коронная коллегія проникнута къ суду присяжныхъ тѣмъ же нерасположеніемъ, какъ и прокуратура. Но мало того, она совершенно некомпетентна въ томъ дѣлѣ, которое ей ввѣряется. Во Франціи изученіе уголовнаго права и процесса въ полномъ пренебреженіи и даже въ программу на званіе доктора правъ не включаются эти науки. Но и практическая дѣятельность не вырабатываетъ опытныхъ криминалистовъ, главный предметъ дѣятельности французскихъ судовъ—это гражданское право и процессъ, ему посвящены лучшія силы и при томъ въ размѣрѣ почти $^5/_6$ всего состава. Уголовный судъ имѣетъ совершенно случайный составъ: предсѣдатель его командируется по выбору министра юстиціи обыкновенно на годъ изъ числа гражданскихъ судей въ видѣ переходной ступени передъ повышеніемъ, обвинитель-прокуроръ тоже не болѣе какъ на годъ изъ числа товарищей прокурора палаты, дающихъ заключенія по гражданскимъ дѣламъ, а членовъ даетъ судъ 1-ой инстанціи (исправительной полиціи) тоже главнымъ образомъ занимающихся гражданскими дѣлами, а при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ стремящихся, главнымъ образомъ, къ быстротѣ и достигающихъ при этомъ разсмотрѣнія 100 дѣлъ въ день, что тоже едва ли можетъ быть признано хорошей стороной. Но коронная коллегія въ уголовномъ судѣ не только некомпетентна, не только враждебно настроена къ суду присяжныхъ, но она еще проникнута общимъ прокурорски-обвинительнымъ духомъ всего французскаго уголовнаго процесса, она именно настроена болѣе обвинительно даже чѣмъ представители прокурорскаго надзора, и потому она не безпристрастна. Достаточно вспомнить, я думаю, тотъ не предусмотрѣнный въ законѣ interrogatoire, допросъ, учиняемый предсѣдателемъ суда подсудимому, переходящій въ пререканіе, въ моральную пытку для подсудимаго, сопровождаемую, разумѣется, полною потерею судейскаго безпристрастія и даже достоинства. Послѣ такого допроса подсудимый въ глазахъ присяжныхъ становится, естественно, невинно преслѣдуемой жертвой произвола. И такой произвольный характеръ сообщается, естественно, всему веденію дѣла предсѣдателемъ. Достаточно упомянуть хотя бы о правѣ предсѣдателя по собственному почину и усмотрѣнію приглашать въ засѣданіе свидѣтелей не допрошенныхъ на слѣдствіи, съ оговоркою только, что это à titre de renseignement и свидѣтели не подлежатъ приведенію къ присягѣ. Понятно въ какой мѣрѣ, такимъ образомъ, нарушаются самыя коренныя правила процесса, не допускающія предъявленія явно негодныхъ доказа-

тельствъ. Уже это отсутствіе въ судѣ безпристрастнаго и компетентнаго судьи указываетъ на опасное положеніе правосудія.

Но опасность положенія увеличивается еще тѣмъ, что и вторая коллегія присяжныхъ засѣдателей поставлена совершенно невѣрно. Отъ нея отнята всякая возможность спокойнаго, разумнаго изученія дѣла; присяжные не участвуютъ въ судебномъ слѣдствіи, они не допрашиваютъ свидѣтелей, экспертовъ, они не участвуютъ въ выработкѣ и формулировкѣ тѣхъ вопросовъ, которые имъ ставятся на разрѣшеніе; они, если не юридически, то фактически лишены возможности обращаться къ суду съ просьбою разъяснить имъ то или другое фактическое или юридическое недоумѣніе. Наконецъ, отъ нихъ отнята возможность упорядочить свое участіе въ дѣлѣ и, главное, пренія при обсужденіи поставленныхъ имъ вопросовъ: они лишены возможности выбрать себѣ предсѣдателя—старшину, таковымъ является первый, вышедшій по жребію при составленіи скамьи присяжныхъ, быть можетъ вовсе не имѣющій данныхъ для веденія дѣла и руководства.

Въ довершеніе всѣхъ недостатковъ, всякія отношенія между двумя коллегіями, стремящимися къ одной и той же цѣли: открытію истины по дѣлу,—закономъ устранены и не допускаются во имя совершенно невѣрнаго принципа о раздѣленіи сужденія о фактѣ отъ сужденія о правѣ, когда раздѣляется только сужденіе о виновности отъ сужденія о наказаніи. Англійскій процессъ, разумѣется, этого принципа не знаетъ и англійскіе судьи въ ихъ charge подробно разъясняютъ всѣ юридическія стороны дѣла, да иначе и быть не можетъ, ибо и во Франціи присяжнымъ засѣдателямъ ставятъ вопросы о виновности въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ уголовномъ уложеніи, т. е. юридически конструированныхъ. Тѣмъ не менѣе, во имя этого принципа, предсѣдатель лишенъ права резюме—этого необходимаго корректива, приводящаго въ систему и порядокъ добытыя на слѣдствіи данныя и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ права разъяснять юридическіе признаки дѣянія, которое судятъ присяжные и вообще давать имъ наставленія или даже разъяснять имъ ихъ обязанности, все это замѣнено печатнымъ наставленіемъ. Кажется, сдѣлано все, чтобы дезорганизовать судъ присяжныхъ и сдѣлать юрисдикцію его случайной, основанной на чувствѣ и догадкахъ, а не на разумномъ, всестороннемъ изученіи дѣла. Но можно ли по этому поводу говорить вообще о годности или негодности суда присяжныхъ или о тѣхъ или иныхъ коррективахъ въ постановкѣ его, когда нужно исправить тѣ, такъ сказать, домашніе чисто французскіе недостатки постановки правосудія, которые, однако, перешли изъ Фран-

ціи въ другія государства, откуда теперь особенно раздаются жалобы на судъ присяжныхъ. Что эти недостатки вовсе не присущи самой природѣ суда присяжныхъ, лучше всего доказываетъ русскій процессъ. Талантливые составители русскихъ судебныхъ уставовъ 1864 года заимствовали до извѣстной степени правила о судѣ присяжныхъ изъ Франціи, но приняли при этомъ во вниманіе и англійскій образецъ и нѣмецкую переработку и выработали самостоятельный, вѣрно поставленный типъ процесса. Прежде всего, что касается до коронной коллегіи, то она состоитъ изъ опытныхъ юристовъ криминалистовъ, прошедшихъ солидную школу въ нашихъ университетахъ, гдѣ преподаваніе уголовнаго права и процесса поставлено на большую высоту. Но далѣе, прежде чѣмъ достигнуть мѣста предсѣдателя суда съ присяжными (т. е. фактически мѣста товарища предсѣдателя окружнаго суда), этимъ юристамъ, по окончаніи университета, приходится занимать рядъ должностей и въ особенности долгіе годы быть членами окружнаго суда (уголовнаго отдѣленія); такимъ образомъ, къ теоретическимъ познаніямъ присоединяется и большая практическая опытность. Независимость нашихъ судей отъ прокурорскаго надзора и вообще отъ всякихъ начальствъ внѣ всякаго сомнѣнія; они не выбираются министерствомъ ни на годъ, ни вообще временно, они обыкновенно занимаютъ должность предсѣдателя суда съ присяжными засѣдателями многіе годы почти не двигаясь по службѣ, но зато и безпристрастіе ихъ стоитъ внѣ соблазновъ и внѣ сомнѣній. Они нисколько не заражены обвинительнымъ духомъ, наоборотъ, скорѣе наклонны къ оправданію, разъ виновность не установлена вполнѣ несомнѣнно. О какомъ либо pouvoir discretionaire французскаго предсѣдателя или подобныхъ ему дѣйствіяхъ, разумѣется, нѣтъ и рѣчи. Другая коллегія присяжныхъ засѣдателей, пополняемая изъ очень широкаго круга лицъ, поставлена по закону на судѣ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ даже въ австрійскомъ процессѣ. Присяжнымъ засѣдателямъ обезпечивается уставомъ уголовнаго судопроизводства равное съ судьями участіе въ судебномъ слѣдствіи, т. е. они допрашиваютъ свидѣтелей, экспертовъ, осматриваютъ вещественныя доказательства, имѣютъ право требовать разъясненія всего имъ непонятнаго, выбираютъ, разумѣется сами, старшину и, наконецъ, участвуютъ въ формулировкѣ и выработкѣ поставляемыхъ имъ вопросовъ. Передъ уходомъ для совѣщанія они выслушиваютъ резюме предсѣдателя, въ которомъ и по закону и на практикѣ не содержится никакихъ указаній, какъ имъ разрѣшить дѣло, но зато всеобъемлюще и безпристрастно приводятся въ порядокъ и систему всѣ фактическія данныя, выяснившіяся на судѣ, и даются подробныя

разъясненія по всѣмъ юридическимъ вопросамъ, возникающимъ по дѣлу: о признакахъ и составѣ даннаго преступленія, о послѣдствіяхъ устраненія того или другого признака, о степени осуществленія умысла и т. д. При такихъ условіяхъ понятно, что судъ присяжныхъ въ Россіи пользуется громадною популярностью и любовью и прежде всего любовью коронныхъ юристовъ, что несомнѣнно значительно содѣйствуетъ успѣху его дѣятельности.

Наши коронные юристы не заражены ни духомъ касты, ни духомъ схоластической систематики, а потому они съ любовью встрѣтили судъ присяжныхъ и сохранили эти симпатіи въ теченіе уже 40 лѣтъ дѣятельности суда присяжныхъ. Когда десять лѣтъ тому назадъ, въ виду учрежденія особой комиссіи для пересмотра судебныхъ уставовъ, было собрано совѣщаніе высшихъ представителей судебнаго вѣдомства на мѣстахъ: старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, то изъ 20 человѣкъ 18 находили, что судъ присяжныхъ дѣйствуетъ безукоризненно хорошо, а изъ двухъ возражавшихъ противъ суда присяжныхъ одинъ оказался никогда не работавшимъ съ судомъ присяжныхъ (Журналъ Министерства Юстиціи 1895 года, № 4). Самъ министръ юстиціи произнесъ въ комиссіи горячую рѣчь въ пользу суда присяжныхъ и все время рѣшительно высказывался въ защиту его дѣятельности. Когда тѣмъ не менѣе, въ виду предположенной, но не осуществленной и донынѣ реформы, появились въ печати отзывы двухъ лицъ, неблагопріятные суду присяжныхъ (изъ нихъ одно участвовало въ указанномъ выше совѣщаніи), то С.-Петербургское Юридическое Общество, считающее въ своемъ составѣ лучшія силы юриспруденціи какъ въ области теоріи, такъ и въ области практики, собралось 6 апрѣля 1896 года въ торжественное засѣданіе, при участіи представителей Московскаго Юридическаго Общества, для выслушанія доклада извѣстнаго юриста, ученаго и практика, почетнаго члена Академіи Наукъ К. К. Арсеньева, посвященнаго суду присяжныхъ засѣдателей. Въ послѣдовавшихъ преніяхъ, какъ и въ самомъ докладѣ, было выражено единогласное, безъ всякихъ ограниченій сочувствіе суду присяжныхъ и порицаніе двумъ неявившимся, несмотря на приглашеніе, противникамъ этого суда. Мнѣ остается прибавить, что въ то время какъ въ Германіи при трехчленномъ дѣленіи—нарушенія, проступки и преступленія—въ 1901 г. изъ числа 466838 проступковъ и преступленій только 5100 были судимы судомъ присяжныхъ, въ Италіи въ 1900 году изъ числа 304392 delitti только 4843 судились въ судѣ присяжныхъ и во Франціи при 218057 дѣлахъ въ судѣ исправительной полиціи для суда присяжныхъ было удѣлено въ 1901 году всего 2283

дѣла, въ Россіи предъ судомъ присяжныхъ въ 1900 году предстало 26805 дѣлъ, а передъ окружнымъ судомъ безъ присяжныхъ и судебною палатою 33605. Такіе широкіе предѣлы компетенціи суда, существующаго уже 40 лѣтъ, лучше всего аттестуютъ эту дѣятельность. Я не буду утверждать, что репрессія русскаго суда присяжныхъ сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, но она приблизительно такая же и, что главное, она отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ справедливости. Я позволилъ себѣ подробно остановиться на дѣятельности русскаго суда присяжныхъ не изъ хвастовства и шовинизма и не для разрѣшенія какихъ-либо общихъ вопросовъ, а единственно для того, чтобы показать, что именно нѣтъ и не можетъ быть общаго вопроса о судѣ присяжныхъ, что не имѣется также основаній для его преобразованія вообще, а надо его лишь прочно и правильно поставить въ каждой странѣ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, согласовать весь судебный строй съ основными принципами этого суда. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами, не исключая даже самыхъ маленькихъ государствъ, когда такое крупное государство, съ высоко развитымъ государственнымъ строемъ, какъ Венгрія, по зрѣломъ обсужденіи иностранныхъ судебныхъ порядковъ только что ввело у себя судъ присяжныхъ. Это лучшій практическій отвѣтъ на сомнѣніе, не устарѣла ли идея суда присяжныхъ, отвѣчаетъ ли она современнымъ взглядамъ на правосудіе.

Нѣтъ, эта идея не устарѣла, но если подъ вліяніемъ выводовъ изъ ближайшаго наблюденія надъ примѣненіемъ тюремнаго заключенія, какъ почти единственнаго современнаго наказанія, подъ вліяніемъ новыхъ весьма благотворныхъ и свѣтлыхъ идей, въ области уголовной репрессіи происходитъ переворотъ, ищутъ новыхъ путей, то не надо по этому поводу колебать безъ всякихъ основаній устои современнаго прекраснаго суда, надъ выработкой и усовершенствованіемъ котораго трудились такъ мучительно и такъ долго.

Вотъ почему я и полагаю, что судъ присяжныхъ и въ настоящее время является наиболѣе совершеннымъ органомъ правосудія, замѣчаемыя же въ нѣкоторыхъ государствахъ несовершенства въ дѣятельности этого суда объясняются недостатками мѣстныхъ процессуальныхъ порядковъ, которые обсужденію международнаго конгреса подлежать не могутъ.

Судебные уставы 1864 г. Значеніе ихъ въ исторіи культуры. Силы, обезпечившія быстрый и успѣшный исходъ судебной реформы [1]).

Убѣдившись въ теченіе 14 лѣтней моей судебной дѣятельности въ томъ что, благодаря судебнымъ уставамъ 64 г., правосудіе поставлено у насъ такъ же высоко, какъ въ самыхъ передовыхъ государствахъ Европы, я пришелъ вамъ свидѣтельствовать о значеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. въ исторіи культуры Россіи. Я думаю, не можетъ быть сомнѣній въ важности этой темы. Въ указѣ правительтвующему сенату, при обнародованіи судебныхъ уставовъ 1864 г., говорилось между прочимъ, что новые судебные уставы имѣютъ цѣлью «утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго». И дѣйствительно, судебные уставы, проникнутые насквозь идеею о водвореніи въ Россіи законности, много послужили осуществленію этой идеи въ жизни и на практикѣ. При такихъ условіяхъ, изученіе основныхъ началъ преобразованія 1864 г.—есть вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе исторіи водворенія законности въ Россіи. Такое изученіе, несомнѣнно, представляется весьма важнымъ для студента-юриста. Едва ли есть, съ другой стороны, болѣе важная задача для преподавателя юридическихъ наукъ, чѣмъ укорененіе въ слушателѣ убѣжденія въ громадной, первостепенной, важности законности, какъ одной изъ основъ культуры. Вотъ этой то высокой задачѣ я и думаю посильно послужить своими лекціями.

Въ нихъ слушатели найдутъ изображеніе того громаднаго переворота,

[1]) Вступительная лекція къ курсу подъ тѣмъ же названіемъ, читанная въ с.-петербургскомъ университетѣ 16 сентября 1904 г.

который совершенъ судебной реформой не только въ судебномъ строѣ, но и во всемъ складѣ, взглядахъ, общественныхъ нравахъ, русскаго народа. Имѣя задачею водворить законность, судебная реформа обратила главныя свои усилія на борьбу съ царившимъ въ то время произволомъ во всѣхъ многообразныхъ его проявленіяхъ. Къ этой цѣли была направлена также и ранѣе послѣдовавшая, еще болѣе крупная, реформа освобожденія крестьянъ, но эта послѣдняя уничтожила лишь главный источникъ произвола, судебная реформа открыла возможность борьбы съ тлетворнымъ духомъ, проникшимъ во всѣ части соціальнаго организма. Какъ говоритъ А. Ѳ. Кони, (За послѣдніе годы—судебная реформа и судъ присяжныхъ) „съ освобожденіемъ крестьянъ крѣпостныя отношенія исчезли, но крѣпостныя привычки остались". Другой писатель, посвятившій такое талантливое сочиненіе реформамъ императора Александра II, Головачевъ находитъ (стр. 287, Десять лѣтъ реформъ), что по значенію только крестьянская реформа можетъ быть сравниваема съ судебною, но послѣдняя имѣла болѣе непосредственное вліяніе на весь строй нашей государственной и общественной жизни. Крестьянская реформа положила предѣлъ развитію тѣхъ вредныхъ инстинктовъ, которые неразлучны съ крѣпостнымъ произволомъ, но излеченіе отъ этихъ инстинктовъ можетъ послѣдовать лишь при примѣненіи началъ, внесенныхъ въ нашу жизнь судебною реформою.

Однимъ изъ такихъ началъ является полное отдѣленіе суда отъ администраціи, совершенная независимость суда и судей отъ всякаго начальства, вообще отдѣльныхъ лицъ и, благодаря этому, полная возможность и обязанность суда исполнять только законъ, но во всей его полнотѣ, безъ всякихъ уступокъ кому бы то ни было и чему бы то ни было. Только при существованіи такого независимаго суда, снабженнаго при томъ надлежащею и дѣйствительною властью, возможно и дѣйствительное осуществленіе закона—законность. Рядомъ съ независимостью суда, введено было равенство передъ судомъ сторонъ. Правительство, въ лицѣ своихъ органовъ—лицъ прокурорскаго надзора, представителей вѣдомствъ, какъ обвинителей и повѣренныхъ казны, признало себя стороною, поставило себя подъ высшій авторитетъ суда. Въ одно и то же положеніе были поставлены лица, занимающія высокое общественное и служебное положеніе и только что освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне. Дѣйствительно, получилась возможность впервые говорить о русскомъ гражданинѣ и его правахъ независимо отъ его сословнаго, имущественнаго, служебнаго положенія. Привлеченіе къ участію въ отправленіи правосудія общественнаго элемента безъ различія сословій въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей на условіяхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ положеніемъ бывшихъ сословныхъ за-

сѣдателей, т. е. не въ качествѣ статистовъ или ширмы для канцеляріи, а въ качествѣ главныхъ участниковъ, призванныхъ разрѣшить вполнѣ независимо и самостоятельно основной вопросъ о виновности—тоже, несомнѣнно являлось новымъ началомъ. Такимъ же началомъ явилась и впервые созданная выборная—по выбору всѣхъ сословій—мировая юстиція для рѣшенія маловажныхъ, но именно потому близкихъ всему населенію дѣлъ, имѣющихъ предметомъ не исключеніе изъ нормальной жизни въ видѣ тяжкихъ преступленій или сложныхъ гражданскихъ споровъ, а именно случаи обыденной жизни, которою живетъ все населеніе. Если я упомяну еще о гласности судебнаго разбора дѣлъ, то я думаю станетъ совершенно понятно, что введеніе всѣхъ только что приведенныхъ началъ имѣетъ значеніе, выходящее далеко за предѣлы простаго преобразованія судебныхъ установленій.

Эта реформа влекла за собою неизбѣжно прежде всего необходимость неуклоннаго примѣненія закона не только для судебныхъ установленій, но и для всѣхъ соприкасающихся съ ними учрежденій и лицъ и при томъ не только въ чисто судебныхъ дѣлахъ, но и въ своихъ, такъ сказать. Достаточно въ этомъ отношеніи хотя бы вспомнить разсмотрѣніе новыми судами дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ и неизбѣжное при этомъ сужденіе о законности всего порядка веденія дѣлъ въ данной отрасли администраціи.

Такъ, суды отказывались, напримѣръ, осуждать за растрату хлѣба въ сельскихъ магазинахъ старостъ на основаніи удостовѣренной недостачи хлѣба, когда обнаруживалось, что наличность магазина по оплошности мировыхъ посредниковъ и другихъ начальствующихъ лицъ не повѣрялась никогда, съ самаго возведенія магазина не было выяснено, сколько въ немъ имѣется хлѣба и о недостачѣ хлѣба заключаютъ на основаніи сопоставленія числа наличныхъ душъ (и соотвѣтственно количества хлѣба, которое должно было бы находиться по числу душъ) и наличнаго хлѣба. Суды не призваны судить порядки, но неизмѣнно отказываютъ въ осужденіи отдѣльныхъ личностей, когда виною непорядки.

Далѣе, несомнѣнно, отдѣленіе суда отъ администраціи значительно сокращало права администраціи и возможность допущенія съ ея стороны произвольныхъ дѣйствій, ея безконтрольность. Съ другой стороны значительно возвышалось и общество и его участіе въ завѣдываніи общественными и государственными дѣлами, благодаря привлеченію его къ отправленію правосудія.

Понятно по этому привѣтствіе, съ которымъ покойный академикъ В. П. Безобразовъ обратился на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ (Октябрь 1866 г.) къ новымъ судамъ на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности. „Отъ-

нынѣ, говорилъ онъ, право переходитъ у насъ изъ области вѣрованій въ область дѣла, изъ невѣдомаго идеальнаго начала, существованіе котораго какъ идеи никто не отрицалъ, но и въ неудобопримѣнимости котораго въ практической жизни никто также не сомнѣвался—превращается въ элементъ разсчета, пригоднаго для всякаго практическго предпріятія, ибо отнынѣ возникаетъ у насъ сила, способная осуществить эту идею... Изъ всѣхъ проявленій новой судебной власти мировая наиболѣе глубоко захватываетъ ежедневныя отправленія народнаго быта и наиболѣе способна могущественно и быстро дѣйствовать на измѣненіе понятій въ нашемъ обществѣ. Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака права, то мировая власть вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ не существовало призрака права, даже и понятія о возможности права. Чтобы убѣдиться, какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія надо видѣть то изумленіе—изумленіе, подавляющее своею силою, даже раздраженіе, съ которомъ выслушиваютъ эти приговоры господа, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились; рабочіе самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма вопреки письменному контракту только потому, что цѣна на работы поднялась; пьяницы никогда не слыхавшіе, чтобы нельзя было валяться или ругаться на улицахъ, мужья, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ. Быстрое приведеніе въ исполненіе приговора приводитъ въ изумленіе лицъ, не вѣрившихъ, чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить слугамъ». [1]). Почти тоже самое говоритъ А. Ѳ. Кони въ своей мастерской характеристикѣ Д. А. Ровинскаго (За послѣдніе годы, стр. 652). «Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ сторонніхъ вліяній, повсюду внося начало равенства передъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, не взирая на лица, обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества

[1]) Прекрасною иллюстраціею къ этимъ словамъ служатъ извѣстные разсказы В. Н. Никитина, «Обломки разбитаго корабля»—сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ. 1891 годъ.

казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ власти и по ихъ мнѣнію всегда доброжелательнаго усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои дѣйствительныя права,—изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ судебными уставами и т. д.». Все это засвидѣтельствовано и оффиціально министромъ юстиціи Д. Н. Замятинымъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судовъ за первое полугодіе—17 мая—17 ноября 1866 г. (Судебный Вѣстникъ. Газета мин. юстиціи 21 марта 1867 г. № 64). «Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія. Участіе присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми слоями общества. Присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ, вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды, относясь съ поразительнымъ вниманіемъ къ дѣлу». Я полагаю, что этихъ указаній, сдѣланныхъ всего черезъ полгода послѣ введенія судебной реформы, совершенно достаточно, чтобы понять всю глубину переворота, произведеннаго въ цѣломъ общественномъ и государственномъ строѣ Россіи введеніемъ новыхъ судовъ:—безправный крестьянинъ только что освобожденный отъ крѣпостной зависимости, былъ призванъ къ участію въ отправленіи правосудія по дѣламъ важнѣйшимъ о лицахъ всѣхъ сословій. Сословныя различія потеряли всякое значеніе, если не передъ закономъ, то передъ судомъ, получилось понятіе общаго для всѣхъ права, и все, что было нормировано правовыми нормами, подлежало неуклонному исполненію благодаря суду.

Таково значеніе судебной реформы такъ сказать общегосударственное, если угодно даже политическое. Но не менѣе важна и чисто процессуальная сторона. Всѣ многочисленныя зданія дореформенныхъ судовъ были сломаны до основанія, не осталось ничего, ничего не было преобразовано, все было выстроено заново. Всѣ положенія, разсыпанныя въ Сводѣ законовъ изд. 1857 г. въ томахъ I, II и 2 ч. XV и касавшіяся судоустрой-

ства и судопроизводства были отмѣнены и замѣнены новыми. Для оцѣнки важности произведенной реформы нужно, хотя и весьма коротко, остановиться на основныхъ началахъ, на типичныхъ чертахъ старыхъ и новыхъ судовъ. Только такое сравненіе выяснитъ вполнѣ все громадное общее значеніе этой процессуальной реформы, которая привела, что касается до дѣла борьбы съ преступниками и преступностью, къ двумъ громадной важности результатамъ: къ установленію неизмѣримо болѣе совершенныхъ способовъ обнаруженія истины по дѣлу и къ превращенію обвиняемаго изъ объекта ничѣмъ неограниченныхъ произвольныхъ разслѣдованій въ человѣческую личность, имѣющую права стороны въ судѣ.

Откладывая до дальнѣйшаго изложенія подробное описаніе дореформеннаго судебнаго строя, я ограничусь здѣсь указаніемъ главнѣйшихъ недостатковъ этого строя.

Прежде всего такимъ несовершенствомъ являлось смѣшеніе судебной власти съ другими (я не говорю уже о потерѣ при этомъ судебной властью необходимой независимости, о чемъ я говорилъ уже выше) и ввѣреніе другими словами отправленія правосудія учрежденіямъ, органамъ и лицамъ совершенно для этого неприспособленнымъ.

Такъ прежде всего судебная власть надъ крѣпостными была ввѣрена ихъ владѣльцу помѣщику. Лишь по преступленіямъ, грозившимъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, помѣщики обязаны были передавать своихъ крестьянъ общимъ судебнымъ установленіямъ. По менѣе важнымъ дѣяніямъ помѣщики и управляющіе имѣніемъ имѣли право подвергать крестьянъ наказанію розгами до сорока ударовъ или палками до 15 ударовъ, аресту до 2 мѣсяцевъ въ сельской тюрьмѣ, заключенію въ смирительные и рабочіе дома до 3 мѣсяцевъ, въ арестантскія роты до 6 мѣсяцевъ (2 ч. XV т. изд. 1857 г. ст. 851). Несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 лѣтъ помѣщики имѣли право отдавать въ кантонисты, а взрослыхъ сдавать въ рекруты или препровождать въ распоряженіе губернскаго правленія для высылки въ сибирь. Для оцѣнки этого вида правосудія не слѣдуетъ забывать, что суду помѣщика подлежали отношенія крѣпостныхъ не только къ нему и его семейству, но и крѣпостныхъ между собою; что если еще у помѣщика, въ виду его сравнительной образованности, отношеній къ сосѣдямъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ—и могло быть основаніе проявлять нѣкоторую гуманность при отправленіи правосудія, то у управляющаго никакихъ сдерживающихъ стимуловъ быть не могло и что наконецъ на этотъ судъ жаловаться нельзя было. И такому суду была подсудна большая часть населенія!

Далѣе правосудіе было ввѣрено чинамъ полиціи, именно: становому приставу и коллегіально земскому суду, т. е. уѣздому полицейскоиу управленію, по дѣламъ маловажнымъ со включеніемъ однако кражи и воровства и мошенничества въ первый и второй разъ безъ осложняющихъ обстоятельствъ и на сумму не свыше 30 р., причемъ становой съ правомъ налагать денежныя взысканія до 5 р., арестъ до 3 дней и тѣлесное наказаніе до 10 ударовъ, а земскій судъ денежныя взысканія до 30 р., арестъ до 3 мѣсяцевъ и тѣлесное наказаніе до 30 ударовъ (Св. Зак. II т. ст. 2545, 2546, 2547; XV т. 2 ч. ст. 842). Наконецъ смѣшеніе властей проявлялось ярко въ томъ, что приговоры палатъ уголовнаго суда поступали на утвержденіе начальника губерніи, который могъ предложить о дополненіи или измѣненіи и въ случаѣ несогласія представить дѣло на ревизію въ Правительствующій Сенатъ (т. II ст. 2409).

Въ такомъ видѣ представляется въ главныхъ чертахъ смѣшеніе властей.

Вторымъ весьма важнымъ недостаткомъ прежняго судебнаго строя являлось господство канцеляріи, секретарей, лицъ скрывавшихся за спинами судей, не несшихъ вовсе отвѣтственности за правильность существа приговоровъ и контингентъ коихъ былъ совершенно неудовлетворителенъ въ нравственномъ отношеніи. Такое господство канцеляріи объясняется прежде всего совершеннымъ несоотвѣтствіемъ состава судей возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Не слѣдуетъ забывать, что судебный персоналъ почти цѣликомъ былъ выборнымъ. Такъ земскій судъ состоялъ изъ выбранныхъ дворянствомъ исправника и двухъ засѣдателей, а также двухъ засѣдателей по выбору поселянъ. Уѣздный судъ тоже изъ судьи и двухъ засѣдателей, выбранныхъ дворянствомъ и двухъ отъ поселянъ (II т. ст. 4013). Наконецъ и въ палатахъ одинъ лишь товарищъ предсѣдателя былъ по назначенію. Всѣ эти выборные судьи были слабѣйшими представителями всѣхъ сословій, выбранными лишь для «кормленія», они являлись элементомъ случайнымъ и совершенно нскомпетентнымъ, ибо отъ нихъ требовалось разрѣшеніе дѣла не по внутреннему убѣжденію, а на основаніи сложныхъ процессуальныхъ законовъ, имъ разумѣется вовсе неизвѣстныхъ, знаменитой теоріи формальныхъ уликъ. Кромѣ того, тому же господству канцеляріи способствовалъ исключительно письменный характеръ всего производства, при чемъ во всѣхъ судахъ, начиная съ земскаго суда и кончая Правительствующимъ Сенатомъ, разрѣшеніе дѣла состояло въ прочтеніи секретаремъ записки по дѣлу и даже собственно только краткаго изложенія, помѣщавшагося въ концѣ записки. При этомъ хотя дѣйствительный матеріалъ слѣдствій—живыя показанія свидѣтелей

давались только въ земскомъ судѣ, въ каждомъ изъ судовъ, чрезъ которые проходило дѣло, составлялась новая записка. Благодаря такому чисто письменному характеру всего производства и разрѣшенія оно совершалось въ тайнѣ, хотя законъ и не требовалъ тайности производства. Какое поле для злоупотребленій безконтрольной канцеляріи!

Третьимъ недостаткомъ слѣдуетъ считать многочисленность инстанцій и порядокъ ревизіи. Только самыя несложныя дѣла разрѣшались окончательно на мѣстѣ въ уѣздномъ судѣ, (по апелляціи на земскій судъ, т. е. въ предѣлахъ компетенціи земскаго суда). Всѣ остальныя дѣла, начинаясь въ земскомъ судѣ, восходили черезъ уѣздный судъ, который постановлялъ «мнѣніе», не имѣвшее силы рѣшенія, въ палату. Послѣдняя всѣ дѣла о дворянахъ, чиновникахъ и почетныхъ гражданахъ за преступленія, влекущія лишеніе или ограниченіе правъ, представляла на ревизію въ Сенатъ. Но кромѣ указанныхъ палата по закону обязана была предоставлять въ Сенатъ на ревизію (Николай Стояновскій—Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству изд. второе 1854 г.), всѣ дѣла возбужденныя по высочайшимъ повелѣніямъ, вслѣдствіе сенатскихъ ревизій, объ иновѣрцахъ принявшихъ православіе, дѣла въ которыхъ помѣщики участвовали вмѣстѣ съ крестьянами, дѣла по которымъ начальникъ губерніи не согласился съ окончательнымъ рѣшеніемъ палаты, или по которымъ палата измѣнила первоначальный приговоръ вслѣдствіе предложенныхъ начальникомъ губерніи дополнительныхъ свѣдѣній, дѣла по аппеляціи, дѣла по коимъ присуждены къ тѣлеснымъ наказаніямъ болѣе 9 лицъ и т. д. Кромѣ того закономъ предоставлены были обширныя полномочія Сенату по вытребованію ряда дѣлъ изъ палатъ на ревизію; къ числу такихъ были отнесены дѣла, по которымъ министръ юстиціи согласился съ протестомъ прокурора, когда при разсмотрѣніи одного дѣла будутъ усмотрѣны неправильности по другому, когда до Сената дойдетъ свѣдѣніе о томъ, что приведеннымъ въ исполненіе приговоромъ палаты осужденъ невинный. Но и попавъ въ Сенатъ, дѣло не освобождалось отъ мытарствъ; даже при единогласномъ рѣшеніи въ департаментѣ, въ случаѣ несогласія оберъ-прокурора, дѣло переходило въ общее собраніе, а тѣмъ болѣе въ случаѣ разногласія, причемъ разногласіемъ считалось мнѣніе одного, хотя бы уже умершаго ко времени разсмотрѣнія дѣла въ общемъ собраніи, сенатора (Св. Зак. т. I изд. 1857 г. ст. 135 и слѣд.). Но и этимъ не исчерпывалось число инстанцій; въ число нормальныхъ инстанцій разсмотрѣнія были введены Государственный Совѣтъ и самъ Государь. А именно, если въ общемъ собраніи Сената не составлялось $^2/_3$ голосовъ въ пользу рѣшенія или съ рѣшеніемъ не соглашался министръ юстиціи, то дѣло пере-

давалось въ консультацію оберъ-прокуроровъ, а когда и послѣ того соглашеніе не достигалось, то черезъ Государственный Совѣтъ представлялось Государю. Такой многоинстанціонный, отдаленный отъ жизни и непосредственнаго источника свѣдѣній процессъ приводилъ только къ нескончаемой волокитѣ и явно несправедливымъ рѣшеніямъ.

Четвертымъ и во всякомъ случаѣ однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ, если не самымъ важнымъ, должна быть признана такъ называемая теорія формальныхъ уликъ. Она преслѣдовала цѣли въ существѣ весьма высокія: оградить подсудимаго отъ произвола судей; въ этихъ видахъ законодатель признавалъ возможнымъ заранѣе, въ самомъ законѣ, дать подробную расцѣнку силы и значенія (убѣдительности) отдѣльныхъ доказательствъ и допускать осужденіе лишь при наличности совершенныхъ доказательствъ. Самое предположеніе однако о существованіи совершенныхъ доказательствъ должно быть признано несостоятельнымъ: какъ говорила ст. 305 2 ч. XV т. изд. 1857 г., доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго. Но такія доказательства могутъ существовать лишь въ теоріи, въ дѣйствительной же жизни они такъ же мало возможны, какъ математическія точка и линія, полное устраненіе сомнѣній, абсолютная достовѣрность—невозможны. Такъ же несостоятельно и произвольно и дѣленіе доказательствъ на совершенныя и несовершенныя; опытъ показываетъ, что если нѣтъ совершенныхъ доказательствъ, то нѣтъ и несовершенныхъ и всякое доказательство при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть достаточно убѣдительнымъ для осужденія. По современнымъ взглядамъ (Спасовичъ, ученіе о доказательствахъ) указать, что можетъ и что не можетъ служить доказательствомъ невозможно; весь міръ и все, что въ немъ существуетъ, можетъ явиться доказательствомъ извѣстнаго событія и виновности въ немъ даннаго лица. Поэтому подробное перечисленіе допустимыхъ доказательствъ, дававшееся въ законѣ, съ раздѣленіемъ ихъ на совершенныя и несовершенныя, не устраняя въ дѣйствительности возможность злоупотребленія со стороны главенствовавшей канцеляріи, совершенно парализовало судей и не давало имъ возможности постановить приговоръ, отвѣчающій истинѣ и обстоятельствамъ дѣла. Судьи могли осудить лишь при наличности совершенныхъ доказательствъ; ст. 311 2 ч. XV т. прямо говоритъ, что если нѣтъ требуемыхъ доказательствъ, то лучше оправдать обвиняемаго, но такъ какъ, очевидно, наличность совершенныхъ доказательствъ судьи, даже при произвольномъ толкованіи закона, признавали рѣдко, то законъ въ 313 ст. 2 ч. XV т. предписывалъ въ случаяхъ, когда имѣются нѣкоторыя, хотя и недостаточныя къ

осужденію улики, оставлять обвиняемыхъ въ подозрѣніи, отдавая ихъ, если нужно, при этомъ и подъ надежное поручительство. Оставленіе въ подозрѣніи составляло громадный процентъ общаго числа приговоровъ почти до 87,5% по статистическимъ свѣдѣніямъ министерства юстиціи (Фойницкій, Курсъ угол. суд. изд. 1891, т. I, стр. 40). Соединенные департаменты государственнаго совѣта при разсмотрѣніи главныхъ основаній судебной реформы справедливо замѣтили по этому поводу (Матер. т. XVIII, стр. 168), «что оставленіе въ подозрѣніи по преступленіямъ составляетъ язву общества, наполняя его множествомъ самыхъ порочныхъ людей». Правительство вынуждено принимать противъ нихъ энергическія мѣры; въ 1851 и 1853 г. состоялись указанія о томъ, что мѣщане и крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, оставленные судебными приговорами въ подозрѣніи по преступленіямъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, когда они притомъ на повальномъ обыскѣ въ поведеніи не одобрены, переселяются въ Сибирь, если общество по большинству двухъ третей голосовъ не согласится принять ихъ къ себѣ. «Такое предоставленіе обществу какъ бы вновь судить лицо, о коемъ дѣло разрѣшено компетентнымъ судомъ, лучше всего указывало на несостоятельность судебныхъ порядковъ и Д. А. Ровинскій въ своей запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда (Мат. т. XV ст. XI) былъ правъ говоря, «не есть ли этотъ судъ послѣ суда и безъ суда тотъ же судъ присяжныхъ, по въ самой безобразной формѣ его».

Понятно какое ложное и тяжкое положеніе создавалось обвиняемому оставленіемъ въ подозрѣніи, но впрочемъ и рядъ другихъ процессуальныхъ мѣръ обращалъ обвиняемаго уже до суда въ объектъ разслѣдованій, ничѣмъ не ограниченныхъ. Это отвѣчало инквизиціонно-слѣдственному характеру процесса—что можетъ быть названо пятымъ несовершенствомъ дореформеннаго судебнаго строя—и всей системѣ наказаній того времени: уложеніе въ изд. 1857 г., такъ и пестрѣло тѣлесными наказаніями плетьми и розгами, которыя сопровождали всѣ наказанія для неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, а такихъ было 9/10 населенія.

Инквизиціи, пытки правда не было, въ законѣ (ст. 168—172 2 ч. XV т.) содержались указанія приводить обвиняемыхъ къ сознанію болѣе кротостью и увѣщаніемъ нежели строгостью, но тѣмъ не менѣе предписывалось въ случаѣ важныхъ обвиненій или явнаго запирательства *призывать для увѣщанія обвиняемаго* священника. Оно и понятно, на слѣдственно-судебную инстанцію возлагалась не такъ, какъ теперь только провѣрка возбужденнаго обвиненія и только въ предѣлахъ предъявленія, а открытіе истины по дѣлу; къ этому открытію можно было идти

долго, смотря по даннымъ, переходя отъ одного обвиненія къ другому, почти до безконечности, забывая вовсе объ интересамъ и личности обвиняемаго, вынуждая у послѣдняго въ интересахъ истины сознаніе, какъ самое совершенное доказательство, всѣми дозволенными закономъ способами. Не слѣдуетъ забывать, что хотя прокурорскій надзоръ и существовалъ, но онъ лишь пропускалъ состоявшіеся приговоры; онъ не возбуждалъ обвиненія, не обвинялъ на судѣ, не участвовалъ въ процессѣ, такъ же точно и защита отсутствовала. На судъ возложено было соблюдать интересы и обвиненія и защиты, безпристрастнаго правосудія какъ посредника. Разумѣется интересы послѣдняго значительно страдали. Коренное основаніе, главная мысль о судѣ какъ о посредникѣ среди спорящихъ, безпристрастномъ, постороннемъ, была нарушена. Безъ этого, очевидно, не было вовсе и правосудія. Весь этотъ сложный и бездушный, далекій отъ жизни дореформенный процессъ со всѣми главнѣйшими своими вышеприведенными несовершенствами приводилъ лишь къ тому, что дѣйствительно виновные открывались и осуждались рѣдко, но зато громадное число лицъ невинныхъ безконечное число лѣтъ оставалось подъ судомъ, или въ подозрѣніи. Рядомъ съ крѣпостнымъ состояніемъ было несомнѣнно уголовное рабство.

Замѣчанія на проектъ сенатора барона фонъ-деръ-Ховена (Замѣчанія ч. 6 т. XXV Матеріаловъ) представляютъ лучшее объясненіе только что сказанному. Ховенъ былъ 16 лѣтъ губернаторомъ въ разныхъ губерніяхъ, онъ вовсе не реформаторъ по своимъ взглядамъ, онъ начинаетъ обыкновенно свои разсужденія съ ссылки на статью 2 ч. XV т. и затѣмъ приводитъ случаи, поясняющіе, какъ примѣняется эта статья въ дѣйствительности, причемъ оказывается, что даже не спускаясь до низшихъ судовъ и останавливаясь только на сенатѣ, приходится къ сожалѣнію, признать, что это высшее судебное учрежденіе проявляло неизмѣнно въ своихъ толкованіяхъ бездушный и даже явно неправильный формализмъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ сенатѣ разсматривались дѣла по существу и тѣмъ не менѣе оставлялся напримѣръ въ силѣ приговоръ, коимъ сидѣлецъ казеннаго питейнаго дома за прочетъ 33 р. и по представленіи всего своего имущества на 400 р. въ обезпеченіе убытковъ казны, несмотря на то, что казна должна была ему еще 25 р. жалованья, не только подвергался какъ за «захватъ»—70 ударамъ розогъ и ссылкѣ въ Сибирь, но и прошеніе его оставлялось безъ разсмотрѣнія. Нѣкій Вульфъ былъ оправданъ сенатомъ окончательно, единогласно, по обвиненію въ изнасилованіи дѣвицы Ильиной, но одновременно сенатъ въ департаментѣ рѣшилъ возбудить преслѣдованіе противъ полицейскихъ чиновъ, производившихъ слѣд-

ствіе и пока вопросъ о преслѣдованіи рѣшался въ разныхъ инстанціяхъ сената (общее собраніе, консультація), Вульфъ, несмотря на то, что вопросъ объ немъ былъ рѣшенъ окончательно, два года былъ содержимъ подъ стражею. Далѣе, основываясь на статьѣ (217 ст. 2 ч. XV т.) закона, запрещавшей допрашивать раскольниковъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣламъ православныхъ (безъ присяги свидѣтельства нѣтъ) сенатъ возбудилъ преслѣдованіе противъ пристава, допросившаго раскольниковъ по дѣлу о кражѣ, совершенной воромъ-рецидивистомъ въ селеніи раскольничьемъ, гдѣ другихъ свидѣтелей кромѣ раскольниковъ быть не могло. Я не говорю уже о неумолимомъ примѣненіи устава о гербовомъ сборѣ къ жалобамъ по уголовнымъ дѣламъ, какія бы вопіющія злоупотребленія жалобы не раскрывали, о злоупотребленіяхъ низшихъ судовъ, осуждавшихъ за убійство при жизни убитаго и т. д. Чтобы спасать живыхъ людей отъ дѣйствія такой машины, которая называлась правосудіемъ, сенатору Ховену приходилось прибѣгать къ чрезвычайному средству — испрашивать черезъ министра юстиціи высочайшія повелѣнія.

Въ замѣчательной статьѣ «о недостаткахъ дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства» первый приглашенный Зарудным къ занятіямъ въ государственней канцеляріи юристъ Егоръ Павловичъ Старицкій говоритъ (Матеріалы т. XV—ст. IX): «Повсемѣстно слышатся жалобы на то, что слѣдствіе производится дурно и чрезвычайно медленно, что подсудимые содержатся подъ стражею цѣлые годы, а потомъ оставляются въ подозрѣніи по недостатку формальныхъ доказательствъ; что самое наказаніе, опредѣляемое по прошествіи столь долгаго времени, представляется уже не справедливымъ возмездіемъ за преступленіе или проступокъ, а какимъ то вторичнымъ истязаніемъ за вину давно всѣми забытую и давно искупленную самимъ преступникомъ, вслѣдствіе долговременнаго его томленія въ тюрьмѣ и медленныхъ переходовъ дѣла во всѣмъ степенямъ слѣдствія и суда; существуетъ наконецъ убѣжденіе, что стоитъ только не сознаваться въ преступленіи и объявлять постоянныя подозрѣнія на слѣдователей, судей и свидѣтелей, чтобы запутать дѣло, продлить его на нескончаемое время и избѣгнуть заслуженнаго наказанія». Тутъ же Старицкій приводитъ примѣры изъ настольныхъ: № 1 дѣло поступило въ уѣздный судъ въ 1845 г. по 1856 г., т. е. 11 лѣтъ происходила переписка о дополненіи и повѣркѣ слѣдствія, первое рѣшеніе состоялось въ 1857 г.; № 15 поступило въ 1852 г., въ томъ же году предписано уѣздному начальству о дополненіи и несмотря на множество подтвержденій и представленій губернскому правленію о понужденіи дѣло до 1858 г. оставалось недополненнымъ и т. д.

Д. А. Ровинскій. встрѣчая въ 1860 г. вновь назначенныхъ по новому положенію слѣдователей («Вѣкъ» № 16, приведено въ извѣстной характеристикѣ Д. А. Ровинскаго, данной А. Ѳ. Кони, за послѣдніе годы), передавалъ имъ различные случаи изъ дѣятельности полиціи: «отобранные у сознавшагося вора тулупъ и поддевка возвращены хозяевамъ безъ оцѣнки—черезъ годъ; приставъ, замѣтивъ свое упущеніе, трѣбуетъ хозяевъ изъ рязанской губ. въ Москву по этапу и обязываетъ ихъ подпискою представить тулупъ и поддевку; трое крестьянъ жалуются на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей, и послѣ года производства слѣдствія объ этомъ приставъ начинаетъ слѣдствіе, откуда они взяли сельдей и имѣли ли право торговать ими».

Кажется, и приведеннаго достаточно вполнѣ для характеристики дореформеннаго слѣдствія: да, тутъ дѣйствовали чины полиціи, но выше мы познакомились въ изложеніи сенатора Ховена съ дѣятельностью Сената, общій ея характеръ тотъ же—господство канцеляріи, буквы надъ словомъ, жизнью, въ живомъ дѣлѣ правосудія полное отсутствіе стремленія къ обнаруженію матеріальной, реальной, а не формальной, истины, полное презрѣніе къ интересамъ живой личности, будь то обвиняемый, или даже потерпѣвшій.

Судебная реформа 1864 г., произведенная вслѣдъ за освобожденіемъ личности многихъ милліонновъ людей отъ рабства и отмѣны въ 1863 г. тѣлесныхъ наказаній, главныя усилія свои именно направила на возстановленіе и возрожденіе значенія живой личности, а за ней и живой жизни въ судѣ; личности подсудимаго, личности потерпѣвшаго, личности свидѣтеля, скажу болѣе личности судьи, всѣ они новымъ судомъ были призваны къ живому, непосредственному участію въ самомъ разрѣшеніи дѣла, и всѣмъ имъ была дана возможность собраться вмѣстѣ для разрѣшенія дѣлъ и откровенно высказать свое убѣжденіе объ обстоятельствахъ даннаго случая. Главный, коренной недостатокъ всего дореформеннаго судебнаго строя—теорія формальныхъ уликъ исчезла безслѣдно; всѣмъ судьямъ, будь то присяжные засѣдатели, члены общихъ судебныхъ установленій или мировые судьи, было предоставлено по внутреннему убѣжденію, основанному на свободной разумной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла разрѣшать вопросъ о виновности. Чтобы судьямъ обезпечить возможность правильно составить убѣжденіе, все, что выяснено на предварительномъ слѣдствіи, должно быть вновь повторено и провѣрено передъ судомъ и при томъ въ то же засѣданіе непосредственно, передъ разрѣшеніемъ дѣла, обвинитель и обвиняемый являются лично на судъ, свидѣтели, если не имѣется особыхъ неустранимыхъ препятствій,

тоже словесно лично даютъ передъ судомъ и сторонами свои показанія, вещественныя по дѣлу доказательства также вносятся въ залу судебнаго засѣданія. Письменная запись, протоколъ допускаются, какъ рѣдкое исключеніе, никакихъ докладовъ канцеляріи нѣтъ, даже рѣшеніе пишутъ сами судьи, канцелярія стала совершенно второстепеннымъ вспомогательнымъ органомъ.

Этотъ судъ по внутреннему убѣжденію сталъ главнымъ, рѣшающимъ и при томъ окончательно, оставленіе въ подозрѣніи было упразднено, нынѣшній судъ можетъ или осуждать или оправдывать и при томъ окончательно, возобновленіе суда надъ оправданнымъ допускается лишь въ совершенно исключительныхъ случахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой рѣшающій по существу судъ сталъ окончательнымъ и въ другомъ смыслѣ; онъ въ одной инстанціи рѣшаетъ окончательно то, что до реформы рѣшалось въ цѣлой системѣ судовъ путемъ ревизіи—послѣдняя тоже разумѣется отмѣнена, апелляція допущена лишь для дѣлъ маловажныхъ, разсматриваемыхъ безъ присяжныхъ. Понятно, какую внутреннюю силу получило правосудіе благодаря этимъ мѣрамъ, оно караетъ или оправдываетъ быстро, окончательно, непосредственно, или вскорѣ за совершеніемъ преступленія. Выиграли, разумѣется, отъ этого и потерпѣвшій и обвиняемый. Послѣдній пересталъ быть кромѣ того объектомъ инквизиціоннаго разслѣдованія и сталъ стороною въ дѣлѣ съ равными съ обвиненіемъ правами. У него болѣе, даже и увѣщаніями, не выманиваютъ сознанія, а ,наоборотъ, разъясняютъ ему, что онъ можетъ, если желаетъ, отказаться отъ всякихъ объясненій. Судья за созданіемъ двухъ особыхъ органовъ для обвиненія и защиты освободился отъ возлагавшихся на него дореформеннымъ процессомъ невыполнимыхъ обязанностей: одновременно преслѣдовать интересы обвиненія, защиты и правосудія. Слѣдователю не вмѣняется болѣе въ обязанность открытіе во что бы то ни стало истины по дѣлу, онъ только производитъ разслѣдованіе въ предѣлахъ предъявленнаго обвиненія и направляетъ къ прекращенію, разъ предъявленное обвиненіе не подтверждается. Понятно, что при такихъ условіяхъ прежній бездушный формализмъ былъ замѣненъ примѣненіемъ къ данному случаю, индивидуализаціею. Отпала волокита. Отправленіе правосудія поставлено нынѣ на большую, чѣмъ прежде, высоту благодаря тому, что таковое ввѣрено лицамъ вполнѣ независимымъ, несмѣняемымъ, состоящимъ внѣ всякой бюрократической іерархической подчиненности, будь то назначенные или выборные судьи, причемъ и это весьма важно—благодаря выше объясненному громадному упрощенію процесса, эти судьи, дѣйствительно, даже и безъ спеціальныхъ познаній получили возможность лично, безъ помощи

канцеляріи разрѣшать всѣ дѣла. Однимъ словомъ новый судебный процессъ при всей своей относительной по сравненію съ прежнимъ простотѣ поражаетъ вѣрностью правильной постановки устоевъ и всей системы.

Если теперь подвести итоги, сопоставить все то, что внесено судебной реформой въ нашу государственную, общественную и частную жизнь, сопоставить обще-государственную, политическую и процессуальную сторону ея, то я думаю нельзя не признать, что реформа эта является громаднымъ и высоко благодѣтельнымъ переворотомъ, великимъ и славнымъ дѣломъ, вызывающимъ глубокое изумленіе. И такая первостепенной важности сложная реформа была выработана во всѣхъ основныхъ ея чертахъ въ совершенно невѣроятно короткій срокъ: 23 октября 1861 г. высочайше повелѣно было департаментамъ государственнаго совѣта законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ составить записку и внести въ общее собраніе обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части въ имперіи, такъ чтобы записка обнимала: 1) судоустройство, 2) судопроизводство гражданское, 3) судопроизводство уголовное, 4) временныя мѣры. Непосредственное составленіе этой записки воспослѣдовавшимъ послѣ того высочайшимъ повелѣніемъ по докладу предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта кн. Гагарина возложено было на чиновъ государственной канцеляріи статсъ-секретарей Стояновскаго, Заруднаго, помощниковъ статсъ-секретаря Даневскаго, Шубина и прикомандированныхъ къ государственной канцеляріи юристовъ: оберъ-прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената Н. А. Буцковскаго, московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго и др., черезъ 6 мѣсяцевъ и 5 дней по воспослѣдованіи высочайшаго повелѣнія состоялось уже первое засѣданіе соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта для обсужденія выработаннаго государственною канцеляріею проекта основныхъ началъ и объяснительной записки (23 октября 1861 г.—25 апрѣля 1862 г.) (матеріалы т. XVIII, стр. 10 и слѣд.). Въ этотъ короткій промежутокъ времени составители успѣли не только выработать общій планъ, но въ дѣйствительности, какъ въ этомъ можно легко убѣдиться при ознакомленіи съ основными началами, предрѣшить всѣ сколько нибудь существенные вопросы судоустройства и судопроизводства.

Какъ могла совершиться такъ быстро и такъ, повидимому, легко такая крупная реформа? Какія силы обезпечили столь благопріятный исходъ реформы? И быстрота и успѣхъ реформы, какъ мнѣ кажется, объясняются тѣмъ, что сомнѣній въ необходимости реформы не существовало. Мало того, въ обществѣ, и при томъ во всѣхъ его слояхъ, къ этому времени

окончательно сложилось убѣжденіе въ совершенной негодности существовавшаго въ то время судебнаго строя и въ необходимости взамѣнъ его ввести тѣ именно реформы, которыя были предположены составителями судебныхъ уставовъ. Такое подготовленіе общественнаго сознанія всецѣло дѣло нашей общей и спеціальной литературы. Она явилась прежде всего той силой, которая подготовила и обезпечила успѣхъ реформы. Роль въ этомъ отношеніи литературы была двоякая.

Передъ посѣвомъ необходима расчистка поля—критика существовавшаго,—эту обязанность взяла на себя наша общая литература.

Я не буду забѣгать далеко въ исторію, приводить Ябеду Капниста, не буду цитировать взглядовъ того или другого писателя на судъ, не буду даже касаться общаго критическаго направленія литературы 40-хъ годовъ, я остановлюсь только на Гоголѣ. Имъ созданы два типа дореформеннаго судьи и оба не только ярки и образны въ художественномъ отношеніи, но и представляютъ блестящую иллюстрацію судебныхъ несовершенствъ того времени.

Вотъ, напримѣръ, какъ представляетъ Гоголь засѣданіе уѣзднаго суда въ повѣсти. «Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Происходитъ чтеніе секретаремъ докладовъ и выписей, которые, мы видѣли выше, въ сущности замѣняли все судебное разсмотрѣніе и вели къ господству канцеляріи. Судья удѣляетъ мало вниманія этому чтенію, изъ котораго онъ, вѣроятно, впервые узналъ бы о разсматриваемомъ дѣлѣ и все время ведетъ съ подсудкомъ разговоръ о матеріи важной: о дроздахъ и о томъ, какъ имъ прокалывать бобоны на шеѣ. Между тѣмъ секретарь кончилъ чтеніе и освѣдомляется, не слѣдуетъ ли перейти къ чтенію выписи изъ слѣдующаго дѣла; судья удивленъ, что записка по предыдущему дѣлу прочтена и сожалѣя, что ничего не разслышалъ изъ читаннаго, требуетъ тѣмъ не менѣе дѣло къ подписи. Прошенія писались безконечной длины по пунктамъ, просители приносили судьѣ въ подарокъ куръ, гусей и т. д. Было принято прошеніе Ивана Ивановича. «Тогда, говоритъ Гоголь, процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою такъ обыкновенно славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, росписались, все въ одинъ и тотъ же день и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, годъ, другой, третій».

Не менѣе знаменитъ и другой созданный Гоголемъ типъ судьи, въ «Ревизорѣ». Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ беретъ взятки только борзыми щенками и охотится на земляхъ ведущихъ у него тяжбы. Говоря о ввѣренномъ ему судѣ, А. Ф. Ляпкинъ-Тяпкинъ отзывается такъ. «Въ

самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ уже пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а только рукою махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда». Я думаю, что едва ли можно ярче, чѣмъ въ этихъ двухъ блестящихъ художественныхъ произведеніяхъ, отмѣтить письменный характеръ всего производства, господство канцеляріи, формализмъ, волокиту и, къ сожалѣнію, продажность суда. Я думаю, что и приведенныхъ двухъ произведеній достаточно, чтобы показать, какъ наша литература относилась къ старымъ судамъ, въ какой мѣрѣ она способствовала уразумѣнію основныхъ недостатковъ этихъ судовъ.

Рядомъ съ беллетристическими произведеніями, какъ въ общихъ, такъ и въ спеціальныхъ журналахъ, появлялись статьи, пытавшіяся представить данныя о положеніи правосудія въ другихъ государствахъ и даже прямо указать, каковъ долженъ быть новый судебный строй. Общее въ разнообразныхъ статьяхъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ—это вѣра въ существованіе основныхъ началъ процесса, годныхъ для всѣхъ народовъ, а затѣмъ вполнѣ сознательная разносторонняя оцѣнка постановки того или другого института въ различныхъ современныхъ законодательствахъ.

Для примѣра я остановлюсь на двухъ журналахъ: «Русскомъ Вѣстникѣ» и «журналѣ Министерства Юстиціи» и избираю при этомъ года, предшествовавшіе выработкѣ основныхъ началъ реформы; въ 1858 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (т. XV) обращаютъ на себя вниманіе статьи Н. Щербаня: «Суды, магистратура и адвокатура во Франціи». Авторъ видитъ въ рецепціи французскаго процесса различными народами доказательство того, что въ этомъ процессѣ заключается кромѣ чисто національныхъ чертъ и общія истины, годныя для всѣхъ народовъ. Въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ (т. XVIII) мы встрѣчаемся со статьею А. Лохвицкаго, выставляющаго преимущества суда съ присяжными засѣдателями передъ другими формами суда; судъ этотъ во Франціи не имѣетъ вовсе политическаго характера, даже, наоборотъ, онъ вызываетъ нерасположеніе къ себѣ радикаловъ. Въ 1859 г. въ томъ же журналѣ помѣщена (т. XXI) статья А. Палюмбецкаго «Вопросъ объ устности и гласности». Авторъ отвѣчаетъ, что вопросъ о судебной реформѣ начинаетъ занимать все русское общество; среди дворянства Харьковской губ., къ которому принадлежитъ Палюмбецкій, вопросъ этотъ возбудилъ всеобщее участіе. Въ томъ же году (т. XXI) К. П. Побѣдоносцевъ доказывалъ необходимость полной независимости суда и предоставленія ему сильной власти для возможности дѣйствительнаго приведенія въ исполненіе его рѣшеній. Въ 1869 г., въ

т. XXVI, Б. И. Утинъ (Очеркъ исторіи образованія суда присяжныхъ въ Англіи), ссылаясь на введеніе суда присяжныхъ въ Англіи, и въ Сѣверной Америкѣ, и въ Бельгіи, и въ Пруссіи, усматриваетъ въ этомъ распространеніи доказательство, что судъ присяжныхъ вовсе не стоитъ въ непосредственномъ соотношеніи съ тѣмъ или другимъ образомъ правленія. Особенно интересовались Англіей, и М. Зарудный въ статьѣ объ англійскомъ судѣ (Р. В. т. XXVIII 1860 г.) констатируетъ, что въ послѣднее время въ русской литературѣ было много замѣчательныхъ статей объ Англіи и ея судебныхъ порядкахъ.

Журналъ министерства юстиціи началъ выходить въ свѣтъ съ 1859 г. Здѣсь встрѣчаются статьи Спасовича, Книрима (о Бентамѣ). Кистяковскій въ 1860 г. помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «Очеркъ англійскаго процесса по Миттермайеру, въ которой, между прочимъ, критиковалъ французскій процессъ, указывая на неравенство сторонъ на судѣ, на чрезвычайныя преимущества прокуратуры, на увѣщеваніе предсѣдателемъ въ началѣ засѣданія защитника, и только его, не говорить неправды. Въ томъ же 1860 году въ журналѣ Министерства Юстиціи были помѣщены публичныя лекціи Спасовича о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ. Въ этихъ лекціяхъ Спасовичъ, ссылаясь на только что обнародованный законъ 8 іюня 1860 г. объ отдѣленіи слѣдственной власти отъ полицейской, говоритъ, что несомнѣнно предстоитъ полная замѣна 2 ч. XV т., и поэтому онъ избралъ теорію судебныхъ доказательствъ, какъ центральный узелъ всей системы, душу всего уголовнаго процесса. Высказываясь за отмѣну теоріи формальныхъ доказательствъ и вообще всего положенія разцѣнки доказательствъ, за введеніе уликъ какъ доказательствъ, за устраненіе лишь явно негодныхъ доказательствъ, за сужденіе по внутреннему убѣжденію, онъ боится, что, не подавая голоса за немедленное введеніе суда присяжныхъ столь популярнаго, онъ рискуетъ прослыть обскурантомъ. Въ 1861 г. Мамонтовъ, открывая литературное обозрѣніе, отмѣчаетъ, что за послѣднія 5—6 лѣтъ общественное мнѣніе особенно увлекалось вопросами объ исправленіи нашихъ административныхъ и судебныхъ непорядковъ; явилось множество статей о судоустройствѣ и судопроизводствѣ у насъ и за границей, авторы которыхъ настаиваютъ на введеніи у насъ гласности, устности, суда присяжныхъ. Въ большинствѣ статей проглядывало предпочтеніе англійскаго процесса другимъ. Такъ, въ статьѣ «сравнительный взглядъ на англійскій и французскій процессы» къ числу недостатковъ французскаго отнесены: несдержанное обвиненіе прокурора, произволъ предсѣдателя, допросъ имъ обвиняемаго, вліяніе того же предсѣдателя на пренія присяжныхъ. Въ

ноябрѣ 1862 г. въ журналѣ Министерства Юстиціи Баршевъ въ статьѣ о необходимыхъ условіяхъ плодотворнаго развитія суда присяжныхъ доказывалъ несостоятельность основного раздѣленія вопросовъ права и факта, усвоеннаго французскимъ законодательствомъ. Я прекращаю выписки, и приведеннаго, я думаю, вполнѣ достаточно для уясненія, въ какой мѣрѣ разносторонне, сознательно, подробно, въ многочисленныхъ статьяхъ, доступныхъ всѣмъ читателямъ, наша молодая юридическая наука и литература разрабатывала вопросы о томъ, что именно и какъ надо вводить въ нашъ новый судебный строй.

И эти идеи, это обсѣмененіе расчищеннаго общей литературой поля общественнаго сознанія принесли плодъ. Такъ, уже шесть разрабатывавшихъ основанія крестьянской реформы редакціонныхъ комитетовъ—тверской, владимірскій, ярославскій, калужскій, харьковскій, саратовскій въ согласіи съ меньшинствомъ другихъ комитетовъ требовали одновременно съ упраздненіемъ вотчинной власти помѣщика и учрежденія независимаго общаго для всѣхъ сословій суда, гласности въ судѣ, суда присяжныхъ и мировыхъ выборныхъ учрежденій, строгаго разграниченія властей судебной, административной и полицейской. (Ср. И. Иванюковъ, Паденіе крѣпостного права въ Россіи, 1903 г., стр. 322 и д.). Тою же подготовкою общественнаго мнѣнія можетъ быть объяснено замѣчательное согласіе взглядовъ по основнымъ вопросамъ всѣхъ многочисленныхъ юристовъ-практиковъ, давшихъ отзывы на основныя начала судебной реформы (Матраіалы, т. XXVII сводъ отзывовъ). Такъ, я отмѣчаю вопросъ объ отдѣленіи судебной власти отъ административной, по которому всѣ единогласно дали утвердительный отвѣтъ и рѣшительно настаивали. Но это сознаніе въ негодности существующаго судебнаго строя и въ необходимости введенія намѣченныхъ въ основныхъ началахъ преобразованій проникло и въ правящія сферы.

Соединенные департаменты государственнаго совѣта, столь разностороне, глубоко и горячо обсуждавшіе отдѣльные вопросы, возникавшіе изъ предположенной реформы, приняли всѣ основныя начала судоустройства, въ томъ числѣ и учрежденіе суда присяжныхъ, единогласно (я не говорю о «сомнѣніяхъ» гр. Панина, къ какому суду присоединить присяжныхъ: къ палатѣ или окружному суду, кто составляетъ очередной списокъ и т. д.).

Все это, несомнѣнно, значительно облегчало задачу, выпавшую на долю составителей судебныхъ уставовъ. Но, кромѣ того, весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ являлась возможность принять въ соображеніе совершенно недавній опытъ Германіи и другихъ странъ Европы, которыя послѣ 48 года

ввели у себя судъ присяжныхъ, а нѣкоторыя и измѣнили весь судебный процессъ, перейдя отъ инквизиціоннаго процесса къ состязательному. Этотъ переходъ имѣлъ много общаго съ предстоявшею намъ задачею. Дореформенный германскій строй, какъ свидѣтельствуетъ весьма краснорѣчиво Кестлинъ (Köstlin—Der Wendepunkt des deutschen Strafprocessverfahrens, 1849), былъ совершенно тождественъ съ нашимъ по 2 ч. XV т. Св. Зак.; онъ даже носилъ болѣе инквизиціонный характеръ, такъ какъ несознавшагося подсудимаго не только, какъ у насъ, увѣщевали, но еще и подвергали взысканіямъ, называвшимися Ungehorsmstrafen—наказанія за неповиновеніе: въ проступки была возведена ложь, отрицаніе обстоятельствъ, отказъ въ дачѣ отвѣта и т. д. Вѣра въ этотъ чиновничій судъ, какъ справедливо говоритъ Ортлофъ (Ortlof—Das Strafverfahren in seinen leitenden Grundsätzen, 1858), была окончательно поколеблена. Правда нѣмецкіе ученые (ср. Кестлинъ наз. соч.) пытались защищать симпатичный имъ процессъ, построенный будто бы на научной расцѣнкѣ, научной системѣ, тогда какъ вердикты присяжныхъ, чисто индивидуальные, ни подъ какую систему подведены быть не могли. Но эта защита не удалась, новый процессъ вездѣ въ той или другой мѣрѣ восторжествовалъ, причемъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Брауншвейгѣ (уставъ 22 августа 1849 г.), Австріи (17 января 1850 г.) были выработаны новые уставы уголовнаго судопроизводства, соотвѣтствовавшіе новымъ началамъ, результаты получились болѣе удовлетворительные, чѣмъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ограничились введеніемъ суда присяжныхъ безъ согласованія съ нимъ остальныхъ частей процесса. Вся эта германская судебная реформа конца сороковыхъ годовъ, была изображена въ сочиненіи Миттермайера Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Stratverfahren nach ihrer neuesten Fortbdeung dargestellt und geprnft Erlangan, 1856. Это сочиненіе разумѣется сыграло не малую роль въ дѣлѣ нашей судебной реформы. Принадлежа перу извѣстнѣйшаго того времени германскаго криминалиста, оно является результатомъ многолѣтнихъ его трудовъ на научномъ поприщѣ, путешествій и наблюденій въ Англіи, Франціи и другихъ европейскихъ государствахъ, вдумчиваго сравненія постановки одного и того же процессуальнаго института въ разныхъ странахъ. Сочиненіе это, вышедшее въ свѣтъ за 5 лѣтъ до выработки основныхъ началъ, было переведено на русскій языкъ и кромѣ того содерженіе его изложено и Кистяковскимъ и другими писателями. Оно цитируется и въ объяснительной запискѣ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства и въ работахъ составителей судебныхъ уставовъ. Надо впрочемъ замѣтить, что составителямъ судебныхъ уставовъ были во всей подробности извѣстны въ подлинникѣ про-

цессуальные кодексы всѣхъ большихъ и малыхъ государствъ Европы, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ цитатъ. Я ограничусь однимъ примѣромъ. Комиссія, составлявшая проектъ устава уголовнаго судопроизводства, остановилась на вопросѣ объ отношеніяхъ слѣдователей къ прокурорскому надзору. По этому поводу были приняты во вниманіе отдѣльныя статьи, (на которыя были сдѣланы ссылки) уставовъ уголовнаго судопроизводства не только Франціи, Бельгіи, Италіи, Австріи, отдѣльныхъ государствъ Германіи, но и Шотландіи, Нью-Іорка, Массачузетса, Виргиніи—всего 16 государствъ. Такія подробныя ссылки не рѣдкость и указываютъ, что всѣ иностранныя законодательства (матеріалы т. XVIII, стр. 155) были близко знакомы составителямъ. И вотъ въ разцѣнкѣ, сравненіи относительной пригодности къ примѣненію тѣхъ или другихъ процессуальныхъ правилъ несомнѣнно Миттермайеръ являлся опытнымъ совѣтчикомъ. Я приведу нѣсколько его мыслей. Основное положеніе его сочиненія (введеніе стр. V), что въ законодательствахъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ можно различать общія идеи, но что въ осуществленіи этихъ идей замѣчается различіе сообразно съ характеромъ народа, его политическимъ, соціальнымъ и нравственнымъ строемъ. Останавливаясь на судѣ присяжныхъ, Миттермайеръ замѣчаетъ, что вердиктъ присяжныхъ, согласно правильнымъ взглядамъ англійскаго процесса, долженъ являться результатомъ согласной и совмѣстной дѣятельности присяжныхъ и коронныхъ судей. Всякія опасенія политическаго характера суда присяжныхъ основаны на недоразумѣніи, или что еще хуже, на умышленномъ смѣшеніи понятій демократическаго и народнаго (стр. 199 н. с.). Образцомъ новыхъ процессуальныхъ уставовъ является французскій, но онъ страдаетъ многими недостатками; такъ, нельзя не отмѣтить романическаго, украшеннаго вымыслами, характера обвинительнаго акта, допроса обвиняемаго на судѣ, хотя таковой и не предусмотрѣнъ въ законѣ, стѣсненнаго положенія защиты, неправильной постановки вопросовъ и т. д. «Къ чести нашихъ нѣмецкихъ предсѣдателей и нашихъ прокуроровъ, говоритъ Миттермайеръ надо замѣтить, что они менѣе французскихъ увлекаются краснорѣчіемъ, проявляютъ болѣе сдержанности и безпристрастія». Въ то же время въ Германіи введены въ законѣ нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ общимъ французскимъ образцомъ: нѣтъ дискреціонной власти предсѣдателя, уравнены больше права прокурора и защиты съ предоставленіемъ защитнику непосредственно, а не черезъ предсѣдателя, ставить вопросы свидѣтелямъ, опредѣленъ порядокъ дѣйствій на судѣ экспертовъ, что во французскомъ процессѣ совершенно отсутствовало; возложена на предсѣдателя обязанность указывать въ резюме законные признаки преступленія и т. д.

Отмѣчая, что вообще въ Германіи старались избѣгать крайностей, усвоенія чисто національныхъ отличій, Миттермайеръ относитъ, такъ называемую, судебную полицію къ числу чисто національныхъ французскихъ институтовъ и подвергаетъ таковую жестокой критикѣ, находя, что подъ прикрытіемъ весьма неопредѣленнаго понятія судебной полиціи, законъ ввѣряетъ функціи разслѣдованія или слѣдствія разнообразнымъ лицамъ, вовсе для этого неприспособленнымъ и благодаря еще болѣе неопредѣленному и туманному понятію flagrant delit, только что совершившагося преступленія, даетъ прокурору черезчуръ широкія права.

Все то, что приведено мною на послѣднихъ страницахъ указываетъ, въ какой мѣрѣ судебная реформа благодаря въ особенности нашей литературѣ и наукѣ, а также и европейской, можетъ считаться подготовленной и разработанной въ основныхъ чертахъ. Но было бы неправильно думать, что быстрота и правильность выработки и успѣхъ реформы не должны быть въ значительной мѣрѣ отнесены къ заслугамъ главнѣйшихъ выдающихся дѣятелей судебной реформы С. И. Заруднаго, А. Н. Буковскаго Н. А. Ровинскаго. Ихъ имена должны неизмѣнно храниться благоговѣйной памятью потомства и прежде всего и выше всего разумѣется имя С. И. Заруднаго. Это былъ настоящій государственный дѣятель изъ числа тѣхъ, которые дѣйствительно оказываютъ громадныя услуги своему отечеству. Такіе дѣятели всегда имѣютъ принципы, которыхъ твердо и неуклонно придерживаются въ своей жизни. Только такіе люди и могли создать новые судебные уставы; ибо только при условіи существованія твердыхъ и ясныхъ широкихъ началъ, а главное при послѣдовательномъ и неуклонномъ проведеніи ихъ можно дѣйствительно создать сложные процессуальные кодексы и обезпечить ихъ осуществленіе въ жизни безъ постоянныхъ противорѣчій, недоразумѣній и т. д. Созданіе процессуальнаго кодекса есть строго логическая дедуктивная дѣятельность, строго послѣдовательное выведеніе послѣдствій изъ основныхъ положеній; при невозможности слѣдовать этимъ путемъ работа по нормированію отдѣльныхъ случаевъ и второстепенныхъ вопросовъ становится совершенно неосуществимой, случайной и несомнѣнно несостоятельной, ведущей къ созданію тѣхъ шалашей безъ фундамента, которые называются «временными правилами» и никогда никакой государственной потребности не удовлетворяютъ. Будучи человѣкомъ принципіальнымъ, Зарудный въ то же время былъ и человѣкомъ увлекающимся, даже страстнымъ, но страстнымъ въ томъ высокомъ смыслѣ, въ какомъ бываютъ страстными именно лишь выдающіеся мыслители и государственные люди, въ которыхъ высокія отвлеченныя идеи любви къ отечеству, благосостоянія народа, огражденія

правъ человѣческой личности и. т. п. вызываютъ страсть, преданность до самозабвенія. Только такой личности и могла принадлежать дѣйствительная иниціатива судебной реформы не въ смыслѣ разрѣшенія теоретическаго вопроса, слѣдуетъ или не слѣдуетъ преобразовывать нашъ судебный строй, а въ смыслѣ активной дѣятельности проведенія ея въ законъ. Для этого Зарудный, имѣвшій на всѣхъ своихъ начальниковъ по службѣ громадное, неотразимое, вліяніе, выдвигаетъ сначала гр. Блудова, склонивъ его къ нѣкоторымъ, хотя и нерѣшительнымъ шагамъ впередъ, затѣмъ при выработкѣ и разсмотрѣніи проектовъ реформы такимъ флагомъ, подъ которымъ Зарудный сражается, являются предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта кн. Гагаринъ и государственный секретарь Бутковъ. Эти лица едва ли были знакомы съ судебнымъ дѣломъ и его нуждами, но довѣрялись Зарудному; сочувствуя его благороднымъ мыслямъ они отдали все свое знаніе, всю свою служебную опытность и умѣнье на проведеніе этихъ взглядовъ. Зарудному же было въ дѣйствительности предоставлено приглашать сотрудниковъ тѣхъ юристовъ, имена которыхъ извѣстны намъ всѣмъ; это были изъ Москвы Буцковскій, Ровинскій, Побѣдоносцевъ, которыхъ онъ пригласилъ чрезъ своего пріятеля и родственника Старицкаго, не зная ихъ даже. Вмѣстѣ съ ними и другими приглашенными онъ, воодушевляясь высокими задачами, такъ пламенно и быстро и удачно работалъ.

Но за Зарудныхъ и его сотрудниками есть и другія заслуги.

Весь ихъ трудъ проникнутъ убѣжденіемъ, что есть только одинъ, общій путь развитія, по которому слѣдуютъ всѣ культурные народы и по которому долженъ идти и русскій народъ. У нихъ была вѣра, непоколебимая вѣра въ силы этого народа, въ то, что онъ не только долженъ, но и можетъ, и при томъ сейчасъ можетъ, идти по этому пути развитія. Вѣра эта приводила ихъ къ чрезвычайной смѣлости, къ возложенію, напримѣръ, на только что освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости раба обязанностей присяжнаго засѣдателя, судьи по важнѣйшимъ дѣламъ и надъ всѣми сословіями. Но такъ какъ то была смѣлость людей глубоко знавшихъ русскій народъ, глубоко понимавшихъ, на что они рѣшаются, то и эта смѣлость привела къ блестящему успѣху.

И еще есть за составителями судебныхъ уставовъ одна крупнѣйшая заслуга—это то, что созданный ими законодательный памятникъ есть безусловно оригинальное произведеніе русскаго ума, которымъ въ правѣ гордиться русскій народъ передъ другими. Въ подтвержденіе этого можно привести много данныхъ и сравненій, я ограничусь нѣсколькими. Образцомъ для всѣхъ процессуальныхъ кодексовъ Европы, въ томъ числѣ разумѣется и для

нашего устава уголовнаго судопроизводства послужилъ французскій code d'instrution criminelle. И это понятно, ибо это самый старый на континентѣ процессуальный кодексъ, который внервые ввелъ сужденіе по убѣжденію, а не по законной теоріи доказательствъ, равенство, состязательность и судъ присяжныхъ. Было бы смѣшно претендовать, чтобы каждый народъ самъ бы изобрѣталъ усовершенствованную форму суда, это все равно, что требовать въ каждомъ гоударствѣ устройства желѣзныхъ дорогъ по совсѣмъ другой системѣ, устройства на иныхъ началахъ электрическаго освѣщенія. Но заимствуя схему французскаго процесса, составители нашихъ судебныхъ уставовъ подвергли эту схему полной переработкѣ, допустивъ рядъ измѣненій и отступленій и въ результатѣ получился совершенно другой типъ процесса.

Такъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить монополію обвиненія въ французскомъ процессѣ (art. 1, 22, 165 C. i cr.), ввѣреннаго всецѣло и исключительно даже по частно-уголовнымъ дѣламъ прокурорскому надзору, даже у мировыхъ судей потерпѣвшій не можетъ выступать обвинителемъ. Между тѣмъ наши 5—6, 42 и др. статьи устава угол. суд. возлагаютъ поддержаніе обвиненія въ частно-уголовныхъ дѣлахъ исключительно на потерпѣвшаго, а у мировыхъ судей предоставляются частнымъ лицамъ права обвинителя и по дѣяніямъ, преслѣдуемымъ въ публичномъ порядкѣ. Право возбужденія слѣдствія присвоено у насъ и судебному слѣдователю по заявленію потерпѣвшаго [1]); права послѣдняго на предварительномъ слѣдствіи (303, 304) ограждены весьма заботливо. Эта монополія обвиненія во французскомъ процессѣ отражается и на вопросѣ о возбужденіи преслѣдованія: французскій прокуроръ можетъ прекратить дознаніе о происшествіи, не возбуждая преслѣдованія не только тогда, когда нѣтъ признаковъ преступленія, но тогда, когда признаетъ, что нѣтъ достаточныхъ данныхъ; русскій прокуроръ только въ первомъ случаѣ (ст. 303), едва ли можетъ быть сомнѣніе, какимъ процессомъ болѣе обезпечивается законность и права личности.

Этотъ «прокурорскій» характеръ французскаго процесса сказывается и въ цѣломъ рядѣ другихъ постановленій, въ особенности на судебномъ слѣдствіи, гдѣ прокуроръ произноситъ двѣ обвинительныя рѣчи, вмѣсто

---

[1]) И въ этомъ Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи основныхъ началъ проявили глубокое знаніе русскихъ условій: они отмѣтили, что при нашихъ разстояніяхъ предоставленіе исключительно одному прокурорскому надзору права возбужденія преслѣдованія повело бы къ чрезвычайному усиленію переписки, во время которой преступленія оставались бы неразслѣдованными, что могло бы имѣть результатомъ безнаказанность (Матеріалы т. XVIII, стр. 173).

одной какъ у насъ и въ другихъ процессахъ, допрашиваетъ съ разрѣшенія предсѣдателя лично и непосредственно не только свидѣтелей, но даже подсудимаго, вступая съ нимъ въ прискорбныя столкновенія, тогда какъ защитникъ имѣетъ право предлагать свидѣтелю вопросы лишь par la voix du president, т. е. черезъ предсѣдателя. Я уже не говорю о громадномъ вліяніи французскаго прокурорскаго надзора на составъ слѣдователей и коронныхъ судей въ судѣ съ присяжными, благодаря временному замѣщенію этихъ должностей. Интересно далѣе остановиться, напримѣръ, на разницѣ въ постановкѣ института мировыхъ судей въ обоихъ процессахъ. Рядомъ съ французскими мировыми судьями, набираемыми преимущественно изъ бывшихъ huissiers, т. е. судебныхъ разсыльныхъ, безъ высшаго образованія, съ компетенціею въ денежныхъ взысканіяхъ до 15 фр. и въ тюрьмѣ до 5 дней, наши мировые судьи, имѣвшіе обширную компетенцію— тюремное заключеніе до $1^1/_2$ л., денежныя взысканія до 300 р., выбираемые изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ мѣстности съ весьма большимъ процентомъ лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Достаточно вспомнить pouvoir discetionnaire, неограниченную власть французскихъ президентовъ суда присяжныхъ, въ силу которой они обыкновенно нарушаютъ совершенно правильный, по уставу, порядокъ суда, вызываютъ свидѣтелей по усмотрѣнію, допрашиваютъ съ пристрастіемъ обвиняемаго и т. д. И рядомъ съ этой произвольной властью предсѣдателя ограниченность правъ присяжныхъ, не имѣющихъ даже права выбрать себѣ старшину, такъ какъ выборъ вполнѣ предоставленъ случаю (342 ст.), ибо таковымъ является первый вышедшій по жребію. Подробное сравненіе вывело бы меня далеко за рамки настоящей лекціи. Но и указаннаго достаточно для выясненія, въ какой мѣрѣ рѣшительно составители судебныхъ уставовъ отступили отъ французскаго образца, благодаря чему типъ русскаго процесса кореннымъ образомъ отличается отъ французскаго, неизмѣримо болѣе отвѣчая требованіямъ безпристрастнаго, равнаго для всѣхъ, правосудія.

Приведенныя выше соображенія, я думаю достаточны, чтобы убѣдить въ важности изученія реформы 20 ноября 1864 г.—она великое дѣло, достойное и удивленія и изученія. Такое изученіе оправдывается еще и тѣмъ, что до сихъ поръ нѣтъ систематическаго труда, посвященнаго судебной реформѣ, такого труда, какъ тѣ, которые посвящены Скребицкимъ, Семеновымъ, Иванюковымъ и другими освобожденію крестьянъ. Не изученъ совершенно великолѣпный памятникъ, оставленный составителями судебныхъ уставовъ—матеріалы по преобразованію судебной части въ Россіи въ 74 томахъ, въ составъ коихъ входятъ обширные, глубоко

мотивированные, журналы Государственнаго Совѣта, проекты графа Блудова, записки и соображенія Государственной Канцеляріи и Комиссій, составлявшихъ основныя начала и проекты отдѣльныхъ уставовъ, отзывы ряда юристовъ-практиковъ и теоретиковъ, работы по отдѣльнымъ важнѣйшимъ вопросамъ самихъ составителей: Заруднаго, Буцковскаго, Ровинскаго. Я разумѣется не думаю, чтобы въ тѣсныхъ предѣлахъ необязательнаго курса возможно было изученіе во всѣхъ подробностяхъ столь обширнаго матеріала. Я ограничиваю изученіе только основными началами судебной реформы. Въ существѣ дѣла только въ этихъ предѣлахъ и возможно изученіе судебныхъ уставовъ въ университетѣ, усвоеніе многочисленныхъ весьма важныхъ подробностей и даже отдѣльныхъ институтовъ осуществимо лишь при практическомъ примѣненіи закона. Но за то безъ глубокаго всесторонняго изученія основныхъ началъ, невозможно сколько нибудь сознательное изученіе отдѣльныхъ институтовъ, ни тѣмъ менѣе примѣненіе процессуальныхъ положеній на практикѣ при разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ, создаваемыхъ реальною жизнью. Для яснаго пониманія и оцѣнки основныхъ началъ необходимо сравненіе; въ этихъ видахъ я предполагаю дать подробную характеристику дореформеннаго судебнаго строя. Только при такомъ сравненіи ярко выразятся всѣ преимущества судебныхъ уставовъ 1864 г., выяснится почему настоятельно необходимо было введеніе того или другого новаго начала и получатся яркія доказательства, сравнительно недавняго, дореформеннаго опыта въ пользу совершенной невозможности измѣнять началамъ судебной реформы 1864 г. Я разумѣется не откажусь отъ сравненія съ иностранными законодательствами и вообще отъ изученія всего того, что можетъ облегчить достиженіе главной цѣли открываемаго мной курса—оказать содѣйствіе, по мѣрѣ моихъ скромныхъ силъ, лицамъ, которыя пожелаютъ познакомиться съ основными, высокими началами, судебныхъ уставовъ 1864 года.

По поводу проекта судебной реформы 1900 г. [1]).

„Le mieux“ est l'ennemi du „bien“.
Французская поговорка.

Цѣль учрежденія коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части въ объяснительной запискѣ къ учрежденію судебныхъ установленій (т. I, стр. 1) выражена такъ. «Коммисія была образована съ одной стороны въ виду недостаточной согласованности многочисленныхъ дополнительныхъ къ судебнымъ уставамъ узаконеній какъ между собою, такъ и съ системою и основными началами сихъ уставовъ, а съ другой стороны, въ виду несоотвѣтствія нѣкоторыхъ изъ существенныхъ судебныхъ порядковъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго строя и требованіямъ дѣйствительной жизни». Послѣдняя фраза грѣшитъ, несомнѣнно, крайнею неопредѣлительностью. Подробнѣе была формулирована задача коммисіи въ вступительномъ сообщеніи предсѣдателемъ коммисіи, гдѣ были указаны, какъ говоритъ объяснительная записка (стр. 5), «главнѣйшія несовершенства современнаго судебнаго строя». Эти «несовершенства» состоятъ: 1) въ отсутствіи единства и систематичной строй-

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіи С.-Петербургскаго юридическаго общества 14-го октября 1900 года по порученію редакціоннаго комитета уголовнаго отдѣленія, членомъ какого комитата авторъ въ то время состоялъ. Рефератъ впервые появляется въ печати по независимымъ отъ автора обстоятельствамъ; хотя проектъ и трудъ коммиссіи оставлены въ настоящее время безъ движенія, но основныя идеи проекта проводились впослѣдствіи въ рядѣ законопроектовъ.

ности и проистекающемъ отсюда чрезмѣрномъ разнообразіи судебныхъ порядковъ, 2) недостаточной доступности суда для населенія—въ особенности же по дѣламъ мѣстной юстиціи, 3) въ излишней сложности судебной организаціи, проявляющейся какъ въ такихъ отправленіяхъ судебной власти, которыя безъ вреда для правосудія могутъ быть отмѣнены, такъ и въ участіи въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ излишняго числа судебныхъ органовъ, 4) въ отступленіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ начала государственнаго значенія суда».

Передавъ буквально эти вступительныя соображенія предсѣдателя при открытіи коммисіи, объяснительная записка вслѣдъ за этимъ, безъ всякаго промежутка, повторяетъ тѣ же соображенія уже въ качествѣ началъ, положенныхъ самою коммисіей въ основу выработаннаго ею проекта роформы. Тутъ, казалось бы, громадный скачекъ, или, лучше сказать, умолчаніе о томъ, что было между вступительнымъ словомъ предсѣдателя и выработкой проекта. Объ этомъ собственно вскользь говорится въ предисловіи къ той же запискѣ, но гласное объ этомъ свидѣтельствуютъ труды коммисіи, въ которыхъ заключаются протоколы совѣщаній всѣхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, ревизіонные отчеты и отзывы судебныхъ дѣятелей на предложенные имъ вопросы о современномъ состоянія судебнаго строя, «о томъ, что въ немъ желательно исправить». Умолчаніе въ этомъ мѣстѣ, въ исторіи трудовъ коммисіи, я не могу не считать весьма важнымъ. И потому въ особенности, что ни выводы совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, ни результаты ревизіи судебныхъ установленій, произведенной въ 1895 году, ни отзывы судебныхъ дѣятелей, не могли послужить основаніемъ для предположенныхъ реформъ. При дальнѣйшемъ ознакомленіи съ объяснительной запиской къ учрежденію судебныхъ установленій, кажется, какъ будто бы всѣ эти матеріалы не были вовсе приняты коммисіей во вниманіе, на нихъ нѣтъ и ссылокъ, а коммисія, помимо и несмотря на эти матеріалы, построила цѣлую новую систему на основаніи началъ, изложенныхъ во вступленіи при открытіи коммисіи.

Въ самомъ дѣлѣ, на что указали ревизіонные отчеты, другіе собранные матеріалы и, наконецъ, ближайшее изученіе отдѣльныхъ вопросовъ въ самой коммисіи?

Прежде всего и главнѣе всего выяснилось съ полной несомнѣнностью, что никакихъ органическихъ, сколько нибудь существенныхъ, пороковъ нѣтъ, ничего, сколько нибудь существеннаго, надобности нѣтъ мѣнять.

Выяснилось далѣе, что если на что либо есть основанія жаловаться, то развѣ на то, что я позволилъ себѣ въ другомъ мѣстѣ назвать «ане-

міею». Эта «анемія» имѣетъ нѣсколько формъ и видовъ, и послѣдствія ея разнообразны и отражаются какъ на судебномъ строѣ и ходѣ отправленія правосудія, такъ и на самихъ судебныхъ дѣятеляхъ и, наконецъ, на обществѣ, среди котораго и для котораго судъ дѣйствуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, даже въ Европейской Россіи на каждаго судебнаго дѣятеля приходится слишкомъ много труда, что объясняется слишкомъ большими территоріальными размѣрами и чрезмѣрною населенностью отдѣльныхъ судебныхъ округовъ и участковъ.

Въ Сибири и на другихъ восточныхъ нашихъ окраинахъ положеніе еще болѣе тяжелое, ибо населеніе такъ рѣдко сравнительно съ громадностью пространства, что осуществить и провести судебное устройство даже въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Европейской Россіи, оказалось совершенно немыслимымъ и при введеніи реформы пришлось отступить отъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г.,—непосредственности и устности.

Результаты такой анеміи и въ Европейской Россіи выражаются въ томъ, что судебное вѣдомство работаетъ чрезмѣрно, благодаря чему самый характеръ, качество работы должны были до нѣкоторой степени понизиться; съ другой стороны страдаетъ отъ этой анеміи и общество, ибо благодаря обширности судебныхъ округовъ и количеству работы у судебныхъ дѣятелей оно, т. е. общество, съ слишкомъ большимъ трудомъ достигаетъ судебной помощи и получаетъ ее въ недостаточномъ размѣрѣ.

Наконецъ, отъ этой судебной анеміи, вполнѣ естественно, страдаютъ и сами судебные дѣятели.

Неудовлетворительность положенія судебныхъ дѣятелей ухудшается еще тѣмъ, что при слишкомъ непосильной работѣ они вознаграждаются за свой трудъ совершенно несоразмѣрно съ современными условіями жизни, и что при такомъ печальномъ положеніи единственная привлекательная сторона службы въ судебномъ вѣдомствѣ,—а именно то, что каждый судебный дѣятель, въ предѣлахъ опредѣленной ему по закону компетенціи, т. е. иначе, въ своей дѣятельности, является вполнѣ самодовлѣющимъ, самостоятельнымъ и независимымъ—рядомъ новеллъ, шедшихъ совершенно въ разрѣзъ съ основными началами судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. постепенно все больше и больше нарушалась.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ собранные матеріалы, такъ и изученіе положенія дѣла выяснило, что есть рядъ такихъ неблагопріятныхъ для единообразной постановки судебнаго дѣла во всей Россіи условій, которыя устранить не въ силахъ коммисіи.

Такъ приближеніе общаго суда къ населенію и объединеніе мѣстной

юстиціи съ общими судебными установленіями, встрѣчаетъ совершенно непреодолимое препятствіе въ томъ, что въ настоящее время отправленіе правосудія на мѣстахъ, почти во всей центральной Россіи, а отчасти и на окраинахъ уже, ввѣрено органамъ не судебнаго вѣдомства.

Такъ далѣе, цѣлый рядъ особенностей въ судебномъ строѣ нашихъ окраинъ обусловливается, во-первыхъ, особенностями политическими и политическими соображеніями, значеніе которыхъ однако до настоящаго времени признается настолько существеннымъ, что введеніе судебныхъ уставовъ во всемъ объемѣ встрѣтитъ препятствіе; во-вторыхъ, слабымъ распространеніемъ русскаго языка, которое должно служить пока препятствіемъ къ введенію нѣкоторыхъ учрежденій—напримѣръ, суда присяжныхъ; въ третьихъ, мѣстными интересами, такъ что рядъ такихъ мѣстныхъ учрежденій, какъ выборные гминные судьи, особые крестьянскіе суды въ Остзейскомъ краѣ, представляются необходимыми съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

Наконецъ, хотя это вполнѣ ясно нигдѣ въ объяснительной запискѣ и не сказано, выяснилось, или коммисія сама пришла къ убѣжденію, что она можетъ разсчитывать на сравнительно небольшое увеличеніе бюджета судебнаго вѣдомства и, слѣдовательно, должна воздержаться отъ предположеній приблизить судъ къ населенію и сократить работу слишкомъ обремененныхъ занятіями судебныхъ дѣятелей самымъ нормальнымъ способомъ—путемъ увеличенія числа судебныхъ дѣятелей. Этотъ путь, благодаря недостатку средствъ, закрытъ.

Рядомъ съ выясненіемъ вполнѣ правильной постановки всего судебнаго дѣла въ главныхъ чертахъ, выяснилась, до извѣстной степени, полезность, хотя и не необходимость, введенія нѣкоторыхъ совершенно второстепенныхъ улучшеній, въ родѣ, напримѣръ, допущенія участія потерпѣвшаго въ уголовномъ процессѣ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ—достигнутаго уже и нынѣ путемъ кассаціонныхъ рѣшеній и многихъ другихъ подобныхъ же измѣненій.

Спрашивается, какой могъ быть выходъ при такомъ положеніи? Казалось бы, въ виду возникшихъ ко времени образованія коммисіи сомнѣній въ правильности постановки у насъ судебнаго строя, было бы въ высшей степени важно, если бы коммисія, воздержавшись отъ всякой ломки и даже отъ несущественныхъ улучшеній, установила бы и опредѣлила бы ясно, что по произведенномъ тщательномъ разслѣдованіи чисто судебное дѣло постановлено у насъ правильно, что главнѣйшія препятствія къ дальнѣйшему развитію такія-то, почему при данныхъ условіяхъ и данныхъ средствахъ къ улучшенію ничего сдѣлать нельзя. Казалось бы, что это

была бы уже историческая заслуга коммисіи въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но коммисія не удовлетворилась такимъ результатомъ. Не смотря на явную невозможность осуществленія тѣхъ началъ, которыя были выставлены при открытіи коммисіи, какъ по недостатку средствъ, такъ и по другимъ, почти физическимъ препятствіямъ (занятіе даннаго мѣста—ближайшей къ народу юстиціи—постороннимъ, не судебнымъ учежденіемъ) проектъ новой редакціи судебныхъ уставовъ попытался осуществить выставленныя при открытіи коммисіи начала; для этого пришлось не только «отрѣзать полы и наставить ими рукава», но не щадить самыхъ основныхъ жизненныхъ началъ всякаго судебнаго строя, началъ, которыя, благодаря составителямъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, получили такое широкое развитіе въ нашемъ судебномъ строѣ. Эти начала извѣстны: совершенная независимость суда и судей отъ всякихъ личныхъ вліяній, привлеченіе къ участію въ судѣ общественнаго элемента для исполненія вполнѣ самостоятельной функціи, порученія каждому органу того дѣла, которое онъ можетъ исполнить и порученіе ему одного, а не двухъ или нѣсколькихъ дѣлъ, извѣстная спеціализація въ видахъ образованія по каждому дѣлу мастера, спеціалиста, ибо только мастера боится дѣло, въ самомъ процессѣ — начала устности, гласности, непосредственности, состязательности, непрерывности. Проводя указанныя начала, составители судебныхъ уставовъ 1864 года не упускали изъ виду жизненныхъ задачъ, которыя преслѣдуетъ всякое правосудіе и тѣхъ бытовыхъ мѣстныхъ русскихъ условій, среди которыхъ и въ зависимости отъ которыхъ судебнымъ установленіямъ приходится дѣйствовать.

Проектъ судебныхъ уставовъ въ новой редакціи, какъ будто бы забывъ о русской дѣйствительности и о русскихъ жизненныхъ условіяхъ и даже о томъ, что не было въ распоряженіи составителей судебныхъ уставовъ—30-лѣтнемъ опытѣ и, задавшись чисто теоретическимъ планомъ, навѣяннымъ какими-то французскими идеями о внѣшней систематизаціи и стройности, пытается все перестроить; при этомъ онъ не возвращается къ судебнымъ уставамъ 1864 г., а идетъ дальше по тому направленію, которое указано было впервые «новеллами» 1885, 1887 и др. г.г., значительно измѣнившими судебные устои. Мало того, проектъ вводитъ въ общій судебный строй тѣ «нововведенія», которыя, къ сожалѣнію, по недостатку средствъ пришлось допустить въ отступленіе отъ судебныхъ уставовъ на окраинахъ: соединеніе судебныхъ и слѣдственныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ, передача части слѣдственныхъ функцій полиціи и т. д.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. были настолько жизненны, что

они сразу же создали рядъ благородныхъ судебныхъ дѣятелей, которые воплотили, осуществили на дѣлѣ судебное дѣло и заставили русское общество любить и справедливо гордиться своимъ судебнымъ строемъ. И вотъ теперь всякій судебный дѣятель, любящій судебное дѣло какъ свое родное, съ горестью и недоумѣніемъ остановится передъ развалинами судебныхъ уставовъ и спроситъ себя: за что и для чего? Да, для чего, ибо, разумѣется, что даже тѣ начала, тѣ задачи, которыя были указаны при открытіи комиссіи, не могли быть осуществлены. Проектъ не объединяетъ судебнаго строя; ибо значительная часть судебнаго дѣла осталась въ вѣдѣніи волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ и по той же причинѣ не приближаетъ судъ къ мѣстности, онъ не только не объединяетъ и не упрощаетъ судебнаго устройства, но значительно усложняетъ, ибо къ существующимъ органамъ правосудія, мировому суду, коронному окружному суду съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей, судебной палатѣ съ сословными представителями и безъ нихъ, прибавляетъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава и притомъ въ двухъ видахъ: въ одномъ для центра, въ другомъ—для окраинъ, и не только при окружномъ судѣ, но и при другихъ судахъ. Уничтожая безъ всякихъ основаній прекрасно, болѣе 30 лѣтъ дѣйствовавшій, выборной институтъ мировыхъ судей въ столицахъ, единственно въ видахъ «объединенія», проектъ не могъ, разумѣется, упразднить ни гминныхъ судей Царства Польскаго, ни крестьянскихъ судовъ прибалтійскихъ губерній. «О б ъ е д и н я я» мѣстную юстицію съ общими судебными установленіями, проектъ не могъ, разумѣется по недостатку средствъ устроить въ уѣздѣ мѣстныя отдѣленія окружнаго суда и удовлетворился тѣмъ, что назвалъ съѣзды мѣстныхъ судей уѣздными и городскими отдѣленіями окружныхъ судовъ и т. д.

Я не ставлю себѣ задачей остановиться на всѣхъ измѣненіяхъ, предположенныхъ въ проектѣ даже въ частяхъ, касающихся учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства. Какъ я уже выше сказалъ, быть можетъ, при обсужденіи судебныхъ уставовъ въ связи съ наросшею за 30 лѣтъ судебною практикою, основанною на кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, циркулярахъ сената и министра юстиціи и т. д., и выяснилась возможность нѣкоторыхъ несущественныхъ постатейныхъ измѣненій, но полезность и необходимость переведенія тезисовъ изъ сборниковъ кассаціонныхъ рѣшеній и др. въ текстъ законовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ подлежать большому сомнѣнію и едва ли заслуживаетъ подробнаго обсужденія.

Достаточно остановиться на наиболѣе важныхъ нововведеніяхъ, предположенныхъ въ проектѣ, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что каждое

такое нововведеніе, почти безъ исключенія, вызоветъ существенное ухудшеніе въ судебномъ дѣлѣ.

Начнемъ съ наиболѣе яркаго, съ приближенія слѣдственной и судебной власти къ населенію путемъ учрежденія особыхъ участковыхъ судей.

Участковые судьи.

Прежде всего разсмотримъ, каково служебное положеніе участковаго судьи вообще. Изъ сопоставленія статей 251—262 проекта учр. суд. Уст., а равно приложеннаго къ проекту штата, усматривается, что должности участковыхъ судей присвоивается VI классъ и содержаніе въ 2.400 рублей въ годъ (въ общемъ). Назначаются на эту должность министромъ юстиціи лица, получившія званіе старшаго кандидата, притомъ безъ ограниченія, какъ для другихъ должностей, министра срокомъ состоянія назначаемаго въ званіи старшаго кандидата, а такъ какъ для полученія этого званія надо состоять два года въ званіи младшаго кандидата, то, слѣдовательно, участковымъ судьей можетъ быть назначено лицо послѣ двухъ лѣтъ состоянія на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ. Хотя этой должности и присвоено званіе судьи, но участковый судья лишенъ тѣхъ гарантій, которыя сохраняются и проектомъ за остальными судьями; онъ увольняется распоряженіемъ министра юстиціи, основаннымъ на постановленіяхъ особаго присутствія консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной (за служебные и внѣслужебные проступки и внѣслужебное поведеніе ст. 300—305 проек. учр. суд. уст.). Кромѣ того, участковые судьи могутъ быть переводимы изъ одного участка въ другой въ округѣ того же окружнаго суда. Причемъ, такъ какъ общее собраніе отдѣленій окружнаго суда имѣетъ право измѣнить и самое распредѣленіе участковъ на судебные, судебно-слѣдственные и слѣдственные (съ утвержденія мин. юст.), то участковый судья можетъ быть переведенъ безъ всякаго вѣдома и согласія съ чисто слѣдственной на чисто судебную должность и наоборотъ. Въ штатахъ, въ законодательномъ порядкѣ утвержденныхъ, опредѣляется только число участковыхъ судей на судъ, а дальнѣйшее распредѣленіе между слѣдственными и судебными должностями зависитъ отъ суда, но и это штатное число можетъ быть измѣнено не въ законодательномъ порядкѣ, а по постановленію судебной палаты, утвержденному мин. юстиціи (ст. 37 проекта учр. суд. уст.).

Въ сущности все сводится къ усмотрѣнію министра юстицію, какъ это прямо и выражено въ статьѣ 297 проекта учр. суд. уст. Такимъ путемъ, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, и достигается «большая подвижность», «эластичность этихъ судебныхъ органовъ». (Объяснительная записка къ проекту учр. суд. уст. т. II стр. 31).

*

Такая похвала и указаніе такого идеала для судейскихъ должностей встрѣчается, я думаю, впервые и въ литературѣ и въ законодательномъ памятникѣ; такую цѣль до сихъ поръ ставили только для одной должности—полицейскаго урядника; въ законодательномъ порядкѣ опредѣляется только число должностей урядниковъ на станъ, распредѣленіе же стана на уряднические участки предоставляется уже уѣзднымъ исправникамъ.

Такая «подвижность», «эластичность» должности вызвала возраженія 12 членовъ изъ общаго состава 25 человѣкъ, т. е. установленіе должности участковаго судьи прошло всего большинствомъ одного голоса—самого предсѣдателя; 4 члена меньшинства справедливо возражали вообще противъ соединенія слѣдственныхъ и судебныхъ функцій въ одномъ лицѣ, а 8 членовъ возражали, главнымъ образомъ, относительно эластичности, причемъ эти члены находили, что «тотъ или другой порядокъ судоустройства, какъ вообще, такъ и по разсматриваемому предмету... принадлежитъ къ основнымъ началамъ учрежденія судебныхъ установленій, которыя должны быть твердо и ясно опредѣлены самимъ закономъ». (Объяснит. записка къ проекту учр. суд. уст. т. II стр. 51).

Какая же компетенція лицъ, занимающихъ эту скромную и зависимую должность? Компетенція эта значительно выше компетенціи какъ бывшихъ мировыхъ судей, такъ и городскихъ судей и даже уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, которые все же являлись настоящими судьями и по составу, и по гарантіямъ, и по содержанію.

Такъ, въ силу статьи 876 проекта уст. гражд. суд. вѣдомству участковаго судьи подлежатъ иски по обязательствамъ, изъ какихъ бы основаній они ни возникали, а равно о правахъ на движимое и недвижимое имущество цѣною не свыше тысячи рублей; иски о возстановленіи утраченнаго или нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе года и т. д.

На основаніи статьи 1041 проекта уст. уголовн. судопр. вѣдомству участковыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ подлежатъ такія преступныя дѣянія, за которыя какъ maximum можетъ быть назначено тюремное заключеніе (безъ ограниченія срокомъ), не соединенное съ лишеніемъ правъ. (Нѣкоторыя преступленія, караемыя только тюрьмою, изъяты).

Въ этихъ предѣлахъ вѣдомство участковыхъ судей гораздо шире, чѣмъ вѣдомство мировыхъ судей (уст. уголовн. суд. 33, уст. гражд. судопр. ст. 29) и уѣздныхъ членовъ суда. (Правила объ устр. суд. части ст. 29).

Кто же является контролирующею инстанціею по отношенію къ участковому судьѣ? Въ качествѣ апелляціонной инстанціи (ст. 17 и 19 проекта

учр. суд. уст.),—уѣздныя и городскія отдѣленія окружнаго суда, составляющіяся подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ и городскихъ членовъ суда, изъ мѣстныхъ участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судей, и въ качествѣ кассаціонной инстанціи—судебныя палаты (пр. уст. гражд. судопр. ст. 948 и проектъ уст. гражд. суд. ст. 1157 п. 21).

Что касается до состава уѣздныхъ или городскихъ отдѣленій окружныхъ судовъ, то онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Въ дѣйствительности, какъ видно изъ приведенной выше ст. 19 пр. учр. суд. уст. изъ окружнаго суда въ нихъ только предсѣдатель—уѣздный членъ окружнаго, остальные же—тѣ же мѣстные судьи, какъ бы ихъ ни называть—мировыми, участковыми или еще иначе. Такимъ образомъ, въ сущности уѣздныя и городскія отдѣленія—это тотъ же контроль товарищей, противъ котораго возстаетъ объяснительная записка къ проекту учр. суд. уст. (т. I стр. 17 и 18), въ такой мѣрѣ, что находитъ даже мировой институтъ явно негоднымъ, потому «что ближайшій надзоръ за мировыми судьями былъ порученъ ихъ съѣздамъ, являющимся для первыхъ ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ судей и товарищей». Къ громадному удивленію читателя, та же записка черезъ 17 всего страницъ далѣе (стр. 34) признается, что устройство особыхъ уѣздныхъ отдѣленій окружнаго суда, которыя были бы поставлены съ окружными судами въ тѣсную органическую связь и являлись бы такимъ образомъ установленіями, объединяющими мѣстную юстицію съ высшими судебными учрежденіями, оказалось невозможнымъ по соображеніямъ финансовымъ и, «поэтому въ устройствѣ такой инстанціи оказывается необходимымъ слѣдовать по пути, указанному судебными уставами въ учрежденіи мировыхъ съѣздовъ, т. е. воспользоваться для образованія уѣздной коллегіи наличнымъ составомъ имѣющихся въ уѣздѣ представителей судебной власти». На сопоставленіи этихъ разсужденій объяснительной записки стоитъ остановиться. Въ первой выдержкѣ объяснительная записка считаетъ институтъ мировой выборной юстиціи съ ея скромною юрисдикціею никуда негоднымъ между прочимъ и потому, что судьями—товарищами осуществляется плохо контроль, а черезъ нѣсколько страницъ признаетъ возможнымъ удовольствоваться именно этимъ же контролемъ людей, какъ видно изъ состава, не болѣе опытныхъ, чѣмъ мировые судьи выборные, въ особенности изъ прослужившихъ хотя бы одно трехлѣтіе, и при томъ для дѣлъ гораздо болѣе серьезныхъ, если судить по цѣнѣ иска и

наказанію, вдвое болѣе серьезнымъ. Это вызываетъ сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы проектомъ была положена какая-либо ясная, жизненная, идея въ основу устройства мѣстной юстиціи [1]). Высшій контроль—кассаціонный—надъ этою мѣстною юстиціею признано правильнымъ сосредоточить въ судебныхъ палатахъ, а не въ Правительствующемъ Сенатѣ, и такое рѣшеніе было принято, несмотря на то, что еще при разсмотрѣніи (объяснит. зап. къ проект. уст. угол. судопр. т. IV стр. 27 и слѣд.) въ 1863 году судебныхъ уставовъ Государственный Совѣтъ высказалъ, «что отмѣна окончательныхъ судебныхъ рѣшеній можетъ быть ввѣрена только кассаціоннымъ департаментамъ Сената, учреждаемымъ съ тою именно цѣлью, чтобы охранять правильное и единообразное примѣненіе законовъ всѣми судебными мѣстами Имперіи. Предоставить отмѣну приговоровъ мировыхъ съѣздовъ судебнымъ палатамъ, значило бы уклониться отъ этой цѣли и допустить столько же различныхъ толкованій закона, сколько будетъ палатъ»; и несмотря, далѣе, на то, что въ особыхъ совѣщаніяхъ, образованныхъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, съ цѣлью выясненія вопроса, о возможности передачи судебнымъ палатамъ права кассаціи приговоровъ по дѣламъ мѣстной юстиціи, составилось почти единогласное рѣшеніе противъ такой передачи: въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ 16 голосовъ противъ одного и въ уголовномъ кассаціонномъ 18 голосовъ противъ одного. Доводы сенаторовъ въ высшей степени убѣдительны. Количество дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію Сената, не увеличивается, а значительно уменьшается, если даже, съ предложенною въ проектѣ уст. угол. суд. отмѣною ст. 124 объ окончательныхъ приговорахъ судовъ первой инстанціи, число дѣлъ нѣсколько и увеличилось бы, то очевидно, что составъ Сената пришлось бы менѣе увеличивать, чѣмъ составъ всѣхъ палатъ. Наиболѣе трудно разрѣшимые во-

[1]) Хотя въ дѣйствительности никакого объединенія мѣстной юстиціи съ общими судебными установленіями не достигнуто, тѣмъ не менѣе, какъ усматривается изъ объясн. зап. къ уст. угол суд. (т. I пред. стр. IX), это то мнимое объединеніе вызвало ломку системы статей. Статьи о производствѣ у участковыхъ судей вынесены съ мѣста въ началѣ устава въ конецъ, такъ какъ участковые судьи только органы окружнаго суда и, слѣдовательно, въ порядкѣ постепенности надо сперва сказать объ окружномъ судѣ и потомъ уже объ участковыхъ судьяхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя статьи, касающіяся производства въ окружныхъ судахъ, имѣютъ отношеніе и къ производству у участковыхъ судей, но все же статей, касающихся собственно производства у участковыхъ судей, осталось почти столько же какъ и теперь (уст. угол. суд. 142 вм. 166), что служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что это „особое“ производство; а между тѣмъ ломка порядка статей потребуетъ какъ бы новаго изученія устава.

просы встрѣчаются чаще всего по дѣламъ мировой юстиціи: достаточно хотя бы вспомнить разъясненія по 29 уст. о нак.; наконецъ, съ обнародованіемъ новаго уголовнаго уложенія потребуется цѣлый рядъ новыхъ указаній и разъясненій практикѣ и сосредоточеніе кассаціонныхъ функцій въ Правительствующемъ Сенатѣ представится особо важнымъ. Въ самомъ засѣданіи комиссіи изъ 17 членовъ — 7 (Кони, Случевскій, Спасовичъ, Таганцевъ, Фойницкій, Чаплинъ и Щегловитовъ) были противъ и находили, что единство кассаціоннаго суда вызывается самою сущностью кассаціоннаго производства, введеннаго, главнымъ образомъ, для установленія единства въ дѣлѣ толкованія и примѣненія законовъ, но защитники приближенія или упрощенія во что бы то ни стало взяли верхъ.

Если теперь попытаться подвести итоги, то прійдется признать, что вся предположенная организація мѣстной юстиціи составляетъ несомнѣнное и крайнее ухудшеніе отправленія правосудія сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ. Не надо прежде всего забывать, что собственно, въ смыслѣ компетенціи, будетъ передано будущимъ участковымъ судьямъ;—не дѣла мировой юстиціи, ибо главная масса, почти все, останется за волостными судами и земскими начальниками въ виду введенія реформы 12 іюля 1889 года почти повсемѣстно въ Россіи; нѣтъ, участковымъ судьямъ будетъ передана въ дѣйствительности новая надбавка къ компетенціи мѣстной юстиціи,—дѣла, которыя до сихъ поръ разрѣшались коллегіальнымъ окружнымъ судомъ, состоящимъ изъ опытныхъ судей. Это, я думаю, и съ точки зрѣнія комиссіи несомнѣнное ухудшеніе. Далѣе контроль апеляціонный по этимъ дѣламъ осуществляли судебныя палаты—теперь же послѣдній передается съѣздамъ участковыхъ судей; наконецъ, кассаціонной инстанціей вмѣсто Сената явятся палаты.

Но для чего же тогда все это ухудшеніе? Для приближенія юстиціи къ народу; но вѣдь могли желать приближенія юстиціи нынѣшней, хорошей, а не худшей, могъ быть вопросъ о приближеніи юстиціи мѣстной. Дѣло другое, если бы юстиція на мѣстахъ была представлена судебными слѣдователями и мировыми судьями, тогда, соединивъ обѣ должности въ одномъ лицѣ, можно было бы почти вдвое придвинуть юстицію къ народу, хорошо ли, дурно ли, было бы это—другой вопросъ, но приближеніе было бы. А теперь, безъ особыхъ затратъ плана участковой юстиціи осуществить нельзя будетъ, но на эти затраты едва ли получится согласіе въ надлежащемъ размѣрѣ. А въ то же время создадутся въ уѣздѣ два рядомъ стоящіе судебныхъ порядка—земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ съ одной стороны и участковой юстиціи съ другой. Получается ли объединеніе мѣстной юстиціи съ общими судебными установленіями? Никакого

объединенія не получается, потому, во первыхъ, что не объединяется нынѣшняя юстиція, а создается новая мѣстная юстиція, причемъ для составленія компетенціи этой новой юстиціи, ей выдѣляютъ часть компетенціи общихъ судебныхъ установленій, которою и объединять было нечего. Уѣздный членъ никакимъ связующимъ звеномъ не будетъ, а будетъ подъ новымъ названіемъ нынѣшній предсѣдатель съѣздовъ мировыхъ судей въ Прибалтійскомъ краѣ, тоже не имѣющій личной компетенціи. Что при такомъ существованіи рядомъ двухъ судебныхъ порядковъ въ уѣздахъ не будетъ упрощенія, о которомъ говорилось, какъ о задачѣ комиссіи, не можетъ быть и сомнѣнія. Что отъ такого чрезвычайнаго усложненія будетъ крайне страдать населеніе—это тоже ясно. Поэтому справедливо заявилъ А. Ѳ. Кони въ своемъ особомъ мнѣніи по этому вопросу (объяснит. зап. къ пр. учр. суд. уст., т. II, прил. I, стр. 2) «Но ни о стройности, ни объ устойчивости не можетъ быть и рѣчи, когда въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ участковые земскіе начальники, изъ основанія этой постройки будутъ вынуты почти всѣ составныя его части. Если нельзя достигнуть ни объединенія, ни приближенія юстиціи къ народу, то для чего же и перестраивать окрѣпшее отъ свыше тридцатилѣтняго опыта зданіе, созданное учрежденіемъ судебныхъ установленій 20 ноября 1864 года».

Но отъ этого произойдетъ и еще одно первостепенной важности ухудшеніе. Съ образованіемъ особаго строя органовъ вѣдомства министерства юстиціи въ уѣздѣ для отправленія правосудія, оказалось излишнимъ особо обезпечивать участіе этого вѣдомства въ дѣлѣ отправленія правосудія настоящей мѣстной юстиціей, ввѣренной уѣзднымъ съѣздамъ (земскихъ начальниковъ и городскихъ судей), почему 29 марта 1897 года (объясн. зап. къ пр. учр. суд. уст., т. II, стр. 16) состоялось соглашеніе, въ силу котораго участковые судьи, къ которымъ перейдетъ компетенція нынѣшнихъ городскихъ судей, не будутъ участвовать въ уѣздныхъ съѣздахъ; судебное вѣдомство будетъ представлять одинъ уѣздный членъ суда, обремененный работою въ уѣздномъ отдѣленіи окружнаго суда и въ настоящемъ окружномъ судѣ въ сессіяхъ съ присяжными засѣдателями.

Вотъ, кажется, единственный настоящій результатъ всего предположеннаго новаго устройства если не мѣстной юстиціи, то новыхъ органовъ юстиціи въ уѣздахъ—удаленіе изъ мѣстной юстиціи органовъ судебнаго вѣдомства. Но для того, чтобы представить себѣ вполнѣ, въ какой мѣрѣ ухудшится дѣло правосудія въ случаѣ осуществ-

ленія предположеній объ участковой юстиціи, необходимо вспомнить то, о чемъ мы временно забыли, что большая часть участковыхъ судей будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдователями. Соединеніе это было допущено впервые въ нашемъ законодательствѣ дли окраинъ «въ состояніи крайней необходимости», въ виду колоссальныхъ разстояній между населенными пунктами и недостатка денежныхъ средствъ, полезность или даже удовлетворительное функціонированіе этого института ничѣмъ не удостовѣрено, а соединеніе это несомнѣнно должно вызвать крайнія осложненія, при которыхъ одно изъ ввѣренныхъ участковому судьѣ дѣлъ должно будетъ страдать. Придется отпускать безъ допроса вызванныхъ свидѣтелей и надолго откладывать разрѣшеніе неотложныхъ дѣлъ, въ виду возникновенія спѣшнаго и важнаго слѣдствія, требующаго выѣздовъ и частыхъ отлучекъ, или наоборотъ, придерживаться взгляда, что слѣдствіе можетъ подождать до разрѣшенія тѣхъ судебныхъ дѣлъ, по которымъ уже посланы свидѣтелямъ повѣстки,—и все это при такомъ большомъ количествѣ дѣлъ (въ виду невозможности по финансовымъ соображеніямъ образовать подлежащее число должностей участковыхъ судей), что силою вещей судья не въ состояніи будетъ справиться своевременно ни съ однимъ дѣломъ.

Слѣдственная часть.

Слѣдственное дѣло, благодаря предположенной реформѣ, можетъ пострадать еще больше, чѣмъ дѣло отправленія правосудія на мѣстахъ.

И прежде всего потому, что проектъ какъ будто бы поставилъ себѣ задачею упразднить самое существованіе самостоятельнаго органа для производства предварительнаго слѣдствія, спеціалиста этого дѣла во всѣхъ видахъ. Обыкновенный слѣдователь замѣняется участковымъ судьею, судебный слѣдователь по особо важнымъ и важнѣйшимъ дѣламъ—членомъ окружнаго суда, командированнымъ временно Министромъ Юстиціи для исполненія этихъ обязанностей. Такое полное упраздненіе должности слѣдователя объяснит. записка къ проекту учрежденія суд. уст. (т. II стр. 17 и слѣд.) объясняетъ очень немногосложно. Результаты ревизіи, заключенія совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, данныя статистики и др. указываютъ единогласно на то, что судебные слѣдователи крайне обременены работою и что слѣдствія производятся крайне медленно, главнымъ образомъ, благодаря обширности слѣдственныхъ участковъ, отдаленію слѣдователей отъ населенія. Исходъ изъ этого положенія могъ бы быть двоякій: или значительно увеличить число слѣдователей и соотвѣтственно уменьшить размѣръ ихъ участковъ, или соединить должность слѣдователя съ должностью судьи, «Первая мѣра,

сопряженная съ чрезвычайнымъ увеличеніемъ расходовъ казны, имѣла бы своимъ послѣдствіемъ—одновременно съ пространственнымъ уменьшеніемъ слѣдственныхъ участковъ—столь значительное сокращеніе числа возникающихъ по отдѣльнымъ участкамъ дѣлъ, что количество выпадающей на каждаго изъ слѣдователей работы не могло бы оправдывать существованіе этихъ должностей» (стр. 24). А потому предсѣдатель и большинство членовъ остановились на второй мѣрѣ.

Къ глубокому моему сожалѣнію, я совершенно не понимаю этого объясненія. Слѣдователи крайне обременены работою, населеніе отъ этого страдаетъ; отъ чего ихъ нельзя облегчить, уменьшивъ ихъ участки въ мѣру, почему же нѣтъ другого исхода, какъ увеличить безмѣрно, такъ что бы у нихъ дѣла вовсе не было?!! А если въ мѣру увеличить число слѣдователей, то почему же это будетъ стоить дороже, чѣмъ заведеніе участковой юстиціи—это непонятно и ничѣмъ не мотивировано.

Уничтоженіе должности судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ и по особо важнымъ объяснено въ запискѣ такъ. У судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ серьезныя, дѣйствительно важнѣйшія дѣла возникаютъ рѣдко, и потому существованіе соотвѣтственной должности не оправдывается; предпочтительнѣе предоставить Министру Юстиціи право возлагать на членовъ окружныхъ судовъ временно, при возникновеніи въ округѣ суда важныхъ дѣлъ, производство по онымъ предварительныхъ слѣдствій. Что же касается до судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, которые производятъ слѣдствія на территоріи всей Россіи, то съ чрезвычайнымъ распространеніемъ этой территоріи, сохраненіе такой должности немыслимо, а потому Министръ Юстиціи будетъ поручать производство такихъ дѣлъ по округамъ членамъ судебныхъ коллегій.

На справедливыя замѣчанія четырехъ членовъ (Желеховскаго, Закревскаго, Кони и Ливена), что предположенныя мѣры вызовутъ коренное ухудшеніе существующаго судебнаго строя и въ концѣ концовъ передачу производства слѣдствій полиціи; на замѣчаніе 8 членовъ, что такое порученіе случайнымъ лицамъ слѣдствій вызоветъ неудобное положеніе и для самихъ членовъ назначенныхъ временно, — объяснительная записка отвѣчаетъ, что надо полагать, что отъ одновременнаго исполненія судейскихъ функцій производящіе слѣдствія пріобрѣтутъ больше опытности и въ то же время получатъ самостоятельность, благодаря судейской несмѣняемости (которая участковымъ судьямъ не предоставлена) и что какую нибудь подготовку для слѣдовательской дѣятельности, въ виду жалобъ на недостатокъ нынѣ такой подготовки, установить затруднительно (т. II стр. 48).

Но если затруднительно установить лучшую подготовку, то казалось бы хотя бы въ виду жалобъ, существованіе которыхъ признается въ самой объяснительной запискѣ, слѣдовало хотя бы не уничтожать нынѣшнюю подготовку, не ухудшать и безъ того неудовлетворительнаго современнаго положенія, въ особенности, повторяю, въ виду того, что на сколько нибудь значительное превышеніе числа судебныхъ слѣдователей участковыми судьями расчитывать нельзя и, слѣдовательно, даже и приближенія слѣдственной власти къ населенію не будетъ достигнуто. А между тѣмъ результатъ такой реформы ясенъ; ни для менѣе важныхъ, ни для особо и важнѣйшихъ дѣлъ, не будетъ болѣе спеціалиста, изучившаго дѣло, дѣло, въ которомъ опытность имѣетъ громадное, рѣшающее значеніе. Если обыкновенные судебные слѣдователи сливаются съ участковыми судьями для приближенія слѣдственной власти къ населенію, то особо-важные и важнѣйшіе, какъ видно изъ предыдущаго,—такъ просто для французской симметріи и единообразія: чтобы больше не было слѣдователей и самостоятельныхъ органовъ для производства слѣдствія.

Но и на этомъ проектъ не ограничивается въ заботахъ объ уничтоженіи самостоятельныхъ органовъ слѣдствія; онъ замѣняетъ предварительное слѣдствіе полицейскимъ дознаніемъ по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ преступленій, перечисленныхъ въ п. и 3 ст. 145 Пр. Уст. Угол. Суд., причемъ перечисленіе это крайне произвольно). Такое сокращеніе компетенціи слѣдственной власти совершается съ цѣлью облегченія будущихъ судебныхъ органовъ, производящихъ слѣдствіе, отъ чрезмѣрной работы.

Но осуществимо ли такое перенесеніе слѣдовательскихъ функцій на полицію? Если мы обратимся къ объяснительной запискѣ къ проекту Устава Уголов. Суд. (т. II, стр. 144 и слѣдующія), то убѣдимся тотчасъ же въ совершенной невозможности осуществленія этого предположенія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ явствуетъ изъ журнала особаго совѣщанія, образованнаго для обсужденія вопроса объ организаціи у насъ судебной полиціи, у насъ не только невозможно образовать какую либо самостоятельную судебную полицію (которой, впрочемъ, и въ З. Европѣ нѣтъ), но даже сколько нибудь улучшить составъ общей полиціи и усилить познанія ея въ области права, представляется почти совершенно неосуществимымъ. Но и этого мало; какъ выяснила практика, всѣ чины полиціи въ высшей степени обременены работой, урядники же, которые ближе всего стоятъ

къ населенію и которые собственно въ настоящее время и, разумѣется, и въ будущемъ будутъ производить дознаніе, совершенно завалены работой. Ввѣренные имъ участки такъ велики, что въ среднемъ они вмѣщаютъ около 15.385 душъ населенія, разселенныхъ на пространствѣ 692 кв. верстъ.

Служебныя обязанности урядниковъ по разнымъ вѣдомствамъ, при такихъ размѣрахъ ихъ участковъ, такъ велики, что, разумѣется, значительно увеличивать, какъ это предположено въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства, число производимыхъ ими дознаній безъ соотвѣтственнаго увеличенія числа самихъ урядниковъ, немыслимо.

Между тѣмъ оказывается, что для того, чтобы только прибавить одного урядника на каждый станъ—что представитъ совершенно недостаточное увеличеніе штатовъ сравнительно съ увеличеніеиъ работы—потребуется около 681750 рублей новаго ежегоднаго расхода.

Проектъ тѣмъ не менѣе предполагаетъ увеличить въ указанныхъ выше предѣлахъ занятія полиціи по уголовнымъ дѣламъ, а вопросъ объ увеличеніи штатовъ уѣздной полиціи признаетъ относящимся къ компетенціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (Объясн. Зап. уст. угол. суд. т. II стр. 160.

Но изъ журнала совѣщанія о судебной полиціи, въ какомъ совѣщаніи участвовали представители Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не видно, чтобы эти послѣдніе выразили желаніе взять на себя иниціативу такого увеличенія штатовъ чиновъ юстиціи. Да и это понятно; Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не можетъ быть заинтересовано въ такомъ увеличеніи, такъ какъ замѣстители вновь созданныхъ должностей будутъ всецѣло посвящать свою дѣятельность постороннему вѣдомству.

Такимъ образомъ, даже самыми обыкновенными урядниками въ сколько нибудь достаточномъ количествѣ не удастся замѣнить упраздняемыхъ слѣдователей! А ужъ о качествѣ работы и говорить ничего; кто читалъ довольно часто полуграмотныя и совсѣмъ неграмотныя дознанія урядниковъ, тотъ легко пойметъ, какъ велика опасность отъ замѣны слѣдователя урядникомъ по сколько нибудь серьезнымъ дѣламъ. Стоитъ при этомъ только вспомнить то движеніе въ пользу судебной реформы въ сосѣдней намъ Германіи, которое не улеглось и донынѣ; въ Германіи, въ которой полиція и по численному, и по качественному составу неизмѣримо выше нашей, и гдѣ тѣмъ не менѣе оказалось, что если окружные суды, разрѣшающіе менѣе важныя дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей, къ сожалѣнію, слишкомъ часто осуждаютъ невинныхъ, то главнымъ образомъ благодаря тому,

что дѣла слушаются безъ производства предварительно слѣдствія, исключительно на основаніи данныхъ полицейскаго дознанія; чего же можно ожидать у насъ? При осуществленіи всѣхъ предположеній проекта, дѣла безъ производства предварительнаго слѣдствія будутъ до суда такъ недостаточно выяснены, что судебныя засѣданія въ томъ числѣ и съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, явятся, съ одной стороны, ареною постоянныхъ сюрпризовъ и неожиданностей, а съ другой стороны судебные приговоры слишкомъ часто будутъ являться прискорбными судебными ошибками. Понятно, что станется тогда съ тѣмъ довѣріемъ къ суду, которое создалось за 30 лѣтъ со времени реформы 1864 г.

Я не буду настаивать на томъ, что товарищъ прокурора не въ состояніи будетъ въ дѣйствительности руководить одновременно производящимися въ разныхъ концахъ обширнаго уѣзда дознаніями, а право отмѣнять (ст. 135 проекта уст. угол. суд.) всѣ дѣйствія полиціи, не улучшитъ самихъ дѣйствій полиціи; не буду говорить и о другихъ значительныхъ ухудшеніяхъ въ порядкѣ производства слѣдствія (право прокурорскаго надзора лично прекращать дознаніе, т. е., въ сущности, предварительныя слѣдствія не только за отсутствіемъ признаковъ преступленія, но и за необнаруженіемъ и даже за нерозыскомъ обвиняемаго ст. 137 проекта и др.),—все это менѣе важно, чѣмъ полное упраздненіе всѣхъ компетентныхъ органовъ для производства слѣдствія.

Присяжные засѣдатели и сословные представители.

Какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ необходимо признать, что и здѣсь проектомъ предположенъ рядъ крупнѣйшихъ измѣненій, которыя могутъ совершенно уронить значеніе и заслуженно пріобрѣтенный авторитетъ нашего суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Объяснительная записка по этому отдѣлу какъ относительно суда съ сословными представителями, такъ и въ особенности относительно суда съ присяжными засѣдателями, содержитъ крайнія противорѣчія: и похвалы, и порицанія обоимъ видамъ суда съ участіемъ общественнаго элемента, при чемъ нѣкоторыя соображенія могутъ быть усвоены самыми ярыми противниками суда присяжныхъ.

Начнемъ съ суда съ сословными представителями. Въ этомъ отношеніи объяснительная записка (къ учр. суд. уст. т. II, стр. 117) на основаніи богатаго матеріала и единогласныхъ отзывовъ всѣхъ судебныхъ дѣятелей признаетъ, что введенный закономъ 7 іюля 1889 года судъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей дѣйствуетъ совершенно неудовлетворительно; сословные представители «въ громадномъ большинствѣ

случаевъ не проявляютъ должной самостоятельности взглядовъ и сужденій, относятся къ исполненію своихъ обязанностей совершенно пассивно, обыкновенно не принимаютъ живого участія въ судебномъ слѣдствіи, а при постановленіи приговора вполнѣ подчиняются мнѣнію коронныхъ судей». Такимъ образомъ, общественный элементъ въ судѣ съ сословными представителями не имѣетъ никакого значенія, и репрессія его не сильнѣе, чѣмъ репрессія суда присяжныхъ. Есть и рядъ другихъ недостатковъ. Несмотря на такую оцѣнку этого вида участія общественнаго элемента въ дѣлѣ правосудія, оцѣнку, дѣлаемую самой объяснительной запиской (отъ имени Комиссіи?), проектъ сохраняетъ эту форму суда для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ (нынѣшняя ст. 1050), а объяснительная записка нѣсколькими страницами послѣ приведенной выше оцѣнки этого суда приводитъ въ объясненіе такой мѣры проекта слова изъ журнала Гос. Сов. за 1862 г., т. е. до введенія еще судебныхъ уставовъ и до всякаго еще примѣненія новаго суда, въ которыхъ признается необходимость по означеннымъ преступленіямъ такого устройства суда, при которомъ высокое общественное положеніе судей служило бы ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія противъ верховной власти. Нѣсколько страницъ ранѣе та же объяснительная записка приводила отзывы о томъ угнетенномъ положеніи, которое занимаютъ волостные старшины при предводителяхъ дворянства.

Такія же противорѣчія мы встрѣчаемъ въ объяснительной запискѣ и по вопросу о судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Входя въ оцѣнку дѣятельности нашего суда присяжныхъ и рѣшительно высказываясь за сохраненіе его и въ будущемъ судебномъ строѣ, объяснительная записка къ проекту учр. суд. уст. относительно предложенія г.г. Дейтриха, Кичина и Шрейбера замѣнить судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія (т. II, стр. 107).

«Между тѣмъ если бы представители общественнаго элемента входили въ составъ одной съ коронными судьями коллегіи, то естественно они въ большинствѣ случаевъ, и при томъ невольно и незамѣтно, подчинялись бы авторитету послѣднихъ, довѣряясь ихъ знанію и опытности, и такимъ образомъ рѣшеніе самого дѣла зависѣло бы въ сущности всецѣло отъ коронныхъ судей. Такимъ образомъ, осуществленіе вышеизъясненнаго предположенія о преобразованіи существующей организаціи суда присяжныхъ путемъ соединенія правительственныхъ и народныхъ судей въ одну коллегію—могло бы повести на практикѣ къ утратѣ судомъ присяжныхъ той

независимости и самостоятельности въ сужденіяхъ, которыя составляютъ главнѣйшее свойство этой формы суда».

«Независимо отъ того слѣдуетъ принять во вниманіе, что участіе судей народныхъ въ судебной дѣятельности, въ формѣ самостоятельной коллегіи, служитъ для короннаго состава суда лучшимъ побужденіемъ къ тщательному соблюденію всѣхъ предписанныхъ формъ производства, значеніе которыхъ умаляется при всякой иной формѣ суда».

Казалось бы, послѣ всѣхъ этихъ разсужденій не могло бы быть и рѣчи о введеніи у насъ несуществующаго нынѣ ни въ одномъ изъ большихъ государствъ Европы для важныхъ дѣлъ суда шеффеновъ. А между тѣмъ проектъ не только вводитъ судъ шеффеновъ, но даже въ двухъ видахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ умаленіе даже противъ существующихъ судовъ шеффеновъ для маловажныхъ дѣлъ.

И та же объяснительная записка, менѣе чѣмъ черезъ 20 страницъ послѣ вышеприведенной болѣе чѣмъ критической оцѣнки суда шеффеновъ, защищая замѣну суда съ сословными представителями по дѣламъ, подсуднымъ нынѣ этому суду, судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава (суда шеффеновъ) говоритъ (стр. 125): «Нельзя предоставлять присяжныхъ ихъ собственному разумѣнію среди всевозможныхъ трудностей и усложненій; опасаться же вліянія коронныхъ судей не приходится уже потому, что оно прямо желательно, какъ восполняющее именно тѣ свѣдѣнія и взгляды, которыхъ недостаетъ гражданамъ для правильнаго обсужденія спеціальныхъ или щекотливыхъ дѣлъ. Къ тому же такое вліяніе будетъ въ нѣкоторой степени обоюдное и въ результатѣ получится всестороннее разсмотрѣніе дѣлъ, обезпеченное отъ случайностей и неожиданныхъ, но весьма печальныхъ, недоразумѣній между закономъ, совѣстью и жизнью. Организація общаго суда присяжныхъ, вполнѣ пригодная и достаточная для общихъ дѣлъ, несостоятельна для дѣлъ особыхъ требующихъ преобладанія публично-юридическаго критерія надъ бытовыми». Прежде всего нельзя не замѣтить, что термина «публично-юридическій» не существуетъ ни въ наукѣ, ни въ практикѣ, и онъ никакого значенія не имѣетъ, почему и остается совершенно непонятнымъ, чѣмъ отличаются одни дѣла отъ другихъ. А затѣмъ нельзя не сказать, что, высказывая такія соображенія, легко дойти и до полнаго уничтоженія суда присяжныхъ. Но прежде обсужденія этого мѣста объяснительной записки и для того, чтобы вполнѣ оцѣнить всю громадность вреда, который можетъ быть принесенъ введеніемъ новаго института присяжныхъ засѣдателей «особаго состава» какъ для дѣла правосудія въ Россіи вообще,

такъ и спеціально для будущей судьбы суда присяжныхъ у насъ, необходимо подробнѣе остановиться на той формѣ, въ которую выливается этотъ институтъ на основаніи проектовъ учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства [1]).

Прежде всего основываясь на названіи—присяжные засѣдатели особаго состава—можно подумать, что это перенесеніе на русскую почву того, что извѣстно въ Англіи подъ названіемъ special jury. Тамъ special jury, по своимъ правамъ и процессуальному положенію, ничѣмъ не отличается отъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава—petty jury—разница только именно въ составѣ, ибо special jury должно представлять интеллектуальныя и имущественныя сливки. Но занесенные въ списки special jury настолько постоянно отсутствуетъ, по свидѣтельству такихъ изслѣдователей англійскаго судебнаго строя, какъ Глазеръ и въ новѣйшее время графъ Франкевиль (Systéme judiciaire de la grande Bretagne), что и дѣла, которыя можно было бы подвергать ихъ разсмотрѣнію, обыкновенно разрѣшаются общимъ составомъ присяжныхъ.

Въ проектѣ, однако, предположено совсѣмъ не то, и я думаю, что достаточно цитировать статьи проекта устава уголовнаго судопроизводства, чтобы сразу представить себѣ, что это за учрежденіе.

Для составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей особаго состава на основаніи ст. 644 проекта устава уголов. суд. назначаются по жребію пять комплектныхъ и одинъ запасный. Далѣе ст. 779 того же проекта «по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава, они участвуютъ наравнѣ съ судьями какъ въ опредѣленіи вины или невиновности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о назначеніи и присужденіи гражданскаго иска. Ст. 24 проекта учрежденія суд. уст. гласитъ, что присутствіе окружного суда по дѣламъ уголовнымъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжнаго засѣдателя особаго состава, образуется, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, или члена суда, не менѣе (значитъ, можетъ быть болѣе?) какъ изъ двухъ другихъ его членовъ.

Я полагаю, что послѣ ознакомленія съ приведенными статьями не останется сомнѣній въ томъ, что новый институтъ названъ неправильно, что это вовсе не присяжные засѣдатели особаго состава, а судъ шеффеновъ.

---

[1]) Одинъ изъ выдающихся современныхъ англійскихъ судей серъ Г. Броумвелль назвалъ этотъ судъ публично въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей общаго состава—безсмыслицей (Franqueville t. I p. 519).

Не касаясь пока особой разновидности этого института для окраинъ, ибо тамъ онъ получаетъ уже совершенно особый характеръ и останавливаясь на институтѣ, предназначенномъ замѣнить палату съ сословными представителями въ предѣлахъ компетенціи этого суда, необходимо указать, что характеръ и условія дѣятельности новаго института не представлялись вполнѣ ясно и самой комиссіи, какъ явствуетъ изъ объяснительной записки, а также и проекта.

Въ самомъ дѣлѣ, проектъ, видимо, затрудненъ былъ дать какія-либо болѣе подробныя и точныя указанія относительно характера и порядка дѣятельности новаго института. Приведенная выше статья 779 находится въ отдѣленіи третьемъ главы 9-й, которое озаглавлено: «постановленіе приговоровъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава или безъ участія», такъ что въ сущности всѣ правила относительно постановки приговоровъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей распространяются и на приговоры, постановленные судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава. Это, впрочемъ, подтверждаетъ и объяснительная записка къ проекту уст. угол. суд. (т. III стр. 346 постан. приг. безъ участ. прис. засѣд.). Изъ статей указаннаго отдѣленія явствуетъ, что приговоры суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава мотивируются, что при постановкѣ приговоровъ судьи должны склонять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію и др.

Всѣ эти статьи, казалось бы, приводятъ къ убѣжденію, что обѣ коллегіи дѣйствуютъ не самостоятельно, какъ въ судѣ съ присяжными, а сообща, какъ одна коллегія, да оно такъ и будетъ, такъ и должно быть; иначе и голосованіе будетъ затруднительно и мотивировка, и наконецъ, самое разрѣшеніе дѣла будетъ занимать безконечное время, ибо обѣ коллегіи должны сообща постановить по большинству голосовъ одинъ приговоръ. Поэтому казалось бы, что вполнѣ послѣдовательно для достиженія этой цѣли обезпечить наибольшее общеніе обѣихъ коллегій, и въ такомъ смыслѣ и высказаны были соображенія 5 членами (объясн. зап. къ уст. угол. суд. т. III стр. 148), но большинство было другого мнѣнія, и въ проектѣ имѣются ст. 571 и 572, въ которыхъ сказано, что во время судебнаго засѣданія и перерывовъ присяжные засѣдатели особаго состава также, какъ и общаго, помѣщаются отдѣльно отъ суда, и затѣмъ признается за судомъ право оставлять присяжныхъ засѣдателей на ночлегъ въ зданіи суда, т. е. иначе говоря не оказывать имъ того довѣрія, которое оказывается сословнымъ представителямъ. Большинство, мотивируя такое свое рѣшеніе (Объясн. Зап. уст. угол. суд. стр. 149), высказало слѣдующее: «главнѣйшее воз-

раженіе, предъявляемое противъ сліянія судей и присяжныхъ въ одну судебную коллегію, заключается въ томъ, что при такомъ сліяніи судьи юристы поглотятъ присяжныхъ, которые явятся ненужнымъ или даже обременительнымъ придаткомъ. Возможность такого неблагопріятнаго явленія побуждаетъ изыскать всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣжденіе, составляемое во время судебнаго слѣдствія, слагалось какъ у судей, такъ и у присяжныхъ особаго состава безъ всякаго взаимнаго другъ на друга воздѣйствія».

Все это было бы хорошо, если бы судьямъ и «присяжнымъ» не надо было постановить сообща по большинству голосовъ приговоръ и склонять себя къ единогласію.

Трудно изъ приведенныхъ сопоставленій прійти къ заключенію, чтобы новый институтъ вырисовывался послѣдовательно, чтобы ясно было, какая мысль положена въ основу его? Такъ же неясно обрисована и компетенція новаго суда (ст. 32 проекта уст. уг. суд.). Проектъ передаетъ окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго, состава всю нынѣшнюю компетенцію судебной палаты съ сословными представителями, за исключеніемъ дѣлъ политическихъ, и присоединеніемъ еще преступленій, предусмотрѣнныхъ ул. о нак. ст. 181—богохуленіе въ печатныхъ произведеніяхъ, но богохуленіе непосредственное, такъ сказать (ст. 176 ул.) общему составу. Почему? На это въ объяснительной запискѣ уст. уг. суд. (т. I стр. 219) не содержится указаній. Точно также усиливается компетенція новаго суда преступленіями, предусмотрѣнными ст. 1163—1168 (злостное банкротство), ст. 1198 и 1199—(злоупотребленія по довѣрію торговыхъ обществъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ присяжные засѣдатели особаго состава (ст. 1327—проекта уст. угол. суд.) будутъ участвовать въ присутствіяхъ окружныхъ судовъ, палатъ и сената по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ.

Такимъ образомъ, замѣна сословныхъ представителей присяжными засѣдателями особаго состава послужила основаніемъ для расширенія компетенціи этой особой юрисдикціи. Между тѣмъ и самое созданіе компетенціи судебной палаты по общимъ преступленіямъ въ свое время вызвано было тѣмъ, что въ то время присяжные засѣдатели выносили чаще оправдательные вердикты, чѣмъ судъ коронный; затѣмъ, однако, какъ показываетъ статистика, процентъ оправданій и осужденій какъ въ судѣ съ присяжными, такъ и безъ послѣднихъ, сравнялся.

Судъ присяжныхъ за свое почти тридцатипятилѣтнее существованіе доказалъ полную свою пригодность и отзывы всѣхъ практиковъ даны въ пользу его, и въ то же время судъ сословныхъ представителей

за 12-лѣтнее свое существованіе доказалъ полную свою непригодность, былъ осужденъ всѣми практиками. Какія при такихъ условіяхъ могли быть основанія для созданія новаго вида суда, который въ сущности есть простое повтореніе суда съ сословными представителями и никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ за судъ присяжныхъ засѣдателей?

Но далѣе, какія основанія для успѣха? У насъ въ Россіи повторяется то же явленіе, что и во Франціи и болѣе, чѣмъ Россія, культурной и богатой Англіи, а именно, что наиболѣе видные члены общества по своему образованію, положенію, богатству уклоняются подъ всевозможными предлогами отъ исполненія тяжкой, хотя и благородной и высокой обязанности присяжнаго засѣдателя. И вотъ, проектъ (ст. 90 пр. учр. суд. уст.) предполагаетъ изъ этихъ «сливокъ»—лицъ, кончившихъ высшее или, по крайней мѣрѣ, среднее образованіе (не менѣе 6 классовъ гимназіи), всѣхъ занимавшихъ должности по выборамъ въ земствѣ, городахъ, дворянствѣ и при томъ имѣющихъ въ мѣстахъ не столичныхъ не менѣе 10000 рублей капитала или 1000 рублей дохода въ годъ,— составить особое присутствіе, положимъ, очень малочисленное, но все же достаточно большое, чтобы можно было сомнѣваться въ возможности всегда имѣть такой составъ. Но несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого нововведенія будетъ одно—что тѣ немногіе представители общественныхъ «сливокъ», которые попадали нынѣ въ общій составъ присяжныхъ засѣдателей, болѣе туда попадать не будутъ, это вполнѣ явствуетъ и изъ ст. 487 и 490 проекта уст. угол. суд. и изъ ст. 75 проекта учр. суд. уст., на основаніи которыхъ прежде составляется списокъ особаго состава, потомъ общаго. Затѣмъ, при составленіи списковъ на сессіи, тѣ изъ особаго состава, которые не попали въ эти списки, вносятся въ слѣдующій очередный списокъ общаго состава. Такимъ образомъ, не создавая такого новаго учрежденія, которое могло бы, хотя бы съ извѣстнымъ основаніемъ, разсчитывать на успѣхъ, проектъ подрываетъ питательные корни у самаго главнаго, развившагося и вполнѣ заслуженно пріобрѣвшаго довѣріе судебнаго учрежденія.

Мнѣ не хотѣлось бы говорить еще объ одномъ новомъ учрежденіи, которое создаетъ проектъ, которое не имѣетъ себѣ подобнаго въ Европѣ и которое лучше всего показываетъ, насколько не надо стремиться къ осуществленію неосуществимаго — это учрежденіе, создаваемое для окраинъ (Царства Польскаго, прибалтійскихъ губерній, области терской и закавказья); суть его ясно охарактеризована ст. 1498 и 1499 проекта уст. угол. суд. Этими статьями и соотвѣтственными статьями учрежденія су-

дебныхъ установленій (539, 600 и др.) создается учрежденіе, которое называется тоже «присяжными засѣдателями особаго состава»; эти присяжные засѣдатели въ числѣ 3 входятъ въ составъ присутствія окружнаго суда, тоже составленнаго обычнымъ порядкомъ и разрѣшаютъ вмѣстѣ съ присутствіемъ коронныхъ судей окружнаго суда дѣла, подсудныя въ центральныхъ губерніяхъ Россіи суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго и особаго состава.

При численномъ равенствѣ, такимъ образомъ, коллегій короннаго суда и общественныхъ представителей, приговоры постановляются по большинству голосовъ, причемъ при разногласіи голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту учр. суд. уст. (т. V), введеніе этого вида суда предположено для того, чтобы отмѣнить апелляцію, крайне затягивающую процессъ на окраинахъ, и придать довѣріе приговорамъ суда первой инстанціи. Препятствіемъ для введенія суда присяжныхъ въ другой формѣ, общей, является незнаніе мѣстнымъ населеніемъ русскаго языка, причемъ для опредѣленія знанія русскаго языка принимали единственно въ соображеніе число воспитанниковъ школъ, въ которыхъ учатъ русскому языку, и численность русскаго населенія въ краѣ. Но развѣ другимъ образомъ какъ въ школѣ русскому языку нельзя научиться? Русскій языкъ распространяется благодаря общенію по дѣламъ съ русскими, благодаря обращенію къ русскимъ мѣстнымъ властямъ, службѣ въ войскахъ и др. Я не берусь обсуждать политическую точку зрѣнія, но я позволю себѣ указать на сѣверозападный край, гдѣ институтъ присяжныхъ засѣдателей дѣйствуетъ безукоризненно съ 1883 г., гдѣ составъ населенія совершенно не русскій, гдѣ школъ, разумѣется, не больше, чѣмъ на другихъ окраинахъ. Мнѣ пришлось работать съ этимъ судомъ въ сѣверозападномъ краѣ 4 года, и я могу указать на одинъ примѣръ достаточно краснорѣчивый. Старообрядецъ, желая жениться на католичкѣ, перешелъ въ православіе и убѣдилъ также поступить католичку. Послѣ вѣнца старообрядецъ былъ избытъ до смерти своими братьями, мстившими за оставленіе старой вѣры, и умеръ. Присутствіе присяжныхъ состояло исключительно изъ католиковъ и они, несмотря на краснорѣчивую защиту мѣстнаго лучшаго повѣреннаго, вынесли всѣмъ подсудимымъ обвинительный вердиктъ. Но, повторяю, я не политикъ. Въ одномъ я твердо убѣжденъ, что если нельзя было ввести настоящаго суда присяжныхъ,—такого, какой предположенъ, вводить не слѣдуетъ: онъ не внушитъ довѣрія населенію и вызоветъ среди послѣдняго сожалѣніе объ апелляціи.

Наконецъ, я не могу здѣсь не вернуться къ тѣмъ противорѣчіямъ объяснительной записки, выше мной отмѣченнымъ, къ крупнымъ противорѣчіямъ въ самомъ проектѣ, къ самому факту созданія наряду съ существующими формами участія общественнаго элемента въ отправленіи правосудія еще двухъ новыхъ видовъ этого участія, и притомъ съ измѣненіями столь существенными, что участіе общественнаго элемента въ дѣлѣ правосудія сводится въ концѣ концовъ, какъ и въ разновидности для окраинъ, только къ названію „присяжныхъ“. Какое вліяніе всѣ эти измѣненія, всѣ эти противорѣчія будутъ имѣть на авторитетъ суда присяжныхъ, на довѣріе къ нему? Скажу болѣе,—Комиссія, пойдя по пути измѣненій, „улучшеній“, поставила всѣ существующіе институты нашего процесса на обсужденіе, поставила вопросительный знакъ передъ каждымъ изъ нихъ, какъ будто ни одинъ изъ нихъ не былъ безспорнымъ, какъ будто все подлежитъ „исправленію“—смѣлый шагъ, позволю я себѣ сказать. И вотъ, при такомъ то предложеніи на обсужденіе съизнова отъ начала „ab ovo“, съ корня, какъ будто будущее нашего процесса представляетъ tabula rasa всѣхъ институтовъ, въ томъ, числѣ и суда присяжныхъ, можетъ ли у тѣхъ, которые будутъ разсматривать и обсуждать труды комиссіи, составиться твердое убѣжденіе въ томъ. что само судебное вѣдомство дѣйствительно убѣждено въ полезности и необходимости настоящаго суда присяжныхъ? Не могутъ ли при обсужденіи трудовъ Коммиссіи возникнуть такія соображенія: вѣдь въ той же объяснительной запискѣ, въ которой расточаются чрезвычайныя похвалы суду присяжныхъ, черезъ нѣсколько страницъ, для оправданія изъятій изъ общей подсудности этому суду, указывается на такіе его недостатки, которые лишаютъ его всякаго значенія. Для устраненія этихъ недостатковъ даже друзьямъ суда присяжныхъ приходится прибѣгать къ такимъ урѣзкамъ его самостоятельности, которыя обращаютъ судъ присяжныхъ на окраинахъ въ присутствіе изъ трехъ статистовъ, поставленныхъ для декорума, и такой судъ тоже называется „судомъ присяжныхъ“. Такъ стоитъ ли сохранять такой судъ, въ которомъ такъ много недостатковъ, противъ котораго приходится прибѣгать къ столькимъ мѣрамъ.

Да, съ грустью и съ очень тяжелымъ сердцемъ приходится бывшему судебному дѣятелю, любившему свое дѣло, отмѣчать эти возможныя бѣды. И почему, и за что? Да позволено же будетъ сказать бывшему судебному дѣятелю прямо и откровенно: не нужны всѣ эти новые виды, они не удовлетворятъ никакимъ требованіямъ, а главное—ничѣмъ не вызывается ихъ созданіе.

Что же,—можетъ быть опять заговоримъ объ оправданіяхъ присяжныхъ засѣдателей? Неужели никогда не пожелаютъ критики этого суда усвоить себѣ, что это оправданіе—явленіе нормальное, такое же какъ и обвиненіе, ибо при крайнихъ недостаткахъ нашего предварительнаго слѣдствія,—которое въ проектѣ предположено замѣнить уже совершенно неудовлетворяющимъ требованію правосудія полицейскимъ дознаніемъ—судебное слѣдствіе, которое производится для повѣрки данныхъ предварительнаго слѣдствія, сплошь да рядомъ совершенно разрушаетъ всѣ эти данныя; при такихъ условіяхъ никакой судъ съ участіемъ или безъ участія присяжныхъ засѣдателей не вынесетъ вердикта обвинительнаго, т. е. основаннаго на опровергнутыхъ данныхъ предварительнаго слѣдствія—это было бы высшей несправедливостью, нарушеніемъ самихъ основъ всякого здороваго процесса.

Въ другомъ мѣстѣ (въ моей работѣ „Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи“ 1894 г. гл. III, стр. 80 и сл.) я разобралъ подробно причины, почему присяжные засѣдатели оправдываютъ и должны оправдывать, настаивая, между прочимъ, особенно на томъ, что для того чтобы судить о томъ, доказана ли или нѣтъ виновность, надо присутствовать на судебномъ слѣдствіи съ начала до конца.

Не надо забывать при оцѣнкѣ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, что главнѣйшая ихъ функція—индивидуализированіе, примѣненіе общей нормы закона къ данному отдѣльному случаю, разрѣшеніе вопроса о томъ, возможно ли данное дѣяніе, по внѣшнему выраженію, можетъ быть, и подходящее подъ общую норму закона, подвести подъ эту норму. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ перестали вѣрить въ возможность и полезность безцѣльнаго каранія и признали, что путемъ наказаній государство борется съ преступностью въ странѣ, защищаетъ себя отъ опасныхъ элементовъ, не подвергается болѣе сомнѣнію, что назначать наказаніе, какъ мѣру защиты, можно только лицу, предоставляющему опасность, общественную опасность.

Но еще гораздо ранѣе, чѣмъ теоретики пришли къ такому правильному выводу о цѣли наказанія, присяжные засѣдатели уже вѣрно поставили задачею своей дѣятельности огражденіе общества отъ дѣйствительно опасныхъ элементовъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, присяжные ничуть не нарушаютъ общей нормы закона, они только правильно и разумно ее примѣняютъ, и въ этомъ и состоитъ настоящее правосудіе—противное было бы неправосудіемъ.

Мнѣ бы не хотѣлось говорить о тѣхъ причинахъ, которыя иногда вызываютъ неправильное обвиненіе въ „переигрываніи, торгованіи съ запро-

сомъ“ и др. техническихъ выраженіяхъ, а главное, о томъ тлетворномъ, канцелярскомъ духѣ, который завладѣлъ отчасти въ послѣднее время и прокурорскимъ надзоромъ и благодаря которому, чисто по канцелярски, всякая переписка должна быть исчерпана вполнѣ, а потому, если въ перепискѣ содержатся свѣдѣнія, что Ивановъ, укравъ коробку сардинокъ въ магазинѣ такомъ-то (со взломомъ наружной двери, причемъ магазинъ составляетъ часть обитаемаго дома), послѣ того, съѣлъ ее съ такими-то лицами въ трактирѣ такомъ то, причемъ вся компанія была задержана вмѣстѣ, то въ качествѣ обвиняемыхъ или, по крайней мѣрѣ, укрывателей будутъ привлечены и тѣ, которые по приглашенію угощавшаго закусывали сардинками изъ похищенной коробки. Печальное положеніе того, кому приходится поддерживать обвиненіе по такимъ дѣламъ, но понятно также, что присяжные засѣдатели затрудняются возводить въ преступленіе, караемое арестантскими отдѣленіями, знакомство угощавшихся съ воромъ или даже съ ворами.

Но если судъ присяжныхъ у насъ прекрасно дѣйствуетъ, какая надобность замѣнять его по нѣкоторымъ дѣламъ (я исключаю дѣла о государственныхъ преступленіяхъ) другимъ судомъ? Потому—что это очень серьезныя дѣла, запутанныя, потому ли, что они представляютъ скорѣе техническую, чѣмъ жизненную задачу? Но спрашивается, всѣ эти банковскія дѣла, мыслимы ли они безъ эксперта, который въ вопросахъ техническихъ имѣетъ можетъ быть, къ сожалѣнію, и на коронныхъ судей не менѣе сильное вліяніе, чѣмъ на присяжныхъ, и остается самъ безъ контроля и провѣрки? Но развѣ эта провѣрка дѣло какого либо суда—если экспертъ не заслуживаетъ довѣрія, онъ долженъ быть замѣненъ другимъ, достовѣрнымъ, а все же дѣло суда: не разрѣшеніе техническихъ вопросовъ и данныхъ, а разрѣшеніе того жизненнаго вопроса, задачи, которая выросла для подсудимаго среди данныхъ техническихъ условій. Этихъ же техническихъ условій такая масса, что какъ бы ни повышать составъ присяжныхъ, они всѣхъ техническихъ условій (при составѣ 5) знать не будутъ и будутъ въ дѣйствительности, какъ и присяжные общаго состава разрѣшать все ту же жизненную задачу: *хуже ли данный подсудимый всякаго обыкновеннаго средняго уровня человѣка съ средней моралью, не былъ ли онъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ надо обладать особыми душевными качествами, почти геройствомъ, чтобы не совершить преступленія?* Вотъ, въ главныхъ чертахъ, задача, разрѣшаемая по каждому дѣлу присяжными засѣдателями на основаніи той общей въ настоящее время и въ данномъ народѣ принятой морали, которая

присяжныхъ разныхъ составовъ объединяетъ въ одно цѣлое, почему и въ приговорахъ ихъ въ разныхъ частяхъ Россіи можно наслѣдить общія руководящія начала, хотя разумѣется не подлежащія выраженію въ „эмпирическихъ законахъ“ какъ это полагаетъ г. Бобрищевъ-Пушкинъ. Сообразно съ такимъ пониманіемъ задачи присяжныхъ, становится понятнымъ, какое значеніе имѣетъ образовательный цензъ; для расширенія собственно самой задачи присяжныхъ онъ не нуженъ, но веденіе дѣла, т. е. сношенія съ предсѣдателемъ, предложеніе вопросовъ на слѣдствіи, а главное—руководство преніями людей, которые никогда въ нихъ не участвовали, требуетъ присутствія въ составѣ одного или двухъ вполнѣ образованныхъ людей; но именно для внѣшняго руководства необходимы образованные люди и они всегда за очень немногими исключеніями до настоящаго времени попадали въ каждый составъ. Въ особомъ же составѣ, возвышенномъ умственно и экономически надобности нѣтъ и такихъ дѣлъ не можетъ быть. Яркимъ примѣромъ для этого могутъ служить такъ называемыя служебныя преступленія; присяжные засѣдатели часто оправдывали,—передали эти дѣла въ палаты съ сословными представителями; и тѣ такъ же часто оправдываютъ. Почему? потому что идея, положенная въ основу вердиктовъ этими присяжными засѣдателями „общаго“ состава, т. е. людьми всякаго образованія, оказалась такъ вѣрна, что оставалось и болѣе „высокимъ“ сословнымъ представителямъ и самимъ палатамъ придержаться этой самой идеи. Идея эта очень проста: судъ призванъ судить людей, а не порядки; если порядки многіе годы, а иногда и десятки лѣтъ существовали плохіе, то надо ихъ измѣнить, но не судить за нихъ послѣднихъ представителей ихъ.

Но если характеръ дѣлъ не требуетъ особыхъ судей, то чѣмъ же больше можетъ вызываться введеніе у насъ суда шеффеновъ для особо важныхъ дѣлъ? Тѣмъ, что во Франціи Cruppi (соч. его La cour d'assises. Paris. 1898), въ виду различныхъ нападковъ на французскій судъ присяжныхъ, дѣйствующій не вполнѣ удовлетворительно, предложилъ замѣнить его судомъ шеффеновъ? Но по поводу этого предложенія я позволилъ себѣ въ журналѣ министерства юстиціи (январь 1898 года) привести соображенія о громадномъ превосходствѣ передъ французскимъ нашего процесса, который вполнѣ обезпечиваетъ правильное, независимое и въ то же время согласное, въ интересахъ дѣла, участіе обѣихъ коллегій: коронной и общественныхъ представителей въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи дѣла. Но и во Франціи предложеніе о замѣнѣ суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ не встрѣтило сочувствія, и когда Seciété générale des prisons [1])—это высоко просвѣщенное общество, собравшее въ свою

[1]) Revue pénitentiare 1899 Décembre, 1900 Janvier.

среду всѣхъ выдающихся французскихъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ—посвятило въ виду предложенія члена общества Cruppi, нѣсколько засѣданій вопросу о сохраненіи или упраздненіи суда присяжныхъ во Франціи, то оказалось, что заслуги суда присяжныхъ въ дѣлѣ постановки правосудія во Франціи чрезвычайно велики: онъ подтянулъ предварительное слѣдствіе и является грозой для слѣдователей, ибо только передъ нимъ во всѣхъ подробностяхъ глубоко послѣдовательно и жизненно производится судебное слѣдствіе, составляющее грозную повѣрку предварительнаго слѣдствія, онъ совершаетъ то индивидуализированіе закона, безъ котораго немыслимо никакое современное правильное правосудіе, онъ указываетъ на недостатки дѣйствующаго уголовнаго кодекса и желательныя въ немъ измѣненія; за эту одну заслугу можно было бы ему простить всѣ другіе промахи, наконецъ, и это главное, только судъ присяжныхъ, въ качествѣ вполнѣ самостоятельной коллегіи, обезпечиваетъ полную независимость суду и совершенный и неизмѣнный авторитетъ его рѣшеніямъ; «когда, сказалъ при этомъ знаменитый французскій юристъ Joly, судъ присяжныхъ разойдется послѣ провозглашенія вердикта, ни одному депутату на придетъ въ голову обратиться въ министерство юстиціи съ просьбой объ измѣненіи приговора—здѣсь есть окончательно разрѣшенное дѣло».

Я полагаю, что и для русскихъ судовъ, какъ всякихъ другихъ, важно обезпеченіе полной самостоятельности и не потому, что самостоятельный судъ соотвѣтствуетъ тому или другому политическому направленію, а потому, что какъ немыслимъ чиновникъ, который бы не ставилъ своей задачей исполненіе воли начальства, такъ немыслимъ судъ, который не былъ бы въ состояніи исполнять только одну волю монарха, выраженную въ законѣ; судъ несамостоятельный, неогражденный отъ личныхъ вліяній—не судъ; независимость относится, примѣняя термины римской юриспруденціи, не только къ naturalia, но къ essentialia всякаго суда.

Обсуждая положенія проекта устава уголовнаго судопроизводства о судѣ присяжныхъ, нельзя не упомянуть вскользь, во-первыхъ, объ отмѣнѣ списковъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей: эта отмѣна безусловно не основана на опытѣ и вызоветъ затрудненія и отложенія дѣлъ; и, во-вторыхъ, о разрѣшеніи проектомъ сторонамъ и передъ присяжными общаго состава упоминать о наказаніи, грозящемъ подсудимому (ст. 720 пр. уст. угол. суд.); это разрѣшеніе, котораго добиваются давно всѣ истинные друзья суда присяжныхъ, къ сожалѣнію, дается въ условной формѣ: если такое упоминаніе о наказаніи можетъ имѣть значеніе для

дачи снисхожденія, для ходатайства объ уменьшеніи отвѣтственности или помилованіи. Несомнѣнно проще и правильнѣе было бы дать полное разрѣшеніе.

Единоличный составъ суда по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Но проектъ наноситъ еще одинъ ударъ суду присяжныхъ и этотъ разъ настоящему, неподдѣльному, нынѣшнему, который въ будущемъ будетъ называться судомъ присяжныхъ «общаго состава». Примѣчаніе къ статьѣ 547 проекта устава угол. суд. гласитъ: «по дѣламъ, расматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава, присутствіе суда можетъ быть образовано изъ одного судьи, прокурора или его товарища и секретаря или его помощника». Объясненія къ этой важной и крупной реформѣ даются объяснительной запиской очень краткія (объясн. зап. къ проекту уст. угол. суд., т. III, стр. 127—129) и заключаются исключительно въ ссылкѣ на ревизіонные отчеты, изъ которыхъ нѣкоторые признаютъ возможнымъ допустить единоличный составъ суда для дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; отчеты эти свидѣтельствуютъ, «что изрѣдка возникаетъ какой-нибудь вопросъ, въ разрѣшеніи котораго принимаетъ участіе весь составъ суда, да иногда членъ суда укажетъ предсѣдательствующему на пропущенную имъ формальность». Комиссія юридическаго общества высказалась рѣшительно противъ этой реформы, заявивъ, что, несомнѣнно, предсѣдатель будетъ нуждаться въ помощи своихъ сотоварищей. И, несомнѣнно, эта комиссія вполнѣ права. Надо только внимательнѣе отнестись къ процессу по всякому самому простому дѣлу; крайне часто можетъ возникнуть внезапно самый сложный юридическій—процессуальный вопросъ; по самымъ несложнымъ дѣламъ вопросъ о наказаніи и мѣрѣ онаго сопряженъ съ извѣстными трудностями, которыя ни одинъ, я вполнѣ въ этомъ убѣжденъ, сколько нибудь серьезно относящійся къ дѣлу судья, не зараженный особымъ сомомнѣніемъ, не возьмется разрѣшать одинъ. Сколько разъ мнѣ лично приходилось выслушивать отъ очень опытныхъ и знающихъ судей, какъ тяжело оставаться безъ совѣта, безъ возможности обмѣняться мнѣніемъ, когда составъ суда состоитъ изъ почетнаго мирового судьи и какого-либо особо престарѣлаго, равнодушнаго и утомленнаго судьи. Ну, а затѣмъ указаніе предсѣдателю на промускъ—это очень важная функція, часто исполняемая судьями—товарищами; кто безгрѣшенъ, кто гарантированъ, при повтореніи изо дня въ день годами одного и того же, отъ невольной и естественной ошибки,

машинальнаго пропуска и т. д.? И какъ важно для твердости судебнаго рѣшенія, для полнаго выясненія истины по дѣлу, чтобы ошибки или пропускъ были замѣчены вовремя, а не въ кассаціонномъ порядкѣ или вовсе оставлены безъ вниманія.

Я позволю себѣ еще прибавить одно соображеніе изъ моихъ воспоминаній по прокурорской службѣ. Представимъ себѣ, что предсѣдатель не успѣлъ подготовиться по дѣлу и требуетъ отъ свидѣтеля того, чего онъ не можетъ показать, такъ какъ вызванъ для удостовѣренія другого обстоятельства, представимъ себѣ, что предсѣдатель не вполнѣ довольный отвѣтами подсудимаго, начинаетъ на него кричать и совершенно сбивать его съ толку, что онъ рѣзко обращается съ присяжными засѣдателями, такъ что у нихъ пропадаетъ всякое желаніе участвовать въ судебномъ слѣдствіи,—я говорю «представимъ себѣ». Какой же изъ этого положенія выходъ; теперь болѣе или менѣе простой: или членъ суда шепнетъ на ухо или, если члены заняты писаніемъ приговоровъ, то товарищъ прокурора скажетъ на ухо члену суда, сосѣду: «скажите вы Ивану Ивановичу, что вѣдь такъ нельзя». Ну а въ будущемъ, когда «средостѣнія» не будетъ, тогда никто не напомнитъ, никто не удержитъ, а товарищу прокурора останется только одно: при всякомъ такомъ случаѣ дѣлать заявленіе «прошу занести въ протоколъ», а затѣмъ кассаціонный протестъ; для защитника такое положеніе—богатѣйшая руда кассаціонныхъ мотивовъ.

Но, можетъ быть, проектъ избираетъ такое особенное лицо для предсѣдательствованія, которое ошибокъ не можетъ допустить, не дастъ основаній для частныхъ протестовъ?—Этимъ лицомъ, какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту учр. суд. уст. (т. I, стр. 52) въ видахъ и упрощенія и огражденія казны отъ излишнихъ расходовъ, явится уѣздный или городской членъ окружнаго суда.

Такъ какъ предложеніе единоличнаго состава судей съ присяжными въ нашемъ процессѣ совершенная новинка, а изъ западно-европейскихъ процессовъ встрѣчается только въ англійскомъ, то интересно провести сравненіе между личными условіями англійскаго судьи, предсѣдательствующаго единолично въ судѣ присяжныхъ и уѣзднаго члена окружнаго суда. Первый англійскій судья—есть членъ англійской High Court of justice.

Такихъ членовъ высшаго суда на всю Англію всего 14, получаетъ каждый изъ нихъ 50000 рублей въ годъ жалованья; положеніе ихъ—положеніе нашихъ сенаторовъ. Понятно поэтому, что предоставленіе такого мѣста является увѣнчаніемъ самыхъ блестящихъ карьеръ наиболѣе даровитыхъ юристовъ (главнымъ образомъ адвокатовъ) Англіи, причемъ огра-

ниченное число даетъ возможность съ успѣхомъ пополнять составъ. Эти члены, выѣзжая на сессіи въ провинціальные города, остаются на постоянномъ жительствѣ въ столицѣ Великобританіи, продолжаютъ вращаться среди членовъ высшаго суда и лучшихъ юристовъ Англіи, взоры которыхъ все время обращены на нихъ, гдѣ бы они не засѣдали, въ Лондонѣ или въ провинціи, ибо они, судьи, своими рѣшеніями по отдѣльнымъ дѣламъ и процессуальнымъ вопросамъ создаютъ то common law, которое дѣйствуетъ рядомъ съ statute law.

У насъ уѣздныхъ или городскихъ членовъ окружныхъ судовъ требуется нѣсколько сотенъ, содержаніе имъ дается около 3000 рублей въ годъ, связи они не только съ столичными, но и съ губернскими юристами имѣть не будутъ и даже съ членами окружнаго суда, коего они только номинально являются членами, они поддерживать отношеній не будутъ, такъ какъ многіе изъ нихъ, назначенные изъ слѣдователей и прежде не были даже знакомы съ составомъ суда. Уѣздный городъ будетъ для нихъ «предѣломъ» большею частью на всю жизнь. А кромѣ того, я еще позволю себѣ прибавить нѣсколько словъ изъ самой объяснительной записки къ проекту учр. суд. уст. (т. I, стр. 46).

«Учрежденіе, по общему правилу, въ уѣздѣ суда для разрѣшенія дѣлъ, связанныхъ съ крупными интересами, неизбѣжно отразилось бы неблагопріятнымъ образомъ на внутреннемъ достоинствѣ судебныхъ рѣшеній по этимъ дѣламъ, такъ какъ съ одной стороны, на службу въ уѣздныхъ городахъ весьма нелегко будетъ привлечь достаточно опытныхъ для того юристовъ, съ другой же и бытовыя условія уѣздной жизни, приводя къ знакомству и личнымъ отношеніямъ между обывателями, невольно втягиваютъ въ мѣстные интересы и судью, даютъ ему массу внѣсудебныхъ впечатлѣній и свѣдѣній по каждому значительному дѣлу и такимъ образомъ въ немалой степени затрудняли бы для него, въ особенности въ области гражданскаго судопроизводства, выполненіе важнѣйшей судейской обязанности и вполнѣ безпристрастнаго отношенія къ домогательствамъ спорящихъ сторонъ».

Я не буду прибавлять въ этой характеристикѣ ничего изъ того многаго, что мнѣ извѣстно о бытовыхъ условіяхъ уѣздной жизни и о крайне важномъ и естественномъ, къ сожалѣнію, вліяніи этихъ условій на исполненіе служащими въ уѣздѣ ихъ прямыхъ обязанностей и остановлюсь только на слѣдующихъ вопросахъ: на отводѣ единоличнаго судьи, на отмѣнѣ вердикта присяжныхъ засѣдателей въ виду осужденія явно не-

виннаго и на расширеніи правъ предсѣдательствующаго при одновременномъ ограниченіи начало устности.

Относительно отвода статья 556 пр. уст. угол. судопр. опредѣляетъ, что судья, единолично участвующій въ разсмотрѣніи дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава въ случаѣ законныхъ причинъ къ отводу, усмотрѣнныхъ имъ самимъ или предъявленныхъ участвующими въ дѣлѣ лицами, обязанъ пріостановить разсмотрѣніе дѣла и довести до свѣдѣнія суда. Прокурорскому надзору какъ и нынѣ не предоставлено предъявлять отводовъ и такимъ образомъ прокурорскій надзоръ можетъ быть не только пассивнымъ зрителемъ, но участникомъ крупнѣйшаго судебнаго скандала, если засидѣвшійся въ уѣздѣ единоличный судья откажется удовлетворить законное требованіе отвода.

Но если судья слишкомъ сроднится съ мѣстными уѣздными условіями жизни, погрузится въ тину этой жизни, явится ли перечень основаній отвода, дѣйствующій нынѣ и оставляемый и впредь, исчерпывающимъ; а ссоры, наполняющія уѣздную жизнь, не перешедшія въ судебную тяжбу, но нарушающія несомнѣнно и безпристрастіе судьи, и довѣріе къ нему? Сколько при этихъ условіяхъ можетъ возникнуть положеній, совершенно подрывающихъ высоту правосудія, сколько можетъ возникнуть столкновеній съ присяжными; какъ легко присяжные при извѣстныхъ отношеніяхъ предсѣдателя будутъ лишены части своихъ правъ по участію въ судебномъ процессѣ. Намъ скажутъ: а защита—но вѣдь въ уѣздахъ ея или совсѣмъ или почти нѣтъ.

Что касается до тона отношеній единоличнаго судьи къ присяжнымъ засѣдателямъ, на основаніи проекта уст. угол. судопр., то этотъ тонъ опредѣляется ст. 769 пр. уст. уг. суд. (нынѣ 818), въ силу которой единоличоый судья можетъ единолично же отмѣнить рѣшеніе 12 присяжныхъ засѣдателей въ случаѣ, если по его мнѣнію осужденъ невинный, хотя въ статьѣ закона требуется даже для коллегіальнаго суда въ этихъ случаяхъ единогласіе.

Такое право единоличнаго судьи едва ли укрѣпитъ и авторитетъ суда присяжныхъ и увѣренность ихъ въ своихъ правахъ и въ значеніи ихъ вердикта.

Но одно сохраненіе ст. 769 (818) и для единоличнаго судьи указываетъ однако, какой чрезвычайно смѣлый, я позволю себѣ пробавить, опасный шагъ дѣлаетъ проектъ, «сокращая» составъ короннаго суда по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей до одного судьи.

Въ этомъ отношеніи важно остановиться на тѣхъ ограниченіяхъ начала устности и на расширеніи правъ предсѣдателя, которыя предполо-

жены въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства. Такъ прежде всего ст. 590 проекта уст. угол. суд. гласитъ: «не возбраняется прочтеніе въ судебномъ засѣданіи письменныхъ показаній подсудимаго, данныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія или дознанія, когда съ ними несогласны изустныя его показанія на судѣ».

Объяснительная записка къ уставу уголовнаго судопроизводства, объясняя эту статью, ссылается на австрійскій, норвежскій и венгерскій уставы уголовнаго судопроизводства, допускающіе такое прочтеніе, на ревизіонные отчеты и на содержащіяся въ нихъ указанія, что присяжные засѣдатели сами ходатайствуютъ иногда о такомъ оглашеніи, наконецъ, на то, что оглашаемое показаніе занесено въ обвинительный актъ и такимъ образомъ уже соглашено. Допуская даже, что приведенныя основанія достаточно оправдываютъ предположенное нововведеніе, нельзя однако забывать, что оглашенію будетъ подлежать показаніе обвиняемаго, данное не только на слѣдствіи, но и на дознаніи, т. е. записанное полицейскимъ урядникомъ.

Можетъ ли, а главное должно ли, такое показаніе вызывать полное довѣріе со стороны присяжныхъ засѣдателей, какъ въ отношеніи непринужденности его, такъ и въ отношеніи точности записи. И какой громадный требуется тактъ со стороны предсѣдателя, чтобы разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ степень достовѣрности оглашаемаго. Но этого мало, насколько обязательны для предсѣдателя совершенная и безусловная сдержанность при допросѣ обвиняемаго вслѣдъ за оглашеніемъ его предыдущаго показанія подъ рискомъ, что въ случаѣ непроявленіи достаточной сдержанности, если только будетъ допущено малѣйшее увѣщеваніе подсудимаго сознаться и сказать правду, обвинительный процессъ будетъ устраненъ совершенно и его мѣсто займетъ инквизиціонный. И такое отношеніе, такую постановку отвѣтственную поручаютъ единоличному судьѣ, уѣздному судьѣ, быть можетъ вовсе не усвоившему въ такой мѣрѣ началъ обвинительнаго процесса.

Слѣдующая статья 591 пр. уст. уг. суд. допускаетъ прочтеніе показаній всѣхъ свидѣтелей, не явившихся по законнымъ причинамъ. Объяснительная записка по этому поводу объясняетъ, что будто бы и ст. 626 страдаетъ неточностью редакціи, а въ дѣйствительности по самому смыслу ея и она допускаетъ прочтеніе показаній всѣхъ свидѣтелей, не явившихся вообще по законной причинѣ. Объясненіе это совершенно невѣрное; достаточно остановиться на сдѣланномъ въ ст. 626 перечисленіи основаній неявки для законности прочтенія, чтобы убѣдиться, что въ этой статьѣ приве-

дены только такія причины неявки, на устраненіе которыхъ надѣяться или вовсе нельзя (смерть, дряхлость) или можно, но не скоро (болѣзнь, дальняя отлучка).

Такимъ образомъ предположенное измѣненіе есть существенное отступленіе отъ началъ устности, а если вспомнимъ, что оглашеніе будетъ разрѣшаться единоличнымъ судьей, который будетъ, можетъ быть, съ довѣріемъ относиться къ полицейскому дознанію, то станетъ ясно, что началу устности, основному началу современнаго процесса, грозитъ существенная опасность.

Далѣе ст. 597—совершенно новая—разрѣшаетъ въ сущности оглашать содержаніе всякой бумаги (документы, письма, иныя бумаги), находящейся при дѣлѣ или представленной сторонами, если судъ признаетъ, что эта бумага относится къ предмету производимаго на судебномъ слѣдствіи изслѣдованія. Такая широта оглашенія, готовъ даже допустить полезная, но только при извѣстномъ условіи: если предсѣдатель чутко и осторожно отнесется къ дѣлу оглашенія и дастъ присяжнымъ подробное разъясненіе, какой степени довѣрія заслуживаютъ всѣ эти оглашаемыя случайныя бумажки. Не надо забывать, какъ ревниво судебные уставы 20 ноября 1864 года оберегали присяжныхъ засѣдателей отъ всяго недостовѣрнаго матеріала, и насколько такое отношеніе было правильно. Для того, чтобы нововведеніе, предположенное статьей 597 проекта, не имѣло бы вредныхъ послѣдствій, необходимо, чтобы предсѣдатель былъ вполнѣ на высотѣ своего высокаго и труднаго призванія; едва ли этого можно ожидать отъ всякаго уѣзднаго судьи.

Здѣсь нельзя еще не коснуться одного полномочія, которое окажется слишкомъ рискованнымъ въ рукахъ единоличнаго судьи — это право, предоставляемое новой статьей 612 суду, въ случаѣ неявки нѣкоторыхъ подсудимыхъ по одному и тому же дѣлу, раздѣлить предметы изслѣдованія и разсмотрѣть дѣло въ отношеніи наличныхъ подсудимыхъ. Въ настоящее время допускалось такое раздѣленіе властью суда только въ случаѣ нерозысканія одного изъ подсудимыхъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ по дѣламъ палатскимъ судъ долженъ былъ испрашивать рѣшеніе на раздѣленіе. Это вызывало нѣкоторое замедленіе въ процессѣ, это такъ, но зато обезпечивало правильность раздѣленія дѣла, ибо слишкомъ часто участь всего дѣла зависитъ отъ присутствія всѣхъ обвиняемыхъ, отъ возможности сопоставить объясненія подсудимыхъ, для выясненія роли каждаго въ дѣлѣ, безъ этого же можетъ остаться непонятной цѣль преступленія и показаться участіе того или другого лица недоказаннымъ или совершенно несущественнымъ. И вотъ теперь съ замѣной

коллегіальнаго суда единоличнымъ судьей, тѣ права, которыя по дѣйствующему уставу не рѣшались предоставить суду, предоставляются единоличному судьѣ. Опять-таки весьма опасный шагъ.

Отъ всѣхъ этихъ мѣръ крайне пострадаетъ судъ присяжныхъ, основательность, привильность, независимость его вердиктовъ, и вмѣстѣ съ ними пострадаетъ и правосудіе.

Отмѣна апелляціи.

Отмѣна апелляціи является одной изъ очень рѣшительныхъ и крайне неудачныхъ мѣръ проекта. Отмѣняется право апелляціи на приговоры окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей, постановленные въ обыкновенномъ составѣ коллегіи—tres fiunt collegium. Основаніемъ для такой мѣры въ объяснительной запискѣ къ проекту уст. угол. суд. (т. IV, стр. 21) выставляется то, что въ апелляціонной инстанціи не можетъ быть соблюдено начало устности, что апелляція ослабляетъ репрессію и замедляетъ разсмотрѣніе дѣла. Все это, можетъ быть, и вѣрно, но тѣмъ не менѣе признать приговоры окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей окончательными, также безусловно, неправильно, ибо, во-первыхъ, дѣла эти часто весьма сложны и по тѣсному сплетенію фактическихъ данныхъ, и весьма тонкихъ юридическихъ соображеній, часто представляются гораздо болѣе сложными, чѣмъ дѣла, подсудныя суду присяжныхъ; во-вторыхъ, такое лишеніе права апелляціи на приговоры суда, дѣйствующаго безъ участія присяжныхъ или сословныхъ представителей, есть ничѣмъ неоправдываемое исключеніе изъ общей системы и настоящаго и будущаго процесса, наконецъ, въ третьихъ, нельзя отрицать, что это лишеніе извѣстной гарантіи, способа защиты, ничѣмъ не восполняемое и не замѣняемое. Другое дѣло, если бы это лишеніе гарантіи было бы чѣмъ-либо замѣнено: или увеличеніемъ численнаго состава судей, какъ предлагалъ А. Ѳ. Кони, или присоединеніемъ общественнаго элемента, что было бы наиболѣе правильно, ибо почему это рядъ дѣлъ выхваченъ въ серединѣ между дѣлами мѣстной юстиціи и дѣлами, разсматриваемыми съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и лишенъ тѣхъ гарантій, которыя предоставлены и менѣе и болѣе важнымъ дѣламъ? Ссылки объяснительной записки на доводы нѣмецкой литературы по поводу законопроекта, внесеннаго въ 1894 г. и затѣмъ 96 г., о введеніи апелляціи едва ли правильны. Въ Германіи желали ввести апелляцію, отмѣнивъ особый усиленный (5 членовъ) составъ ландгерихтовъ, при разсмотрѣніи дѣлъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и нѣмецкіе юристы справедливо доказывали, что введеніе апелляціи не вознаградитъ за сокращеніе состава, а если надо улучшать нынѣшній по-

рядокъ, то надо придать общественный эмементъ. Это было бы несомнѣнно справедливо и у насъ.

Права и преимущества судебнаго персонала [1]).

Этотъ вопросъ останавливалъ на себѣ неоднократно вниманіе комиссіи, и проектъ вноситъ различныя измѣненія въ дѣйствующія положенія болѣе или менѣе существенныя, причемъ всѣ они направлены не къ возстановленію судебныхъ уставовъ 20 ноября, а къ дальнѣйшему развитію началъ, положенныхъ въ основу закона 20 мая 1885 г., хотя уже и этимъ закономъ значительно были стѣснены служебныя права судей.

Такъ, уже по закону 20 мая 1885 года (ст. 255 учр. суд. уст.) Министръ Юстиціи, который въ отношеніи судебныхъ установленій является генералъ-прокуроромъ, т. е. лицомъ прокурорскаго надзора, не только предлагаетъ предсѣдателю судебнаго установленія принять мѣры къ отвращенію замѣченныхъ безпорядковъ или неправильностей, и представить объясненія о причинахъ оныхъ, но когда признаетъ нужнымъ, то дѣлаетъ лицамъ, ихъ допустившимъ, соотвѣтственныя напоминанія и указанія, или привлекаетъ ихъ къ отвѣтственности.

Затѣмъ, на основаніи ст. 256 учр. суд. уст. (изд. 1892 г.), министръ юстиціи можетъ производить ревизію судебныхъ установленій лично или черезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ, мировыхъ установленій и городскихъ судей поручать членамъ судебныхъ палатъ. Независимо отъ сего, равно прежде назначенія ревизіи, Министръ Юстиціи, въ правѣ поручать обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ, мировыхъ судебныхъ установленій и городскихъ судей собственно съ цѣлью извлеченія изъ онаго необходимыхъ для Министерства свѣдѣній членамъ консультаціи... и др.

Замѣняющая въ проектѣ учрежденія судебныхъ установленій статью 256 статья 350 гласитъ, что министръ юстиціи можетъ возлагать обревизованіе окружныхъ судовъ на прокуроровъ судебныхъ палатъ.

---

[1]) Я не зачисляю въ число „новыхъ“ правъ судебнаго вѣдомства—составленіе списка кандидатовъ, имѣющихъ право, по мнѣнію судовъ, на имѣющіяся открыться должности; процедура эта совершенно лишняя, ибо, какъ видно изъ сопоставленія ст. 273 и 277 проекта учр. суд. уст., министръ юстиціи будетъ и впредь замѣщать должности по своему усмотрѣнію, нисколько не стѣсняясь упомянутыми списками.

По поводу этого измѣненія въ объяснительной запискѣ (т. IV стр. 81) сказано, что этимъ измѣненіемъ «устранено существовавшее различіе между ревизіею и обозрѣніемъ дѣлопроизводства, такъ какъ въ существѣ между ними никакой разницы нѣтъ и обѣ указанныя формы обревизованія преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли «судебнаго надзора». Едва ли кто-либо согласится съ такимъ категорическимъ утвержденіемъ объяснительной записки о несуществованіи различія между собираніемъ матеріаловъ для ревизіи и обревизованіемъ, точно различавшимися даже по закону 1892 года; наоборотъ, я думаю, всякій понимающій какое существенное и необходимое условіе для правильной постановки правосудія—независимость судебнаго персонала, пойметъ легко, что этой независимости будетъ нанесенъ жестокій ударъ, и судьи будутъ поставлены въ положеніе товарищей прокурора.

Но независимости судей приготовленъ проектомъ и другой ударъ. Статьи 27 и 52 проекта учр. суд. уст. содержатъ предположенія объ образованіи особыхъ дисциплинарныхъ присутствій въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ. Самая мысль образованія подобныхъ присутствій (но, разумѣется, непремѣнно не въ составѣ того суда, на который распространяется компетенція этого новаго дисциплинарнаго присутствія), въ смыслѣ выработки извѣстныхъ традицій и практики, можетъ быть, имѣетъ нѣчто за себя, но исполненіе является полнымъ нарушеніемъ судейскаго духа равенства въ правахъ и положенія между собою членовъ суда; дисциплинарныя присутствія образуются изъ предсѣдателей суда или палаты, предсѣдателей департаментовъ или отдѣленій и только въ томъ случаѣ, если составленное такимъ образомъ присутствіе не насчитываетъ 5 членовъ, то допускается въ составъ присутствія обыкновенный членъ коллегіи. Бѣдные судьи, гдѣ ихъ независимость, равенство между собою! Они будутъ поставлены въ положеніе homines inferiores даже по отношенію къ товарищамъ предсѣдателя того отдѣленія, въ составъ котораго они входятъ; коллегія, какъ нѣчто цѣлое и независимое, разрушена.

Не усиливаетъ, разумѣется, независимость судей и устанавливаемый ст. 306 проекта уч. суд. уст. порядокъ оставленія за штатомъ. Судебное вѣдомство, которое считаетъ такъ много должностей, можетъ совсѣмъ обойтись безъ правилъ объ оставленіи за штатомъ, ибо если при сокращеніи штатовъ въ одномъ судѣ соотвѣтственная новая должность въ другомъ судѣ и не открывается, то соотвѣтственная, не новая, всегда или уже свободна или освободится вскорѣ, поэтому вполнѣ правы три члена, гг. Желеховскій, Кони и Мясоѣдовъ, которые проектировали, «что судьѣ, оставленному за штатомъ, предоставляется равная должность при первомъ

открытіи таковой въ другомъ судебномъ мѣстѣ». Если этого правила не будетъ введено, то почтенный, много лѣтъ служившій судья можетъ быть совершенно произвольно лишенъ мѣста.

Нечего и говорить, разумѣется, о независимости вновь создаваемыхъ участковыхъ судей — это я пытался выяснить выше, говоря о мѣстной юстиціи.

Самая редакція нынѣшней ст. 243, при переходѣ ея въ будущую 299, подвергается рѣшительному измѣненію. Вмѣсто общаго положенія, что предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 228—230, 295 и 296 учр. суд. уст., ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія, въ новой статьѣ говорится, что указанныя должностныя лица могутъ быть увольняемы безъ прошенія, временно устраняемы и переводимы не иначе какъ въ случаяхъ и порядкѣ, предусмотрѣнномъ въ статьяхъ.

Изъ отдѣла о правахъ и преимуществахъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства статья эта перенесена въ отдѣленіе объ увольненіи и перемѣщеніи должностныхъ лицъ.

Есть въ ней и рядъ другихъ измѣненій по содержанію. Общее впечатлѣніе, которое получается отъ измѣненій этой статьи, такое, какъ будто бы желали затушевать самый принципъ независимости судей. Въ сущности такое же впечатлѣніе получается и отъ другихъ предположенныхъ въ проектѣ судебной реформы измѣненій. Какъ будто бы всѣ они говорятъ: 30 лѣтъ тому назадъ создатели судебныхъ уставовъ были слишкомъ смѣлы, а задача нашего времени сгладить, уменьшить значеніе тѣхъ основныхъ началъ, которыя прямо, твердо, открыто рѣшительно положены были составителями судебныхъ уставовъ въ основу, въ фундаментъ зданія. Но отъ такого уменьшенія значенія этихъ началъ не пошатнется ли все зданіе? Да и есть ли какой либо новый планъ постройки? Постройки безъ основныхъ началъ—это такъ называемыя «временныя правила» или «временные шалаши», иногда такіе шалаши долго стоятъ, но навѣрное, за все существованіе никому никакой пользы не принесутъ, а только вредъ и во всякомъ случаѣ не замѣнятъ каменнаго зданія на фундаментѣ. Но и для чего ломать или хотя бы потрясать зданіе — я полагаю, что и бѣглое обозрѣніе главнѣйшихъ предложеній и измѣненій убѣждаетъ вполнѣ, что они не приведутъ къ осуществленію даже намѣченныхъ въ началѣ дѣятельности комиссіи цѣлей. Эти цѣли въ настоящее время, при данныхъ условіяхъ, неосуществимы. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—Не коле-

*

бать того прочнаго великолѣпнаго зданія, которымъ мы въ правѣ гордиться передъ всѣми европейскими народами, которое за 30 лѣтъ совершенно прочно утвердилось на русской почвѣ, не давъ ни трещинъ, ни измѣненій, которое снискало любовь и глубокое уваженіе всѣхъ классовъ русскаго народа.

Къ вопросу объ обремененіи нашего судебнаго вѣдомства работою [1]).

Внимательное изученіе нашего современнаго судебнаго строя должно привести, какъ намъ кажется, каждаго безпристрастнаго изслѣдователя къ убѣжденію, что этотъ строй страдаетъ главнымъ образомъ не отъ какихъ либо такъ-сказать «органическихъ пороковъ», а скорѣе отъ «малокровія», недостатка силъ: слишкомъ мало работниковъ сравнительно съ количествомъ работы и условіями, при которыхъ она осуществляется. Снимите часть, излишекъ нестерпимой работы, и оставленная на рукахъ работа будетъ производиться отчетливѣе. тщательнѣе, сознательнѣе.

Извѣстный судебный дѣятель П. Н. Обнинскій [2]), говоря о наиболѣе изъ всѣхъ другихъ органовъ судебной власти подвергающейся нападкамъ власти слѣдственной и указывая, насколько слѣдователь заваленъ работой «до одури, до ожесточенія», до невозможности справиться съ возложенной работой, замѣчаетъ: «освободить слѣдователя изъ этой крѣпостной зависимости отъ своего деспота—труда—можно только путемъ дорогаго выкупа—путемъ сокращенія района слѣдственныхъ участковъ на половину, т. е. увеличеніемъ личнаго состава слѣдователей вдвое противъ существующаго. Тогда, кромѣ достиженія выше намѣченной цѣли, освободится много пребывающихъ теперь «подъ спудомъ» силъ, объявится много

[1]) Статья помѣщена была въ журн. Министерства Юстиціи 1896 г. (апрѣль) Слово „обремененіе“ вызвало сначала нарѣканія, а затѣмъ было принято статистическимъ отдѣленіемъ Мин. Юст. причемъ это обремененіе изображено графически Къ сожалѣнію, благодаря затруднительности положенія нашего государственнаго казначейства вопросъ объ обремененіи судебнаго вѣдомства работою сохраняетъ свое значеніе и теперь

[2]) Законъ и бытъ, М. 1891, стр. 68

косныхъ пока способностей и вернется дѣлу гдѣ-то витающая душа его».

Замѣчаніе г. Обнинскаго, несомнѣнно, глубоко вѣрно, и при томъ оно можетъ быть признано справедливымъ въ отношеніи всего судебнаго вѣдомства, а не одного слѣдственнаго института.

Надо ближе познакомиться со всякими дисциплинарными производствами противъ слѣдователей, чтобы понять, почему они кончаются ничѣмъ, работы столько, что ее буквально можно исполнить только какъ-нибудь и кое-какъ. Не можетъ слѣдователь направлять 20 дѣлъ въ мѣсяцъ; съ такимъ числомъ дѣлъ еще можетъ справиться товарищъ прокурора, ограничивающійся одной письменной работой, тогда какъ слѣдователю необходимо по каждому дѣлу допросить 10—15 свидѣтелей, т. е. потратить день, а то и два; если же принять во вниманіе, что для допроса этихъ свидѣтелей слѣдователю приходится употребить нѣсколько дней на разъѣзды и что въ мѣсяцѣ всего, къ сожалѣнію, 30 дней, то положеніе слѣдователя станетъ совершенно яснымъ. Не можетъ товарищъ прокурора направлять около 30 дѣлъ безъ «277» въ мѣсяцъ и разъѣзжать около 100 дней въ году:—это совершенно разстраиваетъ здоровье, и всякая любовь къ дѣлу, всякая иниціатива притупляются. Не можетъ членъ суда разъѣзжать до 180 дней въ году, при большой письменной работѣ въ промежуткахъ между разъѣздами (мы беремъ цифры изъ дѣятельности одного окраиннаго окружнаго суда).

Результаты такого положенія скажутся непремѣнно.

Еще въ 1881 году, въ статьѣ «Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ» г. И. С. [1]) высказывалъ, что «самый выдающійся признакъ времени въ дѣятельности новыхъ судовъ составляетъ обремененность не по силамъ всѣхъ судебныхъ дѣятелей и ея послѣдствія» [2]). Далѣе авторъ цитируетъ опредѣленіе одного окружнаго суда: «суду извѣстно, что чрезмѣрное накопленіе дѣлъ въ судахъ вызываетъ такое направленіе дѣятельности, которое можно назвать цифирнымъ и которое выражается въ возможно скорой постановкѣ возможно большаго количества судебныхъ приговоровъ и рѣшеній въ ущербъ интересамъ подсудимыхъ и тяжущихся, въ ущербъ всѣхъ другихъ функцій, возложенныхъ на суды, напримѣръ, управленія присяжными и частными повѣренными, въ ущербъ дальнѣйшему развитію здравой судебной практики и къ окончательному истощенію силъ судебныхъ дѣятелей, низведенныхъ до роли чисто машинальныхъ изготовителей того или другаго вида исполнительныхъ приказовъ о подсудимыхъ

---

[1]) Юридическій Вѣстникъ, 1881 г., апрѣль.

[2]) Стр. 733 и слѣд.

и тяжущихся». Затѣмъ авторъ отъ себя прибавляетъ: «оказалось, что самое цифирное усердіе не заслуживаетъ похвалы, потому что и слѣдователи, и прокуроры, и суды заняты преимущественно либо окончаніемъ дѣлъ о пожарахъ, трупахъ и самоуправствахъ, либо прекращеніемъ громаднаго числа дѣлъ о религіозныхъ и имущественныхъ преступленіяхъ, что прекращеніе слѣдствій, когда оно испрашивается, разрѣшается чуть не огуломъ».

Авторъ названной статьи съ особымъ вниманіемъ настаиваетъ на крайней неравномѣрности распредѣленія труда, при которой суды, разрѣшающіе одно и то же число дѣлъ, одни имѣютъ нѣсколько отдѣленій, другіе всего два; товарищи прокурора въ нѣкоторыхъ судахъ направляютъ около 200, въ другихъ болѣе 400 дѣлъ. Обремененіе судебныхъ дѣятелей отражается на характерѣ ихъ работы; изъ общаго числа возникшихъ въ 1877 году дѣлъ 20% было прекращено обвинительными камерами, 38% окружными судами и всего 23% было доведено до судебнаго разсмотрѣнія.

Черезъ десять лѣтъ послѣ появленія статьи г. И. С. въ томъ же «Юридическомъ Вѣстникѣ» появилась статья г. Е. Тарновскаго «Оправдательные приговоры въ Россіи» [1]), въ которой авторъ старается, между прочимъ, привести въ связь число оправдательныхъ приговоровъ, постановленныхъ въ извѣстныхъ мѣстности, со степенью обремененія работой въ этой мѣстности судебныхъ слѣдователей; точныхъ результатовъ, правда, автору не удалось получить, но данныя и соображенія, приводимыя имъ, ясно указываютъ, что обремененіе судебныхъ дѣятелей работой существуетъ въ той же мѣрѣ, какъ и въ 1881 году.

Съ цѣлью выяснить степень обремененности работой нашего судебнаго вѣдомства, въ сравненіи съ судебными вѣдомствами другихъ странъ, я обратился къ имѣющимся въ Петербургѣ статистическимъ изданіямъ въ этомъ родѣ: The Statesman's Vear-Book, edited by Keltie, Maurice Block—Annuaire, Statistica giudiziaria penale e civile, Annuario statistico, Compte gènèral de l'administration de la justice criminelle en France, Judicial Statistics, Oesterreichisches Statistisches Handbuch, Deutsche Justiz-Statistik bearb. im Reichs-Justizamt, Statistisches Jahrbuch f d. deutsche Reich.

Къ сожалѣнію, только въ статистическомъ отчетѣ германскаго Justizamt оказались всѣ необходимыя свѣдѣнія; главное, чего не достаетъ во всѣхъ почти изданіяхъ, за исключеніемъ германскаго, это — данныхъ о численномъ составѣ судовъ, прокуратуры, слѣдователей; относительно слѣ-

[1]) Юридическій Вѣстникъ, 1891 г , мартъ и апрѣль.

дователей нѣтъ даже свѣдѣній въ германскомъ изданіи и даже въ спеціальномъ Jahrbuch f. preussische Gerichtsverfassung; объясняется это тѣмъ, что слѣдовательскія обязанности въ Германіи исполняются членами ландгерихтовъ, которые назначаются къ исполненію этихъ обязанностей министерствомъ юстиціи каждаго отдѣльнаго государства, срокомъ всего на одинъ годъ.

При сравненіи данныхъ, заключающихся въ вышеприведенныхъ изданіяхъ, съ данными, содержащимися въ нашемъ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній министерства юстиціи за 1893 годъ, оказывается слѣдующее.

Если опредѣлить территорію, на которой дѣйствовали въ 1893 году судебныя учрежденія, образованныя на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, въ 3.129.537 кв. верстъ (не вошли такія губерніи, какъ Астраханская, Олонецкая, Оренбургская, Архангельская), то на всю эту территорію у насъ имѣлось всего 82 окружныхъ суда; въ Германіи же на территорію въ 540.483 квадратныхъ мили приходится 172 ландгерихта. Такимъ образомъ, одинъ русскій окружный судъ имѣетъ, въ среднемъ, районъ въ размѣрѣ 38.165 квадратныхъ верстъ, а каждый членъ нашего окружнаго суда приблизительно районъ въ 3.153$^{1}/_{2}$ кв. верстъ; между тѣмъ районъ германскаго ландгерихта—всего 3.142 кв. килом., а одного члена ландгерихта всего 223$^{1}/_{3}$ кв. килом. (считая предсѣдателя, товарищей предсѣдателя и членовъ окружнаго суда, въ 82 русскихъ окружныхъ судахъ всего 994 члена, а въ 172 германскихъ ландгерихтахъ—2.420 членовъ). Если затѣмъ принять во вниманіе численность населенія Россіи и Германіи, число дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, разрѣшенныхъ въ теченіе года ландгерихтами и русскими окружными судами, то окажется, что на одного члена ландгерихта приходится 174$^{1}/_{4}$ дѣлъ (если прибавить число произведенныхъ членами ландгерихтовъ слѣдствій къ общей цифрѣ дѣлъ ландгерихтовъ, то цифра эта будетъ 185$^{1}/_{2}$) и 21.311 человѣкъ населенія; между тѣмъ на одного члена русскаго окружнаго суда приходится 378 дѣлъ, и 93.215 человѣкъ населенія. Приведенныя выше данныя о районѣ территоріальномъ имѣютъ въ сущности громадное значеніе, ибо указываютъ, какое время должно быть потрачено судьями на разъѣзды.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о степени обремененности работой нашихъ судебныхъ слѣдователей, сравнительно съ членами нашихъ же окружныхъ судовъ, необходимо имѣть въ виду, что слѣдователей на указанной выше территоріи было въ 1893 г.—1.441 и, такимъ образомъ, на одного слѣдователя приходилось 2.171$^{2}/_{3}$ кв. верстъ; если затѣмъ остановиться на числѣ слѣдственныхъ дѣлъ, оконченныхъ въ 1893 г. (что не даетъ собственно всей картины слѣдственныхъ дѣйствій), то ока-

жется, что на одного слѣдователя въ среднемъ пришлось 128$^{1}/_{5}$ дѣла. Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой цифры, необходимо имѣть въ виду не только трудности допроса всякаго свидѣтеля впервые, въ сравненіи съ передопросомъ того же свидѣтеля на судѣ на основаніи записаннаго протокола, но также и необходимость составленія протокола свидѣтельскаго показанія и, наконецъ, главное—необходимость «добыванія» этихъ свидѣтелей путемъ разъѣздовъ и выжиданія въ волостныхъ правленіяхъ. Если окружный судъ легко и часто разрѣшаетъ 10 дѣлъ мъ сессіонный день, то слѣдователь съ трудомъ можетъ направить 20 дѣлъ въ мѣсяцъ; отсюда, само собою, понятно значеніе каждой единицы въ числѣ дѣлъ, направленныхъ слѣдователями, въ сравненіи съ такой же единицей въ цифрѣ дѣлъ, разрѣшенныхъ судомъ; нашъ судебный слѣдователь, несомнѣнно, значительно болѣе обремененъ работой, чѣмъ членъ окружнаго суда. Не слѣдуетъ также забывать крайнюю неравномѣрность слѣдственныхъ участковъ въ смыслѣ пространства, населенности, числа дѣлъ, трудности разъѣздовъ и т. д.

Нашей колоссальной цифрѣ слѣдственныхъ дѣлъ 184.734 соотвѣтствуетъ въ Германіи цифра оконченныхъ слѣдственныхъ дѣлъ 26.859; въ эту цифру впрочемъ, повидимому, не вошло число слѣдствій, произведенныхъ амтсрихтерами—6.101.

Сравнительную обремененность прокурорскаго надзора установить трудно, такъ какъ въ русской статистикѣ не содержится данныхъ о числѣ дознаній, непосредственно поступившихъ въ прокурорскій надзоръ въ порядкѣ ст. 253 уст. угол. суд., а между тѣмъ дознанія даютъ много работы и, точно также какъ и въ Германіи, или прекращаются прокурорскимъ надзоромъ, или предлагаются слѣдователямъ для производства слѣдствія, или же возвращаются полиціи для направленія въ мировыя судебныя и другія учрежденія. Съ другой стороны, въ нашей статистикѣ имѣются данныя о числѣ засѣданій судовъ, съѣздовъ и т. д., въ которыхъ присутствовали чины прокурорскаго надзора, о числѣ дней разъѣздовъ, — данныя, которыхъ нѣтъ въ нѣмецкой статистикѣ. Общее число лицъ прокурорскаго надзора въ Россіи, считая и прокурорскій надзоръ палатъ и сената (кассаціонныхъ его департаментовъ)—699, а въ Германіи—613.

Территорія Франціи опредѣляется въ 204.092 кв. англ. миль, т. е. приблизительно въ 307.770 кв. верстъ; населеніе составляетъ 38.218.903 человѣка.

На этой территоріи распредѣлено 375 судовъ первой инстанціи, въ составъ которыхъ входитъ 2.316 членовъ [1]), считая предсѣдателей и до-

[1]) Loi du 30 Août 1883 (Journal officiel 31 Août 1883).

бавочныхъ. Компетенція этихъ судовъ не совсѣмъ тождественна съ компетенціей нашихъ окружныхъ судовъ, такъ какъ не они, собственно, разсматриваютъ дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а палаты; но такъ какъ судъ присяжныхъ засѣдаетъ во всѣхъ 86 департаментахъ, а палаты имѣются всего въ 27 округахъ, то въ остальныхъ 59 присутствіе короннаго суда въ дѣлахъ съ присяжными засѣдателями составляется изъ члена палаты и двухъ предсѣдателей или членовъ суда первой инстанціи. Если принять затѣмъ во вниманіе, что во всей Франціи въ 1891 годѣ было разрѣшено всего 2.932 дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, что благодаря коррекціонализаціи, составляющей выдающуюся черту «судебной политики» въ современной Франціи, громадное большинство преступленій подлежитъ вѣдѣнію суда первой инстанціи, что всѣ гражданскія дѣла, превышающія компетенцію мировыхъ судей, разрѣшаются судами первой инстанціи, то едва ли возможно будетъ признать особую разницу въ компетенціи между французскими судами первой инстанціи и русскими окружными судами.

Зато разница въ степени обремененія работой—громадная; въ Россіи на одинъ судъ приходится всего 38.165 кв. верстъ, во Франціи—820; въ Россіи на окружный судъ приходится 1.129.951 чел., во Франціи 101.917 и, слѣдовательно, на одного члена окружнаго суда—93.215 чел., а во Франціи на одного члена суда первой инстанціи—всего 16.502.

Число дѣлъ, разрѣшенныхъ во Франціи въ 1889 г. судами первой инстанціи, уголовныхъ 190.809, гражданскихъ 196.361. Слѣдственныхъ дѣлъ было всего 38.426. Функціи слѣдователей исполняютъ члены суда первой инстанціи—на каждый судъ по одному, въ Парижѣ 20, въ нѣкоторыхъ судахъ, особенно обремененныхъ, нѣсколько; члены, исполняющіе обязанности слѣдователей, исполняютъ и другія судейскія обязанности (по гражданскимъ дѣламъ), и, слѣдовательно, степень обремененія собственно слѣдственной власти опредѣлить нельзя и надо число слѣдствій присчитать къ общему числу разрѣшенныхъ судомъ первой инстанціи дѣлъ; всего составится сумма 425.596.

Такимъ образомъ, на одного члена суда первой инстанціи приходится $183^2/_3$ дѣла, а въ Россіи, какъ мы видѣли выше, на одного члена окружнаго суда приходится 378 дѣлъ (безъ слѣдственныхъ).

Сравнительную степень обремененности работой прокурорскаго надзора опредѣлить трудно. Прокурорскій надзоръ французскій получилъ въ 1889 г. 38.078 жалобъ и 421.510 протоколовъ; изъ нихъ по принадлежности передано въ другія учрежденія 148.838, въ томъ числѣ слѣдствій возбуждено 38,426, слѣдовательно, какъ можно предполагать, остальныя были прекращены; число лицъ прокурорскаго надзора, состоящаго при

судахъ первой инстанціи,—671,—превышаетъ цифру 623 лицъ прокурорскаго надзора при нашихъ окружныхъ судахъ.

Территорія Италіи составляетъ—114.410 кв. англ. миль, т. е. приблизительно 172.530 кв. верстъ, при населеніи въ 30.724.897 челов. На этой территоріи имѣется 161 судъ [1]) первой инстанціи; суды эти, по своей компетенціи, совершенно соотвѣтствуютъ такимъ же судамъ французскимъ. Районъ суда первой инстанціи въ Италіи 1.071 кв. верста съ населеніемъ въ 190.837 чел. Членовъ въ этихъ судахъ—1.459, считая предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и добавочныхъ, т. е. на одного члена приходится 118 кв. верстъ и 21.059 чел. Дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 2.897; составъ короннаго суда такой же, какъ во Франціи: одинъ членъ палаты и два члена суда первой инстанціи.

Собственно судами первой инстанціи рѣшено 62.737 уголовныхъ дѣлъ и 17.763 гражданскихъ дѣлъ. Слѣдственная власть вручена, какъ и во Франціи, одному изъ членовъ суда первой инстанціи въ каждомъ округѣ (онъ прочемъ можетъ возлагать отдѣльныя дѣйствія на преторовъ).

Не считая слѣдственныхъ дѣлъ (цифра возбуждаетъ, по моему мнѣнію, сомнѣнія), на одного судью приходится 55 1/6 дѣлъ въ годъ.

Число лицъ прокурорскаго надзора при судахъ первой инстанціи, по примѣрному разсчету—360; число жалобъ, протоколовъ, дознаній и слѣдствій, прошедшихъ черезъ руки прокурорскаго надзора—306.201.

Представить сколько нибудь точныя свѣдѣнія о степени обремененности работой англійскаго судебнаго персонала совершенно невозможно: такъ своеобразны и распредѣленіе компетенціи, и самые уголовные законы, не соединенные въ одинъ уголовный кодексъ.

Сессіи съ присяжными засѣдателями ведутъ члены отдѣленія королевской скамьи высшаго суда въ числѣ 14, которые получаютъ каждый по 125 тысячъ франковъ жалованья въ годъ и объѣзжаютъ (каждый отдѣльно) тѣ 56 городовъ Англіи, въ которыхъ засѣдаютъ суды присяжныхъ (присяжные призываются и въ съѣзды мировыхъ судей; здѣсь мы говоримъ о судѣ присяжныхъ, разрѣшающемъ приблизительно тѣ же дѣла, что и нашъ судъ присяжныхъ). Судьи выѣзжаютъ 4 раза въ годъ, причемъ два раза—лѣтомъ и зимой—объѣзжаютъ всѣ 56 городовъ, весной 24 и осенью 23; разъѣзды занимаютъ, въ общемъ, около 5 мѣсяцевъ въ

---

[1]) Приводимыя цифры о численномъ составѣ судовъ заимствованы изъ частнаго письма одного итальянскаго юриста; письмо намъ было любезно сообщено С. В. Завадскимъ. Число судовъ у Demombynes, Constitutions Européennes. показано 162.

годъ [1]) Территорія Англіи, какъ извѣстно, составляетъ 120.979 кв. англ. миль, или иначе приблизительно 182.478 кв. верстъ, и, слѣдовательно, на одинъ округъ суда присяжныхъ приходится 3.258 кв. верстъ. Населеніе Англіи составляетъ 38.104.975 чел., и, слѣдовательно, на округъ приходится въ среднемъ—680.446 чел.

Въ 1885 году судилось судомъ присяжнымъ 3.378 человѣкъ; въ тотъ же годъ четвертными съѣздами 4.624 чел.

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности, на основаніи бывшихъ у меня подъ руками данныхъ, представить выводы о сравнительной обремененности работой другихъ органовъ судебнаго вѣдомства.

Устранить чрезмѣрное обремененіе работой нашихъ членовъ окружныхъ судовъ, прокуратуры, слѣдователей, несомнѣнно не только желательно, но безусловно необходимо.

Эта цѣль можетъ быть достигнута, до извѣстной степени, путемъ нѣкотораго упрощенія порядковъ судопроизводственныхъ; такъ, напримѣръ, слѣдственная власть была бы значительно облегчена, если бы всѣ тѣ дознанія, хотя бы только о кражахъ, подвѣдомственныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, по которымъ обвиняемые не обнаружены, направлялись полиціей не къ слѣдователямъ, а къ товарищамъ прокурора, а послѣдніе имѣли бы право, примѣнительно къ нынѣшней статьѣ 253 уст. угол. суд., прекращать такія дознанія собственной властью; разумѣется, при этомъ необходимъ былъ бы коррективъ, существующій въ австрійскомъ процессѣ и состоящій въ томъ, что потерпѣвшій отъ преступленія, въ случаѣ прекращенія дознанія прокурорскимъ надзоромъ, имѣетъ право самъ, съ разрѣшенія суда, выступить обвинителемъ и требовать производства слѣдствія. Такое измѣненіе направленія дѣлъ по которымъ не обнаружены виновные, облегчая слѣдственную власть, въ то же время однако въ значительной степени обременило бы и безъ того обремененный работою прокурорскій надзоръ, которому пришлось бы вѣроятно часто требовать дополненія дознаній органами полиціи и возвращаться къ изученію одного и того же дознанія по нѣсколько разъ.

Точно также нѣкоторая «коррекціонализація», переносъ извѣстной части дѣлъ изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ въ вѣдѣніе мировыхъ или участковыхъ судей облегчитъ первые, но обременитъ послѣднихъ, а между тѣмъ мировые судьи и нынѣ обременены работой въ такой степени, что увеличивать ихъ работу немыслимо, а наоборотъ безусловно необходимо

---

[2]) Comte de Franqueville, Le système judiciaire de la Grande Bretagne 1, p. 203. The Statesman's Year-Book 1895. Judicial Statistics 1885.

снять часть этой работы; русскій мировой судья разрѣшаетъ въ среднемъ болѣе 2.000 дѣлъ въ годъ, тогда какъ итальянскій преторъ, имѣющій совершенно почти тождественную съ нашимъ мировымъ судьей компетенцію, всего 455 дѣлъ (уголовныхъ и гражданскихъ вмѣстѣ).

Такимъ образомъ, всякія упрощенія процесса и измѣненія компетенціи отдѣльныхъ органовъ судебной власти въ конечномъ результатѣ все-таки ничуть не устранятъ необходимости увеличенія числа этихъ органовъ и притомъ весьма значительнаго.

Достаточно, казалось бы, одного примѣра. Въ маленькой Италіи, территорія которой, какъ мы видѣли видѣли выше, равняется всего 172.530 кв. верстамъ, а населеніе 30.724.897 чел., имѣется 1.489 преторовъ; для того чтобы мировую юстицію поставить хотя приблизительно въ соотвѣтствіе съ положеніемъ этой юстиціи въ Италіи, пришлось бы только на томъ пространствѣ, на которомъ въ 1893 г. дѣйствовали судебныя учрежденія, образованныя на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г, и занимающемъ, какъ мы видѣли выше, 3.129.537 кв. версты при населеніи въ 92.655.979 чел., учредить, по крайней мѣрѣ, 5.000 должностей мировыхъ (участковыхъ) судей.

Проектъ реформы уголовнаго процесса въ Германіи [1]).

Проектъ явился предметомъ дѣятельнаго обсужденія со стороны германскихъ юристовъ, въ особенности практиковъ. Ими высказано немало замѣчаній заслуживающихъ полнаго вниманія. Съ важнѣйшими изъ нихъ знакомитъ нижеслѣдующій очеркъ [2]).

---

[1]) Статья помѣщена въ Журн. Мин. Юстиціи 1896 г. іюнь. Проектъ былъ отклоненъ германскимъ рейхстагомъ, но соображенія германскихъ юристовъ сохраняютъ все свое значеніе, ибо тѣ же предположенія, какія сдѣланы были въ германскомъ проектѣ отъ времени до времени дѣлаются и въ другихъ странахъ и надлежащая оцѣнка ихъ, содѣйствуетъ весьма выясненію общихъ вопросовъ уголовнаго процесса.

[2]) При составленіи его имѣлись въ виду слѣдующія брошюры:

K. Binding (Professor der Rechte und Mitglied d Landgerichts z. Leipzig). Der Entwurf eines Gesetzes betreff. Aenderungen u. Ergänzungen d. Gerichtsverfassungsgesetzes u. d. Strafprocesses.

A. Cordes (Richter in Bremen). Die Reform der Schwurgerichte 1896.

Dr. W. Steniglen (Reichsgerichtsrath). Wider die Berufung. 1894.

Max Oehler Schwurgerichte u. Schöffengerichte. 1896.

Dr. Ernst Mamroth (Rechtsanwalt am Landgericht Breslau). Die Gefahren der neuen Novelle z. Gerichtsverfassungsgesetz u. z. Strafprocessordnung 1894.

Dr. Ernest Auerbach (Rechtsanwalt in Frankfurt am. M.). Zur Reform unseres Strafverfahrens. Berlin. 1894·

M. K. Samter (Amtsrichter in Brandenburg). Aus schöffengerichtlicher Praxis. Ein Beitrag zur Berufung u. zur Organisation unserer Strafgerichte. Berlin. 1894

Eugen Schiffer. Der neuste Entwurf zur Reform des Strafverfahrens. 1896.

Dr Paul Kohne. (Amtsrichter). Der deutsche Srafprocess u. seine Reform. 1895.

Наиболѣе яркая общая характеристика всего законопроекта дана членомъ ландгерихта въ Лейпцигѣ, знаменитымъ германскимъ юристомъ проф. Биндингомъ. „Печально думать, говоритъ онъ, что періодъ подъема духовныхъ силъ народа прошелъ, но еще печальнѣе присутствовать при картинѣ разрушенія созданнаго и притомъ въ области правосудія. Если въ одной части проекта содержатся предположенія о вознагражденіи невинно-осужденныхъ, то другая, большая, отличается суровостью и пренебреженіемъ къ интересамъ обвиняемаго. Мнѣ извѣстны,—продолжаетъ Биндингъ,—нѣкорые недостатки современнаго нашего судебнаго строя, но мнѣ кажется, что вообще у насъ слишкомъ еще мало развита система небольшихъ законодательныхъ улучшеній, наши преобразованія превращаются въ цѣлыя революціи, какъ только они успѣли возбудить къ себѣ интересъ,—а это очень вредно; гораздо болѣе существенныя улучшенія были бы достигнуты при помощи сѣти незначительныхъ измѣненій, не врѣзывающихся глубоко въ систему всего судебнаго строя, а наоборотъ, тѣсно согласованныхъ съ основными принципами этого строя“ (стр. 3).

Въ Германіи, говоритъ Биндингъ, распространена увѣренность въ цѣлительную силу законовъ, стоитъ только измѣнить законы—и все станетъ хорошо, а между тѣмъ новые законы ничего не помогутъ, надо улучшить составъ судебнаго вѣдомства, сдѣлать строже экзамены, облегчить работу чиновъ судебнаго вѣдомства.

Цѣли реформы Кёне опредѣляетъ такъ (стр. 10): ускореніе процесса, усиленіе государственной репрессивной власти и защита невинно-заподозрѣнныхъ; Биндингъ указываетъ еще на цѣли удешевленія, уменьшенія расходовъ государства на правосудіе.

Всѣ авторы болѣе или менѣе согласно указываютъ, что главной причиной реформы является непопулярность уголовныхъ отдѣленій ландгерих-

---

Dr. P. F. Aschrott (Landrichter in Berlin). Die reform des Strafverferens und der z. Z vorliegende Gesetzesntwurf. 1895.

Dr. V. Slupeski (Landrichter). Die Reform des Strafprocesses, 1896.

Dr. Ernst Beling (Gerichtsassesor u. Privatdocent zu Breslau) Die Wiedereinführung der Berufung in Strafsachen. 1894.

Carl Kade (Landrichter). Die Berufung in Strafkammern. 1893.

Dr. G. Goldenring (Landgerischtrath in Strassburg). Bemerkungen z. dem Entwurf eines Gesetzes betrefend Aenderung u. Ergänzung des Gerichtsverfassungsgesetzes. 1894.

O. Clodius (Staatsanwalt in Altona). Gegen die Berufung in Strafsachen. 1894.

G. Schoenemann (Rechtsanwalt in Gera). Betrachtungen uber die Novelle z. Gerichtsverfassungsgesetz u. Strafprocessordnung. 1894.

товъ, такъ называемыхъ Strafkammern, разрѣшающихъ уголовныя дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей, вызвавшихъ въ народѣ убѣжденіе, что они осуждаютъ невинныхъ; отсюда мысль о введеніи апелляціи на приговоры этихъ отдѣленій по уголовнымъ дѣламъ съ отмѣной, однако, тѣхъ гарантій интересовъ подсудимыхъ, которыя были введены въ нѣмецкій процессъ въ 1877 г., именно въ виду отмѣны существовавшей до 1877 г. апелляціи. Такими гарантіями являются: такъ называемое Zwischenverfahren, предусмотрѣнное ст. 199 нынѣшняго германскаго уст. угол. суд. и состоящее въ томъ, что по врученіи обвинительнаго акта и до назначенія дѣла къ слушанію, обвиняемый имѣлъ право представить возраженія по вопросу о назначеніи дѣла къ слушанію и просить о производствѣ или отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій или, если обвинительный актъ составленъ на основаніи данныхъ дознанія, о производствѣ цѣлаго слѣдствія; второй гарантіей является правило, изложенное въ ст. 244 того же устава и обязывающее судъ допросить всѣхъ свидѣтелей обвиняемаго и разсмотрѣть всѣ представленныя имъ доказательства.

Вмѣстѣ съ введеніемъ апелляціи проектъ предполагаетъ измѣнить компетенцію судовъ: часть дѣлъ, подсудныхъ нынѣ суду съ присяжными засѣдателями передать въ уголовныя отдѣленія ландгерихтовъ; часть дѣлъ, подсудныхъ нынѣ этимъ отдѣленіямъ, передать амтсрихтерамъ, засѣдающимъ съ участіемъ шеффеновъ. Наконецъ, проектъ предполагаетъ сократить число членовъ отдѣленій ландгерихтовъ: нынѣ присутствіе отдѣленія по уголовнымъ дѣламъ составляютъ 5 членовъ, а въ будущемъ такое присутствіе будетъ составляться изъ 3 членовъ.

Вышеуказанныя предположенія законопроекта остановили на себѣ, главнымъ образомъ, вниманіе лишь, писавшихъ о законопроектѣ, и подверглись наиболѣе строгой критикѣ; ее мы и передадимъ ниже. Что касается до остальныхъ частей законопроекта, то всѣ авторы названныхъ брошюръ отнеслись сочувственно къ положеніямъ о вознагражденіи невинно-осужденныхъ, предлагая лишь расширить ихъ примѣненіе и на лицъ, оправданныхъ первымъ приговоромъ (Биндингъ); точно также сочувственно отнеслись къ предположеніямъ о сокращенномъ производствѣ по обвиненію лицъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, высказывались лишь сомнѣнія на счетъ того, въ какой мѣрѣ на практикѣ получатъ примѣненіе эти предположенія, такъ какъ по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ, они не будутъ примѣняться. Относительно измѣненій порядка приведенія къ присягѣ всѣ авторы, почти единогласно, высказались въ томъ смыслѣ, что эти измѣненія никакой пользы не принесутъ. Одинъ изъ писавшихъ, ландрихтеръ Слупецкій, указалъ, что на практикѣ иногда прибѣгали къ этому

пріему, приводили къ присягѣ послѣ подачи показанія; хотя такой пріемъ не разрѣшенъ закономъ, но примѣненіе его не можетъ служить поводомъ кассаціи; однако, благопріятныхъ результатовъ этотъ пріемъ не далъ; также сильно говорили неправду, какъ и всегда; по словамъ Слупецкаго, число лжесвидѣтельствъ ужасающее, и поэтому, въ интересахъ огражденія достоинства религіи и церкви, многіе желали бы совершенной отмѣны приведенія свидѣтелей къ присягѣ.

Двое авторовъ, Биндингъ и Ауербахъ, остановились на предположеніяхъ законопроекта, предоставляющихъ министерству юстиціи право, принадлежавшее до сихъ поръ суду, распредѣлять въ началѣ года членовъ суда по отдѣленіямъ; мистерство, по мнѣнію Ауербаха. будетъ дѣлать такое распредѣленіе безъ достаточныхъ свѣдѣній и основаній, по мнѣнію Биндинга, уставъ 1877 года правильно поставилъ рядомъ съ несмѣняемостью судей и запрещеніемъ перемѣщать ихъ безъ ихъ согласія и право ихъ самимъ опредѣлять личный составъ отдѣленій суда.

Наконецъ, большинство авторовъ (за исключеніемъ Биндинга) высказались въ принципѣ за разборъ дѣла въ извѣстныхъ случаяхъ въ отсутствіе обвиняемаго.

Громадное большинство всѣхъ писавшихъ о новомъ законопроектѣ, высказалось и противъ апелляціи, какъ извѣстнаго процессуальнаго порядка, который можетъ дать благопріятные результаты только развѣ при особенныхъ, почти неосуществимыхъ, условіяхъ.

Главное принципіальное возраженіе противъ апелляціи то, что она, по самому существу своему, идетъ въ разрѣзъ съ однимъ изъ основныхъ, если не самымъ важнымъ, положеніемъ современнаго процесса, безспорность котораго установлена твердо—началомъ устности. Поклонники апелляціи, говоритъ Биндингъ, составляются изъ лицъ, не усвоившихъ себѣ значенія устности, изъ лицъ, видящихъ въ переходѣ дѣла изъ суда въ судъ панацею отъ всѣхъ золъ; чтобы апелляція принесла пользу, „необходимо было бы, чтобы въ апелляціонной инстанціи происходила совершенно новая оцѣнка доказательствъ, чтобы воспоминанія свидѣтелей о томъ, что они видѣли, не особенно сильно изглаживались въ промежуткъ времени между разборомъ дѣла въ первой инстанціи и разборомъ во второй, чтобы общая сумма доказательствъ, на которой будетъ основанъ приговоръ второй инстанціи, была больше суммы доказательствъ, имѣвшихся въ виду первой инстанціей“. Необходимо, говоритъ Мамротъ, чтобы вторая инстанція подвергала обсужденію весь имѣющійся по дѣлу матеріалъ вновь, забывая приговоръ первой инстанціи и исходя изъ мысли, что передъ ней находится невиновный. По типическоому выраженію Штенглейна, во второй инстанціи являются уже

präparierte Zeugen, „приготовленные свидѣтели:“ до своего показанія въ первой инстанціи они не слышали еще показаній другихъ свидѣтелей; послѣ засѣданія въ первой инстанціи они уже невольно, при полной добросовѣстности, смѣшиваютъ свои личныя воспоминія съ разсказами другихъ свидѣтелей о тѣхъ же событіяхъ. Но имѣется опасность гораздо большая. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ явка во вторую инстанцію ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на свидѣтелей, не заинтересованныхъ нисколько въ дѣлѣ (трата времени, средствъ, совершенно непосильная для свидѣтелей, большинство которыхъ люди недостаточные); въ виду этого большею частью во вторую инстанцію являются свидѣтели лишь заинтересованные, а при такихъ условіяхъ, по выраженію Штенглейна, вторая инстанція слушаетъ показанія свидѣтелей „отрывочно“, и полной картины дѣла передъ собой не имѣетъ.

Къ тому же никакое государство не согласится производить двойные расходы по одному и тому же дѣлу, а между тѣмъ въ виду того, что апелляція есть жалоба не только къ «другому» судьѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ «высшему», слѣдовательно, и болѣе отдаленному,—расходы на разсмотрѣніе дѣла во второй инстанціи въ томъ же объемѣ, какъ и въ первой, должны влечь за собой расходы гораздо болѣе крупные.

Понятно поэтому, что изъ финансовыхъ соображеній приходится отказаться отъ провѣрки всѣхъ доказательствъ, бывшихъ въ виду первой инстанціи, и разумѣется главнымъ образомъ отъ передопроса большинства свидѣтелей, и положить въ основу приговора второй инстанціи письменныя доказательства, протоколы свидѣтельскихъ показаній, а между тѣмъ, по выраженію Бюлова [1]), одного изъ писавшихъ о законопректѣ, «содержаніе большинства подобныхъ протоколовъ—не что иное, какъ каррикатура, невѣрное изображеніе дѣйствительныхъ результатовъ устнаго допроса». Отсюда понятенъ и общій выводъ Бюлова, что «апелляція—это переносъ дѣла отъ хорошо освѣдомленнаго судьи къ плохо освѣдомленному».

Защитниковъ такой «ограниченной» апелляціи въ нѣмецкой литературѣ, по крайней мѣрѣ изъ числа тѣхъ, произведенія которыхъ были у насъ въ виду, очень мало. Наиболѣе краснорѣчивымъ является Замтеръ. По мнѣнію его (стр. 25), требованіе введенія вновь въ Германіи неограниченной апелляціи на приговоры уголовныхъ отдѣленій ландгерихтовъ представляется неосновательнымъ какъ съ точки зрѣнія исторіи, такъ и

[1]) Die Reform unserer Strafrechtspflege, Berlin, 1893; къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками брошюры Бюлова и цитируемъ ее по выдержкамъ, приводимымъ Мамротомъ.

съ точки зрѣнія принциповъ права. Замтеръ утверждаетъ, что апелляторъ, если не приводитъ кассаціонныхъ поводовъ къ отмѣнѣ приговора первой инстанціи и не проситъ о смягченіи наказанія, то указываетъ на неправильную оцѣнку нѣкоторыхъ, извѣстной части обстоятельствъ и фактовъ; и вотъ, для окончательнаго выясненія этихъ обстоятельствъ палата, состоящая изъ судей болѣе опытныхъ, безусловно годится; передопросъ свидѣтелей, касающихся въ своихъ показаніяхъ этихъ обжалованныхъ пунктовъ, палата можетъ поручать судьѣ на мѣстѣ. Протоколъ засѣданія можетъ вести самъ предсѣдатель суда, отмѣчая на протоколахъ допросовъ на слѣдствіи, въ чемъ свидѣтели измѣнили свои показанія. Эти выводы основаны авторомъ вѣроятно на наблюденіяхъ по должности амтсрихтера, которую онъ занимаетъ; авторъ не приводитъ однако соображеній въ пользу того, что жалобы на приговоры уголовныхъ отдѣленій, вѣдѣнію которыхъ будутъ подлежать самыя серьезныя преступленія, будутъ отличаться тѣмъ же характеромъ, какъ и жалобы на шеффенгерихты, бывшія въ виду автора; на основаніи тѣхъ же личныхъ наблюденій авторъ указываетъ, что въ апелляціонную инстанцію (которую, по нынѣ дѣйствующему уставу, для шеффенгерихтовъ составляютъ уголовныя отдѣленія ландгерихтовъ) являются самые недостовѣрные, наиболѣе заинтересованные свидѣтели.

Другой защитникъ ограниченной апелляціи, ландрихтеръ Слупецкій, желалъ бы свести апелляцію къ «ревизіи», т. е. къ кассаціонному обжалованію, для того, чтобы протоколы не были каррикатурными, по выраженію Бюлова, изображеніями дѣйствительности, необходимо, по мнѣнію Слупецкаго, чтобы одинъ изъ секретарей ландгерихта записывалъ показанія свидѣтелей стенографически и чтобы затѣмъ, въ случаѣ подачи апелляціи, стенографическая запись передавалась общимъ письмомъ, при такихъ условіяхъ вызовъ свидѣтелей будетъ излишенъ.

Лавдрихтеръ Каде утверждаетъ, что народъ желаетъ вовсе не «высшаго» судью, а «втораго» судью, что поэтому апелляція должна подлежать разсмотрѣнію не оберъ-ландгерихтовъ, а отдѣленію того же ландгерихта, не разсматривавшаго дѣла въ первый разъ; при такихъ условіяхъ всѣ возраженія противъ апелляціи, соображенія о расходахъ и т. д. отпадутъ. Взглядъ автора на желательность только второго, а не «высшаго» судьи не раздѣляется однако другими, писавшими по тому же вопросу.

Совершенно особнякомъ стоитъ Белингъ, ассесоръ ландгерихта въ Бреславлѣ, который между прочимъ заявляетъ, что какъ-бы хороши судьи первой инстанціи ни были, они все же люди, могутъ ошибаться, и безъ апелляціи обойтись нельзя; что устность—важное условіе правильнаго

правосудія, но она имѣетъ и крупные недостатки: приговоры, постановленные вслѣдъ за выслушаніемъ свидѣтелей, подъ вліяніемъ только что вынесенныхъ впечатлѣній, бываютъ неосмотрительны; во второй инстанціи, которая будетъ разсматривать дѣло на основаніи письменнаго матеріала, приговоръ явится результатомъ болѣе спокойнаго обсужденія.

Если отъ этихъ принципіальныхъ соображеній перейти къ изложенію взглядовъ нѣмецкихъ авторовъ на предлагаемыя законопроектомъ условія введенія апелляціи, то окажется, что защитниковъ этой формы апелляціи нѣтъ совсѣмъ. Всѣ говорятъ почти то же самое, что и Биндингъ, хотя и не такъ рѣзко, какъ послѣдній, заявившій, что «апелляціонное производство по проекту въ дѣйствительности не что иное, какъ отвратительная каррикатура». Главнѣйшія возраженія противъ постановки апелляціи по законопроекту выражены Биндингомъ слѣдующимъ образомъ.

Апелляціонными инстанціями избраны оберъ-ландгерихты съ ихъ огромными округами, на каждый изъ которыхъ приходится въ среднемъ 357 квадратныхъ миль; это повлечетъ за собой колоссальные расходы, какъ со стороны государства, такъ и со стороны частныхъ лицъ, безконечныя неявки свидѣтелей и др. Заочность приговоровъ, вводимая законопроектомъ, силою вещей при такихъ условіяхъ станетъ общимъ правиломъ. Тотъ матеріалъ, на основаніи котораго будутъ разрѣшаться дѣла, представляется крайне ненадежнымъ: законопроектъ предписываетъ включать въ протоколы засѣданій суда первой инстанціи только «важнѣйшіе результаты показаній»; о «важности результатовъ» будутъ судить записывающіе показанія молодые кандидаты, а можетъ быть и писцы.

Но этого мало: съ введеніемъ такого неудовлетворительнаго порядка апелляціи связывается отмѣна разсмотрѣнія заявленій обвиняемаго до открытія судебнаго засѣданія (Zwischenverfahren), а это представляется надежнѣйшей гарантіей того, что не будутъ посажены на скамью подсудимыхъ люди невиновные; такимъ путемъ отнимается у обвиняемаго право потребовать производства слѣдствія по дѣламъ, по которымъ прокуроръ нашелъ возможнымъ составить обвинительный актъ на основаніи данныхъ дознанія; прокуроръ не находитъ нужнымъ производить слѣдствіе, зачѣмъ же спрашивать подсудимаго? Онъ «объектъ».

Отмѣной § 244 уст. угол. суд. предоставляется суду право допрашивать кого угодно, только тѣхъ свидѣтелей, которыхъ онъ признаетъ нужнымъ допросить; такимъ путемъ устность можетъ быть изгнана изъ судовъ.

Наконецъ, ст. 358 въ новой редакціи требуетъ, чтобы апелляторъ не только изъявилъ неудовольствіе, но еще указалъ точно, на что именно онъ жалуется, на разрѣшеніе ли вопроса о виновности или на какую-либо

другую часть приговора; введеніе въ законъ этого правила представитъ крайнее отягощеніе для апеллятора, часто мало развитаго и образованнаго.

Наконецъ, Биндингъ указываетъ, какъ на совершенно невѣрную мѣру, объясняемую только финансовыми соображеніями — на сокращеніе числа членовъ, составляющихъ присутствіе Strafkammer безъ присяжныхъ, съ 5 на 3. Мѣра эта вызоветъ ухудшеніе положенія, д е г р а д а ц і ю, какъ говоритъ Биндингъ, уголовныхъ отдѣленій ландгерихтовъ, въ особенности въ виду чрезвычайнаго усиленія компетенціи этихъ отдѣленій новымъ закономъ (объ этомъ ниже). На основаніи личнаго, многолѣтняго опыта въ качествѣ члена ландгерихта, Биндингъ удостовѣряетъ, какое важное значеніе имѣетъ для правильнаго разрѣшенія дѣла присутствіе 5, а не 3 членовъ: при наличности всего 3 членовъ значеніе одного голоса пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе, случайность приговоровъ будетъ постояннымъ явленіемъ и интересы обвиняемаго, которые будто-бы желаютъ оградить, пострадаютъ чрезвычайно.

Большая часть только что изложенныхъ взглядовъ Биндинга раздѣляется и другими авторами. Особенный авторитетъ въ отношеніи вопроса объ апелляціи долженъ быть признанъ за членомъ рейхсгерихта Штенглейномъ, который на службѣ по судебному вѣдомству состоитъ съ 1849 г. Онъ, какъ и Биндингъ, указываетъ, что вѣдь въ Германіи имѣется сравнительно недавній опытъ, до 1877 г. существовала апелляція, и отъ нея всюду отказались; если возвращаться къ старому порядку, то нужно, по мнѣнію Штенглейна, воскресить и безчисленные апелляціонные суды, существовавшіе до 1877 г.; на это не рѣшаются, а безъ того апелляція совершенно неосуществима. «Можно ли ожидать», — говоритъ Штенглейнъ (ст. 38),—«чтобы сильно обремененные работою судьи признавали необходимымъ вызовъ и допросъ свидѣтелей, и какія основанія могутъ къ этому побудить судъ? Протоколы, обыкновенно, не передаютъ никакихъ противорѣчій, никакихъ сомнѣній, отъ сомнѣній въ приговорѣ легко отдѣлаться, сомнѣнія обыкновенно возникаютъ только тогда, когда самъ выслушиваешь показанія свидѣтелей».

Всѣ авторы сходятся въ томъ, что отмѣна §§ 199 и 244 уст. угол. суд. и сокращеніе числа членовъ, составляющихъ присутствіе Strafkammer, ухудшитъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ первой инстанціи, что порядокъ этотъ будетъ представлять гораздо меньше, чѣмъ нынѣ, гарантій того, что не будетъ осужденъ невинный, а между тѣмъ увѣренность, что уголовныя отдѣленія ландгерихтовъ нынѣ осуждаютъ невинныхъ, вызвало то движеніе, которое и послужило основаніемъ для выработки раз-

бираемаго законопроекта. «Нельзя думать, говоритъ Ауербахъ, что если въ концѣ-концовъ обезпечено оправданіе, то можно подвергать и не особенно основательному преслѣдованію». Защитникъ апелляціи, если можно такъ выразиться, съ кассаціоннымъ характеромъ, докторъ Слупецкій, тоже недовольный проектомъ, говоритъ (стр. 14): «желательно не то, чтобы въ уголовномъ отдѣленіи ландгерихта дѣла рѣшались только предварительно, а самое основательное по дѣлу рѣшеніе постановлялось въ апелляціонной инстанціи, а наоборотъ, чтобы самое основательное рѣшеніе постановлялось въ уголовномъ отдѣленіи, а въ апелляціонной инстанціи рѣшеніе только провѣрялось».

Тотъ же только-что цитированный Ауербахъ, который въ принципѣ за аппеляцію, говоритъ (стр. 35): «введеніе апелляціи весьма желательно; но во всякомъ случаѣ она не настолько цѣнна, чтобы для ея пріобрѣтенія можно было отказываться отъ существенныхъ гарантій правильнаго отправленія правосудія въ первой инстанціи».

Штенглейнъ и Кордесъ говорятъ, что напрасно защитники апелляціи ссылаются на какое-то народное движеніе въ пользу апелляціи: такого движенія нѣтъ и не было. Биндингъ тоже указываетъ, что довѣрять будто бы существующему движенію въ пользу апелляціи нельзя: вѣдь не повѣрили же движенію противъ суда присяжныхъ и поступили правильно.

Большинство писавшихъ о законопроектѣ остались недовольны и производимыми законопроектомъ измѣненіями въ компетенціи различныхъ судовъ, находя, что въ этомъ вопросѣ составители новеллы не поняли, въ чемъ именно состоятъ недостатки современнаго судебнаго строя.

Такъ, Ауербахъ и Биндингъ осуждаютъ передачу въ вѣдѣніе суда шеффеновъ такихъ дѣлъ, какъ объ укрывательствѣ кражъ, опасныхъ для жизни тѣлесныхъ поврежденіяхъ и т. д.: съ передачей этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія ландгерихтовъ, они будутъ разрѣшаться безъ производства предварительнаго слѣдствія, а между тѣмъ это—дѣла настолько серьезныя, что слѣдствіе необходимо. Одинъ изъ авторовъ, ландрихтеръ Ашроттъ, подробно выяснилъ, насколько неудовлетворительно то Vorverfahren—дознаніе, которое производится подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора; оно затягиваетъ дѣло, даетъ недостаточно вѣрный для разрѣшенія дѣла матеріалъ и не представляетъ никакихъ гарантій для огражденія интересовъ обвиняемаго.

Нѣкоторые авторы, какъ Оелеръ, Мамротъ и Ауербахъ, осуждаютъ передачу изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ въ вѣдѣніе уголовныхъ отдѣленій ландгерихтовъ такихъ преступленій, какъ преступленія противъ нравственности, ложное подъ присягой показаніе и др., указывая, что эти дѣла

прекрасно разрѣшались судомъ присяжныхъ. Вообще большинство авторовъ находитъ, что авторы законопроекта невѣрно поняли причины непопулярности уголовныхъ отдѣленій ландгерихтовъ: въ дѣйствительности причина та, что эти суды разрѣшали дѣла безъ участія общественнаго элемента; какъ выразился одинъ изъ авторовъ, Белингъ, въ уголовныхъ отдѣленіяхъ происходило «вершеніе дѣлъ на основаніи теоретически-правовыхъ соображеній, весьма далекихъ отъ жизни».

Поэтому понятно, что писавшіе о законопроектѣ предлагаютъ разнообразные проекты о привлеченіи общественнаго элемента къ участію въ правосудіи.

Нѣкоторые, какъ Кордесъ, Кёне, Ашроттъ, Слупецкій, стоятъ за судъ шеффеновъ, за распространеніе его компетенціи и предлагаютъ замѣнить имъ судъ присяжныхъ и привлечь шеффеновъ къ участію и въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію уголовныхъ отдѣленій. Кордесъ предлагаетъ придать уголовнымъ отдѣленіямъ 4 шеффеновъ и слить коллегію присяжныхъ засѣдателей съ коллегіею коронныхъ судей, или оставивъ число присяжныхъ засѣдателей то же, что и теперь—12, или сокративъ его до 9.

Ашроттъ предлагаетъ другія формы сліянія коллегіи коронныхъ судей и коллегіи шеффеновъ: взамѣнъ суда присяжныхъ онъ желалъ бы образованія большихъ шеффенскихъ судовъ, состоящихъ изъ 4 членовъ ландгерихта и 3 шеффеновъ; взамѣнъ нынѣшнихъ уголовныхъ отдѣленій ландгерихтовъ—средніе шеффенскіе суды изъ 3 членовъ этихъ уголовныхъ отдѣленій и двухъ шеффеновъ.

Авторъ резюмируетъ такимъ образомъ возраженія противъ суда шеффеновъ: 1) шеффены излишни, такъ какъ рѣшаетъ дѣло коронный судья; 2) съ другой стороны, можетъ явиться опасность, что шефферы одержатъ верхъ надъ коронными судьями; 3) что не будетъ достаточнаго контингента лицъ для пополненія рядовъ шеффеновъ. Но эти возраженія неосновательны: «я самъ,—говоритъ авторъ,—былъ амстрихтеромъ (нынѣ ландрихтеръ) и засѣдалъ съ шеффенами, и поступалъ такъ. Процессъ разрѣшенія дѣла я разбивалъ на три части. Первая часть—оцѣнка доказательствъ, стоитъ ли вѣрить свидѣтелю или нѣтъ; эти вопросы я разрѣшалъ совмѣстно съ шеффенами, которые часто, благодаря близкому знанію жизни, одерживали верхъ и притомъ съ несомнѣнной пользой для дѣла. Вторая часть—подведеніе дѣянія подъ извѣстную статью закона; эту часть я всегда разрѣшалъ самъ, независимо, предупреждая шеффеновъ, что это дѣло мое. Третья часть — наказаніе; его мы назначали опять сообща, причемъ, къ сожалѣнію, размѣръ опредѣлялся не всегда такъ, какъ я желалъ. Въ первомъ случаѣ шеффены мнѣ были полезны, во второмъ не

мѣшали, въ третьемъ получалось нѣчто среднее. Контингентъ для пополненія рядовъ шеффеновъ всегда будетъ на-лицо, ибо тѣ же лица, которыя затрудняются сложнымъ положеніемъ присяжныхъ засѣдателей, охотно идутъ въ шеффены».

Предложенія свои объ образованіи шеффенскихъ судовъ—большаго изъ 4 коронныхъ и 3 шеффеновъ и средняго изъ 3 коронныхъ и 2 шеффеновъ, авторъ объясняетъ такъ.

Прежде всего обсужденіе дѣла въ слишкомъ большой коллегіи крайне затруднительно. Далѣе, по мнѣнію автора, необходимо, чтобы для рѣшенія вопроса о виновности было недостаточно одной коллегіи коронной и необходимо было привлечь хоть одного шеффена (большинство $^2/_3$) и наоборотъ, чтобы при разрѣшеніи вопроса о наказаніи рѣшающее значеніе было всегда на сторонѣ коллегіи коронной (простое большинство).

Со взглядами и предложеніями Ашротта интересно сопоставить воззрѣніе другаго амтсрихтера, Замтера, который состоитъ въ этой должности и нынѣ. Сравнивая судъ шеффеновъ съ судомъ присяжныхъ, авторъ замѣчаетъ, что въ судѣ шеффеновъ нѣтъ того, чѣмъ пользуется судъ присяжныхъ: обстоятельное обсужденіе дѣла въ рѣчахъ сторонъ, твердое единоличное и пространное наставленіе предсѣдателя и, наконецъ, большая помощь, въ видѣ обсужденія и постановки вопросовъ. Авторъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ будетъ достигнуто согласіе коронныхъ судей и шеффеновъ; теперь по дѣламъ маловажнымъ, подсуднымъ суду шеффеновъ, одинъ судья категорично и безапелляціонно наставляетъ, но если будетъ хоть два коронныхъ судьи, то представится два пути: или судьи совѣщаются между собой относительно вопросовъ права и затѣмъ даютъ наставленіе, или если дать преимущество голосу предсѣдателя, то въ такомъ случаѣ присутствіе ассесора будетъ излишне. Пока коронные судьи будутъ совѣщаться о вопросахъ права, шеффены, очевидно, будутъ обсуждать вопросы факта, а не говорить о посторонникъ предметахъ, и придутъ, при этомъ, къ извѣстнымъ выводамъ, отъ которыхъ, пожалуй, потомъ не согласятся отказаться. Свои соображенія авторъ оканчиваетъ такимъ замѣчаніемъ: «предложеніе ввести большіе и средніе суды шеффеновъ есть не что иное, какъ совѣтъ произвести опытъ, въ подтвержденіе успѣшности котораго не представлено ни малѣйшихъ доказательствъ».

При такихъ условіяхъ становится понятнымъ замѣчаніе Оелера, которое онъ подкрѣпляетъ выписками изъ другихъ авторовъ, что всякому судьѣ извѣстно, что рѣшающее значеніе въ судѣ шеффеновъ принадлежитъ амтсрихтеру, которому шеффены вынуждены вполнѣ подчиняться, и пуб-

лика видитъ въ амтсрихтерѣ совсѣмъ не предсѣдателя лишь, а главное лицо въ судѣ; по выраженію Оелера, «особенно начальственныя наклонности въ отношеніи къ шеффенамъ проявляютъ молодые судьи!»

Что касается до суда присяжныхъ, то нѣкоторые изъ авторовъ выражаютъ свое нерасположеніе къ этому институту.

Такъ, Кёне заявляетъ, что при сложности нашей современной общественной жизни, при разнообразіи и спеціализаціи родовъ дѣятельности, судъ присяжныхъ не отражаетъ больше общественной совѣсти. «Тонкая техническая выработка современнаго права вызвала необходимость неестественнаго дѣленія судебнаго приговора на вопросъ факта и вопросъ права и особаго порядка постановки вопросовъ, представляющаго настоящее бѣдствіе» (стр. 56).

Другой противникъ суда присяжныхъ, Кордесъ, находитъ тоже, что главный недостатокъ суда присяжныхъ—это раздѣленіе судей факта отъ судей права; раздѣленіе это искусственное и неосуществимое; по большимъ дѣламъ присяжные просто, по непривычкѣ, не въ состояніи справиться съ слѣдственнымъ матеріаломъ.

Но, какъ это ни странно, тотъ же Кордесъ, предлагающій, какъ мы видѣли выше, замѣнить судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ, желаетъ, однако, сохранить за тѣмъ видомъ шеффенскаго суда, который замѣнитъ судъ присяжныхъ, названіе суда присяжныхъ, такъ какъ, говоритъ авторъ, народъ привыкъ къ этому названію.

Другой противникъ суда присяжныхъ, прокуроръ Клодіусъ, выражается такъ (ст. 9): «судъ присяжныхъ—это—nolli me tangere общественнаго мнѣнія». Биндингъ, котораго нельзя заподозрить въ особомъ расположеніи къ суду присяжныхъ, замѣчаетъ: «вообще несомнѣнно было нѣсколько приговоровъ (суда присяжныхъ), которые вызвали сильное неудовольствіе, даже негодованіе, но вѣдь это всегдашняя судьба всякаго суда, который однако отъ этого не теряетъ, никоимъ образомъ, права на довѣріе?»

Членъ рейхсгерихта Штенглейнъ говоритъ (стр. 31): «движеніе противъ суда присяжныхъ во всякомъ случаѣ не менѣе сильное, чѣмъ движеніе въ пользу введенія аппелляціи; почему же на это первое движеніе не обращаютъ вниманія, не вѣрятъ его прочности и, можетъ быть, совершенно основательно?»

Авторъ основательной монографіи о судѣ присяжныхъ, Оелеръ, замѣчаетъ, что въ сущности скрываютъ главное, что и народъ, и общество стоятъ за судъ присяжныхъ.

Наконецъ, противникъ суда присяжныхъ Кöне самъ признаетъ (стр. 54), что этотъ судъ пользуется въ обществѣ популярностью и вызываетъ нападки только со стороны большей части образованнаго чиновничества (gelehrten Beamtenthums)!

Вопросы тюрьмовѣдѣнія.

О наложеніи оковъ на арестантовъ [1]).

Наложеніе оковъ на арестантовъ регулируется: во-первыхъ, статьею 237 устава о содержащихся подъ стражей (т. XIV св. зак. изд. 1890 г.), во-вторыхъ, циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія отъ 31 января 1891 года за № 4 [2]) и, въ-третьихъ, практикой, вводимой въ каждой губерніи, по своему, мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ. Нельзя, къ сожалѣнію, не замѣтить, что эта практика, неправильно толкуя вышеупомянутый циркуляръ главнаго тюремнаго управленія, совершенно расходится съ закономъ.

Статья 237 уст. о сод. подъ стр., какъ видно изъ текста ея, допускаетъ наложеніе оковъ только на двѣ категоріи арестантовъ: во-первыхъ, на осужденныхъ въ каторжныя работы, по вступленіи о нихъ приговоровъ въ законную силу, и, во-вторыхъ, на арестантовъ вообще, всякихъ категорій, относительно которыхъ имѣется основаніе опасаться, что они убѣгутъ изъ тюрьмы.

Если сопоставить эти двѣ категоріи со ст. 286 уст. о ссыльн., а равно принять въ соображеніе, что въ уложеніи о наказаніяхъ не упоминается о кандалахъ и о томъ, чтобы судъ могъ постановить о наложеніи оковъ на подсудимыхъ, то необходимо прійти къ твердому убѣжденію, что наложеніе оковъ не составляетъ одного изъ видовъ наказанія, вообще не имѣетъ и не можетъ имѣть ни въ какомъ отношеніи характера мѣры

[1]) Статья помѣщена въ Тюремномъ Вѣстникѣ за 1893 г. № 2. Хотя она вызвана циркуляромъ начальника главнаго тюремнаго управленія который былъ черезъ два года послѣ напечатанія этой статьи отмѣненъ, но въ ней выясняется сохранившій къ сожалѣнію и до настоящаго времени все свое значеніе вопросъ о наложеніи оковъ на арестантовъ.

[2]) Приложеніе къ Тюремному Вѣстнику № 1, стр. 10.

карательной [1]); что единственнымъ основаніемъ для наложенія оковъ, какъ мѣры административной, является предупрежденіе побѣговъ арестантовъ.

Наложеніе оковъ стоитъ, правда, въ извѣстномъ соотношеніи со степенью тяжести совершеннаго преступникомъ дѣянія и назначеннаго ему наказанія: такъ, на каторжныхъ безсрочныхъ (перваго разряда) накладываются и ручные и ножные кандалы, на срочныхъ (втораго и третьяго разряда) только ножные, но и на тѣхъ и на другихъ наложеніе кандаловъ обязательно; на всѣхъ же остальныхъ арестантовъ, другихъ категорій, присужденныхъ къ менѣе тяжкимъ наказаніямъ, и на арестантовъ подслѣдственныхъ наложеніе кандаловъ не только не обязательно, но допускается лишь въ случаѣ опасенія побѣга. Такое соотношеніе между тяжестью наказанія и наложеніемъ кандаловъ объясняется, однако, тѣмъ же основнымъ поводомъ къ наложенію кандаловъ — степенью опасности побѣга; и если законъ сдѣлалъ обязательнымъ наложеніе оковъ на каторжныхъ, по вступленіи о нихъ приговоровъ въ законную силу, то вовсе не для отягощенія назначеннаго имъ наказанія, какъ отягощаетъ это наказаніе сопровождающее его всегда лишеніе правъ, а потому, что эта категорія арестантовъ даетъ наибольшее число бѣглыхъ—для лицъ этой категоріи всякая надежда когда-либо устроиться въ жизни на законномъ основаніи потеряна, отбытіе наказанія не ведетъ къ возвращенію въ общегражданскую жизнь, остается только бѣжать.

Что единственнымъ основаніемъ для наложенія оковъ на арестантовъ законъ считаетъ предупрежденіе съ ихъ стороны побѣговъ, подтверждается, какъ положеніемъ, въ ряду другихъ, статьи 237 уст. о сод. подъ стр., помѣщенной вслѣдъ за статьей 236 того же устава, въ коей говорится о мѣрахъ, которыя начальникъ тюрьмы долженъ принимать для устраненія изъ камеръ всякихъ орудій, могущихъ служить къ облегченію побѣга, о заботахъ его о прочности тюремныхъ зданій, такъ и самымъ текстомъ статьи, которая гласитъ: «Въ предупрежденіе побѣговъ, содержащіеся подъ стражей, по обвиненію къ тяжкихъ преступленіяхъ, исключая лицъ, въ статьѣ 238 означенныхъ, могутъ, по состоянію дѣлъ, быть заковываемы въ кандалы. Въ особенности же должны быть заковываемы

[1]) Особый уголовный кодексъ, изложенный въ ст 435 и слѣд. уст. о ссыльн. изд 1890 г., въ коемъ опредѣляются наказанія за преступленія, совершенныя лицами, отбывающими каторжныя работы и сосланными на поселеніе (въ числѣ каковыхъ наказаній введено и приковываніе къ тачкѣ), не можетъ быть принятъ въ соображеніе, какъ имѣющій характеръ скорѣе дисциплинарный и, какъ исключеніе изъ общаго правила, не помѣщенный поэтому и въ въ общемъ уголовномъ кодексѣ—уложенія о наказаніяхъ.

въ кандалы всѣ осужденные къ ссылкѣ въ каторжныя работы, когда судебные о сихъ лицахъ приговоры вошли окончательно въ законную силу».

Текстъ закона не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно своего внутренняго смысла; въ немъ, правда, къ сожалѣнію имѣются, два неточныя выраженія: обвиняемые «въ тяжкихъ преступленіяхъ» и «смотря по состоянію дѣлъ»; но, во всякомъ случаѣ, эти оба выраженія введены въ текстъ закона, какъ видно, для ограниченія, суженія, той категоріи арестантовъ, на которыхъ могутъ быть наложены кандалы въ предупрежденіе побѣга съ ихъ стороны; не на всѣхъ арестантовъ, кромѣ каторжныхъ, побѣга которыхъ можно опасаться, разрѣшаетъ законъ налагать оковы, а лишь на обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и притомъ не при всякомъ положеніи того дѣла, по коему они привлечены къ слѣдствію. Намъ кажется, что выраженія закона: «тяжкія» и «состояніе дѣла»—болѣе чѣмъ неточны, что мы и постараемся доказать ниже; но, во всякомъ случаѣ, въ законъ они введены для ограниченія случаевъ наложенія кандаловъ, а не для расширенія этихъ случаевъ.

Къ сожалѣнію, вышеупомянутый циркуляръ главнаго тюремнаго управленія отъ 31 января 1891 г. за № 4 пользуется этими двумя неточными выраженіями какъ бы для созданія новой, непредусмотрѣнной въ законѣ, третьей категоріи арестантовъ, на коихъ могутъ быть накладываемы кандалы. Дѣйствительно, въ циркулярѣ этомъ предлагается губернаторамъ сдѣлать распоряженіе, чтобы во всѣхъ тюрьмахъ налагались кандалы: а) на арестантовъ, содержащихся подъ стражей по обвиненію въ въ тяжкихъ преступленіяхъ, въ зависимости отъ состоянія дѣлъ, б) на всѣхъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы и на бродягъ, съ момента обращенія о нихъ приговоровъ къ исполненію и въ теченіе всего времени заключенія до отправленія въ ссылку... Наложеніе кандаловъ можетъ быть примѣняемо ранѣе указаннаго въ законѣ срока и притомъ по отношенію къ арестантамъ всѣхъ категорій послѣ побѣга, а равно и въ томъ случаѣ, если у нихъ во время содержанія подъ стражей будутъ найдены орудія, могущія служить къ совершенію побѣга.

Хотя передъ послѣднимъ отдѣломъ не поставлено особой буквы, но изъ сопоставленія съ литерами «а» и «б» необходимо прійти къ заключенію, что отдѣлъ предусматриваетъ особую категорію арестантовъ: такъ поняла это практика и, какъ видно изъ приведеннаго текста, имѣла основаніе такъ это понять. Изъ устанавливаемыхъ циркуляромъ трехъ категорій арестантовъ, на которыхъ можно накладывать кандалы, первая, какъ видно изъ предыдущаго, совершенно закономъ не предусмотрѣна, хотя пунктъ «а» и изложенъ въ выраженіяхъ, взятыхъ изъ текста закона.

Нельзя не замѣтить, что трудно указать предѣлы вновь установленной категоріи арестантовъ, на которыхъ требуется накладывать кандалы. Выраженіе «тяжкія преступленія» юридически разъяснено быть не можетъ, ибо нашъ уголовный кодексъ не знаетъ «тяжкихъ» преступленій. Какъ видно изъ первыхъ трехъ статей уложенія, законъ знаетъ преступленія, за совершеніе которыхъ грозитъ наказаніями уголовными, и такія, за которыя угрожаетъ только исправительными; преступленія умышленныя и неумышленныя; но «тяжкихъ» законъ не знаетъ.

Столь же неопредѣленно и неточно выраженіе «по состоянію дѣлъ». Что значитъ выраженіе «состояніе дѣлъ» и кѣмъ и какъ можетъ быть опредѣлено это состояніе? Мѣстная администрація съ цѣлью выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое ее поставили законъ и циркуляръ, пробовала обращаться съ запросомъ къ прокурорскому надзору, но послѣдній, въ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, отказалъ въ удовлетвореніи этого запроса по невозможности таковой удовлетворить. Дѣйствительно, прокурорскій надзоръ можетъ сообщить лишь о томъ, въ какой стадіи процесса находится дѣло: что слѣдствіе производится, что объ обвиняемыхъ представленъ обвинительный актъ въ палату, что палата предала обвиняемыхъ суду, и, наконецъ, что обвиняемые осуждены. Какую изъ этихъ стадій считать тѣмъ состояніемъ, при которомъ можно налагать кандалы? Если считать, что подъ «состояніемъ» законъ подразумѣваетъ степень выясненія виновности обвиняемыхъ, то высшей степенью и, въ сущности, единственнымъ моментомъ, съ котораго можно говорить, что виновность обвиняемыхъ выяснена—является осужденіе ихъ подлежащимъ судомъ; до этого момента, до заключенія судебнаго слѣдствія и произнесенія присяжными вердикта, говорить о степени виновности обвиняемыхъ можно только субъективно, а не объективно.

Не говоря уже о самой продолжительной стадіи всего процесса, первой—предварительномъ слѣдствіи, въ теченіе котораго ни одно лицо судебнаго вѣдомства не можетъ себѣ позволить говорить объективно и категорично о состояніи дѣла, о степени виновности подозрѣваемаго и привлеченнаго обвиняемаго, ибо для выясненія невыясненной виновности и производится слѣдствіе, — слѣдующая стадія процесса — представленіе обвинительнаго акта, является выраженіемъ чисто субъективнаго взгляда того лица прокурорскаго надзора, которое представляетъ обвинительный актъ; другое лицо того же самаго прокурорскаго надзора, въ случаѣ направленія того же дѣла, нисколько не можетъ быть стѣснено этимъ взглядомъ; столь же мало обязательно и опредѣленіе палаты о преданіи суду — для суда, рѣшающаго дѣло по существу.

Какія послѣдствія были отъ такой неопредѣленности выраженій закона и циркуляра при одновременной полной и безусловной ихъ обязательности для подчиненныхъ лицъ тюремнаго управленія, непосредственно завѣдывающихъ тюрьмами? Начальники тюремъ подъ вновь созданную категорію «а» подвели арестантовъ подслѣдственныхъ; привлеченіе судебнымъ слѣдователемъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, напр., въ убійствѣ, явилось тѣмъ «состояніемъ», въ зависимости отъ котораго можно накладывать кандалы; но, не будь этого привлеченія, лица, на которыхъ наложены кандалы, были бы вѣдь на свободѣ и о наложеніи на нихъ кандаловъ не могло бы быть и рѣчи. Что такой выводъ практика, однако же, сдѣлала, въ томъ я убѣдился изъ личнаго опыта и изъ обращенныхъ ко мнѣ жалобъ арестантовъ. Значеніе этого вывода слѣдующее.

Подслѣдственные арестанты, заключенные въ кандалы, могутъ быть освобождены изъ подъ стражи еще въ теченіе предварительнаго слѣдствія, могутъ, затѣмъ, быть оправданы и, тѣмъ не менѣе, они понесли тяжелое наказаніе — содержаніе въ кандалахъ, быть можетъ, въ теченіе года, не подавъ въ то же время начальнику тюрьмы никакихъ поводовъ опасаться побѣга съ ихъ стороны. Намъ могутъ возразить, что подслѣдственное содержаніе подъ стражей въ теченіе года и болѣе можетъ тоже оказаться ничѣмъ не оправдываемымъ, въ случаѣ измѣненія мѣры пресѣченія или послѣдовавшаго оправданія, — но разница между этими двумя случаями громадная.

Заключеніе подъ стражу въ видѣ мѣры пресѣченія обставлено закономъ такими строгими условіями и поставлено въ зависимость отъ такихъ лицъ, что безъ достаточно вѣскихъ основаній никто не можетъ быть заключенъ въ тюрьму, да и такое заключеніе имѣетъ серьезное назначеніе— помѣшать опасному человѣку, во-первыхъ, избѣжать правосудія и, во-вторыхъ, своею дѣятельностью, при оставленіи на свободѣ, затруднить правосудію исполненіе возложенной на него задачи: раскрытія обстоятельствъ преступленія и дѣйствительныхъ его виновниковъ.

Заключеніе въ кандалы, не вызываемое опасеніями побѣга, не можетъ быть ничѣмъ оправдано.

Если остановиться на заключеніи въ кандалы вообще, какъ средствѣ для предупрежденія побѣга со стороны арестантовъ, то необходимо признать, что средство это, во всѣхъ отношеніяхъ, неудовлетворительно; оно ничто иное, какъ историческій анахронизмъ, какъ остатокъ давно прошедшихъ грубыхъ и суровыхъ нравовъ. Кандалы, въ сущности, — историческій привѣсокъ, добавленіе каторжныхъ работъ, существованіе котораго объясняется только историческимъ происхожденіемъ послѣднихъ.

Когда въ 1689 году у насъ вводили каторжныя работы, то онѣ были

названы галерными, отъ латинско-итальянскаго слова «galera» — лодка; это названіе указываетъ на происхожденіе каторжныхъ работъ. Въ итальянскихъ приморскихъ городахъ преступниковъ приковывали къ лодкамъ (galera) крайне простаго устройства, длиннымъ, мелко сидѣвшимъ, легко, поэтому, переворачивавшимся; прикованные къ такимъ галерамъ преступники гребли или управляли парусомъ, представляя собою даровую силу въ рукахъ государства и, дѣйствительно, были прикованы къ той работѣ, которую они, въ такомъ положеніи, могли исполнять. Такое наказаніе называлось работами галерными, замѣненными, во Франціи, во время революціи (Assemblée constituante) каторжными работами (travaux forcés), которыя потомъ ввелъ Code pénal, присоединивъ къ нимъ клейменіе (marque et flétrissure). Такимъ образомъ, выработался особый видъ наказанія— тяжкихъ работъ, работъ каторжныхъ, и такимъ образомъ первоначальнымъ ихъ устройствомъ объясняется присоединеніе къ нимъ наложенія кандаловъ.

Но если можно было приковать къ работѣ галерной, то къ большинству, если не ко всѣмъ работамъ, которыми нынѣ занимаютъ присужденныхъ къ каторгѣ, приковывать нельзя; кандалы составляютъ прямую помѣху успѣшности работы и сохраняются на каторжныхъ на Сахалинѣ лишь первые 3—4 мѣсяца, по доставленіи на Сахалинъ, покуда не выяснится степень наклонности каторжника къ побѣгу.

Широкое примѣненіе получаютъ кандалы при пересылкѣ арестантовъ, въ видахъ предупрежденія побѣговъ, и тутъ уже не стѣсняются ни «тяжестью» преступленія, ни состояніемъ дѣлъ; пересылаемые отъ мироваго судьи къ мировому судьѣ обвиняемые въ простыхъ кражахъ пересылаются въ кандалахъ ручныхъ. Большинство, если не всѣ, препровождаемые по этапу, арестанты пересылаются въ кандалахъ; мало того, даже посылаемые въ губернскомъ городѣ изъ тюрьмы въ какое-нибудь присутствіе (врачебное отдѣленіе и т. д.) водятся по городу въ кандалахъ.

А, между тѣмъ, примѣненіе кандаловъ во время пересылки, какъ мы глубоко убѣждены, вызывается только крайне первобытнымъ способомъ пересылки арестантовъ, которыхъ заставляютъ идти пѣшкомъ, и лишь для больныхъ и женщинъ ѣдетъ рядомъ телѣга. Кто хоть разъ видѣлъ этапъ въ пути и слышалъ звонъ цѣпей, тотъ вспомнитъ стихи Алексѣя Толстого:

Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль...
Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело...
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Конвойные съ ними идутъ...
(Колодники).

Такой способъ передвиженія арестантовъ безусловно неэкономный и можетъ быть объясненъ только рутиной. Поясню примѣромъ. Изъ уѣзднаго города Вилкомира до ближайшей желѣзно-дорожной станціи Янова — 34 версты по шоссе; обыкновенный дилижансъ доставляетъ до Янова копѣекъ за 40, часа въ три съ небольшимъ; казалось бы, самое простое, если уже нѣтъ своего фургона, доставлять арестантовъ въ наемномъ; какая была бы экономія времени, средствъ, людей; двухъ человѣкъ для охраны запертой коробки—фургона совершенно достаточно, а, между тѣмъ, изъ 12 человѣкъ вилкомирской конвойной команды идетъ человѣкъ 8, ѣдетъ телѣга для больныхъ, дѣлается вполнѣ естественная остановка послѣ первыхъ 17 верстъ; конвойныхъ и арестантовъ надо кормить въ теченіе двухъ дней, тюрьма остается безъ надлежащей охраны, доставленіе арестантовъ въ городѣ затрудняется.

То же самое и для доставленія арестантовъ въ городѣ: даже при губернскихъ тюрьмахъ не имѣется фургона съ рѣшетчатыми окнами, а между тѣмъ несомнѣнно, что доставленіе въ такихъ фургонахъ вполнѣ безопасно, устраняетъ совершенно необходимость кандаловъ, сокращаетъ количество необходимой для доставленія стражи и устраняетъ позорное, развращающее и дикое въ наше время зрѣлище людей, которыхъ водятъ въ цѣпяхъ, какъ звѣрей. Едва ли правильно вызывать въ толпѣ сожалѣніе и состраданіе къ преступникамъ; если народъ нашъ называетъ преступниковъ «несчастненькими», то этимъ названіемъ они обязаны кандаламъ, въ которыхъ ихъ водятъ, какъ дѣйствительно совершенно безцѣльному истязанію и отягощенію ихъ участи, сверхъ положеннаго по суду наказанія, отягощенію притомъ же совершенно удобоустранимому.

Казалось бы, что Шильонскій замокъ съ прикованными на цѣпяхъ къ стѣнамъ его корридоровъ и камеръ заключенными долженъ быть отданъ въ удѣлъ туманнымъ картинамъ, олеографіямъ и т. д., съ устраненіемъ его изъ дѣйствительной современной жизни; казалось бы, что современная тюрьма и должна и можетъ избѣгнуть содержанія арестантовъ въ кандалахъ въ предѣлахъ тюрьмы.

Въ уѣздныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ наиболѣе чувствуется недостатокъ въ стражѣ и вообще въ средствахъ охраны, осужденные въ каторжныя работы не досиживаютъ даже срока вступленія постановленнаго о нихъ приговора въ законную силу и обыкновенно, съ первымъ же этапомъ, отправляются въ губернскую тюрьму. Губернскія тюрьмы въ большинствѣ случаевъ каменныя, приспособленныя къ содержанію арестантовъ, достаточно охранены для того, чтобы не прибѣгать къ наложенію кандаловъ, какъ средству предупрежденія побѣговъ со стороны арестантовъ.

Но если вопросъ о полномъ уничтоженіи кандаловъ еще не назрѣлъ, если для этого не настало еще время, благодаря тому, что средства которыми располагаетъ тюремное управленіе для охраны тюремъ и предупрежденія побѣговъ арестантовъ, слишкомъ скудны, то мы надѣемся, что главное тюремное управленіе, проявляющее по многимъ вопросамъ тюремнаго дѣла столь гуманное отношеніе къ арестантамъ, не откажется исправить ошибку, допускаемую низшими органами тюремнаго управленія при толкованіи циркуляра отъ 31 января 1891 г, за № 4, и устранить порядокъ, при которомъ столь важное отягощеніе положенія арестанта, какъ наложеніе кандаловъ—поставлено въ зависимость отъ произвола начальника тюрьмы.

Мы надѣемся, что главное тюремное управленіе не откажется разъяснить подчиненнымъ ему органамъ, что, за исключеніемъ осужденныхъ въ каторжныя работы, по вступленіи о нихъ приговоровъ въ законную силу, законъ разрѣшаетъ наложеніе кандаловъ на арестантовъ въ томъ единственномъ случаѣ, когда имѣются основанія опасаться побѣга съ ихъ стороны, и никакихъ другихъ основаній для наложенія кандаловъ въ законѣ не указано; но и изъ числа арестантовъ внушающихъ опасеніе побѣга съ ихъ стороны, законъ разрѣшаетъ наложеніе кандаловъ только на такихъ, которымъ грозятъ за совершенныя ими преступленія наказанія уголовныя (иное объясненіе слова «тяжкое» затруднительно).

Починъ въ наложеніи кандаловъ на арестантовъ долженъ, несомнѣнно, принадлежать самому начальнику тюрьмы: можетъ явиться необходимость въ принятіи немедленныхъ мѣръ предупрежденія побѣга со стороны арестантовъ. Затѣмъ, однако, объ основаніяхъ, которыми начальникъ тюрьмы руководствовался при наложеніи кандаловъ, онъ обязанъ доложить завѣдывающему тюрьмой товарищу прокурора при ближайшемъ его посѣщеніи, и уже отъ товарища прокурора будетъ зависѣть оставить въ силѣ принятую начальникомъ тюрьмы мѣру или отмѣнить таковую.

Предоставленіе такого права завѣдывающему тюрьмой товарищу прокурора не будетъ, никоимъ образомъ, увеличеніемъ законной компетенціи и власти послѣдняго; если товарищъ прокурора собственной властью, можетъ освободить арестанта изъ подъ стражи и предложеніе его въ этомъ смыслѣ обязательно для судебнаго слѣдователя, то тѣмъ болѣе должно быть ему предоставлено право распоряженія о снятіи кандаловъ, такъ какъ послѣднее составляетъ лишь часть перваго: съ освобожденіемъ изъ подъ стражи арестантъ тѣмъ самымъ освобождается и отъ кандаловъ.

За предоставленіе такого права завѣдывающему тюрьмой товарищу

прокурора говоритъ и то высокое положеніе, которое создано закономъ прокурорскому надзору въ тюремномъ дѣлѣ. Лица прокурорскаго надзора являются въ тюрьму не въ качествѣ стороны въ дѣлѣ, не обвинителями. наблюдающими своихъ жертвъ, а по выраженію 2 ч. XV т. св. зак. въ изд. 1857 г. «защитниками справедливости и взыскателями невинности», они являются въ тюрьму для защиты арестантовъ отъ всѣхъ несправедливостей и незаконностей, которымъ послѣдніе могли бы безнаказанно подвергнуться, будучи лишены свободы и скрыты отъ глазъ какъ начальства, такъ и лицъ близкихъ, которыя бы за нихъ могли заступиться. Если товарищу прокурора предоставлено разрѣшать вопросъ высокой важности: требуютъ ли интересы правосудія лишенія даннаго лица одного изъ самыхъ существенныхъ человѣческихъ правъ—свободы, то тѣмъ болѣе тотъ же товарищъ прокурора, въ силу возложенныхъ на него закономъ обязанностей, долженъ разрѣшать вопросъ, требуютъ ли тѣ же интересы правосудія, чтобы человѣкъ, лишенный свободы, былъ бы лишенъ и возможности свободныхъ движеній и подвергся жестокимъ лишеніямъ.

Значеніе тюремнаго заключенія, какъ наказанія въ прошлое и настоящее время [1]).

Съ тюремнымъ заключеніемъ, какъ наказаніемъ, мы встрѣчаемся въ исторіи сравнительно поздно, не ранѣе половины XVI столѣтія. Оно и понятно. Пока въ началѣ исторической жизни человѣчества господствовала частная месть, пока на общественный строй смотрѣли какъ на установленный богами, а на нарушителя этого строя, какъ на лицо, осквернённое преступленіемъ, до тѣхъ поръ о тюрьмѣ, какъ наказаніи, не могло быть и рѣчи; преступникъ подлежалъ уничтоженію или вѣчному изгнанію, но никакъ не сохраненію и исправленію, а между тѣмъ только двѣ послѣднія цѣли и можетъ преслѣдовать тюремное заключеніе. Правда, мы находимъ тюрьмы уже на зарѣ европейской цивилизаціи въ Греціи и Римѣ, но здѣсь тюрьма служила не цѣлямъ наказанія, а исключительно цѣлямъ предварительнаго ареста до отбытія настоящаго наказанія въ видѣ отравленія (Сократъ), повѣшенія (Лентулъ, сообщникъ Катилины), преданія звѣрямъ на растерзаніе (христіанскіе мученики); или же тюрьма являлась средствомъ понужденія къ уплатѣ долга государству (Алкивіадъ). Едва ли поэтому правиленъ взглядъ Letourneau, высказанный имъ въ его сочиненіи L'evolution juridique, что Афинская Δεσμός (тюрьма) была однимъ изъ видовъ наказанія; дальнѣйшія поясненія автора только подтверждаютъ правильность отнесенія тюремнаго заключенія въ Греціи къ числу мѣръ, предварительныхъ, а не карательныхъ.

Среднія вѣка—время полнаго распаденія государственной власти, господства частной воли и соглашеній отдѣльныхъ гражданъ. Въ частности,

---

[1]) Лекція, читанная въ засѣданіи юридическаго факультета Московскаго университета 5 апрѣля 1904 г., для полученія званія приватъ-доцента.

въ дѣлѣ взысканій за совершенное преступленіе—или частная война внѣ суда или судебный поединокъ, которымъ рѣшались всѣ споры не только уголовные, но и гражданскіе, причемъ биться дозволялось не только съ противной стороной, но и съ судьями, вынесшими, по мнѣнію стороны, неправильный приговоръ; побѣжденный на поединкѣ тутъ же подвергался повѣшенію.

Послѣдовавшее затѣмъ закрѣпощеніе, большей части свободнаго населенія, ростъ государственной власти и замѣна суда, какъ состязанія двухъ равноправныхъ сторонъ, инквизиціей тоже не могли быть благопріятны для введенія тюрьмы, какъ наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, закрѣпощеніе вызвало полное исчезновеніе идеи гражданина и гражданскихъ правъ въ смыслѣ римскаго права. Высокая идея личности, созданная христіанскою религіею съ ея правами на равное съ другими положеніе, на милосердіе въ случаѣ паденія, какъ будто совсѣмъ затерялась въ это печальное время господства не столько религіи, сколько церкви, которая не только располагала своими собственными особенными судами, но и выработала свое право, основывая его, однако, не на христіанскомъ ученіи, а на Моисеевомъ законодательствѣ. Ростъ государственной власти привелъ, правда, къ созданію понятія преступленія не въ смыслѣ только нарушенія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, а въ смыслѣ потрясенія условій общежитія, но зато и наказанію была, главнымъ образомъ, поставлена цѣль устрашенія, какъ сказано въ Etablissements de St. Louis: «pour que les mauvais laisseut à mal faire». По справедливому замѣчанію Кистяковскаго въ его Элементарномъ учебникѣ уголовнаго права (изд. 1891, стр. 126) «будучи преемницей тѣхъ элементовъ, которые создали уголовное право частной мести, общегосударственная власть во всемъ, что касается лично ея, усвоиваетъ сначала, безъ всякой перемѣны правила частной мести». Инквизиція превратила преступника изъ стороны, изъ субъекта спора въ объектъ, по отношенію къ которому всѣ средства были хороши для раскрытія истины; отсюда пытка, отмѣненная лишь въ самые послѣдніе годы XVIII столѣтія. Къ этому можно прибавить лишь указаніе на чрезвычайное развитіе процессовъ по обвиненію въ колдовствѣ, кончавшихся сожженіемъ виновныхъ, а равно на развитіе символизма въ правѣ, который требовалъ соотвѣтствія избираемаго наказанія характеру совершеннаго преступленія, что приводило ко всевозможнымъ жестокимъ и позорящимъ мѣрамъ. При такихъ условіяхъ, понятно, тюрьма являлась не болѣе какъ мѣстомъ временнаго сохраненія до суда. Какъ говоритъ въ недавнемъ изслѣдованіи Dr. Knapp. (Alt-Würzburger-gefängnisswesen, Archiv f. Strafrecht u. Strafprocess, 48 B.), только

у владѣтельныхъ князей были тюрьмы настоящія; въ городахъ и деревняхъ съ преступниками старались раздѣлаться немедленно; собственно мѣстныя тюрьмы были представлены въ двухъ одинаково несовершенныхъ видахъ: въ видѣ Stock, т. е. мѣста, огороженнаго балками, къ которымъ преступникъ привязывался и Loch, та же Tulliana—ямы, полной сырости и червей, съ такимъ узкимъ отверстіемъ, что черезъ него съ трудомъ вталкивали преступника.

Лишь въ XVI вѣкѣ проявилось болѣе гуманное теченіе въ отношеніяхъ къ преступнику. Благодаря цѣлому ряду причинъ (чума, войны, освобожденіе крестьянъ) экономическое благосостояніе низшихъ слоевъ европейскаго населенія крайне понизилось, развились въ громадныхъ размѣрахъ такія явленія, какъ бродяжество, нищенство и мелкія кражи. Бороться съ этими явленіями тѣми же мѣрами, какъ и съ болѣе тяжкими преступленіями, было признано жестокимъ и для исправленія этихъ лицъ стали учреждать Zuchthaus, Spinnhaus и т. д., какъ показываютъ самыя названія, предназначенные, главнымъ образомъ, для борьбы съ лѣнью. Въ этихъ заведеніяхъ особенно широко были поставлены работы, дававшія государству даже доходъ, и введена была разумная послѣдовательно выдерживавшаяся дисциплинарная система, съ разъединеніемъ арестантовъ на ночь. Что именно болѣе гуманное отношеніе къ преступнику вызвало такой поворотъ въ репрессіи, это удостовѣряется приводимымъ Гиппелемъ (Hippel, Beiträge zur Geschichte der Freiheitsstrafe. Zeitschrift f. die gesammte Strafrechtswissenschaft B. 18) постановленіемъ амстердамскаго магистрата (1596 г.), въ которомъ учрежденіе цухтгауза объясняется особымъ настроеніемъ амстердамскихъ шефеновъ (Weil unsere eingesessenen Bürger so sind), отказывающихся присуждать дѣтей за мелкія кражи къ смертной казни и взрослыхъ за бродяжество къ повѣшенію. Несомнѣнно, что при этомъ впервые проявилось сознаніе, что совершеніе преступленія вызывается не одними личными, но и соціальными факторами. Примѣру Амстердама послѣдовали другіе города (въ Лондонѣ цухтгаузъ былъ учрежденъ еще ранѣе); съ теченіемъ времени и кругъ лицъ, заключаемыхъ въ цухтгаузы сталъ расширяться. Напрасно было бы думать, однако, что съ учрежденіемъ нѣсколькихъ цухтгаузовъ система наказаній измѣнилась или даже, что присужденіе къ заключенію въ цухтгаузѣ заняло видное мѣсто въ современной лѣстницѣ наказаній. Въ этомъ отношеніи любопытны указанія, дѣлаемыя знаменитымъ англійскимъ филантропомъ и первымъ тюрьмовѣдомъ Джономъ Говардомъ въ его сочиненіи State of prisons вышедшемъ въ свѣтъ въ 1780 году (французскій переводъ l'Etat des prisons—которымъ я пользовался, сдѣланъ въ 1791

году). Какъ извѣстно, въ одной лишь Голландіи изъ всѣхъ странъ Европы Говардъ нашелъ тюрьмы въ удовлетворительномъ состояніи и вотъ въ этой то странѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, всѣ сколько-нибудь важныя преступленія карались смертною казнью (н. с. Говарда, т. I, отд. V); за убійство не предумышленное—отсѣченіе головы, за кражи—повѣшеніе, за болѣе тяжкія преступленія преступниковъ или колесовали или распинали на крестѣ, положенномъ плашмя на эшафотѣ. Россія въ исторіи развитія тюрьмы, какъ наказанія, шла по тому же пути, какъ и Западная Европа; хотя о порубахъ и погребахъ мы встрѣчаемъ указанія уже въ договорахъ съ греками въ концѣ XII столѣтія, но впервые о тюрьмѣ, какъ наказаніи говоритъ лишь Царскій судебникъ 1550 года, а въ Уложеніи 1649 года тюремное заключеніе примѣняется уже въ сорока случаяхъ (сравн. И. Я. Фойницкаго ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ стр. 314). Періодъ цухтгаузовъ мы не переживали, а остались при примитивныхъ тюрьмахъ, какъ свидѣтельствуетъ Н. Д. Сергѣевскій въ своемъ сочиненіи «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. 1887 г.»

Только французская революція, сломавъ всѣ сословныя перегородки, уравнявъ всѣхъ передъ закономъ, создавъ понятіе гражданина и его правъ, личности какъ таковой безотносительно къ ея общественнымъ, экономическимъ и другимъ преимуществамъ, какъ блестяще доказалъ А. Ф. Кистяковскій въ своемъ «Изслѣдованіи о смертной казни» изд. 1896 г., положила начало болѣе гуманному отношенію къ преступнику, въ которомъ стали видѣть человѣческую личность, даже и по совершеніи ею преступленія, способную подняться нравственно и послѣ своего паденія, и заслуживающую поэтому пощады. Только съ этого времени исчезла пытка (1780 г. отмѣнена пытка до суда, а послѣ суда позже) и стали вымирать личныя наказанія въ видѣ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, уступая мѣсто мѣрамъ исправительнымъ и прежде всего тюремному заключенію. Только при этихъ новыхъ условіяхъ могли быть, хотя отчасти, осуществлены требованія Джона Говарда о систематической и въ то же время гуманной постановкѣ тюремнаго заключенія, какъ одного изъ видовъ наказанія. Сочиненіе Говарда, вышедшее за 9 лѣтъ до французской революціи (Iohn Howard, his life by H. Bellows въ Pears, Prisons and reformatorys at home and abraod 1872 г. докладъ Лондонскому тюремному конгрессу), продиктованное подъ вліяніемъ глубокаго, истинно религіознаго (пуританскаго, кальвинистскаго, диссидентскаго) убѣжденія въ необходимости и возможности водворенія на землѣ правды и милости Божіей, раскрыло передъ правительствами и обществомъ европейскими истинное состояніе европейскихъ тюремъ, которыя являлись въ то время источникомъ физи-

ческой и нравственной заразы, мѣстомъ, гдѣ царилъ произволъ тюремщиковъ. Послѣднимъ было сдано на откупъ содержаніе арестантовъ и ввѣренъ весь внутренній режимъ тюрьмы, въ который государство не вмѣшивалось не тратя вмѣстѣ съ тѣмъ ни копѣйки, ни на вознагражденіе тюремнаго надзора, ни на содержаніе арестантовъ. Понятно поэтому, что даже оправдательный приговоръ суда не освобождалъ арестанта отъ дальнѣйшаго содержанія въ тюрьмѣ, разъ онъ былъ въ долгу за свое пропитаніе начальнику тюрьмы. Только въ Голландіи дѣло было лучше поставлено и дало возможность Говарду выставить слѣдующія требованія отъ раціональной системы мѣръ борьбы съ преступностью: 1) главная предупредительная мѣра противъ развитія преступности—обученіе дѣтей бѣдныхъ родителей ремесламъ, 2) отказъ отъ ссылки и широкое примѣненіе труда въ тюрьмахъ—знаменитое выраженіе: «сдѣлайте людей трудолюбивыми и вы сдѣлаете ихъ честными»; 3) примѣненіе научнаго и религіознаго образованія, какъ средства подготовить арестантовъ къ жизни на волѣ; 4) отказъ отъ наказаній, лишающихъ арестантовъ надежды на лучшее будущее, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрывающихъ всякую возможность достигать ихъ исправленія—таково напр. пожизненное заключеніе; 5) досрочное освобожденіе для трудолюбивыхъ и хорошо учившихся арестантовъ; 6) возведеніе тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія. Эти положенія, впослѣдствіи развитыя и дополненныя, были положены въ основу современной пенитенціарной системы т. е. системы мѣръ, направленныхъ къ исправленію преступниковъ при посредствѣ особаго тюремнаго режима, дисциплины съ ея наградами и взысканіями. Однако же непосредственно ученіе Говарда не привело къ реформѣ тюремнаге строя Европы въ предложенномъ имъ направленіи. Реформа эта осуществилась гораздо поздѣе, причемъ главныя ея основанія были позаимствованы изъ Америки. Здѣсь, въ штатѣ Пенсильваніи эти начала выработались на той же религіозно-диссидентской почвѣ (квакеровъ), на которой выросло и ученіе Говарда. Пенсильванцы исходили изъ того же убѣжденія въ возможности исправленія и нравственнаго возрожденія преступниковъ, а потому требовали, чтобы наказаніе не было губительно ни для физическаго, ни для моральнаго здоровья арестанта. Уже закономъ 1790 года,—т. е. почти одновременно съ дѣятельностью Говарда (его сочиненіе вышло въ 1780 г.) смертная казнь въ штатѣ Пенсильваніи оставлена была лишь за предумышленное убійство и постановлено было приступить къ возведенію тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія, съ заведеніемъ въ этихъ тюрьмахъ тяжкихъ и постоянныхъ работъ. Предположенія закона получили окончательное осуществленіе лишь въ концѣ 20-хъ годовъ XIX столѣтія (въ 1829 г.), когда близъ

Филадельфіи было возведено 2 тюрьмы по системѣ одиночнаго заключенія, изъ которыхъ одна Eastern Penitentiary, особенно удачно построенная по рисунку вѣера состояла изъ ряда флигелей, сходящихся въ центрѣ служебнаго и надзирающаго павильона и послужила потомъ образцомъ для тюремъ Европы. Въ другомъ штатѣ Америки Нью-Іоркѣ попытались примѣнить ту же систему—считая основнымъ ея принципомъ разъединеніе арестантовъ съ цѣлью предовратить вредное вліяніе ихъ другъ на друга—однако на болѣе дешевыхъ основаніяхъ, какъ это отчасти было заведено въ Бельгійской тюрьмѣ въ Гентѣ, открытой въ 1776 г., а именно разъединяя арестантовъ лишь на ночь и заставляя ихъ днемъ работать совмѣстно, но въ полномъ молчаніи. Система эта называемая Оборнской (тюрьма близь Нью Іорка), не удалась, ибо молчаніе поддерживалось лишь неограниченнымъ произволомъ тюремныхъ надзирателей въ наложеніи наказаній на арестантовъ. За то слава первой системы Пенсильванской такъ быстро росла, что западно-европейскія государства уже въ половинѣ 30-хъ годовъ послали даровитѣйшихъ своихъ людей изучать тюремное дѣло въ Америкѣ: Токвилля, Деметца, Блуэ изъ Франціи, Крауффодра и Росселя изъ Англіи, Юліуса изъ Пруссіи. Это былъ первый, но не послѣдній случай позаимствованія Европою у Америки мѣръ борьбы съ преступностью; въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія зародившій-ся въ Массачузетсѣ институтъ условнаго осужденія былъ усвоенъ почти всѣми государствами Европы, а въ настоящее время Европа изучаетъ и близка къ принятію системы неопредѣленныхъ приговоровъ для способныхъ къ исправленію и реформаторій, образцомъ которыхъ является реформаторія Эльмира близъ Нью-Іорка. По возвращеніи изъ Америки тюрьмовѣдовъ, высказавшихся рѣшительно въ пользу Пенсильванской системы одиночнаго заключенія европейскія государства съ начала 40-хъ годовъ XIX столѣтія принялись усиленно за возведеніе одиночныхъ тюремъ; возникли Пентонвилль въ Англіи, Моабитъ въ Пруссіи, Бельгія перестроила всѣ свои тюрьмы по этой системѣ. Система одиночнаго заключенія получила вскорѣ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе въ такъ называемой Ирландской прогрессивной системѣ, начало коей положено было Вольтеромъ Крофтономъ. Съ принятіемъ этой системы, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, въ большинствѣ Европейскихъ государствъ мы дѣйствительно можемъ говорить о водвореніи въ тюрьмахъ пенитенціарной системы, какъ совокупности мѣръ, направленныхъ къ возрожденію нравственному преступника, къ подготовкѣ его для возвращенія въ ряды нормальнаго общества въ качествѣ честнаго труженика. Для достиженія этихъ цѣлей, прежде всего принимаются мѣры къ устраненію вреднаго вліянія товарищей по заключенію, такихъ же

преступниковъ, а затѣмъ создается рядъ такихъ мѣръ въ видѣ все увеличивающихся поощреній, а съ другой стороны дисциплинарныхъ взысканій, которыя бы являлись для арестанта стимулами для исправленія и улучшенія, побудительными причинами проявить самодѣятельность въ дѣлѣ своего собственнаго перевоспитанія. Первой задачѣ служитъ одиночное заключеніе, занимающее извѣстную часть, около 1/3 (иногда, какъ въ Англіи, первые три или девять мѣсяцевъ заключенія, смотря по тяжести наказанія) всего срока наказанія. Съ одиночнаго заключенія, производящаго притомъ на арестанта извѣстное моральное воздѣйствіе обыкновенно и начинается отбытіе наказанія. Въ это время арестанту или вовсе не даютъ работы, или малопроизводительную (что отчасти вынуждено условіями работы), такъ что предоставленіе работы послѣ истеченія этого срока является уже желаннымъ поощреніемъ. Работа занимаетъ большую часть времени арестанта; извѣстное число часовъ однако удѣляется на изученіе религіи, посѣщеніе церкви и обученіе грамотѣ и наукамъ арестантовъ, не достигшихъ еще извѣстнаго возраста. На основаніи прилежанія, вниманія, послушанія и общаго поведенія выставляются отмѣтки или выдаются марки. Все населеніе тюремное раздѣлено на классы; переходъ изъ класса въ классъ даетъ арестанту цѣлый рядъ преимуществъ въ смыслѣ питанія, свободы и частоты свиданій съ близкими, размѣра вознагражденія за работу и т. д. Проступки влекутъ дисциплинарныя взысканія, задержку въ переходѣ изъ класса въ классъ и т. д. Но самое серьезное средство въ рукахъ тюремной администраціи для воздѣйствія на арестантовъ и для побужденія ихъ къ исправленію или, по кайней мѣрѣ, къ выполненію всѣхъ обращаемыхъ къ нимъ требованій—это возможность въ награду за хорошее поведеніе освободить арестантовъ до окончанія срока, назначеннаго имъ судомъ наказанія, съ тѣмъ, что если они на свободѣ будутъ вести себя хорошо, то совсѣмъ избавятся отъ отбыванія этой части наказанія (обыкновенно не болѣе 1/3). Нельзя отрицать большой стройности, логичности, послѣдовательности всей этой системы. Когда она впервые была установлена, увлеченіе лучшихъ мыслителей Европейскихъ было громадное; казалось человѣчество нашло могущественное средство бороться съ преступленіями, бороться съ порокомъ. Подъ вліяніемъ этого увлеченія и по предложенію лучшихъ юристовъ и тюрьмовѣдовъ того времени Mittermaier, Ducpetiaux, Otanel и друг. былъ созванъ въ 1846 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ первый международный пенитенціарный конгрессъ для обмѣна мыслей по вопросу о примѣненіи одиночнаго заключенія. Небольшой томикъ трудовъ этого конгресса весь преисполненъ надеждъ на блестящіе результаты отъ примѣненія новой системы. Вмѣстѣ съ тѣмъ получился матеріалъ и для обобщеній и разработки научныхъ и въ настоящее время

«Тюрьмовѣдѣніе» несомнѣнно является одной изъ видныхъ дисциплинъ юридическихъ наукъ, ему посвященъ рядъ учебниковъ Гольцендорфомъ Кроне, Лейтмайеромъ, Видалемъ, Дю-Кеномъ, Ашроттомъ, Вайнсомъ, Старке, Теллокомъ, у насъ И. Я. Фойницкимъ (ученіе о наказаніяхъ въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ), не считая отдѣльныхъ монографій и работъ. Послѣдовавшіе за Франкфуртскимъ тюремные конгрессы внесли много улучшеній въ постановку тюремнаго заключенія и тѣмъ не менѣе надежды на благотворные результаты примѣненіи новой системы не оправдались. Ростъ преступности и что еще важнѣе ростъ рецидива за нѣкоторыми и, притомъ весьма сомнительными, исключеніями (Англія) крайне велики, несоразмѣрны съ ростомъ населенія. Тюремное заключеніе какъ наказаніе, не задержало этого роста, но, по все болѣе укореняющемуся взгляду, явилось одной изъ причинъ этого роста. Возраженія противъ какъ тюремнаго заключенія вообще, такъ и противъ современной системѣ примѣненія и постановки этого наказанія крайне многочисленны и я ограничусь только бѣглымъ обзоромъ важнѣйшихъ.

Важнѣе всѣхъ другихъ принципіальныхъ возраженій, по моему мнѣнію возраженіе фактическаго, такъ сказать, свойства, указывающее на невозможность примѣненія и на непримѣненіе въ дѣйствительности въ большинствѣ тюремъ раціональныхъ требованій пенитенціарной системы. Объясняется это чрезвычайной дороговизной постройки: одиночная камера въ общемъ разсчетѣ обходится около 1300 руб. у насъ и соотвѣтственно заграницей (до 3000 франковъ); но это лишь въ общемъ разсчетѣ, при возведеніи большихъ зданій съ многими камерами, а иначе постройка обходится еще дороже. Я не могу здѣсь подробно останавливаться на вопросѣ о постройкахъ, но результатъ этой дороговизны тотъ, что даже самыя богатыя государства могли возвести сравнительно небольшое число одиночныхъ тюремъ. Между тѣмъ возможность ограничиться сравнительно небольшимъ числомъ тюремъ стоитъ въ прямой зависимости отъ размѣровъ территоріи, разстояній между населенными пунктами, развитія желѣзнодорожной сѣти и т. д. Условія эти такъ стѣснительны, что только два государства, Англія и Бельгія могли ограничиться сравнительно весьма небольшимъ числомъ тюремъ, въ Англіи ихъ 63, въ Бельгіи 30. Зато въ другихъ государствахъ рѣзко выдѣлились два типа тюремъ: одинъ—центральная для болѣе важныхъ преступниковъ, такихъ тюремъ немного, въ нихъ болѣе или менѣе проведены начала раціональнаго устройства, онѣ ввѣрены образованному и хорошо поставленному тюремному надзору, объ ихъ дѣятельности печатаются ежегодные отчеты. Другой типъ гораздо болѣе многочисленный,—такъ называемыхъ

мѣстныхъ тюремъ; въ Пруссіи 992, въ Россіи около 850, въ Австріи приблизительно столько-же,—гдѣ эти начала вовсе не проведены, гдѣ арестанты содержатся въ общемъ заключеніи, гдѣ работъ никакихъ не заведено [1]) и завести трудно, тюремъ однимъ словомъ, которыя ни въ какомъ отношеніи не только не могутъ служить цѣлямъ исправленія арестантовъ, а прямо развращаютъ ихъ, объединяя преступные элементы. А между тѣмъ, какъ показали статистическія данныя, представленныя парижскому тюремному конгрессу въ 1895 г. (Statistique penitentiaire 1895), средне-суточный составъ арестантовъ въ этихъ тюрьмахъ въ $1^1/_2$, 2, 3 раза больше чѣмъ въ центральныхъ. Но если къ этому прибавить, что въ мѣстныхъ тюрьмахъ отбываютъ краткосрочныя наказанія, что благодаря этому въ теченіе года составъ арестантовъ мѣняется 6 и болѣе разъ, то станетъ понятнымъ, что, напримѣръ, въ 1894 г. въ Россіи въ центральныхъ тюрьмахъ (каторжныхъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ) средне-суточный составъ равнялся 22253 человѣкамъ; мѣстныхъ— 78659 ч., но въ дѣйствительности въ мѣстныхъ тюрьмахъ за этотъ годъ перебывало 652827 чел. (названная моя работа). А между тѣмъ всѣ начинающіе преступники, не совершившіе тяжкихъ преступленій, впервые знакомятся съ наказаніемъ лишеніемъ свободы въ этихъ тюрьмахъ и не подпадаютъ подъ благодѣтельный режимъ центральныхъ тюремъ тогда, когда еще на нихъ можно воздѣйствовать. Когда же они укоренятся въ преступныхъ наклонностяхъ и совершатъ важное преступленіе, когда, однимъ словомъ, надежды на ихъ исправленіе почти нѣтъ, тогда только они попадаютъ въ центральныя правильно поставленныя тюрьмы. Такимъ образомъ, тюрьма оказывается не только совершенно безполезнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью, но и учрежденіемъ развращающимъ. А между тѣмъ за упраздненіемъ большинства другихъ наказаній, тюрьма является наиболѣе распространеннымъ наказаніемъ.

Затѣмъ, разумѣется, кромѣ этого фактическаго возраженія нельзя не считаться и съ принципіальными возраженіями, тѣмъ болѣе, что они исходятъ отъ высшихъ авторитетовъ среди ученыхъ тюрьмовѣдовъ, лицъ тюремной администраціи и судей. Такъ, достаточно упомянуть о высказанномъ на брюссельскомъ тюремномъ конгрессѣ въ 1900 г. начальникомъ англійскаго тюремнаго управленія Регль-Брайзъ и бельгійскимъ

---

[1]) Какъ выяснено въ моей работѣ «Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ (1897 г.),» у насъ въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ занято не болѣе 20% всѣхъ содержащихся.

главнымъ тюремнымъ управленіемъ мнѣніи, что тюрьма не имѣетъ никакого вліянія на ростъ рецидива, причемъ Реггль-Брайзъ добавилъ, что или надо предположить, что тюрьма вообще не имѣетъ морализующаго вліянія, или что преступленіе вообще дѣлается спеціальнымъ ремесломъ и сосредотичивается въ извѣстномъ классѣ. Реггль-Брайзъ добавилъ лишь, что онъ скорѣе склоняется ко второму мнѣнію (Actes du Congres de Bruxelles vol III p. 381. Bulletin. 4 serie, livr. II, 1900 p. 207). Нельзя также не упомянуть о мнѣніи знаменитаго современнаго юриста Лежена, министра юстиціи Бельгіи, той страны, гдѣ одиночное заключеніе наиболѣе послѣдовательно и совершенно поставлено, на конгрессѣ патронатства въ Антверпенѣ въ 1890 г. Леженъ, говоря о патронатѣ, выразилъ удивленіе, какъ могло человѣчество додуматься до мысли, что постройкой одиночныхъ келій оно справится съ преступностью. Тѣмъ же недовѣріемъ къ цѣлесообразности тюремнаго заключенія, скорѣе чѣмъ излишнею гуманностью, слѣдуетъ, несомнѣнно, объяснять чрезвычайную наклонность судей къ назначенію тюремнаго заключенія на короткіе сроки. Такъ, во Франціи въ 1896 г. 120.641 чел. были присуждены на срокъ менѣе года, а 14.520—на срокъ менѣе 6 дней. У насъ (ср. мою работу) въ среднемъ срокъ заключенія отбывающихъ наказаній въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ $1^1/_2$ мѣсяца. Такія краткосрочныя наказанія, очевидно, не достигаютъ уже вовсе никакой цѣли; достаточно вспомнить, какъ справедливо говоритъ Louis de la Hougue въ своемъ сочиненіи Des courtes peines d'emprisonnement (1901), что даже въ Эльмирѣ, американской реформаторіи близъ Нью-Іорка, представляющей дорого стоющій изделъ исправительныхъ заведеній для взрослыхъ преступниковъ, для исправленія большинства арестантовъ необходимо болѣе чѣмъ годовое содержаніе. Понятно при такихъ условіяхъ движеніе въ пользу замѣны краткосрочныхъ наказаній условнымъ осужденіемъ, а тюрьмы вообще другими мѣрами: ссылкой, полицейскимъ надзоромъ и т. д. Во главѣ этого движенія стоятъ Генри Жоли, профессоръ Левелье, Брюкъ, Варга, Миттельштедтъ и др. Въ числѣ наиболѣе существенныхъ возраженій противъ тюремнаго заключенія слѣдуетъ привести: 1) указанія на крайнюю дороговизну этого наказанія (не говоря уже о сравненіи съ тѣлесными наказаніями), которая не только допускаетъ осуществленія системы одиночнаго заключенія, какъ указано выше, или улучшеній по системѣ американскихъ реформаторій, но и въ неулучшенномъ видѣ влечетъ за собою расходы, совершенно недопустимые въ государственномъ бюджетѣ по сравненію съ расходами на обезпеченіе условій развитія и благосостоянія честныхъ гражданъ: такъ, бюджетъ тюремнаго управленія у насъ, при

всемъ несовершенствѣ нашихъ тюремъ, превышаетъ половину бюджета министерства народнаго просвѣщенія; 2) на несостоятельность самаго принципа собиранія со всей страны преступныхъ элементовъ въ одно зданіе, въ которомъ или вовсе не достигается разъединеніе ихъ, или не вполнѣ, такъ что подъ вліяніемъ товарищей преступники еще болѣе развращаются. При такихъ условіяхъ одинъ фактъ отбытія наказанія въ тюрьмѣ, безотносительно къ тяжести учиненнаго преступленія, налагаетъ клеймо, препятствующее возвращенію въ ряды нормальнаго трудящагося общества, не желающаго принять бывшаго арестанта обратно въ свою среду. 3) Указываютъ далѣе на вредъ для физическаго здоровья и въ особенности умственныхъ способностей и воли одиночнаго заключенія на сколько нибудь продолжительный срокъ—человѣкъ не возраждается и не исправляется, а совершенно разслабляется и дѣлается негоднымъ для активной жизни и дѣятельности (le coup de la cellule). 4) Тюрьма, говорятъ далѣе, имѣетъ, несомнѣнно, крайне деморализующее вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ: предоставляя арестанту все необходимое для его существованія, она избавляетъ его отъ заботы о завтрашнемъ днѣ, усыпляетъ въ немъ ту энергію, которая необходима ему, большею частью бѣдному человѣку, для обезпеченія заработка. Съ другой стороны, разлучая съ семьей, тюрьма пріучаетъ арестанта къ эгоизму, не говоря уже о разореніи семьи. 5) Наконецъ, указываютъ, что при всей дѣлимости тюремнаго заключенія и возможности по этому для судьи выбирать между десятками степеней, это наказаніе по самому существу его организаціи, не даетъ возможности индивидуализировать наказанія сообразно съ недостатками данной разновидности преступниковъ. Поэтому уже большинство современныхъ государствъ вывело или подготовляется къ удаленію изъ тюрьмы малолѣтнихъ, закоренѣлыхъ рецидивистовъ, случайныхъ преступниковъ, алкоголиковъ, лѣнтяевъ и т. д.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, однако, несомнѣнно, тюремное заключеніе будетъ еще долго занимать видное мѣсто въ лѣстницѣ наказаній, въ виду крайней затруднительности выработать удовлетворяющія поставленнымъ выше требованіямъ новыя мѣры борьбы съ преступностью. Быть можетъ, при такой разработкѣ придется подвергнуть пересмотру основные принципы наказанія, на это указываетъ появленіе и чрезвычайно быстрый, не останавливающійся ростъ такихъ мѣръ борьбы, какъ условное осужденіе, рядъ мѣръ принудительнаго воспитанія, мѣры предупредительныя, которыя имѣютъ мало общаго и съ тюрьмою и вообще съ наказаніемъ, какъ причиненіемъ вреда, хотя бы и въ цѣляхъ исправленія.

Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ [1]).

Make men diligent and they will be honest
Howard
(Сдѣлайте людей трудолюбивыми и они будутъ честными.

I.

Тюремное дѣло стало роднымъ для русскихъ судебныхъ дѣятелей благодаря высочайшему указу 13 декабря 1895 г., но и прежде оно было близко ихъ сердцу, въ особенности со времени введенія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., воспитавшихъ новое поколѣніе юристовъ-крими-

---

[1]) Изслѣдованіе это было напечатано въ Журн. Мин Юстиціи 1897 г. (февраль и мартъ) и вышло затѣмъ отдѣльной книжкой. Кромѣ рецензій въ русскихъ журналахъ оно вызвало обширную рецензію—статью въ Revue-penitentiaire за 1897. Le travaile dans les prisons russes d'apres S. Goguel. Работа составлена была на основаніи между прочимъ подлинныхъ отчетовъ губернаторовъ представлявшихся Главн. Тюремн. Управленію, причемъ впервые было выяснено, въ какой мѣрѣ въ дѣйствительности арестанты русскихъ тюремъ заняты работой. Оказалось, что каторжныхъ работъ почти нѣтъ, ибо всего 28% которыхъ заняты трудомъ. Впослѣдствіи эти данныя и цифры были подтверждены и въ оффиціальныхъ отчетахъ г. Саломона. Съ тѣхъ поръ для развитія арестантскихъ работъ сдѣлано было немного, во всякомъ случаѣ не столько, сколько нужно было бы сдѣлать. Правда цифры валоваго дохода отъ тюремныхъ работъ увеличились съ 1051586 р 86 к. въ 1894 до 1653000 р. въ 1904 г. (отч. по главн. тюр. упр. за 1904 г. стр. 150), но коренныхъ улучшеній въ постановкѣ всѣхъ работъ сдѣлано не было. Созванный въ апрѣлѣ 1902 г. съѣздъ тюремныхъ дѣятелей выставилъ тоже требованіе объединенія работъ, систематизаціи и большаго числа казенныхъ работъ—которое поддерживалось и мною въ работѣ 1897. Но для осуществленія этихъ требованій пока ничего не сдѣлано.

налистовъ, шире, глубже и вдумчивѣе относящихся къ задачамъ уголовнаго правосудія. Дореформенные суды разрѣшали дѣла на основаніи письменныхъ документовъ и протоколовъ, безъ передопроса свидѣтелей, а въ палатахъ и въ отсутствіи обвиняемаго. При такихъ условіяхъ прокурорскій надзоръ, который по характеру своей дѣятельности долженъ стоять наиболѣе близко къ обвиняемому-подсудимому, спокойно составлялъ свои письменныя работы о преданіи суду лицъ, которыхъ онъ даже ни разу не видѣлъ, только на томъ основаніи, что они привлечены къ слѣдствію; руководствуясь, при этомъ, исключительно внѣшней логикой фактовъ, факты складывались такъ-то, и «субъектъ» подлежалъ подведенію подъ такую-то статью. Новые порядки суда съ всестороннимъ и оживленнымъ судебнымъ слѣдствіемъ открыли юристамъ новые горизонты; рядомъ съ внѣшней логикой фактовъ пришлось принимать во вниманіе внутреннюю, жизненную логику, болѣе сложную, заставляющую вдумываться въ жизненную задачу, выпавшую на долю обвиняемаго, въ его характеръ, въ его личность; подведеніе подъ статью закона стало менѣе простымъ дѣломъ. На этомъ пути сотрудниками коронныхъ юристовъ явились присяжные засѣдатели съ ихъ глубокой и разумной наклонностью къ выясненію личности, составленію возможно полной характеристики обвиняемаго; перестали судить неизвѣстнаго, неопредѣленнаго субъекта, его замѣнила живая личность, со всѣми общечеловѣческими слабостями и достоинствами; эту личность нельзя болѣе съ такимъ легкимъ сердцемъ посылать въ одно изъ карательныхъ учрежденій, предусмотрѣнныхъ въ законѣ.

Это былъ первый шагъ, но, ставъ на путь изученія личности преступника, всякій внимательно относящійся къ своимъ обязанностямъ юристъ, несомнѣнно, рано или поздно долженъ былъ задаться вопросомъ: куда посылаю я данную живую личность, что это собственно за карательныя учрежденія, названія которыхъ приведены въ законѣ, достигаютъ ли они какихъ-либо цѣлей и ставятъ ли даже себѣ какія-либо задачи, что дѣлается въ этихъ учрежденіяхъ съ той личностью, которая лишена свободы? Но ознакомленіе съ порядками нашихъ мѣстъ заключенія фактически возможно было до послѣдняго времени только для лицъ прокурорскаго надзора, которыя одни могли входить въ мѣста заключенія, безъ разрѣшенія начальниковъ этихъ мѣстъ. А между тѣмъ близкое знакомство съ нашими тюремными порядками (мы имѣемъ въ виду арестантскія отдѣленія и тюрьму) приводило и приводитъ и въ настоящее время безпристрастнаго наблюдателя къ печальнымъ выводамъ. Наши мѣста заключенія несомнѣнно удовлетворяютъ только одной цѣли: лишенія преступника возможности совершать преступленія во все время заключенія; ни цѣли у с т р а ш е н і я,

ни цѣли исправленія они не достигаютъ. Всѣ они (исключенія слишкомъ незначительны) устроены по системѣ общаго заключенія, а извѣстно, что нѣтъ болѣе сильнаго средства воздѣйствія на арестанта, какъ одиночное заключеніе съ его молчаніемъ, уединеніемъ—это, несомнѣнно, лучшій способъ устрашенія; дисциплина въ нашихъ мѣстахъ заключенія болѣе чѣмъ добродушная, а главное въ ней нѣтъ никакой системы, и уже по этому одному она никакого дѣйствительнаго воздѣйствія на преступника оказывать не можетъ. Когда знакомишься съ нашими мѣстами заключенія, становится совершенно яснымъ, что объ устрашеніи арестанта лица, ведущія тюремное дѣло, совсѣмъ не думаютъ. А между тѣмъ, несомнѣнно, преступная воля, характеръ, личность, доказавшая совершеніемъ преступленія нежеланіе подчиняться законному порядку и пренебреженіе къ карательному запрету, установленному государственной властью, должны быть прежде всего устрашены. Знаменитый предсѣдатель директоровъ и инспекторовъ англійскихъ тюремъ (Chairman of the Directors of convict- prisons and of the Inspectors of local prisons), долго занимавшій эту должность, сэръ Эдмундъ дю-Кенъ говоритъ въ своемъ сочиненіи «The Punishment and Prevention of Crime» [1]): «какъ это давно уже установлено въ Англіи, тюремная система должна быть основана на сочетаніи двухъ элементовъ: карательнаго и исправительнаго» Тюремная реформа въ Англіи была произведена въ 1877 г., причемъ первые инспектора тюремъ, въ числѣ которыхъ былъ и дю-Кенъ, заявили что «для нихъ очевидно, что тюремное заключеніе должно быть сдѣлано устрашающимъ въ самой высшей мѣрѣ, насколько это требованіе можетъ быть согласовано съ сохраненіемъ здоровья силъ заключенныхъ». Кто знакомъ съ сочиненіемъ дю-Кена, то заподозритъ его въ излишней жестокости. Въ то же время слова англійскихъ тюрьмовѣдовъ имѣютъ особый вѣсъ: это единственная страна, если не ошибаюсь, во всемъ мірѣ въ которой преступность, несмотря на увеличеніе населенія, понижается; на такое пониженіе преступности указываетъ уменьшеніе числа содержащихся въ каторжныхъ и мѣстныхъ тюрьмахъ, замѣчаемое съ перваго же года введенія реформы 1877 г.; въ каторжныхъ тюрьмахъ въ 1878 г. содержалось 10,671 человѣкъ, а въ 1895—4,489 чел.; въ мѣстныхъ тюрьмахъ въ 1878 г.—20,883 чел., а въ 1895—12,890 чел. Совпаденіе этого пониженія числа заключенныхъ съ временемъ введенія тюремной реформы во всякомъ случаѣ не случайно, если даже и можно объяснять паденіе преступности кромѣ тюремной реформы и другими факторами.

[1]) Изд. 1885 г., стр. 1.

Напрасно искать въ нашихъ тюрьмахъ и исправительныхъ началъ; о перевоспитаніи арестантовъ, кажется, и мысли никогда не было; можно сказать смѣло, что за единичными исключеніями (ни въ какомъ отчетѣ не отмѣченными) тюремныхъ библіотекъ у насъ не имѣется, а между тѣмъ какую бы «monographie» изъ числа представленныхъ на Парижскій тюремный конгрессъ 1895 года мы ни открыли (V-e Congrés international. Monographies de divers établissements), по крайней мѣрѣ въ такихъ странахъ, какъ Англія, Бельгія, Франція, Швеція, Норвегія, Данія, всюду мы найдемъ тюремныя библіотеки. Въ Пруссіи на Парижскомъ конгрессѣ не представленной (Statistik der z. Ressort des König.— Preussischen Ministeriums des Innern gehörenden Strafanstalten u. Gefangnisse für den 1 April 1894/95—цухтгаузы и крупнѣйшія тюрьмы), на каждаго арестанта приходится по $8^1/_3$ книгъ. О школахъ въ русскихъ тюрьмахъ мы даже не слыхали, тогда какъ въ перечисленныхъ странахъ, даже въ краткосрочныхъ (въ такъ называемыхъ въ Австріи Gefängenenhäuser, Ск. Dr. V. Leitmaier, Oesterreichische Gefängnisskunde, 1890), всюду введено обязательное обученіе для лицъ не старше 45 лѣтъ. Кромѣ пользы отъ ученья представляется существеннымъ и самое присутствіе учителя въ тюрьмѣ, который вмѣстѣ съ духовникомъ помогаетъ начальнику тюрьмы въ классифицированіи арестантовъ, въ распредѣленіи ихъ по тѣмъ разрядамъ, прохожденіе которыхъ положено въ основу тюремной дисциплины. Но если бы всего этого не было, а былъ бы лишь трудъ, занятія, работа, то наши тюрьмы перестали бы быть тѣмъ, чѣмъ онѣ остаются до сихъ поръ, — разсадниками порока и преступленія, источниками нравственной заразы, какъ въ былое время, до образованія Главнаго тюремнаго управленія, онѣ были источниками физической заразы, мѣстомъ, гдѣ всегда гнѣздились всякія болѣзни. Трудно представить себѣ болѣе безотрадное, болѣе глубоко возмущающее душу зрѣлище, чѣмъ арестантскія камеры, наполненныя людьми совершенно незанятыми, пребывающими въ полномъ бездѣльи; при самыхъ гуманныхъ взглядахъ можно прійти въ возмущеніе и усомниться въ какомъ бы то ни было смыслѣ сохраненія системы наказанія заключеніемъ. Надо видѣть этихъ людей здоровыхъ [1]), до заключенія подъ стражу большею частью никакихъ средствъ къ существованію кромѣ личнаго заработка не имѣвшихъ и впавшихъ въ преступленіе, главнымъ

[1]) Заболѣваемость и смертность среди арестантовъ нашихъ тюремъ, какъ показываютъ данныя тюремной статистики, не выше, а скорѣе ниже, чѣмъ среди свободнаго русскаго населенія.

образомъ благодаря наклонности къ лѣни, къ невоздержанности, которыхъ въ наказаніе за совершенныя ими преступленія помѣщаютъ въ дома, устроенные не хуже ихъ собственныхъ, которыхъ кормятъ такъ, какъ они кормятся дома, а, главное, освобождаютъ отъ всякихъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, такъ какъ все ихъ содержаніе принимается на государственный счетъ, на счетъ тѣхъ плательщиковъ, которые честно и съ трудомъ зарабатываютъ себѣ хлѣбъ; никакихъ обязанностей взамѣнъ такого готоваго пансіона на нихъ не возлагается; если бы они не совершили преступленія, то за такой пансіонъ имъ пришлось бы заплатить деньгами, или трудомъ, здѣсь и этого нѣтъ; немного скучно, за то сытно и спокойно. Время они проводятъ въ безнравственныхъ разговорахъ, главнымъ предметомъ которыхъ являются разсказы о совершенныхъ преступленіяхъ, разсказы лживые, хвастливые; въ игрѣ въ шахматы (шахматныя доски можно встрѣтить на каждой почти полати); въ снѣ (полати всегда готовыя кровати, хотя и твердыя); въ куреніи табаку украдкой отъ надзирателей, которыхъ всегда слишкомъ мало при неудобномъ для надзора устройствѣ тюремъ. Все это въ наказаніе; едва ли такія условія могутъ устрашать, а тѣмъ болѣе исправлять; послѣдняя, самая слабая, привычка къ труду теряется. Вотъ эта картина русской тюрьмы, много лѣтъ наблюдавшаяся авторомъ, и побуждаетъ его сказать нѣсколько словъ по вопросу о возможной организаціи труда въ русскихъ тюрьмахъ.

Трудъ, столь слабо представленный въ русскихъ тюрьмахъ, составляетъ основу всей тюремной системы западной Европы. Для людей, ничѣмъ не занятыхъ, трудно придумать какую-нибудь дисциплинарную систему; въ сущности, всѣ мѣры понужденія и наказанія, которыми стараются въ западно-европейскихъ тюрьмахъ воздѣйствовать на арестантовъ, основаны на трудѣ и созданы благодаря существованію занятій. Таковы, съ одной стороны, одиночное заключеніе безъ занятій, при которомъ тоска, скука, является жестокимъ испытаніемъ, занятіе трудомъ непроизводительнымъ (tread wheel, crank, labour on cranks), съ другой стороны—награжденіе трудолюбивыхъ повышеніемъ денежнаго вознагражденія за трудъ; работа, исполненіе урока, является тѣмъ оселкомъ, на которомъ испытывается степень нравственнаго исправленія арестанта, интенсивность его доброй воли и затѣмъ соотвѣтственно разрѣшается вопросъ о награжденіи заключеннаго: переводъ въ слѣдующій классъ, разрѣшеніе свиданій, переписки, наконецъ, досрочное освобожденіе отъ наказанія.

Въ виду такого выдающагося значенія арестантскаго труда въ дѣлѣ

осуществленія тюремной дисциплины вполнѣ понятно, что вопросъ объ этомъ трудѣ сосредоточивалъ на себѣ особое вниманіе тюремныхъ конгрессовъ: имъ занимался римскій конгрессъ 1885 года, ему посвятилъ много часовъ и много заранѣе изгототовленныхъ письменныхъ докладовъ петербургскій конгрессъ 1890 года; парижскій конгрессъ 1895 г. собралъ статистическія данныя о положеніи тюремнаго дѣла въ разныхъ странахъ, между прочимъ, и объ организаціи труда въ этихъ странахъ (къ сожалѣнію, данныя не вполнѣ точныя). Высокое значеніе труда въ тюрьмѣ признавалось на всѣхъ конгрессахъ, какъ совершенно безспорная аксіома; какъ красиво выразился представитель французскаго правительства на петербургскомъ конгрессѣ, тогдашній директоръ французскихъ тюремъ Herbette, le chomage est a supprimer, car l'homme gui reste inactif se rouille; s'il ne fait pas le bien, il fait le mal (перерывы въ работѣ должны быть устранены, такъ какъ человѣкъ, который остается безъ дѣла, подвергается ржавчинѣ, какъ металлъ; если онъ не занимается добрымъ дѣломъ, онъ дѣлаетъ дурное дѣло» [1]).

Представитель Пруссіи на томъ же конгрессѣ Иллингъ въ своемъ интересномъ докладѣ говоритъ [2]): «Криминалисты всѣхъ странъ сходятся во взглядахъ на то, что нужно сочетать обязательность труда съ наказаніемъ, назначеннымъ за преступленія и проступки. Но если, такимъ образомъ, трудъ становится составною частью наказанія, то онъ въ то же время является однимъ изъ лучшихъ средствъ исполненія наказанія. Безъ труда было бы невозможно соблюсти въ тюрьмѣ порядокъ и дисциплину; физическое и нравственное здоровье арестантовъ пострадало бы, если бы ихъ оставляли безъ занятій, такъ какъ бездѣлье несовмѣстимо съ духовнымъ и физическимъ здоровьемъ;—такимъ образомъ, заключенный имѣетъ право на трудъ, какъ онъ имѣетъ право на содержаніе».

Членъ итальянскаго парламента. бир.-де-Рензисъ [3]), говоря о тюремномъ строѣ Англіи, замѣчаетъ: «Чтобы понять все благотворное значеніе выполненія наказаній посредствомъ труда и возможность, какъ слѣдствіе такого выполненія, нравственнаго возрожденія преступника путемъ труда, нужно посѣтить какую-нибудь англійскую тюрьму и присутствовать при исполненіи работъ подъ грознымъ руководствомъ тюремныхъ надзирателей въ длинныхъ корридорахъ, вдоль которыхъ размѣщены заключенные,

---

[1]) Actes du Congrès pénit. de St. Pétersbourg de 1890, vol. I, d. 266.
[2]) Actes du Congrès pénit. de Pétersbourg, vol. III, p. 74.
[3]) Тамъ же, стр. 8.

обязанные строгимъ молчаніемъ. Только тамъ, гдѣ бездѣятельность одиночнаго заключенія самое страшное наказаніе, трудъ, даже безъ вознагражденія, является наградой, развлеченіемъ, почти даже благодѣяніемъ. Во всякомъ случаѣ, если и не достигается нравственное возрожденіе преступника, то ему прививаютъ привычки, противоположныя бездѣлью и лѣни, которыя привели его въ тюрьму. Хорошо усвоенное ремесло, во всякомъ случаѣ, источникъ для заработка средствъ къ существованію».

Одинъ изъ англійскихъ тюрьмовѣдовъ Дунканъ говоритъ: [1]) «Я питаю глубокую вѣру въ исправительное вліяніе производительнаго труда; вмѣстѣ съ покойнымъ Фредерикомъ Гиллъ я нахожу, что трудъ—сама жизнь всякой хорошей тюрьмы».

Авторъ указаннаго уже выше прекраснаго учебника тюрьмовѣдѣнія, австрійскій прокуроръ Лейтмайеръ, такъ охарактеризовалъ на петербургскомъ конгрессѣ [2]) тѣ условія, осуществленіе которыхъ желательно для правильной постановки арестантскаго труда: «Первое и самое основное положеніе то, что арестантъ долженъ быть занятъ, т. е. что онъ долженъ трудиться во время выполненія надъ нимъ наказанія, такъ какъ трудъ является составной частью наказанія. Оставить арестанта въ одиночномъ заключеніи, безъ дѣла—было бы высшею на свѣтѣ жестокостью, а соблюсти въ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ общаго заключенія, порядокъ и дисциплину безъ труда было бы совершенно невозможно. Кромѣ того, трудъ является лучшимъ средствомъ воздѣйствія на заключенныхъ, приготовленія ихъ путемъ упорядоченной жизни къ свободѣ, исправленія ихъ и обученія ихъ ремеслу, которое даетъ имъ извѣстный заработокъ въ тюрьмѣ и возможность по выходѣ изъ тюрьмы зарабатывать честнымъ образомъ средства къ существованію. Наконецъ трудъ дѣлаетъ возможнымъ покрытіе хотя части огромныхъ расходовъ на мѣста заключенія. Поэтому трудъ долженъ быть производительнымъ, т. е. производить извѣстныя цѣнности (въ противоположность ступательнымъ мельницамъ англійскихъ тюремъ); трудъ долженъ быть въ согласіи съ строемъ мѣстъ заключенія, т. е. арестанты не должны быть занимаемы работами, которыя препятствовали бы надзору за ними, посѣщенію ими церкви, школы и т. д.; трудъ долженъ соотвѣтствовать, насколько возможно, физическимъ и нравственнымъ силамъ и прежнимъ занятіямъ заключеннаго. Не слѣдуетъ, чтобы арестант-

---

[1]) Report from the departmental Committee on Prisons (The minutes of Evidence etc....) 1895.

[2]) Actes du Congrés du Pétersb., vol. I, p. 268.

скій трудъ вступалъ въ конкуренцію со свободнымъ трудомъ и причинялъ ему тѣмъ ущербъ, но въ то же время онъ долженъ, насколько возможно, покрывать расходы на мѣста заключенія».

Если подвести итоги всему сказанному объ арестантскомъ трудѣ, то получатся слѣдующіе выводы. Главное и основное положеніе, которому уступаютъ всѣ остальныя, это то, что необходимо, чтобы занято было какъ можно большее число арестантовъ и какъ можно дольше; передъ этимъ положеніемъ отступаютъ требованія о предпочтительности извѣстной системы труда, о томъ, чтобы трудъ былъ непремѣнно производителенъ, и о необходимости полнаго устраненія конкуренціи съ свободнымъ трудомъ. Ограничиваютъ это положеніе лишь требованія, чтобы трудъ не былъ вреденъ для здоровья арестантовъ и чтобы онъ не чрезмѣрно истощалъ ихъ силы, а равно чтобы онъ во всякомъ случаѣ, при какой бы то ни было системѣ, оставался подъ контролемъ тюремной администраціи. Это послѣднее положеніе ясно опредѣляетъ главную задачу и цѣль арестантскаго труда—поддерживать дисциплину тюремную, служить нравственному исправленію арестантовъ. Вотъ почему всѣми единогласно осуждена американская система «léase system» отдачи арестантовъ частнымъ землевладѣльцамъ въ наемъ, какъ рабочій скотъ, несмотря на всю доходность этой системы; при этой системѣ, преимущественно практикуемой въ южныхъ штатахъ, арестанты отдаются въ безконтрольное распоряженіе помѣщиковъ, которые увозятъ ихъ въ деревни и дисциплинируютъ самыми произвольными средствами, какъ рабовъ.

Второе основное положеніе то, что трудъ долженъ быть производителенъ. Требованіе это предъявляется по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, потому, что большинство тюрьмовѣдовъ и большинство правительствъ признаютъ, что только путемъ производительнаго труда можно разсчитывать исправить арестантовъ, такъ какъ только такой трудъ можетъ вызвать у арестантовъ какой-нибудь интересъ къ работѣ и такимъ путемъ развить любовь къ труду; наоборотъ, трудъ безплодный только угнетаетъ, вызываетъ отвращеніе и ненависть къ занятіямъ. При этомъ желаютъ не того, чтобы трудъ приносилъ какъ можно больше дохода, а чтобы онъ имѣлъ опредѣленную цѣль, производилъ бы какія-либо цѣнности, хотя бы дающія самый ничтожный доходъ. Однако, въ Англіи и до сихъ поръ въ большинствѣ мѣстныхъ (local) тюремъ существуетъ тяжкій трудъ (hard labour), механическая работа—tread wheel (ступательная мельница) или crank (колѣнчатый валъ); работа эта примѣняется въ началѣ заключенія, составляетъ первое звено въ системѣ постепеннаго улучшенія положенія арестанта (интереснѣе работа, лучше положеніе, больше свободы сообщенія

съ внѣшнимъ міромъ); лица, присужденныя къ тюремному заключенію на срокъ не свыше мѣсяца, занимаются исключительно непроизводительнымъ трудомъ въ виду трудности подыскать занятіе для этихъ лицъ, а тѣмъ болѣе обучить ихъ какой-либо работѣ. Если принять во вниманіе, что въ другихъ странахъ существуетъ то же для начала одиночное заключеніе безъ работы, то еще далеко неизвѣстно, что производитъ болѣе сильное дѣйствіе на арестанта, тоска ли полнаго уединенія и вынужденнаго безпрерывнаго размышленія надъ самимъ собой, или непроизводительная работа; во всякомъ случаѣ непроизводительный трудъ примѣняется только въ извѣстной мѣрѣ, какъ звено въ общей системѣ, и въ сущности не идетъ прямо въ разрѣзъ съ требованіемъ о производительности труда. Но требованіе о производительности арестантскаго труда предъявляютъ не только съ точки зрѣнія исправленія преступника путемъ труда, но и въ цѣляхъ, такъ сказать, фискальныхъ. Англичанинъ тюрьмовѣдъ, докторъ Муа въ интересномъ письменномъ докладѣ петербургскому конгрессу [1]) говоритъ: «Тюрьмы являются несомнѣннымъ бременемъ для государственнаго бюджета каждой страны, и поэтому вполнѣ справедливо и согласно съ требованіями политики облегчить, насколько возможно, бюджетъ». Цитированный уже выше Иллингъ [2]) говорилъ на томъ же конгрессѣ: «совершенно справедливо, чтобы заключенные возмѣстили своимъ трудомъ хотя часть расходовъ, которые вызванны были исполненіемъ наказанія надъ ними, наказанія, которое они навлекли на себя совершеннымъ ими же преступленіемъ». Въ виду этого, при выборѣ занятій для заключенныхъ, необходимо имѣть въ виду и эту задачу арестантскаго труда, «давать предпочтеніе занятіямъ полезнымъ, доходнымъ, хотя доходность труда все-таки не самое важное условіе организаціи труда».

Директоръ уголовной тюрьмы въ Меленѣ (Maison centrale de Melun) Веллье въ письменномъ докладѣ, представленномъ парижскому конгрессу 1895 г. [3]), говоритъ, «что тюрьма не должна нарушать всѣхъ основныхъ принциповъ существованія тѣхъ лицъ, которыя въ нее попадаютъ; на свободѣ они должны заботиться о существованіи своемъ и семьи, а въ тюрьмѣ получаютъ все готовое»; «мы бы желали, чтобы государство сказало преступнику: я тебѣ ничего не должно, вотъ тебѣ одежда и квартира, ты будешь получать содержаніе (пропитаніе) только по мѣрѣ того,

---

[1]) Actes, vol. 1, p. 390.

[2]) Actes, vol. III, p. 77.

[3]) Bulletin de la Commission pénitentiaire; quatrième livraison, Mai 1895, p. 226.

какъ будешь работать и въ соотвѣтствіи съ размѣрами заработаннаго тобой».

Требованіе возможно большей производительности арестантскаго труда ограничивается однако условіемъ, чтобы высшій контроль и руководство арестантами сохранялось въ рукахъ тюремной администраціи и не переходило въ руки частныхъ предпринимателей. При соблюденіи этого послѣдняго условія, теряетъ значеніе вопросъ о преимуществахъ той или другой системы веденія работъ и спеціально о преимуществахъ веденія тюремныхъ работъ на государственныя средства и тюремной администраціей (régie) передъ системой веденія ихъ предпринимателемъ (entreprise); если послѣдній поставляетъ матеріалъ и работу, но заранѣе условіемъ обязанъ производить такія-то, а не другія работы,—занимать арестантовъ извѣстное число часовъ, и ограниченъ въ непосредственномъ воздѣйствіи на арестантовъ, то и теорія, и практика не видятъ корренныхъ недостатковъ въ этой системѣ и полагаютъ, какъ это выражено петербургскимъ конгрессомъ, что лишь при возможности выбора предпочтительнѣе система régie; на практикѣ обѣ системы восполняютъ другъ друга, даже въ такой образцовой по тюремному устройству странѣ, какъ Бельгія.

Нельзя умолчать о томъ, что арестантскій производительный трудъ вызывалъ и вызываетъ отъ времени до времени нареканія свободныхъ рабочихъ; нареканія эти были разобраны подробно конгрессами и представителями мѣстныхъ тюремныхъ администраціи и оказались почти цѣликомъ неосновательными.

Еще на Римскомъ конгрессѣ 1885 г. [1]) директоръ французскихъ тюремъ Гербеттъ замѣтилъ, что вѣдь арестанты и до поступленія въ мѣста заключенія чѣмъ-нибудь занимались, что, такимъ образомъ, трудъ ихъ въ тюрьмѣ не является искусственно созданной конкуренціей свободному труду, а лишь перемѣщеніемъ существующихъ рабочихъ силъ изъ одной отрасли промышленности въ другую. На петербургскомъ конгрессѣ Riviére (секретарь французскаго тюремнаго общества) привелъ цѣлый рядъ случаевъ неосновательныхъ жалобъ на конкуренцію арестантскаго труда; такъ, сѣдельщики Парижа (которыхъ было 15 тысячъ человѣкъ) въ 1877 г. жаловались на конкуренцію 60 арестантовъ, занимавшихся изготовленіемъ сѣделъ; всего во французскихъ тюрьмахъ считалось около 40 тысячъ человѣкъ, которые занимались 80 ремеслами, изъ нихъ самое распространенное ремесло, сапожное, занимало всего 1800 человѣкъ, а въ то же время сапожниковъ въ странѣ было 120 тысячъ.

[1]) Actes du Congrés de Rome, vol III, part. I, p. 153 et suiv.

Много случаевъ неосновательныхъ жалобъ германскихъ промышленниковъ приведено было на петербургскомъ конгрессѣ проф. Георгіевскимъ [1]). Интересы въ этомъ отношеніи факты, приводимые англійскими инспекторами тюремъ во главѣ съ дю-Кеномъ въ ихъ годовыхъ отчетахъ; въ отчетѣ за 1890 г. (Thirteenth Report of the Commissioners of Prisons) и въ слѣдующихъ объясняется, что въ виду нареканій производителей цыновокъ и матъ (плетеніе) инспектора крайне сократили это весьма распространенное въ тюрьмахъ, въ виду легкой усвояемости, производство; результатъ оказался, однако, неожиданный; жалобы все продолжаются, несмотря на открытіе со времени сокращенія тюремнаго производства цѣлаго ряда новыхъ фирмъ, занимающихся производствомъ матъ; въ то же время, маты начинаютъ ввозить въ Англію, а Америка и Бельгія значительно усиливаютъ производство матъ въ своихъ тюрьмахъ. Конкуренція арестантскаго труда свободному возможна, главнымъ образомъ, при условіи сосредоточенія тюремнаго производства на какой-нибудь одной отрасли промышленности и въ особенности при условіи расположенія тюрьмы въ такой мѣстности, въ которой свободное населеніе исключительно посвятило себя той же отрасли промышленности; при сохраненіи за тюремной администраціей возможности и права устраненія такой мѣстной конкуренціи, дѣйствительной опасности свободному труду не грозитъ. Но чтобы устранить нареканія, и конгрессы и отдѣльныя правительства признаютъ правильнымъ сосредоточить арестантскій трудъ прежде всего на удовлетвореніи потребностей самой тюрьмы; такъ, всегда всѣ хозяйственныя работы по тюрьмѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова исполняются арестантами, затѣмъ стараются изготовлять въ тюрьмѣ для ея арестантовъ одежду, бѣлье и обувь. Извѣстный директоръ уголовной тюрьмы въ Марбургѣ (въ Австріи) Антонъ Марковичъ [2]) рекомендуетъ, въ видахъ удовлетворенія потребностей самой тюрьмы, пріобрѣсти хотя-бы лишь для каждой уголовной тюрьмы участокъ земли, чтобы всѣ необходимые для тюрьмы продукты доставлять трудомъ арестантовъ [3]).

За удовлетвореніемъ потребностей тюрьмы и тюремнаго вѣдомства трудъ арестантовъ долженъ быть, по мнѣнію всѣхъ тюрьмовѣдовъ (въ томъ числѣ и Марковича въ упомянутой статьѣ), примѣненъ къ прозиводству различныхъ предметовъ по заказу государства (т. е. различныхъ отраслей администра-

[1]) Bulletins de la Commiss. intern 1889, livrais. III et IV.

[2]) Blatter für Gefängnisskunde 1895, 3 u 4 Heft—„die Strafhausarbeit".

[3]) Не надо забывать, что въ австрійскихъ тюрьмахъ существуетъ такъ называемый Eigen-regie, хозяйственный способъ довольствія арестантовъ, давшій по словамъ Лейтмайера, за пять лѣтъ около милліона гульденовъ экономіи

ціи), а равно къ выполненію различныхъ крупныхъ тяжелыхъ общественныхъ работъ (земляныя работы по устройству крѣпостей, мостовъ въ портахъ, исправленію русла горныхъ потоковъ, наконецъ, по постройкѣ общественныхъ зданій); если и при этомъ отъ свободнаго населенія отнимается часть заработка, то это можетъ быть оправдано уже однимъ соображеніемъ, что арестанты—готовая и дешевая рабочая сила въ распоряженіи государства, что, пользуясь этой силой, государство получаетъ большую выгоду, а если получаетъ выгоду государство, то выигрываютъ отъ этого всѣ подданные того же государства.

Нельзя не отмѣтить также предложенія, сдѣланнаго на Петербургскомъ конгрессѣ проф. Георгіевскимъ и Стевенсономъ: производить въ тюрьмахъ тѣ прдеметы, которые ввозятся въ страну изъ-за границы—въ такомъ случаѣ о кокнуренціи отечественной промышленности не можетъ быть и рѣчи.

II.

Если отъ этихъ принципіальныхъ положеній и теоретическихъ взглядовъ на желательную постановку арестантскаго труда перейти къ обозрѣнію дѣйствительнаго положенія этого труда въ тюрьмахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и западной Европы, то прежде всего является необходимость провести строгое различіе между тѣми мѣстами заключенія, которыя въ изданной французскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ко времени парижскаго конгресса 1895 г. обще-европейской тюремной статистикѣ (Ministère de l'interieur. Congrès pénitentiaire international. Paris 1895. Statistique de l'année 1892) названы établissements pénitentiaires въ противопожность maisons d'arrêt et de justice; первая категорія включаетъ у насъ каторжныя тюрьмы и арестантскія отдѣленія, вторая — тюрьмы и арестные дома.

Первая камегорія представляетъ во всѣхъ государствахъ излюбленное дѣтище тюремной администраціи, и надо сказать, что, по крайдей мѣрѣ въ иностранныхъ государствахъ, въ значительной мѣрѣ осуществляетъ всѣ теоретическія пожеланія. Большинство, или по крайней мѣрѣ, значительная часть этихъ тюремъ построены уже въ послѣдней части нынѣшняго столѣтія по извѣстнымъ строго-задуманнымъ спеціальнымъ планамъ; одиночное заключеніе представляется въ этихъ тюрьмахъ господствующимъ, арестантскій трудъ поставленъ весьма широко; благодаря продолжительности сроковъ заключенія, въ этихъ мѣстахъ всегда успѣваютъ выработаться опытные мастера; разсчитаны эти мѣста на многочисленное населеніе (число ихъ въ каждой отдѣльной странѣ очень невелико). Благодаря

всѣмъ этимъ условіямъ, т. е. обширности помѣщеній, обширности населенія и наличности опытныхъ мастеровъ, эти мѣста заключенія въ отношеніи постановки работъ являются крупными фабричными заведеніями, крупными предпріятіями въ современномъ капиталистическомъ смыслѣ: работы производятся большею частью при помощи пара, раздѣленіе труда въ каждой отрасли осуществлено въ значительной мѣрѣ (даже можно сказать въ нежелательной степени, такъ какъ каждый отдѣльный работникъ, какъ во всякомъ современномъ крупномъ производствѣ, совершенно обезличивается и никакому самому простому ремеслу въ цѣломъ не научается), доходность труда чрезвычайно велика.

Переходя къ обозрѣнію положенія центральныхъ тюремъ въ отдѣльныхъ государствахъ, мы начнемъ съ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, о которыхъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія нѣмецкій ученый Роландъ П. Фалькнеръ [1]). Задавшись мыслью выяснить, насколько осуществленъ въ разныхъ странахъ фактически тотъ принципъ, въ силу котораго расходы на содержаніе тюремъ должны быть по возможности покрываемы доходами отъ арестантскаго труда, Фалькнеръ отдаетъ первенство американскимъ тюрьмамъ [2]), именно государственнымъ тюрьмамъ, соотвѣтствующимъ понятію établissement pénitentiaire, въ противоположность графскимъ тюрьмамъ. Свѣдѣнія Фалкнера основаны, главнымъ образомъ, на данныхъ, изложенныхъ въ Report of the Commissioners of Labour, 1886, Convict labour. Въ тюрьмахъ, въ которыхъ отбываются самыя строгія наказанія уголовныя, содержалось въ указанномъ году всего 44.512 человѣкъ, изъ нихъ было занято промышленнымъ трудомъ 33.661 человѣкъ, т. е. $73^1/_3{}^0/_0$; хозяйственными работами по тюрьмѣ 8.146 человѣкъ, т. е. $18^1/_3{}^0/_0$, а всего $91^2/_3{}^0/_0$, и только $8^1/_3{}^0/_0$ приходилось на больныхъ и не занятыхъ трудомъ; такимъ образомъ первое требованіе теоріи, чтобы трудъ занималъ какъ можно большее число заключенныхъ, является несомнѣнно вполнѣ удовлетвореннымъ.

Производительность арестантскаго труда опредѣлена въ мѣстномъ отчетѣ такъ: стоимость произведенныхъ въ теченіе отчетнаго года въ вышеупомянутыхъ уголовныхъ тюрьмахъ товаровъ равняется 24.859.810 дол-

---

[1]) Sammlung national-ökonomischer Abhandlungen, hrsg. v. Dr. Conrad. Fünfter Band, erstes Heft. Die Arbeit in den Gefangnissen v. Roland. P. Falkner. 1888 г.

[2]) Въ нашей литературѣ существуетъ о томъ же предметѣ статья А. Тимофеева. „Тюремныя работы въ Соединенныхъ Штатахъ". Тюремный Вѣстникъ 1893 г. № 4 (статья основана, какъ и изслѣдованіе Фалькнера, на американскомъ отчетѣ за тотъ же 1886 г.

ларамъ и, слѣдовательно, одинъ арестантъ (принимая общее число арестантовъ, а не только тѣхъ, которые заняты промышленнымъ трудомъ), выработалъ всего на сумму 558½ доллара или 1117 рублей. Все выработанное тюрьмами количество товоровъ (опредѣляя цѣнность на деньги) составляетъ 0,54% всего выработаннаго въ цѣлой странѣ; по нѣкоторымъ отдѣльнымъ производствамъ этотъ процентъ, разумѣется, нѣсколько выше, но различныхъ производствъ въ тюрьмахъ много, и о серьезной конкуренціи свободному труду даже при такомъ развитіи арестантскаго труда едва-ли можно говорить.

Если обратиться къ системамъ организаціи труда въ американскихъ тюрьмахъ, то такихъ четыре: public account, system, соотвѣтствующая европейской régie, т. е. производство на государственный счетъ (все предпріятіе ведется государствомъ за свой счетъ и страхъ); въ 1886 г. она занимала 14.827 человѣкъ (изъ общаго числа 64.349 арестантовъ, содержавшихся въ мѣстахъ заключенія, о которыхъ мы говорили выше, и въ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ). Затѣмъ contract system, соотвѣтствующая европейской entreprise и занимающая наибольшее число арестантовъ—15.425. Далѣе piece-price system, соотвѣтствующая системѣ европейской Stücklohn - System, примѣняемой въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, и называемой также entreprise limitée; предприниматель доставляетъ матеріалъ и получаетъ затѣмъ заказанные предметы, вознаграждая за трудъ въ условленномъ размѣрѣ, самое производство остается въ исключительномъ вѣдѣніи администраціи; эта система занимала 4693 человѣка. Наконецъ, lease system, о которой мы уже говорили выше, состоитъ въ отдачѣ арестантовъ въ наймы и въ безконтрольное владѣніе помѣщиковъ; она занимала 8793 человѣка.

Самая производительная система контрактная; занимая всего на 598 человѣкъ больше, чѣмъ система public-account (т. е. régie), она въ то же время дала цѣнностей въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ система régie, а именно эта послѣдняя дала всего на сумму 4.086.637 долларовъ, тогда какъ контрактная дала на сумму 18.096.245 долларовъ (разсчетъ на всю сумму 28.753.998 долларовъ, олученную не только въ тюрьмахъ уголовныхъ, но во всѣхъ тѣхъ трехъ родахъ тюремъ, въ которыхъ было, какъ сказано выше, 64.349 человѣкъ).

Для системы régie нѣтъ, такъ сказать, въ Америкѣ матеріала: главнымъ заказчикомъ на арестантскій трудъ при административномъ его вѣдѣніи (régie) въ другихъ государствахъ является администрація въ различныхъ ея отрасляхъ, но извѣстно, что администрація въ Америкѣ почти не существуетъ, будучи замѣнена въ значительной степени само-

управленіемъ мѣстныхъ органовъ; нѣтъ арміи и военнаго флота (въ большихъ размѣрахъ), которые являются главными заказчиками при системѣ régie въ другихъ странахъ. А между тѣмъ нельзя скрыть, что всѣ возраженія, которыя приводятся противъ системы entreprise, могутъ быть примѣнены и къ контрактной системѣ; главный недостатокъ этой системы тотъ, что она гораздо меньше системы régie, и Stücklohn служитъ цѣлямъ исправленія. Система эта даетъ тѣмъ больше дохода и тѣмъ лучше развивается, чѣмъ слабѣе надзоръ тюремной администраціи и чѣмъ больше неограничены въ своихъ распоряженіяхъ предприниматель и его мастера, завѣдующіе работами, въ зависимость отъ которыхъ становятся арестанты; такимъ образомъ, при ней приходится жертвовать главной задачей арестантскаго труда—исправленіемъ преступниковъ и поддержаніемъ дѣйствительной тюремной дисциплины—менѣе важной задачѣ—доходности этого труда. О системѣ lease въ виду вышесказаннаго можно замѣтить лишь, что, будучи крайне нежелательной въ цѣляхъ пенитенціарныхъ, она вдвойнѣ, можетъ быть, именно поэтому самому доходна; доставляя большой доходъ отъ работы, она знаменуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полное упраздненіе тюремной администраціи и расходовъ на помѣщеніе и содержаніе арестантовъ.

Система piéce-price (Stücklohn), будучи болѣе доходна, чѣмъ régie, не уступаетъ ей въ отношеніи обезпеченія цѣлей исправленія; къ сожалѣнію, она распространена была ко времени отчета слишкомъ мало.

Не работая на государство, арестанты американскихъ тюремъ не производятъ и общественныхъ работъ, къ которымъ съ такимъ успѣхомъ примѣняется въ другихъ странахъ арестантскій трудъ. Тюрьмы американскія заняты чисто-промышленнымъ трудомъ; наиболѣе распространенное ремесло (какъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ), сапожное, занимаетъ 17,46% общаго числа арестантовъ; затѣмъ разбивка камней (повидимому, наружная работа) 11,39% и мощеніе дорогъ 7,21%; затѣмъ фермерскія и садовыя работы 9,45% (въ виду развитія контрактной системы и существованія системы lease надо предполагать, что подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ обработку чужихъ огородовъ, но не огородовъ тюремныхъ); метельное и щеточное ремесла занимаютъ 4,61%; затѣмъ мы встрѣчаемъ и мебельное, и экипажное, и вагонное, и шорное, и сѣдельное, и производство желѣзныхъ печей, и т. д.; нельзя не отмѣтить производства земледѣльческихъ орудій, занимающаго 1,52%, хотя при крупномъ производствѣ тѣхъ же орудій свободнымъ трудомъ такое производство какого-либо значенія для мѣстнаго сельскаго хозяйства не представляетъ.

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ доходность (въ смыслѣ суммъ чистаго дохода) американскаго труда увеличилась за истекшее десятилѣтіе (вышеупомянутая статья г. Тимофеева составляетъ пересказъ того же отчета 1886 г., хотя помѣщена въ 1893 г.), но въ настоящее по крайней мѣрѣ, время каторжныя тюрьмы западно-европейскія получаютъ большій доходъ отъ арестантскаго труда, чѣмъ американскія, и если доходъ отъ этихъ работъ въ американскихъ тюрьмахъ покрывалъ (какъ указываетъ отчетъ) 60% всѣхъ издержекъ на содержаніе тюремъ, то это должно быть объяснено не особой доходностью арестантскаго труда въ Америкѣ, а совершенно несоразмѣрной съ дороговизной жизненныхъ продуктовъ и вообще всей жизни въ Америкѣ малою суммой издержекъ на содержаніе тюремъ. Дѣйствительно, чистый доходъ отъ арестантскаго труда въ тюрьмахъ, въ которыхъ отбывались уголовныя наказанія, равнялся 2.668.425 долларамъ арестантовъ въ этихъ тюрьмахъ содержалось 44.512, слѣдовательно, на одного арестанта заработка приходилось всего 60 долларовъ, т. е. 120 р., тогда какъ (см. ниже) въ европейскихъ тюрьмахъ (Англіи, напр.) достигаетъ до 200 рублей на человѣка. Съ другой стороны, общая сумма расходовъ на содержаніе этого разряда тюремъ равнялась 6.122.087 долл., а «сумма текущихъ» расходовъ составила всего 4.117.355 долл. Послѣдняя сумма несомнѣнно вычислена слишкомъ низко; дѣйствительно, если остановиться на суммѣ 4.315.813 долларовъ (только при этомъ условіи доходъ отъ работъ покрываетъ 60% издержекъ на содержаніе), то годовое содержаніе одного арестанта опредѣлится всего въ 97 долларовъ, тогда какъ по смѣтѣ на 1895 г. даже въ нашихъ арестантскихъ отдѣленіяхъ содержаніе арестанта въ годъ обходилось въ 76½ руб.; а между тѣмъ въ нашей смѣтѣ не показаны расходы на исправленіе тюремъ, и, что главное, жизнь въ Америкѣ стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ 4 раза дороже, чѣмъ у насъ; при такихъ условіяхъ указанная цифра расходовъ становится совершенно непонятной, въ особенности по сравненію съ цифрой тюремныхъ расходовъ Англіи, гдѣ жизнь все-таки дешевле, чѣмъ въ Америкѣ, и гдѣ годовое содержаніе одного арестанта въ каторжныхъ тюрьмахъ (Convict-prisons, Report of the Directors of Convict-prisons for the year 1894—95) обходилось въ среднемъ въ 40 фун. ст. 6 шил. 8 пенс., т. е. въ 405 руб. Если остановимся не на суммѣ расходовъ, которые названы въ американскомъ отчетѣ «текущими», а на общей суммѣ годовыхъ расходовъ на уголовныя тюрьмы, то заработокъ отъ работы покрываетъ всего 45% этой суммы, т. е. меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ; необходимо къ тому же замѣтить, что и эта общая сумма представляется намъ слишкомъ малой

и объясняется развѣ существованіемъ той кабальной системы (lease), при которой тюремная администрація совершенно упраздняется, будучи замѣнена властью помѣщика [1]).

Англія. Порядки американскихъ тюремъ, несомнѣнно, въ значительной степени уступаютъ тюремному строю одноплеменной Англіи. Здѣсь именно мы можемъ говорить о «строѣ», такъ какъ, начиная съ 1877 г. (The Prisons Act 1877), осуществляется и даже большею частію осуществленъ уже стройный планъ организаціи тюремнаго дѣла; въ основу этого плана положены глубокіе и вѣрные взгляды на задачи, которыя могутъ и должны быть разрѣшены въ мѣстахъ заключенія; съ того времени было нѣсколько конгрессовъ, но ничего глубже, вѣрнѣе высказано не было. Планомъ этимъ предусмотрѣны и постройка тюремныхъ зданій, и порядокъ дисциплины, и организація занятій арестантовъ; предусмотрѣны и финансовые интересы государства въ смыслѣ возможнаго облегченія бюджета отъ падающихъ на него непроизводительныхъ издержекъ по содержанію тюремъ и арестантовъ, но не забыты также и болѣе высокіе интересы борьбы съ преступленіемъ, какъ съ соціальнымъ зломъ, причемъ руководились принципомъ, что лучше всего тюрьма окупаетъ расходы на нее, если достигаетъ исправленія содержащихся въ ней. Въ виду этого и при организаціи труда ставили главною цѣлью устрашеніе и исправленіе, а потомъ уже доходъ, и поэтому прежде всего строго и неумолимо во всѣхъ тюрьмахъ, какъ каторжныхъ (convict prisons), такъ и провинціальныхъ обыкновенныхъ (local prisons), проведена система государственнаго веденія работъ (régie), т. е. веденія работъ подъ руководствомъ и по указаніямъ состоящихъ на государственной службѣ мастеровъ и надзирателей; для частныхъ лицъ вообще работаютъ весьма мало, но если и работаютъ, то такіе предметы, которые и безъ того приготовляются въ тюрьмахъ для главнаго заказчика—государства; признано, что арестантскій трудъ, какъ дешевая рабочая сила, долженъ быть примѣненъ на пользу государства, какъ представителя общихъ интересовъ народныхъ. Этотъ справедливый и здоровый принципъ принесъ и громадную финансовую выгоду. Здѣсь мы имѣемъ пока въ виду каторжныя тюрьмы (convict-prisons); какъ сооб-

[1]) Если остановимся на общей суммѣ расходовъ на уголовныя тюрьмы—6.122,087 долл.,—то содержаніе одного арестанта опредѣляется суммой 137½ долл., т. е. 275 руб. въ годъ

щаютъ дю-Кенъ и Ашроттъ [1]), трудомъ арестантовъ каторжныхъ тюремъ произведены громадныя общественныя сооруженія (public works). Самыя большія изъ этихъ работъ: постройка тюремъ въ Woking, Borstal, Wormwood Scrubs; кромѣ того достроены тюрьмы въ Чатамѣ, Портсмутѣ, Дортмурѣ, Паркхерстѣ и Брикстенѣ (всего нѣсколько тысячъ одиночныхъ камеръ). Тѣмъ же трудомъ произведены замѣчательныя работы по расширенію доковъ, возведенію моста и насыпи въ Чатамѣ и Портсмутѣ и т. д. Всѣ эти труды дали возможность сдѣлать правительству экономію въ 277.700 фун. ст., т. е. въ 2.777.000 руб.; нельзя не признать, что это законная экономія, что выгодностью дешеваго труда, въ сущности воспользовался весь народъ, которому меньше пришлось платить налоговъ, благодаря этому. Взглядъ англійскаго правительства на эти общественныя работы выраженъ парламентской комиссіей 1879 [2]): „Мы убѣждены, выразились члены комиссіи, что суровый трудъ на общественныхъ работахъ лучше всего научитъ преступниковъ производительно трудиться и познакомитъ ихъ съ такими занятіями, какъ проведеніе дорогъ, теска каменей, производство кирпичей, возведеніе зданій, занятіями такого свойства, которыя и по выходѣ изъ тюрьмы преступники легче всего получатъ, ибо именно на такія работы берутъ людей, не справляясь съ ихъ прошлымъ“.

Вѣрные однажды высказаннымъ взглядамъ, англичане и въ настоящее время отводятъ видное мѣсто среди занятій въ каторжныхъ тюрьмахъ общественнымъ работамъ (public works); какъ говоритъ Ашроттъ, самыя тюрьмы иногда просто называются „public works“, и во главѣ ихъ ставятъ людей, которые могли бы руководить такими общественными сооруженіями, инженеровъ, (бывшій директоромъ тюремъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ директоровъ, всего въ теченіе 32 лѣтъ, дю-Кенъ былъ самъ инженеромъ).

Въ отчетѣ директоровъ каторжныхъ тюремъ за годъ, окончившійся 31 марта 1895 г., имѣются подробныя указанія какъ о public works, такъ и о другихъ работахъ, которыми занимались каторжные въ этотъ годъ [3]).

Необходимо замѣтить, что и относительно каторжныхъ тюремъ англичане со времени реформы 1877 г. держатся того же взгляда, что и от-

[1]) F. du Cane, The Punishment and Prevention of crime, 1885.— D. P. F. Aschrott, Strafensystem und Gefängnisswesen in England, 1887 и 1896,

[2]) Дю-Кенъ, назв. соч., стр. 177.

[3]) Англійскіе тюремные отчеты представляютъ собой, по полнотѣ и обработкѣ данныхъ, ясности и сжатости изложенія образецъ, которому желательно было бы слѣдовать и въ другихъ странахъ; они состоятъ изъ 4 частей (2 части convict-prisons и 2 части local prisons; вторая и четвертая части посвящены отчетамъ по каждой отдѣльной тюрьмѣ).

носительно мѣстныхъ тюремъ (см. ниже), а именно, что чѣмъ меньше тюремъ числомъ и чѣмъ онѣ крупнѣе, тѣмъ лучше и экономнѣе можно ихъ поставить; одно хозяйство въ большомъ размѣрѣ всегда обходится дешевле, чѣмъ нѣсколько малыхъ; въ тюремномъ дѣлѣ этотъ принципъ имѣетъ особенное значеніе; помимо экономическихъ выгодъ (сокращеніе расходовъ на поправки зданій, на персоналъ надзора и т. д.) въ крупныхъ тюрьмахъ, построенныхъ по извѣстнымъ планамъ со всѣми желательными приспособленіями, легче осуществляются пенитенціарныя цѣли; въ смыслѣ постановки работъ большія тюрьмы несомнѣнно, предпочтительнѣе: здѣсь имѣются 4 хорошія мастерскія, а, главное, здѣсь можно вести все дѣло на болѣе широкую ногу (имѣть хорошихъ мастеровъ, хорошія машины и т. д.), а извѣстно, насколько такая широкая постановка имѣетъ рѣшающее значеніе въ нашъ вѣкъ капиталистическаго производства.

Еще въ 80-хъ годахъ было 18 каторжныхъ тюремъ, въ годъ 1894—1895 ихъ было всего 8 и изъ нихъ двѣ (Portsmouth и Dover) закрылись въ 1894 г. и январѣ 1895 г., а третья (Woking) предполагалась къ закрытію въ концѣ 1895 г. Всего въ 8 тюрьмахъ среднесуточное содержаніе равнялось 3562½ человѣкъ (м. и ж.); изъ 8 тюремъ только въ двухъ закрытыхъ среднесуточный составъ былъ менѣе 100; двѣ тюрьмы были разсчитаны болѣе, чѣмъ на 1000 человѣкъ каждая.

Изъ общаго среднесуточнаго числа содержавшихся въ отчетномъ году 87% были заняты работами и лишь 13% приходилось на больныхъ, неспособныхъ къ работѣ, наказанныхъ и оставленныхъ безъ занятій (въ виду внѣшнихъ причинъ дождливой погоды и т. п.). Относительно процента больныхъ необходимо замѣтить, что въ одной изъ тюремъ, благодаря случайной причинѣ (загрязненію водопровода), появилась эпидемія тифа, энергично прекращенная, впрочемъ.

Хотя въ отчетахъ англійскихъ тюремъ выводится вознагражденіе и за хозяйственныя работы (техническій терминъ для работъ по тюремному хозяйству: ламповщики, пекари, кашевары и т. д.), но въ сущности это вознагражденіе лишь выводится для оцѣнки труда и не принимается въ разсчетъ самими отчетами. Безъ хозяйственныхъ же работъ, за всѣ остальныя работы поступило въ доходъ тюремъ въ отчетномъ году 70.628 фун. ст. 1 шил. 7 пенс., т. е., 706.280 руб. съ копѣйками, или на каждаго арестанта 198 руб. 31 коп. [1]). Въ сущности, англійскіе арестанты вознагра-

[1]) Какъ говоритъ Ашроттъ, арестанты, находящіеся въ низшемъ классѣ, ничего не получаютъ, въ третьемъ классѣ 20 марокъ (за поведеніе), во второмъ за 12 и въ первомъ за 10 марокъ арестантъ получаетъ пенни; деньги эти на руки не выдаются, а передаются обществамъ патронатства.

жденія за трудъ не получаютъ, а то ничтожное вознагражденіе, которое имъ выдается (въ 1894—1895 г. 3·541 фун. ст. 7 шил. 1 пенс.), показывается въ графѣ расходовъ на содержаніе тюремъ. Такимъ образомъ, весь доходъ отъ арестантскаго труда можетъ быть засчитанъ въ пользу государства, а такъ какъ содержаніе каторжныхъ тюремъ въ 1894—1895 году (т. е. содержаніе арестантовъ, правленія и надзора, одѣяніе и обувь арестантовъ, леченіе, пересылка, а также поправка тюремныхъ зданій и вознагражденіе за трудъ) обошлось въ 142.626 фун. ст. 16 шил. 10 пенс., то, слѣдовательно, доходомъ отъ работъ покрыта была почти половина расходовъ на содержаніе; результатъ, несомнѣнно, блестящій.

Если теперь перейти къ отдѣльнымъ родамъ занятій каторжныхъ (convicts), то оказывается прежде всего, что непроизводительнаго труда въ каторжныхъ тюрьмахъ нѣтъ совсѣмъ (crank, tread wheel); объясняется это тѣмъ, что работа эта отбывается каторжниками преимущественно въ тюрьмѣ Wormwood Scrubs (не каторжной) первые мѣсяцы послѣ осужденія.

Общественными работами было занято постоянно $556^{1}/_{2}$ рабочихъ, т. е. около $15^{2}/_{3}{}^{0}/_{0}$ общаго среднесуточнаго числа, что дало тюрьмѣ дохода 21.393 фунт ст. 12 шил. 7 пенс. Работы эти состояли въ возведеніи по заказу военнаго вѣдомства двухъ фортовъ (Horsfed и Bridgewood); тутъ производились и земляныя работы (насыпи и т. д.), и столярныя, и кузнечныя (изготовлялись въ тюрьмахъ извѣстныя части и доставлялись); затѣмъ по заказу морского вѣдомства производились всевозможныя работы по проведенію желѣзной дороги въ Портландѣ, а также по постройкѣ шлюпочнаго сарая.

Далѣе слѣдуютъ работы по кореннымъ перестройкамъ и исправленіямъ тюремныхъ зданій по заказамъ тюремнаго вѣдомства; работы эти не входятъ въ рубрику общественныхъ работъ, а отмѣчены подъ самостоятельной рубрикой тюремныхъ построекъ (Prison buildings); въ отчетномъ году онѣ занимали постоянно $711^{11}/_{13}$ рабочихъ, т. е. около $20^{0}/_{0}$ общаго числа, и дали тюрьмѣ дохода 25.311 фун. ст. 18 шил. 6 пенс. Какъ видно изъ отчетовъ отдѣльныхъ тюремъ, работы эти дѣйствительно крупныя; такъ, въ Aylsbury строится совсѣмъ новая тюрьма, въ которую будутъ переведены впослѣдствіи женщины изъ каторжной тюрьмы Woking; въ Портландѣ строится каменная тюрьма взамѣнъ деревянной и т. д.

Далѣе слѣдуетъ особый отдѣлъ работъ мануфактурныхъ (Manufactures); онѣ занимали $700^{1}/_{10}$ арестантовъ (всѣ женщины каторжныя занимались или мануфактурными работами, или по тюремному хозяйству), т. е.

немного менѣе 20% (приблизительно 19²/₃ %), и дали дохода 15.700 фун. ст. 12 шил. 8 пенс. Не надо, однако, думать, что мануфактурные предметы готовятся для частныхъ заказчиковъ: послѣдніе получаютъ самую ничтожную часть производимаго: главными же заказчиками являются: почтовое вѣдомство, морское, министерство общественныхъ работъ, военное и, наконецъ, само тюремное вѣдомство. Изготовляются парусина, мѣшки, дорожныя и почтовыя сумки, корзины, бичевки, пломбы, кули для всевозможныхъ цѣлей, койки, матросскія шапки. жестяныя ложки и т. д.; изъ всѣхъ тюремъ только въ одной упомянуто о частномъ заказчикѣ, который получалъ койки и мѣшки, т. е. предметы, изготовленные уже по заказу общественныхъ учрежденій; кромѣ того женщины вязали чулки по частнымъ заказамъ; тюремное вѣдомство заказывало одежду и обувь какъ для надзирателей тюремныхъ, такъ и для арестантовъ.

Особой рубрикой проставлены занятія на тюремныхъ фермахъ (Farm); эти работы занимали 502²/₃, т. е. съ небольшимъ 14% общаго числа, дали дохода 8221 фун. ст. 17 шил. 10 пенс. Изъ числа 8 тюремъ каторжныхъ, при 4 были такіе участки; уже число занятыхъ рабочихъ показываетъ, что это далеко не огороды, здѣсь сѣется и хлѣбъ; обрабатываются и пріобрѣтаются участки, которые давно уже не обрабатывались, которые приходится очищать отъ камней. Тюремная администрація, слѣдуя указаніямъ особой парламентской комиссіи, разслѣдовавшей положеніе тюремнаго дѣла въ Англіи, рѣшила значительно расширить занятія арестантовъ по обработкѣ полей и отстроить даже особую тюрьму въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ пріобрѣтены поля (Observations of the prison commissioners on the recommendations of the departmental Committee 1896 p. 20).

Наконецъ послѣдняя рубрика: работы по тюремному хозяйству (Service of the prison) занимали 628¹/₅ рабочихъ, т. е. 19²/₃ %; въ число этихъ работъ кромѣ обыкновенныхъ (пекари, ламповщики и т. д.) входятъ и работы по исправленію одежды и обуви арестантовъ и ничтожныя поправки тюремныхъ зданій.

Нельзя не замѣтить, что общая картина работъ въ англійскихъ каторжныхъ тюрьмахъ указываетъ, что приняты во вниманіе возможное устраненіе конкурренціи вольному труду и наибольшее направленіе арестантскаго труда на удовлетвореніе потребностей самихъ тюремъ и различныхъ отраслей администраціи, что затѣмъ приняты во вниманіе интересы самихъ арестантовъ: обезпечены разнообразіе работъ, наружныя работы на свѣжемъ воздухѣ рядомъ съ внутренними, сравнительная несложность и легко-

усвояемость работъ (таковы не только наружныя, но и внутреннія, среди которыхъ плетенію отведено очень много мѣста).

Бельгія. Бельгія выдѣляется среди другихъ европейскихъ государствъ постановкой тюремнаго дѣла; она являлась прежде и продолжаетъ служить и нынѣ образцомъ, по которому другія государства преобразовываютъ у себя тюремный строй. Къ сожалѣнію и въ то же время къ большому удивленію, источники для изученія бельгійскаго тюремнаго дѣла крайне скудны. Съ 1882 года не выходило оффиціальныхъ статистическихъ отчетовъ по тюремной части и только въ нынѣшнемъ году обѣщаютъ выпустить Statistique penitentiaire, но только за 1895 г., а за предъидущіе годы такъ и не будетъ свѣдѣній. Существуетъ, правда, сочиненіе W. Starke—Das Belgishe Gefängnisswesen, вышедшее въ 1877 году, но оно уже устарѣло и притомъ относительно постановки работъ содержитъ крайне поверхностныя свѣдѣнія.

Пришлось такимъ образомъ ограничиться свѣдѣніями по данному вопросу, содержащимися въ докладахъ Иллинга и Тауффера Петербургскому тюремному конгрессу 1890 г. [1]), статистическими свѣдѣніями, представленными Парижскому конгрессу 1895 г., и довольно хорошей монографіей нѣсколькихъ тюремъ, представленной тому же конгрессу бельгійскимъ правительствомъ.

Бельгія страна небольшая, поэтому не удивительно, что въ ней центральныхъ тюремъ, такъ называемыхъ pénitenciers, всего двѣ: въ Гентѣ и Лувенѣ со среднесуточнымъ населеніемъ въ 1010 человѣкъ въ обѣихъ вмѣстѣ. Изъ числа этихъ 1010 человѣкъ было среднесуточно занято работами въ 1892 г. (свѣдѣнія изъ Statistique, представленной Парижскому конгрессу) 837½ чел., т. е. 82½ %, результатъ несомнѣнно блестящій; дохода отъ этихъ работъ поступило 113.361 фр. 19 сан., т. е. на среднесуточнаго арестанта 112 фр. 123 сан. или приблизительно около 45 рублей.

Принципы, на которыхъ организованы работы въ бельгійскихъ тюрьмахъ, изложены въ бельгійскомъ законѣ 5 апрѣля 1887 г., въ которомъ сказано:

Ст. 2. Заключенные занимаются работами преимущественно по заказамъ правительства.

---

[1]) Actes du Congrés pénitentiaire de Pétersbourg; vol 1, p. 264; vol III, p. 146.

Ст. 4. Въ тѣхъ случаяхъ, когда работъ по системѣ régie было бы недостаточно, чтобы занять всѣхъ заключенныхъ, директорамъ вмѣняется въ обязанность подыскать для арестантовъ занятія въ частной промышленности.

Ст. 5. Директоры войдутъ въ такомъ случаѣ въ сравнительную оцѣнку выгодности предложеній предпринимателей.

Ст. 11. Заключенные будутъ нанимаемы только на работы правительственныя или предпринимателей и фабрикантовъ [1]).

Вышеприведенныя постановленія закона указываютъ, что бельгійское правительство ставило себѣ прежде всего задачей занять какъ можно большеее число рукъ—принципъ несомнѣнно правильный, предъ которымъ должны уступить соображенія о преимуществахъ той или другой системы работъ. Въ дѣйствительности, бельгійскому правительству удалось получить заказы отъ военнаго министерства и другихъ, такъ что число рабочихъ, занятыхъ по исполненію заказовъ правительственныхъ, даже больше числа исполняющихъ частные заказы; въ 1892 году на заказы правительства употреблено было 136.251 поденщинъ и полученъ доходъ въ 63.112 фр. 22 сан. и на заказы предпринимателей, 124.200 поденщинъ и получено дохода 50. 248 фр. 77 сан. Какъ общая характеристика постановки работъ въ бельгійскихъ тюрьмахъ, могутъ служить слова товарища прокурора палаты въ Орлеанѣ I. Drioux, который, передавая въ Revue pénitentiaire (1896 Janvier, p. 30) впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ посѣщенія бельгійскихъ тюремъ въ Saint-Hilles, Gand, Louvain, Merxplas (изъ нихъ вторая и третья—центральныя тюрьмы, а первая и четвертая мѣстныя), замѣчаетъ: «въ Сенъ-Жилль значительная часть арестантовъ занята работами по заказу правительства. Въ описываемой тюрьмѣ, какъ и въ другихъ бельгійскихъ тюрьмахъ, военное вѣдомство дѣлаетъ заказы на обмундированіе, башмаки и т. д.; бываютъ, правда, случаи недоразумѣній между тѣмъ или другимъ полкомъ и тюремной администраціей, слышатся и нареканія ремесленниковъ; во всякомъ случаѣ, насколько я успѣлъ познакомиться, бельгійскія тюрьмы не могутъ обходиться безъ заказовъ частныхъ лицъ. Какъ общій выводъ, можно сказать, что всѣ работы ведутся исключительно подъ руководствомъ самой тюремной администраціи и что крупныя административныя учрежденія въ извѣстной мѣрѣ пользуются рабочей силой арестантовъ».

Въ монографіяхъ отдѣльныхъ тюремъ Бельгіи, представленныхъ Парижскому конгрессу, помѣщено описаніе и центральной тюрьмы въ Лувенѣ.

---

[1]) Actes du Congrés pènit. de Pétersb., vol. 1, p. 264.

Въ этой тюрьмѣ 31 декабря 1892 г. содержалось 568 человѣкъ. Въ теченіе времени съ 1890 по 1892 г. въ ней производились слѣдующія работы:

По заказу военнаго вѣдомства: шитье форменной одежды и обуви.

По заказу тюремнаго вѣдомства производились: тканье лентъ и небѣленаго полотна, шитье одежды для арестантовъ, постельнаго бѣлья, портянки (shaussons) изъ шерстяныхъ кромокъ; кожаные коты для арестантовъ (babouches), ботинки для тюремныхъ надзирателей, маты изъ тростника и всякая движимость для тюремъ.

По заказу частныхъ лицъ: шитье платья, различной обуви, плетеніе мать изъ тростника, снарядовъ для ловли рыбы, мебели, переплетныя работы, переписка, тканье полотна.

Среднее вознагражденіе въ день было въ 1892 г.: по заказамъ военнаго вѣдомства: портнаго 0 фр. 41,24, сапожника 0 фр. 54,99.

По заказамъ тюремнаго вѣдомства вознагражденіе нѣсколько меньше, а по заказамъ частныхъ лицъ нѣсколько выше, причемъ вознагражденіе колебалось отъ 0 фр, 10,94—1 фр. 03,79 (плетеніе матъ). Всѣ эти работы производятся въ одиночныхъ камерахъ. Изъ числа 464 человѣкъ, которые 31 декабря 1892 г. были заняты разными работами, 72 человѣка знали съ поступленія въ тюрьму то ремесло, которымъ занимались въ заключеніи, 392 не знали и изъ нихъ 93 находились въ обученіи. Средній срокъ обученія опредѣленъ въ 3 мѣсяца для портныхъ, шесть мѣсяцевъ для ткачей, годъ для сапожниковъ и два мѣсяца для туфельщиковъ. Обученіе ремесламъ поручено мастерамъ и надзирателямъ за работами. Уставъ тюрьмы представляетъ начальнику ея назначать каждому арестанту извѣстный урокъ по работѣ, неисполненіе его можетъ за собой повлечь вычетъ изъ жалованья, но такая мѣра не примѣняется, а лѣнь влечетъ за собой лишь измѣненіе отмѣтокъ о поведеніи и права на награды.

Какъ общее правило, въ составъ тюремнаго надзора набираются только лица, которыя могутъ обучать арестантовъ какому нибудь ремеслу; но кромѣ того при тюрьмѣ состоятъ мастеръ по шитью, надзиратель по сапожному ремеслу, надзиратель по ткацкимъ работамъ; они помогаютъ директору и его помощнику въ руководствѣ работами; эти лица состоятъ на государственной службѣ и жалованье получаютъ отъ правительства.

Положеніе предпринимателя установлено очень строго и точно; предприниматель или уполномоченное имъ лицо имѣютъ право входа въ тюрьму только для производства повѣрки принадлежащихъ ему матеріаловъ и

товара, и притомъ непремѣнно въ сопровожденіи кого-либо изъ лицъ тюремной администраціи; предприниматель не имѣетъ никакой дисциплинарной власти надъ арестантами, онъ не имѣетъ права давать арестантамъ наградъ, а равно и взыскивать съ нихъ, въ случаѣ причиненія убытка: онъ заявляетъ объ этомъ тюремному надзору. Для исполненія работъ арестанты разбиты на группы въ 25 человѣкъ; каждая работаетъ подъ руководствомъ надзирателя и особаго надсмотрщика изъ арестантовъ. Изъ чистаго дохода отъ работъ прежде всего удерживается $^3/_{10}$ въ пользу государства за веденіе работъ.

Изъ предыдущаго видно, что бельгійскій тюремный строй отличается полнымъ отсутствіемъ наружныхъ работъ, значительнымъ, какъ ни въ какомъ другомъ государствѣ, развитіемъ работъ по заказамъ правительства, занятіемъ громаднаго процента арестантовъ работами и строгимъ порядкомъ организаціи таковыхъ.

П р у с с і я. Пруссія въ отношеніи постановки тюремныхъ работъ извѣстна, какъ классическая страна веденія этихъ работъ при посредствѣ предпринимателя (entreprise), въ противоположность системѣ государственнаго, хозяйственнаго веденія работъ (régie). Представитель Пруссіи на петербургскомъ конгрессѣ (на парижскомъ она не была представлена) Иллингъ горячо защищалъ существующую въ Пруссіи систему работъ, доказывая, что результаты этой системы прекрасные, арестанты вовсе не отданы на произволъ и подъ руководство предпринимателя; значеніе тюремнаго надзора вполнѣ сохраненно, почему Иллингъ въ отличіе отъ американскихъ и французскихъ системъ entreprise, entrerrise générale, присвоивалъ прусской системѣ названіе entreprise limitée. Знакомство съ общимъ строемъ прусской администраціи [1]), отличающейся выгодно среди другихъ европейскихъ администрацій, успѣвшей выработать дѣйствительно хорошіе типы административныхъ дѣятелей, умѣющихъ исполнять точно законъ и водворять и сохранять въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія строгій и разумный порядокъ, располагаетъ къ тому, чтобы повѣрить Иллингу и допустить, что такое чисто-административное дѣло, какъ тюремное, тоже идетъ хорошо въ Пруссіи. Подробные и обстоятельные, прекрасно разработанные отчеты прусскаго министерства внутреннихъ дѣлъ о мѣстахъ заключенія, находящихся въ завѣдываніи этого министерства, подтверждаютъ такое первоначальное предположеніе. Необходимо замѣтить,

---

[1]) Hermann Schultze. Das preussische Staatsrecht.

что въ Пруссіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, завѣдываніе тюрьмами распредѣлено между двумя министерствами: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; первое завѣдываетъ такъ называемыми уголовными тюрьмами (Strafanstalten—гдѣ отбывается наказаніе присужденными къ Zuchthaus'у) и самыми крупными тюрьмами, министерство юстиціи завѣдываетъ болѣе мелкими тюрьмами (1017), въ которыхъ содержатся отбывающіе тюремное заключеніе и подслѣдственные и, къ сожалѣнію, статистическихъ отчетовъ не печатаетъ.

Въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ въ годъ 1894—1895 [1]) было всего 36 уголовныхъ тюремъ съ среднесуточнымъ населеніемъ въ 17.880 человѣкъ; изъ числа 36 (если не считать Wohlau, которая открылась въ концѣ года) въ самой меньшей тюрьмѣ, въ Касселѣ, населеніе средне-суточное составило 153 человѣка, въ 24 обыкновенныхъ тюрьмахъ, находившихся въ завѣдываніи того же министерства, среднесуточный составъ за отчетный годъ былъ 8401 человѣкъ; изъ числа 24 въ трехъ составъ былъ менѣе 25 человѣкъ, а въ остальныхъ больше ста (самой меньшей 103 чел.). Въ тюрьмахъ обыкновенныхъ отбываютъ тюремное заключеніе (Gefängniss), но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь также частью содержатся и подслѣдственные арестанты; поэтому не всѣ содержавшіеся были обязаны работать; отчетъ строго отличаетъ число обязанныхъ работать отъ общаго числа содержавшихся въ тюрьмахъ (среднесуточный составъ) [2]); между обоими есть довольно большая, понятная впрочемъ разница; именно, изъ общаго среднесуточнаго числа 8401, обязанныхъ работать 6569 человѣкъ. Въ Strafanstalten эта разница меньше (въ сущности не включены, вѣроятно, неспособные къ работамъ больные и прогулы изъ-за внѣшнихъ условій: погоды и др.); только въ двухъ заведеніяхъ недостало работы для заключенныхъ и при томъ получилось совершенно ничтожное число свободныхъ дней.

Въ отчетный годъ арестантовъ, обязанныхъ работать, было въ Stra-

[1]) Statistik der zum Ressort des Königlich-Preussichen Ministeriums des Inneren gehörenden Strafantalten und Gefangnisse für den 1 April 1894—1895. Berlin. 1896.

[2]) Число „обязанныхъ работать", т. е число, которое указываетъ, сколько должно было бы быть поденщиковъ въ годъ, вычисляется очень сложнымъ путемъ: множатъ дѣйствительное среднесуточное число арестантовъ на число праздничныхъ дней (48) и полученное число дней вычитаютъ изъ общаго числа дней содержанія (Hafttage), для опредѣленія, сколько ежедневно должно было бы работать, дѣлятъ полученное путемъ вычитанія число на число дней года, въ которые дѣйствительно производилась работа; поэтому-то число поденщиковъ оказывается больше среднесуточнаго состава арестантовъ.

fanstalten 18.702 чел. и изъ нихъ въ дѣйствительности занято было работами 17.604, т. е. $94^1/_7{}^0/_0$,—процентъ несомнѣнно чрезвычайно высокій. Въ тюрьмахъ [1]) обыкновенныхъ изъ числа 6569, обязанныхъ къ работѣ, было занято 6046, т. е. 92%; ко всему же числу среднесуточнаго содержанія арестантовъ въ ихъ тюрьмахъ это составитъ 72%. Чистаго дохода получилось отъ работъ въ Strafanstalten 2.400.028 марокъ 25 пфен., что составитъ на каждаго арестанта (считая общее число обязанныхъ къ работѣ, а не только дѣйствительно занятыхъ и притомъ продуктивно) 134 мар. 23 пф., сумма, несомнѣнно гораздо меньшая той, которую зарабатываютъ при той же системѣ работы въ Америкѣ, а тѣмъ болѣе въ Англіи. Въ обыкновенныхъ тюрьмахъ было заработано 549.575 мар. 5 пф., что составитъ на каждаго, обязаннаго къ работѣ, 83 марки 65 пф., а на каждаго содержавшагося 65 мар. 41 пф.

Содержаніе Strafanstalten стоило 5.829.568 мар. 68 пф., въ пользу мѣстъ заключенія поступило отъ работъ и отъ сельскаго хозяйства, которое ведется трудомъ арестантовъ, 2.221.562 марки 97 пф., и такимъ образомъ доходъ отъ арестантскаго труда покрывалъ $38^1/_3{}^0/_0$ издержекъ на содержаніе Strafanstalten [2]).

Нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время арестанты исключительно были заняты работами по исполненію заказовъ предпринимателей; въ 1869 г. 73% изъ общаго числа занятыхъ арестантовъ было занято предпринимателями; но съ тѣхъ поръ были произведены измѣненія, и въ настоящее время всего 57% занято предпринимателями, а остальное посвящается работамъ по заказамъ тюремнаго и другихъ вѣдомствъ и по тюремному хозяйству. Вообще занимается работами въ пользу государства 19% общаго числа занятыхъ; все «построеніе», говоря языкомъ техническимъ, платья, бѣлья для арестантовъ и т. д. производится трудами послѣднихъ; въ 10 Strafanstalten устроены ткацкія мастерскія для изготовленія холста для потребностей тюрьмы; трудомъ арестантовъ производятся большія и малыя перестройки тюремныхъ зданій; при построеніи новыхъ тюремныхъ зданій арестанты занимаются земляными работами, а также изготовленіемъ отдѣльныхъ частей для зданій. Кромѣ того съ

---

[1]) Обыкновенныя тюрьмы прусскія, находящіяся въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ, настолько велики размѣрами, что онѣ по типу своему переходятъ въ разрядъ établissements pénitentiaires, а не тѣхъ мѣстныхъ тюремъ, о которыхъ будетъ сказано особо ниже.

[2]) Арестанты имѣютъ право получать въ личное распоряженіе изъ своего заработка только извѣстную часть и притомъ при условіи, что общая сумма заработка превышаетъ 10 марокъ; остальное идетъ на пособія обществамъ патронатства

каждымъ годомъ увеличивается число заказовъ отъ различныхъ отраслей администраціи и главнымъ образомъ военнаго министерства; какіе это именно заказы, въ отчетѣ не говорится, но въ отдѣлѣ, гдѣ подробно перечислено, какія работы производились въ тюрьмахъ, указано, что для надобностей различныхъ вѣдомствъ работали больше всего портные (1863 чел.), затѣмъ ткачи (345 чел.).

Арестанты уголовныхъ и обыкновенныхъ тюремъ могутъ быть обращаемы и на внѣшнія сельскія работы на земляхъ какъ государственныхъ и общественныхъ, такъ и частныхъ лицъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда или свободныхъ работниковъ совсѣмъ нѣтъ и приходится пріостанавливать работы, или цѣны на поденный трудъ стоятъ слишкомъ высокія.

Что касается до занятій арестантовъ работами по заказу предпринимателей, то тутъ крайнее разнообразіе изготовляемыхъ предметовъ, но при этомъ тюремная администрація обязана не отдавать слишкомъ много арестантовъ въ работу одному предпринимателю (entreprise générale) и должна наблюдать за тѣмъ, чтобы въ каждой данной отрасли производства не было занято такое количество арестантовъ, которое могло бы вызвать вредную для свободныхъ рабочихъ, занятыхъ въ этой отрасли производства, конкурренцію.

Перечислить всѣ работы, которыми занимались арестанты въ Strafanstalten по заказамъ предпринимателей, невозможно, но главнѣйшія слѣдующія. тѣ же, что и для государства, затѣмъ изготовленіе сигаръ (928 чел.), тканье на машинахъ (1501 чел), плетеніе корзинъ (594 чел.), игрушки (219 чел.), издѣлія изъ картона, роскошная почтовая бумага (427 чел.) и т. д.; женщины по заказамъ государственнымъ занимаются шитьемъ на машинахъ и просто ручнымъ (270 чел.), для предпринимателей женщины вяжутъ, вышиваютъ, разсыпаютъ кофе, разсортировываютъ шерсть и т. д. На внѣшнихъ работахъ изъ всего числа мужчинъ было 18 на сельск. раб. и 61 на другихъ (не указано, какихъ).

Всего работой на предпринимателей въ Srafanstalten было занято 58% (немного меньше) общаго числа занятыхъ; на государство и тюремное вѣдомство работало 19%; по тюремному хозяйству было занято 23%, причемъ подъ хозяйствомъ подразумѣваются не только обычныя работы (ламповщики, кашевары и д.), но и обработка собственныхъ и нанятыхъ земельныхъ участковъ, отчего получено дохода 92.328 мар. 67 пф.; кромѣ того при помощи труда арестантовъ велось въ Strafanstalten и тюрьмахъ скотоводство, которое дало 31.614 мар. 31 пф.; продавали и мясо и прямо штуками.

Распредѣленіе труда въ тюрьмахъ примѣрно такое же, какъ и въ Strafanstalten; 27% арестантовъ (работавшихъ) было занято тюремнымъ хозяйствомъ и въ томъ числѣ и сельскимъ хозяйствомъ, которое дало 16.094 мар. 73 пф.; для государства было занято работами 20%, преимущественно портные (510 чел.); работами на предпринимателя было занято 53%; среди этихъ работъ выдѣляются кокосовые маты и коврики (272 чел.), щетки (339 чел), бумага почтовая (110 чел.), слесарныя работы (279 чел.), плетеніе башмаковъ (лаптей?) (228 чел.), плетеніе корзинъ (313 чел.), тканье на машинахъ (215 чел.), и т. д.; внѣшними работами было занято всего 15 человѣкъ; работы были исключительно сельскохозяйственныя.

Дохода чистаго въ пользу тюремъ поступило отъ арестантскихъ работъ и отъ сельскаго хозяйства и скотоводства 575.104 мар. 20 пф., весь расходъ на содержаніе тюремъ составилъ 2.366.797 мар. 32 пф., и такимъ образомъ доходомъ отъ арестантскаго труда было покрыто $24^1/_3\%$ всего расхода.

Содержаніе одного арестанта въ тюрьмѣ въ годъ обходилось въ 349 мар. 39 пф., въ Strafanstalten—въ 326 мар. 22 пф. Главные недостатки постановки работъ въ Пруссіи сводятся, какъ можно заключить изъ вышеизложеннаго, къ полному отсутствію общественныхъ работъ, значеніе ксторыхъ признано теоріей и практикой, малому развитію работъ по заказамъ государства и большому развитію работъ по заказу предпринимателя, благодаря чему производится цѣлый рядъ предметовъ, предназначенныхъ для общей торговли, и дается возможность (что дѣйствительно и бываетъ на практикѣ) частыхъ нареканій на конкурренцію. Необходимо однако замѣтить, что, какъ подтверждаютъ и данныя отчета, приняты серьезныя мѣры, чтобы производительность не сосредоточивалась на какой либо одной отрасли, и поэтому несомнѣнно, что дѣйствительно серьезной конкуренціи быть не можетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что арестанты вовсе не отданы подъ руководство предпринимателя, а, наоборотъ, послѣдній поставленъ подъ строгій контроль администраціи тюремной, а извѣстно, что чѣмъ строже контроль администраціи, тѣмъ предприниматели считаютъ условія своихъ работъ менѣе выгодными и понижаютъ плату за арестантскій трудъ; этимъ объясняется сравнительно низкая, недостаточная доходность арестантскаго труда въ Пруссіи.

Къ достоинствамъ порядка веденія работъ въ Пруссіи долженъ быть отнесенъ громадный процентъ занятыхъ работой и затѣмъ то разнообразіе внутреннихъ работъ, которое возможно только при системѣ работы предпринимательской и которое имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ обезпе-

ченія для арестантовъ большей легкости пріисканія занятія, по выходѣ изъ тюрьмы.

Необходимо здѣсь, между прочимъ, отмѣтить, что работы не мѣшаютъ арестантамъ проходить извѣстный общеобразовательный курсъ (главнымъ образомъ грамотности); училось въ Strafanstalten всего $12^2/_5\%$ и въ тюрьмахъ $10^1/_4\%$ (при распространеніи грамотности въ Германіи многіе очевидно и не нуждались въ обученіи чтенію и письму), кромѣ того образованію служили тюремныя библіотеки, причемъ, какъ я уже упоминалъ выше, на каждаго арестанта приходилось $8^1/_3$ книгъ.

Австрія. Постановка каторжныхъ тюремъ въ Австріи заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ вниманія. Всего такихъ тюремъ (Strafanstalten) 22 и изъ нихъ, какъ указываетъ Leitmaier [1]), всего въ 6 имѣются одиночныя камеры; населенія во всѣхъ этихъ тюрьмахъ по статистикѣ 1892 г. (данныя, представленныя Парижскому конгрессу 1895 г.) было 10.351 человѣкъ (среднесуточно). Рабочихъ дней было въ году 2.416.740, такимъ образомъ въ каждый рабочій день (считая рабочихъ дней въ году 311, какъ считаютъ въ Англіи; въ Пруссіи считаютъ около 317 дней, въ такой католической странѣ, какъ Австрія, очевидно не болѣе 311); занято было человѣкъ 7770,9, что составляетъ $75^1/_{13}\%$ среднесуточнаго состава. Несомнѣнно, въ Пруссіи (94%) и въ Англіи (87%) работами занято большее число арестантовъ, но все же и указанный процентъ долженъ быть признанъ благопріятнымъ; остается невыясненнымъ, включены ли въ этотъ разсчетъ работы по тюремному хозяйству или нѣтъ, скорѣе (основываясь на общей программѣ собиранія конгрессіональныхъ свѣдѣній), что нѣтъ, и въ такомъ случаѣ результаты блестящіе. Какъ указываетъ Антонъ Марковичъ, оберъ-директоръ тюрьмы въ Марбургѣ [2]), начиная съ 1886 г., т. е. со времени увеличенія дохода отъ арестантскихъ работъ въ Австріи, начался ропотъ мелкихъ ремесленниковъ на конкурренцію, оказываемую арестантскимъ трудомъ свободному; ропотъ этотъ дошелъ до парламента и палаты обратили вниманіе министерства на необходимость исполнять трудомъ арестантовъ какъ можно большее число работъ для государственныхъ надобностей. Согласно указаніямъ парламента, были приняты энергическія мѣры, но нареканія все продолжались. По даннымъ Парижскаго конгресса изъ числа 7770,9 среднесуточно-заня-

---

[1]) Oesterreichische Gefangnisskunde, стр 305

[2]) Blatter f. Gefangnisskunde 1895, 3 и 4 Heft—Die Strafhausarbeit.

тыхъ въ Австріи арестантовъ—4871,33 чел. было занято исполненіемъ заказовъ государства, т. е. $62^{5}/_{7}{}^{0}/_{0}$. Доходность работъ по заказамъ государства однако была меньше, чѣмъ работъ въ пользу предпринимателя; занимая $62^{5}/_{7}{}^{0}/_{0}$ общаго числа арестантовъ, работы эти дали всего 199.537 флориновъ, а такъ какъ общая сумма доходовъ отъ арестантскаго труда составила 345.399 флор., то слѣдовательно доходъ отъ работъ на пользу государства составилъ $57^{2}/_{3}{}^{0}/_{0}$ всей суммы доходовъ. Въ среднемъ каждый арестантъ заработалъ $33^{2}/_{5}$ флорина въ годъ, что представляетъ, разумѣется, сумму невысокую. Содержаніе тюремъ обошлось въ 1.860.419 флор. 61 кр., и такимъ образомъ доходъ отъ арестантскаго труда покрывалъ $18^{5}/_{9}{}^{0}/_{0}$ суммы расходовъ на содержаніе тюремъ.

Если остановиться подробнѣе на работахъ въ пользу государства, то, какъ передаетъ Марковичъ (его свѣдѣнія касаются 1889 г.), наибольшее число рукъ занимали слѣдующія работы: портняжныя 180.715 раб. дней, сапожныя—45.707 дней, каторжныя работы—117.016 дней, переплетное дѣло—41.490 дней, столярное, кузнечное и слесарное—114.016 дней. Какъ передаетъ Лейтмайеръ [1]), тюрьмы были заняты, главнымъ образомъ, изготовленіемъ форменнаго платья для прислуги въ присутственныхъ мѣстахъ и для почталіоновъ, клеенки и картонажныхъ издѣлій для табачныхъ фабрикъ (въ Австріи табачная монополія), переплетными работами для школъ и также производствомъ работъ по заказамъ военнаго министерства. Заказы правительственныхъ мѣстъ поступаютъ въ министерство юстиціи, которое передаетъ ихъ прокурорамъ палатъ, но заказы могутъ поступать и непосредственно въ тюрьмы. Для продажи въ частныя руки изготовляется весьма мало, для этого требуется (во избѣжаніе конкуренціи) разрѣшеніе министерства юстиціи.

Часть арестантовъ, которая не занята работами по заказамъ государствъ, занимается работами въ пользу предпринимателей, которые въ такомъ случаѣ держатъ въ тюрьмѣ своихъ мастеровъ. Но система предпринимательская поставлена въ Австріи такъ же какъ и въ Пруссіи, въ строгія законныя рамки. Не допускается такъ называемая entreprise générale, т. е. чтобы всѣ арестанты какой-либо тюрьмы нанимались на работу къ одному предпринимателю, это представляло бы слишкомъ опасныя условія для конкуренціи. Съ другой стороны, однако, не допускается и слишкомъ большое число предпринимателей, такъ какъ при наличности у каждаго изъ нихъ своихъ мастеровъ, въ концѣ концовъ могла бы пострадать тюремная дисциплина. Кромѣ того во всѣ договоры съ предпринима-

[1]) Gefängnisskunde, стр. 725

телями включается условіе, которымъ они обязываются воздерживаться отъ всякой конкуренціи путемъ продажи предметовъ, изготовленныхъ въ тюрьмахъ, мелкимъ промышленникамъ, работающимъ въ предѣлахъ округа того суда, въ которомъ расположена тюрьма. Тюремными уставами допускаются и внѣшнія работы по заказу предпринимателей, въ томъ числѣ и работы сельскохозяйственныя; въ случаѣ если внѣшнія работы требуютъ особаго усиленія надзора, такое усиленіе производится на счетъ предпринимателей.

Условія вознагражденія арестантовъ за трудъ показываютъ, что пенитенціарная сторона тюремнаго дѣла организована по строгой системѣ. Въ принципѣ признается, что арестанты не имѣютъ вовсе права на вознагражденіе; всѣ арестанты раздѣлены на три класса, прохожденіе классовъ зависитъ отъ общаго характера поведенія арестантовъ. Арестанты получаютъ вознагражденіе (нѣсколько крейцеровъ въ день, начиная съ одного крейцера), причемъ размѣръ этого вознагражденія зависитъ отъ класса, въ которомъ числится арестантъ. Рецидивисты получаютъ вознагражденіе въ меньшемъ размѣрѣ и по особому расчету. Арестанты, лѣнящіеся, не исполнившіе своего урока, испортившіе данный имъ для обработки матеріалъ, подвергаются наказаніямъ. Въ тюрьмахъ имѣются школы, каждый взрослый арестантъ посѣщаетъ школу разъ въ два дня, имѣются библіотеки, книги выдаются для чтенія по воскресеньямъ и праздникамъ. Говоря о работахъ арестантовъ въ Австріи, нельзя не упомянуть о тѣхъ общественныхъ работахъ (public works), которыми такъ восхищается Лейтмайеръ, называя ихъ Culturarbeiten. Въ Австріи эти работы были направлены преимущественно къ исправленію русла рѣкъ, на возведеніе плотинъ и другія подобныя же работы. Одно изъ главныхъ условій правильной постановки этихъ работъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лейтмайеръ [1]), это то, чтобы арестанты не выставлялись, такъ сказать, на публичное позорище, т. е. не были вынуждены работать на глазахъ у публики, для которой это представляло бы зрѣлище; такое положеніе причиняетъ арестантамъ, стыдящимся своего преступленія, нравственное терзаніе, а у большинства притупляетъ стыдъ.

Работы эти стали производиться съ 1885 г. по соглашенію министерствъ юстиціи и земледѣлія; арестанты отправлялись партіями въ 30—70 человѣкъ къ мѣсту работъ въ сопровожденіи сравнительно небольшого по размѣру надзора (одного старшаго надзирателя и нѣсколькихъ младшихъ по расчету: на каждые десять арестантовъ—одинъ надзиратель); работы

---

[1]) Стр. 734

происходили въ гористыхъ мѣстахъ Крайны, Каринтіи, Оберъ-Зальцбурга и др. и имѣли цѣлію исправленіе руселъ (измѣненіе теченія) горныхъ потоковъ, возведеніе плотинъ; арестантамъ приходилось сдвигать съ мѣста громадныя каменныя глыбы, оставаться цѣлый день по колѣни въ водѣ. Всѣ эти работы были произведены великолѣпно. За время, разсматриваемое Лейтмайеромъ (1885—1889 г.), такіе отряды были высылаемы изъ каторжныхъ тюремъ въ Лайбахѣ, Гарстенѣ, Грацѣ и Марбургѣ, а съ 1889 г. и изъ каторжной тюрьмы Станиславова, въ Галиціи; отрядъ тюрьмы въ Грацѣ возводилъ зданіе новой тюрьмы въ Марбургѣ. Отряды эти уходили изъ тюремъ на нѣсколько мѣсяцевъ; все это время жили во временныхъ баракахъ, или наскоро приспособлявшихся домахъ и, тѣмъ не менѣе, Лейтмайеромъ не указывается ни одного случая побѣга. Но мало того, въ двухъ случаяхъ возникновенія сильныхъ пожаровъ, грозившихъ истребить цѣлыя деревни, находившіеся по близости расположенія такихъ партій, арестанты, съ разрѣшенія начальства, по собственному почину, являлись на мѣсто происшествія и дружными усиліями прекращали бѣдствіе, проявляя при этомъ столько мужества и самоотверженія, что вызывали восторги мѣстнаго населенія и благоволеніе австрійскаго императора. Лейтмайеръ указываетъ на слѣдующія преимущества этихъ работъ: трудъ арестантовъ обходится правительству неизмѣримо дешевле труда свободнаго; трудъ этотъ примѣняется на общеполезныя общественныя цѣли, и, такимъ образомъ, въ значительной степени устраняются нареканія на конкуренцію свободному промышленному труду; работы эти очень полезны арестантамъ въ санитарномъ отношеніи, но главное ихъ достоинство въ томъ, что, по самымъ условіямъ своего исполненія, онѣ несравненно болѣе всякихъ другихъ работъ способствуютъ подъему духа м нравственному исправленію арестантовъ, которые видятъ, что имъ поручаютъ осуществленіе общеполезныхъ предпріятій.

Франція. Тюремное дѣло во Франціи находится въ періодѣ реформъ, которыя несомнѣнно въ неотдаленномъ будущемъ приведутъ французскія тюрьмы въ образцовое состояніе.

Послѣдній статистическій подробный отчетъ о тюрьмахъ (Statistique pénitentiaire 1893 г.) содержитъ свѣдѣнія о состояніи тюремъ въ 1890 году; свѣдѣнія, представленныя Парижскому конгрессу, хотя и болѣе новы, но гораздо менѣе полны, а потому я считаю необходимымъ остановиться на данныхъ Statistique pénitentiaire 1893 г., дополняя ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ соч. Les institutions pénitentiaires de la France 1895 г. (ежегодное изданіе французскаго главнаго тюремнаго об-

щества). Такъ называемыхъ maisons centrales, въ которыхъ отбываютъ reclusion и emprisonnement, было въ 1890—16 (столько же было и въ 1895 г.); населеніе этихъ тюремъ въ 1892 г. состояло изъ 4615 человѣкъ, отбывавшихъ reclusion, и 8478 человѣкъ, отбывавшихъ тюремное заключеніе (такъ называемымъ condamnés correctionnels); приведенныя цифры опредѣляютъ число арестантовъ для Франціи и Алжира вмѣстѣ. Въ среднемъ, такимъ образомъ, приходится на тюрьму около 818 человѣкъ, но въ числѣ 16 есть такая тюрьма, какъ Clairvaux, въ которой 1174 человѣка; есть и такія тюрьмы, какъ Albertville, съ среднесуточнымъ составомъ въ 267 человѣкъ, Castellucio 200, менѣе 500 въ Codillac и Embrun, въ остальныхъ среднесуточный составъ больше 500. Общее соотношеніе рабочихъ и нерабочихъ дней въ этихъ тюрьмахъ было таково:

Изъ общаго числа 3.913.394 дней, проведенныхъ всѣми арестантами въ заключеніи, рабочихъ дней было 2.768.510, т. е., иными словами, было занято работами $75^{1}/_{3}\%$ общаго среднедн. состава; остальные $24^{2}/_{3}\%$ составили старики, калѣки, освобожденные отъ работъ по предписанію доктора, больные, наказанные полнымъ уединеніемъ или подвергнутые дисциплинарнымъ взысканіямъ; сюда же включены дни праздничные и дни прогульные по случаю вступленія и выхода изъ тюрьмы, по случаю дурной погоды и, наконецъ дни, когда осужденные не соглашались работать (ихъ было довольно много, этихъ дней—всего 1896; къ сожалѣнію, объяснить такое прискорбное явленіе, указывающее съ несомнѣнностью на нѣкоторые недостатки тюремной дисциплины, я не могу).

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ тюрьмамъ и отдѣльнымъ работамъ, то получимъ слѣдующія данныя.

Въ Albertville при среднесуточномъ составѣ въ 267 человѣкъ было занято среднесуточно и получено дохода:

			фр.	сан.
48	арест. производствомъ	тростей и доходъ	16.281	27
43	» »	башмаковъ	12.324	04
56	» »	сапогъ	14.567	03
10	» »	столярныхъ подѣлокъ	1.800	30
19	» »	перчатокъ	8.410	29
4	» »	кожаныхъ издѣлій	541	61
7	» »	полотна (тканьемъ)	3.113	89
7	» »	внут. разл. работы	1.633	77

Кромѣ того хозяйственными работами было занято среднесуточно 41 человѣкъ и вознагражденіе имъ опредѣлено въ 9.618 фр. 46 сан.

Въ общемъ безъ хозяйственныхъ работъ на одного арестанта приходилось въ годъ чистаго дохода 94 руб. 80 коп. Въ тюрьмѣ Belleville мы встрѣчаемся съ такими работами, какъ изготовленіе керосиновыхъ горѣлокъ (въ Россіи горѣлки получаются большей части изъ Берлина, вовсе непригодными для русскаго керосина), корсетовъ, галошъ, корзинъ (среднесуточно 57 человѣкъ и дохода 20.513 фр. 70 сон.), мебели, покрытой чернымъ деревомъ; дохода чистаго приходилось на арестанта 109 руб. 20 коп. Въ самой большой тюрьмѣ Clairvaux заняты были обработкой огорода, производили рамки, пуговицы, желѣзныя кровати, мѣры длины (метры и т. д.), деревянные башмаки, заняты были ручнымъ тканьемъ, отливкой стекла. Какъ исключеніе, мы здѣсь встрѣчаемъ и внѣшнія работы по постройкѣ зданія, которыми, впрочемъ, было занято сравнительно ничтожное число арестантовъ (39); дохода получено въ Clairvaux 119 р. 60 к. на чел. [1]); какъ въ Clairvaux, такъ и въ Belleville и въ другихъ тюрьмахъ, мы встрѣчаемся непремѣнно съ башмачниками и и сапожниками—эти два ремесла или, лучше сказать, одно наиболѣе распространено.

Во Франціи въ послѣдніе годы произошелъ рѣшительный поворотъ въ пользу régie, и въ 1895 году уже 11 тюремъ изъ числа 16 вели работы по системѣ régie; заказы на работы получались изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и комерціи, военное министерство не давало работы; о результатахъ экономическихъ такого перехода отъ entreprise къ régie французскіе тюрьмовѣды отказываются пока судить рѣшительно; но въ смыслѣ пенитенціарномъ пока измѣненіе представляетъ несомнѣнный прогрессъ.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что французское правительство переходитъ съ 1892 года къ хозяйственному довольствію арестантовъ, примѣняя широко трудъ арестантовъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей тюремныхъ. До 1892 года довольствіе арестантовъ сдавалось по общему контракту entrepreneur général, который и кормилъ арестантовъ и занималъ ихъ работой; въ томъ же году, по предложенію Мориса Фора, члена-докладчика парламентской комиссіи, палаты ассигновали 500.000 фр. на затраты на указанныя преобразованія; въ послѣдующіе годы уже не требовалось такихъ затратъ, и въ 1895 г. было ассигновано всего 205 т. фр. (см. Revue pénitentiaire 1892 Decembre, 1895 Janvier и Decembre). Результаты экономическіе прекрасные, эта система довольствія аналогична съ австрійской Eigenregie и съ русскимъ хозяйственнымъ способомъ.

---

[1]) Франкъ я цѣнилъ 40 коп.

Но французы стремятся къ большему, они хотятъ всѣ занятія арестантовъ работами устроить по системѣ régie; во всякомъ случаѣ и теперь уже въ entreprise сдѣланы большія улучшенія и руководятъ арестантами въ работѣ тюремные надзиратели.

Въ настоящее время общее состояніе всего тюремнаго дѣла переходное, но все-тики центральныя тюрьмы поставлены удовлетворительно.

III.

Организація арестанскаго труда въ мѣстныхъ (провинціальныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ) тюрьмахъ является задачей неизмѣримо болѣе сложной, чѣмъ организація тѣхъ же работъ въ крупныхъ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ, и въ то же время представляется не менѣе, а, по моему личному убѣжденію, и еще болѣе существенно необходимой, чѣмъ эта послѣдняя.

Дѣйствительно, достаточно сравнить среднесуточный составъ тѣхъ и другихъ тюремъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что населеніе мѣстныхъ тюремъ несравненно больше населенія центральныхъ тюремъ. Такъ, среднесуточный составъ центральныхъ тюремъ и мѣстныхъ выражается слѣдующими цифрами [1]): въ Италіи 29.541 и 31.218, Венгріи 5558 и 9529, Австріи 10.351 и 13.863, Франціи 13.329 и 26.741, Бельгіи 1010 и 3348, Англіи [2]) 3562½ и 14.229, Пруссіи [3]) 26.281 и 33.734, Россіи (отчетъ глав. тюр. упр. 1894) 22.253, 69 и 78.659, 43, включая для Россіи въ первую цифру населеніе каторжныхъ тюремъ, арестантскихъ отдѣленій и пересыльныхъ тюремъ и во вторую населеніе тюремъ губерскихъ, уѣздныхъ и Привислинскаго края. Но этого мало, необходимо не забывать сравнительную краткосрочность наказаній, отбываемыхъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ, и происходящую отъ этого быстроту обмѣна состава населенія этихъ тюремъ. При такихъ условіяхъ, понятно, съ какимъ громаднымъ числомъ преступниковъ приходится имѣть дѣло мѣстнымъ тюрьмамъ (такъ, въ русскихъ мѣстныхъ тюрьмахъ при среднесуточномъ составѣ, какъ мы видѣли выше, 78.659, 43 перебывало въ 1894 г. 652.827 человѣкъ—цифра колоссальная!), а слѣдовательно и какое громадное значеніе представляетъ вопросъ о томъ, кого эти тюрьмы выпускаютъ изъ своихъ стѣнъ и воз-

---

[1]) Congrés pénitentiaire international, Peris 1895, Statistique.

[2]) Отчеты за 1894—95. Directors of convict-prisons и commissioners of prisons.

[3]) Вышеуп. отчетъ.

вращаютъ въ среду общества: исправленныхъ ли, готовыхъ честно работать людей, или развращенныхъ?

Но мѣстныя тюрьмы имѣютъ еще и другое значеніе; въ нихъ начинаютъ свои «карьеры» извѣстные потомъ выдающіеся преступники и разумѣется всѣ рецидивисты; мѣстныя тюрьмы могутъ или способствовать пріостановленію такихъ карьеръ въ самомъ зародышѣ, или, наоборотъ, представить условія, при которыхъ вырабатываются, складываются изъ начинающихъ закоренѣлые преступники.

Такимъ образомъ значеніе строя мѣстныхъ тюремъ громадное, но, какъ я уже сказалъ выше, осуществить нормальныя пенитенціарныя условія, а въ особенности организовать занятія для арестантовъ въ этихъ тюрьмахъ, считается чрезвычайно труднымъ и притомъ по многимъ причинамъ.

Сомнѣвающіеся въ возможности организаціи работъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ указываютъ слѣдующее. Всякій трудъ, въ томъ числѣ и арестантскій, является производительнымъ и приносящимъ доходъ лишь при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, чтобы трудъ былъ примѣненъ къ дѣлу, ремеслу, которое работающимъ или, по крайней мѣрѣ, большей части ихъ извѣстно настолько, что выдѣлываемые ими предметы по своимъ качествамъ не уступаютъ обыкновеннымъ издѣліямъ этого рода, и, во-вторыхъ, чтобы имѣлась возможность сбывать изготовленныя издѣлія.

Эти два условія одинаково важны при всякихъ системахъ веденія арестантскаго труда; работаютъ ли на государство и отдѣльныя отрасли администраціи, или на частныхъ лицъ (предпринимателей, заказчиковъ и покупателей): и тамъ и тутъ нуженъ заказъ или возможность сбыта, и тамъ и тутъ нужно, чтобы работающіе знали ремесло, которымъ они занимаются или по крайней мѣрѣ, чтобы всегда былъ контингентъ знающихъ ремесло и возможность, а главное время, научить остальныхъ ремеслу и въ свое время замѣнить ведущихъ теперь дѣло. Вотъ это послѣднее требованіе въ мѣстныхъ тюрьмахъ почти не осуществимо; сроки содержанія въ этихъ тюрьмахъ такъ не велики, что арестанты, которые не научились какому-нибудь ремеслу до поступленія въ тюрьму, не успѣваютъ научиться въ тюрьмѣ. При такихъ условіяхъ производить очень трудно; сбытъ произведеній хорошихъ или дурныхъ, во всякомъ случаѣ, весьма затрудненъ для мѣстныхъ тюремъ, расположенныхъ большею частью въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ потребности очень малы и спросъ вполнѣ удовлетворяется мѣстнымъ свободнымъ трудомъ.

Помѣщеніе такихъ тюремъ обыкновенно незначительно и отдѣльныхъ мастерскихъ онѣ не имѣютъ; число такихъ тюремъ велико, но населеніе каждой тюрьмы, въ отдѣльности, сравнительно очень ничтожно. Вести,

такимъ образомъ, въ этихъ тюрьмахъ дѣло на тѣхъ широкихъ началахъ, которыя считаются совершенно необходимыми въ нашъ капиталистическій вѣкъ для всякаго предпріятія, разсчитывающаго на выгоду, невозможно; представляется даже большимъ вопросомъ, желательна ли вообще организація въ мѣстныхъ тюрьмахъ, стоящихъ столь близко къ мѣстной жизни, какого-нибудь производства, такъ какъ при этомъ весьма возможна конкуренція мѣстному свободному труду, который тоже большею частью по характеру постановки можетъ разсчитывать только на тотъ же мѣстный спросъ.

Эти замѣчанія въ извѣстной лишь степени основательны, вѣрно лишь, что большинство государствъ, за исключеніемъ Англіи и Бельгіи, весьма мало удѣлили вниманія мѣстнымъ тюрьмамъ. Всѣ разсужденія на конгрессахъ, всѣ прекрасно разработанные статистическіе отчеты касаются труда въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ; онѣ—любимое дѣтище. Картина рѣзко мѣняется, если обратиться къ постановкѣ мѣстныхъ тюремъ. Напрасно искать въ Statistique penitentiaire французской какихъ-либо свѣдѣній о томъ, что дѣлаютъ maisons départementales, correctionnelles, maisons d'arrêt et de sureté; рядомъ съ прекрасно разработанной статистикой Strafanstalten и крупныхъ тюремъ, Пруссія даже не печатаетъ вовсе статистическихъ отчетовъ о мѣстныхъ тюрьмахъ, а между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, среднесуточное населеніе этихъ тюремъ на 7 $^1/_2$ тысячъ больше, чѣмъ первыхъ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, дающіе такіе блестящіе отчеты о положеніи труда въ своихъ центральныхъ крупныхъ тюрьмахъ, оставляютъ совершенно безъ вниманія мѣстныя тюрьмы. Такъ, въ штатѣ Пенсильваніи имѣются двѣ уголовныя тюрьмы съ населеніемъ въ 1771 чел. и 67 графскихъ съ населеніемъ въ 2059 чел., изъ числа которыхъ 941 осужденныхъ и, тѣмъ не менѣе только въ 14, изъ общаго числа 67, графскихъ тюремъ заведены коекакія работы, въ остальныхъ работъ вовсе нѣтъ. Въ Австріи, гдѣ такъ заботятся о центральныхъ тюрьмахъ, устраиваютъ для арестантовъ этихъ тюремъ общественныя работы, столь картинно описанныя Лейтмайеромъ, число занятыхъ какими-либо работами арестантовъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ составляетъ всего 35 % общаго числа арестантовъ этихъ тюремъ; такія, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія доставлены о ф ф и ц і а л ь н о Парижскому конгрессу 1895 г., а надо замѣтить, что доставленныя конгрессу свѣдѣнія не особенно точны и скорѣе преувеличены съ цѣлью не ударить лицомъ въ грязь передъ чужими. Относительно мѣстныхъ австрійскихъ тюремъ, въ которыхъ отбывается однако же тюремное заключеніе до года,

самъ Лейтмайеръ [1]) говоритъ: «если мѣстныя условія позволяютъ, то и для заключенныхъ въ судебныхъ тюрьмахъ могутъ быть заводимы ремесленныя работы по примѣру тѣхъ, которыя введены въ уголовныхъ тюрьмахъ». Въ Италіи, представители которой такъ много говорили на Римскомъ и на Петербургскомъ конгрессѣ объ арестантскомъ трудѣ, занято работой въ мѣстныхъ тюрьмахъ менѣе 7% общаго числа (свѣдѣнія, доставленныя Парижскому конгрессу).

Одинъ Иллингъ вспомнилъ на Петербургскомъ конгрессѣ о мѣстныхъ тюрьмахъ [2]) и заявилъ, «что праздность пагубна въ маленькихъ тюрьмахъ не менѣе, чѣмъ въ большихъ. Лучше, чтобы заключенные работали безъ всякой прибыли въ пользу государства, но только бы не оставались въ совершенномъ бездѣльи».

Немногія государства, однако, рѣшились пойти указываемымъ Иллингомъ путемъ; Англія принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ.

Англія. Организація арестантскаго труда въ мѣстныхъ тюрьмахъ Англіи стоитъ въ тѣсной неразрывной связи со всѣмъ строемъ этихъ тюремъ, а строй этотъ сложился не самъ собой постепенно, а установленъ на основаніи строгихъ принциповъ составителями Prisons act'a 1877 г. и представляетъ съ того времени цѣлую выдержанную оригинальную систему, давшую уже прекрасные результаты. Заслуга Англіи уже въ томъ, что она не пренебрегла вопросомъ о мѣстныхъ тюрьмахъ и ясно и твердо показала своимъ примѣромъ, что эти тюрьмы имѣютъ такое же значеніе, какъ и каторжныя, и центральныя тюрьмы. Далѣе, при этой реформѣ (1877), представляющей собой совершенно новую расплапировку тюремнаго дѣла, приняты во вниманіе всѣ изложенныя нами выше соображенія о затруднительности осуществленія пенитенціарныхъ цѣлей въ мѣстныхъ небольшихъ тюрьмахъ и по возможности осуществлены тѣ цѣли, которыя нынѣ послѣ многихъ конгрессовъ не въ одной только Англіи признаются самыми важными, существенными въ тюремномъ дѣлѣ: устрашенія и исправленія заключенныхъ преступниковъ. При оцѣнкѣ отдѣльныхъ сторонъ строя мѣстныхъ (local) англійскихъ тюремъ не надо именно упускать изъ виду эти двѣ цѣли, для возможно полнаго осуществленія которыхъ приспособленъ весь строй, высшей, главной, можно сказать единственной, задачей котораго является борьба съ преступленіемъ, какъ съ моральнымъ зломъ.

Понимая вполнѣ, въ какой мѣрѣ не только трудно, но даже почти

---

[1]) Oesterreichische Gefängnisskunde, стр. 288.

[2]) Actes du Congres de Pétersb, v. III, p. 28.

невозможно осуществленіе пенитенціарныхъ цѣлей въ плохо устроенныхъ небольшихъ тюрьмахъ съ ничтожнымъ населеніемъ, составители Prisons act'a рѣшили приступить немедленно же къ постепенной отстройкѣ новыхъ и перестройкѣ старыхъ тюремныхъ зданій по извѣстнымъ планамъ, въ соотвѣтствіи съ пенитенціарными требованіями и съ обезпеченіемъ достаточнаго количества одиночныхъ камеръ. Число существовавшихъ уже тюремъ признано было необходимымъ значительно сократить и притомъ не выжидая отстройки новыхъ. До реформы было 113 мѣстныхъ тюремъ, а послѣ реформы изъ нихъ оставлено было всего 59 [1]), нынѣ такихъ тюремъ всего 57, но эта цифра уже сохраняется довольно давно и повидимому дальнѣйшаго сокращенія числа тюремъ не предвидится.

Весьма интересно, разумѣется, подробнѣе выяснить, въ какой мѣрѣ, при общемъ сокращеніи числа тюремъ, удалось сократить число тюремъ съ малымъ населеніемъ въ такой странѣ какъ Англія, гдѣ территорія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разстоянія, размѣры различныхъ округовъ, крайне невелики, населеніе густо, пути сообщенія прекрасны желѣзнодорожная сѣть развита чрезвычайно и гдѣ, слѣдовательно, условія для такого сокращенія болѣе благопріятны, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Вотъ данныя, почерпнутыя мною изъ отчета Commissioners of Prisons, Part I and II, за годъ, окончившійся 31 марта 1895 года.

Изъ числа 57 тюремъ—22, т. е. $38^{3}/_{5}\%$ общаго числа, имѣли среднесуточное населеніе менѣе 100, изъ числа этихъ тюремъ 7 ($12^{1}/_{4}\%$ общаго числа) имѣли населеніе менѣе 50 человѣкъ, въ $26^{1}/_{4}\%$ общаго числа тюремъ населеніе было болѣе 200, а въ $10^{1}/_{2}\%$ болѣе 400. Приведенныя данныя указываютъ, что избавиться совершенно отъ тюремъ съ небольшимъ населеніемъ оказалось даже въ Англіи невозможно и что число этихъ тюремъ ($58^{4}/_{5}\%$ общаго числа) и въ настоящее время значительно. А тѣмъ не менѣе реформа осуществлена и произведена во всѣхъ тюрьмахъ безъ исключенія, и несмотря на то, что въ мѣстныхъ тюрьмахъ содержатся подслѣдственные арестанты, которые не обязаны работать, что въ тѣхъ же тюрьмахъ содержатся несостоятельные должники, которые тоже освобождены, къ общему сожалѣнію всѣхъ англійскихъ тюрьмовѣдовъ, отъ дѣйствія тюремнаго режима, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности работать, тѣмъ не менѣе въ въ этихъ мѣстныхъ англійскихъ тюрьмахъ $75^{6}/_{9}\%$ общаго числа заключенныхъ заняты трудомъ, а дѣйствительно незанятыхъ (за исключеніемъ подслѣдственныхъ,

[1]) Сокращеніе это дало громадную экономію въ издержкахъ на содержаніе персонала лицъ начальствующихъ и надзирающихъ и на поправки и ремонтъ тюремныхъ зданій.

должниковъ, больныхъ, и небольшаго среднесуточнаго числа подвергнутыхъ наказанію) всего лишь $815^{3}/_{5}$ человѣка изъ всего среднесуточнаго состава, равнявшагося въ отчетномъ году 14.229 арестантамъ, т. е. число незанятыхъ составило всего общаго $5^{3}/_{4}{}^{0}/_{0}$ среднесуточнаго состава. Если произвести вычисленіе отдѣльно для тюремъ, съ населеніемъ менѣе 100 и отдѣльно для тюремъ, вмѣщающихъ болѣе 100 человѣкъ, то оказывается, что въ первыхъ число незанятыхъ составляло $5^{1}/_{5}{}^{0}/_{0}$ общаго (среднесуточнаго) числа содержавшихся въ нихъ, а во вторыхъ, $5^{5}/_{6}{}^{0}/_{0}$ содержавшихся въ этихъ послѣднихъ.

Отчеты начальниковъ отдѣльныхъ тюремъ, составляющіе 2-ую часть общаго годоваго отчета инспекторовъ тюремъ, распредѣляютъ занятія арестантовъ на слѣдующія группы: Non-productive: tread wheel, crank (непроизводительный трудъ, ступательное колесо, колѣнчатый валъ). In manufactures, т. е. ремеслами, in buildings на работахъ по перестройкѣ и исправленію тюремныхъ зданій, Employments in the ordinary service of the prison—работы по тюремному хозяйству (пекари, кашевары и т. д.). Отчетъ 1894—1895 годъ даетъ слѣдующія цифры (выведено мной путемъ вычисленія на основаніи отчетовъ по отдѣльнымъ тюрьмамъ): непроизводительнымъ трудомъ было занято всего $547^{1}/_{8}$ человѣка, т. е. приблизительно $3^{6}/_{7}{}^{0}/_{0}$ общаго среднесуточнаго числа арестантовъ; ремеслами было занято 6677 человѣкъ, т. е. $46^{13}/_{14}{}^{0}/_{0}$ общаго числа (среднесуточнаго арестантовъ), на перестройкахъ и поправкахъ тюремъ было занято $594^{3}/_{5}$ человѣка, т. е. $4^{1}/_{5}{}^{0}/_{0}$ общаго числа и, наконецъ, по тюремному хозяйству $2972^{1}/_{20}$ человѣкъ, т. е. $20^{5}/_{7}{}^{0}/_{0}$ общаго числа.

Остановимся подробнѣе на каждомъ отдѣлѣ работъ и прежде всего на трудѣ непроизводительномъ. Это слово, вообще странно звучитъ, оно вызываетъ воспоминаніе о чемъ-то жестокомъ, всѣми осуждаемомъ; не только за-границей, но и въ Англіи (какъ показалъ недавно процессъ одного романиста) многіе не знали, что ступательная мельница попрежнему существуетъ. Нѣсколько причинъ, какъ кажется, обусловили сохраненіе такого вида непроизводительнаго труда и по настоящее время. Ступательная мельница представляла собой дѣйствительное осуществленіе того imprisonment with hard labour—тюремнаго заключенія съ тяжкимъ трудомъ, къ которому присуждали до тюремной реформы, присуждаютъ и нынѣ англійскіе судьи; необходимо было на практикѣ отличить hard labour отъ простого imprisoment, отбываемаго въ стѣнахъ тѣхъ же тюремъ. Затѣмъ непроизводительный и тяжкій трудъ былъ сохраненъ реформаторами 1877 года, такъ какъ онъ составилъ одну изъ ступеней той лѣстницы, по которой они признавали необходимымъ вести арестанта къ исправленію. Характеръ этой

системы выраженъ однимъ изъ первыхъ королевскихъ тюремныхъ комиссаровъ де-Кеномъ [1]) такъ: «эти правила (реформа 1877 года) ввели систему обращенія и веденія арестантовъ путемъ воззванія къ лучшимъ, самымъ возвышеннымъ ихъ чувствамъ—систему, получившую названіе прогрессивной, систему послѣдовательныхъ степеней. Согласно этой системѣ, преступнику даютъ возможность хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ пріобрѣтать постепенно цѣлый рядъ преимуществъ и улучшеній въ его положеніи. Начиная съ тяжелаго каторжнаго труда, плохаго питанія, жесткой постели,—арестантъ можетъ постепенно дойти до болѣе интереснаго занятія, до большаго комфорта, до свободнаго пользованія книгами тюремной библіотеки, права переписываться съ друзьями, наконецъ, до пріобрѣтенія трудомъ небольшой суммы денегъ, которая избавитъ его отъ покушеній впасть вновь въ преступленіе по выходѣ изъ тюрьмы. Ежедневно особыми марками, отмѣчается послѣдовательное движеніе арестанта на пути къ исправленію». Вотъ какъ тотъ же дю-Кенъ смотритъ вообще на задачи занятій арестантовъ [2]): «занятія арестантовъ могутъ быть организованы для достиженія одной или всѣхъ трехъ цѣлей—во-первыхъ, для произведенія устрашающаго вліянія какъ на самого арестанта, такъ и вообще на классъ преступниковъ, во-вторыхъ, для произведенія исправительнаго вліянія на самого преступника и, наконецъ, съ цѣлью окупить, насколько возможно, содержаніе тюремъ». Порядокъ, въ которомъ дю-Кеномъ перечислены цѣли, которыя могутъ быть достигнуты путемъ организаціи арестантскаго труда представляетъ лучшій ключъ англійской тюретной системы и вполнѣ объясняетъ, между прочимъ, сохраненіе устрашающаго непроизводительнаго труда. Тотъ же авторъ далѣе замѣчаетъ, что именно въ видахъ устрашенія, а также исправленія, желательно, чтобы всякое краткосрочное наказаніе и первая часть долгосрочнаго отбывались въ одиночномъ заключеніи. Такъ оно въ дѣйствительности и есть, и tread wheel и crank наполняютъ время арестантовъ, присужденныхъ къ iprisonment with hard labour на срокъ 1 мѣсяца или немного болѣе, а также первое время долгосрочнаго наказанія.

Нельзя, однако, скрыть, что есть и еще причина сохраненія непроизводительнаго труда—это невозможность организовать производительный трудъ въ желательномъ размѣрѣ. Что такая причина дѣйствительно существуетъ, на это указываетъ разница между степенью примѣненія этого труда въ тюрьмахъ съ населеніемъ менѣе 100 человѣкъ и тюрьмахъ съ

---

[1]) Де-Кенъ, назв. соч., стр. 77.

[2]) Дю-Кенъ, стр. 170.

большимъ населеніемъ; въ первыхъ непроизводительный трудъ занимаетъ $12^3/_4\%$ общаго числа содержащихся въ нихъ арестантовъ, а во вторыхъ всего $2^{11}/_{12}\%$, первыхъ тюремъ 22 и изъ нихъ существуетъ непроизводительный трудъ въ 16, вторыхъ 35 и изъ нихъ въ 21 имѣется непроизводительный трудъ. Не надо, однако, забывать, что примѣненіе непроизводительнаго труда теперь точно и строго опредѣлено, а затѣмъ общее направленіе тюремной политики идетъ къ сокращенію примѣненія этого труда [1]).

Въ настоящее время этимъ трудомъ заняты, какъ говорится въ англійскихъ отчетахъ, арестанты перваго разряда тяжкаго труда, онъ примѣется не болѣе одного мѣсяца заключенія и поглощаетъ для краткосрочныхъ, присужденныхъ къ заключенію на одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ, все время заключенія, а затѣмъ долгосрочные переводятся на производительный трудъ. Непроизводительный трудъ состоитъ или въ ступательной мельницѣ (tread wheel) или колѣнчатомъ валѣ (crank); число ступеней, которыя долженъ сдѣлать ежедневно арестантъ, точно опредѣленно и равняется 8640 въ теченіе 6 часовъ, но послѣ первыхъ трехъ часовъ дѣлается въ работѣ перерывъ. При каждой тюрьмѣ есть врачъ и, какъ свидѣтельствуютъ отчеты начальниковъ тюремъ, посѣщенія его часты; въ тѣхъ же отчетахъ имѣются отмѣтки «особождены отъ работы съ разрѣшенія врача». Такимъ образомъ объ особой вредности для здоровья арестантовъ такого непроизводительнаго труда едва-ли можно говорить. Главное возраженіе, часто повторяемое и несомнѣнно имѣющее много за себя, это то, что примѣненіе непроизводительнаго труда идетъ въ разрѣзъ съ основными принципами всякой пенитенціарной системы, въ томъ числѣ и англійской, которыя всѣ основаны на возрожденіи преступника путемъ производительнаго труда, который одинъ способенъ дать понять лѣнивому преступнику, какая награда его ждетъ за всякую честную работу, а между тѣмъ непроизводительный трудъ можетъ только вселить отвращеніе къ труду и, слѣдовательно, можетъ имѣть только вредное, въ исправительномъ отношеніи, значеніе. Но и сами англичане примѣняютъ непроизводительный трудъ только короткое время а притомъ скорѣе не въ видѣ занятія, а въ видѣ насилія надъ личностью преступника въ первое время по поступленіи его въ тюрьму.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что принимаются мѣры, и довольно энер-

---

[1]) Упомянутая выше парламентская комиссія указала тоже на необходимость сокращенія непроизводительнаго труда и тюремная администрація рѣшила сдѣлать новые шаги къ замѣнѣ по мѣрѣ возможности этого труда исполненіемъ заказовъ правительственныхъ учрежденій—Observions of the Prison-Commissioners 1896, p. 5.

гическія, чтобы работѣ арестантовъ на tread wheel и crank дать производительное примѣненіе; при такомъ условіи отличительной чертой этой работы остаются только болѣе тяжемыя условія выполненія ея, характеръ обременительности, вполнѣ отвѣчающій предусмотрѣнному законодателемъ наказанію въ видѣ тяжкаго труда. Производительное примѣненіе tread wheel очень разнообразно: ступательная мельница и колѣнчатый валъ разсматриваютъ лишь какъ «двигатель» и примѣняютъ его къ молкѣ зерна, къ накачиванію воды и т. д., въ такомъ видѣ tread wheel и crank существуютъ почти во всѣхъ тюрьмахъ, но въ такихъ случаяхъ этотъ трудъ, какъ производительный, показывается въ отчетахъ уже или въ графѣ ремесленныхъ (молка зерна) или графѣ хозяйственныхъ работъ (накачиваніе для тюрьмы воды, при чемъ crank, pumpcrank устанавливаются даже въ отдѣльныхъ камерахъ). Можно, я думаю, не сомнѣваться, что, по мѣрѣ возможности организовать производительный трудъ, и ступательная мельница, и колѣнчатый валъ получатъ исключительно производительное направленіе.

Во всякомъ случаѣ не надо забывать, что непроизводительнымъ трудомъ занято въ общемъ менѣе 4% общаго числа арестантовъ, а большая часть арестантскаго труда примѣнена производительно; такъ, прежде всего, трудъ арестантскій направленъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей самихъ тюремъ, не говоря уже о хозяйственныхъ собственно работахъ (какъ мы видѣли выше, ими занято около 20$^{6}/_{7}$% общаго среднесуточнаго числа арестантовъ); при 45 тюрьмахъ (общее число 57) имѣются поля для посѣва, которыя обрабатываются трудомъ арестантовъ, въ 26 тюрьмахъ имѣются (данныя отчета 1890 г.) мельницы, на которыхъ работаютъ арестанты. Затѣмъ, по возможности, одежда и обувь, бѣлье для арестантовъ строится и исправляется трудомъ арестантовъ. Принимаются далѣе энергическія мѣры къ тому, чтобы производить какъ можно больше на государство и меньше на частныхъ лицъ. Тюремному вѣдомству удалось получить заказы отъ почтоваго вѣдомства на штиблеты, ремни, сумки, вальки, столы для упаковки; отъ адмиралтейства — на жестяные ящики, мундиры, плетеныя покрывала, на торпедныя лодки; отъ военнаго вѣдомства—на желѣзные приборы для скамеекъ и школьныхъ бюро; отъ министерства колоній — на сумки и др. предметы; отчетъ 1892 г. опредѣляетъ общее число работающихъ на государство цифрой 765.

Такое направленіе арестантскаго труда несомнѣнно должно быть признано чрезвычайно желательнымъ, и надо надѣятся, что со временемъ англійской тюремной администраціи удастся найти заказы у правительства въ такихъ размѣрахъ, чтобы занять исполненіемъ ихъ всѣхъ арестантовъ

local prisons (цифра 750 составляетъ всего лишь $5^{1}/_{4}{}^{0}/_{0}$ среднесуточнаго состава арестантовъ); нынѣ (см. ниже) число арестантовъ, занятыхъ исполненіемъ заказовъ администраціи, значительно болѣе 750.

Въ общемъ ремеслами (in manufactures) (въ томъ числѣ и по заказамъ правительства) занято было въ отчетномъ году (1894—1895) громадное число арестантовъ — 6.677 человѣкъ, т. е. $46^{12}/_{14}{}^{0}/_{0}$ общаго среднесуточнаго состава, почти половина всѣхъ арестантовъ, и такимъ образомъ главная задача — занять арестантовъ производительнымъ трудомъ—разрѣшена благопріятно. Надо впрочемъ замѣтить, что положеніе тюремъ съ населеніемъ менѣе 100 человѣкъ не столь благопріятно; только $35^{2}/_{5}{}^{0}/_{0}$ общаго числа содержащихся въ нихъ арестантовъ удалось занять промышленнымъ трудомъ, тогда какъ въ тюрьмахъ съ населеніемъ болѣе 100 человѣкъ этимъ трудомъ занято $48^{1}/_{8}{}^{0}/_{0}$ состава, а общій процентъ для всѣхъ тюремъ $46^{13}/_{14}{}^{0}/_{0}$. Доходность этихъ работъ, въ особенности по англійскимъ цѣнамъ, не высока, а именно: въ годъ $189^{4}/_{5}$ работы принесли 49.940 ф. ст. 18 шил. 10 пенс. и, слѣдовательно, на каждаго арестанта, занятаго промышленнымъ трудомъ, $149^{1}/_{2}$ шиллинговъ въ годъ, или за каждый рабочій день, переводя на русскія деньги, 24 копѣйки. Но такое вычисленіе слишкомъ благопріятно, и если раздѣлить этотъ доходъ, хотя бы лишь на всѣхъ занятыхъ арестантовъ (а не все число арестантовъ, какъ это дѣлается въ центральныхъ тюрьмахъ, гдѣ всѣ обязаны работать), то доходность окажется небольшой.

Сравнительно небольшая доходность арестантскаго труда въ local prisons станетъ еще болѣе понятной, если мы остановимся подробнѣе на вопросѣ о томъ, какими именно производительными работами были заняты арестанты.

Изъ числа 6.677 человѣкъ, которые были заняты производительными работами, $3.705^{3}/_{4}$, т. е. $55^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$, были заняты расщипкой кокосовыхъ хлопьевъ, старыхъ веревокъ, шерсти, шелка, особаго бобоваго растенія (bean) и т. д. Занятіе это имѣетъ то громадное преимущество, что не требуетъ отъ работающихъ какихъ-либо предварительныхъ знаній; такую работу можно дать арестанту на другой день поступленія въ тюрьму. Неудивительно, поэтому, что этой работой занято такое количество арестантовъ, и что нѣтъ ни одной тюрьмы изъ числа всѣхъ 57, въ которой этой работы не производилось бы.

Понятно, однако же, что столь несложная работа не можетъ оплачиваться высоко и мало того, какъ выразился въ отчетѣ за 1894—95 г. (ч. II) начальникъ тюрьмы въ Лейчестерѣ, сбывать такое «произведеніе» чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что пришлось сократить производство

изъ этого матеріала матовъ и циновокъ, въ виду нареканій на конкуренцію свободному труду, а между тѣмъ нареканія эти оказались, какъ я уже говорилъ выше, неосновательными. Но все-таки, въ концѣ концовъ, до послѣдняго времени, занятіе расщипкой давало доходъ, хотя и ничтожный; всего дохода отъ этой работы въ 1894—95 году получилось 1.325 ф. ст. 6 шил. 1 пен., но въ нѣсколькихъ тюрьмахъ не удалось сбыть произведеннаго, и получился убытокъ всего на сумму 174 ф. ст. 10 шил. 4 пен., за вычетомъ этой суммы изъ вышеупомянутой, получается уже вполнѣ чистаго дохода 1.151 ф. ст. 15 шил. 9 пен.; доходъ несомнѣнно ничтожный, но если только вспомнить о главной задачѣ арестантскаго труда, которая выполняется благодаря этому занятію, то можно уже радоваться, что оно не приноситъ убытка и все-таки является производительнымъ въ смыслѣ если не доходности, то производства извѣстныхъ цѣнностей.

Всѣ остальныя производительныя занятія занимаютъ, разумѣется, неизмѣримо меньшее число рукъ.

Больше другихъ, а именно $761^1/_7$ чел., т. е. $11^2/_5\%$ общаго числа производительно-занятыхъ, занимаетъ молка зерна (пшеницы — grinding wheat); работа эта производится большею частью при содѣйствіи мукомольной мельницы, какъ двигателя; доходность ея выше, чѣмъ расщипка, а именно $7^5/_6$ коп. въ день. Женщины въ тюрьмахъ заняты, главнымъ образомъ, и даже почти исключительно, шитьемъ, поэтому knitters and needlewomen насчитывалось [1]) $541^3/_4$, т. е. $8^1/_9\%$ общаго числа; вознагражденіе доходило до 50 копѣекъ въ день. Весьма распространенной работой является производство почтовыхъ и дорожныхъ сумокъ, которое занимало около 334 чел., т. е. 5% и давало высокое вознагражденіе до 88 копѣекъ въ день. Далѣе изготовленіе мѣшковъ занимаетъ $382^1/_3$ чел., т. е. $5^3/_4\%$, и даетъ приблизительно такое же вознагражденіе, какъ и изготовленіе сумокъ; изготовленіе коекъ (гамаковъ) занимаетъ $203^1/_5$ чел., т. е. 3% (такое же вознагражденіе); всѣ эти три производства основаны на заказахъ различныхъ отраслей администраціи, на администрацію же и тюремное вѣдомство работаютъ столяры ($115^1/_2 = 1^3/_4\%$), сапожники ($69 = 1^1/_{30}\%$), портные ($130 =$ почти 2%); въ общемъ на государство работаетъ нынѣ 1.000 человѣкъ. Производство матъ въ настоящее время занимаетъ всего около $1^1/_2\%$, причемъ кокосовые маты производятся по заказу адмиралтейства. Необходимо еще упомянуть о тканьѣ бумажныхъ матерій, занимающемъ $132^4/_5$ чел., т. е. 2% и раз-

[1]) Вычисленія произведены на основаніи отчетовъ начальниковъ тюремъ.

биваніи камней, занятіи (93 чел.=$1^2/_5$%), которое признается тяжкимъ и замѣняетъ, въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, непроизводительный трудъ для арестантовъ 1-го класса тяжкаго труда. Остальныя ремесла занимаютъ слишкомъ мало рукъ. Это, такъ сказать, случайныя спеціальныя занятія: тутъ и переплетное мастерство, и тканье изъ шерсти и джута, витье веревокъ и сворачиваніе канатовъ, и щеточное мастерство, и печенье хлѣбовъ, и садоводство, и занятія черной работой, и т. д.

Англія далеко не такая консервативная страна, какъ это считаютъ на Западѣ, въ особенности если понимать слово консервативный въ смыслѣ закоренѣлаго нерасположенія къ измѣненіямъ· это совершенно невѣрно. Рѣдко какая страна произвела у себя за послѣдніе 50 лѣтъ столько реформъ, какъ Англія, и тюремное дѣло въ Англіи находится въ движеніи. Дѣятельная и высоко просвѣщенная тюремная администрація изыскиваетъ все новые пути для дѣйствительнаго осуществленія и проведенія въ жизнь началъ реформы 1877 г. съ одной стороны, а съ другой—для удовлетворенія многообразныхъ требованій, предъявляемыхъ къ тюрьмамъ и точно отмѣчаемыхъ и разсматриваемыхъ въ ежегодныхъ отчетахъ тюремныхъ коммисаровъ. Современная, прекрасная постановка арестантскаго труда даетъ намъ полное основаніе предполагать, что въ недалекомъ будущемъ англійской тюремной администраціи удастся достигнуть крупныхъ улучшеній и успѣховъ въ томъ направленіи, по которому она идетъ, а именно въ обращеніи непроизводительнаго тяжкаго труда въ тяжкій производительный съ приспособленіемъ существующихъ ступательныхъ мельницъ и колѣнчатыхъ валовъ къ производительнымъ работамъ перемалыванія зерна, накачиванія воды и др.; далѣе есть всѣ основанія предполагать, что число заказовъ отъ различныхъ отраслей администраціи все будетъ увеличиваться, какъ оно увеличилось за пять лѣтъ съ 1890 по 1895 г., и тѣмъ будетъ исполнено одно изъ единодушнѣйшихъ пожеланій тюремныхъ конгрессовъ (въ Петербургскомъ Англія не участвовала). Можно тоже быть увѣреннымъ, что вызывающее крайнее возмущеніе со стороны тюремныхъ коммисаровъ положеніе несостоятельныхъ должниковъ, которые избавлены отъ подчиненія общему тюремному режиму, а потому и отъ обязанности трудиться, будетъ измѣнено. Надо замѣтить, что отчеты тюремныхъ коммисаровъ вызываютъ къ себѣ особенное вниманіе англійскихъ законодателей; такъ благодаря настояніямъ коммисаровъ, былъ изданъ The Penal Servitude Act 1891. которымъ судьи были уполномочены присуждать къ каторжнымъ работамъ не только на срокъ 5 лѣтъ и выше, но и на 3 года; законъ этотъ, съ одной стороны, даетъ возможность болѣе справедливаго и соотвѣтственнаго данному случаю примѣненія на-

казанія, а съ другой стороны, способствуетъ сокращенію контингента каторжниковъ. Остальныя занятія въ англійскихъ тюрьмахъ по тюремному хозяйству и по исправленіямъ поправкамъ тюремныхъ зданій не представляютъ какихъ-либо особенностей, отличающихъ ихъ отъ такихъ же работъ въ тюрьмахъ другихъ европейскихъ государствъ. Въ отчетахъ начальниковъ тюремъ исправленіе тюремныхъ зданій вынесено изъ отдѣла работъ по тюремному хозяйству въ особую графу in Buildiugs; какъ за эти работы, такъ и за работы по тюремному хозяйству высчитано вознагражденіе; за работы собственно по тюремному хозяйству вознагражденіе только высчитывается, но не выдается (повидимому), потому что въ отчетахъ о каторжныхъ тюрьмахъ оно даже прямо устраняется изъ общихъ разсчетовъ.

Если остановиться на общей суммѣ тюремныхъ доходовъ отъ производительныхъ работъ и отъ работъ по исправленію тюремныхъ зданій (на производство этихъ работъ ассигнуются правительствомъ особыя суммы), то таковая составляетъ 63.448 ф. ст. 1 шил. 8 пен.; общая же сумма расходовъ на годовое содержаніе local prisons равняется 341.829 ф. ст. 4 шил. (на одного арестанта 24 ф. ст. 0 6 пен.), такимъ образомъ доходъ отъ работъ покрываетъ всего 12 $^{2}/_{3}$% расходовъ.

Усиленное занятіе трудомъ арестантовъ, которымъ на руки не выдается почти никакого вознагражденія, разумѣется не обходится безъ борьбы съ лѣнью арестантовъ; какъ указываютъ отчеты, изъ общаго числа 30.367 нарушеній тюремной дисциплины на лѣнь пришлось въ отчетномъ году 11.133, наказанія, главнымъ образомъ, сводились къ сокращеніямъ ежедневной порціи пищи [1]).

Нельзя не упомянуть, что въ каждой тюрьмѣ имѣлась библіотека (иныя очень обширныя), которой арестанты очень охотно пользовались; производилось ученье арестантовъ, не говоря уже объ усиленныхъ бесѣдахъ съ духовнымъ лицомъ своего вѣроисповѣданія. Замѣчательно разработанные отчеты о всѣхъ случаяхъ сумасшествія свидѣтельствуютъ о строгомъ медицинскомъ надзорѣ; послѣдній утверждаетъ, что англійская тюрьма вовсе не способствуетъ возникновенію душевныхъ болѣзней.

Бельгія. Единственной страной на континентѣ Европы, въ которой мѣстныя тюрьмы поставлены такъ же хорошо, какъ и въ Англіи, является

---

[1]) Эти цифры указываютъ не на оборотную сторону медали—постановки работъ въ англійскихъ тюрьмахъ—а даютъ картину борьбы съ преступными наклонностями, борьбы желательной; вся тюремная пенитенціарная система настолько хороша, что и число наказаній дѣтой противъ прежняго уменьшилось въ три раза.

Бельгія. Ссылаясь на объясненія, данныя мною выше объ источникахъ, изъ которыхъ я почерпаю свѣдѣнія свои о Бельгіи, я начну съ цифровыхъ данныхъ.

Всего въ Бельгіи мѣстныхъ тюремъ, такъ называемыхъ prisons secondaires, 28. Какъ объяснено въ представленныхъ бельгійскимъ правительствомъ Парижскому конгрессу монографіяхъ отдѣльныхъ тюремъ, въ prisons socondaires отбываютъ наказанія только присужденные въ наказаніямъ исправительнымъ и за полицейскія нарушенія; въ тѣхъ случаяхъ, когда исправительное тюремное заключеніе назначено на срокъ свыше 5 лѣтъ, арестанты переводятся изъ мѣстныхъ тюремъ въ тюрьмы центральныя. Въ этихъ 28 тюрьмахъ среднесуточное населеніе состояло въ 1892 г. изъ 3348 человѣкъ, и изъ этого числа подслѣдственныхъ, работать, какъ и у насъ, не обязанныхъ, было 620, т. е. около $18^1/_2\%$, но кромѣ того здѣсь же содержались въ особыхъ отдѣленіяхъ (maisons de depot) и временно задержанные полиціей; тутъ же были заключены и несостоятельные должники и отданные родителями на исправленіе.

Все преступное населеніе распредѣлено было въ 38 тюрьмахъ такимъ образомъ, что въ 13 тюрьмахъ, т. е. почти въ половинѣ, было менѣе 100 человѣкъ на тюрьму. Вышеприведенныя данныя имѣютъ важное значеніе, указывая такъ сказать, при какихъ условіяхъ въ смыслѣ числа рукъ рабочихъ (число обязанныхъ работать, быстрота обмѣна состава арестантовъ) организованы работы въ бельгійскихъ тюрьмахъ; условія эти, какъ увидимъ ниже, не особенно болѣе благопріятны, чѣмъ соотвѣтственныя условія русскихъ тюремъ, а между тѣмъ результаты блестящіе. Изъ общаго среднесуточнаго состава въ 1892 году 3348 ар. было занято работой 2621 чел., т. е. $77^1/_4\%$; занимались работами и подслѣдственные, но въ меньшемъ процентѣ чѣмъ осужденные; изъ числа 620 подслѣдственныхъ было занято работой $428^1/_3$, т. е. 69%; о доходности работъ вообще я точныхъ данныхъ сообщить не могу, но предполагаю, что эта доходность была не ниже, чѣмъ въ центральныхъ тюрьмахъ, такъ какъ и внутренняя ихъ организація почти та же, что и центральныхъ тюремъ. Къ этому положенію мѣстныя тюрьмы дошли постепенно; глубоко понимая и интересуясь пенитенціарными задачами, бельгійское правительство гораздо раньше другихъ государствъ обратило вниманіе на важное значеніе, въ смыслѣ борьбы съ преступленіемъ, мѣстныхъ тюремъ. Уже въ циркулярѣ 14 января 1834 г. [1]) правительство указывало начальни-

[1]) Actes du Congres pénit. de Pétersbourg, vol. III, p. 146: Rapport de M. Emil Tauffer.

камъ мѣстныхъ тюремъ на важность постановки работъ, и чтобы пріохотить ихъ заняться организаціей работъ, предоставило имъ пользоваться доходами отъ работъ. Избранный путь былъ, можетъ быть, не совсѣмъ правиленъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, принятіе такой рѣшительной мѣры указываетъ, какое значеніе бельгійское правительство давало работамъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Этотъ циркуляръ повелъ къ системѣ работъ предпринимательской, но уже въ силу устава 14 марта 1869 года эта система уступила мѣсто нынѣшней системѣ, характеризуемой самимъ правительствомъ бельгійскимъ [1]) такъ: «работы организованы по системѣ государственнаго веденія (régie) въ томъ смыслѣ, что заведеніе и производство работъ происходятъ подъ непосредственнымъ и исключительнымъ руководствомъ органовъ администраціи тюремной». Основаніе этой системы то же, что и въ центральныхъ тюрьмахъ; такимъ образомъ главная особенность тюремнаго строя Бельгіи та, что въ этой странѣ нѣтъ любимыхъ и нелюбимыхъ тюремъ, доведенныхъ до совершенства и забытыхъ; въ мѣстныхъ тюрьмахъ та же организація работъ, что и въ центральныхъ. Дѣйствительно, арестанты мѣстныхъ тюремъ работаютъ и по заказу военнаго вѣдомства и тюремной администраціи, и по заказу частныхъ предпринимателей, какъ и въ центральныхъ тюрьмахъ, при чемъ предприниматели поставлены въ то же положеніе, что и въ центральныхъ. Работы арестантовъ происходятъ такъ же, какъ и въ центральныхъ, подъ руководствомъ наемныхъ мастеровъ и надзирателей. По заказамъ военнаго вѣдомства и тюремной администраціи, точно такъ же какъ и въ центральныхъ тюрьмахъ, занимаются шитьемъ форменной одежды и обуви; по заказамъ частныхъ предпринимателей тоже шьютъ одежду и обувь, занимаются издѣліями изъ тростника, шитьемъ туфель и плетеніемъ матъ, щеточнымъ производствомъ, вытягиваніемъ проволоки, изготовленіемъ подушечекъ (sachet), издѣлій изъ жести, столярнымъ ремесломъ, перепиской и т. п. Вознагражденіе арестантовъ по отдѣльнымъ работамъ, а затѣмъ и общія правила о распредѣленіи дохода отъ работъ тѣ же, что и въ центральныхъ тюрьмахъ. Не даромъ г. Дріу, слова котораго я приводилъ выше, говоритъ одновременно и о центральныхъ тюрьмахъ и о мѣстныхъ въ Сенъ-Жилль и Мерксплассъ, не проводя различія между тѣми и другими въ отношеніи постановки работъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь и о постановкѣ обученія въ бельгійскихъ тюрьмахъ; въ центральныхъ 2-хъ тюрьмахъ на этотъ предметъ расходуется 13.273 фр. 50 с. Въ такой тюрьмѣ какъ Сенъ-Жилль посѣщеніе школы

[1]) Monographie Saint-Gilles, p. 21.

обязательно для лицъ, присужденныхъ къ заключенію на срокъ свыше 6 мѣсяцевъ и не достигшихъ 40 лѣтъ, и для всѣхъ молодыхъ преступниковъ, на какой бы срокъ они ни были осуждены; существуетъ, разумѣется, тюремная библіотека, въ которой есть и общеобразовательныя сочиненія, и религіозныя, и для легкаго чтенія.

Примѣръ Англіи и Бельгіи убѣждаетъ лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій въ полной возможности организовать арестантскія работы въ мѣстныхъ тюрьмахъ съ небольшимъ, часто мѣняющимся населеніемъ. Нельзя сказать, чтобы характеръ введенныхъ въ этихъ тюрьмахъ работъ представлялъ какія-либо такія особенности, которыя исключали бы возможность и въ другихъ государствахъ послѣдовать примѣру Англіи и Бельгіи; какъ кажется, нужно только, чтобы правительства обратили на мѣстныя тюрьмы не меньшее вниманіе, чѣмъ на центральныя, и пожелали затратить извѣстныя суммы на заведеніе работъ, причемъ суммы эти весьма быстро возвращаются. Разумѣется, работы эти менѣе производительны, чѣмъ въ центральныхъ,—въ англійскихъ большое значеніе имѣетъ расщипка пеньки, а въ бельгійскихъ, разумѣется, больше, чѣмъ въ центральныхъ тюрьмахъ, обучающихся ремеслу подмастерьевъ и меньше знающихъ ремесло,—но вѣдь главная цѣль—занятіе арестантовъ работами—достигнута.

IV.

Приступая къ описанію постановки работъ въ русскихъ тюрьмахъ, я прежде всего долженъ остановиться на источникѣ, изъ котораго мною почерпнуты сообщаемыя данныя. Такимъ источникомъ не могли явиться издаваемые ежегодно отчеты по главному тюремному управленію, ибо въ нихъ не содержится по интересующему насъ вопросу самыхъ существенныхъ свѣдѣній: нѣтъ данныхъ, которыя бы позволяли судить или хоть сдѣлать выводъ о томъ, въ какой мѣрѣ были заняты арестанты трудомъ (такія свѣдѣнія сообщаются лишь относительно мѣстъ заключенія города С.-Петербурга, гдѣ они особенно благопріятны); нѣтъ свѣдѣній въ этихъ отчетахъ и о томъ, какими работами были заняты арестанты; нѣтъ свѣдѣній даже о томъ, на какія именно тюрьмы и на какія работы расходуется имѣющійся въ распоряженіи главнаго тюремнаго управленія фондъ на развитіе арестантскихъ работъ.

При такихъ условіяхъ мнѣ пришлось обратиться къ подлиннымъ отчетамъ губернаторовъ, представляемымъ ими ежегодно въ главное тюремное управленіе, о состояніи тюремныхъ работъ въ ввѣренныхъ имъ гу-

берніяхъ. Отчеты эти представляются собственно въ видахъ полученія согласія главнаго тюремнаго управленія на предположенія губернатора о распредѣленіи дохода отъ арестантскихъ работъ; съ этой же чисто «финансовой» точки зрѣнія относится къ отчетамъ и тюремное управленіе. Понятно, поэтому, что въ отчетахъ, которые состоятъ большею частью изъ сводной вѣдомости по губерніи и вѣдомостей, составленныхъ въ каждой отдѣльной тюрьмѣ, а иногда, впрочемъ рѣдко, лишь изъ одной сводной вѣдомости, содержатся весьма скудныя свѣдѣнія, иногда только цифровыя данныя о числѣ дней, проведенныхъ на внѣшнихъ, внутреннихъ и хозяйственныхъ работахъ, и о заработкѣ отъ каждаго изъ этихъ трехъ родовъ работъ.

Къ счастью, во многихъ вѣдомостяхъ отдѣльныхъ тюремъ содержатся перечни работъ, произведенныхъ въ отчетномъ году, съ показаніемъ числа дней, проведенныхъ на каждой работѣ, и заработка. По нѣкоторымъ тюрьмамъ въ отчетномъ году (я остановился на 1894 годъ) не представлено было вовсе отчетовъ. Нечего и говорить, что какихъ-либо общихъ требованій къ этимъ отчетамъ не было, очевидно, предъявляемо; если цифры, указывающія размѣры работъ производительныхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ, болѣе или менѣе точны, въ виду уже того одного, что рядомъ съ указаніемъ на число дней, проведенныхъ на работахъ, необходимо указать и доходъ, поступившій отъ этихъ работъ, то въ графѣ хозяйственныхъ работъ (работъ по тюремному хозяйству), за немногими исключеніями не оплачиваемыхъ, выставляются цифры часто произвольныя, чему я приведу много примѣровъ, говоря объ отдѣльныхъ видахъ тюремъ.

Вторымъ источникомъ явился для меня Тюремный Вѣстникъ—оффиціальный журналъ, содержащій почти въ каждомъ нумерѣ существенныя свѣдѣнія о постановкѣ того или другаго рода арестантскихъ работъ.

Затѣмъ свѣдѣнія о среднесуточномъ составѣ арестантовъ въ каждой отдѣльной тюрьмѣ, данныя о числѣ тюремъ и другія свѣдѣнія я почерпнулъ изъ смѣты доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 годъ.

Наконецъ, нѣкоторыя, хотя и незначительныя, больше общія цифровыя данныя о численности тюремнаго населенія и о тюремномъ хозяйствѣ почерпнуты и изъ отчетовъ главнаго тюремнаго управленія за десятилѣтіе (1879—1889 г.) и послѣдующіе годы.

Остановившись на 1894 годѣ и задавшись мыслью выяснить постановку русскаго арестантскаго труда именно въ этомъ году, я прежде всего занялся обработкой того сыраго матеріала, который даютъ отчеты губернаторовъ, причемъ пришлось потратить массу труда и времени и произвести много всевозможныхъ вычисленій; только такимъ путемъ уда-

лось выяснить, какой процентъ среднесуточнаго состава арестантовъ былъ занятъ работами внѣшними, внутренними, хозяйственными, сколько времени посвящено было нѣкоторымъ особенно интереснымъ отдѣльнымъ видамъ работъ; благодаря нѣсколькимъ сотнямъ карточекъ, сгруппированныхъ по отдѣльнымъ видамъ работъ, я могъ выяснить картину распространенія той или другой работы въ тюрьмахъ и приблизительную доходность ея [1]).

При этомъ, разумѣется, мною могли быть допущены существенные пробѣлы, благодаря указанной выше чрезвычайной краткости отчетовъ, не упоминающихъ часто вовсе о томъ, какія именно работы производились въ тюрьмѣ, и отсутствію въ то же время другихъ какихъ-либо источниковъ, кромѣ этихъ отчетовъ.

При разработкѣ вопроса о постановкѣ работъ въ русскихъ тюрьмахъ я буду, разумѣется, имѣть въ виду, также какъ и относительно иностранныхъ тюремъ, различіе, существующее между такъ называемыми établissements pénitentiaires, центральными тюрьмами, и мѣстными тюрьмами, prisons secondaires; надо однако, замѣтить, что несходство это въ Россіи гораздо меньше и что работы арестантскія во всѣхъ русскихъ тюрьмахъ всѣхъ категорій имѣютъ столь много общаго между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ столько общихъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ такихъ же работъ въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, что, желая избѣжать повтореній, я не буду слѣдовать въ изложеніи этому различенію, а сперва остановлюсь на вопросѣ о степени занятія арестантовъ работами въ различныхъ категоріяхъ тюремъ, и затѣмъ на вопросѣ о томъ, какія работы въ отдѣльности производятся въ русскихъ тюрьмахъ всѣхъ видовъ.

Къ числу центральныхъ тюремъ въ Россіи могутъ быть причислены каторжныя тюрьмы, арестантскія отдѣленія и пересыльныя тюрьмы; на послѣднихъ я останавливаться не буду въ виду сравнительно небольшаго населенія ихъ (числомъ ихъ всего 6), отсутствія свѣдѣній о работахъ, производившихся въ нихъ, и особо неблагопріятныхъ для постановки работъ условій, которыя имъ присущи.

Каторжныхъ тюремъ въ 1894 году числилось всего 8 съ среднесуточнымъ населеніемъ въ 5288,41 ар. (тюрьмы о. Сахалина не приняты

---

[1]) Въ отчетахъ показаны дни, проведенные арестантами на работахъ; это число дней дѣлилось на общее число рабочихъ дней въ году, указанное въ ст 352 уст. сод. подъ стражей, и такимъ образомъ опредѣлялся среднесуточный составъ рабочихъ; потомъ уже вычислялось процентное отношеніе этого состава къ общему среднесуточному составу арестантовъ данной тюрьмы.

въ разсчетъ); всего заработано арестантами этихъ тюремъ, какъ показано въ отчетѣ по главному тюремному управленію, 25.268 р. 69 к., т. е. на одного 4 р. 77 к. въ годъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія у меня имѣются только относительно 4 изъ этихъ тюремъ.

На Нерчинской каторгѣ среднесуточно содержалось 2751 человѣкъ; изъ этого числа наружными работами было занято (въ рудникахъ и т. д.) 659 человѣкъ или 24% общаго среднесуточнаго состава, внутренними было занято 411$^{2}/_{3}$ чел. или 15% и хозяйственными 1189$^{1}/_{6}$ чел. т. е. 43$^{1}/_{5}$% общаго состава. Эта послѣдняя цифра, несомнѣнно, вполнѣ фантастичная: это станетъ вполнѣ понятно, если имѣть въ виду, что подъ хозяйственными работами не подразумѣваются ни исправленіе тюремныхъ зданій, ни постройка или исправленіе тюремныхъ зданій, ни постройка или исправленіе арестантскихъ одежды, обуви, бѣлья,—нѣтъ, это чисто хозяйственныя работы, кашеваровъ, ламповщиковъ, прачекъ, отходниковъ, корридорныхъ и т. д.; возможно ли даже представить себѣ, что половина всего состава арестантовъ занята услуженіемъ другой? Если эту фантастическую цифру отбросить хотя бы на время, то окажется, что производительными работами было занято всего 39% общаго среднесуточнаго состава; если на хозяйственныя работы приблизительно опредѣлить около 10% всего состава, что все-таки составитъ громадную цифру 275 человѣкъ, занимающихся варкой, стиркой, очисткой и т. д., то и въ такомъ случаѣ мы не дойдемъ до 50% занятія арестантовъ работами; остальные 50% осужденныхъ на каторжныя работы не были заняты никакими работами.

Не лучше и въ другихъ тюрьмахъ.

Въ Александровской, при среднесуточномъ составѣ въ 1498 арестантовъ, было занято наружными работами 3,33 человѣка и на Сибирской желѣзной дорогѣ 412 чел., т. е. 27$^{2}/_{3}$%, внутренними 90$^{3}/_{5}$ чел. или 6%, а всего производительными работами 33$^{2}/_{3}$%, т. е. менѣе чѣмъ въ Нерчинской каторгѣ; хозяйственными работами занято было будто бы 415$^{1}/_{5}$ чел. или 27$^{2}/_{3}$% (тоже очевидно преувеличено), а всего было при такомъ не внушающимъ довѣрія счетѣ занято около 61$^{1}/_{3}$% среднесуточнаго состава, а въ дѣйствительности, очевидно, тоже гораздо менѣе 50%.

Въ Тобольской каторжной тюрьмѣ № 1 среднесуточный составъ арестантовъ составлялъ 356; изъ нихъ внутренними работами было занято 60$^{2}/_{5}$ чел. или 17%, хозяйственными 19$^{1}/_{6}$ чел., т. е. 5$^{1}/_{10}$%, наружныхъ работъ не было и такимъ образомъ занято было всего 22$^{1}/_{10}$% среднесуточнаго состава, а 77$^{9}/_{10}$% оставалось безъ дѣла. Въ Тоболь-

ской каторжной тюрьмѣ № 2, при среднесуточномъ составѣ въ 347 человѣкъ, внутренними работами было занято $35^2/_5$ чел., т. е. $10^1/_4{}^0/_0$, и хозяйственными $51^1/_5$ чел. (преувеличено), т. е. $14^5/_7{}^0/_0$, а всего $25^0/_0$.

Я не буду останавливаться на доходности работъ въ этихъ тюрьмахъ: выше уже приведены данныя, свидѣтельствующія о крайней ничтожности чистаго дохода отъ этихъ работъ.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что число каторжныхъ тюремъ представляется слишкомъ большимъ по сравненію съ размѣрами каторжнаго тюремнаго населенія, что устройство каторжныхъ тюремъ въ губернскихъ городахъ и притомъ еще по двѣ въ одномъ, какъ въ Тобольскѣ, безъ пріуроченія ихъ къ какимъ-либо крупнымъ наружнымъ работамъ, едва ли представляется желательнымъ.

То же самое замѣчаніе можно сдѣлать и относительно другого вида русскихъ центральныхъ тюремъ—арестантскихъ отдѣленій: ихъ слишкомъ много числомъ сравнительно съ населеніемъ, именно 32 отдѣленія на среднесуточное населеніе въ 12.112 человѣкъ, что составляетъ въ среднемъ на отдѣленіе $378^1/_2$ чел.; изъ числа 32 отдѣленій въ 12 населеніе менѣе 300 чел. на отдѣленіе. Не надо забывать, что въ арестантскихъ отдѣленіяхъ подслѣдственныхъ арестантовъ нѣтъ и содержатся только отбывающіе наказанія и притомъ долгосрочныя—не менѣе года, слѣдовательно этимъ тюрьмамъ можно придать характеръ крупныхъ фабрикъ или заводовъ (работающихъ на тюремныя или другія административныя вѣдомства). Не оправдывается такое число отдѣленій и разстояніями между ними: въ двухъ губерніяхъ, Владимірской и Харьковской, имѣется по два отдѣленія въ каждой. А между тѣмъ, сравнительно большое число отдѣленій являлось, вѣроятно, однимъ изъ препятствій поставить эти отдѣленія въ строительномъ отношеніи и въ отношеніи заведенія работъ на правильныя основанія.

Дѣйствительно, изъ общаго среднесуточнаго состава арестантовъ (12.112 чел.) наружными работами было занято $2368^1/_2$ чел., т. е. $19^1/_2{}^0/_0$, внутренними $1946^5/_6$, т. е. $16^0/_0$, и хозяйственными $2201^7/_{10}$ чел., т. е. $18^1/_6{}^0/_0$, а всего было занято такимъ образомъ $53^2/_3{}^0/_0$ общаго среднесуточнаго состава. Но и эта цифра не совсѣмъ точно передаетъ дѣйствительное положеніе. Прежде всего и здѣсь, какъ и въ каторжныхъ тюрьмахъ, какъ и въ тюрьмахъ общаго устройства (см. ниже), число дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы, показано совершенно произвольно, съ явнымъ намѣреніемъ прикрасить малое развитіе работъ въ отдѣленіи. Вотъ, напримѣръ, Смоленское отдѣленіе, въ которомъ внутренними работами было занято, при среднесуточномъ составѣ въ 323

чел., всего $3^1/_2$ чел., въ этомъ отдѣленіи хозяйственными работами было занято ежедневно $113^2/_3$ чел.! Вотъ Владимірское, въ которомъ, при среднесуточномъ составѣ въ 325 чел., занято наружными работами 78 чел., внутренними $27^1/_7$ чел. и хозяйственными $103^1/_2$ чел., въ Николаевскомъ, при среднесуточномъ составѣ въ 507 чел., хозяйственными работами было занято $212^1/_3$ чел. ежедневно и т. д., а наряду съ этимъ въ Херсонскомъ, при среднесуточномъ составѣ въ 804 чел., хозяйственными работами было занято всего $78^1/_2$ чел., въ Виленскомъ, при составѣ въ 539 чел., хозяйственными работами было занято всего 67 чел. и т. д. Несомнѣнно, что эти «преувеличенія» измѣняютъ, и притомъ очень значительно и несогласно съ дѣйствительностью, общій процентъ занятыхъ арестантовъ, который, смѣло можно сказать, едва ли достигаетъ $50^0/_0$.

Введеніе въ общій разсчетъ С.-Петербургскаго исправительнаго отдѣленія значительно измѣняетъ общую картину работъ въ отдѣленіяхъ; на это отдѣленіе, какъ и на другія мѣста заключенія города С.-Петербурга, было обращено особенное вниманіе главнаго тюремнаго управленія и были затрачены особенныя средства на постановку работъ; въ немъ наружныхъ работъ совсѣмъ нѣтъ, а внутренними занято было $296^1/_3$ чел., при среднесуточномъ составѣ въ 412 чел., въ отчетѣ за 1894 г. въ части, передающей результаты постановки работъ, въ этомъ отдѣленіи показанъ среднесуточный составъ арестантовъ 374 чел. съ добавленіемъ фразы «для коихъ занятіе работами обязательно», но для содержащихся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ работа обязательна для всѣхъ безъ исключенія. Если подвести итоги рабочимъ днямъ въ остальныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, безъ С.-Петербургскаго, то оказывается, что даже при явно невѣрномъ опредѣленіи числа дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы, общее число занятыхъ арестантовъ составило всего $50^1/_2{}^0/_0$; измѣняется приэтомъ и распредѣленіе по видамъ работъ, причемъ яснѣе становится важное значеніе внѣшнихъ работъ, которыхъ нѣтъ только въ С.-Петербургскомъ отдѣленіи; а именно при такомъ подсчетѣ оказывается, что наружными работами было занято $19^1/_2{}^0/_0$, внутренними $13^1/_2{}^0/_0$ и хозяйственными $17^1/_2{}^0/_0$ среднесуточнаго состава.

Во всякомъ случаѣ вышеприведенныя данныя указываютъ, что и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, которыя называются «исправительными», половина арестантовъ не занята совсѣмъ—положеніе несомнѣнно весьма печальное. Доходъ отъ работъ составлялъ около 30 р. 44 к. на человѣка, а расходъ на содержаніе одного арестанта выразился въ суммѣ 70 р. 50 к. и, такимъ образомъ, доходъ отъ работъ покрывалъ около $43^1/_2{}^0/_0$ расхода на содержаніе.

Переходя затѣмъ къ мѣстнымъ тюрьмамъ, губернскимъ и уѣзднымъ, мы ихъ подраздѣляемъ на двѣ категоріи: губернскія и областныя тюрьмы (иногда ихъ нѣсколько въ городѣ) и тюрьмы градоначальствъ по многочисленности своего населенія, по устройству тѣхъ зданій, въ которыхъ онѣ помѣщаются, поставлены несомнѣнно значительно благопріятнѣе, чѣмъ тюрьмы уѣздныя, и заслуживаютъ выдѣленія въ особую категорію.

Губернскихъ, областныхъ и градоначальственныхъ тюремъ, а равно мѣстъ заключенія города С.-Петербурга, я насчитываю всего 95 съ населеніемъ въ 30.734 чел. (приблизительно).

Изъ этого общаго числа тюремъ у меня имѣются свѣдѣнія за 1894 годъ относительно 85 съ населеніемъ въ 27.350, такимъ образомъ въ среднемъ на одну тюрьму приходилось 323½ чел. Уѣздныхъ и окружныхъ тюремъ я приблизительно насчитываю 522 съ населеніемъ въ 1894 г. въ 47.572 чел., изъ этого числа у меня имѣются свѣдѣнія о 442 съ населеніемъ въ 42.011 чел. Въ общій подсчетъ я включаю и уѣздныя тюрьмы Привислинскаго края, но исключаю и детенціонные аресты и арестныя помѣщенія при полиціи и военныя гауптвахты; на одну тюрьму въ среднемъ приходилось 91 1/7 чел. Разумѣется, эта цифра далеко не высока, но во всякомъ случаѣ и при меньшей наличности можно вести работы. Если сгруппировать, по населенности, уѣздныя тюрьмы, то окажется, что тюремъ съ населеніемъ въ 25 чел. и меньше было всего 34, т. е. 6½% общаго числа; затѣмъ тюремъ съ населеніемъ отъ 25 до 50 чел. было 113, т. е. 21 3/5% общаго числа, тюремъ съ населеніемъ въ 50 чел. и больше—206, т. е. 39½% и, наконецъ, тюремъ съ населеніемъ въ 100 и болѣе чел. было 169 чел., т. е. 32 2/5%.

Вышеизложенная группировка не даетъ, какъ мнѣ кажется, основаній для какихъ-либо невыгодныхъ заключеній; если остановиться только на тюрьмахъ съ населеніемъ въ 50 человѣкъ и выше, то и такихъ тюремъ оказывается почти 72%, и въ Англіи, какъ мы видѣли выше, тюрьмы съ населеніемъ менѣе 50 человѣкъ составляютъ 12¼% общаго числа (у насъ около 28%), затѣмъ 38 3/5% общаго числа тюремъ англійскихъ имѣло населеніе менѣе ста человѣкъ; если же ввести въ подсчетъ и губернскія тюрьмы, которыя входятъ въ число мѣстныхъ тюремъ, то процентъ тюремъ съ населеніемъ въ 100 арестантовъ значительно увеличится. А между тѣмъ процентное отношеніе занятыхъ арестантовъ къ незанятымъ въ нашихъ мѣстныхъ тюрьмахъ крайне неблагопріятно.

Изъ общаго числа 27.350 человѣкъ, составлявшихъ среднесуточное населеніе тѣхъ 85 губернскихъ тюремъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, 1603 человѣка, т. е. 5 4/5% общаго числа, были заняты на-

ружными работами, 3.589 человѣкъ или $13^1/_8\%$ заняты были внутренними работами и, наконецъ, хозяйственными было занято 2.541 человѣкъ или $9^1/_4\%$ а всего было занято $28^1/_5\%$ среднесуточнаго состава тюремнаго населенія; и здѣсь притомъ же, какъ и въ другихъ тюрьмахъ, цифры дней, проведенныхъ на хозяйственныхъ работахъ, весьма часто проставляются совершенно произвольно; такъ въ Казанской, при среднесуточномъ составѣ въ 292 чел., хозяйственными работами было занято $69^2/_3$ чел. ежедневно, въ Воронежской, при населеніи въ 295 чел., $51^1/_5$ чел., а въ Житомірской, при населеніи въ 343 человѣка, всего $9^1/_3$ человѣкъ.

Изъ всего среднесуточнаго населенія тѣхъ 442 тюремъ уѣздныхъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, состоявшаго въ 1894 г. изъ 42.011 чел., было занято внѣшними работами 3034 чел., т. е. $7^1/_4\%$ внутренними 1088 чел., т. е. $2^3/_5\%$, и хозяйственными 4662 чел., т. е. $11^1/_{10}\%$, а всего $20^{19}/_{20}\%$ общаго числа. И здѣсь впрочемъ мы встрѣчаемъ крайнія преувеличенія въ опредѣленіи числа дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Луцкая тюрьма, при населеніи въ 170 человѣкъ, довольствуется 12 арестантами для исполненія хозяйственныхъ работъ, Бобровская, въ которой населеніе всего 117 человѣкъ, требуетъ уже затраты силъ $16^1/_2$ арестантовъ на то же дѣло, а Котельничскій тюремный замокъ, съ среднесуточнымъ составомъ въ 56 человѣкъ, занимаетъ будто-бы хозяйственными работами 43 человѣка!

Трудно даже сколько-нибудь приблизительно опредѣлить, въ какой мѣрѣ преувеличены цифры, опредѣляющія число дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы; во всякомъ случаѣ общее указанное число можно смѣло уменьшить на $^1/_3$. Сравнительно невысокая степень занятія арестантовъ трудомъ отражается и на доходѣ отъ работъ; въ общемъ въ губернскихъ тюрьмахъ приходилось на одного арестанта 14 р. 90 к., а въ уѣздныхъ 6 р. 85 к. (разсчетъ я произвожу на общее число содержавшихся арестантовъ, а не на число занятыхъ); при этомъ расходъ на содержаніе одного арестанта составилъ въ губернскихъ тюрьмахъ 98 р. 18 к., а въ уѣздныхъ 68 р. 33 к. (разсчетъ приблизит.), и, такимъ образомъ, доходъ отъ работъ покрывалъ въ губернскихъ тюрьмахъ 15% и въ уѣздныхъ 10% расхода на содержаніе. Значеніе низкихъ цифръ занятія арестантовъ уменьшается до извѣстной степени присутствіемъ въ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ арестантовъ подслѣдственныхъ, на которыхъ не распространяется дѣйствіе закона 6 января 1886 г. объ обязательности для арестантовъ занятія работами (ст. 349 уст. сод. подъ страж.),

хотя они могутъ, если пожелаютъ, участвовать во внутреннихъ работахъ и получать при этомъ вознагражденіе высшее, чѣмъ то, которое получаютъ остальные арестанты. Во всякомъ случаѣ это положеніе не обязанныхъ трудиться должно быть принято во вниманіе тѣмъ болѣе, что большая часть, если не всѣ подслѣдственные арестанты, размѣщаются въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, а число подслѣдственныхъ арестантовъ (среднесуточный составъ) въ 1894 г. было крайне велико и составило всего 22.361 человѣкъ. Если бы допустить, что все число подслѣдственныхъ арестантовъ было размѣщено въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ (что было бы не совсѣмъ правильно), среднесуточный составъ которыхъ равнялся приблизительно 78.306 чел,, то пришлось бы признать, что въ составѣ населенія мѣстныхъ тюремъ имѣлось $28^4/_7$ % такихъ лицъ, которыя не были бы обязаны трудиться.

Но вѣдь они могутъ трудиться, если пожелаютъ; запрещается закономъ лишь выводить ихъ изъ ограды тюрьмы на внѣшнія работы, въ предупрежденіе побѣговъ. Но вотъ въ этомъ и зло: въ какихъ же работахъ внутреннихъ имъ принимать участіе, когда такихъ почти не было? Стоитъ только дѣйствительно остановиться на процентѣ занятыхъ внутренними работами въ уѣздныхъ тюрьмахъ—$2^3/_5$ % общаго среднесуточнаго состава, чтобы тотчасъ же ярко вспомнилось то удручающее впечатлѣніе, которое оставляетъ на всякаго внутренній бытъ нашихъ уѣздныхъ тюремъ; людей зачѣмъ-то согнали и держатъ, а для чего—неизвѣстно, и вотъ они сидятъ и лежатъ и тоже раздумываютъ надъ этимъ вопросомъ; это не исправительныя и даже не карательныя заведенія, это просто плохія гостинницы для простого народа. Трудно помириться съ мыслью, что если въ тюрьмѣ 100 человѣкъ, то занято всего около 3 человѣкъ, а остальные ничего не дѣлаютъ; имѣются, правда, внѣшнія работы, но вѣдь и онѣ, занимая всего $7^1/_4$ %, главнымъ образомъ производятся только часть года, болѣе благопріятную для такихъ работъ по степени теплоты и т. д.; въ это время процентъ внѣшнихъ работъ временно увеличивается, за то все остальное время $2^3/_5$ % выражаетъ дѣйствительную степень напряженія арестантскаго труда. Я забылъ о хозяйственномъ трудѣ, въ дѣйствительности имъ занято не больше тѣхъ же $2^3/_5$ %; обходя тюрьму человѣкъ въ 150, вы найдете въ кухнѣ да въ пекарнѣ всего 4, а то и 3, вотъ и все; всѣ остальные—ламповщики, отходники и т. д.—заняты ничтожную часть дня.

Если подвести общіе итоги приведеннымъ выше цифровымъ даннымъ о степени занятія арестантовъ въ различныхъ категоріяхъ тюремъ, то окажется, что такихъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ и въ нѣкоторыхъ ка-

торжныхъ тюрьмахъ, гдѣ, надо при этомъ замѣтить, не имѣется ни одного арестанта, освобожденнаго отъ обязанности работать (за исключеніемъ больныхъ), число занятыхъ работами арестантовъ доходитъ до 50%, въ губернскихъ это число составляетъ всего $28^1/_5$ %, а въ уѣздныхъ $20^{19}/_{20}$ %. Эти печальныя цифры, которыя, какъ мы видѣли выше, все-таки преувеличены, указываютъ, что не измѣнился внутренній строй нашихъ тюремъ за послѣдніе двадцать лѣтъ и остаются въ силѣ замѣчанія Н. В. Муравьева, высказанныя имъ въ 1878 году въ статьѣ «Наши тюрьмы и тюремный вопросъ» (Русскій Вѣстн. 1878 г. № 4). «Русская тюрьма,—говоритъ авторъ,—не является и не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ ей быть слѣдуетъ, т. е. институтомъ внутренней политики для борьбы съ преступностью; напротивъ, она поддерживаетъ, питаетъ и вновь зарождаетъ преступленія, какъ богатый и неистощимый разсадникъ. Арестантъ выходитъ изъ тюрьмы безпомощный и испорченный, дѣваться некуда, строгая и трезвая дисциплинированная жизнь ему незнакома, работать онъ не привыкъ, не умѣетъ, или не хочетъ» и въ другомъ мѣстѣ «за отсутствіемъ въ острогѣ честной, законной, работы, въ немъ неустанно кипитъ работа преступная, тайная, неуловимая, но всѣмъ хорошо извѣстная».

Если рядомъ съ нашими печальными цифрами поставить цифру, обозначающую процентъ занятыхъ арестантовъ въ англійскихъ тюрьмахъ не центральныхъ каторжныхъ, а въ мѣстныхъ, такихъ же уѣздныхъ,—$75^6/_7$% общаго среднесуточнаго состава,—то станетъ совершенно ясно чего можно достигнуть въ этомъ направленіи, *если пожелать!*

Дѣйствительно, я не вижу въ нашемъ тюремномъ строѣ такихъ коренныхъ причинъ, которыя бы мѣшали правильной постановкѣ работъ. Правда, число подслѣдственныхъ арестантовъ нѣсколько больше, чѣмъ въ англійскихъ тюрьмахъ, но если даже допустить, что всѣ подслѣдственные арестанты были размѣщены въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, то все еще остается 72% для занятія работами.

Не можетъ являться такимъ кореннымъ препятствіемъ для правильной постановки работъ и численность населенія нашихъ тюремъ; нечего говорить уже, разумѣется, о губернскихъ тюрьмахъ съ ихъ крупнымъ населеніемъ, но и степень населенности уѣздныхъ не представляетъ, какъ мы видѣли выше, какихъ-либо рѣзкихъ особенностей: въ Англіи число тюремъ съ населеніемъ въ 50 и выше человѣкъ составляетъ $87^3/_4$% общаго числа, у насъ почти 72% (имѣя въ виду только уѣзды). Къ тому же, по моему глубокому убѣжденію, сравнительно малая населенность тюрьмы, при желаніи организовать работы, не служитъ препятствіемъ. Вотъ примѣры: я выбираю нарочно тюрьмы съ населеніемъ среднесуточнымъ менѣе 50

человѣкъ; о возможности прекрасно организовать работы въ тюрьмахъ съ населеніемъ въ 50 человѣкъ и выше не можетъ быть, какъ мнѣ кажется, и спора.

Вотъ Веневская тюрьма (Тульской губ.); въ ней среднесуточный составъ приблизительно 37 чел.; изъ этого числа на внѣшнихъ работахъ было занято въ 1894 году—$9^{1}/_{20}$ чел., на внутреннихъ $1^{1}/_{2}$ и по тюремному хозяйству $1^{1}/_{4}$ чел., всего приблизительно 12 человѣкъ, т. е. $32^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$ среднесуточнаго состава; доходъ отъ работъ составилъ 932 р. 6 к.

Вотъ Буйская (Костромской губ.) тюрьма съ населеніемъ въ 26 человѣкъ; изъ этого числа внѣшними работами было занято $5^{1}/_{4}$ чел., внутренними $^{2}/_{3}$, хозяйственными $2^{1}/_{2}$, а всего $8^{1}/_{2}$ чел. или $32^{3}/_{4}{}^{0}/_{0}$ среднесуточнаго состава; доходъ отъ работъ составилъ 400 р.

Въ Демянской тюрьмѣ (Новгородской губ.) населеніе состояло изъ 37 человѣкъ среднесуточно; изъ этого числа $7^{1}/_{1}$ чел. было занято внѣшними работами, $1^{2}/_{3}$ внутренними и $3^{3}/_{4}$ хозяйственными, а всего $12^{2}/_{3}$ чел. или $34^{1}/_{5}{}^{0}/_{0}$ среднесуточнаго состава; чистаго дохода отъ работъ получено 459 р. 29 к.

Вотъ двѣ тюрьмы Вологодской губерніи: Яренская и Устьсысольская.

Въ первой среднесуточный составъ [1]) арестантовъ опредѣлялся цифрой всего 23 и тѣмъ не менѣе изъ этихъ 23 чел. $5^{1}/_{4}$ было занято наружными работами, $3^{5}/_{6}$ внутренними работами и столько же работами по хозяйству, а всего 13 чел., что составляетъ $56^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$ среднесуточнаго состава; дохода получено 556 р. 31 к., т. е. 24 р. 18 к. на человѣка (въ арестантскихъ отдѣленіяхъ около 30 р).

Въ Устьсысольской среднесуточно содержалось 34 арестанта: изъ нихъ наружными работами было занято $3^{2}/_{5}$ чел., внутренними 11, хозяйственными $6^{1}/_{2}$, а всего почти 21 чел., т. е. $61^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$; дохода получено всего 1103 р. 8 к., т. е. на одного арестанта 32 р. 44 к.

Такіе результаты могутъ быть признаны идеальными; при ближайшемъ ознакомленіи съ отчетами двухъ послѣднихъ тюремъ оказывается, что въ тюрьмахъ производились разнообразныя работы—причемъ однако выдѣляются работы по изготовленію валеной обуви, плетенію, т. е. работы доступныя всѣмъ, не требующія предварительныхъ знаній и ученья.

Приведенные примѣры, я думаю, устранятъ всякія сомнѣнія въ возможности организовать работы въ самыхъ небольшихъ, по населенію, тюрь-

---

[1]) Всѣ указанія среднесуточнаго состава заимствуются мною изъ смѣты доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 г., въ которой среднесуточный составъ выведенъ за три года.

махъ, а такихъ, какъ мы видѣли, не болѣе 28%; всѣ остальныя тюрьмы— съ болѣе высокимъ населеніемъ; а между тѣмъ приведенныя выше цифры убѣждаютъ насъ, что въ громадномъ большинствѣ тюремъ работъ почти не производится.

Прежде чѣмъ приступить къ выясненію вопросовъ о томъ, почему такъ мало заняты трудомъ арестанты русскихъ тюремъ, возможно ли въ этихъ тюрьмахъ организовать правильно работы и, если возможно, то на какихъ условіяхъ, я постараюсь возможно сжато описать производящіяся теперь работы, которая я раздѣлилъ на нѣсколько группъ. Это описаніе подскажетъ отвѣты на заданные выше вопросы; дѣйствительно, сама жизнь указала пути, по которымъ слѣдуетъ идти при желаніи организовать правильно арестантскія работы.

Я начну съ работъ общественныхъ-наружныхъ и затѣмъ перейду къ общему типу наружныхъ русскихъ тюремныхъ работъ, къ внутреннимъ и хозяйственнымъ работамъ.

Самой крупной, можно сказать великой общественной работой въ Россіи въ настоящее время является проведеніе Сибирской желѣзной дороги, и въ этой работѣ по высочайшей волѣ участвуютъ осужденные различныхъ категорій.

Прежде всего этотъ трудъ былъ примѣненъ къ работамъ по отстройкѣ Уссурійской желѣзной дороги, которыхъ въ сильной мѣрѣ чувствовался недостатокъ рукъ. Съ этой цѣлью были образованы желѣзнодорожныя каторжныя команды, которыя, какъ сказано во всеподданѣйшемъ отчетѣ Приамурскаго генералъ-губернатора (откуда мы беремъ настоящія свѣдѣнія), «одолѣли труднѣйшія работы на самомъ скалистомъ участкѣ дороги близъ Владивостока. По отзывамъ начальниковъ работъ, означенныя команды принесли дѣлу начала работъ неоспоримую пользу» [1]). Съ 23 апрѣля 1891 г. по 1 ноября 1893 г. каторжными и поселенцами исполнено на Уссурійской желѣзной дорогѣ земляныхъ работъ на 897.893 р. 65 к. и нѣсныхъ заготовокъ на 274.741 р. 40 к. Въ теченіе этого времени въ командахъ состояло отъ 600 до 3000 чел. (въ среднемъ 1816 чел.). 7 мая 1894 года были высочайше утверждены временныя правила для привлеченія арестантовъ разныхъ категорій на работы по постройкѣ средняго участка Сибирской желѣзной дороги [2]). Привлечены были къ работамъ и каторжные, и ссыльные, и арестанты исправительныхъ отдѣленій; всѣмъ имъ даны извѣстныя льготы по отбыванію наказанія, разрѣшаемыя иркут-

[1]) «Тюремн. Вѣсти.» 1896 г., № 1.

[2]) «Тюремн. Вѣсти.» 1894 г., № 7.

скимъ генералъ-губернаторомъ при условіи одобрительнаго поведенія: каторжнымъ и арестантамъ исправительныхъ отдѣленій время, проведенное на работахъ, зачисляется по разсчету 8 мѣсяцевъ за одинъ годъ; ссыльнопоселенцамъ, которые могутъ наниматься наравнѣ съ вольнонаемными, считается годъ за два; сосланнымъ въ административномъ порядкѣ (520 уст. ссыльн.) срокъ пребыванія засчитывается годъ за два.

Въ 1894 году на средне-сибирскомъ пути производились работы двумя партіями, иркутской и красноярской; въ первую партію вошли каторжные изъ Александровской тюрьмы въ числѣ 412 и 100 срочныхъ арестантовъ изъ Иркутскаго губернскаго замка, а во вторую партію 453 арестанта изъ тюремъ Енисейской губ. (среднесуточно было занято въ этой партіи 249 чел.).

Въ обѣихъ паартіяхъ работы начинались съ приспособленія какихъ-либо подходящихъ зданій для жилья; въ общемъ работали менѣе 5 мѣсяцевъ (іюль—октябрь); собственно за работы на желѣзной дорогѣ получено первой партіей 19.828 р. 27 к. и второй 17.749 р. 6 к. Обѣ эти суммы, оннако, далеко не полностью поступили на распредѣленіе, изъ нихъ были покрыты прежде всѣ расходы, вызванные необходимостью вывода арестантовъ изъ тюремъ: таковы расходы на приспособленіе зданій для жилья, на перевозку арестантовъ, даже на инструменты. Надзоръ разсчитывался по 5 человѣкъ надзирателей на 100 арестантовъ; по ночамъ дома, гдѣ жили арестанты, ограждались военнымъ конвоемъ; за все время не было ни одного побѣга.

Нельзя не сказать, что это прекрасныя условія примѣненія арестантскаго труда, тѣмъ болѣе, что для каторжныхъ больше нельзя найти занятій, сребро-свинцовые Нерчинскіе рудники не могутъ занять болѣе 1000 чел. и даютъ дефицитъ.

Въ 1895 году арестантскій трудъ былъ примѣненъ къ работамъ по всей линіи [1]), причемъ въ силу высочайшаго повелѣнія 9 мая 1895 г. призваны осужденные всѣхъ категорій, не исключая и отбывающихъ тюремное заключеніе, безъ распространенія на нихъ, однако, повидимому, льготъ, дарованныхъ другимъ категоріямъ. Въ общемъ, на всѣхъ участкахъ въ Томской, Енисейской, Иркутской губерніяхъ, Забайкальской и Приамурскихъ областяхъ было занято работами въ 1895 году 1455 каторжныхъ, 1123 ссыльныхъ, 159 арестантовъ исправительныхъ отдѣленій и 618 арестантовъ, обывающихъ наказаніе въ тюрьмахъ; доходъ отъ этихъ работъ составилъ 272.296 р. 26 к. Изъ общаго числа каторжныхъ 600 было

[1]) „Тюремн. Вѣстн.“ 1895 г., № 7.

привезено съ острова Сахалина [1]); въ этихъ командахъ были случаи побѣговъ, а именно за время лѣтнихъ работъ было совершено 89 побѣговъ, изъ числа которыхъ 55 оказались удачными, т. е. бѣжавшіе не были разысканы, несмотря на то, что охрана преступниковъ производилась конвоемъ отъ войскъ Хабаровскаго гарнизона въ составѣ 145 нижнихъ чиновъ.

Вообще, повидимому, результаты привлеченія каторжныхъ къ работамъ были менѣе удачны на Уссурійской жел. дор., чѣмъ на средне-сибирскомъ участкѣ; въ вышеупомянутомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ приамурскаго генералъ-губернатора указывается, что и въ первый призывъ каторжниковъ на работы «бѣглыми совершено не мало преступленій», причемъ объясняется эта сравнительно большая легкость совершенія побѣговъ рѣдкостью населенія этого края.

Несмотря, однако, на эти побѣги, въ зиму 1895—1896 г. было употреблено на работы около 320 каторжныхъ, а лѣтомъ 1896 г.—1151; повидимому, достигнуты извѣстныя улучшенія въ отношеніи охраны преступниковъ. За устраненіемъ этой слабой стороны дѣла нельзя не признать, что примѣненіе труда преступниковъ на Сибирской дорогѣ дало блестящіе результаты: съ одной стороны, была примѣнена рабочая сила, которая безъ того оставалась бы безъ дѣла и не только безъ каторжныхъ, но и вовсе безъ работъ, съ другои стороны—выиграло государство, которое нуждалось въ рукахъ и не находило ихъ на мѣстѣ; наконецъ, выиграли и сами арестанты, которые достигли различныхъ льготъ и достигли ихъ притомъ путемъ труда; нельзя не отмѣтить и того, что вопросъ о покрытіи всѣхъ расходовъ государства на перевозку и устройство арестантовъ былъ разрѣшенъ правильно и справедливо, такъ какъ арестанты своимъ трудомъ заплатили за всѣ эти расходы. Но кромѣ того безъ всякаго преувеличенія слѣдуетъ замѣтить, что участіе въ великомъ народномъ сооруженіи должно было оказать нравственно возвышающее дѣйствіе на преступниковъ.

Кромѣ работъ на Сибирской желѣзной дорогѣ были еще случаи привлеченія въ 1894 году арестантовъ на работы на желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, арестанты архангельскаго исправительнаго отдѣленія заняты были работами по устройству полотна желѣзной дороги Вологодско-Архангельской. Работы производились по особому контракту со строителемъ, въ 30 верстахъ отъ Архангельска, за вознагражденіе въ 20 к. въ день (5 часовъ работы); предприниматель доплачивалъ за усиленіе надзора и доставлялъ арестантовъ на мѣсто производства работъ и назадъ. Всего было

[1]) „Тюремн. Вѣсти." 1896 г., № 2.

2239$^1/_2$ рабочихъ дней и дохода получено 447 р. 90 к. Арестанты рижской срочной тюрьмы работали по возведенію полотна желѣзной дороги, всего проведено 17.572 дня и получено дохода 7539 р. 30 к. Исправленіемъ желѣздорожныхъ линій были заняты арестанты владимірскаго исправительнаго отдѣленія; арестанты гжатской тюрьмы провели на этихъ работахъ 301 день и заработали 120 р. 40 коп.; наконецъ, арестанты ревельской губернской тюрьмы были заняты такими же работами на Балтійской жел. дорогѣ. Нельзя однако же не замѣтить, что между работами на Сибирской жел. дорогѣ и на другихъ линіяхъ существуетъ громадная разница. Первыя работы представляютъ собой трудъ по требованію и на нужды государства, притомъ трудъ, поставленный въ особыя условія; здѣсь обращались и къ довѣрію арестантовъ (съ каторжныхъ разряда испытуемыхъ снимали кандалы) и ставили арестантовъ въ новыя условія, которыя могли способствовать и, вѣроятно, значительно способствовали ихъ возрожденію, арестанты не смѣшивались съ другими рабочими, сохранялся извѣстный, отвѣчающій пенитенціарнымъ цѣлямъ режимъ, тогда какъ работы на остальныхъ желѣзныхъ дорогахъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ внѣшнихъ работъ по частнымъ заказамъ.

Есть впрочемъ и другія наружныя работы, въ которыхъ заказчикомъ являлось государство: трудъ арестантовъ употреблялся на возведеніе общественныхъ построекъ.

Такъ, тѣ же арестанты ревельской губернской тюрьмы заняты были сломкой домовъ на площади, на которой возводится новый православный соборъ. Арестанты ровенской тюрьмы (волынской губ.) были заняты постройкой собора въ г. Ровно и провели на работахъ 1691 день, заработавъ 507 р. 30 к.; тѣ же арестанты строили въ г. Ровно казармы, что занило 351$^1/_5$ дней и дало дохода 105 р. 45 к. Арестанты кальварійской тюрьмы (Сувалкской губерніи) отстраивали казармы и провели на этой работѣ 1065 дней, заработавъ 228 р. 65 к. Арестанты кобринской (гродненской губ.) тюрьмы тоже строили казармы (378 дней—94 р. 50 к.); казармы же строили арестанты полтавскаго исправительнаго отдѣленія (748 д.—374 р.). Арестанты илецкаго исправительнаго отдѣленія производили ремонтъ казармъ (384 д.—124 р. 70 к.). Въ Симбирскѣ трудомъ арестантовъ возведена богадѣльня. Въ Юрьевѣ арестанты занимались постройками по порученію земской управы (253 д.—101 р. 20 к.).

Какъ я уже сказалъ выше, работы въ рудникахъ остались только на Нерчинской каторгѣ и то онѣ могутъ давать занятіе 1000—1200 арестантамъ (мы не касаемся острова Сахалина); съ государственными промысловыми работами мы встрѣчаемся въ илецкомъ исправительномъ отдѣ-

леніи, арестанты котораго въ 1894 году провели въ работахъ на соляномъ промыслѣ 14.542 дня—и заработали 3735 р. 20 к.

Вотъ и всѣ работы по общественнымъ сооруженіямъ на всю Россію. Перечисленными занятіями, однако, не исчерпывается вся сумма общественныхъ наружныхъ работъ, произведенныхъ арестантами въ 1894 г.

На границѣ между чисто общественными работами и работами по заказу частныхъ лицъ, стоятъ работы арестантовъ по очисткѣ улицъ и площадей въ городахъ, очисткѣ отъ снѣга и грязи, выравниванію и исправленію дорогъ, подметанію улицъ и т. д. Занятіе это чрезвычайно распространено; выполняютъ эту работу какъ арестанты исправительныхъ отдѣленій, такъ и губернскихъ и уѣздныхъ тюремъ; не во всѣхъ отчетахъ оно выдѣлено въ особую графу, во многихъ имѣется лишь общая графа: очистка дворовъ, улицъ или просто очистка отъ снѣга. Но и случаевъ занесенія этихъ работъ въ отчеты такъ много, что можно съ увѣренностью утверждать, что, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ тюремъ, или иначе въ половинѣ тѣхъ городовъ, въ которыхъ имѣются тюрьмы, очистка улицъ и площадей производится трудомъ арестантовъ; вознагражденіе разнообразится, но въ общемъ приближается къ 20 к. въ день; взявши безъ выбора подрядъ 20 тюремъ, я опредѣляю доходъ, который составляетъ, какъ оказывается, 2799 р. 41 к. за годъ. Изъ числа тѣхъ тюремъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, я насчитываю приблизительно около 150, въ отчетехъ которыхъ показаны работы по очисткѣ улицъ. Можно только весьма удивляться, почему же эти работы существуютъ не во всѣхъ тюрьмахъ, какія къ тому могутъ быть препятствія? Занимаютъ эти работы большею частью не болѣе 1 арестанта среднесуточно, рѣдко два.

Близко стоящей къ очисткѣ улицъ наружной работой арестантовъ является вывозъ нечистотъ; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ формируются даже цѣлые ассенизаціонные обозы, на отпущенныя тюрьмѣ средства покупаются лошади, бочки, и арестантскій трудъ примѣняется къ вывозу нечистотъ не только изъ мѣстныхъ тюремъ, но и изъ другихъ казенныхъ зданій, а по особымъ контрактамъ и изъ частныхъ домовъ. Такіе обозы существуютъ въ саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи, гдѣ этой работой было занято среднесуточно около 18 человѣкъ, причемъ въ 1892 г. отъ работы получилось 4953 р. 68 к. дохода. Такой же обозъ существовалъ въ виленскомъ исправительномъ отдѣленіи, гдѣ этой работой занято было около 23 человѣкъ среднесуточно, очистка тюремъ давала 1690 р. 80 к. дохода, но кромѣ того по подряду взята была очистка и частныхъ зданій, за что высчитано дохода 11.682 р. 42 к.; нынѣ обозъ этотъ уничтоженъ въ виду слишкомъ большихъ росходовъ, которые потребовались бы на удовлетво-

реніе постановленія городской думы о замѣнѣ деревянныхъ бочекъ желѣзными; мѣстный тюремный инспекторъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу (Тюр. Вѣстн., 1897 г., январь), что исполненіе ассенизаціонныхъ работъ сопряжено съ большимъ рискомъ, такъ какъ приходится посылать арестантовъ ночью, за городъ.

Существуетъ ассенизаціонный обозъ въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ; первое обзаведеніе здѣсь стоило 342 р. и въ первый же годъ заключено контрактовъ по исполненію работъ всего на сумму 3080 р. И въ другихъ тюрьмахъ первоначальное обзаведеніе окупалось столь же быстро. Имѣются еще ассенціонные обозы въ харьковской губ. тюрьмѣ (1000 р. дохода), ломжинской (761 р. 20 к.), семипалатинской (835 р. 10 к.), минской (107 руб. 60 к.) и въ 5 уѣздныхъ. Относительно занятія арестантовъ этими работами можно замѣтить только одно, что если они производятся по ночамъ, то, несомнѣнно, сопровождаются большими отступленіями отъ тюремныхъ дисциплины и режима.

Останавливаться подробно на всѣхъ наружныхъ работахъ, а тѣмъ болѣе на каждомъ родѣ этихъ работъ, не представляется никакихъ основаній, такъ какъ всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ общую рубрику поденныхъ работъ по найму большею частью частныхъ лицъ. Вотъ примѣрный перечень, составлявшійся по мѣрѣ ознакомленія съ отчетами отдѣльныхъ тюремъ: выгрузка тяжестей изъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, перевозка ихъ; возка дровъ, рубка и пилка; возка воды, очистка дворовъ частныхъ зданій, вывозка снѣга, набиваніе ледниковъ льдомъ, переноска мебели, рытье ямъ, канавъ, могилъ, сборка щебня, мытье половъ; различныя полевыя работы, молотьба хлѣба, уборка сѣна, рубка капусты и т. д. Нельзя скрывать, что этотъ видъ тюремныхъ работъ составляетъ, какъ кажется, особенность русскихъ тюремъ, которую нельзя встрѣтить въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, и что съ точки зрѣнія принципіальной можно предъявить много возраженій; осуществленіе какихъ-либо пенитенціарныхъ цѣлей, сохраненіе въ какой либо мѣрѣ тюремнаго режима дѣлается совершенно невозможнымъ: это не крупныя общественныя сооруженія, на которыя арестанты выводятся командами и при выполненіи которыхъ поэтому сохраняется весь тюремный режимъ, который переносится только изъ стѣнъ тюрьмы на открытый воздухъ; здѣсь выводятся одинъ, два арестанта; вдвоемъ или втроемъ съ надзирателяли пріятельски отправляются они на работы, высшаго надзора тюремнаго начальства нѣтъ, арестантъ предоставляется въ распоряженіе лица, нанявшаго его, которое, разумѣется, старается подохотить его къ работѣ, тутъ угощенье и водкой, и табакомъ, и т. д. Тѣ же арестанты, которые допускаются во

дворъ для черныхъ работъ, допускаются и въ дома для выполненія всякихъ столярныхъ, плотничныхъ, слесарныхъ, обойныхъ и т. д. работъ. Такое явленіе указываетъ несомнѣнно на то, что у насъ арестанты не такъ отчуждены отъ остальнаго общества, они не паріи, а «несчастненькіе»; быть можетъ это имѣетъ и свою хорошую сторону, но во всякомъ случаѣ едва ли съ точки зрѣнія пенитенціарной можетъ быть желательно такое смѣшеніе, въ особенности, если оно дѣлается изо дня въ день, лица присужденнаго къ заключенію, къ временному изъятію изъ общества, съ этимъ самымъ обществомъ; чувство постыдности наказанія должно чрезвычайно притупляться.

Лучше всего передается характеръ наружныхъ работъ таксой, распубликованной курскимъ исправительнымъ отдѣленіемъ въ «Тюремномъ Вѣстникѣ» (95 г. № 4).

Имѣется въ виду наемъ на частныя работы. Такса гласитъ: пильщику— столько то..., стекольщику... и т. д.

Это такса магазина, но не пенитенціарнаго учрежденія.

Далѣе въ цѣломъ рядѣ отчетовъ говорится о работахъ арестантовъ на частныхъ заводахъ поденно, повидимому, безъ всякаго условія. Такъ, въ шуйской тюрьмѣ (владимирской губ.) арестанты заняты «разными поденными работами на фабрикахъ и заводахъ» (1393 дня—430 руб. 90 к.); арестанты брестъ-куявской тюрьмы (варшавской губ.) работаютъ на кирпичномъ и сахарномъ заводѣ; арестанты валдайской тюрьмы на колокольномъ заводѣ; арестанты богородской тюрьмы у «Шибаева и Ломакина» (394 дня—178 р. 52½). Въ какой мѣрѣ при выполненіи всѣхъ подобныхъ работъ имѣется въ виду соблюденіе пенитенціарныхъ цѣлей и предотвращено ли свободное смѣшеніе съ остальными рабочими на равныхъ основаніяхъ—остается неизвѣстнымъ, а если не предотвращено, то гдѣ же тюрьма, наказаніе, исправленіе, измѣненіе режима и т. д ? Въ дѣйствительности, повидимому, никакими другими цѣлями, кромѣ сдачи рабочей арестантской силы въ наемъ, тюремное начальство не руководствуется, иначе, какъ объяснить, что въ Тульской губернской тюрьмѣ арестанты производятъ разборки театральныхъ декорацій (224 дня—24 р. 82 к.) и, повидимому, судя по числу дней, не въ одинъ разъ, а во время представленій, а въ Меленьковской (Владимірской губерніи) участвуютъ въ похоронахъ умершихъ (62) дня) (въ отчетѣ сказано «рытье могилъ и похороны умершихъ»; первая работа встрѣчается и въ другихъ тюрьмахъ)? Нельзя, однако же, отрицать и извѣстныхъ достоинствъ наружныхъ работъ; большею частью онѣ производятся на открытомъ воздухѣ и поэтому являются чрезвычайно важными въ гигіеническомъ отношеніи, въ особенности

при скученности тюремнаго населенія въ нашихъ мѣстахъ заключенія. Далѣе, по самому своему характеру онѣ не требуютъ, большею частью, никакихъ знаній, опытности, а потому и могутъ занимать всѣхъ арестантовъ безъ различія, на какой бы короткій срокъ арестанты не были присуждены.

Во всякомъ случаѣ съ наружными работами еще долго въ будущемъ придется считаться, а въ особенности въ настоящее время, при крайне маломъ развитіи внутреннихъ работъ. При сравненіи степени развитія и доходности работъ наружныхъ и внутреннихъ оказывается, что въ уѣздныхъ тюрьмахъ и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ наружныя работы и занимаютъ больше рукъ, чѣмъ внутреннія, и лучше оплачиваются; такъ, въ уѣздныхъ наружными работами было занято 3034 человѣка (среднесуточно весь годъ) и каждый изъ нихъ заработалъ 74 р. 4$^{1}/_{5}$ к., а внутренними занято было всего 1088 чел. и заработокъ каждаго равнялся 57 р. 42$^{2}/_{3}$ к.; въ арестантскихъ отдѣленіяхъ наружными работами было занято 2368 человѣкъ и на каждаго пришлось дохода 100 р. 47$^{1}/_{4}$ к., а внутренними было занято 1946 чел., но доходъ составилъ всего 67 р. 22 к. на человѣка. Въ губернскихъ тюрьмахъ это отношеніе нѣсколько измѣнилось: наружными работами занято было 1603 чел. и доходъ на каждаго—77 р. 65$^{1}/_{2}$ к. а внутренними 3589 человѣкъ и дохода приходилось на человѣка по 78 р. 86$^{1}/_{2}$ к. Приведенныя цифры убѣждаютъ, что внѣшнія работы, несмотря на свои недостатки въ смыслѣ пенитенціарномъ, должны быть сохранены: и безъ того слишкомъ мало рукъ занято для того, чтобы возможно было уничтожить такую крупную отрасль работъ; несомнѣнно, однако, что ее слѣдуетъ и можно регулировать въ желательномъ, въ пенитенціарномъ отношеніи, направленіи.

Одна изъ наружныхъ работъ, о которой мы до сихъ поръ не упоминали и которая стоитъ на границѣ работъ наружныхъ и внутреннихъ, заслуживаетъ особаго вниманія и изученія—это кирпичное производство. Въ смыслѣ средства примѣненія арестантскаго труда эта работа несомнѣнно имѣетъ громадныя преимущества. Прежде всего она крайне несложна и потому при наймѣ одного мастера для руководства она можетъ занимать большое количество рукъ, не знавшихъ до того этого дѣла. Она не требуетъ для своего заведенія большихъ затратъ, можетъ быть ведена и на большую ногу, и въ скромномъ размѣрѣ, и въ исправительномъ отдѣленіи, и въ губернской и уѣздной тюрьмѣ.

Она не создаетъ конкуренціи какому-либо свободному производству, кирпича чрезвычайно мало, Россія еще вся деревянная и слишкомъ часто и легко горитъ; производство кирпича является поэтому желательнымъ въ

смыслѣ улучшенія народнаго быта; недаромъ сельско-хозяйственныя общества даютъ медали за производство кирпича. Какъ показалъ опытъ тѣхъ нашихъ мѣстъ заключенія, которыя занялись производствомъ кирпича, работы эти даютъ прекрасный доходъ и выдѣланный кирпичъ легко сбывается.

Изъ числа тѣхъ мѣстъ заключенія, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, въ 32 производился кирпичъ. Но не во всѣхъ имѣлись, повидимому, собственные заводы; въ 12 работы производились по найму на частныхъ кирпичныхъ заводахъ и, слѣдовательно, въ сущности не отличались отъ всѣхъ остальныхъ наружныхъ работъ; затѣмъ собственные кирпичные заводы имѣлись въ 6 исправительныхъ отдѣленіяхъ [1]), въ 3 губернскихъ [2]) и въ 11 уѣздныхъ тюремныхъ замкахъ [3]).

Я не могу поручиться, что и во всѣхъ тѣхъ 12, которыя я отношу къ числу работавшихъ кирпичъ на чужихъ фабрикахъ, не было собственныхъ заводовъ, такъ какъ только относительно трехъ изъ нихъ сказано въ отчетахъ рѣшительно, что работы производились на чужихъ заводахъ.

Вотъ исторія устройства нѣсколькихъ заводовъ.

Въ мѣстечкѣ Струнь, витебской губ., существуетъ тюрьма (къ ней мы потомъ вернемся), въ которой по тюремной смѣтѣ на 1895 годъ показанъ среднесуточный составъ 105 человѣкъ. Въ 1894 году [4]) главнымъ тюремнымъ управленіемъ было отпущено 2.000 рублей на усиленіе работъ; на эти деньги былъ устроенъ на землѣ, нанятой у крестьянъ, кирпичный заводъ, куплены дрова, сооружены лайбы для отправки кирпича по рѣкѣ на продажу въ городъ Полоцкъ. Въ томъ же 1894 году на производство кирпича ушло 6.144 дня (если бы работы производились круглый годъ во всѣ рабочіе дни, то можно было бы сказать, что работали въ среднемъ 20 человѣкъ ежедневно), и дохода получено 1.229 р. 89 к.; въ слѣдующемъ году на работы пошло 5.889 поденщинъ, и дохода получено 1.178 р. 99 к.

Въ гор. Лебединѣ, харьковской губ., при тюрьмѣ существуетъ кирпичный заводъ съ 1891 года, землю для устройства завода далъ городъ,

---

[1]) Ярославскомъ, Томскомъ, Вологодскомъ, Вятскомъ, Архангельскомъ, Екатеринославскомъ.

[2]) Екатеринодарскомъ, Красноярскомъ, Новгородскомъ.

[3]) Лебединскомъ (Харьковской губ.), Духовщинскомъ (Смоленской), Златоустовскомъ (Уфимской), Стерлитамакскомъ (тоже), Алатырскомъ (Симбирской), Богородскомъ (Московской), Никольскомъ (Вологодской), Струнскомъ (Витебской), Семеновскомъ (Нижегородской), Николаевскомъ (Самарской) и Инсарскомъ (Пензенской).

[4]) Свѣдѣнія мною получены отъ начальника струнской тюрьмы.

деньги на устройство завода были заняты въ харьковскомъ губернскомъ попечительномъ комитетѣ [1]); въ 1894 году арестанты провели на заводѣ 3.982 рабочихъ дня, и получено дохода 991 р. 50 к., въ 1895 году кирпича продано на 2.029 р. 24 к.; изъ долга комитету осталось къ 1 января 1896 года неуплаченными 655 р. 70 к., и въ наличности кирпича было для продажи на 458 р. 85 к.

Въ гор. Духовщинѣ, смоленской губ., благодаря стараніямъ директора мѣстнаго попечительнаго отдѣленія М. Ф. Кусакова, существуетъ кирпичный заводъ уже 15 лѣтъ, среднесуточный составъ тюремнаго населенія показанъ въ смѣтѣ 37 (здоровые и больные); на производство кирпича въ 1894 году ушло поденщинъ 1.592, и получено дохода 438 руб 30 коп. За 15 лѣтъ [2]) доходъ отъ завода составилъ сумму 24.000 р., а расходъ 21.460 р. 95 к., но въ расходъ внесены 2.906 р. к. 22 к. на возведеніе построекъ и ремонтъ ихъ въ теченіе 15 лѣтъ и отчислено въ доходъ арестантовъ, казны и тюрьмы 5.921 р. 22 к., такъ что собственно 2.539 р. 5 к. поступили въ экономическій капиталъ отдѣленія, а чистый доходъ за покрытіемъ расходовъ на заведеніе и ремонтъ на 5.921 руб. 22 коп. больше.

Въ алатырской тюрьмѣ, симбирской губ., заводъ существуетъ съ 1894 г.; на устройство затрачено 971 р. 84 к., въ два года обзаведеніе окупилось, и въ 1895 году изготовлено 203 тысячи кирпича. И въ другихъ мѣстахъ заключенія кирпичные заводы шли такъ же удачно; въ арестантскихъ отдѣленіяхъ они поставлены на болѣе широкую ногу; такъ, въ вологодскомъ исправительномъ отдѣленіи въ 1894 году было затрачено на кирпичномъ заводѣ 12.093 поденщинъ, и получено дохода 7.054 р. 2 к. (среднесуточно было занято 295 человѣкъ); въ ярославскомъ исправительномъ отдѣленіи на кирпичномъ заводѣ потрачено было 3.877 дней, и получено дохода 5.089 р. 10 к.; за свой кирпичъ ярославское отдѣленіе на сельско-хозяйственной выставкѣ въ 1893 году получило бронзовую медаль; несмотря на то, что занятія на ярославскомъ кирпичномъ заводѣ продолжаются, какъ и на другихъ подобныхъ заводахъ, не долѣе 5—6 мѣсяцевъ въ годъ, арестантскій трудъ даетъ около 65 руб. чистаго дохода на арестанта, т. е. столько, сколько въ другихъ работахъ въ теченіе цѣлаго года [3]). Дѣлались въ тюрьмахъ опыты производства саманнаго, земляного кирпича; такія постройки возводятся въ инсарской тюрьмѣ (пензенской губ.)

---

[1]) «Тюремн. Вѣстн.» 1894 г., № 1, 1896 г., № 9, и отч. мѣст губ.

[2]) «Тюремн. Вѣстн.» 1896 г., № 8, 1894 г., №№ 1 и 8, Отч. губ.

[3]) «Тюремн. Вѣстн.» 1896 г., Декабрь.

для потребностей тюрьмы, въ духовщинской (смоленской губ.), въ семеновской (нижегородск. губ.) и въ николаевской (самарской губ.); въ послѣднемъ случаѣ примѣръ повліялъ на мѣстныхъ жителей бѣднаго городка и они тоже стали возводить такія же постройки. Трудно представить себѣ лучшія условія для примѣненія арестантскаго труда: занимать арестантовъ трудомъ, давая доходъ тюрьмѣ, не создавать конкурренціи и въ то же время служить дѣлу народнаго благосостоянія. Но опытовъ такъ мало, и они такъ робки, нѣтъ средствъ на обзаведеніе, наемъ мастеровъ, на распространеніе для начала, можетъ быть, безвозмездное, пока крестьяне освоятся. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію директора семеновскаго уѣзднаго попечительнаго отдѣленія Милотворскаго [1]), арестанты, обучившись въ тюрьмахъ производству саманнаго кирпича, разнесли бы по освобожденіи это умѣнье въ разныя деревни, нашли бы себѣ такимъ путемъ заработокъ и принесли бы своимъ однообщественникамъ пользу. Возможны и другіе виды примѣненія арестантскаго труда въ томъ же направленіи; такъ, правленіе перваго всероссійскаго противопожарнаго товарищества въ Москвѣ въ своемъ объявленіи о результатахъ испытанія состава Бабаева для производства огнеупорныхъ крышъ и стѣнъ говоритъ, что такія крыши могли бы съ успѣхомъ изготовляться въ тюрьмахъ [2]).

Въ 1894 году закрыто было пермское исправительное отдѣленіе, въ которомъ производились соломенно-ковровыя крыши; такіе кровельные ковры изготовлялись изъ соломы, сшивались мочальными нитками и обходились по 2 р. 50 к. за каждые 100 аршинъ въ $1^1/_4$ арш. ширины. Главное тюремное управленіе особымъ циркуляромъ 29 ноября 1887 г. рекомендовало производство въ тюрьмахъ подобныхъ крышъ [3]); при ознакомленіи съ тюремными работами я не встрѣтилъ, однако, случаевъ производства подобныхъ крышъ.

Переходя къ описанію внутреннихъ производительныхъ работъ въ нашихъ мѣстахъ заключенія, я напомню, что ими было занято въ арестантскихъ отдѣленіяхъ 16% среднесуточнаго состава, въ губернскихъ $13^1/_8$%, а въ уѣздныхъ $2^3/_5$%; при такихъ условіяхъ уже заранѣе понятно, что матеріала для описанія будетъ немного. Прежде всего остановимся на общемъ типѣ; если составить примѣрно такой же списокъ, какъ я соста-

---

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1894 г., № 8.

[2]) Тюремн. Вѣстн. 1895 г., № 8.

[3]) В. Н. Коковцовъ и С. В. Рухловъ—Систематическій сборникъ по тюремной части, изд. 1894 г., стр. 304.

вилъ для наружныхъ работъ, послѣдовательно пополняя его при просмотрѣ новыхъ отчетовъ, то окажется, что самыми распространенными работами являются: сапожныя, портняжныя, столярныя, слесарныя, плетеніе, ткація работы, затѣмъ встрѣчаются гармонники, щеточники, кузнецы, переплетчики, бондари и т. д. Но и это перечисленіе въ сущности не передаетъ точно картины работъ; если мы начнемъ съ уѣздныхъ тюремъ, то найдемъ въ каждой изъ нихъ сапожника, почти въ каждой портнаго и столяра, иногда двухъ сапожниковъ—но вотъ уже и все, вѣдь цифра обозначаетъ $2^3/_5$, значитъ, менѣе 3 человѣкъ въ день; восходя отъ уѣздныхъ къ губернскимъ, мы уже обязательно находимъ двухъ-трехъ сапожниковъ, двухъ трехъ столяровъ—всего 9, а общая цифра $13^1/_8$, на все остальное остается 4 человѣка; приблизительно то же самое въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Поэтому не точно говорить о «работахъ», которыя производятся въ тюрьмахъ, такихъ «работъ», какъ принадлежности тюрьмы, у насъ въ уѣздныхъ нѣтъ, въ губернскихъ почти нѣтъ, и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ есть немного. Я поясню свою мысль: въ нашихъ тюрьмахъ нѣтъ или почти нѣтъ «заведенныхъ работъ», которымъ бы поступающіе въ тюрьму арестанты обучались, приспособлялись, если же производятся работы сапожныя, портняжныя и столярныя по преимуществу, то потому, что это ремесла наиболѣе распространенныя въ народѣ, изъ котораго и пополняется контингентъ преступниковъ. Такимъ образомъ, слѣдовало бы говорить не «производятся такія-то работы», а поступилъ въ тюрьму сапожникъ, портной, столяръ и др., и вотъ они и продолжаютъ въ стѣнахъ тюрьмы, отъ нечего дѣлать, тѣ работы, которыми занимались до лишенія свободы, и притомъ продолжаютъ по доброй волѣ: никакихъ проявленій дѣятельности тюремной администраціи тутъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что занятіе такимъ «поступившимъ въ тюрьму ремесломъ» не распространяется на другихъ, содержащихся въ тюрьмѣ; у многихъ, даже у большинства работающихъ, инструменты свои, принесенные съ воли.

Послѣ этой общей картины мы остановимся на исключеніяхъ, на тѣхъ немногихъ работахъ, которыя обращаютъ на себя вниманіе, и при этомъ увидимъ, какъ слабо развиты эти немногія работы и насколько остается въ силѣ общая картина. Единственными распространенными работами желательными, но все-таки занимающими сравнительно мало рукъ, являются работы по плетенію, валянью, расщипкѣ, клейкѣ и вязанью. Работы эти особенно желательны въ тюрьмахъ, главнымъ образомъ, по своей несложности, потому что онѣ доступны всякому не знающему никакого ремесла и потому, что онѣ крайне распространены въ народѣ, каждому хорошо

извѣстны всѣ небольшія необходимыя техническія свѣдѣнія по этимъ работамъ; такія особенности этихъ работъ позволяютъ занимать ими арестантовъ, поступившихъ на самые короткіе сроки. Не надо также и затратъ на «заведеніе» ихъ, на пріобрѣтеніе сколько нибудь сложныхъ инструментовъ и т. д.

Такія работы существовали въ 1894 г. (насколько мнѣ извѣстно на основаніи отчетовъ и свѣдѣній) въ 148 мѣстахъ заключенія, изъ общаго числа мѣстъ заключенія, о которыхъ у меня имѣлись свѣдѣнія (32 арестантскихъ отдѣленія, 85 губернскихъ и 442 уѣздныхъ тюремъ, а всего 559 мѣстъ заключенія); я не думаю, чтобы эти данныя были далеки отъ истиннаго положенія и въ отношеніи общаго числа мѣстъ заключенія, а если это такъ, то придется признать, что работы эти распространены всего въ $26^1/_2{}^0/_0$ общаго числа тюремъ.

Вотъ примѣрное перечисленіе всѣхъ производимыхъ работъ, я не берусь сказать, что оно исчерпывающее: плетеніе корзинъ, плетеніе веревочныхъ и лычныхъ лаптей и туфель, плетеніе половиковъ, матъ, витье веревокъ и канатовъ, тканье рогожныхъ кулей, щипанье пеньки, шерсти, пуха, шелка и др., плетеніе изъ пеньки, издѣлія изъ мочалы, валянье валенковъ и котовъ и обшивка ихъ, шитье мѣшковъ, плетеніе и клеевіе коробокъ, картонажныя работы, клееніе аптечныхъ мѣшковъ, оклейка соломой по дереву и картону, гильзовыя работы, изготовленіе соломокъ для спичекъ и изготовленіе коробокъ для спичекъ, вязанье сѣтей, чулокъ, скатертей, половыхъ щетокъ, плетенье кружевъ, изготовленіе металлическихъ сѣтокъ, оплетеніе бутылокъ, плетеніе гарусныхъ на веревочныхъ подошвахъ туфель, изготовленіе ковровъ изъ сукна, шерсти и обрѣзковъ кожи, починка мебели (съ соломенными сидѣньями), корневыя издѣлія, издѣлія изъ бересты, рѣзанье пробокъ. Несмотря на разнообразіе перечисленныхъ работъ, въ общемъ, въ каждой отдѣльной тюрьмѣ ими занято чрезвычайно мало.

Самой распространенной работой является плетеніе лаптей; эта работа встрѣчается въ 65 мѣстахъ заключенія изъ числа 148 упомянутыхъ выше; точныя свѣдѣнія о количествѣ дней, проведенныхъ на этой работѣ, мы имѣемъ, однако, всего относительно 54 мѣстъ заключенія; въ нихъ было затрачено на плетеніе лаптей въ 1894 г. приблизительно 32.306 поденщинъ, т. е. среднесуточно занято было этимъ дѣломъ 110 арестантовъ и слѣдовательно на каждую тюрьму приходится около двухъ арестантовъ. Но такое вычисленіе не передаетъ вѣрно дѣйствительной картины; если изъ числа 54 исключить 5, въ которыхъ особенно было развито плетеніе лаптей, то окажется, что въ остальныхъ 49 мѣстахъ заключенія всего

было занято 53 человѣка, т. е. почти по одному на тюрьму. Вознагражденіе дневное за эту работу составляло отъ 3 — 7 к. въ день и пара лаптей продавалась за 7 к.

Слѣдующей по распространенію работой является щипанье пеньки, шерсти и др. Она встрѣчается въ 32 тюрьмахъ (изъ числа мнѣ извѣстныхъ); относительно 30 имѣются точныя данныя и здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ же положеніемъ, какъ и въ работахъ по плетенію лаптей; въ 5 мѣстахъ заключенія работа эта занимаетъ сравнительно большее число рукъ, въ 25 же остальныхъ всего $^3/_5$ арестанта среднесуточно; вознагражденіе въ день отъ 1—5 к. (въ общемъ эта работа среднесуточно во всѣхъ мѣстахъ заключенія занимала около $206^1/_6$ арестантовъ).

Далѣе слѣдуетъ по распространенію клейка коробокъ, картонажная работа и др. Она встрѣчается въ 24 тюрьмахъ, изъ нихъ въ 21 ею были заняты $90^1/_2$ арестантовъ среднесуточно, но изъ числа этихъ 21 тюремъ въ 17 занято было всего $23^1/_5$ арестантовъ; вознагражденіе отъ 6—32 к.

Плетеніе матъ, соломенныхъ ковриковъ и т. д. производилось въ 19 тюрьмахъ, въ которыхъ среднесуточно (во всѣхъ) занято было этой работой $8^2/_5$ арестантовъ, вознагражденіе составляло отъ 10 до 38 к.

Плетеніемъ корзинъ были заняты въ 11 тюрьмахъ, изъ нихъ относительно 5 я не имѣю точныхъ свѣдѣній, а въ 6 остальныхъ было занято среднесуточно 4 арестанта, т. е. по $^2/_3$ арестанта на тюрьму; вознагражденіе отъ 7—55 к.

Видное значеніе среди этихъ работъ занимали работы по клейкѣ папиросныхъ гильзъ; онѣ производились въ 14 тюрьмахъ, въ которыхъ ими было занято $68^2/_3$ арестанта; вознагражденіе составляло отъ 8 до 28 к. въ день. Близкое къ этому производству изготовленіе соломокъ для спичекъ и коробокъ для спичекъ встрѣчается въ 6 тюрьмахъ, въ которыхъ было занято $44^1/_3$ арестанта, дневное вознагражденіе отъ $10^1/_2$ до 18 к. Я видѣлъ такое производство въ одной изъ этихъ 6 тюремъ, въ Феллинской; имъ было занято много арестантовъ (среднесуточно $21^1/_2$ арест.), работа крайне несложна, предприниматель доставляетъ въ тюрьму тоненькія планочки, которыя надрѣзаются, складываются и обклеиваются готовой бумагой съ печатнымъ бланкомъ—работа доступная всѣмъ, безъ всякихъ предварительныхъ знаній.

Нельзя также не упомянуть о витьѣ канатовъ и веревокъ, которымъ были заняты въ 10 тюрьмахъ, о вязаньѣ сѣтей, производившемся въ 7 тюрьмахъ, объ издѣліяхъ изъ мочалы, дававшихъ работу въ 9 тюрьмахъ.

Я не буду останавливаться на другихъ еще менѣе распространенныхъ

работахъ; къ сожалѣнію, и тѣ наиболѣе распространенныя, о которыхъ я говорилъ вначалѣ, какъ мы видѣли выше, занимаютъ очень немного, какихъ-нибудь 60 тюремъ и въ каждой по одному, двумъ арестантамъ.

А между тѣмъ эти работы дѣйствительно стоятъ, чтобы на нихъ обратить вниманіе. Я живо помню опытъ, который я произвелъ въ 1889 году въ Ревельской городской тюрьмѣ, которой я завѣдывалъ не въ качествѣ товарища прокурора, а въ качествѣ директора губернскаго комитета. Меня озабочивало, съ одной стороны, бездѣлье громаднаго большинства арестантовъ, а съ другой стороны—мало удовлетворяли тѣ немногія работы столярныя, щеточныя, которыя производились на показъ, для базаровъ, но собственно къ дѣйствительной тюремной работѣ никакого отношенія не имѣли, такъ какъ занимали небольшое число арестантовъ, знавшихъ ремесло еще до тюрьмы. И вотъ я постарался перевести арестантовъ на работы по плетенію, расщипкѣ и т. д. Мнѣ удалось, благодаря соглашенію съ командиромъ порта, получать изъ управленія портомъ по умѣреннымъ цѣнамъ старые канаты, которые расщипывались, и затѣмъ изъ нихъ вились веревочки, а изъ послѣднихъ веревочные коты арестантскіе, ношеніе которыхъ предписывалось циркулярами главнаго тюремнаго управленія и которые мы получали изъ Кронштадта по 40 к. пара, тогда какъ въ нашей тюрьмѣ тѣ же коты обходились по 8 к. пара. Во исполненіе другого циркуляра того же тюремнаго управленія, я сдѣлалъ опытъ плетенія соломенныхъ матъ, которые должны были замѣнить арестантскіе тюфяки; скоро нашлись знающіе это дѣло среди арестантовъ; и работа пошла успѣшно. Я и теперь думаю, что въ этомъ направленіи можно многое сдѣлать для того, чтобы занять арестантовъ; производящіяся нынѣ въ тюрьмахъ работы даютъ въ этомъ отношеніи блестящее указаніе. Въ 4 изъ числа тѣхъ тюремъ, въ которыхъ встрѣчается производство лаптей а именно въ Саранской, Курмышской, Сызранской и Орловской, лапти производились, какъ сказано въ отчетахъ, для арестантовъ, а въ пятой—Буйской (съ населеніемъ въ 26 человѣкъ) было сработано 1000 лаптей по заказу казны; къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній я сообщить не могу, но само собою понятно, какое сразу получилось бы постоянное занятіе для арестантовъ, если бы вмѣсто всякихъ котовъ арестантской обувью было признано возможнымъ сдѣлать національные лапти, при чемъ на окраинахъ они могли бы быть замѣнены мѣстной крестьянской обувью: пастолами и т. д. Для казенныхъ же надобностей можно плести маты взамѣнъ тюфяковъ, которые въ настоящее время состоятъ изъ холщеваго чахла, набитаго соломой. Не надо забывать, что главное затрудненіе при производствѣ выше перечисленныхъ работъ по

плетенію и др.—это сбытъ издѣлій; при такомъ же направленіи на удовлетвореніе потребностей самой тюрьмы и арестантовъ, это затрудненіе было бы устранено; еслибъ арестантскія отдѣленія и губернскія тюрьмы были заняты въ достаточной мѣрѣ производительными работами, уѣздныя тюрьмы могли бы плести лапти и маты не только для себя, но и для губернскихъ тюремъ и для арестантскихъ отдѣленій.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ вязанья сѣтей и т. п. есть еще вязанье, какъ чисто женское занятіе (вязанье чулокъ и т. д.); въ числѣ женскихъ работъ упоминаются еще швейныя работы и затѣмъ фигурируетъ названіе «женскія рукодѣлія», но въ общемъ всего въ 12 тюрьмахъ я нашелъ указанія на особыя женскія работы,—въ какой мѣрѣ женщины участвуютъ въ другихъ работахъ (напр. въ пряжѣ и т. д.), въ отчетѣ совсѣмъ не указано. Рядомъ съ только-что перечисленными работами въ числѣ производительныхъ работъ могутъ быть поставлены работы ткацкія (неизмѣримо менѣе, однако, распространенныя). Но прежде чѣмъ перейти къ ткацкимъ работамъ, я упомяну еще объ одномъ видѣ работъ производительныхъ, а именно объ изготовленіи сельскохозяйственныхъ орудій.

Не можетъ быть сомнѣнія, что при значеніи сельскаго хозяйства въ Россіи—при крайнемъ недостаткѣ сколько нибудь удовлетворительныхъ сельскохозяйственныхъ орудій, которыя большею частью ввозятся изъ-за границы, выдѣлываніе ихъ явилось бы настоящимъ благодѣяніемъ и, разумѣется, ни о какой вредной конкуренціи свободному отечественному труду не могло бы быть и рѣчи. Къ сожалѣнію, въ моемъ пакетикѣ съ надписью «изготовленіе сельскохозяйственныхъ орудій» карточекъ очень мало.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о Тобольской каторжной тюрьмѣ № 2, въ которой изготовляются вѣялки и другія сельскохозяйственныя орудія; особенно оказались удачны вѣялки, за которыя тюрьма на Курганской сельскохозяйственной выставкѣ 1895 года получила похвальный отзывъ, такъ что теперь рѣшено сосредоточиться на выдѣлкѣ только вѣялокъ [1]). Ярославское исправительное отдѣленіе выдѣлывало бороны въ 1893 году, за которыя между прочимъ въ этомъ году получило бронзовую медаль [2]). Въ Струнской тюрьмѣ въ 1894 году выдѣлывали плуги, на что ушло около 331 поденщинъ (среднесуточно одинъ съ небольшимъ арестантъ) и получено дохода 65 р. 9 к.; въ Городищенской тюрьмѣ выдѣлывали сохи и въ Угличской грабли, но въ очень незначительномъ

---

[1]) «Тюремный Вѣстн.», 1896 г., № 2.

[2]) «Тюремный Вѣстн.», 1893 г., № 12

размѣрѣ. Вотъ, къ сожалѣнію, и все, а между тѣмъ эти работы представляли бы широкое и плодотворное поле для занятія арестантовъ долгосрочныхъ, въ особенности исправительныхъ отдѣленій!

Ткацкія и прядильныя работы занимаютъ несомнѣнно выдающееся положеніе среди тюремныхъ работъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ (я не ручаюсь, что мое перечисленіе исчерпывающее), ткацкія работы производились въ 12 [1]) исправительныхъ отдѣленіяхъ, въ 13 губернскихъ тюрьмахъ, въ Московской исправительной, въ С.-Петербургской (одиночной) и въ 14 уѣздныхъ; прядильныя работы встрѣчались въ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи и 7 уѣздныхъ. Кромѣ того, въ Привислинскомъ краѣ ткацкое и прядильное дѣло поставлено особо старательно; здѣсь устроено 14 тюремныхъ фабрикъ (6 фабрикъ и 8 прядиленъ, объ нихъ мы скажемъ ниже), кромѣ того, еще въ Петроковской тюрьмѣ имѣется ткацкая мастерская. Такимъ образомъ, ткацкія и прядильныя рабаты производились въ 65 мѣстахъ заключенія [2]).

Изъ числа арестантскихъ отдѣленій въ 10 среднесуточно было занято 435 1/3 арестанта и дохода получено 36.991 р. 52 к., кромѣ того, въ С.-Петербургскомъ получено дохода 10.033 р. 68 к. (число поденщинъ не указано). Въ Московской исправительной тюрьмѣ и 11 губернскихъ (о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія) были заняты 191 арестантъ и получено дохода 18.933 р. 79 к. и кромѣ того, въ С.-Петербургской одиночной получено дохода 23.280 р. 46.

Изъ числа 14 уѣздныхъ тюремъ, въ которыхъ производились ткацкія работы, точныя свѣдѣнія имѣются только о 5, въ которыхъ среднесуточно было занято 14 1/5 арестантовъ и получено дохода 687 р. 23 к. Пряжей занимались въ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи 86 1/5 арестантовъ среднесуточно, дохода получено 2.626 р. 42 к. и въ 7 тюрьмахъ 10 2/3 арестанта, причемъ дохода получено 58 р. 26 к.

Изъ числа 15 фабрикъ и прядиленъ Привислинскаго края въ отчетахъ помѣщены свѣдѣнія о 12 и, кромѣ того, о Петроковской ткацкой мастерской. Всего въ этихъ 13 ткацкихъ и прядильныхъ было занято 625 2/3 арестанта среднесуточно и доходъ составилъ 8.923 р. 3 к.

При неполнотѣ свѣдѣній даже о тѣхъ тюрьмахъ, о которыхъ въ отчетахъ прямо указано, что въ нихъ производятся ткацкія и прядильныя

---

[1]) Андреевское, Ярославское, Симбирское, Саратовское, Николаевское, Псковское Кіевское, Полтавское, Виленское, Казанское, Вятское и С.-Петербургское.

[2]) Въ самое послѣднее время (см. Жур. Мин. Юст., Ноябрь 1896 года) мнѣ стало извѣстно объ открытіи особой суконной фабрики въ Тобольской каторжной тюрьмѣ.

работы, я не рѣшаюсь дѣлать выводы и въ особенности опредѣлять процентно степень занятія этими работами арестантовъ; можно только замѣтить, что ткацкія работы занимали большое число рукъ и примѣнялись съ успѣхомъ не только въ крупныхъ тюрьмахъ и на широкую ногу, но и въ уѣздныхъ и въ маломъ размѣрѣ. Несомнѣнно, однако, что ткацкое дѣло представляетъ именно всѣ данныя для того, чтобы имъ занимать большое число рукъ въ крупныхъ мастерскихъ съ примѣненіемъ машинъ и различныхъ техническихъ усовершенствованій.

При наличности громаднаго числа свободныхъ рукъ въ нашихъ мѣстахъ заключенія съ крупнымъ населеніемъ, какъ арестантскія отдѣленія и губернскія тюрьмы, возможно было бы созданіе настоящихъ государственныхъ мастерскихъ, которыя бы поставляли холстъ всякихъ сортовъ и сукно на различныя отрасли администраціи и прежде всего на армію и флотъ. При существованіи такихъ государственныхъ мастерскихъ, казна получила бы громадныя выгоды, получили бы ихъ и тюрьмы, а главное, это было бы достаточное занятіе всѣмъ долгосрочнымъ арестантамъ. Насколько велики были бы выгоды казны при этомъ,—можно судить на основаніи слѣдующаго примѣра. Въ 1892 году одно саратовское исправительное отдѣленіе поставило для тюремъ саратовской губерніи 52.109 аршинъ 15 вершковъ, для тюремъ пермской губ. 60 тыс. аршинъ и для тюремъ тифлисской губ. 3 тыс. аршинъ. На этой одной заготовкѣ казна выиграла 5.227 р. 51 к., такъ какъ именно на эту сумму вышеперечисленный холстъ обошелся ей дешевле покупного. А какія выгоды могли бы быть достигнуты казной при веденіи дѣла на широкую ногу! Едва ли при этомъ могли бы быть особенно основательныя нареканія на конкуренцію свободному труду; самые строгіе экономисты признаютъ, что разъ государство изготовляетъ предметы для собственнаго потребленія, а не для продажи и такимъ путемъ достигаетъ извѣстной значительной экономіи, то оно поступаетъ правильно, сберегая народныя средства, расходуемыя на содержаніе государственнаго механизма.

Къ сожалѣнію, мы не находимъ никакихъ указаній на подобный сбытъ и на полученіе какихъ бы то ни было заказовъ отъ правительства. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ само тюремное вѣдомство, которое пользуется ткацкими мастерскими исправительныхъ отдѣленій «казенной ткацкой» московской губернской тюрьмы и тюремными фабриками Привислинскаго края для снабженія мѣстъ заключенія холстомъ. Тюремное управленіе образовало свои склады холста (С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, Симбирскъ) и въ 1894 году выслало изъ этихъ складовъ 465 тысячъ аршинъ холста рубашечнаго, 535.900 аршинъ подкладочнаго;

тика 22.430 аршинъ и равендука 157.270 аршинъ; весь этотъ матеріалъ предназначался для арестантскаго бѣлья и одежды. Но этимъ и ограничились заказы тюремнаго управленія; всѣ остальные предметы, поставка которыхъ необходима тюрьмамъ для изготовленія форменной одежды для тюремныхъ надзирателей и одежды для арестантовъ, все это получается или съ торговъ, или просто закупается хозяйственнымъ путемъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ и разсылается по тюрьмамъ (въ 1894 году была разрѣшена «постройка» обмундированія для надзирателей на мѣстѣ въ 3 губерніяхъ, 5 областяхъ и одномъ портовомъ городѣ).

Такъ, въ 1894 году было уплачено купчихѣ Кириловой за драпъ, сукно и тифтикъ 77.606 руб. 7¼ к., саратовскому фабриканту Дебердѣеву за черное сукно 11.103 руб. 30 коп.; весь этотъ матеріалъ пошелъ на изготовленіе обмундированія надзирателей. Кромѣ того, у тѣхъ же купцовъ и у Ренева куплено еще 46.775 аршинъ сукна на одежду арестантамъ.

Нельзя не замѣтить, что изготовленіе всего необходимаго матеріала для обмундированія надзирателей и одежды арестантовъ могло бы производиться трудомъ арестантовъ; если бы для устройства или расширенія существующихъ мастерскихъ потребовались расходы, то несомнѣнно, они весьма скоро покрылись бы.

Теперь слѣдуетъ остановиться на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ самая «постройка» (говоря языкомъ техническимъ) обмундированія для надзирателей и одежды, бѣлья и обуви для арестантовъ производится трудомъ послѣднихъ. Этотъ вопросъ составляетъ собственно часть того общаго весьма важнаго вопроса, въ какой мѣрѣ у насъ потребности самихъ тюремъ удовлетворяются трудомъ арестантовъ, для котораго, какъ это общепризнано и теоріей, и практикой, удовлетвореніе потребностей тюрьмы является первымъ и главнымъ предназначеніемъ. Къ выясненію этихъ вопросовъ мы и приступимъ.

О томъ, чьимъ трудомъ изготовляется обмундированіе для надзирателей, въ отчетѣ по главному тюремному управленію за 1894 годъ не сказано, но за-то въ этомъ отчетѣ (стр. 64) рѣшительно утверждается, что «пошитье вещей для арестантовъ производилось повсемѣстно трудомъ самихъ заключенныхъ, а въ мѣстности, гдѣ таковой способъ заготовки арестантскаго обмундированія являлся почему-либо неудобнымъ, онѣ доставлялись въ готовомъ видѣ, по изготовленіи ихъ въ С.-Петербургскихъ тюремныхъ мастерскихъ. Доставлены одежныя вещи въ готовомъ видѣ въ губерніи: и далѣе идетъ перечисленіе 3 губерній, 5 областей, 2 градоначальствъ и одного военнаго губернаторства. Мы охотно бы привѣтствовали

такой отрадный фактъ, еслибы мы не имѣли никакихъ основаній сомнѣваться въ совершенной точности приведеннаго утвержденія. Дѣйствительно, придавая громадное значеніе принципіальному требованію, чтобы все необходимое для потребностей тюрьмы и арестантовъ изготовлялось трудомъ арестантовъ, я тщательно останавливался на отчетахъ по каждой тюрьмѣ и при этомъ встрѣтилъ указанія, что одежда и бѣлье для арестантовъ изготовлялись трудомъ послѣднихъ въ слѣдующихъ мѣстахъ заключенія: на Нерчинской каторгѣ, въ двухъ исправительныхъ отдѣленіяхъ (Саратовскомъ и Симбирскомъ, не считая С.-Петербургскаго, разумѣется, о которомъ говоритъ отчетъ), въ 12 губернскихъ тюрьмахъ и въ 10 уѣздныхъ, кромѣ того починяли арестантскія одежду и бѣлье въ 12 мѣстахъ заключенія. Какое я имѣю основаніе объяснять эти цифры одной неточностью отчетовъ? Она была бы, во-первыхъ, слишкомъ распространенная и во-вторыхъ, можно было бы допустить такую неточность только въ томъ случаѣ, если бы извѣстно было, что существуетъ общее правило о пошитьѣ бѣлья и одежды арестантскихъ трудомъ арестантовъ, но такого правила ни въ законѣ, ни въ циркулярахъ главнаго тюремнаго управленія не встрѣчается, я основываюсь въ послѣднемъ отношеніи на сборникѣ В. Н. Коковцова и С. В. Рухлова изд. 1894 г. Въ этомъ сборникѣ (ст. 303) приведенъ правда циркуляръ 26 апрѣля 1886 года за № 13, которымъ разъясняется (ст. 354 уст. сод. подъ страж.), что опредѣленіе работъ по каждому мѣсту заключенія предоставляется губернаторамъ, что наиболѣе подходящими для арестантовъ работами признаются: ткацкое производство и т. д. «Непремѣннымъ условіемъ, конечно, должно быть принято, чтобы всѣ работы на потребности тюрьмы, какъ то: шитье одежды и обуви и по ремонту тюремныхъ зданій, исполнялись самими арестантами. Что же касается до работы по частнымъ требованіямъ и т. д.». Едва-ли, это категорическій императивъ,—это совѣтъ по вопросу о веденіи работъ.

Для того, чтобы представить, какое количество труда уходитъ на изготовленіе одежды и бѣлья для арестантовъ одной губерніи, какой доходъ отъ этого получается и насколько эти цифры не могли бы быть обойдены молчаніемъ въ отчетахъ, я укажу нѣсколько примѣровъ. Въ Астраханской губернской тюрьмѣ въ 1894 г. производилась постройка одежды и обуви для всѣхъ тюремъ этой губерніи, на что ушло 4060 поденщинъ (т. е. среднесуточно 14 работниковъ) и поступило дохода 1340 р.; въ Орловской губернской тюрьмѣ производилась постройка одежды и бѣлья тоже только для тюремъ этой губерніи и на это ушло 5874 поденщинъ (т. е. среднесуточно 20 работниковъ) и получилось дохода

587 р. 38½ к.; во Владимірской губернской тюрьмѣ на тотъ же предметъ затрачено 3896 поденщинъ (13¼ раб. среднесуточно) и дохода поступило 1168 р. 76 к. Какъ же могли бы быть такія суммы скрыты; очевидно, циркуляръ не примѣняется.

Затѣмъ относительно изготовленія арестантамъ одежды и бѣлья въ мѣстахъ заключенія города Петербурга я долженъ замѣтить, что въ одномъ изъ этихъ мѣстъ заключенія, именно въ С.-Петербургскомъ исправительномъ отдѣленіи, едва-ли производилась подобная постройка для другихъ тюремъ, такъ какъ изъ таблицы, помѣщенной въ Тюремномъ Вѣстникѣ (1896 г., № 1), усматривается, что въ годы 1890—96 въ этомъ отдѣленіи было недостроено для самого отдѣленія всего на сумму (по оцѣнкѣ) 18.318 р. 44 к.; этотъ фактъ лучше всякихъ другихъ соображеній убѣждаетъ въ томъ, что если даже въ мѣстахъ заключенія города Петербурга не вполнѣ исполняется требованіе объ изготовленіи одежды и бѣлья арестантскаго трудомъ арестантовъ, то тѣмъ вѣроятнѣе, что не исполняется это требованіе въ провинціи, вдали отъ контроля. Въ то же время упомянутая таблица доказываетъ безусловную необходимость порученія тюремной работы своимъ готовымъ мастерскимъ, своимъ свободнымъ, не занятымъ рукамъ вмѣсто посторонннихъ. Дѣйствительно, оказывается, что только за указанные 7 лѣтъ (1890—1896) и притомъ только въ одномъ мѣстѣ заключенія казна, изготовляя арестантскія одежду и бѣлье трудомъ заключенныхъ въ отдѣленіи, сдѣлала сбереженіе противъ вольныхъ цѣнъ на 18.016 р. 76 к. Что касается до постройки обмундированія надзирателямъ, то я встрѣтилъ указанія только въ четырехъ тюрьмахъ (Астраханской, Благовѣщенской, Орловской и Симбирской), что такая постройка произведена трудомъ арестантовъ. Послѣ предыдущихъ соображеній я считаю себя въ правѣ заключить, что по части изготовленія матеріала для обмундированія тюремныхъ надзирателей и одежды, и бѣлья для арестантовъ и по части постройки этихъ обмундированія, одежды и бѣлья, остается еще открытое поле для широкаго и вполнѣ естественнаго приложенія арестантскаго труда—и руки, ничего не дѣлающія, будутъ заняты, и казна сдѣлаетъ сбереженіе, и о конкурренціи вольному труду нельзя будетъ говорить.

Столь же естественнымъ примѣненіемъ арестантскаго труда можетъ быть несомнѣнно признано и возведеніе этимъ трудомъ новыхъ тюремныхъ зданій и исправленіе, ремонтъ старыхъ.

Къ сожалѣнію, случаи (о которыхъ я собралъ свѣдѣнія) примѣненія арестантскаго труда къ постройкѣ новыхъ тюремъ или переустройству

старыхъ крайне рѣдки, хотя строительная дѣятельность главнаго тюремнаго управленія очень обширна. Мнѣ извѣстны только 5 случаевъ примѣненія въ 1894 году арестантскаго труда къ возведенію новыхъ тюремныхъ зданій, а именно на Нерчинской каторгѣ, на что ушло 70.293 дня; кромѣ того, тѣ же каторжники строили и пріютъ для дѣтей арестантовъ, на что ушло 5807 поденщинъ (вознагражденіе не указано); арестанты Люблинской губернской тюрьмы возводили зданіе новой тюрьмы, на что ушло 11.637 поденщинъ; тѣмъ же дѣломъ были заняты арестанты Можайской тюрьмы (число дней и вознагражденіе не указано), арестанты Трокской (виленской губерніи) тюрьмы перестраивали свою тюрьму, на что было затрачено 2629 поденщинъ и получился доходъ 658 р. 54 к. и, наконецъ, арестанты Варшавской главной тюрьмы отстроили новый административный флигель, на что было затрачено 3819 поденщинъ и получился доходъ въ 1464 р. Затѣмъ встрѣчаются довольно многочисленные случаи примѣненія арестантскаго труда къ ремонту тюремъ; я даже склоненъ думать, что ихъ больше было, чѣмъ я насчиталъ (41), и что во многихъ тюрьмахъ ремонтъ фигурируетъ въ числѣ хозяйственныхъ неоплачиваемыхъ работъ; надо, впрочемъ, замѣтить, что все это такъ называемые ремонты «мелочные», изъ числа 41 замѣченныхъ мной только въ трехъ онъ потребовалъ болѣе 1000 поденщинъ, въ большинствѣ же случаевъ число затраченныхъ поденщинъ не достигаетъ и 100, это все больше, вѣроятно, перекраска стѣнъ.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь, по отстройкѣ новыхъ и перестройкѣ старыхъ зданій, тюремному управленію еще долгое время предстоитъ широкая дѣятельность, и несомнѣнно вполнѣ необходимо и вполнѣ естественно примѣненіе къ этимъ работамъ арестанткаго труда.

Мнѣ остается остановиться на работахъ хозяйственныхъ. Какія именно работы должны быть подведены подъ понятіе хозяйственныхъ—не указано точно ни въ законѣ, ни въ циркулярахъ главнаго тюремнаго управленія. Въ законѣ упоминается объ этихъ работахъ только въ отношеніи вознагражденія за нихъ арестантовъ, причемъ для такого вознагражденія источникомъ указана та часть дохода отъ арестантскихъ работъ, которая поступаетъ въ пользу тюрьмы (ст. 363 уст. сод. подъ страж.); опредѣленіе размѣра этого вознагражденія предоставлено, въ силу ст. 362, главному тюремному управленію, а послѣднее передало это право губернаторамъ, точнаго же опредѣленія хозяйственныхъ работъ все-таки нѣтъ; можетъ быть, этимъ и объясняется, что за самыми ничтожными исключеніями въ какихъ-нибудь 20 тюрьмахъ изъ всѣхъ тѣхъ тюремъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, было выдано вознагражденіе за хо-

*

зяйственныя работы, во всѣхъ же остальныхъ, т. е. почти во всѣхъ, работы эти, вопреки ст. 358 уст. сод. подъ страж., производились безплатно.

Согласно указу правительствующаго сената 12 іюля 1882 г., подъ понятіе хозяйственныхъ работъ могутъ быть подведены лишь такія работы, какъ изготовленіе пищи, носка дровъ, но не шитье одежды, ремонтъ зданій и т. д., которые должны вознаграждаться наравнѣ съ другими производительными работами; съ другой стороны—циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія 25 апрѣля 1886 г., № 13, разъяснено, «что опредѣляемое закономъ [1]) вознагражденіе за хозяйственныя работы должно быть назначаемо арестантамъ, занятымъ этими работами въ видѣ ремесла (?), какъ-то кашеварамъ, хлѣбопекамъ, квасникамъ и т. п., а отнюдь не должно распространяться на работы, производимыя хотя и для потребностей тюрьмы, но обязательно и поочередно всѣми арестантами» (?).

Циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія 20 ноября 1887 г. [2]) указано, что содержаніе чистоты въ тюремныхъ помѣщеніяхъ и очистка отхожихъ мѣстъ должны быть производимы, въ видахъ сокращенія расходовъ, преимущественно трудомъ арестантовъ, и вознагражденіе за эти работы должно производиться какъ за хозяйственныя; циркуляромъ того же управленія 21 августа 1879 г. указано на необходимость введенія, съ цѣлью удешевленія арестантскаго довольствія, обязательнаго хлѣбопеченія трудомъ арестантовъ.

Необходимо, мнѣ кажется, признать, что не законъ въ своей неопредѣленной редакціи и не циркуляры тюремнаго управленія въ своей еще болѣе сбивчивой редакціи установили хозяйственныя работы, а сама жизнь нашихъ тюремъ, въ большинствѣ которыхъ почти нѣтъ другихъ работъ кромѣ хозяйственныхъ; при такомъ количествѣ свободныхъ рабочихъ рукъ было бы странно, чтобы мытье половъ, топка печей, варка каши и т. д. производились наемными рабочими. Не всюду, однако, выдерживается строго принципъ, и, напримѣръ, вмѣсто печенья хлѣба въ нѣкоторыхъ городахъ производится доставка готоваго контрагентомъ; но это исключенія. Нельзя не сказать, что производство работъ хозяйственныхъ трудомъ арестантовъ, и притомъ даровымъ, представляется очень важнымъ въ смыслѣ сбереженія средствъ казны, а въ то же время вполнѣ оправдывается съ точки зрѣнія пенитенціарной.

---

[1]) Коковцовъ, Сборникъ, стр. 306.

[2]) Тамъ же, стр. 186.

То, что въ Австріи названо Eigen-regie и установлено постепенно въ теченіе ряда лѣтъ законодательнымъ путемъ, на введеніе чего во Франціи тратятся большія суммы (régie), то въ Россіи возникло и существуетъ какъ-то само собой. Нельзя не сказать, однако, что въ смыслѣ расширенія примѣненія арестантскаго труда къ хозяйственнымъ работамъ еще многое можно сдѣлать.

Такъ, упомянутымъ уже нами выше циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія 21 августа 1879 г. указывалось, правда, на необходимость устройства огородовъ при тюрьмахъ, какъ на мѣру, служащую къ удешевленію и улучшенію арестантскаго продовольствія, но какое собственно значеніе можетъ имѣть подобное указаніе, развѣ лишь мѣры просвѣщенія? Необходимы средства, чтобы купить небольшой участокъ земли близъ тюрьмы или въ крайнемъ случаѣ хоть нанять, но этихъ средствъ не отпускали и огороды являются рѣдкостью. Изъ числа 32 арестантскихъ отдѣленій имѣются огороды при 12, относительно тюремъ свѣдѣній нѣтъ; Въ Тюремномъ Вѣстникѣ я встрѣтилъ указаніе, что есть огороды при Камышинской и Балашовской тюрьмахъ саратовской губерніи, есть, разумѣется, огороды и при другихъ тюрьмахъ, но въ видѣ исключенія, къ сожалѣнію.

Какъ особый видъ хозяйственныхъ работъ, а не производительныхъ, является работа на тюремныхъ мельницахъ, перемалывающихъ зерно въ муку для потребностей самой тюрьмы; этой работой, тоже, разумѣется, крайне ничтожно вознаграждаемой, достигается, во-первыхъ, извѣстное удешевленіе продовольствія арестантовъ, а, во-вторыхъ, и это главное, занятіе арестантовъ работой, для которой не надо никакихъ знаній. Существуютъ прежде всего такъ называемыя ручныя мельницы, онѣ встрѣчаются во всѣхъ тюрьмахъ Саратовской губерніи и въ Николаевской тюрьмѣ самарской губерніи (больше я указаній не встрѣтилъ). Затѣмъ существуютъ мельницы, устроенныя на тюремномъ дворѣ, или вообще пристроенныя къ тюремному зданію съ особымъ приводомъ, какъ въ молотилкахъ, причемъ надъ передвиженіемъ привода работаютъ арестанты. Такая мельница существуетъ во Владимірской губернской тюрьмѣ. Въ Казанской губернской тюрьмѣ такая мельница приводится въ дѣйствіе трудомъ 24 арестантовъ; мука размалывается для губернской и пересыльной тюремъ. Приводъ устроенъ подъ навѣсомъ на чистомъ воздухѣ, такъ что работа является вполнѣ гигіеничной; устройство мельницы обошлось въ 936 р. 18 к., изъ нихъ 249 р. 10 к. пожертвованы [1]). Въ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи устроена подобная же мельница, приво-

[1]) Тюремный Вѣстникъ 1893 г., № 6.

димая въ движеніе трудомъ 32 арестантовъ (среднесуточно было занято въ 1892 г.) [1]); помолъ пуда муки обходился въ 2,6 к., тогда какъ на частной мельницѣ онъ стоитъ 5 к. Совсѣмъ другое можно сказать про предложеніе г. Иванова, если не ошибаюсь начальника пересыльной С.-Петербургской тюрьмы [2]); онъ предлагаетъ устройство большихъ мельницъ при тюрьмахъ съ крытыми помѣщеніями для приводовъ; устройство такихъ мельницъ обходится дорого (высчитано 3257 р. 27 к.), подобныя мельницы разсчитаны уже не исключительно на удовлетвореніе потребностей тюрьмы, а требуютъ закупки хлѣба и обращенія этой работы въ производительную, а между тѣмъ производительною эта работа въ дѣйствительности быть не можетъ, а тѣмъ болѣе въ рамкахъ коммерческаго предпріятія, да и дороговизна устройства совершенно не подходитъ къ скромнымъ условіямъ русскихъ тюремъ.

V.

Сообщенныя выше данныя о постановкѣ арестантскихъ работъ въ заграничныхъ и русскихъ тюрьмахъ приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ.

За границей во всѣхъ почти государствахъ безъ исключенія вполнѣ успѣшно и даже блестяще разрѣшенъ вопросъ о постановкѣ работъ въ такъ называемыхъ центральныхъ тюрьмахъ—pénitenciers, а въ двухъ странахъ—Англіи и Бельгіи—разрѣшенъ тотъ же вопросъ не менѣе успѣшно и для мѣстныхъ краткосрочныхъ тюремъ съ малымъ населеніемъ.

Примѣръ Западной Европы указываетъ, что никакихъ особыхъ непреодолимыхъ препятствій къ постановкѣ работъ въ тюрьмахъ въ дѣйствительности нѣтъ; мало того, что тюремныя работы приносятъ безусловно доходъ, чистый доходъ, покрывающій издержки на производство, матеріалы и т. д., что по своему характеру онѣ не требуютъ особенныхъ затратъ на заведеніе (въ особенности такія, которыя даютъ сравнительно небольшой доходъ, какъ, напримѣръ, плетеніе и т. п.) и что во всякомъ случаѣ чистый доходъ отъ работъ рано или поздно окупаетъ расходы на заведеніе работъ. Такимъ образомъ, никакой невозможности завести работы въ тюрьмахъ въ Западной Европѣ не признается.

Если отъ примѣра иностранныхъ государствъ перейти къ постановкѣ тюремныхъ работъ у насъ въ Россіи, то приходится прежде всего признать, что эти работы у насъ крайне слабо развиты, въ такой мѣрѣ

[1]) Тюремный Вѣстникъ 1893 г., № 8.

[2]) Тюремный Вѣстникъ 1895 г., № 3.

слабо, что никакія пенитенціарныя задачи въ нашихъ тюрьмахъ не осуществляются. Въ то же время, однако, можно ли сказать на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, что въ русскихъ тюрьмахъ имѣются какія-то такія особенныя условія, которыя будто-бы совершенно дѣлаютъ невозможнымъ заведеніе въ нихъ работъ? Наоборотъ, при ближайшемъ ознакомленіи съ этими условіями оказывается, что русскія тюрьмы вовсе не представляютъ какихъ-либо особенностей, отличающихъ ихъ отъ западно-европейскихъ. Такой особенностью не является вовсе малая населенность мѣстныхъ тюремъ; если въ этомъ отношеніи и существуетъ разница, то не особенно значительная; притомъ же примѣры самыхъ небольшихъ русскихъ тюремъ, приведенные нами, убѣждаютъ вполнѣ, что и въ этихъ маленькихъ тюрьмахъ заведеніе работъ вполнѣ возможно. Нечего и говорить объ особо частой перемѣнѣ состава арестантовъ; вполнѣ несомнѣнно, и это можно было бы легко иллюстрировать статистическими данными, что краткосрочныхъ наказаній у насъ неизмѣримо меньше, такъ какъ и права судей въ выборѣ наказаній значительно уже, чѣмъ у судей западно-европейскихъ.

Вопросъ о мастерскихъ, т. е. собственно о помѣщеніи для мастерскихъ, представляется вопросомъ безусловно не серьезнымъ; по моему личному наблюденію, не недостатокъ въ мастерскихъ служитъ главнымъ препятствіемъ для заведенія работъ въ нашихъ уѣздныхъ тюрьмахъ; не такъ эти тюрьмы переполнены въ настоящее время, чтобы не было возможности отвести какую-нибудь комнату для работъ. Нельзя притомъ же упускать изъ вида, что вѣдь все понятіе «мастерской» сводится къ одной просторной комнатѣ; я имѣю въ виду уѣздныя тюрьмы, гдѣ производятся работы портняжныя, сапожныя, по плетенію и т. д.; большинство этихъ работъ смѣло могутъ производиться въ камерахъ. Если бы дѣйствительно въ какой-либо тюрьмѣ не оказалось вовсе помѣщенія для мастерской, то пристройка трудомъ арестантовъ одной комнаты всегда бы окупилась доходами отъ работъ, если бы послѣднія рѣшились завести прочно и широко.

Ознакомленіе съ условіями постановки работъ въ русскихъ тюрьмахъ приводитъ къ выводу, что и при данныхъ условіяхъ работы въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ поставлены прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и что условія для заведенія тюремныхъ работъ въ Россіи въ дѣйствительности гораздо благопріятнѣе условій западно-европейскихъ и что сама тюремная жизнь, обычаи и взгляды русскаго народа, познанія самого тюремнаго населенія указываютъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ идти, при желаніи достигнуть развитія арестантскаго труда.

Начну съ приведенія примѣровъ такихъ отдѣльныхъ тюремъ, въ которыхъ особенно хорошо поставлены арестантскія работы.

Прежде всего, разумѣется, необходимо упомянуть о мѣстахъ заключенія гор. С.-Петербурга, а именно о С.-Петербургской тюрьмѣ,—женскомъ ея отдѣленіи и исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи.

Въ С.-Петербургской тюрьмѣ, гдѣ отбываютъ наказанія преимущественно краткосрочныя, осужденные приговорами мировыхъ судей, занятые составили $85^{3}/_{4}\%$ общаго среднесуточнаго состава и на каждаго арестанта пришлось дохода 59 р. 6 к., а въ женскомъ отдѣленіи той же тюрьмы процентъ занятыхъ былъ $74^{5}/_{6}$, а дохода на каждую арестантку выходило 71 р. 77 к. и, наконецъ, въ исправительномъ отдѣленіи процентъ занятыхъ поднялся такъ высоко, какъ ни въ одномъ другомъ мѣстѣ заключенія въ Россіи, и былъ выше средняго европейскаго, а именно равнялся 90%, причемъ дохода на одного арестанта пришлось 70 р. 94 к. Если, кромѣ того, имѣть въ виду, что наружныхъ работъ почти не было, то эти цифры получатъ еще большее значеніе. Нельзя, разумѣется, при объясненіи такого развитія работъ отрицать извѣстную долю вліянія столицы, возможность сбыта для такихъ работъ, которыя сбывать въ провинціи, и въ особенности въ маленькихъ городкахъ, труднѣе; таковы, напримѣръ, работы картонажныя, которыя дали 14.109 руб. 91 к. Но не въ этихъ работахъ и не въ расположеніи въ столицѣ и какъ будто бы сравнительной легкости сбыта издѣлій, главное основаніе развитія работъ; основаніе это въ томъ, что, какъ мы уже видѣли выше, с.-петербургскія тюрьмы изготовляютъ холстъ и шьютъ одежду и обувь для потребностей тюремъ не только с.-петербургскихъ, но и провинціальныхъ; дѣйствительно, самый большой доходъ, болѣе $^{1}/_{3}$ всего дохода всѣхъ мѣстъ заключенія гор. С.-Петербурга, дали работы ткацкія—33.314 р. 14 к. (кромѣ того голландреніе холста 1.327 р. 29 к.), затѣмъ швейныя и портняжныя дали 13.791 р. 57 к. и сапожныя 7.343 р. 30 к., а всего 55.776 р. 30 к., т. е. почти $^{3}/_{5}$ всего дохода всѣхъ тюремъ г. С.-Петербурга (при этомъ разсчетѣ приняты во вниманіе всѣ тюрьмы, т. е. и пересыльная и домъ предварительнаго заключенія). Такимъ образомъ, развитіе работъ и сбытъ произведеній объясняется не какими либо мѣстными условіями, а тѣмъ, что тюремное управленіе рѣшило работы, направленныя на удовлетвореніе потребностей самого тюремнаго вѣдомства, поручать этимъ тюрьмамъ, а могло бы, конечно, завести ихъ во всякомъ другомъ мѣстѣ Россіи; мы видѣли выше, что еще нашлось бы много такого рода работъ для арестантовъ, а если на ихъ заведеніе потребовались бы расходы, то они, несомнѣнно, въ скоромъ времени окупились бы.

Отъ столичныхъ мѣстъ заключенія я позволю себѣ перейти къ дру-

гой крайности—уѣзднымъ тюрьмамъ и привести примѣръ образцовой постановки работъ въ этихъ тюрьмахъ.

Въ тюрьмѣ, расположенной въ мѣст. Струнь Полоцкаго уѣзда, Витебской губ., въ которой, согласно смѣтѣ доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 г., среднесуточное населеніе составляло 105 чел. вмѣстѣ съ больными, въ 1894 году было занято на наружныхъ работахъ среднесуточно $21^4/_5$ ар., на внутреннихъ $25^3/_4$ и на хозяйственныхъ $16^2/_5$, а всего 64 ар. или $61^0/_0$. Дохода отъ работъ поступило за наружныя 1.281 р. 82 к., за внутреннія 1.322 р. 32 к. и за хозяйственныя 47 р. 34 к., т. е. всего 2.651 р. 54 к. (валового было получено болѣе 6.000 р.), а на одного арестанта 25 р. 25 к. Заинтересовавшись цифровыми данными, я вошелъ въ переписку съ начальникомъ тюрьмы и получилъ интересныя свѣдѣнія, не указывающія однако вовсе, чтобы въ Струнской тюрьмѣ было совершено какое либо чудо.

Въ 1894 году было испрошено у главнаго тюремнаго управленія изъ фонда на развитіе арестантскихъ работъ 2.000 р., по полученіи которыхъ былъ устроенъ при самой тюрьмѣ (удобная глиняная земля) кирпичный заводъ, давшій въ томъ же 1894 г. чистаго дохода (т. е. за покрытіемъ расходовъ на дѣло) 1.229 р. 89 к. Среди работъ внутреннихъ выдѣлялись работы по ремонту тюремнаго зданія: 2.920 поденщинъ и 408 р. 75 к. дохода; работъ по починкѣ арестантской одежды 204 дн.—22 р. 88 к., далѣе «бондарскія издѣлія», на что ушло 1.002 поденщины и получено дохода 280 р. 68 к., строганіе палочекъ для спичекъ 747 поденщ.—107 р. 28 к., плетенье изъ соломы, вязанье сѣтей и т. д. 562 под.—73 р. 6 к., далѣе столярныя, кузнечныя, плотничныя и т. п. Всѣ работы производились за счетъ тюрьмы, а не по заказамъ частныхъ лицъ, а издѣлія, какъ-то: кирпичъ, боченки и т. д., сбывались въ гор. Полоцкъ, расположенный внизъ по рѣкѣ. Но уже въ 1895 г. работы значительно сократились по той причинѣ, что губернское начальство запретило забирать матеріалы въ долгъ—хотя долговъ въ тюрьмѣ не было и послѣ продажи издѣлій деньги за матеріалы уплачивались аккуратно. А такъ какъ наличныхъ денегъ для покупки матеріаловъ не было, то пришлось почти совершенно сократить внутреннія работы (въ 1895 г. онѣ дали всего 160 р. 11 к. дохода). Какъ справедливо замѣчаетъ начальникъ тюрьмы, «при средствахъ устроить работы всегда можно и казна не теряетъ на этомъ».

Небольшая Духовщинская тюрьма, Смоленской губерніи, въ которой среднесуточный составъ арестантовъ равняется 57 чел., получила въ 1894 г. за наружныя работы 806 р. 30 к. чистаго дохода; я уже при-

велъ выше исторію кирпичнаго завода Духовщинской тюрьмы, здѣсь необходимо замѣтить, что работы въ тюрьмѣ пошли успѣшно благодаря тому, что на заведеніе ихъ было отпущено губернскимъ тюремнымъ комитетомъ взаймы 500 р. и даны (тоже, вѣроятно, взаймы) директоромъ мѣстнаго попечительнаго отдѣленія М. Ф. Кусаковымъ 623 руб. 51 коп. Исторія одного кирпичнаго завода показываетъ уже, что деньги не пропали, а возвратились сторицею [1]).

Вотъ еще оригинальная исторія возрожденія работъ въ одной маленькой тюрьмѣ—Инсарской, Пензенской губ., въ которой въ описываемое время (1880—1889 г.) было среднесуточно около 42 арестантовъ [2]) (свѣдѣнія сообщены А. С. Югуртинымъ, бывшимъ начальникомъ этой тюрьмы въ теченіе указанныхъ 9 лѣтъ, а нынѣ директоромъ мѣстнаго попечительнаго отдѣленія). Въ 1880 г. самое зданіе тюрьмы было въ такомъ безпорядкѣ, что нѣкоторыя камеры были заперты и входъ въ нихъ былъ губернскимъ правленіемъ воспрещенъ. Инструментовъ для работъ купить было не на что, арестанты занимались только работами по заказамъ частныхъ лицъ (клееніемъ гильзъ, коробокъ и т. д.) и дохода всего получилось 38 р. 2 к. Въ 1881 г. камеры были отремонтированы, при чемъ свободныя камеры явились мастерскими, въ которыхъ арестанты были заняты: плетеніемъ лаптей, выдѣлкой деревянныхъ граблей для земледѣльческихъ хозяйствъ, сапожнымъ и портняжнымъ мастерствомъ; часть арестантовъ высылалась на внѣшнія работы, дохода всего получено 112 р. 92 к. Въ этомъ же году арестанты были заняты безплатными работами на отведенной городомъ мѣстности подъ тюремный огородъ, котораго до того времени не было. Въ 1882 г. прибавилось бондарное и столярное мастерства. Въ 1883 г. дохода отъ работъ поступило уже 629 р. 21 к. Въ 1886 г. были введены новыя работы: выдѣлка изъ мочалъ цыновокъ, рогожъ и половыхъ щетокъ, плетеніе соломенныхъ шляпъ, выдѣлка (валка) изъ шерсти теплой обуви и токарное мастерство. Въ 1887 г. начата работа по устройству изъ саманнаго кирпича большого несгораемаго амбара для храненія тюремныхъ рабочихъ инструментовъ. Въ 1888 г. введено канатное производство. Всего за 9 лѣтъ заработано 4.000 р. Но не въ доходѣ дѣло, а въ томъ, что арестанты были заняты, что при желаніи заведеніе работъ оказалось вполнѣ возможнымъ, работы развились и находили сбытъ. Единственное, главное и основное препятствіе, тормозив-

[1]) Тюремный Вѣстникъ, 1896 г., № 8.

[2]) Тюремный Вѣстникъ, 1896 г., № 7.

шее это развитіе въ началѣ, былъ недостатокъ средствъ на заведеніе (покупку инструментовъ, матеріаловъ).

Говоря объ образцовыхъ тюрьмахъ въ Россіи, нельзя не остановиться на совершенно оригинальномъ учрежденіи, существующемъ уже давно и мало кому извѣстномъ,—на тюремныхъ фабрикахъ Царства Польскаго. Въ основу этого учрежденія положены глубокія, вѣрныя мысли, совершенно отвѣчающія современнымъ требованіямъ пенитенціарной науки. Вотъ подлинныя слова указа объ учрежденіи фабрикъ [1]):

«29 іюля (10 августа) 1832 г.

По Указу Его Величества

Николая I и т. д.

Совѣтъ управленія Царства, принимая въ уваженіе настоятельную необходимость прекратить бездѣйствіе, въ какомъ нерѣдко проводятъ время арестанты, содержащіеся въ тюрьмахъ по судебнымъ приговорамъ, за неимѣніемъ въ виду постоянныхъ для нихъ работъ, и желая притомъ придать занятіямъ арестантовъ однообразное направленіе, болѣе соотвѣтствующее общественной пользѣ и нравственному ихъ исправленію, постановилъ, и постановлено слѣдующее:

Ст. 1.

Во всѣхъ уголовныхъ и исправительныхъ тюрьмахъ и въ мѣстахъ тяжкаго заключенія въ Царствѣ имѣютъ быть устроены, насколько сіе дозволитъ мѣстность, фабрики и мастерскія, могущія доставить арестантамъ постоянныя работы.

Ст. 2.

При выборѣ фабричныхъ работъ для арестантовъ, давать преимущество такимъ, которыя могутъ производить предметы насущной потребности для благотворительныхъ и карательныхъ общественныхъ заведеній, чтобы обезпечить потребленіе и сбытъ фабричныхъ издѣлій и чтобы конкуренція оныхъ не наносила ущерба общей промышленности».

Въ изданной 31 іюля 1833 года для инспектора фабрикъ инструкціи сказано: [2])

«Учреждая фабрики по уголовнымъ тюрьмамъ, правительство имѣетъ въ виду:

---

[1]) Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго, ч. IV, изд. 1886 г., т. III, стр. 294.

[2]) Тамъ же, стр. 328.

во-1-хъ, доставить арестантамъ занятія и сдѣлать ихъ способными во время наказанія къ промышленнымъ работамъ;

во-2-хъ, снабдить тюремныя и больничныя заведенія шерстяными, льняными и пеньковыми издѣліями, къ ежедневному употребленію арестантовъ».

Въ виду этого рѣшено было завести фабрики толстаго темносѣраго сукна въ Сандомірѣ съ прядильнями шерсти въ другихъ трехъ тюрьмахъ, фабрику шерстяныхъ одѣялъ въ Пыздрахъ и прядильню шерсти въ гор. Калишѣ, фабрику холста въ гор. Люблинѣ съ прядильнями въ 2 другихъ тюрьмахъ и т. д., однимъ словомъ, организація установлена была такая, при которой въ нѣкоторыхъ меньшихъ тюрьмахъ учреждены были прядильни, которыя имѣли служебное отношеніе къ одной изъ фабрикъ тюремныхъ и доставляли ей пряжу для выработки холста или сукна.

Въ другомъ томѣ (т. II) той же части административныхъ распоряженій помѣщена, такъ называемая, «Инструкція для тюремъ и смирительныхъ заведеній Царства Польскаго $^{15}/_{27}$ августа 1859 г.» (гл. XVIII, стр. 302) о занятіяхъ арестантовъ, а также о тюремныхъ фабрикахъ и прядильняхъ». На основаніи этой «Инструкціи» управляются и нынѣ тюрьмы Царства. Она содержитъ подробныя правила о внутреннемъ распорядкѣ этихъ фабрикъ, о томъ, что именно слѣдуетъ выдѣлывать (одѣяла, сукно, полотенца и т. д.), о томъ, какъ принимать матеріалъ: ленъ, шерсть, пеньку (покупаютъ съ торговъ); здѣсь же содержатся точныя указанія, сколько должно выйти пряжи изъ такого-то количества шерсти, льна и т. д. Главная особенность фабрикъ состоитъ въ томъ, что работы производятся подъ руководствомъ наемныхъ мастеровъ, носящихъ названіе веркмейстеровъ; они назначаются губернскимъ правленіемъ по представленіямъ «смотрителя», какъ сказано, тюрьмы.

Такова исторія этихъ фабрикъ.

Въ настоящее время [1]) существуютъ слѣдующія фабрики и прядильни: фабрика ткацкая и пеньковыхъ издѣлій при варшавской уголовной тюрьмѣ и служебныя для нея прядильни при Брестъ-Куявской и Пултуской тюрьмахъ, прядильня льна при Ленчицкой тюрьмѣ (прежде здѣсь была фабрика тонкаго холста), фабрика холста съ прядильней при Сѣрадзской тюрьмѣ, прядильня шерсти при Кѣлецкой тюрьмѣ, ткацкая фабрика холста и тика и прядильня льна при Кѣлецкомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, суконная фабрика при Хенцинской тюрьмѣ, фабрика холста при Люблинской тюрьмѣ, прядильня при Плоцкой тюрьмѣ, прядильня при Ра-

[1]) Смѣта доходовъ и расходовъ по тюремн части на 1895 г., стр. 350 и сл.

домской тюрьмѣ, суконная фабрика при Сандомірской тюрьмѣ и прядильня при Кальварійской тюрьмѣ. Итого въ 13 мѣстахъ заключенія, изъ которыхъ одно исправительное отдѣленіе, 5 губернскихъ и 7 уѣздныхъ тюремъ, учреждены 4 фабрики холста и 8 прядилень льна, двѣ суконныхъ фабрики и одна прядильня шерсти.

Я могу сообщить подробныя свѣдѣнія о работахъ за отчетный 1894 г. только въ четырехъ фабрикахъ: въ Варшавской, начальникомъ которой представленъ подробный отчетъ, и въ Люблинской, Хенцинской и Сѣрадзской, начальники которыхъ любезно сообщили мнѣ, на мой запросъ, весьма интересныя свѣдѣнія о находящихся подъ ихъ надзоромъ фабрикахъ.

Въ Варшавской уголовной тюрьмѣ (Среднесуточный составъ 1.408 ар.) устроена съ 1 октября 1892 г. (вѣроятно вновь) казенная ткацкая фабрика сѣраго, небѣленаго рубашечнаго холста; чесаную «почесь» въ мотках частью покупаютъ, частью получаютъ изъ Брестъ-Куявской тюрьмы, которая выдѣлываетъ ее. Изъ числа 1.408 ар. среднесуточно было занято на фабрикѣ всего 53⅓ ар.; заработная плата арестантамъ составила 1.530 р. 89 к. Въ 1894 году всего выдѣлано 36.571 арш. 1 вершокъ и оставалось отъ предыдущаго года 9.866 арш. 8 вершк. Изъ этого числа отпущено для тюремъ Варшавской губерніи 17.320 арш., для другихъ губерній 21.720 арш., продано частнымъ покупателямъ 104 арш. 10 вершковъ.

Въ Люблинской тюрьмѣ (среднесуточный составъ 650 ар.) было занято въ 1894 году ежедневно на ткацкой холщевой фабрикѣ 81½ ар. и дохода получено 638 р. 88 к.; въ расходъ внесены: содержаніе фабричнаго писаря 120 руб., покупка сырого льна 290 руб. 10 коп., мелочные расходы 14 руб., а всего 424 руб. 10 коп.; осталось для распредѣленія чистаго дохода 214 руб. 78 коп. Изъ этой суммы выдано арестантамъ въ вознагражденіе за работы 138 руб. 16½ коп., вознагражденіе это опредѣляется не на основаніи 359 ст. уст. сод. подъ страж., а задѣльно съ аршина или съ мотка. Работы производятся въ обыкновенной мастерской и на простыхъ станкахъ, разница лишь та, что руководитъ работами веркмейстеръ (онъ же, повидимому, и писарь), который пріучаетъ арестантовъ сначала къ сортировкѣ, затѣмъ къ чесанью и пряжѣ льна и, наконецъ, къ тканью.

Въ Сѣрадзской тюрьмѣ (основана въ 1840 г.), при среднесуточномъ составѣ арестантовъ въ 300 чел., на фабрикѣ было занято въ 1893 г. 186½ ар. При тюрьмѣ имѣется особый флигель, гдѣ помѣщается ткацкая прядильная фабрика, т. е. мастерская съ 30 ткацкими станками и другими приспособленіями для сновання основъ; кромѣ того, 26 ткацкихъ

станковъ помѣщается въ женскомъ отдѣленіи. Работы производились какъ для казны, такъ и для частныхъ лицъ, плата за работу въ день на казенныхъ заказахъ 6 коп., а частныхъ—22 коп. Въ 1893 году за производство холста для казны было получено 1.098 руб., за тканье по частнымъ заказамъ 610 руб. 74 коп. Начальникъ тюрьмы сѣтуетъ на недостаточный составъ арестантовъ, мѣшающій вести работы въ томъ размѣрѣ, какъ позволяютъ и устройство мастерской, и количество заказовъ. Въ 1894 году среднесуточный составъ равнялся 149 чел., а въ 1895 году всего 80 чел. обоего пола. Но тѣмъ не менѣе и въ 1894 году за производство холста для казны было получено 506 руб. 23 коп. и частныхъ лицъ 1.763 руб. 14 коп. По смѣтѣ опредѣлено на содержаніе веркмейстеровъ и писарей въ Сѣрадзской тюрьмѣ 320 руб. въ годъ и другіе расходы по эксплоатаціи фабрики 80 руб. На покупку матеріаловъ по смѣтѣ (на 1895 г.) было опредѣлено 800 руб., но на какую сумму въ дѣйствительности куплено, мнѣ неизвѣстно.

Въ Хенцинской тюрьмѣ, Кѣлецкой губерніи, при среднесуточномъ составѣ въ 310 чел. (по смѣтѣ) въ 1894 году было занято работами на суконной фабрикѣ, основанной въ 1889 году, $63^{3}/_{5}$ чел.; инструменты и всѣ станки ручные. Работы происходятъ подъ руководствомъ веркмейстера, который получаетъ 500 рублей въ годъ жалованья. Пряжу для тканья частью получали изъ Кѣлецкой тюрьмы, частью сами пряли. Всего въ 1894 году выдѣлали 4.228 аршинъ одѣялъ и 6.997 аршинъ сѣраго сукна, а всего 11.225 аршинъ, на сумму 12.070 руб. 60 коп., считая аршинъ одѣялъ по 1 руб. 20 коп. и аршинъ сукна по 1 руб. Изъ числа 11.225 аршинъ было распредѣлено въ томъ же 1894 году 9.024 аршина на потребности тюремъ, какъ Хенцинской, такъ и Ломжинской, Кѣлецкаго исправительнаго отдѣленія, Кѣлецкой губернской тюрьмы, Варшавской и Петроковской; арестанты получили платы 315 руб. 36 коп.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ тюрьмахъ, въ которыхъ заведены фабрики, производятся и другія работы, такъ какъ фабрики поглощаютъ только часть рабочихъ силъ, причемъ, какъ кажется, для работъ на фабрикѣ избираются преимущественно лица, осужденныя на болѣе долгіе сроки, но въ виду того, что населеніе Царства Польскаго весьма много занимается фабричными работами и въ особенности по пряжѣ и тканью, то случается, что на фабрикѣ работаютъ по собственному желанію и подслѣдственные арестанты. Понятіе фабрики при ближайшемъ изслѣдованіи сводится къ болѣе простому понятію мастерской, въ которой имѣются необходимые инструменты самаго при томъ простаго устройства, и въ которой арестанты работаютъ подъ руководствомъ мастера, получаю-

щаго иногда вполнѣ ничтожное вознагражденіе, какъ въ Люблинской тюрьмѣ, напримѣръ, гдѣ ему опредѣлено всего 120 руб. При такихъ условіяхъ заведеніе «фабрикъ» въ тюрьмахъ не можетъ устрашать своими расходами, которые не могутъ быть велики; не представляетъ это заведеніе какихъ либо особыхъ трудностей ни въ смыслѣ устройства помѣщенія, ни въ смыслѣ организаціи надзора за работами. А между тѣмъ, нельзя отрицать, результаты прекрасные—значительное число арестантовъ занято работами, трудъ ихъ примѣненъ на удовлетвореніе потребностей тюрьмы и, слѣдовательно, устранена возможность прямой конкуренціи вольному труду, и расходы казны на содержаніе арестантовъ несомнѣнно уменьшены. Какъ я уже сказалъ выше, не только примѣры отдѣльныхъ русскихъ тюремъ доказываютъ, что можно и въ нашихъ тюрьмахъ заводить арестантскія работы съ успѣхомъ и выгодой, но, что гораздо важнѣе, общія условія нашей русской жизни, степень экономическаго и промысловаго развитія Россіи и т. д. представляются гораздо болѣе благопріятными, чѣмъ въ Западной Европѣ для развитія арестантскихъ работъ.

Дѣйствительно, если остановиться прежде всего на такъ называемыхъ наружныхъ работахъ по найму частныхъ лицъ и вспомнить сказанное выше, то окажется, что самая возможность большей части этихъ работъ ясно доказываетъ, въ какой мѣрѣ разнятся взгляды нашего общества на преступника отъ взглядовъ европейскаго общества: у насъ въ отношеніи преступника гораздо меньше недовѣрія, гораздо больше сожалѣнія, («несчастненькіе») и, какъ результатъ, преступники менѣе отчуждены, менѣе порвана связь между ними и обществомъ, легче арестантамъ найти занятіе. Внѣшнія работы представляютъ, какъ мы видѣли, существенную часть занятій нашихъ арестантовъ. Несомнѣнно желательно и даже необходимо регулировать, упорядочить эти работы, избѣгать по возможности (и такія работы лучше полнаго бездѣлья) посылки арестантовъ въ одиночку на работы, ибо такія работы отнимаютъ много времени у надзора, принося, разумѣется, слишкомъ мало вознагражденія, а главное—совершенно прерываютъ на время вліяніе тюремнаго строя. Желательно, чтобы столь распространенныя полевыя работы у частныхъ лицъ производились арестантами поотрядно, безъ смѣшенія съ вольными рабочими; желательно разумѣется, порученіе арестантамъ возведенія какой либо отдѣльной постройки цѣликомъ, безъ участія вольныхъ рабочихъ; если бы при тюрьмѣ имѣлся мастеръ-плотникъ и мастеръ-каменщикъ, я не сомнѣваюсь, что всѣ частныя постройки въ уѣздномъ городѣ производились бы трудомъ арестантовъ; нельзя, однако, не имѣть въ виду, что при такомъ условіи возможны были бы нареканія на конкуренцію вольному труду. Но вѣдь

есть и другія работы близкія этимъ, которыя не вызывали нареканій. Интересенъ [1]) примѣръ Духовщинской тюрьмы (смоленской губ.): когда пожаръ истребилъ селенье Замостье, земскій начальникъ пригласилъ мастеровъ и хотѣлъ трудомъ самихъ крестьянъ возвести взамѣнъ сгорѣвшихъ глинобитныя постройки, но крестьяне, не довѣряя новому дѣлу, отказались строить; тогда были приглашены арестанты, и ихъ трудомъ былъ возведенъ цѣлый рядъ построекъ. Такое (въ данномъ случаѣ нѣсколько насильственное) распространеніе «культуры» несомнѣнно желательно, и легко себѣ представить случаи, когда въ тюрьмѣ среди арестантовъ будетъ сохраняться преемственно умѣнье возводить саманныя и другія огнеупорныя постройки, и сами заинтересованныя лица добровольно будутъ обращаться къ помощи арестантовъ; здѣсь не будетъ вредной конкуренціи, здѣсь будетъ, наоборотъ, распространеніе полезнаго дѣла и полезныхъ знаній. Весьма прибыльнымъ, опять-таки благодаря уровню культурнаго развитія Россіи, и поэтому полезнымъ дѣломъ является заведеніе кирпичныхъ заводовъ; распространеніе каменныхъ построекъ представляется несомнѣнно могущественнымъ средствомъ улучшенія быта русскаго народа; поле еще очень широкое, и далеко еще до опасеній за вредную для вольнаго труда конкуренцію. Представляется надобность въ открытіи не трехъ-четырехъ тюремныхъ кирпичныхъ заводовъ въ годъ на всю Россію, какъ это дѣлается нынѣ, а, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ десятковъ ежегодно.

И внутреннія работы по заказамъ частныхъ лицъ, опять-таки благодаря уровню экономическаго, промыслово-культурнаго развитія Россіи, могли бы получить широкое развитіе и пріобрѣсти еще при этомъ характеръ общеполезныхъ работъ.

Какимъ проводникомъ культуры и всевозможныхъ улучшеній могли бы явиться не только арестантскія отдѣленія, но и губернскія тюрьмы съ ихъ крупнымъ населеніемъ, гораздо рѣже мѣняющимъ свой составъ, чѣмъ населеніе уѣздныхъ тюремъ! Вспомнимъ только объ изготовленіи сельскохозяйственныхъ орудій; разумѣется, работы должны производиться подъ руководствомъ мастеровъ, долженъ быть извѣстный планъ работъ, составленный на основаніи указаній авторитетовъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, но во всякомъ случаѣ дѣло могло бы получить широкое развитіе, занять много рукъ и не вызвать въ то же время упрековъ въ конкуренціи вольному труду.

Есть много общеполезныхъ предметовъ, которые ввозятся изъ-за гра-

---

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1894 г., № 8.

ницы и изготовленіе которыхъ въ тюрьмахъ не составило бы конкуренціи. Въ видѣ иллюстраціи я позволю себѣ припомнить разсказъ одного русскаго коммерсанта, который удостовѣрялъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что всѣ безъ исключенія ламповыя горѣлки производятся заграницей спеціально въ Берлинѣ, гдѣ на нѣкоторыхъ улицахъ всѣ подвалы заняты отдѣльными небольшими мастерскими, изготовляющими горѣлки; такимъ заграничнымъ изготовленіемъ объясняется, между прочимъ, полное несоотвѣтствіе горѣлокъ особенностямъ нашего русскаго керосина.

Трудно повѣрить, но до самаго недавняго времени всѣ деревянныя катушки для нитокъ ввозились изъ-за границы, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ была устроена фабрика катушекъ на Нарвѣ; вѣроятно и въ настоящее время ввозъ катушекъ изъ-за границы еще не вполнѣ замѣненъ національнымъ производствомъ.

Я назвалъ горѣлки и катушки для примѣра, но думаю, что сравнительно съ западно-европейской слабое развитіе нашей промышленности несомнѣнно представляетъ благопріятное условіе для развитія арестантскаго труда, и что по указаніямъ спеціалистовъ можно было бы найти еще много ввозимыхъ теперь изъ-за границы предметовъ, изготовленіе которыхъ могло бы производиться въ нашихъ тюрьмахъ.

Кромѣ того, я считаю само собою понятнымъ, что лица, знавшія и занимавшіяся какимъ-нибудь ремесломъ до поступленія въ тюрьму, могутъ продолжать это занятіе и въ стѣнахъ тюрьмы; ни о какой конкуренціи, подлежащей стѣсненію, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Я не опредѣляю точнѣе ремесла, будь это портняжное, сапожное, столярное и т. д., или тѣ общераспространенныя, извѣстныя почти каждому крестьянину занятія по плетенію, вязанью и т. д., подробно описанныя выше.

Наконецъ, будутъ всегда такіе предметы, въ которыхъ встрѣчается надобность на мѣстѣ и которые тѣмъ не менѣе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вольнымъ трудомъ не производятся, а потому безъ опасенія создать конкуренцію могутъ производиться арестантскимъ трудомъ. Въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи, опять-таки благодаря уровню промысловаго развитія, можетъ быть большое разнообразіе; такъ, напримѣръ, начальникъ Архангельскаго исправительнаго отдѣленія указываетъ, что въ Кемскомъ и Кольскомъ уѣздахъ Архангельской губ. баснословно дорога деревянная посуда, почему очень желательно было бы развить бондарное ремесло, произведенія котораго найдутъ обезпеченный сбытъ.

Но не въ работахъ по заказамъ и найму частныхъ лицъ можно искать основу для организаціи арестантскаго труда въ русскихъ тюрьмахъ.

Есть другое широкое, можно сказать, необозримое поле для примѣненія

арестантскаго труда, и въ этомъ отношеніи опять-таки условія для русскихъ тюремъ благопріятнѣе, чѣмъ за границей. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ государствѣ государственная администрація получила болѣе широкое развитіе, чѣмъ въ Россіи, въ какой странѣ войско представляетъ болѣе крупный организмъ? Несомнѣнно, что войско и администрація въ ея различныхъ отрасляхъ являются одними изъ самыхъ крупныхъ, если не самыми крупными заказчиками въ Россіи, а между тѣмъ ближайшее ознакомленіе съ работами въ русскихъ тюрьмахъ указываетъ, что именно эти крупные заказчики совершенно минуютъ тюрьмы своими заказами. Въ исторіи дѣятельности главнаго тюремнаго управленія я не вижу указаній на то, чтобы дѣлались какія либо попытки къ привлеченію этихъ заказчиковъ.

Привлеченіе арестантовъ къ участію въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги есть мѣра чрезвычайная, а участіе арестантовъ въ работахъ по возведенію двухъ-трехъ казармъ, разумѣется, не опровергаетъ общаго положенія. А между тѣмъ, едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что примѣненіе арестантскаго труда къ работамъ общественнымъ, на пользу государства, есть самое естественное, самое неоспоримое, вѣдь тюрьмы смѣло могли бы быть названы мастерскими, содержимыми на государственный счетъ; а если только стать на эту точку зрѣнія, то тогда, само собою, даже при полномъ устраненіи вопроса о пенитенціарномъ значеніи арестантскихъ работъ, станетъ ясно, слѣдуетъ ли государству и его представительницѣ—администраціи—давать заказы на работы арестантамъ, или же слѣдуетъ, содержа громадныя арестантскія мастерскія, оставлять ихъ безъ дѣла и для выполненія казенныхъ заказовъ содержать еще другія мастерскія? Я думаю, что едва ли кто-либо рѣшится открыто склониться въ пользу второго предложенія.

Есть и еще одна сторона вопроса, имѣющая существенное значеніе. Мало того, что не экономно содержать мастерскія безъ дѣла и въ то же время для исполненія дѣла держать другія мастерскія, но еще не экономнѣе отказываться отъ тѣхъ громадныхъ сбереженій, которыя даетъ арестантскій трудъ казнѣ. Вспомнимъ приведенный выше фактъ, что только на изготовленномъ въ теченіе 1892 года въ одномъ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи холстѣ (115 тысячъ аршинъ) казна сдѣлала сбереженія 5.227 р. 51 к.; что далѣе на одномъ пошитьѣ въ С.-Петербургскомъ исправительномъ отдѣленіи въ теченіе 7 лѣтъ одежды, бѣлья и обуви для нуждъ только самого отдѣленія, среднесуточный составъ котораго составлялъ около 400 человѣкъ, казна сдѣлала сбереженій 18.016 р. 76 к. Эти цифры говорятъ сами за себя. Есть ли какая либо законная

возможность отказываться отъ такихъ выгодъ? Но вѣдь такія выгоды даютъ всякія арестантскія работы, и наружныя и внутреннія.

Мысль о примѣненіи арестантскаго труда спеціально къ заказамъ военнаго вѣдомства и администраціи не чужда и намъ, если не въ самой Россіи, то въ окраинной, но неразрывной составной части ея—Финляндіи: «въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ или въ такъ называемыхъ смирительныхъ домахъ въ Або, Вильманстрандѣ и Выборгѣ исполняются крупные казенные заказы, въ особенности для финскаго войска, или изъ казенныхъ матеріаловъ, или изъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ тюремною администраціею. Весьма распространено столярное мастерство, затѣмъ сапожное, портняжное, кузнечное» [1]). Если, въ виду существованія военныхъ полковыхъ шваленъ, шитье бѣлья и одежды, и безъ того производящееся хозяйственнымъ путемъ, не можетъ быть ввѣрено арестантамъ, то производство холста, грубаго сукна солдатскаго, шитье обуви, могли бы быть поручаемы тюрьмамъ, такъ какъ всѣ эти предметы, если не ошибаюсь (за нѣкоторымъ исключеніемъ, въ военномъ вѣдомствѣ есть двѣ-три своихъ фабрики), поставляются частными заказчиками. Неужели же не выгоднѣе будетъ общей государственной кассѣ, государственному кошельку, содержащему всѣ вѣдомства, въ томъ числѣ и военное, и тюремное, если предметы, необходимые военному вѣдомству, будутъ изготовляться въ казенныхъ мастерскихъ, которыя будутъ преслѣдовать государственные общіе интересы, интересы военнаго вѣдомства, а не личные, частные. Я думаю, что при извѣстной организаціи можетъ быть достигнуто не только громадное, даже колоссальное, сбереженіе государственныхъ средствъ, но и болѣе полное удовлетвореніе всѣхъ самомалѣйшихъ требованій военнаго вѣдомства. Едва ли весь заказъ военнаго вѣдомства цѣликомъ по поставкѣ холста, солдатскаго сукна и т. д. могъ бы быть исполненъ тюрьмами; и извѣстной части этого заказа будетъ достаточно, чтобы съ избыткомъ занять руки всѣхъ арестантовъ исправительныхъ отдѣленій и большей части губернскихъ тюремъ. Все это, разумѣется, былъ бы вопросъ соглашенія и если бы отъ военнаго вѣдомства можно было получить только часть заказа и оставались бы свободныя руки, то несомнѣнно можно было бы претендовать на заказы отъ другихъ отраслей администраціи, хотя бы, напримѣръ, въ подражаніе англійскимъ тюрьмамъ, на заказы почтовыхъ сумокъ отъ почтоваго вѣдомства, коекъ отъ морского и т. д. Это вопросъ

---

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1893 г., № 7. Въ видѣ исключенія я могу указать на заказы военнаго вѣдомства въ Петербургскомъ и Архангельскомъ исправительныхъ отдѣленіяхъ (въ первомъ на желѣзныя кровати).

соглашенія. Но повторяю, администрація такъ развита въ Россіи, что несомнѣнно представляетъ гораздо болѣе крупнаго заказчика, чѣмъ администраціи западно-европейскія, и пойти по этому пути соглашеній, несомнѣнно, вполнѣ желательно.

Необходимо далѣе, чтобы арестанты преимущественно уѣздныхъ и губернскихъ тюремъ имѣлись въ виду при всевозможныхъ общественныхъ сооруженіяхъ, какъ та готовая рабочая сила, къ которой слѣдуетъ обратить прежде всякаго подрядчика. Стоитъ только при этомъ вспомнить, какой чувствуется у насъ недостатокъ въ общественныхъ зданіяхъ; въ видѣ примѣра можно указать хотя бы на отсутствіе въ уѣздѣ особаго зданія для отправленія правосудія, вслѣдствіе чего фактически и уѣздные съѣзды, и сессіи окружныхъ судовъ засѣдаютъ въ наемныхъ, совершенно неподходящихъ помѣщеніяхъ, камеры слѣдователей и мировыхъ судей разбросаны по городу и устроены въ еще менѣе годныхъ для этого помѣщеніяхъ. Есть много общественныхъ зданій, которыя возводятся и нынѣ, въ томъ числѣ главнымъ образомъ военнымъ вѣдомствомъ; при такихъ сооруженіяхъ имѣется всегда часть земляныхъ несложныхъ работъ, которыя всецѣло могли бы быть поручены отряду арестантовъ, и относительно такого занятія арестантовъ желательно войти въ общее соглашеніе съ военнымъ и другими вѣдомствами.

Но прежде работъ по заказамъ частныхъ лицъ и даже по заказамъ различныхъ административныхъ вѣдомствъ, должны быть поставлены работы по удовлетворенію потребностей самой тюрьмы и тюремнаго вѣдомства. Надо, чтобы твердо и неуклонно былъ проведенъ принципъ, что все необходимое для тюрьмы производится исключительно трудомъ арестантовъ. Надо, чтобы не возводилась ни одна новая тюрьма и не перестраивалась ни одна старая иначе, какъ трудомъ арестантовъ; отъ этого принципа до сихъ поръ, какъ кажется, отступаютъ часто даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже существуютъ старыя тюрьмы, которыя безъ особыхъ затрудненій могутъ высылать арестантовъ на работы.

Далѣе слѣдуетъ установить, чтобы все необходимое для мѣстъ заключенія количество холста, сукна и т. д. производилось непремѣнно трудомъ арестантовъ и, само собою, чтобы все шилось тѣмъ же трудомъ. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы обувь для арестантовъ была больше согласована съ мѣстными обычаями и чтобы арестанты преимущественно уѣздныхъ тюремъ были заняты плетеніемъ лаптей для всѣхъ мѣстъ заключенія, а равно плетеніемъ матъ въ такомъ же размѣрѣ; несомнѣнно, что это дастъ довольно много занятій арестантамъ уѣздныхъ тюремъ (при уѣздныхъ тюрьмахъ, кромѣ того, воз-

можно и желательно и устройство кирпичныхъ заводовъ и различныхъ внѣшнихъ работъ, а изъ внутреннихъ—наименѣе сложныхъ).

Если тюрьма будетъ удовлетворять свои потребности исключительно трудомъ арестантовъ, если различныя административныя вѣдомства войдутъ въ постоянное соглашеніе съ тюремнымъ вѣдомствомъ объ исполненіи извѣстныхъ работъ трудомъ арестантовъ, то работы по частнымъ заказамъ будутъ являться лишь дополненіемъ, не всегда необходимымъ, а какъ общій результатъ получится, несомнѣнно, полное примѣненіе силъ всѣхъ подлежащихъ и годныхъ къ работѣ арестантовъ. Напрасно думать, что это только пожеланія, не имѣющія почвы въ дѣйствительной жизни, не отвѣчающія дѣйствительному положенію нашихъ тюремъ, что всѣ эти работы, занятія, все, однимъ словомъ, въ этомъ направленіи, надо создавать какъ бы съ самаго основанія; наоборотъ, описаніе существующихъ уже въ русскихъ тюрьмахъ работъ доказываетъ вполнѣ, что необходимо не создавать вновь, а лишь измѣнять направленіе, расширять существующее.

Но если все это дѣйствительно такъ, какъ я доказывалъ выше, если дѣйствительно примѣры отдѣльныхъ русскихъ тюремъ указываютъ, что правильная постановка работъ въ русскихъ тюрьмахъ возможна, если, далѣе, общія условія русской жизни, экономическаго и государственнаго строя Россіи являются даже гораздо болѣе благопріятными, чѣмъ западно-европейскія, для развитія арестантскихъ работъ, и какъ оказывается есть цѣлый рядъ работъ, которыя могутъ быть введены въ нашихъ тюрьмахъ и за которыми вполнѣ обезпеченъ хорошій сбытъ, если все это такъ, то почему же въ настоящее время постановка работъ въ этихъ тюрьмахъ въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи, и что можно и слѣдуетъ сдѣлать, чтобы выйти изъ этого положенія?

Почему, въ самомъ дѣлѣ, не было работъ? Потому, что прежде всего никто въ заведеніи этихъ работъ, повидимому, серьезно не былъ заинтересованъ. Не были заинтересованы въ этомъ большинство, если не всѣ, попечительные комитеты и отдѣленія, потому что они вообще мало интересовались порученнымъ имъ тюремнымъ дѣломъ и даже собственнымъ существованіемъ, которое большею частью было только на бумагѣ, причемъ отдѣленія никогда не собирались, а бумаги подписывались предводителями дворянства. Что же касается главнаго тюремнаго управленія, то оно проявляло свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ по этому попросу, а именно въ выработкѣ законопроектовъ о занятіи арестантовъ работами и объ обязательности работъ для извѣстныхъ категорій аретантовъ (законъ 6 января 1886 г., нынѣ ст. 344—371 Уст. сод. под. страж.) и объ образованіи особаго фонда на раз-

витіе арестантскихъ работъ (зак. 4 мая 1889 г.—ст. 364 Уст. сод. подъ страж.).

Такимъ образомъ, работы оставались на попеченіи только начальниковъ тюремъ. Я вовсе не того мнѣнія, что составъ начальниковъ тюремъ не соотвѣтствуетъ вовсе возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, но несомнѣнно, что они не подготовлены къ тому дѣлу, которое имъ ввѣренно: у насъ нѣтъ тѣхъ подготовительныхъ для начальниковъ тюремъ курсовъ, которые существуютъ въ Западной Европѣ. При такихъ условіяхъ, разумѣется, представляется особо важнымъ, чтобы начальникъ тюрьмы, который пожелалъ бы завести въ своей тюрьмѣ работы, имѣлъ хотя бы возможность ознакомиться съ тѣмъ, какія работы производятся въ другихъ тюрьмахъ; можетъ быть, было бы достаточно узнать о работахъ въ тюрьмахъ сосѣдней губерніи, но и это для него закрыто, ему неоткуда этого узнать, такъ какъ свѣдѣнія о тюремныхъ работахъ не только не систематизируются и не разрабатываются, но даже, я позволю себѣ сказать, почти не собираются. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ только отчеты начальниковъ тюремъ; какъ я уже упоминалъ выше, весьма многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, ограничиваются цифровыми данными о числѣ дней наружныхъ и внутреннихъ работъ; отчеты по главному тюремному управленію уже вовсе не содержали данныхъ о томъ, какія работы производились въ тюрьмахъ. При такомъ положеніи начальники тюремъ, интересующіеся дѣломъ постановки работъ, запрашиваютъ редакцію „Тюремнаго Вѣстника“, которая отвѣчаетъ имъ и сама, по мѣрѣ возможности, сообщаетъ отъ времени до времени хоть и отрывочныя свѣдѣнія о положеніи работъ въ той или другой тюрьмѣ. Разумѣется, это заслуга „Тюремнаго Вѣстника“, но все же этимъ путемъ нельзя удовлетворить вполнѣ потребности людей, ведущихъ арестантскія работы, знать,—какія и гдѣ въ русскихъ тюрьмахъ ведутся работы, знать по крайней мѣрѣ, къ кому обратиться за указаніями, если является предположеніе завести въ тюрьмѣ какую-либо работу. Для того, чтобы восполнить этотъ крупный пробѣлъ, необходимо выработать точную программу тѣхъ свѣдѣній, которыя должны доставляться ежегодно начальниками тюремъ, и затѣмъ всѣ эти свѣдѣнія по возможности цѣликомъ включать въ отчетъ главнаго тюремнаго управленія. Такіе отчеты будутъ настоящими руководителями начальниковъ тюремъ; только ознакомившись съ положеніемъ работъ въ другихъ тюрьмахъ, они будутъ имѣть возможность сознательно и съ пользой для дѣла представить главному тюремному управленію свои соображенія о томъ, какія въ завѣдуемыхъ ими тюрьмахъ возможно завести работы.

Съ другой стороны, только по полученіи всѣхъ этихъ свѣдѣній, воз-

можно будетъ, со знаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, выработать общій планъ работъ во всѣхъ тюрьмахъ, тотъ планъ, котораго въ настоящее время и въ поминѣ нѣтъ, хотя подобный планъ существуетъ уже давно въ Привислинскомъ краѣ.

Имѣя точныя, такъ сказать, топографическія свѣдѣнія, опредѣленно выработанный планъ заведенія и веденія работъ, можно будетъ приступить къ соглашеніямъ съ различными административными вѣдомствами о порученіи тюрьмамъ исполненія различныхъ заказовъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся со вторымъ крупнымъ недостаткомъ современнаго положенія работъ въ тюрьмахъ: во-первыхъ, не знаютъ, какъ и что дѣлать, а во-вторыхъ, не получаютъ ни отъ кого заказовъ, не умѣютъ получать ихъ и, скажу болѣе, въ сущности не могутъ получить. Необходимо одно общее соглашеніе и установленіе по крайней мѣрѣ основныхъ началъ, на которыхъ тюрьмамъ будутъ даваться заказы тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ; это вопросы крупные, принципіальные, которыхъ не могутъ разрѣшить мѣстные органы; эти послѣдніе могутъ устанавливать затѣмъ уже подробности соглашенія, по отдѣльнымъ работамъ. Получивъ крупные заказы, являясь однимъ представителемъ всѣхъ мѣстъ заключенія, тюремное управленіе, обладая точными свѣдѣніями о положеніи и возможности организаціи работъ въ каждой тюрьмѣ, будетъ имѣть возможность правильно распредѣлить исполненіе заказовъ между отдѣльными видами мѣстъ заключенія и даже между отдѣльными тюрьмами.

Когда полученіе заказовъ будетъ обезпечено, не будетъ, надо надѣяться, больше недостатка и въ капиталѣ на заведеніе и веденіе работъ. Недостатокъ капитала является третьимъ и самымъ существеннымъ недостаткомъ современнаго положенія арестантскихъ работъ. Мы видѣли на примѣрѣ Струнской и другихъ тюремъ, какъ при наличности капитала работы оживлялись и какъ затѣмъ, когда капитала нѣтъ, нѣтъ средствъ на покупку даже матеріала, работы совсѣмъ прекращаются.

Къ сожалѣнію, приходится встрѣчать неоднократно случаи, въ которыхъ отсутствіе «капитала» мѣшало возникновенію работъ. Иногда объ этомъ встрѣчаются указанія даже въ отчетахъ; такъ, отчетъ Бакинской губернской тюрьмы свидѣтельствуетъ, что нужно было всего 400 рублей на развитіе работъ, но и ихъ получить было нельзя. Начальникъ Архангельскаго исправительнаго отдѣленія указываетъ въ отчетѣ, что для успѣшнаго веденія работъ въ отдѣленіи (на крупную ногу) надо нанять мастеровъ, необходимо заготовить матеріалы и не покупать ихъ по мелочамъ, причемъ получается все дурнаго качества. Въ большинствѣ, если не во всѣхъ тюрьмахъ, которыя мнѣ приходилось близко осматривать, я

встрѣчалъ то же явленіе: произведенія арестантскаго труда имѣютъ крупные недостатки, объясняющіеся не неумѣлой обработкой или недостаточно тщательной работой, а именно плохими качествами матеріала, употребленнаго на обработку; такъ, дерево большею частью не просушено, такъ какъ для просушки надо закупить партію матеріала и дать ей извѣстное время посохнуть, а средствъ на это нѣтъ, требуется сейчасъ же продавать—и это въ государственномъ учрежденіи!

Съ другой стороны, всѣ заготовки въ большомъ размѣрѣ получаются и лучше качествомъ, и дешевле. Но средствъ нѣтъ, нѣтъ того оборотнаго капитала, безъ котораго введеніе какихъ бы то ни было работъ невозможно.

Этого оборотнаго капитала въ большинствѣ тюремъ никогда и не было, а въ тѣхъ, въ которыхъ онъ имѣлся, онъ отобранъ отъ мѣстныхъ попечительныхъ комитетовъ и отдѣленій и поглощенъ фондомъ на устройство и развитіе арестантскихъ работъ, состоящимъ въ непосредственномъ завѣдываніи главнаго тюремнаго управленія. Фондъ этотъ былъ образованъ въ силу закона 4 мая 1889 г. (нынѣ ст. 364 и прим. уст. сод. подг. страж.) изъ остатковъ отъ суммъ, поступившихъ и поступающихъ отъ арестантскихъ работъ въ пользу тюрьмы (т. е. около $^3/_{10}$ и болѣе чистаго дохода); изъ этихъ суммъ, въ силу ст. 363 уст. сод. подъ страж., вознаграждаются арестанты, исполняющіе хозяйственныя работы,—но фактически, какъ мы видѣли выше, эти работы не оплачиваются—и производится ремонтъ инструментовъ и «мелкіе» расходы по тюремнымъ работамъ; въ дѣйствительности эти расходы не производились и деньги эти служили обыкновеннымъ оборотнымъ капиталомъ, на который закупались всѣ необходимые матеріалы: дерево, клей, лакъ и т. д. и т. д., не исключая и дровъ для отопленія кирпичнаго завода. Всѣ эти деньги были взяты у мѣстныхъ учрежденій, и такимъ образомъ въ корень подкошена энергія тѣхъ очень немногихъ комитетовъ и отдѣленій изъ общаго числа этихъ учрежденій, которые проявляли нѣкоторый интересъ къ дѣлу и благодаря этому успѣли скопить небольшія средства для веденія работъ. Циркуляры 23 іюня и 25 іюля 1889 г., № 14 и 16, разъясняя законъ 4 мая, еще болѣе ухудшили положеніе. Я помню живо, какъ довольно энергическому эстляндскому губернскому комитету пришлось дѣлать нѣсколько представленій объ ассигнованіи денегъ на клей, на лакъ и т. под. мелочи, и требовалось точно указать, сколько именно того и другого предполагается истратить и на что именно въ будущій смѣтный годъ; для такихъ представленій установлены притомъ же короткіе сроки. И въ сущности, какіе же результаты получились? Если отобранныя суммы могли имѣть значеніе въ смыслѣ маленькихъ оборотныхъ капиталиковъ, то въ смыслѣ капитала

на устройство мастерскихъ и на устройство и заведеніе работъ для всей Россіи они составили жалкую сумму.

Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя:

		Рубли.	Коп.
къ 1 января 1891 г.	состояло въ фондѣ . .	82.875	20
» »	поступило » . .	83.903	53
		166.778	73
къ 1 января 1892 г.	состояло » . .	48.742	31
» »	поступило » . .	81.842	42
		130.584	73
къ 1 января 1893 г.	состояло » . .	9.669	91½
» »	поступило » . .	112.365	1½
		122.034	93
къ 1 января 1894 г.	состояло » . .	56.633	54
» »	поступило » . .	157.630	40
		214.263	94

Приведенныя данныя указываютъ на колебаніе въ состояніи капитала и на послѣдовательное паденіе поступленія до 1894 года, когда оно значительно увеличилось; какъ будетъ дальше—неизвѣстно [1]). Вотъ смѣта расходовъ, произведенныхъ въ 1894 г. изъ этого фонда: устройство мастерскихъ при тюрьмахъ и исправительныхъ отдѣленіяхъ—42.460 руб. 24 коп., ассигновано губернскимъ начальствомъ въ ссуду на веденіе и устройство работы 45.101 руб. 77 коп., покупка и ремонтъ рабочаго инструмента 18.234 руб. 28 к., устройство кирпичныхъ заводовъ, постройка при нихъ флигелей и прочее 6.615 руб. [2]). Остановимся хоть на послѣдней цифрѣ: на эту сумму, какъ мы видѣли выше, можно устроить три кирпичныхъ завода, если же въ дѣйствительности можно и желательно устроить нѣсколько сотенъ такихъ заводовъ, то понятно, когда при та-

[1]) По даннымъ отчета по главному тюремному управленію за 1904 г. (Петербургъ, 1906 г., стр. 184) капиталъ составляетъ уже сумму въ 840.466 руб. 61 коп., но собственно на устройство тюремныхъ работъ и «другія» (?) тюремныя потребности было отпущено 316.639 руб. 55 коп.

[2]) Въ то же время на содержаніе с.-петербургской типографіи показано 5.008 р. 10 к., а въ отдѣлѣ о доходѣ отъ работъ въ с.-петербургскихъ тюрьмахъ показано (отчетъ за 1894 г., стр. 152): типографскія работы—1.091 р. 65 к. Мнѣ кажется, что недоразумѣнія тутъ нѣтъ.

кихъ «ассигновкахъ» желаемое будетъ достигнуто, и такъ все; дѣйствительно, не надо при всѣхъ этихъ вычисленіяхъ забывать, что у насъ имѣется 870 мѣстъ заключенія и 100.000-ое среднесуточное населеніе; а вѣдь даже маленькая Италія ассигновала около 2.000.000 фр. на развитіе арестантскихъ работъ (сообщено на С.-Петербургскомъ конгрессѣ).

Итакъ, общее заключеніе—средствъ на заведеніе и поддержаніе работъ пока нѣтъ, и это одна изъ главныхъ причинъ современнаго крайне неудовлетворительнаго положенія арестантскихъ работъ. Но несомнѣнно, что съ измѣненіемъ условій производства работъ устранятся всякія препятствія къ полученію необходимаго капитала въ ссуду, при правильной организаціи работъ, основанной на точныхъ свѣдѣніяхъ о положеніи работъ въ отдѣльныхъ тюрьмахъ, и при предварительномъ (путемъ соглашеній съ административнымъ вѣдомствомъ) еще до производства работъ обезпеченіи сбыта произведеній арестантскаго труда, не будетъ болѣе возникать какихъ либо сомнѣній въ доходности арестантскихъ работъ, а слѣдовательно, и въ томъ, что расходы на заведеніе и производство работъ окупятся. Тюремныя мастерскія станутъ тѣмъ, чѣмъ они и должны быть по самой природѣ своей — государственными мастерскими, преслѣдующими цѣли сбереженія государственныхъ средствъ путемъ какъ болѣе дешеваго изготовленія предметовъ, необходимыхъ отдѣльнымъ административнымъ вѣдомствамъ, такъ и сокращенія государственныхъ расходовъ на содержаніе тюремъ. На такое истинно-государственное общеполезное дѣло найдутся всегда капиталы, а при новыхъ условіяхъ работъ возможность возвращенія ссуды вполнѣ обезпечена.

Я полагаю, что не придется болѣе тюрьмамъ производить издѣлій изъ невысушеннаго матеріала, лишь бы получить плату за издѣліе и возвратить поскорѣе долгъ за матеріалъ, данный въ ссуду: это положеніе бѣднаго ремесленника, въ которомъ находились несомнѣнно по недоразумѣнію наши тюрьмы, будетъ скоро забыто.

Но не на одномъ качествѣ обдѣлываемыхъ матеріаловъ будутъ достигнуты улучшенія: самый строй, организація веденія работъ измѣнится, изъ нищаго ремесленника тюрьма сдѣлается ремесленникомъ, работающимъ въ хорошей мастерской, хорошими инструментами, по хорошимъ рисункамъ, явится возможность, слѣдуя примѣру хотя бы тюремныхъ фабрикъ привислинскаго края, примѣру, какъ мы видѣли, далеко не дорогому и не убыточному, вести работы подъ руководствомъ наемныхъ мастеровъ. Быть можетъ, даже получится возможность устройства и содержанія подготовительныхъ курсовъ для начальниковъ тюремъ, привлеченія на эти

должности людей съ большимъ образованіемъ и даже спеціально-техническимъ.

Задачи веденія тюремныхъ работъ при новой постановкѣ ихъ станутъ, несомнѣнно, легче, работы эти потеряютъ столь несвойственный имъ характеръ частныхъ предпріятій, для которыхъ требуется особая иниціатива, составленіе «конъюнктуръ». Все будетъ идти по строго выработанному, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ и по указаніямъ спеціалистовъ, плану; желательно было бы, чтобы въ распоряженіи главнаго тюремнаго управленія имѣлись техники-спеціалисты, чрезъ посредство которыхъ оно могло бы руководить и давать разъясненія по технической сторонѣ работъ. Что касается до мѣстныхъ органовъ, которые будутъ вести работы, то задачи ихъ значительно упростятся при существованіи строго разработаннаго плана веденія дѣла. Несомнѣнно, что тюремный инспекторъ найдетъ существенное содѣйствіе какъ въ представителяхъ общества, такъ и, въ особенности относительно наименѣе доступныхъ его ближайшему руководству уѣздныхъ тюремъ, въ товарищахъ прокурора, завѣдующихъ уѣздными участками. Я останавливаюсь именно на товарищѣ прокурора, какъ на лицѣ наиболѣе близкомъ, какъ изъ судебнаго, такъ и изъ другихъ вѣдомствъ, къ тюрьмѣ. Исполняя прямыя свои обязанности—наблюденіе за законностью и содержаніе исполненія приговора,—товарищъ прокурора, попутно, знакомится и съ составомъ арестантовъ и со всѣми условіями данной тюрьмы; съ другой стороны, при исполненіи всѣхъ другихъ своихъ разнообразныхъ обязанностей, товарищъ прокурора сталкивается со всѣми, если можно такъ выразиться, дѣйствующими въ уѣздномъ городѣ и уѣздѣ силами: здѣсь и отношенія съ представителями администраціи и общественнаго управленія, здѣсь и знакомство съ различными классами, въ лицѣ присяжныхъ, и со сторонами на съѣздѣ, и съ просителями, и потерпѣвшими всѣхъ классовъ: силою вещей товарищъ прокурора, знакомясь съ уѣздными условіями, въ томъ числѣ и экономическими, можетъ всегда направить начальника тюрьмы къ тому или другому лицу за надлежащими практическими указаніями. Нельзя при этомъ забывать то выдающееся положеніе уѣзднаго юрисконсульта, которое занимаетъ въ уѣздѣ товарищъ прокурора, благодаря которому, а равно и своимъ отношеніямъ, онъ можетъ всегда разсчитывать на содѣйствіе мѣстныхъ силъ всѣмъ благимъ начинаніямъ на почвѣ пенитенціарнаго дѣла.

Заканчивая настоящую работу, я позволю себѣ высказать, что ближайшее изученіе вопроса о постановкѣ занятій въ русскихъ тюрьмахъ привело

меня къ убѣжденію въ полной возможности широкаго и правильнаго развитія этихъ работъ, въ необходимости только расширенія и направленія существующаго, а не созданія заново. Между тѣмъ основной вопросъ всего тюремнаго дѣла есть именно вопросъ о постановкѣ арестантскихъ работъ; только при правильной постановкѣ арестантскихъ работъ возможно достиженіе законной естественной пенитенціарной цѣли борьбы съ распространеніемъ, съ развитіемъ, благодаря тюремному строю, преступности въ странѣ; только при существованіи работъ, тюрьмы потеряютъ свою нынѣшнюю репутацію разсадниковъ порока и возможно будетъ, невозможное нынѣ, осуществленіе цѣлей патронатства—пріемъ обществомъ обратно въ свою среду отбывшаго наказаніе преступника.

О развитіи и правильной постановкѣ, патроната въ Россіи [1]).

«Le patronage est l'ame du régime pénitentiaire» сказалъ еще въ 1842 г. баронъ Лагранжъ во французской палатѣ пэровъ [2]). Собравшійся вскорѣ послѣ этого, въ 1846 году (20 сентября), международный тюремный конгрессъ во Франкфуртѣ на Майнѣ призналъ, что «организація попеченія надъ освобождаемыми изъ тюремъ арестантами составляетъ необходимое дополненіе всякой тюремной реформы» [3]). Такой взглядъ на патронатство съ теченіемъ времени все болѣе укрѣплялся въ европейскомъ обществѣ. На Лондонскомъ тюремномъ конгрессѣ 1872 г. представители Сѣверо-Американскихъ Штатовъ заявили, что никакія, самыя усовершенствованныя, тюрьмы не помогутъ дѣлу борьбы съ преступностью, если не будетъ организовано патронатство, и исправленный можетъ быть совершенно въ нравственномъ отношеніи виновникъ искупленнаго наказаніемъ преступленія при выходѣ изъ тюрьмы будетъ встрѣчать не поддержку, а враждебное и недовѣрчивое отношеніе, лишающее его возможности найти честный заработокъ.

---

[1]) Докладъ III съѣзду русской группы международнаго союза криминалистовъ въ Москвѣ въ 1901 г. (Бюллетень № 11). Большинство членовъ союза сочувствовало мысли доклада о необходимости образованія главнаго общества патроната, но къ сожалѣнію была пущена на баллотировку предварительно поправка, предлагавшая вмѣсто самостоятельнаго общества какой то комитетъ при комитетѣ русской группы. Комитетъ этотъ разумѣется остался на бумагѣ Идея общества какъ инициатора, источника пропаганды была заглушена и результаты на лицо, и нынѣ всего 23 общества патроната Да и то если считать столичные мужской и женскій комитеты отдѣльно и считать не существующее общество въ Перми.

[2]) Albert Contant. Les sociétés de patronage. Paris. 1898, стр. 35.

[3]) A. Fuchs Die Gefangenen-Schutzthatigkeit und die Verbrechens—Prophylaxe 1898, стр. 2.

Сознаніе въ безусловной необходимости патроната для успѣшной борьбы съ преступностью въ странѣ со времени образованія первыхъ обществъ патроната (Филадельфія 1776, Данія 1797, Англія 1816, Франція 1819, Германія 1826) вызвало со стороны европейскаго общества въ высшей степени плодотворную дѣятельность. Правительства съ своей стороны, признавая безусловно желательнымъ такое участіе общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, не только не препятствовали дѣятельности общества на этомъ поприщѣ, не пытались заключить ее въ бюрократическія рамки, ни тѣмъ болѣе въ той или другой формѣ заглушить ее или передать дѣло патроната въ руки администраціи, но дали этой дѣятельности полную возможность свободно и широко развиться, устраняя всѣ препятствія, поощряя таковую и помогая обществу значительными денежными субсидіями. Результаты оказались блестящими. Въ большинствѣ европейскихъ государствъ въ настоящее время имѣются уже общества патроната при каждой тюрьмѣ. Для того, чтобы ясно представить себѣ развитіе сѣти патронатствъ въ европейскихъ государствахъ, интересно остановиться на слѣдующихъ цифрахъ [1]): въ Баденѣ 60 обществъ патронатства мѣстныхъ и центральный союзъ, въ Баваріи 144 такихъ обществъ (все въ разныхъ мѣстахъ), въ Пруссіи 231, не считая провинціальныхъ и центральнаго и т. д.

Остановимся ближе на Англіи. Уже въ 1887 г., какъ говоритъ Rev. G. P. Merrick въ своемъ общемъ докладѣ тюремнымъ инспекторамъ (Her Majesty's Commissioners of Prisons) о дѣятельности обществъ патроната [2]), при каждой англійской тюрьмѣ было особое общество патроната. Въ общемъ, какъ свидѣтельствуетъ послѣдній отчетъ тюремныхъ инспекторовъ мѣстныхъ и каторжныхъ тюремъ (for the Jear ended 31. March 1899 стр. 86), обществъ патроната существуетъ около 112, которыя посвящаютъ свою дѣятельность выпущеннымъ изъ мѣстныхъ и каторжныхъ тюремъ, и около 10, посвящающихъ свою дѣятельность спеціально каторжнымъ тюрьмамъ. Со времени однако циркуляра главныхъ тюремныхъ инспекторовъ 12 октября 1897 г. было принято за правило, чтобы при каждой тюрьмѣ было одно общество патронатства во главѣ, а остальныя только помогали, не конкурируя другъ съ другомъ. Такихъ признанныхъ обществъ, получившихъ «certificate» 55 (Report Commiss. of Pris). 1899 стр. 43). Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой цифры,

---

[1]) Fuchs. наз. соч. стр. 263 и сл.

[2]) Rev. G. P. Merrick. Report to Her Majesty's Commissioners of Prisons on the Operations of Discharged Prisoners Aid Societies 1896. стр. 5

надо имѣть въ виду, что въ Англіи всего 56 мѣстныхъ тюремъ (local prisons и 5 каторжныхъ (convict prisons).

И вотъ эти 55 обществъ въ теченіе 1898 г., какъ свидѣтельствуетъ указанный отчетъ, помогли 32038 лицамъ; въ это число вошли возвращенные на прежнее мѣсто работы (1747), помѣщенные на новое мѣсто работы (2720), переданные друзьямъ (2060), отосланные на корабли и за границу (298), помѣщенные въ особые дома трудолюбія (labour homes) или въ особые пріюты патронатовъ (967); далѣе слѣдуетъ доставленіе освобождаемымъ квартиры, одежды, инструментовъ, пищи и т. д.

36 обществъ доставили свѣдѣнія о судьбѣ надзираемыхъ ими освобожденныхъ, причемъ число лицъ, которыя вели себя дурно, или были вновь арестованы, сравнительно невелико. Есть яркіе примѣры благотворнаго дѣйствія патроната по подготовленію арестанта передъ выходомъ и попеченію надъ вышедшими. Такъ, 17 января 1898 г. поступилъ подъ опеку патроната, выпущенный изъ тюрьмы по отбытіи наказанія за кражу дровъ (1 годъ тюремнаго заключенія съ тяжкою работою), преступникъ, за которымъ въ прошломъ числилось 5 осужденій, въ силу которыхъ онъ отбылъ почти 17 лѣтъ каторжныхъ работъ. Онъ былъ помѣщенъ обществомъ въ качествѣ разносчика въ магазинъ; въ теченіе года агентъ общества неоднократно его посѣщалъ, причемъ оказывалось, что патронируемый все повышается въ служебномъ положеніи, содержаніе его увеличивается и самъ онъ все болѣе крѣпнетъ въ намѣреніи не сходить съ честнаго пути. Жена его, которая до того всегда должна была зарабатывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ, переселилась къ нему и занимается только домашнимъ хозяйствомъ; къ концу года онъ прямо выразилъ агенту, что сознаетъ происшедшую въ немъ перемѣну и надѣется твердо остаться въ такомъ положеніи.

Не надо думать, что блестящіе результаты достигнуты англійскими патронатами благодаря особому обилію средствъ; весь бюджетъ годовой этихъ обществъ за послѣдній отчетный годъ (1898) составилъ всего около 175 тысячъ рублей. Изъ этого бюджета правительственная субсидія и различныя къ ней добавленія составили съ небольшимъ 46 тысячъ рублей; затѣмъ взносы и пожертвованія членовъ общества и другихъ жертвователей около 75 тысячъ, остальное: проценты съ капиталовъ и другіе источники дохода.

Изъ расхода особенно интересна статья на «agency», она составляетъ 36 тысячъ рублей съ небольшимъ. Агенты являются главнымъ орудіемъ, проводникомъ дѣятельности англійскихъ обществъ патроната (обычай, тоже значительно распространенный среди французскихъ обществъ, какъ

свидѣтельствуетъ Contant). Меррикъ, въ указанномъ выше отчетѣ, такъ опредѣляетъ обязанности агента: онъ знакомится съ арестантомъ въ тюрьмѣ или въ присутствіи начальника тюрьмы или наединѣ, выясняетъ его наклонности и намѣренія и т. д.; обо всемъ выясненномъ онъ докладываетъ почетному секретарю комитета (общества) и на основаніи выясненнаго разрѣшается вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли данный арестантъ помощи или нѣтъ; агентъ входитъ въ сношеніе съ друзьями арестанта и выясняетъ, какую помощь они могутъ оказать арестанту при выходѣ изъ тюрьмы, поддерживаетъ сношенія съ различными ремесленными и торговыми заведеніями и доноситъ секретарю комитета, какое можетъ быть свободное мѣсто предоставлено выпускаемому; покупаетъ для выпускаемаго инструменты, платье, пищу, встрѣчаетъ его при выходѣ изъ тюрьмы и провожаетъ до желѣзной дороги, гдѣ покупаетъ ему билетъ, или до новаго мѣста работы; посѣщаетъ его послѣ помѣщенія и доноситъ секретарю. Вся его дѣятельность проходитъ подъ руководствомъ и по инструкціи секретаря, который иногда провѣряетъ его, если признаетъ нужнымъ. Онъ получаетъ за свою дѣятельность вознагражденіе приблизительно около 2 рублей за каждый «случай», т. е. за каждаго арестанта, бывшаго на его попеченіи. Набираются агенты изъ агентовъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, изъ бывшихъ полицейскихъ и т. п.

Главнымъ лицомъ комитета или общества является его почетный секретарь, большею частью лицо свѣтское, но часто и настоятель мѣстной церкви; въ немъ вмѣстѣ съ начальникомъ тюрьмы, входящимъ тоже въ составъ комитета, сосредоточивается главнымъ образомъ вся исполнительная власть.

Интересно также остановиться на способахъ собиранія денежныхъ средствъ, на отчетности и условіяхъ полученія субсидій отъ правительства, а равно на отношеніяхъ патронатствъ между собою.

Частныя пожертвованія слагаются изъ пожертвованій visiting justices тѣхъ высшихъ судей, которые пріѣзжаютъ на сессіи съ присяжными засѣдателями изъ пожертвованій присяжныхъ засѣдателей, изъ пожертвованій, собираемыхъ этими разъѣзжающими судьями среди мѣстнаго населенія, когда какое либо патронатство находится въ затруднительномъ денежномъ положеніи; изъ пожертвованій лицъ, къ которымъ обращается въ церкви настоятель послѣдней съ просьбою помочь.

Полученіе субсидіи отъ правительства поставлено въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій, весьма, впрочемъ, несложныхъ. Требуется, чтобы субсидія на каждаго выпускаемаго не превышала того, что ассигнуется комитетомъ изъ собственныхъ средствъ, чтобы начальникъ тюрьмы имѣлъ

всегда возможность знакомить комитетъ съ своими взглядами на отдѣльные случаи и вопросы, а если возможно, то чтобы и онъ и тюремный духовникъ и члены visiting committee входили въ составъ комитета. При полученіи субсидіи обязательно представленіе каждую $^1/_4$ года отчета съ указаніемъ, на что именно израсходованы деньги и какіе были «случаи» оказанной помощи выпущеннымъ изъ тюрьмы. Кромѣ того необходимо представленіе и годового отчета съ полнымъ обзоромъ дѣятельности.

Наконецъ комитетамъ патроната рекомендуется, хотя и не ставится въ обязанность, соблюдать нѣкоторыя правила, которыя и безъ того соблюдаются въ вполнѣ благоустроенныхъ комитетахъ. Къ такимъ правиламъ отнесено приглашеніе агентовъ, мужчинъ и женщинъ, для исполненія всѣхъ порученій комитета въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ тюрьмы: посѣщенія арестантовъ, подготовленія ихъ къ выходу, пріисканія выпускаемымъ занятій, совершенія покупокъ для нихъ и надзора за ними. Избраніе особыхъ корреспондентовъ комитета въ различныхъ мѣстахъ ихъ округа для выдачи пособій и надзора. Установленіе извѣстной связи и постоянныхъ отношеній съ другими обществами патроната. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи многіе комитеты патроната входятъ въ соглашеніе и являются агентами другъ друга въ случаѣ необходимости устройства арестанта, опекаемаго другимъ патронатствомъ, въ ихъ округѣ или просто въ случаѣ неимѣнія свободныхъ занятій для выпускаемыхъ изъ тюрьмы въ собственномъ округѣ. Многіе комитеты, не входя въ соглашеніе для этой цѣли, находятся въ постоянной перепискѣ другъ съ другомъ.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ устройство и способъ дѣятельности англійскихъ обществъ или комитетовъ патроната; все это чрезвычайно просто, несложно и дешево. Но если и денежныя средства англійскихъ обществъ патроната показались бы велики, то достаточно остановиться на нѣмецкихъ обществахъ патроната, проявляющихъ тоже полезную дѣятельность. Изъ 60 обществъ патроната герцогства Баденскаго только 11 имѣютъ имущество въ 1000 и выше марокъ, т. е. 500 и болѣе рублей, многія имѣютъ менѣе 150 марокъ, т. е. менѣе 75 рублей, и дѣйствуютъ, это вполнѣ понятно, ибо патронатство скромное, маленькое дѣло, нуждающееся главнымъ образомъ не въ денежныхъ средствахъ, а въ дѣятельномъ сочувствіи къ нему и именно въ личной дѣятельности находящихъ возможность удѣлить часть своего свободнаго времени на это благородное и въ высшей степени важное дѣло.

Можно привести еще много блестящихъ примѣровъ замѣчательно плодотворной дѣятельности французскихъ обществъ патроната.

Такъ, Société générale pour le patronage des libérés [1]) имѣла на своемъ попеченіи въ 1896 г. 4.108 выпущенныхъ изъ мѣстъ заключенія. Изъ нихъ 1.830 были снабжены паспортами и отправлены на средства общества на родину, 953 лицамъ были найдены занятія, 235 молодыхъ людей поступили въ военную службу и др. Въ томъ же 1896 г. общество патронатства Saône et Loire изъ 866 бывшихъ на его попеченіи 202 помѣстило въ солдаты, 146 пріискало занятія и получаетъ отъ нихъ постоянныя извѣстія, 46 человѣкъ возвращены на родину, 253 находятся только первые три мѣсяца на попеченіи общества и большею частью даютъ о себѣ свѣдѣнія аккуратно, отъ 204 получаются свѣдѣнія крайне нерегулярно и только 15 впали въ новое преступленіе.

Но если такъ несложны условія дѣятельности, такъ скромны размѣры необходимыхъ для веденія дѣлъ денежныхъ средствъ и въ то же время такъ замѣчательно плодотворны результаты дѣятельности обществъ патронатствъ, то почему рядомъ съ 60 патронатами Баденскими и 144 Баварскими мы можемъ назвать только 6 для всей Россіи, для громадной Россіи съ ея 100.000 среднесуточнымъ тюремнымъ населеніемъ и 870 мѣстами заключенія. Это почти невѣроятно. Я позволяю себѣ указывать это число, ибо по моей просьбѣ мнѣ были въ высшей степени любезно предоставлены въ Главномъ тюремномъ управленіи всѣ подлинные уставы русскихъ обществъ патроната. Ихъ оказалось всего 6: Кишиневское, Одесское, Московское, Петербургское, Ярославское и Пермское—остальные уставы обществъ съ чисто спеціальною цѣлью—содержанія пріютовъ для дѣтей арестантовъ; въ задачи этихъ послѣднихъ обществъ безусловно не входитъ общее патронатство надъ освобожденными изъ мѣстъ заключенія.

Для того, чтобы выяснить дѣйствительную причину этого прискорбнаго явленія и не впасть при этомъ въ совершенно безплодное исканіе какихъ либо особыхъ естественныхъ условій постановки у насъ дѣла борьбы съ преступностью, которыя мѣшаютъ развитію патроната у въ Россіи, необходимо остановиться на одномъ яркомъ примѣрѣ.

Въ Бельгіи, въ этой классической странѣ одиночнаго заключенія и новыхъ усовершенствованныхъ тюремъ, патронатъ не былъ почти вовсе организованъ до 1888 г. Впервые патронатство возникло въ Бельгіи въ 1835 г.; общее направленіе было ввѣрено оффиціальнымъ комиссіямъ, въ которыя только въ качествѣ вспомогательныхъ членовъ допущены были частныя лица; эта форма патроната не удалась. Тогда въ 1848 г. былъ изданъ законъ, коимъ съ одной стороны патронатство во время исполненія

[1]) Albert Contant, наз. соч., стр. 18 и сл.

наказанія поручалось администраціи, а рядомъ съ этимъ организовались въ каждомъ судебномъ округѣ особые комитеты для такъ сказать внѣшняго патроната по выходѣ арестанта. Вся организація имѣла такой чисто-офиціальный характеръ, что частная общественная иниціатива совершенно устранилась отъ дѣла и всѣ комитеты мало-по-малу закрылись, послѣдній въ 1870 г. Только лишь къ моменту изданія закона 31 мая 1888 г. объ условномъ осужденіи и досрочномъ освобожденіи, предоставившаго широкую возможность образованія вполнѣ частныхъ, а не офиціальныхъ или полуофиціальныхъ обществъ патроната, общество бельгійское, по иниціативѣ проф. Тири, принялось образовывать общества патроната; образовалось нѣсколько частныхъ обществъ, а 22 декабря 1889 г. возникла Fédération des Sociétés belges de patronage, которая, оставляя полную самостоятельность за отдѣльными обществами, послужила къ объединенію ихъ, къ установленію взаимопомощи между ними и къ созданію цѣлаго ряда новыхъ обществъ. Результаты были блестящіе; уже въ 1894 г. не было почти уѣзда, гдѣ бы не было общества патроната. Такова сила общественной энергіи, когда ее призываютъ къ тому дѣлу, въ которомъ только общество и можетъ быть компетентно—къ дѣлу реклассированія и устроенія въ рядахъ нормальнаго общества вырванныхъ изъ его среды преступленіемъ и наказаніемъ лицъ.

Въ этомъ отношеніи Фуксъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что обязанности государства по призрѣнію арестанта кончаются съ момента отбытія имъ наказанія. Опытъ, говоритъ онъ, показалъ, что административное веденіе дѣла на этомъ поприщѣ всегда кончалось неудачей. «Удачнаго разрѣшенія задачъ патроната», говоритъ тотъ же авторъ, «можно ждать только отъ общественнаго единенія, члены котораго будутъ ясно сознавать цѣль ихъ единенія и будутъ охотно посвящать этой цѣли свою дѣятельность. Вызвать къ жизни такихъ дѣятелей очень легко, если только въ обществѣ созрѣло сознаніе, что на немъ лежитъ обязанность принять наряду съ правительствомъ участіе въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и устраненія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой совершеніе преступленія».

Если теперь—послѣ этихъ соображеній о безусловной негодности офиціальной или полуоффиціальной бюрократической организаціи патроната и совершенной необходимости предоставленія веденія патроната иниціативѣ и энергіи частныхъ лицъ съ тѣмъ, однако, чтобы правительство устраняло всѣ тѣ препятствія, которыя могутъ возникать на пути частной иниціативы въ виду особенностей этого дѣла, мы обратимся къ исторіи и нынѣшнему положенію патроната въ Россіи, то причина печальнаго по-

*

ложенія дѣла патроната у насъ станетъ совершенно ясной. У насъ произошло именно то самое, что случилось въ Бельгіи и иначе и быть не могло. Дѣйствительно въ 1819 г. въ Россіи [1]) было основано на широкихъ чисто общественныхъ началахъ Попечительное о тюрьмахъ общество, комитеты коего губернскіе, и отдѣленія послѣднихъ уѣздныя, были проникнуты духомъ частной иниціативы. Призваніе на помощь частной иниціативы дало очень плодотворные результаты; въ сороковыхъ годахъ, благодаря дѣятельности комитетовъ во всѣхъ почти губернскихъ городахъ малолѣтнія (до 14 л.) дѣти арестантовъ не помѣщались, какъ нынѣ, вмѣстѣ съ родителями въ тюрьмы, какъ бы для культивированія изъ нихъ на государственный счетъ преступниковъ, а на время содержанія ихъ родителей въ тюрьмѣ принимались или въ богадѣльни или въ особо устроенные пріюты.

Проявилось много другихъ ростковъ патроната, обѣщавшихъ въ будущемъ значительное улучшеніе нашего печальнаго тюремнаго дѣла.

Но призваніе частной общественной иниціативы при широкихъ задачахъ Попечительнаго о тюрьмахъ общества, въ которыя входили между прочимъ и чисто административныя функціи, слишкомъ противорѣчило строго-выдержанному бюрократическому тону того времени; былъ созданъ новый уставъ (7 ноября 1851 г.), обратившій все Общество съ комитетами и отдѣленіями въ полубюрократическое учрежденіе, существующее на бумагѣ. Я говорю полубюрократическое, хотя въ сущности оно совершенно бюрократическое, и частныя лица допускаются въ губернскіе и уѣздные комитеты не въ качествѣ дѣятелей, сочувствующихъ внесенію въ тюремное дѣло новыхъ оживляющихъ началъ, а въ качествѣ жертвователей, и жертвователи эти и не пытаются имѣть голосъ или вліять на ходъ дѣлъ, ихъ интересуетъ полученіе въ награду за ихъ усердіе ордена. Разумѣется, такіе жертвователи не являются и не могутъ являться представителями частной иниціативы; да и при современномъ составѣ губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій сколько-нибудь самостоятельная личность не пойдетъ въ директоры «комитета». Я знаю директора одного изъ тюремныхъ отдѣленій вблизи Петербурга, который, завѣдуя кормленіемъ арестантовъ, всю свою дѣятельность проявляетъ въ томъ, что ежедневно, заходя въ тюрьму, расписывается въ книгѣ для посѣтителей, поэтому эта книга представляетъ собой колонны, гдѣ слѣва проставлено число, а справа фамилія, и такъ 365 разъ въ годъ. Арестанты же этой тюрьмы

[1]) Ср. между прочимъ: В. Никитинъ, Покровительство малолѣтнимъ дѣтямъ заключенныхъ. Тюремный Вѣстникъ. 1895 г. № 1 и др.

кормятся такъ плохо, какъ ни въ одной изъ глухихъ провинціальныхъ тюремъ и прежде всего потому, что табельное назначеніе совершенно недостаточно, благодаря дороговизнѣ города, а директоръ этого и коснуться боится.

Казалось бы мнѣ нечего говорить, что строго-бюрократическій характеръ комитетовъ, переполненіе ихъ членами ex officio, въ сущности все рѣшающими и въ то же время, благодаря прямымъ своимъ служебнымъ обязанностямъ, не располагающими совершенно свободнымъ временемъ для тюремнаго дѣла, имѣли своимъ результатомъ закрытіе почти всѣхъ учрежденій патроната, и даже когда возникла въ 1893 году мысль о созданіи патроната въ столицахъ Петербургѣ и Москвѣ, то даже и здѣсь строго-бюрократическій характеръ учрежденій попечительнаго общества давалъ настолько мало надежды на оживленіе, что предпочли, не вливая новаго вина въ старые мѣха,—построить вновь и создать мужскіе и женскіе благотворительные комитеты взамѣнъ попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ Петербургскаго и Московскаго и съ упраздненіемъ послѣднихъ.

Примѣръ этотъ весьма важенъ и глубоко жизненъ. Желая введенія патроната въ Россіи, надо имѣть его въ виду; ибо то, что доступно было вліятельнымъ петербуржцамъ и москвичамъ, располагающимъ къ тому же большими средствами и даже крупными капиталами,—вызвать созданіе цѣлаго учрежденія рядомъ съ скончавшимся, но все же занимающимъ мѣсто учрежденіемъ,—то совершенно недоступно скромнымъ обитателямъ уѣзднаго городка, которые задались бы благородною задачею опекать и устраивать судьбу выпускаемыхъ изъ мѣстной тюрьмы арестантовъ. Прежде всего они натолкнулись бы на заявленіе уѣзднаго отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества, а, при нежеланіи или совершенной невозможности поступить въ директоры уѣзднаго отдѣленія, имъ бы предложили собрать «капиталъ» и выработать и провести до утвержденія «уставъ общества». И это для того, чтобы имѣть возможность собрать и израсходовать 200—250 рублей въ годъ и помѣстить десятка три, четыре арестантовъ. Разумѣется и капитала у нихъ быть не можетъ, и уставъ свой самостоятельный если они и въ состояніи будутъ выработать, что однако вполнѣ естественно должно ихъ крайне затруднить, то ужъ провести навѣрно будутъ лишены возможности. Съ этими условіями надо считаться, съ необходимостью облегченія самой возможности примѣненія частной иниціативы путемъ созданія нормальнаго устава, при наличности коего всякіе 5, 6 человѣкъ благонадежныхъ и извѣстныхъ мѣстному начальству лицъ могли бы съ разрѣшенія губернатора или тюремнаго инспектора или послѣ простого заявленія этимъ лицамъ образовать обще-

ство патроната, имѣя готовый уставъ и возможность собрать небольшія необходимыя средства, а при исполненіи извѣстныхъ указанныхъ въ законѣ условій и получать правительственную субсидію.

Такимъ образомъ, главное или, лучше сказать, единственное препятствіе къ образованію у насъ повсемѣстно и на правильныхъ жизненныхъ началахъ патронатства является стѣсненіе частной иниціативы, которой положены всевозможныя преграды и затрудненія, устраняющія почти совершенно возможность примѣненія частныхъ силъ къ этому дѣлу. Другихъ дѣйствительныхъ препятствій нѣтъ, ибо недостатокъ большихъ средствъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ германскихъ и даже англійскихъ патронатовъ, не можетъ служить препятствіемъ; а средства скромныя и у насъ собрать легко.

Печальное состояніе нашихъ тюремъ и, главнымъ образомъ, пенитенціарнаго режима, крайне слабое развитіе арестантскаго труда, отсутствіе школъ тюремныхъ, системы въ дисциплинѣ, наконецъ слишкомъ недостаточное число одиночныхъ камеръ—все это несомнѣнно будемъ до извѣстной степени затруднять дѣятельность патроната, но дѣлать ее невозможною не будетъ. Наоборотъ, несомнѣнно, что правильно поставленныя общества патроната окажутъ весьма плодотворное вліяніе на тюремный строй.

Но, быть можетъ, въ нашемъ обществѣ нѣтъ сознанія необходимости для него принять участіе въ дѣлѣ попеченія о выпускаемыхъ изъ тюремъ и вообще въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Дѣйствительность разсѣиваетъ подобныя опасенія. Вспомнимъ про 32 исправительныя заведенія малолѣтнихъ преступниковъ; вѣдь всѣ они—плодъ частной иниціативы и лучшее доказательство, что общество прекрасно сознаетъ свое призваніе въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и проявляетъ горячее участіе, выражающееся и въ обширной личной дѣятельности и въ крупныхъ пожертвованіяхъ, которыя только и даютъ возможность содержать всѣ эти исправительныя заведенія. Я не могу забыть о томъ дѣятельномъ участіи, которое проявляютъ присяжные засѣдатели какъ самаго скромнаго уѣзднаго городка въ глухой провинціи, такъ и присяжные засѣдатели нашей столицы ко всякому начинанію въ области патронатства, въ видѣ ли колоніи, въ видѣ ли помѣщенія въ новыя условія подающаго надежды на исправленіе преступника, въ видѣ ли устройства пріюта для дѣтей арестантовъ. Нужно лишь одно, чтобы такое проявленіе личной частной иниціативы было легализировано, допущено, и тамъ, гдѣ это сдѣлано, тамъ и частная иниціатива проявится широко и плодотворно.

Несомнѣнно въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ больше чѣмъ у насъ различныхъ благотворныхъ обществъ, къ содѣйствію которыхъ

могутъ обращаться патронатства, но и у насъ есть уже довольно большое количество этихъ учрежденій. Со времени же учрежденія Попечительства о домахъ трудолюбія дѣло патронатства пріобрѣло ближайшаго союзника, ибо въ Высоч. утвержд. 1 сент. 1895 г. положеніи объ этомъ Попечительствѣ указано, что однимъ изъ назначеній домовъ трудолюбія должно быть предоставленіе работы освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія по отбытіи наказанія.

Затѣмъ, какъ видно изъ циркуляра Министра Юстиціи отъ 22 мая 1899 г. № 4 по главному тюремному управленію (Тюр. Вѣстн. 1899 г. № 6), между министерствомъ юстиціи и попечительствомъ о домахъ трудолюбія состоялось соглашеніе, въ силу коего выпущенные изъ тюрьмы по отбытіи наказанія, въ случаѣ снабженія ихъ тюремнымъ начальствомъ особымъ устанавливаемымъ этимъ циркуляромъ свидѣтельствомъ объ одобрительномъ поведеніи въ тюрьмѣ, допускаются къ занятіямъ въ домахъ трудолюбія.

Точно такое же соглашеніе состоялось ранѣе того о принятіи въ Ольгинскіе пріюты попечительства о домахъ трудолюбія дѣтей арестантовъ на время отбытія родителями наказанія.

Вотъ, такъ сказать, тѣ условія, при наличности которыхъ предстоитъ заняться дѣломъ организаціи или возрожденія патроната. Съ чего надо начать и что собственно предстоитъ дѣлать?

Мнѣ кажется, что самый выборъ темы для предстоящаго съѣзда указываетъ, что наше общество, оставаясь группой международнаго союза, въ то же время чувствуетъ себя русской группой, имѣющей извѣстныя задачи и даже извѣстныя обязанности въ отношеніи къ нуждамъ русской дѣйствительности. Дѣйствительно, патронатъ въ смыслѣ теоретическомъ, принципіальномъ, принадлежитъ къ числу совершенно безспорныхъ азбучныхъ положеній не только нашего союза криминалистовъ, но и вообще всей науки. У него уже слишкомъ длинная и богатая исторія, чтобы могъ еще возбуждаться вопросъ принципіальный о полезности его у насъ или даже объ осуществимости; дѣло сводится лишь къ тому, какъ осуществить. Поэтому я думаю, что, задавая тему о патронатѣ, и съѣздъ и комитетъ нашей группы имѣли намѣреніе оказать дѣйствительное энергическое содѣйствіе распространенію и развитію патроната въ Россіи. А если это такъ, то едва ли заданная задача можетъ быть признана разрѣшенной, если предстоящій съѣздъ выразитъ «пожеланіе», «соображеніе». И то и другое будетъ уже несвоевременно и не поддержитъ достоинства нашего молодого, полнаго жизни, общества. Намъ надо сдѣлать такіе шаги, которые обезпечили бы въ дѣйствительности развитіе и распространеніе

патроната. Къ такимъ шагамъ я отношу: 1) основаніе тутъ же на съѣздѣ особаго главнаго русскаго общества патроната и установленіе главныхъ положеній его устава и 2) выработка нормальнаго устава для мѣстныхъ обществъ патроната.

О необходимости второго я уже говорилъ выше и къ этому предмету возвращусь позже; первое же и главное, что предстоитъ сдѣлать съѣзду— это именно основать главное русское общество патроната, такъ какъ съ основаніемъ этого общества ему же можетъ быть поручена выработка нормальнаго устава.

Такія главныя общества существуютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ правильно организованъ патронатъ, и служатъ необходимымъ условіемъ успѣшной ихъ дѣятельности. Чтобы точно представить себѣ задачи такого центральнаго общества, достаточно остановиться на ст. 2 и 3 устава французскаго центральнаго общества, основаннаго въ 1893 году національнымъ французскимъ конгрессомъ патронатства подъ названіемъ «Union des sociétés de patronage en France».

Ст. 2. Союзъ имѣетъ цѣлью объединеніе французскихъ обществъ патроната для того, чтобы дать каждому такому обществу возможность воспользоваться опытомъ всѣхъ другихъ обществъ и облегчить путемъ установленія постоянныхъ сношеній между ними пріисканіе занятій и помѣщеніе освобождаемыхъ. Союзъ вызываетъ и облегчаетъ созданіе новыхъ учрежденій патроната путемъ посылки всѣхъ необходимыхъ разъясненій, образцовыхъ нормальныхъ уставовъ, документовъ и наконецъ путемъ денежныхъ пособій, если бюджетъ общества позволяетъ это. Онъ (союзъ) представляетъ общіе интересы патронатства передъ общественнымъ мнѣніемъ и правительственными властями и старается помогать патронату всѣми зависящими отъ него мѣрами.

Ст. 3. Союзъ предлагаетъ свое содѣйствіе, не навязывая его однако. Союзъ не является учрежденіемъ, непосредственно оказывающимъ попеченіе выпускаемымъ, но средствомъ для полученія свѣдѣній, распространенія и пропаганды патронатства и взаимной помощи. Союзъ ни въ какомъ отношеніи не вмѣшивается во внутреннюю дѣятельность отдѣльныхъ обществъ патроната, которыя сохраняютъ полную и совершенную независимость. Эти общества могутъ сноситься между собой и не черезъ центральное общество.

Союзъ или это общество управляется особеннымъ центральнымъ комитетомъ—«bureau central», который находится въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми отдѣльными обществами, входящими въ составъ союза.

Въ двухъ приведенныхъ выше статьяхъ такъ прекрасно выражена

задача центральнаго общества патроната, что всѣ разсужденія о значеніи такого общества, встрѣчающіяся у Фукса и другихъ, только повторяютъ текстъ этихъ статей.

Но особенное значеніе учрежденіе такого общества будетъ имѣть въ Россіи въ виду слабаго развитія у насъ патроната. Это общество и его комитетъ можетъ дѣйствительно выработать во всѣхъ подробностяхъ и добиться утвержденія нормальнаго устава для мѣстныхъ обществъ патроната; можетъ и въ общемъ, и въ частности для каждаго общества выяснить вопросъ о правительственной субсидіи. Субсидія эта несомнѣнно будетъ дарована; при громадныхъ средствахъ тюремнаго вѣдомства, получившаго нынѣ при отмѣнѣ ссылки 6 милліоновъ на улучшеніе тюремъ и и имѣющаго и безъ того 14-милліонный бюджетъ, назначеніе субсидіи хотя бы въ 40—50 тысячъ рублей въ годъ на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ условіяхъ, которыя могли бы быть установлены по соглашенію съ главнымъ обществомъ патроната, не можетъ представить затрудненій. Главное общество черезъ своихъ членовъ, черезъ свои печатныя произведенія, публичныя лекціи и др. можетъ распространять, популяризировать идею и задачи патроната. При такихъ условіяхъ, если въ какомъ либо уѣздномъ городѣ возникла бы мысль объ устройствѣ патроната, то уже не было бы сомнѣній, какъ поступить. Написали бы въ главное общество; послѣднее доставило бы нормальный уставъ, разъяснило бы условія полученія правительственной субсидіи, обсудило бы силы личныя и денежныя возникающаго общества, дало бы надлежащія указанія, взяло бы на себя хлопоты по утвержденію и назначенію субсидіи.

То же общество, получая свѣдѣнія отъ отдѣльныхъ обществъ патроната, могло бы давать полные и подробные отчеты о дѣятельности патроната во всей Россіи, а въ теченіе года знакомить общества другъ съ другомъ и завязывать и поддерживать столь необходимыя между отдѣльными обществами сношенія. Наконецъ оно отчасти могло бы указывать новые пути и средства примѣненія патроната.

Повторяю, немедленное образованіе такого общества есть совершенно необходимое условіе, conditio sine qua non, для возрожденія и развитія у насъ патроната.

Въ дополненіе къ прекрасной французской формулировкѣ, которая могла бы быть усвоена и уставомъ русскаго центральнаго общества, я позволилъ бы себѣ остановиться на слѣдующихъ необходимыхъ началахъ для новаго общества.

Для образованія этого общества нѣтъ основаній, въ виду приведенныхъ выше соображеній, искать поддержки или даже извѣстной связи съ

попечительнымъ о тюрьмахъ обществомъ. Но, съ другой стороны, нѣтъ основаній полагать, что для такого образованія необходимо предварительное закрытіе попечительнаго общества; добиться закрытія попечительнаго общества будетъ трудно и вполнѣ безцѣльно и безполезно, ибо попечительное общество въ лицѣ всѣхъ своихъ комитетовъ и отдѣленій давно уже фактически отказалось отъ всякихъ цѣлей патроната, и потому какихъ либо столкновеній съ этимъ обществомъ у новаго главнаго или мѣстныхъ обществъ патроната не можетъ быть и не будетъ.

Далѣе, въ видахъ обезпеченія успѣшнаго развитія предположенному главному русскому обществу патроната надо совершенно рѣшительно выяснить и выразить въ его программѣ, что оно вовсе не научное, а практически-благотворительное.

Дѣйствительно, для самаго успѣха своей дѣятельности оно должно разсчитывать на широкій контингентъ лицъ, сочувствующихъ этому виду разумной и систематической новой филантропіи, которая идетъ рука объ руку съ дѣятельностью правительственною. Въ цѣляхъ же руководства обществами патроната достаточно будетъ, если въ составѣ комитета будутъ лица, близко знакомыя съ учрежденіями патроната.

Это общество, которое будетъ получать свои средства исключительно изъ членскихъ взносовъ и благотворительныхъ пожертвованій на цѣли патроната, можетъ быть признано тѣмъ юридическимъ лицомъ, которое является законнымъ распорядителемъ всякихъ суммъ, завѣщанныхъ и подаренныхъ на цѣли русскаго патроната вообще. Оно изъ собранныхъ имъ средствъ можетъ приходить на помощь отдѣльнымъ обществамъ патроната временною или постоянною субсидіею на тѣхъ или другихъ условіяхъ.

Общество управляется постояннымъ комитетомъ, въ составѣ котораго должны быть непремѣнно два или три тюрьмовѣда-юриста. Комитетъ ведетъ постоянную переписку и въ неотложныхъ случаяхъ принимаетъ на свою отвѣтственность извѣстные, не особенно крупные, расходы. На комитетѣ собственно лежатъ обязанности по руководству отдѣльными обществами патроната, по представительству и центральнаго общества и отдѣльныхъ обществъ передъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Комитетъ собираетъ общія собранія общества не менѣе 3 разъ въ зимній сезонъ и затѣмъ, если представится къ этому возможность, ежегодно или рѣже съѣзды представителей отдѣльныхъ мѣстныхъ обществъ патроната. Общему собранію комитетъ даетъ отчетъ въ израсходованныхъ имъ суммахъ съ указаніемъ основаній такого расходованія, докладываетъ и испрашиваетъ согласіе на производство какихъ либо чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ или особенно тяжелымъ положеніемъ какого либо мѣстнаго

патроната, или какимъ нибудь новымъ предпріятіемъ въ области патроната, задуманнымъ комитетомъ. Въ концѣ года комитетъ представляетъ проектъ бюджета общества на будущій годъ общему собранію, которое разсматриваетъ его и утверждаетъ или измѣняетъ. Въ бюджетъ вносится извѣстная сумма на внезапные небольшіе расходы, о которыхъ говорилось выше. Всякіе расходы внѣ бюджета или даже значительный расходъ изъ суммы, назначенной по бюджету въ распоряженіе комитета, комитетъ можетъ производить не иначе, какъ съ разрѣшенія общаго собранія.

Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ. Въ числѣ послѣднихъ состоятъ министръ юстиціи и начальникъ главнаго тюремнаго управленія. Всѣ лица, внесшія крупныя пожертвованія на цѣли патроната или вообще оказавшія какія либо замѣтныя услуги дѣлу патроната въ Россіи, могутъ быть предложены комитетомъ общему собранію въ почетные члены. Дѣйствительные члены избираются общимъ собраніемъ; ежегодный членскій взносъ опредѣляется въ 3 рубля. Размѣръ такой я опредѣляю именно въ тѣхъ видахъ, чтобы привлечь наибольшее число лицъ, распространить самую идею патроната, а путемъ распространенія идеи вызвать и крупныя пожертвованія.

Комитетъ избирается ежегодно въ первомъ общемъ зимнемъ собраніи въ такомъ разсчетѣ, чтобы онъ успѣлъ изготовить къ декабрьскому общему собранію проектъ бюджета. Комитетъ состоитъ изъ 6—10 членовъ, избираемыхъ обществомъ, и изъ представителя начальника главнаго тюремнаго управленія—одного изъ старшихъ инспекторовъ V класса, получающаго голосъ въ комитетѣ на равныхъ основаніяхъ съ другими членами.

Такъ какъ уже нынѣ положено начало извѣстныхъ отношеній попечительства о домахъ трудолюбія къ дѣлу патроната, и такъ какъ отношенія между попечительствомъ и центральнымъ обществомъ въ виду близости преслѣдуемыхъ задачъ несомнѣнно все больше будутъ развиваться съ теченіемъ времени, то полезно, чтобы въ составъ комитета какъ членъ ex officio былъ приглашенъ одинъ изъ инспекторовъ домовъ трудолюбія по назначенію старшаго инспектора съ правомъ голоса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ видахъ сохраненія чисто-общественнаго характера учрежденія необходимо установить правило, въ силу коего члены ex officio не могутъ быть предсѣдателями комитета; предсѣдатель комитета выбирается общимъ собраніемъ; предсѣдательствованіе въ общемъ собраніи возлагается на лицо, избранное общимъ собраніемъ на весь годъ или одинъ разъ на каждое засѣданіе.

Комитетъ печатаетъ: 1) ежегодные отчеты о дѣятельности самого центральнаго общества патроната и 2) ежегодные обзоры положенія всего

дѣла патроната во всей Россіи на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ обществу мѣстными обществами, находящимися съ нимъ въ сношеніяхъ.

Я полагаю, что приведенныхъ выше общихъ началъ будетъ достаточно для исходатайствованія разрѣшенія на открытіе общества, которое уже болѣе подробно впослѣдствіи разработаетъ свой уставъ.

Несомнѣнно, что то же центральное общество, будучи разъ вызвано къ жизни, тотчасъ же во всѣхъ подробностяхъ выработаетъ нормальный уставъ мѣстнаго общества патроната и, добившись его утвержденія, приложитъ всѣ старанія для его распространенія.

Но и теперь, въ видахъ выясненія передъ тѣми, которые отнесутся сочувственно къ мысли объ основаніи центральнаго общества, на какихъ началахъ можетъ быть организовано патронатство на мѣстахъ или, собственно говоря, дѣйствительное патронатство надъ лицами, освобождаемыми изъ тюремъ, такъ какъ центральное общество непосредственнымъ попеченіемъ надъ освобожденными заниматься не будетъ, я позволю себѣ остановиться на слѣдующихъ отдѣльныхъ положеніяхъ. Но прежде, чѣмъ привести мои личныя предположенія, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ уставахъ тѣхъ 6 обществъ, которыя мнѣ извѣстны.

Первое изъ существующихъ—кишиневское общество для пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ тюремнаго заключенія, образовалось въ 1878 г.; уставъ его является попыткой стать на новую дорогу и сдѣлаться изъ оффиціальнаго, бюрократическаго комитета настоящимъ общественнымъ учрежденіемъ. Номинально оно состоитъ при бессарабскомъ губернскомъ тюремномъ комитетѣ (§ 1) и предсѣдателемъ его состоитъ предсѣдатель мѣстнаго губернскаго тюремнаго комитета; но въ дѣйствительности фактически дѣлами общества завѣдываетъ постоянная комиссія, выбираемая ежегодно въ общемъ собраніи и состоящая изъ товарища предсѣдателя, пяти членовъ, казначея и секретаря, а при обсужденіи хозяйственныхъ вопросовъ въ комиссію приглашается съ правомъ голоса и смотритель мѣстнаго тюремнаго замка (§ 10).

Общее собраніе собирается разъ въ годъ для разсмотрѣнія отчета, утвержденія смѣты, выбора постоянной комиссіи. Такимъ образомъ, уже въ этомъ уставѣ мы видимъ два основныхъ начала устройства подобныхъ обществъ: 1) ввѣреніе дѣла патроната не оффиціальному или полуоффиціальному комитету, а настоящему обществу, въ которомъ всѣ члены равны, и которое собираетъ въ свой составъ всѣхъ сочувствующихъ дѣлу, 2) порученіе завѣдыванія дѣломъ патроната, какъ чисто исполнительнымъ, требующимъ постоянныхъ быстрыхъ мѣръ, не общимъ собраніямъ общества, а особымъ комиссіямъ или комитетамъ, избраннымъ обществомъ,

провѣряемымъ послѣднимъ и получающимъ отъ послѣдняго только общее указаніе направленія и характера дѣятельности. Поэтому-то такія собранія назначаются только разъ въ годъ. Важно также отмѣтить въ этомъ уставѣ § 22, въ силу котораго члены комиссіи могутъ давать отдѣльнымъ членамъ, съ согласія послѣднихъ, особыя порученія по патронату— это несомнѣнно жизненное начало, какъ и правило § 13, что всѣ члены содѣйствуютъ пріисканію занятій освобождаемымъ. Цѣль общества—въ пріисканіи занятій и работъ освобождаемымъ и въ оказаніи имъ пособій различными способами (одеждою, бѣльемъ, помѣщеніемъ, пропитаніемъ).

Ближайшее по времени образованія (1887) Одесское общество имѣетъ болѣе обширную программу—покровительство отбывшимъ наказанія и безпріютнымъ. Уставъ его написанъ по типу вообще всякихъ общественныхъ уставовъ, хотя и здѣсь особенно самостоятельно поставлены комитетъ, обновляемый постепенно, и завѣдывающій въ дѣйствительности дѣлами, управляющій дѣлами; общее собраніе контролируетъ и выбираетъ комитетъ.

Московское общество (уставъ утвержденъ въ 1891 году) имѣетъ спеціальную цѣль покровительства безпризорнымъ и освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія несовершеннолѣтнимъ. «Для достиженія указанной цѣли общество учреждаетъ для принятыхъ имъ на свое попеченіе малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ мастерскія, фермерскія хозяйства, пріюты и убѣжища, съ обязательною въ нихъ работою» (§ 2). Общество поставлено на широкую ногу, но собственно имѣетъ характеръ скорѣе благотворительнаго, чѣмъ общества патроната (если судить только на основаніи устава).

Въ 1893 году былъ утвержденъ уставъ состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ с.-петербургскихъ мужскаго и дамскаго благотворительно-тюремныхъ комитетовъ. Эти комитеты собственно остались въ вѣдѣніи попечительнаго о тюрьмахъ общества, но тѣмъ не менѣе одновременно съ утвержденіемъ устава этихъ комитетовъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта были упразднены с.-петербургскіе мужской и дамскій комитеты общества попечительнаго о тюрьмахъ. Какъ я уже выше сказалъ, это очень оригинально, что пришлось упразднить комитеты и создать совершенно новые для того, чтобы сколько нибудь жизненно поставить дѣло патроната. Главное же измѣненіе — въ организаціи комитета на чисто-общественныхъ началахъ: (ст. 21) «Управленіе дѣлами с.-петербургскихъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ принадлежитъ общимъ собраніямъ членовъ сихъ комитетовъ, а непосредственное завѣдываніе этими дѣлами — правленіямъ подлежащихъ комитетовъ».

Какъ и въ другихъ уставахъ, очень льготно поставлены условія, при которыхъ общія собранія признаются состоявшимися (1/5 общаго числа членовъ). Это вполнѣ понятно, дѣло это очень скромное, и многіе члены, вполнѣ сочувствуя самому дѣлу, ограничиваются единственно денежными взносами, разъ навсегда устранившись отъ участія личною дѣятельностью. Распредѣленіе функцій между общими собраніями и правленіями — такое же, какъ въ другихъ. «Для своевременнаго собранія свѣдѣній о лицахъ, освобождаемыхъ изъ-подъ стражи, члены правленій посѣщаютъ мѣста заключеній въ С.-Петербургѣ...» (ст. 37). О дѣятельности этого общества имѣются новѣйшія данныя въ отчетѣ его за 1897 годъ («Тюремный Вѣстникъ» 1899 г., № 3). Капиталъ мужского комитета составляетъ 264.521 руб. 6 коп., ежегодный расходъ — 14.107 рублей; членами общества состояло за отчетный годъ 74 лица.

Расходъ общества распредѣляется довольно оригинально; изъ суммы 14.107 руб. оно истратило 4.025 руб. 32 коп. на канцелярію, 3.484 р. 7 коп. на одежду, путевыя издержки для слѣдованія по проходнымъ свидѣтельствамъ и другія надобности при выходѣ арестантовъ изъ-подъ стражи; 660 рублей на пособіе семействамъ заключенныхъ, на расходы по содержанію Александровскаго пріюта арестантскихъ дѣтей 5.541 р. 40 к. и т. д. Въ бюджетѣ отражается и характеръ дѣятельности этого общества. Благодаря тому, что отбывшіе наказаніе въ мѣстахъ заключенія города Петербурга высылаются почти всегда на родину, обществу не приходится заниматься патронатствомъ въ собственномъ смыслѣ слова (устройство судьбы освобождаемаго, пріисканіе занятій и т. под.), но оно тратитъ много средствъ на переписку по поступающимъ къ нему многочисленнымъ прошеніямъ арестантовъ, прилагаетъ стараніе къ облегченію ихъ участи, снабжаетъ ихъ проходными свидѣтельствами и средствами на путевыя издержки для слѣдованія по проходнымъ свидѣтельствамъ, а не этапнымъ путемъ. Это все скорѣе благотворительность, а не патронатство.

Въ 1895 году былъ утвержденъ уставъ ярославскаго общества пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ тюремнаго заключенія. Это уставъ, подходящій къ типу уставовъ чистыхъ патронатовъ: § 2 устава гласитъ: «при оказаніи пособія обращается вниманіе на поведеніе во время содержанія въ заключеніи; преимущество оказывается лицамъ, осужденнымъ въ первый разъ». Затѣмъ § 4 правильно включаетъ въ число непремѣнныхъ членовъ общества товарища прокурора, наблюдающаго за тюрьмою, начальника и священника мѣстной тюрьмы; включеніе и директоровъ тюремнаго комитета какъ будто бы излишне; такое вниманіе объясняется тѣмъ, что общество считается состоящимъ при мѣстномъ тюремномъ ко-

митетѣ, при чемъ это состояніе отозвалось вредно и на другихъ статьяхъ устава, гдѣ недостаточно проведено выборное начало. Насколько на практикѣ жизненно это общество, мнѣ неизвѣстно.

Послѣдній уставъ патроната въ г. Перми, утвержденный въ 1896 году; въ немъ не предусмотрѣно никакихъ мѣръ, обезпечивающихъ общеніе съ тюрьмой: ни посѣщенія и ознакомленія съ арестантами, ни привлеченія начальника тюрьмы въ составъ комитета, какъ будто бы не главная задача общества—знакомство съ тюремными сидѣльцами. Результатъ этого пропуска кончился тѣмъ, что пермское общество измѣнило свое назначеніе, устроило домъ трудолюбія и не опекаетъ болѣе освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія подъ предлогомъ, что будто бы сами арестанты этого не захотѣли (?). (Тюремный Вѣстникъ 1899 г. № 11).

Обозрѣніе предоставленныхъ въ мое распоряженіе уставовъ даетъ несомнѣнно нѣкоторыя, хотя и отрывочныя указанія. Присоединяя къ нимъ мои личныя соображенія, основанныя какъ на русскомъ, такъ и иностранномъ опытѣ, я позволю себѣ сказать, что прежде всего нормальный уставъ общества попеченія объ освобождаемыхъ изъ тюремъ долженъ быть возможно простъ, несложенъ и нестѣснителенъ; всякія излишнія формальности или слишкомъ точныя указанія могутъ совершенно парализовать скромную, но живую дѣятельность представителей мѣстнаго патроната; способы и условія осуществленія цѣлей патроната могутъ быть такъ разнообразны, что выборъ между ними долженъ быть совершенно предоставленъ лицамъ, стоящимъ близко у дѣла, имъ это гораздо виднѣе.

1) По возможности надо стремиться, чтобы при каждой тюрьмѣ было свое патронатство; это особенно важно въ виду большихъ разстояній нашихъ между отдѣльными населенными пунктами и въ сущности громаднаго района каждаго нашего уѣзда, а слѣдовательно и каждой нашей тюрьмы. Но за то, разумѣется, желательно было бы, чтобы общество, брало на себя попеченіе не только надъ мужчинами, но и надъ женщинами и надъ дѣтьми и притомъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Предѣлы вѣдѣнія патроната должны быть обозначены точно въ уставѣ, ибо то, что указано въ уставѣ, уже будетъ составлять не только право, но и обязанность патроната. Названіе патронатство получаетъ по тому городу, гдѣ оно имѣетъ мѣстопребываніе.

2) Что касается до состава и организаціи мѣстнаго патроната, то здѣсь въ еще большей степени должно быть подчеркнуто въ уставѣ, что въ члены общества открыты двери для всѣхъ честныхъ, порядочныхъ людей безъ различія общественнаго положенія, даже образованія, состоянія и т. д. Въ этихъ видахъ должно быть точно выражено въ уставѣ, что

пожертвованія принимаются начиная съ одной копѣйки, а членскій взносъ опредѣленъ въ размѣрѣ 1 рубля въ годъ; крупные же жертвователи могутъ избираться обществомъ въ почетные члены. Учредители общества, а затѣмъ по учрежденіи его члены общества, должны приглашать въ составъ общества возможно большее число лицъ самыхъ разнообразныхъ классовъ. Здѣсь необходимы представители духовнаго сословія, помѣщики, крестьяне, владѣльцы фабрикъ и мастера съ этихъ фабрикъ, владѣльцы простыхъ мастерскихъ, магазиновъ, сельскіе и городскіе учителя,—ибо всѣ эти лица могутъ, даже и не принимая участія въ дѣлахъ общества, оказывать содѣйствіе обществу къ пріисканію занятій для выпускаемаго, къ водворенію его въ извѣстной мѣстности, къ надзору за нимъ, къ передачѣ пособій, выдаваемыхъ патронатствомъ. Разумѣется и все служилое сословіе какъ губернскаго, такъ и уѣздныхъ городовъ, будетъ съ радостью принято въ составъ обществъ.

3) Надо замѣтить, что собственно веденіе самого дѣла патронатства обществомъ въ лицѣ ихъ общихъ собраній, даже если послѣднія, напр. въ губернскихъ городахъ, и могли бы собираться часто и въ достаточномъ составѣ, представляется совершенно неисполнимымъ, ибо дѣло патронатства настолько индивидуально, что не только въ инструкціи, но и на общемъ собраніи нельзя дать исполнительному органу какихъ либо опредѣленныхъ указаній. Поэтому функціи всѣхъ членовъ общества въ общихъ собраніяхъ должны исчерпываться повѣркой дѣйствій комитета, правильности и законности денежныхъ расходовъ, правильности и соотвѣтствія видамъ общества общаго направленія дѣятельности комитета и выборомъ членовъ комитета. Затѣмъ, однако, вся исполнительная власть, въ сущности все веденіе дѣла патронатства, т. е. знакомство съ арестантами въ тюрьмѣ, разрѣшеніе вопроса о томъ, достоинъ ли тотъ или другой опеки общества, подготовленіе арестанта къ выходу, пріисканіе ему занятій и всѣ дѣйствія по отправкѣ его на родину на мѣсто занятій, по надзору за нимъ, наконецъ, по сбору пожертвованій, по расходу денежныхъ суммъ, по сношеніямъ съ центральнымъ и другими обществами съ общественными и правительственными властями, по составленію отчетовъ—все это силою вещей отходитъ къ исключительной компетенціи исполнительнаго органа—комитета.

4) Но разумѣется, что комитетъ не можетъ обойтись безъ вспомогательныхъ органовъ; поэтому ему должно быть предоставлено право уставомъ, безъ возложенія, разумѣется, на него въ этомъ отношеніи обязанности, а) нанимать агентовъ, подобно англійскимъ и французскимъ патронатамъ, для пріисканія занятій, для сопровожденія выпущеннаго при до-

ставленіи его на мѣсто занятій или водвореній, для посѣщенія его по водвореніи въ видахъ осуществленія надзора. Меня нѣсколько бы смущало разрѣшеніе агенту посѣщать арестанта въ тюрьмѣ; казалось бы, что эта функція должна остаться на членахъ комитета, которые бы получали соотвѣтственное личное разрѣшеніе отъ лица прокурорскаго надзора, завѣдующаго тюрьмою, и вступали бы въ соглашеніе съ начальникомъ тюрьмы о времени посѣщенія; б) передавать нѣкоторымъ членамъ общества, живущимъ вдали отъ мѣста пребыванія комитета или составляющимъ центръ особыхъ кружковъ (богатые мѣстные помѣщики, живущіе въ своихъ отдаленныхъ помѣстьяхъ, фабриканты, имѣющіе большую кліентуру и вообще по дѣлу вступающіе въ сношеніе съ цѣлымъ рядомъ лицъ и др.), особыя отрывныя квитанціонныя книжки за скрѣпою комитета и его печатью, для сбора пожертвованій и членскихъ взносовъ; в) упомянутыя въ предыдущемъ пунктѣ лица являлись бы безвозмездными агентами комитета, а слѣдовательно и общества, по пріисканію занятій для выпускаемыхъ и надзору за ними, одинъ въ мѣстныхъ фабрикахъ, другой въ мѣстныхъ мастерскихъ, въ мѣстныхъ магазинахъ, третій въ мѣстныхъ канцеляріяхъ, четвертый въ томъ или другомъ имѣніи; всѣ эти лица могли бы являться постоянными корреспондентами комитета.

5) Комитетъ, поставленный такимъ образомъ силою вещей въ особое самостоятельное положеніе, долженъ состоять изъ выборныхъ членовъ и членовъ ex officio. Первые должны быть постоянными жителями того города, гдѣ существуетъ тюрьма, и должны обладать хотя бы среднимъ образованіемъ; число ихъ въ сущности нѣтъ надобности строго опредѣлять, но во всякомъ случаѣ ихъ должно быть не менѣе 3.

6) Члены комитета выбираютъ изъ своей среды одно лицо, къ которому обращаются всѣ имѣющіе неотложныя просьбы по патронату; это лицо разрѣшаетъ всѣ спѣшныя дѣла, собираетъ засѣданія комитета и ведетъ въ качествѣ секретаря всѣ письменныя сношенія комитета; послѣднія функціи могутъ быть возложены и на другого члена комитета.

7) Членами ex officio комитета являются начальникъ тюрьмы и товарищъ прокурора, завѣдующій тюрьмою; въ случаѣ же, если въ томъ же городѣ имѣется домъ трудолюбія, то и лицо, завѣдующее этимъ домомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда городъ посѣщаетъ тюремный инспекторъ (что бываетъ разъ, два въ годъ), комитетъ назначаетъ экстренное засѣданіе, въ которомъ знакомитъ инспектора съ положеніемъ дѣла патроната при данной тюрьмѣ.

8) Участію товарища прокурора я придаю особенное значеніе; я указывалъ на это въ рядѣ предыдущихъ моихъ работъ объ арестантскомъ

трудѣ, о пріютахъ для дѣтей арестантовъ, о замѣнѣ ссылки въ Сибирь другимъ наказаніемъ и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, товарищъ прокурора, завѣдуя мѣстною тюрьмою и охраняя законность содержанія въ ней арестантовъ, является въ то же время, въ виду постояннаго отсутствія тюремнаго инспектора, который посѣщаетъ каждую тюрьму обыкновенно не чаще, чѣмъ разъ въ годъ, единственнымъ блюстителемъ пенитенціарныхъ цѣлей, задачъ и режима; это единственное лицо, которому, въ случаѣ упорядоченія внутренняго нашего тюремнаго режима, можетъ быть поручено соблюденіе новыхъ правилъ, «системы», если таковая, наконецъ, будетъ заведена; но и нынѣ товарищъ прокурора, дѣйствуя и въ качествѣ блюстителя законности и въ качествѣ директора ex officio мѣстнаго отдѣленія Попечительнаго о тюрьмахъ общества, и можетъ приносить, и приноситъ въ дѣйствительности, большую пользу дѣлу попеченія объ арестантахъ, такъ что при организаціи патроната всѣ вопросы о подготовленіи арестанта къ жизни на волѣ, рѣшеніе вопроса о томъ, заслуживаетъ ли данный арестантъ попеченій патроната или нѣтъ, встрѣтятъ въ товарищѣ прокурора просвѣщеннаго руководителя. Но для патроната весьма важна и другая сторона дѣятельности товарища прокурора. Онъ въ качествѣ мѣстнаго и притомъ всеобщаго юрисконсульта, къ которому всѣ учрежденія въ уѣздѣ обращаются съ просьбою: «господинъ прокуроръ, ваше заключеніе», вступаетъ постоянно въ отношенія съ присяжными засѣдателями, представляющими всѣ сословія и еще болѣе охотно, чѣмъ англійскіе присяжные, жертвующими на цѣли патроната, со всѣмъ судебнымъ персоналомъ и почетными судьями изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, съ чинами полиціи, которые дѣйствуютъ по его указаніямъ, съ мѣстною администраціею, которая спрашиваетъ его совѣтовъ въ области права, наконецъ, со всякаго званія и положенія людьми въ качествѣ свидѣтелей въ судѣ и просителей. Среди всѣхъ этихъ лицъ, именно въ качествѣ блюстителя законности, онъ пользуется вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ и расположеніемъ. Понятно поэтому, какъ легко ему соединить всѣ уѣздныя силы на пользу дѣла патронатства, и насколько его участіе именно въ такомъ дѣлѣ является въ самой высшей степени полезнымъ. Я думаю и даже высказывалъ это въ работѣ о замѣнѣ ссылки, что первоначальное, такъ сказать, вызваніе къ жизни патронатства, созваніе самого организаціоннаго комитета, даже самый выборъ лицъ, наиболѣе сочувствующихъ идеѣ патроната, и распространеніе этой идеи могло бы быть наиболѣе успѣшно совершено именно товарищами прокурора, если бы только у нихъ въ рукахъ былъ нормальный, утвержденный высшей властью, уставъ патроната, и имъ было бы извѣстно, что дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи

не будетъ признана несоотвѣтсвующей видамъ высшаго прокурорскаго надзора.

9) Въ случаѣ назначенія обществу субсидіи отъ правительства, очевидно, будетъ сдѣлана обязательной особенно подробная отчетность. Исполняя во всѣхъ подробностяхъ вполнѣ понятныя въ этомъ направленіи требованія администраціи, общество патронатства, а въ особенности его комитетъ, не должны забывать о печатномъ оправданіи своихъ расходовъ и передъ многочисленными жертвователями. Я не могу въ достаточной мѣрѣ, на основаніи личнаго опыта, рекомендовать не только печатаніе годоваго отчета особымъ изданіемъ и разсылку его всѣмъ безусловно членамъ, но и кромѣ того, если на это нѣтъ средствъ, печатаніе хотя бы существеннѣйшихъ извлеченій изъ отчета въ мѣстномъ органѣ печати, хотя бы въ прибавленіи къ губернскимъ вѣдомостямъ или въ самихъ вѣдомостяхъ. Такая печатная отчетность и передача себя и своей дѣятельности на судъ жертвующей публики есть необходимое и существенное условіе, обезпечивающее довѣріе къ обществу.

10) Я причисляю къ несомнѣннымъ положеніямъ право каждаго общества патроната заводить и учреждать всякіе пріюты и другія вспомогательныя для патроната учрежденія, пользуясь въ этомъ отношеніи для пріютовъ арестантскихъ дѣтей правами, установленными въ ст. 179 и 209 уст.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать на основаніи продолжительнаго опыта за время моего служенія въ судебномъ вѣдомствѣ на мѣстахъ, когда мнѣ удавалось исключительно при содѣйствіи частныхъ лицъ и частной иниціативы устраивать и пріюты для дѣтей арестантовъ и помѣщать выпускаемыхъ изъ тюрьмы взрослыхъ, что въ обществѣ нашемъ безусловно вполнѣ созрѣло сознаніе о необходимости помощи съ его стороны дѣлу борьбы съ преступностью и спеціально дѣлу патроната. Поэтому, если бы даже первое время и было отказано патронату въ правительственной субсидіи, не надо отчаиваться, дѣло пойдетъ, скромнѣе, но пойдетъ, а оттого что оно будетъ захватывать меньшій кругъ лицъ, оно только уменьшится количественно, но не качественно. Дѣло хорошее, съ большою будущностью, и Богъ въ помощь!

Основныя положенія моего доклада слѣдующія:

Патронатства въ Западно-Европейскихъ государствахъ обязаны своимъ существованіемъ исключительно частной иниціативѣ; малое развитіе патроната у насъ въ Россіи объясняется исключительно стѣсненіемъ частной иниціативы; надо поэтому создать условія для свободнаго, легкаго и несложнаго проявленія этой иниціативы. Надо вызвать къ жизни частную

иниціативу въ дѣлѣ патроната, надо распространить среди общества пониманіе роли его въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и самую идею патроната.

Лучшими и необходимыми средствами для этихъ цѣлей являются: образованіе особаго главнаго общества патроната, которое бы облегчало и развивало всякую частную мѣстную иниціативу, и выработка и утвержденіе нормальнаго устава патроната.

Проектъ устава главнаго общества патроната.

I) Главное общество патроната образуется въ цѣляхъ развитія и объединенія патроната въ Россіи. Не посвящая своей дѣятельности непосредственному попеченію надъ выпускаемыми изъ той или другой тюрьмы, главное общество не преслѣдуетъ въ то же время теоретическихъ или научныхъ цѣлей, а имѣетъ въ виду задачи практической, разумной филантропіи; оно вызываетъ и облегчаетъ созданіе новыхъ мѣстныхъ обществъ и отдѣльныхъ учрежденій патроната.

Съ этою цѣлью оно распространяетъ самую идею патроната путемъ устраиваемыхъ имъ публичныхъ лекцій и печатаемыхъ статей, брошюръ, отчетовъ и т. д. Въ этихъ же видахъ оно сообщаетъ всѣмъ лицамъ, симпатизирующимъ и интересующимся этою идеею, всѣ необходимыя разъясненія относительно условій учрежденія обществъ патроната, доставляетъ нормальный уставъ такихъ обществъ и, наконецъ, по мѣрѣ своихъ средствъ помогаетъ матеріально учредителямъ новаго общества патроната.

II) Главное общество поддерживаетъ сношенія со всѣми отдѣльными мѣстными обществами патроната и отношенія послѣднихъ между собою, а равно беретъ на себя представительство интересовъ патроната и мѣстныхъ отдѣльныхъ обществъ передъ правительствомъ, попечительствомъ о домахъ трудолюбія и другими обществами.

III) Мѣстныя общества, воспользовавшіяся или пользующіяся содѣйствіемъ главнаго общества, сохраняютъ полную самостоятельность въ своихъ дѣлахъ; мѣстныя общества, пользующіяся денежной субсидіей отъ главнаго общества' вступаютъ съ послѣднимъ въ соглашенія относительно условій полученія. Всѣ мѣстныя общества приглашаются присылать годовые отчеты о своей дѣятельности главному обществу для облегченія послѣднему взятой на себя задачи по составленію отчетовъ о положеніи патроната во всей Россіи и ознакомленію каждаго мѣстнаго общества патронатства съ дѣятельностью другихъ такихъ же обществъ.

IV) Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ. Дѣйствительными членами могутъ быть и лица, проживающія и внѣ Пе-

тербурга. Въ число почетныхъ членовъ ex officio вносятся министръ юстиціи и начальникъ главнаго тюремнаго управленія; затѣмъ въ почетные члены избираются общимъ собраніемъ лица, которыя проявили особенно полезную дѣятельность въ области патроната теоретически или практически, или сдѣлали крупныя пожертвованія на развитіе дѣла патроната.

V) Средства общества слагаются изъ: а) годовыхъ членскихъ взносовъ въ размѣрѣ 3 рублей въ годъ; б) пожертвованій членовъ и постороннихъ лицъ, причемъ законнымъ распорядителемъ всякихъ суммъ, пожертвованныхъ или завѣщанныхъ вообще на цѣли патроната въ Россіи, безъ обозначенія спеціальнаго общества, признается главное общество патроната; в) изъ доходовъ съ имущества, если таковое будетъ у общества, и г) изъ доходовъ отъ лекцій или другихъ общественныхъ сборищъ, устраиваемыхъ обществомъ, и съ изданій общества.

VI) Общество представляется общимъ собраніемъ и комитетомъ. Въ общемъ собраніи участвуютъ всѣ дѣйствительные и почетные члены общества. Общія собранія обыкновенныя бываютъ 15 октября, 15 декабря и 15 апрѣля, а чрезвычайныя по назначенію комитета. Собраніе считается состоявшимся, когда присутствуетъ $^1/_5$ членовъ, проживающихъ въ Петербургѣ. Общее собраніе 15 октября избираетъ предсѣдателя и членовъ комитета и предсѣдателя общихъ собраній на годъ; общее собраніе 15 декабря разсматриваетъ и утверждаетъ съ измѣненіями или безъ оныхъ составленный комитетомъ проектъ бюджета на будущій годъ. Общее же собраніе разсматриваетъ и разрѣшаетъ общіе вопросы о направленіи патроната, а равно даетъ согласіе на чрезвычайные расходы, превышающіе сумму, ассигнованную въ распоряженіе комитета. и не предусмотрѣнные въ бюджетѣ.

VII) Комитетъ состоитъ: а) изъ выбранныхъ общимъ собраніемъ лицъ—предсѣдателя и членовъ—всего въ числѣ отъ 6—10, среди которыхъ должно быть по крайней мѣрѣ 2 лица съ юридическимъ образованіемъ и знакомыхъ съ дѣломъ тюрьмовѣдѣнія; б) изъ членовъ ex officio: инспектора V класса главнаго тюремнаго управленія, по назначенію министра юстиціи, и инспектора домовъ трудолюбія по назначенію комитета попечительства о домахъ трудолюбія. Члены комитета избираются на годъ.

VIII) Обязанности комитета заключаются въ слѣдующемъ: а) онъ ведетъ всѣ сношенія съ мѣстными дѣятелями и мѣстными обществами патроната; б) представляетъ общіе интересы патроната или даннаго отдѣльнаго общества патроната предъ правительственными органами и другими обществами; в) составляетъ бюджетъ общества на слѣдующій годъ, включая между прочимъ извѣстную сумму въ распоряженіе комитета на

субсидіи, не предусмотрѣнныя или вообще на неотложныя нужды мѣстныхъ патронатовъ; г) вся исполнительная власть сосредоточена въ лицѣ комитета; онъ же созываетъ общія собранія общества, а въ случаѣ возможности и съѣзды представителей мѣстныхъ обществъ патроната; д) комитетъ печатаетъ годовые отчеты: 1) о дѣятельности самого общества и 2) о положеніи патроната во всей Россіи.

Проектъ нормальнаго устава мѣстнаго общества патроната.

. . . . . ское (по названію города) общество патроната.

1) Общество имѣетъ цѣлью оказывать попеченіе: 1) освобождаемымъ изъ (тюрьмы того города, гдѣ патронатъ) тюрьмы лицамъ всѣхъ половъ, возрастовъ и вѣроисповѣданій, а равно и ихъ семействамъ, во всѣхъ формахъ, какія оно признаетъ наиболѣе удобными: т. е. пріискиванія имъ работы, снабженія ихъ пищею, одеждою, инструментами, отправленія на родину, помѣщенія въ особые пріюты, учреждаемые самимъ обществомъ или другими благотворительными обществами и др.; общество въ то же время оказываетъ помощь по соглашенію съ другими обществами и лицамъ, выпущеннымъ изъ другихъ, а не мѣстной, тюремъ; 2) семействамъ содержащихся въ той же тюрьмѣ, остающимся на свободѣ, и дѣтямъ содержащихся, поступающимъ съ родителями въ тюрьму. Помощь эта оказывается обществомъ не изъ состраданія только, но главнымъ образомъ въ твердой увѣренности, что оказаніе помощи есть лучшее средство предотвратить впаденіе такихъ лицъ въ преступленіе.

2) Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ; въ дѣйствительные члены могутъ поступать лица всѣхъ званій и общественныхъ положеній. Годовой членскій взносъ опредѣляется въ 1 рубль. Въ почетные члены избираются общимъ собраніемъ общества лица, оказавшія какія либо замѣтныя услуги дѣлу попеченія о выходящихъ изъ тюремъ или вообще, или въ данной мѣстности, какъ личною дѣятельностью, такъ и пожертвованіями.

3) Общія собранія всѣхъ членовъ общества собираются 15 октября, 15 декабря и 15 апрѣля; но комитетомъ могутъ быть созываемы и чрезвычайныя собранія. Общее собраніе, какъ обыкновенное, такъ и чрезвычайное, считается состоявшимся при всякой наличности членовъ. Общее собраніе провѣряетъ веденіе комитетомъ денежныхъ дѣлъ и высказываетъ свой взглядъ на общее желательное ему направленіе въ дѣлѣ попеченія о выпускаемыхъ изъ тюремъ. Въ засѣданіи 15 октября общее собраніе на годъ выбираетъ изъ своей среды особый комитетъ, въ составѣ не менѣе

трехъ лицъ, коему и довѣряетъ веденіе самаго дѣла попеченія, а равно собиранія и расходованія денежныхъ средствъ.

4) Комитетъ общества состоитъ: а) изъ выбранныхъ общимъ собраніемъ лицъ и б) изъ членовъ ex officio, а именно: участковаго товарища прокурора, начальника мѣстной тюрьмы и завѣдывающаго мѣстнымъ домомъ трудолюбія, если таковой имѣется въ городѣ.

5) Комитетъ общества возлагаетъ на одного изъ своихъ членовъ разрѣшеніе всѣхъ неотложныхъ спѣшныхъ дѣлъ по патронату, о чемъ извѣщаетъ и мѣстную полицейскую власть, и начальника тюрьмы; въ остальномъ распредѣленіе занятій между членами производится самимъ комитетомъ.

6) Комитетъ въ лицѣ своихъ членовъ ведетъ все дѣло попеченія надъ выпускаемыми; съ этою цѣлью черезъ одного изъ своихъ членовъ, съ разрѣшенія товарища прокурора и по соглашенію съ начальникомъ тюрьмы, комитетъ знакомится съ арестантомъ по крайней мѣрѣ за 2 мѣсяца до его выхода изъ тюрьмы и подготовляетъ его къ выходу изъ тюрьмы въ трудовую жизнь. Въ случаѣ, если, по ознакомленіи съ арестантомъ, комитетъ признаетъ его расположеннымъ къ трудовой жизни и заслуживающимъ попеченія, онъ принимаетъ къ устройству его тѣ мѣры, которыя признаетъ наиболѣе цѣлесообразными.

7) Для облегченія исполненія возложенныхъ на него задачъ комитетъ можетъ: а) снабжать по своему выбору и усмотрѣнію нѣкоторыхъ членовъ общества особыми отрывными квитанціонными книжками для сбора членскихъ взносовъ и пожертвованій; такія книжки повѣряются ежегодно передъ общимъ собраніемъ; б) уполномочивать нѣкоторыхъ членовъ быть его безвозмездными корреспондентами на мѣстахъ по надзору за освобожденнымъ и водвореннымъ въ той или другой мѣстности, по передачѣ ему матеріальныхъ денежныхъ пособій, пріисканію ему занятій, а равно по доставленію комитету вообще всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній; в) наконецъ комитетъ можетъ содержать и платнаго агента для собиранія необходимыхъ свѣдѣній, пріисканія занятій выпускаемому и посѣщенія послѣдняго по водвореніи въ цѣляхъ надзора.

8) Комитетъ во всякомъ случаѣ въ началѣ года печатаетъ какъ въ мѣстномъ органѣ печати, такъ и отдѣльнымъ изданіемъ, годовой, возможно подробный, отчетъ о дѣятельности патроната и дальнѣйшемъ поведеніи тѣхъ изъ опекаемыхъ имъ лицъ, о коихъ у него имѣются свѣдѣнія.

9) Средства общества слагаются: а) изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій какъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ, сочувствующихъ патронату; б) изъ доходовъ съ собственнаго имущества и отъ обществен-

ныхъ сборищъ, устраиваемыхъ обществомъ; в) изъ субсидіи правительственной или главнаго общества патроната. Въ случаѣ полученія субсидій комитетъ отвѣтственъ за точное соблюденіе условій, на которыхъ дана субсидія.

10) Комитетъ общества отъ имени общества входитъ въ сношеніе съ правительственными органами, съ главнымъ и другими мѣстными обществами патроната или непосредственно, или черезъ главное общество, какъ признаетъ для себя болѣе удобнымъ. Комитетъ же вступаетъ въ соглашеніе съ другими мѣстными обществами патроната о взаимной помощи обществъ другъ другу при устройствѣ лица, выпущеннаго внѣ округа патроната.

11) Для основанія новаго общества патроната необходимо предварительно образованіе организаціоннаго комитета не менѣе какъ изъ 5 мѣстныхъ обывателей, который представляетъ мѣстному тюремному инспектору, а тамъ, гдѣ его нѣтъ,—тюремному отдѣленію губернскаго правленія, за своими подписями, проектъ нормальнаго устава съ измѣненіями или безъ оныхъ, поясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на какія именно средства для будущаго общества онъ считаетъ возможнымъ разсчитывать. По утвержденіи устава тюремнымъ инспекторомъ или тюремнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія, организаціонный комитетъ устанавливаетъ списокъ лицъ, желающихъ быть членами новаго общества, и собираетъ первое общее собраніе, которому и передаетъ всѣ свои полномочія. Въ случаѣ же если поступленіе въ члены замедляется, а между тѣмъ средства, болѣе или менѣе достаточныя для дѣла, имѣются, организаціонный комитетъ можетъ съ разрѣшенія тюремнаго инспектора, впредь до образованія общества, вести дѣло патроната, неся на себѣ всю отвѣтственность и давая въ печати подробные отчеты о своей дѣятельности, которые и подлежатъ распространенію въ мѣстномъ обществѣ.

12) При посѣщеніи тюремнымъ инспекторомъ города, гдѣ имѣется общество патроната, послѣднее обязано ознакомить его съ положеніемъ дѣла патроната въ данной мѣстности.

Объ удаленіи невинныхъ дѣтей изъ тюремъ [1]).

«Спасайте дѣтей и вамъ не придется болѣе
заниматься исправленіемъ преступниковъ».
Рандалль.

Прошли времена, когда считали борьбу съ преступленіемъ невозможной, участіе общества въ этой борьбѣ излишнимъ и требовали только одного—наказанія преступника. Въ наше время, рядомъ съ преступленіемъ, какъ единичнымъ дѣяніемъ даннаго лица, выросло понятіе преступленія въ смыслѣ «преступности», въ смыслѣ общественнаго болѣзненнаго и вреднаго явленія, которое вызывается извѣстными общими причинами, лежащими не только въ характерѣ или нравственности даннаго лица, но и въ общественномъ строѣ и другихъ общихъ условіяхъ.

Съ преступленіемъ, какъ общественнымъ зломъ, надо, а главное можно, бороться, и веденіе этой борьбы является одной изъ главнѣйшихъ обязанностей и государства, и общества. Но при новомъ взглядѣ на преступленіе значеніе «наказанія» значительно умалилось; оно признается однимъ лишь изъ средствъ борьбы съ преступностью, и притомъ далеко не важнѣйшимъ и не самымъ цѣлесообразнымъ. Въ области борьбы съ преступленіемъ произошла, однимъ словомъ, та же перемѣна, что и въ медицинѣ; наказаніе, какъ и лѣкарство, перестало быть главнымъ средствомъ лѣченія, мѣры предупреждающія образованіе и развитіе болѣзней

[1]) Докладъ III съѣзду русской группы международнаго союза криминалистовъ въ Москвѣ въ 1901 г. (бюллетень № 12). Докладъ былъ разосланъ послѣ съѣзда Вѣдомствомъ дѣтскихъ пріютовъ (Учр. императрицы Маріи) всѣмъ учрежденіямъ этого общества и мѣстнымъ комитетамъ; ознакомившись съ положеніемъ доклада болѣе 100 мѣстныхъ учрежденій постановили принимать дѣтей арестантовъ съ момента поступленія ихъ въ тюрьму. Подробныя свѣдѣнія по этому предмету содержатся въ Сборникѣ Комитета по управленію дѣтскими пріютами. Прилож XV по 1903 г.

и осуществляющія требованія широко понимаемой гигіены общей и частной, оттѣснили совершенно на задній планъ мѣры лѣкарственно-карательныя.

Соотвѣтственно съ этимъ, вполнѣ понятно, измѣнилось и значеніе въ этой борьбѣ органовъ государственной власти и спеціально органовъ правосудія. Рядомъ съ карательной властью выдающееся, подавляющее положеніе пріобрѣло общество и прежде всего дѣятельность его въ цѣломъ и въ лицѣ отдѣльныхъ представителей, направленная на ослабленіе нищеты и нищенства, стоящихъ въ такомъ близкомъ соотношеніи съ преступностью, и на другіе виды филантропіи. Пріемы современной филантропіи тоже новые; она не удовлетворяется болѣе раздачей милостыни и въ простѣйшей формѣ подаянія всякому просящему на улицѣ, и въ болѣе сложной—созданія цѣлаго ряда благотворительныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью кормить, поить, одѣвать, а иногда и помѣщать всѣхъ, обращающихся къ этимъ учрежденіямъ, часто безъ всякаго выясненія степени, характера и причинъ нужды просителя. По справедливому замѣчанію Tallack'a, извѣстнаго англійскаго тюрьмовѣда, секретаря Говардовской ассоціаціи въ Лондонѣ (Penological and preventive principles, 1896), милостыня во всѣхъ видахъ служитъ не къ уменьшенію нищенства и даже нищеты, а къ ослабленію самодѣятельности и энергіи мало обезпеченныхъ трудящихся классовъ народа и благодаря этому къ усиленію и нищеты, и нищенства.

Современная филантропія ставитъ себѣ задачей бороться съ причинами и условіями, вызывающими и способствующими развитію нищеты и нищенства, прежде всего разумѣется съ потерею привычки къ труду—источнику обезпеченія; Теллокъ въ упомянутомъ выше сочиненіи приводитъ слова Бери: «священникъ, который въ деревнѣ учредилъ какое-нибудь предпріятіе на началахъ сотрудничества, сдѣлалъ больше для своего прихода, чѣмъ если бы онъ всю свою жизнь раздавалъ милостыню». Такимъ образомъ, согласно новымъ взглядамъ слѣдуетъ не восполнять неимущимъ недостающія имъ средства существованія, а давать имъ возможность зарабатывать таковыя собственнымъ трудомъ. Новая филантропія, вопреки установившейся поговоркѣ, смотритъ на нищету, какъ на порокъ (разумѣется отсюда исключаются всѣ лица, поставленныя въ невозможность по своему физическому состоянію работать), и борется съ этимъ порокомъ, который кромѣ случайнаго, соотвѣтствующаго этому пороку преступнаго дѣянія, не всюду даже еще признаннаго за таковое,—нищенства, является источникомъ и цѣлаго ряда другихъ преступленій, начиная съ такого банальнаго преступленія, какъ кража, и кончая са-

мыми сложными. Вступивъ на этихъ началахъ въ борьбу съ нищетой, какъ съ порокомъ, и избравъ себѣ цѣлью ставить на ноги ослабѣвшихъ членовъ общества, новая филантропія сохраняетъ сходство съ прежней только въ одномъ—въ способѣ собранія средствъ, необходимыхъ для дѣла; источникомъ ихъ попрежнему являются пожертвованія лицъ «человѣколюбивыхъ», въ этой части дѣла сердце попрежнему сохранило главенство. Во всемъ остальномъ, т. е. въ главномъ, въ самой дѣятельности, сердечныя чувства, чувства состраданія къ данному отдѣльному лицу и переживаемымъ имъ непріятностямъ не только играютъ уже второстепенную роль, но совершенно теряютъ силу; разумъ всѣмъ руководитъ, и дѣятельность выливается въ послѣдовательное, можетъ быть даже съ точки зрѣнія сердечности сухое, осуществленіе строго обдуманнаго плана борьбы съ нищетой,но не какъ состояніемъ отдѣльныхъ личностей, а какъ соціальнымъ зломъ (тотъ же процессъ обобщенія, что и въ отношеніи преступленія, свидѣтельствующій о большемъ развитіи общества), съ общественнымъ порокомъ. Разъ филантропія усвоитъ такой принципъ дѣятельности, горизонтъ ея значительно расширяется; не одна уже нищета (хотя бы и въ смыслѣ общественнаго порока) является объектомъ ея дѣятельности: многоразличны формы и виды, въ которыхъ проявляется «ослабленіе» людей, переходъ ихъ изъ разряда здоровыхъ физически, умственно и нравственно людей въ разрядъ больныхъ, нездоровыхъ членовъ общества. Этотъ переходъ несомнѣнно создаетъ условія, подготовляетъ почву, на которой могутъ легче, чѣмъ въ здоровомъ состояніи, возродиться преступленія; но преступленіе еще не совершено, карательной дѣятельности нечего и выступать, и, мало того, положеніе слишкомъ еще тонко, чтобы возможно было государственной власти вообще, хотя бы и не карательной, принимать какія либо мѣры. Здѣсь мѣсто общественной помощи, во всѣхъ многообразныхъ ея проявленіяхъ и формахъ попеченія о слабыхъ братьяхъ и доставленія имъ возможности стать на ноги, собраться съ силами, вновь стать здоровыми членами общества. Трудно даже примѣрно перечислить всѣ многочисленныя отрасли общественной помощи, которую можно опредѣлить мѣткимъ французскимъ выраженіемъ le patronage avant le crime, хотя и le patronage aprés le crime, заботы о возвращеніи въ ряды нормальнаго общества лицъ, совершившихъ преступленіе и искупившихъ свою вину, тоже несомнѣнно составляетъ одну изъ отраслей общественной помощи.

Въ сферу вопроса о примѣненіи общественной помощи входитъ и вопросъ дѣтскій, который самъ по себѣ составляетъ громадное поле для дѣятельности.

Оказаніе общественной помощи дѣтямъ представляется наиболѣе умѣстнымъ изъ всѣхъ примѣненій этой помощи. Въ этомъ случаѣ скорѣе чѣмъ когда-либо имѣются основанія разсчитывать на успѣхъ;—это еще не выработавшіяся, не сложившіяся созданія, которымъ еще несомнѣнно можно придать желательное направленіе, какъ бы ни смотрѣть на наслѣдственность. Эта увѣренность въ достиженіи желательныхъ результатовъ и вызвала приведенную выше фразу—«спасайте дѣтей, и вамъ не придется болѣе заниматься исправленіемъ преступниковъ». Авторъ этой фразы—Рандалль, всѣми прославляемый филантропъ-реформаторъ сѣверо-американскаго штата Мичиганъ, котэрый поставилъ дѣло общественной помощи на такихъ разумныхъ основаніямъ, что въ то время, какъ въ другихъ государствахъ нищенство усилилось за послѣднее время на 40 %, въ Мичиганѣ оно поднялось только на 20%.

Важное значеніе, для дѣла борьбы съ преступленіемъ, общественной помощи дѣтямъ оттѣнилъ и одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый видный, криминалистъ современной Европы, авторъ образцоваго проекта швейцарскаго уложенія, которое несомнѣнно составляетъ эпоху въ области европейскаго уголовнаго законодательства — Карлъ Штоосъ. Въ своей интересной работѣ «Derf Geist der modernen Strafgesetzgebung» (Wien 1896) онъ говоритъ (стр. 12): «тайна успѣха государственной дѣятельности по предупрежденію преступленій состоитъ въ томъ, чтобы вмѣшаться во-время и взяться за ребенка, находящагося въ опасности, покуда онъ еще не сталъ заброшеннымъ, погибшимъ нравственно или даже преступникомъ».

Многообразны виды этой общественной помощи дѣтямъ въ особенности въ Западной Европѣ и Сѣв. Американскихъ Штатахъ. Помощь эта оказывается здѣсь дѣтямъ много раньше, чѣмъ они дойдутъ до преступленія; законодательная и судебная власть выступаютъ въ защиту «заброшенныхъ» дѣтей, о которыхъ родители совсѣмъ не заботятся, оставляя ихъ на произволъ судьбы; такихъ родителей законъ и судъ лишаютъ власти опеки надъ дѣтьми, отдавая послѣднихъ на попеченіе многообразныхъ филантропическихъ учрежденій, предназначенныхъ для воспитанія такихъ заброшенныхъ дѣтей; извѣстно, напримѣръ, широкое развитіе въ Англіи на ряду съ reformatory schools, предназначенныхъ для перевоспитанія преступной молодежи, industrial schools, занимающихся именно принудительнымъ воспитаніемъ нравственно заброшенныхъ, но не преступныхъ дѣтей.

Поэтому не удивительно, что въ западно-европейскихъ государствахъ мы почти, или даже вовсе не встрѣчаемся съ спеціальнымъ видомъ воспитательныхъ учрежденій, или даже просто пріютовъ для дѣтей арестантовъ;

въ Англіи, напримѣръ, насколько намъ извѣстно, имѣются лишь «Princess Mary Village Homes [1]), дающіе убѣжище малолѣтнимъ дочерямъ арестантокъ. Къ вопросу о какой-либо спеціальной помощи семействамъ лицъ заключенныхъ въ Западной Европѣ относятся весьма различно [2]), но именно главнымъ образомъ потому, что въ такой спеціализаціи филантропическихъ учрежденій (въ особенности же для дѣтей арестантовъ) не встрѣчается никакой надобности, въ виду широкаго и многообразнаго развитія филантропическихъ учрежденій вообще.

Другое дѣло Россія, гдѣ, благодаря крайне малому развитію, а во многихъ мѣстахъ и полному отсутствію благотворительныхъ учрежденій, вопросъ о воспитаніи дѣтей арестантовъ принимаетъ особенно жгучій и даже грозный характеръ, соединяясь съ другимъ, чисто русскимъ, вопросомъ объ удаленіи этихъ дѣтей изъ тюремъ.

Къ сожалѣнію, русскому обществу слишкомъ мало извѣстенъ тотъ фактъ, что въ нашихъ тюрьмахъ содержатся дѣти, и притомъ совершенно ни въ чемъ неповинныя, только потому, что ихъ родители—преступники и, какъ таковые, арестованы и заключены въ тюрьму; съ заключеніемъ родителей (весьма часто преступники, имѣя дѣтей, не состоятъ въ бракѣ, и дѣти въ концѣ концовъ остаются на попеченіи одного изъ родителей, разумѣется большею частью матери) или одного изъ нихъ, когда другого нѣтъ въ живыхъ или онъ неизвѣстенъ, дѣтей некому поручить ихъ приходится въ буквальномъ смыслѣ слова оставить на улицѣ, во избѣжаніе чего полиція, арестуя родителей, вынуждена вмѣстѣ съ ними препровождать въ тюрьмы и дѣтей. Такое общественное положеніе дѣтей преступниковъ понятно: преступленіе разобщаетъ людей, отталкиваетъ отъ преступниковъ даже ближайшихъ ихъ сосѣдей и порываетъ всякія самыя близкія родственныя узы; съ другой стороны, какъ я уже и сказалъ только что, бродячая жизнь профессіональнаго преступника дѣлаетъ невозможнымъ образованіе правильной, настоящей семьи.

Не надо думать, что заключаются такимъ образомъ только грудныя дѣти или дѣти самаго ранняго возраста; по закону (ст. 173 примѣч. уст. о сод. подъ стражей, изд. 1890 г.) при арестантахъ и арестанткахъ могутъ содержаться ихъ малолѣтнія дѣти, а малолѣтство по нашимъ гражданскимъ законамъ простирается до 18 лѣтъ; мнѣ неоднократно приходилось находить въ тюрьмахъ дѣтей 14-лѣтняго возраста, а какъ много дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 12 лѣтъ!

---

[1]) Revue pénitentiaire, 1898. Mai, p 708.

[2]) Die Gefangenen-Schutzthätigkeit und die Verbrechens-Prophylaxe (типическое выраженіе) Von Adolf Fuchs. 1898, стр 225 и слѣд.

Если бы наше общество знало этотъ фактъ нахожденія въ тюрьмахъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей и знало бы, а главное ясно бы представляло себѣ, что такое наши тюрьмы въ нравственномъ отношеніи, то, вѣроятно, не потерпѣло бы такой ужасной жестокости и такого громаднаго общественнаго зла, какъ содержаніе невинныхъ дѣтей въ тюрьмахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что такое заключеніе крайне жестоко; если бы оно было примѣнено въ отношеніи взрослыхъ невинныхъ людей, то было бы признано незаконнымъ и крайне суровымъ. Но не болѣе ли оно жестоко въ отношеніи невинныхъ дѣтей, не тяжелѣе ли оно для нихъ, чѣмъ для взрослыхъ, хотя и по другимъ основаніямъ? Правда, они остаются съ родителями, имъ нѣтъ основаній поэтому скорбѣть о разлученіи съ близкими, они не понимаютъ, наконецъ, значенія свободы въ смыслѣ права выбора дѣятельности и т. д., самаго цѣннаго блага для всякаго взрослаго человѣка; но вѣдь лишеніе свободы передвиженія, пребыванія на открытомъ воздухѣ (роскошь, доступная самымъ бѣднымъ людямъ), товарищества съ дѣтьми того же возраста, наконецъ, хотя бы и въ рѣдкихъ случаяхъ (т. е. посѣщенія ими на волѣ) школы и чтенія,—да развѣ это не жестокія лишенія для дѣтей, и притомъ столь жестокія, что тяжелѣе трудно и придумать, а вѣдь этимъ лишеніямъ несчастныя дѣти подвергаются безъ вины. въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, которыя не отъ нихъ зависятъ и которыя уже сами по себѣ составляютъ большой грѣхъ родителей противъ дѣтей, большую бѣду для послѣднихъ; а вѣдь эти лишенія иногда длятся годы! Не сомнѣваюсь, что мало есть болѣе достойныхъ состраданія и сочувствія человѣколюбивыхъ сердецъ, чѣмъ эти несчастныя дѣти!

Но еще болѣе важное значеніе получаетъ вопросъ о заключеніи невинныхъ дѣтей съ родителями, въ виду состоянія нашихъ тюремъ. Изъ современной европейской системы въ Россіи осуществлена только первая часть программы — улучшеніе, смягченіе положенія арестанта,—которая получаетъ надлежащее значеніе не мѣры послабленія, а мѣры лишь необходимой для достиженія цѣлей исправленія, при осуществленіи второй части программы, но эта часть въ русскихъ тюрьмахъ совсѣмъ не устроена. У насъ нѣтъ одиночнаго заключенія (на 100.000 среднесуточнаго состава нашихъ тюремъ одиночныхъ камеръ имѣется всего 5,448, но и эта цифра неточная); у насъ нѣтъ или почти нѣтъ арестантскаго труда, ибо въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ сосредоточена большая часть арестантовъ, занятыхъ трудомъ: въ губернскихъ 28% всего состава, а въ уѣздныхъ $20^{19}/_{20}$% [1]); у насъ нѣтъ тюремныхъ школъ, библіотекъ,

[1]) См. мою работу «Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ».

а религіозныя наставленія составляютъ почти исключеніе. Не трудно при такихъ условіяхъ представить себѣ, что такое наши тюрьмы въ нравственномъ отношеніи: школы преступности, въ которыхъ арестанты, при совмѣстномъ заключеніи въ общихъ камерахъ, за отсутствіемъ какого либо занятія, обучаютъ другъ друга настоящему своему ремеслу—занятію преступленіемъ и проводятъ время, лежа на полатяхъ, въ безнравственныхъ разговорахъ о совершенныхъ ими подвигахъ.

Вотъ та атмосфера, та среда, куда впускаютъ дѣтей для постояннаго, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пребыванія. Стоитъ только немного задуматься надъ этимъ фактомъ, чтобы прійти въ ужасъ и не повѣрить въ возможность чего-либо подобнаго; это какъ бы умышленное, намѣренное разведеніе преступниковъ на государственный счетъ. Но можетъ быть это ужасающее явленіе только рѣдкое исключеніе, и въ большинствѣ случаевъ дѣтей пристраиваютъ сами родители внѣ тюрьмы? Точныхъ статистическихъ данныхъ о численности дѣтскаго населенія тюремъ нѣтъ, но на основаніи данныхъ существующихъ для этихъ дѣтей пріютовъ и личныхъ наблюденій я позволю себѣ сдѣлать приблизительное вычисленіе. Опредѣляя скромно цифры такого дѣтскаго населенія губернскихъ и уѣздныхъ тюремъ (и не принимая въ разсчетъ каторжныхъ и пересыльныхъ тюремъ и исправительныхъ отдѣленій), я позволяю себѣ утверждать, что дѣтей въ губернскихъ тюрьмахъ среднимъ числомъ содержится до 10 и въ уѣздныхъ до 5; считая тюремъ губернскихъ и большихъ городовъ приблизительно около 95 и уѣздныхъ около 522, мы получимъ колоссальную цифру болѣе 3,500 дѣтей!

Останавливаясь на этой цифрѣ, которая, разумѣется, лишь совершенно приблизительно точна, вполнѣ естественно задаться вопросомъ, неужели же для устраненія такого невѣроятнаго съ пенитенціарной точки зрѣнія положенія ничего не предпринималось и не предпринимается, а если что-либо предпринималось, то чѣмъ задерживается благопріятное разрѣшеніе вопроса?

Сравнительно съ громадностью зла принятыя мѣры совершенно ничтожны: смѣшно сказать, но на всю Россію имѣется 24 пріюта для дѣтей арестантовъ. Вотъ перечень этихъ пріютовъ: изъ нихъ учреждены тюремными комитетами и тюремно-благотворительными обществами Евгеніевскій и Александровскій въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Митавѣ, Ригѣ, Юрьевѣ, Тобольскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ (2), Якутскѣ, Читѣ, Верхнеудинскѣ, Вильнѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Николаевскѣ (Тургайской области), Ярославлѣ, частными лицами—въ Москвѣ (Сергіево-Елизаветинскій), Тамбовѣ, Двинскѣ, Ковнѣ, Вилкомирѣ, Поневѣжѣ. Если имѣть въ виду,

что перечисленные пріюты учреждены исключительно для пріема дѣтей арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ тѣхъ же городовъ, гдѣ расположены и пріюты, то станетъ совершенно ясно, какъ ничтожна помощь сравнительно съ размѣрами зла.

Если мы обратимся къ исторіи пріютовъ для дѣтей арестантовъ въ Россіи (см. В. Никитинъ, «покровительство малолѣтнимъ дѣтямъ заключенныхъ», Тюремный Вѣстникъ 1895 г., январь), то оказывается, что судьба этихъ пріютовъ тѣсно связана съ судьбами образованнаго 19 іюня 1819 г. попечительнаго общества о тюрьмахъ.

Въ 1839 г., по представленію попечительнаго комитета, состоялось высочайше утвержденное особою резолюціею императора Николая I отъ 11 августа 1839 г. положеніе комитета министровъ, коимъ дозволялось тюремнымъ комитетамъ платить изъ кормовыхъ и комитетскихъ суммъ заведеніямъ приказовъ общественнаго призрѣнія за помѣщаемыхъ въ нихъ дѣтей арестантовъ; этимъ закономъ было признано впервые совершенное неудобство содержанія неповинныхъ дѣтей вмѣстѣ съ преступными родителями въ тюрьмахъ; законъ былъ примѣненъ во всей Россіи. Вскорѣ, однако оказалось, что сиротскіе дома приказовъ общественнаго призрѣнія, въ которыхъ содержались дѣти арестантовъ, устроенные по типу богадѣленъ, совершенно не отвѣчаютъ требованіямъ пріютовъ для дѣтей, для которыхъ къ тому же желали обезпечить извѣстную степень обученія наукамъ и ремесламъ. Поэтому-то дамскій петербургскій попечительный комитетъ открылъ на средства комитета 28 мая 1843 г. пріютъ на 25 арестантскихъ дѣтей обоего пола. Въ томъ же году президентъ попечительнаго общества о тюрьмахъ, графъ Бенкендорфъ, испросилъ у императора Николая I согласіе на отпускъ кормовыхъ денегъ вмѣсто приказовъ общественнаго призрѣнія (какъ было выше указано) въ распоряженіе пріютовъ, а затѣмъ, въ виду такого милостиваго разрѣшенія Государя, предложилъ всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ устроить такіе же пріюты. Предложеніемъ этимъ поспѣшили воспользоваться многіе комитеты, такъ что всеподданнѣйшіе годовые отчеты попечительнаго общества о тюрьмахъ за 1848 и 1849 гг. удостовѣряютъ: «по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ тюрьмамъ дѣти призрѣваются совершенно отдѣльно, въ нѣкоторыхъ городахъ въ пріютахъ, у членовъ или въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія». Какъ свидѣтельствуетъ отчетъ того же общества за 1858 г., открытъ былъ цѣлый рядъ школъ для дѣтей арестантовъ въ Тамбовѣ, Калугѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Могилевѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Херсонѣ, Самарѣ, Чигиринѣ, Звенигородѣ, Сквирѣ, Казани.

И вотъ послѣ такого расцвѣта приходится свидѣтельствовать о почти

полномъ исчезновеніи этихъ пріютовъ и прекращеніи всякихъ заботъ о дѣтяхъ арестантовъ.

Такое измѣненіе не можетъ быть приведено въ связь съ какимъ-либо измѣненіемъ въ законѣ. И въ настоящее время примѣчаніе къ ст. 173 уст. сод. подъ стражею читается такъ: «Содержащіяся въ тюрьмахъ малолѣтнія арестантскія дѣти (кромѣ грудныхъ младенцевъ) могутъ быть тюремными комитетами помѣщаемы въ заведенія общественнаго призрѣнія хотя бы и въ богадѣльни, съ тѣмъ, чтобы издержки, потребныя на содержаніе ихъ, въ продолженіе того времени, пока они будутъ находиться въ вѣдѣніи сихъ заведеній (т. е. до выпуска родителей ихъ изъ тюрьмы), относимы были на счетъ отпускаемыхъ изъ казны по силѣ ст. 210 кормовыхъ денегъ и собственныхъ суммъ тюремныхъ комитетовъ». Попрежнему сохраняется ст. 209: «Малолѣтнимъ дѣтямъ, находящимся въ мѣстахъ заключенія при арестантахъ, производятся кормовыя деньги наравнѣ со взрослыми арестантами», а въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорится о переводѣ кормовыхъ денегъ для дѣтей петербургскихъ арестантовъ въ распоряженіе устроеннаго петербургскимъ комитетомъ пріюта. Положеніе дѣла попеченія о дѣтяхъ арестантовъ измѣнилось такъ рѣзко потому, что измѣнилось положеніе попечительнаго о тюрьмахъ общества, вызвавшаго пріюты къ жизни.

Благодаря новому (7 ноября 1851 г.) уставу, общество попечительное о тюрьмахъ превраталось въ чисто бюрократическое учрежденіе, въ которомъ члены ex officio, въ особенности въ мѣстныхъ комитетахъ, составили большинство, мало-по-малу совершенно вытѣснившее «вольныхъ» членовъ общества, которымъ приходилось оставаться въ меньшинствѣ по всѣмъ вопросамъ; между тѣмъ сами члены ex officio, какъ занятые другими прямыми своими служебными обязанностями, тоже не могли и не могутъ посвящать необходимаго для успѣшности дѣла времени; перестали, благодаря тѣмъ же причинамъ, приливать и пожертвованія. Въ концѣ концовъ попечительное общество о тюрьмахъ въ дѣйствительности, въ качествѣ общества, прекратило свое существованіе; оно существуетъ номинально, но губернскіе его комитеты, и притомъ, къ сожалѣнію, во многихъ губерніяхъ, собираются разъ въ два, три года, а отдѣленія уѣздныя не собираются никогда; и тамъ, и тутъ дѣятельность комитета общества замѣнена дѣятельностью канцелярій, въ уѣздѣ даже просто писца, и подписями членовъ, взамѣнъ ихъ личнаго участія. Такое положеніе длится, къ сожалѣнію, уже многіе годы и даже цѣлые десятки лѣтъ и тѣмъ не менѣе почему-то до послѣдняго времени не признавали возможнымъ от-

крыто признать этотъ фактъ; только въ самое послѣднее время такое положеніе перестало быть секретомъ.

А между тѣмъ это игнорированіе совершившагося факта имѣло несомнѣнно крайне вредныя послѣдствія. И прежде всего въ томъ отношеніи, что оно вселяло во всѣхъ невѣрное убѣжденіе, будто бы какое то учрежденіе, и притомъ общественное, заботится о дѣтяхъ арестантовъ и о цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ разумной филантропіей и правильно поставленной пенитенціарной системой, такъ что всякое частное начинаніе въ этомъ направленіи присвоиваетъ себѣ чужія права, вмѣшивается не въ свое дѣло;—это, однимъ словомъ, крайне стѣсняло и безъ того слабую частную общественную иниціативу. Съ другой стороны, и законъ въ своихъ распоряженіяхъ по этому предмету, и нынѣ дѣйствующихъ, имѣя въ виду не существующія учрежденія, дозволяетъ отпускъ кормовыхъ денегъ на содержаніе дѣтей арестантовъ внѣ тюрьмы, при условіи распоряженія и дѣтьми и деньгами тюремными комитетами, которые въ дѣйствительности не существуютъ. Вотъ почему едва ли можно сочувствовать, по мнѣнію моему, основной мысли утвержденныхъ въ послѣднее время уставовъ пріютовъ для дѣтей арестантовъ, очень часто основанныхъ частными лицами, которыя уставами устраняются, а пріютъ ввѣряется тюремнымъ комитетамъ: послѣдніе навѣрно не поддержатъ ихъ существованія.

Вотъ дѣйствительныя причины, почему такъ мало пріютовъ: это все тѣ же причины, которыя обусловливаютъ малое развитіе у насъ исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, почти полное отсутствіе всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя могутъ быть объединены подъ именемъ патронатства и т. д.

Но среди всѣхъ этихъ дѣлъ—пріюты для дѣтей арестантовъ представляютъ особо маленькое, скромное дѣло. Прежде всего по бюджету: бюджетъ уѣзднаго пріюта—не болѣе 300—400 р. въ годъ; я указываю только цифры тѣхъ расходовъ, которые въ дополненіе къ кормовымъ деньгамъ вызываетъ содержаніе пріюта, но и цѣль и задача такихъ пріютовъ весьма скромны, и это должно быть прежде всего точно установлено. При опредѣленіи этой задачи необходимо стать на почву не столько человѣколюбія и добросердечія, сколько разумной филантропіи, и тогда станетъ совершенно ясно, что задача пріюта для дѣтей арестантовъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы удалить изъ тюрьмы невинныхъ дѣтей на время содержанія ихъ родителей подъ стражей и только, не болѣе этого. Изъ этого основнаго положенія вытекаютъ слѣдующіе выводы: съ освобожденіемъ родителей изъ тюрьмы дѣти должны быть возвращены имъ на попеченіе.

Несомнѣнно, это—жестокое требованіе, несомнѣнно, что родители часто настолько нравственно испорчены, что отдавать имъ дѣтей и вредно, и жалко, но не пріюты могутъ помочь этому. Не надо забывать, что пріюты для дѣтей арестантовъ легко навлекаютъ на себя упреки въ томъ, что они составляютъ премію, награду за преступленіе; къ автору этихъ строкъ, какъ учредителю двухъ изъ упомянутыхъ выше пріютовъ въ Ковнѣ и Вилкомирѣ, неоднократно обращались люди недостаточные и бѣдные, но честные, которые съ горечью указывали, что имъ нечѣмъ содержать своихъ дѣтей, тогда какъ дѣти преступниковъ содержатся въ пріютѣ: единственнымъ отвѣтомъ на эти упреки было именно указаніе на то, что дѣти содержатся вовсе не изъ состраданія къ родителямъ, вовсе не въ видахъ благотворительности, а чтобы не допустить образованія изъ нихъ преступниковъ. Если же желать продолжать дѣло, начатое пріютами, и поставить принципомъ, что дѣти не должны быть оставляемы на попеченіи преступныхъ даже просто порочныхъ родителей, пребываніе подъ властью которыхъ можетъ повлечь за собой выработку изъ нихъ преступниковъ, то прежде всего необходимо создать законъ, въ силу коего судъ имѣлъ бы право въ извѣстныхъ случаяхъ недостойныхъ родителей лишать отеческой власти, а затѣмъ предпринять цѣлый рядъ мѣръ и создать цѣлый рядъ учрежденій для того, чтобы помѣщать этихъ дѣтей въ пріюты или въ частныя семьи, въ работу и т. д. Это само по себѣ громадное дѣло, и пріюты осуществлять его не могутъ.

Такого скромнаго основнаго принципа дѣятельности долгое время не придерживались Петербургскіе пріюты (для дѣвочекъ и для мальчиковъ), по уставамъ которыхъ дѣти могутъ быть удержаваемы въ пріютахъ до 17 лѣтъ, пока, наконецъ, правленіе мужскаго благотворительнаго тюремнаго комитета (журналъ 1 марта 1895 г., см. «Тюр. Вѣстн.» 1895 г., апрѣль) не признало, что правило о сохраненіи дѣтей арестантовъ въ пріютѣ до 17 лѣтъ можетъ быть примѣняемо только въ исключительныхъ случаяхъ (смерти родителей, ссылки и т. д.), что давать этимъ дѣтямъ особое воспитаніе и обученіе тоже невозможно, какъ по недостатку времени въ случаѣ послѣдовательнаго соблюденія требованія § 1 и 2 выс. утв. 12 мая 1893 г. устава комитета—«призрѣвать дѣтей лицъ, поступившихъ въ мѣста заключенія, впредь до освобожденія изъ-подъ стражи родителей», такъ и по неправильности затраты чрезмѣрныхъ суммъ, ибо самый размѣръ помощи не долженъ улучшать положеніе семействъ арестованныхъ сравнительно съ семьями бѣдняковъ.

Нельзя въ этомъ отношеніи не отмѣтить очень интереснаго постановленія отъ 18 іюля 1896 г. виленскаго губернскаго комитета общ. попеч. о

*

тюрьмахъ («Тюр. Вѣстн.» 1896 г., сентябрь). Комитетъ, учредившій пріютъ въ городѣ Вильнѣ, признавалъ, что уѣзднымъ отдѣленіямъ не по силамъ содержать пріюты, что между тѣмъ помѣщеніе дѣтей въ тюрьмы безусловно нежелательно, а потому постановилъ сообщить отдѣленіямъ и уѣзднымъ исправникамъ, чтобы они принимали всѣ мѣры къ помѣщенію дѣтей арестантовъ на время содержанія родителей въ тюрьмѣ въ семьи надзирателей тюремныхъ или въ крестьянскія семьи, на мѣстахъ же, гдѣ арестуются преступные родители, за вознагражденіе въ размѣрѣ кормоваго довольствія. Противъ предложенной мѣры едва ли можно что-либо возразить; несомнѣнно, какъ и замѣчаетъ цитированный уже выше Теллокъ, всякій пріютъ, какъ бы онъ скромно не велся, всегда до извѣстной степени «балуетъ», пріучаетъ къ роскоши дѣтей бѣдныхъ родителей: баловство это и роскошь выражаются въ привычкѣ къ чистому бѣлью, въ избавленіи (не намѣренномъ, просто въ силу правилъ благоустройства) отъ таскания воды изъ замерзшаго колодца, отъ мытья бѣлья, которое сразу моется въ видахъ удобства прачкой, и т. п. Сомнѣнія возникаютъ при оцѣнкѣ предположеній виленскаго комитета только въ одномъ отношеніи, въ смыслѣ осуществимости ихъ и, главное, благодаря слишкомъ скромнымъ размѣрамъ кормовыхъ денегъ.

Для большей характеристики скромности, по моему мнѣнію, дѣла пріютовъ для дѣтей арестантовъ, я позволю себѣ утверждать, что задаваться въ этихъ пріютахъ правильной организаціей какого-нибудь обученія и какихъ-нибудь работъ едва ли правильно; населеніе здѣсь слишкомъ мало, разновозрастно и преходяще; несомнѣнно, кое-что можно сдѣлать; просить священника посѣщать пріютъ для бесѣдъ, обязать надзирательницу, если она сама грамотна, учить дѣтей грамотѣ, производить всѣ работы для пріюта, въ томъ числѣ и починку бѣлья и платья и пошитье новаго, трудомъ дѣтей, это все пріятно и даже желательно; надо помнить только одно, что заведеніе всякой организованной работы стоитъ дорого, что при вышеуказанныхъ условіяхъ правильно она идти не можетъ, и что, наконецъ, главная цѣль пріюта—удаленіе дѣтей отъ вреднаго вліянія тюрьмы и тюремнаго общества—можетъ быть признана достигнутой уже самымъ переводомъ дѣтей въ пріютъ и устраненіемъ всякихъ на нихъ вредныхъ нравственныхъ вліяній.

Наконецъ, есть и еще одно обстоятельство, обусловливающее скромность всего дѣла подобныхъ пріютовъ,—это то, что пріюты должны быть разсчитаны на тюрьмы, а въ сущности въ громадномъ большинствѣ случаевъ на одну тюрьму того города, въ которомъ пріютъ устроенъ; перевозка дѣтей изъ города въ городъ совершенно немыслима въ виду цѣлаго ряда

соображеній о разстояніяхъ, путяхъ сообщенія, затратахъ на перевозъ, сопровожденіе ихъ. Пріютъ долженъ быть вспомогательнымъ учрежденіемъ мѣстной тюрьмы, осуществляя такимъ образомъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ разумной филантропіи: оказывать помощь карательной власти въ борьбѣ съ преступностью.

Итакъ пріюты для дѣтей арестантовъ дѣло скромное, но этимъ самымъ положеніемъ обусловливаются и нужды этого дѣла. Прежде всего нѣтъ основаній разсчитывать, чтобы такое маленькое мѣстное дѣло собрало для своего осуществленія большія средства и дало просто самую скромную сумму, которая даже при натяжкѣ могла бы быть названа капиталомъ, чтобы оно собрало вокругъ себя выдающихся извѣстныхъ дѣятелей или просто большое общество; нѣсколько почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, среди которыхъ навѣрно окажется кто-нибудь изъ судебнаго вѣдомства, какъ наиболѣе близко соприкасающагося съ тюрьмой, ея нуждами, а главное ея недостатками, вотъ и все.

Надо поэтому прежде всего избавить эту небольшую филантропическую группу отъ выполненія требованій совершенно неосуществимыхъ, заставлять ихъ искать капиталъ, составлять общество или примыкать къ существующему отдѣленію Тюремнаго комитета, а также, и это главное, выработать особый уставъ и ходатайствовать въ установленномъ закономъ порядкѣ объ утвержденіи его. Дѣло, повторяю, очень простое, такое, которое къ тому же можетъ быть по одному образцу устроено при всѣхъ 870 мѣстахъ заключенія Россіи и потому прежде всего нуженъ нормальный уставъ; существованіе такого нормальнаго устава давало бы возможность группѣ въ нѣсколько человѣкъ (5—10 чел.) приступить къ учрежденію пріюта путемъ простого заявленія мѣстному начальнику губерніи о своемъ желаніи, при чемъ послѣдній могъ бы немедленно дать согласіе, если бы не встрѣтилъ сомнѣнія въ добропорядочности лицъ, пожелавшихъ учредить пріютъ (хотя такого случая на практикѣ, я думаю, не встрѣтится, ибо за такого рода благотворительное дѣло возьмутся лишь люди извѣстные въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ). Для лицъ, желающихъ учредить пріютъ, можно опредѣлить извѣстный первоначальный взносъ, рублей 25 съ человѣка. Разъ губернаторъ далъ согласіе, то учредители на основаніи нормальнаго устава пріобрѣтаютъ право на сборъ пожертвованій и на полученіе отъ Тюремнаго комитета кормовыхъ денегъ, слѣдуемыхъ за дѣтей арестантовъ, поступившихъ въ тюрьму; учредители обязаны представлять каждые полгода отчеты мѣстнымъ властямъ; отчеты обязательно печатаются мѣстными органами печати. Быть можетъ, кромѣ кормовыхъ денегъ найдутъ возможность отпускать и топливо, и керосинъ.

И достаточно будетъ такого облегченія иниціативы, такого упрощенія постановки дѣла, чтобы Россія покрылась подобными пріютами. Пожертвованія на это дѣло текутъ очень охотно; съ ничтожными основными суммами удалось мнѣ открыть пріюты для дѣтей арестантовъ въ Вилкомирѣ (1892) и Ковнѣ (1894). Присяжные засѣдатели очень охотно жертвуютъ, и въ Вилкомирѣ, напримѣръ, каждая изъ 7 сессій въ году даетъ извѣстную сумму въ пользу пріюта и даже иногда удается помѣстить въ присяжнымъ засѣдателямъ дѣтей, выходящихъ изъ пріюта.

Нельзя, однако, отрицать, что была бы полезна и помощь изъ центра, трудно первое обзаведеніе, устройство, начало, бываютъ и затѣмъ иногда временно тяжелыя минуты, и вотъ если бы какое-нибудь центральное общество выступило въ такую минуту съ своею помощью подъ условіемъ принятія учредителями нормальнаго устава и присылки подробныхъ отчетовъ о дѣятельности, то хорошее дѣло стало бы развиваться быстрѣе, этому развитію данъ былъ бы столь необходимый въ настоящее время толчекъ. Въ этомъ отношеніи итальянцы опередили насъ. 27 января 1898 г. королемъ Гумбертомъ утвержденъ уставъ новаго итальянскаго общества, ставящаго себѣ задачею помогать всѣми средствами дѣтямъ преступниковъ, заключенныхъ подъ стражу, которыя остались безъ всякихъ средствъ существованія въ совершенной бѣдности и безпризорности. Агентами центральнаго общества на мѣстахъ является цѣлый рядъ благотворительныхъ обществъ, преслѣдующихъ общефилантропическія цѣли. Во главѣ общества стоятъ извѣстные юристы: сенаторы Танкредо Канонико, Бельтрани Скаліа и др.; весь доходъ отъ журнала Rivista di disciplina carcerarie будетъ идти на нужды общества. Общество встрѣчаетъ громадное сочувствіе, какъ встрѣтило бы, навѣрно, и у насъ.

Съ осуществленіемъ изложенныхъ мною въ другомъ докладѣ (бюллетень № 11) предположеній объ организаціи у насъ патроната, осуществятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пожеланія настоящаго доклада; нельзя однако въ интересахъ дѣла ставить для созданія пріютовъ для дѣтей арестантовъ непремѣннымъ условіемъ предварительное образованіе общества патроната, достаточно и группы лицъ, желающихъ посвятить себя не всѣмъ задачамъ патроната, а только пріюту для дѣтей арестантовъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ